В. В.
Капнист

II

В. В. Капнист

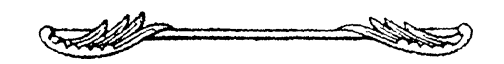
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В. В. Капнист

BK

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(*Пушкинский Дом*)

В. В. КАПНИСТ



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

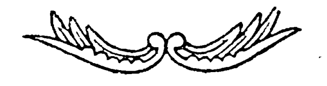
В ДВУХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1960

В. В. Капнист

ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОДЫ СТАТЬИ ПИСЬМА



РЕДАКЦИЯ
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Д. С. БАБКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА – ЛЕНИНГРАД
1960

Подготовка текстов и примечания

Д. С. Бабкина

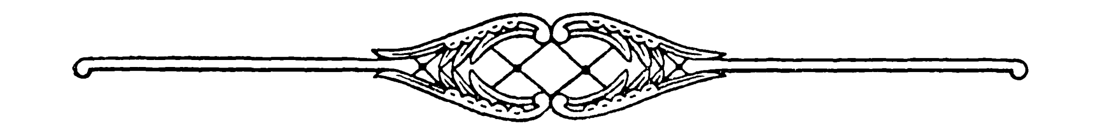
В подготовке отдельных произведений второго тома принимали участие:

И. А. Кряжимская — тексты примечаний Капниста к переводам од Горация; тексты писем №№ 95—98, 125, 126, 128—130, 179, 195, 196, 248, 254—256, 260, 261.

И. З. Серман — тексты писем и примечания к ним — №№ 61, 63, 66—67, 69—72, 83, 87—91, 94, 131, 133, 134, 175, 198, 200, 204, 223, 226, 228—230, 236, 238, 239, 244, 246, 250, 251, 254; примечания к письмам, подготовленным И. А. Кряжимской.

Н. П. Корыхалова — тексты писем на французском языке и переводы их.

Переводы



ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭМЕ «КАРТОН»

Весьма давно, вникая в коренное народное русское стихосложение, поражен был я красотою его и, сожалея, что отечественное богатство сие коснеет в презрении, сочинил «Изыскание о гипербореанах»; в переводе поэмы оссиановой «Картона», который должен был сопровождать оные, поместил для образца несколько родов русского стихоразмерения.

Около 25-ти лет не издавал сочинений я сих в свет из лени, нерадивости, по причине коих остаются уже 10 лет под спудом 1200 экземпляров лирических моих сочинений. Может быть, иной догадливый читатель мой сочтет, что сие сделано мною из благоразумной осторожности, ибо чем позднее выйдут иные творения в свет, тем выгоднее для сочинителя и читателей. Как бы то ни было, я решился не прежде издать перевод поэмы «Картона», как после прочтения в Беседе любителей русского слова сперва письма моего к Сергею Семеновичу Уварову о русско-латинском эксаметре, а потом «Краткого изыскания о гипербореях», в которых старался я доказать, что русский размер стихов имеет существенные преимущественные красоты пред стихосложением древних и новейших народов; и тем надеялся возбудить ревность искуснейших соотечественных пиитов к обогащению словесности нашей драгоценною собственностию.

Истинно почту себя счастливым, когда не тщетною обольщал себя надеждою, и если труд мой удостоится одобрения просвещенных людей.

КАРТОН

ПОЭМА, ТВОРЕНИЕ ДРЕВНЕГО КАЛЕДОНСКОГО БАРДА ОССИЯНА СЫНА ЦАРЯ ФИНГАЛА

События веков протекших!
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.
Журчание твоих, о Лора! чистых струй
Прошедша времени мне память возвращает.
Приятен слуху моему.
О Гермалат! твоей дубравы шум унылый.
Не видишь ли, Мальвина! ты
Скалы, вереском осененной?
Три ели от ее низвесились чела;
У ног излучиста долина зеленеет.
Там, нежну вознося главу,
Красуется цветок душистый.
Уединенно там растет седый волчец
И белыми на ветр летящими власами
Зеленый устилает луг.
Два камня, вросшие до половины в землю,
Подъемлют мшистые главы.
Пужливая оттоль в ночи уходит серна:
Она там призрак бледный зрит,
Священное сие всегда стрегущий место.
Два славны воины, Мальвина!
Лежат в ущельи сей скалы.
События веков протекших,
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.
Кто сей, грядущий к нам из дальных чуждых стран
Среди своей несметной рати?
Морвенски знамена предшествуют ему;
В густых его кудрях играет легкий ветр;
Спокойный вид его войной не угрожает:
Он тих, как луч вечерний,
Сквозь тонки западны светящий облака
На злачную долину Коны.
Но кто, как не Фингал, Комгалов храбрый сын,
Владыка подвигами славный?
Он радостно холмы отечественны зрит
И тысяще велит воскликнуть голосам:
«Народы дальныя страны!
На ратном вы кровавом поле
Фингалом в бег обращены.

Сидящий на златом престоле
Владыка мира слышит весть
О гибели несметных воев.
В очах его пылает месть.
Ко сонму избранных героев
Стремя укорну, грозну речь,
Хватает он отцовский меч,
Лежащий на златом престоле.
Народы дальныя страны!
На ратном вы кровавом поле
Фингалом в бег обращены».
Так бардов сонм воспел, входя в чертоги Сельмы;
Несметно множество светильников драгих,
Отъятых у врага, средь сонма возжигают.
Готовится огромный пир,
И ночь в весельи протекает.
«Но где же Клесамор? — спросил Фингал державный, —
Где Морны верный брат в день радости моей?
Уныл, уединен,
Он дни свои влачит в долине шумной Лоры.
Но се я зрю его: он с холма к нам нисходит,
Подобен быстрому коню,
Гордящемусь своей и силой и красой;
Когда по шуму легка ветра
Товарищей своих он слышит издалече,
И бурно на скаку
Блестящу возметает гриву,
Да здравствует наш друг, могущий Клесамор!
Почто так долго ты отсутствовал из Сельмы?»
И так воскликнул Клесамор:
«Фингал со славой возвратился!
Такою славою Комгал
Венчался в юности на бранях,
Мы часто преходили с ним
Чрез быстрые струи Каруна
В страну иноплеменных чад;
Наш меч не возвращался с боя
Не обагренный в их крови;
И мира царь не веселился. —
Но почто воспоминаю
Времена сражений наших?
Уж глава моя дрожаща
Сединою осребрилась;
Дряхлая рука отвыкла
Напрягать мой лук упругий,

И уж легкое насилу
Я копье подъемлю ныне.
О когда бы возвратилась
Радость, дух мой ожививша,
При любезном первом взгляде
На прекрасную Моину,
Белогруду, светлооку,
Нежну чужеземну дщерь!» —
«Повеждь нам, — рек Фингал могущий, —
Печали юности твоей.
Уныние, как темна туча,
Сокрывша солнца светлый вид,
Мрачит твою стесненну душу.
Все мысли смутны днесь твои
На берегах шумящей Лоры.
Повеждь нам скорби юных дней,
И жизни твоея печали». —
«В мирно время, — отвечает Клесамор ему, —
Ко балклутским плыл стенам я белокаменным.
Ветр попутный, раздувая паруса мои,
Внес корабль мой во спокойну пристань Клутскую.
Три дни тамо Рейтамир нас угощал в пирах;
Там царя сего я видел дочь прекрасную.
Медочерпна чаша пиршеств обходила вкруг,
И Моину черноброву мне вручил отец.
Грудь сей девы пене шумных волн подобилась,
Взоры пламенны равнялись с блеском ясных звезд,
Мягки кудри с чернотою перьев ворона.
Страстью мне она платила за любовь мою,
И в восторгах мое сердце изливалося.
Но внезапно к нам приходит иностранный вождь,
Восхищенный уж издавна ее прелестьми.
Ежечасно речь строптиву обращал он к нам.
Часто в полы извлекая свой булатный меч.
Где? — гласил он, — где Комгал днесь пресмыкается?
Сей могущий, храбрый витязь, вождь ночных бродяг.
Знать, стремится он к Балклуте с своим воинством,
Что так гордо подымает Клесамор чело. —
Знай, о воин! — вопреки я отвечал ему, —
Что мой дух своим лишь жаром вспламеняется.
Хоть от храбрыя дружины удален теперь,
Но без страха и средь тьмы врагов беседую.
Велеречишь ты, заставши одного меня;
Но мой острый при бедре меч сотрясается:
Он стремится возблистать теперь в руке моей.

Замолчи же, о Комгале, мрачный Клуты сын! —
Воскипела буйна гордость: — мы сразилися;
Но он пал моей десницей. — Брани громкий звук
Лишь раздался на вершинах тока клутского,
Копей тысячи блеснули супротив меня.
Я сражался, — сопостаты одолели нас.
Я пустился на шумящи волны клутские;
Над зыбями забелелись паруса мои,
И корабль мой рассекал уж море синее.
К брегу притекает скорбная Моина;
Взор ее прелестный слезы орошали;
Ветры раздували косы распущенны.
Вопль ее унылый издали я слышал;
В горести старался возвратиться к брегу;
Но восточны ветры, паруса раздравши,
Унесли корабль мой в бездну океана.
С той поры злосчастной я не видел боле
Ни потока клутска, ни драгой Моины.
Во стенах Балклуты жизнь она скончала.
Тень ее воздушну я, несчастный, видел,
Как она во мраке тишины полнощной
Вдоль шумящей Лоры близ меня неслася.
Вид ее печальный был луне подобен,
Сквозь несомы бурей облака смотрящей;
В ночь, когда нам небо сыплет снег пушистый
И земля безмолвна, в мраке почивает». —

«Пойте, барды! — рек Фингал. —
Пойте, в песнях возносите
Блеск Моининых красот;
Чрез пространство шумных вод
Легку тень ее зовите.

Пусть она на сих брегах
С сонмами красавиц нежных,
Живших средь героев прежних
В славных древности веках,
Пусть на светлых, безмятежных,
Здесь почиет облаках.

Пойте, барды! возносите
Блеск Моининых красот;
Чрез пространство шумных вод
Легку тень ее зовите».

«Я видел сам огромные балклутские башни;
Но пусты уж, оставлены их теремы были.
Пожрал огонь с оградою высокие кровы.
Народа глас не слышался, и стремленье Клуты
С стези своей свратилося твердых стен паденьем.
Седый волчец сребристу там главу возносит,
И мох густой колеблется дыханьем ветра,
Из окон лишь пустынны выглядывают звери,
Сквозь мрачный лист в развалинах разросшегось терна.
Уж пусты днесь прекрасные чертоги Моины,
Вселилося безмолвие в дому ее предков. —
Возвысим песнь уныния, воздохнув, оплачем
Страну иноплеменную, опустошенну ныне.
Единым лишь мгновением она пала прежде;
И нам, уже стареющим, скоро пасть приходит.
Почто ж, о сын крылатых дней, почто зиждешь башни?
Сегодня ты любуешься с теремов высоких,
А завтра, вдруг налетевши, пустынные ветры
В разваленных сенях твоих засвистят, завоют
Вокруг полуистлевшего щита славных предков.
Но бурный ветр пускай ревет;
Дней наших славы не убудет;
В полях сражений ввек пребудет
Десниц победоносных след,
А в песнях бардов слава наша.
Возвысьте громкой арфы глас;
Да вкруг обходит празднеств чаша,
И радость да живет средь нас.
Когда, о царь златых лучей!
И твой свет некогда увянет;
Коль некогда тебя не станет,
Гордящеесь светило дней!
Коль временно твое блистанье,
Как жизни преходящей цвет;
То славы нашея сиянье
Лучи твои переживет».
Так пел Фингал в своем восторге;
И бардов тысяча вокруг,
Склонившись на своих престолах,
Внимали голосу его.
Он сладок был, как звуки арфы,
Весенним ветром приносимы.
Любезны были, о Фингал!
И пение твое и мысли.
Зачем я не возмог наследить

Приятств и сил твоей души?
Но ты в героях беспримерен;
Сравниться кто возмог с тобой?
Всю ночь пропели мы, и утро
В веселии застало нас.
Уж гор седых главы взносилися верх туч;
Уже приятно открывалось
Лазурное лице морей;
И се, поднявшись, белы волны
Вращаются вокруг скалы сей отдаленной.
Из моря медленно подъемлется туман,
Приемлет старца вид
И вдоль безмолвныя долины сей несется.
Не движутся огромны члены
Призрака страшного сего,
Но нека тень его несет поверх холмов;
Остановясь над кровом Сельмы,
Разлился он дождем кровавым.
Один Фингал лишь зрел ужасный призрак сей;
Тогда ж он предузнал своих героев смерть,
Безмолвен возвратясь он в свой чертог огромный,
Снимает со стены тяжелое копье,
И уж звучит броня на раменах его.
Вокруг его встают все витязи Морвена,
Друг на друга они в безмолвии глядят,
И на Фингала все свой обращают взор.
Они в чертах его зрят яростны угрозы
И гибель их врагов в движении копья.
Вдруг тысяча щитов покрыли перси их,
И тысяча мечей булатных обнаженны,
Чертоги осветя, сверкают уж в руках.
Раздался в воздухе оружий бранных гром,
Недвижны ловчих псы ужасный вой подъемлют.
Безмолвно все вожди теснятся вкруг царя.
Всяк, взоры устремя на грозный взор Фингала,
Наносит на копье нетрепетную длань.
«Морвенские сыны! — царь к сонму так вещает. —
Не время пиршеством нам прохлаждаться ныне.
Се туча брани к нам, как бурный вихрь, летит,
И с нею алчна смерть парит над сей страною.
Я видел некую Фингала дружну тень,
Пришедшу возвестить наветы сопротивных.
На брег сей сильну рать шумящи шлют моря.
Из волн вознесшийся, я зрел неложный знак,
Морвенским берегам опасностью грозящий.

Да сильное копье всяк воин вознесет;
Да препояшутся булатными мечами,
И предков шлемами приосенив главы,
Железною броней покроют рамена;
Се буря брани к нам летит; и вскоре, вскоре
Глас смерти лютыя услышим над главой».
Фингал перед челом неустрашимой рати
Течет как некий страшный вихрь,
Летящий пред грядой молниеносных туч,
Когда они, на мрачном небе
Простершися, пловцам предвозвещают бурю.
На злачный Коны холм восшедши, стала рать.
Морвена дщери зрят ее из низких долов,
Подобную густой дубраве.
Они предвидели младых героев смерть;
Взирали с ужасом на море;
Белеющимися волнами
Тревожились они,
Приемля их за отдаленны
Ветрила чуждых кораблей,
И токи слезные лились по их ланитам.
Восшедшу солнцу над волнами,
Вдали узрели мы суда,
Как моря синего туман,
Приближались они, и бранноносных воев
На берег извергают.
Меж ними виден был их вождь,
Подобно как елень в средине стада серн.
Насечен златом щит его.
Бесстрашно шествовал он к Сельме;
За ним его могуща рать.
«Улин! — так рек Фингал, — навстречу чужеземцу
Теки и предложи во мирных словесах,
Что страшны мы на ратном поле;
Что многочисленны врагов здесь наших тени;
Что чужды витязи на пиршествах моих
Осыпаны честьми и в отдаленных царствах
Оружие моих великих кажут предков.
Иноплеменники, дивясь, благословят
Морвенских друзей: зане слух нашей славы
Наполнил целый мир, и даже в их чертогах
Мы потрясли владык земли».
Улин отшел. Фингал, склонившись на копье,
Броней покрыт, взирал на грозна сопостата,
И тако размышлял о нем:

«О как ты сановит и красен,
О сын лазуревых морей!
Твой меч, как огненосный луч;
Копье твое — высока сосна,
Пренебрегающая бурею;
Твой щит — как полная луна;
Румяно юное лице,
И мягки вьющиеся кудри.
Но, может быть, герой падет;
И память с ним его увянет.
Млада вдова на волны взглянет
И токи теплых слез прольет.
Ей дети скажут: „Лодка мчится;
Конечно, к нам несут моря
Корабль балклутского царя“. —
Она вздохнет, и сокрушится
О юном витязе драгом,
Что спит в Морвене вечным сном».

Так Сельмы царь вещал, когда певец морвенский
Улин приближился к могущему Картону.
Он перед ним поверг копье,
И мирну возглашает песнь:
«О чадо моря отдаленна!
Прийди на пиршестве воссесть
Царя холмистого Морвена
Или спеши копье вознесть.
В веселье дружелюбна пира,
Вкушающи с ним чашу мира,
Приемлют знамениту честь:
На славу в их домах хранятся
Оружия сих стран царей;
Народы дальны им дивятся,
И чтят фингаловых друзей.
Зане мы с предков славны были;
Все облаки, весь воздух сей
Теньми противных населили;
И гордого царя земли
В его чертогах потрясли.
Взгляни ты на поля зелены,
Могилы камни зри на них,
Из недр возникшие земных,
Травой и мохом покровенны:
Все гробы наших то врагов,
Чад моря и чужих брегов».

«Велеречивый мирный бард! — ему возразил Картон: —
Иль мечтаешь ты разглагольствовать с слабым воином?
Ты приметил ли на лице моем бледный страха знак?
Иль надеешься, вспоминая мне гибель ратников,
Смерти ужасом возмутить мою душу робкую?
Но в сражениях многочисленных отличился я;
И в далекие царства слух о мне простирается.
Не грози ты мне; и не здесь ищи робких, слабых душ,
Чтоб совет им дать пред царем твоим покоритися.
Я падение зрел балклутских стен; так могу ль воссесть
В мирном пиршестве сына лютого того воина,
Чьей десницею устлан пепелом дом отцов моих?
Я младенцем был, и не знал, о чем девы плакали;
С удовольствием клубы дыма зрел, восстающие
Из твердынь моих; со веселием озираяся,
Зрел друзей моих, убегающих по вершинам гор.
Но младенчеству протекающу, как увидел я
Мох, густеющий на развалинах наших гордых стен.
При всхождении утра слышался мой унылый вздох,
И в тени нощной токи слез моих проливалися.
Не сражуся ли, я вещал друзьям: с вражьим племенем?
Так, о мирный бард! я сражуся с ним: отомщу ему.
Пламень мужества днесь в душе моей возгорается».
Вокруг Картона рать стеснилась;
Все извлекают вдруг сверкающи мечи.
Как огнен столп, средь них стоит их сильный вождь,
В очах его блестит слеза;
На память он привел падение Балклуты;
Но вдруг скопившееся в душе негодованье
Воспламенило гнев его.
Он яростны кидает взоры
На холм, где наша сильна рать
Во всеоружии блистала;
И наклонившися вперед,
Казалось, угрожал Фингалу.
«Идти ли мне против героя? —
Так сильный размышлял Фингал. —
Препнуть ли мне шаги его,
Пока он славой не покрылся?» —
Но барды будущих веков
Рекут, воззрев на гроб Картона:
«Фингал со тысящми героев,
Против Картона ополчась.

Гравюра А. Осипова 1800-х годов.

Едва возмог решить победу».
«Никак, о бард времен грядущих!
Ты славы не затмишь моей:
С сим юным витязем сразятся
Отважны воины Морвена;
Я буду зреть сраженье их;
Когда Картон восторжествует,
Тогда, как быстрый Коны ток,
Фингал на битву устремится. —
Кто хощет из моих героев
Идти во стретенье врагу?
Несметна рать его на бреге,
И страшно острое копье».
Стремится в бой Катул, могущий сын Лормара,
И триста воев соплеменных
Последуют его стопам.
Но длань его слаба в сражении с Картоном:
Он пал, рать в бег обращена. —
Коннал возобновляет битву;
Но преломив копье и в узы заключен,
Картон преследует его бегущих воев.
«О Клесамор! — вещает царь. —
Где сильныя руки копье?
Без гнева можешь ли во узах зреть Коннала,
На Лорском берегу с тобой живуща друга?
Восстани во броне блестящей,
Сподвижник моего отца!
Да ощутит балклутский витязь
Морвенских мужество сынов».
Сотрясая грозно кудри, Клесамор в броне восстал
И, щитом своим покрывшись, гордо на врага идет.
Юный воин на скале сей, терном покровенной, став,
Созерцает величаву поступь витязя сего.
Он любуется весельем грозным старцева лица
И той силой, что сберег он под маститой сединой.
«Устремить ли мне противу старца, — так он размышлял, —
Необыкшее двукратно наносить удар копье;
Или старость пощадити, мирны предложа слова?
Сановит и вид и поступь, стан его еще не дряхл.
Есть ли то супруг Моины, есть ли то родитель мой? . .
Часто слышал я, что шумный брег он Лоры обитал».
Так он рек. — И Клесамор уж сильное копье стремит.
На щите своем недвижном сей удар сдержал Картон.
«Умащенный сединами витязь! — он вещал ему. —

Иль ты сына не имеешь, кой бы твердым мог, щитом
Своего отца покрывши, ратовать против меня?
Нежная твоя супруга света дневного не зрит
Иль рыдает над гробницей чад возлюбленных своих.
Средь царей ли восседаешь? Много ль славы будет мне,
Если ты моей рукою в ратном подвиге падешь?»
«Будет слава знаменита, — отвещает Клесамор. —
Отличился я в сраженьях, но о имени моем
Век в бою я не поведал. Сдайся, сдайся, и тогда
Ты узнаешь, что на многих битвах след прославлен
мой». —
«Не сдавался никому я, — гордый возразил Картон. —
Сам я также на множайших бранях поразил врагов;
И впреди еще, я чаю, больша слава ждет меня.
Юных лет моих и силы, старец! ты не презирай;
Верь, крепка моя десница, твердо и копье мое.
Уклонися в поле брани к сонму ты друзей своих
И оставь сраженье младшим витязям Морвенских
стран». —
«Ты презрел меня напрасно, — отвещает Клесамор,
Уроня слезу едину, — старость не трясет руки.
Я могу еще взносити острый славных предков меч.
Мне ль бежать в глазах Фингала, друга столь любезна
мне?
Нет, о воин! с поля брани в жизни я не утекал.
Возноси копье дебело; стой и защищай себя!..»
Оба витязя сразились, как две бури на волнах,
Спорящи о царстве моря. Юный воин воспрещал
Сильному копью разити старца, ратующа с ним:
Все в враге своем Моины зреть супруга он мечтал.
Он копье его ломает, острый исторгает меч;
И, схватя, уже стремится узами отяготить;
Но тут предков нож извлекши, зря открытый бок врага,
Клесамор внезапно раной смертною разит его.
Фингал, зря падша <Картона>,
Стремится, возгремев броней.
В присутствии его безмолвна стала рать.
Все взоры на царя вперились.
Звук шествия его подобен шуму был,
Предшествующу грозной буре:
Спустившийся ловец внимает и спешит
В ущелии скалы сокрыться.
Картон нетрепетным лицом Фингала ждет.
Из ребр его стремится кровь.
Он зрит идущего героя,

И лестная надежда славы
Бодрит великий дух его.
Но побледнели уж румяные ланиты;
Густые кудри распустились;
На голове трепещет шлем;
Телесные его изнемогают силы;
Но не теряла сил душа.
Фингал зрит кровь сего героя,
И, занесенное останов копье, —
«Смирися, царь мечей! — вещает он ему. —
Я вижу кровь твою, ты силен был в сраженьи,
И славы блеск твоей не истребится ввек». —
«Не ты ль тот знаменитый царь, —
В ответ ему Картон вещает. —
Тот огнь, перун тот смертоносный,
Колеблющий владык земли? —
Но как могу я усомниться?
Подобен он току гор,
Стремящемусь в долину с ревом;
Подобен быстрому орлу,
Парящему над облаками.
Увы, почто же не возмог
С царем морвенским я сразиться? —
Моя бы память песней бардов
В веках грядущих пронеслась.
Ловец сказал бы, зря мой гроб:
„Он ратовал против Фингала“.
Но, ах! безвестен пал Картон:
Над слабым истощил он силу». —
«Никак; ты не умрешь безвестен,
Ответствовал ему Фингал. —
Несчетны барды стран моих:
Их песни в вечность раздадутся.
Сыны грядущих лет услышат
О славных подвигах твоих;
Когда вокруг горяща дуба
Всю ночь препроводят во пеньи
Деяний прежних славных дел.
Ловец, сидящий на лугу,
Свистание услыша ветра,
Подымет очи и увидит
Скалу, где ратовал Картон.
Он, к сыну обратясь, укажет
Места, где витязи сражались:
„Там, аки быстрая река,

2*

Сражался сильный царь Балклуты"».
Радость процвела на лице Картона.
Томные глаза он к Фингалу взводит
И вручает меч бранноносной длани.
Хочет, да висит в царском чертоге;
Да хранится ввек на брегах Морвена
Память храбрых дел витязя балклутска.
Брань перестает; барды мир воспели;
Рать стеснилась вся около Картона:
На копья вожди в горести склонились
Воле и словам внять его последним:
«Я исчез, о царь Морвена!
Средь цветущих дней и славы.
Чуждыя страны гробница
Восприемлет днесь остаток
Древня рода Рейтамира,
Горесть царствует в Балклуте;
Скорби осеняют Ратмо.
Воскреси ж мою ты память
На брегах шумящей Лоры,
Где мои витали предки,
Может быть, супруг Моины
Там оплачет гроб Картона».
Речь сия пронзила сердце Клесамора:
Слова не промолвив, он упал на сына.
Мрачно и безмолвно войско вкруг стояло.
Ночь пришла; багрова вверх луна восшедши,
Лишь лучом кровавым поле освещала.
Рать не шевелилась, как густа дубрава,
Коей верх спокойный дремлет над Гормалом.
В ночь, когда умолкнут ветры и долину
Темным покрывалом омрачает осень,
Три дни по Картоне мы струили слезы;
На четвертый вечер Клесамор скончался.
Оба почивают, милая Мальвина!
В злачной сей долине близ скалы кремнистой;
Бледно привиденье гроб их охраняет.
Там, когда луч солнца на скалу ударит,
Часто ловчий видит нежную Моину.
Там ее мы видим: но она Мальвина!
Не подобна нашим девам красотою;
И ее одежды сохраняют странность.
Всё она уныла и уединенна.
Сам Фингал слезами гроб почтил Картона.
Повелел он бардам праздновать всегодно

В первы дни осенни день его кончины.
Барды не забыли повеленья царска
И хвалу Картона часто воспевали:
«Кто тако грозен восстает
Из океана разъяренна;
И на утесист брег Морвена,
Как буря осени, течет?
В его деснице смерть зияет;
Сверкает пламень из очей;
Как скимн, он берег протекает.
Картон то, сильный царь мечей.
Враги пред ним падут рядами;
Гоня их, быстрыми шагами
На ратном поле он летит
По трупам низложенных воев,
Как нека грозна тень героев.
Но там он на скале лежит,
Сей дуб, до облак вознесенный,
Стремленьем бури низложенный.
Когда восстанешь ты, Картон?
Когда сквозь мрак твоей гробницы
Проникнет светлый луч денницы
И крепкий твой разгонит сон?

Из океана разъяренна
Кто тако грозен восстает
И на утесист брег Морвена,
Как буря осени, течет?»

Так пели барды в день печали.
С их сладким пением я глас мой съединял,
Душевно сетовал о смерти я Картона:
В цвету он юности и сил своих погиб.
А ты днесь где, о Клесамор!
В пространстве воздуха витаешь?
Твой сын успел ли уж забыть
Руки твоей смертельну рану?
И на прозрачных облаках
Летает ли с тобою он?
Но солнечны лучи я ощутил, Мальвина!
Оставь меня; да опочию.
Во сновиденьи, может быть,
Предстанут мне сии герои.
Уже мне кажется, я слышу некий глас.
Картонову гробницу солнце

Привыкло освещать;
Я теплотой его согреюсь.

«О ты, катящеесь над нами,
Как круглый щит отцов моих!
Отколе вечными струями,
О солнце! блеск лучей твоих
Чрез праг востока истекает?
Где дремлешь ты во тьме ночной;
И утро где воспламеняет
Светильник несгорающ твой?

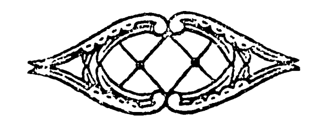
Ты шествуешь в твоей прелестной
И величавой красоте.
Усеявшие свод небесной
Сокрылись звезды в высоте.
Холодная луна бледнеет
И тонет в западных волнах;
Ты шествуешь одно: — кто смеет
С тобою течь на небесах?

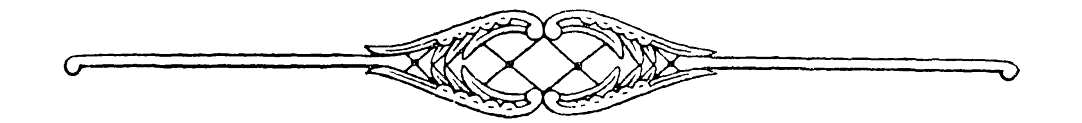
Дубы вихрь бурный низвергает;
И гор слякается хребет;
Поднявшись, в море упадает;
Луна теряет срочный свет.
Красот твоих не изменяешь,
Светильник дня! лишь ты един,
Ликуя, путь свой протекаешь,
Небес могущий исполин!

Когда полдневный свет мрачится,
И тучи молния сечет;
Когда за громом гром катится
И тверду ось земли трясет;
Из грозных облак возникаешь
Ты, мир даруя небесам;
Дыханье ветров запрещаешь;
Смеешься буре и громам.

Но, ах! вотще для Оссияна
Сияют днесь твои красы.
Всходя из синя океана,
Златые стелешь ли власы
По светлым облакам летящим,

Коснешься ль западных зыбей,
Ложася в понт, лучом дрожащим;
Не зрит он красоты твоей.
Но, может быть, времен влеченью,
Как нас, тебя подвергнув, рок
На небе быстрому теченью
Лучей твоих назначил срок;
И может статься, в тучах бурных
Почивши сном в последний раз,
Забудешь путь небес лазурных
И утра не услышишь глас.
Ликуй же, пламенно светило!
Ликуй днесь в красоте твоей.
Дни старости текут уныло:
Луне они подобны сей,
Смотрящей сквозь раздранны тучи,
Когда над холмом мгла лежит,
И странник, вшедши в лес дремучий,
От стужи на пути дрожит».





‹ОТРЫВКИ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ ДЕЛИЛЯ «САДЫ»›

1

Сады

Песнь вторая

О если б лира мне досталась та чудесна,
Что камни и древа на злачный Гем влекла,
Мой перст коснулся б ей, и мрачна б тень древесна
Сей тучный холм, сии долины облегла.
Олива, липа, дуб и кедры возвышенны
Во короводе б шли покрыть сей луг зеленый.
Но древний звуков строй уж не творит чудес;
Бессилен лиры глас; к сладчайшим песням лес
И камни дикие стоят теперь без чувства:
Волшебны лишь одни искусство днесь и труд.

Познайте ж, как труды и хитра длань искусства
Богатство древесам и красоту дают.

Цветами, овощми, одеждою тенистой
Деревья суть садов милейшая краса.
Какою разностью манят они глаза! —
Иное рамена и ствол свой ширит мшистой;
Легко другое вверх растет, главу подняв;
Здесь мил мне вид его, а тамо величав;
Тут гнется ветерком; там буре дерзновенной
Противу ставит грудь и темя вознесенно;
То клонит ветви вниз, то к облакам стремится,
И истинный протей средь царствия растений

Умеет пременять природы краше вид,
Свой образ, зелень, рост, и цвет, и плод, и тени.

Сокровища садов суть все они степени,
И вкус случайно их употреблять претит.
В насадках разных древ обширность, вид пременный
Многообразностью пленять умеют взор:
Глубокий, мрачный там дремучий дикий бор
Густую мещет тень; здесь менее сгущенны
Селят прохладу рощ избранны древеса.
Там одаль от семьи в кусты совокупленны
Союзом дружества манят они глаза;
А тут красой своей надменно выступает
Одно лишь дерево и красит луг одно.
Так, если мир полей дерзнем сравнить с войной,
Перед сражением нам войско представляет.
Отряды разны здесь; тут полк стеснен, а там
Горд силою своей, во исполинской стати
Один герой стоит и сто́ит целой рати.

Законы разные различным сим древам
Определяют вкус. Искусство горделиво
Изгнало из своих садов рукой строптивой
Особны древеса и дики мшисты пни;
В садах природы днесь приятны нам они.
Случаем смысленным и прихотью счастливой
Разброшенное их нестройство нас пленит.
Природа, образ, цвет иль расстоянье разно,
Приятность, гибкий рост иль величавый вид
Красу их различат; а древо безобразно
В сгущенный круг толпы да скроется от глаз.
Но если старый дуб или ветвистый вяз,
Дубравы праотец, верх гордый подымает,
Семейство все его, осторонясь вокруг,
Почтительный ему синклит да составляет.
Особно древо так приятно красит луг.

Но с вкусом, с выбором, со тщанием отличным
Вам тысячу картин представят древ кусты.
Прозрачную здесь тень, а там их мрак густой
Составьте и числом и ростом их различным.
Вдали приятно глаз толпу братьев зрит.
Вы сад ваш можете разнообразить ими:
Привлечь иль отразить предмет и дальний вид;

Союзить, разрывать и над полями сими
Распространить иль сжать тень лиственных завес.

Теперь купинных древ картины уж готовы;
Пора искусству путь открыть и в темный лес.

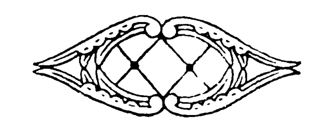
Мир вам, леса! Мир вам, тенистые дубравы.
Уже под сводами зеленых ветвей сих
Не слышен бардов глас и клик ужасный их.
Приятнейший восторг в вас ныне обитает:
К отраде муз влечет и мне сей стих внушает.
Позвольте ж, чтоб моя почтительная длань,
Неся вам скромную признательности дань,
Дерзнула красить вас, от вас самых учася,
Как должно вашу тень священну украшать.

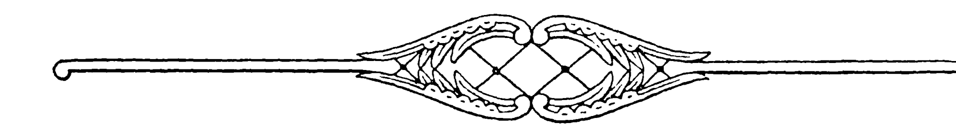
Леса различный вид удобны принимать:
Сгущают тень их тут древа, в толпу тесняся;
Там мрачной чащи сей унылость веселят
Дня трепетны лучи, со тьмою ночи споря.
Здесь листьев тению зеленый дол узоря,
В прогалинах древа раскинуты стоят;
Верхи к верхам клоня, но, тронуть не дерзая,
Взаимно, кажется, друг друга обольщая,
То нежно охватить, то оттолкнуть хотят.

2

Роскошны холмы там, раздолия зелены,
Потоки ясные, тенисты берега
И мягкие луга;
Там рощи злачныя, где палмы вознесенны,
И мирты милыя, и лавры многосенны,
Лимоны, кедры, с их цветами и плодом,
В различных видах без разбора,
Равно приманчивых для взора,
Разбросаны кругом
Под мрачным их наметом,
В прохладной и густой тени
Покров давали летом
И в жаркие осенни дни.
Меж ветвей их густых, порхая безопасно,
Садились соловьи и пели сладкогласно.
Между румяных роз и белых там лилей,
Что воздух освежал прохладностью своей,

Беспечно зайцы полевали
И кролики перебегали.
А там,
Челами гордыми надменно величаясь,
Ни смерти, ни сетей, ни псов не опасаясь,
Паслись елени по полям
Или спокойно отдыхали
И мягку мураву жевали.
Скакали лани на полях
И серны резвые нагорны,
Столь быстрые и столь проворны,
Бесчисленные в сих полянистых местах.



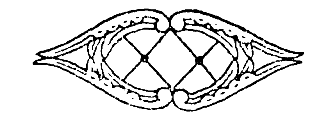


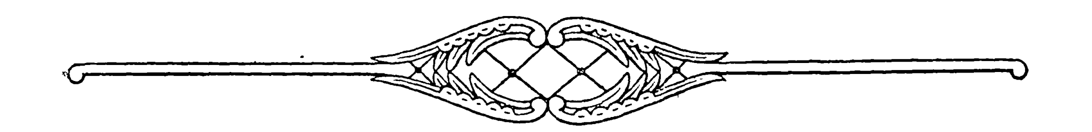
БЕССМЕРТИЕ

‹Отрывок из поэмы Делиля›

1 На троне вечности, верх тленного всего,
Бессмертье, злым гроза, а добрым мзда едина,
Воссев, от времени шагами исполина,
Текущего у ног его,
Хранит творящих повсечасно
Закон заповедей святых,
Отъяв ничтожества убежище ужасно
От трепетной надежды злых.

2 О вы! что у небес перуны громометны
Похитя, олтари прав вечных свергли в прах,
Бичи вселенныя и страх!
Вострепещите: вы бессмертны.
А вы, минутны жертвы бед,
Которых взор творца отеческий блюдет,
На миг в чужой земле пришельцы чуть приметны,
Утешьтесь: вы бессмертны.





РУЧЕЙ

‹Стихотворение Панара›

1 Ручей, что по долине вьешься!
Во многом сходен я с тобой:
Ты все одним склоненьем льешься,
Я склонностью влекусь одной.

2 В теченье камушки встречая,
Журчишь ты жалобно чуть-чуть; —
В любви преграды ощущая,
Насилу смею я вздохнуть.

3 Как ясный твой поток сребристой,
Стеклянна, зеркальна струя,
Так страстно Ниной сердце чисто,
Так искренна душа моя.

4 От гроз, от бурного ненастья
Ты кроешься в тени ветвей;
От гибельных превратов счастья
Я скрылся в хижине моей.

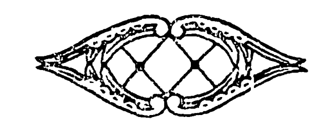
5 К долине милой постоянно
Стремясь, твоя струя течет;
Так пленно сердце беспрестанно
К моей любезной Нине льнет.

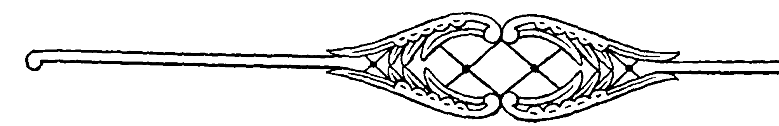
6 Когда она в тебе глядится,
Прелестный вид приемлешь ты;
В моем так сердце он хранится:
В нем врезаны ее черты.

7 Не знаю льстить я клятвой ложной,
Пучин не можешь ты скрывать;
На дне твоем всё видеть можно
И всё в душе моей читать.

8 Влеченью следуя природы,
Стремишь ты к устью свой покат,
Доколь твои кристальны воды
Не заморозит лютый хлад.

9 Без Нины будет жизнь страданьем,
И не погаснет к ней любовь,
Пока с последним трепетаньем
В сем сердце не застынет кровь.





‹ОТРЫВОК ПЕРЕВОДА КОМЕДИИ ПИЕЙРА «ШКОЛА ОТЦОВ»›

ШКОЛА ОТЦОВ

КОМЕДИЯ В 5 АКТАХ

Сочинение г. Пьейра

Действующие лица:

Г. Горвалин.
Г-жа Горвалина.
Г. Горвалин, сын.
Елизавета, дочь Горвалина.
Дорзинин.
Дермонтов.
Дермонтов, сын.
Маркелов, управитель Горвалина.
Андрей, слуга.

Действие происходит в Москве.

Действие I

ЯВЛЕНИЕ 1

Дорзинин, Андрей

Дорзинин

Как барыня твоя?

Андрей

Уехала в ряды.

Дорзинин

О полдни, в этот жар? Прогулка хоть куды!
Но барышня в дому? Ее мне видеть можно?

Андрей

Она, сударь, одна. Я чаю, знать вам должно,
Что никого тогда...

Дорзинин

А, брат ее?

Андрей

О нем,
Лишь барин со двора, не знает весь наш дом,
Где он изволит жить, и два дни уж...

Дорзинин

Спасиба.
Поди.

ЯВЛЕНИЕ 2

Дорзинин (*один*)

Ко мне он, как на удку рыба,
Идет. Теперь-то я кошельком его надеюсь вмиг
Свалить с плечей толпу всех должников моих.
Сеть, которую мое проворство ставит,
Потребну сумму мне достать его заставит.
Красотка хитрая, влюбленной молодец
С такими средствами успеет наконец.

ЯВЛЕНИЕ 3

Дорзинин, Дермонтов

Дорзинин

Изрядно; ты узнал, что в дальную дорогу
Хозяин... и тотчас...

Дермонтов

Пустое.

Дорзинин

Слава богу!
От нас уехал он и скука вместе с ним;
Мы в пользу счастливые часы употребим
И призовем сюда, уж не боясь помехи,
Хозяйку милую, любящу игры, смехи.
Драгой супруг меня не любит, я смекнул:
Он очень бы желал, чтоб к дому я не льнул.
Сквозь ласки, ложною улыбкою прикрыты,
Я вижу, что его тягчат мои визиты.
Как быть? Но этой я неделей поживлюсь.
Да ты что смутен? — Эй! Хозяйка... Я боюсь...

Дермонтов

Не бойтесь.

Дорзинин

Нет, твоя мне встреча здесь опасна.
Хозяйка молода, любезная, прекрасна.

Дермонтов

Любезна... как кому. А точно, молода,
И поведение порукой в том всегда.

Дорзинин

Смешно в твои лета, мой друг, так строгим тоном
Обычай осуждать и делаться Катоном.
Ей хочется пожить, блеснуть красой, прельщать;
Великая беда! Неужли закопать
Она должна себя вне милого ей круга
С скелетом старого и скучного супруга?
Не должен ли и то за счастье он почесть,
Что иногда, его обедам сделав честь,
Сзывает в дом его, вслед милого предмета,
Веселую толпу людей большого света.

Дермонтов

Довольно, кажется, его я знаю нрав,
Не любит этого он тона и забав.
Спокойства б с скромною желал он простотою,
Не съездов, занятых болтаньем лишь, игрою.
При жизни первые жены его к нему
Вы ездили ль?

Дорзинин

Никак.

Дермонтов

По нраву, по уму
Пример она была всем женам. Я свидетель,
Как долг с веселостьми, с приятством добродетель
Умела сплесть она; в кругу своей семьи
Привыкши находить все радости свои;
Любила мужа, дочь; сама в нее вселяла
Тот нрав, те знанья, вкус, чем всех сама пленяла.

Дорзинин

Мой друг!..

Дермонтов

И господин Горвалин, как ни крой
Печаль, но страждет он от разницы такой.
Теперешня жена все рыщет лишь, мотает,
Хотя душа ее порока и не знает,
Но сколько легкости и в сердце пустоты!

Дорзинин

О, да, с каким огнем о падчерице ты
Воспел хвалу!

Дермонтов

Кто? — Я?

Дорзинин

Теперь то начинаю...
И впрямь она мила. — При том же, примечаю,
Ты чаще здесь с тех пор, как из монастыря
Привез ее отец. — Сперва я несмотря...

Дермонтов

Нет, я не чаще здесь бываю; вместе с вами...
Ее ж я брату друг; меж нашими отцами
Издавна связь...

Дорзинин

К любви причина тем сильней.

Дермонтов

Неужли мыслите?..

Дорзинин

Что тысяч до ста ей
Приданого. И так ведь стоит потрудиться...

Дермонтов

Нет, нет; не думаю вовеки я жениться;
Свободу потерять, в ярмо себя запречь,
Нет, поздних я боюсь раскаяний навлечь.
За час утех платить несносным веком скуки.
Да вот Горвалин к нам...

ЯВЛЕНИЕ 4

Г. Дорзинин, г. Дермонтов сын, г. Горвалин сын

Горвалин сын

От нестерпимой муки,
Которую терплю, ты можешь лишь, мой друг!
Освободить меня и успокоить вдруг.
Несчастье гнать меня не может утомиться.
Ты можешь спасти меня.

Дермонтов сын

Ты можешь положиться.

Дорзинин (*в сторону*)

Удался замысл мой! — Да что бедам твоим
Причиною? Скажи.

Горвалин сын

Так вам, друзьям моим,
Которых так люблю, теперь вам все открою.
Дадите помощь мне вы, сжалясь надо мною.
(*К Дермонтову*)

Всех боле на тебя надежда вся моя.

Дермонтов

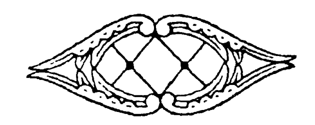
Скажи лишь, для тебя готов все сделать я.

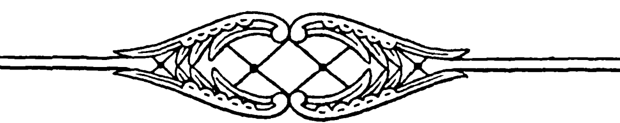
Дорзинин

В чем можно, на мое надейся вспоможенье.

Горвалин сын

Уверен; вот мое несносно положенье:
К Лизете, в кою я два месяца влюблен,
Вечор я прихожу; но вид ее смущен,
Но вместо резвости, веселости той милой,
С которою меня встречала, мраз унылой.
Печали на лице ее приметил я.

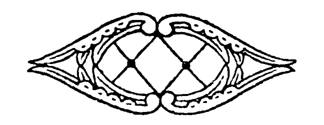


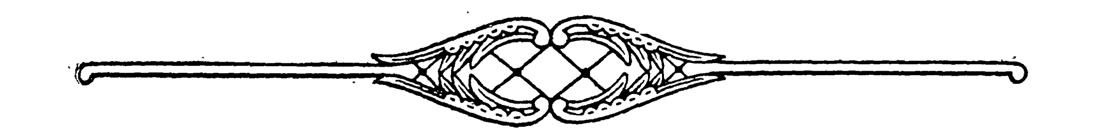


‹НАДПИСЬ К ПАМЯТНИКУ ПЕТРУ I В ПОЛТАВЕ›

Пока цвести древа, струиться будут воды,
Сей дивный памятник предаст в позднейши роды
Великого Петра великий дух, дела,
Что предуготовлять премудрость лишь могла
Героя, взнесшегось победой над Полтавой
И осенившего свою державу славой.
Но ныне сей герой почиет в небесах;
Тогда как Александр, боготворим в сердцах,
Стезей его ему похвально подражает
И славный свой народ со славой управляет,

Восстань, о Петр! Восстань, царь российский и герой!
Зри замыслов твоих обширных исполненье.
Россию смерть твоя не свергла в поношенье:
Что начал ты, то все свершил наследник твой.





ОДЫ ГОРАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская словесность лишается весьма полезного способа к своему, наравне с прочими просвещенными европейскими народами, усовершенствованию по причине недостатка в хорошо переведенных древних образцовых писателях.[1]

Желая по возможности содействовать к пользе отечественных муз и быв преисполнен уважения к первому римскому лирику, принял я смелость перевесть, большею частию подражательно, несколько од его и поместил оныя в последнем издании моих сочинений. Они удостоились лестного благосклонных читателей одобрения. Успех сей побудил меня к продолжению подвига моего: и так, переложа в стихи, вообще с прежними, более четвертой части од Горация, изданные теперь совокупно, в угодность тем из моих читателей, которым первые сего рода опыты мои не неприятными показались, дабы преклонить их еще более к снисходительному суждению о сем труде моем, почитаю нужным сопроводить оный некоторыми объяснениями.

Всем упражняющимся в словесности довольно известно, что нет ничего труднее верного или даже подражательного стихами перевода творений какого-либо древнего превосходного пиита. Искусство живописи хотя представляет более облегчительных средств, но мы часто видим, как нелегко и ему повторять красоты изящного подлинника; несмотря на то, что имеет такой же холст, такие же кисти и краски и что к благоуспешному исполнению нужен только наблюдательный взгляд и навык в подражании разноцветным оттенкам. В какое затруднение приведен

---

[1] Заимствуя примеры от французских, немецких и английских пиитов, оставляем мы в пренебрежении источники, из которых сами они почерпали изящнейшие красоты свои.

был бы самый лучший художник, если бы вместо полотна имел токмо хрящ или камку; вместо соболиной кисти — шелковую; вместо бакана — индиго и гумигута — кармин, лазорь и охру. Мог ли бы он точно представить вид, движение и чувство подлинника, хотя, впрочем, язык живописи есть всеобщий и всем равнопонятный язык.

Вот положение каждого переводчика. Но в какой бы еще большей неключимости очутился почитатель Рафаэла, если бы при вышеизъясненном недостатке орудий захотел оживить красками какой-либо картины его эстамп? Вот несчастное положение мое при переводе и подражании Горациевых од.

Не зная латинского языка, должен был я угадывать красоты знаменитого подлинника из чужеземных, большею частью весьма неверных переводов. С величайшим трудом, с неутомимой прилежностью руководствуясь наставлениями и советами знающих латинский язык приятелей моих, принужден был я переводить почти слово в слово оды Горация и потом перелагать оные в стихи. Чувствую, сколь несовершен труд мой, но сообщаю оный читателям моим в той надежде, что если не предуспел я представить творений отличного сего певца со всеми красотами их, силою, легкостью и живостью, то, может быть, возбуждением о нем соболезнования подвигну искуснейших пиитов к желанию удачнее познакомить любителей словесности нашей с любимым Августа и Мецената лириком. Я имею здесь в виду не токмо духом Горация обильно одаренных певцов Водопада и Волги, отдых от тягости государственного служения беседе с Аполлоном посвятивших, но также и могущих внимать Тибурскому Алкею на природном языке его Мерзляковых, Жуковских и других любимцев муз, столь блистательно пиитическое наше поприще протекающих.

Не для наставления опытных писателей в искусстве стихотворных преложений, но некоторым образом для собственного оправдания моего признаю необходимым представить правила, которых придерживался я в переводе Горация. Из многих, впрочем, весьма искусных наставников избрал я моим знаменитого г-на Делиля, неподражаемого переводчика и состязателя Виргилиева, столь превосходно благорассудительные наставления свои собственным примером оправдавшего. В предисловии переведенных им Георгиков говорит он: «Теперь остается мне объяснить правила перевода, которым последовал я, и вольности, которые позволял себе. Всегда замечал я, что чрезмерная в переводах верность бывает самою большою неверностью. По латыни слово иное благородно, соответствующее оному французское — низко; если поработить себя излишней точности, то благородство слога заменится низкостью.

Иное латинское выражение сильно и кратко; для перевода оного нужно будет много слов; — при наблюдении точности слог сделается растянутым.

Иное выражение на латинском языке смело; на французском резко; итак, что было смело, становится жестко.

Слияние нескольких слов стройногласно в подлиннике; непосредственно соответствующие оным в переводе могут быть не столько приятны слуху; тогда грубыми звуками заменяется стройногласие.

В латинском подлиннике изображение было ново; на французском языке оно издавно употребительное; в таком случае, вместо нового изображения представляется застарелое.

Землеописательная подробность, отношение ко нравам могли быть в вашем подлиннике приятны народу, для которого писал сочинитель, а не вашим читателям; и так вы покажетесь странными там, где подлинник был трогателен.

Какие же средства избирает искусный переводчик? Он исследывает свойства обоих языков; когда они сближаются, он наблюдает точность, когда разнятся, — наполняет промежуток заменою, в которой сохраняет право языка своего удалиться сколько можно менее от духа сочинителя. Каждый писатель имеет, так сказать, собственную поступь и осанку: он более или менее пылок, быстр, замысловат, и для того слог Виргилия, всегда естественный, сжатый, и простой, не должен затемняться блистательным, плодовитым и развлеченным слогом Овидия.

После сего должно рассмотреть род сочинения: нельзя переводить поучительную поэму как повествовательную; Георгики, например, как Энеиду.

Каждая часть сочинения имеет также особое свойство, зависящее от коренных мыслей и течения слога. Мысли бывают просты или блистательны, веселы или мрачны, забавны или величественны; переводчик не только не должен смешивать сих разных видов и красок, но по возможности обязан схватывать главнейшие их оттенки.

Течение слога зависит наипаче от длины или краткости членов речи. Переводчик не должен потоплять в протяжных периодах отрывистых и живостремящихся мыслей; равномерно не раздробит он полных и величественно текущих периодов. Более всего обязан он подражать стройногласию в стихотворном переводе, а особливо в переводе Виргилия, можно, кажется, иногда скорее пожертвовать силою и точностию, нежели стройногласием. Стихотворство оного подобно музыкальному орудию: не довольно того, чтобы верны были звуки оного, потребно еще, чтоб они были сладкогласны. Когда Виргилий сказал: Felix qui potuit rerum cognoscere causas, atque metus omnes et inexorabile fatum subiecit

pedibus,[2] то потребно не только выразить силу мысли сей, но заставить нас почувствовать величество стройногласия.

Еще с большим речением должно стараться выражать подражательную созвучность. Признаюсь, что это меня в переводе более всего затрудняло. Язык наш для сего слишком беден... К изображению каждой такого рода красоты делал я всевозможные усилия; но как нельзя было предуспеть везде, то в замену того старался я, сколько мог, сообщить подражательную созвучность многим стихам, в которых Виргилий не поместил оной. Ибо должно иногда превзойти свой подлинник именно для того, что мы слишком слабее оного.

Наконец, переводчик должен наблюдать точность в сохранении каждому члену речи места, которое занимает он, всякий раз, когда существенно постепенный ход мыслей того требует. Он прилежно стараться будет о верном выражении каждой черты; редко скажет двумя стихами то, что сочинитель изобразил одним. Чем более черта растягивается, тем слабее становится. Так острая жидкость, разведенная водой, увеличиваясь количеством, уменьшается в силе.

Всего более в таком поучительном творении, каково „Георгики", краткость необходима. Правило, кратко изображенное, легче впечатлевается в памяти, чем заглушенное кучею слов, его обременяющих. В сем-то, конечно, намерении, Боало наполнил свое „Искусство стихотворства" краткими стихами, к затвержению способными.

Я старался по возможности быть также кратким, как мой подлинник. На две тысячи с лишком стихов в переводе моем не прибавилось более двухсот двадцати. И в этом не гнался я за пустою славою сравниться числом стихов с Виргилием, но искал средства представить ту стремительность подлинника, которая составляет главнейшие красоты его.

Самая важнейшая обязанность переводчика, все оные в себе заключающая, состоит в том, чтобы дать почувствовать в каждой части сочинения действие, сочинителем произведенное. Он должен по возможности стараться представить буди не те самые красоты, по крайней мере толикое же число оных.

Кто берется за перевод, тот принимает на себя долги, которые уплатить обязан, хотя не тою самою монетою, но такою же суммою. Ежели не может он изобразить картины, пусть заменит мыслию; если не в состоянии выразить слуху, пусть выразит уму; буди не так разителен, пусть пленит стройногласием; ежели не столь краток, пусть богатством отличается; когда видит, что

---

[2] «Блажен, кто мог познать все вещества причины, страхи все, кто и гнев судьбы неумолимой попрал пятой». — См. „Георгики", кн. II, стихи 89—91.

ослабил подлинник в одном месте, пусть усилит его в другом, пусть возвратит ему впоследствии то, чего прежде лишил, и тем самым установит везде точную замену; удаляясь всегда, или возможно менее, от свойства сочинения и каждой части оного. По сему-то несправедливо сличать каждый стих подлинника с соответственным стихом перевода, но по целости и по общему действию каждой части должно судить о его достоинстве.

Для такого перевода нужно, как часто говорено было, не токмо наполниться духом сочинения, забыть свои нравы, присвоив сродные ему, оставить свою землю, чтоб переселиться в его отечество, но даже стараться искать красоты его в прямом их источнике — природе. Чтобы лучше подражать способам, какими изображал он предметы, должно стараться видеть оные; и таковой перевод есть почти сочинение».[3]

Ко всем сим, без сумнения, весьма основательным наставлением г-на Делиля осмеливаюсь присовокупить несколько замечаний, почерпнутых мною из достоподражательного его примера. Мне показалось, что при переводе описаний или картин для оживления, усиления или объяснения оных можно позволить себе некоторое распространение; к чему, признательно сказать, иногда необходимость рифмы принуждает. Я приметил, что таковая благоразмеренная растяжка отнюдь не уродует красоты подлинника. Представляю пример из бессмертного Ломоносова.

В книге Иова читаем: «Рече господь Иову сквозь бурю и облаки... Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу тя, ты же ми отвещай. Где был еси, егда основах землю, возвести ми еще веси разум: кто положи меры ея, аще веси, или кто наведый вервь на ню? На чем же столпы ея утверждены суть: кто же есть положивый камень краеугольный на ней? Егда сотворены быша звезды, восхвалиша мя гласом велиим вси ангелы мои. — Заградих же море враты, егда изливашеся из чрева матере своея исходящее? Положих ему облак во одеяние, мглою же пових е; и положил ему пределы, обложив затворы и врата. Рек же ему: до сего дойдеши и не прейдеши, но в тебе сокрушатся волны твоя. Или при тебе составих свет утренний; денница же весть чин; ятися крыл земли, отрясти нечестивыя от нея. — См. глава 38».

Высоким духом стихотворства воспламененный переводчик, распространяя картины сии, говорит:

О ты, что в горести напрасно
На бога ропчешь человек!
Внемли, как в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек.

---

[3] См.: „Les Géorgiques" édition LXXIV in 12. Discours préliminaire, pp. 57—64.

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь гром блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал.

*

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил,
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою.

*

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возженных вдруг рукою,
В обширности безмерных мест
Мое величество вещали,
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи.

*

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман,
Из суши сдвинул океан?

*

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить?
Пловцу свободный ветр направить,
Чтоб к пристани его доставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Чтобы безбожных с ней сопхнуть? [4]

Таким витийственным распространением бессмертный переводчик не только не ослабил картин подлинника, но усилил, живее образовал оные и не заставил жалеть о несоблюденном краткоречии.

Подражая, соответственно слабым способностям моим, превосходному примеру сему, осмелился я в некоторых местах перевода моего од Горациевых употребить свободу распространения; он говорит: «Если строгая необходимость вонзит в темя алмазный гвоздь, не избегнешь ни от смятения души, ни главы не уклонишь от петли смертной» (см. кн. III, ода XXIV).

[4] См. Сочинения Ломоносова. Том 1, стр. 33.

Я распространил последнюю картину следующим образом:

Коль рок необходимый, строгий
Уставит гвоздь алмазный в грудь,
Душевной не уймешь тревоги
И не возможешь ускользнуть
От крепкой петли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простерть.

(См. Ода Против корыстолюбия, 1 строфа).

Не желая скрывать посяганий моих и своевольств, решаюсь представить на суд просвещенных читателей еще несколько примеров распространений моих за грань, подлинником определенную: в конце XXIX оды, III книги Гораций сказал только: «Тогда меня, управляющего двувесельным чёлном, Авр и с близнецом Поллукс сохранно перенесут чрез волнующийся Эгей».

Вот мой распространенный перевод:

Тогда, коль ветерок прислужен
За скромным вслед дохнет пловцом,
Покров лишь Полукса мне нужен
С его любезным близнецом;
Тогда меня два брата звездны
И легкий двувесельный чёлн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих эгейских волн.

(См. Ода „Скромная беспечность," строфа последняя).

В других местах дерзнул я даже прибавить собственные картины. Вместо: «Фортуна срывает здесь с шумом острую вершину и, где угодно, там ее кладет» (см. кн. I, ода XXIV) — я сказал:

Фортуна колесом вращает,
Ей свыше подчинен весь свет,
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

(См. Ода Судьба, строфа последняя).

Наконец краткое описание:

«Те места и счастливые холмы тебя и меня приглашают: там теплеющийся пепел друга-певца оросишь ты должною слезою» (см. кн. II, ода VI) — расплодил я подробностями:

Вот там-то, в рощице тенистой,
Зовущей нас под кров густой,
Близ тока, из скалы кремнистой
Хрустальной льющегось струей,
Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны съединим сердца;
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

(См. Ода Другу сердца," строфа последняя).

Может быть, подумают иные, что таковые распространения одобряются мною единственно для того, что в стихотворном переводе моем некоторые оды Горация растянул я сам весьма неумеренно. Сие заключение было бы не совсем справедливо: кратко-выразительность латинского языка в отношении к русскому всем довольно известна; и на французском даже языке, более с ним сходственном, перевод Георгиков знаменитого Делиля весьма пространнее подлинника.

О излышней растянутости переводов моих, кажется, судить должно не по сравнению оных с числом слогов с латинскими стихами, но с прозаическим русским точным переводом.[5] Причем надлежит принять во уважение лежавшую на мне обязанность не краткостию токмо, но красотою свободного в течении слога сообщить переводу в стихах приятность, изящным Горация творениям приличную.

Итак, желая искренно, чтобы в стихотворном переводе умеренная и приличная растяжка описаний или картин не была признана большою погрешностию, приступаю к продолжению замечаний моих.

Почтенный г-н Делиль сказал, что распространение подлинника неприлично при выражении мыслей, какое-либо поучение заключающих. Уроки сами по себе сухие должны быть сокращаемы. Я весьма старался наблюдать правило сие и некоторые примеры отдаю на суд читателей.

Гораций говорит:

«Завтра хотя отец богов застелет свод неба мрачным облаком, хотя чистым солнцем озарит; но прошедшего несбывшимся не учинит, не разделает и не уничтожит того, что унес уже летящий час» (см. кн. III, ода XXIX).

Я осмелился сократить последнюю мысль:

Пусть завтра Дий иль тмой обложит,
Иль солнцем небо озарит;
Собывшегось — не уничтожит,
Прошедшего не возвратит.
(См. Ода Скромная беспечность, строфа 8).

Но признаюсь откровенно, что в некоторых случаях уклонялся я от сего благоразумного правила. Принося повинную, укажу и на место преступления. В XVI оде книги III Гораций

[5] К облегчению по сей статье заключения судей моих обязанностию почитаю сказать, что в 16-ти переведенных мною стихами Горациевых одах в прозаическом по возможности сокращенном переводе находится вообще не менее 5940, а в стихотворном 6190 слогов. Если можно желать, чтоб в оном вернее выражены были красоты подлинника, то по крайней мере нельзя, кажется, требовать большого сокращения в слоге.

сказал только: «Чем больше кто себе отказывает, тем больше от богов приемлет» (см. кн. III, ода XVI).

А я расплодил истину сию прибавочным нравоучением:

Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут;
Но строгим быть даров их стражем
Безумцу лишь приличен труд.

(См. Ода Способ к довольству, строфа 8).

К наставлению:

«Что завтра случится, не беспокойся узнавать, и каждый день, судьбой дарованный, причисляй к прибытку» (см. кн. I, ода IX) — присовокупил я собственную мысль:

Что завтра встретится с тобою
Не беспокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

(См. Ода Другу моему, 4 строфа).

Не оправдывая отнюдь погрешностей моих, осмеливаюсь сказать, что распространение умствования тогда только извинительно, когда переводчик, приятностию или красотою мысли может заставить читателя не приметить растяжки поучений. — Сими словами произнес я над самим собою весьма строгий приговор.

Что касается до подражаний, то я старался мысли и картины Горация, всем временам и народам свойственные, сохранить в точности; те же, которые относились особенно к римским или греческим эпохам, басням, обычаям и прочая, заменял я приличными нашему времени соотношениями. Например, вместо следующего окончания оды о суетности жизни: «Когда умрешь, о Торкват, и Миной произнесет над тобой торжественный приговор; — ни знатная порода, ни витийство, ни благочестие тебя не возвратят: ибо из подземного мрака ни Дияна не освобождает целомудренного Ипполита, ни Тезей не может расторгнуть летийских оков им любимого Пиротоя» (см. кн. IV, ода VII) — мне показалось приличным, сообразуясь с нынешними нашими по сему предмету понятиями, сказать:

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.
Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет,
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход — исхода нет.

(См. Ода Суетность жизни, строфа 7 и 8).

Равномерно прекрасное описание идолопоклоннических обетов, в сем воззвании Горация к Июлию Антонию содержащееся: «Тебя разрешат от обета десять волов и толикое же число телиц; а меня нежный отдоенный теленок, в высокой пажити возрастающий; вогнутое чело его подобится светлости, тридневную луну означающей; вдоль оного видно белое, как снег, пятно; весь он рыж» (см. кн. IV, ода II), — заменил я следующими, к нашим обычаям и обрядам в подобных случаях относящимися картинами:

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжешь пред мирным божеством;
Чертог твой яркими лучами,
Украшен ночью, возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

*

А я, помост усыпав храма
Взращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела
За мой о ней надзор прилежный
С избытком в дар мне принесла.
(См. Ода Ломоносов, последние строфы).

Такими и подобными сим заменениями перенося Горация в наш век и круг, старался я заставить его изъясняться так, как предполагал, что мог бы он изъясняться, будучи современником и соотечественником нашим.

Чувствую, сколь неудачно исполнено дерзкое предприятие сие, но я уверен, что искуснейший меня и обильнее духом Горация напитавшийся пиит, придерживаясь правила моего, заставил бы нас живее чувствовать красоты сего несравненного певца, скорее познакомил бы нас с его мыслями, чувствами, добродушием и веселою беззаботливостью, усыпавшею цветами скромный путь жизни его; и, наконец, вернее способствовал бы к порождению между нами наследника сему любезному песнопевцу: — а потому осмеливаюсь заключить, что такого рода пиитические подражания были бы полезнее для соотечественной словесности даже самых верных и лучших стихотворных переводов.

Остается мне сказать несколько слов о образе составления книги сей: подлинник поместил я при переводах и подражаниях моих для того, чтобы искусные в латинском языке имели легкий, для авторского самолюбия моего, конечно, невыгодный, но

о беспристрастии моем к собственности явно свидетельствующий способ сравнения. Переводы же в прозе, по возможности точные, с примечаниями, большею частию у г-на Дасье заимствованными, присовокупил я для облегчения соображений тех из моих читателей, которые лишены преимущественного удовольствия разуметь подлинник, и кои, как с греческою и римскою митологиею, так и с историею их не совершенно познакомлены.

О прозаическом переводе моем предварительно сознаю, что знатокам латинского языка и даже несведущим в оном покажется он неудовлетворительным и красоты подлинника не в точном, а иногда в уродливом виде представляющим. Приняв за правило переводить мысли и выражения Горациевы почти слово в слово, не мог я наблюдать везде приличной красотам их чистоты слога и заменять точность соответственными оной витийственными оборотами. Но смею чистосердечно удостоверить, что я не имел коварного умысла представить в прозе моей Горация безобразным для того, чтоб показался он приятнейшим в стихах моих; и долгом поставляю заблаговременно предостеречь беспристрастных читателей, что в прозаических чертах должны видеть они токмо холодный силует сего прекрасного пиита. За неимением на нашем языке хорошего перевода, покорно прошу их сличить мой с прекрасными переводами г-на Баттё на французском, а г-на Менделсона на немецком языке. Тогда только будут они в состоянии судить с некоторою основательностию, где в стихах моих имел я счастие представить Горация не в безобразном виде и где, как в оных, так наипаче в прозе, снимал с него лишь неудачный и уродливый отлепок.

В заключение скажу, что желая искренно, по свойственному всем сочинителям чувству, чтобы представляемый мною русский Гораций был благосклонно принят читателями, почту себя весьма счастливым, если, как я объяснил вначале, даст он повод или искуснейшим пиитам нашим, или вступающим в их поприще питомцам муз исполнить удачнее меня предпринятый мною подвиг.

Могу притом удостоверить откровенно, что это будет самая лестная награда за труд мой, не весьма много, впрочем, приятности мне обещающий; ибо мало сыщет он в читателях снисходительных одобрителей попытке моей пересадить на отечественную почву Тибурский лавр; но подвергнется неминуемо строжайшему латино-русских любословов истязанию; а что истинно для меня опаснее того, принужден будет пред просвещенными знатоками выдерживать убийственное сравнение с превосходным произведением бессмертного пиита, прославившего лирою своею знаменитый Августа век.

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

1 Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю.
А вы! безмолвствуйте:[1] парнасских жрец богинь,
Для юношей и дев стихи я воспеваю,
Еще неслыханны донынь.

2 Цари — подвластным страх; царей — Зевес властитель.
Титеи[2] дерзостных низвергший в прах детей,
Колеблющий весь мир и звездную обитель
Единым манием бровей.

3 Пусть тот садов себя пространством величает;
Сей знатен, в Марсов круг[3] за почестьми течет;
Того пусть слух доброт повсюду прославляет,
Сего толпящийся причет;[4]

4 Равняет всех их смерть: вельможа напыщенный
Иль нищий, — всем ея быть жертвой суждено:
И в урне роковой все имена вмещенны
Судьбой мешаются равно.

5 Злодей, зря меч нагий,[5] над головой висящий,
Не может яств вкушать сицильских[6] и вина;
Ни пенье птиц, ни лир приятно глас звенящий
Ему не возвращают сна.

6 В убогой хижине, приосененной миром,
Не презирает сон приятна уголка
И на брегу реки, колеблема зефиром,
Покрова темного леска.[7]

7 Умеренного кто довольства лишь желает,
Того ни бурное морских волненье вод,
Ни запад лютого Арктура[8] не смущает,
Ни звездного Козла[9] восход.

8 Ни град, цвет гроздия, иль плод его разящий,
Ни жатва, льстившая надеждою златой,
Ни сад, то дождь ливный, то лютость зим винящий,
То землю иссушивший зной.

9 Уж рыбы зрят моря оплотами стесненны:
Богач пред богачом там с челядью своей
И с зодчими в волнах спешат возвысить стены,
Наскуча твердою землей.

4 Заказ 868

10 Но страх, но скорбь за сим вельможей вслед стремится;
Забота тощая с нахмуренным челом
В трирему,[10] медью вкруг обиту, с ним садится
И задь седла его верхом.

11 Почто ж, коль мраморы драгие синадийски,[11]
Ни благовоннейший персидский аромат,
Ни багряницы блеск, ни вина кампанийски [12]
Печалей гнета не легчат?

12 Почто желать, столпы воздвигнув приворотны,
Чтоб новый вкус мой дом на завись все одел
И на сокровища променивать заботны
Сабинский малый мой удел?

Ничтожество богатства

Кн. III. Ода I

[1] *Безмолвствуйте* — favete linguis, значит точно: *благоприятствуйте языком.* Древние суеверы, думая, что при жертвоприношениях услышанные речи могли иметь дурные или хорошие предзнаменования, извещали присутствующих, чтобы произносили они токмо благозначительные слова. Опасение проговориться заставляло народ безмолвствовать; и таким образом слова *благоприятствуйте языком* favete linguis, впоследствии времени приняты были в значении: безмолвствуйте; так как слова *мир вам* принимаются не в первоначальном смысле.

[2] *Гигантами* — сии, под другим названием Титаны, были дети земли, которые по-гречески назывались *Tia, Tiя,* а в относительном смысле Τίθη,[1] тифи, кормилица. — Они восстали противу богов; но наконец побеждены Юпитером.

[3] *Марсово поле* — Campus, была в Риме пространная площадь, где собирался народ для избрания чиновников.

[4] *Причетников* — Ромул позволил каждому частному человеку избрать себе покровителем кого-либо из сенаторов. Первые назывались Клиентами, Cliens, а последние Патронами, Patronus.

[5] *Обнаженный меч* — Гораций имел здесь в виду философа Дамокла. Превознося богатство и великолепие Дионисия, Тиранна Саракузского, признавал он его счастливейшим из смертных. Дионисий, устроив для него богатейший пир, потчевал вкуснейшими яствами и напитками. Дамокл был в восхищении, как вдруг увидел над головою своею висящий на конском волосе обнаженный меч; опасность смерти воспрепятствовала ему наслаждаться пиршеством и признавать счастливым Тиранна.

[6] *Трапезы Сицилийския* — в Сицилии любили хорошо покушать и попить; сим они так отличались, что изобилный и вкусный стол обыкновенно называли столом сиракузским.

[7] *Темпы* — прекрасная Фессалийская долина, между горами Оссою и Олимпом. Именем сим означались иногда другие приятные местоположения.

[8] *Арктура* — имя северного созвездия близ Медведицы, происходящее от греческих слов <пропуск в рукописи> Медведица и страж; оно также называлось <пропуск в рукописи> возница; поелику созвездие сие имено-

---

1 τιθήνη — кормилица. — *Ред.*

валось иногда телегою ‹пропуск в рукописи›. Древние полагали восхождение созвездия сего в половине сентября, а захождение в начале следующего месяца.

[9] *Козла* — созвездие козлят, находящееся по левую сторону Арктура, восходит в конце сентября и предвещает бурную, ненастливую погоду.

[10] *Триреме* — так назывались галеры, три яруса весел имеющия.

[11] *Фригийские мраморы* — ломка мрамора сего производилась близ города Синады; почему называли его и Синадийским камнем. Он был цвету белого с красными разводами.

[12] *Фалернское* — гора Фалерн находится в Италии, близ Кампанийского города Синопа; оттуда получали самое лучшее вино.

НА РАЗВРАТ НРАВОВ

1 Квирит! за предков злодеянья
Безвинный ощутишь ты месть,
Пока священны храмы, зданья
Из пепела коснишь вознесть;
Пока кумиров обожженных
И пылью, дымом очерненных
Не восстановишь в прежню честь.

2 Бессмертных власть верховну чтущий,
Воздел всемирный ты венец: —
Начало счастья им, — грядущий
Лишь им приписывай конец.
Гесперии [1] всех бед, злосчастий
Причиной буйство вышней власти
Не покорившихся сердец.

3 Пророчески жрецов прещенья
Отвергшу,[2] нашу рать в боях
Двукрат толпами ополченья
Менез,[3] Пакор [3] разбили в прах;
Двукрат добычею беструдной
Украся ожерелье скудно,
Смеется нам наш гордый враг.

4 Едва не пал сей град строптивый,
Междоусобный строя ков,
Когда и Дак [4] браннолюбивый
И с нильских Эфиоп [4] брегов
Восстали против нас войною,
Сей — страшен силою морскою,
Тот — лучших множеством стрелков,

5 Пороком век наш плодовитый
Вначале браки осквернил,

Домы и роды знамениты:
В разврате сем источник был,
Который вскоре, как волнами,
Народ отечество бедами
И злодеяньем наводнил.

6 К замужеству девицы близки
Охотятся перенимать
Похабны пляски ионийски;[5]
И не стыдяся посвящать
Себя толь гнусному искусству,
К прелюбодейному распутству
Спешат уж с детства навыкать.

7 Жена из-под венца лишь, — ищет
Уже молодших волокит,
Пока муж пьет, — в потемки рыщет
И там поспешно, — сброся стыд,
Непозволенну, без зазора
И без дальнейшего разбора
Утеху встречному дарит.

8 Иная, с ведома супруга,
Не закрасневшися встает
Из пиршественна даже круга,
Когда или купец зовет,
Иль корабельный гость гесперский,
Что за ее распутства дерзки
Сокровища, как сор, дает.

9 Не от таких отцов военный
Род юношей проистекал,
Который кровью Карфагены[6]
Моря пространны обагрял;
Кем Пирр[7] во бранях знаменитый,
Великий Антиох[8] разбиты,
И ужас Рима — Ганнибал.[9]

10 Мужественно то было племя
Трудолюбивых поселян,
Считавших не за тяжко бремя
Пахарь сохою сабелян;[10]
Носить дрова к избе убогой
В час льготы от работ, коль строгой
Их матерью приказ был дан;

11 В час даже, как небес светило,
Простерши с гор отрадну тень,
Волов усталых отрешило
От гнувшего ярма весь день;
И, чтоб трудам дать отдых малой,
Поспешно колесницу гнало
За крайний запада ступень.

12 Чего не изменяют едки
Лета в тлетворном бегстве их?
Сынов развратных наших предки
Родили; — мы отцов своих
Уже в разврате превосходим;
А в сыновьях — потомство родим
Развратнее — и нас самих.

На разврат нравов

Кн. III. Ода VI

[1] *Гесперия* — Италия называлась также Гесперией ближнею, в отношении к Испании, крайнею Геспериею проименованною.

[2] *Отвергнув предзнаменования* — римляне не начинали никогда сражений без наблюдения предзнаменований. Чаятельно Гораций имеет здесь в виду разбитие римлян под предводительством Красса, вступившего в сражение с парфянами, несмотря на неблагоприятные предзнаменования.

[3] *Менеза и Пакора* — Менез был военачальник, Пакор — сын Орода, Парфянского царя.

[4] *Дак и Эфиоп* — Гораций чаятельно говорит здесь о войне Триумвира Антония и Клеопатры, царицы египетской, противу Августа. Даки были признаваемы за один народ с гетами и обитали по Дунаю, в нынешней Трансильвании, Молдавии и Валахии.

[5] *Ионических плясок* — они были весьма любострастные; и, может статься, походили на наши русские народные пляски.

[6] *Кровью Пуническою* — Пуниею называлась область Карфагенская.

[7] *Пирр* — он был царь Эпиротов и наследник Ахилла. — Победа консула Асвиния при Гераклее, он разбит был Фабрикием и Курриeм.

[8] *Антиох* — сей Сирский царь побежден на море Эмилием Региллом, а на суше Л. Сципионом.

[9] *Ганнибал* — знаменитый кагфагенский полководец.

[10] *Сабельскою* — в уменьшительном значении то же, что самнитскою. — Самниты были соседи римлян.

ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

1 Хотя б с ливийскими индейски
Богатства цельны[1] ты скопил,
Моря тирренски, апулейски[2]
Для зданий щебнем нагрузил;
Коль рок необходимый, строгий[3]
Уставит гвоздь алмазный в грудь,

Душевной не уймешь тревоги
И не возможешь ускользнуть
От крепкой петли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простерть.

2 Блаженней Геты[4] и степные
За Понтом скифы жизнь ведут,
Что на колесах подвижные
Их домы за собой везут:
Земля, без граней, им свободно
Приносит жатвы и плоды;
И ратаи там лишь погодно
Проводят тучные бразды;
Один, скончав свою работу,
Другому труд передает;[5]
Взаимну доставляет льготу
Соседу своему сосед.

3 Там может средь семейна круга
Детей своих любяща мать,
Быв целомудренна супруга,
Безвинно пасынков ласкать.[6]
Там муж не раб жене богатой;
Она не знает волокит;
Наследны доблести — не злато —
Всяк драгоценным веном чтит.
Там в браке верность неизменну
Хранит врожденный страх стыда:
Забывших клятву их священну
Преступниц нет, иль смерть — их мзда.

4 О! кто положит с злодеяньем
Междоусобию конец?
Коль хочет статуй с надписаньем:
«Прямый отечества отец»,[7]
Пусть буйство обуздать решится
И своевольство пресечет:
Потомством он благословится!
От нас, увы! — пусть мзды не ждет;
Завистны души, — унижаем
Живущу доблесть мы средь нас;
Но ищем, воскресить желаем,
Лишь только улетит из глаз.

5 К чему и жалобы и стоны,
Злодейство казни коль не зрит?
К чему бессильные законы,
Коль нравственность не подкрепит?
Когда ж не зноем опаленна,
Ни дальна севера страна,
Что, вечным снегом отягченна,
Борею [8] в область отдана,
От алчности не отучает
Корыстолюбного купца,
Коль грозны волны побеждает
Отважна опытность пловца;

6 Коль бедности порок постыдный
Велит всё делать, всё сносить
И крутизною незавидный
Путь добродетели забыть; —
Пойдем; — и в Капитол [9] священный,
Куда, усердием горя,
Зовет народ нас восхищенный...
Иль бросим в ближние моря
Драгие камни бесполезны,
Громады золотых монет;
Да поглотят несыты бездны
Источник всех злодейств и бед!

7 Коль истинное сокрушенье
О злобе нашей ощутим,
Корыстолюбья истребленье
Началом будет нам благим.
И юношей, лишенных силы,
Навычка строгая к трудам,
Вельможич, ныне всадник хилый
И ловчий трус, — по целым дням
Готов искусною рукою
Или ахейский трох [10] катать
Иль запрещенною игрою
Свой жребий случаю вверять.

8 Меж тем родитель вероломный
Спешит, забыв и стыд и честь,
Поверившего в клад огромный
Товарища в торгу обчесть;
Гостеприимство, дружбу, братство
Готов он дешево продать,

Чтоб недостойному богатство
Сему наследнику собрать.
Что ж в том? — Неправое, конечно,
Стяжанье скоро возрастет,
Но всё к нему чего-то вечно
В глазах скупца недостает.

Против корыстолюбия

Кн. III. Ода XXIV

[1] *Цельные сокровища* — словами сими Гораций означает, что римляне еще не доходили войною до Аравии, и сокровищ ее не расхищали.

[2] *Тирренейское и Апулейское* — Тосканское и Адриатическое моря.

[3] *Строгая необходимость* — названием сим necessitas означали римляне Парку и даже Смерть. — Гораций говорит, что она предшествует Фортуне с гвоздями, клиньями и прочая. — См. кн. I, ода XXXV.

[4] *Геты* — народ сей кочевал по берегам Дуная до Черного моря.

[5] *Равномерный сллых* — не понимаю, как Гораций мог сказать, что гетские хлебопашцы друг друга погодно переменяли: такой общенности кочующие народы иметь не могут; приличнее было бы сказать сие о нивах, чем о пахарях.

[6] *Снисходительно с пасынками обходится* — все почти переводчики, кроме г-на Фосса, заставляют здесь Горация говорить, что Скифские мачихи не посягают на жизнь их пасынков. — Стихи сии, не суровость, но нежность изображают; а потому основательнее предположить можно, что Гораций хотел представить совсем другую мысль: разврат нравов его времени был чрезмерно велик и почти всеобщий: молодые девушки, из корыстолюбия, выходили за престарелых отцов семейства; мачиха не могла приласкать пасынка, не подвергая себя предосудительному заключению, что для удобности искала в своем семействе наместника дряхлому супругу; противуположно сему, Гораций чаятельно сказать хотел, что снисходительная к пасынкам скифская мачиха таковому уничижительному подозрению никогда не подвергалась.

[7] *Отец отечества* — Гораций сказал: «отец града». — Такого названия нигде, кроме сей оды, не встречается.

[8] *Борею* — полуночный ветр.

[9] *Капитол* — в древности главный храм Рима.

[10] *Греческого троха* — трох был железный обруч около саженя в поперечнике, с железными по внутренней стороне кольцами. Дети катали оный железным же прутом с деревянною рукояткою.

НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

1 Уж пышны зданья властелина
Землей ограбят скоро плуг:
Обширней тиниста Лукрина[1]
Пруды изрыты видим вкруг.
Где вяз был, — клен стал одинокий;[2]
Кусты и цветники беспроки,
Что обонянье лишь манят,
Уж скоро вытеснят оливы,
Владельцев прежних верный клад;

И в сводах лавры горделивы
Их листьем солнце отразят.

2 Не так гласит скрижаль закона,
Что Ромул[3] нам преподает;
Устав небритого Катона[4]
И древних праотцев завет:
При них граждане скудно жили,
Всё злато в общий клад копили.
Стыдяся земляных домов,
Никто на север для прохлады
С навесом не взводил столбов:
Богатством — украшали грады
И мрамором[5] — лишь храм богов.

На роскошные обиталища

Кн. II. Ода XV

[1] *Лукрина* — сие озеро находится близ Бейи в Кампании. Август соединил оное с Авернским, и обратил оное в пристань, называвшуюсь Июлиянскою.

[2] *Одиноким явором* — Гораций, противуположно вязу, называет явор одиноким, холостым, поелику никогда не сочетается он с виноградною лозою.

[3] *Ромул* — первый царь и законодатель римлян.

[4] *Катон* — он называет Катона цензора небритым, потому что в его время еще не стригли волос.

[5] *Новым камнем* — Гораций словами сими означает без сумнения мрамор; хотя существенное название оного в других местах сочинений его встречается. — См. кн. I, ода XIX.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

1 Блажен, градским не сжатый кругом,
Кто так, как древни предки, мзды,
Заботы чужд и чужд вражды,
Своим в полях наследных плугом
Взвергает тучные бразды.

2 Кого в смятенье не приводит
Ни резкий в бой зовущий рог,
Ни грозный вид морских тревог;
Кто дверь судилища обходит
И гордый знатности порог.

3 То юны лозы виноградны
Он к тонким тополям крепит,
То острой пилкой коротит
Дички и чуждых соков жадны
К ним ветви нежные щепит;

4 То вдаль бродящих средь долины
Мычанье слышит тучных стад;
То сот, что пчелы вновь дарят,
Сбирает в чистые кувшины;
То мягку шерсть стрижет ягнят.

5 А если овощми покрыту
Главу уж осень вознесет,
С какой приятностью он рвет
Иль грушу, им самим привиту,
Или багряный гроздный плод!

6 Тебе, садов его хранитель,
Надежный их от татей щит,
Прияп, сын Вакха знаменит;
Тебе, Сильван, границ блюститель,
Он их признательно дарит.

7 Под дуб ли ляжет древний, мшистый,
Или к густой траве прильнет,
В леску над ним хор птиц поет;
Журча ручей катится чистый
И легкий сон к нему зовет.

8 Когда ж длань Дия-громомета
Льет дождь иль снег зимой валит,
Со псами в дебри он спешит
И вепря лютого в тенета,
Вдали расставленны, стремит;

9 Иль сети тонкие готовит
Прожорных накрывать дроздов,
Иль в си́лки робких русаков
И журавлей прелетных ловит,
Награду милых толь трудов.

10 Ах! кто б в трудах толь безмятежных
Отрав любви забыть не мог?
Но если счастия в залог
Детей лелеющую нежных
Пошлет ему супругу бог.

11 Супругу верную, делящу
Домашние заботы с ним,
Как скромную сабинку зрим
Иль апулейку работящу,
Осмуглену лучом златым!

12 К возврату мужа утомленна
Надзором полевых работ,
Когда она вязанкой дров
Возжет средь очага священна
Огонь, отнятый у богов;

13 Коль стада, утучненна паствой,
Запертого в загон, одна
Доеньем не утруждена,
С некупленной поставит яствой
Бутылку нового вина: —

14 Тогда, ни устрицы лукрински,
Ни лещ, ни редкий рыбы род,
Что в час бурливых непогод
Зимою ветер ионийский
Приносит нам стремленьем вод;

15 Ни рябчик, ни фазан хваленый
Мне вкусны б не казались так,
Как в наших зреющий садах
Оливный плод, щавель зеленый
И тучным нужный проскурняк;

16 Или сосущий мать ягненок,
Пред вешним празднеством рожден,
На жертву терму посвящен;
Иль мягкий, жирненький козленок
Из волчьей пасти исхищен.

17 Вкушая толь приятны яствы,
Когда уж тмится небосклон,
Как мило зреть со всех сторон
При возвращеньи с тучной паствы
Стада, теснящиесь в загон;

18 Зреть обращенный плуг влачащих
Стопою медленной волов
И родовых толпу рабов,
Владельца первый клад, стоящих
Вкруг светлых храмины богов!

19 Так Алфий-ростовщик, отныне
Уж сельский житель, говорит;
И отданну казну в кредит
Собравши месяца в средине,
С недели в рост отдать спешит.

СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

1 Царей потомок тирренийских,[1]
О Меценат! тебя давно
В дому моем в посудах хийских
Заповедное ждет вино.
Готовы уж венки, сплетенны
Из свежих, благовонных роз;
И выжат балан[2] драгоценный
Для умащения волос.

2 Отвергши медленья причины,
Спеши; — не вечно должен ты
Эзульски[3] озирать вершины
И их отлогие хребты;
Раздолы, где Тибур[4] пролился,
Луга, змеей где вьется он,
И холмы, древле где вселился
Отцеубийца Телегон.[5]

3 Оставь избыток, приносящий
Со скукой отвращенье нам,
И гордый терем твой, стремящий
Главу к высоким облакам.
Престань с него пленяться Римом,
Его богатством, красотой,
Клубящихся верх кровов дымом
И пышных зданий пестротой.

4 Вельможам часто перемена
Была приятна средь сует:
Под кровом шалаша смиренна
Нередко мог простой обед
И без ковров на балдахины,
Без багряницы при столах
Изгладить мрачные морщины
На их нахмуренных челах.

5 Кефей[6] уж вновь лучи бросает;
Предтеча Пса[7] свод неба жжет;
Лев лютый[8] пламень изрыгает,
И солнце дни нам знойны шлет;
Пастух и жаром удрученны
Стада под тень к ручью спешат
В лесах Сильвана[9] скрыться темных
И на брегах Зефиры спят.

6 А ты, печась о благе Рима,
Страшися серрских,[10] скифских стрел
И Парфа,[11] буйностью водима,
Кем древле с славой Кир владел.
Но бог премудро ночи темной
Покров над будущим простер:
Смеется он, коль бед вседенно
Страшится смертный выше мер.

7 Устрой на благо час летящий;
Предбудущее, как река,
Котора то струи молчащи
Льет в море, не мутя песка,
То, наводнясь, брега срывает,
Древа с кореньем, камни гор,
Стада и домы поглощает,
Колеблет шумом холм и бор.

8 Тот властен сам в себе, тот волен,
И путь ко счастью проложил,
Кто настоящим лишь доволен,
Сказать мог: — «Я сегодня жил».
Пусть Дий иль небо тьмой обложит,
Иль солнцем ярко озарит: —
Собывшегось — не уничтожит;
Прошедшего — не возвратит.

9 Фортуна злобна самовластно
Играет нашею судьбой
И тешится всяк час ужасной
Злоприхотливою игрой.
Непостоянна, коловратна
В дарах и почестях своих
Сегодня мне благоприятна,
А завтра уж манит других.

10 Пока со мной она, — хвалами
Богиню не стыжусь я чтить;
Взмахнет ли легкими крылами, —
Спешу дары ей возвратить,
И добродетели смиренной
Щитом прикрывшись, не ропщу
За честность истинно почтенной,
Без вена, — бедности ищу.

11 С жестоким бурный Афр[12] стремленьем
Когда готов мой парус рвать,
Я с робким не привык моленьем
Богам обеты посулять,
Коль яры ветры дуть престанут,
И, пища роскоши моей,
Богатства тирские[13] не станут
Добычею скупых морей.

12 Тогда, коль ветерок прислужен[14]
Дохнет вслед скромного пловца,
Покров лишь Поллукса[15] мне нужен,
Любезной Леды близнеца;
Тогда меня сей спутник звездный
И легкий двувесельный чёлн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих эгейских волн.

Скромная беспечность

Кн. III. Ода XXIX

[1] *Царей тирренийских* — Меценат происходил из знатного Тосканского роду.

[2] *Баланом* — в Египте и в Эфиопии находится дерево, с которого собирали род жёлудя, называемого баланом; и выдавливали из оного весьма приятно душистое масло.

[3] *Эзульския* — небольшой город близ Тибура, построенный на покате горы.

[4] *Тибур*, или Тиволи, в двенадесяти милях от Рима. Ручей Анио, нынешний Теверон, орошал его. Городок сей построен был греком Тибурном, переселившимся из Аргоса в Италию с двумя братьями своими. Гораций имел там небольшой дом и дачу.

[5] *Телегон* — он был сын Улисса и Цирцеи, желая посетить отца своего, он прибыл в Ифаку ночью; когда стражи не пущали его в дом, то произошла драка; Улисс, прибежавши на помощь своим, был убит Телегоном, не познавши его. Убийца, спасаясь бегством, приплыл к Италии и там, близ Рима, на небольшой горе построил город Тускул.

[6] *Отец Андромеды* — Кефей Эфиопский и финикийский царь — отец Андромеды; помещен в число созвездий. Оное находится у хвоста меньшой медведицы и восходит девятого июля.

[7] *Прокион* — имя сие по-гречески значит, *предтеча Пса*. Созвездие сие восходит пред каникýлою в половине июля.

[8] *Буйного льва* — Гораций, по-видимому, хотел означить оным каникулу, начинающуюсь при вступлении солнца в созвездие Льва.

[9] *Сильвана* — древние признавали трех Силванов, одного хранителя домов; другого оберегателя садов; третьего покровителя стад, который был то же, что Пан или Фавн. — На Руси известны первые два под названием домовых и леших, а Панов знают только в Польше и Малороссии.

[10] *Серы* — народ скифский, обитавший между Индиею и Восточным морем; предупреждая войну с римлянами, они прислали к Августу послов с прошением мира.

[11] *Бактра* — Столица Бактрияны, выше Парфян, между реками Оксом и Окхом лежащая. Древле находилась она под державою Кира.

[12] *Афр* — африканский полуденно-западный ветер.

[13] *Кипрские и Тирские* — города, Кипр на острове сего имени к востоку Средиземного моря, и Тир столица Феникии, были весьма богатые торговые города.

[14] *Авр* — так назывался самый приятный и тихий ветер.

[15] *Поллукс* — Леда, жена Тиндарова, от Юпитера родила близнецов Кастора и Поллукса. Древние принимали их за воздушные огни, которые они почитали даже звездами. Суеверствуя, что ежели два таковые метеоры показывались вдруг, то предзнаменовали тихую погоду, а явление одного приближение бури.

СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

1 Когда, боясь невинной дщери,
Ахриз Данаю[1] заточил
На терем, где железны двери
Затвором медным укрепил.

2 Когда стрегущих денно-ночно
К вратам приставил чутких псов;
Казалось, что ее он прочно
От влюбчивых берег воров.

3 Но Дий с Венерою украдкой
Смеялся, тщетность зря тревог;
И что везде путь сыщет гладкой
Преобращенный в злато бог.

4 Меж воев злато протекает;
Меж стражей, окруживших дом;
Сквозь тверды камни проникает
Быстрее, чем крылатый гром.

5 Весь славный род Амфиарея[2]
Алчбой корысти истреблен.
Филипп,[3] ключом златым владея,
Отверз врата твердейших стен.

6 Дары под власть его попрали
Царей, стязующихся с ним;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоям вдавшихся морским.

7 С богатствами растет к ним жадность;
Заботы вновь они родят.
Копить их, возвышаться в знатность
Страшился я, о Меценат!

8 Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут;
Но быть своих сокровищ стражем
Безумным лишь приличен труд.

9 И так богатых оставляю,
И наг из табора сего
Ко стану тех перебегаю,
Что не желают ничего.

10 Именьем малым я владея,
Скупца богаче, что возмог
Собрать все жатвы Апулея: [4]
При всем избытке он убог.

11 Лесок тенистый, ток прелестный
И нива, наградивша труд,
Царю Ливии неизвестный
Мне жребий счастия дают.

12 Хотя с полей Калабрских пчелы [5]
Сотов мне не приносит в дар;
В сицильских вазах [6] застарелый
Не крепнет Бахусов нектар;

13 Хотя на Галльских паствах [7] тучны
Стада мне волны не растят;
Однако с нищетой докучны
Меня и нужды не тягчат.

14 Когда б не стало мне стяжанья,
Ты б щедрою помог рукой:
Но, сократя мои желанья,
Доход я увеличил мой;

15 И малым боле богатею,
Чем если б, мер албче не знав,
С Мигдонией [8] стяжал я всею
Пространство Крезовых держав. [9]

16 Кто много требует строптиво,
Тот в многом недостаток зрит.
Блажен, рукою бережливой
Кому довольство бог дарит!

[1] *Данаю* — Ахриз Аргоский царь, быв извещен оракулом, что будет умерщвлен внуком своим, старался, чтоб дочь его Даная не имела детей и для того заключил ее в медную неприступную башню. — Юпитер сошел в оную золотым дождем и царевна родила от него Персея.

[2] *Аргивскаго прорицателя* — Амфиарай женат был на сестре Адраста, царя Аргоского. Быв искусным прорицателем, знал он, что погибнет при осаде Фив, и для того не хотел туда следовать с Адрастом и Полиником. Последний, подаря жене Амфиарая золотое с дорогими камнями монисто, преклонил ее убедить своего мужа к походу противу Фив, под стенами коего был он в первый день сражения поглощен землею, развергшеюсь под его колесницею. Все племя его погибло, ибо Алкмеон убил мать свою Ерифилу и был умерщвлен ея братьями. Амфилок 2-й сын Амфиарая погиб под Фивами; и так скупость одной женщины все семейство сие истребила.

[3] *Филипп* — отец Александра великаго.

[4] *Апулейцы* — жители Италианской области Апулеи, родины Гарациевой, были весьма трудолюбивые хлебопашцы.

[5] *Калабрские пчелы* — мед Таранский в Калабрии почитался самым лучшим.

[6] *Лестригонских* — утверждали, что народ сей обитал древле в Сицилии; потом поселился в Кампанийской области между Касти и Минтурна, и что по их имени Формия называлась Лестригониею.

[7] *Галльския паствы* — Гораций означает здесь страну Галлии за рекою По, к северу простирающуюся.

[8] *Мигдонийское царство* — оно составляло часть Фригии и державу славного в древности богатствами и длинными ушами царя Мидаса.

[9] *Алиатовыми* — Гораций означает здесь известного превратностью счастия Креза, царя сына Алиатова.

ПЕРЕМАНКА

1 Охотно Фаун оставляет
Для Лукретиллы[1] свой ликей;[2]
И коз моих он охраняет
От зноя и дождливых дней.

2 Они, сквозь чащу пробираясь,
Там щиплют тмин и злак лугов,
Ни скрытых змей не опасаясь,
Ни нападенья от волков.

3 Меж тем, как стадо здесь пасется,
От гладких скал в вечерний час
В долине, в роще раздается
Пастушеский свирели глас.

4 О Тиндарида![3] боги любят
И набожность и песнь мою:
К тебе они здесь усугубят
Щедроту и любовь свою.

5 В знак милости благоприятства
Из рога изобилья тут
Они все сельские богатства,
Дары все на тебя прольют.

6 Ты здесь, в тени моей Темпеи,
Ог знойна Сирия[4] уйдешь;
К Улиссу нежну страсть Цирцеи
И Пенелопы[5] воспоешь.

7 С Лесвийским[6] соком виноградным
Бокал тебя тут сладкий ждет;
И Вакх с Ареем кровожадным
Строптивых распрь не заведет.

8 Тут Кир из ревности, бесчинно
Не оскорбит твоей красы,
С одеждой не сорвет невинной
Венка, вплетенного в власы.

Переманка

Кн. I. Ода XVII

[1] *Лукретил* — сабинская гора, в соседстве которой имел Гораций небольшую дачу.

[2] *Ликей* — гора в Аркадии, близ Алфея.

[3] *Тиндарида* — по-видимому, дочь Гратидий, противу которой в молодости своей написал Гораций сатиру, как из XVI оды первой книги значит. Влюбясь потом в Тиндариду, оскорбленную Киром, он переманивает ее сею одою к себе.

[4] *От зноя Каникула* — Каникула — звезда, которую греки называли Псом и Сирием и приписывали времени появления оной самые большие жары.

[5] *Пенелопу и блистательную Цирцею* — первая была жена известного греческого царя Улисса; а Цирцея, сестра колхидского царя Аэта, волшебница и любовница Улисса. Гораций называет ее стеклянною, лоснящеюся, может быть потому, что древле, как и ныне, черкайянки любили красить и лощить лица свои.

[6] *Из винной чаши Лесвийской* — лесвийское вино было весьма слабо и приятно.

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

1 Когда б хоть раз ты казнь, Барина![1]
За ложны клятвы понесла:
Хоть тень на зуб,[2] на лоб морщина,
На ноготь крапинка б взошла;

2 Поверил бы: — но лишь ужасной
Главу измене обречешь,
Милее кажешься — и страстной
Влюбленный рой сильнее ждешь.

3 И праху матери,[3] и ясным
В нахмуренной ночи звездам,
И хладной смерти не причастным,
Тебе полезно лгать богам.

4 Смеется мать любви: веселы
Смеются нимфы вкруг Харит,
И бог, что пламенные стрелы
Кровавым каменем острит.

5 Тебе повсюду юнош стая,
И новые рабы растут,
И прежни, гнев их забывая,
Под кров изменницы бегут.

6 Тебя все матери боятся
И стары скряги за детей;
И жены юные страшатся,
Чтоб блеск твой не взманил мужей.

Любовная клятва

Кн. II. Ода VIII

[1] *Барина* — г-н Дасье, не признавая имени сего ни греческим, ни латинским, подтверждает мнение г-на Лефевра, что оно должно быть написано Эарина. Осмелюсь противу сего предложить мою догадку, не была ли сия красавица отрасль какого-либо богатого славено-руса? и точное имя ее не было ли титульное барыня? В предпоследнем стихе оды сей, может быть не без намерения, Гораций назвал ее domina однозначительно с госпожею, барынею.

[2] *Тень на зуб* — древние верили, что за лживую клятву делался или типун на язык или зубы чернели или бородавка на носу вырастала.

[3] *И прах матери* — древние обыкновенно клялись прахом родителей, богами, небом и землею.

БЕЗОПАСНОСТЬ

1 Кто злобы чужд, обманов низких,
Чист сердцем, правдою живет,
Тому ни в копьях мавритийских,[1]
Ни в скифском луке нужды нет;

2 Колчан ему не нужен полный
Смертельно ядовитых стрел;[2]
Хотя б песчаные он волны[3]
Ливийски протекать хотел;

3 Хотя б Кавказа не гостинный[4]
Пройтить отважился хребет
Иль дальные страны пустынны,
Чудесный где Гидасп[5] течет.

4 Вот так и я, бродя беспечно
В Сабинской рощице меж гор
И занят думою сердечной,
За грань, в густый вошедши бор.

5 Когда там для Лалаги страстны
Любовные стихи слагал,
Вдруг волка, — ловчий неопасный
И безоружен, я прогнал.

6 Не зрела Давния[6] военна
Таких чудовищ средь лесов,
Ни область, Юбу[7] подчиненна,
Кормилица безводна львов.

7 Всели ж меня хоть в степь, где тощих
Зефир деревьев не живит,
Край света на горах полнощных,
Что Зевс туманами тягчит;

8 Под колесницею солнечной
В необитаемой стране
Лалаги будут милы вечно
И голос и улыбка мне.

Безопасность

Кн. I. Ода XXII

[1] *В маврийском копии* — мавры были весьма искусные копиеметатели и стрелки.

[2] *Ядовитых стрелах* — мавры, как многие другие свирепые народы, напояли ядом стрелы свои. — Удивительно, как гишпанцы не принесли и сего яда из Америки в Эвропу.

[3] *Зыбучих песках* — каковы суть африканские сирты и другие внутри Африки известные иногда под названием пещаных морей.

[4] *Негостеприимный Кавказ* — знаменитый хребет гор, продолжающийся под разными названиями от Восточного даже до Черного моря, в древности негостеприимным же, ἄξενος именовавшегось.

[5] *Баснословным Гидаспом* — сия река течет в Индии и называется ныне Лобхан. — Слово латинское fabulosus, по мнению г-на Дасье, не значит здесь баснословный, но именитый, славный; ибо де и Плиний таким же образом назвал Атлас.

[6] *Давния* — страна сия есть часть Апулии, выдавшейся в Адриатическое море, где находится Сипонт и гора Гарган, ныне манте ди С. Анжелло, вся Апулия от Самнитов до Калабрии и даже вся Италия называлась Давниею.

[7] *Юбы* — Мавритания, часть Нумидии находилась тогда под державою царя Юбы; в ней находилось великое множество львов и тигров.

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

1 Ночь длилась, и луна златая
Сияла меж подруг своих,
Когда, о Лида! прижимая
Меня в обьятиях твоих
Сильней, чем плющ вкруг дуба вьется,
Ты клятву повторяла[1] мне,
Ту клятву, что богам смеется,
Живущим в звездной вышине.

2 Клялась ты: — волк пока в долине
Ягненков будет устрашать,
И Орион зыбей в пучине
Не перестанет воздвигать,
Пока Зефир не позабудет
Лелеять Фебовых кудрей,
Любовь твоя взаимно будет
Ответствовать любви моей.

3 Но бойся, мести чтоб достойной
Ты от меня не понесла:
Я не стерплю, чтоб ты спокойно
Все ночи с милым провела;
Другую полюблю сердечно,
Сказав изменнице, — прости!
К тебе ж не возвращуся вечно,
Как ни жалей и ни грусти.

4 А ты, счастливец обольщенный,
Утратой ныне горд моей!
Хотя сады распространенны,
Хоть тысячу ты стад имей;

Хотя б обширнее Босфора
К тебе златый Пактол[2] протек,
Хоть будь мудрее Пифагора,[3]
Что в мире жил двукратный век;

Хотя б прекрасного Нирея[4]
Твоей ты превзошел красой,
Но то ж о ясных днях жалея,
Их мрачной заменишь тоской;
Изменой станешь ты терзаться
И легковерность клясть свою;
Тогда-то над тобой смеяться
Я буду в очередь мою.

Мщение любовника

Эпод XV

[1] *Повторяя слова мои* — у римлян было обыкновение произносить клятву, повторяя точно слова, заставляющего чинить оную.

[2] *Пактол* — Лидийская река, из горы Тмола истекающая, которая, соединяся с Гермом, впадает в Эгейское море между городом Смирною и Фоцеею. Во времена Креза с струями Пактола мешался золотой песок, собиранием которого обогатился царь сей.

[3] *Двукратно рождавшийся Пифагор* — сей мудрец уверял, что прежде он был Эфарбом на войне троянской, и доказывал сие тем, что узнал щит свой, посвященный Менелаем в Аргосе в храме Юноны.

[4] *Нирея* — царь острова Накса, сын Харопса и Аглаи, был прекраснее всех, кроме Ахиллеса.

СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

1 Ужасна буря мрак наводит
На светлый свод небес;
В дожде и снеге к нам нисходит
С угрюмых туч Зевес.[1]
Фракийский ветр[2] моря вздымает
И грозно в дебрях завывает.

2 Мой друг! уловим быстрый час
Дня, вечно окрыленна;
Пока от старости у нас
Не затряслись колена.
Пока прилично, — без причин
На лоб не наведем морщин.

3 Подай слитое при Торквате[3]
Столетно мне вино.
О прочем замолчать нам кстате:

Быть может, суждено,
Чтоб Дий внезапной переменой
Послал нам жребий вожделенной

4 Теперь на волоса взольем
Мастик Ахеменея
И песнь веселу воспоем
Под струны Силленея.[4]
Приятный их и громкий звон
Пусть скорбь и думы гонит вон.

5 Премудрый так Кентавр[5] Пелида
Учил средь юных лет;
«Герой, которого Фемида
Бессмертна — смертным в свет
И то на краткий век родила,
Хоть в мрачном Стиксе закалила!

6 Тебя поля Троянски ждут,
Где тощий Ксанф, холодный,
И быстрый Симоис[6] текут
В понт Геллы многоводный.
Там Парки мерну нить прервут
И в дом тебе возврат препнут.

7 Оттоль тебя голубоока
Не принесет в отчизну мать.
Спеши ж там чашей гроздна сока
И песнью скорби услаждать.
Тоску, угрюмые печали
Всегда они лишь облегчали».

Способ утешения

Эпод XIII

[1] *Ниспускают Юпитера* — древние стихотворцы означали иногда ненастие Юпитером: известно, что в относительном смысле они принимали его за воздух; а дождь и снег есть существенно не что другое, как воздух, преобратившийся в лиющуюсь или затверделую влагу: итак, падающий дождь и снег увлекают с собою Юпитера; для сего то Виргилий в 7-ой Эклоге говорит:

Juppiter et lauto descendet plurimus imbri.
Юпитер снийдет в приятном и плодоносном дожде.

[2] *Фракийский Аквилон* — Фракия простиралась вдоль гор, от востока к проливу Константинопольскому продолжающихся. Аквилон был для греков и Италии северо-восточный весьма свирепый ветер.

[3] *Консуле Торквате* — Гораций родился во время консульства Манлия

Торквата, римляне имели обыкновение означать вино свое именами консулов, управлявших республикою в тот год, когда оно выдавливаемо было.

[4] *Силленейскою лирою* — г-н Дасье говорит, что Гораций называет ее Силленейскою потому, что Меркурий рожден в Аркадии на горе Силлене: — не понимаю почему присвояет он лиру Меркурию.

[5] *Кентавр* — кентавры, или полукони, жили на горах фракийских. Хирон, о котором Гораций здесь говорит, был между ими знаменитейший мудростию и правосудием; для сего то посылали к нему на воспитание многих царских детей, как то: Язона, Геркулесса, Ескулапа, Ахилла и проч.

[6] *Скамандра* — *Симоис* — две небольшие реки близ Трои, соединясь, впадают они в Геллеспонт неподалеку от Сигейского мыса.

РАСЧЕТЛИВОЕ УГОЩЕНИЕ

1 Уж спутники весны, Зефиры вылетают,
Фракийских усмиря волнение зыбей;
И их дыханьем воздувают
Ветрила кораблей.
Уж инеем не убеленны
Зеленые луга цветут;
И реки, снегом наводненны,
В крутых межгорьях не ревут.

2 Несчастна ласточка, по Итисе скорбяща [1]
И мщеньем яростным за наглость вечный стыд
Кекропа роду наносяща,
Свивать гнездо спешит.
Уж пастухи то звуком рога,
То песнью тешат вечерком
Любящего их стадо бога [2]
И милый аркадийский холм.

3 Пришла пора попить; но юными князьями
Виргилий взысканный! калесских [3] сладких вин
Коль жаждешь, заплати духами:
Тебе их лот один
Вина бутылю обещает
В сульпициевых погребах; [4]
Вина, что рой надежд рождает
И рассевает скорби мрак.

4 Коль хочешь пировать, прийди к нам с этой данью,
Как в доме богача, здесь даром не гостить.
Но не забудь, спеша к свиданью,
Заботы отложить.
Припомня Стикс, обдумав зрело,
Что на костре [5] нам должно тлеть,
Мешай, мой друг! с бездельем дело:
Приятно в пору и дуреть.

Кн. IV. Ода XII

[1] *Несчастна птица о Итисе жалобно воздыхающая* — Пандион, царь афинский, имел двух дочерей: Прогнею и Филомелу. Старшую отдал он в замужество за Терея, фракийского царя. Чрез несколько лет царь сей выпросил у Пандиона позволение Филомеле навестить сестру свою. Возвратяся с нею в Фракию, он ее изнасильствовал, заключил в темницу и отрезал язык Она сыскала средство известить Прогнею о несчастии своем, которая, освободя тайно сестру свою и потом в ярости умертвив сына своего Итиса, представила в явство Терею. Филомела, нечаянно явив, бросила ему на стол голову младенца. Когда злодей бросился на них с мечом, то боги превратили Прогнею в ласточку, а Филомелу в соловья, а Итиса в фазана. Вот басня. Должно заметить, что Пандион не был потомок Кекропа, первого царя афинского; но Гораций причисляет его к дому Кекропа потому единственно, что он царствовал в Афинах.

[2] *Веселяет бога* — то есть Пана; он был бог пастухов; он обитал на горах и в рощах аркадийских. Его изображали, как вообще сатиров, с рогами и с козлиными ногами. В Эгипте был он в числе главнейших богов.

[3] *В Калесе* — местечко вблизи от Капуи, в Италии. Вино, оттуда получаемое, почиталось наилучшим.

[4] *В сульпициевом погребу* — по-видимому, в оных хранились самые лучшие вина. Не можно наверно утвердить, что это был погреб. Латинское слово horrea означает просто хранилище, амбра. Из многих мест горациевых од видеть можно, что римляне хранили вино на чердаках.

[5] *О мрачном костре* — известно, что ‹в древности› сжигали мертвецов своих на кострах. Гораций здесь вместо костра сказал мрачный огонь, то есть печальный.

МОРЕПЛАВАНИЕ

1 Да путь тебе благословенный
Пошлет богиня красоты[1]
И братья страстныя Елены,[2]
Светящи с звездной высоты!
Да царь Эол все ветры свяжет
И лишь попутному прикажет
Лелеять паруса твои!
Корабль! внуши мольбы мои:
К брегам афинским чрез пучину
С Вергилием безвредно рей
И вверенну тебе храни мне половину
Души моей.

2 Тот тверду грудь, как брус дубовый,
И сердце медное имел,
Кто первый чрез моря суровы
На легком плыть челне посмел;
Кто бурна Афра[3] не страшился,
Когда с Бореем он стремился
В борьбу, смесивши дождь и град;

Кто пасмурных презрел Гиад;[4]
Кому и Нот[5] грозил напрасно,
Сей Адрии[6] владыка злый,
Что взносит к облакам иль низит самовластно
Ее валы.

3 Какой вид смерти, лютым роком
Представленной, того страшит,
Кто на морях холодным оком
Чудовища плывущи зрит;
Кто всхолмленны презрел пучины
И на Керавнские вершины[7]
Бесстрашно взоры возводил?
Вотще всемощный разделил
Страны безмерным Океаном;
Когда продерзкий, утлый чёлн
Преплыл на поприще морских зыбей пространном
Разливы волн.

4 На всё, что только запрещенно,
Отважно смертный руку взнес!
Отважно, скрытый огнь священной
Похитил Промефей с небес
И вверил племенам развратным;
Но вслед за буйством святотатным
Болезни, глад, толпа забот
Снизшли тягчить строптивый род;
И скорбь лице земли покрыла,
Как моря шумного струи;
И медленна дотоль смерть грозна ускорила
Шаги свои.

5 В пустынях воздуха пространных
Дедал[8] взносился на крылах,
Природой мудрой нам не данных;
Ираклий,[9] сперши ада праг,
Шагнул чрез Ахерон[10] глубокой: —
Ничто для смертных не высоко!
Мы даже небесам самим
В кичливой буйности грозим!
И наши дерзки преступленья
Претят, чтоб Хрона грозный сын,
Смягчался, выпустил из рук перуны мщенья
На миг один.

Кн. I. Ода III

[1] *Кипра* — последний остров к востоку Средиземного моря; он был преимущественно посвящен Венере, богине любви. В мореплаваниях иногда и к ней молитвы воссылали, ибо вечерняя заря имя ее носила.

[2] *Братья Елены* — близнецы, сына Юпитера и Леды, жены Тиндара, спартанского царя. После смерти их присвоено было им Созвездие близнецов; признавали в них также метеорные огни; и когда два вдруг показывались, то признавали сие благим предвозвещанием.

[3] *Афра* — см. выше стр. 65.

[4] *Гиад* — дочери царя Атласа. Они так неутешно оплакивали брата их Гиа, растерзанного львицею, что от печали померли, и превращены в созвездие, которого появление предвозвещает дождливую погоду.

[5] *Нот* — южный ветер.

[6] *Адрий* — Адриатическое море.

[7] *Акрокеравнские* — или просто керавнские высокие горы в Эпире, прилежащие к восточному берегу Адриатического моря, имя их значит громовые, перунные, от греческого слова κεραθνοσ — гром.

[8] *Дедал* — сын Эвлахама и внук Эрехтея, царя афинского, был искуснейший художник Минас, которому в Крите построил он лабиринт, заключил его в оный Он улетел оттуда на составленных им из перьев крыльях.

[9] *Ираклий* — славный Геркулес, сын Юпитера и Алкмены.

[10] *Ахерон* — адская река, через которую переправился Геркулес для изведения Цербера, треглавого пса, стерегущего ад.

ПРОКЛЯТИЕ ДЕРЕВУ

1 Тот в день несчастный и печальный
К работе вредной приступал,
Кто здесь тебя первоначально,
Проклято дерево! сажал:
Рукой злочестья, вероломства
Он вырастил тебя близ дома своего
На гибель позднего потомства,
К стыду села всего.

2 Родному тот отцу, конечно,
В свирепстве череп размозжил
И в темну ночь бесчеловечно
Дом кровью гостя обагрил;
Тот с ядом колхов [1] яд змеиный
Мешал, кто внес тебя в средину рощи сей,
Чтоб ты над головой невинной
Обрушилось моей.

3 Чего страшиться повсечастно,
Век смертный предузнать не мог:

Преплывшему Босфор опасной
Пунийцу[2] уж не страшен рок.
Стрел Парфа, в бегство обращенна,
Боится Марз, того наш меч и цепь страшит;
Но всех нас смерть непредузренна
Разила и разит.

4 Я сам чуть в царстве Прозерпины[3]
Пред грозным не предстал судьей;
Чуть дальной не узрел долины
Предела праведных теней;
Эолки, жертвы дев кичливых,
Алкея, что, златой коснувшися струны,
Пел бедства плаваний бурливых,
И ссылки, и войны.

5 В священной тишине, в молчаньи,
Внимают тени гласу их;
Но песнь о битвах, о изгнаньи
Мучителей, тиранов злых
Дружнее в круг толпу стесняет;
И дивно ль? — лиры их пленили Тартар весь:
Им внемля, уши опускает
Стоглавый черный пес.

6 С власами Эвменид сплетенных
Не слышен свист зиявших змей.
От мук, навеки присужденных,
С Танталом хищный Промефей
В забвеньи отдыхают сладком;
И быстрый Орион, первейший из ловцов,
Не гонит рысей в поле гладком,
Ни в дебре лютых львов.

Проклятие дереву

Кн. II. Ода XIII

[1] *В отравах Колхиды* — нынешняя Мингрелия. Почитали, что страна сия изобиловала ядовитыми растениями. Медея, дочь Аэта, колхидского царя, славилась отравами своими.

[2] *Пунический купец* — Пуниею называлася карфагенская весьма торговая страна.

[3] *Суровой Прозерпины* — дочь Юпитера и Цереры, супруга Плутона, адского бога, с которым она власть разделяла.

БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

1 Почто ты жалобой твоею,
Почто мою терзаешь грудь!
Чтоб ты скорей меня окончил жизни путь.
Несходно с волей то моею,
Несходно с волею богов,
О Меценат, моя подпора и покров!

2 Увы! Коль строгая судьбина
Тебя, о полдуши моей!
Безвременно сразит, почто в разлуке сей
Не столь драгая половина
Здесь будет жертвой скорбей злых?
Нет, нет; — один нас день в гроб сринет обоих

3 Я клялся клятвой неизменной;
Дай руку, друг мой! поспешим:
Коль в невозвратный путь, в последний путь, моим
Предтечей быть тебе сужденно,
Не разлучась, пойдем, пойдем,
И вместе гробовой порог перешагнем.

4 Ни зев Химеры вспламененный,
Ни, вновь родясь, сторукий Гиг[1]
Не разлучат меня с тобою ни на миг:
Так правосудия священный,
Благотворительный завет,
Так милосердных Парк определил совет.

5 Весы[2] ль в день моего рожденья
Приосеняли небосклон,
Взирал ли на меня ужасный Скорпион,[3]
Столь страшный в час его всхожденья;
Предвестник ли морских тревог,
Гесперской глубины владыка, Козерог;

6 Но удивительно согласны
Созвездья наши меж собой.
Сам Юпитер сдержал уж над твоей главой
Удар Сатурна столь ужасный
И крылья рока отягчил,
Когда трикратный плеск феатры оглушил.

7 Под падшим древом пал я б мертвый,
Когда б меня в тот грозный час,

Питомцев Гермеса хранитель, Фавн не спас.
Ты, тучные заклавши жертвы,
Воздвигни храм бессмертным в честь;
А мне довлеет им ягненка лишь принесть.

Болящему другу

Кн. II. Ода XVII

[1] *Гиг* — сын Неба и Земли; он имел сто рук. С братьями своими Гигантами противу богов сражался и был ими свергнут в Тартар.

[2] *Весы* — созвездие месяца августа. Оные приписывают Астрее, дочери Юпитера и Фемиды, богини правосудия, с которою часто ее не различают. Она сошла с неба на землю в начале Золотого века, но при наступлении Железного возвратилась восвояси.

[3] *Скорпион* — созвездие месяца октября. Баснословят, что Скорпион по велении Дианы ужалил в пяту Ориона, хваставшегося, что он не страшится лютейших диких зверей, и желавшего учинить насилие Диане.

НА СМЕРТЬ ДРУГА

1 Оплакивать, увы! главу, нам толь любезну,
Какий предлог иль стыд
Скорбящим воспретит?
О Мельпомена! песнь внуши мне томну, слезну,
Ты, коей с лирой золотой
Богов отец державный
Дарит и голос плавный,
Унылу песнь воспой,

2 И так Квинтилия[1] уж сон одержит вечный!
Где нравов чистота,
Где верность, правота,
Нагая истина и друг чистосердечный,[2]
И Феб, восторгу своему
Предавшийся на лире,
Где сыщут в целом мире
Подобного ему?

3 Все добрые по нем льют горьки токи слезны:
Ты всех горчайший льешь;
Но тщетно к небу шлешь
Умильные мольбы; — уж друга, — друг любезный!
Не оживишь ты своего:
В самих дарах их строги
Тебе послали боги
На краткий срок его!

4 Хоть лиры сладостью сравнишься ты с Орфеем,
Который восхищал
Древа фракийских скал;
Не возвратится кровь в тень, кою кадуцеем
Для смертных страшным толь жезлом,
Через пустынны реки
Меркурий уж навеки
Загнал в подземный дом.

5 Никто из черного к нам не выходит стада,
Которое Плутон
Приемлет в свой загон;
И рок безжалостный замкнул исходы ада.
Несносна скорбь, — но чем смягчить?
Терпенье облегчает,
Чего не возмогает
Ничто переменить.

На смерть друга

Кн. I. Ода XXIV

[1] *Квинтилий (Вар)* — был стихотворец, друг и родственник Виргилия.
[2] *Друг чистосердечный* — я уверен, что благосклонные читатели извинят прибавку сего полустишия и двух следующих стихов, к которой, соответственно чувству Горация, побудило меня воспоминание о собственной моей потере — о смерти друга моего Державина.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СТИХОТВОРЦА

1 О Меценат, царей потомок тирренийских,
Моя и слава и покров!
Иной в ристаньях олимпийских,
От колесницы пыль клубя до облаков,
Коль быстро колесом горящим
Мету опасну облетит,
Венчанный пальмою, к богам, земле судящим,
Уже себя вознесенным чтит.

2 Сего, коль рвение толпы непостоянной
На вышни почести взведет;
Того, коль в Ливии пространной
Все жатвы в житницу он собственну сберет;
Любящего сохой своею
Наследственны поля пахать
За жребий Аттала не подстрекнешь ладьею
Эгей свирепый рассекать.

3 Купец, со трепетом зря бурный Афр полдневный
В борьбе с икарскою волной,
При ужасах пучины гневной
Спокойство хвалит сел, приют укромный свой;
Но вдруг, лишь буря утихает
И зыбь скалу престанет бить,
Он утлую ладью поспешно исправляет,
Бессилен нищету сносить.

4 С бокалом старого мессийска гроздна сока
Тот, легши под древесну тень
Иль близ священного потока,
Проводит леностно от утра целый день;
Другие любят ратны станы,
Смешенный труб с пищальми звук
И Марса грозного потеху, подвиг бранный,
Для матерей источник мук.

5 Под кровом светлых звезд ловец зимой ночует,
Хотя жена младая ждет,
Коль серну верный пес почует
Иль дерзкий вепрь в лесу тенета разорвет.
Меня ж священный плющ равняет
С богами, вводит в их собор,
Меня в прохладе рощ от черни отделяет
Сатир и Нимф прелестный хор.

6 Свирели коль своей игривой, сладкогласной
Эвтерпа мне не возбранит
И Полимния коль согласно
Лесвийску громкую мне лютню острунит;
Когда, о Меценат! тобою
Причтусь к лирическим певцам,
Над злобной завистью взнесенною главою
Коснусь я звездным небесам!

К МЕЛЬПОМЕНЕ

1 О Мельпомена! [1] кто приятный,
Рождаясь, взгляд твой привлечет,
Того истмийский подвиг [2] знатный
За крепость мышц в бою хвалой не вознесет;
Не мчат там быстры кобылицы
Его победной колесницы; [3]
Народам Капитол вождя не кажет в нем,

Смирившего царей надменных
И средь трофеев вознесенных
Венчанна Фебовым венцом.[4]
Но шум Тибурска водопада,
Поящего роскошный луг,
Тенистой рощицы прохлада
В пленительный восторг его приводят дух;
Но эолийскими стихами[5]
Он будет славен меж творцами:
Столица мира, Рим, уже меня в причет
Певцов приемлет знаменитый,
И меньше злобно ядовитый
Меня зуб зависти грызет.

О ты, что плавно размеряешь
Звук лиры золотой моей,
Могуща, если пожелаешь,
И рыбам дать немым глас нежный лебедей,[6]
О Муза![7] я тебе обязан,
Что всеми перстом здесь указан,
Как первый от Ахей занявший лирный строй.
Что жив,[8] что песнями пленяю,
Коль сим ласкать себя дерзаю,
Тебе обязан тем одной.

К Мельпомене

Кн. IV. Ода III

[1] *Мельпомена* — одна из муз, наставница в трагедии и витийственном искусстве. Гораций принимает ее здесь в общем смысле, богини стихотворства.

[2] *Истмийских* — так назывались славные греческие игры, которые Сизиф, царь Коринфский, учредил в честь Мелисерта на пространном мысе близ храма Нептунова. Оне не отличались от Олимпийских игр, как только тем, что праздновались чрез каждыя трилетия и что победители венчаемы были сосновыми ветвами.

[3] *В Ахейской колеснице* — название страны, которой столицею был Коринф. Именем сим называли и всю Грецию.

[4] *Делийскими ветвями* — то есть лавровым венком, посвященным Аполлону, родившемуся в Делосе.

[5] *Эолийские стихи* — Гораций называет стихи свои Эолийскими, поелику подражал в оных Алкею и Сафе, уроженцев Митилены, города Эолийскаго и столицы острова Лесбоса.

[6] *Голос лебедей* — в древности думали, что лебеди наипаче перед смертью своей весьма приятно пели.

[7] *Пиерида* — пиеры, фракийский народ, оставя родину свою, овладели частью Македонии и посвятили там два источника Пимплею и Парию — музам, от которых они Пиеридами и Пимплеидами названы.

[8] *Что жив* — Гораций спасение своей жизни на филипийском сражении и по случаю упавшего дуба, чуть было его не убившаго, равно как избавление при кораблекрушении у Полинурского мыса приписывает музам. См. Кн. 11. Ода VII и Кн. III. Ода IV.

ПИИТ-ЛЕБЕДЬ

1 На крыльях дивных и могучих,
Певец двувидный,[1] я помчусь
В эфир, верх облаков плывучих,
С земною перстью разлучусь;
Над завистью взнесенный злою,
Оставлю грады под пятою!..

2 Нет, нет! — хоть род мой не богат,
Но если ты твоим любезным
Зовешь меня, о Меценат!
То не умру; — багром железным
Харон в ладью не повлечет,
За Стиксом[2] не устережет.

3 Уж голени мои покрылись
Шаршавой, жесткой кожей вдруг;
Власы седые превратились
В волнистый, белоснежный пух;
Из перстов перья показались
И мягко по плечам расстлались.

4 Надежней, чем Дедала сын,
Как лебедь, сладку песнь гласящий,
С зенитных я узрю вершин
Босфор, в крутых брегах стенящий,
Пески сыпучи Гетулян[3]
И степи Гипербореан.[4]

5 Моею песнью Колх[5] пленится,
И Дак,[6] что в близкий брани час
Притворно Марзов[7] не страшится,
Гелон, столь удален от нас;
Иберы,[8] мудрыми слывущи,
И Галл, струи Родана[9] пьющий!

6 Прочь Нении[10] слезливый лик,
Унылы песни и цевницы,
Постыдный сетующих клик
Вкруг праздныя моей гробницы!
Прочь вопли, погребальный стон
И лишня почесть похорон!

Кн. II. Ода XX

[1] *Двуобразный певец* — то есть Пиит-Лебедь, в котораго он себя преображает.

[2] *Стигийские струи* — Стикс, адская река.

[3] *Гетулийские песчаные моря* — Гетулия — часть Мавритании близ горы Атласа, но поелику народы сии часто переходили с места на место и не имели постоянных жилищ, то вся Африка проименовалась Гетулиею.

[4] *Степи Гиперборейские* — г-н Дасье говорит, что гипербореец означает живущих за Бореем, полунощным ветром; но как ветер сей дует от северной оси земли, то есть от самаго края оной, то смешно было бы предполагать за оным жителей; для того повествовавшие о Гиперборейцах должны были бы принимать имя их в благоразумнейшем смысле и не означать оным людей, живущих за ветром Бореем не ближе всех прочих к нему, или к полунощной оси живущих северных народов. Греки часто присовокупляли предлог ипер (ὑπέρ) *выше, чрез* к существительным именам для превращения их в превосходительную степень: таким образом, говорили они, ὑπέρπικρος иперпикрос — *выше горного* вместо πικρότατος пикротатос — *весьма горький, прегорький;* ὑπέρξυρος иперксирос — *выше сухаго* вместо ξηρότατος ксиротатос — *весьма сухой, пресухой.* Я старался доказать, что Гиперборейцы были славянского поколения. Народ — один из оных и в позднейшие времена назывался *Севера*, то есть: *Северане.* Легко было баснословным грекам назвать живущий за оным народ Гиперборейцами, еще более северным народом.

[5] *Колх* — Колхида по золотому руну, Язоном похищенному, весьма известна: она лежит на восточном краю Черного моря и орошается рекою Фазом, в оное море проливающимся.

[6] *Дак* — см. выше стр. 55.

[7] *Марзских* — марзы соседственный народ с римлянами, из онаго составлялась лучшая римская пехота.

[8] *Мудрый иберец* — Гораций называет гишпанцев учеными, потому что во время Августа они весьма прилежали к словесным наукам.

[9] *Роданские струи* — известная ныне река Рон во Франции.

[10] *Нения* — богиня похорон, слез и жалоб.

‹О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА›

1 Охотно б чаши, бронзы редки
Я в дар принес моим друзьям;
Треноги, что Ахеян предки
Дарили храбрым их вождям;[1]
И если б был богат искусством,
Которым Скопас и Фарраз[2]
С толь дивным, превосходным чувством
Отделывали напоказ,
Тот в камне, кистью сей живою,
То смертных вид, то лик богов,
Тебе б признательной рукою
Принес я лучший из даров.

2 Но сим искусством, — сам ты знаешь,
О Цензорин![3] я не богат:
И от убогих не желаешь
Толь драгоценных ты заплат;[4]
Притом ты мыслишь, что не нужно
Приумножать диковин сбор,
Чтоб ими только в час досужной
Развлечь или забавить взор.
Стихи ты любишь: — так стихами
Тебя мы можем подарить,
Издревле чтимое веками
Достоинство их объяснить.

3 Черты, на мраморе блестящи,
Из темных гробовых дверей
Вновь к жизни, к славе возводящи
Героев, доблестных вождей;
Угрозы исступленны, яры
Бегуща Ганнибала вспять
И буйной Пунии пожары
Так громко не могли вещать
О том, кому им покоренна
Прозванье Африка дарит,[5]
Как лира, Фебом оструненна,
Калабрских вещих Пиерид.[6]

4 Коль лиры зомолчат златые,[7]
Лишится добродетель мзды:
Что был бы нам твой сын, Иллия![8]
Когда бы Ромула труды
Завистливо молчанье скрыло?
Священного восторга полн,
Пиит, исторг витийства силой
Эака из стигийских волн.[9]
Пииты, их хвалы правдивы,
Их благосклонная молва
Для олтарей его счастливы
Определили острова.[10]

5 От смерти Муза избавляет
И небо доблестям дарит:
Ираклий с ней в Олимп вступает[11]
И с Дием трапезу делит;
На вознесенны круги звездны
Кастор и Поллукс так взошли[12]

И в бурю из морския бездны
Крушимы взводят корабли;
Так, гроздным листвием венчанный,
И Вакх, приемля наш обет,
Предначинаниям желанный
Конец благоуспешно шлет.[13]

‹О достоинстве стихотворства›

Кн. IV. Ода VIII

[1] *Ахеян предки дарили храбрым их вождям* — во многих местах у древних видим, что чаши, треноги и лохани были весьма лестные для героев подарки. В XIX песне Иллияды Ахиллес получает от Агамемнона 20 лохань и 7 треногов; Плавт упоминает о чаше, подаренной Амфитриону.

[2] *Фарраз и Скопас* — тот был искусный ваятель, а сей эфесский живописец, современник Кзейкса; жившие в начале V-го столетия прежде Р. X.

[3] *О Цензорин!* — Кай Марций Цензорин был консулом; он служил при Кайе Кесаре, внуке Августа; сопутствовал ему в Сирию, где и умер. — Валлей Патеркул свидетельствует, что Рим весьма сожалел о его кончине.

[4] *Не желаешь толь драгоценных ты заплат* — г-н Дасье переводит слова: nec tibi talium res est, aut animus deliciarum egens; heureusement pour moi; vous etes assêz bien garni de toutes ces curiositez, et vous n'en souhaitez pas davantage. К счастию моему, вы довольно запасены редкостьми сими и не желаете более. Он думает, что Гораций не хотел сказать о Цензорине, что он пренебрегает статуи и картины; но что более не жадничает доставать их, имея уже довольно. — Осмелюсь заметить, руководствуясь мнениями многих переводчиков, что сие заключение г-на Дасье кажется мне не справедливым. Во-первых, слова talium, воздаяние, res, имение дали мне повод мыслить, что полустишие nec tibi talium res est значит просто: ни заплата тебя не обогатит. Из чего предположить можно, что Цензорин подарил Горацию какую-нибудь картину, или бронзу, чем сей равномерно отдарить его не был в состоянии. Во-вторых, слово deliciarum, игрушка, безделка, каковыми и сам г-н Дасье признает статуи и картины в сравнении с стихами, определяет, кажется, совсем противный мнению его смысл; и что словами aut animus deliciarum egens Гораций необинуясь говорит: ум твой не имеет нужды в игрушках; gaudes corminibus — любишь стихи; а вслед за сим, предпочитая оные игрушкам, картинам и бронзам, объясняет, что вырезанные на памятниках похвальныя надписи, изображения славных подвигов не приносят того бессмертия знаменитым мужам, каковое доставляют им музы, внушающия пиитов.

[5] *Прозванье Африка дарит* — г-н Дасье справедливо попрекает Горация, что он смешивает здесь неодновременные события и разные лица: бегство Ганниабала относится ко второй, а сожжение Карфагены — к третей Пунической войне, в которых предводительствовали в оной великий Сципион, а в сей, пятьдесят лет спустя, Эмилиян Сципион, по усыновлению внук его. Но как оба Сципионы сии проименованы были Африканскими, то и выражения Горация могут как вообще, так и особенно к обоим относиться. Не бесполезным нахожу заметить, что стихотворческие здесь картины Гораций, без сумнения, списал не с надписей, как г-н Дасье заключает, но с изваяний на памятниках, воздвигнутых в честь обоих победителей.

[6] *Калабрских вещих Пиерид* — Гораций означает здесь пиита Энния, уроженца Рудии, небольшаго города в Калабрии, в числе многих сочине-

ний его написал он 18-ть книг летописей, содержащих повесть Рима, по 377-ий год от основания онаго. — Гораций имеет в виду сии летописи; ибо в оных Энний воспел похвалы Сципиона, а найпаче победу, одержанную им над Ганнибалом в Африке.

[7] *Коль лиры замолчат златыя* — прошу извинения, что здесь предпочел я лиры свиткам Горация chartae, которые делались по большей части из пергамена и служили древним вместо книг.

[8] *Твой сын, Иллия!* — Сожалею сердечно, что мера стиха не позволила мне сочетать Марса с Иллиею; она была мать Ромула, дочь Нумитора, потомка Энеева: — брат его Амул, не только отнял у него царство; но дабы не имел он наследников, принудил дочь его Илию быть жрицею Весты; а потом повелел утопить ее в реке Анние; по иным же преданиям в Тибре. — Сию несчастную жертву властолюбия одни называют Иллиею, а другие Реею Сильвиею.

[9] *Эака из стигийских волн.* — Эак был сын Юпитера и Эгины, отец Пелея и Теламона, один из адских судей, заведовал европейские народы. Стиксом назывался один источник в Аркадии, вода оного была смертоносна, и для того то пииты почитали ее адскою рекою. — Не во гнев баснословам грекам, река Стикс никогда не протекала в Аркадии, но на крае севера. Чтоб удостовериться в истине сей, стоит только со вниманием прочитать описание оной в Гезиоде — см. богорождение от 713-го по 819 стих; а в переводе г-на Жина 157 до 165 страницы.

[10] *Для алтарей его счастливы определили острова* — богатые острова, divites, insulae, Lactas sedes, именем сим означались поля Элисейския, полагаемыя иными в Андалузии, области испанской; поелику она не остров, то некоторые признавали райскими богатыми островами, лежащими в Атлантическом море, Канарские и другие соседственные им острова.

[11] *Ираклий с ней в Олимп вступает* — многочисленные подвиги его всем известны; они доставили ему исключительное преимущество участвовать в пиршестве богов, поелику и живого его не мог удержать Тартар — сия вечною ночью покрытая страна.

[12] *Кастор и Поллукс так взошли* — они были дети Тиндара и Леды, братья Елены.

[13] *Конец благоуспешно шлет* — таковое мнение заставило одного греческого вития сказать о Бахусе, что он друг всякого времени и Фортуны. Я думаю, что женолюбивый весельчак Гораций имел другие причины сказать о боге вина, что он приводит мольбы к благому концу.

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

Я памятник себе воздвигнул долговечный;
Превыше пирамид[1] и крепче меди он.
Ни едкие дожди, ни бурный Аквилон,
Ни цепь несметных лет, ни время быстротечно —
Не сокрушат его. — Не весь умру я; нет:
Большая часть меня от строгих Парк уйдет;
В потомстве возрасту я славой справедливой:
И в гордый Капитол с Весталкой молчаливой[2]
Доколе будет жрец торжественно всходить,
Не перестанет всем молва о мне твердить,
Что тамо, где Авфид[3] стремит ревущи воды
И в дебрях где простым народом Давн[4] владел,
Я первый, вознесясь от низкия породы,

В латинские стихи эольску меру ввел.[5]
Гордись блистательным отличьем, Мельпомена!
Гордись: права тебе достоинство дало.
Из лавра Дельфского,[6] в честь Фебу посвященна,
Венок бессмертный свив, укрась мое чело.

Памятник Горация

Кн. III. Ода XXX

[1] *Пирамид* — эгипетские пирамиды известны всем.

[2] *Молчаливою девою* — весталки обязаны были безмолвствовать при жертвоприношениях.

[3] *Авфид* — река в Апулии, нынешняя Сфанте.

[4] *Давн* — сын Поливна и Данаи, царь Давнии, которая от него заимствовала свое имя.

[5] *Италийской мере* — часто замечено было, что Гораций хвастается заимствованием Алкеева стихоразмерения.

[6] *Дельфийским лавром* — посвященным Аполлону, рожденным Латоною в острове Делосе.

К СЛУГЕ

1 Не люблю персидской пышности,[1]
Мальчик! и в венках мне нужды нет,
Тонким лычком перевязанных;[2]
Не трудись искать, где поздняя
Роза здесь еще цветет.

2 Без хлопот, простою миртою
Я доволен: мирта скромная
Нам прилична, как тебе, слуге,
Так и мне, когда под ветвями
Виноградными я пью.

К слуге

Кн. I. Ода XXXVIII

[1] *Пышность персидскую* — чтоб судить о великолепии пиршеств персидских, нужно только прочитать первые две главы Эсфиры.

[2] *Лычком перевязанных* — римляне, по-видимому, не знали еще тогда употребления шелковых лент и не гнушались тонкою корою липы.

ФАВНУ

1 Охотник с Нимфами резвиться,
О Фавн! когда тебе случится
Пройти близ сада моего,

Приход да будет благодатен
И стаду моему приятен:
Ягненков пощади его.

2 Всегда, как только год кончаю,
Тебе козленка обрекаю;
Из чаши полныя ручьем
Вино, Кипридин друг, лиется,
И фимиам обильный жжется
На древнем олтаре твоем.

3 Когда декабрь ни возвратится,
С весельем стадо в луг стремится;
В селе все праздник твой святят.
Быки на паствах отдыхают,
И волки смирно там блуждают
Меж безбоязненных ягнят.

4 Какими ты пойдешь путями,
Лес усыпает их листами;
И виноделатель тогда
Веселу пляску затевает;
Стопами в землю ударяет,
Столь много стоющу труда.

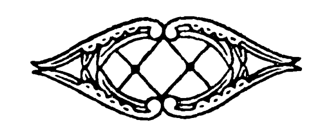
К ПИРРЕ

1 Какой прелестник ловкий, статной
В вертепе неги и прохлад
Опрыскан влагой ароматной,
О Пирра! средь любви отрад
В восторге прижимает нежном
Тебя на мягком ложе роз,
И для кого плетешь в небрежном
Убранстве злато льнистых кос?

2 Увы! коль крат любви обманы
И лесть Сирениных речей,
И клятвы, пред богами данны,
Оплачет несчастливец сей!
Коль кратно моря треволненье
И вспененный его хребет
Неопытного в изумленье,
В тревогу, в горесть приведет!

3 Теперь, пленен тобой, беспечно
Он ослепляется мечтой,
Что будешь ты любезна вечно
И вечно искренна душой;
Теперь твой взор его прельщает,
Как вид кристальных тихих вод;
Но, ах! мечтатель сей не знает
Изменных моря непогод!

4 Несчастны, что тобой плененны
Тебя узнали лишь слегка;
О мне ж внесенна в храм священный
Обетна на стене доска
Свидетель, что, от злостраданья
Средь бурных избежав зыбей,
Одежды мокры в дар признанья
Царю я посвятил морей.



СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна любовь к отечественной словесности и желание споспешествовать оной объяснением некоторых темных мест древнейшего памятника нашего витийства могут извинить смелость, которую беру предложить читателям новый перевод «Слова о полку Игореве». — Первый издан был в 1800 годе одним из просвещеннейших любителей нашей древности, его сиятельством графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным. Ему обязаны мы благодарностию за сей неоцененный подарок, доказывающий, что вскоре после введения к нам христианства имели мы уже собственного Оссияна в творце песни о несчастном ополчении храброго князя Игоря и Орфея в предшественнике его Бояне.

Сочинение сие объяснено и в приличнейшей вид преобразовано почтенным господином Российской Академии Президентом его превосходительством Александром Семеновичем Шишковым.[1] С отличною разборчивостию и изящным вкусом изложил он витийственныя красоты сего творения, и тем заслуживает достодолжную признательность всех любителей отечественного слова. Не находя ничего присовокупить к его по сей части суждениям, предпринял я только сделать опыт маловажных исторических исследований, на которые, как из объяснений его видно, не хотел он обратить своего внимания.[2]

В немногих местах, при изъяснении смысла древних речений или повествования, принужден я был несколько удалиться от мнения прежних почтенных господ издателей; и хотя делал сие со всевозможною осмотрительностию, но не утверждаю отнюдь

---

[1] Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией наук, ч. 1, стр. 77—201.

[2] Там же, стр. 126.

заключений моих, отдаю оныя как догадки на собственный им просвещенный суд; притом с откровенностию предварительно удостоверить могу, что уважение, которое к ним в душе моей питаю, заглуша чувство сочинительского самолюбия, сделает признание в моих ошибках весьма для меня приятным.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О НЕСЧАСТНОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВУ ПОЛОВЦЕВ УДЕЛЬНОГО НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО КНЯЗЯ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА И О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ИЗ ПЛЕНА С ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМ СОДЕРЖАНИЯ ПЕСНИ О ПОХОДЕ СЕМ

Первоначально нахожу необходимым предуведомить читателей моих, что в описании похода сего и последствий онаго почерпнул я все подробности из истории г-на Татищева, который обстоятельнее всех прочих дееписателей о сем повествует; но как многие ревностные и разборчивые исследователи отечественной истории не без основания сумневаются о истине некоторых описанных им происшествий и даже о подлинности приводимых им свидетельств, а потому могут простереть недоверчивость свою и на его подробное описание сего похода, для того долгом поставляю доказать, что в сем случае повесть его заслуживает совершенное вероятие.

Во-первых, я не вижу побудительных причин, для которых захотел бы г. Татищев при описании сего, в истории отечественной весьма неважного происшествия, взять на себя труд выдумывать небылицы.

Подозрительную Иоакимовскую летопись мог уважить он единственно потому, что в оной находятся древнейшия Несторовых предания, а может быть, и по отечественному славолюбию, дабы Рюрика породнить несколько с славенским, под его начальство отдавшимся народом. Но никакому справедливому и беспристрастному человеку не прийдет в мысль предположить, что г-н Татищев сам сочинил приведенные из вышеупомянутой летописи выписки. — Если оная и в самом деле подложная, то извинительно было ему обмануться некоторым вероподобием в оной находящихся, тем более, что и после его уважена она была г-н Болтиным, в отечественной истории обширными сведениями обогащенным, и вообще весьма просвещенным человеком, которому и иностранные писатели отдают в сем достодолжную справедливость (см. Шлецера, Нестор, перев., стр. рог). Пример г. Болтина извиняет доверчивость г-на Тати-

щева. Впрочем, справедливость заставляет сказать, что он не слепо веровал приводимой им в выписках Иоакимовой летописи и ссылался на нее с явною осмотрительностию, не позволявшую ему дополнять оною временника Несторова, за основание Российской истории им положенного; в чем беспристрастную справедливость отдает ему почтеннейший г-н Миллер в его предисловии ко второй книге истории г. Татищева;[3] равно как и г-н Шлецер (см. Нестор, перев., стр. 19). Сей просвещенный исследователь древностей российских ежели в нескольких местах истории г-на Татищева находит некоторые слова, с отменою противу Несторова временника поставленныя, то сие произошло, по-видимому, от того, что, рассматривая разного почерка неисправныя рукописи, при встретившихся недоумениях давал он невразумительным или двузнаменательным словам смысл, сообразный с его о каком-либо предмете мнением, основанным на доказательствах, которые казались ему вероподобными. Сверх сего многие в истории его ошибки должны непременно отнесены быть на счет дурных переписчиков и на корректоров типографских. К первому предположению дает весьма основательный повод г-н Миллер в предисловии ко второй книге г-на Татищева, а второе заключение оправдывается многими явными опечатками.

Впрочем, возможно ли без достовернейших обличений упрекать явно умышленным подлогом и выдумками человека, который не по ремеслу, не для снискания куска хлеба, но единственно по любви к отечественной истории посвятил оный труд большей части своей жизни? — Возможно ли, например, предположить, чтоб он умышленно заставил Нестора положить Британию в Адриатическом заливе?[4]

---

[3] Речь идет об «Истории Российской с самых древних времен», кн. I—III (книга I состоит из двух частей). Капнист в ссылках на это издание при обозначении номера книги употребляет то слово «том», то — «часть», имея в виду книгу. — *Примечание редактора.*

[4] Г-н Шлецер (см. Нестор, перев., стр. 33) говорит, между прочим, о г. Татищеве: «а в Адриатическом заливе полагает он острова Британию, Сицилию (!)» Для отвращения сей упреки представлю, что при мнимом разделе земли между ноевыми сынами, Нестор повествует: Афетова же полунощная страна и Западная Мидия, Олвания... Лухотия, Андриякия, Андриатическая пучина имать же и островы Вританию, Сихилию (см. Нестор, стр. 1). У г-на Татищева написано: Яфету же досталось полунощная и западная страна яко: Мидия, Албания, Ликидия, Андриякия, Андриятический иже залив имеет острова Вретанию, Синилию... (см. часть II, стр. 2). Здесь непростительная ошибка переписчика бросается в глаза. Во-первых, г-н Татищев старался писать не славенским, но употребительным руским слогом (как и сам в своем предизвещении на XXV странице изъясняется), а потому относительного местоимения иже (который)

Г-н Татищев мог ошибаться в своих заключениях, выводить Рюрика из Финляндии, почитая озеро Ладогу Варяженным морем; но из сего не следует, чтоб он был наглый враль и сплетатель небылиц. Напротив того, справедливость заставляет признаться, что при всех его ошибках он достоин общего всех словесности русской любителей почтения и благодарности за ревностный, великий тридцатилетний труд, который предпринял он для отечественной истории, равно как и за многия полезныя, касательно до оной исследования.

«Но, скажут осуждатели его, он много в своей истории вообще, а часто в описании похода Игорева поместил таких подробностей, которых теперь ни в каких летописях не находим». На сие ответствую: точно ли нам ныне все его летописи известны? Противное тому доказывается тем, что из двенадцати поименованных им теперь мы только восемь имеем; а из сего обнаруживается ясно, что в исторических подробностях г-н Татищев мог руководствоваться потерянными после его смерти временниками и почерпать сведения из неизвестных нам источников; но, конечно, не брал на себя предосудительного и часто бесполезного труда выдумывать происшествия.

За сим, да позволено мне будет попытаться доказать, что подробности описаннаго им похода Игорева заимствовал он из какой-либо летописи, а не из своего воображения.

Во-первых, вопрошаю: какое побуждение мог иметь г-н Татищев к распространению вымыслами повести о походе князя Игоря? — Происшествие сие не служит к славе русского оружия. Пристрастный к чести отечества писатель охотнее сократил бы предание сие или и вовсе выбросил оное.

Во-вторых, следует важный вопрос: читал ли г-н Татищев Слово о полку Игореве или же не имел о нем никакого сведения? Ежели он читал сие сочинение, то, верно, не пропустил бы где-нибудь упомянуть о нем, как о весьма любопытном

нигде не поставлял. Во-вторых, речь Андриятический иже залив имеет острова есть совершенно противна правилам грамматики: должно было бы написать: Андриатинской залив иже имеет острова; поелику же г-н Татищев, ежели б и словенское употреблял местоимение, таковой грамматической ошибки сделать не мог, то утвердительно сказать должно, что он, переводя речь славенскую Нестора: Андриякия, Андриятииская пучина имать же и острова Вретанию, а не смысленный переписчик, переворотя слова же и, поставя оные не у места, между прилагательным Андриятитской и существительным залив, написал Андриятитской иже залив. Сим самым навел сумнение на г-на Татищева, что он Британию положил в Андриятическом заливе. — Предосудительно однако ж столь просвещенному критику, как г-н Шлецер, позволя ввесть себя в столь очевидное заблуждение, оскорбить не основательною упрекою историка, который без сомнения был довольно изучен, по крайней мере новой географии.

памятнике древней отечественной словесности; тем более, что он даже русские простонародные песни в свидетельство приводит (см. часть I, стр. 50, прим. 45. О Путяти). Притом в повествовании о походе Игоря как деописатель заимствовал бы он из сего витийственнаго сочинения многия обстоятельства, к истории относящиеся. Ежели же он не читал его, то каким чудесным образом мог в подробностях повести своей повстречаться с разными находящимися там известиями?

Доказательство, что г-н Татищев не читал Слова о полку Игоря, извлекаю я из того, что в повести своей противуречит он описанным в сем сочинении происшествиям, например: он определяет сие несчастное сражение при реке Сальнице и Суугле, а в Слове о полку Игореве полагается оно при реке Каяле; слово стяг признает он за однозначущее с пехотою (см. мое 57 примеч.). Сего, конечно, не утверждал бы он, если бы нашел в сем сочинении, что половецкий червлен стяг, белая хоругв, червлена чолка, сребрено стружие достались после первой победы князю Игорю (см. стр. стр‹ок.›).

Сверх сего г-н Татищев утверждает, что князь Игорь бежал из плена сам пять, а в Слове о полку Игореве сей князь сопровождается одним только Авлуром, даже имя сие преобратил г-н Татищев в Лавера. — Притом после разбития и пленения Игоря повествует он о нападениях на Россию половецких князей — Кончака и Гзи; а в Слове о полку Игореве нашествия сии приписываются Карне и Жле (см. стр. стр‹ок.›). Наконец, явственнее всего доказывается несведение г-на Татищева о сей достопамятной поэме тем, что в оной бояре, толкуя сон в. к. Святослава III-го, доносят о Игоре, что он хотел поискать града Тьмутороканя, а любо испити шеломом Дону (см. стр. стр‹ок.›). Слова сии означают положение Тмутороканя у Дона или за оным; а г-н Татищев переносит город сей в Рязанскую область (см. часть 2, стр. 421).

Таковые противоречия удостоверяют совершенно, что он не имел сведения о сем древнейшем русского витийства памятнике; но, с другой стороны, видим многие сходства повествований его с находящимися в оном. Как то: затмение солнца, случившееся при переходе чрез Дон (или Донец), день первой русских над половцами победы, пятницею означенный, и даже точность времени продолжения битвы сей. Приход Кончака на помощь половцам — свидетельство об отличной храбрости князя Всеволода при отступлении войск российских, и даже видим, что некоторые обстоятельства о возвратном Игоря пути через Днепр и о нахождении его в плену у Кончака, в Слове о полку Игореве заключающиеся, подкрепляют повесть г-на Татищева.

Все сии соображения отнюдь не выдумки его, но истину, основанную на свидетельстве какого-либо ныне неизвестного нам временника, обнаруживают, а потому в историческом содержании песни о походе Игоря и в моих на оную примечаниях почел я долгом руководствоваться повестью г-на Татищева с некоторым токмо критическим исследованием в тех местах, где оная показалась мне противоречущею собственным его словам, как то: о времени сражения и прочая. — Со всем тем не скрываю от читателей подозрения моего, что, может быть, и сии места ошибками переписчиков обезображены и представлены не в истинном их виде.

Отдавая все сии предварительные заключения на просвещенный суд читателей, приступаю к начертанию краткого исторического содержания песни о походе князя Игоря.

Удельный князь Новгорода-Северского Игорь, сын Святослава Ольговича, в 1186 годе, не успев соединиться с великим князем киевским Святославом III Всеволодовичем в походе его противу половецкаго же князя Кончака, шедшего войною к переяславским пределам, по одержании уже в. к. Святославом над ним близ Хорола победы, решился идтить войною на половцев, около Донца обитающих; по-видимому, надеялся он, что, может быть, большая часть их, находившаяся в войске Кончака, по разбитии онаго не в состоянии была вскоре совокупиться для защиты собственных отдаленных пределов (см. Тат., часть III, стр. 258). Чаятельно в сем мнении утверждало его и то, что великий князь Святослав III послал тогда же Романа Гнездиловича с берендеями на половцев, вниз по Днепру обитающих (см. Тат., часть III, стр. 261), а тем принудил их разделить силы свои в две разные стороны. Итак, князь Игорь, стараясь употребить сии обстоятельства в свою пользу, предпринял поход на половцев к Донцу. Для сего пригласил он родного брата своего Всеволода из Трубчевска; и апреля 13 числа (см. Тат., часть III, стр. 261) из Новгорода-Северского выступил с племянником своим Святославом Ольговичем удельным князем рыльским, да с сыном своим Владимиром путивльским и с вспомогательным князя Ярослава Всеволодовича черниговского войском, под предводительством Ольстина Олешича внука Прохорова находящимся.

Он шел тихо в ожидании соединения войск с братом его Всеволодом, другою к нему дорогою, по-видимому изюмскою, поспешающих. I-го майя пришел он к Донцу. Тут пред вечером случилось такое солнечное затмение, что звезды были видны. Суеверные, испугавшись сего мнимого несчастного предзнаменования, советовали князю Игорю возвратиться, но он отверг сие робкое предложение (см. Тат., часть III, стр. 262). Потом, пере-

правясь через Донец, пошел к реке Осколу и там ожидал два дни брата своего Всеволода. Соединясь, выступили они к реке Сальнице, где от передового войска черниговскаго получили уведомление, что показывается множество вооруженных половцев. Некоторые малодушные и тогда советовали отступить, представляя, что враги приуготовились к отпору и, может быть, в великом множестве находятся; воеводы ж говорили, что отступление послужит в великий стыд, тягчайшей смерти, и что лучше, положась на волю божию, идти на супостатов, и так согласясь, продолжали к ним путь чрез всю ночь; поутру в пятницу, около обеда, увидели половцев, которые, убирая станы свои, отступали назад; русские ж стояли за рекою Сууглою и устроили войско свое на шесть полков: Игорев полк в средине, на правом крыле брат его Всеволод, на левом племянник Святослав, напереди двенадцатилетний сын Игоря Владимир с двумя полками, а черниговский полк с Ольстиным назади для вспоможения тем, которые начнут ослабевать. Из стрелков же составлен был третий полк напереди.

Пришед к реке Суугли, встретили они стрелков половецких, которые, пустя по одной стреле, побежали назад, и, видя множество войска половецкого, и что сами далеко за реки зашли, не советовали гнаться за ними; но молодые князья Святослав Ольгович и Владимир Игоревич, не слушая совета старых и желая честь прежде времени приобресть, бросились без повеления Игоря и Всеволода за реку противу половцев с воеводою Ольстиным. Игорь, видя сие, пошел за ними тихо, не распуская полков. Половцы ж отступили от реки за гору, а передовые русские войска, напав на половецкие, разбили их, и, дошедши до станов, много полона взяли и ночью привели некоторых к полкам Игоревым, а сами, не возвратясь, остановились на том же месте. Игорь, услыша, что половцы собрались в множестве, посылал повеление к начальствующим передовыми войсками, чтобы возвратились для заблаговременного отступления. — Святослав Ольгович, по принуждению к дядям своим возвратившися, представлял им, что далеко гонявшись за половцами и утомив коней, не может за главным войском успеть, ежели тотчас отступить должно; с ним Всеволод был одного мнения, хотя все прочие советовали отступать, дабы дойтить до реки. Игорь, послушав Святослава Ольговича, позволил им отдохнуть, и уже пред рассветом, совокупясь, пошли обратно к Донцу. Половцы рано поутру со всею силою напали на полки Игоревы и объехали оные кругом. Русские, рассудя, что на конях биться невозможно, все, спешась, отступили в надежде дойтить до Донца. Князья же хотя и могли коньми уйти, но Игорь на сие не согласился; и так несколько времени отступали русские войска в порядке, но когда

князь Игорь был в левую руку так тяжело ранен, что оною владеть не мог, то сие привело их в великое уныние. Совсем тем весь тот день и всю ночь субботную, отражая крепко врагов, отступали они в устройстве, хотя многих побивали половцы, не чувствующие большой потери по своей многочисленности. — В воскресенье на рассвете смешался полк черниговский и побежал. — Игорь поскакал возвратить оный, но, видя уже отдалившегося, сняв для тягости шлем, скакал к своим войскам обратно. Тогда половцы, видя его одного, объехали кругом за перестрел от его полку и взяли в плен. Всеволод со всевозможною храбростию боролся выручить его, но не успел и весьма тем опечалился, говоря, что лучше умереть, нежели брата в плену оставить.

Он сражался с врагами, идя подле озера до тех пор, пока стрел не стало и копие переломилось. — Половцы, видя главного предводителя в своих руках, жестоко нападали, и, стреляя из тьмочисленных луков и самострелов, также с копьями и саблями въехав в утомленные русские полки, многих порубили и до 5000 со всеми князьями взяли в плен. Потом половцы разделили князей меж собой: князя Игоря взял воевода Торков Галбук; Всеволода — князь Роман, Святослава Ольговича — Елдучок Баркевич. — Но Кончак, видя Игоря раненого, взял на свои поруки. Из всего русскаго войска, по свидетельству Нестора (см. стр. 278), никто не спасся, чтоб весть принести; но Татищев полагает, что возвратилось игоревых не более 215 человек; а из черниговского легкого войска, хотя и много ушло, но мало спаслось; ибо, говорит он, множество их в море потонуло (см. Тат., часть III, стр. 265).

Г-н Татищев уверяет, что сие несчастное сражение кончилось во вторую неделю пасхи, случившейся 1183 года 21 апреля (см. Тат., часть III, стр. 261 и 263), но он как в годе, так и в днесчислении ошибся (см. Нестор, стр. 216 и Стриттер, часть I, стр. 463 прим. 2, стр. 464), ибо если пасха была, как г-н Татищев уверяет, апреля 21, то вторая неделя была 28 числа. — Затмение же солнца задолго пред сражением, и когда Игорь еще Донца не переходил, по его же свидетельству, случилось 1-го маия.

Великий князь Святослав, возвращаясь по Десне из Карачева, куда ходил для собрания войск противу половцев, сведал у Новгорода-Северскаго о походе на них князя Игоря и не похвалил его за то, что не взял от него помощи.

На пути к Чернигову получил великий князь от Беловода известие о развитии и пленении русских князей. Он неутешно сетовал о сем злосчастном происшествии и тотчас принял нужные меры для прикрытия русских границ от набегов половецких,

истребовал для сего войска брата своего Ярослава и Давида Ростиславича, князя смоленскаго. Половцы неукоснили сделать нападение на Россию; но, к счастию, чрез несогласие разделились на две части: Кончак пошел на Переяславль, а Гзя на Новгородо-Северские области. — Первый под Переяславлем сделал великие опустошения. Князь Владимир Глебович, защищаясь, был ранен и чуть не попал в плен. Город Рымов был взят и разорен. — Гзя, с другой стороны, хотя и сделал около Путивля великие разорения, но после от войск великаго князя Святослава III претерпел поражение; — и так половцы возвратились без большаго успеха. Между тем Игорь содержался в плену с уважением, приличным столь знаменитому князю. — Спустя довольно долгое время сыскался один половчин, рожденный от матери русской, из области князя Игоря, именем Лавер, который предложил ему свои услуги, если он уйти намерен. Игорь сперва на сие не согласился; но когда потом сын тысяцкого Игорева узнал от любовницы своей, жены князя половецкаго Туглия, что половцы намерены, в случае неудачи в преднамереваемой войне противу России, умертвить Игоря, то сей, приняв наконец предложение Лавера, приказал служителям своим играть и пить с его приставами, а когда сии почитали уже его спящим, то он пошел к реке, перебрел оную и, седши на кони, поехали сквозь жилища половецкие сам пять, и ту ночь, миновав все их обиталища, поскакали чрез степь и ехали два дни до русскаго брода; оттуда князь Игорь отправился в Новгород-Северский.

Все сии происшествия, заимствованные мною из истории г-на Татищева, составляют предмет песни о походе Игоревом. Сочинитель наблюл всевозможную скромность в самом вступлении поэмы; — он не смеет, подражая вымыслам славного в древности стихотворца Бояна, воспевать ополчение Игоря. В начале песни он представляет Игоря, пред челом войска своего пренебрегающего, для славы и защиты отечества, несчастное по тогдашнему суеверию предзнаменование солнечного затмения. — Тут сочинитель образом взывания, обращаясь к Бояну, сожалеет, что не сей отличный пиит воспевает столь мужественного витязя. — После сего продолжается нить поэмы: князь Игорь ждет брата своего Всеволода и, превознося похвалою курские войска свои (начальству его вверяемые), побуждает его к скорейшему с ним соединению. Потом описываются разныя предзнаменования, угрожающие несчастием воинству русскому. За сим следует повесть о первой победе оного над половцами; но купно и предвозвещение сближающихся напастей. Начав описание втораго сражения и превознесши похвалами мужество Всеволода, сочинитель прерывает повесть о битве сей сравнением

оной с прежде бывшими, самыми кровопролитнейшими, но менее страшными сражениями. Оконча потом описание решительнаго побоища и пленения русских князей, сочинитель изображает плачевное состояние, в которое Россия прежними междуусобиями князей и набегами половецкими ввергнута была. Сие дает ему повод говорить с похвалою о великом князе Святославе III, победившем и пленившем знаменитого половецкого начальника Кобяка. Стихотворческим вымыслом сочинитель представляет потом известие, полученное сим великим князем о несчастии князей русских, истолкованием боярами потревожившего его сновидения.

Великий князь после сего известия сперва оплакивает судьбу Игоря и Всеволода, потом попрекает им и брату своему Ярославу Всеволодовичу за предприятый поход без его ведома и соизволения; наконец, призывает знатнейших русских князей на войну против половцев для освобождения Игоря. По окончании речи великого князя Святослава сочинитель, желая пригласить к сему противу общих врагов отечества вооружению и полоцких князей, одобряет их за то, что они не приглашали никогда половцев во время междуусобных браней, превозносит похвалами предка их храброго полоцкого князя Всеслава, утесненного сыновьями Ярослава 1-го, наведшими первоначально враждебных половцев на землю русскую. Потом, дабы смягчить более сердца руских князей, сочинитель представляет несчастную супругу Игоря, дочь князя Ярослава Владимировича Галицкаго, оплакивающую бедствия свои и приносящую томныя жалобы то к ветру, то к солнцу, как будто единственным причинам несчастия любезного супруга, то к Днепру, чтоб он принес к ней супруга ея. Наконец, сочинитель описывает бегство Игоря из плена и возвращение его в отечество.

«Любители российской словесности, — так изъясняется о поэме сей почтенный первый издатель граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 29), — согласятся, что в сем, оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов; следовательно, и наши древние герои имели своих бардов, воспевающих им хвалу... Нет нужды замечать возвышенных и коренных в сей поэме выражений, могущих навсегда послужить образцом витийства; благоразумный читатель сам отличит оныя от некоторых мелочных подробностей, в тогдашнем веке терпимых, и от вкравшихся при переписке непонятностей».

ПЕСНЬ О ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВА ВНУКА ОЛЬГОВА

Не прилично ли будет нам,
братие! начать древним слогом
печальную повесть о ополчении
Игоря, сына Святославова? — Начать
же Песнь сию по событиям сего
времени, а не по вымыслам Бояновым.
Ибо когда вещий Боян хотел кому
воспевать,
то растекался по мысленну древу,
серым волком по земле, сизым орлом
под облаками. — Вам памятно предание
о состязании древних времен: тогда
пускали десять соколов на стадо лебедей;
чей прежде долетал, тот первый воспевал
песнь или древнему Ярославу, или Мстиславу
храброму, поразившему Редедю перед косожскими
полками, или прекрасному Роману Святославичу.

Боян же, братие! не десять соколов на стадо
лебедей пускал, но свои вещие персты налагал
на живыя струны, и оне сами князьям
славу возглашали.

Начнем же, братие! повесть сию от древняго Владимира до нынешняго Игоря, который, напрягши ум свой крепостью, поострил сердце свое мужеством и, исполнясь духа ратнаго, навел свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Тогда Игорь, возрев на светлое солнце и видя от него тьмою все воинство свое прикрытое, вещал дружине своей: «Братие и дружина! уж лучше изрубленну быть, чем в плен попасть. Сядем, братие! на своих борзых коней и посмотрим на синий Дон».

Пламенное рвение поработило ум князя, и желание попытаться на великий Дон превозмогло в нем страх знамения.

«Хочу, вещал он, с вами россияне! преломить копье на отдаленнейшем краю поля половецкаго, хочу свою голову положить или шлемом напиться из Дона».

О, Боян! соловей древнего времени! Тебе бы воспеть ополчение сие, скача соловьем по мысленному древу, летая умом под облаками, соплетая хвалу обеим частям сего времени, рыща в стезю Траянову чрез поля на горы. Тебе бы воспеть было песнь Игорю внуку Ольгову:

«Не буря соколы занесе чрез поля широкие;
не галок стада летят к Дону великому»[1]...

или же воспеть было, о вещий Боян, велесов внук. — Кони ржут за Сулою; гремит слава в Киеве, трубят трубы в Новегороде, стоят знамена в Путивле; Игорь ждет милаго брата Всеволода и вещает ему: «Буй тур Всеволод! один брат, один ты светлый свет Игорю. Оба мы сыновья Святославовы. Седлай брат! борзых коней своих; а мои уже впереди готовы, оседланы у Курска. Мои куряне искусны в цель стрелять, под трубами повиты, под шлемами возлелеяны, концом копья вскормлены. — Пути им сведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты. колчаны отворены, сабли изострены, а сами они скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы».

Тогда Игорь князь, вступя в златое стремя, поехал по чистому полю. Солнце заграждало тьмою путь ему. Ночь, стеня, грозою разбудила птиц; воют собравшиеся звери, чучало-филин кричит на вершине дерева, велит услышать голос свой земле пустынной, Волге и поморию, по Сулью и Суражу и Корсуню и тебе, тьмутараканский истукан!

Половцы не готовыми дорогами утекают к Дону великому. Скрипят возы в полунощи, как лебеди распущенные. Игорь к Дону воинство ведет. Но уже его бедствие пищу готовит птицам; волки по оврагам напастьми угрожают; орлы клекотом на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые щиты. — О русская земля! уже за Шеломянем ты далеко.

Поздно. Ночь меркнет. Свет зари темнел, мгла покрывает поля. Песнь соловья уснула; говор галок умалился. Россияне преградили червлеными щитами великие поля, ища себе чести, а князю славы.

Рано в пятницу потоптали они нечестивые полки половецкие и, рассыпавшись как стрелы по полю, увезли прекрасных половецких девиц, а с ними золото, богатые ткани и дорогие бархаты. Охабнями, епанчами, шубами и всякими нарядами половецкими начали мосты мостить по болотам и грязным местам. Червленое знамя, белая хоругвь, багряная чолка и серебряное древко досталися храброму сыну Святославову.

Дремлет в поле храброе Ольгово гнездо, далеко залетело. Не было оно порождено к обиде ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, нечестивый половчанин. — Гзак бежит серым волком; Кончак показывает ему след к Дону великому.

---

[1] Я предполагаю, что сии два стиха точно взяты из какой-либо песни бояновской.

Другаго дни, весьма рано, кровавыя зори свет возвещают. Черныя тучи с моря идут, хотят покрыть четыре солнца, а в них трепещут синия молнии. — Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великаго. Тут-то копьям поломаться, тут-то саблям притупиться об шлемы половецкие на реке Каяле и у Дона великаго. — О русская земля! уже за Шеломянем ты!

Ветры Стрибожи внуки уже веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. <Стон> по земле раздается: реки мутно текут, пыль, поднявшись столбами, покрывает поля, знамена шумят; половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.

Русские полки отступили. Бусовы дети криком преградили поля, а храбрые русские багряными щитами. — Яр-тур Всеволод, отражая врага, ты прыщешь на врагов стрелами, гремишь об шлемы их мечами булатными. Куда тур поскачет, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат нечестивыя головы половецкия; шлемы оварские в щепы раздроблены твоими калеными мечами, Яр-тур Всеволод! — Какими ранами подорожит, братие! забывший почести, веселую жизнь, город Чернигов, отеческой золотой престол, ласки и приветливость милой супруги своей, прекрасной дочери Глебовой.

Были съезды троянские, миновали лета Ярославовы, были ополчения Ольговы, Ольга Святославича. Сей-то Олег мечом крамолу ковал и стрелы сеял по земле. Он вступает в златое стремя во граде Тмуторокане. Такие ж отголоски слышал древний великий Ярослав, а Владимир сын Всеволода каждое утро уши затыкал в Чернигове, Бориса же Святославича слава на суд привела, и на конскую зеленую попону положили за обиду храбраго и младого князя Олега.

С тоя же Каялы Святополк повел их после отца своего между венгерскою конницею ко святой Софии в Киев. Тогда при Ольге Святославиче сеялись и возрастали междусобия. Погибало племя Даждь-божия внука, в княжеских крамолах веки людей сокращалися. Тогда по русской земле редко пахари веселились, но часто вороны каркали, трупы между себя разделяя. Галки перекликались, желая летать на покормку.

То бывало во время прежних браней и прежних ополчений, но таковой брани и не слыхано: — с утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя, гремят сабли об шлемы, трещат копья булатные в поле пустынном среди земли половецкой. Черная земля под копытами костьми была посеяна, а кровию полита; и горести возрастила по русской земле.

Но что шумит, что звенит так рано пред зорями? Игорь возвращает полки; жаль ему милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой, в третий день пред полуднем пали знамена Игоревы. Тут братья разлучилися на берегу быстрой

Каялы. Тут кроваваго вина не достало, тут пир докончали храбрые русские, сватов напоили, а сами полегли за землю русскую.

Трава от жалости поникла, а древа от печали к земли приклонилися. Уже, братие, невеселая пора настала. Уже пустыня силу многую прикрыла. Обида восстала на силы Даждьбожия внука, — вступила девою на землю Троянову, восплескала лебедиными крылами на синем море, у Дона; разбудила тяжкие времена. Прекратилось состязание друг перед другом князей на нечестивых. Брат брату говорил: «Сие мое, а то мое же». За малое князья начали великия распри и сами на себя крамолу ковать; а нечестивые со всех сторон приходили с победами на землю русскую.

О, далеко залетел сокол, побивая птиц у моря; Игорева храбраго войска уже не воскресить. По разбитии его воскликнула Карна и Жля, поскакали по русской земле, разнося огонь в пламенометном роге. Восплакались жены русския, приговаривая: «Уже нам своих милых мужей ни мыслию вымыслить, ни думаю вздумать, ни глазами увидеть, а золотом и серебром отнюдь не потешаться». Восстенал, братие! Киев от печали, а Чернигов от напасти. Тоска разлилась по русской земле; печаль тяжкая потекла средь земли русской. Князья сами на себя крамолу ковали; а нечестивые, с победами набегая на русскую землю, брали дань по белке со двора. Ибо сии два храбрые сына Святославовы Игорь и Всеволод уже возбудили хулу, которую усыпил было державный Святослав, грозный великий князь киевский. Он был грозою врагам; в трепет привел их сильным своим воинством и булатными мечами; наступил на землю половецкую, притоптал холмы и овраги, помутил реки и озера, иссушил потоки и болота, а нечестиваго Кобяка из-за рукава моря, из железных полков половецких, как вихрь, исторг; и пал Кобяк в Киеве, а чертоге Святослава. Тут немцы и венециане, тут греки и моравцы поют славу Святослава, охуждают князя Игоря, погрузившаго тук на дно Каялы, реки половецкия, и засыпавшаго ее русским золотом. Тут Игорь князь пересел из седла златаго в седло Кощиево. Унылы городския стены, и веселие поникло.

Святослав видел мутный сон. — «В Киеве на горах, ночью с вечера, одевали вы меня, рек он, чёрным покрывалом на тесовой кровати. Черпали мне синее вино, с ядом смешанное; сыпали пустыми нечестивых колчанами толковин крупный жемчуг на лоно мое, и меня утешали; — уже доски были без кнеса на моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера бусовы вороны каркали у Пленска на выгоне, усевшись в дебри Кисановой, и не сошли к синему морю».

Бояре отвечали князю: «Уже печаль одолела умы наши. Два сокола слетели с отцовского золотого престола поискать города Тмуторокани или шлемом напиться из Дона. Уже соколам обрублены крылья саблями нечестивых, а сами они попались в опутины железныя. Темно стало на третий день: два солнца померкли. Оба багряные столбы погасли; а с ними и молодые месяцы Владимир и Святослав тьмою застлались. На реке Каяле тьма свет покрыла. По русской земле рассыпались половцы, как единологовищные леопарды, погрузили ее в море бед и придали хану великое буйство. Уже хула превзошла хвалу. Уже насилие поразило вольность. Уже филин низринулся на землю. Песни красных готфских дев раздаются на бреге синяго моря. Звеня русским золотом, поют они времена бусовы, славят мщение за Шарукана, а мы, дружина, уже чужды веселия».

Тогда великий Святослав изронил златое слово, со слезами смешанное.

«О кровные мои, вещал он, Игорь и Всеволод! рано вы начали мечами раздражать половецкую землю, а себе искать славы. Без успеха победили вы, без успеха пролили кровь нечестивых. — Ваши храбрые сердца в твердом булате кованы, а в буйстве закалены. Что сотворили вы серебряной седине моей? — Уже не вижу я власти сильнаго, богатаго и многовойнаго моего Ярослава с черниговскими старожилами, с могутами, с татранами, с шельбирами, с топчаками, с ревугами и с ольберами. Они без щитов, с ножами засапожными криком побеждают войска, обновляя славу предков своих».

Но вы сказали: «Имеем сами мужа: переднюю славу сами похитим и последнюю сами же разделим. — Не чудно ли, братие! старому помолодеть? Когда сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду». — Но князья! Это мне зло, а не пособие. Времена все к упадку обратили. Урим, кричат, под саблями половецкими, а Володимир под ранами. Горе и печаль сыну Глебову.

О, великий князь Всеволод! не мыслию одной можешь ты перелететь издалека для защиты отческаго золотого престола: ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Дон вычерпать шлемами. Если бы ты ополчился, то была бы Чага по ногате, а Кощей по Рязани. Ты можешь посуху стрелять живыми шерапширами, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буй Рюрик и Давид! не ваши ли позлащенные шлемы в крови плавали? не ваша ли храбрая дружина, как волки, рыскает, изранены саблями калеными на поле пустынном? Вступите, государи! в златые стремена за обиду сего времени, за землю русскую, за раны храбраго Игоря сына Святославова.

Ты, осмомысл Ярослав галицкий! высоко сидишь на своем златокованном престоле. Ты подпер горы венгерския своими полками железными, заградил королю путь, затворил ворота в Дунай; метая тягости чрез облака и простирая власть твою до Дунаю. Грозы твои по землям текут. Ты отверзаешь Киеву ворота, стреляешь с отеческаго золотого престола на султанов чрез земли далекия; стреляй, о, государь, в Кончака, в нечестиваго Кощея, за землю русскую, за раны храбраго Игоря сына Святославова.

А ты, буй Роман Мстиславич, храбрая мысль влечет твой ум на подвиги. Высоко паришь ты в отважных подвигах, подобно соколу, на ветрах ширящемуся, птицу мужественно одолеть хотящему. — Есть у тебя латы железные под шлемами латинскими. Ими поражены земли и многия страны ханския. — Литва, ятвы, деремела, половцы побросали свои копья и подклонили головы под твои мечи булатные.

Но уже о, князь! солнечный свет от Игоря сокрылся и не каменьями отраженные листья дерево сронило. По Росе и по Суле города в раздел пошли; а Игореву храброму войску не воскреснути. Дон кличет тебя о, князь! и зовет князей на победу. Храбрые князья Ольговичи созрели уже к брани. Ингвар и Всеволод и все трое Мстиславичи не худаго гнезда шестокрылицы! Не победами жребий власти вы похитили. К чему вам золотые шлемы, ваши копья польские и щиты? Загородите в поле врата своими острыми стрелами за землю русскую, за раны храбраго Игоря сына Святославова.

Но Сула течет уже не серебряными струями к области переяславской, и Двина болотом течет к тем грозным половчанам под кликом нечестивых. Один лишь Изяслав сын Васильков позвенел своими острыми мечами по шлемам литовским; обновил славу предка своего Всеслава, а сам под багряными щитами на окровавленной траве пал от мечей литовских. Он возжелал иметь ее ложем себе и вещал: «Дружину твою, князь! птицы приодели крыльями, и звери кровь полизали». — Не было тут ни брата Брячислава, ни Всеволода. Один изронил из храбраго тела жемчужную душу чрез златое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие. Трубы трубят городянския.

О, Ярослав и все потомки Святославовы! понизьте уже знамена ваши; вложите во влагалища поврежденные ваши мечи. Уже вы отстали от славы предка вашего. Вы крамолами своими начали наводить нечестивых на землю русскую, на племя Всеславово. — Было ль какое насилие от земли половецкой? На седьмом веке Трояновом Всеслав метнул жребий о милой ему девице. Бодцами подстрекнув коня, поскакал он к Киеву; коснулся древком копья до золотого престола киевского.

Оттоль из Белграда бросился лютым зверем в полночь, когда спустилась синяя мгла, а поутру возовыми дорогами отворил ворота новгородские, попрал силу Ярослава. Поскакал волком до Немениги с Дудучей. На Немениге вместо снопов стелют головы, молотят цепами булатными, на токе жизнь кладут и веют душу от тела. Окровавленные неменигские берега не каменьями были посеяны, они настланы костьми русских сынов. Князь Всеслав людей судил, князьям раздавал города, а сам по ночам рыскал, как волк; из Киева дотекал до Курска и Тмутороканя; великому Херсону, как волк, путь перебегал. Для него в Полоцке рано позвонили в колокола к заутрени у святыя Софии, а он в Киеве звон слышал. Хотя и вещая душа была в соответственном ея силам теле, но он часто страдал от бед. О нем вещий Боян и первый искусный песнопевец сказал: «Ни хитрому, ни деятельному, ни быстрому, как птица, суда божия не миновать».

О, стонать тебе, русская земля! воспоминая прежние времена и прежних князей. Древняго Владимира нельзя было приковать к горам Киевским. Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давиду. Но их на рогах нося, пашут землю. Копья свистят на Дунае».

Ярославнин голос слышится. Она, как пустынная горлица, рано воркует. «Полечу, вещает, горлицею по Дунаю; обмочу бобровый рукав в Каяле реке, оботру князю кровавыя раны на твердом его теле».

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О, ветер, буйный ветер! почто ты так сильно веешь? К чему наносишь ханския стрелы своим неутомимым крылом на воинов милого моего супруга? Мало ли тебе гор возвевать под облаками, качая корабли на синем море? Почто развеял ты по ковылю мое веселие?».

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О, славный Днепр! ты пробил каменныя горы сквозь землю половецкую, ты носил на себе Святославовы военные суда до стану кобякова; принеси ко мне моего супруга, чтоб не посылать мне слез к нему на море».

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О, светлое и пресветлое солнце! для всех ты тепло и красно; почто простерло ты горячий луч на воинов моего супруга? в поле безводном засушило луки их жаждою и горестию колчаны их затворило?».

Взволновалось море в полуночи, во мгле идут смерчи. Князю Игорю бог путь кажет из земли половецкой в землю русскую, к золотому престолу отеческому. Погасли вечерния зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дона

до малого Донца. Готов конь о полуночи; Авлур свистнул за рекою; велит князю догадаться. Князю Игорю не быть в плену. От раздавшегося топота земля застонала. Зашумела трава. Слышно смятение в жилищах половецких. А Игорь князь бросился горностаем к тростнику и белым гоголем на воду. Воссел на борзого коня, скочил с него босым волком и побежал к лугу донецкому; полетел соколом во мгле, избивая гуси и лебеди к завтраку, к обеду и к ужину. Когда Игорь летел соколом, тогда Авлур волком бежал, отряхивая собою холодную росу, ибо надорвали они борзых коней своих.

Донец вещал: «О, князь Игорь! не мало тебе славы, а Кончаку досады, русской же земле веселия». Игорь ответствовал: «О, Донец! не мало тебе славы, носившему князя на волнах, постилавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми мглами под тенью дерева зеленаго. Ты охранял его, как гоголя, на воде, как чайку, на струях, как чернядь, на ветрах. Не такова, примолвил он, Стугна река, тоща собственною струею, чужие ручьи пожравши, она раздробила струги об кусты и юному князю Ростиславу затворила темные днепровские берега. Плачется мать Ростиславова по юном князе Ростиславе. Унылы цветы от жалости, и дерево от печали к земле приклонилось».

Не сороки застрекотали: по следам Игоревым ездит Гзак и Кончак. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, двигались только по лозам; дятлы долблением путь к реке показывали, соловьи веселым пением свет возвещали. Гзак сказал Кончаку: «Если сокол к гнезду улетит, то мы соколика расстреляем своими позлащенными стрелами».

Кончак ответствовал: «Если сокол к гнезду летит, то мы опутаем соколика красною девицею».

Гзак возразил Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, то не будет у нас ни соколика, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле половецком».

Боян древнего времени Ярослава и князя Ольга жены песнопевец сказал о походах Святослава: «Тяжко тебе, голова! без плеч; худо тебе тело без головы», — русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе; Игорь князь в русской земле. Девицы поют на Дунаи; раздаются голоса чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой богородице Пирогощей. Радуется народ, веселятся города, воспевая песнь старым князьям, а потом молодым. Петь славу Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу.

Да здравствуют князи и дружина их, поборая за христиан на воинство неверных. Слава князьям и дружине.

Старыми словесы. — Стало быть тогда был простой русский язык, а стихотворец поет языком славенским. — И при Несторе, видно, был русский язык; но он писал тоже более славенским наречием.

О состязании чрез соколов. — Соколы принадлежали или князьям, у которых были певцы на жалованьи, или самим стихотворцам, но прежняя мысль основательнее, ибо соколиная охота была княжеская. Но, напротив того, говорится о Бояне, что он соколов не пущал: стало быть стихотворцам соколы не принадлежали, но это можно разуметь и иначе. — Соколы принадлежать могли князьям, но к разным соколам присвояли предмет песней; и чей сокол был впереди, тому и песнь пели.

Ярослав и Мстислав были братья, — может быть, когда они были в миру, то на празднествах они пускали соколов, а их певцы пели песни по отличию соколов; — кажется, однако ж, что образ предполагал бы самолюбие тем, что певцы при жизни князей своих в пирах им похвалу пели; но и это может быть, ибо о современных князьях тут именно говорит.

1. Трудных повестий? Слово труд в писании часто берется за бедствие, мучение душевное: впредь смирение и труд мой (псалом 24 ст. 18) — (jette les yeux sur ma douleur et mes peines); нищ аз есми в трудех от юности моей (псалом 87, ст. 16) — (J'ai été afflige et comme mourant des ma jeunesse).

2. Игоря Святославича.

«Игорь Святославич родился 15 апреля 1151 года; во святом крещении наречен Георгием; женился в 1184 году на княжне Ефросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галичского. В 1185 году имел он сражение с половцами, а в 1201 году скончался, оставив после себя пять сыновей» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 33, под буквою а). Отец князя Игоря, Святослав Ольгович, женился сперва в 1107 годе на дочери половецкого князя Аепы (см. Нестор, стр. 143. Тат., том 2, стр. 205). От сей, по-видимому, родился старший брат Игорев, Олег Святославич, ибо в 1147 годе был он у князя Юрия Владимировича Долгорукого на свадьбе сына его Андрея, и в том же годе посылан от отца просить помощи от князей половецких, чаятельно дядей Святослава по жене его, дочери Аеповой (см. Тат., том 2, стр. 300, 302, 303). Вторая жена Святослава была дочь новгородского тысяцкаго Петрилы, на которой женился он в 1136 годе (см. Тат., том II, стр. 253), а третья супруга его была дочь Юрия Владимировича Долгорукого Мария, вышедшая за него 1150 года (см. Тат., том III, стр. 13 и стр. 3, родословная роспись, последнее примечание, исправляющее ошибку г. Татищева в имени мужа ее) и скончавшаяся в 1166 годе (см. Тат., том III, стр. 145). Игорь был сын ее. — По смерти старшего брата своего Ольга в 1179 годе, князь Игорь принял Новгородско-северское княжество (см. Тат., том III, стр. 234). Сын Владимир, участвовавший с ним в сем походе, родился 1172 года октября 8. Роман — неизвестно когда, Ольг 1176, а Святослав 1177 года (см. Тат., том III, стр. 179, 209, 218).

3. По былинам сего времени.

Слово былины, вероятно, значит быль, то что было.

4. А не по замышлению Бояню. По-видимому, песни его наполнены были стихотворческими иносказательными вымыслами. О Бояне сочинитель несколько раз в песни сей упоминает и всегда с величайшим к витийству его уважением. Здесь называют его вещим, чародеем, который, как только персты на струны налагал, они сами славу князьям возглашали; инде именует его соловьем старого времени и даже

внуком Велеса, славянскаго бога, второго по Перуне. — Такая великая похвала из уст красноречивого сочинителя песни сей дает нам весьма великое понятие о стихотворческом даровании Бояна. — Но когда процветал он, сие решить трудно. Мне кажется, что он был современник Ярослава I, Всеслава Брячиславовича, Олега Святославича и гремел песнями своими в средине и в конце 11 столетия. Догадку сию основываю я на нижеследующих соображениях.

1-е, в песни сей (см. стр. стр‹ок.›) сочинитель говорит, что Боян сказал о Всеславе Брячиславиче: — Ни хитру, ни горазду, ни птице горазду, суда божия не минути. Сие одно доказывает неоспоримо, что он жил прежде Всеслава Брячиславича, выгнаннаго из Полоцка в 1071 годе.

2-е, в самом окончании песни сей (см. стр. стр‹ок.›), хотя сочинителевы слова рек Боян и ходи на Святослава песнетворца старого времени Ярославля Ольгова Когана хотю так смешаны, что трудно вывесть из них ясный смысл, но речь, песнетворца стараго времени Ярославля относится вероподобно к самому Бояну. — Если не безрассудно покажется переместить слова сии предлагаемым мною порядком: Боян старого времени Ярославля и Когана Ольгова хоти песнетворец рек походы Святославли. См. ниже сего 225 примечание. То из оных выйдет нижеследующий смысл:

Боян древнего времени Ярославова и князя Олега жены песнотворец сказал о походах Святослава, а из сего обнаруживается, что Боян во время Ярослава I-го был певцом жены Олега Святославича. — Сие мнение не противно порядку современнаго летосчисления, ибо Ярослав I умер в 1054 годе, а Олег Святославич начал княжить 1073 года и мог уже быть женатым. Ежели предположить, что Боян пред кончиною Ярослава 1-го был 40 лет, то во время княжения Олега Святославича имел он не более 58 лет и мог еще не дряхлою рукою бряцать на громогласной лире своей. Заключение же, что Боян пел о походах Святослава 1-го, можно извлечь весьма вероятно из собственной речи его непосредственно за вышеприведенными словами: рек Боян и проч. тяжко ти головы, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы. Сия речь относится, очевидно, к Святославу I, ибо известно всем, что из черепа его печенежский князь сделал чашу, золотом обделанную.

3-е, мнение, что Боян был певцом при дворе князя Олега Святославича, можно подтвердить соображением с краткою наметкою о сем нашего сочинителя. Почти в начале песни сей (см. стр. стр‹ок.›) с чувством скромности сожалея, почто не Боян соловей старого времени воспел ополчение князя Игоря, говорит он: абы ты сия плъки ущекотал... Свивая славы оба полы сего времени; а несколько ниже прибавляет пети было песнь Игореви того Ольга внуку. — Здесь в первый раз напомянув об Олеге, может быть, сочинитель хотел сказать, что Бояну надлежало бы, аки певцу Олега, свивая славы оба полы сего времени, воспеть и его внука. — Смею даже заключить, что следующие непосредственно за сим слова не буря соколы занесе чрез поля широкая; галицы стады бежать к Дону великому суть отрывок из песни Бояновой, в которой чаятельно описывал он вторичное Олегом в 1081 годе Тмуторакани завоевание.

О названии Боян заключаю, что оно аварское или болгарское; ибо подобным оному назывался в 582 годе оварский каган (см. Изв. визант. ист., часть I, о словенах, стр. 43 и о аварах, стр. 92), а в 626 и 765 годах болгарские князья (см. Изв. визант., часть 4, о болгарах,

стр. 15, 26), притом в Болгарии есть река Сега по имени, над которою в древности построен был город Сардика, нынешняя София (см. Изв. визант. ист., часть 4, о печенегах, стр. 19). Город Обоянь, в Курской губернии, на реке Псле лежащий, представляет с именем Бояна, с прозванием его вещим или обоянником (см. мое 5 прим.) некоторое сходство. Святослав II, отец Олега, владел во время Бояна княжеством Черниговским, которого пределы простирались до Курска; может быть Олег, отличая дарования певца сего, принял его под свое покровительство; а во время княжения в Чернигове, в конце XI столетия, наградил его пожалованием поместья, которое до сих пор почти неизменно сберегло имя перваго своего владельца и начальнаго столь достойно превозносимого российскаго пиита.

Для доказательства вероподобности сего мнения моего присовокуплю, что в пределах Курской области находятся села Беловод и Ревякино, названные, может быть, по именам, хотя позднейших Бояна, но современных сочинителю людей. О первом см. Тат., часть 3, стр., а о последнем упомянуто, кажется, в песни сей под именем Ревуга (см. стр. стр‹ск.›). Сверх сего селение Дудучи, на реке Птиче в Минской губернии находящееся (см. мое 180 прим.), может быть равномерно названо по имени Дудича, доносившего в 1056 годе на Епископа Луку Жидяту, современнаго Бояну. (См. Стриттер, том I, стр. 123). Впрочем, ежели читателям моим покажется сие заключение совершенно неосновательным, то прошу покорно приписать бред сей самолюбию слабаго стихотворца, желающаго льстить себе мечтанием, что он напояется водою той самой реки, которая имела счастие напоять древнейшего и главнейшего нашего песнопевца.

5. Боян бо вещий.

«Чем заменим мы ныне частицу бо и прилагательное вещий? Может ли выражение: ибо мудрый Боян равняться силою и красотою с выражением Боян бо вещий! Союз ибо делает слог повествовательным, простым, напротив того, частица бо делает оный стихотворческим, высокопарным. Слово мудрый может приличествовать всякому разумному человеку, или искусному художнику, хотя бы творимые им дела отнюдь не состояли в вещании; напротив того, вещий не иначе может приличествовать, как человеку, сведущему в вещаниях, то есть имеющему превосходные познания в словесных науках; итак под словами мудрый Боян, я еще не знаю, кто был сей Боян, но под словами вещий Бояне я тотчас понимаю, что он был искусный вещатель, стихотворец, писатель» (прим. г-на Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 87). Можно присовокупить к сему, что слово вещий означает еще собственно вещуна, колдуна, очарователя. — Нестор (см. стр. 26), описав победу над греками Олега 1-го, говорит: и прозваша Олега вещий. Сие прозвание дали ему, по-видимому, для того, что военные успехи его, езда кораблями по суху и прочее показались народу сверхъестественными.

Сочинитель песни Игоревой называет Бояна вещим, может быть, по очаровательным красотам его стихотворства, или почитая свыше вдохновенным; каковыми и посреде просвещенных греков признаваемы были превосходным дарованием отличающиеся пииты. — Немного ниже (см. стр. стр‹ок.›) сочинитель называет даже персты Бояна вещими, ибо как скоро он возлагал их на струны, то они, аки бы волшебною силою одушевленные, сами славу князьям возглашали.

В сем точно смысле сочинитель, впоследствии сей песни (см. стр. стр‹ок.›) сказав о князе Всеславе Брячиславиче: тому в Полоцке позвониша заутренюю рано у святые Софии в колокол, а он в Киеве звон слыша, — присовокупляет: аще и веща душа, в друзе теле, но часто беды страдаше. Тому вещий Боян и проч. — Из чего ясно видеть можно, что вещим, или колдуном, называет Всеслава по присоединению ему

сверхъестественных способностей. Мнение сие еще более подтвердится баснословным преданием (см. Тат. ист., том II, стр. 109), что мать Всеслава родила его от волхвования.

Из всех сих соображений можно заключить, что сочинитель с намерением называет *вещим* Бояна, как человека особенно преимущественными свойствами одареннаго, и слово *вещий* в смысле сем показалось мне столь значущим, прекрасным и сильным, что я переменить онаго не отважился. — Желательно, впрочем, чтобы лучшими нашими писателями, к обогащению нашего языка, было оно введено в большее употребление.

6. *То растекашеся мыслию по древу.*

Несколько ниже (см. стр. стр‹ок.›) сочинитель, повторяя почти сию самую мысль, говорит: сначала *славию* (соловьем) *по мысленну древу*; там картина *древа мыслей* и соловья, по оному порхающего, стихотворнее и живее представлена. — Речь *разбегаться мыслию по древу* представляет не весьма значущее изображение: не ошибкою ли переписчика здесь оно ослаблено? Наконец, должен заметить, что в русских сказках при описании борзого коня говорится: *подымается выше дерева стоячего, ниже облака ходячего*. Сии выражения не заимствованы ли из песней бояновых?

7. *Помняшет бо речь первых времен усобице.*

Слово *усобица* значит состязание. По-видимому, князья на съездах привозили с собою певцов. Сии давали соколам название князей, в честь которых они приготовили песни; соколы пускались на стадо лебедей и по порядку их быстроты составлялась очередь песней, дабы не уразить, по-видимому, самолюбия сочинителей особенным предпочтением. Его превосходительство Александр Семенович Шишков сказывал мне, что он слышал от одного ученого иноземца, будто бы таковый способ, чрез пущание соколов на стадо лебедей решать состязание пиитов при празденствах о очереди пения похвал знаменитым мужьям, был в употреблении в древней Германии.

8. *Старому Ярославу.*

«Чрез старого Ярослава сочинитель разумеет здесь великого князя Ярослава Владимировича, давшего новгородцам законы, под именем Русской правды доныне известные. Он был прапрадед Игорю Святославичу, которому воспевается песнь сия» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 35, под буквою в).

9. *Храброму Мстиславу.*

«Храбрый Мстислав также сын великого князя Владимира Святославича, родной брат Ярославу I; будучи на уделе в Тмутораканском княжестве 1022 года, выступил он в поход против косогов. Князь косожский Редедя, понадеясь на крепость мышц своих, будто б для пощады с обеих сторон воинов от напрасного кровопролития, предложил ему поединок. Мстислав, охотно на сие согласясь, сразился с ним и одолев своего соперника, лишил его жизни» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 35, под буквою г).

10. *Красному Романови Святославичу.*

«Роман Святославич после смерти отца своего, в 1076 годе последовавшей, княжил в Тмутораканe (см. Нестор, стр. 124) в 1079 годе; согласясь с половцами, он хотел отнять Переяславль у великого князя Всеволода Ярославича, но наемные союзники его изменили ему и заключили особенный мир с великим князем киевским. Когда он за сию измену стал упрекать половцев, то произошла из того ссора, в которой он был от них убит» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 36, под буквою д).

11. Они же сами князем славу рокотаху.

Здесь должно заметить, что, по-видимому, Боян и последователи его сопровождали похвальныя песни свои бандурою или каким-либо другим оструненным музыкальным орудием; даже и ныне в Малороссии слепцы нищие на ярмонках или на празднествах при пении длинных повествовательных песней, после каждой речи, некоторый смысл составляющей, прилагают на бандуре несколько аккордов, по истине сказать, без разбора и не всегда благозвучных, но подобящихся несколько тем, которые сопровождают италиянские рецитативы. Впрочем, сочинитель явственно показывает здесь превосходство Бояна пред прочими современными ему певцами.

12. От старого Владимира.

«Равноапостольный великий князь Владимир Святославович, просветивший русскую землю святым крещением» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс Акад, часть I, стр. 36, под буквою с).

13. До нынешнего Игоря.

Сии слова доказывают, что сочинитель был современник князя Игоря; кажется, что песнь сию писал вскоре по возвращении его из плена, когда великий князь Святослав III, брат его Ярослав, Рюрик Ростиславич и прочие князья обещали ему помощь противу половцев (см. Тат., часть 3, стр. 272). Может быть, песнь сия сочинена была для того, чтобы, распространясь в народе, воспламенила ярость россиян противу половцев и побудила к чувствованию в новом походе князя Игоря, предприемлемом для отмщения им за прежнее поражение и для освобождения из неволи прочих князей.

14. За землю половецкую.

Половцы — народ татарского поколения, соплеменный печенегам, туркам (см. Нестор, стр 145) и черным клобукам (см. Тат., том III, стр. 227 и 300). Они кочевали (см. том III, стр. 249) по Дону и Донцу, а после печенегов по обеим сторонам Днепра выше и ниже порогов (см. Тат., том II, стр. 431).

15. И виде от него тьмою вся своя воя прикрыты.

Хотя о времени сего солнечного затмения историки не согласны, ибо одни полагают онсе 1-го маия 1186 года, другие 1185 года (см. Нестор, стр. 276; Тат., том III, стр. 261 и 498 прим. 536 и Стриттер, том I, стр. 464, прим. 2), но первое летосчисление вероподобное (смотри вступление).

16. И рече Игорь к дружине.

«Дружиною назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшие государей во всех походах» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 37, под буквою ж).

17. Луце ж бы потяту быти.

Господин действительный статский советник и член Российской Академии Степан Яковлевич Румовский в примечании на слово потять, сообщенном его превосходительству Александру Семеновичу Шишкову (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 93), говорит: «в новгородском летописце есть следующее место: „Глеб же выня топор растя и (волхв) и паде мертв“, — почему я думаю, что потять значит посечь, а растять — рассечь, и подобно глаголу мять был, может быть, глагол тять, но вышел из употребления» (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 93). К сему основательному замечанию присовокупить можно, что Нестор, описывая победу над половцами князя Михалка в 1170 годе, говорит и потяша стяговника нашего (см. Нестор, стр. 248). Вышеприведенная догадка почтенного члена Российской Академии Румовского о корне глагола потять оправдается еще тем, что слово тять употребительно и теперь в просто-

наречии малороссийском. — Не дам тоби дерева тяти. Значит не дам тебе дерева рубить.

18. На свои бръзые комони.

Слово комони вместо кони весьма часто в старинном слоге употреблялося (см. мое 27 примечание).

19. Спала князю ум похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великого.

Сия речь представляет вообще довольно ясный смысл: видно, что, не уважая на худое предзнаменование, Игорь хочет идти на Дон; но явственными ошибками переписчиков мысль сия весьма затемнена. — Можно предположить, что написано было или спала князю на ум похоть с прибавлением предлога на или: спяла князю ум похоть с переменою в слове спала средней буквы а на я, а в слове похоти буквы и на ь. Но кажется, что слова спало на ум князя желание или похоть искусити Дону великого представляют героя песни в самом начале оной легкомысленным, ежели заставило его пренебречь худое предзнаменование, могущее поколебать мужество ослепленных предубеждением воинов: каковыми их в самом деле историки представляют (см. Ист. Тат., том III, стр.). Напротив того, речь Спяла ум князю похоть искусити Дону великого значит, что желание, покорившее ум князя, заставило его пренебречь худое знаменование, приведшее воинов его в уныние, что действительно выше сего речь Игорева доказывает (см. Тат. Ист., часть III, стр.). Слово же спять значит покорить: спял еси вся востающие на мя под мя (псал. 17, ст. 40. См. Церковный словарь, стр. 318). Во второй части речи и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великого слово жалость совсем, кажется, не у места, ибо оно ни к какому предмету не относится. — Ежели написано было: и жадность с переменою буквы л на дн, то изобразится тем великое желание Игоря идтить на Дон и представит нам героя, желающего во что бы то ни стало искать на Дону врагов России. — Я осмелился в переводе моем предпочесть сию мысль. Остается читателям решить, простительна ли моя догадка.

20. Хощу бо рече, копие приломити.

Речь переломить копье слово в слово значит то же, что у французов: Rompre la lance. Сия речь, употребляемая их писателями в описаниях торжественных рыцарских игрищ, даст повод предполагать, что таковые ж были в обыкновении и в России, имеющей во многих обычаях сходство с готическими народами, чему судебные поединки, опыты воды и горячаго железа служат достаточным доказательством.

21. О Бояне, соловию стараго времени! а бы ты сия плъки ущекотал и проч.

Сиречь, если бы ты воинов сих воспел, прославил. «Глагол щекотать, кажется, в старину значил петь или говорить много и особливо приличествовал соловью, как и ниже сего найдем мы выражение: щекот славий успе (см. стр. 41). Впрочем, сие знаменование его и поныне в некоторых речах осталось, как например, мы о сороке говорим: сорока щекочет, то есть кричит, или о болтливой женщине: какая щекотунья» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 94).

22. Скача славию по мысленну древу.

Смотри выше 6 мое примечание.

23. Свивая славы оба полы сего времени.

Из предыдущего, кажется, предположить можно, что сочинитель словами свивая славы оба полы сего времени изъявляет сожаление, что Боян не мог воспеть славу и своего и нынешнего времени,

что он не мог воспеть подвиг Игоря, как прославлял дела деда его Ольга Святославича (см. выше мое 4 примечание).

24. Рища в тропу Трояню.

«Четыре раза упоминается в сей песни о Трояне, то есть тропа трояня, вечи трояни, земля трояня и седьмый век троянов. Но кто сей Троян, догадаться ни почему не можно» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 38, под буквою з). Г. Шишков в присовокуплениях своих на сию песнь говорит: «На сие место сообщены мне от г. члена Академии Петра Борисовича Иноходцева два следующие примечания. 1-е. На шмидовой карте Молдавии и Валахии, при Академии наук изданной, есть город Троян, лежащий на левом берегу реки Прута, недалеко от ея устья, известно же, что первые российские великие князи пребывание и жительство свое имели около Дуная и нередко чрез сию реку переправлялись. В целляриевой древней географии на одной карте назначена между Прутом и низовым Дунаем или Истром Троянова провинция; не означает ли она Троянову землю, о которой здесь упоминается? 2-е. Троян царствовал с 98 по 117 год по Р. Х. Он завоевал Дакию (ныне Молдавия и Валахия), называемую тогда provincia Troiani, земля Троянова, и основал в оной несколько римских селений. Самые цветущие времена для художеств были времена Трояновы: при нем построен был чрез Дунай каменный мост, по имени его названный, коего остатки еще видны близ развалившегося ныне замка Сяврина. Итак, вероятно, начали считать годы от его достопамятного царствования, а в общее употребление у соседственных роксоланов или россов, живших по северную сторону Днепра, вошло сие гораздо позже, потому, может быть, что летосчисление не строго наблюдалось» (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 199). К сему весьма основательному мнению присовокуплю только для соображения еще некоторые исторические сведения. Троян Декий воевал противу фракиян и готфов, с которыми часто историки смешивали руссов и славян, армия его потерпела совершенное поражение, и он сам убит 151 года. Императоры братья Валентиан и Валент, воевав счастливо в конце 4 столетия противу готфов и квадов (может быть, чуди), провели их в великий страх. Но в 367 годе (см. Изв. визант. ист., о готфах, стр. 7) полководец последняго Троян потерял противу их сражение, и сам Валент был ими побежден и убит. Может статься, что имя сего полководца, вместо императорского и прежних императоров Троянов, послужило эпохою в непросвещенном народе, ибо считая от оной, правительство беспокойнаго Всеслава, о котором сочинитель говорит (см. стр. стр<ок.>), что он княжил на седьмом веке Трояне, началось точно в 7-м столетии. Наконец, не недостойно, кажется, примечания, что и ныне находится в 120 верстах от Киева, по правую сторону реки Днепра, между Житомиром и Бердичевым, городок Троянов. Может быть, вышеупомянутый римский полководец Троян, побеждая готфов и квадов (или чудь), доходил до сего места и построением города в свое имя оставил по себе память, послужившую потом знаменитою эпохою между народами, тамо обитающими. Это же касается особенно до слов сочинителя рыща в тропу Трояню, то не можно ли из оных заключить, что Боян воспевал подвиги Святослава 1-го, завоевавшего всю Болгарию и доходившего без сомнения до моста и дороги трояновой на Дунае. Подкрепить догадку можно приведенным мною в 4-м примечании невразумительным местом из сего сочинения: рек Боян и ходы на Святославля... Тяжко ти головы, кроме плечю, зло ти телу, кроме головы.

25. Не буря соколы занесе.

Мне кажется, что сочинитель относится здесь к Бояну, как будто говоря: — ты бы воспел песнь Игорю по обыкновению твоему стихотвор-

чески: не буря соколы занесе чрез поля широкая; не Галицы стады бежат к Дону великому, ибо я предполагаю, что сии два стиха взяты из какой-либо песни бояновой и что ошибкою переписчика в начале втораго стиха пропущена отрицательная частица не, которою почти всегда в русском стихотворении свойственные токмо оному отрицательные уподобления начинаются. К оправданию сей догадки моей должен я заметить, что два только стиха, помещенные в прозаическом сочинении, обнаруживают, кажется, что они откуда-нибудь заимствованы быть должны. После сего сочинитель словами чили воспети было ...комони ржут за Сулою и проч., кажется мне, образом совета вопрошает Бояна: но мне не пристойнее ли воспеть просто, без витийственных уподоблений? Комони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве, трубы трубят в Новеграде и проч. К сему заключению дает мне повод первая речь сочинителя: начать же песнь сию по событиям сего времени, а не по замышлению боянову (см. 4 мое примечание). Сими словами сочинитель, кажется, предуведомляет, что он просто, а не стихотворчески намеревается петь о подвиге князя Игоря.

Может быть, ошибаюсь я в моем мнении, но иначе никак не могу привесть в ясность и порядок сих темных и переписчиками, очевидно, испорченных речей.

26. Чили въспети было, Бояне велесов внуче!

«Велес, славянский во язычестве бог, покровитель стад. Его считали вторым после Перуна» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 38). Удивительно, что сочинитель называет Бояна процветавшего, как выше показано (см. мое 4 прим.), в 11 столетии, два века после крещения России, внуком Велеса, языческого славенского божества, а россиян дажь божиим внуком (см. стр. стр‹ок.›). Сия странность может извиниться разве только тем, что Боян был действительно внук предка, жившего в идолопоклонничестве и что, может быть, слово внук было созначительно с потомком. Сверх сего заметить должно, как странность же, несообразную с христианским обычаем и наипаче с тогдашним суеверством, что все князья получали при рождении языческое княжеское, а при крещении христианское имя, но назывались всегда первым; может быть, сие общепринятое обыкновение дало повод сочинителю употребить некоторые языческие проименования. — Что же касается до слова чили, в речи сей чили воспети было, то удивительно, что сей разделительный союз, употребляемый и ныне в польском языке вместо русского или, находится в таком сочинении, где видна более смесь неочищенного славянского и простонародного русского наречия. — Подозревать можно, что союз сей чили впоследствии времени составлен поляками из русского вопросного союза чи, ци и из славенскаго ли, одно значение имеющих: — в таком смысле сочинитель сказал: а чи диво ся, братие! стару помолодити (см. стр.), а Нестор: ци есмо не князи же (см. Нестор, стр. 276 и мое 134 примечание). Многие чрез смешение народов произшедшие нелепости оправдают догадку мою.

27. Комони ржут за Сулою.

Слово комони везде сочинитель поставляет вместо кони; оно, кажется, было более употребительно, ибо последнее только один раз во всем этом сочинении встречается (см. стр. ст‹рок.›). Откуда оно произошло, достоверно сказать не можно. Я осмеливаюсь предложить мою догадку. — Комани, народ татарского поколения, жили в соседстве с Россиею: может быть, они имели доброй породы лошадей, которые по их имени и называться стали. Самое слово лошадь происходит от татарскаго лоша. — Имя Аргамака означает у нас борзого коня, хотя оно есть название кабардинского князя, славящегося хорошими конскими заводами. — Еще при-

совокупить должно, что слово комони недавно употреблялось в малороссийском наречии, комонные полки были.

Я думаю, что слово комони вместо кони употребительно и ныне у некоторых словенского поколения народов.

28. Звенит слава в Киеве.

С осмотрительною недоверчивостию к собственному моему заключению осмеливаюсь признаться, что слово звенит заставило меня подозревать, не присвоил ли сочинитель в сем месте к слову звенит слава значения колокольного звона и не хотел ли он сказать колокол звенит в Киеве; а тем изобразит, может статься, повеленное князем Игорем молебствие о счастливом успехе своего предприятия. Сие предположение не противно, кажется, набожности тогдашнего времени. К сему странному заключению побудило меня то, что сочинитель здесь во всех прочих частях речи, кроме звенит слава в Киеве, изъясняется как будто с предположенным намерением (см. выше мое 23 примечан.) просто и без всяких стихотворческих прикрас. Кони ржут за Сулою, трубы трубят в Новеграде. Стоят знамена в Путивле. Игорь ждет милого брата Всеволода. Одна речь звенит слава в Киеве, долженствующая, кажется, означать, что всеобщая молва в престольном граде Киеве одобряет подвиг князя Игоря, не соответствует сей простоте слога; напротив того, слова колокол звенит в Киеве довершили бы картину из простых частей, одна другой соответственных составленную. Я знаю, что весьма странно, чтоб не сказать нелепо, покажется читателям моим, что я слова колокол и славу почитаю однозначительными, и в иносказательном смысле одно за другое сочинителем принимаемыми. В оправдание мое прошу заметить, что он словом звон изображает слух, молву. Упоминая о первоначальных при в. к. Изъяславе 1-м набегах половецких, он говорит: тоже звон слыша давный великий Ярослав, а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове (см. стр. стр‹ок.›). Здесь без всякого сумнения он хотел сказать, что слух о приближении половцев к русским пределам доходил до Ярослава, ибо в самом деле на другой год после его кончины в 1061 годе учинили они первое нападение на Переяславскую область (см. Нестор, стр. 115). Итак, если слова звон и слух, молва или слава у сочинителя нашего значит одно и то же, то и слово колокол, который в малороссийском наречии звоном называется, могло быть с ними равнозначительно. Я поступаю далее и постараюсь доказать, что сочинитель не токмо под словом слава подразумевал колокол, но в иносказательном смысле соединил с оным понятие и похвальной молвы, равно как греки с громогласною трубою вместо звука оной; русские стихотворцы, может быть, изображали торжественное какого-либо славного подвига превозглашение колокольным звоном; и тем с большею приличностию, что оным и в самом деле провозглашались у нас всегда победы и другие торжества. В доказательство, что сочинитель принимал колокол в виде орудия славы, приведу я некоторые места, извлеченные из сей песни. — Он говорит о витязях князя Ярослава Всеволодовича черниговскаго, что они кликом полки побеждают, звонячи в прадеднюю славу (см. стр. стр‹ок.›). Сии слова, если мое заключение справедливо, означать будут иносказательно, что витязи сии звонили в тот колокол, который провозглашал победы предков их: ибо как иначе в славу звонить можно? Подражающие грекам стихотворцы изобразили бы сию мысль, сказав, что витязи сии заставили о их подвигах греметь ту самую трубу, которая провозглашала победы предков их. — В другом месте сочинитель говорит: един же Изъяслав, сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломы литовские, притрепа славу деду своему Всеславу,

а сам под червлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи (см. стр. стр<ок.>). Как изъяснить смысл речей сих, тогда наипаче, когда с достоверностию утвердить можно, что оныя относятся не к укоризне, но к похвале сего князя? Ибо пред сим сочинитель вообще полочан называет грозными. При том слова един же Изъяслав острыми мечами изображают отличие, похвалу, а не уничижение (см. мое 168 примечание). Что же значат слова позвоня мечами о шеломы литовские, притрепал славу деду своему, а сам притрепан мечами литовскими? Здесь слова притрепал славу, а сам притрепан, очевидно, с намерением противоположены; значение оных известно: притрепал мечами значит прибить, приколотить славу деда. — Ежели соответственно моему заключению приймем колокол за орудие славы, провозглашающее знаменитые подвиги, то можно, кажется, довольно прилично изобразить стихотворчески сочинителеву мысль следующим образом. — Один Изъяслав сын Васильков, звоня острыми мечами своими о шеломы литовские, ударял в колокол, провозглашавший подвиги деда его Всеслава, а сам, прикрыт червлеными щитами на кровавой траве, пал под ударами мечей литовских. Ежели сие предположение покажется слуху и понятию читателей моих диким и не приличным, то сие произойдет более от новости и необыкновенности изображений, нежели от существенной оных к изображаемой мысли неприличности. — Уже труба славы возгремела; уже трубою славы провозглашена победа; сии выражения нам не противны; но всяк был бы осмеян, кто бы отважился теперь сказать: уже колокол славы возгремел; уже колоколом славы провозглашена победа. В заключение скажу, что хотя издавна у нас не трубами, а колокольным звоном возвещаются торжества, но поелику древние греки колоколов не имели, то и мы вслед за ними заставляем славу в трубу трубить. Впрочем, может статься и не дурно делаем — куда славе, сей прелестной красавице, возиться с колоколом? Хотя бы и пора уже, чтоб не слишком она надувалась, привязать ей побрякушки. Но наши предки иначе, кажется, славу себе представляли. Они, как видно, имя ее хотели носить при себе, а не пускать в расходку: и для того каждый, по своим силам и достатку, выливал себе колокол или колокольчик и на досуге трезвонил, как хотел. А для того по справедливости не должны мы порицать или осмеивать древнейшего нашего витию за то, что он, придерживаясь тогдашнего обыкновения, заставлял колоколом провозглашать славные дела.

Отдавая мнение мое на суд беспристрастных читателей, за нужное нахожу присовокупить, что сочинитель слово слава не всегда в иносказательном виде колокола, но и в точном смысле его принимает; например: ища себе чти, а князю славы (см. стр. стр<ок.>). Струны же сами славу князем рокотаху (см. стр. стр<ок.>), Бориса же слава на суд приведе (см. стр. стр<ок.>), преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами поделим (см. стр. стр<ок.>) Пети славу Игорю Святославичу (см. стр. стр<ок.>). Так же и слово колокол в собственном его значении сочинитель один раз употребил, говоря о Всеславе: тому в Полотске позвониша заутренюю рано, у святыя Софии в колоколы (см. стр. стр<ок.>).

29. Трубы трубят в Новегороде.

Новгород-Северский. — Он построен в 1044 годе князем Ярославом 1-м Владимировичем (см. Ист. Тат., часть II, стр. 109). Находится в Черниговской губернии по реке Десне и всегда был столицею княжества сего имени а принадлежал тогда поколению князя Ольга Святославича, предка князя Игоря. — Одно славенское поколение под названием северяне

известно было в конце 7 столетия и обитало на правой стороне Дуная (см. Изв. визант. ист., часть I, стр. 94 и 100).

30. Стоят стязи в Путивле.

Путивль город находится в Харьковской губернии. По-видимому, он отдан был тогда князем Игорем в удел сыну его Владимиру.

31. Игорь ждет мила брата Всеволода.

«Всеволод Святославич, меньший брат Игорев, превосходил всех своего времени князей не токмо возрастом тела и вида, которому подобного не было, но храбростию и всеми душевными добродетелями прославлялся повсюду» (см. Таг., часть III, стр. 320; прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 39, под буквою I). Ему достался на удел город Трубчевск, в Орловской губернии на реке Десне лежащий. — Игорь действительно ожидал его на пути, и они соединились уже у Донца (см. Тат., том III, стр. 262).

32. И рече ему буй тур.

«Буй значит дикий, необузданный, ярый, тур значит вол. Сии два понятия, соединенные в одном слове, составленном из двух кратких слов, не представляют ли нам Всеволода исполином, имеющим необычайный рост, широкие плечи, толстые руки, огнистые глаза, мужественный дух? Ежели б на место выражения и рече ему буй тур Всеволод поставить и рек ему герой Всеволод, то колико бы в сем втором выражении сила первого уменшилась; слово герой пред словом буй тур кажется мне так слабо здесь, как слово юноша пред словом муж» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 97). Столь справедливое замечание о слове буй тур заставило меня удержать сие название в переводе моем, к чему ободрил меня пример господина Шишкова (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 206). Впрочем, хотя из слова буй тур и могло оставаться название богатырь (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 39, под буквою I), но не свойственнее ли произвесть оное из татарскаго языка? По свидетельству г. Тат. (см. Тат., том II, стр. 356, прим. 24), достойно так же любопытнаго замечания, что на греческом языке слово бугаіос означает багатыря, происходя от бус (βοῦς) — бык и гаіо (γαίω) — славиться. В малороссийском наречии слово бугай значит породистаго вола. — Буи волы род дебелейших быков. Они любят в жаркое время лежать в воде и долговременно нырять способны, но холода сносить не могут. — По-видимому, в древности они были дикие, и для того буйволами названы, однозначительным именем с буй туром.

33. И рече ему буй тур Всеволод.

Кажется, что здесь переписчик сделал две ошибки: 1-е: поставя двоеточие не после слов и рече ему, но после имени Всеволод; 2-е: что в конце имени Всеволод заменил ъ буквой е и вместо того, чтобы написать сие имя в звательном падеже и рече ему: буй тур Всеволоде — поставил оное в именительном: и рече ему буй тур Всеволод, чем самым заставил мыслить, что не Игорь Всеволоду, но сей ему говорит последующую речь.

Противное тому обнаруживается из нижеследующих соображений. 1-е. Согласно с сочинителем Татищев говорит (см. часть III, стр.), что Игорь ожидал Всеволода, который шел из Курска другою дорогою и соединился с ним уже за Донцом у Оскола. — Пристойно ждущему Игорю побуждать к скорейшему приходу Всеволода, а не сему (находившемуся будто напереди, о чем Игорь не мог быть неизвестен) понуждать к тому ожидающего его Игоря. — Таковая несообразность была бы столь уничижительна для героя песни и предводителя Игоря, столь и предосудительна благоразумию сочинителя. 2-е. Курск, по всей вероподобности, принадлежал Игорю, яко старейшему брату, ибо если этот город с Труб-

чевском был во владении Всеволода, то за отделением Рыльска племяннику Игоря Святославу Ольговичу, а Путивля сыну его Владимиру князю Игорю, кроме Новгорода-Северского, ничего бы не осталось, чего с основательностию предположить не можно. 3-е. Если меньший брат Всеволод, приглашающий Игоря, выхваляет в речи своей Курские свои войска, находящиеся уже нагереди, то сие было бы весьма непристойное и уничижительное для Игоря Всеволодово самохвальство. Напротив того, отнюдь не неприлично Игорю выхвалять часть готовых к походу войск своих. которые, по-видимому, отдавал он под предводительство брата своего: таковою похвалою он мог возбудить в нем большее желание к соучаствованию в сем военном предприятии. 4-е. После живого стихотворческого изображения готовности Игоря к походу, словами комони ржут за Сулою (текущею близ пределов половецких), трубят трубы в Новеграде, стоят стязи в Путивле речь Всеволода к Игорю седлай твои борзые комони, а мои ти готовы оседланы у Курска напереди не только ослабила бы прежнюю картину, но совершенно противоречила бы оной, ибо нельзя предположить, что войска за Сулу, почти в границы неприятельские вступившие, не седлали еще коней своих. 5-е. Сочинитель, выхваляя курян, говорит, что они скачут, аки серые волцы в поле, ищучи себе чти, а князю славы. Немного ниже (см. стр. стр‹ок.›), описывая вообще русские войска, он повторяет ту же речь: русичи великие поля червлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы. Пристойнее, кажется, подумать, что он слова сии заимствовал не из речи Всеволода, но из Игоревой, аки первенствующего героя песни сей. 6-е. Сверх сего, если предположить, что в самом начале сей речи Всеволод говорит Игорю: один брат, один свет светлый ты, Игорю! То сии слова без местоимения мне, с падежом звательным имени Игорева составят один только пустой ему титул. Но совсем иной и приличнейший русскому выражению представляют они смысл, если Игорь относит их к Всеволоду с дательным падежом своего имени: один брат, один ты свет светлый Игорю. 7-е. Наконец, приметить должно, что сочинитель не всегда в звательном падеже полагает в конце имени букву е, а в дательном букву ю или у. Иногда он пишет Игореви вместо Игорю, Кончакови вместо Кончаку. — Взывая к половцам, говорит он: ни тебе черный ворон! (см. стр. стр‹ок.›) тебе тмутараканский болван (см. стр. стр‹ок.›), Игореви князю бог путь кажет (см. стр. стр‹ок.›), князю Игорю не быть (см. стр. стр‹ок.›), пети слава Игорю (см. стр. стр‹ок.›), а Кончаку нелюбия (см. стр. стр‹ок.›), и рече Гзак к Кончакови (см. стр. стр‹ок.›). Из всех сих соображений, по мнению моему, вышеписанную речь необходимо следует присвоить Игорю, а не Всеволоду — Остается решить читателям, основательна ли догадка моя и поправка, которую осмелился я сделать в переводе моем.

34. Солнце ему тьмою путь заступаше!

О точном времени сего солнечного затмения историки не согласны. Нестор полагает оное в 1 день мая 1186 года (см. Нестор, стр. 276), новгородский же летописец и г. Татищев в 1185 годе 1-го ж мая (см. Тат., том III, стр. 261); но что г. Татищев сделал ошибку в сем летосчислении, сие доказывается ясно тем, что, по его же словам, затмение последовало 1-го мая, а после оного победа половцев над князем Игорем, на второй неделе Пасхи, случившейся 21 апреля (см. Тат., том III, стр. 265 и Стриттер, том I, стр. 463, прим. 2, стр. 464, прим. 2 и стр. 467, прим. 3).

35. Свист зверин в стазби.

Что точно значит слово стазба, мне неизвестно. Догадываюсь, что оно происходит от глагола стягаться собираться. Буква г часто пере-

меняется в ж или з. Тягаться, тяжба, стягать, стяжание, стяг, во множественном стязи, бог бози и проч.

36. Див кличет връху древа.

Что точно слово див здесь значит, мне неизвестно. Кажется, представляет оно зловещую птицу филина; но что вся сия речь в иносказательном смысле принята быть должна, о том нет ни малейшего сумнения. — Не изображает ли сочинитель филином маяка для острожи и преподавания вести, половцами выставляемого на насыпных холмах, которых по обеим сторонам Днепра, тогдашним половецким кочевищам, находится великое множество? Может статься, сим маякам давали вид чучела филинов, на высокой щегле сидящих, с приделанными к ним трещетками, посредством которых могли они скоропостижно передавать чрез весьма отдаленные расстояния известие о тревоге, коей последствия сочинитель изображает тут же словами: а половцы неготовами дорогами побегоша к Дону великому. К догадке сей подало мне повод другое место в сем сочинении. Бояре, объясняя великому князю Святославу III бедствия России после несчастного Игорева сражения, говорят: по русской земле прострошася половцы аки пардуже гнездо; ...уже вржеся див на землю (см. стр. стр<ок.>). Сии слова изображают, может быть, что половцы в безопасности от русских нападений уже поснимали, побросали на землю маяки свои. Иначе не мог я истолковать, каким образом голос филина, сидящаго в верху дерева, мог услышан быть по Волге, на Помории, на Суле, на Суроже, то есть Азовском море, в Корсуне и даже в Тмутоfunction ракане.

37. И тебе тьмутораканский блъван.

К кому относит здесь сочинитель название тмутораканского истукана, совершенно мне неизвестно. По обеим сторонам Донца и Дона, на степях, принадлежавших, по всей вероподобности, древнему Тмутораканскому княжеству, на высоких насыпных холмах находится множество каменных истуканов. По чертам обоего пола лиц и по одежде видно, что они были надгробные памятники аваров, древнего соплеменного колмыкам народа. Не сими ли истуканами сочинитель хотел отличить тмутараканскую страну? Вероподобность у меня догадки сей уменьшается тем, что почти на всем пространстве тогдашних половецких кочевищ таковые истуканы находятся; итак, осмелюсь предположить другое мнение: от бахмутскаго уезда донские станицы отграничиваются речкою Буливаном. Около нее начинаются довольно высокие каменистые горы. Без всякого сумнения в оных добывались камни, из которых высекаемы были помянутые истуканы. — Река сия могла быть границею Тмутораканскаго княжества, заключавшего, по-видимому, все пространство, занимаемое ныне казаками донскими и черноморскими.

38. Уже бо беды его пасет птиц.

«Глагол пасет часто в старинных книгах значит питает; и так речь сия, как по силе сего глагола, так и по разуму повествования, долженствует значить: уже птицы питают себя бедами войск Игоревых, то есть готовятся пожирать тела их, когда они будут побиты» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 104)

39. Подобию влъци грозу въсрожат.

Слово въсрожат вовсе мне неизвестно.

40. Лисицы брешут на червленые щиты.

В малороссийском наречии глагол брешут значит лгут и лают, как собаки. Слово лают значит у них бранят. Я оставил глагол брешут, последуя примеру г. Шишкова (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 208).

41. Уже за Шеломянем еси.

Шеломянь где точно находится, мне неизвестно. — Г. Татищев упоминает о селе Шеломыи, находившемся неподалеку от села Носовки и от реки Ольты. (См. Тат., том III, стр. 20). В ростовском списке оно названо Шелонница (см. Стриттер, том I, стр. 354). Теперь около сих мест селения под сим названием отыскать невозможно. Далеко от оных близ Стародуба на реке Ипуте при устьи реки Карны нашел я село Шеломы; но как оное в самой средине Черниговского княжества находится, то никак не может быть то место, о котором сочинитель упоминает и которое, по смыслу речей его, должно или на границе русской с половецким кочевьем или даже в их пределах находиться. В такой неизвестности остается место одним только догадкам, и я осмеливаюсь предложить мою на суждение читателей.

Слово Шелом и Шишак суть однозначущие. Местечко Шишак, по-видимому, так прозванное от находящегося в нем весьма высокого и островерхого холма, лежит на левом берегу реки Псла, и следовательно, уже за границею Переяславского княжества. Прежде похода князя Игоря и того же самаго года марта 1-го числа великий князь Святослав III, разбив половецкого князя Кончака у реки Хорола, преследовал его рассеянное войско (см. Тат., том III, стр. 260) и посылал за ним погоню, может быть, до самой реки Псла и чрез оную до Шишаки. Сочинитель, часто превозносящий победы великаго князя Святослава, мог в упреку Игоря за дерзкое предприятие сказать, что он далеко зашел за предел, до которого великий князь простер в недавнем времени свою победу над половцами. Может быть, село Шишаки тогда называлось сим именем; но сочинитель пожелал его облагородить словенским однозначущим именем, таковые перемены названий в сем сочинении часто встречаются. Примером тому послужит река Каяла, к которой, по словам сочинителя, несчастное сражение князя Игоря с половцами последовало. Под сим названием реки во всех историках отыскать не можно; вместо оного поставляют они Сальницу, или Суугл (см. Тат., том III, стр. 262, 263).

42. Длъго ночь меркнет.

Слово долго значит поздно. (См. Софийский летописец, часть I, стр. 334). Сие примечание сообщено мне трудолюбивым российских древностей исследователем Александром Ивановичем Ермолаевым.

43. Говор Галичь убуди.

Кажется, что слово убуди и здесь, как немного выше сего в речи ночь стонущи ему грозою птичь убуди, значит разбудил. Галки весьма бдительны и чутки. Малейший шум в ночи их пробуждает; они даже предчувствуют непогоду и с приближением бури, или метели, совокупясь в большие стаи, ищут убежища в лесах и селениях; но весьма может статься, что здесь слово убуди, по мнению почтенного г-на Шишкова, значит уменьшился, происходя от глагола убывать и написано было с ударением на слог бу — убуди (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 107).

44. Орьтъмами и япончицами.

Здесь слово орьтма и выше сего глагол рассушась стрелами мне вовсе неизвестны. — Я перевел оные, последуя почтенному издателю.

45. Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо.

В Несторовом летописце повествуется, что русские князья, победя передовое войско половецкое и взяв много плена и добычи, простояли на месте сражения, празднуя трое суток (см. Нестор, стр. 276). Напротив того, Татищев говорит, что победоносное Игорево войско простояло для отдохновения одну ночь (см. Тат., том III, стр. 264). Кажется, что сочинитель словом дремлет подтверждает его мнение.

46. Ни тебе, чръный ворон, поганый половчине!

Сочинитель называет здесь половецкий народ черным вороном: может быть потому, что они, как одноплеменные им куманы, чаятельно, носили черное одеяние (см. Тат., том I, стр. 356 и 357).

47. Гзак бежит серым влком.

Историки называют сего князя половецкаго Гзя. Может статься, о нем же упоминается под названием Кози, который разбит был в 1167 годе Олегом Святославичем, старшим братом князя Игоря (см. Тат., том III, стр. 151). Во время пленения князя Игоря сей Гзя ходил воевать на его области около Путивля, и хотя много сделал опустошения, но войсками великого князя Святослава отражен с потерею. В то самое время Кончак приходил к самому Переяславу и хотя много разорения сделал, но, наконец, возвратился не с большею удачею (см. Тат., том III, стр. 267, 268 и 269).

48. Кончак ему след правит к Дону великому.

Два месяца перед сим Кончак был побежден великим князем Святославом у Хорола. — По-видимому, кочевья его были около реки Орели. Вероятно, что, услыша о приходе русских к Осколу, он поспешил на помощь своим единоплеменникам (см. Тат., том III, стр. 264) и подоспел после первой над ними русской победы; и сие то, по мнению моему, значит слова: Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит к Дону великому. — О упоминаемой здесь реке великом Доне за нужное почитаю предварительно сказать, что под сим названием должно разуметь реку Донец. Князь Игорь не дошел до Дона, как о сем и г. Татищев с основательностию удостоверяет (см. Тат., том II, стр. 352). Касательно ж до Гзака и Кончака, хотя сочинитель везде представляет их главными военачальниками, но по истории обнаруживается противное тому; ибо после сего несчастного сражения при разделе пленных князь Игорь достался воеводе торков Галбуку, брат его, сын и племянник другим половецким князьям, а не Кончаку и Гзе (см. Тат., часть III, стр. 267). Из чего заключить должно с великою вероподобностию, что не они были главные начальники в сем сражении.

49. Кровавые зо́ри свет поведают.

«Слово зори есть здесь именительный падеж множественного числа, а не родительный единственного. Кровавые зо́ри поведают свет, а не кровавые зори свет, ибо тогда не осталось бы никакого существительнаго имени, к которому бы глагол поведают отнести можно было» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 114).

50. Хотят прикрыти четыре Солнца.

«Здесь, разумеется, о российских князьях бывших в сем походе, Игоре Святославиче, Всеволоде Святославиче Трубчевском, Владимире Игоревиче Путивльском и Святославе Ольговиче Рыльском, кои предводительствовали каждый собственными войсками». (Прим. г. члена Акад. Малыгина. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 198).

51. Ту ся саблям потручати.

В малороссийском наречии говорится натручае руки вместо до бессилия утруждается.

52. На реце, на Каяле у Дону великого.

Реки под сим названием нигде отыскать я не мог. — Г. Татищев повествует, что несчастное князя Игоря сражение происходило близ реки Сальницы (см. Тат., часть III, стр. 262). О сей реке удостоверяет он, что по старому чертежу оная показана втекающею в Донец с правой стороны ниже Изюма (см. Тат., часть II, стр. 457, прим. 352). Но там сей реки ни по новейшим картам, ни в описании Донца и рек, в него впадающих, по древней российской идрографии отыскать я не мог. Нестор, описывая при сей же реке в 1111 годе русских князей с половцами сражение, называет

оную потоком дегейским (см. Нестор, стр. 175 и Тат., часть II, стр. 208). — Но и потока сего имени нигде я не нашел, равно как и реки Каялы, при которой сочинитель несчастное сражение Игоря полагает. — В такой неизвестности осмеливаюсь предложить мою догадку. — Г. Татищев, описывая в 1111 годе поход великаго князя Святополка II-го с Владимиром Мономахом и другими князьями к реке Сальнице, повествует следующими словами: «и собрались в пяток второй седмицы великаго поста, сиречь 26 февраля на Алте и тото ж дня пошли; в субботу пришли на Хорол; тут для малости снегов и облегчения обозов сани оставили, в неделю третюю пришли на Псел, а оттуда к Ворсклу, а перешед Ворскл, стали на реке Голтве, и тут сождався с остальными войски, в среду четвертыя седмицы, отправя кресту святому поклонение, пошли в путь, чрез многие реки переправляясь» (см. Тат., часть II, стр. 207).

Здесь хотя видимым образом ошибкою переписчика поставлено: перешед Ворскл, стали на реке Голтве, ибо сия река ближе Ворскла; со всем тем она служит указательною точкою, куда направлялся путь войск Святополковых. — Ежели от Переяславля, близ которого течет река Алта, проведши к реке Голтве прямую линию, продолжить оную, то конец ее доткнется до реки Донца около устья реки Мжи. — И для того я полагаю, что русские, переправясь выше Полтавы чрез Ворскло, шли по левую сторону реки Коломака до Валок; ибо по сторонам и в позднейшие времена почитали дорогу непроходимою (см. Древняя росс. идрография, стр. 12.) Оттуда, переправясь чрез Мерчик, шли по левую сторону реки Мжи до устья против города Змиева. Если скажут, что 13 дней слишком много для двустоверстного пути, то на сие ответствую, что весенняя распутица, желание сберечь лошадей, переправы чрез реки и самый поход в неприятельской земле не позволил, конечно, делать великие переходы. Дошедши до Донца при устье реки Мжи, великому князю осталось избирать путь к половцам, или вправо нагорною стороною Донца к вершине Орели, в степи безводные, и подвергнуть себя опасности быть отрезану половцами, по обеим сторонам Донца кочующими, или иттить вверх Донца и, перешед оный выше Чугуева, напасть на половцев, кочующих по плодоноснейшей луговой стороне Донца, и иметь для возвращения своего свободный путь в Россию.

По-видимому, он избрал для нападения на половцев сие последнее намерение, как мы из последствия повести г. Татищева удостовериться можем.

Он продолжает: «Во вторник шестыя седмицы пришли к Донцу; тут облеклися в брони и, полки распорядя, пошли далее; в вечеру же пришли к городу Шаруканю и послали граждан спросить, хотят ли противиться, или милости просить и град отворить; дабы от них ни един не погиб? Граждане же, изнесши хлеб, рыбы и мед, просили князей о милости, чтоб град их не разорять; и взяв князи от них откуп, токмо едину ночь пребыв, заутро в среду пришли к Сугрову граду и також наперед объявить к им послали; но сии не похотели покориться. Надеясь на крепость града и множество людей, гордый ответ прислали. Князи же обступя отовсюду, вскоре град сожгли, и людей мало пленя побили. — В четверток пришли к реке Донцу, где в пяток 24 марта, собрав вся половцы. во множестве близ полков русских явились». Тут г. Татищев описывает сражение и победу русских над половцами, потом продолжает: «И пребыли на том месте два дни, субботу и неделю, готовяся к жесточайшему делу, ведая, что половцы из-за Дона многие переправились и собираются. — В понедельник страстныя седмицы 27 марта дошли до реки Сальницы и узрели половцев в великом множестве, яко лес стоящ противу их». — Тут опять г. Татищев описывает второе решительное и пагубное для половцев сражение (см. Тат., часть II, стр. 207, 208, 209). Вот как г. Татищев довел нас до реки Сальницы.

Соображением местных исторических известий потщимся объяснить путь сей. — Основываясь на предположенном мною намерении великого князя напасть на половцев с левой луговой стороны Донца, полагаю, что русские от устья реки Мжи при Донце поворотили влево, перешли чрез реку Уды при устье реки Жирогани (см. Древняя росс. идрография, стр. 28). Имя сей реки, сходной с названием города Шуруканя, дает мне повод думать, что на ней находился сей город, пощаженный русскими князьями. — Выше Чугуева, по мнению моему, стоял город Сугров; в 1116 годе Ярополк Владимирович со Всеволодом Ольговичем ходил на половцев к Донцу и взяли три города: Балин, Чевшлюев и Сугров (см. Тат., том II, стр. 217). Первой не Бановоли городище на устья реки Уды? (См. Древняя росс. идрография, стр. 28). Второй без сумнения нынешний Чугуев (см. там же), а последний не Гуминноель городище (см. там же). Не удивительно, что одни имена испорчены, а последнее и совсем переменено. Примеры сему весьма частые.

В. князь, сжегши Сугров, перешел Донец у Кагальского перевоза и речки сего ж имени, с правой стороны в Донец впадающей, которую я Коялем почитаю (см. Древняя Росс. идрография, стр. 9, д. 27, 28, 29). У сей реки русские, одержав первую победу, подвинулись к нынешней реке Савинце (см. Древн. Росс. идрография, стр. 30), выше Изюма в Донец втекающей, по-видимому, той же, что и Сальницы, коея имя могло быть испорчено переписчиком; и тут, по мнению моему, произошло вторичное решительное сражение. — Что сия река Сальница или Савинца должна впадать в Донец с левой стороны выше Оскола, сие доказывается описанием похода Игорева. — Г. Татищев повествует, что он, выступя из Новагорода-Северскаго 13 апреля, пришел 1-го маия к Донцу (по-видимому, у Белгорода), перешед оный, шел к Осколу, где два дни дожидался брата своего Всеволода, идущаго другою дорогою из Курска. По всей вероподобности, соединение сих князей было близ Купенска; оттуда они пошли к реке Сальнице. А как при сем г. Татищев о переходе чрез Оскол не упоминает, то и следует заключить, что сия река впадала в Донец с левой стороны выше Оскола. — От сей реки Сальницы навстречу половцам Игорь шел всю ночь и пред обедом пришли к реке Суугле. Под сим именем реки отыскать невозможно; а кажется мне, что это была нынешняя Балыклея. Молодые князья Святослав Ольгович и Владимир Игоревич с воеводою Ольстиным, перешед за реку сию, разбили половцев. — Игорь следовал за ними тихо и в боевом порядке. — Видя же в собрании множество половцев, решился отступить поутру рано к Донцу. — Тогда половцы стали окружать русских, которые шли, отбиваясь, в бегство; Игорь поскакал, чтоб возвратить его, но попал половцам в плен. — Всеволод, идя возле озера, так долго оборонялся, пока истощил все стрелы и силы. — Тогда победа половцев над русскими совершилась (см. Тат., том III, от 261 по 264 страницу). В сем повествовании два места заметить должно. 1-е. Что, перешед Сууглу и быв принуждены к отступлению, русские надеялись на другой день дойтить до Донца, а посему заключить должно, что сражение от сей реки не далее 30 верст последовало. 2-е. Что Всеволод шел возле озера. — Весьма большие озера и болота находятся только на левой стороне Донца ниже Чугуева и Кагальского перевоза, а потому с достоверностию заключить можно, что там окончилось сражение, столь погубное для князя Игоря и войск русских; и река Каяль или Кагал сделалась по сему несчастному происшествию известна нашему сочинителю. Отдавая догадку мою на суд читателей, желаю искренно, чтоб она ими одобрена была; а чтоб ревностные исследователи повествовательных древностей наших не затруднили себя отыскиванием реки Каяли на Доне или даже

у Азовскаго моря, куда русские чрез все половецкие кочевья доходить никак не могли.

53. О руская земле! уже не Шеломянем еси.

Здесь, очевидно, ошибкою переписчика поставлена частица не вместо предлога за. Надлежало бы написать уже за Шеломянем еси, ибо эта речь есть точное повторение сказанной выше сего после такого же печальнаго предсказания о предстоящем злоключении (см. мое 41 примечание).

54. Ветры, Стрибожи внуци.

«Стрибог (славенский Эол) кумир во время язычества, в Киеве боготворимый; ему приписывали власть над ветрами. . .» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., стр. 40, под буквою о).

Здесь сочинитель, начиная описывать второе решительное и столь несчастливое для русских сражение, словами: Се ветры, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрые плъки Игоревы! — изображает, кажется, передовых половецких стрельцов, предшествовавших новому сильному их войску, идущему от Дона, от моря и от всех сторон навстречу князю Игорю.

Сверх сего, может быть, в самом деле ветер был в сем сражении противен русским, к сему заключению подает повод жалоба супруги князя Игоря.

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале аркучи: о ветре, ветрило? Чему господине насильно вееши? Чему мычеши Хиновские стрелки на своею не трудную крильцю на моея лада вои» (см. стр. стр<ок>.)

Что же сие последнее сражение началось стрельцами, о том явственно продолжитель Нестора повествует таким образом: «Остаток избиенных тех (половцов) бежаша ко дружине своей, где то бяху прежде весть послали, и сказаша им свою погибель. Они же слышавше пойдоша к ним, а по другие послаша, и сняшася с ними, стрельцы, а копьи не снимашась, дружины ожидающе (см. Нестор, стр. 277).

55. <Примечание В. Капнистом пропущено>.

56. Пороси поля покрывают.

Слово пороси происходит, кажется, от прах, равно как порошок запорошить и проч. В малороссийском наречии говорится часто порох вместо пыль. Множественное число оного древле, может быть, употребительное, по-видимому, составило пороси. Здесь слово сие должно изобразить тучи пыли, поднявшиеся от наступающего многочисленного половецкого воинства.

57. Стязи глаголют.

Стяг, без сумнения, то же, что большое знамя, не происходит ли оно от слова стягать, соединять войска? Какой вид в древности имели стяги, мне неизвестно.

Из некоторых описаний, в Несторе находящихся, можно заключить, что каждый князь имел в войске один свой собственный стяг, отличающийся от других особым на оном изображением герба или какого-либо предмета. Большое полотно с таковым изображением поднималось на дебелую древку, которой верх украшен был кистью на подобие турецких бунчуков. Ношение и охранение стяга препоручалося сильнейшим и отважнейшим воинам и отборнейшей дружине, ибо, по-видимому, отнятие или ниспровержение стяга приводило все войска в расстройку и отчаяние в победе. Для оправдания сего заключения моего приведу некоторые места из Нестора.

В 1096 годе в сражении Ольга Святославича с Мстиславом Владимировичем Мономаховичем повествуется: «Се прийде Мстиславу весть, яко посла к нему отец брата его Вячеслава с половцы; и прийде Вячеслав в четверток вторыя недели, а заутра в пяток пойде Олег, исполчив дру-

жину, а Мстислав пойде противу ему с новгородцы, и вда Мстислав стяг Володимер отца своего, половчину именем Куную, и да ему пешцы, и постави на правом крыле. И узрев Олег стяг Володимер, убояся и ужас нападе нань и на вои его и пойдоша к бою противу собою и пойде Олег противу Мстиславу, а Ярослав (Святославич) пойде противу Вячеславу. Мстислав же, прешед жар (выдержав первое нападение) с новгородцы, сседоша с коней и ступишась на Колочце, и бысть брань крепка, и нача одоляти Мстислав И виде Олег, яко пойде стяг Володимер, нача заходити в тыл его, и убояся побеже, и одоле Мстислав» (см. Нестор, стр. 149 и 150).

В 1107 годе, когда Боняк и Шурукан, князья половецкие воевали около Лубен, то повествуется, что в. к. Святополк II, Владимир Мономах и другие князья пойдоша «на половцы к Лубну, и в шестый час дни перебродиша чрез реку Сулу и кликнуша на них. Половцы же ужасошась и от страха не возмогоша ни стяга поставити, но побегоша, хватаючи кони, а друзии пеши побегоша» (см. Нестор, стр. 173). В 1136 годе, когда Ольговичи восстали войною на в. к. Ярополка Владимировича, то повествуется, что бывшу вступлению обема полками «и бишась крепко, и вскоре побегоша половцы ольговичей, и погнаша по них Ярополка дружина лучшая, и биша я, женучи много возвратившесь опять на полчище, не обретоша княжее вои и впадоша Ольговичем в руце, а половцы обратишася на них в тыл, и тамо изъймаша я держаще стяг Ярополч» (см. Нестор, стр. 189, 190). В 1150 годе во время войны Юрия Владимировича Долгорукого с Изъяславом II Мстиславичем, свергнутым с киевскаго престола, читаем, что «приближющимся к Луцку (сыновьям князя Юрия Ростиславу, Борису, Мстиславу и Андрею) и видящим стяг отца своего, и пешцом вышедшим из города, и стреляющимися с ними; Ростиславу же и Борисови и Мстиславу, не ведущим мысли брата своего Андрея, яко хощет толкнути на пешцы, и стяг его видяху не возволочен; не величаху бо ему бывшу на ратный чин, но похвалы ищущу от единого бога» (см. Нестор, стр 211) Под 1164 годом находим: «в то ж лето иде князь Андрей (Юрьевич) на болгары с сыном своим Изъяславом, и с братом своим Ярославом, и с муромским князем Георгием, и поможе им бог и святая богородица над болгары самих изсекоша множество, а стяга их поимаше; и едва в мале дружине утече князь болгарский до великаго города» (см. Нестор, на стр. 240).

Наконец, в 1140 годе при описании сражения князя Михаила с половцами повествуется: «И спешась обои (войска) и бысть сеча зла; и потяша стяговника нашего, и челку стяговую соторгоша со стяга, и смятошась обои бъючись. Володислав замысли взяти стяг Михалков и наткнути нань прилбицу и собрашесь, толкнуша на ня, и стяговника половецкаго потями» (см. Нестор, стр. 248).

Хотя из всех сих выписок можно, кажется, получить понятие о стяге, но единственно для любопытства приведу как г. Татищев описал сие самое последнее происшествие. «Перво половцы убили стяговика (полковника пехоты) русскаго и чело у пехоты смяли. Владислав же взял пехоту михалкову и прибавил к челу своему, с которыми, жестоко поступя, пехоту половецкую тотчас смял» (см. Тат., часть III, стр. 171). Тут г. Татищев принял стяг за пехоту; челку стяговую за чело пехоты; прилбицу за чело ж, а стяговника за пехоту ж. В другом месте, описывая под 1190 годом поход великаго князя Святослава III противу половецкого князя к Кундуреву, говорит он: «Тогда половцы собрався с князем Якушем, и хотели разойтиться по селам для раззорения; но, взяв языка, сведали, что Святослав у Кундурева стоит, пометав стяги (разруша строи) и пометав копия, побежали назад».

Прошу извинения за сию столь длинную сличительную выписку. Мне хотелось представить образчик трудности, которую встречают истолкователи древних преданий, а тем самым подвигнуть моих читателей к снисходительному мне прощению в равномерных недоразумениях.

Челка стяговая в последней выписке из Нестора упомянутая, должна быть чолка наподобие бунчужного хвоста, вверху древка прикрепляемая. Прилбица же была железная сетка, закрывающая лицо, сверх которой надевали шлем.

Оба сии замечания сообщены мне трудолюбивым древностей наших изыскателем Александром Ивановичем Ермолаевым.

В сочинении семь-шесть раз о стяге упоминается: 1-е. Стоят стяги в Путивле (см. стр.).
2-е. Червлен стяг... Храброму Святославичу (см. стр.).
3-е. Стязи глаголют (см. стр.).
4-е. Ярославе и вси внуце всеславли, уже понизить стязи ваши (см. стр.).
5-е. Третьяго дни к полудни падоша стязи Игоревы (см. стр.).
6-е. Се бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давыдовы (см. стр.).

В 3-м месте словами стязи глаголют сочинитель уподобляет стихотворчески шум, хлопанье развевающихся ветром знамен, речи или разговору.

58. Дети Бесовы.

Не ошибкою ли переписчика названы здесь половцы бессовыми детьми? Это была бы грубая брань, неприличная столь благоразумному писателю. Не испорчено ли это слово из бусовы дети? Имя Буса, как некоторого предка, или знаменитого вождя половецкого, употребил сочинитель ниже сего (см. стр. стр<ок.>). Готские красные девы, говорит он, звоня русским златом, поют время бусово, лелеют месть Шаруканю.

Шарукан был половецкий князь, воевавший противу русских в 1107 годе, котораго город, именем его называвшийся, близ Донца, был ими в 1111 годе взят (см. Нестор, стр. 172 и 175; Тат., том II, стр. 204 и 207). Сочинитель, соединя имена Буса и Шарукана, дает повод догадываться, что и первое есть имя половецкое.

Сверх сего, заставляя великого князя Святослава рассказывать боярам сон свой, говорит он: всю ночь и вечер босовы враны взграяху (см. стр. стр<ок.> и мое 112 примечание). Сии иносказательные босовы враны видимым образом относятся к вышеупомянутому Бусу. Но здесь тоже, кажется, ошибкою переписчика поставлено босувы вместо бусовы: она тем явственнее, что буква у в нашем наречии в родительном падеже пред окончательным складом вос не употребляется. Может быть, здесь написано было с буквою оу боусовы, а переписчиком буква у пропущена. Но кто был сей Бус? мне вовсе неизвестно; догадываться только можно, что он был какой-нибудь победоносный и знаменитый древний полководец половецкий, по имени которого и половцев бусовыми детьми сочинитель называет. Равномерно догадываться можно, что кочевья его были при реке Берсте, по левую сторону Донца; ибо там находилось селение, называемое Бусово; при котором потом и крепость сего имени построена (см. Геогр. словарь, том I, стр. 112, слово бусовая креп.).

59. Кликом поля прегородиша.

«Слова кликом поля прегородиша не значат: оградили стан свой криком, как то сказано в предложении, но смысл их есть тот, что половцы, преградя поля, то есть растянувшись по всему оному, с криком бросились на русских, которые в молчании противуста-

вили им щиты свои» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 121).

60. Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони.

Слово на борони значит на обороне, на защите. Когда русские, увидя весьма превосходную многочисленность половцев, как выше сказано, начали отступать, то, по-видимому, Всеволод с своим полком прикрывал их. При отступлениях сие начальство есть самое важнейшее.

61. Прыщеши на вои стрелами.

«Никакое другое слово без ослабления мысли не может заменить здесь глагола прыскать. Скажем, бросать, пускать: каждое из сих слов дает нам понятие, что Всеволод кидает стрелы одну после другой. Скажем, сыплет стрелами. Глагол сыпать хотя и означает великое количество оных, вдруг выпускаемых, однако ж не изобразит действия сего с такою живостию и приличностию, как глагол прыскать, потому что первый из них, то есть сыпать, вместе с напоминанием нам о множестве крупинок или малых частиц напоминает и то, что оные, будучи без всякого напрягания сил пущены, падают или опускаются токмо сверху на низ; напротив того, второй, то есть прыскать, представляя нам многочисленность водяных капель или прысков, сопрягает с собою купно и ту мысль, что оные, будучи с великим напряжением сил опущены, летят стремительно в стороны. Из сего следует, что понятие нападать на неприятеля или оборонять себя, выражение прыщеши стрелами более приличествует, или живее описует оное, нежели выражение сыплет стрелами» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 122). По примеру его оставил я сие сильно выразительное слово и в моем переводе.

62. Гремлеши о шеломы.

Слово гремлеши, без сумнения, значит гремиш. В малороссийском наречии глагол гримаеш тоже значит сильно стучишь, громко, яростно кричишь. Не от сего ли корня гремлю произошло прилагательное разгромленный громом или какою другою силою разбитый, разрушенный?

63. Мечи харалужными.

Корень прилагательного харалужный мне вовсе неизвестен Но, кажется, что слово сие в переводе пристойно заменено может быть прилагательным булатный.

64. Поскепаны саблями калеными.

Г. действительный статский советник Степан Яковлевич Румовский думает, что слово поскепаны происходит от глагола скепать, который тоже значит что щепать, ибо в некоторых местах и ныне вместо щепать лучину говорят скепать лучину, и вместо расщепу пера раскеп (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 92 и 93). К сему основательному заключению присовокупить должно, что в малороссийском наречии щепа и ныне называется скипка.

65. Шеломы аварския.

Обри происходили неоспоримо от калмыцкаго поколения; греки называли их аварами (см. Тат., том II, стр. 7, прим. 24). Сие имя на греческом языке значит бездомовые или бескорабельные, ибо оно составлено из отрицательного предлога а без и варисдом или корабль. Не имел ли Омир в виду бескорабельных аваров, когда заставил тень Тирезия предназначить Улиссу новое путешествие к народам, столь не сведущим о мореходстве, что они весла от лопаты различить не умели (см. Одиссей, XI песнь). «Новые песни обретешь в дому: хищников, расточающих твое стяжение и дарами ищущих приклонить к браку супругу твою. Но в чертоге твоем хитростию или силою ты накажешь буйство их. Потом возьми опять весло и предайся

плаванию, пока не прийдешь к народу, не знающему моря, не растворяющему солью пищи и не ведающему ни о кормиле, ни о веслах, сих крыльях корабельных. — Я дам тебе о нем достоверный признак: ты повстречаешь жителя, который, увидя весло в руке твоей, скажет, что ты несешь лопату. Тогда водрузи весло в землю, принеси Нептуну богатую жертву, овна, вепря и быка по возвращении же в дом».

В сем описании достойно примечания известия о народе, который соли в яствах не употребляет; сие сходство с калмыками, равно как и черты лица древних надгробных истуканов, на холмах по обеим сторонам Донца в степи находящихся, дает повод заключить, что сии обри были отродия калмыцкого и что Омир имел уже об них довольно подробное сведение.

Прошу покорно благосклонных читателей простить мне сию ученую выписку и смелость, которую взял я притянуть Омира к объяснению маловажного обстоятельства русской истории 12 столетия. Утружденный скучными и мелочными изысканиями, хотел я хоть на минуту отдохнуть с отцом стихотворчества.

66. И града Чернигова отня злата стола.

Святослав Ольгович, отец Всеволода, княжил в Чернигове с 1154 года по смерть свою, последовавшую 1164 года. По кончине его Олег Святославич, брат Всеволода, взошел на черниговский наследственный престол; но вскоре принужден был уступить оный Святославу Всеволодовичу. Чаятельно в Чернигове оставались древние связи; что, может быть, причиною было, что Игорь и Всеволод получили в сей войне черниговскую помощь с воеводою Ольстиным; и по многим другим обстоятельствам обнаруживается, что между Ярославом черниговским и северскими князьями существовали дружеские сношения.

67. И своя милыя хоти.

Из сего места ясно видно, что слово хотя значило в древнем наречии жена, супруга.

68. Красныя Глебовны.

«Супруга Всеволода Святославича, брата Игорева, дочь князя Глеба Юрьевича переяславского» (прим. изд. См. Соч. и пер. изд. Росс. Акад., ‹часть I›, стр. 45, под буквою п).

69. Были вечи трояна.

«Здесь сочинитель прерывает на время повествование свое о сражении и обращается к бывшим в прежние времена приключениям» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., ч. I, стр. 126). Говоря здесь о вечах троянях, не напоминает ли сочинитель о походах Святослава I-го на Дунай противу болгар и греков? (См. Нестор, стр. 59 и в конце моего 24 примечания) или Владимира 1-го в 993 годе на седмиградскую и хорватскую землю? (См. Нестор, стр. 85 и Тат., часть II, стр. 79) или в 1000 годе на Дунай к Переяславу. (См. Тат., часть II, стр. 87).

70. Минула лета Ярославля.

«Тридцатипятилетнее государствование Ярослава I-го надолго оставалось памятным для россиян. Храбрость его превозносима была за одержанные им многократные победы над братоубийцею Святополком и над тмутораканским князем Мстиславом, за отобрание у польского короля Болеслава принадлежащих России городов и за покорение Лифляндии и Эстляндии. Не менее того и мудрость Ярослава славилась в потомстве; он построил по реке Рси и за Днепром многие города, населив пришельцами и пленниками, набожностию своею укоренил он в России православную веру, родителем его насажденную, и старался распространить ученость, приказав с греческого переводить лучшие книги и несколько оных для народа по-русски сочинить» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 45, под буквою п). Ярослав I разбил печенегов,

соплеменных половцам 1036 года близ Киева (см. Тат., том II, стр. 106). Не к сей ли победе относит сочинитель слова минула лета Ярославля?

71. Были плъци Ольговы.

Сверх многих войн, предпринятых Олегом, не имел ли сочинитель здесь в виду значительной победы, которую он одержал над хозарами, возвратясь из Константинограда, куда ими сослан был? (См. Нестор, стр. 127).

72. Ольга Святославича.

«Князь Олег Святославич, бывший с 1065 по 1114 год на Тмутороканском княжении. Беспокойный нрав его и склонность к возмущениям много навлекали зла на землю русскую. Половцы всегда были оружием замыслов его. Он многократно приглашал их на разорение своего отечества и вместо платы за вспоможение попускал им опустошать и грабить повсюду. В 1096 годе российские князья решились усмирить его и соединенно выступили против него со многочисленным войском; но по причине всегда вероломных с его стороны примирений, едва могли удержать алчность его, предписав ему с братьями своими довольствоваться владением Чернигова, Севера, вятичей, Мурома и Тмуторакани, которые состояли за отцом его» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 45, под буквою о).

Еще присовокупить должно замечание о беспристрастии сочинителя. Олег сей был дед в. к. Святослава III-го и Игоря, героя песни, которых мужество хотя часто превозносит, но предосудительных поступков, как предка их Ольга Святославича, так и их собственных, впоследствии песни без строгого замечания не оставляет.

73. В граде Тмутораканe.

Почтенному издателю Слова о полку Игореве его сиятельству графу Алексею Ивановичу Пушкину обязаны любители отечественных древностей за точное описание местоположения города Тмутораканa, столь основательно и подробно объясненного его превосходительством Алексеем Николаевичем Олениным (см. Истор. исследов. о Тмутораканском княжении, печатано в Санктпетербурге 1794 года, и письмо о камне тмутораканском, печатан в 1806 годе).

74. Тоже звон слыша давный великий Ярослав сын Всеволож; а Владимир по вся утра закладаше уши в Чернигове

Слово звон иносказательно означает здесь слух, молву и доказывает, что Ярославу I-му доходил слух о враждебных нашествиях половцев на Россию; ибо на другой год после его смерти они в первый раз с князем их Блюшем приходили войною к Переяславлю (см. Нестор, стр. 115; Тит., том II, стр. 115). В подлиннике здесь, очевидно, ошибкою переписчика поставлено двоеточие после имени Всеволож. Тем самым не давний великий Ярослав I, но правнук его Ярослав Всеволодович, двоюродный брат и современник Игорев, означается. По мнению моему, должно исправить сию речь таким образом: тоже звон слыша давний великий Ярослава сын Всеволож Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове. И в самом деле Владимир II Всеволодович Мономах, внук Ярослава, вел по смерть свою почти непрерывную войну с сим беспокойным народом, которого ни частыми победами, ни союзом родства не мог совершенно удержать от враждебных набегов. Для лучшего о сем удостоверения и оправдания предлагаемой мною поправки сего места в подлиннике нахожу нужным представить читателям вкратце выписку о войнах с половцами после Ярослава I-го до кончины Владимира Всеволодовича Мономаха.

В 1061-м годе половецкий князь Сокал победил под Переяславлем Всеволода Ярославича, отца Владимирова.

В 1067 половцы на Олте победили великого князя Изъяслава, Святослава и Всеволода Ярославича Потом Святослав победил их у Сновска.

1071-го они воевали у Ростовца и Снятина.

1078-го Олег и Борис Святославичи у Всеволода Ярославича отняли помощию половцев Чернигов; но вскоре потом великим князем Изъяславом, Всеволодом и сыном его Владимиром побеждены. — Великий князь Изъяслав на сем сражении убит.

1079-го Роман Святославич приходил с половцами к Переяславлю. Всеволод учинил с ним мир и они Романа убили.

1092-го они взяли и пожгли Песочень, Переволоку и другие города.

1093-го у реки Стугна, несмотря на храбрость Владимира, они победили великого князя Святополка II-го.

В том же году, вторично победя Святополка, город Торческ взяли, сожгли и много зла учинили.

1094-го великий князь Святополк II-й, чтоб примириться с половцами, женился на дочери князя их Тугуркана; в том же годе Олег Святославич с половцами Владимира из Чернигова выгнал в Переяславль.

1095 года половецкие князья Итляр и Китан двукратно на Владимира к Переяславлю приходили; в последний раз по совету великаго князя Святополка изменнически оба убиты; а войска их побеждены; но того ж года половцы, опять пришед, Юрьев сожгли; князь их Бонак к Киеву, а Курск к Переяславлю приходили и, несмотря, что в. к. Святополк II со Владимиром князя их Тугуркана, тестя своего, победив, убил, князь их Бонак опять приходил к Киеву и Печерский монастырь ограбил и сожег.

1099-го князь половецкий Бонак был Святополком II призван на помощь противу Володаря; помог сему победить венгерского короля Коломана, союзника Святополкова.

1103-го великий князь Святополк с Владимиром ходили вниз Днепра на половцев и их победили.

1106. Половцы приходили к Заречску; но были побеждены.

1107. Приходили князья их Бонак и Шарукан к Переяславлю; но великим князем Святополком II с Владимиром за Лубнами побеждены. Князь Сугра взят в плен, а Шарукан едва ушел. После сего Владимир женил сына своего на князя половецкого (Аэпы) дочери.

1109. Воевода Владимиров ходил к Донцу на половцев и их победил и, пленив, возвратился.

1110. Великий князь Святополк II и Владимир предпринимали тщетный поход на половцев, а они, пришед около Переяславля, много вреда причинили.

1111. Великий князь Святополк II с Владимиром и другими князьями ходили на половцев к Донцу у Сальницы. Храбростию Владимира их победили.

1113. Тот час после смерти Святополка II-го они приходили к Переяславлю на великаго князя Владимира, но, не дождавшись его, ушли.

1116. Ярополк, сын великого князя Владимира, с Всеволодом Ольговичем ходил к Донцу на половцев, и, взяв три города, с победою возвратился.

1117. Великий князь Владимир женил сына своего Андрея на внучке половецкого князя Тугуркана.

1120. Ярополк, сын князя Владимира, предпринимал тщетный поход на половцев к Донцу.

1125. Великий князь Владимир Мономах скончался.

После сего краткого изложения войн с половцами можно, кажется, было сказать, что Владимир закладывал уши от слухов о их набегах, ибо вся жизнь его была занята почти беспрерывною с ними войною. Сам он

в духовной своей удостоверяет, что с половцами заключал мир 19 раз (см. Духовная в. к. Владимира Всеволодовича, стр. 43).

75. Бориса же Вячеславича слава на суд приведе, и на канину зелену паполаму постла, за обиду Ольгову храбра и млада князя.

«Сей Борис по ростовской и никоновской летописям Вячеславичем, а у Нестора и Татищева Святославичем назван, и в поколенной 1 росписи г. Стриттера Истории Российскаго государства в 7 степени показан Борисом Вячеславичем» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 46).

Сочинитель называет его просто братом Ольга. Сей Олег был без сомнения Олег Святославич, сын Святослава II-го, о нем повествуется (см. Нестор, стр. 124 и Тат., том II, стр. 133), что он с братом своим Борисом и половцами в 1078 годе Черниговом овладел, потом тоя ж осени пришел опять с братом Борисом и половцами к Чернигову против великаго князя Изяслава I-го и Всеволода Ярославичей и уговорен был Борисом вступить с ними в сражение, на котором Борис убит, а Олег с половцами побеждены были. Сочинитель, напоминая о сем происшествии, стихотворчески говорит, что Бориса слава (то есть честолюбие) привела на суд и на канину (по-видимому, конину) зелену попону постели, за обиду Ольгову храбра и молода князя. Чтоб выразуметь смысл сих речей, должно припомнить обряд, употребляемый при съездах для суда князей (см. Тат., том II, стр. 195 и 196).

«Обвиняемый призван был в шатер, где все князья сидели на ковре, и по обыкновенном поздравлении сажали его на такой же ковер. Потом все князья, вышед из шатра, садились на коней, и, разделясь, каждый князь особо рассуждал с своими боярами; а судимый оставался один, потому что никто его к себе не допускал» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 47, под буквою ф).

К сему обряду, по мнению моему, долженствует относиться в иносказательно-стихотворческом смысле речь сочинителя о суде Бориса, убитого на сражении противу дядей своих; сочинитель, образуя смерть его судом, хотел сказать, что вместо ковра послана была ему конская зеленая попона, то есть зеленый дерн.

76. С тоя же Каялы.

Сие место в подлиннике весьма испорчено переписчиком, даже сделано какое-либо пропущение слов. Вся речь с тоя же Каялы: Святополк повелея отца своего между угорскими иноходцы ко святой Софии к Киеву не представляет даже никакой грамматической связи. При невозможности извлечь из оной какое-либо ясное понятие остается место одним только догадкам. Я осмеливаюсь предположить мою на суждение читателей; может быть, речь сия, с прибавкою одного слова после, была написана таким образом: с тоя же каялы Святополк повеля после отца своего между угорскими иноходцами ко святой Софии к Киеву.

Слово после, несколько похожее составлением букв на повел, могло неискусным переписчиком принято за ошибку и вдвойне написанное слово, а потому и выброшено. Ежели в самом деле речь сия написана была тако, как я предполагаю, то может она относиться к знаменитой победе, одержанной над половцами в. к. Святополком Изъяславичем в 1111 годе (см. Нестор, стр. 175 и Тат., часть II, стр. 207) при реке Салнице, которую я Савинцею почитаю (см. мое 52 примечание). На сем сражении убито половцев более 10 000 и несколько тысяч пленных в Русь отведено. Победа сия была столь важна, что князья русские поспешили о сем возвестить

царю греческому, венгерскому, польскому, чешскому и другим и послали им по нескольку пленных в изъявление любви. Во всей же Руси повелели по церквам воздать богу благодарение. Касательно ж до того, что сочинитель упоминает в речи сей о венгерских иноходцах, то сие не относится ли к тому, что Святополк (см. Тат., том II, стр. 449, прим. 329), как зять короля венгерского Гойсы и тесть королевича венгерского (см. Нестор, стр. 171, и Тат., том II, стр. 202 и стр. 455, прим. 341), мог иметь в войске своем или венгерскую вспомогательную конницу, или по крайней мере лошадей венгерских, отличающихся своею добротою.

77. *Тогда при Ользе Гориславиче.*

Здесь явна ошибка переписчика в имени Ольга Гориславича, о котором нет нигде ни малейшаго известия: из предыдущего и последующего обнаруживается, что слово идет о Ольге Святославиче. Г. Шишков заметил сию ошибку и исправил оную в предложении своем Игоревой песни (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 213).

78. *Даждь божа внука.*

«Кумир, в Киеве боготворимый, податель всяких благ. Пользующиеся благоденствием, как даром даждь-божевым, названы его внуками (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 48, под буквою ч).

Удивительно, что сочинитель в 12 веке называет Бояна (см. стр. стр<ок.> и мое 26 примеч.) *велесовым внуком*, а здесь народ российский внуком *даждь бога*. По-видимому, и древние наши стихотворцы были заражены, как новые, язвою мифологии языческой? Но это, может быть, и главная причина тому, что одно только сие сочинение от рук духовенства чудесно уцелело.

79. *Ретко ратаеве кикахуть.*

Глагол *кикахуть*, кажется, то же самое, что хохочут.

80. *То было в ты рати.*

«Здесь сочинитель обращается паки к описанию сражения. Из слов сих видеть можно, что он для того только отступил от описания битвы, дабы, исчисляя прежде бывшие брани, тем более придать важности сей последней, сказав, что оная жестокостию своею всех прежних превосходила» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 126).

81. *В поле не знаеме.*

В сей речи прилагательное *не знаеме* не должно, кажется мне, переводить *не знаемом*, ибо ниже сего (см. стр. стр<ок.>) сочинитель, начиная описывать горесть супруги князя Игоря, говорит: *зегзицею не знаемь рано кычет.* Здесь неприлично, кажется, принять слово *не знаеми* в точном смысле. Я заменил оное в обоих местах прилагательным *пустынный*.

82. *Давечя рано пред зорями.*

83. *Игорь плъки заворочает.*

Сия речь должна, кажется, относиться к обстоятельству, о котором г. Татищев говорит сими словами: «Чрез всю ночь субботную шли и бились; в неделю же на рассвете смялся полк коуев и побежали. Игорь тогда ехал на коне и поскакал к ним, чтоб их возвратить» (см. Тат., том III, стр. 265). Хотя сие в самом деле произошло уже на третий день при конце сражения, пред самым взятием в плен князя Игоря, но в поэмах порядок исторических подробностей не всегда строго наблюдается, наипаче когда сочинитель, для сильнейшего изображения какого-либо действия, представляет оное, как здесь, в самых кратких чертах, ибо, за исключением особенно до всеволодовой храбрости относящегося, описание сего сражения сочинителем не занимает более 10-ти строк. Г. Татищев подробно о сражении сем повествует (см. часть III, стр. 264 и 265).

84. Ничить трава жалощами, а древо стугою к земли преклонилось.

«Сим жалостным изображением, что природа вся уныла, трава и деревья от горести и печали вершины свои потупили, оканчивает сочинитель кровопролитное побоище сие. Потом, как и весьма естественно, приступает он к описанию бедствий, каковые Россия, после сей одержанной над нею победы, принуждена была от неприятелей своих претерпевать» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., стр. 129).

85. Уже пустыни силу прикрыла.

В сей речи, по-видимому, переписчиком переменена в слове пустыни буква я на и. Стихотворческое изображение уже пустыня силу прикрыла значит просто, что в пустынной степи половецкой погребена сила, то есть войско русское.

86. Встала обида в силах дажль божа внука.

Сочинитель вторично называет русский народ дажль божьим внуком. (См. мое 78 примечание). Сии слова сочинителя относятся, по моему мнению, вообще к тогдашнему от половцев утеснению русской земли.

87. Вступил девою.

«Трудно добраться до заключающейся в сих словах мысли, однако же если мы представим себе обиду в двух лицах или видах, то, кажется, содержание сей речи будет следующее. Во-первых, обида, то есть убийство, мщение, грабеж, вступила во образе девы на землю Трояню. Во-вторых, обида же, то есть гордость половцев, уничижением россиян превозносящаяся, плещет крылами наподобие лебедя, играющего на синем море у Дона, сиречь в земле половецкой.

Может быть, слово дева употреблено здесь в смысле некоего грозного или свирепого божества, как то и поныне в сказках привязываем мы сие понятие к некоторым женским лицам, таковым, как царь-девица, баба яга и проч., или, может быть, под словом дева сочинитель разумел, что обида никогда неизвестна была русской земле, никогда не сочеталась с нею, и девою, то есть первый раз в нее вступила» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 130, 131). При сем нахожу за нужное приметить, что река Девица, с правой стороны в Дон почти против Воронежа впадающая, была тогда в пределах половецких: не говорит ли здесь стихотворчески сочинитель о половцах, около сей реки кочевавших? — что они сделали тогда нападение на Русь, может быть, под предводительством Карна и Жля? Кажется, не без причины сочинитель, сказав, что восстав обида, вступила девою в Россию, тут же прибавляет: всплескала лебедиными крылами у Дона плещучи.

88. На землю Трояню.

Смотри выше мое 24 примеч.

89. Всплескала плещучи.

Этот образ речи заимствовал сочинитель из многих мест священного писания: в переводах с еврейскаго языка видим частое сопряжение разновременных деепричастий и глаголов: поражая, поразил, умножая, умножу — и проч.

90. Убуди жирня времена.

Прилагательное жирня употреблено сочинителем в двух местах, здесь и ниже сего, печаль жирня тече средь земли русской (см. стр. стр‹ок›). Мне кажется, что сие прилагательное, соединенное с словом печаль, значит тяжкая; жирный, дебелый изображает некоторым образом то же, что тяжелый; а по сему глагол убуди должен означать, по смыслу речи, пробудил, как и выше сего (см. мое 43 примечание).

91. Усобица князем на поганые погыбе.

Слово усобица не означает, по моему мнению, междуусобия, но состязание, так как и в начале сей песни помняшеть бо речь первых времен (см. стр. стр<ок.> и мое 4 прим.).

92. О далече зайде сокол птиц бья к морю; а Игорева храброго плъку не кресити.

Соколом сочинитель без всякаго сумнения изображает Игоря, зашедшаго далеко к Дону, в море впадающему. Значение ж глагола кресити ясно здесь доказывает, что слово воскресение точно от оного происходит.

93 За ним кликну Карня и Жля.

О сих князьях половецких я ничего в истории отыскать не мог. После пленения Игоря воевали на Россию Гзя и Кончак (см. Тат., том III, стр. 267).

94. Смагу мычючи в пламене розе. Смага по-малороссийски жар, сухость во рту производящий; смагнет во рту говорится вместо сохнет во рту или запеклись губы. — Кажется, что речь смагу мычючи в пламене розе можно перевесть: разнося огонь в пламенном роге или трубе; по мнению моему, сие относится до военного огнеметного орудия, о котором г. Татищев упоминает.

Почтенный г. издатель Слова о полку Игореве думает, что сие орудие называлося шереширем; он изъясняется о нем следующим образом: «Неизвестный уже ныне воинский снаряд, может быть, род пращи, которою каменья метали, или какое-либо огнестрельное орудие; ибо в летописях сего времени упоминается, что в 1185 году Кончак, князь половецкий, собрал войско великое, пошел на пределы русские, имея с собою мужа, умеющего стрелять огнем, у коего были самострельные туги так велики, что едва восемь человек могли натягивать, и укреплен был на возу великом, чем он мог бросать и каменья в средину града в подъем человеку; а для метания огня имел особый маленький воз». (Тат., часть III, стр. 259; см. Соч. и перев изд. Росс. Акад., под буквою 3). Сие примечание дало мне повод заключить, что и здесь сочинитель о сем огнеметном орудии говорит, называя оный довольно прилично пламеным рогом. Слово мычучи происходит, по мнению моему, от глагола мчать. В простонародном наречии говорится куда ты мычешся. По-малороссийски вместо причастия мча говорится мчучи. Ниже сего (см. стр. стр<ок.>) супруга князя Игоря, упрекая ветру, говорит: чему мычеши хиновские стрелки на своею не трудною крыльцю, на моея лады вои?

95. Жены русские всплакашась аркучи.

Слово аркучи происходит от глагола рку или арку, то есть говорю (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 134).

96. Уже нам своих милых ладъ.

Слово лада значило на древнем русском наречии супруг, муж. Супруга князя Игоря называет его в разных местах три раза своею ладою (см. стр. стр<ок.>). Сверх сего и в других древних русских сочинениях часто муж ладою называется: Гой ты, еси мой любезный ладушка! (См Древние стихот., стр. 44). По-видимому, у предков наших согласие преимущественно образовало супружеский союз.

97. А злата и сребра ни мало того потрепати.

По мнению моему, слова сии значат: ни малейшею частию золота и серебра, взятаго в добычу при первой победе русских, не полюбоваться, встряхивая, пересыпая в руках. То же самое изображает и речь о готфских девицах, звонящих русским златом (см. стр. стр<ок >).

98. Печаль жирна тече средь земли русской (см. выше сего мое 90 примечание).

99. Уже лжу убуди.

Сии слова, по мнению моему, значат разбудили хулу; глагол убуди без всякаго сумнения происходит от будить, разбуждать, ибо вслед за сим сочинитель употребил для противоположения слово успил, при сем случаи за нужное нахожу сказать, что убуди везде у сочинителя значит разбудить. Что же касается до слова лжи в речи убуди лжу, то нельзя, кажется, дать ей другого значения, кроме хулы. Нестор, повествуя о сем походе Игоря и Всеволода, говорит: в таже лето здумаша Ольговы внуцы, за не же бяху не ходили того лета со всеми князьями; но сами пойдоша, о себе рекше: ци есмо не князи же? Пойдем, тако ж себе хвалы добудем (см. Нестор, стр. 276), а вместо того добыли себе хулу ниже сего (см. стр. стр<ок.>). Бояре в. к. Святослава, возвещая ему о разбитии Игоря, говорят: уже снесеся хула на хвалу. По мнению моему, сочинитель сими словами изображает в другом обороте ту же самую мысль, которая заключается в речи лжу убуди, которую то бяше успил Святослав Грозный великый киевский. Даже самое следующее за сим описание подвигов в. к. Святослава III, представляя его страшным победителем, относится к похвале его: противуположное же тому, разбитие Игоря, не ложь, но хулу изображать долженствует. — К сему осмелюся присовокупить следующее, на догадке основанное словопроизводство. По-малороссийски глагол брешет значит лжет и лает а сие последнее значит бранит. Итак, может статься, слово ложь и брань взяты были одно за другое. Сверх сего г. Шишков словом хают и брехают дает равное значение от слова кают; говорит он: от значущаго хулят без сумнения произошли слова окаянный, также хают, брехают (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 137).

100. Отец их Святослав.

В. к. киевский Святослав III Всеволодович был Игорю и Всеволоду двоюродный брат. Сочинитель называет его отцом их по преимуществу великого князя киевского пред прочими удельными князьями. — Что сочинитель в сем только смысле назвал в. к. Святослава отцом Игоря и Всеволода, то сие доказывается тем, что он заставил Святослава назвать их сыновьями или племянниками своими в упреке, которую он им делает за сей несчастный предпринятый безъ ведома его поход (см. стр. стр<ок.> и мое 125 примечание). Что же удельные князья великих князей называли отцами, тому доказательство нахожу в несторовом летописце. — 1185-го года Владимир Глебович переяславский, желая начальствовать передовым противу половцев войском, просил о сем великого князя Святослава III сими словами: моя волость пуста от половцев, пусти мя, отче! наперед в сторожех (см. Нестор, стр. 275).

101. А поганого Кобяка.

Кобяк знаменитый князь половецкий, котораго 1185 (см. Нестор, стр. 275), а по Татищеву, кажется, ошибочно 1184 года (см. Тат., том III, стр. 257) князь Владимир Глебович с передовым войском великого князя Святослава III разбил за рекою Орелью и самого взял в плен. — Местопребывание сего князя можно, кажется, с достоверностью назначить на правой стороне Донца между устьями речек Уды и Мжи, где находилося чаятельно по имени его названное Кобаково городище (см. Древняя росс. идрография, стр 29).

102. Из луку моря.

«Лука, кривизна, излучина» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 52, под буквою ѣ). Сие место доказывает, что сочинитель места сражений весьма к морю удаляет. От реки Орели отстоит оно более 250 верст. О лукомории упоминается в Несторовом лето-

лисце, при описании первой победы Игоря над половцами (см. Нестор, стр. 277).

103. И падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославли.

Сии слова дают повод догадываться, что Кобяк был лишен жизни в Киеве. Мнение сие подтверждается тем, что по разбитии князя Игоря Кончак, намерезая воевать на Россию, полагает причиною войны желание отмстить за смерть Кобяка (см. Тат., том III, стр. 264). Хотя в сем месте у Татищева поставлено имя Бонака, но тут очевидна ошибка переписчика. Бонак по войнам с русскими князьями известен был в 1107, 1129 и в 1167 годах, и о убиении его нигде не упоминается. Кончак же намеревал мстить за князей половецких, убитых в последнем сражении; в числе коих, конечно, не древнего (Кобяка) Бонака, но Кобяка полагать должно по свидетельству нашего сочинителя, соображенному с преданием историков.

104. Кают князя Игоря.

«От слова кают, значущего хулят, без сумнения, произошло слово окаянный, так же хают, брехают» (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 137).

105. Иже погрузи жир во дне Каялы.

По мнению моему, сия речь значит, что Игорь погубил при реке Каялы российское, доселе над половцами победоносное войско, уподобляя оное жиру, всегда плавающему поверх воды.

106. В седло Кощиево.

«О Кощее упоминается в истории Татищева, том III, на стр. 159, что он в 1168 годе, когда великий князь Мстислав II отправлялся с войском против половцев, перебежал к ним и предварил их о сем наступлении» (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 53, под буквою э). Может быть, действительно Кощей был тогда между половцами и, узнав Игоря, отделившегося от своего войска для возвращения утекающего с поля брани черниговского полка, помог тем самым взять сего князя в плен, что, кажется, и означают слова: ту Игорь князь выседе из седла злата в седло Кощиево. К сему заключению дает мне повод то, что сочинитель еще два раза в песни сей упоминает о Кощее, с сильным негодованием и соединяя его с Кончаком. «А же бы ты был», заставляет он в. к. Святослава говорить к в. к. Всеволоду Юрьевичу, «то была бы чага по ногате, а Кащей по резане»; — а ниже сего взывает к Ярославу Владимировичу галицкому: «Стреляй господине Кончака, поганого Кощея за землю русскую, за раны Игоревы...». Таковые упреки заставляют предполагать, что Кощей был причиною пленения князя Игоря. О сем происшествии Татищев повествует сими словами: «Тако ж чрез всю ночь субботную шли и бились; в неделю же на рассвете смялся полк Коуев и побежали, Игорь тогда ехал на коне и поскакал к ним, чтоб их возвратить; скинул с себя для легкости шеломы и скакал. Половцы, усмотря, что от полков к нему никто не идет, бросясь, объехали его за перестрел от полку его и взяли жива» (см. часть III, стр. 265).

107. А Святослав мутен сон виде.

Никакому сумнению не подвержено, как и г. Шишков заключает (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., стр. 145), что повествуемый сон Святослав не иначе мог видеть, како после несчастного Игорева сражения; ибо бояре ясно, хотя несколько иносказательно, рассказывают ему сие печальное приключение. Время, когда он о сем уведомлен был, с вероятностию означено быть может. Татищев повествует о сем следующими словами: «в то время Святослав Всеволодович пошел в Карачев и, собрав войска верховых земель, хотел идти паки на половцев; а как пришел к Новгороду,

услыша, что Игорь с братиею, не объявя ему, пошел, не похвалил им то, что от него помощи не просили, и оттуда идучи на низ по Десне в лодиях к Чернигову; тогда прибежав Беловод, возвестил ему несчастие Игорево и всех полков русских, Святослав, слыша, горько плакал о сей погибели, говоря: «О, любезные братья и воины русския! Бог мне дал половцев довольно победить и в страх привести, но вы не воздержною младостию своею посрамили все победы русския, ободрили боящихся нас нечестивых и отворили им врата в русскую землю. О, младость неразсудная! Мнят бо и надеются единой своей храбрости, юже они под предводительством старейших и искуснейших видели, не мня, что к тому много разума, искусства в военных делах потребно, ибо не столько сила, сколько смысл искусных неприятелей побеждает; но не тако уже учинилось, в том буди воля Божия; вельми же сожалел паче всех о Игоре, братаниче своем, котораго паче родного брата любил» (см. часть III, стр. 265 и 266).

Из сей выписки обнаруживается, что великий князь Святослав III, узнав нечаянно из первого известия под Новгородом-Северским о походе Игоря и не ожидая от оного никакого счастливаго успеха, встревоженный воображением о неприятных последствиях, мог действительно видеть сей смутный сон, или же сочинитель, предубежденный о событии предсказательных снов, стихотворчески предположил оный как для украшения поэмы своей, приличною оной сверхъестественностию, так и для придания тем происшествию сему еще большей важности.

108. Чрьною паполомою.

Слово паполома, без сумнения, значит покрывало, ковер, попона (см. мое 75 примечание).

109. С трудом смешено.

Слово труд, без сумнения, значит отрава, яд, болезнь производящая питье или яства — под языком его труд и болезнь (псалом 9, ст. 28) — трудоватый, вредоболезненный, больный (см. Церковный Словарь).

110. Сыпахуть ми тощими тулы поганых тльковин великий женчюгь на лоно.

Хотя, кроме слов тльковин, все прочие слова в речи сей известны, но смысл весьма темен. Может быть, сочинитель хотел сказать, что колчаном, из котораго все стрелы выстреляны при поражении русских, сыпали Святославу крупный жемчуг, в сновидениях слезы предвещающий. — Слово же тльковин мне вовсе неизвестно. Кажется, что оно прилагательное, изображающее род крупнаго жемчуга, так как ныне говорится бурмицкий жемчуг, в старину скатный жемчуг (см. Древние русс. стихот., стр. 168, 176, стих. 10). В простонаречии иногда прилагательное вместо окончательных букв ій принимало н, как напр. вместо ракитный куст говорится ракитин куст.

111. Уже дьски без кнеса.

«Под словом кнес, или кнезь, разумеется здесь жолоб или брус, в котором соединяются верхние концы кровельных досок (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 218).

112. Босуви врани възграяху.

Здесь, кажется, ошибкою переписчика написано босувы вместо бусови врани, ибо немного ниже бояре, объявляя в. к. Святославу несчастие Игоря, говорят: Готфския красныя девы поют время бусово (см. мое 58 примечание). Мне кажется, что бусовы вороны в сновидении великаго князя Святослава означают половцев, которых сочинитель называет черными воронами.

113. У Плесньска на болони беша дебрь кисаню.

Сии слова поставил я в моем переводе точно так, как они переложены издателем (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 54). Слова

беша дебрь кисаню совершенно для меня непонятны. Во-первых, потому что глагол беша никакой здесь связи не составляет, а во-вторых, что о дебри кисановой не мог я отыскать ни малейшего сведения. Кажется, что она должна находиться близ Киева; ибо Святослав в сновидении своем переносится в сей город... в Киеве на горах си ночь с вечера, говорит он, одевахте мя и проч. Невероятно, чтоб сочинитель в рассказываемом сне без всякой надобности не соблюл единства места. По сему самому не думаю я, чтоб в сей речи Плеснск означал город Пленск, в Галицком княжении находящийся, о котором г. Татищев упоминает (см. часть III, стр. 284, 238). О болоне г. издатель говорит, что г. Болтин в критич. примеч. на 2-й том Истор. князя Щербатова на стр. 194 и 195 извещает: «болонье значит порожжее пространство между валов, окрестность города составляющих, которое служило для выгону скота, для огородов, а иногда и некоторые строения бывали там деланы». — В Киеве, в нижнем городе, выгонная за валом земля, по дороге к бывшему Межигорскому монастырю, и поныне называется оболонье» (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад.. часть I, стр. 54, под буквою Θ). К сему основательному примечанию присовокупить можно, что в Несторе согласно сему читаем: «приде Боняк безбожный, второе к Киеву отай внезапу, и мало в град не вгнаша половцы и зажгоша болонье около града» (см. Нестор, стр. 144). Болоньем и теперь называются около Киева луга, прилеглые к Подолу и Днепру и протянувшиеся вверх по реке к Вышгороду. Касательно имени Пленска осмелюсь предложить мою догадку. В Киеве селение за Подолом, за Кириловский монастырь продолжающееся, и ныне называется Плоское. Не сие ли имя, испорченное переписчиками, переменено в Плесньск? К сему осмелюсь предложить еще догадку, на старинном предании основанную. — В древних русских стихотворениях упоминается о Пленке отце Чурилове (см. стр. 121, 122, 123) и как Владимир I переселил его в Киев. Может статься, он основал жилище свое выше Киева и по имени его называлося оно Пленское, а со временем, когда позабыли имя перваго поселителя, простолюдинами превратилось название сие в Плоское. — Село Чурилово отыскал я в Браславской губернии на реке Мурафе. — Малого же Киевца, о котором в той же песни (см. стр. 122) упоминается, что ниже онаго Чурило жил, отыскать я не мог. Ежели читателям моим покажется странно, что я из песенных древних преданий хочу выводить исторические истины, то на сие осмелюсь заметить, что без Иллияды в греческой истории было бы много промежутков. Басни и песни были первейшие источники повествователей.

114. Уже соколома крыльца припешали.

Слово припешали происходит, по-видимому, от пеший, пешком идущий, равно как спешиться, он спешал. Крылья опешали значит, кажется, что к летанью служащие крылья сделаны пешими, то есть обрублены были.

115. И с ним молодая месяца, Олег и Святослав.

Здесь или ошибкою сочинителя поставлен Олег, младший сын Игоря, которому тогда только 9 лет было (см. Тат., том III, стр. 209), вместо Владимира Игоревича, находившегося в сем походе и попавшегося в плен, о котором в конце песни упоминается (см. стр. стр<ок.>), или же переписчиком имя его пропущено и поставлено Олег и Святослав вместо Ольговича Святослава, племянника Игорева, князя рыльского, начальствовавшего в сем походе войском своим под предводительством князя Игоря. — Примечания достойно, что хотя сей Святослав Ольгович был пленен вместе с Игорем, но о возвращении его из плена ни в конце песни сей и нигде в истории не упомянуто.

116. По русской земле прострошася половцы аки пардуже гнездо и в море погрузиста.

Сия речь изображает, что половцы землю русскую в море погрузили. — Но как сия мысль из метафорической гиперболы была бы непристойна, для того думаю, что переписчиком слово бед пропущено после слова в море. Сие принудило меня поставить в моем переводе слово сие и сказать в море бед погрузили.

117. И великое буйство подасть хинови.

Здесь сочинитель называет князя половецкого ханом, какового титла историками его времени половецким князьям присвояемо не было.

118. Уже снесеся хула на хвалу (см. мое 99 примечание).

119. Уже тресну нужда на волю.

Здесь глагол тресну, кажется мне, значит поразила; в простом наречии говорится: он треснул его вместо он ударил его. Ниже сего (см. стр. стр‹ок.›) сочинитель говорит о князьях Романе и Мстиславе: суть бо у ваю железные папорзи под шеломы латинскими; теми тресну земля и многи страны хиновы. Сими словами ясно обнаруживается, что он хотел сказать теми поражена земля и многие страны хановы. — Слово нужда, по-видимому, изображало в древности неволю, принуждение, рабство.

120. Уже връжеся див на землю.

О слове див см. мое 36 прим.

121. Се бо готфские красные девы.

Трудно с достоверностию определить, о каких готфских девицах здесь сочинитель говорит. В сей неизвестности я принужден опять прибегнуть к догадке. На Днепре, у порогов ниже Заруба, а выше Олеша и Хортицы, находился варяжский остров (см. Тат., том III, стр. 435, 436 и 437). Варяги были отродия готфов; а потому, может статься, сочинитель девиц их, на острове варяжском живущих, называет готфскими. — Около сих мест по обеим сторонам Днепра кочевали тогда половцы.

122. Поют время бусово.

О имени Бус см. мое 58 примеч.

123. Лелеют месть Шаруканю.

Шарукан, князь половецкий, в 1107 годе воевал на Россию, около Лубен был побежден великим князем Святополком и насилу спасся бегством (см. Тат., часть II, стр. 204). В 1158 годе упоминается, что Святослав Ольгович послал брата Шаруканя Юрия Ивановича к в. к. Изъяславу III советовать ему, чтоб не воевал на Ярослава Галицкого (см. Тат., том III, стр. 113). В 1111 годе под предводительством сего ж великого князя город Шарукань, близ Донца, был на договор взят (см. Нестор, стр. 172 и 175; Тат, том II, стр. 204 и 207). — Не лежал ли город сей близ устья реки Жирогани, впадающей в реку Уды? (См. Древняя росс. идрография, стр. 28). Сходство имен Шарукань и Жирогань подало мне повод к сему заключению. Приметить должно, что слово лелеют здесь сочинителем не в том значении поставлено, как выше сего (см. стр. стр‹ок.›) под Шеломы возлелеяны и ниже (см. стр. стр‹ок.›) лелеючи корабли на синем море. Ты лелеял еси на себе Святославля насады. Возлелей моего ладу ко мне (см. стр. стр‹ок.›). О Донче не мало ти величия лелеявшему князя на волнах (см. стр. стр‹ок.›). Во всех тех местах слово лелеять значит качать, как в люльке, а здесь в иносказательном смысле слово лелеять означает славить, выхвалять.

124. А мы уже дружина жадни веселия.

Слово жадни не означает здесь прилагательного жадны. На малороссийском наречии жадный иногда значит никакий; как например: нема у него жадного порока перевесть должно: нет в нем никакого порока. Со всем тем видно, что пропущением глагола

переписчиками испорчена здесь речь сочинителя, ибо нельзя и по-малоросси́йски сказать мы жадны веселия вместо мы не маем жадного веселия, то есть мы не имем никакого веселия; но по связи мыслей здесь речь сия точно такое значение иметь долженствует.

125. О моя сыновчя Игорю и Всеволоде!

Великий князь Святослав III называет Игоря и Всеволода сыновцами, то есть племянниками своими единственно по праву верхоначалия, ибо он был им двоюродный брат (см. Стритер, родосл. III, роспись, 9 степень).

126. Половецкую землю мечи цвелити.

«Есть слово, в простом народе употребляемое, квелить и значит сердить, раздражать. Я слыхал, что в деревнях вместо сердить ребенка, говорят квелить ребенка» (прим. г. Румовскаго. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 93).

127. Нъ нечестно одолесте.

«Нечестно значит здесь без успеха, без пользы, не получа оттого никакой себе чести и славы» (Прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 148).

128. Се ли створисте моей сребреней седине.

О времени рождения великаго князя Святослава III историки умолчали: но как в 1140 годе, по случаю избрания его на княжение Новгородское, повествуется о нем, что еще весьма молод был (см. Тат., том II, стр. 263) и хотя предположим ему тогда 15 лет, то в 1186 годе могло быть ему уже 60 лет, а Игорю только 35 (см. Тат., том III, стр. 41). Здесь приличным почитаю заметить, что сия речь в. к. Святослава имеет некоторое сходство с тою, которую ему при сем же случае г. Татищев присвоивает (см. мое 107 примечание).

129. И многовои брата моего Ярослава.

Ярослав Всеволодович — родной брат великого князя Святослава III-го. Из первых слов Святослава обнаруживается упрека брату его, неохотно противу половцев воевавшего. В 1183 годе по его совету отложен поход противу половцев (см. Тат., часть III, стр. 253). В 1185 годе не токмо сам он не пошел с братом своим великим князем Святославом III противу их, но и князя Игоря Святославича советами своими удержал (см. Тат., том III, стр. 255 и 257). А в 1186, по Татищеву в 1185 годе, не токмо не пошел воевать противу половецкого князя Кончака, но послал воеводу своего Ольстина заключить с ним мир; и хотя в том же годе дал несколько вспомогательного войска князю Игорю на половцев с тем же воеводою Ольстиным, но, по-видимому, не надеялся, чтоб оно сражалося противу Кончака, ибо по истории видно, что и сам Игорь не чаял иметь дела с сим князем (см. Тат., том III, стр. 264). К большему подтверждению догадки сей послужат удостоверения историков, что Ярослав имел много приятелей между половцами, помощию которых выкупил большое число пленных своих до возвращения из плена князя Игоря (см. Тат., том III, стр. 266). Сверх сего в 1168 годе, хотя и пошел с великим князем Святославом и прочими князьями противу половцев, но от реки Самары без всякой причины возвратился, и весь поход сей тем сделан бесполезным (см. Тат., том III, стр. 278).

Все сие, по моему мнению, причиною, что сочинитель заставляет брата его, великого князя Святослава III, говорить о нем здесь уничижительно и с едкою укоризною, что он не видит уже его в прежней славе и с многочисленным воинством; ибо мне кажется, что слово многовои есть сложное прилагательное единственнаго числа в винительном падеже, многовойного и, по-видимому, испорчено переписчиками, которые из слова многовоя или многовойного сделали многовой; притом хотя все в продолжение речи сей изображает укоризну и неприязнь

в. к. Святослава к брату своему, но более всего доказывается она тем, что он не приглашает его так, как всех прочих князей русских, к ополчению против половцев за князя Игоря.

130. С черниговскими былями.

Что слово быль значит, мне неизвестно. — Догадкою можно заключить, что по словопроизводству от глагола быть оно означало бывших старожилов, жильцов. Слово быль, употребляемое в простонародном наречии, берется и ныне за бывшее какое-либо происшествие.

131. С могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчаки, и с ревуги, и сольберы.

Все сии, по мнению моему, суть имена знаменитых витязей или полководцев черниговских. — По истории никакого об них сведения отыскать не можно. Об одном только Могуте упоминается (см. Тат., том II, стр. 89), что в 1007 годе при великом князе Владимире I был пойман хитростию славный разбойник Могут, который, получа от него прощение, в монастыре скончался. Может быть, здесь названные могуты произошли от его поколения. Имена Шельбир и Ольбер кажутся быть готические или варяжские. Татран и топчак имена татарские. От слова реветь произошло, может быть, имя Ревуги. Село Ревякино, отысканное мною в пределах Курской области, выше Путивля, прозвалось, может быть, его именем. Все сии витязи, по мнению моему, были современные сему происшествию; ибо сочинитель в настоящем времени говорит о них: тии бо побеждают. По-видимому, Святослав упрекает брата своего за то, что он послал к Игорю с вспомогательным войском такого безрассудного полководца, как Ольстин, имея искуснейших и мужественнейших витязей.

132. Тии бо без щитов с засапожники.

Слово засапожники означает здесь ясно оружие, носимое за сапогами. В Малороссии и ныне многие простые люди носят обыкновенные ножи в кожаных ножнах за сапогами.

133. Звонячи в прадеднюю славу.

См. мое 28 примечание.

134. Нъ рекосте мужа имея сами.

Трудно изъяснить, кому сочинитель обращает здесь речь сию. По мнению моему, сии укорительные слова относятся к Игорю и к Всеволоду, а равномерно и к Ярославу черниговскому, брату в. к. Святослава. О первых повествует Нестор, по случаю похода их на половцев, сими словами: «в то же лето здумаша Ольговы внуцы, за не же бяху не ходили того лета со всеми князьями, но сами пойдоша особе, рекше мы есмы ци не князя же? пойдем тако ж себе хвалы добудем» (См. Нестор, стр. 276). Сии слова почти то же значат, что у сочинителя речь: мужа имеем сами. Ежели при сем возмем в уважение, что Игорь и Ярослав, не захотевшие участвовать в походе великаго князя Святослава III противу Кончака, побежденного у Хорала (см. Тат., часть III, стр. 255), — первый пошел противу половцев с своими войсками, а другой дал ему помощь, — то весьма вероятно покажется, что укорительная речь Святослава к совместникам Игорю с братом его и к Ярославу, аки старшему из черниговских князей относится.

135. Преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами поделим.

Сии слова изображают самохвальство Игоря и Всеволода, о котором Нестор (см. Нестор, стр. 277) повествует сими словами: и побеждены быша половцы, и биша я до веж и множество полона взяша и жен и детей, и стояша на вежах три дни веселящеся и рекуще: братья наша ходили со Святославом в. к. и бились с ними, зряче на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в земли их не смели по них идти. А мы

в земле их есмы, и самых есмо избили, и жены их и дети полонены у нас; а ныне пойдем по них за Дон, и до конца их избьем, аже ны будет победа, идем и до лукоморья, где же не ходили ни деды наши, а возьмем до конца свою славу и честь.

Последние самохвальные слова их а возьмем до конца свою славу и честь значат почти то же, что у сочинителя здесь: переднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами поделим.

136. А чи диво ся братия! стару помолодети.

Вовсе не вероятно, мне кажется, чтобы великий князь Святослав сам по себе говорил сии слова, ибо, во-первых, это было бы самохвальство подобное тому, за которое попрекает он молодых князей; во-вторых, не нужно ему было помолодеть, чтоб победить половцев. Иль он в старости своей, того самого года, разбил наголову Кончака, победившего потом Игоря? Третий вопрос: чудно ли помолодеть старому? был бы весьма странен, чтоб не сказать, безрассудный, ибо старому помолодеть без чуда никак не возможно. Из всего сего заключаю я, что сия речь переписчиком испорчена. — По-видимому, было написано: а чи не диво ся братие! стару помолодети? Но ошибкою переписчика отрицательная частица не пропущена. Если это так, то вместо вопроса Святослав продолжает пренебрежительную к нему речь молодых князей; как будто сказав они, мужа имеем сами, переднюю славу сами похитим, а заднюю сами поделим, продолжают с насмешкою говорить о старом Святославе диво братие! старому помолодети. Таковое сих молодых князей к Святославу пренебрежение подтверждается историческим повествованием, в предыдущем примечании моем приведенное. Сверх сего, здесь слово братие решительно доказывает, что это не Святослава речь; ибо он как старейший великий князь уже назвал их выше сего сыновцами или племянниками, и для того здесь незачем было ему называть их братьями.

137. Коли сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду.

Из всего, в предыдущих примечаниях сказанного мною, должно, кажется, заключить, что сии слова суть продолжение речи юных князей, молодым соколам себя уподобляющих. Ибо за словами диво старому помолодети следующие коли сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает к соколиной молодости, а не старости, по всей вероподобности, относиться должны. Г. Шишков в примечании своем на сие место (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 153) почитает помытником охотника, вынашивающего соколов; но, кажется, тут сочинитель говорит о диком соколе, ибо слова не даст гнезда своего в обиду не могут никем относиться к ручному соколу, который гнезда не имеет. Признаюсь впрочем, что мне неизвестно точное значение слов: коли сокол в мытех бывает. В обряде постановления в сокольничие (см. Известия о дворянах российских, стр.) сыскал я только, что соколы имели сверх своих собственных имен яко то: промышляй, друг, а старец бей, Каспер, воин Салман и проч. еще особенные, удаль их, цвет или лета означающие, проименования яко то: дикомыты, розмыты, молодики, весьняки, осеньчаки и проч. Что же значит между сими названиями дикомит и розмит, мне вовсе не известно.

138. Нъ се зло княже ми не пособие.

До сих пор, по мнению моему, Святослав пересказывал слова и насмешку Игоря и Всеволода; а теперь опять продолжает перерванную свою речь. Судя по слову княже в звательном падеже единственного числа написанному, должно заключить, что Святослав обращается к одному

Игорю. По истории известно, что князь сей в 1185 по Нестору, а по Татищеву в 1184 годе, жалея, что, послушав Ярослава Всеволодовича, не пошел на половцев с великим князем Святославом, выступил на них к Донцу, чтобы застать врасплох; но не успел в сем намерении, возвратился из Замерла (см. Тат., часть III, стр. 257). Потом в 1186, по Татищеву в 1185 годе, князь Игорь опять осуждал Ярослава Всеволодовича за то, что он с братом своим в. к. Святославом не токмо противу Кончака идти не захотел, но послал к нему посла для мирных переговоров (см. Тат., часть III, стр 259 и 260) и, желая соединиться с великим князем, пошел Сулою, но за случившеюся великою снежною вьюгою не мог поспеть к месту сражения на Хорол, где Кончак был разбит; итак, возвратясь в Новгород-Северский, тотчас предпринял противу половцев сей несчастный поход. Для того-то великий князь Святослав III, видя прежние доказательства готовности Игоря вспомоществовать ему противу половцев, говорит здесь, что этот поход з л о е м у, а н е п о с о б и е. Ибо победа над высокомерным Игорем, ободривши половцев, подвигла их к нападению на российские пределы.

139. Н а н и ч е с я г о д и н ы о б р а т и ш а.

Слова н а н и ч е, по мнению моему, значат в н и з; н и ч е происходит от н и ц, в н и з, равно как от глагола н и ч и т ь, п о н и к н у т ь у сочинителя встречаем выше (см. стр. стр.<ок.>) н и ч и т т р а в а ж а л о щ а м и, и в е с е л и е п о н и ч е (см. стр. стр<ок.>). Впрочем, «не знаю, говорит в сем месте г-н Шишков, почему в преложении речь Святослава по сии токмо слова означена двумя точками; чрез то разуметь должно, якобы оная на сем месте оканчивалась, и что следующее потом есть уже сочинителево повествование. Мне кажется, Святослав не престает здесь беседовать с боярами своими, правда, речь его несколько длинна; но, во-первых, в подлиннике ничто не показывает прерыва оной; во-вторых, она содержит в себе продолжение тех же самых жалоб и взываний, толико приличных в устах Святослава; в-третьих, порядок расположения сей песни кажется быть таковым, что сочинитель для возбуждения вящшей в сердцах чувствительности тотчас после Святославовой речи приводит другую жалостную речь, или паче плач жены Игоревой (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад. часть I, стр. 154).

140. У р и м к р и ч а т п о д с а б л я м и п о л о в е ц к и м и.

Здесь сочинитель, по-видимому, говорит о некоем неизвестном нам военачальнике. Осмелюсь предложить мою догадку: в сем годе город Римов был взят и разорен Кончаком, напавшим после победы над Игорем на Переяславскую область (см. Тат., часть III, стр. 268). По сходству имени можно заключить, что оный город построен был и защищаем сим военачальником.

141. а В л а д и м и р п о д р а н а м и; т у г а и т о с к а с ы н у Г л е б о в у.

Мне кажется, что сочинитель говорит здесь не о двух разных князьях, Владимире и сыне Глебове, но об одном и том же Владимире Глебовиче переяславском, назвав его сперва Владимиром, а потом сыном Глебовым; ибо по истории видим, что тогда князь Владимир Глебович в сражении с половцами под Переяславлем ранен был тремя ранами (см. Нестор., стр. 278; Тат., часть III, стр. 268).

142. В е л и к и й к н я ж е В с е в о л о д е.

Сие взывание относится, без всякаго сумнения, к великому князю Всеволоду III Юрьевичу, сыну Юрия Владимировича Долгорукого, современнику великого князя Святослава III (см. Нестор., стр. 263; Тат., часть III, стр. 220).

143. Н е м ы с л и ю т и п р е л е т е т и и з д а л е ч а, о т н я з л а т а с т о л а п о б л ю с т и.

Мне кажется, что сии слова не изображают упреки князю Всеволоду и что не должно перевесть их почто не мыслишь ты прилететь издалека для защиты отеческого золотого престола. Такая упрека в устах просящего помощи была бы непристойна и неблагорассудительна. Само слово издалека более оправдало бы, нежели обвиняло Всеволода. По мнению моему, Святослав говорит Всеволоду, что половцы от него отдалены не таким расстоянием, о каком говорится, что только мыслию перелететь можно; что ему можно и не одною мыслию прелететь издалека для защиты отечества, но в самом деле с Волги и левой стороны Дона напасть на половцев. Следующие за сим слова Святослава ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти подкрепляют мое заключение. И для того я решился перевесть не мыслию ти прелетети и пр. — не мыслию одной можешь ты прелететь. Сверх сего неприлично было Святославу так жестоко укорять Всеволода за неучастие в войне против половцев, что он сам пять лет только прежде сего нагрянул в 1181 годе (см. Нестор., стр. 230; Тат., часть III, стр. 239).

144. Святослав не говорит: Аже бы ты был здено только аже бы ты был, — ибо ему ближе было напасть на половцев по обеим сторонам Дона, нежели чрез Черниговскую и Переяславскую область иттить на них войною за Донец; и в самом деле, нападение на них с двух сторон было бы для них пагубнее. Притом Всеволод должен бы был и сам неприязненно быть расположен к половцам, которые помогали противу его князю Рязанскому, Глебу Ростиславичу в 1177 годе (см. Нестор., стр. 266; Тат., часть III, стр. 224).

145. Кощей. — «О Кощее перед сим уже упомянуто; а Чага уповательно то же, что и Кончак, князь половецкий (о коем ниже упоминается), уменьшительным, либо презрительным именем названный» (примечание издателя, стр. 59, под буквою Е).

146. Ногата. — «Ногата ходячая монета, коих в куне было 4, а в гривне кунами 80. — Рязань также самая мелкая монета из ходячих, и по соображению, кажется, состояло их в векоше 4, а векошей в ногате 2. (Правда Русская, стр. 18, прим. издателя, там же под буквою ж).

147. Шерешиpы. —«Неизвестный уже ныне воинский снаряд. Может быть, род пращи, которою каменья метали, или какое-либо огнестрельное орудие; ибо в летописях сего времени упоминается, «что в 1185 году Кончак, князь половецкий, собрав войско великое, пошел на пределы русские, имея с собою мужа, умеющего стрелять огнем, у коего были самострельные туги так велики, что едва восемь человек могли натягивать, и укреплен был на возу великом, чем он мог бросать и камения в средину града в подъем человеку; а для метания огня имел особый малейший воз» (Тат., часть III, стр. 259; прим. издателя, там же под буквою з).

148. Сыны Глебовы. Сие относится к сыновьям князя рязанскаго, Глеба Ростиславича, — Всеволоду, Роману, Игорю, Владимиру и Святославу Глебовичам (см. Стриттер, родосл., роспись, 10 степень). Сии князья находились под верховным начальством в. к. Всеволода III, примирившего и разделившего их владениями и употреблявшего их в войне под своим начальством (см. Нестор., стр. 240 и 242; Тат., часть III, стр. 236, 240 и 249).

149. буй Рюриче и Давыде. — «Современные сему происшествию князья Рюрик и Давыд, сыновья великого князя Ростислава Мстиславича» (прим. издателя, стр. 60).

150. Ранены саблями калеными, на поле незнаеме.

«Рюрика и Давыда не было с Игорем; итак надлежит думать, что здесь говорится о прежних битвах их с половцами, или, может быть, часть войск их была с Игорем» (прим. Шишкова, стр. 157 под знаком **).

151. Князь Ярослав, сын князя Владимира Володарича Галицкого (прим. издателя. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 60 под буквою i).

Тесть князя Игоря — сват Святослава III. Сии союзы суть, кажется, главная причина, зачем с таким превозношением влагает сочинитель взывание к нему во уста Святослава. — Татищев говорит о нем в истории своей следующее (см. Тат., часть 3, стр. 279).

В примечании своем о сем князе Татищев присовокупляет (см. Тат., часть III, стр. 500, прим. 543).

Сей князь был нелюбим и даже уничижен своими подданными. В 1172 годе, когда жена его за распутную жизнь оставила и уехала сперва в Польшу, а потом в ‹Ярвень›, уступленный Ярополком Мстиславичем, то народ посадил его под стражу, а наложницу сжег и принудил принять обратно жену с честию в 1174 г. — Когда жена его с сыном Владимиром ушла под покровительство князя Ярослава Изъяславича луцкаго, то он, требуя от него сына Владимира, пошел на него войною и принудил выслать его жену к ея свойственникам; в том же самом годе, ополчась на в. к. войной против Ростиславичей, но потом, желая несправедливо приобрести киевский престол, изменив ему, и соединился с Ростиславичем, но не успев же в намерении своем, возвел на престол киевский вышеупомянутого, в недавнем времени врага своего, слабого князя Ярослава Изъяславича луцкаго. Наконец, при смерти своей в 1188 годе ‹успел› произнести о управлении государственном весьма назидательную речь, мимо законного своего сына Владимира принудил галичан признать наследником престола побочного сына своего Ольга, рожденного от наложницы его, сожженной ими (см. Тат., часть III, стр. 113, 180, 187, 192, 193, 194, 280, 281). Все сии черты противоречат несколько и похвале о нем историка, Татищевым в свидетельство приводимого, и той, которой превозносит его сочинитель в лице в. к. Святослава.

152. Последуя примеру г. Шишкова, я оставил сию прекрасную речь так, как она в подлиннике находится (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 223).

153. В подлиннике находится два имени: а ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носит вас ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол на ветрех ширяяся, хотя птицу в буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи папорзи под шеломы латинскими.

Согласно с г. Шишковым я думаю, что здесь два сии имена Роман и Мстислав написаны ошибкою. «Кажется, говорит он, должны быть здесь некоторые погрешности; слово вас есть ошибка. Глагол плаваеши поставлен в единственном, а надлежало бы ему быть в двойственном числе, потому что говорится о двух князьях» (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 159).

Сему весьма основательному примечанию присовокупляю я, что местоимение вас в словах носит вас ум на дело тоже ошибочно поставлено; ибо надлежало бы сказать ваш ум. Сверх чего, если бы о двух сочинитель здесь говорил, то применить бы должен их не одному соколу, а соколам. Хотя же ниже сего сочинитель и говорит опять в двойственном числе: суть бо у ваю железныи папорзи, но опять после сего в звательном падеже единственного числа два раза говорит: но уже княже! Игорю утрпе солнцю свет; и, Дон ти княже! кличет. Ежели бы в первом из сих мест слово княже относилось к Игорю, то бы надлежало написать: но уже князю Игорю, а не княже Игорю, утрпе солнцю свет. — Из всего сего заключаю я, что вместо двух имен Романа и Мсти-

слава в подлиннике находилось одно с отечеством Романе Мстислави ч! И что здесь говорится не о великом князе Романе и не о брате его Мстиславе, сыновьях великаго князя Ростислава Мстиславича; — ибо оба сии князя за пять лет до несчастного Игорева похода в 1180 годе померли (см. Тат., часть III, стр. 238 и Стриттер, I часть, стр. 445, прим. 2, стр. 447), но об одном князе, Романе Мстиславиче, сыне в. к. Мстислава Изъяславича, по-видимому, сей предприимчивый, дальновидный и хитрый князь уже тогда привлекал к себе общее внимание и проименован был храбрым (см. Тат., часть III, стр. 178).

154. Страны Хинова. По истории не видно, чтобы он воевал против татарских народов, коих князья назывались ханами, но оное присвоял сочинитель и половецким князьям, как видно из жалобы супруги князя Игоря. Может быть, он участвовал в разных походах с войсками Ярослава Владимировича Галицкаго, который в 1159 годе половцев, на область его, по Днестру лежащую, напавших, победил (см. Тат., часть III, стр. 121 и 279).

155. Деремела. Может быть, сие относится к победам Романа Мстиславича в 1182 годе над Ляшком, тестем Василька Ярополковича, князя дрогичинского, у котораго он всё Подляшие, уступленное ему Васильком, отнял (см. Тат., часть III, стр. 248).

156. Половцы. См. мое 154 примечание.

157. Слово утерпе значит устрашился (см. Продолжение церк. словаря, стр. 274). Может быть, сочинитель стихотворчески напоминает о затмении солнечном, предзнаменовавшем Игорю, что он, попавшись в плен, заключен будет в темницу. Может быть, мечтает он, что солнце, предвидя бедствия Игоря, устрашилося, сокрыло от него свет свой и предобразовало тем гибельную его участь.

158. Что точно значит слово болог, мне вовсе неизвестно. — Ниже сего сказано (см. стр.): Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, — посеяны костьми русских сынов. Здесь, кажется, слово болог означало булыжник... хотя я уверен, что сия догадка не удовлетворительна читателям покажется, но признаюсь, что ничего вероподобнейшего придумать не в состоянии.

159. По Рсии. Кажется, здесь ошибкою написано по рсии, надлежало бы поставить: по рси, то есть по реке Роси, так как в переводе издателя исправлено. — По истории не видно, чтобы половцы в сие время делали нападения по правой стороне Днепра. По возвращении Игоря из плена в начале 1187 года сперва появились они у тишевитского брода и по приближении российских войск удалились опять за Днепр; а вскоре потом и Кончак пришел на Поросье и много вреда учинил (см. Тат., часть III, стр. 277 и 278). Сие происшествие, буди бы на точность историческую сочинителя положиться можно, дало бы повод думать, что Слово о полку Игореве писано было год спустя по возвращении Игоревом из плена и имело предметом побудить всех русских князей к участвованию в войне противу половцев, предпринятой в. к. Святославом III в следующем 1188 годе (см. Тат., часть III, стр. 278).

160. Кресити (См. мое примечание о слове кресити).

161. Храбрые князи. Сие, по мнению моему, относится к сыновьям Ярослава Всеволодовича и Ростислава, Ярополка и Игоря и др. Святослав из неудовольствия противу брата своего (см. мое примечание) не похваляет и даже не именует их.

162. Ингварь и Всеволод — дети Ярослава Изъяславича, сына Мстислава Владимировича, князя луцкаго.

163. Три Мстиславичи. Не сыновья ли Святополка Мстиславича? (См. Стриттер, родосл. IV, рос...), князья Туровский и Пинский —

как о сих, которых по истории имена неизвестны, так и о Ингваре и Всеволоде Изъяславичах не видно, чтобы они какими-либо подвигами отличились. Для того-то, по-видимому, Святослав и упрекает им, что они победами никакой власти себе не приобрели и что им золотые шлемы, копья и щиты польские ни к чему не служат.

164. Шестокрылци. Что значит шестокрылцы? Шестерых ли одного дома князей или что иное, неизвестно (прим. г. Шишкова. См. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 162). Не представляет ли сочинитель здесь сих юных князей в виде ангелов шестикрылых? Молодости приличный образ сей и он почти всегда нераздельной с невинностью, с быстротой и алчностью доброй славы.

165. Не победными жребии собе власти расхытисте? По мнению моему, сочинитель оканчивает здесь взывание в. к. Святослава, несмотря на частицу речи бо или ибо, связывающую предыдущую речь с последующими. К сему заключению подает мне повод: 1-е. Святослав разные взывания свои к князьям оканчивал сею приговоркою: за землю русскую, за раны Игоревы, буего Святославича; и тут повторил оное в третий и последний раз. 2-е. Святослав до сего призывает на помощь князей от племени Ярослава I-го, от котораго и сам происходит. После сего обращения уже речь невзывательным, но повествовательным образом о полоцких князьях племени Изъяслава, всегда враждебно расположенных к потомству Ярослава (см. Нестор, стр. 185; Тат., часть II, стр. 237). Неприлично было бы заставить Святослава молить о помощи сих наследственно роду его враждебных князей. 3-е. Сочинитель во всем последствии своего повествования говорит с весьма великим уважением о Всеславе Брячиславиче, сыне Изъяслава Владимировича, и даже с укоризною к Святославу Ярославичу и его потомству за привод на Россию враждебных половцев. Слова сочинителя вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю русскую, на жизнь Всеславлю (см. ниже, стр.) не оставляют о сем ни малейшаго сумнения. Неприлично было бы заставить Святослава, который часто и сам призывал на помощь половцев, столь укоризненно упрекать кого-либо за приглашение их во время междуусобных браней. Беспристрастный сочинитель называет прямо Ярослава (Всеволодовича), как наиболее похлебствуемого, и даже вслед за вестью о смерти потомков Всеславовых. Изъяслава и Брячислава и Всеволода, противу которых Ярослав и прочие Ольговичи с половцами воевали (см. Тат., часть III, стр. 241), говорит: трубы трубят городеньскии, и тем изображает о сем несчастии радость Ярослава. Все сие довольно, кажется, доказывает, что не Святослав, но беспристрастный сочинитель, истинно любящий отечество, продолжает с сего места повесть свою. Г. Шишков почти согласует со мною, ибо почти вслед за сим в примечаниях своих (см. Соч. и перев. изд. Росс. Акад., часть I, стр. 163) он говорит: «Но сие место речи Святославовой можно было с некоторым трудом разбирать связь составляющих ее мыслей; но следующее потом окончание оной уходит уже совсем от соображения и догадок: историческая темнота, присоединясь к темноте языка, делает ее вовсе невразумительною, по крайней мере для моего понятия». Вслед за сим прибавляет он: «Сомнительно Святослав ли продолжает здесь говорить, или сочинитель начинает паки повествовать. С одной стороны, ничто не показывает окончания Святославовой речи, а с другой, — в содержании оной примечается немалая перемена. Мы видели его взывающего к князьям и убеждающего их принять оружие противу половцев, теперь же видим токмо раскаяние о прежде бывших сражениях и происшествиях». Столь неестественной показалась сему почтенному любителю российской словесности связь пре-

дыдущих речей Святослава с последствием. Сие замечание дало мне повод к подробнейшему изысканию и к заключению, которое отдаю теперь на просвещенный суд читателей моих.

166. Уже бо Сула... и прочее: «Кажется, сочинитель стихотворческим образом описует здесь реки Сулу и Двину, то есть, мечтая их как бы живых и имеющих чувства и страсти, говорит, что смущенная Сула уже не с веселием течет к Переяславлю и что печальная Двина, превратя чистую воду свою в мутную и болотную, с негодованием струи свои катит под кликом или под властию нечестивых народов» (слова Шишкова, стр. 162).

К сему за нужное нахожу присовокупить, что частица речи бо, то есть ибо, по-видимому, тут ошибкою прибавлена или же сочинителем для связи предыдущей речи и всем последующим повествованием (см. мое примечание 165) не у места и без нужды поставлена. Сверх сего удивляет меня, как мог сочинитель сказать: Уже Сула не течет... к граду Переяславлю. Она удалена от него на 150 верст и не к нему, но в Днепр от него течет. Кажется, частица отрицательная не ошибкою поставлена пред глаголом течет, она должна находиться пред прилагательным сребряными: Течет не сребряными струями к Переяславской области, но как Двина мутно над кликом поганых. Двина весьма отдалена от мест, где половцы после победы над Игорем могли чинить разорения, а потому я думаю, что сочинитель напоминает здесь прошедшее. В 1181 г. в. к. Святослав и Ярослав Владимировичи с половцами, как выше сказал, воевали против князей полоцких и много по реке Друе и около Друтска опустошений учинили (см. Тат., часть III, стр. 241). Может быть, это в первый раз половцы до Двины доходили, и для того сочинитель говорит о ней, что она течет к полочанам под кликом поганых.

167. Изъяслав. О Изъяславе Брячиславиче упоминается в 1181 годе (см. Тат., часть III, стр. 241), но, кажется, не о сем князе здесь сочинитель говорит, ибо сему Изъяслав Брячиславич был бы уже прапрадед. Может быть, ошибкою переписчика здесь Изъяслав вместо Всеслав поставлен. Изъяслава Васильковича по истории отыскать не можно. Ниже сего сочинитель называет Брячислава и Всеволода его братьями, но как Всеслав Василькович, зять Мстислава Ростиславича (см. Стриттер, родосл. II, роспись, 10 степень), был сам князьям двоюродный брат, то, по-видимому, сочинитель или о нем или же о брате его, если оного имел, говорит. Татищев упоминает под 1181 годом о двух братьях здесь Брячиславе и Святославе Васильковичах, князьях полоцких. Не ошибкой ли Брячиславом назвал Всеслава, а Святославом Изъяслава, о котором здесь сочинитель говорит. О смерти его, ниже сего описанной, могу только догадку мою предложить. Татищев повествует (см. часть III, стр. 247), что в 1182 годе «Василько Дроицкий, сын Ярополков, поссоряся со Владимиром минским, призва поляков и мазовшан в помочь, пошел к Бресту, и у реки Буга Владимирко, встретя его, учинили жестокую битву; но Владимирко, потеряв много людей, ушел в Минск, а Василько, пришед с поляки, Брест взял; обаче бояся сам тут быть, оставил в нем брата жены своей князя Мазовецкого с поляки, сам возвратился в Дрогичин.

Владимир Володаревич, собрав паки войско, взяв помочь от полоцких, пошел к Бресту, чрез девять дней Брест взял и мазовшан многих побил, достальных на окуп и в размену за своих отпустил, потом пошел за Буг (в Подляшие) на Василька, которой с немалым войском поляк и мазовшан стоял на реке Нуре за Дрогичиным. Владимирко, наступя на него, бился от утра до полудни, и по жестоком сражении поляки, видя много своих побитых, стали отступать к лесу, тем Владимирко жесточае на Василька

и мазовшан наступя, почитай всех на месте побил, и едва Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел, который тотчас еще собрав войско, пошел на Владимирка и принудил его, оставя Подляшие, область Василькову, вытти к Бресту за реку Буг».

Василько... сын Ярополков (см. Стриттер, родосл. IV, роспись XI, 11 степень), поссоряся со Владимиром минским (кажется, должно читать со Всеволодом...), призва... Может быть, в сей войне участвовал и Святослав или Изъяслав, брат Всеслава Васильковича? — слова историка взяв помощь от полоцких дают вероподобность предположению сему, а купно и к заключению, что не один Всеслав Василькович был полоцкий князь, ибо говорит о них во множественном числе. По разбитии Василька Ярополковича, может статься, Святослав или Изъяслав оставался один начальствовать войском, которое потом Ляшком побеждено, и тут чаятельно он захстел лучше убитым быть, чем посрамить себя бегством, и повелел о смерти своей возвестить Всеволоду Володаричу словами, ниже сего сочинителем приведенными (см. мое 168 прим.). История полоцких князей весьма запутана и недостаточна. По ней одними только догадками можно доходить до истины.

168. О слове притрепа славу см. мое 28 примечание. В подлиннике сказано деду. Братья сего князя Всеволод и Брячислав были правнуки Всеславу Брячиславичу, следовательно, и ему он был прадед (см. Стриттер, родосл. II, роспись, 10 степень).

169. Твою княже. Сие относится, по мнению моему, к Всеволоду Володаревичу (см. мое 167 примеч.).

170. Изрони жемчужну душу.

Сочинитель, по-видимому, говорит о Брячиславе Володаровиче, брате Всеволода, но где убит, сего по истории сыскать невозможно.

171. Трубы трубят городеньскии. Сочинитель порицает, кажется, сими словами Ярослава Всеволодовича, в которого области Городня находились, за радость о смерти и несчастии полоцких князей, на которых он с половцами в 1181 годе войною приходил (см. Тат., часть III, стр. 241). Сие тем яснее обнаруживается, что вслед за сим сочинитель укоризненно же взывает к Ярославу.

172. И вся внуци Всеславли. По мнению моему, здесь внуки Всеславовы поставлено вместо внуци Святославовы. В сем удостоверяет меня 1-е, что ни один Всеслав внук половцев в помощь противу племени своего не призывал, так как впоследствии речи сочинитель говорит: вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю русскую, на жизнь Всеславлю. 2-е, что Олег Святославич первый призвал в помощь половцев против дяди своего Всеволода Ярославича черниговскаго. О нем-то выше сего (см. стр.) сказал: той бо Олег мечем крамолу коваше. 3-е, попрека здесь Ярославу и его соплеменным уже бо выскочисте из дедней славы означает, что они, не подражая примеру предка их Святослава Ярославича, который в 1067 годе с 3 тысячами войска победил 12000 половцев у реки Снова (см. Нестор, стр. 119; Тат., часть II, стр. 118; Стриттер, часть I, стр. 129, прим. 1). 4-е, что во всем потомстве по истории не находим ни одного князя под именем Ярослава. 5-е, что часто имя Святослав древние переменяли на Сеслав, весьма сходное с Всеславом. В старых русских песнях вместо Владимира Святославича говорили солнушко Владимир Сеславович (см. Древние русские стихот. стр. стих). Все сие доказывает ясно, что здесь вместо и вси внуци Всеславли должно читать и все внуце Святославли.

173. На седьмом веце Трояни. О летосчислении от Трояна (см. мое 24 примеч.).

174. Что значат слова: *верже жребий Всеславо девицю себе любу* вовсе неизвестно. Не хотел ли сочинитель в лице девицы представить славу, которую предприимчивый Всеслав приобресть желал воинскими подвигами? О сем столь здесь отлично превозносимом князе почитаю за нужное предложить читателям своим краткую из истории выписку. Всеслав Брячиславич был внук Изъяслава Владимировича, рожденнаго от Рогнеды.

В 1044 годе по смерти отца своего принял он во владение полоцкое княжество. О нем баснословят, что родился от волхования с яйцом на голове; что по наставлению волхвов носил он навязанное на голове до своей кончины, и будто бы оттого немилостив и *льстив* на пролитие крови (см. Тат., часть II, стр. 109). Сие введение в историю его жизни должно извинить сочинителя нашего, что он ему чрезестественные свойства приписывает.

В 1060 г. с в. к. Изъяславом, Святославом и Всеволодом ходил войною вниз Днепра на торков и, их победя, многих в России поселили.

В 1066 взял Новград, принадлежавший великому князю. В. к. Изъяслав, Святослав и Всеволод, совокупя войска, пошли на него в самую жестокую зиму, Минск без сопротивления взяли, жителей невинно порубили, а жен и детей раздали войску своему в плен, и, сшедшись с Всеславом на Немене, учинили жестокий бой, на котором с обеих сторон много побито. Всеслав, видя своих большое падение, ушел к Полоцку; а Ярославичи область полоцкую разоряли. Наконец, Всеслав принужден был просить мира. Ярославичи обещали ему все возвратить, если он к ним сам придет; и в том, что ему никакого зла не сделают, присягу учинили. Всеслав, положась на оную, весною приехал к ним по Днепру в Оршу, но когда пришел к в. к. Изъяславу в шатер, то по усильному совету Святослава был скован, привезен в Киев и посажен с двумя сыновьями в тяжкое заточение. В следующем 1067 годе половцы в великом множестве пришли на русскую землю. В. к. Изъяслав с Святославом и Всеволодом выступили противу их на Олту (Оршу), но были побеждены. В. к. Изъяслав с Всеволодом прибежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Киевляне требовали от в. к. Изъяслава, чтоб он велел им дать оружие и коней и позволил бы учинить нападение на половцев, рассеявшихся для грабежа. Но в. к. всем им отказал. Тогда народ, пришедший в ярость и восстав противу великого князя, решились невинно заточенного Всеслава освободить и, яко искусного в воинстве князя, противу неприятелей отправить. Изъяслав, устрашенный сим возмущением, убежал из Киева в (Польшу), а народ, выведший из темницы Всеслава, провозгласили великим князем; а имение Изъяслава разграбили.

В 1069 годе Болеслав, король польский, для возведения опять на престол Изъяслава пришел с войском своим к Белограду. Всеслав хотя вышел против его, но, не доверяя киевлянам, ночью тайно убежал в Полоцк после семимесячного княжения в Киеве. Изъяслав, не смягчась покорностию и мольбою киевлян и не уважа совет братьев его Святослава и Всеволода, чтоб не вводил с собою поляков, вошел в Киев с Болеславом, послав туда прежде сына своего Мстислава, который многих и невинных казнил. Потом Изъяслав, к великому угнетению народа, разослал по селям поляков для прокорму; которых, за чинимые ими великие насилия, жители начали убивать, что принудило Болеслава с войском его возвратиться в Польшу. Того же года в. к. Изъяслав послал противу к Полоцку с войском сына своего Мстислава. Сей, победя Всеслава, овладел сим городом и вскоре там скончался. Тогда в. к. Изъяслав послал туда на княжение сына же своего Святополка. Всеслав, выгнанный из Полоцка, хотел овладеть вновь градом; но под предводительством князя Глеба Святославича новгородцами был побежден на реке Вязене.

В 1071 он изгнал из Полоцка Святополка Изъяславича, но брат его Ярополк, победя Всеслава у (Волоточеска), овладел полоцким княжеством. Хотя из всего здесь приведенного долженствовало бы заключить, что Всеслав, так часто побеждаемый и даже наследственной области лишенный, был совершенно уже обессилен, но из обстоятельств, теми же самыми историками повествуемых, обнаруживается противное тому.

В 1073 годе Святослав, желая изгнать брата своего Изъяслава с киевскаго престола и стараясь озлобить на него Всеволода, уверял его, что Изъяслав имеет тайное сношение со Всеславом полоцким и что, не быв прежде на престоле, легко могут они, собрав великое войско изгнать их (см. Тат., <кн. 1>, часть I, стр. 126). Не мог бы Святослав сообщать таких клевет брату своему, если б они не были основаны на некоторой вероподобности. По всему видно, что историки, пристрастные к племени Ярославову, старались всячески уничижать подвиги Всеслава. Они, повествуя, что напоследок он изгнан был из Полоцка, не сказали даже, где он остался на княжении. Но по истории явствует, что в 1079 годе по кончине в. к. Изъяслава Ярославича брат его Всеволод, оставя детям его прежнее их владение, назначил Ярополку Вышеград и Владимир, а не полоцкое княжество; из сего и видно, что оное всегда при Всеславе оставалось в старости.

1093. — Забавлялся он там на досуге навождением разных страшилищных приведений на своих поданных, по-видимому, для того чтоб подать повод старикам говорить хоть небылицы о политике вместо <своего> тридцатилетнего. по всей вероподобности, мирного его оным княжеством правления (см. Тат., часть II, стр. 143).

В 1097 годе, когда великий князь Святополк со всеми князьями своего племени русские княжения разделил, о полоцком ничего не упомянуто; почему должно заключать, что оно представлено было Всеславу, единственному потомку Изъяслава Владимировича, который в 1101 годе в Полоцке и скончался (см. Нестор, стр. 106; Тат., часть II, стр. 197).

Из сего исторического извлечения о знаменитом сем князе явствует, что <в> 1044, во всю жизнь в. к. Ярослава 1-го, скончавшегося 1054 года, жил спокойно и даже 10 лет после того; но когда по уходе из Новгорода князя Владимира Ярославича в Тмуторакань начались неурядицы между потомками Ярослава, то он, желая воспользоваться оными и правом старшинства деда его Изъяслава Владимировича между русскими князьями, хотел овладеть Новгородом, первоначальным уделом прадеда его Владимира I-го. С тех пор, то есть с 1066 года и по 1070 год пожертвовал он пять лет пленительной страсти честолюбия, но, наученный превратностию счастья, предпочел спокойствие мечтам славы, ослепляющей большую часть надменных монархов. — В течение тридцатилетнего потом княжения своего не замешался он ни единожды в беспрерывные междуусобные распри прочих русских князей; тем заслуживает от всех благоразумных людей похвалу еще большую той, которую певец несчастного похода Игорева за быстрые воинские подвиги ему приписывает.

175. Слово *клюка* ныне значит *костыль*, чем старики или хромые подпираются. Историки не говорят, чтоб Всеслав был хром, о чем по их к нему благорасположению не премянули б они, как о природном яйце на голове, известить нас, чтоб еще лучше представить его колдуном и придать ему сходство с ягобабою. — И так должно искать другого значения слову *клюка*. Мне кажется, что оно происходит от глагола *клюю*. — Клюка или костыль делались в старину, как и ныне, с искривленным на рукоятке острием, наподобие птичьего носа, чтоб можно было ею в случае нужды нанесть удар. По-малороссийски и теперь говорится вместо *клюет* *клюкает*. От того в просторечии слово он *наклюкался* значит он напился пьян; *накостылять вью*, значит побить кого-нибудь

рукояткою костыля. Из сего заключаю я, что в сем месте сочинитель под слово клюка разумел бодило, стрекало, шпоры. — Известно, без всякого сумнения, что они в самой древности были в употреблении и имели вид заостренного крючка. Может быть, в старину и у нас, как у французов, клюкою называли орудие, которым вскапывали землю; ибо у них béquille значит клюку, а béquiller (рыть землю). Если сия догадке справедлива, то слова сочинителя той клюками подпреся о кони будет значит просто, что он бодилом, шпорами, подстрекнув коней, поскакал ко граду Киеву.

176. Словами дотчеся стружием злата стола киевскаго сочинитель изображает стихотворчески кратковременное Всеслава Киевом обладание.

177. Белгород находился близ Киева, где теперь село Белгородка.

178. Слово стрикусы представляет нам какое-то неизвестное воинское стенобитное орудие.

В толковании своем слова г. Шишков говорит: «В речи утръ же воззни стрикусы отвори врата Новуграду, преложенной поутру же вонзив стрикусы, отворил ворота новгородския слово воззни по смыслу речи, кажется, ближе должно быть прилагательное имя, нежели глагол. Может быть, значит оно возимыми на возах или великими стрикусами, с которыми надобно было много возиться» (стр. 166, 167).

Сие основательное замечание его побудило меня к прилейжнейшему изысканию значения слова воззни стрикусы. — Во-первых, нашел я, что полочане называемы были историками, по-видимому, в насмешку вожанами; а что мне еще удивительнее и замечания достойное показалось, так это, что их так прозвали при описании второго нападения Всеславова на Новгород. В Никоновской летописи находим сии слова велика бо тогда сеча была вожаном; а в новгородском: велика беше сеця вожаном самого же князя пустиша (бога деля) (см. Стриттер, часть I, стр. 131, примечание 2). Мне показалось странно, что, с одной стороны, историки называют воинов Всеслава вожанами, по-видимому, возовиками, а с другой, — сочинитель, по истолкованию г. Шишкова, употребил для разбития врат новгородских военные неизвестные орудия, на возах утвержденные. Не находя в русском языке никакого слова, которым бы можно было изъяснить сие воинское орудие, и полагая, что русские могли оное получить от греков, полюбопытствовал я узнать, нет ли на их языке слова, хотя немного похожего на стрикусы, которым какое-нибудь стенобитное орудие называлось. Тут к удивлению моему сыскал я, что слово <нрзб.> стирингос, стиринкс, <нрзб.> furca, qua currus sustinetur значит вила, дроги, поддерживающие колесницу или воз. — Ежели странность словопроизводства сего не отнимет у нея некоторой вероподобности, то слова сочинителя утръ же воззни стрикусы отвори врата Новуграду будут значить, что Всеслав, нечаянно напав на Новгород, разбил ворота оного возовыми дрогами. А потому и воины его в насмешку возовиками названы были. Не должно удивлять нас, что слово стрикусы в возвышенном слоге здесь сочинителем вместо возовых дрог употреблено; если рассудим, что некоторые названия, до колесницы или возов принадлежащие, заимствованы русскими от греков и готфов. Ось по-гречески называется ἄξων; иго или ермо <нрзб.>; дышло по-немецки — Deichsel — дейхсел. Древние славяне, народ кочующий, до изобретения возов переносили кибитки свои с места на место; чаятельно сперва возили на верблюдах, а потом, переселясь к северу, на мулах, волах или лошадях. Если впрочем словопроизведение мое стрикусы и прочее из греческаго языка покажется читателям моим неудовлетворительным и

даже смешным, то последнее еще для них извинительное (и совсем), постыднее будет, когда признаюсь, что, имев отца грека, я даже и читать по-гречески не умею.

179. Нельзя, кажется, утвердить, что словами *разшибе славу* Святославу сочинитель хотел сказать, что Всеслав взятием Новгорода попрал славу Святослава. Нет достаточной причины заключать славу сего князя, двадцать лет единовластвовавшего над всею Россиею, в одних новгородских стенах. Сверх сего в 1021 годе Брячислав, отец Всеслава, при Ярославе Новгород взял (см. Тат., часть II, стр. 101). Следовательно, слава Ярослава уже и прежде разшибе (дела)... <нрзб.>.

Ежели догадка моя (см. 28 мое примечание), что иногда сочинитель колокол славою называет, хотя несколько основательна, то, может быть, он, поверя ложной молве, утверждает, что действительно Всеслав разшиб вечевой новгородский колокол, который <пропуск> лет после сего царь Иван Васильевич, покоря совершенно Новгород, велел перевезть в Москву, где оный и теперь находится.

180. *Немиза* — река, без всякого сумнения, нынешняя *Немень*; а не зная, где подлинно Дудутки находились, отыскал я город Дудичи близ Минска на реке Птиче. По истории известно, что Ярославичи, разоря Минск, сошлись со Всеславом на реке Немене и по кровопролитном сражении обратили его в бегство. Сия река весьма далеко от Минска и Дудичей протекает, что и подает причину думать, что Дудичи есть то самое место, о котором сочинитель упоминает.

181. Повторяю, что слово *болог* мне вовсе неизвестно (см. мое 158 прим.). Догадкою перевел я оное *булыжник* как по некоторому сходству звуков, так и потому, что около Немени реки находится весьма каменистая почва земли; а наконец, со стыдом признаюсь, и потому что греческое Βωλάρσου — Βῶλος по-латыни gleba, значущее *глыбу* засохшей земли или глины, показалось мне несколько похоже по существу на булыжник, а по сходству звуков в произношении на *болог*. Прошу покорно читателей моих простить мне сие неверное покушение обнаружить ученость мою. Между подобными мне писателями сей род чванства бывает часто заразительною болезнью (см. мое 153 примечание).

182. Слова *до Кур Тмутороканя* должны, кажется, значить *до Курска и Тмуторокани*. Во время княжения Всеслава в Киеве Курск, чаятельно, принадлежал еще половцам. Догадываться можно, что прежнее название Курска был *Кур*, он так прозван по имени князя Куря, который в 1096 годе приходил воевать на Переяславскую область (см. Нестор, стр. 143). У половцев обыкновение было называть города по именам князей своих; таковые по истории находим *Шурукань*, *Сугров* и пр. (см. Тат., часть II, стр. 204 и 207). Сверх того, не токмо в Курской, но в Новоградо-Северской области многие реки и по сие время сберегли, по-видимому, половецкие названия, как то: около города Глухова река *Есман*, *Осман*; около самого Курска — Кура, Реут и Тускар. Следовательно, немало чести Всеславу, если он доходил внутрь земель половецких до города Курска.

183. Херсон знаменитый торговлею своею простирал оную не токмо по Днепру в Россию, но также на Волгу и даже к Каспийскому морю. Он часто нарушал мир с россиянами, что могло случиться и во время княжения в Киеве Всеславова. В таком случае он мог вредить торговле херсонцев не только по Днепру, но и между Доном и Волгою, а наипаче в Тмутараканской области, о которой сочинитель здесь и упоминает. — О войнах херсонцев с Россиею нам история упоминает при жизни Всеслава под 1076 и 1095 годами (см. Тат., часть II, стр. 131 и 156).

184. Здесь сочинитель называет колокола обыкновенным именем. Сие замечание делаю к облегчению труда тех, которым догадка моя, в 28 при-

мечании моем предложенная, покажется неосновательною. «Тому в Полоцке позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи в колоколы: а он в Киеве звон слыша». Может быть, сему чудесному обстоятельству действительно тогда верили, а может и то быть, что разумелось под оным какое-нибудь иносказание, как например: когда в Полоцке задумывали что-либо противу Всеслава, то он по пронырливости своей всегда в Киеве скоро о том узнавал (см. прим. Шишкова, стр. 168).

185. О слове *вещий* смотри мое 5 примечание. Слово же *друзе* не то ли самое, что *дружной*, в том смысле, как говорится о людях и ‹равным› порядком работающих: *они дружно дело делают.*

186. См. мое четвертое примечание для доказательства, что Боян жил в одиннадцатом и в начале двенадцатаго столетия.

187. «Ни деятельному, ни быстрому, как птица, суда божия не миновать». (Тут выписать примечание издателя под буквою т). «Вероятно, что сей припев подлинником внесен сюда из баяновых песней».

188. Рюрик и Давид Ростиславичи внуки Мстислава первого (см. Стриттер, родосл. IV, роспись, 9 степень). Рюрик всегда охотно участвовал в войсках Святослава III-го против половцев. Давид же не всегда подражал похвальному примеру его. В 1186 годе, во время пленения князя Игоря, половецкий князь Кончак пришел войною к Переяславу; Владимир Глебович, в сражении с ним раненый, опасаясь сильнейшаго нападения, просил в. к. Святослава о помощи. В. к. Святослав просил Давида, с войском в судах на Днепре для защиты половцев у Триполя стоявшего, чтоб он шел на помощь Владимиру Глебовичу. Но сей не токмо от повиновения отказался, но возвратился с войском своим в Смоленск; Святослав же с Рюриком пошел противу Кончака и принудил его отступить от Переяславля. — За сию-то Давидову строптивость и даже измену сочинитель в упреку ему говорит, что знамена братьев Рюрика и Давида разделились.

189. *Но рози нося им хоботы пашут.* Сия речь совсем для меня непонятна. Нет сумнения, что она заключает упреку Давиду. Но для объяснения оной ничего, кроме догадки, предложить не могу. У Давида был брат Роман, сей в 1173 годе литовцев победил и, приведши их в плен, роздал по селам и велел ими пахать землю. Из ‹этого› произошла пословица: *зле Романе робишь, что литвином орешь* (см. Тат., часть III, стр. 183). По-видимому, сочинитель, противуполагая победы Романа малодушию брата его Давида, хотел в упрек ему сказать, что тот орал землю побежденными литвинами, а робкий Давид, привязав знамена свои к рогам волов, пашет землю. — Другого смысла из сих спутанных слов, кажется, вывесть невозможно.

190. *Копиа поют' на Дунаи.* Неможно также с точностию сказать, к чему относятся слова сии. Не к Роману ли Мстиславичу, князю Владимирскому, о котором выше сочинитель с похвалою упоминает? (См. мое 153 прим.) Сей храбрый князь, подражая примеру Романа Ростиславича, на которого племяннице, дочери рюриковой, женат был, в 1183 годе все Подляшие у Ляшка, тестя Василькова, отнял; а может быть, в 1159 годе в победе Ярослава Владимировича Галицкого над половцами на Днестре участвовал и около Дуная войсками его начальствовал.

191. *Ярославнын глас слышит.* — «Супруга князя Игоря Святославича, дочь князя Ярослава Владимировича Галичскаго» (прим. издателей под буквою у).

192. О слове *незнаем* см. мое 81 примечание. Слово же *зегзица* совершенно мне неизвестно. Я поставил вместо его *горлица*, так как в переводе издателя учинено. Трудно, кажется, признать птицу пристойнейшую к сему уподоблению. Глагол *кычеть* мне тоже неизвестен.

Не было ли написано *кличет*? Буква л, может статься, пропущена переписчиком.

193. Видно, что Дунай был приятным воспоминовением для русских, в древности на берегах его обитавших. Кстати и не стати стихотворцы русские любили упоминать о нем. Супруги Игоревой вовсе не дорога лететь чрез Дунай на Каял реку. Я даже сумневаюсь, не было ли написано полечу по *Донцеви*, а неисправностью переписчиков переменено на по *Дунаеви*.

194. Прилагательное *жестоцем*, без сумнения, значит здесь на жестком, на твердом его теле. Сочинитель, познакомя нас с супругою Игоря, уподоблением ее горлице, тотчас, как будто в изменение свое, дает чувствовать, что положение ее не совершенно отчаянное... <нрзб.>. Горести приличны взывания к ветру, Днепру и солнцу, стихотворчески одушевленным в томных жалобах супруги князя Игоря...

195. *На городской стене, приговаривая* (см. мое 191 примечание).

196. Может быть, и в самом деле ветер был противным Игорю во время несчастного сражения, ибо выше сего (см. стр. ... и мое 54 примечание) сочинитель упоминает о буре, восставшей при начале оного. В подобном случае на сражении с половцами в 1111 годе под предводительством в. к. Святополка Изъяславича Владимир Мономах весьма споспешествовал победе, принудя врагов стать противу ветра (см. Тат., часть II, стр. 208).

197. Тут ясно видно, что глагол *мычеши* значит мчишь, наносишь (см. мое примечание 94), а слова *нетрудною крыльцу*, кажется, значит здесь *неутружденное, неутомимое крыло*.

198. *На моея лады вои*. — «То есть о ветр! самовластитель ветр! почто с такою силою веешь? почто на легких крылах своих носишь ханския стрелы, поражающия воинов супруга моего. В преложении выражение *на моея лады вои* истолковано *на милых мне воинов*; но сие не справедливо. Ладо значит супруг» (прим. Шишкова, стр. 172).

199. *Кочая корабли* (см. мое примечание).

200. Сочинитель, конечно, разумеет под сими словами пороги, по обеим сторонам которых кочевали половцы.

201. 1183 годе (см. Тат., часть III, стр. 254).

202. Сочинитель предлагает супруге Игоря как будто некоторое предчувствие о его побеге и даже о околичном пути, который он для укрытия следов своих предпримет (см. особое мое примечание о побеге Игоря). После уплаты выкупа вовсе не по дороге было ему чрез Днепр возвращаться в Курск или Путивль.

203. Нестор повествует, что в сем сражении от безводия и зноя наипаче изнемогли войска Игоревы (см. Нестор, стр. 277).

204. *Смерчи*. «Под именем *смерчей* (сморци) разумеем мы ныне водяные насосы, бывающие на морях по жаркому поясу, разливающихся, и которые больше известны нам под иностранным названием *тромбы*. Трудно себе представить, каким образом волнующееся море и ходящие мглами смерчи могли показывать путь князю Игорю; но как он долженствовал сперва переплыть через реку, то, может быть, сочинитель разумеет под сим случившуюся тогда непогоду и мрак ночной или туман, которые в сем случае ему благоприятствовали» (прим. Шишкова, стр. 179).

205. *Вечернии зори* (см. мое 49 примечание).

206. Слова *Игорь спит, Игорь бдит* хотя должно бы было перевесть: Игорь притворно спит, но Игорь бдит нарочив; но мне показалось, что таковой изъяснительный перевод без верной пользы ослабил бы быстроту повествования. — Читатель сам знает, что спать и бодрствовать

вместе невозможно. И для того поставил точное выражение подлинника. Татищев повествует, что Игорь, приготовясь к побегу, призвал своих служителей и велел перед шатром своим играть и пить; а <затем> он увидел, что приставники все и его служители играли и веселились, думая, что он уже спит (см. часть III, стр. 271).

207. О побеге Игоря из плена историки разно повествуют. Нестор говорит по малех днех ускочи Игорь князь у половцев (см. Нестор, стр. 278). Нельзя, кажется быть, чтоб он так скоро успел уйтить. Во-первых, потому что когда по разбитии его князь половецкий пришел опустошать Новгородно-Северскую область, то в. к. Святослав в отсутствие Игоря оборонял оную своими войсками. Во-вторых, из песни сей видно, что Гзак и Кончак гнались за ним, следовательно, сие происходило по возвращении их из походов на Путивль и Переяславль, на кои немалых дней потребно было. В-третьих, Татищев обстоятельно повествует, что князь Игорь, будучи в плену, велел привезть к себе попа, несколько запасов и денег; что сыскался один половчин, оскорбленный своими одноземцами, рожденный от матери русския из области Игоревой, который предложил быть его путеводителем, если он уйтить согласится; что после того Игорева тысяцкого сын, уведав от жены князя половецкого Туглия, с которою любовь имел, о намерении половцев умертвить Игоря, ежели им в предприемлемой противу русских войне не удастся, донес о том чрез княжеского конюшего Игорю; что и принудило его согласиться к побегу (см. Тат., часть III, ст. 269 и 270). — Все сие требовало немалых дней и, по-видимому, Игорь ушел не прежде двух или трех месяцев после пленения своего.

208. Слова от великаго Дона до малаго Донца заставили бы думать, что Игорь содержался в плену за Доном. Но последствие доказывает, что место пребывание его было на левой стороне Донца, ибо сочинитель только об одном переезде Игоря чрез реку повествует, и <поелику> Игорь к одному Донцу обращает речь.

209. Овлур. — «В Российских летописях он назван Лавер, чиновник половецкий; его мать была русская. Когда Лавер сделал предложение князю Игорю способствовать ему в побеге, то он сперва не понадеялся на него, но после, будучи удостоверен от конюшего своего и от тысяцкого в честности и расторопности его, согласился уйти с ним. Итак, в назначенный день Игорь, напоив допьяна приставленную к нему стражу, когда все погружены были в крепком сне, прошел тихо чрез половецкие заставы и, переплыв чрез реку, ускакал на приготовленном ему от Лавера коне» (См. Тат., часть III, стр. 270).

210. Что Игорь в побеге своем избрал путь чрез степи, прилежащие к крымскому полуострову, и через Днепр, то обнаруживается из повествования Татищева. Игорь, говорит он, пошел к реке, оную перебрел и, седши на коня, поехали сквозь жилища половецкие сам пять, и ту ночь, миновав все их обиталища, поехали через степь, и ехали два дни до русского брода, до брода в порогах, говорит (Тат., часть III, стр. 300.) Не это ли был русский брод? Оттуда пошел в свой Новгород, и не доехав (меньше полудниҩа) верст за 20 споткнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе с. Михаила остановиться и ночевать (см. Тат., часть III, стр. 271). Село же Михайловка и теперь находится близ Новгородка-Северского к западу, что и доказывает неоспоримо, что он кругом объехал чрез Днепр в свои области (см. мое 226 примечание).

Нельзя было в переводе сохранить красоты краткости слов Игорю не быть.

211. Слово кликну земля, по мнению моему, изображает шум, раздавшийся по земле от топота конского, а в слове же стукну, ка-

жется, небрежением переписчика буква г переменена на к. Я уже сказал выше, что по-малороссийски стугонит земля, значит стонет, отдает звуки земля (см. мое 62 примечание).

212. Нестор <же> называет жилища половецкие вежами (см. Нестор, стр. 138). Слова вежи ся половецкия подвизашася не значат, кажется мне, чтоб они от бури потряслись, но что у них учинилось смятение, когда услышан был раздавшийся топот конский и зашумела трава. — Кочующие, в набегах упражняющиеся народы, имея пленных рабов, бывают весьма осторожны при малейших движениях, опасаясь, чтобы они не ушли. Вежи были от движения (см. Тат., часть III, стр. 299... <нрзб.>).

213. Белым гоголем. — «Красивая утка с хохлом, питающаяся раковинами, за которыми она отменно пред прочими ныряет» (прим. издателя под буквою х).

214. Глагол въвръжеся, кажется, значит вскочил на коня. Не было <ли> написано взвържеся, возвержеся. — Известно, что в старину буква ъ заменяла разные гласныя буквы и часто поставляема была позади спрягаемой согласной буквы. <Их> и здесь видно в слове на бръз комонь.

215. Босым волком. Что сочинитель разумел под словом босым волком, мне неизвестно. Разве то, что следы волчие и по утрам почти неприметны по легкости его бега.

216. Слова полете под мглами значат, что Игорь уходил не днем, но в сумерках и ночью.

217. Слово лете — когда Игорь летел соколом, Влур волком потече, труся собою студеную росу, преторгоста бо свои бръзая комони, — по мнению моему, означает, что Игорь и Влур, надорвав своих коней, ибо история повествует, что они в одну ночь все половецкие обиталища миновали (см. Тат., часть III, стр. 271), бежали пешком, но легкость Игоря уподобляется полету соколиному, не оставлявшему по себе следа, а Влур хотя представляется не так легким сравнением с волком, отресающим набегу росу и тем обнаруживающим след свой.

218. Чернядь, род утки. Отсюду явствует, что слово сие неправильно по простому наречию пишут чернеть (см. Акад. словарь. Прим. Шишкова, стр. 189).

219. Река Стугна. — «По началу сей речи слово не тако ли долженствовало бы означать вопрос, но по смыслу всего нижесказанного Игорь не вопрошает, а говорит, что в подобном случае река Стугна не таким образом поступила. И потому в слове не тако ли частица ли, без сомнения, присовокуплена ошибкою переписчика. Исключая оную, смысл будет следующий: не тако река Стугна! свирепые струи ее, от впадения в нее многих других рек, широко разливаются, выступают из берегов, выкидывая на них плавающие по ней струги, разбивает их о кусты, т. е. о пни срубленных дерев, вокруг которых обыкновенно растет молодой кустарник» (прим. Шишкова, стр. 190).

220. «Юный князь Ростислав, сын великого князя Всеволода I и великия княгини Анны, дочери половецкого князя, утонул на реке Стугне 1093 года, когда там разбиты были российские войска от половцев» (прим. издателя под буквою ц).

Слова затвори Днепр темне березе, по мнению моему, значат, что князь Ростислав утонул в Стугне, не успел спастись от половцев за Днепр, куда Владимир Всеволодович Мономах, брат его, отступил с своими войсками (см. Нестор, стр. 137; Тат., часть II, стр. 149).

221. И дерево от печали к земле преклонилось. Сии уподобляемые речи, после повествования о каком-либо несчастном происшествии, сочинитель повторяет с некоторыми переменами. Выше сего

см. стр. ничит трава жалощами, а дерево стугою к земли приклонилось.

N3. Отыскать в песне слова похожие: уныли цветы (жалели), а дерево стугою к земли преклонило. Стр. 50.

222. Сочинитель, после стихотворческого взывания Игорева к Донцу, вдруг приступает к описанию погони за Игорем и как будто пробуждает внимание читателя предстоящею герою поэмы опасностью. Сия часть речи начинается, по мнению моему, отрицательным уподоблением не сороки встроскоташа; перед оными буква а поставлена единственно для. ‹пропуск›. После глагола встроскоташа не точка, но двоеточие поставлено быть должно, ибо речь еще не кончена. — Кто примечательно слушал шум высокой травы, рассекаемой скачущими лошадьми, то признается, что сравнение онаго с строкотанием сорок весьма справедливо.

223. О Гзаке и Кончаке сочинитель уже говорил. См. стр. и мое 47 примечание. Но здесь почитаю за нужное сообщить читателям подробнейшее об них сведение; может быть, оно послужить к изъяснению разности расположения сих князей к Игорю, ниже сего сочинителем в разговоре их обнаруженное.

Ежели Гзак — тот же, кто и Гзя или Козя, то в 1168 годе он был побежден Олегом Святославичем, братом Игоря (см:). В 1186 годе, во время пленения Игоря, он учинил нападение на его область, но после некоторых успехов в Посемье, когда часть войска его разбита была Тудором, воеводою в. к. Святослава, возвратился он без всякого успеха. Кончак более известен по разорениям российских областей.

В 1171 годе, когда в. к. Мстислав II Изъяславич был изгнан Ростиславичами и Святославичами из Киева и приходил из Владимира воевать против Давида Ростиславича, затворившись в Вышграде, то Кончак находился с войском своим в сем городе, помогая Давиду, и много причинял вылазками вреда Мстиславу. Когда же сей, услыша о приближении в. к. Глеба Юрьевича к Вышеграду, принужден был отступить, а половцы пошли за ним в погоню, то были сим храбрым князем разбиты (см. Тат., часть III, стр. 175).

В 1173 годе одни половцы приходили на Черниговские области, а другие с Кончаком и Кобяком пошли к Переяславу. Игорь Святославич, разбив первых, обратился противу сих соединенных князей и, настигши их, по малом сопротивлении разбил и прогнал весьма далеко (см. Тат., часть III, стр. 185 и мое 41 прим.).

В 1179 годе Кончак, пришед на Переяславскую область, много вреда причинил (см. Тат., часть III, стр. 234).

В 1181 годе Кончак пришел на помощь Святославу III, когда сей, оскорбя изменнически Ростиславичей, которые у него... Киев отняли, для освобождения сына своего Глеба выступил войною против в. к. Всеволода III; неизвестно, был ли Кончак в сем походе с Святославом, или оставлен с союзником его Игорем Святославичем для обороны Чернигова от Ростиславичей, ежели б они вздумали напасть на оный во время его отсутствия. — После неуспешного похода Святославова противу Всеволода III Кончак с Ярославом Всеволодовичем и Игорем Святославичем ходил на полоцких князей; но противу их ничего до возвращения Святослава из Новгорода предпринимать не смели. — По прибытии же его, разоря некоторые полоцкие земли, пошли с ним чрез Киев противу Рюрика, затворившегося в Белграде. Тогда Кончак просил в. к. Святослава, чтоб он позволил ему с Игорем Святославичем идтить под Любску, где тысяцким Рюриковым Лазарем поражены были, что Кончак с Игорем Святославичем насилу в лодке за реку Днепр уйтить успели. На сем сражении многие князья половецкие и более 6000 половцев убиты, 2 сына Кончаковы в плен взяты были. После сего поражения в. к. Святослав хо-

тел уже бежать из Киева, но великодушный Рюрик предложил ему мир и уступил Киевское великое княжение (см. Тат., часть III, стр. от 239 до 245 стр.).

С сего времени примечается между Кончаком и Игорем Святославичем и братом великого князя Святослава, Ярославом Всеволодовичем, доброе, но скрытное согласие (см. мое прим.).

В 1183 годе Кончак приходил войною к Дмитрову, почти на устье реки Сулои, в Переяславской области находящейся; но узнав, что русские князья собрались на сей реке, возвратился (см. Тат., часть III, стр. 253).

В том же годе в. к. Святослав с Рюриком Ростиславичем собрались идтить на половцев и уже стояли у ‹Алжиц›, но по совету Ярослава Всеволодовича черниговского отложили поход сей.

В 1184 годе в. к. Святослав III с некоторыми князьями пошел по Днепру к ‹Орели›, за которою рекою Владимир Глебович Переяславский с передовым войском разбил и в плен взял Кобяка, союзника Кончакова (см. здесь выше по 1173 годом). Ярослав Всеволодович Черниговский и Игорь Святославич отказались участвовать в сем походе (см. Тат., часть III, стр. 255, 256 и 257). Тогда Игорь Святославич, говоря, что он жалеет, что по совету Ярослава Всеволодовича не совокупился с в. к. Святославом III, пошел противу половцев к Донцу, но из-за реки ‹Днепра› возвратился, прогнав половецкого начальника Абослыя ‹Неступовича›.

В 1185 или 1186 годе Кончак пошел войною к Переяславской области, послал к Ярославу Всеволодовичу черниговскому с мирным предложением, которое и было небезуспешно. В. к. Святослав, гневаясь за то на брата своего, пошел с Рюриком Ростиславичем противу Кончака (и за Хоролем) рекою разбил его наголову, весьма далеко преследовал. — Игорь Святославич, узнав о сем походе и гневаясь на Ярослава Всеволодовича за неучастие в сем походе, хотя поспешил, противу совета вельмож своих, соединиться с в. к. Святославом, но на реке Суле за великою вьюгою принужден был остановиться и не поспел на место сражения; потом, уведомясь о победе в. к. Святослава, возвратился (см. Нестор, стр. Тат., часть III, стр. 259, 260, 261). В сем же годе, вскоре после сего сражения, Игорь предпринял несчастный поход, предмет Слова о полку Игореве (см. Нестор, стр. 276; Тат., часть III, стр. 261).

После несчастного сражения и пленения князя Игоря Кончак по причине его ран взял его на поруки. Сие обстоятельство ясно доказывает дружеское Кончака к нему расположение. Что еще более обнаруживается тем, что Кончак во время пленения Игорева не согласился идтить с князем половецким Гзею на области Игоря, но пошел войною к Переяславлю мстить за смерть Кобяка Дмитрию Глебовичу переяславскому, взявшему его в плен (см. здесь выше под 1182 годом и Тат., часть III, стр. 267).

В 1187 или 1188 годе Кончак ходил войною ‹на Поросье› в Киевское княжество и безуспешно возвратился. Другие же половцы ходили на Черниговскую область. А в 1188 или 1189 годе в. к. Святослав III с Ярославом Всеволодовичем и другими князьями, хотя выступили по Днепру противу половцев, но, дошед уже до Самари реки, по несогласию Ярослава продолжать далее поиски над половцами, почти ввиду оных принуждены были поспешно возвратиться.

Из всего сего читатели ясно усмотреть могут тайное как Ярослава Всеволодовича, так и Игоря Святославича с Кончаком согласие, споспешествовавшее, может быть, и самому побегу Игоря из плена, а равномерно увидеть причину разных к нему Кончака и Гзи расположений, ниже сего сочинителем его обнаруженных.

224. Сокольца опутаеве красною девицею. — «Сии слова половецких князей касались до Игорева сына, князя Владимира, который

оставался еще у них в полону. Он влюбился там в дочь князя Кончака, и, когда половцы освободили его, то он, привезши ее в Россию, крестил и с дитятею и, назвав Свободою, обвенчался с нею» (Тат., кн. III, стр. 283. Прим. издателя под буквою ч).

225. С первого взгляда видно, что вся речь сия переписчиками испорчена. Слова перепутаны и одно место вместо другого поставлены. Я постарался привести их в порядок и составить из них связь какой-либо мысли. — Не знаю предуспел ли я, и оставляю на суд читателей. Мне показалось, что последующие слова тяжко ти головы, кроме плечю, зло ти телу, кроме головы могли относиться к Святославу I-му Игоревичу, убитому у порогов днепровских печенегами, из которого черепа, золотом обложенного, князь их Куря сделал пиршественную чашу (см. Нестор, стр. 65, 66). К сему предположению еще на большой повод дали мне последние слова речи Святослава I-го перед сражением противу многочисленнейшего войска греков: «аще глава моя ляжет, то вы промыслите о себе». (см. Нестор, стр. 62.) Потом видя, что первую речь сочинитель применяет Игорю, я заключил, что он сравнивает участь его с несчастной судьбою Святослава I-го, которого не помрачилась слава геройских его подвигов. Следуя нити мыслей сих, я переместил спутанные слова:

10 1 5 12 11 13 9 2 3 4
рек Боян и ходы на Святославля пестворца старого времени Ярославля
8 7 6
Ольгова Коганя хоти и составил из них следующую речь: Боян древнего времени Ярослава и жены князя Ольга песнотворец сказал и о походах Святослава.

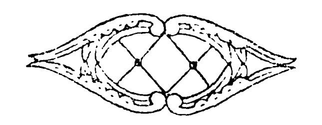
Я уже сказал, что, по мнению моему, Боян был современник в. к. Ярославу I-му и Ольгу Святославичу (см. мое 4 примечание).

226. Слича историю и повествование о побеге Игоря, что он, переплыв Донец и переправясь у русского брода, возвратился прямо в Новгород-Северский (см. Тат., часть III, стр. 271), после того приезжал он в Киев к вел. князю Святославу благодарить за ⟨охранение⟩ областей Северских от нападения половцев во время его плена.

227. Игорь едет по Боричеву. — «Урочище, в самом городе Киеве находящееся, по свидетельству Нестора. Было оное на горе к Подолу, на том самом месте, где ныне стоит церковь Андрея первозванного, или близ оной. Тут Владимиром поставлен был на холме идол Перун. Прежде красивое сие место было вне града, и пространство между кумиром и Киевом помещало множество народа, для торжественных жертвоприношений стекавшегося. На сей площади был тюремный дворец великокняжеский. Под самою горою Днепр прежде имел свое течение; но по времени столько занесло оной песком, что построено тут целое предместие, Подолом ныне называемое» (см. Тат., кн. II, стр. 36. Прим. издателя под буквою ш).

228. О Святославе Ольговиче, племяннике князя Игоря, сочинитель не упоминает. По истории даже отыскать не мог ни времени, ни обстоятельств возвращения его из плена. Может быть, о нем умолчал сочинитель, как о виновнике некоторым образом несчастного сражения Игоря. Противу воли сего князя он с сыном Игоря Владимиром и воеводою князя Ярослава Ольстиным погнались за передовыми войсками половцев. Копья разбив, остались на месте сражения, и с принуждения Святослав Ольгович, возвратясь к Игорю, уверил его, что за усталостью лошадей полки его не могут соединиться с главным войском и выпросил отсрочки до утра. Сие медление причиною было, что к свету все половецкие вспомогательные войска подоспев окружили Игоря со всех сторон и, наконец, совершенную над ними победу одержали (см. Тат., часть III, стр. 263, 264).

Вот все, что я, руководствуясь историческими преданиями или бродя во след догадки по тропинкам вероятности, мог отыскать для объяснения темных мест в сочинении, делающем честь витийственному искусству древних наших предков. Льстил себя надеждою, что ошибки мои в достижении желаемой цели могут быть извинены трудностию открыть старую стезю в заросшем дебрями и рытвинами быстро текущего времени пресеченном поле древности; сии самые ошибки, может статься, послужат людям искуснейшим меня в отечественной истории и языке к отысканию истины. Впрочем, поелику занимался я сочинением сим для собственной забавы во время досугов, то приятно мне будет, ежели насчет моего глубокого сведения о русских старобытностях могу я позабавить читателей моих в их досужные часы.



Статьи

КРАТКОЕ ИЗЫСКАНИЕ О ГИПЕРБОРЕАНАХ,

О КОРЕННОМ РОССИЙСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

Любовь к отечественному слову заставила меня попытаться о возвращении ему природной собственности, которой до сих пор лишали его стихотворцы без всякой нужды и пользы. Богатство нашего языка в словах, сила в изображении мыслей и благогласие в произношении довольно известны вникающему в существенные свойства оного.

Бессмертные творения Ломоносова, Пиндара и Демосфена нашего служат тому разительным доказательством. Сей отец российского стихотворства и красноречия восчувствовал все достоинство природного языка своего: он отверг введенный школьно-учеными людьми того времени размер греческих и латинских стихов, слову нашему столь несвойственный. По примеру лучших немецких пиитов старался он из одних восходящих и падающих в ямбах и хореях гласоразмерений слагать стихи и представить в оных все высокие и витийственные мысли, порожденные чудесною силою его воображения. Но для чего вместо заимствования таковых чудеязычных мер не почерпнул он из природного источника? Для чего не возобновил он древнего русского стихосложения, пред всеми иностранными толико преимущественного? Зачем не перешагнул он сей последней преграды и не решился, совершив знаменитый подвиг в исполинском течении по отечественному ристалищу, утвердить славу русского языка, первенствующего между народами, заимствовавшими от ее имя свое?

Каких не должно было бы ожидать нашему стихотворству красот, силы и благогласия, от подвигов сего простонародного россиянина, сего великим духом одаренного, красоты отечественного языка живо чувствующего, обширными знаниями и изящным вкусом просвещенного человека! — Не осталось бы последо-

вателям его иного труда, как только идти стезею, твердыми стопами его проложенною.

Уверен будучи, что сей великий муж знал истинную цену природного коренного русского стихосложения, думаю, что опасность вооружить против себя толпу тогдашних школьно-ученых словесников помешала ему присвоить оное творениям своим. Он опасался, по-видимому, дабы завистники его не огласили невежеством сего смелого заимствования и не приписали бы оного токмо пристрастию простолюдина к природному своему навыку. — Уши к латинскому и греческому гласоразмерению приобыкшие, не быв способны внимать новым, приятнейшим звукам, встревожены были бы при слушании оных. Парнасский наш исполин довольно имел труда, отвергнув учеными общепревозносимый оных древних языков размер стихов, ввесть в употребление чистые ямбы и хореи, природному нашему слову более свойственные: трудность сего преодоления, может статься, приводила в отчаяние превозмочь еще большие преграды.

Но чтобы ни воспрепятствовало сему бессмертному мужу во столь нужном и весьма важном для отечественного слова подвиге, любители оного должны скорбеть о лишении руководства его. — Они должны вознегодовать, видя, что неискусный в красотах русского языка и вообще в словесных знаниях весьма ограниченный человек вступает дерзостною ногою в ристалище, минованное исполином отечественного стихотворства. Чувствую дерзновение мое и признаюся в оном.

Но всегда ли для путешествия через дремучий лес должно ожидать пока вихрь бури, молниею возженный пожар или секира могущего властелина проложат чрез него дорогу? Не можно ли позволить благонамеренному путнику прокладывать чрез оный тропинку? — Если и не достигнет он желаемого предмета, другой догадливее или счастливее, употребя ошибки его в пользу, может быть, откроет к оному путь и облегчит труды последователей своих. Не всегда первые шаги доводили человека до совершенства: трудными, тесными и излучистыми стезями достигал он до познания истины. Первые опыты часто оставались безуспешны; но не могли быть предосудительны. Я ожидаю от беспристрастия соотечественников моих равномерного суда. Они еще охотнее извинят мою смелость, когда вспомнят причину, побудившую меня к отважному моему предприятию; я уже сказал ее: любовь отечественного слова. Может быть, ослепляет меня сродное отчизнолюбию пристрастие; но я твердо уверен об отличном пред прочими народами преимуществе русского языка, музыки и стихосложения; и смею заключить после рачительного исследования, что оно оставлено нам в наследство от народа, в отдаленнейших временах знаменитого, просвещением

своим озарившего пределы древния Греции, гордившейся знаниями своими. Пусть, ежели угодно, предположение сие и изыскания мои считают мечтами, но думаю, что каждому любящему отечество свое человеку и самые мечты, ко славе оного клонящиеся, должны быть приятны. В сем лестном уповании представляю соотечественникам труд мой, к оправданию дерзостной попытки возвратить слову нашему столь дорого ценимую мною принадлежность.

Для исследования оной в самом ее источнике принужден я вопросить развалины древнейшего северного соотечественного нам народа. Едкость времени пощадила некоторые драгоценные отломки памятника, доказывающего величие, славу и мудрость соорудивших оный. Я постараюсь истолковать немое их свидетельство; согласить с темным преданием отдаленнейших веков и открыть следы именитого народа сего, процветавшего в младенчестве вселенныя и первыми познаниями просветившего оную.

Народ сей, известный под именем гипербореан,[1] по преданию Диодора Сицилийского и многих других, уважаем и славен был в древности. Соседами почитался он священным.[2] Сие наименование заслужил он набожностию и благонравием своим. Ибо повествуют,[3] что под небом, где созревала ежегодно двукратная жатва,[4] проводил он весьма долговременную жизнь в ревностном богослужении, в мире, в простосердечном исполнении добродетелей, в ежедневных празднествах, пении и плясках. Предание полагало у него колыбель Латоны, уверяя что и сам Аполлон, по изгнании с неба за укоризны Юпитеру, сына его Эскулапия громом поразившему, уклонился к народу сему и на берегах моря оплакивал смерть сына слезами, обратившимися в янтарь.[5] Во время пребывания в стране сей наставлял он жителей в разных науках и в музыке; а потом чрез каждые 19-ть лет посещая их, пребывал с ними от весеннего равноденствия до восхождения Плеяд,[6] а и всякую ночь услаждал их своею лирою; почему и имя гиперборейского греками присвоено ему было.

Благоговение к Аполлону в жителях страны сея так сильно вкоренено было, что они ежегодно посылали в дар начатки жатв и плодов своих на остров Делос,[7] в котором сей бог лиры рож-

---

[1] Diod. de Cicile. Liv. IV.
[2] Apollonius de Rodes Argon. Liv. IV.
[3] Pomponius Mela. Liv. III, chap. V. Pline. Hist. Nat. Liv. IV, chap. XII.
[4] Diod. de Cicile. Liv. II.
[5] Apollonius de Rodes Argon. Liv. IV.
[6] Diod. de Cicile. Liv. II, § 28.
[7] Herodote. Liv. IV, chap. VI. Pline. Hist. Nat. Liv. IV, chap. XII.

ден был соотечественною им Латоною. Для жертвоприношения сего избираемы были девы и к сопровождению их юноши испытанного целомудрия, добродетели и храбрости. Они предпринимали почти неимоверно дальний путь посреди свирепых и разноплеменных народов, единым благоговением к светоносному богу музыки и стихотворства предводимые. Сильнейшим же доказательством уважения к нему гипербореан служит повествование Павзания о некоем соотечественном им Аполлоне,[8] приходившем на помощь осажденному галлами Дельфийскому храму, славившемуся проречениями оного знаменитого божества.

Из сего рождения и прихода Аполлонова можно заключить с Геродотом, почитающим таковые странствования богов за введение их богослужения, что в Дельфы перенесено было оно от гипербореан, еще до преселения туда египетских и финикийских племен.[9] Ибо мнение о пребывании Аполлона между гипербореанами и о преимуществе знаний их так сильно в Греции впечатлено было, что, по свидетельству Аристотеля, Элияном нам преданному, Кротонияты,[10] мудростию Пифагора удивленные, приняли его за гиперборейского Аполлона. Сие не вынужденное самохвальных греков признание заставляет предполагать, что науки, стихотворство и музыка, коими Европа почитает себя им одолженною, принесены туда были от сего священного для них народа.

Но где же было отечество его, сие любезное Аполлону виталище? Славнейшие греческие писатели укажут нам к оному путь.

Страбон удостоверяет, что древнейшие повествователи разделяли скифов, выше Черного моря обитающих, на гипербореан,[11] аримаспов и сармат. Первых одни полагали у Рифейских гор, близ северные оси земли, где воздух всегда наполнялся перьями,[12] а солнце токмо шесть месяцев в году сияло, и думаю, что поелику ветр Борей исходил из хребтов Рифейских, то и проименовали народ сей гипербореанами,[13] то есть заборейскими. Другие определяли жилище их к северу Европы над вершинами реки Дона,[14] и против Кельтического некоего мыса, в тех местах, где Рифейские горы низятся и совсем исчезают.

Итак, для отыскания жилища гипербореан, во-первых, нужно нам узнать настоящее положение Рифейских гор, по древним

---

[8] Pavsanius Phoc. V. Ciceron de la nais. des dieux. Liv. II, chap. 23.
[9] Bannier Expl. des fables, t. III, page 230.
[10] Variations historiques. Liv. II, chap. XXIII.
[11] Strabon. Liv. XI.
[12] Μτερόφορος Solin. chap. XXXII. Pline. Liv. IV.
[13] Apollonius. Liv. IV.
[14] Manauca Strabon. Liv. I. Pomponius Mela. Liv. III, chap. V. Pline. Hist. Nat. Liv IV, chap. XII; Liv. V, chap. XIII.

землеописателям Европу от Азии разделяющих. Российский Пиндар покажет нам оные перстом, сопровождающим на струнах громогласные лиры бессмертную песнь.[15]

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей;
И гордость при Днепре попранну,
И многий плен твоих людей,
За обские брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный,
За коим сильна росска власть
Велику держит встока часть:
Где орды ей сбирают дани,
По ней всегда готовы к брани...

По следам исполина сего с пути совратиться невозможно: мы достигли с ним Рифейских гор, отыскание коих столь много озабочивает европейский ученый свет. Уральские вершины[16] суть истинные Рифейские хребты. Они называются у нас великим поясом, что и самое слово Урал значит,[17] по свидетельству одного из достойнейших наших историков.

Сие присвоение Уральским хребтам имени Рифейских гор оправдывает Плиний,[18] когда, разгранича оными от Азии Европу и продолжая описывать пределы последней вдоль Северного моря и левой западной стороны сих гор, полагает он гиппоподов,[19] так сказать, конноногих и всеухих панагиенов,[20] а за сими — германский народ ингевонов, живущих у подошвы горы Сево, простирающийся даже до Цимбрического мыса и до обширного Каданского, сиречь Балтийского залива. Таким образом, в описании пространства между кряжами Рифейских и Севских в Норвегии лежащих гор,[21] не показав никаких других, заставляет непременно признать Уральский кряж за именитые Рифейские хребты.

Отыскав теперь начальное недвижное урочище отечества гипербореан и по руководству Плиния[22] распространяя даже до вершины Дона, останавливаемся опять затруднением назначить крайний предел оного; но Аполлон сам рассеет мрак древности, покрывший границы любезного ему народа. Слезы его, пролитые

---

[15] Ломоносова Ода II, строфа XIV.
[16] История Татищева, гл. 12, прим. 26.
[17] Там же, гл. 11, § X.
[18] Pline. Liv. IV, chap. XIII et Liv. VI, chap. XIII.
[19] Может быть, на коньках или на лыжах ездящих.
[20] Всеухих, так что завертывались ушами, то есть длинноухие шапки носящих.
[21] Cluvier antiquités Germ.
[22] Pline. Liv. IV, chap. XII.

на берегах моря, обратившиеся в янтарь,[23] свидетельствуют нам, что страна, в которую уклонился он по изгнании с небес оплакивать смерть сына своего, простиралась до восточных берегов Балтийского моря, сие драгоценное произведение природы извергающего.

Иным покажется неимоверно, чтобы толикое расстояние могло покрыто быть одним народом: но нынешнее пространство нашего отечества, во временах стеснивших селение народов, уничтожает неимоверность сию и настоящим событием увольняет меня от доказательства, на преданиях основанного.

Но сходно ли с здравым рассудком, возразят мне иные, полагать, в холодной северной стране отечество гипербореан, в котором, как выше сказано, ежегодно две жатвы созревали? На сие ответствую, что свойственная далеко странствующим склонность сплетать ложь, по-видимому, породила басню сию. Греки, слыша от путешественников своих, не проживавших в стороне гипербореан целого года, что в оной засевались нивы в мае, а в августе оканчивалась жатва, заключали по обыкновенному своему легковерию, что там, где в три месяца засевались и созревали жатвы, земля приносила в год по крайней мере два раза плоды свои. Нетрудно было придумать басню сию людям, которые преобратили падающий с неба снег в перья, а русские шапки ушатки в длинные уши панагиенов, обвивающих оными все тело свое.

Определяя таким образом настоящее местоположение Гипербореи, сей любезной Аполлону страны, остается доказать, что греки заимствовали от жителей ее науки свои, музыку и стихотворство.

Касательно первых, девятнадцатилетний срок, определяемый Аполлоновым стране сей посещением, составляя важный астрономический период, известный под названием золотого числа, или круга Метонова, предполагает уже у гипербореан высокие звездочетные сведения, которые, по-видимому, сообщалися от них Греции; ибо предок Платона, посланный в Делос для защищения острова сего от нападения полководцев Ксеркса, царя персидского, нашел там медные скрижали, принесенные из гиперборейския страны, на коих начертано было понятие о мздовоздающем и мстительном боге и о бессмертии души.[24]

---

[23] Apollonius de Rodes Argon. Liv. IV. — Другое предание приписывает произведение янтаря слезам Геллиад, сестр Фаетонта, сына Аполлонова, громом Юпитера пораженного (Methamor. d'Ovide. Liv. II). Это, по всем вероподобностям, та же самая басня, одетая другим иносказанием. Г-н аббат Баннier относит происшествие сие к брегам же Балтийского моря.

[24] Platon dans Axioch.

Сами греческие повествователи признаются, что знания переселилися к ним от севера: первейшие из числа великих мужей, во мраке невежества Грецию просветивших, были северные уроженцы.

Сатурн, отец богов, царствовавший в течение золотого века, назидавший мудрыми законами свободу и блаженство смертных, обитал, по преданию Дионисия Географа,[25] на берегах ледовитого моря, по имени его Сатурновым прозванного.[26] Древнейшие звездочеты, по-видимому, удостоверенные в сей истине, сообразуясь хладу Сатурнова отечества, присвоили имя его хладнейшей планете и мягчайшему из всех металлу, почти как лед на огне растаевающему.

Атлас, племянник его, сын Япетов,[27] изобретатель небесныя сферы, царствовал на горе, прославившейся его именем, которую Гезиод полагает[28] в жилище ночи, в стране вечным мраком покрытой. Соответственно ему Гесперидские сады, в которых дочери или племянницы его сберегали золотые яблоки, похищенные Геркулесом, по свидетельству Аполлодора,[29] не в Африке, но в Гиперборейской Атлантиде находились. Итак, гора Алтай, соседняя Рифейским вершинам, золотые рудники в себе заключающая, может быть, есть оная гора Атлас, название свое через перемещение одной буквы[30] переменившая, и южный кряж ее, поныне под названием яблочного известный, может напомянуть нам о яблоках Гесперидских.

Обитание Атласа на северных горах подтверждается тем, что Промефей, брат его, даровавший огонь смертным, в наказание за похищение оного с небес прикован Юпитером на горе Кавказе,[31] соседственной Рифейскому хребту. Некоторые принимают его за Магога, сына Яфетова, праотца северных народов.[32] Как бы то ни было, сквозь запутанную многими баснословными вымыслами Промефееву повесть видно по крайней мере, что знакомое гипербореанам понятие о душе, сем огне небесном, оживляющем тело человеческое, принес он грекам от северной страны.

---

[25] Denis, vers. 35. Rudbek. Tom I.
[26] Orphee vers 1077. Pluve IV, chap. XVI.
[27] Apollodore. Liv. I.
[28] Hesiode Theog. vers. 274—517.
[29] Apollodore mithologie. Liv. II.
[30] В оправдание мнения моего о перемещении в сем имени буквы л приведу пример Дона Пезарона (см. Antiquit. de la langue des Celtes), производящего название Атласа от слова Altus переменением той же самой буквы l. Atlas, Altus Алтай, имя сие, на племеноскифском, татарском языке означая *златый*, могло породить басню о золотых яблоках, растущих на горах, Атласом обитаемых.
[31] Pline. Liv. XIII. Hesiode, liv. I, chap. I.
[32] Bochart. phaleg., liv. I, chap. II. Le Cler. hesper.

Девкалион, сын его, по свидетельству Лукиана,[33] принес из Скифии в Финикию с повестью Адониса богослужение солнцу.

Наконец, древний Геркулес, если, противу мнения некоторых писателей,[34] и не был полунощный уроженец, по крайней мере странствовал на севере и был предок скифского племени: сожитие его с сиреною, породившею Агафирса, Гелона и Скифа,[35] разбившие лигуров[36] в полунощной стране, покрытой мраком и снежными облаками, довольно сие подтверждают. Если же примем еще за истину обитание на севере Атласа и Гесперид, то исчезнет затруднение чрезвычайно дальних и неимоверных от западной Африки на край севера путешествий его для свидания с Атласом, похищения гесперидских яблок, освобождения Промефея и других, около полунощных пределов Азии подвигов и странствований его. Не одни в письменах свидетельства древних руководствуют нас к заключению о жительстве Атласа близ Ледовитого моря, в небесах оставили они предание свое. Начертание звездной сферы, представляя Геркулеса в полночном отделении, явственно свидетельствует о подвигах его в странах, к северной оси земного шара прилежащих; где помогал он сыну Япета поддерживать свод небесный, на оной обращающийся.

Здесь почитаю пристойным изложить причины, заставившие древних перенесть от севера на запад все достопамятнейшие в их преданиях упоминаемые урочища. Не подвержено никакому сомнению, что в древности имели все к Гомеру беспредельное уважение: он был первый историк, первый землеописатель; его свидетельство так уважаемо было, что часто один стих его решал тяжбу между городами и народами, спорящими о границах своих.[37] По истечении многих веков ученые того времени люди, читая в Одиссеи, что Гомер заставляет путешествовать Улисса в стране, всегдашним мраком покрытой и никогда солнцем не освещаемой, хотя видели, что черты сии какую-то полнощную страну означали; но поелику от севера с Грециею граничило Черное море, по причине варварских народов, на берегах оного обитающих, негостеприимным (ἄξενος) названное,[38] то заключили они, что Улиссу там проходить было невозможно; и что Гомер страну, вечною тьмою покрытую, определял на западе: ибо думали, что там должна царствовать вечная ночь, где солнце на закате своем перестает освещать вселенную.[39] Сия неоснова-

[33] Lucian de dea Syr. loc. cit. Rudbek de Atlant. t. II. Bailly lettres sur l'Atlant. Lettre XV.
[34] Rudbek, tom I.
[35] Herodote. Liv. IV, chap. X.
[36] Strabon. Geogr., liv. IV.
[37] Voyage d'Anacharsis. Tom. I, page 85.
[38] Pline. Liv. IV, chap. XII.
[39] Bannier, t. V, page 17.

тельная мысль час от часу более утверждалась, а, наконец, по примеру вкоренения всех суеверных преданий сделалась общепринятою, неоспоримою истиною. В последствии времени любопытные люди старались отыскать на западе места, описанные Гомером. Никакое затруднение не удерживало догадок там, где еще наука соображения не озаряла светильником своим страны, населенной неисчетным множеством наглых вымыслов и малым числом скромных истин. Пролив между Италиею и Сицилиею получил название Скиллы и Харибды;[40] самая Сицилия почтена была страною циклопов[41] и Фринакиною.[42] Остров Липари превратился в жилище Эола, бога ветров;[43] Кампанийские поля — в пустыню Киммериан;[44] в Италии мыс Цирцелло — в низкий и пологистый остров волшебницы Цирцеи.[45] Греки часто пере-

---

[40] Страбон удостоверяет, что Гомер выдумал их по поводу предания о Сианейских скалах, у Константинопольского пролива находящихся! Odyssée Trad. T. II, p. 230. Bannier, t. V, p. 17.

[41] Odyssée Trad. T. II, p. 50.

[42] Все вообще ученые признают Тринакрию, то есть треугольную, за Сицилию, несмотря на то, что Гомер называет остров сей не Тринакриею, но Фринакином и островом Солнца. Odyssée, песнь XII, ст... Trad. T. II. p. 213. Никто не хотел исследовать разницы между Фринакином и Тринакриею. Сумнение, что Гомер под сим названием не Сицилию, но какое-нибудь другое место разумеет, оправдается тем, что он Сицилию под собственным ее именем знал и упомянул оное два раза в Одиссее: Одиссея, песнь XX, ст... Trad. T. III, p. 185. Песнь XXIV, ст... Trad. T. III, p. 334—528.

[43] Odyssée Trad. T. II, p. 102. Lettres sur l'Atlantide, p. 251. — Греки, говорит г. Бальи, присваивающие их отечеству все предания, перенесли остров Эола в Липару.

[44] Г. Бальи в письмах своих об Атлантиде говорит: «Итак, были киммериане в Азии: когда они оттуда вышли, то был народ сего имени близ Меотического залива; а когда сии варвары перешли в Италию, то равномерно сыскиваем киммериан близ Бейи и Пузолы». См. Lett. sur l'Attlantide, page 344. Я, напротив того, думаю, что киммериан в Италии никогда не бывало; что имя их перенесли туда те, которые хотели определить в Аверне врата адские, и для того мысленно переселили туда народ сей, чтоб не поразноречить с Гомером. См. Bannier, t. V, page 19.

[45] Почтенный переводчик Гомера г. Битобе в примечании своем об острове Эейском говорит: «Цирцея, гора неподалеку от Формии. Гомер называет его островом для того, что окружающие болота и море делают ее полуостровом. Он придает оному название Эеи затем, что относит к нему все то, что известно было об Эеи Колхидской». Г. Битобе, кажется мне, придает тут Гомеру собственное свое мнение. Он продолжает: «Страбон думает, что Гомер, зная все, что повествовалось о Колхиде, как то: плавание туда Язона и все басни о Медее и Цирцее и об их волхованиях, произвел их от одного рода, хотя одна обитала на краю Черного моря, а другая на берегах Италии. Цирцея есть баснословная богиня: стихотворцы имеют право присваивать одному лицу повествуемое о другом». См. Odyssée Trad. T. II, page 108. Вот заключения о Гомере грамотных людей! Несправедливость оных по сему предмету подробнее доказана в бредах моих на досуге, которые скоро суждению ученого света представлены мною будут.

меняемым поселениям своим старались давать известные по песням Гомеровым названия мест. Таким образом, вся землеописательная система изменилась; а с прочими урочищами и гора Атлас перенеслась из севера, вечным мраком покрытого, на край западной Африки, и живущий в ней сын Япета, сего предка скифов, преобращенный в арапа, принужден был на весьма низких горах, поддерживать небо под знойным поясом, в стране ежедневно солнцем посещаемой!

Итак, когда отвергнув сии ложные понятия, видим, что отец богов, образователь небесной сферы, изобретатель огня, установитель в Финикии богослужения солнцу, — все сии знаменитые мужи суть северного скифского происхождения, то можно ли не положить в общем отечестве их источника всех познаний, пролившегося в полуденные страны? Особливо же когда, по свидетельству греков, и сам Аполлон, сей бог вещественного и умственного света, родился от северянки, обитал в полунощном крае и был наставником жителей оного, посвятивших себя служению его; а наконец, когда знаем, что даже высокомерные индейцы признавали, что брамы их пришли от севера, что они изъявляют к оному и поныне почтение свое многотрудными богомольными туда путешествиями [46] и тем подтверждают ясно, что не токмо Греция, но и все южные пределы земли северным сиянием озарилися.

Я доказал сие историческими, неприметно под перо мое скопившимися свидетельствами; равномерно доказывают сие иносказательные древние басни: известное о Фениксе,[47] чрез триста лет из пепела своего возрождающемся, предание заимствовано южными народами от северного края. Ибо в Эдде,[48] богословской книге готфов, о такой точно птице упоминается. Сия басня, неполно изображающая возобновление года, пополняется там повестью о Фреи,[49] позволяющей супругу своему оставлять ее 65 дней с тем, чтобы последние 300 дней пребывал он ей верным. Удивительное сходство сего дней числа — разделения с изображением Януса,[50] державшего в одной руке трехсотное, а в другой шестьдесят пятое число, доказывает, что как басня о Фениксе, 300 лет живущем, так сие Януса изображение, и вообще счисление дней года заимствовано от северной страны, имеющей почти неудобопостижимое южным народам сведение

---

[46] Gentil, Memoires de l'Academie pour l'an 1713, Hist. gener. des Voyages. Tom XXV.
[47] Herodote dans Euterpe.
[48] Olaus Rudbek, de Atlant. Tom II.
[49] Там же.
[50] Macrobe sat. Liv. I, chap. IX.

о крайнем пределе земли, лежащем под 71 градусом, где солнце скрывается 65 дней в году.

Скажут иные, что в соседстве страны сея за чрезмерною стужею не можно было обитать древнему в науках столь много сведущему народу. На сие, с Плинием минувшего века,[51] возражаю, что причине первобытного знойного состояния земли, повсеместных волканов и пожаров, оставивших на ней неизгладимые следы,[52] первое сродное человеку обиталище долженствовало быть почти около самой северной оси; что долговременная ночь была тогда отрадна, и нынешние полуночные морозы весьма умеренно прохлаждали воздух. Неоспоримым сему доказательством служат отыскиваемые в Сибири слоновые кости [53] и находимые в окаменелостях виды растений, ныне в самой только горячей стране прозябающих. По истечении множества веков прохлаждение северного края, склонением еклиптики [54] или уменьшением внутреннего огня земли причиненное, заставило полунощных жителей неприятно ощущать прежде отрадное отсутствие солнца, замечать времена отлучки его, оплакивать оное в баснословной временной смерти Адониса, столь сходственной с Озирисовою смертию,[55] и оставить о сем свои замечания в баснях о Фениксе и Фреи; замечания с продолжения веков, родившие между ими звездочетную, древнейшую умозрительную науку. С большим прохлаждением земли усилившиеся на севере непогоды породили тамо все необходимые человечеству открытия, как то: изобретение огня, хранение оного в храмах Весты, богини света, хлебопашество и прочие знания, нуждами порожденные. А наконец, нестерпимые морозы и умножение народа [56] принудили северных жителей, убегая отечественного края, разнесть в южные, умеренно прохладившиеся пределы с знаниями своими предание о золотом Сатурновом веке и обожание солнца или огня.

Все сии природы и преданий свидетельства, обнаруживающие столь естественное от севера к югу народов и наук переселение,[57] достаточны для доказательства, что в позднейшие времена Греция заимствовала знания свои от полунощных народов, между которыми одни только гипербореане, предки

---

[51] Buffon volum des époques de la nature.

[52] Spielman chimie fournoy chimie. Tom III et Bergman, manuel mineral § XXII.

[53] Pallas hist. des decouvertes. Tom I, page 63, 309—317; tom II, page 54—185. Memoires de l'Academie de Sciences pour l'an 1727.

[54] Phisique du monde, tom I et tom II, partie II.

[55] Bailly lettres sur l'Attlantide, lettr. XV.

[56] Journandis, hist. des Goth.

[57] Bailly, Astronom. Am. Liv. IV, § X.

наши, столь преимущественными знаниями отличались. Собственное самолюбивой Греции признание подтверждает истинну сию: Пифагора[58] за превосходство его мудрости сочла она, как выше сказано, Аполлоном Гиперборейским; и божеству сему единоплеменного Абариса, принесшего из Скифии в Лакедомон богослужение Прозерпины, порожденной богинею хлебопашества, приобщила к числу семи мудрецов своих.

Во оправдание сих, знаниями своими гордящейся Греции, столь уничижительных мнений, скажу, что прежде меня, учением знаменитые в Европе люди, как-то: Олаус-Рюдбек, Бальи и многие другие, доказывали, что науки и просвещение воссияли от северных стран, где они полагали славный в древности остров Атлантидский.

Таковое чужеземными беспристрастными писателями древней отечественной стране нашей присвоение колыбели оных знаменитых Атлантов, первых просветителей вселенныя, подкрепит, я чаю, мнение мое о происхождении знаний от полунощного природного нам края; оно, может быть, остановит презрительную улыбку, с которою иной греческой мудрости почитатель взирал на старание мое произвесть древнее наше родоначалие от славных оных гипербореан, ближайших потомков Атлантиды.[59]

Что же касается до истинных отечества любителей, то я ласкаю себя надеждою, что они извинят меня за сие, несколько пространное о северном происхождении наук начертание, которым желал я возвратить принадлежащее предкам нашим достояние и унизить гордость кичащихся пред нами ученостию своею народов.

Теперь обращаюся к менее важному, настоящему предмету моему; и постараюся доказать сходство древней греческой музыки с простонародным русским пением.

В новейшие времена два знаменитые ученостию мужа Кирхер и Бюрет по долговременном исследовании теоретической части древней музыки успели перевесть, посредством таблиц Алипия, с древних музыкальных знаков на нынешние ноты часть гимна Немезиде и одну оду Пиндарову, которая как в разделении своем, так в выходках и в хоре, а наиболее в общем вкусе пения похожа на одну древнюю русскую хорную песню.[60] Всяк мыслящий человек, испытывающий причины вещей, имеет право вопросить: каким образом пение славного гре-

---

[58] Diod. de Cic. Pausan. Liv. III.
[59] Bailly lettres sur l'Attlantide, lettr. XXIV.
[60] Предисловие о народном русском пении, писанное в 1790 году. Н. А. Л.

ческого стихотворца, забытое в отечестве его, перенеслося и удержалося одним преданием слуха в толь отдаленном простом народе? Не благоразумнее ли будет заключить, что оно, как слуху русскому свойственное и коренное, родилось и осталось здесь; а в Грецию быв перенесено, имело участь всего не природою впечатленного, но заимствованного по произволу.

Наконец, способность наших неграмотных простолюдинов, без руководства, без правил, и одною токмо точностию слуха водимых, сочинять правильными, гладкими, разномерными стихами сказки и песни, сообщать последним напев, располагать хором, где всякий голос идет своею чертою, а вообще составляет ту ученую часть парафонической музыки, которой нигде и в европейском народе не слышно; повторяю, не обинуясь, что толико отличная способность к пению, обнаруживающая некоторый чудный врожденный дар и тонкую разборчивость уха, тем меньше заслуживает презрение просвещенных и ученых людей, что, может быть, она есть драгоценный наследственный остаток древнего Аполлонова наставления, сообщившегося от нас дальнейшим странам и обогатившего те самые народы, от которых мы ныне раболепно заимствуемся.

Но скажет иной: как возможно, чтобы народ, просветивший Грецию науками, музыкою и стихотворством, дошел до такого во всех сих частях невежества, в каком коснел он до начала минувшего столетия?

Ответ на сие весьма незатруднителен. Вопрошающий да воззрит на отечество египетских мудрецов; мохом поросшие пирамиды свидетельствуют токмо о суетности и гордости владычествовавших над ними фараонов. Да вопросит наследников древних халдейских звездочетов о течении небесных светил. Они покажут ему по дикой степи руками опустошителей разметанные своды храма наук. Пускай вопросит потомков Платона, Пиндара, Зевксиса и Праксителя о мудрости, стихотворстве и изящных художествах, которыми предки их отличались: они зазвенят оковами, отягочающими руки их. Пусть взглянет на собственное отечество свое и скажет: куда девались мудрые и миролюбивые агрипеи,[61] берега Волги науками, художествами и торговлею у просвещенных греков прославившие?

Время снедает все; но иногда погибшее из праха выводит опять на позорище мира, величит и новым блеском и славою покрывает. Се нынешний жребий любезного отечества нашего:

[61] Herodote. Liv. IV, chap. XVI. Pline. Liv. IV, chap. XII.

из мрака невежества рукою Великого Петра оно выведено на свет; премудрою преемницею престола его вознеслось на высокую степень величия новыми лучами наук, новым велелепием и славою увенчалося; ныне под кротким скипетром монарха, соименитого завоевателю Азии, возносит оно победоносными лаврами обвитое чело над всеми, от цепей им освобожденными державами Европы. Мы видели, как сей новый северный Геркулес поразил не оную Лернскую, малый предел Греции устрашавшую, но неизбежною пагубою всей вселенной угрожавшую Галлскую гидру; видим теперь с восторгом, как по примеру знаменитого своего предшественника, прародителя скифов, приносит он из полунощи благотворную оливу и мирными ветвями ее осеняет спасенную им Европу.[62]

Кто не удивится толико неимоверному возвеличению любезного отечества нашего? Нельзя без изумления видеть, как в толь короткое время отличилось оно в полезных знаниях и художествах. Нельзя не ощутить в таких успехах наследственного российскому племени дарования, сообщенного ему от предков, ко всем познаниям способных. Сколько потребно было веков соседам нашим к достижению просвещения, которое, по примеру баснословного скорого созревания жатв гиперборейских[63] в один век посеяно, созрело и теперь уже богатую жатву представляет!

Так по наружности темный и грубый камень скрывает врожденные семена света: коснется ль ему закаленное железо, в мгновение испускает от горящие искры, которых ни мрамор снеговидный, ни златом испещренный лазурь породить не могут.

В глыбах отечественных остается еще драгоценное, до сего времени презираемое семя. Пора, кажется, произрастить оное и, обогатя язык наш новым благогласием стихотворства, доказать, что мы не уступаем ни в каком совершенстве ни современным, ни древнейшим во всей вселенной почитаемым народам; пора доказать, что в большом и малом круге, мы оправдываем заимствованную от предков славу имени нашего.

Повторяю в заключение, что не надеюсь заслужить от соотечественников моих упрека за сие древности нашей изыскание, которым, как слабым жезлом, старался я поднять хотя уголок завесы веков, знаменитость рода нашего покрывающей, и купно

---

[62] Удостоверяют, что Геркулес из Скифии принес в Грецию оливное дерево.

[63] Pline. Liv. IV, chap. XVIII.

желал представить любопытный отломок ветхого памятника в виде, достойном внимания тех, кои презирают все отечественное и не хотят ведать, что для мыслящего человека не презрительно ничто, из чего полезное или приятное извлечь можно; а тем более предпочитательны быть должны собственные богатств и красот источники, которыми никакому чуждому народу мы не одолжены.

Из числа сих представляется нам коренное российское стихосложение. Не трудно каждому разборчивому слуху почувствовать преимущественную пред иностранными приятность оного и красоту. Но в недавнем времени, обременя почтенных слушателей моих скучным сего предмета изложением, не смею теперь возобновить оного; прошу только позволить мне, для лучшего и удобнейшего убеждения в истине моих заключений, представить несколько кратких примеров русского коренного стихосложения, выбранных из творений знаменитых наших пиитов, не возгнушавшихся украсить песни свои отечественною собственностию.

Почтенный Михайло Матвеевич Херасков в Бахариане, изображая бурю и появление волшебницы, говорит:

Заревели ветры буйные,
Небеса, как ночь, нахмурились;
Зашумел вдали дубовый лес;
Тихи воды взволновалися;
Солнце бледно, тускло кажется,
Пыль бежит столпом с пещаных гор;
От громов дрожит кругом земля;
Освещают мрачность молнии.
Колесница вдруг явилася,
Колесница в сером облаке,
Парой страшных змей везомая;
Искры сыплются у них из глаз,
Пышет пламень из кровавых уст.

Приятный певец Ильи Муромца так начинает игривую русскую поэму свою:

Не хочу с поэтом Греции
Звучным гласом Каллиопиным
Петь вражды Агамемновой
С храбрым правнуком Юпитера;
Или следуя Виргилию,
Плыть от Трои разоренныя
С хитрым сыном Афродитиным
К злачным берегам Италии.
Не желаю в мифологии
Черпать дивных странных вымыслов.
Мы не греки и не римляне;

Мы не верим их преданиям,
Мы не верим, чтобы бог Сатурн
Мог любезного родителя
Превратить в урода жалкого;
Чтобы Леды были курицы
И несли весною яица;
Чтобы Поллуксы с Эленами
Родились от белых лебедей.
Нам другие сказки надобны;
Мы другие сказки слышали
От своих покойных мамушек.
Я намерен слогом древности
Рассказать теперь одну из них
Вам, любезные читатели,
Если вы в часы свободные
Удовольствие находите
В русских баснях, в русских повестях,
В смеси былей с небылицами,
В сих игрушках мирной праздности,
В сих мечтах воображения.

После сих приятных слуху краткомерных русских стихов да позволено мне будет представить в пример несколько оных длиннейшего размера не для сравнения в красоте с предыдущими, но для показания, каким образом русского коренного состава стихи могут по произволу сливаться с ямбическими, ныне общеупотребляемыми стихами. Я извлекаю пример сей из Оссиановой поэмы Картона.

Фингал, выслушав повесть Клессамора о плачевной кончине супруги его Моины, говорит:

Я видел сам огромные Балклутские башни,
Но пусты уж, оставлены их теремы были,
Пожрал огонь с оградою высокие кровы.
Народа глас не слышался, и стремленье Клуты
С стези своей свратилося твердых стен паденьем,
Седой волчец сребристую там главу возносит,
И мох густый колеблется дыханьем ветра.
Из окон лишь пустынны выглядывают звери
Сквозь темный лист в развалинах разросшегось терна.
Уж пусты днесь прекрасные чертоги Моины;
Вселилося безмолвие в дому ее предков.
Возвысим песнь уныния; воздохнув, оплачем
Страну иноплеменную, опустевшу ныне:
Единым лишь мгновеньем она пала прежде;
И нам уже стареющим скоро пасть приходит.
Почтс ж, о сын крылатых дней! почто зиждем башни?
Сего дни ты любуешься с теремов высоких;
А завтра вдруг налетевши пустынные ветры
В разваленных сенях твоих засвистят, завоют
Вокруг полуистлевшего щита славных предков.
Но бурный ветр пускай ревет;
Дней наших славы не убудет:

В полях сражений век пребудет
Десниц победоносных след,
А в песнях бардов слава наша.
Возвысьте громкой арфы глас;
Да вкруг обходит празднеств чаша
И радость да живет средь нас,
Когда, о царь златых лучей!
И твой навеки свет затмится;
Коль путь твой в небе преградится.
Гордящеесь светило дней!
Коль временно твое блистанье,
Как жизни преходящей цвет:
То славы нашея сиянье
Лучи твои переживет.

Ежели чтение кратких извлечений сих неприятно показалось почтенным слушателям, то в заключение повторяю искренное желание мое, чтобы ныне, когда отечество наше превознеслося славою над всеми царствами земными, не презрели мы собственности его в богатствах словесности и перестали подражать древним, а наипаче современным чужеземцам, которые теперь должны за честь себе поставить быть нашими подражателями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Отдавая изыскание о гипербореанах в Беседу любителей русского слова, исключил я многие примечания, дабы не утопить в оных сочинения моего.— Теперь признаю нужным поместить здесь некоторые из них для сильнейшего убеждения читателей в вероподобности предлагаемых мною догадок.

[a] Геродот называет четырех сих гиперборейских дев: А р г а, О п и с, Г и п е р о к а и Л а о д и к а.[64] — Калимак именует их: У п и с, Л о к с о и Г е к а е р г а.[65] — Замечательно, что Аполлон и Диана равномерно назывались Гекаергами.[66] А последней и имя У п о с присвояемо было. — Кажется, все имена сии греками по их повальному обыкновению переведены без всякого злоумышления для запутывания истинны повествований. — Девы сии, по свидетельству Диодора Сицилийского,[67] происходили от царского бореанского поколения: ибо предок их, хотя, по-видимому, весьма ветреный, был царственный первосвященник сего знаменитого народа. — В Делос приносили они начатки жатв [68] и скончались в сем острове, где воздаваемы были им весьма великие надгробные почести. — Тамошние девицы пред вступлением в супружество обрезывали клоки волос и полагали оные на их гробнице; равномерно жены в честь их про-

---

[64] См. Геродот, кн. IV, § XXXV.
[65] См. Калимак. Hym. in delum., vers. 292.
[66] См. Court de gébelin Hist du Calend, page 347.
[67] См. кн. II.
[68] Дары сии не должны быть уничижаемы, ибо в Фракии и Пеонии никогда не приносили жертв царь-девице Венде (царственной Диане) без употребления пшеничной соломы.

сили милостыни и пели гимн, сочиненный славным Оленом Ликийским.[69] — Невозвращение дев своих гипербореане, приписывая нарушению священных прав гостеприимства, решились посылать приношения свои в Делос, передавая оные разным народам, а именно: по удостоверению Павзания — однооким или кривым аримаспам; сии доставляли их Пиедонам, чаятельно на Донце обитавшему народу,[70] от которого передаваемы были они скифам, к Черному морю прилежащим, которые препровождали их в Синоп; откуда греками пересылаемы были в Фракию для доставления чрез Афины в остров Делос.[71] Геродот местопребывание сих самых народов точно так постепенно от Черного моря к северу определяет.[72] Хотя же о существовании гипербореан, принимая имя их в строгом значении, за бореем или за севером живущих, равно как и о круглости земли несколько сумневается, но свидетельство Гомера и Гезиода, о них упоминающих, приводит.[73]

[б] Соответственно мнению Плиния, искусный в землеописательной науке знаменитый певец Энея, гипербореан и горы рифейские в полунощных пределах полагает. Вот слова его: «Так под севером живут необузданные гиперборейские народы, рифейским эвром обуреваемые и кожами диких зверей покрывающие тела».[74] В другом месте подтверждает то же: «Как свод небесный и земля подымаются к Скифии и Рифеи, так, сжимаясь, опускаются к Австру».[75] Наконец, изображая горесть Орфея о смерти Эврherидики, говорит: «Уединен, проходит он льды гиперборейские, танаиские снега и рифейские, вечными туманами покрытые поля».[76] В подкрепление преданий сих должен я сказать, что греческое название Днепра о пребывании гипербореан на вершинах оного довольно гласно свидетельствует. Греческое имя его Борисфен βορασθεν, составленное из слова βορέας, бореас, и частицы θεν, фен, принадлежность изъявляющей, значит: борейский, северный, полунощный. — Даже нынешнее название оного Днепр, означающее мрачный δνοθερός дноферос, отечество за ним живущего народа под мрачным небосклоном указует; и чаятельно само Черное море от него же заимствовало свое имя.

[в] Здесь, руководствуясь мнением г-на Дасье, почитаю нужным заметить, что имя гипербореан не должно означать народа, выше борея или за севером живущего, но, так сказать, весьма северного. — Греки предлог ὑπέρ выше, употребляли часто для сообщения прилагательным словам превосходительной степени. — Они говорили ὑπέρπικρος выше горкого вместо πικρότατος весьма горкой, самый

---

[69] См. Геродот, кн. IV, § XXXV.

[70] ἧσσον — иссон, по-гречески значит меньший; исседон может означать меньший Дон, Донец. — Река Дон названа греками Танаисом, кажется, не по собственному имени, но в относительном смысле: ибо ταναίκυς Танаикись значит долгий, далеко простирающийся. — Река сия в народном имени Исседонов, по-видимому, сберегла истинное свое имя.

[71] См. Павзаний, in att c. 31.

[72] См. Геродот, кн. IV, §§ XIII. XXVII.

[73] См. там же, §§ XXXII, XXXVI.

[74] Talis Hyperboreo septem subjecta trioni, gens effrena virum Rhipaeo tunditur Euro, et pecudum fulvis velatur corpora saetis. — См. Георг., кн. III, ст. 381.

[75] Mundus ut ad Scythiam, Phipaeasque arduus arces consurgit: premitur Libyae devexus in Austros. — См. Георгики, кн. I, ст. 241.

[76] Solus Hyperboreas glacies Tanaimque nivalem arvaque Rhipaeis nunquam vidnata pruinis lustrabat... — См. Георгики, кн. IV, ст. 517.

горкій; ὑπέρξηρος выше сухого, вместо ξηρότατος весьма сухий и так далее.[76a] Впрочем, весьма легко могло случиться и то, что греки, слыша о народе севера, и в позднейшие времена имя свое сохранившим, назвали народ, за оным живущий, засеверянами.

г Метон, астроном афинский, жил 432 года прежде р. х. и в то время обнародовал девятнадцатилетний круг, по истечении которого полнолуния приходят точно в прежние дни, так что солнце и луна находятся опять в одинаком небесном положении; ибо таковый круг луна совершает только два часа и 6 минут позднее солнца. — Знаменитый ученостью г-н Бальи не доверяет, чтобы Метон был изобретатель сего лунного, по имени его прозванного круга, потому что оный известен был уже в Индии, в Китае и у гипербореан.[77] Северным народам приписывает г-н Бальи первые звездочетные изобретения. Вот слова его: «Птоломей в календарях своих говорит о наблюдениях восхода и захождения звезд, учиненных под небосклоном, где день продолжается 16 часов, то есть под 49 градусом широты земной. — Север Европы находился тогда в варварстве, может статься не был обитаем, а конечно неизвестный. Наконец, мы представим неоспоримое событие, которое, кажется, сообщает совершенное доказательство собранным нами до сего вероподобностям. — Книга Зороастра есть закон всей Западной Азии, учебная книга Персии и части Индии; — из оной почерпнули мы большую часть звездочетных Персии сведений, находящихся в сочинении сем. — В книге той читаем, что должайший летний день вдвое больше кратчайшего зимнего. — Эта черта определяет часть земли, где Зороастрова книга сочинена и где сей древний любомудр собирал сведения, от него нам перешедшие: шестнадцатичасный токмо небосклон, то есть страна, где должайший день имеет 16, а кратчайший 8 часов, наблюдению сему соответствовать может».[78]

Извлечением сим желал я оправдать предание о посещениях Аполлоновых гипербореан по девятнадцатилетним срокам, а равномерно подкрепить еще новым свидетельством заключение почтенного г-на Бальи о заимствовании Метоном важного звездочетного круга из преданий гиперборейского, по делфийским сношениям, уже небезизвестного народа.

д О преимущественной знаменитости предков наших славян пред прочими северными народами неоспоримо свидетельствует имя ‹их›, от славы происходящее. Без истинного достоинства не могли бы они присвоить, а кольми паче удержать оного. — Точное значение имени сего доказывается ясно тем, что переведенные греками названия Энеты, Авхаты, Кавхи, Алазоны и прочие сколь ни различны, все от корней слава, или соответственное оной понятие означающих, происходят. — Разительные же, превратностям менее подверженные признаки древнего родоначального племени нашего просвещения остались в усовершенствованной простоте отечественного языка, без всяких каких-либо позднейших исправлений до нас дошедшего. — Усовершенствование сей, так сказать, первобытной простоты оного доказывают: 1-е — присвоение родам слов различных окончательных букв;[79] 2-е — означение падежей изменением букв; 3-е — различение дей-

---

[76a] Dacier. Trad, des odes. Примечание на XII оду II-й книги.

[77] См. Hist. delástr. anc. ulaiv. liv. VII, § VII.

[78] См. Astr anc. liv. IV, § VIII.

[79] При весьма малом исключении для мужеского рода все согласные буквы или твердый знак ъ краткое и: человек, дом, ручей и прочие; — для женского рода буквы а и мягкий знак ь: жена, мать, вода, грусть и прочие; — для среднего рода буквы о, е и я: молоко, желание, дитя, время и прочие.

ствиями главных однокоренных глаголов;[80] 4-е — весьма ограниченное число времен в спряжении оных.[81] — А наконец 5-е — многообразное различие действий предложенных глаголов.[82]

Смею утвердить, что ни весьма обработанные греческий, латинский и ни один даже из ныне очищенных разнонародных языков такою обдуманною, естественною простотою и богатством, как природный наш, похвалиться не может.— Сей твердый, обширный и великолепно художною рукою украшенный памятник древности свидетельствует гласно о изящном просвещении соорудивших оный; — а как известно всем, что усовершенствование языка есть роскошь просвещения, то можно с основательностию предположить, что науки, нужды облегчающие, были уже весьма известны сему северному народу, имя славного, конечно, по достоинству стяжавшего; которое позднейшие потомки его, несмотря на коловратность времени, как победоносными подвигами, так вообще просвещением в течение одного токмо века толь решительно оправдали.

е Здесь мог бы я привесть еще в свидетельство некоторые народные наши игры, пляски и прочее, напоминающие: одни — хранение необходимого на севере огня, древнейшее богослужение Весты; другие — отрадную встречу весны, в басню о выходе Тезея из лабиринта превращенные; но опасаясь подробностями отвлечь внимание читателей моих от главного предмета, предоставляю для изыскания мелочных, любопытных преданий нашей древности особенное в последующих бредах моих место.

ж Случилось раз, что у друга моего, покойного Николая Александровича Львова, собравшиеся родственницы и приятели пели простонародную песню «Высоко сокол летел»; в то самое время входит известный превосходными музыкальными сочинениями Сарти; он останавливается, слушает со вниманием; наконец примечают его и перестают петь. — Он осведомляется о имени сочинителя и получает в ответ, что это простонародная русская песнь. — Удивленный, просит он о повторении оной. — Превознеся похвалами отменного музыкального рода сочинение сие, удивляется искусству поющих столь, по мнению его, трудный хор. — Ему отвечают, что нет ничего легче и что простонародные певцы поют оный с такою же точностию. — Сему ученый музыкант никак верить не хочет. — Спустя час; просят его выйти на широкий двор, где 12 гребцов, нанятых покойным графом А. А. Безбородком, пели хор сей. — В изумлении почтенный Сарти перебегал от одного певца к другому, вслушивался и по окончании песни признался, что был свидетелем делу неимоверному; что по грубости голосов невозможно было предположить такой точности в исполнении; тем более, что певцы, каждый особенно, не наблюдали в напеве своем определенных каждому голосу нот; но часто переменяли оные без нарушения общего стройногласия в хоре. — Он уверял, что для изучения оного нужно

[80] Как например: долговременное стрелять, одновременное стрелить, кратковременное стрельнуть и учащательное стреливать.

[81] Долговременное имеет только три времени — стреляю, стрелял, буду стрелять. Одновременное только два — стрелил, стрелю. Кратковременное тоже только два — стрельнул, стрельну. А учащательное только одно — стреливал.

[82] Возьмем для примера глагол ставить; предлогами разнообразится он восемнадцать раз: в — ставить, воз — ставить, до — ставить, за — ставить, на — ставить, над — ставить, о — ставить, об — ставить, пере — ставить, по — ставить, под — ставить, пред — ставить, при — ставить, про — ставить, рас — ставить, со — ставить, и у — ставить.

было бы лучшим итальянской оперы певцам употребить целую неделю по написанным на каждый голос нотам; но что спеть толь трудный хор без наблюдения оных почитал невозможным. — Вопрошается теперь: каким чудом невозможность сия преодолевается простонародными русскими певцами, ежели не приписать оного наслушанности с детства и некоторой природно-наследственной способности, перешедшей от древнейшего предка к позднейшему потомку.

[3] Сравнение сего предложить здесь в примерах я не осмеливаюсь, ибо сочиненные мною эксаметры покажутся, как и показались уже, злоумышленными. — Таковых же стихов, точного спондео-дактилического размера ни у одного из наших соотечественников, греческим и латинским пиитам подражающих, отыскать я не мог; равно как и примера сафического и алкейского, столь выхваляемого размера стихов, поелику, за недостатком в языке нашем к оным необходимых спондеев, сочинять их весьма трудно.

‹ПИСЬМО ПЕРВОЕ К С. С. УВАРОВУ О ЭКСАМЕТРАХ›

Милостивый Государь мой
Сергей Семенович!

С чувствительным, с одной стороны, удовольствием получил я письмо ваше, сопровождающее перевод г. Гнедича эксаметрами шестой песни Илиады. Оно удостоверило меня, что я вами еще не забыт, а с другой стороны, представьте неприятное мое положение: вместо благодарности я должен обратиться к вам с упреками за убеждение достойного преемника Кострова уклониться с пути, благоуспешно им протекаемого, на весьма преткновенное поприще, как я усмотрел сие из вашей с ним переписки, в XIII Чтении Беседы любителей русского слова помещенной. Весьма прискорбно мне разниться в мнениях с человеком просвещенным и душевно мною почитаемым; еще же того неприятнее входить с ним в спор о важном предмете словесности, взаимно нам любезной. Но вы сами вызываете меня на сей, хотя не кровопролитный, но весьма щекотливый поединок. — Отказаться от оного не позволяет мне священный долг защищать справедливость; сколь ни чувствительно видеть друга в состязателе моем. Что же делать? — По примеру многих доблестных древних рыцарей, со взаимным друг к другу уважением, мы сразимся за преимущество прелестей милых нам красавиц. Отягощенный старостию, хотя вижу я все надо мною преимущества витязя, в цвете и силе мужества противу меня ополчающегося; но измены данному раз навсегда к защите прав любезной обету и седины рыцаря извинить не могут. Итак, приняв всеоружие и щит, мы должны пред лицом беспристрастных и просвещенных обоего пола судей, собравшихся в дружескую беседу, выступить на ратное поприще отечественной словесности и решить важную нашу прю убийственными силлогизмами.

Во-первых, для доказания правости подвига моего, сообразуясь древним добродушным единоборцам, я обвиняю вас в том, что вы злоухищренным витийством предуспели уклонить от союза моего почтенного г. Гнедича и преклонить его на совершенно противную мне сторону. Я должен возвергнуть на вас единственно всю вину таковового его непостоянства. Свидетельствуюсь им самим, что я первый предложил ему продолжение Кострова перевода Илиады; по дружеской его ко мне доверенности ободрял осмотрительную его скромность при начальных опытах в сем многотрудном, но блистательном поприще; и даже предсказал ему лестную похвалу, которою беспристрастные любители русской словесности одобрят труды его. Я не обманул юного подвижника в предвещании сем; и он протек уже две меты при всеобщем рукоплескании и уверениях, что не уступит он преимущества предшественнику своему, столь благоискусному в красотах отечественной словесности. Вдруг обратили вы его хитросплетенным суемудрствованием на стезю, утоптанную вечной тяжело стихо-слагательной памяти сочинителем Тилемахиды! — Поступок сугубо злоумышленный и для меня и для г. Гнедича, а наипаче для читателей его. — Теперь после сего предварительного вас обвинения устремляю с дерзостию противу нападчика перо, омоченное в чернило, и надеюсь, что правость подвига подкрепит старостию отягощенную руку мою.

Вы желаете, чтоб г. Гнедич перевел Илиаду эксаметрами. Но что возразите мне, если доказана вам будет совершенная в том, по коренному свойству русского языка, невозможность?

Известно всем и каждому, занимающемуся стихослаганием, что эксаметры, по примеру Омировых, непременно составляются из шести дактилей и спондеев; что первые четыре меры могут по произволу перемешиваться теми и другими; но пятая и шестая должны неминуемо быть, та дактиль, а окончательная спондей. — Известно также без наималейшего сомнения, что русский язык последними весьма скуден. — Сие замечено первоначально бессмертным Ломоносовым. — В письме своем о правилах российского стихотворства предполагая, что известный ссылочный пиит Овидий писал в Томах стихи на славянском языке, он говорит: «Следовательно, гексаметры, употребляя вместо спондеев, для их малости, хореи, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

> Счастлива, красна была весна, все лето приятно...
> Только мутился песок, лишь белая пена кипела».

И в сих, приведенных им в пример эксаметрах великий наш пиит, зная истинное свойство русского языка, вместо окончательных спондеев поставил хореи. — Он чувствовал, сколько

протяжные ударения первых противны слуху нашему; и для того во всех приведенных им родах стихов о употреблении спондеев умолчал. — Соответственно тому впоследствии и неутомимый, школьно-преученый г. Тредиаковский, испытав истину сию, написал тяжелую свою Тилемахиду хорее-дактилями; да и сам г. Гнедич принужден был в размере стихотворном повиноваться сей необходимости.

Для доказательства на деле, что нашему языку дактило-спондеические стихи вовсе не свойственны, принужден я, прося у вас и у всех почтенных слушателей моих прощения за оскорбление чувствительного уха, представить пример правильных эксаметров; а дабы посредством сравнения облегчить суд о важном сем предмете, решился я подражать в оных началу перевода г. Гнедича шестой песни Илиады.

Страшную битву народов оставил бессмертных богов сонм:
В поле же, тамо и тамо, свирепый сраженья шумел вихрь.
Часто стремили отважны бойцы изощренную их медь,
Между брегов Симоиса и Ксанфа ревущих вдали струй.
Первый, Аякс Теламонид, Данаев твердейший скалы щит,
Прорвал ряды фригиян и на греков веселья простер луч,
Мужа низвергши, Эвсорова сына, и фракских вождя сил,
Страшного крепостью мышц Акаманта. — Вознесши копье, вдруг
Тяжко по шлему, у конского гребня, врага поразил он;
Шлем проломило насквозь, и проникло до кости чела вглубь
Медное жало; и очи геройские вечный покрыл мрак.

Вот истинные дактило-спондеические экзаметры, которые вы желаете вводить в русскую словесность! — Ежели слог в приведенном примере покажется вам грубым, жестким и принужденным, то покорнейше прошу не подумать, что сие учинено мною с умышленным преднамерением нелепостью выражений исказить благозвучие стихов: нет, клянусь вам совестью, что я желал дать слогу моему всевозможную плавность; необходимость оканчивать каждый стих несвойственными языку нашему и тяжелыми в произношении ударениями спондеев единственною тому причиною; — и я осмеливаюсь решительно вызвать самого лучшего нашего витию на многотрудную попытку преложить стихи сии Омира таковыми же правильными эксаметрами с желательною чистотою и благозвучностью слога. — Удостоверенный в разборчивости слуха вашего и всей почтенной Беседы, равно как и в изящности вкуса относительно к стихотворному благогласию, несомненно надеюсь я, что после первого, а чаятельно и последнего выслушания правильных моих эксаметров никто не одобрит введения оных в отечественную словесность: ибо для прочтения без отдыха строки, весьма

часто из семнадцати слогов составленной, надобно иметь отлично сильную грудь; а слушать вечно каждый стих, начинающийся долгим ударением, таковыми же двумя и неминуемо односложным словом оканчивающийся, потребно быть снабжену отменно дебелыми и к повторению протяжных звуков нечувствительными ушами, которых никто в согражданах своих предполагать, конечно, не согласится.

Но вы возразите мне, «что привычному к чему-либо уху все новое кажется странно, а часто и нелепо, что размер Омировых стихов, удивление просвещеннейших мужей в течение толиких столетий привлекающий, не может быть груб; что одна токмо новость и закоренелая навычка к другим размерам заставляют почитать оный жестким и тяжелым».

На сие ответствую беспристрастно: 1-е, что, не зная Омирова языка, не могу судить с точностью о степени приятности на оном эксаметрических стихов. 2-е, что разные языки имеют различные свойства, может быть, на греческом спондеи отличаются особою приятностью, но русскому они совершенно противны и не сродны. — Естественным тому доказательством служит весьма малое оных число, находящееся в нашем языке, столь изобильном, напротив того, пиррихиями и трибрахиями.

Ежели истины сии уважены будут, то дерзну подвинуться далее в преткновенном и опасном моем пути: дерзну усумниться и в существенной приятности эксаметров, на отечественной их греческой почве Омиром насажденных.

Подражая известному примеру бессмертного Мольера испытывать красоты комических его творений на оселке непросвещенного вкуса простолюдинов, направляемого попечительною природою прямее к истине, читал я правильные эксаметры мои не упражняющимся в чтении стихов соотечественникам нашим и даже чужеземцам. Все вообще признавались, что от шаршавой прозы отличают их единственно по начальным и окончательным, протяжностью своею весьма чувствительным, тяжелым и неприятным ударениям. — Не то ли самое действие произвело бы над ними и чтение греческих эксаметров! — Правда, что однозвучные парные рифмы наших александрийских стихов в продолжительном чтении могут утомить слух; но не менее того и беспременные окончательные дактило-спондеи должны показаться оному весьма утомительными.

Если прощено будет мне сие злопосягательное намерение заставить соотечественников моих усумниться в благозвучности Омировых эксаметров, то истина и любовь к русскому слову поведут меня еще к большому буйству. — Омир был, есть и пребудет несравненным творцом. — Картины его величественны, естественны и разительны. — В прозе или в стихах они восхи-

щают души и умы; они ж большею частью, по мнению моему, и сообщили тяжелому и однообразному размеру стихов его столь многоуважаемую приятность: превосходные красоты мыслей и изображений присвоили оному свою превосходность. — Омир был единственный и пленительный образец для последовавших ему сочинителей. — Он был отец стихов, а известно всем, с каким древле подобострастием потомки подражали священному знаменитых предков своих примеру. — Всяк, с благоговением созерцая красоты кисти неподражаемого живописца, старался сообразоваться оным раболепно, и изверг был бы тот, кто дерзнул бы заметить в оном и самомалейший недостаток. — Теперь Ноевы дети стали просвещеннее: казнь Хамова не устрашает их. — Зачем же и нам, позднейшим преемникам наследия отца стихов, не открыть наготу почтенного нашего предка и не вопросить: были ли прежде его певцы, приятнейшим размером стихи свои составлявшие? — Не играли ль они токмо на однострунной лире, по подобию некоторых нынешних африканских дикарей? И Омиру, опятиструнившему оную, не поставили ль потомки алтарей из благодарности за сие важное усовершенствование? — Известно, что весьма долго после его Греция была погружена во мраке глубочайшего невежества. Спустя сто лет по смерти певца Ахиллова принесены в оную бессмертные его творения Ликургом; знаем также, что премудрый Солон предписал законы, как должны быть они читаны в общественных собраниях; что знаменитейшие празднества торжествовалися пением стихов его и что, наконец, во многих местах самому ему воздвигнуты были храмы.

Таковое обожательное благоговение заставило и потомственных греков почитать стихи Омировы святынею. Размер оных привлек равное уважение и до сих пор подражательно восхищает людей, обыкших с юношества, по школьному назиданию, удивляться всему, что ни видят в толь знаменитом творце. — Как? — Поелику играл он на пятиструнной лире, то Давиду должно было бы разбить десятиструнную свою Псалтырь: а нашим сиренам предать инквизиционному аутодафе усовершенствованные пятиоктавные арфы? — Как? поелику древле в Греции играли трагедии в двуличных масках, то надлежит и нам изгнать из театра естественным на лице изображением страстей пленяющих нас Семеновых? Нет, я думаю, что на таковое пожертвование никто теперь не согласится. — Что же воспрещает и любителям отечественной словесности вместо слепого во всем подражания древним искать для усовершенствования русских стихов свойственного им приятнейшего размера, ежели наскучили нам рифмы и смешение ямбов с пиррихиями, спондеями и амфибрахами, а хореев с пиррихиями, анапестами и

амфимакрами, из которых большей частью составлены нынешние наши александрийские и других родов стихи.

Вы сами к тому подаете повод, любезный мой противоборник! В письме вашем к г. Гнедичу, объясня сухость, неприятную одномерность александрийских с рифмами стихов, вы говорите: «Прилично ли нам, русским, имеющим, к счастью, изобильной метрической просодией наполненный язык, следовать столь слепо предрассудку? — Прилично ли нам, имеющим в языке сии превосходные качества, заимствовать у иноземцев беднейшую часть языка их, просодию, совершенно нам несвойственную?». — Там же вы присовокупляете: «Если мы хотим возвысить достоинство нашего языка, если мы хотим достигнуть до того, чтоб иметь словесность народную, нам истинно свойственную, то перестанем писать или переводить эпопеи александрийскими стихами. — Если же мы не возвратимся к истинному характеру нашего языка, если не сделаем метрической системы, на самом гении языка основанной, если мы не будем иметь способа воскресить просодию древнего нашего стихотворства, то без сомнения опасаться должно, что в весьма коротком времени наша поэзия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу». — Вот слова ваши, истинным чувством преимуществ отечественного нашего слова перед прочими европейскими языками вам внушенные. — Все до сих пор сказанное вами было совершенно согласно с моими мыслями; — но с каким удивлением увидел я, читая далее, что вследствие вышеприведенных истин советуете вы г. Гнедичу переводить Илиаду эксаметрами; удостоверяя его, «что читающие Омира в подлиннике возрадуются, услышав отголосок его бессмертных песней!».

Я доказал уже, и без сомнения, насчет чувствительного к благозвучию слуха, приведенным мною в пример образчиком истинных дактило-спондеических эксаметров, сколь несвойственны они нашему языку. — Г. Гнедич, удовлетворяя желанию вашему, перевел шестую песнь Илиады дактило-хореическими стихами, видя, конечно, совершенную невозможность писать на русском языке правильными эксаметрами. Стало быть, он уже совратился с пути, Омиром приложенного. — Об избранном им роде стихосложения не позволяю себе обнаружить моих заключений: они могут показаться пристрастными; скажу только, что и принятый им размер представляется мне не совершенно свойственным русскому языку и что окончания каждого стиха дактило-хореем по единообразности ударений утомительны для слуха. — Впрочем, если г. Гнедич позволил себе отличный от Омирова размер эксаметров, то повторяю вопрос: что запрещает нам, сообразно собственному вашему

мнению, постараться изобресть как для эпопеи, так и для других родов стихотворства размеры, свойственные нашему языку? — Зачем не попытаться нам сделать метрическую систему, на самом гении языка нашего основанную?

Вы видите, что вырвав копье ваше, собственным вашим оружием поразить вас желаю. И вы догадываетесь теперь, конечно, к чему клонится мысль моя. — Так, признаюсь откровенно и, не боясь, по любви к отечественному слову, даже осмеяния, которому новостью предложения моего подвергнуть себя могу, повторительно признаюсь, что желал бы побудить любителей словесности нашей, более меня в оной искусившихся, к изысканию в размере народных наших песней метрического, свойственного языку нашему стихосложения. — Весьма давно уверился уже я, что мы имеем богатую оного отечественную руду, в презрении несправедливо оставляемую, для разработки которой не сыскался только до сих пор истинно ревностный и от предрассудков освобожденный ископатель. — Весьма давно — ревнуя поревновах — по славе природного слова и решился сделать померный силам моим опыт русских стихов, переложа отчасти размером простонародных песней одну небольшую поэму Оссияна. Я даже осмелился показать труд мой почтенному и всем любителям словесности нашей незабвенному творцу Россияды, а также приятному и плавностию слога отличному сочинителю Марфы Посадницы и некоторым друзьям моим. Они благосклонно приняли попытку мою; но я все не отваживался передать плод оной книгопечатному тиснению, опасаясь, дабы лютые критики не взяли и самого меня в их мучительные тиски.— Теперь, ободренный несколько примером творцов Бахарияны и Ильи Муромца, а наипаче видя опасность, введением иноземных эксаметров словесности нашей угрожающую, предпочел я за усердие к отечественному слову лучше претерпеть посмеяние, чем не сделать для защиты оной шага, могущего искуснейшим писателям показать тропинку, ведущую к богатой отечественного золота жиле, в предосудительном для нас самих пренебрежении оставляемой.

Ласкаю себя надеждою, что если я, рожденный в стране, где истинное русское наречие не в общем употреблении, скупо от природы стихотворческим даром наделенный, в древних языках вовсе несведущий, а и в современных весьма мало искусившийся, мог приобресть, хотя слабое снисходительных любителей отечественной словесности на новом поприще оной одобрение, то, без сомнения, достигнет она в благомерности стихов до высочайшей степени совершенства, ежели природные русские, отличных способностей писатели, заохотятся образовать метрическую систему, столь изобильного, благозвучного и красотами

всех родов слога преисполненного языка, перед всеми прочими отличающегося тем разительным преимуществом, что находит в себе великое число коренных многоразличных и особенных стихоразмерений, оставшихся, по-видимому, от глубокой древности в простонародных наших песнях. Может быть, мы слышим в них подражание отголоскам Бояна, сего позднего потомка тех знаменитых Иперборean, о которых даже до крайности самолюбивые греки сами повествуют, что Аполлон, ежегодно посещая их, гостил от весеннего равноденствия до восхождения Плеяд, научал музыке, а без сомнения, и стихотворству, в древности неразлучным. Мы открываем в народных песнях наших множество различных, приятных и к изображению всякого рода чувств и картин способных стихослагательных мер. Между греками за изобретение одной какой-либо из оных Алкеи, Сафо, Гликоны, Асклепии удостоивались бессмертной похвалы. Горациево сего рода тщеславие известно всем: введение алкейских стихов в латинский язык почитает он подвигом, здание египетских пирамид превосходящим! Нам, напротив того, стоит только раскрыть презираемый поднесь ковчег отечественного сокровища, и мы найдем в оном множество образцов, красотою греческим не уступающих. Я надеюсь, что наконец почувствуем мы достоинство собственности нашей и ободренные отысканными в хладной Сибири богатыми золотыми рудами и драгоценными каменьями постараемся искать стихослагательных драгоценностей в отечественной словесности; и сравнивая оные с чужеземными, предпочтем те, которые нашему языку более свойственны. — За долг поставляя подать к тому соразмерный силам моим повод, решаюсь я предложить здесь малый сравнительный опыт перевода стихами русскими начало той самой шестой песни Илиады, который перед сим сообщил я в правильных эксаметрах. — Выступая перед толь просвещенным собранием на позорище в смуром кафтане, в кумачной рубахе и с шапкою в руках для возглашения русским размером Омировых стихов, уверен я, что явлюсь перед людьми, которые не по платью встречают. Итак, поклоняся добрым людям, как водится, и разгладя бородку, начинаю размером простонародной песни «Как бывало у нас, братцы, через темный лес» повесть о кровопролитном греков и троян сражении:

Удалились светлы боги с поля страшных битв,
Но то там, то там шумела буря бранная.
Часто ратники стремили копья медные
Меж потоков Симоиса и у Ксанфских струй.
Первый, отрасль Теламона, греков щит, Аякс,
Ободрил их, разорвав ряды фригийские
И низвергнувши фракийских сильных войск вождя,

Акаманта, сына мощного Эвсорова,
В шлем, у конского он гребня, поразил врага.
Копье, шлем с челом пробивши, углубилось в кость,
И тьма вечная покрыла очи витязя.

Теперь, свеся нижайший поклон, стою и ожидаю суда, как будет принято русскими русское стихосложение? — Ежели почтенные слушатели поусумнятся в решении, то покорнейше прошу предложить им для сравнения повторительное чтение выше помещенных моих эксаметров. И я уверен, что они, не дождавшись оного, предпочтут природный русский склад, хотя неискусною рукою обработанный, и не захотят поругаться над соотечественником своим.

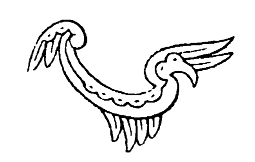
Если надежда моя не обманет меня и если малый опыт сей удостоится несказанно лестного мне почтенных слушателей одобрения, то с достоверностию скажу, что можно составить множество русских мер, свойственных стихам эпопеи и другим повествовательным творениям. — Для доказательства осмеливаюсь представить краткий отрывок в простонародном сказочном слоге:

Жил царь, и прижил он с царицей три сына и три дочери;
Две старшие — красавицы, каких и под небесью нет:
Одна из них — орлиной нос, глаза, как угль, и бровь дугой;
Другая — розов цвет с лилией и ряд зубов, как бисерки;
А третья дочь — мала, смугла, с горбом, уродом родилась.
Два старши сыновья — красавцы, удалы, добры молодцы;
А последний — карло ростом, ножки в пядь, башка с котел. —
Любовалася царица красотою дочерей;
Сыновьями-молодцами величался доброй царь.
Приходили с сватовством к ним юные царевичи,
Из дальних стран могучие, славные богатыри;
Насмехалися над ними гордые красой царевны;
Никого себе достойным не считали быть они;
И какой-нибудь противный в каждом видели порок:
Тот умен и храбр отлично, да невежлив, неуклюж,
Другой пригож и мил и ловок, но зато голо кой плох. —
С гневом и стыдом съезжали все с двора широкого;
Опустел он многи лета без ожиданных гостей. —
Царь с царицей все ласкались видеть лучших женихов;
Ждать пождать они царевнам суженых; — но ах! — уже
Протекает год за годом, а сватов как нет, так нет.
В одиночестве скучают гордые красавицы;
А добрый царь с царицею, то видячи, грустят, скорбят;
И кличем женихов скликают уже из отдаленных стран;
Бессчетно серебра и злата сулят в придано дочерям:
Драгова жемчуга, камений и всяких узорочий тьму;
Но ни один жених не едет на широкий царский двор.
Часто царь грустит с царицей; часто думу думают,
Как бы им к мужьям пристроить постарелых дочерей?
Наконец, зовут на терем старших двух своих сынов;
Посылать хотят их в царства, во страны далекие,
Чтоб царевнам обыскали там достойных женихов.

Но я слишком заболтался и опасаюсь, не вывела ли меня любовь к отечественному слову из осмотрительной осторожности не употреблять во зло долготерпения снисходительных господ членов и посетителей именитой беседы сей.

Позволяется проповеднику наскучать прихожанам своим продолговатым казаньем; ибо по крайней мере три двери отворены для выхода; но в собрании, откуда благопристойная вежливость из уважения к хозяевам и к почтеннейшим гостям возбраняет преждевременно отлучаться, вития должен внимательно наблюдать на лицах слушателей своих движение зевательных мускулов и уметь заградить уста свои прежде, чем оные у них чаще и шире обыкновенного растворяться станут. — Повинуясь правилу сему, из осторожности останавливаю чернилоточивое перо мое. За отличное счастье почту, если предположения мои удостоятся лестного почтеннейшей Беседы любителей русского слова одобрения: таковый успех побудит меня к новым, для пользы нашей словесности, подвигам. — Но также весьма приятно будет мне узнать, что истинно почитаемый мною покровитель эксаметров, переменив об них мысли свои, пожелает ту красоту, плавность и живность, которою отличаются стихи его на чужеземном языке, перенесть в отечественный и тем усугубить в оном число превосходнейших творений.

Вот, почтенный и любезный соперник мой! вот последний и решительный удар, который наношу вам в единоборстве нашем; если вы и против его устоите, то признаю себя побежденным; но и тогда по примеру ж древних добродушных рыцарей встану с земли, стряхнуся, протяну вам руку и, обняв, попрошу, чтобы вы продолжали любить меня по-прежнему и уверены были о истинном моем к вам почтении и душевной преданности, с которыми пребуду навсегда и проч.



‹ПИСЬМО ВТОРОЕ К С. С. УВАРОВУ О ЭКСАМЕТРАХ›

Милостивый государь мой Сергей Семенович!

Со вниманием слушал я в Беседе ответ ваш на письмо мое, любезный защитник эксаметров! Прочитывал его потом несколько раз, желая убедиться доводами вашими; но, признаюсь, к прискорбию моему, остался в прежнем неверии. Это происходит от упрямства, заключил я; дрожди предубеждения бродят еще в понятии моем; должно дать им время выдыхаться и гуще отстояться; авось либо тогда чистее покажется мне истина, представляемая почтенным и просвещенным противоборником моим. Так подумал я и повиновался внушению благоразумия. Проходят восемь месяцев; из шумной столицы возвратился я в тихое сельское уединенное мое жилище; равноденствие предвозвещает весну, которой стихотворное влияние прогоняет зимнее равнодушие мое к музам, и в старости моей еще мне любезным. С тягостным чувством нетерпеливости, видя медленное приближение весны, я приглашаю их поспешить ко мне с нею и в ожидании приятного посещения, так беседую сам с собою:

Весна коснит, а дни бегут
  и нашу жизнь уносят;
Беспечно парки, знать, прядут,
  но и зимою косят!
Ах! сколько, старец я, друзей,
  друзей младых, любезных
Покрыл уже сырой землей
  и пролил токов слезных!

—

Им жить было, а мне зачем
  влачить век мрачный, скучный?
Хариты с ними ночью, днем
  бывали неразлучны;
Ко мне ж болезнь, забота, скорбь
  приходят на беседу

И все еще грузнее горб
   седому вьючат деду.

В дому ли скук влачу часы,
   дом пахнет уж пустыней;
Вот сад, как старость мне власы,
   его так пудрит иней;
Там гнет он вяз на утлом пне,
   как старца гнут уж годы,
И, как под шубой кровь во мне,
   под льдом так стынут воды.

Но вот они опять с весной,
   как из пелен, прорвутся;
Деревья с прежней красотой,
   вновь в зелень облекутся.
А мне весна, хоть прийдет вновь,
   не усладит печали,
Мне младость, резвость и любовь,
   навек «прости» сказали.

Но нет, прийди, весна! — цветы
   на травку брось зелену;
Хотя спрямить не можешь ты
   мне спину, в крюк согбенну,
Хоть в свете счастьем мне своим
   нельзя уж наслаждаться,
Так вспомня прежнее, чужим
   я стану утешаться.

Музы, по-видимому, подслушав трогательный монолог мой, не появлялись. Вот этому всему причиною проклятые ямбы, проворчал я. И впрямь, ими только сатиры острить можно, а не улещать прекрасных Аонид. Любезные сестры они гречанки. Попытаемся приманить их соотечественным размером стихов; и чтобы лучше приголубить, заведем о их самих речь, повторим песни их; авось либо на свой отголосок откликнутся поскорее. Ободренный надеждой сей, решился я. Потер несколько раз лоб и мысленно переселяся в окрестности Геликона, так возгласил вслух тоном приятным и мерно протяжным:

В рощице слушал я песни их: Сын Афродиты, любви бог! —
Тако воспел хор муз, и по роще неслися слова их. —
В мире тебе все подвластны; все жертвы приносят тебе в дар.
Дий сам, Дий громомет, днесь сердце тебе покоряет.
Смертных отец, бог, грозным единым бровей помизаньем
Зыблющий вдруг свод неба и мир, днесь к богу любови,
Юною девой прельстясь, длань с кроткою взносит мольбою:
Милый Эрот! ... воспали страсть... в нежной...
. . . .
. . . .

Сколько проспал я часов, не могу объявить вам наверно; только скажу, что, проснувшись, вместо музы увидел пред собою горнишну девушку, тихо стоящу и умилительно держащу

Большую трубку с табаком,
Котора длинным чубуком
Была похожа на хорея.
Итак, надежды не имея
Привлечь ко мне ретивых муз,
Я с прозой заключил союз;
И вновь пускаюсь наудачу
Решать метрическу задачу.
Всеухов[1] русских льзя ль ушам,
Изнеженным под теплой шапкой,
Подбитой часто куньей лапкой,
Привыкнуть к греческим стихам? —

Извините, любезный противоборник мой! что вновь вызываю вас на поединок, долженствующий решить по крайней мере между нами, свойственно ли языку нашему паки введение изобретенных трудолюбивым господином Тредияковским эксаметров? Мы оба русские и по вернейшим рода источникам потомки славян. Вы знаете, что послужившая к проименованию их слава приобретается только многотрудными подвигами. Ежели бы троянская война не продолжаясь девять лет, не принесла бы она грекам толь блистательной именитости. Русская словесность находится теперь в положении осажденного Илиона. С греческими дактилями, спондеями и хореями порываетесь вы вторгнуться в твердыню сию; я защищаю оную русскими, безымянными еще у нас ладами. Помню плачевную судьбу Гектора и победу Ахиллеса. Но, как тот, и предчувствуя уже погибель свою, не бросил копья на землю пред юным сильным витязем; так и я не позволяю себе малодушествовать и не бросаю пера моего, пока могу еще хотя слабо действовать оным к защищению отечественной собственности. Иной бы на вашем месте, слыша толь страшную угрозу и видя, что дело идет не токмо на убой, но, что хуже того, что неоканчаемую войну, после которой непременно должно одному остаться на месте сражения, иной бы, конечно, уклонился с оного и, дорожа покоем своим, оставил бы меня с поднятым пером, недоумевающего куда устремить оное; — но я знаю любезность нрава и образ мыслей остроумного противоборника моего. Для него забавна и занимательна состязательная беседа людей, взаимно друг друга почитающих, в которой признавшемуся побежденным скромный

[1] Греки отыскали на севере людей с такими длинными ушами, что оными все тело обвертывали; — по сему-то назвали их πανώτιες panotiens — всеухие. — Pliné, IV. Cap. 13.

Ареопаг вручает лавровый, а победителю токмо розовый венок. Просвещенный друг мой знает, что нет ничего скучнее потакайла, что приязненное словопрение не колет, а только щекочет слегка и острит ум, в бездействии притупляющийся. Итак, в полной доверенности на соответственность чувств наших, любезный мой противоборник! выступаю борзо на поприще сражения и наношу вам первый удар; вон он.

В ответе вашем на письмо мое, читанное в Беседе любителей русского слова, опровергая мнение мое в том, что греческие и латинские эксаметры, составленные из дактилей и спондеев, должны оканчиваться сим последним, и приводя извлеченную вами из Энциклопедии статью, утверждающую правило сие, восклицаете вы: Risum teneatis amici![2] Счастье для меня, что бо́льшая половина почтенных слушателей не поняли слов сих, в противном случае, каково было бы на сердце мне, дружелюбно возле вас сидящему, ежели бы они выразумели взывание ваше и, по сродному человеческой природе предконаследному свойству охотнее посягать на все запрещаемое, громогласно захохотали? Благодарение латини: на этот раз она спасла меня. После сего, опорочивая ту приведенную вами, удивившую вас нелепостию своею энциклопедическую статью, объясняете вы, что подписана оная «каким-то аббатом Малле». Каким-то! — Ах! почтенный состязатель мой! кто поверит таковому неведению вашему? Г. Малле весьма известен в французской любезной вам и обогащаемой вами словесности; все почти статьи в Энциклопедии, до стихотворства и красноречия относящиеся, принадлежат ему; и с основательностию заключить можно, что в сем изящном сборнике всеобщих познаний просвещенными издателями не были бы они помещаемы, ежели бы не заслуживали справедливого и достодолжного уважения. Знаменитый Дидерот, изложив предметы учености, которыми Г. Малле занимался, говорит: «Из подробностей, в которые вошли мы, видеть можно, сколько г. аббат Малле разнообразностию сведений своих и дарований принес пользы сему обширному сочинению и сколько одолжена ему Энциклопедия. Она не могла слишком быть ему одолженною».[3] Вот каким-то г-м Малле подписана статья о эксаметрах. Сочинениями своими весьма много руководствовал он к стихотворству и красноречию, в которых вы, на соотечественном ему языке столь блистательные успехи оказали; и вы хотите уверить нас, что человек, ученостию столь именитый в французской словесности, был вам

---

[2] Т. е. — удержитесь от смеха, друзья!

[3] См. Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences — discours préliminaire, pag. LXXI.

неизвестен! Вслед за сим, противуставя ему Эфестиона Александрийского и выписав из сочинения сего последнего решительный приговор: Hexameter est versus dactilicus, catalecticus,[4] — присовокупляете вы: «Но, вероятно, что ни г. Малле, ни его последователи сего не поймут». И в самом деле непонятно, как могли вы сделать такое заключение, не говоря о последователях г-на Малле, но о нем самом? В Энциклопедии слово (catalectique) каталектический самим им истолковано![5] Да кому оно даже из гимназийских, прошедших пиитику учеников не вразумительно? Вот к чему доводит нас пристрастие! Любезный состязатель мой! для возвеличения Эфестиона, грамматика александрийского, жившего в конце второго столетия, к векам невежества уже приближающегось, уничижаете вы мужа, в минувшем просвещенном столетии ученостию знаменитого, а вместе с ним всех любителей словесности, с мнением его согласующихся! Позвольте же мне в защиту г-на Малле, свою, а наипаче гомеровского и виргилиевского эксаметра, каталектическим или неполным, вами и г-м Эфестионом признаваемого, сказать несколько слов. Не переменяя вообще известного вам образа мыслей моих о существенном достоинстве стиха сего, намерен я только доказать, что истинный размер оного должен быть акаталектико-спондеодактилический.

Известно вам, что стихи суть стройно-мерная часть речи или речь; — вы знаете также, что все они без исключения были петы древними; а потому сообразно правилам музыки составлялись из определенного числа стоп уравненных мерою времени, или просто сказать тактами.[6] Посему-то краткие слоги назывались у них временем (tempus) и оными измерялись все различные меры стоп. Греки, или наставники их, для важного пения избрали четверовременную меру, состоящую из двух тактов, спондеические и дактилические стопы ограничивающую; а из шести таковых мер, или стоп, составили эксаметр, или шестимерный, двадцатичетырехвременный стих.[7] Для

---

[4] Эксаметр есть дактилический неполный стих.

[5] См. Encyclopedie, ou dictionnaire raisonné des sciences.

[6] Первоначально размер (rythme) музыки сообразован был в точности с размером стихов. — См. Barthelemy. Voyage du jeune Anacharsis, tome III, chap. XXVII, page 236, 249, 254. — Тоже см.: Encyclopedie, ou dictionnaire raisonné des sciences — au mot Rhythme.

[7] «Гомер и современные ему пииты употребляли обыкновенно героический стих, измеряемый шестью стопами, из коих каждая состоит из двух длинных слогов или из одного длинного с последующими двумя краткими. Таким образом, четыре времен или слогов составляли время стопы; а шесть таковых стоп — время стиха». — См. Voyage du jeune Anacharsis, tome III, page 237.

соблюдения музыкальной точности в четверовременной, двутактной мере принуждены были они изгнать из эксаметра полторатактные ямбы и хореи.[8] Дактили предпочтены анапестам, по-видимому, токмо для того, что начинать полным тактом более важности в пении представляли. Смешение же мер сих противно казалось плавному течению стиха по причине встречи рядом четырех скачущих пиррихиев. Вот, по мнению моему, единственное и существенное таинство составления эксаметров. Для доказательства полноты оных, оспариваемой г. Эфестионом, остается теперь определить точное значение слова каталектический (catalectique) неполный. Вы знаете, что оно не предполагает какой-либо неправильности, но означает токмо стих по правилу присвоенного ему размера, оканчивающийся не стопою, но слогом. Таковы суть анапестические,[9] архилохские меньшие,[10] чистые хореические,[11] некоторые ямбические[12] и архилохские стихи.[13] Древние писали оными целые сочинения. Доказательством тому служит прекрасная ода Горация, из таковых хореических и ямбических стихов составленная:

non ebur, neque aureum
mea renidet in domo lacunar.[14]

Хотя все стихи оды сей суть каталектические,[15] то-есть не стопою, а слогом оканчивающиеся, но они правильны по свойству избранного Горацием размера. Сочинитель погрешил бы весьма, прибавя в каком-либо стихе окончание стопы, несмотря на то, что оный тогда сделался бы акаталектическим, так сказать полным стихом. Из чего обнаруживается, что стих, оканчивающийся какою бы то ни было стопою, в число каталектических посвящен быть не может. А поелику эксаметр, как и самое название оного свидетельствует, есть шестимерный или шестистопный стих, из смешения

---

[8] Encyclopedie, ou dictionnaire raisonné des sciences — au mot Rhythme.

[9]
jam moesta quiesce querela, —
lacrimas suspendite matres! —
veniam mundo tempora justa.

[10] pulvis et umbra sumus.

[11] traditur dies die.

[12] mea renidet in domo lacunar-trahuntque siccas machinae carinas. — См. кн. I, ода IV — таковые поочередные стихи составляют половину всей оды.

[13] Cantemus Augusti tropaea.

[14] См. оды Горация, книга II, ода XVIII.

[15] См. Batteux. Trad(uction) d'Horace. Tome I, page XXXIV, XXXV. Edit(ion) 1768 in 12, livre 1, ode IV.

единственно дактилей и спондеев составленный, то и существенно правильный размер оного долженствует быть акаталектико или полностью спондеодактилический.

Но в возражение представляете вы мне, что в Гомере, Виргилии и в других славных древних пиитах эксаметры оканчиваются иногда и хореями. На сие ответствую, что о таковых стихах по вышеобъясненным причинам утвердительно сказать следует, что они даже и каталектическими признаны быть не могут, ибо между оканчивающихся спондеем, встречаясь в весьма малом количестве, то там, то там, без наблюдения в том какого-либо порядка, доказываются, что существованием своим одолжены они не правилу присвоенного каталектическим стихам размера, но произволу сочинителя; а потому могли бы поступить в число погрешных, если бы природа, из которой все правила почерпаются, не выводила их из сего уничижительного состояния. При окончании стиха голос читателя или певца для соблюдения такта естественно на кратком слоге хорея несколько протягивается или на время останавливается и тем уравнивает оный со вторым длинным слогом спондея. Сообразно сему греки употребляли в истинно каталектическом стихе даже молчания (паузы), но единственно при конце оного, для заменения недостающего слога.[16] Сей-то самый от природы заимствованный способ уравнения стихов руководствовал древних к правилу оканчивать эксаметры вместо спондеев иногда хореями. а не дактилями, ибо в последнем случае некоторое протяжение окончательного слога или остановка на оном вывела бы эксаметр из определенного музыкально<го> шестимерия или равного оному числа двутактов. Мнение сие наипаче подтверждается тем, что, как вы сами признаетесь, греки и римляне в средине эксаметра ни одного хорея не поставляли; без сумнения для того, что там невозможно было на втором слоге оного останавливаться; и это самое обстоятельство, чаятельно, причиною тому, что даже и г-н Эфестион, почитая эксаметр каталектико-дактилическим стихом, не позволяет оканчивать оный дактилем, но токмо (по точному свойству оного) спондеем или (по исключительному правилу) хореем.

Если русскому уху таковая насильственная растяжка окончательного в эксаметре краткого хореического слога, покажется странною, то в необходимости нахожусь изъяснить, что к сему преобразованию различные привилегированные вольности греческого и подражательного оному латинского стихосложения весьма легкий и удобный способ подавали. Вы знаете, что после гласной буквы, оканчивающей краткий слог, для превращения

[16] См. Encyclopedie, ou dictionnaire raisonné des sciences — au mot Rhythme.

ного в длинный стоит только поставить за нею слово, начинающееся двумя согласными буквами или протяжною гласною, которая тогда поглощает предыдущую краткую, как древний кит Иону, и, занимая место ее, преобразует краткий слог в длинный.[17] — Вам известно сверх того, что таковому поглощению подвержены не токмо гласные буквы, но целые слоги, как то: ат, ет и даже ит! [18]

Можно из сего судить,
   что пиитам греков
Стих легко было строчить,
   не боясь упреков.
Подражательны латины,
   с греков взяв примеры,
Часто бегали в Афины
   поверять их меры.
Греки всем закон дают,
   самы вольно жили,
Где хотели, там свой труд,
   как цари, легчили.
Все без спроса отвергали,
   принимали в дело;
И по прихотям ломали
   весь язык их смело.
Для сего прислужниц тьма
   вечно жили с ними:
Много ль надобно ума
   работать другими?
Нужно ль слово обезглавить? —
   дай знак аферезе; [19]
Хочешь голову приставить? —
   прикажи простезе.[20]
Гласных две пришлось делить? —
   вбьет клин диереза.[21]

---

[17] В сем стихе, например: nitimur in vetitum semper cupimusque negata. Существенно краткие слоги — tum, per, mus — превращаются в длинные по причине следующих за ними двух согласных букв.

[18] quod nisi et assiduis terrum insectavere rastris — должно читать: quod nis' et assiduis terr' insectavere rastris. — Вместо Troia virum et virtutum omnium acerba cinis читать надлежит Troia vir' et virtut' omni'acerba cinis. — Наконец скороговорка: quem modo qui me unum atque unicum amicum habuit — произносится следующим образом: quam modo qui m'un'atqu' unic' amic' habuit! Я должен сказать, однако ж, что таковое, как в последнем примере, умопоглощение и латинскими учителями пиитики не одобряется: они прожорам своим советуют умеренную диету, дабы не отяготить желудка.

[19] Афереза, усекая начальные слоги, позволяет вместо contemnere, depone, relinquere ставить temnere, pone, linquere.

[20] Простеза, напротив того, прибавляет передние слоги или буквы; вместо tuli, natus ставить tetuli, gnatus. Слого- и буквопришивательство сие делается для того, чтобы последнюю предыдущего слова краткую гласную произвесть в длинную.

[21] Диереза разделяет двугласную, ежели вместо одного слога понадобятся два; например, Silva, aula, vita, jam превращает в Silvae, aulae, vitae, iam.

Их спаять, два слога слить,
может с и н е р е з а.[22]
Вставя гласну, слог прибавить
дело э п е н т е з ы;[23]
Буквы скомкать, переставить
дрянь для м е т а т е з ы.[24]
Слово целое вместить
средь двусложна слова,
Стоит только попросить,
Т м е з а[25] вмиг готова.
Из средины выгоняет
гласные с и н к о п а;[26]
При конце слов подражает
в том ей а п о к о п а.[27]
Самовластно коротит
длинный слог с и с т о л а.[28]
Краткий где захочет длит
хитра д и а с т о л а.[29]
То ж, удвоя букву слога,
тон э с т а з а[30] тянет;
А к словам хвост п а р а г о г а[31]
ставить не устанет.

---

[22] С и н е р е з а любит союзить ближних; из сложных слов huic, cui делает односложные; dii сокращает в di.

[23] Э п е н т е з а вставливает в средину слов, для растягивания оных, гласную или целый слог; вместо alitum, nauta, sit позволяет писать alituum, navita, siet. От своевольства ее не избавилось и августейшее тытло Августа: вместо император поставила она индуператор: induperator — Juvenal.

[24] М е т а т е з а перемещает буквы, поставляя Tymbre, Teucre, corcodilus вместо Tymber, Teucer, crocodilus.

[25] Т м е з а уже не по одной букве или слогу в средину слов перемещает, но целиком слова; например, вместо subjecta septemtrioni позволяет ставить est Boreas regio septem subjecta trioni. По сей пиитической вольности можно было бы по-русски сказать:

Борей в странах п о л у владеет н о щ н ы х
Плутон живет в п о д недрах земных.

[26] С и н к о п а из средины слов выгоняя гласные, уменьшает в оных число слогов; вместо periculum, positus, vincula ставит periclum, postus, vincla.

[27] А п о к о п а усекает конечные слоги; вместо ingenii, regatii, exinde, dice позволяет ставить igeni, regati, exin, dic.

[28] С и с т о л а сокращает слоги; например, в слове steterumque второй слог te из длинного делает коротким: Obstupii, stetĕrumque comae et vox faucibus haesit.

[29] Д и а с т о л а, напротив того, протягивает короткие слоги; например, в слове amor продолжает mor. Omnia vinxit amor et nos cedamus amori. Может быть, сим пиито-хирургическим инструментом все в конце эксаметров встречающиеся с одною скорченною ножкою хореи вытягиваются в спондеи. Д и а с т о л — инструмент, которым лекари больные кости и корч растягивают.

[30] Э с т а з а, удвояя в слове букву, короткий слог превращает в длинный; вместо rĕligio, rĕperit, rĕtulit делает relligio, repperit, rettulit.

[31] П а р а г о г а к концам слов еще кончики пришивает; вместо amari, dici, ego, tu, quis, hic ставит amarier, dicier, egomet, tute, quisnam, hicce.

Из сих для нас толь странных и почти неимоверных посяганий можно заключить, что ни один молиерова века молодый маркиз не брал с провинциальными дамами таких вольностей, какие позволяли себе греческие и латинские стихотворцы с соотечественными музами.[32] — Нетрудно после сего заключить, что их пиитики учитель мог сказать всевластно: да будет в эксаметре окончательного хорея короткий слог длинным.[33] — И бысть; и хорей без всех вышеприведенных мною причин, по повелению педагога растянутый хирургическим диастолом, мог, превратясь в спондея, дополнять определенную *шестивременную акаталектического* эксаметра меру. Истина сия доказывается еще более тем, что, как вам самому известно, почти все окончательные слоги стихов можно по произволу произносить кратко или протяжно.[34]

Я изъяснил причину, по которой в окончании эксаметра хорей мог заменять спондея; но почему сего последнего наравне с полторазмерным хореем почитаете вы несовершенным дактилем, догадаться мне весьма трудно. — Все вообще занимавшиеся греческим и латинским стихосложением почитали спондея и дактиля равными. Из сего явствует, что, укорочая ножку первого, хотите вы поровнять с ним хорея, дабы оправдать дерзость г-на Эфестиона в признании каталектическими вообще всех гомеровых и виргилиевых эксаметров как спондеем, так и хореем оканчивающихся; а сему последнему дать право ‹быть› вытесненным в средину эксаметра и занять место спондея; но

О всех статьях сих можно удостовериться из грамматик, содержащих правила латинского стихосложения.

[32] См.: *Barthelemi*. Voyage du jeune Anacharsis, tome 8, page 317.

[33] См. выше примечание о диастоле.

[34] Следующий стих, например, можно размерить многообразно: Maecenas atavis edite regibus. См. Batteux, tome 1, page XXXII, livre I, ode 1.

— — | — V V | — — | V V — | V — |
— — | — V V | — | | — V V | — V V |
— — | — V V — | — V V — | V — |

Также и следующие: Qualem ministrum fulminis alitem. См. Гораций, кн. IV, ода IV. Vides ut alta stet nive candidum. Там же, кн. 1, ода IX. По сей-то причине во всех размерах латинского стихосложения окончательные спондеи перемешиваются без разбора и какого-либо определительного порядка с таковыми же *хореями*.

Можно разделить двсяко:

— — | V — | — — | V V — | V —
— — | V — | — | — V V | — V V

кн. 1, ода VIII можно разделить двояко.

— — — | — — | | —
— — | — | — | | —

таковое жестокое окалечивание сей равноногой стопы свойственно лишь какому-нибудь п р о к р а с т у[35] словесности, а не вам, любезный и чувствительный противуборник мой! Впрочем, если вы говорите о малом числе наших спондеев, коих судьба не решена еще, то сие доказывает только то, что у нас вовсе нет стопы, могущей с дактилем служить к составлению истинного древних эксаметра, отличающегося наипаче равенством частей и точностию меры времени.

Тут принужден я изъявить вам крайнее удивление мое, почему г. Эфестион почитает эксаметр существенно дактилическим стихом? — Проименование должно, кажется, зависеть от большего или меньшего числа разнообразных, употребляемых к составлению оного мер. — Не во гнев почтенному г-ну сочинителю Энкоридиона, а трудно прочесть просто дактилическим сии прекрасные стихи Виргилия, по одному токмо дактилу содержащие.

Illi inter sese multa vi bracchia tollunt[36]
Jamque ascendebant collum qui plurimus urbi[37]

или сей:

Quos ego: sed motus praestat componere fluctus[38]

в котором только два дактиля находятся; равно как и следующий, не говоря о многих других подобных овидиевым стихам.

Jam, jam non faciam versus carrissima mater.[39]

Ежели мать секла розгами Овидия за то, что сочинял стихи; если школьные педагоги секли иногда учеников за то, что дурно стихи сочиняли, то чему подвергся бы во времена строгих аристархов г. Эфестион, руководствующий к дурному сочинению стихов? — Признав побочного и потому изредка, но всегда последнее место занимавшего хорея законным сыном эксаметра, дал он г-ну Гнедичу повод не токмо вместить его в семейство оного, но часто поставлять на самом главном месте. — Сколь это пиитической нравственности вредно, всяк легко рассудить может. — И для того прошу вас, любезный противуборник мой! не всякому духу веровать. — У древних, а кольми паче у поздних потомков Августова века, были свои Тредиаковские, свои С м о т р и ц к и е.[40] — Не должно в подобострастном покорении

[35] П р о к р а с т, тиран в Аттике, по мере медной кровати вытягивал или отсекал у пленников ноги.

[36] См. «Е ‹неида›».

[37] См. «Енеида», песнь 1-я.

[38] См. «Енеида», песнь 1-я. То я вас! Только дай мне волны успокоить. См. Риторика Ломон‹осова›, стр. 204.

[39] См. — Уже, уже стихов не стану сочинять, любезнейшая мать!

[40] См. Соч‹инения› Ломоносова, издание 1778, кн. 2. Письмо о правилах российского стихотворства, стр. 5.

умов наших подражать пифагоровым ученикам, которые при вопросе: на чем основывают они какое-либо свое мнение? — решительно ответствовали: «Так сказал учитель».

Во оправдание мое, что, не зная греческого и латинского языков, осмелился я ввойтить в разбирательство эксаметра, должен заметить, что тут дело не касается до мыслей и выражений, но единственно до размера, так сказать, до музыки стихов, о которой всяк, имеющий хотя немного чувствительное ухо, вправе, кажется, судить, ибо, если по словам г-на Гнедича,[41] на которого вы ссылаетесь, и по собственным вашим, природа и поэзия имеют по одному только языку, то и сестра последней, музыка, должна иметь один же язык, слух у каждого еще более вразумительный.

Извините, любезный состязатель мой! ежели слишком долго занял я вас скучным изложением существенных правил героического стиха древних. Я желал, отразя клевету г-на Эфестиона, доказать правильность и полноту Гомерова спондео-дактилического эксаметра. Ласкаю себя надеждою, что вы как просвещенный любитель отца стихов извините мое в сем случае к вам самым противуречие, быв удостоверены, что поводом к оному служило мне чувство отличного моего к бессмертному певцу сему благоговения. — Ежели увлекаемый приятностью коренного русского стихосложения, признал и я эксаметр несовершенно благогласным, то за недостаток сей виню не творца «Илиады», а необходимость, в которой он, современник его Гезиод и, может быть, предшественники их находились[42] употреблять размер эксаметра, по-видимому, за неимением приятнейшего в природном их языке. Ежели бы дошла до нас музыка, которою на пятиструнной лире сопровождал Гомер неподражаемые песни свои, и если б она показалась нам теперь убогою и слишком простою,[43] то несправедливо было бы винить его за то, что не имел он десятиструнной псалтыри, предшественника его Давида или пятиоктавной арфи нашей, на которой нетрудно переходить из одного тона в другой, и таковою разнообразностию одушевлять стихи, различные страсти и картины изображающие. — При сем случае позвольте, любезный противуборник мой! сделать вам еще одно замечание: с негодованием видя, что я осмелился уничтожить эксаметр, говорите вы, «что даже не смеете вступаться за Гомера, дабы не возобновить в словесности страшных ересей Ламотта, Перальта и других». Слова сии ко мне, кажется, относиться не могут. — По-

---

[41] См. «Сын отечества», стр. 30.
[42] См. Bittaubé, trad. de l'Iliade. Remarques, tome 3, page 202.
[43] См.: Barthelemy. Voyage du jeune Anacharsis, tome III, page 249

именованные вами еретики охуждали не размер стихов Гомера, но мысли, картины его, нравы, обычаи представленных им богов и героев и даже самый основной чертеж «Илиады». Я, напротив того, торжественно удостоверя вас о величайшем моем к бессмертному певцу Ахилла во всех сих частях благоговении, осмелился признать не весьма приятным единственно размер стихов его. — Итак, это была не возобновляемая, но совершенно новая, буде угодно, ересь, от которой можно было бы вам отвратить меня ясным и основательным возражением. Вместо того к опровержению заключения моего ссылаетесь вы токмо, минуя прочих древних, на свидетельство знаменитого Аристотеля. — Достодолжно уважая оное, с вольностию, правом республиканства, в словесности самомыслию предоставленною, решаюсь заметить, что почтенный муж сей и прочие древние, не видя лучшего размера стихов, признали эксаметр превосходным, тем более, что оный превосходнейшим пиитом употребляем был. — Таковою признавали современники их и недавно родившуюся музику свою, новейшей нашей, усовершенствованной, уступить, конечно, долженствующую. — Орфей пел, сопровождая голос свой пятиструнною лирою. — Деревья и звери дикие с приятностию внимали ей. Амфион песнями своими заставил камни тронуться и чудесно сложиться в твердыни Фив. — Что это доказывает? — Единственно то, что певцы сии были первые и, может быть, не весьма пленительным само по себе пением восхищали уши, приятнейшей музики не слышавшие.[44] — Позвольте подкрепить истинну сию живым, в наши времена случившимся примером. Покойный князь Потемкин желал прибывших к нему для совещания о перемирии турецких послов позабавить театральным представлением. Они заняли места прежде знаменитого угостителя. — Оркестр начал строить инструменты. Приходит князь; увертюра возгремела. Начинается, продолжается и кончается спектакль с прекрасными оркестрными междудействиями. Хозяин спрашивает послов, которая из музыкальных пиес более им понравилась? — Ответ был: Первая. — К удовольствию их, князь велит играть увертюру. — Послы делают замечание, что это не первая, тронувшая их музика. — Повторяют игранную в начальном междудействии. — И то не первая! — Почтенный Сарти протестует, но ничто не помогает. — Князь приказывает повторить все музыкальные пиесы по порядку. — Начинают строить инструменты, и общее одобрение почтенных послов обнаруживает, наконец, что первая, протяжными и дикими звуками восхитившая их музика — была настройка инструментов! — Таким образом,

[44] См.: Barthelemy. Voyage du jeune Anacharsis, tome III, page 243.

пятиструнные лиры, первые размеры стихов и даже эксаметр Гомеров могли восхищать древних, не слышавших лучшей музыки и стихоразмерений. — Балалайка пленяла в старину вельмож наших и ныне прельщает русских простолюдинов, но не таковых же малороссийских, привыкших слышать повсеместно девятиструнные бандуры, которыми там слепые подражатели Гомера сопровождают повествовательные песни свои.

Но оставим Гомера и обратимся к существенному предмету нашему, к самозванцу эксаметру, представленному в кандидаты героического стиха г-м Тредиаковским, изгнанному еще при жизни ненадежного покровителя сего, а теперь вновь водворяемому в словесность нашу г-м Гнедичем и другими, впрочем, равно как и он, достойными уважения пиитами. — Опорачивая размер стихов их, упомянул я о Гомеровом единственно для того, чтоб доказать разительное оных различие и тем отнять у сих почтенных гг. поддельщиков средство присваивать составленному ими эксаметру знаменитость гомеровского и прикрывать музу свою величественною, пурпуровою туникою Калиопы, внушавшей певца Ахиллесова. Я хотел доказать, что муза их одета в робу, покроенную на старый германский образец истекшего столетия и цуриком окрашенную, тогда как можно было бы внушающей их богине, подражая древним нашим боярским дочерям, облачиться в наряд меньше жмущий тело, простотою сходный с греческим и окрашенный отечественным червецом, едва ли тирскому багрецу яркостию цвета уступающим.

Вы скажете, что в таком сарафане Калиопа похожа была бы на богатую цыганку, да и сам отец Гомер в соответственном ей одеянии показался бы каким-нибудь великокняжеским скоморохом. — Не верьте, любезный состязатель мой! — он показался бы нам Бояном, соловьем старого века[45] и восхитил бы нас громогласными своими песнями, без сумнения, приятнейшими даже тех, которым и витийственный певец Игоря подобострастно удивлялся. — Притом, что делать противу необходимости? — Языки по подобию различных небосклонов имеют существенно различные свойства. Гомер сам в России зимою не захотел бы ходить без шапки, сапогов и теплой шубы. — Русские стихи, по недостатку спондеев, сочинял бы другими мерами; и, без сумнения, отыскал бы в языке нового отечества своего новый плавнейший и приятнейший размер. — Вы сами подкрепляете сие заключение мое. Признавая, что «без собственных форм, языку нашему свойственных, нам никогда нельзя иметь истинно народной словесности», что «на изыска-

[45] См. Слово о полке Игоревом.

ние сих форм мы должны употребить всевозможное старание» и что, наконец, «русской язык имеет в своих древних памятниках» большое изобилие в метрических формах, но эта золотая руда еще в недрах земли сокрыта. Много надобно над нею трудиться, чтоб похи<тить> чистое золото и обратить в общее употребление. Прекрасное занятие предоставлено счастливым питомцам отечественных муз. — Следовательно, вы одних со мною мыслей относительно к богатству коренных стихоразмерений наших и к необходимости изыскивать еще недостающие образу, свойству отечественного языка. В одном только по сим предметам не согласны вы со мною. — Вы думаете, что много потребно труда для разработки сей золотой руды. — Позвольте мне удостоверить вас в противной заключению вашему истине. — Вы знаете, что дух русский идет исполинскими шагами. В одно столетие протек он поприще, которое другие народы едва ли шестью веками измерить могли. — Оставя прочие важнейшие предметы, обратим взор наш на ход занимающего нас ныне стихосложения. — До 1740 года все стихи наши писаны были польским размером. Предстал Ломоносов, и принесенные им из Германии ямбы и хореи, русскому языку более свойственные, изгнали в самое короткое время польский хореорифменный уряд, имевший к защите своей некоторых весьма достойных сочинителей, в числе которых превосходный сатирик князь Кантемир занимал почетнейшее место. — Ничто не помогло: ни закоренелое предубеждение, ни долговременная наслушанность, ни протесты школьно-ученых людей. Нововводимый размер восторжествовал, поелику действительно был и благозвучнее старого и свойственнее нашему языку. — До сих пор властвовал он исключительно. Теперь многие любители отечественной словесности, вникая в существенное свойство природного языка и в коренное народное стихосложение, несправедливо в презрении оставляемое, признают, равно как и вы, что словесность наша может весьма обогатиться сокровищами оного. — Первый к сему открытию шаг сделал друг мой, просвещенный любитель и любимец муз Николай Александрович Львов переводом песни Герольда Храброго, весьма одобренным покойною императрицею, не гнушавшеюсь коренными державы ее собственностями. С признательностию скажу, что ему обязан я первым знакомством с русским стихосложением. Пользуясь советами его, перевел я небольшую поэму оссиянову «Картона», поместя в оной для сравнения как простонародными песенными, так и общеупотребительными ныне размерами сочиненные стихи. Впоследствии почтенный Михаил Матвеевич Херасков, которому словесность наша столько обязана, поместил в «Бахарияне» много русского коренного размера стихов; также отличившийся при-

ятностию слога Николай Михайлович Карамзин сочинил первую песню поэмы «Илья Муромец» русским же стопосложением, но, к сожалению любителей словесности, не окончил оной. — Многие другие пииты начали употреблять коренной русский размер стихов весьма удачно; и нет сумнения, что ежели любимцы муз, пред метою стихотворческого поприща нашего неувядаемым лавром увенчанные, или столь блистательно протекающие оное М е р з л я к о в ы, Ж у к о в с к и е и другие им подобные заохотятся раскопать сию долгопрезираемую золотую руду отечественного слова, то в коротком времени доставят нам весьма много новоочищенного золота и обогатят словесность нашу прекрасными драгоценностями. — Может быть, согласитесь вы со мною в этой истине, но мало чрез то получу я успеха: вы все будете утверждать, что «Гомер в русском зипуне столь же вам противен, сколько в французском кафтане, что переводить Илиаду русским народным размером еще хуже, чем переводить ее александрийскими стихами, что должно стараться представить о т л е п о к творения Гомерова в духе оригинала, с его формами и со всеми отметками, что формы в поэзии неразлучны с духом, что между формами и духом поэзии находится та же самая таинственная связь, как между телом и душею, что обоюдное их влияние и действие формы на мысль, а мысли на форму так тесны, что никак нельзя определить истинных границ их, а еще менее расторгнуть их союз, не жертвуя тою или другою, что союз сей в поэзии древних еще сильнее нежели в стихотворениях новейших народов, ибо в греческой поэзии все формы изобретены так счастливо, определены так глубокомысленно, что состав их служит путеводителем в хранилище гения древности; что кто не чувствует изящности стопосложения Омера, Эсхила, Анакреона, Теокрита, тот теряет половину их красот; что если мы хотим иметь знакомство с древними и верные отпечатки их бессмертных творений, то должны со всевозможным тщанием и упрямством подражать формам их поэзии, дабы достигнуть до их духа; и что, наконец, блистательный опыт г-на Гнедича показал достаточно, что мы можем овладеть эксаметром; а потому, кто любит отечественную словесность, поэзию, тот порадуется и рукоплесканием будет ободрять поэта, расширяющего сферу нашей словесности».

Вы много тут сказали, любезный состязатель мой! Но этого недостаточно: должно было доказать. И в возражение позвольте первоначально заметить вам, что ежели слова ваши: «в греческой поэзии все формы и з о б р е т е н ы т а к с ч а с т л и в о, о п р е д е л е н ы т а к г л у б о к о м ы с л е н н о, что состав их служит путеводителем в хранилище гения Греции», — ежели важ-

ные слова сии относятся преимущественно к размеру Гомеровой поэзии, которую называете вы **первым** цветком Греции. то, кажется, противоречат они историческим истинам. — Гомер не был первый, а кольми паче глубокомысленный определитель эксаметра;[46] Гезиод, современник и состязатель творца Илиады, пел размером сим порождение богов и сельские упражнения. — В Греции не было тогда академий, и оба сии великие пииты не могли совещаться о определении правил эксаметрических. — Притом известно, что и до их времен греки ничего не изобретали: богослужение заимствовали они от пеласгов; письмена получили от них же или из Финикии, науки из Эгипта, врачебное искусство от мидян или кентавров; художества, чаятельно, с роскошью от персов, а поэзию, без сумнения, от фракиян.[47] — Известно вообще, что греки были весьма новый народ, скитавшийся по вершинам гор после потопа, последовавшего во временах скифа Девкалиона. — Самолюбивые греки вздумали потом присвоить отечеству их колыбель всех наук и художеств; а поздние народы, от них заимствовавшие оные, подобострастно утвердили притязание наставников своих. — Но время и наблюдательный взор, открывающий дальные, малые истоки знаменитейших рек... Я останавливаю перо мое, опасаясь, чтоб оно, подражая самолюбию греков, не заставило меня отыскивать опять родину наук и поэзии в стране, где перья сами с неба валятся.[48] — Итак, возвращаюсь к предмету нашему и, обнаружив, что эксаметр, выдаваемый за изящнейшую стихотворческую форму, ни изобретен, ни глубокомысленно определен греками, постараюсь доказать, что размер стихосложения не может быть отличительною **формою духа** пиитов. Гомер, Гезиод, Виргилий, Лукиан и Овидий писали одинаким стихоразмерением или, по вашему, **формами**; но они совершенно различны **духом**. — То же самое можно сказать о Тредиаковском и Гнедиче. — Ежели б кто-нибудь предложил переводы их из русских эксаметров на латинские, то для читателя, не имеющего своими гг. переводчиков, а осталися бы весьма явственно различие форм **духов** столь разнствующихся достоинствами своими гг. переводчиков, а осталися бы весьма явственно различенные **формы духов** Гомера и достойного подражателя его Фенелона. — Наоборот, ежели б кто и весьма удачно пере-

---

[46] Изобретение оного приписывают **Панопфее**, жрице аполлоновой, жившей во время Абаса или сына его Ахриза, отца Перигева.

Орфей пел эксаметрами прежде Гомера. См. Bittaubé. Iliade. Remarques sur le 1er chant, tome III, page 202.

[47] Ибо, Музей, Евмолп, Орфей суть тамошние уроженцы.

[48] Греки отыскали на севере страну, в которой перья с неба падали, почему и назвали оную — перистая.

вел Генриаду на русский язык слогочислительным размером французского александрийского стиха, тот бы оказал при самом верном, по вашему мнению, переводе весьма дурную услугу знаменитому Вольтеру: ибо столь благозвучные по свойству французского языка стихи его показались бы весьма шершавыми читателям русским, обыкшим к приятности музикального ямбического александрийского стихоразмерения; они признаны были бы полуварварскими, несмотря на то, что дух сочинителя с истинными формами его в точности представлен переводчиком. — Из сего заключаю я, что размеры стихосложения суть не формы духов сочинителей, но, так сказать, вещество форм их. Аполлон Бельведерский, иссеченный из мрамора, и слепок оного из алебастра равномерно представляют с точностию отличительных форм дух божества, поразившего Пифона и воспламенившего воображение неподражаемого ваятеля. — Пример сей должен руководствовать нас в искусстве преложений, где, по словам превосходного переводчика виргилиевых Георгиков, самая большая верность бывает часто самою большею неверностию.[49] — Мы хотим перевесть Гомера, певшего эксаметрами. Размер сего греческого стиха по свойству русского языка не токмо кажется неприятным, но невозможным при совершенном недостатке разнообразующих оный спондеев. — Что же делать? — Изыскивать, сходственно с вашими рассуждениями, свойственный языку нашему размер стиха, могущий заменить признаваемое достоинство, приятность и многоизменение гомеровского эксаметра. — Ежели последнего свойства, по удостоверению вашему, способствующего ему к выражению всех страстей, картин и движений, не успеем мы сыскать в одном каком-либо коренном нашем стихоразмерении, то в таком случае, не обинуясь, советую стараться приличным сочетанием разномерных стихов заменить сей важный недостаток. — Свойство коренного русского стопосложения подает к тому весьма удобное средство способностью без упражения слуха и преткновения в чтении плавно сливать окончательные предыдущих и начальные последующих стихов разномерные стопы и таким образом переходить, например, из вольного хореического в таковый же ямбический размер. — Подобные предлагаемые мною переходы находим мы часто в народных наших песнях, а еще и того чаще в некоторых стихоразмерных сказочных повествованиях.

Извините, что для доказательства истины сей представлю вам несколько такого рода стихов моих. — Повторяю, раз навсегда, что чувствуя живо несовершенство сведений моих в ко-

---

[49] См. Les Géorgiques de Virgile. Edit. 1789. Préface, page 57.

ренном русском стихосложении, не осмелюсь никогда собственных мнений выдавать за правила. — Попытки мои отдаю подобострастно на суд опытных знатоков и любителей отечественной словесности в твердом удостоверении, что, извиня или, может быть, и одобря померные силам моим старания к распространению отраслей ее, исправят они ошибки мои и заменят оные существенными красотами. — После сего предварительного объяснения предлагаю вам обещанные мною стихи, заключающие отрывок повести об уходе из плена одного славянского воина:

Уж едет он дней несколько трудною дорогой;
Проезжает степи дики и пески сыпучие,
Топкие болоты, дебри, горы неприступные.
Вдруг, минувши лес, встречает наводненную реку:
Бурею на ней, как холмы, волны подымалися;
Берега везде подмыты разъяренною струей.
Там не видит он ни брода, ни стружка, ни лодочки,
Ни лодочки рыбачия, ни дощечки тонкой,
Коей мог бы в лютом бедстве жизнь несчастну вверить.
Что же делать? — Как спастися? — стал он, призадумался:
Вплавь пуститься бы? — но борзый конь не вынесет его:
Обоим в водах глубоких гибель неизбежная;
А погоня настыгает; — топот слышится вблизи!
Тут решается он, — в волю предается божию:
Тяжко воздохнувши, сходит с неусталого коня;
Закидает на блестящу гриву повод шелковый.
«Оставайся, говорит он, ты, мой добрый конь!
Исполать тебе за службу, службу верную.
Не увидишь господина своего уж ввек:
Бурны волны поглотят его в струях своих,
Отнесут они труп мертвый в море синее!».
Так сказавши, он в ревущу низвергается реку;
Покрывается волнами и, как кляч, на дно идет;
Там, ударившись о камень, быстринею взносится;
Выныряет, как лучина, верх клубящихся валов.
Конь ретивый со крутого брега в воду мечется.
За конец густые грывы ухватился витязь мой.
Конь плывет и крепкой грудью режет волны ярые;
Волны ярые свободный открывают путь ему;
И уже он приплывает к берегу отлогому.

Ежели стихи сии, на пеанах основанные, при многоразличности изменения стоп как вообще, так особенно в началах и окончаниях признаны будут благозвучными и если перемена меры, в монологе помещенная, не противна слуху покажется, то даст повод предположить возможность к изобретению других размеров, которые разнообразностию даже рода стоп могут еще живее и приличнее выражать разные чувства и картины. — Сама природа, кажется, руководствует к употреблению в повествовательной поэме разномерных стихов, ибо возможно ли равным и одинаким стопосложением изобразить прилично и брачный пир

с хороводной песнию и пляской, и погребальные обряды с унылыми жалобами вдовицы, и в грозную бурю крушенье корабля, и тишину весенней ночи?

Но я предчувствую ответ ваш: вы скажете, конечно, что таковая пестрота не соответствует важности эпопеи, что Душеньку, а не Илиаду прилично писать разномерными стихами, что недостаток в толь выхваляемом русском стихосложении, способности к беспредельному разнообразованию должен весьма унизить его пред эксаметром, который, как вы объясняете в ответе вашем, «украшается совершеннейшим равновесием всех частей своих; он не подымается и не падает, но изгибается, течет тихо, но без прыжков; свободно, но в строгих границах; ему предоставлено обращаться от быстроты к медленности, от силы к мягкости; и все оттенки, между сими противоположностями заключенные, вмещаются в стопосложение эксаметра; он один, как и эпическая поэзия вообще, может изображать все предметы, и разнообразие его умножается всеми возможными изменениями в сложении и цезуре. — Одним словом, вся древность, почитая эксаметр совершеннейшим стопосложением, ставила его на высшую степень в метрической системе греков».

Поклоняются! — Но, любезный состязатель мой! все эмпирические свойства сии, способности и совершенства приписываете вы сами греческому эксаметру, медленными спондеями скачки дактилей останавливающему. — Ежели бы и должно было согласиться с мнением вашим насчет стиха сего, то много ли выиграет тем нововводимый русский эксаметр, составляемый, кроме вечно окончательных хореев,[50] почти из одних дактилей? — Ибо в 200-х г-м Гнедичем вновь сочиненных эксаметрах, между 1000 дактилей не находится и 90 внутренных хореев.[51] — Из сего явствует, что русский эксаметр не изгибается, не течет тихо, свободно, но вечно прыжками короткими скачет подобно виргильеву четвероногому:

Quadrepedante putrem sonitu quatit ungula Campum[52]

Весьма малое число хореев, в эксаметре русском встречающихся изредка то там, то там, не производя ни малейшего раз-

---

[50] Трудно весьма узнать причину, для чего г-н Гнедич, не будучи поляком, — см. прим. стр. 223, в уразу столь превозносимому гомеровскому эксаметру, не поставил в конце своих ни одного спондея, по крайней мере для пресечения вечного и тем самым утомительного тождезвучия. — Разве предположить гадательно, что он чувствовал сам толь противный слуху русскому спондей, как, однако ж, наравне с дактилями входят в существенный состав Гомерова, столь уважаемого им эксаметра.

[51] Север. Вестн. на 1815 год, 1 часть, от 20 по 35 стр.

[52] См. Четвероногий копытом звучащим бьет гнойное поле или
Конь ударяет копытами звучными гнойное поле.

нообразия, останавливает читателя внезапно сокращенною мерою. — Сверх того, краткие частицы но, се, то, союз и, местоимения ты, я, их и пр., вместо длинных слогов пред краткими стоящие; слова же шум, друг, предлоги над, под, пред, средь, вместо кратких пред существенно краткими находящиесь; а ямбы когда, тебя, меня, моей и другие, вместе пиррихиев пред краткими же слогами поставленные, делают такую вообще запутанность, что стихи сего рода, единственно по счету разномерных стоп, а не по какому-либо правилу благозвучия сочиненные, не токмо не представляют отлепка столь уважаемых вами гомеровых эксаметров, но пристрастным почитателем сего бессмертного певца приличнее могут быть названы облепками оных.

Извините, любезный противоборник мой! дерзкую хулу сию на русский эксаметр; — истина вырвалась из под пера моего, водимого усердием к отечественной словесности. Вы сами любите оную, и сия то любовь заставляет вас верить, что пленительный для слуха вашего гомеров эксаметр, несмотря на крайнюю скудость нашу в спондеях, может присвоен быть стихотворству русскому, ибо вы сказали уже, что «не спондей, а дактиль есть истинное основание эксаметра, душа и отличительная черта оного; что во всех новых наречиях спондеев весьма мало, потому что прозодия в них, как и у нас, еще в младенчестве, или в забытии; а от этого нашему уху трудно отличать долгий слог от краткого, и еще труднее чувствовать два долгих рядом стоящих. — Что в немецкой прозодии существует то же самое затруднение; но писатели их счастливым своим упрямством и трудолюбием дошли уже до того, что имеют весьма правильный эксаметр. Правда, что они иногда и посреди стиха употребляют хорей вместо спондея, что, конечно, против правил и чего греки никогда не делали; но немецкие писатели утверждают и, кажется, весьма основательно, что лучше жертвовать некоторою метрическою строгостию, нежели вовсе лишиться надежды иметь превосходнейшее стихосложение, верный отголосок древней поэзии».

Ах! то-то и беда наша, любезный состязатель мой! что мы все перенимать хотим у чужестранцов! — Я уважаю и люблю многих немецких пиитов, но о тех, которые прилепилися к эксаметрам, признательно скажу, что они почти столько же успели, как и соотечественники наши, несмотря на то, что в языке их более спондеев находится, ибо почти все спорные слова или начальные слоги оных суть истинные спондеи, как то: Raüb-Thier sand-gründ Raubsüchtig, allmächtig и прочая.

В нашем языке, напротив того, даже и многосложные из ямбов и хореев составленные слова обыкновенно начинаются пиррихиями, как то: златолюбец, сребролюбец, добро-

детель, велелепие, властолюбие и прочие. А сие обнаруживает явственно, что для составления эксаметров у нас еще менее способов, чем у руководителей наших немцев; и что при введении размера сего поступим тем неизвинительнее, что имеем собственное, коренное стихосложение, за недостатком которого принуждены были сии соседы наши прибегнуть к изысканию подражательного древним размера, сколько-нибудь к языку их приспособленного. — Но вы знаете, что не все языки изобилуют одинаковыми способами и что каждый из них отличается особенными коренными свойствами, противу которых сражаться невозможно. — Я приведу в пример польский, соплеменный нашему язык. На оном еще невозможнее, чем на русском, сочинять эксаметры, ибо нет в нем ни одного слова, которое не кончалося бы хореем; и для того, хотя беспрестанная однозвучность в стихах, стопами сими заключающихся, несносна слуху нашему, по-польскому нимало непротивна. — А из сего следует, что сколь неосмотрительно поступали те из наших пиитов, которые до времени Ломоносова употребляли стихоразмерение сих соплеменных нам соседов, русскому языку вовсе несвойственное, столь, позвольте сказать, не к пользе словесности нашей. Содействуют ныне писатели, желающие присвоить нам немецкий эксаметр под предлогом подражания гомеровскому. — При сем случае необходимым почитаю изъяснить причину, заставившую, по мнению моему, германцев приняться за переводы древних пиитов подражательными им размерами стихов: рифмы останавливали их; трудность утеснять оными выражать прилично величественные красоты Гомера и Виргилия или просто, легко и плавно мысли игривого философа Горация озабочивали их. — Они возмечтали, что одно строгое наблюдение точности в размере стихов подлинника долженствовало извинить принужденность, тяжелость и шершавость слога их. — Вот лежат передо мною три лучшие перевода од Горация: шмидтов, рамлеров и фоссов. — Они перевели сего любимого моего стихотворца от доски до доски; — да как перевели!! — Хорошо с рифмами на их языке переведенных од его случилось мне читать весьма немного; но латино-метрические переводчики охуждают, без сумнения, и сие малое число, превозносясь тем, что они невулчаты, что пишут размером древних и образцовых пиитов. — Так суемудрствуя, с презрением взирают они, как на профанов, на тех, которым не нравится оный в их переводе на отечественном языке. Я не обращаю примера сего на наших, дарованиями своими отличившихся пиитов, в таковое же поприще вступающих: судя по тех, которых имею удовольствие лично знать, удостоверен я, что и прочие подвигом своим делают искренно содействовать токмо к обогащению словесности нашей. Со всем тем принужден откровенно сказать, что

пример их послужить может к величайшему вреду оной. Молодые стихотворцы изберут легкий труд низать дактили и загромоздят книгохранительницы нашими весьма уродливыми подделками драгоценных пиитических древностей. Показываются уж в роде сем ученические опыты и в довольно большом количестве, одобрителям коих предложу только понаведаться у *Державиных и Дмитриевых*, какого труда стоили им переводы или подражания малого числа Горациевых од, а о преимуществе в приятности спросить тех читателей, которые из любопытства взяли на себя труд сличить оные с переведенными размером подлинника.

Читая строки сии, может быть, подумаете вы, что я без внимания пропустил приведенное в ответе вашем рассуждение почтенного г-на Р<адищева>. Нет, я не гордец-вельможа, и не временщик: встреча с старым знакомцем всегда мне приятна. — Признаюсь, мысли сего просвещенного человека во многих частях достойны уважения; но я думаю, что они более служат к утверждению моих заключений. — Недовольный переводом Энеиды в александрийских стихах, с осмотрительностию г-н Р<адищев> изъявляет желание «чтобы Гомер между нами не в ямбах явился, но в стихах *подобных* его эксаметрам». Упомянув о Тилимахиде, заключает он, что «теперь дать пример *нового* стихосложения очень трудно». — Никто более меня не чувствует истины сей. — Но из собственных слов его видите вы, что говорит он о *новом* размере стихов, а не о эксаметре г-на Тредиаковского; ибо хотя он упоминает о дактилях, но весьма поверхностно; и нельзя предположить, чтобы просвещенный писатель сей признавал возможным составить приятный стих из одних дактилей. Правда, впрочем, что г-н Р<адищев> хотя и сочинитель нескольких стихов, но не был стихотворец; а чтобы судить о каком-либо искусстве или науке надобно, кажется, иметь в оных великую опытность. Ежели б он руководствовался ею в суждении о драматической части, то не говорил бы о сочинении трагедий хореями, по свойству нашего словоударения, весьма чувствительными и потому вовсе неприличными драматическому разговору, в котором всякий напев слуху противен. Г-н Р<адищев> меньше бы охуждал и рифмы, ежели бы ведал, что в некоторых родах стихотворения, а наипаче в песенном, сама природа их назначает. Весьма легко удостовериться из музики, сестры поэзии, что звук, соединенный с рифмою, часто с нею же возвращается ежели не в самом голосе, то в ладе, сопровождающем оный. Посему-то древними пиитами знаменитыми греков рифмы иногда употребляемы были. Сие замечание мое не должно заставить вас думать, что я признаю рифмы нужными для всех родов стихотворения. — Нет. Столь приятною благостройностию отли-

чающийся, по мнению моему, русский простонародный размер стихов не имеет надобности в таковых краесозвучиях, и я уверен, что человек столь самомыслящий, как почтенный г-н Р<адищев> одобрил бы старание мое облагородить оный и, выведя из презрительного состояния, водворить в кругу изящной словесности нашей. Равномерно не сумневаюсь и в том, что признал бы он весьма полезным для нее, чтобы некоторые сочинения древних, в том числе и любимый мой Гораций, не собственным их размером стихов, но ямбами, хореями и даже с прикрасою рифм переводимы были.

Но я примечаю, что любовь к прелестному тибурскому певцу совратила меня с прямой дороги; и для того, возвращаясь вспять, повторю вам, что вообще не нужно для показания формы духов древних пиитов переводить их эксаметрами или размером стихов, ими присвоенным. Прошу покорно позволить мне, примерно как вы избрали секундантом вашим почтенного г-на Р<адищева>, призвать в помощь мою любезного пиита и друга моего Николая Александровича Львова, познакомившего меня первоначально с размером русских стихов. В начале неоконченной поэмы его «Добрыни», современной сочинению г-на Р<адищева> и моему изысканию о гипербореанах, изъясняется он насчет эксаметров следующим образом:[53]

Нет, такого мне дайте витязя,
Как в чудесной век Володимира
Был принизистый сын Ремешников,
Как Полкан бывал, или как Лазарич,
Иль Потеня... Но что, товарищи!
Что уста ваши ужимаете,
Чем вы сахарны запечатали?
Вниз потупили очи ясные:
Знать низка для вас богатырска речь
И не вместно вам слово русское? —
На хореях вы подмостилися;
Без эксаметра, как босой ногой,
Вам своей стопой трудно выступить.
Нет приятели! в языке нашем
Много нужных слов поместить нельзя
В иноземные рамки тесные.
Анапесты, спондеи, дактили
Не аршином нашим меряны,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны;
И глагол славян обильнейший,
Звучной, сильной, плавной, значущий,
Чтоб в заморскую рамку втискаться,
Принужден ежом жаться, корчиться,

[53] См. «Друг просвещения» на 1804 год, месяц сентябрь, № 9, стр. 200 и 197. Сей отрывок писан после изыскания моего о гипербореанах, как из 1-го примечания на вышеупомянутой 197 странице явствует.

И, лишась красот, жару, вольности,
Соразмерного силе поприща,
Где природою суждено ему
Исполинской путь течь со славою,
Там калекою он щетинится;
От увечного ж еще требуют
Слова мягкого, внешность бархата! —

Вот мысли человека просвещенного, тонким вкусом в стихотворчестве одаренного, приятного пиита и русский язык коренно знавшего. — Приятно было бы мне с вами так, как с ним, согласоваться в мнениях, но, к прискорбию моему, должен вам противоречить и повторить, что вообще не нужно для показания...

К подтверждению мнения моего приведу в пример просвещенного и одного из знаменитейших немецких стихотворцев г-на Вилланда: при переводе сатир и писем Горациевых предпочел он по весьма основательным причинам вольный ямбический стих эксаметру подлинника. — Какая потеря была бы для всеобщей словесности, какое ругательство над Виргилием, ежели бы Георгики его не стихами г-на Делилла, в которых знаменитый творец Генриады признавал истинный дух подлинника, на французский язык преложены были, но эксаметрами, которые в оный пристрастными к древностям людьми вводились даже в седьмом на десять столетий! — Великий наш Ломоносов чувствовал, по-видимому, весьма живо излагаемую ныне мною истину, ибо из многих примеров, почерпнутых им из древних пиитов и в Риторике его помещенных, не перевел он ни одного эксаметрами, но заменял оные другим каким-либо предмету приличным размером стихов. Приведу в доказательство трогательную жалобу Ариадны, на пустом острове Тезеем оставленной:

Чрез пространно море руки простираю,
Кои о печальну грудь свою разбила,
И кажу остатки я власов издранных.
Ради слез помилуй, кои ты мне пролил,
И к сему пустому брегу возвратися.
Если мертву найдешь, то сбери хоть кости.[54]

Для чего как в сем случае, так и в переводе нескольких стихов из письма Пенелопы к Улиссу,[55] не употребил образцовый сей пиит наш подражательных Овидию эксаметров, таковых, какие предполагал он возможными пииту сему, буди сочинял он в ссылке своей стихи на славянском языке, как о том иные удостоверяли. — Для чего заменил он спондео-дактили столь уныло падающими пиррихо-трохеями? — Без сумнения, дабы разительнее для русскаго слуха, которому они более свойственны, изо-

[54] См. Риторика Ломоносова, стр. 208.
[55] См. там же.

бразить унылый вопль Ариадны. Но для чего не употребил он здесь коренного нашего, соответственного печальному предмету, стихосложения? — Для чего не оставил хотя малого образчика, который мог бы служить мне Эгидою и противу вас, любезный состязатель мой! — часто взываю я к великому сему коренному русскому духу, чтобы он внушил мне достойный общей нашей родины стих. — Но все тщетно! — Муза моя, как сиротка, одна, без руководителя, должна пускаться в большой свет. — Но ободренная любовию к соотечественной словесности, осмеливается она еще раз возвысить голос свой и, сообразуясь по возможности в русском печальном стихе унылому стону Ариадны, повторить плач еще злополучнейшей вдовицы. — Не примите подвига моего буйному мечтанию уподобиться хотя малою чертою сему бессмертному певцу. Нет, желая по мере слабых сил моих способствовать открытию следов к таящимся еще в пиитической пошве нашей сокровищам, перевел я из эксаметров г-на Гнедича русским размером стихов плач Андромахи над телом ее супруга. — Стихи Овидия переводил великий Ломоносов. Предлагая эксаметры почтенного моего соотечественника, надеюсь я, что не потребуете вы от меня в переводе сем равного с неподражаемым Пиндаром нашим совершенства. — Приймите труд мой единственно за попытку показать между хорео-дактилическим и коренным русским стихосложением различие в изображении печального чувства; о преимуществе коих предлежит беспристрастный суд вам и другим просвещенным любителям отечественного слова. — Я не привожу здесь эксаметров г-на Гнедича: вам они известны;[56] вот перевод мой:

О Гектор мой! — супруг драгой! пал в младых ты летах;
И грустною вдовицею в сем дому опальном
Покинул ты навек меня с сиротой младенцем,
Которому, несчастные! жизнь даровали!
Толь кратку жизнь! — с высоты бо горделивой скоро
Падет Пергам. — Зане его страж неутомимый
Погибнул ты, оплот твердынь, жен, детей, защитник.
Уж скоро их к чужим брегам повлекут чрез море.
И равный жребий ждет меня! — Ты ж, мой сын! иль в рабство
Пойдешь со мной и будешь там, век в трудах презренных
Томясь, служить кичливому, строгому владыке;
Иль злобный грек, схватя тебя, с башни срынет долу,
За слезну мстя утрату чад, иль отца, иль брата,
Сраженного отцом твоим средь кровавой брани.
Несчетно бо крушительной Гектора рукою
Ахейских чад безвременно люту смерть вкусили,
Во прахе пав на широких полях илионских.
Ужасен им отец твой был в смертоносной сечи.

---

[56] См. Вестник Европы на 1815 год, часть 1-я, стр. 32 и в конце сего письма.

Все воинство и весь Пергам по нем горько плачет.
В несносну скорбь родителей вверг ты, о мой Гектор!
А мне еще лютейшие горести оставил.
Ты с смертного одра, увы! не простер дрожащей
Руки ко мне и заветна не промолвил слова,
Которое и день и ночь на вдовином ложе,
Омытая потоком слез, я б твердила вечно.

Желаю искренно, чтобы перевод сей, хотя в виде соотечественной собственности, показался вам приятным.— Ежели не сыщете в нем красоты выражений, заключающейся в эксаметрах г-на Гнедича, то по крайней мере увидите, что коренной русский размер стихов отличается от оных великим при равномерности разнообразием стоп, коего недостаток весьма ощутителен в эксаметрах г-на Гнедича по причине почти непрестанного дактильного однозвучия. Вы увидите притом, слича сии русского размера стихи с древним греческим и с нововводимым в поэзию нашу эксаметром, что все три рода сии совершенно различны. — Греческие эксаметры составлены, как выше сказано, из определенного числа стоп, уравненных мерою времени, или тактами; коренные русские стихи составляются из равного числа слогов, музикально, на правиле пеано соглашенных; нововводимый же хорео-дактилический эксаметр не уравнен ни мерою времени, ни числом слогов;[57] а как, по мнению глубокомысленных мудрецов, все без изъятия существа должны иметь меру, число и вес, то русские эксаметры могут только последним отличаться, ибо составляющее их одинакое число неравномерных стоп еще менее правильности и благозвучия представляет, чем одинакое число таковых же слогов в безрифмном французском стихосложении, которое ненавистники краезвучия покушались по примеру англичан ввесть и в словесность, знаменитыми пиитами века Людовика XIV и их последователями прославленную; словом сказать, хорео-дактилические стихи, выходя совершенно из главного, существенного и всеобщего как в поэзии, так и в музике ритми-

---

[57] Для доказательства в пример приведу следующие русские эксаметры:

Дарго свирепый на юного воина вдруг устремился;
Острый меч рукою сильной в перси вонзает.
Кровь полилась багряною струею, и витязь младый пал
Мертв на поле брани жертвой мстительной злобы.

Третий из сих стихов по примеру спондео-дактилических гомеровых и виргилиевых, по большей части спондеем оканчивающихся, составлен правильно из 24 времен и 17 слогов; первый, хорео-дактилический, г-ном Гнедичем употребленный, состоит из 23 времен и 17 слогов; но таковые ж второй и четвертый имеют только по 19 времен и по 13 слогов: следовательно, у них недостает, противу их товарища, у каждого по два такта, или по 4 времен, и по такому ж числу слогов.

ческого правила,[58] на благозвучной равномерности основанного, признаваемы быть должны токмо прозаическими строками.

Из всего вышеприведенного мною следует заключить: 1-е, что поелику в языке нашем спондеев почти нет и заменить их нечем, то Гомеровых спондео-дактилических эксаметров сочинять на оном невозможно; 2-е, что подражательное немцам привмешение к дактилям недорослей их, хореев, никакой благозвучности стихам не сообщая и производя токмо неприятное в оных претыкание, к сочинению стройномерных эксаметров недостаточно; 3-е, что, имея, преимущественно пред всеми народами собственное, коренное, столь многообразное и музикальное стихосложение, предосудительно будет нам оставлять оное в презрении и, вечно обезанствуя, находить приятность единственно в чужом, древних или современных народов размере стихов, нашему языку столь несвойственном; 4-е, что, если собственнаго стопосложения при переводе эпических поэм присвоить нам еще невозможно, то лучше в таком случае продолжать употребление александрийского стиха, поелику оный, как вы сами весьма основательно заключаете, принадлежит по большому употреблению всем и занимает место гомерическаго стиха во всех почти новейших языках.

Вот мнение мое, изложенное без всякого пристрастия к всегда чуждой мне личности. — Ласкаю себя надеждою, что, прочитав оное с равномерными чувствами, признаете вы основательными приводимые мною доказательства. — Могу вас удостоверить, любезный состязатель мой! что чем более будете вникать в свойства нашего языка, тем сильнее утвердитесь в истине, что обновляемый ныне тилимахидовский эксаметр не приличен оному; и перестанете наконец совращать г-на Гнедича с блистательного поприща, которое вслед именитого Кострова протекал он столь благоуспешно.

Для надежнейшего как вас, так и г-на Гнедича убеждения о нелепости хорео-дактилического эксаметра вынуждаюсь заметить, что и сам отец оного, изуродовавший столь немилосердно Телемака, признался наконец в заблуждении своем и в истинном раскаянии торжественно исповедал грех свой и обещал исправиться. Вот слова его:

Нет сумнения, что когда сей закаленный в эксаметре дух, убедившись истинною, отступил от ереси, в обширной Тилимахиде проповеданной, то вы, любезный противоборник мой! и г-н Гне-

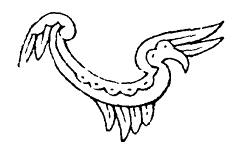
---

[58] См. Encyclopedie, ou dictionnaire raisonné des sciences — au mot Rhythme. Я пишу ритмического для того, чтобы истинное слово рифма не совратило понятие иных читателей на созвучное краестишие, обыкновенно рифмою называемсе. — У греков слово сие (ῥυθμός) означало правило равномерия не токмо в стихотворстве и музике, но и в других, по мнению Квинтилиана, изящных художествах.

дич, недавно оною зараженные, поспешите от сей стихотворческой чумы откуриться и перестанете один убеждениями, а другой примером соблазнять ближних, видящих в вас просвещенного любителя французской, обогащаемой вами словесности и столь благоуспешно в красоты собственной вникающего, а в г-не Гнедиче достойного соревнователя Кострова, представившего нам Гомера в истинном и блистательном его виде.

Теперь остается мне попросить у вас извинения за пространность или, лучше сказать, за растянутость возражения сего на прекрасный и благосклонный ответ вам, которым старались вы примирить меня с эксаметром. — Чем благовиднее доводы ваши убеждали, тем более принужден был я изыскивать средств к опровержению оных; дабы, если не удастся низвергнуть, по крайней мере потрясти подножие, на котором возвышаете вы кумир сего исполина стихов, славою имени Гомерова кичащегось и могущего привлечь поклонение людей, прельщаемых очаровательным витийством вашим. При недостатке оного должен я был распространиться изложением правды, на которую, хотя и говорят, что мало слов надобно, но ежедневный опыт противное тому доказывает, а наипаче когда сопротивница ее имеет счастие быть защищаемою любезным оратором, сладкоречивых уст убеждениями души и умы увлекающим.

1815 года
Марта 10 дня.



О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПЕРВЫХ ШЕСТИ ПЕСНЕЙ ОДИССЕИ В ПЕРВОБЫТНЫЙ ИХ ПОРЯДОК

Вступая в преткновенное поприще, ликургами, пизистратами и аристархами с преодолением величайших затруднений протеченное, уверен я, что большая часть и самых снисходительных читателей признает подвиг мой буйственным. Дерзость исправлять чертеж Одиссеи, просвещеннейшими людьми в течении толиких веков одобренный, должна и в самом деле показаться необдуманною отвагою высокомерия; наипаче в человеке, познаниями в словесности весьма ограниченном и в ученом круге никаким значительным произведением ума не отличившемся. Устрашенный мыслию сею, долго колебался я в нерешимости; наконец, любовь к истине и уважение к бессмертному творцу прекраснейшей поэмы превозмогли страх мой и побуждают ныне пред судилищем всех беспристрастных почитателей отца стихотворства обнаружить некоторые ошибки исправителей превосходного творения его. — Не обинуясь, предлагаю мнение мое в твердой надежде, что просвещенные любители словесности будут судить оное не по какому-либо предубеждению, но по существу доказательств.

При чтении Одиссеи некоторые предметы всегда казались мне неприличными известной осмотрительности Омира и даже нелепостями; из числа оных суть: двадцатидевятидневное, без всякого дела гощение Телемака у Менелая; почти толь же долговременное коснение Нептуна на празднествах эфиопов; семнадцатидневное бессонное Улисса мореплавание; тридцатидневная засада на море женихов Пенелопы; а наипаче вторичное собрание богов и суждение вновь о том, о чем уже за несколько дней прежде того решено ими было. — Весьма странно казалось мне также, что поэма сия занимает нас первоначально не подвигами

самого героя оной, но эпизодою о второстепенном лице. Долговременные, прилежные о предметах сих размышления, удостоверение о обдумании Омиром всех соотношений, приличий и связей повести его заставили меня усомниться, не раздробление ли рапсодами песней Одиссеи причиною обнаруживающихся в оной несообразностей? Я читал многие о сем рассуждения, и все они подкрепляли догадку мою. Решительно же утвердило меня в оной изложение господином Бартелеми первоначального образа составления и приведения в порядок Омировых поэм. Да позволено будет мне, для собственного оправдания моего, выписать здесь точные слова сего искуснейшего в греческих древностях писателя; он говорит:

«Илиада и Одиссея чуть были известны в Греции, когда Ликург приплыл в Ионию. Дух стихотворца отозвался к духу законодателя: Ликург открыл уроки мудрости там, где обыкновенные люди видели токмо приятные вымыслы. Он списал обе поэмы и обогатил оными отечество свое; оттуда распространялись они по всей Греции. Явилися певцы, известные под названием рапсодов, которые в странствованиях своих из одного города в другой, отделяя отрывки от сих поэм, воспевали оные восхищенной Греции: одни пели храбрость Диомида, другие прощание Андромахи; иные смерть Патрокла или Гектора и так далее.

Знаменитость Омира, казалась, возрастала чрез размножение песней сих, но связь поэм его тем самым нечувствительно расстраивалась; а поелику опасался, что частей их, слишком раздробленных, невозможно будет совокупить в прежнее единство, то Солон запретил рапсодам, когда их несколько в собрании будет, брать наудачу из творений Омира отделенные происшествия, а предписал им в пениях своих следовать порядку, сочинителем наблюденному, так чтоб один начинал там, где другой кончил.

Устав сей, предохраняя от одной опасности, подвергал другой, еще несравненно важнейшей: поэмы Омировы, вверенные слепому предпочтению и невежеству каждого певца или толкователей оных в народных собраниях, ежедневно в устах их изменялися, претерпевали значительные потери и обременялися стихами, чуждыми сочинителю».[1]

Вот свидетельство почтенного господина Бартелеми, подкрепляющее мысль мою; но этого мало. Около 400 лет после Омира явственные рапсодами искажения творений его принудили Пизистрата и сына его Ипарха к исправлению оных; а спустя более трех столетий потом Аристарх учинил еще новые поправки.

---

[1] См. Анахарсис, том 1, стр. 80.

Каждый беспристрастный исследователь истины видит, сколь многими, разнохудожными руками и неоднократными приемами в протечении седми столетий великолепный, Омиром сооруженный памятник возобновлялся на чужой почве из перевезенных туда частию уже подправленных и отдельных развалин оного. Можно, кажется, не подвергаясь нареканию, усумниться, не помещен ли какой-либо отломок в неприличном оному месте?

Но предубежденный читатель возразит мне, что толь многие, превосходным искусством ознаменованные художники, трудившиеся при возобновлении здания сего, не могли упустить из вида таковой неприличности и оставить оную без замечания по неосторожности или пренебрежению, столь не свойственному доказанной сметливости их и изящности знаний и вкуса.

На сие осмеливаюсь ответствовать, что знаменитость первого соорудителя, чаятельно, ввела в заблуждение возобновлявших здание его. Известно всем, что Омир был отец стихотворчества; что уважение к нему простиралось до обожания и что поэмы его вменялися в величайшую драгоценность. — Они были раздроблены рапсодами и в такой отделенности перешли к Ликургу, Пизистрату и Аристарху. Принявшие на себя труд совокупить песни их и составить целость не смели перемещать оных, выбрасывая частности, довольно искусно для связи рапсодами подделанные; сохраня же их подобострастно, принуждены были они сообразоваться иногда принятому расположению поэмы; уважение к частным красотам заставляло их скользить по замечаниям некоторых малых в толь обширной целости несообразностей и воспрещало для соглашения оных разделять и переплочивать песни, из коих каждая составляла собственное, по долговременности общепринятое единство.

Объяснив таким образом причины, которые могли скрыть от древних издателей Одиссеи вкравшуюся в чертеж оной погрешность, осмеливаюсь предложить мнение мое к восстановлению связи песней в первобытном оных порядке.

Мне кажется, что действие поэмы сей начиналося не приходом Минервы в Ифаку для побуждения Телемака отправиться в Пилос к Нестору; не описанием путешествия его к царю сему и к Менелаю в Лакедемон; но что после первого Юпитерова ответа Минерве на мольбу ее об Улиссе непосредственно следовало препоручение бога сего Меркурию повелеть Калипсе, чтоб отпустила она ифакского царя. Тут повесть продолжалась до того места, где об Улиссе говорит Омир, что после семнадцатидневного мореплавания, приближался он уже к берегам Феакийским, и Нептун, возвращающийся из Эфиопии, увидя его, воздвиг бурю, усмиренную Минервою по удалении раздраженного бога сего. Здесь-то Омир, оставя Улисса, описывал первый при-

ход Минервы в Ифаку и путешествие Телемака к Менелаю; потом возвращался повестью к обуреваемому на море Улиссу; и поэма продолжалась до конца в общепринятом виде и порядке. Таким образом, по мнению моему, в первой песне находилось все почти действие нынешней пятой, а конец сея соединялся с шестою.

Для оправдания сего заключения моего должен я первоначально доказать некоторые несообразности, обнаруживающиеся при нынешнем расположении Одиссеи.

1-ое. Если оная, начинаясь приходом Минервы в Ифаку и путешествием Телемака в Пилос и Лакедемон, продолжается вторым собранием богов, то до того прошло уже 6 дней;[2] присовокупя к оным 5 суток, протекших до отплытия Улисса из острова Огигийского, семнадцатидневное мореходство до встречи с Нептуном и кораблекрушения, три дни плавания к острову Феакеан, тридневное у них пребывание, до дня возвращения его в Ифаку и до отъезда Телемака от Менелая, поэма продолжается уже 34 сутки; а как в пятый день от начала оной Телемак приезжает к Менелаю, то по расчету сему прожил он у него почти целый месяц.[3] Толь долговременное, без всякой необходимости медление Телемака в гостях вовсе невероятно; еще невероятнее покажется оное, когда сообразим, что Телемак при отъезде из Ифаки почти ограничил время отсутствия своего 11-ю или 12-ю

---

[2] Второе собрание богов положено после приезда Телемака к Менелаю и отправления женихов Пенелопы в засаду, как явствует из речи Минервы. — См. песнь V. Trad. de Bittaubé, tome I, p. 208. Для яснейшего соображения нужным почитаю означить здесь число всех дней действия Одиссеи по нынешнему ее расположению: 1 день — собрание богов; Минерва в Ифаке. — 2 день — собрание народное; в вечеру Телемак отъезжает с Минервою в Пилось. — 3 день — он гостит у Нестора. — 4 день — отправясь в Лакедемон, кочует в Ферессе. — 5 день — ввечеру приезжает к Менелаю. — 6 день — беседует с царем сим об Улиссе; а женихи отправляются в засаду. — 7 день — второе собрание богов; Меркурий повелевает Калипсе отпустить Улисса. — 8, 9, 10, 11 день — Улисс строит ладью. — 12 день — отправляется в море. — От 12 по 29 день продолжает плавание и наконец встречает Нептуна, который воздвигает бурю для погубления его. — 29 и 30 день — Улисс по разрушении ладьи носится бурею. — 31 день — к вечеру выходит на Феакийский берег и ночует в лесу. — 32 день — приходит к Алкиною. — 33 день — угощается царем сим и в ночь повествует свои приключения. — 34 день — отправляется на Феакийском корабле в Ифаку. — 35 день — там рано поутру совещается с Минервою и проводит весь день у Эвмея; а Телемах отъезжает от Менелая и ночует в Ферессе. — 36 день — Телемак вечером приезжает к Пилосу и ночью отправляется в Ифаку; Улисс же и сей день проводит у Эвмея. — 37 день — Телемак в Ифаке и весь день остается с Улиссом у Эвмея. — 38 день — возвращается в дом свой; после его Улисс с Эвмеем; и участвуют в буйственном пиршестве женихов. — 39 день — побиение их. — 40 день — уход Улисса с Телемаком к Лаерту, смятение в Ифаке, сражение, мир и конец поэмы.

[3] Это неоспоримо. См. песнь VI. Trad. de Bittaubé, Remarque, p. 381.

днями, прося кормилицу Эвриклею до истечения оных не объявлять Пенелопе об отъезде его; что Нестор, отпущая его к Менелаю, не советовал ему коснеть в отлучке из отеческого дома; что притом и сам Телемак не согласился на приглашение Менелая пробыть у него 11 или 12 дней, представляя во уважение, что товарищи, привезшие его на корабле в Пилос, с нетерпением ожидают возвращения его. Как же после всего изложенного здесь можно заключить, что Телемак прогостил у Менелая двадцать девять дней?

2-ое. К дополнению доказательства о таковой неверοподобности послужит еще следующее соображение. Если, как из нынешнего расположения поэмы сей явствует, женихи Пенелопы в четвертый день по отъезде Телемака в Пилос, узнав о том, отправились для погубления его на возвратном пути, то, прибывши в Ифаку почти днем после его, просидели они в засаде на море 30 суток. Толь долговременная отлучка их из Ифаки вовсе неверοподобна. Притом и Эвмон, ссудивший Телемака кораблем своим, осведомляющийся в четвертый день после его отъезда о сроке отсутствия его, дает повод заключать, что он уверен был Телемаком в скором его возвращении. Наконец, Минерва сама, явившись ему в Лакедемоне, повелевает не продолжать отсутствия своего. Как же можно, повторяю, находить и самомалейшую вероподобность в двадцатидевятидневном коснении его у Менелая; и льзя ли представить себе, чтобы благоразумный и явно богинею премудрости руководствуемый Телемак оставил в течении толь долгого времени свою мать, дом и имущество на произвол буйственных и развращенных людей?

3. По свидетельству самого Омира известно, что боги праздновали у эфиопян только 12 дней.[4] По нынешнему же расположению поэмы гостит у них Нептун по крайней мере 28 суток; ибо если предположим, что он отправился к ним поутру, в день первого собрания богов, то до второго протекло 6 дней, 5 до отъезда Улисса от Калипсы, да 17 до встречи его с Нептуном; что и составляет ровно 28 суток, которые пропраздновал бог моря у эфиопиян, в противность собственному Омира о сроке для сего казначенном преданию.

4. Наконец, вторичное собрание богов для суждения о том, что в первом решено ими было, кажется вовсе ненужным и признано таковым многими благорассудительными критиками.[5] Более же всего странна в оном речь Минервы, сущее повторение

---

[4] См. Илиада, песнь I, стих 425; trad. de Bittaubé, tome I, p. 29.

[5] Odyssée, trad. de Bittaubé, tome I, p. 256. — Оно происходит после отъезда женихов в засаду, как из речи Минервы явствует.

произнесенной Ментором в народном собрании Ифакских граждан.[6]

Хотя весьма часто Омир позволяет себе повторения, но они всегда состоят или в пересказе кем-либо данного ему повеления или же в описании празднеств и жертвоприношений. Ни однажды Омир не заставил одно лице и при разнствующем обстоятельстве переговаривать речь другого: в сем единственно случае Минерва, богиня наук, ничего лучшего не придумала, как пересказать речь одного старика ифакского, которую, по-видимому, подслушала она во время пребывания своего на сем острове.

Краткие изложения сии представляют Омира при теперешнем чертеже поэмы его не наблюдающим приличностей, точности действия и даже противуречущим самому себе. Таковых укоризн не заслуживает отец стихотворства. Расположение Одиссеи вообще обдуманнее, искуснее и связнее расположения Илиады: в последнем наблюден просто исторический, а в первом, так сказать, драматический ход, предпочтенный Виргилием и всеми другими позднейшими эпическими пиитами; а потому следует заключить, что примеченные в Одиссее невероподобности, противоречие, несообразности и беспорядок приписаны быть должны отнюдь не Омиру, но единственно легкомысленной небрежности рапсодов, раздробивших сочинение его и не умевших благовидно прервать повести об Улиссе эпизодою Телемака, путешествующего для разведывания об отце своем.

Для большого убеждения беспристрастных читателей моих в искажении поэмы сей разными несообразностями и для возвращения оной первобытного расположения необходимым нахожу подробнее объяснить доводы мои.

В Одиссее находится одно место, где, так сказать, сроки происшествий соединяются: одно долженствует служить указателем на предыдущие и последующие. Телемак из путешествия своего возвращается в Ифаку и приходит к Эвмею в третий день после Улисса. Все дни странствований и деяний их означены определительно, исключая времени пребывания Телемака у Менелая, которое по нынешнему расположению поэмы неимоверно долго показано. Для извлечения истины из запутанности сей осмеливаюсь предложить определенный мною ход Одиссеи.

В самый день отбытия Нептуна к эфиопам, долженствующего продолжаться двенадцать дней, Минерва в собрании богов умо-

---

[6] Odyssée, trad. de Bittaubé, tome I, chant II, p. 246; et tome I, chant V, p. 207. — Одиссея, песнь II, от 231 до 236 стих; песнь V, от 8 по 13 стих.

ляет Юпитера о возвращении Улисса в отечество. Во уважение просьбы ея отец богов повелевает Меркурию сообщить о сем Калипсе волю его. Посол небесный исполняет поручение сие; и Калипса повинуется. Потом четыре дни употребляет Улисс на постройку ладьи, в шестый пускается в путь; продолжает оный только седмь дней, до встречи Нептуна, возвращающегося из Эфиопии в тринадцатый день. Раздраженный бог воздвигает бурю на погубление Улисса и продолжает путь в храм свой; а пекущаясь о несчастном царе Минерва укрощает оную и, предвидя спасение любимца своего, поспешает в Ифаку, дает сыну его совет отправиться в Лакедемон, пребывает с ним три дни и оставляет его в Пилосе, спеша подать необходимую помощь Улиссу, вышедшему тогда на феакийский берег, как в последствии поэмы обнаруживается по точному дней исчислению. Телемак продолжает два дни путешествие свое, посещает Менелая и остается у него полторы сутки. Тогда Пенелопа и женихи ее узнают об отсутствии Телемака; последние отправляются в засаду с намерением погубить его на возвратном пути; Минерва же, прилетевшая из Феакии, видя отчаяние Панелопы, приходит утешить ее в сновидении. Тут Гомер обращается повестью к Улиссу. В течении двух суток по разбитии ладьи его и после первого отшествия Минервы в Ифаку был он носим волнами; наконец, вышел на берег феакийский. Минерва, оставившая Телемака в Пилосе, подоспела на помощь к отцу его, возбудила в царевне Навзикае охоту мыть платье, покровительствовать его, предводить в город и прочая. С сих пор поэма продолжается до самого конца в нынешнем виде ея.

Наблюдательный читатель заметит, конечно, что предлагаемою мною переменою в течении поэмы сей исправятся все вышеизъясненные невероподобности и восстановится совершенная точность как в исчислении дней, так и в соответствовании оному всех вообще происшествий. Продолжение действия поэмы, по нынешнему расположению оной занимающее 40 дней, сократится в 24 сутки; Нептун гостит у эфиопиан не 28, но только определенные Омиром 12 дней; женихи Пенелопы проводят в засаде три дня, а не целый месяц; Телемак, прежде 11 им назначенных дней, в осмый день возвращается в дом; остается у Менелая полторы суток вместо неимоверного двадцатидевятидневного гощения; а что всего важнее, поэма при самом начале не второстепенным, но главным лицом занимая читателей, заставляет их брать в нем живейшее участие.

Дабы не оставить ни малейшего сомнения в точности определяемого мною числа дней продолжения поэмы, представляю краткое сличение происшествий и времени в порядке, мною определенном.

Дни			
Месяцы	Луны	Продолжение поэмы	
Сентяб. 24[7]	8	1	По отбытии Нептуна в Эфиопию Юпитер отправляет Меркурия к Калипсе с повелением отпустить Улисса в отечество.
		2, 3, 4	
28	12	5	Улисс строит ладью.
29	13	6	Отправляется в путь.
		7, 8, 9, 10, 11, 12	
Октябрь 6	20	13	Улисс встречает Нептуна, возвращающегося по истечении 12 дней из Эфиопии. Бог сей, воздвигнув для погубления его бурю, удаляется, а Минерва усмиряет оную и поспешает в Ифаку, к сыну несчастного сего царя для отправления его в Лакедемон.
7	21	14	Улисс носится по морю бурею. Собрание народное в Ифаке и в ночь отъезд Телемака с Минервою в Пилос.
8	22	15	Поутру приезжают они в Пилос; благосклонно приемлются Нестором и участвуют в празднестве Нептуна. Ввечеру Минерва оставляет Телемака. В то самое время Улисс по претерпении в течение трех дней бедственного плавания выходит на берег Феакийский и проводит ночь в лесу.
9	25	16	Минерва весьма рано поутру является в Феакии Навзикае и внушает ей охоту мыть платье в реке. Тут царевна встречает Улисса, который, покровительствуемый ею и Минервою, приходит в дом царя Алкиноя и благосклонно принимается. Телемак того же дня отправляясь поутру из Пилоса, приезжает на ночь в Ферес.

[7] Можно заключить, что Омир предположительно начал действие поэмы сей в 8 день после новолуния, 24 греческого сентября, в самый день осеннего равноденствия. — См. Court de Gébelin, Hist. du Calend., p. 33.

Мнение мое основываю на нижеследующих соображениях:

1. Значительный день осеннего равноденствия, небесному знаку весов присвоенный, весьма приличен для собрания богов; и действительно, правосудный Юпитер напоминает в оный казнь преступного Эгиста и решает судьбу невинного долготерпца Улисса. Притом 24 день каждого месяца Гезиод, почитает священным. — См. trad. de Gin, les trav. et les jours, p. 78.
2. 28 числа Улисс спускает ладью на волны; а по преданию Гезиода, для сего выгодно 29 число. — См. там же стр. 79. Несчастное мореплавание было последствием излишней торопливости.
3. Гомер заставляет Улисса во время мореплавания замечать созвездие Воота или Арктура, которое восходило в половине сентября, а заходило в конце октября месяца. — См. Court de Gébelin, Hist. du Calend.,

ДНИ

Месяцы	Луны	Продолжение поэмы	
10	24	17	Улисс угощается великолепно феакеанами и в ночь повествует им странствия свои; а Телемак приезжает на ночь в Лакедемон.
11	25	18	Менелай сообщает Телемаку некоторые сведения об Улиссе, который под вечер отправляется на феакийском корабле в Ифаку. Женихи Пенелопы отъезжают в засаду для погубления Телемака на возвратном пути. Пенелопа, узнав об отсутствии Телемака и о угрожающей ему опасности, приходит в отчаяние. Минерва утешает ее в сновидении.
12	26	19	Улисс в Ифаке весьма рано совещается с Минервою, которая тогда же перелетает в Лакедемон и повелевает Телемаку возвратиться в отечество; он прощается с Менелаем и к ночи приезжает в Ферес, а Улисс приходит к Эвмею и остается у него.

р. 33, 35. Да и вообще из многих мест поэмы видно, что тогда Улисс странствовал осенью.

4. Октября 8 числа Минерва с Телемаком присутствует в Пилосе при жертвоприношении Нептуну. В Афинах 8 число каждого месяца посвящено было Нептуну. — См. Alex. ab. Alex, III, c. 18. Court de Gébelin, Hist. du Calend., p. 16. Тут празднество ему в сей день кстати, ибо он только что возвратился из Эфиопии; а Минерва особенно желала смягчить гнев его против Улисса, который по разбитии бурею ладьи своей носился еще волнами.
5. 10 числа пиршество в Феакии для Улисса весьма прилично же: тогда праздновали Оскофории, относящиеся к счастливому возвращению. — См. Court de Gébelin, Hist. du Calend., p. 35. На другой день ночью Улисс возвращается в Ифаку.
6. По моему исчислению двадцатичетырехдневного продолжения поэмы, побиение женихов случилось 16 октября. Достойно примечания, что в самый день сей в Греции праздновані были Элеферии в честь умерших родственников. — См. там же, стр. 451. Платейцы отправляли в оный поминовения по убитых соотечественниках своих в знаменитом сражении противу персов; и, чаятельно, избрали день сей по соотношению и сообразуясь общепринятому обыкновению, ибо сражение сие происходило весьма ранее. — См. прим. на IX книгу Геродота, trad. de Larcher, t. VI, стр. 95.
7. Наконец, по моему ж исчислению, самый день сей 16-го октября приходит в первый день новолуния, Аполлону посвященный (см. Court de Gébelin, Hist. du Calend., p. 282), что совершенно соответствует празднеству его в день побития женихов, Гомером назначенному. — См. Odyssée, trad. de Bittaubé, t. III, p. 129.

Таковые различных преданий с заключением сообразности должны придать оному вес основательного вероподобия.

ДНИ

Месяцы	Луны	Продолжение поэмы	
13	27	20	Телемак вечером приезжает к Пилосу и в ту же ночь отправляется в Ифаку. Улисс провождает весь день у Эвмея.
14	28	21	Телемак, поутру возвратясь в Ифаку, идет к Эвмею, где с Улиссом проводят день в совещаниях. Женихи в вечеру возвращаются из засады.
15	29	22	Телемак приходит в дом свой, после него — Улисс с Эвмеем и участвуют в буйственном пиршестве женихов.
16	1	23	Побиение их.
17	2	24	Уход Улисса и Телемака к Лаерту; смятение в Ифаке; сражение, мир и конец поэмы.

Лаская себя надеждою, что истина, столь явственно обнаруженная, благоуважена будет просвещенными читателями, осмеливаюсь означить места поэмы сей, по предложенной мною перемене к исключению подлежащие, и некоторые малые для связи оной прибавки.

В первой песне от 80-го до 103-го, а в пятой от 1 до 28-го стиха следует выбросить; 79-й же стих первой песни с 28-м пятой соединен быть должен; и таким образом первая песнь, продолжаясь нынешнею пятою, кончится 387-м стихом оной.[8] Что же касается до прибавок, то в начале второй песни вместо вышеупомянутых в первой исключенных стихов должно поместить сокращенное из оных повествование о первом приходе Минервы в Ифаку;[9] после сего продолжается в постепенном порядке песней описание путешествий Телемака до конца нынешней четвертой песни. Потом для связи, по моему расположению, шестой должно, прибавя маленькое введение пред 388 стихом пятой песни,[10] соединить оную с шестою; чем самым ограничится вся предлагаемая мною перемена, и поэма в нынешнем виде ее продолжится до самого окончания оной.[11]

Восстановя первобытный чертеж Одиссеи, долгом поставляю для доказательства глубочайшего моего к бессмертному

---

[8] Само по себе разумеется, что в 278 стихе V песни и в других местах время мореходства Улиссова из Огигии вместо 17 дней должно ограничить только 10 днями.

[9] См. в конце книги прим. под буквою А.

[10] См. в конце книги прим. под буквою В.

[11] См. в конце книги прим. под буквою С.

Омиру уважения сказать несколько слов о нравственном предмете поэмы сей. Кажется, что ни один писатель не представил во всем достоинстве ее важной цели, отцом стихотворства предположенной.

Я уверен, что каждый беспристрастный читатель Илиады поражен был развратностию действующих в оной богов. Супруга владыки небес и богиня премудрости, оскорбленная предпочтением, которым удостоил Парис красоту богини любви, решила и совершает погибель всего невинного отечества его; Зевес, улещаемый Юноною, участвует в несправедливом ея мщении. Мужественный и благочестивый Гектор поражается яростным Ахиллом, огражденным непроницаемою бронею, Вулканом уготованною, и притом торжествует над доблественным героем сим с помощию злокозненного божества. Я не хочу упоминать о непристойности междоусобных сражений богов и богинь, по подобию ослепленных страстями смертных; о соблазнительном средстве, Юноною употребленном для улещения Юпитера, усыпляемого в любострастных объятиях ея пред лицом ратоборствующих ополчений. Все таковые примеры развратов и обуяния страстей, равно как и зловредность оных для нравственности, сами собою бросаются в глаза внимательных читателей. Кажется, что в Одиссее Омир поставил себе главным правилом излечить язву толь пагубных впечатлений и восстановить в общенародном мнении достоинство богов. При самом начале поэмы Зевес воспоминанием о преступном Эгисте отражает от них упрек в слепом злоопределении, возвергая справедливые казни на собственную порочных смертных заслугу. Богиня премудрости предстательствует о невинном долготерпце, гонимом владыкою морей за ослепление сына его, Циклопа Полифема. Во все течение поэмы один бурливый бог сей представлен в виде, несоответствующем достоинству божества; равно как и богиня любострастия Венера в повести, забавностию своею способствовавшей к прекращению распри, возникшей между Улиссом и Эвриалом. Вот единственные пожертвования тогдашнему общественному в богопознании ослеплению, которые позволил себе Омир. Вся поэма его, впрочем, доказывает смертным правосудие богов и побуждает к достодолжному на оное упованию. Без всякой посторонней помощи, одною богинею премудрости покровительствуемый, Улисс торжествует над многочисленными злодеями своими, наказанными по мере преступлений. Эпизода странствований Телемака очевидно ту же самую цель представляет: от посещаемых им друзей отца его, столь много наипаче для Менелая пожертвовавшего, не получает Телемак никакой, кроме ласк, в бедственном положении своем помощи. Кажется, что Омир желал подкрепить разительными примерами истину, согласную с сим

богомудрым поучением: не надейтеся на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения; — ополчится ангел господен окрест боящихся его и избавит их. Кажется, что отношение токмо к сей важнейшей цели веры и нравственности может извинить бесполезное и к главному предмету поэмы сей почти неспособствующее путешествие Телемака в Пилос и Лакадемон.

Благосклонные читатели из краткого изложения сего увидят, что, почитая в нравственном отношении Одиссею палинодиею Илиады, отдаю я первой совершенное преимущество; в чем по одним трогательным красотам и занимательности ея многие знаменитые писатели давно меня предупредили. Я уверен, что старание мое представить еще в блистательнейшем, величественнейшем и общеполезнейшем виде поэму сию порукою будет по мне пред каждым беспристрастным читателем в том, что замечание некоторых ошибок в нынешнем ее расположении не происходит от суетного высокомерия, напротив того, обнаруживает оно истинно ревностное желание очистить изящное творение сие от чуждых, вкравшихся неосмотрительностей и доказать тем глубочайшее уважение мое не токмо к превосходным красотам оного, но преимущественно к мудрому отца стихотворства назиданию нравственности и богопочитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

А

Прибавку сию, по мнению моему, можно учинить следующим образом.

Песнь II

«Минерва, сохраняя жизнь Улисса и обеспеча прибытие его на остров Феакийский, отлетает в Ифаку, дабы подкрепить мужество младого Телемака и преподать ему полезные советы. Уже богиня, приняв образ Ментеса, владыки Тафиян, вооруженная дебелым копием, остановилась у врат Улиссова чертога. Там видит она буйственных женихов Пенелопы» и прочая.

В

Осмеливаюсь предложить мысль мою к составлению и сего начала.

Песнь VI

«Меж тем, как враги Телемака стремятся на пагубу его, не приходит им и на мысль, что Улисс приближается уже к родине своей и скоро уготовит им заслуженную казнь. Царь сей, которого Минерва по укрощении воздвигнутой противу его Нептуном бури оставила посреди морских зыбей, избегнул от ярости их. Два дни и две ночи носился он по волнам» и прочая.

Сверх прибавок сих можно еще для предварительного объяснения поэмы поместить после полустишия 59 стиха первой песни следующие

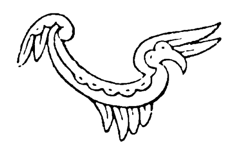
слова, заимствованные из окончания второго, исключенного мною, ответа Минервы Юпитеру, в начале нынешней пятой песни находящегося.

«Еще к большему несчастию, толпа буйственных женихов, удостоверенных о смерти его, дерзают требовать в супружество целомудренную Пенелопу, гостят вседневно в чертоге и в беспрерывных пиршествах истощают имущество отсутствующего царя».

С

Я должен извинить здесь смелость мою в исключении в поэме сей 52 стихов тем, что не токмо многие критики выбрасывали некоторые стихи из оной, но, по удостоверению Дидима, Аристарх и Аристофан отвергли в Одиссее половину почти 23 и всю 24 песнь.

Конец



МНЕНИЕ, ЧТО УЛИСС СТРАНСТВОВАЛ НЕ В СРЕДИЗЕМНОМ, НО В ЧЕРНОМ И АЗОВСКОМ МОРЯХ

Я опасаюсь, чтобы многие, даже и просвещенные люди по прочтении заглавия сего не сделали предварительно обо мне весьма невыгодного заключения. И в самом деле, не успев узнать суждения их о новоизданном мною предложении переместить пятую песнь Одиссеи в первую,[1] как можно мне осмеливаться, вопреки всем древним и общепринятым преданиям, переносить даже и театр странствований героя поэмы сей от запада Италии к южным берегам любезного отечества нашего. Признательно скажу, что такая дерзость устрашает и самого меня, ибо предвижу, что некоторые предубежденные читатели мои поторопятся из сострадания учинить приговор об отдании перьев моих, бумаги и чернил в опеку до совершенного выздоровления моего. Что же делать? Замолчать? Но искреннее уважение мое к отцу стихотворства воспрещает мне принять малодушную меру сию; оно шепчет мне на ухо: «Если решился ты оправдать его в одном поклепе, то постарайся оправдать и в другом, несравненно важнейшем первого. Докажи, что движущихся Кианейских скал не передвинул он от Черного моря в Мессинский пролив; не перенес Цирцеи, дочери солнца, от чертога Авроры, от востока и от колхидских окрестностей на западный берег Италии; не перевел туда киммерийского, всегдашнею тмою покрытого народа, и, наконец, не поселил отдаленных и прежде неизвестных Улиссу феакеан на острове Корфу, отстоящем токмо во сте верстах от любезной его Ифаки. Совесть убьет тебя, ежели из трусости не решишься ты сделать еще одного шага для защиты бессмерт-

[1] См. сочинение мое о восстановлении первых шести песней Одиссеи в первобытный их порядок.

ного Гомера от нападения людей, ослепленных предубеждением». Что же мне на все сие ответствовать? Повиноваться убедительному внушению и представить изыскания мои на суд просвещенных и беспристрастных читателей. Исполняю сие и, удостоверенный в проницательности ума их, сообщаю им вкратце мысль мою.

Главное обстоятельство, доказывающее, что Одиссей странствовал в Черном море, обнаруживается тем, что Гомер заставляет его на возвратном пути от обитавшей на востоке Цирцеи[2] двукратно проплывать меж движущихся Кианейских скал.[3] Всем известно что они под названием Симплигад и Планет[4] находилися при входе в Черное море из Фракийского Босфора; там же были Скилла и Харибда; ибо Гомер заставляет Цирцею предуведомлять об них Улисса сими словами:[5]

«Там представятся тебе нависшие скалы, под коими ревет страшная волна синеокой Амфитриты: блуждающими[6] называют их блаженные боги. Чрез них ни птица не перелетает, ни сизые голуби, отцу богов, Зевесу, амврозию приносящие: всегда даже из них некоторые убиваются об скользскую скалу, и лишнего одного в замену Зевес посылает. Никогда корабль не спасался, приближаяся ко скалам сим, но всегда купно с досками его и тела человеческие морская кипящая волна и пагубная бури уносила. Один только миновал их мореходный, повсюду славимый корабль Арго, плывущий к Аэту; но и оный, конечно, был бы брошен к высокой скале, если бы Юнона не провела его, ибо любезен ей был Язон. Таковы обе скалы сии: одна острою главою своею до высокого неба досягает; синее облако облежит ее и никогда не отходит: никогда, ни летом, ни осенью, светлое небо не объемлет вершины ее; не взойдет на нее и не спустится никто из смертных, хотя бы двадцать рук и столько же ног имел, ибо гора скользка, улощенной подобна. Посреди скалы находится мрачная пещера, лежащая на запад, к Эреву обращенная. К ней, знаменитый Одиссей, направляй твой пространный корабль. Никто из юных мужей корабля, стреляя из лука, не докинет стрелы в глубокую пещеру. В ней обитает страшнолающая

---

[2] См. Одиссеи песнь XII, стих 3, 4. — Trad. de Bittaubé, tome I, page 193.

[3] См. Геродот, книга IV, § 85. χυάνεος — синий. Одиссея песнь XII, стих 61, 234, 428, 430. — Trad. de Bittaubé, tome II, page 198, 211, 225—230.

[4] См. Плиний, книга VI, глава XII. Συμπληγάδες — ударяющиеся друг об друга, сталкивающиеся. πλανήτης — блуждающие.

[5] См. Одиссеи песнь XII от 59 до 110 стиха. — Trad. de Bittaubé, tome II, page 198... 201.

[6] См. Одиссеи песнь XXIII, стих 326. — Trad. de Bittaubé, tome III, page 300.

Скилла; голос ее подобен визгу новорожденных псов; сама же она чудовище свирепое, и никто не порадуется, увидев ее, хотя б то был и бог, повстречавшийся с нею: двенадцать у нее безобразных ног; шесть вый предлинных; на каждой из оных по ужасной голове и в челюстях по три ряда плотных, частых и смертоносных зубов. Полтуловища ее в глубокой пещере скрывается; головы же свои держит вне страшной пропасти. Тут, озирая скалу вокруг, ловит она рыбу, дельфинов, псов морских, а иногда хватает великих китов, каковых тысячами питает многошумная Амфитрита. Никогда мимо плывущие не похвалятся, что безбедственно здесь прошли с кораблем, ибо Скилла, каждым зевом своим схватив по одному человеку, уносит из синего корабля. Другую скалу близ первой увидишь ты, низшую, и чрез оную можно перекинуть стрелу. На ней стоит высокая, густолиственная, дикая смоковница; под нею божественная Харибда поглощает черную воду; трикраты каждый день изрыгает она ее и трикраты поглащает. Страшися к поглощающей приближиться: тогда тебя от бедствия не избавит и сам землепотрясатель Посидон; но сколь можно ближе ко Скиллиной скале подходи и быстро мимо ее устремляй корабль твой, ибо лучше тебе шестерых из корабля товарищей, чем всех лишиться».

Из повествования сего несомненно явствует, что движущиеся скалы, то есть Симплигады и Планеты, находилися в одном с Скиллою и Харибдою урочище, если даже не были одни и те же, а потому не удивительно ли покажется, что позднейшие писатели, оставя тех при входе в Черное море из Фракийского Босфора,[7] переместили сии последние в Мессинский пролив?[8]

Но предубежденные читатели возразят мне, что всеобщее древних землеописателей предание, полагающее в проливе оном Скиллу и Харибду, должно быть уважаемо и требует по крайней мере основательнейшего опровержения. Согласен, и с помощию бессмертного Гомера оно отнюдь не затруднительно; ибо нет почти сомнения, что сам он или, лучше сказать, всеобщее к нему благоговение подало причину к перемещению знаменитых урочищ сих. По возвращении Язона из Колхиды Фракийский пролив сделался грекам более известным; сталкивающиеся камни сного утвердилися на их местах; хищная Скилла удалилась из пещеры своей, а Харибдский омут не представлял уже никакого ужаса опытным мореходцам; и, наконец, память их осталася только в песнях Одиссеи. По истечении долгого времени греки,

[7] См. Геродот, кн. IV, § 85. Аполлония Родийского, Аргонавтика, кн. I, ст. 20, 59, 786. Валерия Флакка, Аргонавтика, песнь IV, стих 561.
[8] См. Энеида, песнь III, ст. 420.

начавшие распространять поселения свои и на западных берегах Италии, в мореплавании к оным принуждены были проходить Мессинский пролив, где встречали не токмо трудности, но даже и опасности, существующие для мелких судов и поныне;[9] первые странствователи, претерпевшие там кораблекрушение, приняли некоторые страшнейшие урочища за Гомеровы Скиллу и Харибду; молва о них распространилась и мало-помалу обратилася в быль для легковерных греков, обрадовавшихся отысканию баснословных Босфорских страшилищ; а время и песни Гомера утвердили урочищам сим древнейшие, по поверхностным отношениям приличные им названия и передали оные в позднейшее потомство.

Вот, по мнению моему, единственная причина, побудившая перенесть Скиллу и Харибду в Мессинский пролив; но ширина оного, не представляющая оптическому обману средства отыскать там сближающихся и отражающихся Симплигад и Планет, принудила легкомысленных и баснолюбивых греков оставить оные на прежнем месте, при входе в Черное море из Фракийского, излучистого и весьма узкого пролива; а тем самым дала повод к разделению сих урочищ, отцом стихотворства, как выше явствует, соединенных.[10]

Доказав толь разительную позднейших писателей с преданием Гомера несообразность и определя Скилле и Харибде прежнее, истинное их местоположение, почитаю себя вправе заключить, что Улисс, возвращающийся от Цирцеи в Ифаку, проплывши движущиеся скалы Босфорские и после кораблекрушения обратно понесенный бурею мимо оных, должен непременно очутиться опять в Черном море; и, конечно, там где-либо выброшен был на берег Огигийского острова, обитаемого нимфою Калипсою.

Второе, ту же самую истину подтверждающее обстоятельство есть пребывание Улисса у Цирцеи, сестры Аэта, колхидского царя; родные по тогдашним, весьма затруднительным странствованиям долженствовали жить в соседстве; притом и Гомер определяет местоположение острова ее там, где находится чертог Авроры и солнца восход.[11] Одно указание сие не позволяет определять жительства Цирцеи на западном берегу Италии,

---

[9] См. Géographie physique de la mer noire et de la mediterranée, par Durreau de la Maille, fils, pages 322, 323, 336, 338.

[10] См. Одиссеи песнь XII, стих 61, 78—85; 10—40, 235. Песнь XXIII, стих 326, 327 — Trad. de Bittaubé, tome II, page 198, 199, 201, 211; tome III, page 300.

[11] См. Одиссеи песнь XII, стих 3, 4. — Trad. de Bittaubé, tome II, page 193.

а равномерно циклопов Эолийского острова и лестригонов, от которых прибыл Улисс к Цирцее.

Третье, к той же цели относящееся обстоятельство обнаруживается описанием известного киммерийского,[12] всегдашнею тьмою покрытого народа, к пределам коего отправился Улисс от Цирцеи для воззвания теней из царства Плутонова и для беседования с оными. Основательнейшие критики видели, что картина края сего, хотя усиленными красками изображенная, представляет какую-либо северную страну, выше Черного моря лежащую; но не может ни малейше соответствовать западным берегам Италии.[13] Гомер описывает оную следующим образом: [14]

«Через целый день надувалися ветрила быстролетящего корабля; наконец закатилося солнце, и стези все покрылися темнотою; тогда приплыл корабль наш к пределам глубокотекущего океана, где находится Киммерийский народ и град его, мраком и тучами покровенные: никогда сияющее солнце не освещает их лучами своими, ни тогда, когда восходит к небу звездному, ни даже, когда обратно к земле ниспускается, но всегда пагубная ночь покрывает несчастных смертных сих».

Рассудительный исследователь истины с первого взгляда увидит, сколь описание сие несообразно с западным берегом Италии и с Кампанийскою страною, где находится Авернское, от мыса Цирцелло не более ста верст отстоящее озеро. Неосновательность писателей, полагающих близ оного врата обители теней, с Улиссом собеседовавших, должна, конечно, удивить каждого непредубежденного человека: наипаче ежели соображено будет, что Гомеру даже Сицилия под собственным именем ее известна была [15] и что, следовательно, не мог он на восточных, противоположных оной берегах Италии означать жительство народа, всегдашнею тьмою покрытого.

Наконец, четвертое и самое важнейшее обстоятельство, доказывающее вероподобность многоразличных странствований Улисса около пределов Черного моря, явствует из местного положения Феакии, куда, не проплывая мимо Скиллы и Харибды, принесен был он бурею. Из многих мест Одиссеи видно, что страна сия весьма удалена от Ифаки [16] и от Греции и отнюдь не может быть принята за остров Корсиру, нынешнюю Корфу, как все объяснители поэмы сей почти единогласно утверждают.

---

[12] См. Геродот, кн. IV, § 12.

[13] См. Odyssée. Trad. de Bittaubé, tome II, page 123, 124.

[14] См. Одиссеи песнь XI, стих 11... 19. — Trad. de Bittaubé, tome II, page 127.

[15] См. Одиссеи песнь XX, стих 383. Песнь XXIV, ст. 211, 366, 389. — Trad. de Bittaubé, tome III, page 185, 328, 338, 340.

[16] См. Одиссеи песнь IX, стих 18. — Trad. de Bittaubé, tome II, page 3.

Для опровержения мнения их, я приведу слова Навзикаи, дочери Алкиноя, Феакийского царя. При первом появлении Улисса она говорит устрашенным прислужницам своим: [17]

«Остановитесь, куда бежите вы, увидев человека сего? Конечно, принимаете его за какого-либо врага; но не бывало человека на свете и не будет вечно, который бы, неся с собою брань, пришел в Феакийскую страну; ибо мы любезны бессмертным, обитаем особо от всех посреди обуреваемого волнами моря, на краю земли, и никто из смертных нас не навещает».

Могут ли выражения сии относиться и самомалейше к острову Корфу, отделенному от твердой земли и от весьма известной Улиссу Феспротии [18] только самым узким проливом?

Но, возразят мне критики мои, Улисс в одну ночь переплыл из Феакии в Ифаку. На сие ответствую, что на таких быстротечных кораблях, каковыми Алкиной изображает феакийские, ничуть не трудно в один час переплыть чрезмерное пространство. «Поведай мне, — говорит он Улиссу,[19] — землю свою, народ и град отеческий, дабы отвезли тебя туда смыслом одаренные корабли мои: ибо феакеане не имеют ни кормчих, ни рулей, употребляемых прочими кораблями; но сии сами собою постигают намерения и мысли человеков; им ведомы города и тучные поля всех народов; мраком и облаком покровенные, протекают они быстро пространство морей, и нет им никогда опасности ни повредиться, ни погибнуть.[20] Отправление твое полагаю я устроить тебе на утро, как ты сам то увидишь; между тем отягченный сном почий; гребцы же воспользуются ведром, дабы доставить тебя в отечество, в дом твой или куда тебе угодно будет; хотя бы то было гораздо далее, чем до Эвбеи, которую отдаленнейшею почитают те, видевшие ее из наших, кои светловласого Радаманта возили на свидание с Титием, сыном земли. Они туда ездили, без труда совершили путь и в тот же самый день назад в домы свои возвратилися».

На толь чудесных кораблях мог Улисс безопасно миновать Скиллу и Харибду и в одну ночь приплыть в отечество. Выдумка сия необходима даже была творцу поэмы, дабы избежать повторительного описания одних и тех же предметов и скорее достигнуть к цели, предположенной для развязки повести его,

---

[17] См. Одиссеи песнь VI, стих 199... 205. — Trad. de Bittaubé, tome I, page 281.

[18] См. Одиссеи песнь XIV, стих 315. Песнь XIX, стих 271, 287, 292. — Trad de Bittaubé, tome II, page 308; tome III, page 118, 119, 120.

[19] См. Одиссеи песнь VIII, стих 555... 563. — Trad. de Bittaubé, tome I, page 383.

[20] См. Одиссеи песнь VII, стих 317... 326. — Trad. de Bittaubé, tome I, page 327.

Убеждение в истине сей и соображение всех приведенных здесь мною преданий Гомера из Одиссеи утвердили меня в мнении, что странствования Улисса дожно полагать в окрестностях Черного моря. Вследствие того при входе в оное из Фракийского Босфора, близ Кианейских, Планетных или Симплигадских камней, отыскал я Скиллу и Харибду в Константинопольском проливе. Обиталище Цирцеи находилось, по мнению моему, на берегу Меотического, нынешнего Азовского моря, при устье реки Эи, которой наименование, по-видимому, перенесла Цирцея из родины своей по выходе замуж за сарматского царя. Киммерийскому, отчасти баснословному народу назначил я жительство на северных окрестностях Черного моря, близ залива, носившего в древности название Некропила или врата смерти; столицу же феакеан, с двойною пристанью ее и даже с кораблем, в камень обращенным, нашел я на южном берегу Тавриды, близ нынешней Отузской долины. Умалчивая теперь о других маловажнейших урочищах, Гомером не столь определительно означаемых, ожидать буду суждения, которое просвещенные читатели благоволят учинить о сих главных моих по столь любопытному предмету заключениях. Знаю, сколь много возражений могут критики представить мне, основываясь не токмо на предании древних знаменитых писателей, но даже на свидетельствах, из самой Одиссеи почерпнутых; и для того предварительно должен припомнить самомыслящим исследователям истины, что в превосходной поэме сей находится множество мест подделанных в то время, когда Скилла и Харибда передвинулися в Мессинский пролив. Перемещение сие подало повод ко многим другим; для соображения преданий отца стихотворства догадливые люди начали присваивать соседственным новой Скилле и Харибде урочищам названия, соответственные находящимся в бессмертной Одиссее, а всевластное время навеки оные утвердило. Тогда-то Сицилия, известная Гомеру под сим собственным названием ее,[21] превратилася в Фринакию[22] и в отечество циклопов, сообразных северным аримаспам;[23] полуночные киммериане переселилися в западный предел Италии,[24] а чаятельно вслед за ними и сестра колхидского царя Цирцея — на нынешний Цирцелский мыс. Ветры начали дуть откуда угодно было исправителям Одиссеи, и даже небесные светила передвигалися по их всемогущему мановению; словом, вся беда

[21] См. Одиссеи песнь XX, стих 383. Песнь XXIV, стих 211, 366, 389. — Trad. de Bittaubé, tome III, page 185, 328, 338, 340.

[22] См. Одиссеи песнь XI, стих 106. Песнь XII, стих 127. Песнь XIX, стих 275. — Trad. de Bittaubé, tome II, page 133—203; tome III, page 119.

[23] См. Геродот, кн. III, § 96; кн. IV, § 13, 27.

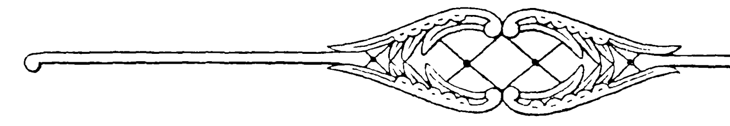
[24] См. Геродот, кн. IV, § 12.

случилась от перемещения знаменитых урочищ Скиллы и Харибды, а потому убедительнейше прошу просвещенных читателей и критиков моих обратить внимание свое на сей важнейший предмет, исследовать оный в точности, и тогда только изречь надо мною решительно обвинительный приговор, когда доказано будет, что Гомер не соединил урочища Планет или Симплигад с пещерою хищные Скиллы и с пагубоносным омутом Харибды.

Заключаю искренним желанием, чтобы смелые изыскания мои были благосклонно приняты просвещенными читателями и дабы новость предположений моих не сочтена была без исследования за дерзскую строптивость человека, старающегося отличиться только своевольным умничаньем. Смею удостоверить, что единственно желание открыть истину внушало меня в толь отважном предприятии и что, чувствуя совершенно ограниченность знаний моих и возможность погрешить в собственных умозаключениях, с признательностью и уважением приму всякое благонамеренное возражение противу обнаруженного мнения моего. Любители наук и словесности должны составлять одно семейство и братски вспомоществовать друг другу в изыскании истины или к достижению изящного. Вот авторская исповедь моя, чистосердечность которой доказывать на деле поставлял я себе всегда и буду поставлять вечно священным и непреложным правилом.

Чего Улисс не претерпел!
В скитанье десять лет провел;
Гоним Нептуном от Исмара,
Едва ль не вплоть до Гибралтара
Вперед и взад бедняжка плыл;
А вот теперь Капнист взвалил
На многотерпца вновь обузу
И заставляет плыть — в Отузу!

Писъма



1

А. А. ДЬЯКОВОЙ

Конец 1770-х годов. Петербург

Ma chère amie, vous ne savez pas comment par votre lettre vous avez déchiré mon coeur, par quels traits venez vous de le frapper. *Je vois que mes paroles, dites-vous, ne vous font rien et que vous vous souciez fort peu de moi.* Fille cruelle! que voulez-vous que je vous réponde à cela! Rien. Je sens trop pour pouvoir vous exprimer ce que ces paroles ont opéré sur moi. Ciel! je n'ai jamais cru que vous eussiez pu changer vos sentiments à chaque occasion. Ne croyez pas que j'aille vous faire voir combien ce que vous m'avez dit là est faux. Je laisserai penser ce qu'ils veulent les gens qui sans aucune raison ne veulent pas me rendre justice et ne laisserai pas pour cela être ce que je suis et que dois être. Il faut cependant que vous sachiez que ce n'est pas manque de bonne volonté que je ne vous ai pas écrit. Dimanche la nuit je reçu votre lettre, lundi nous allâmes à Sarsco Selo, hier nous dinâmes chez mr. Jelagin, et je n'ai vu mr. Chem‹nitzer› qu'au sortir du spectacle où je devais me trouver pour affaire. Je n'ai pas eu le temps pendant tout ce temps de mettre la plume à la main. Présentement que je suis libre et seul chez moi, je répondrai à votre première lettre, que le projet que vous avez imaginé de me faire écrire à vos parents était loin d'être avantageux pour nous, très nuisible à tous tant que nous sommes. Votre mère voyant que je fléchis ‹sous› elle voudra, à coup sûr, me prescrire des conditions, auxquelles ne pouvant pas me faire consentir, elle me refusera l'entrée de votre maison d'autant plus volontiers qu'elle crois que ce sera le moyen de me reduire à tout ce qu'elle voudra que de me refuser la grâce d'être avec vous. Et il est donc très essentiel de lui faire accroire que quoique votre éloignement me chagrine, mais que je ne suis point en état de consentir à faire ce qu'elle veut de moi, et c'est la seule voie pour l'obliger sans me faire aucune violence sur mes sentiments à m'accorder la liberté de venir dans sa maison et surtout quand vous voudrez, comme je vous ai écrit dans ma première lettre, m'aider auprès de votre mère par votre non-indifférence à l'égard de mon absence. Agissons, ma chère, selon le plan de la raison et non celui de nos penchants. Il faut souffrir quelque temps pour mieux fonder notre bonheur essentiel.

C'est assez, ma chère amie, vous prêcher raison. Je vous dirai encore seulement que j'écrirai à votre cher père après avoir parlé à votre oncle G. A.

Ce n'est pas des excuses qu'on veut avoir de moi, c'est renoncer à l'amitié totalement et de vous fiancer. Vous connaissez déjà depuis longtemps l'impossibi-

lité du premier pour toujours et de l'autre pour quelque temps. Tranquillisez-vous, ma chère amie, croyez-moi toujours ce que je suis, et n'allez pas m'insulter comme vous avez fait dans votre dernière lettre. Quelle cruauté, ma chère, ma tendre amie! Pourquoi nous donner de chagrin nous-même tandis qu'on nous en donnent déjà.*

Je ne sais pas comment on vous rendra cette lettre. Demain après midi je passerai à cheval auprès de votre maison. Vous verrai-je, ma chère? Ce sera à 5 heures après midi. Faites en sorte que je vous voie ensemble avec votre chère mère. Peut-être que je pourrai m'arrêter et vous parler, peut-être même qu'on me permettra de venir vous embrasser. Adieu, ma chère, on m'interrompais à chaque ligne, j'etais obligé d'écrire en présence de Poltoratsky l'aîné et sans laisser voir ce que j'ecrivais. Adieu, ma chère. J'ai des maux de dent qui me font souffrir. Adieu, ma chère, jusqu'au revoir. Faites en sorte que je vous voie demain. Embrassez pour moi votre soeur. Je vous embrasse mille fois.

Adieu. Détrompez-vous des préjugés que mon silence vous donna à l'égard de ma façon de penser à vous. Aimez-moi, ma chère, autant que vous l'avez fait, et vous verrez que tout ira bien. C'est essentiel. Adieu. Je vous embrasse encore une fois. Je suis si distrait, si abattu par la lecture de la lettre que votre chère soeur a écrite hier à mon ami que je ne sais pas ce que je dis ni ce que je fais; cette lettre vous le fera sentir. Je pense que l'on est malheureux lorsque l'on l'est doublement et pour soi-même et pour ses amis. Adieu, ma chère amie. Consolez votre chère soeur. Vous seule lui restez. Je vous embrasse. Adieu. Ecrivez-moi par qui vous le pouvez. Soyez tranquille, ma chère, tout ira bien. Il faut du temps pour se rendre heureux, mais aussi quand nous le serons une fois, c'est pour toujours. Adieu. Je baise vos belles mains. Adieu. Embrassez votre chère soeur pour moi. Je l'embrasse mille fois.

Cette lettre a été écritie hier. Ellé n'a pas pu être rendue hier. Ainsi c'est aujourd'hui à 5 heures après midi que je passerai près de votre maison. Congédiez mrs. Poltoratsky avant 5 heures pour qu'ils ne puissent me voir. Cachetez vos lettres si vous les rendez à Poltoratsky, car il n'est instruit de rien du tout.

Перевод

Дорогой друг мой, вы и не ведаете, как письмом вашим истерзали мне сердце, какими поразили его стрелами. «Вижу, — пишете вы, — что слова мои для вас ничего не значат, и вы вовсе обо мне не думаете». Жестокая! Что ответить мне на это? Ничего. Слишком много чувств переполняет меня, чтобы мне удалось выразить, какое впечатление произвели на меня слова ваши. Боже! никогда не поверил бы, что вы способны по всякому поводу переменять чувства ваши. Не думайте, что стану доказывать вам, насколько ложно то, что вы мне сказали. Пусть те, кто без всякого основания не хотят быть ко мне справедливыми, думают, что им угодно; я не перестану от того быть тем, что я есть и чем быть должен. Знайте, однако, что не оттого не писал к вам, что не хотел. Письмо ваше получил в воскресенье вечером, в понедельник мы отправились в Царское Село, вчера обедали у г-на Елагина, и Хемницера я встретил лишь выходя из театра, где должен был быть по делу. За все это время мне некогда было и пера взять в руки. Теперь, когда сижу один дома и свободен, отвечу на первое ваше письмо: придуманный вами план, чтобы я написал родителям вашим, далеко нам не выгоден и для всех нас в нашем положении весьма вреден.

---

* *Приписка на полях:* C'est aussi l'avis de votre dévoué Lvoff. L'épithète du malheureux m'irait mieux. Adieu, adorable Сашинка.

Матушка ваша, видя, что я ей уступаю, захочет несомненно продиктовать мне условия, а не сумев заставить меня принять их, откажет мне от вашего дома тем охотнее, что полагает, будто сможет склонить меня к тому, чего желает, лишив удовольствия быть подле вас. Чрезвычайно важно поэтому убедить ее в том, что как бы ни была тягостна мне разлука с вами, я все же никак не смогу согласиться на то, чего она от меня требует. Только таким путем можно вынудить ее предоставить мне свободный доступ в ваш дом, не совершая при этом насилия над моими чувствами; а главное, чтобы вы захотели, как я писал вам в первом своем письме, помочь мне, показав пред вашей матушкой, что вам вовсе не безразлично мое отсутствие. Будем действовать, дорогая моя, согласно велению разума, а не настроений наших. Придется несколько времени пострадать, чтобы прочнее утвердить счастие нашей жизни.

Довольно мне, дорогой друг, учить вас уму-разуму. Прибавлю еще только, что любезному вашему батюшке напишу после того, как поговорю с вашим дядей Г. А.

Не извинений от меня хотят, а требуют, чтобы я отказался от дружества и женился на вас. Вам уже давно известно, что первое совершенно немыслимо, а второе временно невозможно Успокойтесь же, дорогой друг, верьте, что я все тот же, и не оскорбляйте меня, как оскорбили в последнем письме вашем. Что за жестокость, дорогой, милый друг мой! Зачем нам доставлять друг другу огорчения, когда их и без того хватает.*

Не знаю, каким образом это письмо дойдет до вас. Завтра днем проеду верхом мимо вашего дома. Увижу ли вас, дорогая? Проеду в 5 часов пополудни. Устройте так, чтобы я увидел вас с любезною вашей матушкой. Быть может, мне удастся остановиться и заговорить с вами, быть может, даже мне позволят поцеловать вас. Прощайте, дорогая, меня то и дело прерывали, писать пришлось при Полторацком старшем, скрывая от него, что пишу. Прощайте, дорогая моя. Страдаю от зубной боли. Прощайте, дорогая, до свиданья. Устройте так, чтобы мне повидать вас завтра. Поцелуйте за меня сестрицу вашу. Тысячу раз целую вас.

Прощайте. Отбросьте ложные мысли насчет моих чувств к вам, мысли, внушенные моим молчанием. Любите меня, дорогая, как прежде любили, и вы увидите, что все будет хорошо. Это главное. Прощайте. Еще раз целую вас. Так расстроен, так подавлен чтением письма, которое сестра ваша написала вчера моему другу, что уж и не знаю, что говорю и что со мною делается. Вы почувствуете это по письму. Я думаю, что человек тогда несчастен, когда несчастлив вдвойне и за себя и за друзей своих. Утешьте любезную вашу сестру, вы одна ей остались. Целую вас. Прощайте. Пишите через кого только можете. Не волнуйтесь, дорогая, все будет хорошо. Чтобы стать счастливым, на это надобно время, но уж когда мы станем счастливы, то навсегда. Прощайте. Целую прекрасные ручки ваши. Прощайте. Поцелуйте за меня любезную вашу сестрицу. Тысячу раз целую ее.

Сие письмо написано было вчера, но передать его вчера нельзя было. Посему проеду мимо вашего дома сегодня в 5 часов пополудни. Постарайтесь до 5 часов спровадить гг. Полторацких, чтобы они меня не увидели. Запечатывайте письма, ежели отдаете их Полторацкому, ибо он решительно ни о чем не знает.

* К сему мнению присоединяется и преданный вам Львов. Мне более подошло бы имя Несчастливцева. Прощайте, очаровательная Сашенька.

2

А. А. ДЬЯКОВОЙ

Конец 1770-х годов. Петербург

Que je suis malheureux, ma tendre, ma chère amie, de ne point recevoir jusqu'à présent votre réponse sur ma lettre. Mais je me flatte, mais j'ose me flatter que je ne serai pas assez malheureux de n'en point recevoir du tout. Ce serait un coup de foudre pour moi, cette pensée seule me rend déjà malheureux par avance. Je vous conjure, mon amie, si mon repos, si mon bonheur vous est cher jusqu'à présent, de ne point tarder à m'écrire. Une seule ligne de votre main, si elle m'est favorable, est en état de me rendre heureux au sein-même de l'infortune.

J'entends de mr. Poltoratsky l'aîné qui a été hier chez vous, que vous ne paraissez pas triste. Plût à dieu qu'il ne se soit point trompé, mais aussi que je suis malheureux si ce calme en vous n'est que l'effet de votre refroidissement. Non, je ne le crois pas ne puis pas même le croire. Non, je vous connais, et c'est vous faire injustice que de penser autrement.

J'espère que ma lettre vous a rassuré sur mes sentiments. Mais votre mère en sait-elle rien? Il est fort nécessaire qu'elle n'en sache rien, ne lui dites rien, ne lui montrez rien. Au contraire, je pense que si elle vous verra triste en connaissant la cause, peut-être qu'elle cessera de prolonger mon malheur en prolongeant le terme de mon exil. Je fis parler Georges Alex., je fis tous les pas qui devaient me justifier envers vous et faire voir l'honnêteté de mes sentiments, mais rien ne peut opérer sur l'esprit de votre mère. Vous voyez et avez vu que sans ma raison et par pur caprice elle m'a interdit votre maison. J'y ai souscris, ne pouvant rien faire sur son coeur, et je serai obligé de rester dans cet état.

Je vous ai vu. Un seul moment a suffit pour ma félicité, pour faire rentrer la joie dans mon coeur. Mais cette joie n'était que momentanée. Je crus apercevoir dans ce seul regard que vous avez jeté sur moi quelque chose de fâché, quelque chose de colérique. Est-ce en effet? Cela ce pourrait-il être que vous puissiez être fâché contre moi dans mon état actuel? Malheureux, que me restera-t-il donc? Tout est desespéré pour moi si je me reste seul. Mais non, peut-être que je me suis trompé, peut-être... mais instruisez-moi en ceci vous-même et mes doutes seront éclaircis. Mon état sera cruel jusqu'à ce temps-là. Mais que faire? Je ne puis pas même me consoler de ce qu'il ne peut pas être pire qu'il n'est, car si en effet vous vous voudrez me (нрзб.) quitter. Mais tâchons d'écarter de moi ces idées.

Quelle injustice de la part de votre mère de vouloir exiger de moi, comme on m'a assuré, la condition de renoncer à l'amitié, et en tâchant de faire tout ce que je pourrai pour ses intérêts être la cause du malheur de deux personnes pour qui vous connaissez mon attachement. C'est presqu'à ces conditions qu'on veut me permettre à prétendre à votre main, qui se rendra par là, pour ainsi dire, le moteur de leur infortune. Vous qui connaissez mon coeur, jugez si je puis sans renoncer aux sentiments d'honneur et de probité adoptés par moi pour toujours et en se rendant en même temps indigne de vous et de votre attachement pour moi, accepter de propositions pareilles. On veut faire de vous un ressort pour corrompre mon coeur. Vous avez trop de sentiments pour y donner les mains et je suis trop sûr que loin de m'engager à faire ce qu'on exige de moi, vous serez la première qui m'affermira dans les voies de l'honneur. On peut me rendre malheureux, on peut me le rendre par vous, mais jamais coupable et parjure. J'espère, ma chère amie, j'espère qu'on ne voudra pas longtemps me priver du plaisir de vous voir et surtout lorsque vous ferez pour cela votre possible.

On n'est injuste envers moi que dans la première chaleur de l'emportement. On reviendra, je suis sûr. Présentement tout ce qui peut me tranquilliser, c'est votre réponse. Ecrivez-moi, ma chère, vous ferez par votre retardement coupable des chagrins que j'essuierai pendant tout le temps que votre silence me tiendra en suspens sur mon sort. Il est affreux, ce temps, plus que vous ne pouvez pas vous l'imaginer. Tirez-moi donc de cet état de martyre et par une réponse sincère ou rendez la paix à mon coeur ou prononcez l'arrêt de mon malheureux destin.

Adieu. Je sens trop pour pouvoir vous exprimer tout ce que je sens, et pour quelqu'un qui aime il vaut mieux ne pas connaître le misérable état de l'objet qu'il chérit, que de le connaître et ne pas pouvoir y remédier. Adieu. Je me repose sur vous et j'attends avec la plus grande impatience votre réponse. Si vous avez aimé, si vous aimez, je vous conjure par votre amour, par tout ce qu'il vous fait éprouver de ne pas rebuter la prière d'un homme qui attend par elle ou le sceau de son bonheur, ou l'arrêt de son infortune et qui en l'attendant est obligé de repaître son espoir d'une incertitude cent fois plus cruelle que la certitude d'un malheur même. Adieu.

Перевод

Сколь я несчастен, милый, дорогой друг мой, что до сих пор не получил от вас ответа на мое письмо! Но льщу, осмеливаюсь льстить себя надеждою, что не буду настолько несчастлив, чтобы вовсе его не получить. Это поразило бы меня подобно удару молнии, уже одна эта мысль делает меня несчастным. Заклинаю вас, друг мой, ежели мой покой, ежели счастие мое по-прежнему дороги вам — не умедлите с ответом. Одна строчка, писанная вашей рукою и благоприятствующая мне, может сделать меня счастливым даже в несчастии.

От г-на Полторацкого старшего, бывшего вчера у вас в доме, узнаю, что вы не кажетесь печальною. Дай бог, чтоб он не обманулся, но вместе с тем, сколь я несчастен, ежели такое спокойствие с вашей стороны — следствие вашего ко мне охладения. Нет, не верю, не могу даже поверить этому. Ведь я знаю вас, ведь думать иначе было бы несправедливостью по отношению к вам.

Надеюсь, что мое письмо успокоило вас насчет моих чувств. Но известно ли о том что-либо вашей матушке? Совершенно необходимо, чтоб ей ничего не было известно, не говорите ей ни о чем, ничего ей не показывайте. Напротив того, я думаю, что ежели она увидит вас печальною, зная к тому же причину вашей печали, она положит, быть может, конец моим мучениям, сократив срок моего отлучения. Я просил Григория Алекс‹еевича› замолвить за меня словечко, предприняд все необходимые шаги, чтобы оправдать себя в ваших глазах и показать честность моих намерений, но на матушку вашу ничто не действует. Вы видите и видели, что она отказала мне от дома без всякого повода с моей стороны, из чистого каприза. Я покорился, не сумев подействовать на ее сердце, и вынужден оставаться в таком положении.

Я видел вас. Одной минуты достало, чтоб я почувствовал себя счастливым, чтоб вернулась радость в сердце мое. Но она была лишь кратковременной. В единственном взгляде вашем, кинутом на меня, мне почудилась некая досада и гнев. Так ли это? Неужто могли вы гневаться на меня в теперешнем моем положении? Что останется тогда мне, несчастному? Все погибнет для меня, останься я один. Но нет, быть может, я ошибся, быть может... да просветите же меня на сей счет вы сами, и сомнения мои рассеются. А до той поры положение мое будет жестоким. Да что делать? Не могу даже утешать себя мыслью, что хуже, чем теперь, уж

не будет, ибо ежели в действительности вы захотите покинуть меня... Постараюсь, однако, отогнать от себя эти мысли.

Какая это несправедливость со стороны вашей матушки требовать от меня, как мне передавали, чтобы я отказался от дружества и, постаравшись сделать все возможное ради ее интересов, стал бы причиною несчастья двух людей, привязанность моя к которым вам известна. Вот на каких в сущности условиях будет мне дозволено искать вашей руки, которая сделается тогда, так сказать, источником их несчастия. Вы знаете мое сердце, так судите же, могу ли я согласиться на подобные предложения, не отказавшись от чувства порядочности и чести, на всю жизнь усвоенных мною и сделавшись в то же время недостойным вас и вашей ко мне привязанности. Вами хотят воспользоваться, как орудием, чтобы совратить с истинного пути мое сердце. Ваши чувства слишком благородны, чтобы вы согласились на это, и я совершенно уверен, что вы не только не станете склонять меня к тому, чего от меня требуют, но первая укрепите меня на путях чести. Меня могут сделать несчастным, несчастным из-за вас, но преступником, но клятвопреступником — никогда. Дорогой друг мой, я надеюсь, я уповаю на то, что не долго будут лишать меня удовольствия видеть вас, особенно когда вы, с вашей стороны, сделаете все возможное, чтобы помочь мне.

Ко мне несправедливы лишь в первом порыве негодования. Настроение переменится, я уверен. Единственное, что может успокоить меня теперь — это ваш ответ. Напишите мне, дорогая моя, преступное промедление ваше причинит мне мучение, которое буду я претерпевать все то время, когда из-за вашего молчания мне придется пребывать в неизвестности насчет своей участи. Вы не можете и вообразить, насколько ужасно подобное ожидание. Избавьте же меня от мучительного сего состояния и искренним ответом верните мир сердцу моему или произнесите приговор несчастной моей судьбе.

Прощайте. Я обуреваем столь многими чувствами, что не умею выразить их перед вами, а для того, кто любит, лучше и вовсе не знать о плачевном положении дорогого ему человека, чем, зная о том, быть не в силах помочь ему. Прощайте. Полагаюсь на вас и с превеликим нетерпением жду вашего ответа. Ежели вы любили, ежели любите, заклинаю вас любовью вашей, всеми чувствами, что несет она с собою, — не отвергайте мольбы человека, ожидающего вашего ответа, который либо утвердит его счастие, либо обречет на муки, — человека, вынужденного в ожидании питать свою надежду сомнениями во сто раз более мучительными, чем уверенность в само́м несчастии. Прощайте.

3

А. А. ДЬЯКОВОЙ

Конец 1770-х годов. Петербург

Ma chère, ma tendre amie! J'ose encore de vous appeler de ces noms malgré les injustes défenses de votre mère de vous <aimer> et d'espérer d'être à vous; ciel, mais dites-moi, vous déterminez ou le bonheur ou l'infortune de ma vie! Dites-moi si votre coeur n'a point hésité de sentiments de votre mère. Non, je ne le crois pas, <...> je sais même vous rendre justice. Plût au ciel que vous puissiez dans le fond de votre coeur me la rendre pareillement, je n'ai pas besoin de la demander, vous me la devez, vous qui connûtes toujours mon âme

d'une <manière> différente de celle de votre mère. Vous connûtes mon attachement pour vous, il est inébranlable; on est en état de me rendre malheureux, mais rien au monde, non, rien ne peut point déraciner de mon âme l'amour dont elle respire pour vous. Non, tendre amie d'un malheureux, sois sûr. Mais c'est inutile de t'assurer, tu me rends justice, ayant une fois partagé mon âme, tu dois connaîre tous ses sentiments. Tu les connais et mon coeur ne peut pas te désavouer. Au nom de dieu, cependant, rassurez-moi sur ce que je dois espérer de vous. Un seul mot de votre bouche me fera supporter avec constance tous les chagrins qui peuvent me charger, rappelez un peu dans votre coeur les sentiments que vous m'avez témoignés. Mais pourquoi dis-je: rappelez-les? Vous n'avez que voir dans votre coeur pour les y rencontrer, oui, j'en suis sûr. Mais au moins dites-moi qu'ils ne sont pas ébranlés par les propos injustes de votre mère. Elle exige de moi l'impossible. Elle veut me faire renoncer à l'amitié et me lier à vous par des noeuds indissolubles. Je vous ai assuré cent fois que pour le dernier le temps n'est pas encore venu,* et connaissant ma constance vous devez être assurée de l'impossibilité du premier. Mais je vois que de sa part, peut-être, ce n'est qu'un pur prétexte. Vous avez entendu hier tout mon discours. Vous y avez pu voir mes justifications et mon innocence. J'ai exposé mes sentiments non tant pour votre mère que pour vous. En raisonnant avec elle je me justifiais devant vous. Je vous conjure, ma tendre amie, par tout ce qui est le plus saint pour vous, par l'amour le plus tendre, par mon malheur, de m'instruire sans détours de vos sentiments à l'égard de moi. Si vous me rendrez justice, vous ferez rentrer la paix dans mon âme, si non, je ne puis pas me l'imaginer seulement, si non, si vous affermirez les ordres de votre <mère,> Dieu! cela sera-t-il possible? Si vous voulez le malheur de ma vie en renonçant à moi — alors adieu, plus de bonheur pour moi, mais aussi plus de malheurs. Adieu, ma tendre amie. Tout ce que je vous ai dit, n'est-il pas arrivé, plût au dieu. Que tout ce que j'espère arrive un jour.

Au nom de dieu, ma chère amie, répondez-moi au plus vite. Tirez-moi de l'état où je suis, il est affreux. Si je n'espérais pas, je ne sais pas ce que je serais devenu. Adieu. Tranquillisez-vous, ma tendre amie, et si mes sentiments peuvent y entrer de quelque chose, soyez assurée, ma tendre amie, que ni le temps, ni les injustices des hommes, ni quelque pouvoir que ce puisse être, ne peuvent pas effacer de moi les sentiments de l'amour et de dévouement, de tendresse, de constance que j'avais et que j'ai et j'aurai pour vous. Votre état me tourmente. Que le mien ne vous fasse pas de peine. Je suis tranquille et ne suis point malade. Tâchez de vous conserver également pour un homme qui fera son bonheur du vôtre et qui sans vous renonce à tout, même à soi-même. Adieu. Je vous embrasse mille fois. Adieu. Ecrivez-moi. Adieu.

Перевод

Милый, дорогой друг мой! Так осмеливаюсь еще называть вас, несмотря на несправедливые запреты вашей матушки любить вас и надеяться быть вашим. О небо! да скажите же мне, и вы решите счастие или несчастие моей жизни. Скажите же мне, не поколебалось ли ваше сердце от мнения вашей матушки? Нет, не верю, <...> способен даже признать вашу правоту. Дай бог, чтобы вы со своей стороны признали в глубине души мою правоту; мне нет нужды просить вас об этом, вы должны ее признать, вы, всегда понимавшая мою душу иначе, чем ваша матушка. Вам ведома была моя к вам привязанность, и она непоколебима; меня можно сделать несчастным, но ничто на свете, нет, ничто не может вырвать из моей души любви к вам, в ней живущей. Нет, милая подруга несчастного человека, верь-

* *Приписка на полях:* C'est-à-dire pour nous fiancer.

мне. Но к чему убеждать тебя, ведь ты признаешь мою правоту; раз приобщившись моей душе, ты не можешь не знать всех ее чувств. Они известны тебе, а сердце мое не может от тебя отречься. Бога ради, однако, успокойте меня насчет того, что должно мне ожидать от вас. Одно лишь слово из ваших уст поможет мне с твердостию перенести все огорчения, кои могут на меня обрушиться. Припомните сердцем своим те чувства, которые вы проявляли по отношению ко мне. Но зачем, говорю я, припомните их? Вам надобно лишь заглянуть в свое сердце, чтобы найти их там, да, я уверен в этом. Но скажите мне по крайней мере, что несправедливые упреки вашей матушки не поколебали их... Она требует от меня невозможного. Она хочет заставить меня отказаться от дружества и привязать меня к вам нерасторжимыми узами. Я сотни раз убеждал вас, что для последнего время еще не пришло,* а зная мое постоянство, вы должны быть удостоверены в том, что первое невозможно. Я вижу, однако, что с ее стороны это, может быть, просто предлог. Вы слышали вчера все мои рассуждения. Вы могли видеть в них мои доводы и мою невиновность. Чувства свои я изложил не столько для вашей матушки, сколько для вас. Разговаривая с нею, я оправдывал себя перед вами. Милый друг мой, заклинаю вас всем, что только есть для вас самого святого, самой нежной любовью, несчастьем моим заклинаю, выскажите с откровенностию, каковы ваши ко мне чувства. Ежели вы оправдаете меня, вы вернете мир душе моей, ежели нет, — да я и вообразить сего не могу, — ежели нет, ежели вы одобрите распоряжение вашей матушки — боже! неужто это возможно? Ежели, отвергнув меня, вы желаете составить несчастье моей жизни, тогда прощайте, и не будет мне более счастия, но и несчастий больше не будет. Прощайте, милый друг мой. Дай бог, чтоб не исполнилось того, что я сказал, дай бог, чтоб когда-нибудь свершилось то, на что уповаю.

Бога ради, дорогой друг, как можно скорее ответьте мне. Выведите меня из теперешнего моего состояния, оно мучительно. Не знаю, что сталось бы со мною, ежели бы я не надеялся. Прощайте. Успокойтесь, милый друг, и ежели чувства мои хоть что-нибудь тут значат, верьте, друг милый, что ни время, ни несправедливость людская, ни чья бы то ни было власть не в силах изгладить во мне чувства любви и преданности, нежности, постоянства, которые я питал, питаю и буду питать по отношению к вам. Ваше состояние меня мучит, а мое пусть вас не тревожит. Я спокоен и вполне здоров. Постарайтесь же и вы сберечь себя для человека, коего счастие в вашем счастьи и кто, будучи лишен вас, готов отречься ото всего, даже от самого себя. Прощайте. Тысячу раз целую вас. Прощайте. Пишите. Прощайте.

4

ПИСЬМО И. И. ХЕМНИЦЕРА И В. В. КАПНИСТА К Г. Р. ДЕРЖАВИНУ С КРИТИЧЕСКИМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ НА ЕГО «ОДУ НА НОВЫЙ ГОД»

5 марта 1781 г. Обуховка

Ода на новый год

Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облачен зарею

* для того то есть, чтобы нам обручиться.

Пришел на землю Новый год.
Всяк новых благ в нем ожидает,
Всяк славит, всяк благословляет
Божественный его приход.
«Даруй, сын вечности прекрасный
Успех желанью моему», —
Равно счастливый, как несчастный
С усердьем вопиет к нему.
И в самых недрах благоденства
Желаем мы еще блаженства,
Еще мечтаем счастья тьму,*
Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнее хочет быть;
Богач — богатством осыпаться
И злата горы накопить;
Бессмертной хочет витязь славы;
Корысти — льстец; Лукулл — забавы;
Леандр — насчет игры прожить.**

Мое желанье: полагаться
На волю бога моего,
За счастьем в свете не гоняться,
В самом себе искать его;
Достаток нужной, совесть права,
Здоровье, непорочна слава
Милее в жизни мне всего.

А если нежной и приятной
Любим Пленирой я моей
И в здешней жизни коловратной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире,
То я счастливее царей.
В часы, от всех трудов свободны,

---

* К этому тексту написаны следующие варианты: 1) рукою Хемницера:

Обилующих благоденством
Насытить смертных род блаженством
Нет сил и счастью самому!

2) рукою Капниста:

И в самых недрах благоденства
Мы нового хотим блаженства
И вновь мечтаем счастья тьму!

** В рукописи рукою Хемницера приписана другая редакция всей этой строфы:

Еще желает возвышаться
Вельможа сильный при дворе;
Богач — богатством осыпаться,
Блистать и в злате и в сребре;
Герой бессмертной хочет славы;
Корысти — льстец; Лукулл — забавы;
Памфилий — счастия в игре.

Пою я радость дней моих,
Пою творцу псалмы угодны,
Монархов я пою благих:
Усердьем искренним крепится
Мой слабый глас, когда стремится
Воспеть пример царей земных.

Петры, Трояны незабвенны:
Народна память им хвала.
В сердца навеки впечатленны
Екатеринины дела;
Потомки скажут в поздны роды:
Счастливы были те народы,
В которых век она жила.

Вот ваша ода с переменами, которые нам сделать вздумалось. Мы необходимо должны оправдать их пред вами; для чего и да будет вам известно, что в первом куплете

Мольбы и плески возшумели и проч.

показалось нам неестественным потому, может статься, что у нас на случай нового года ни гуслей, ни тимпанов не случилось, а новый год случился так же, как и у вас; мы же в этот день равно, как и вы, себе и друг другу всякого добра желаем, а для того и приветствие ему хотели сделать всеобщим. Как вам до этих пор барабанные стуки не наскучили? А нам, признаться, наяву так приостыли, что и в куплете вашем они нам уши драли Сверх того у нас молитвы и плески не шумят: одни или поются или внятно читаются, а последние раздаются.

Во 2-м вашем куплете говорите вы гряди, сын — желаниям венец вместо того, чтоб должно было сказать: «и дай желаниям венец» зовет счастливый и несчастный; да и тогда бы не очень по-русски сказано было — «и дай желаниям венец»; этот «венец», кажется, вы не столько для желания испрашиваете, сколько для рифмы «отец».

Далее: Среди текущих — мы благ желаем совершенства. И здесь, кажется, вы не столько желаете совершенства для благ, сколько для рифмы блаженства; впрочем, благ совершенства на русском языке отыскать не можно, равно как и на всей земле. Далее: Леандр фортуны при игре. Мы б хотели, чтоб этот проклятой Леандр подавился картами, которые он, играючи, проглотить вздумает, и чтоб ему только в этом фортуна (латинское слово, значущее на нашем языке счастье) послужила: он нам столько трудов наделал, сколько все вообще другие под рифму приводимые последние в куплетах стихи нам не стоили. Мы не хотели, чтоб вы, быв хорошим стихотворцем, были скудным рифмотворцем, ставя в конце шестирифменных стихов один белой. Каково бы вам показалось, если бы Преображенского полку обмундированную роту замыкал безмундирный капитан-поручик?

В 3-м куплете, во-первых, желаете вы предаться, как будто вы еще не предались, судьбе всевышнего. Мы, которые очень знаем, что вы давно уже положились на волю божию (неусыпность ваша в делах ваших это доказывает), захотели поправить ваше солгательство. Впрочем, за хлеб, одежду и сон делают вам многие другие подробные же надобности, как-то: постель, питие, изба и прочее, упреку, что вы им предпочли их товарищей. Не раздробляй, да не раздробишися. См. послание свят. Боало к пиитам (L'Art poétique, chant premier, vers 59, 60, 61). Далее: Меня равняют с королем. Скажите, пожалуйста, не с польским ли крулем? Мы, убоясь ржечи посполитой, это слово выкинули, тем более, что

не знав, с каким королем вы равняться хотите, мы не смели его сравнять с царями российского наречия.

Теперь просим мы, во-первых, прощения у вашей Плениры в том, что мы ее вместо милой и прекрасной, двух почти однозначущих прилагательных, признали за нежную и приятную. Мы бы по справедливости не отказали ей имя прекрасной, если бы стих, а больше всего рифма другого стиха нам это позволила. Стоило бы сказать с вами вместе в жизни страстной, так бы и делу конец; да полно: как мы страстной жизни в жизнь нашу не знавали да и не слышали, чтоб эдакая на свете быть могла, то для того, хотя и стихотворцы, однако нового образца жизнотворцами быть не отважились. Вы напрасно спрашиваете: Кто есть счастливее меня? Мы вас уверяем, что вас счастливее нет ни одного из царей, и это торжественно целым стихом утвердили.

В начале 6-го куплета: От должности в часы свободны захотелось вам прозаичничать, да и то еще канцелярским слогом, как будто недавно из крючкотворцев. Хвалы духовны сами собою хороши, да не делают рифмы с часы свободны. Мы хотели было сперва поставить хвалы угодны на место «псалмы угодны», да затем того не сделали, что боялись, чтоб кто-нибудь у вас не спросил, почему вы знаете, что хвалы ваши богу угодны суть. Псалмы ему угодны без прекословия, будучи сочинениями не простого стихотворца, но праведного царя пиита и помазанника господня. Рифмы дней, царей делают рифмы с стихами предыдущего куплета, от чего боже сохрани всякого, щадить уши хотящего стихотворца. Нежные гласы и слезы нежности представляют что-то такое нежно-плачевное, такое плачевно-нежное, что мы не могли удержаться, будучи немного стоического, то есть мужественного сложения, от побуждения отереть слезы нежущегося существа.

В последнем куплете между множеством Петров, Троянов, Титов замешавшийся один хотя добрый государь Генрих был вытеснен сотоварищами своими по правилам риторики, главы такой-то, пункта такого-то. Екатерины... дай бог, чтоб ваши слова да богу в уши и чтоб мы многих для общего блаженства таких Екатерин имели; но как в наш век для нашего счастия одной довольно, то это подало нам право об одной только и говорить. В конце вашей оды задаете вы нам загадку, которую мы отгадать не были в состоянии. Кажется, мы дом ваш знаем, то скажите, пожалуйста, какие вы хоть из ворот, хоть из окошек видите монументы (слово это греческое, а верно латинское; приемыш, правда, руской), которых свергнуть елементы (слово, кажется, греческое, а верно латинское; приемыш, правда, русской) и время не имеют сил. Homme de bien, qui voyez tant de choses, ne voyez-vous pas mon L'veauff? dites-le moi. Сверх того, глагол «свергнуть» к элементам отнесть, кажется, не можно. Впрочем, должно отдать справедливость, что рифмы монументы и елементы так богаты, что всяк сочтет вас за тщеславящегося богатством (чужого языка) человека. Вот вам все, что за душою было в рассуждении нашей критики. Теперь скажем вам с тою ж откровенностью, что мы всею одою вообще оба чрезвычайно довольны были, так что даже и те места, которые мы переменили и критиковали, хотя и не делали вашу оду совершенною, однако, вообще ее не обезображивали. Мы не могли однако утерпеть, чтоб те места, которые нам не казались, переменены не были; если мы не успели, то это не должны вы приписывать недостатку дружеского нашего усердия и желания оказать вам то, чего мы от вас взаимно ожидаем, а знаете чему. Вообще скажем, что эту оду почитаем в числе лучших ваших сочинений: в ней очень много чувствительного. Первая картина величественна и нова. Все мысли справедливы. Бога ради, учась ныне арифметике, не позабывайте Аполлонова счету. Мы ожидаем от вас оду на коварство: большое оно будет с вашей

стороны (недружелюбие), ежели вы к нам ее, как скоро успеете, не пришлете; да только имейте при сочинении ее всегда первый куплет перед глазами, чтобы размерять красотами его красоты прочих. Известная ваша скромность, что касается до литературы, побуждает нас напомнить вам, что мы это письмо к вам, а не к кому другому пишем, следовательно, не желаем, чтоб кто-нибудь другой, кроме вас, его читал. Вероятно, что Николай Александрович о сию пору к вам уже приехал; он может один быть исключением нашей просьбы. Теперь прощайте. Поцелуйте у вашей Плениры правую ручку за меня, вашего покорного слуги

Ивана Хемницера.
А левую — за меня, вашего покорного слуги
Василия Капниста.

5 марта 1781 года
Обуховка.*

Когда он ни слова, так я стану болтать, да нет, полно: лучше дело говорить. Осведомиться об том человеке, который вам должен, я уже дал комиссию; и на этих днях получу обстоятельный ответ и вам сообщу. Я бы рад был, чтоб этим способом вы присуседились ко мне. Вас я буду просить, чтоб вы по изверению, которое я вам пришлю, внесли за меня проценты, которые я вам переведу с верующим письмом, и переписали мой банковый долг, а Николая Александровича от меня попросили, чтоб он попросил Григория Алекс‹еевича›, чтоб, ежели паче чаяния на самой срок не пришлю денег, он сделал снисхождение и обождал. Петру Лукичу господину Умыленнову, когда он у вас бывает, скажите от меня, что разве он ко мне не приедет, то я ему не распашу изрытого его рожества за то, что он ко мне ни слова не писал, а в ожидании, пока я над преображением его сделаю велие безчеловечие, то прошу вас дать ему хороший тумак за то, что он дурак, в том себя обретает, хохлов позабывает... Мешай дело с бездельем: с ума не сойдешь.

5

А. А КАПНИСТ

10 августа 1781 г. Глухов

Le 10 d'août 1781. Gloucof

Ma chère, ma tendre amie! Je viens du collège où l'on a délibéré et où l'on n'a rien conclu. J'espère que cet après-midi l'on pourra tout finir et j'espère par conséquant que j'aurai bientôt comme je te l'ai promis la satisfaction de t'embrasser. Ma chère amie, ne t'ennuie pas, occupe-toi à quelque chose et surtout pense à un homme qui t'aime, qui te chérit. Si j'étais seul, je me serais terriblement ennuyé, mais je suis en compagnie de mon ami qui, par parenthèse, a reçu son passeport. Non pas du gouverneur, nous ne le trouvâmes plus ici,

---

* *Далее следует приписка Хемницера с приложением его басни «Попугай»; затем идет приписка Капниста:*

il venait de partir, dont je suis très fâché, mais de mr. <нрзб.> qui n'a pas laissé de faire quelque difficultés. Mon ami partira dans peu et moi, etant obligé de retourner seul, je ne sais comment je ferai pour ne pas perdre la tête pendant mon voyage solitaire. Si je me laisse entrainer par le plaisir de te revoir bientôt qui seul peut me distraire, mes chevaux sentiront mon impatience et je cours risque de retourner à pied ayant assommé mes coursiers déjà presque assommés. Mais — patience, tout s'oublie quand on revoit une femme telle qu'est ma Sachinca. Ton absence me rendra plus délicieux les moments que je passerai auprès de toi.

Te parlerai-je de ce qui ce passe ici? J'aurais fait tout aussi bien de me taire, car nous n'avons fait jusqu'à présent du tout rien. Assez de la noblesse s'est assemblée et le profit qu'on en a pu retirer, c'est de voir quelques connaissances que dès longtemps on n'a pas vues, mais voilà tout. Le plan de la réception a été déjà prescrite par mr. le comte et nous n'avons présentement d'autres affaires que celles qui peuvent regarder nos intendants, c'est-à-dire combien qu'on doit livrer du fourrage à chaque station etc. etc. Bien fait pour nous que nous avons acheté un service et tout ce qu'il faut pour les livrées, car nous serons obligés de donner, à chaque station, trois <Zug> des chevaux avec des gens de livrée et un service pour 70 personnes et de vivres et de boissons etc. . . Rien n'est encore conclu, car à l'assemblée d'aujourd'hui on n'a fait que bourdonner. Tout le monde parlait à la fois, et moi, je ne faisais que faire connaissance avec quelques-uns de la compagnie et renouveler les vieilles sonnaissances. Je passais d'un original à l'autre et nous finimes tous par nous retirer chacun chez soi. On a décidé cependant que les conducteurs de la noblesse doivent s'assembler cet après-midi encore une fois, en ne prenant avec eux que chacun deux gentilshommes. Moi, j'ai l'honneur inestimable d'être du nombre des élus. On parlera, dit-on, l'un après l'autre et l'on se fera entendre, dit-on. Plût à dieu que cela fût. Mais, pour moi, je ne l'espère pas.

En voilà assez pour te faire voir que nous ne sommes pas désoeuvrés ici. Je voudrais cependant mille fois mieux me faire brûler par la chaleur encore une fois en voyant faire nos maréchaux que de m'occuper ici à ne rien faire. J'espère te revoir bientôt, alors je te raconterai plus au long tous mes exploits parlementaires d'ici et je te paierai en te faisant rire sur notre compte le déplaisir que mon absence te cause. Adieu. Je t'embrasse mille fois, ma chère, ma tendre amie. Porte-toi bien et ne te lasse pas de penser à moi. Raconte à mon frère ce que je te dis ici. Je t'envoie des lettres de Pétersb<ourg> et de Moscou. N. A. ecrit qu'il a envoyé le cachet, je ne l'ai pas reçu. Je tâcherai de savoir ce qu'il est devenu. Adieu. Je t'embrasse encore.

Перевод

1781, августа 10 дня. Глухов

Дорогой, милый друг мой! Только что вернулся из коллегии, где решали, да ничего не решили. Надеюсь, что сегодня после полудня можно будет все кончить и, следовательно, надеюсь иметь удовольствие обнять тебя, как и обещал. Дорогой друг, не скучай, занимайся чем-нибудь, а главное — думай о том, кто тебя любит, нежно любит. Будь я один, скучал бы ужасно, но я тут в обществе моего друга, который, кстати сказать, паспорт свой получил. Не от губернатора (здесь мы его уже не застали, он только что уехал, что очень мне досадно), а от г-на <нрзб.>, с ним не обошлось без затруднений. Друг мой в скором времени уедет, а я, вынужденный возвращаться один, не знаю, как и быть, чтоб не потерять головы во время одинокого моего путешествия. Дай я волю желанию

увидеть тебя, а только это и может меня развлечь, как лошади почуют мое нетерпение и мне грозит опасность возвращаться пешком, доконав лошадей, уже едва живых. Но — терпение, все забывается, когда вновь встречаешься с такой женщиной, как моя Сашенька. После разлуки с тобою минуты, проведенные подле тебя, покажутся мне еще более восхитительными.

Рассказывать ли тебе, что тут происходит? Уж лучше бы, пожалуй, вовсе молчать, ибо ничего-то мы до сей поры не сделали. Собралось довольно много дворян, а от сборища этого одна прибыль — возможность повидать знакомых, с коими давно уж не виделся, но вот и все. План приема уже предначертан г-ном графом, и у нас теперь нет иных дел, кроме тех, которыми могли бы заняться наши управляющие, т. е. сколько надобно поставить фуражу для каждой станции и т. д. и т. п. Хорошо, что мы купили сервиз и все, что нужно на ливреи, ибо нам придется выставлять на каждой станции по 3 упряжки с ливрейными лакеями и сервиз на 70 персон, и еды, и питья и т. д. Ни на чем еще не порешили, ибо в сегодняшнем собрании слышалось только гудение голосов. Все говорили разом, а я, я занимался тем только, что сводил знакомства с некоторыми членами общества да возобновлял прежние знакомства. От одного чудака переходил к другому, и кончили мы тем, что разошлись каждый к себе. Было решено, однако же, что предводители дворянства соберутся в другой раз сегодня после полудня, взяв с собою каждый лишь по два дворянина. Я удостоен бесценной чести быть в числе избранных. Высказываться будут, говорят, по очереди, и каждый заставит, говорят, себя слушать. Дай-то бог. Что до меня, и не надеюсь.

Вот и хватит с тебя, чтобы тебе показать, что мы тут не бездельничаем. Однако же я в тысячу раз более желал бы еще раз сгорать от жары, наблюдая за делом наших маршалов, нежели заниматься здесь ничегонеделаньем. Надеюсь, что скоро свижусь с тобою, и тогда более подробно расскажу обо всех своих здешних парламентских подвигах и, позволив тебе смеяться над ними, отплачу за огорчения твои, вызванные разлукою со мною. Прощай. Тысячу раз целую тебя, дорогой, милый друг мой. Будь здорова и без устали думай обо мне. Перескажи брату то, о чем я тебе рассказал. Посылаю письма из Петербурга и Москвы. Николай Александрович пишет, что печатку он послал, а я ее не получил. Попробую узнать, что с нею сталось. Прощай. Еще раз целую тебя.

6

А. А. КАПНИСТ

18 сентября 1781 г. Бровары

1781, le 18 de septembre. Brovary

Ma chère, ma tendre amie Sachinca! Que fais-tu à présent quand je suis si affairé qu'à peine je puis avoir un seul moment pour m'entretenir avec toi, et de toi, et de toi et moi. Comment te portes-tu? Comment te portes-tu? Dieu donne que je puisse avoir bientôt de ta part des nouvelles heureuses. Je ne reçois pas jusqu'à présent des lettres de toi. D'ou vient <cela>. Ecris-moi par Charcoff, **в Киев, а оттуда пришлю переслать в село Бровары.** Par cette adresse tes lettres me parviendront sûrement. Ecris-moi donc, ou tu me plongeras par ton silence dans des doutes mortels.

Je souhaite et j'espère que ma chère mère se porte déjà à peu près tout-à-fait bien. Baise sa main de ma part et de ma part aussi prends d'elle toutes sortes de soins. Que je vous revoie tous en bonne santé, et toi, ma chère amie, heureusement délivrée d'un fardeau qui soulagera notre vieillesse. C'est mon plus cher souhait. Ecris-moi, душенька, écris-moi tout, tout ce qui te concerne. Porte-toi bien et ne t'ennuie pas, car je me serais ennuyé ici pour toi, si j'en avais le temps, mais je suis si affairé.

Ecoute, voilà ma relation depuis mon départ d'Oboucofca. Je suis parti la nuit de chez nous, et dans deux jours, ayant laissé tout mon équipage partir après moi, j'arrive ici. Mes camarades étant partis à Kief pour faire des emplettes, moi je pars pour les rejoindre et sans entrer dans la sainte cité je les rencontre. Je leur demande l'état des affaires et j'apprends que tout est dans l'état primitif du monde, car rien n'était. Nous revenons, nous commençons à faire tous les préparatifs nécessaires et toute la journée étant <нрзб.>, nous nous en retournons pour souper. On nous annonce l'arrivée de monsieur le comte Roumantzoff. Nous allons à sa rencontre pour le recevoir, il arrive, nous accueille gracieusement, me demande des nouvelles de toute ta famille, de notre comte et pour cause. Il ne m'a pas demandé mon nom, il m'a connu par ouï-dire, me demande l'état de nos affaires et je l'ai contenté en lui disant que nous avons tout ce qu'il nous faut. Il s'est entretenu quelque temps avec nous et nous dit bonne nuit. Nous allâmes nous coucher. Le lendemain matin (c'est-à-dire aujourd'hui) nous allâmes recevoir ses ordres. Il a consenti à tout ce dont je l'ai prié, a approuvé le plan de mon illumination et partit d'ici pour aller dîner à Kief et pour revenir ici demain. Je suis content jusqu'à présent de moi, car j'espère qu'il n'est pas mécontent de ma personne. Il est très civil, il s'entretient volontiers avec chacun et a des saillis satiriques. Je suis charmé d'avoir l'honneur de le connaître. Il a été accompagné par mr. le général Coulbars tout seul. Il ne m'a rien parlé de ce qui me regarde, tu sais. N'en parle à personne, je te prie. Il ne faut pas prévenir les gens. Il n'a pas pu me parler de moi, j'espère, parce que j'étais chez lui avec tous ceux qui sont avec moi ici. Voilà tout ce que j'ai à te dire de moi.

J'aurai une illumination magnifique parce qu'il est décidé, comme monsieur le comte m'a assuré, que leurs altesses impériales passeront la nuit ici et iront à Kief le lendemain. Adieu, ma chère, ma tendre amie. Je me hâte de t'envoyer cette lettre par un quelqu'un que j'envoie comme courrier à Sorontchintzi, et de là on te fera venir cette lettre. Je t'embrasse mille fois, ma chère Sachinka, je t'embrasse encore pour ton enfant. Adieu. Porte-toi bien. Sois contente, je te reverrai bientôt; mais jamais je ne me débarasserai pas de toi: tu es un aimable fardeau dans lequel j'aime tant à m'embarasser. Adieu, душенька, tu vois que j'écris des sottises. Adieu, дуся, porte-toi au mieux et écris-moi le moment-même où tu mettras au monde celui ou celle qui me sera aussi cher que sa mère. Par un exprès envoie-moi cette bonne nouvelle, entends-tu? — par un exprès. Adieu, je t'embrasse mille fois tendrement.

Ton ami B. Kapnist.

Сестрицу Катеньку Ивановну за меня поцелуй, а всем прочим мой поклон. Какова Елисавета Тимофеевна?

Ecris-moi.

Перевод

1781 года, сентября 18 числа. Бровары

Дорогой, милый друг мой Сашенька! Что поделываешь ты теперь, когда я так захлопотался, что едва улучил минутку, чтобы побеседовать с тобой о тебе, да о нас с тобою. Здорова ли ты? Здорова ли ты? Дай

бог вскоре получить от тебя счастливое известие. До сей поры не имею твоих писем. Что бы это значило? Пиши мне через Харьков в Киев, а оттуда пришлю переслать в село Бровары. Таким путем твои письма дойдут до меня наверняка. Пиши же, иначе молчание твое ввергнет меня в смертельную тревогу.

Желаю и надеюсь, что матушка моя уже почти совсем поправилась. Поцелуй ей от меня руку и всячески заботься о ней вместо меня. Дай бог найти вас всех в добром здравии, а тебя, дорогой друг мой, счастливо разрешившейся от бремени, которое станет усладою нашей старости. Вот самое заветное мое желание. Пиши ко мне, душенька, пиши решительно обо всем, что до тебя касается. Будь здорова и не скучай; я бы скучал тут за тебя, ежели имел бы время, да я так занят.

Вот тебе моя реляция с момента отъезда из Обуховки, послушай-ка. Уехал я из дому ночью и через 2 дня, велев везти всю кладь следом за мною, прибыл сюда. Спутники мои отправились в Киев за покупками, я еду вслед за ними и встречаю их еще не въехав в святой град. Осведомляюсь у них о положении дел и узнаю, что все в самом первобытном состоянии, ибо ничего не сделано. Мы возвращаемся, принимаемся за необходимые приготовления и, ‹пробегавши весь день›, возвращаемся к ужину. Нас извещают о прибытии графа Румянцева. Отправляемся ему навстречу. Он появляется, любезно нас принимает и осведомляется у меня о всей твоей семье, о нашем графе — и неспроста. Он не спросил у меня моего имени — знал обо мне понаслышке, — расспросил о положении наших дел, и я удовлетворил его, сказав, что мы располагаем всем, что нам надобно. Побеседовав несколько времени с нами, он пожелал нам доброй ночи. Мы отправились спать. На другой день поутру (т. е. сегодня) мы отправились к нему за распоряжениями. Он согласился на все, о чем я его просил, одобрил мой план иллюминации и уехал отсюда с тем, чтобы обедать в Киеве и возвратиться завтра. Пока что я доволен собою, ибо надеюсь, что я ему понравился. Он чрезвычайно любезен, охотно беседует с каждым и порою остроумно шутит. Я очень рад, что имел честь познакомиться с ним. Сопровождал его лишь генерал Кульбар. Он ничего не сказал мне о том, что меня касается, ты знаешь — о чем. Не говори об этом никому, прошу тебя. Не следует раньше времени предупреждать людей. Надеюсь, что он не мог говорить со мною насчет меня оттого, что был я у него не один, а с теми, с кем сюда приехал. Вот и все, что имею сообщить о себе.

Иллюминация у меня получится великолепнейшая, ибо решено, как уверял меня господин граф, что их императорские высочества ночь проведут здесь, а в Киев поедут на другой день. Прощай, дорогой, милый друг мой. Спешу отослать сие письмо с тем, кого посылаю в качестве курьера в Сорочинцы, а уже оттуда письмо перешлют тебе. Тысячу раз целую тебя, дорогая Сашенька, еще раз целую тебя за твое дитя. Прощай. Будь здорова. Радуйся, я скоро увижусь с тобою. Никогда не удастся мне избавиться от тебя; ты то милое бремя, что доставляет мне столько приятных забот. Прощай, душенька, видишь, я уж пишу глупости. Прощай, дуся, будь в наилучшем здравии и напиши мне тотчас, как произведешь на свет того или ту, кто будет мне так же дорог, как и мать его. Счастливую сию весть пошли мне с нарочным, — поняла? — с нарочным. Прощай, нежно целую тебя тысячу раз.

Твой друг В. Капнист.

...Пиши ко мне.

А. А. КАПНИСТ

7 сентября 1781 г. Бровары

1781 года, сентября 24 числа. Бровары

Ma chère, mon aimable amie, mon tout, ma Sachinca, voilà déjà que je t'écris pour la troisième fois et je ne reçois pas de tes nouvelles. Je t'ai prié de m'écrire par la poste de Charcoff, j'ai déjà dû recevoir de tes lettres, mais je suis désolé, tu ne m'écris pas. Sais-tu bien que je suis en état, que je suis en état de risquer tout, de donner tout au diable ce qui regarde ma commission et de t'aller trouver, si tu ne m'écriras pas encore quelques jours? Je suis si inquiet que je ne puis pas fermer l'oeil de toute la nuit. Je songe toujours à ton état présent et je m'imagine que tu ne te portes pas bien ou comme ça quelque chose. Au nom de dieu, écris-moi avant ton accouchement autant que tu pourras et puis quand tu auras accouché, envoie-moi un exprès par poste, en prenant une podorojnoï à Charcoff, tu pourras le faire par notre cher cousin Алексей Юрьевич. Ecris-moi tout ce qui te concerne, jusqu'aux plus petites bagatelles.

Moi, dans ma lettre précédente je t'ai écrit tout ce qui me regarde. Je suis toujours autant accablé de soins que je l'étais avant cela. J'attends bientôt l'arrivée du grand duc, j'eusse bien voulu qu'il ait déjà passé. J'aurais volé dans tes bras, rien au monde ne me détachera plus de toi.

Plus de voyage qui me tente,
Je t'assure de bonne foi,
Je ne serai plus qu'une plante
Je prends racine près de toi.

Te voilà en vers une verité que j'exécuterai effectivement. Non, je perds beaucoup, étant éloigné de toi, je maigris encore à vue d'oeil. Ainsi tu peux t'imaginer s'il me reste de la graisse à revendre.

Ah, mon dieu, quand est-ce que j'aurai la satisfaction de te serrer dans mes bras et d'y oublier en t'embrassant les chagrins que ton absence me cause. Porte-toi bien, ma tendre amie, apporte-moi au monde heureusement une autre ou un autre toi-même et tu verras si je puis suffire et pour toi et pour ton image. Comme je l'aimerai, comme je chérirai sa mère! Oui, Sachinca-душенька, je sens que je t'ai menti lorsque je t'ai dit que ne pourrais plus t'aimer. Je sens que je t'aimerai encore davantage, doublement. Oh, que je te revoie seulement, que je m'estimerais heureux. Maudits soient les embarras qui me retiennent ici. On est si bien auprès de sa Sachinca! Душенька, je t'embrasse idéalement le plus tendrement que je puis, je veux songer que je suis avec toi, je n'ai pas même le plaisir de te voir en songe, car je ne dors pas. Le cruel état, jamais cela ne m'est arrivé dans ma vie.

Душенька, je t'embrasse. Comment se porte ma chère mère? Est-elle mieux? Dieu donne qu'elle soit tout-à-fait rétablie jusqu'à mon arrivée. Que je serai satisfait quand cela sera! Baise-lui la main de ma part et prends d'elle tous les soins imaginables.

Embrasse ma chère soeur красавицу Катеньку и Ваносеньку de ma part et fais mes compliments à tous ceux qui seront là. Елисавета Тимофеевна n'aura pas longtemps à attendre l'arrivée de mon frère. Se porte-t-elle bien? Adieu, ma chère amie, que le ciel te conserve ta santé qui m'est si précieuse. Je t'embrasse encore une fois, душенька Сашенька, embrasse en idée ton fidèle ami —

B. Kapniste.

Перевод

Дорогой, любезный друг мой, жизнь моя Сашенька, пишу тебе уже в третий раз, а от тебя ничего не имею. Просил тебя писать чрез Харьковскую почту и должен был получить уже твои письма, но ты ко мне не пишешь, и я в отчаянии. Ведомо ли тебе, что я в таком состоянии, что я в состоянии все поставить под угрозу, послать к чёрту все свои дела и ехать к тебе, ежели промолчишь еще несколько дней. Так встревожен, что во всю ночь глаз сомкнуть не могу. Все думаю о теперешнем твоем положении и воображаю, что ты нездорова или что-нибудь подобное. Бога ради, пиши ко мне до родов насколько сможешь, а как разродишься — пошли нарочного на почтовых, взявши в Харькове подорожную, это можно будет сделать через любезного кузена нашего Алексея Юрьевича. Пиши мне обо всем, что до тебя касается, вплоть до самых незначительных мелочей.

Обо всем, что до меня касается, писал тебе в предшествующем письме. Все так же, как и прежде, обременен заботами. Вскорости ожидаю прибытия великого князя и желал бы, чтобы он уже проехал. Полетел бы в твои объятия, ничто на свете не разлучит меня более с тобою.

Нет, странствий не умчит меня поток
Клянусь тебе и обещаюсь точно:
Отныне я — не боле, чем росток,
Что близ тебя укоренился прочно.

Вот тебе истина в стихах, которую в самом деле исполню. Нет, в разлуке с тобою много теряю и еще заметно похудел. Посему сама можешь судить, много ли у меня осталось жирку.

Ах, боже мой, и когда только буду иметь я удовольствие сжать тебя в своих объятиях и, целуя, забыть печали, причиненные разлукою с тобою. Будь здорова, милый друг мой, и произведи мне на свет второго или вторую тебя и убедишься тогда, достанет ли меня для тебя и для твоего образа и подобия. Как буду его любить, как буду лелеять мать его! Да, Сашенька-душенька, чувствую, я лгал тебе, говоря, что не мог бы сильнее тебя любить. Чувствую, что буду тебя любить еще более, в два раза более. Ах, увидеть бы только тебя, каким почту себя счастливым! Пропади пропадом те заботы, которые удерживают меня здесь. Подле Сашеньки уж как хорошо! Мысленно целую тебя, душенька, как только могу нежно. Хочу увидеть сон, что я с тобою, и не имею даже удовольствия видеть тебя во сне, ибо вовсе не сплю. Жестокое положение, никогда в жизни со мною такого не приключалось.

Целую тебя, душенька. Как здоровье любезной моей матушки? Ей не получше? Дай бог, чтоб к моему приезду она совсем поправилась. Как буду я сему рад! Поцелуй ей за меня руку и заботься о ней всячески.

Поцелуй любезную сестрицу мою красавицу Катеньку и Ваносеньку и свидетельствуй мое почтение всем, кто в гостях будет. Елизавете Тимофеевне недолго ждать прибытия моего брата. Здорова ли она? Прощай, дорогой друг мой, да хранит бог твое здоровье, столь для меня драгоценное. Еще целую тебя, душенька Сашенька, поцелуй же в мыслях верного друга твоего

В. Капниста.

А. А. КАПНИСТ

19 января 1783 г. Глухов

1783, le 19 de janvier. Gloucoff

Que veut dire, ma chère Sachinka, que vous ne m'avez pas écrit? Je devais recevoir de vos nouvelles samedi passé par poste. Vous n'y pensez pas, ma chère. Vous me faites passer bien mal mon temps, car que ce que je dois penser? Vous portez-vous bien? Voilà déjà à peu près deux semaines que je ne vous vois pas et pas une ligne. Je suis fâché, ma chère, de ce que vous prenez si peu de soin de me tranquilliser. Je vous ai prié de m'écrire par la première poste. Qu'est qui vous a empêché de me faire ce plaisir? Mais peut-être votre réponse ne me trouvera plus ici. N'importe, écrivez toujours, je prierai le maître de poste d'ici de me renvoyer vos lettres, si elles ne me trouveront pas ici.

Je vous écris au collège, chantant <aires> devant une table couverte du drap rouge et ai l'air d'un juge. Mais en vous écrivant je n'ai que l'air d'un juge d'amour. On m'a interrompu, il a fallu présenter une requête aux juges par laquelle je prie qu'on fasse grâce à mg. podcomorïy. Dites á mon frère que j'ai tant prié tous les juges et surtout mr. le gouverneur et mr. Toumansky, qui à ce qui parait me veut du bien comme auparavant, et chez qui je suis tous les jours (n'allez pas me supçonner de faire la cour à mesdemoiselles ses filles; elles sont charmantes), et chez qui je dîne aujourd'hui au sortir du collège. Nous sommes ici tous comme si nous étions apprentis de quelque collège d'Allemagne. Je crois que j'irai aujourd'hui au soir ou demain matin chez mr. le comte Roum<antzoff>. Mr. le gouverneur y est et j'espère que cet homme a une bonne opinion de moi. C'est pourquoi j'ai choisi le temps d'aller chez lui lorsque mr. le gouverneur y sera, pour avoir quelqu'un qui aurait pu dire de bouche ce que mr. Besborodka a écrit de moi. A dire la vérité, je n'espère rien recueillir pour fruit de mon voyage que l'honneur de voir mr. le comte si je le verrai encore, car il n'est pas tout-à-fait rétabli. Mais aussi en arrivant ici de chez lui j'y... tout de suite hâter l'instant de vous embrasser. Car dite... le mon frère notre affaire ne pourra pas être juger dans deux semaines. Je ne sais que t'écrire de toute cette journée. A present je ne fais que d'arriver de chez mr. Toumansky. Nous avons fait une partie de traîneau et je me suis arraché de chez eux pour t'écrire et te dire qu'il est très sûr que je partirai d'ici en arrivant de chez le comte Roum<antzoff>, parce qu'on m'a dit positivement que notre affaire ne pourra être décidé que tout au moins dans trois semaines d'ici. Comme l'extrait de l'affaire est déjà signé par Родк<...> et son écrivain, elle peut être finie sans moi. Je pars ce soir-même pour aller chez le comte qui demeure à 20 verstes d'ici pour être demain chez lui au matin. Peut-être ne le verrai-je pas, je lui ferai rendre la lettre, attendrai s'il me dira quelque chose et m'en irai, j'espère, comme je suis venu. Voilà comme les choses vont, ma chère Sachinca, je n'ai d'espoir que celui de te revoir bientôt, et quelles espérances ne lui sacrifierai-je pas pour lui. Tu me tiens lieu de tout. En te possédant, je possède tout mon bien-être. Oui, je m'arracherai d'entre les bras de la chicane et de milles espérances flatteuses pour voler dans les tiens. Te voir, t'embrasser, être à toi — ah! j'oublierai tout pour me sacrifier à tes charmes. Pour te le prouver autant que je le puis, je vole dans tes bras. Adieu, ma chère, ma charmante amie, je t'embrasse. Bientôt je t'embrasserai plus à mon aise. Adieu, ma petite femme, adieu. Aime et écris à ton petit mari, oui, écris-moi, ma chère, c'est sûr que tes lettres ne me trouveront pas, mais n'importe, écris-moi toujours; je serai sûr que le moment quand tu le feras, tu penseras à moi, et je suis jaloux de

ce plaisir. Penses-tu à moi quand tu ne m'écris pas? Eh! que répondras-tu à cela, Sachinca? Tu viendras m'embrasser, n'est-ce pas? Oui, tout est pardonné, le moyen d'être <нрзб.> contre sa petite femme Sachinca. Mais aussi pourquoi ne pas m'écrire? Adieu, je finis par t'embrasser 1000 fois.

Il n'y a pas ici de tailleur. J'ai gagné quelque chose, ce sera pour les emplettes. Je ne m'arrêterai ici pour acheter tout en revenant de chez le comte, dirai mes adieux et partirai. Adieu. Mais sais-tu qui te dit cette adieu? Si je n'y ajoute pas mon nom? Ne va pas croire que c'est ton époux qui t'écrit, c'est ton amant sous le nom de mari. Adieu, Sachinka, je finis pour finir à la fin, car si je ne me fais pas violence de le faire, je ne finirai de toute la nuit. C'est parce que je ne me soucie guère de toi.

Mes compliments à tout le monde. Embrasse ma soeur si elle est encore chez nous. Dis-lui que je veux venir, qu'elle se garde de partir sans me voir. Embrasse mon frère, ma belle-soeur et tâche de lui escamoter l'anglais. Tu me charmeras si tu me salueras en anglais quand je serai de retour.

Перевод

1783 года, января 19 дня. Глухов

Как это понять, любезная Сашенька, что вы ко мне не написали? Я должен был получить от вас весточку почтою в прошлую субботу. О чем только вы думаете, дорогая? Вы доставляете мне множество огорчений, ибо как прикажете мне это понимать? Здоровы ли вы? Вот уже почти 2 недели, как я не вижу вас и — ни одной строки. Мне досадно, дорогая, что вы так мало заботитесь о моем спокойствии. Просил вас писать ко мне по первой же почте. Что помешало вам доставить мне подобное удовольствие? Быть может, ваш ответ уже не застанет меня здесь. Не важно, все-таки пишите. Попрошу здешнего почтмейстера, чтобы переслал мне ваши письма, ежели они меня не застанут.

Пишу в палате; сижу, напевая арии, за столом, покрытым красным сукном, и смахиваю на судью. Но, занятый письмом к вам, похож на судью по делам любовным. Меня прервали, надо было подать судьям прошение, коим испрашиваю милости у г-на подкомория. Скажите моему брату, что я столько молил всех судей и в особенности г-на губернатора и г-на Туманского, оный, кажется, желает мне добра, как и прежде; провожу у него целые дни (не вздумайте только подозревать, что ухаживаю за его дочерьми, кои прелестны) и сегодня после палаты буду у него обедать. Мы тут чувствуем себя учениками какого-нибудь немецкого колледжа. Нынче вечером или завтра утром рассчитываю быть у графа Румянцева. Там будет губернатор, и я надеюсь, что он хорошего обо мне мнения. Вот зачем я выбрал для визита к графу то время, когда там будет г-н губернатор, чтобы кто-нибудь мог устно сказать обо мне то, что г-н Безбородко изложил в своем письме. По правде говоря, не надеюсь получить никакой выгоды от своей поездки, кроме чести повидать г-на графа, ежели только мне это вообще удастся, ибо он не совсем поправился...* Не знаю, что и писать тебе обо всем этом дне.

Только что вернулся от Туманского. Мы совершили прогулку на санях, и я ушел, чтобы написать тебе и сообщить, что наверняка уеду отсюда тотчас по возвращении от графа Румянцева, ибо меня уверили, что дело наше решится не ранее, чем недели через три. Так как экстракт дела уже подписан Родк. и его письмоводителем, оно может быть кончено без меня. Нынче же вечером еду к графу с тем, чтобы быть у него завтра утром, он живет отсюда в 20-ти верстах. Быть может, и не увижу его.

* *Ввиду очевидного пропуска слов в оригинале смысл следующих двух фраз остается неясным (примечание переводчика).*

передам письмо, подожду, не скажет ли он мне чего-нибудь и уеду, полагаю, с тем, с чем приехал. Вот каковы дела, любезная Сашенька, одна у меня надежда — скоро тебя увидеть; и какими только не пожертвовал бы я надеждами ради одной этой. Ты все для меня. Обладая тобою, держу в руках все мое счастие. Да, вырвусь из объятий ябеды и тысячи лестных упований, чтобы лететь в твои объятия. Тебя видеть, целовать, принадлежать тебе — ах! все забуду, лишь бы отдаться во власть чар твоих. Для того чтобы доказать тебе сие, насколько это в моих силах, лечу в твои объятия. Прощай, дорогой, прелестный друг мой, целую тебя. Скоро вволю стану целовать. Прощай, женушка, прощай. Люби своего муженька и пиши ему, да, пиши мне, дорогая; письма твои наверняка меня не застанут, да нужды нет, все-таки пиши. Я буду знать, что пока ты пишешь, станешь думать обо мне, а я дорожу сим удовольствием. Думаешь ли обо мне, когда ко мне не пишешь? А ну-ка, что ты мне на сие скажешь, Сашенька? Поцелуешь меня, не так ли? Да, все прощено. . . Но все же, отчего бы тебе не написать ко мне? Прощай, кончаю, целую тебя 1000 раз.

Портного тут нет. Я в небольшом выигрыше и употреблю его на покупки. На обратном пути от графа задержусь здесь лишь затем, чтобы сделать покупки, распрощаюсь и уеду. Прощай. А знаешь ли, кто с тобою прощается? А ежели имени своего не поставлю? Не думай, что пишет тебе супруг твой, любовник под видом супруга пишет. Прощай, Сашенька, наконец, окончательно кончаю писать, ибо ежели не сделаю над собою усилия, всю ночь не кончу. Оттого это, что нимало о тебе не забочусь.

Всем от меня поклоны. Поцелуй сестрицу мою, ежели она еще у тебя. Скажи ей, что скоро буду; пусть не уезжает, не дождавшись меня. Поцелуй брата, свояченицу и постарайся извлечь из нее знание английского языка. Будет просто очаровательно, ежели по возвращении моем ты приветствуешь меня по-английски.

9

А. А. КАПНИСТ

18 мая 1783 г. Колодно

Le 18 de mai, après midi. Cholodno

Ma chère amie, mon aimable Sachinca! Voilà comme je pense à toi, je t'écris de chemin pour te dire que je me porte bien et que je souhaite de tout mon coeur que tu te portes bien aussi avec nos petits. Ma chère enfant, ne va pas t'ennuyer, songe à passer agréablement ton temps et songe à moi qui ne cesse de songer à toi chemin faisant aussi bien qu'en restant. Je pense dans trois jours avoir le plaisir de te revoir et de t'embrasser, ma chère, pour oublier le chagrin que me cause ton absence.

J'entends que notre frère Nicolas s'est marié effectivement à une certaine Мавра Григорьевна, mais pour sa famille je ne la connais pas. Il a <fit> faire de молебны ici pour le salut de sa femme et de ses nouveaux parents et je fais des voeux pour le sien.

Adieu, ma chère enfant, je t'embrasse. Embrasse pour moi nos enfants et porte-toi bien. Amuse-toi en pensant que je ne fais que penser à toi et que t'aimer. Adieu, mon ange, mon archange, mon chérubin, mon séraphin, mon tout, ma chère Sachinca. Je baise tes mains et ton petit doigt recourbé.

Ton ami
Вас. В. Kapniste.

Avant dîner, comme j'ai voulu t'écrire et que j'ai craint de <нрзб.> oublier de le faire à cause de ma mauvaise mémoire, j'ai prié mr. la major de m'en ressouvenir, mais comme j'ai été prêt de me mettre en voiture pour partir, je me suis ressouvenu de t'écrire et mr. le major m'a dit à cela que j'avais une meilleure mémoire que je le disais. Mais tu le vois, je n'ai une bonne mémoire que pour me ressouvenir de mon aimable Sachinca. L'amour que j'ai pour toi corrige un défaut que les meilleurs médecins ne peuvent pas corriger.

На обороте письма:

Александре Алексеевне Капнистовой

Перевод

Мая 18 числа, после полудня. Колодно

Дорогой друг, любезная моя Сашенька! Видишь, как я о тебе думаю, пишу с дороги, чтобы сообщить, что здоров и от всего сердца желаю здоровья и тебе с нашими малютками. Дорогое дитя мое, не скучай, думай о том, как бы с приятностью провести время и обо мне думай, кто непрестанно о тебе думает и дорóгою идя и на месте сидя. Надеюсь иметь удовольствие через три дня свидеться с тобою и расцеловать тебя, дорогая моя, чтоб забыть печаль, причиняемую мне разлукою с тобою.

Прослышал я, что брат наш Николай в самом деле женился на некой Мавре Григорьевне, из какой она семьи, не знаю. Он заказал молебны за здравие жены и новых своих родственников, а я возношу молитвы за его здравие.

Прощай, дорогое дитя, целую тебя. Деток за меня поцелуй и будь здорова. Развлекайся и помни, что я только и думаю о тебе и люблю тебя. Прощай, ангел мой, архангел мой, мой херувим, мой серафим, мое всё, дорогая моя Сашенька. Целую твои ручки и согнутый мизинчик.

Твой друг
В. В. Капнист.

Перед обедом, желая писать к тебе и боясь забыть об этом по причине дурной моей памяти, просил я г-на майора мне о сем напомнить, но, собравшись садиться в карету, чтоб ехать, вспомнил, что хотел тебе писать, и г-н майор по сему поводу заметил, что память у меня лучше, чем я говорил. Да ты видишь, у меня хорошая память только когда надобно вспоминать о любезной моей Сашеньке. Любовь моя к тебе исправляет недостаток, исправить коего лучшие лекари не могут.

10

А. А. КАПНИСТ

10 июня 1783 г. Хорол

1783, le 10 de juin. Chorol

Ma chère amie, mon ange, mon aimable Sachinca, je t'embrasse. Comment te portes-tu? et nos petits? Ne t'ennuie pas, ma chère enfant, je crois que je finirai bientôt mes procès ici et que j'aurai bientôt le plaisir de te voir. As-tu reçu, mon

ange, de lettres par cette dernière poste de Gadets? Je crois qu'oui. Si non, je t'envoie cette lettre qui m'est venu de Crementschouc et qui m'a comblé de joie en m'apprenant l'heureux succès d'une ode que mon ami Derjavin a écrite à la louange de sa majesté, sous le nom de Филица qui est le nom d'un conte que l'impératrice a composé, et en m'apprenant aussi l'heureux dénouement de notre affaire et le prompt retour de mon frère. Je l'attends avec impatience. Aussitôt qu'il viendra, ma chère, dis-lui que j'ai besoin de le voir le plus tôt possible à cause de nos procès ici, que les uns peuvent être finis par accomodement et les autres ont très grand besoin de sa présence et surtout celui de Stadnitschenky. Il connaît cette affaire. Prie-le de venir ici le plus tôt le mieux.

Mon ami Derjavin ne m'écris rien de notre famille, mais on peut voir par sa lettre que tout y va bien, car il fait mention de Nicolas Александрович dans une bagatelle et n'aurait pas assurement manqué de m'écrire quelque chose, s'il serait arrivé quelque malencontre. Ainsi tranquillise-toi, ma chère amie. Je crois qu'ils n'écrivent pas par la raison que mon frère partira bientôt et qu'ils veulent mieux écrire par lui que par poste. Voilà toute l'énigme de leur silence.

Mon ami ne m'écrit pas comment notre affaire est finie: au Sénat ou par accommodement, mais c'est assez qu'il m'écrit que c'est en notre faveur. Je n'ose cependant me livrer tout à la joie jusqu'à ce que j'en sois mieux instruit par la bouche de mon frère. Voilà, ma chère, la lettre de mon ami que je t'envoie. Je te fais par là présent de 3 sujets de joie: I. le retour de mon frère, 2. l'heureux succès de notre affaire, 3. l'heureuse nouvelle, concernant mon ami Derjavin; j'en suis pour lui plein de joie. Pour me recompenser de présents que je te fais, dis-moi que tu te portes bien avec nos enfants, que tu m'aimes et que tu ne t'ennuies pas et je serai recompensé comme il faut. Amuse-toi, ma chère enfant, partage tes soins entre les enfants, toi-même et le ménage. Cherche à passer agréablement ton temps et tâche de ne pas laisser des intervalles à l'ennui. Je serais bien plus content en apprenant dans l'embarras ennuyant où je me trouve que tu ne t'ennuies pas.

Adieu, ma chère amie, envoie la lettre que je joins ici ce lundi à la poste de Gadets pour Pétersbourg et n'y manque pas, je te prie, car la poste part de Gadets mardi de grand matin. Adieu, je t'embrasse. Porte-toi bien. Pense à moi, mais sans t'ennuyer. Je t'embrasse encore mille fois, mon ange, ma petite femme, ma chère amie.

Перевод

1783, июня 10 дня. Хорол

Дорогой друг, ангел мой, любезная моя Сашенька, целую тебя. Каково здоровье твое? а малюток наших? Не скучай, дорогая детка, думаю, что скоро покончу со здешними делами и буду иметь удовольствие увидеть тебя. Ангел мой, получила ли ты письма с последней Гадячской почтою? Думаю, что получила. Ежели нет, посылаю тебе пришедшее мне из Кременчуга письмо, оно чрезвычайно меня обрадовало содержащимся в нем известием о счастливом успехе оды друга моего Державина, воспевающей ее величество под именем Филицы (Филица — имя из сочиненной императрицею сказки). В письме сообщается также об успешном исходе нашего дела и скором возвращении брата. Жду его с нетерпением. Скажи ему, дорогая, как только он вернется, что мне надобно как можно скорее повидать его, чтобы потолковать по поводу здешних наших дел, из коих одни можно кончить миром, а для других совершенно необходимо присутствие его, а главное — Стадницненки. Он знает, о чем речь. Проси его ехать сюда чем скорее, тем лучше.

Друг мой Державин ничего мне не пишет о нашем семействе, но из письма его видно, что все там у них благополучно, ибо он упоминает о Николае Александровиче по пустяшному поводу, и, случись какое несчастье, он не преминул бы, разумеется, сообщить мне о том. Посему успокойся, дорогой друг мой. Я думаю, они оттого не пишут, что брат скоро поедет, и они решили, что лучше пошлют с ним, чем почтою. Вот и вся разгадка их молчания.

Мой друг не пишет, как кончилось наше дело: в Сенате или миром, но довольно и того, что кончилось оно, как он пишет, в нашу пользу. Не решаюсь однако же предаться ликованию, пока подробнее не узнаю всего из уст брата. Вот, дорогая, посылаю тебе письмо моего друга, и тем дарю тебе 3 повода, чтобы радоваться: 1) возвращение брата, 2) успешный исход нашего дела, 3) счастливое известие, касающееся друга моего Державина; я очень за него рад. Скажи же мне, чтоб вознаградить меня за сделанные тебе подарки, что ты и дети здоровы, что любишь меня и что не скучаешь, и я вполне буду вознагражден. Развлекайся, дорогая детка, отдайся заботам о детях, себе и хозяйстве. Старайся приятно препровождать время и не оставлять места для скуки. В докучных моих хлопотах мне было бы гораздо приятнее узнать, что ты не скучаешь.

Прощай, дорогой друг мой; письмо, которое при сем прилагаю, пошли в Петербург чрез Гадячскую почту в сей понедельник, непременно пошли, прошу тебя, ибо из Гадяча почта уходит во вторник рано утром. Прощай, целую тебя. Будь здорова. Думай обо мне, но не грусти. Целую тебя еще тысячу раз, мой ангел, женушка моя, дорогой мой друг.

11

А. А. КАПНИСТ

17 июня 1783 г. Колодно

1783, juni 17. Colodno

Ma chère amie, mon ange, mon aimable Sachinca, je t'embrasse. J'ai reçu ta lettre cet avant-midi, tu m'attends avec impatience, ma chère, et j'attends avec autant d'impatience le moment où je pourrai avoir le plaisir de te voir dans mes bras. Je suis affairé ici, mais dans 3 jours j'espère que je me délivrerai d'ici et aussitôt je volerai à Oboucofca. Ce ne sera pas pour t'embrasser seulement, au moins ce sera aussi pour te.... mais tu vas me gronder, je me tais donc! Porte-toi bien, ma chère enfant, et tâche de guérir notre Ganouschca.

Ecoute, ma chère, notre nièce, je crois, viendra à Obucofca. Il faut la loger là bien, le mieux qu'il est possible, c'est pourquoi je ne trouve pas pour elle un endroit plus commode que notre chambre à coucher avec la chambre où est notre Ganouschca et la chambre où sont tes petites provisions, parce qu'elle a un petit enfant. Fait donc nettoyer notre spalna et la chambre de l'enfant, aussi bien que celle où sont tes provisions et la petite chambrette où est notre commodité. Fais les blanchir et nettoyer et apprêter le mieux possible. Pour nous, nous serons obligés de nous transporter dans la chambre d'à coin, où est la bibliothèque, où sera notre chambre à coucher. La petite chambre où a été notre mère recevra Ganouschca, et la chambre où est Bohdacha sera pour tes provisions, et la chambre où sont les bagages de babouchca sera pour les femmes et pour la fille. Je transporterai en venant ses effets, mais avant mon arrivée nettoie seulement les deux chambres, celle où a été ma mère et celle

où est Bohdacha. Mr. Martinovits et Bley pourront en attendant rester dans la chambre du frère André. Fais tout cela, ma chère amie, et tâche de faire en sorte pour que rien ne nous manque pour accueillir le mieux que nous pourrons notre nièce avec son mari et son enfant. Prends garde que les provisions ne puissent manquer. Je me repose sur toi, ma charmante Sachinca, de tout cet arrangement.

Tout ce que tu m'as écrit aujourd'hui, je l'ai redit à mon frère et il a expédié un pricaze pour envoyer les moutons et faire sécher les cerises et cetera. Je crois que dans quelques jours j'aurai la satisfaction de t'embrasser, ma tendre amie, et je soupire après ce temps. Jusque là le temps me paraîtra extrêmement long, comme il me le paraît présentement. Adieu, mon âme, porte-toi bien, prends garde à nos enfants. Je t'embrasse mille fois idéalement et je te promets de t'embrasser autant de fois en effet, aussitôt que j'aurai le plaisir de te voir. Adieu. Je baise tes mains.

На обороте:

Отдать Александре Алексеевне в Обуховке.

Отошли, душенька, письмо, которое при сем прилагаю, в Гадяцкую почту как можно скорее.

Пошли ж письмо в Гадяч тотчас, ибо во вторник поутру оттуда почта отходит.

Перевод

1783, июня 17 дня. Колодно

Мой дорогой друг, ангел мой, любезная моя Сашенька, целую тебя. Нынче утром получил твое письмо, ты с нетерпением поджидаешь меня, дорогая, и я столь же нетерпеливо ожидаю минуты, когда буду иметь удовольствие увидеть тебя в моих объятиях. Я тут обременен делами, но через 3 дня надеюсь вырваться отсюда и тотчас полечу в Обуховку. И не только затем, чтобы расцеловать тебя, по меньшей мере также чтоб тебя... но ты станешь меня бранить, посему умолкаю. Будь здорова, дорогая детка, и постарайся вылечить нашего Ганюшку.

Послушай, дорогая, я думаю, наша племянница будет в Обуховку. Надо получше ее устроить, как только можно лучше, вот отчего я считаю, нет для нее более удобного помещения, чем наша спальня, да комната Ганюшки, и та, где у тебя хранятся припасы, ведь у нее маленький ребенок. Вели же привести в порядок нашу спальню и детскую, а также ту комнату, где у тебя припасы и туалетную. Вели как можно лучше побелить их, почистить и приготовить. Что касается до нас, нам придется перебраться в угловую, где библиотека; это будет наша спальня. В комнате, где жила матушка, поместится Ганюшка, комната, где живет Богдаша, пойдет под твои припасы, а женщины и девушка разместятся в той, где бабушкины пожитки. Я перенесу ее вещи, когда вернусь, а до возвращения моего очисти только две комнаты: матушкину и ту, где живет Богдаша. Г-н Мартинович и Блей смогут пока остаться в комнате брата Андрея. Устрой все это, дорогой друг мой, и постарайся так сделать, чтобы у нас всего было вдоволь, чтобы мы могли как только можно лучше принять племянницу с мужем и ребенком. Позаботься, чтобы хватило припасов. Во всех этих приготовлениях полагаюсь на тебя, прелестная Сашенька.

Я пересказал брату все то, о чем ты писала сегодня ко мне, и он отправил приказ отослать баранов, сушить вишни и т. д. Думаю, что через несколько дней буду иметь удовольствие обнять тебя, и страстно жажду этого мгновения. А до того время покажется мне крайне долгим, каким

оно кажется сейчас. Прощай, душа моя, будь здорова, береги деток. Целую тебя мысленно тысячу раз и обещаю столько же раз целовать в действительности, как только буду иметь удовольствие увидеться с тобою. Прощай. Целую твои ручки.

12

А. А. КАПНИСТ

1 июля 1783 г. Полтава

1783, le 1 de juillet. Pultava.

Ma chère amie, mon ange, ma chère Sachinca! Je t'embrasse, ma chère, mon aimable enfant. Je suis venu ici hier le soir. J'ai trouvé ici ma nièce et son époux, comme je l'ai <cru>, c'est-à-dire des hommes qui nous aiment à ce qu'il semble et qui sûrement nous<aimerons>. Je passe mon temps ici assez agréablement, et il ne me manque rien que toi pour le passer le plus agréablement du monde. Je serais tenté alors de rester toujours entre des amis tels que le sont nos parents ici.

Ma chère enfant, comment te portes-tu et nos enfants? Dieu donne que cela soit bien. Je me porte bien aussi et je crois que je resterai ici encore trois jours. J'envoie avec cela un ordre à pricaztschik d'Oboucofca pour envoyer à ma nièce des provisions nécessaires. Fais en sorte, ma chère amie, que tout ce que j'ecris soit le plus tôt envoyé ici, qu'on fasse tout de suite молоть муку пшеничную, перемявши, и житную, и крупу пшена, и все, что я приказываю в приказе, и, положа на воловые подводы, сюда с умным человеком прислать все. Ты вели себе подать приказ, который я и приказчику и вам посылаю. На что тебе деньги понадобятся, то их возьми у шинкарки. Вели все искупить, что надобно и чего не сыщется тотчас у нас, как то: гуси и утки и прочее, все вели искупить в Рашевке или в Обуховке, или где можно. Пожалуй, моя душа, сделай, чтоб все, что я напишу, исполнено было.

Il faut que tout soit le plus tôt accompli et envoyé ici comme il faut. Fais-moi ce plaisir, ma chère enfant. Il y va de notre honte si cela ne s'exécute pas, car se sont des bagatelles, mais le plus tôt possible. Je me hâterai d'aller t'embrasser aussitôt que je finirai mon affaire ici. Comment t'amuses-tu, ma chère? Ah, si tu étais ici, comme nous passerions bien notre temps!

Ma nièce et son mari sont à ce que je vois charmés de trouver en nous des parents qui les aiment et je t'assure que si tu viens à Pultava tu t'y plairas assurement, tu y trouveras une bonne amie dans notre chère nièce qui te fais faire se compliments aussi bien que son époux qui est un très galant homme et sera, à coup sûr, mon ami.

Adieu, ma chère enfant, je me hâte de finir, car l'homme qui porte cette lettre est déjà tout prêt de partir. Adieu. Je t'embrasse de tout mon coeur mille fois. Ne t'ennuie pas et porte-toi bien. J'aurai bientôt le plaisir de te voir. Je t'embrasse. Adieu.

Перевод

1783, июля 1 числа. Полтава.

Дорогой друг, ангел мой, дорогая моя Сашенька! Целую тебя, дорогая, любимая моя детка. Приехал сюда вчера вечером. Как и рассчитывал, встретил здесь мою племянницу с мужем, то есть людей, кои, как кажется,

нас любят и коих мы, несомненно, полюбим. Провожу здесь время довольно приятно, и только тебя мне не достает, чтобы проводить его как нельзя приятнее. А тогда мне захотелось бы навсегда тут остаться с друзьями такими, каковы наши родственники.

Дорогая детка, здорова ли ты? а малютки наши? Дай бог, чтоб все было благополучно. Я также здоров и рассчитываю пробыть здесь еще три дня. Одновременно посылаю распоряжение приказчику в Обуховке отправить моей племяннице необходимые припасы. Проследи, дорогой друг мой, за тем, чтобы сюда переслали как можно скорее все то, что я наказывал, чтоб начали тотчас молоть муку...

...Надобно как можно скорее все исполнить и отослать сюда надлежащим образом. Сделай мне такое одолжение, дорогая детка. Ежели этого не сделать, нам стыдно будет, ведь это же пустяки. Но только как можно скорее. Тотчас, как покончу здесь с делом, так и поспешу к тебе, чтоб тебя расцеловать. Чем занимаешь себя, дорогая? Ах, будь ты здесь, как хорошо провели бы мы время! ,

Племянница и ее муж, как мне кажется, очень рады, что обрели в нас любящих родственников и уверяю тебя, что ежели ты приедешь в Полтаву, тебе тут понравится, в лице любезной нашей племянницы обретешь доброго друга. Она велит тебе кланяться и ее муж тоже; это человек в высшей степени порядочный, он станет, несомненно, моим другом.

Прощай, дорогая детка, спешу кончать, ибо тот, кто повезет сие письмо, совсем уж собрался в путь. Прощай. От всего сердца целую тебя тысячу раз. Не скучай и будь здорова. Скоро буду иметь удовольствие увидеть тебя. Целую. Прощай.

13

К ГОСПОДИНУ ЛЮБОСЛОВУ

Июль-август 1783 г.

Милостивый Государь мой!

Я бы не торопился к вам писать, ежели бы вы в критике вашей в рассуждении стиха Réveille-toi mortel и проч. сказали только, что для меня толь важных выражений очень много; я бы согласен был с вами, зная, что слово mortel, употребляемое в возвышенном слоге, может по чину принадлежать знатным людям; а с меня довольно было бы, когда бы обо мне сказали и просто homme réveille-toi, и проч. Но когда вы прибавили, что помянутые выражения не мне, а патриоту приличны, и тем, кажется, исключили меня из числа сынов отечества; то я встревожен будучи такою для меня новостию, прошу вас покорно сказать мне, что ж я, когда я не сын отечества? Неужели пасынок его? Сделайте милость, разрешите неключимое недоумение, в которое вы меня ввергли, и не укосните ответом вашим объяснить судьбину мою, уведомив меня, чем я должен оставаться; а между тем позвольте мне быть хоть

Вашим покорным слугою
Василий Капнист.

P. S. По окончании моего письма пришло мне на мысль, что, может быть, под словом патриот вы разумевали человека, любящего свое отечество; в таком случае можно сказать, что любовь ваша к российскому

краснословию, побудившая вас начертать вашу критику, заставила вас погрешить против девятой заповеди и против христианской любви к ближнему; ибо ежели любовь к отечеству есть приобретаемое воспитанием свойство души, без которого в общежитии прямо честным и благородным человеком быть не можно, то нельзя, кажется, ни о ком сказать, что он не *патриот*, не делая ему личной и явной обиды. Причиненную вами мне я вам чистосердечно прощаю и прошу вас верить, что я сие делаю без всякого великодушного себе насилия. Есть люди, от которых весьма сносно быть обидимым.

Я бы не прибавил сих строк, ежели бы не должен был на ваше обо мне заключение сказать моих мыслей, опасаясь, чтоб иные по пословице: кто молчит, соглашается (qui tacet, consentire videtur), — не почли молчания моего за согласие на то, что вы относительно ко мне сказать благоволили.

14

А. А. КАПНИСТ

29 августа 1783 г. Полтава

Le 29 d'août 1783. Pultava. Mardi

Ma chère enfant, mon aimable Sachinca, comment te portes-tu? et comment se porte notre Алеша? Je crains qu'il ne se porte pas plus mal, mais le bon dieu est bon, il ne voudra pas nous faire sentir ce malheur. Михайло Яковлевич part d'ici. Je me porte bien, le gouverneur mieux et est hors du danger. Je partirai d'ici, j'espère, dans quatre jours. Je passerai par Crementschouc chez mon frère et puis je viendrai chez ma bonne amie pour rester déjà longtemps avec elle et recompenser par là le temps que j'ai passé désagréablement loin d'elle. Porte-toi bien, ma chère enfant, j'ai eu du chagrin cette nuit à cause de toi, devine comment; je te le dirai, car tu ne le devineras pas. La nuit il m'a paru en songe que je me suis marié non avec toi, mais avec la demoiselle Toutolmin qui est ici. Ceci m'a donné tant de chagrin, j'ai cru, me voilà l'homme le plus malheureux, et je ne pouvais pas comprendre comment l'on m'a trompé de la manière. Cela m'a affecté si fortement que je me suis réveillé et me trouvé fort heureux de n'avoir été marié à elle <qu'en> songe. Voilà comment tu me donnes du chagrin par ton absence, non seulement quand je veille, mais même en songe.

Adieu. Je te souhaite que tu ne te chagrines ni en veillant ni en rêvant et que tu te portes bien avec nos enfants. Adieu. Je t'embrasse mille fois. Mes compliments à ma cousine. Je t'embrasse encore. Adieu. Le bon dieu soit avec vous et vous préserve de tout mal.

На обороте:

Сашеньке

Перевод

1783, августа 29 числа. Полтава. Вторник

Дорогая моя детка, любезная моя Сашенька, каково твое здоровье? и здоров ли наш Алеша? Боюсь, не стало ли ему хуже, да господь благ, он не допустит до нас сей беды. Михайло Яковлевич отъезжает отсюда. Я здо-

ров; губернатору лучше, он вне опасности. Уехать надеюсь через четыре дня. Поеду через Кременчуг к брату, а там приеду к доброй моей подруге, чтобы уже надолго остаться с нею и тем возместить время, столь несносно прошедшее вдали от нее. Будь здорова, дорогая моя детка. Нынче ночью ты меня огорчила, угадай каким образом; сам скажу, тебе не угадать. Привиделось мне ночью во сне, что женился я не на тебе, а на мадмуазель Тутолминой, которая <сейчас> здесь. Так это меня опечалило, я счел себя несчастнейшим из людей и понять не мог, как меня этак вот обманули. Так был огорчен, что, проснувшись, почувствовал себя совершенно счастливым оттого, что женат был на ней лишь во сне. Вот как ты меня огорчаешь своим отсутствием, не только когда бодрствую, но и когда сплю.

Прощай. Желаю тебе не грустить ни во сне, ни наяву и быть здоровою с нашими детками. Прощай. Тысячу раз целую. Кланяйся кузине. Еще раз целую тебя. Прощай. Да пребудет с вами бог и да сохранит вас от зла.

15

А. А. КАПНИСТ

7 сентября 1784 г. Черешенька

Le 7 de septembre 1784. Черешенька

Ma chère amie! Je t'ai trompé, mon ange, malgré moi: j'ai cru que je ne resterai chez mr. le comte que 3 jours au plus, et voilà déjà 7 jours qu'il me retient ici. Demain je pars d'ici, mais imagine, ma chère amie, mon chagrin, il faut encore que je pars d'ici pour aller à Kieff. Je n'y resterai que 4 jours, je mettrai pour y aller 4 jours et pour en revenir 4 jours aussi, donc <dans> 15 jours tout au plus j'aurai le plaisir, ma chère amie, de te revoir et de t'embrasser. Ne te chagrine point, mon ange, de mon absence; la chose est indispensable et je me réjouis par l'espérance de faire quelque chose de bon et surtout pour mon père. Mr. le comte a beaucoup de bontés pour moi. Il m'a comblé de civilités et me retient ici. Je me haterai, ma chère amie, de revenir le plus tôt possible. Je soupire après le moment de te revoir, et tu ne puis t'imaginer combien je souffre sans te voir. La mélancolie me suffoque. Mais je me porte assez bien. L'état de ta chère santé m'inquiète. Comment te portes-tu, ma chère amie? Dieu donne que tu te portes bien, c'est ce que je souhaite le plus. Chère amie, porte-toi bien. Prends garde à toi, mon ange. Que je te revoie bien portante, je serai recompensé pour tous les chagrins que ton absence m'a fait essuyer. Je t'embrasse, mon ange, de tout mon coeur. Je t'embrasse mille fois. Porte-toi bien. Comment se portent nos petits?

Mes compliments à ma chère nièce et à Федор Севастьянович. Je les embrasse tous deux. Je crois que tu as déjà reçu de lettres de Николай Александрович. Quelles nouvelles est-ce qu'il donne?

Ecris-moi à Kieff, mon ange, par la poste. Envoie tes lettres à Михайло Яковлевич en le priant qu'il les envoie à Kieff par la poste.

Pour te recompenser du chagrin de ne pas me revoir aussi tôt que tu l'as pensé, je te dirai que notre cher frère Николай Алексеевич Дьяков в Харькове находится. Il y a passé de Moscou, et il y restera pour toujours.

Quel plaisir tu auras de le voir et de savoir qu'il est si près de nous! Je lui ai écrit. Il viendra chez nous, je crois, aussitôt que je serai de retour chez moi.

Adieu, mon ange. Porte-toi bien, conserve ta santé, amuse-toi, ma chère amie, le mieux que tu pourras et pense à moi sans te chagriner. Je hâterai au possible le moment de te revoir et de t'embrasser.

Adieu, adieu, ma chère amie. Cette lettre te sera envoyée par le colonel Lanskoy, un de mes amis et connaissants encore de Pétersbourg. Il est même par lui-même et par madame son épouse notre parent. Remercie-le de la complaisance qu'il a de t'envoyer cette lettre, et comble-le de civilités s'il vient chez toi, lui ou son frère. Son régiment restera à la place de celui de Губович à Mirgorod.

Adieu, mon ange, je t'embrasse idéalement. Quand est-ce que j'aurai le plaisir de t'embrasser effectivement? Je t'embrasse mille fois. Dis à mon cher frère que je crois que je ferai l'affaire pour laquelle je suis ici le mieux qu'il est possible. Adieu, mon ange.

На обороте:

Милостивой государыне моей Александре Алексеевне Капнистовой.
В селе Обуховке, близ села Рашевки и Сорочинец.

Перевод

1784, сентября 7 дня. Черешенька

Дорогой друг! Я невольно обманул тебя, мой ангел, думал, что задержусь у графа самое большее на 3 дня, а он не отпускает меня вот уже 7 дней. Уезжаю завтра, но вообрази себе, дорогой друг, мою досаду: отсюда мне придется ехать еще в Киев. Пробуду там лишь 4 дня, да на дорогу туда клади 4 дня и столько же на обратный путь, стало быть самое позднее через 15 дней буду иметь удовольствие, дорогой друг мой, вновь тебя увидеть и расцеловать. Пусть не печалит тебя разлука со мною, мой ангел; ничего не поделаешь, иначе никак нельзя, а я одушевлен надеждою совершить что-либо дельное и особенно для брата. Г-н граф очень ко мне добр, он осыпал меня любезностями и удерживает у себя. Дорогой друг мой, я поспешу вернуться как только можно скорее. Страстно жду той минуты, когда вновь тебя увижу, ты не можешь вообразить, как страдаю от разлуки с тобою. Охвачен меланхолией. Но довольно здоров; меня тревожит состояние твоего драгоценного здоровья. Здорова ли ты, дорогой друг мой? Дай бог, чтоб ты была здорова, вот чего я более всего желаю. Дорогой друг, будь здорова. Побереги себя, ангел мой. Дай бог мне, вернувшись, найти тебя в добром здравии, и буду вознагражден за все огорчения, что претерпел из-за разлуки с тобою. Целую тебя, ангел мой, от всего сердца. Тысячу раз целую тебя. Будь здорова. Как здоровье наших малюток?

Кланяюсь любезной племяннице и Федору Севастьяновичу. Обнимаю их обоих. Наверное, ты уже получила письма от Николая Александровича. О чем он сообщает?

Пиши мне на Киев, ангел мой, почтою. Письма свои отсылай Михайло Яковлевичу с просьбою пересылать их по почте в Киев.

Чтоб утешить тебя за то, что встреча наша состоится не так скоро, как тебе думалось, сообщу тебе, что любезный брат наш Николай Алексеевич Дьяков в Харькове находится. Приехал он туда из Москвы и навсегда там останется. Каким удовольствием будет для тебя повидать его и знать, что он живет так близко от нас! Написал к нему. Он будет к нам, полагаю, тотчас после моего возвращения.

Прощай, ангел мой. Будь здорова, береги здоровье, развлекайся как только можешь, дорогой друг мой, и думай обо мне, но не кручинься. Постараюсь как можно скорее вновь тебя увидеть и расцеловать.

Прощай, прощай, дорогой друг мой. Отправляю сие письмо через полковника Ланского, одного из моих друзей и знакомых еще по Петербургу. Он к тому же с нами в родстве и сам, и со стороны жены. Поблагодари его за то, что он взял на себя труд доставить тебе письмо, и, буде он сам или брат его заедут к тебе, прими их как можно любезнее. Полк его останется в Миргороде вместо полка Губовича.

Прощай, мой ангел, мысленно целую тебя. И когда только буду иметь удовольствие целовать тебя в самом деле? Тысячу раз целую. Брату скажи, что дело, ради которого я здесь, надеюсь исполнить наилучшим образом. Прощай, ангел мой.

16

А. А. КАПНИСТ

16 апреля 1785 г. Петербург

1785, le 16 d'avril. St.-Pétersbourg

Mon ange, ma chère amie, mon aimable Sachinca! J'ai reçu ta lettre de 21 de mars. J'ai cru qu'elle sera plus longue que les précédentes, mais mon attente est trompé. Cela ne me fait pas du plaisir, ma chère Sachinca! Ayant écrit quelques lignes, tu me dis dans ta dernière lettre que tu n'as plus rien à m'écrire. Je suis fâché que tu ne sois pas dans ce cas des mêmes sentiments que moi, car j'ai beau t'écrire une longue lettre, en la finissant je trouve toujours que j'ai encore mille choses à te dire, et jamais ma plume ne peut satisfaire mon coeur, trop rempli de toi. Mais je veux t'imiter, Sachinca, pour me rendre aussi laconique que toi, et je te dirai que je suis ravi d'entendre que vous vous portez bien tous, et que je prie le bon dieu qu'il vous donne toujours une bonne santé, et à moi le plaisir de vous revoir au plutôt. Je t'embrasse, ma chère amie, mille fois, aussi bien que nos enfants. J'écrirai à ma chère nièce concernant leur affaire. Tâche, mon aimable Sachinca, de faire tout ce que ta chère mère et ton cher père te demanderont et baise leurs mains pour moi quand ils seront chez toi. Pour dire quelque chose de moi, je t'apprendrai que je me porte assez bien. Adieu, ma chère amie, *je n'ai plus rien à t'écrire*. Je t'embrasse mille et mille fois. Adieu.

Non, ma chère Sachinca, pas adieu, je ne puis pas t'imiter jusqu'au bout. Je sais combien il m'est triste de ne trouver dans tes lettres que quelques lignes et je puis conclure de là que <ce> ne sera pas te faire du plaisir que de ne t'écrire que quelques mots. Oui, ma chère Sachinca, je commencerai par te prier de remplir tes lettres plus que tu ne le fais, de m'écrire tout ce que tu fais, tout ce que tu penses. Mon coeur est jaloux de savoir tout ce qui se passe dans le tien. Dieu donne qu'il soit rempli toujours de l'amour de dieu, de la vertu et de moi. Oui, de moi qui t'adore, Sachinca, qui ne respire que par toi et pour toi. Dans les chagrins et les désagrements que je suis obligé de souffrir ici je ne me console que par la pensée que j'en serai amplement dédommagé dans tes bras. Je pense que ce temps de déplaisir me fera trouver d'autant plus agréable celui que je passerai dorénavant avec toi. Dieu! comme je sens à présent tous les charmes des jours que j'ai passé avec toi, à présent qu'ils ont fait place à des jours remplis de soins fatigants, pleins d'amertume et infructueux. Chaque jour je suis obligé d'aller solliciter tantôt chez celui-ci,

tantôt chez celui-là, mais en général chez tous ceux pour qui j'ai peu d'estime et point d'attachement. Voilà comme je passe ici mon temps, ma chère Sachinca. Pense à présent si je ne dois pas brûler d'envie de me retrouver au sein de ma solitude et dans tes bras. Ah! J'en jure le bon dieu; si une fois il me permet de revenir auprès de toi, je le prierai le plus instamment, et je ferai l'impossible pour n'être déjà jamais arraché d'auprès de toi.

Mr. le comte de Besborodca a promis formellement de me procurer avant les fêtes une réponse décisive de la part de sa majesté. Je ne serai donc retenu ici que pour finir l'affaire de Фед<ор> Севастьянович et notre procès avec Tarnasskaya, et ceci sera sans doute fini la semaine première d'après Pâques. Tu peux penser que je ne resterai ici pas un moment après avoir achevé mes affaires, de manière que je crois que le 10 du mois de mai je serai à Oboucofca et j'aurai le seul plaisir pour lequel je vis — d'être avec toi, pour n'être plus séparé. Ah, ma chère Sachinca! que j'attends avec impatience cet heureux moment et que je paie cher l'honneur que la noblesse m'a fait en me choisissant pour son conducteur et en m'imposant le devoir de sacrifier à ses avantages mes plaisirs et mon repos. Dieu donne au moins que ce sacrifice que je lui fais ne lui soit pas infructueux. Mais cela vu du pays, je crois que je n'ai pas grande chose à attendre de la tiédeur avec laquelle on regarde nos besoins. Il en arrivera ce qui plaît au bon dieu. Pour moi, j'ai fait mon devoir et mon âme est tranquille. Oui, elle est tranquille sur ce point, mais non pas sur celui d'être séparé d'avec toi. Sachinca, dis-moi d'où vient cela que je t'aime de plus en plus et que je t'aime au-delà de toute expression? Mon amour pour toi croît à chaque moment. A quoi cela aboutira-t-il? Sais-tu que depuis que je suis dans cette ville je t'aime plus et c'est par réflexion je te dirai même la raison. C'est la parallèle que je fais de femmes d'ici avec toi. Il y en a peut-être parmi elles qui paraissent à d'autres qu'à moi plus belles que toi, mais je n'en trouve point que aient une âme aussi pure, un coeur aussi aimant et fidel, des sentiments aussi tendres et une foi aussi eclairée et aussi constante que toi. Je ne te flatte pas, ma chère amie, tu ne dois pas toi-même t'en enorgueiller, car tout ce que ton âme possède de bonnes qualités, tu le dois au bon dieu. C'est à lui que tu es redevable de toutes les perfections qui m'attachent à toi par des liens indissolubles. Ah, Sachinca! prie le bon dieu qu'il soit toujours le conducteur de ton âme. Elle est adorable, ton âme, ma chère Sachinca, ton coeur ne l'est pas moins. Je ne rassasie pas de contempler ton charmant portrait. Je suis de journées entières à être assis vis-à-vis de lui et de m'entretenir avec lui, en idée, comme si tu fusses présente toi-même. Quelquefois je m'oublie jusqu'à parler à lui. Ce sont les rêves les plus agréables pour moi et par lesquels je tâche de me dédommager des chagrins que j'essuie ici. Mais quand est-ce que je m'en dédommagerai pleinement dans tes bras, ma chère amie? Car c'est le seul asile où je sois à couvert de tous les déplaisirs qui me talonnent dans le grand monde. Ah! comme je soupire après cet heureux moment, que j'attends avec impatience qu'il soit déjà arrivé. Adieu, ma chère amie, mon aimable Sachinca, je t'embrasse million de fois. Pense à moi plus souvent, écris-moi toujours. Si tes lettres ne me trouveront pas ici, elles me seront renvoyeés. Ecris-moi toujours, Sachinca. Je baise tes mains. Adieu. J'embrasse nos chers enfants. Tu ne m'ecris rien d'eux. Ganiouschca parle-t-il déjà et Catinca que fait-elle? Ressemble-t-elle à toi ou bien à M<ария> Alex<еевна>. Louche-t-elle toujours? Je lui acheterai une lorgnette.

Перевод

1785, апреля 16 числа. Санкт-Петербург

Ангел мой, дорогой друг, любезная моя Сашенька! Получил твое письмо от 21 марта. Надеялся, что будет оно длиннее предыдущих, но ожидания мои обмануты. Очень мне это неприятно, дорогая Сашенька!

Написав несколько строк, ты прибавляешь в последнем своем письме, что тебе не о чем более мне писать. Прискорбно мне, что ты не разделяешь в сем случае моих чувств; вот я хоть и напишу тебе длинное письмо, а все имею сказать еще тысячу вещей, и перу не удовлетворить сердца, слишком полного тобою. Но я стану подражать тебе, Сашенька, и научусь быть столь же лаконичным, как и ты, и скажу, что рад узнать, что все вы здоровы, что молю бога, чтоб вам даровал доброе здоровье, а мне — удовольствие поскорее с вами свидеться. Тысячу раз целую, дорогой друг мой, тебя и деток наших. Любезной племяннице моей об их деле напишу. Постарайся, милая Сашенька, исполнять все, чего ни потребуют любезные твои матушка и батюшка, и поцелуй им от меня ручки, когда они приедут. Что тебе сообщить о себе? Я довольно здоров. Прощай, дорогой друг, мне не о чем более тебе писать. Целую тебя тысячу и тысячу раз. Прощай.

Нет, дорогая Сашенька, не прощай, подражать тебе до конца не могу. Знаю, как бывает грустно находить в твоих письмах лишь несколько строк, и заключаю отсюда, что тебе не будет приятно получить всего несколько слов. Да, дорогая моя Сашенька, прежде всего буду просить тебя более заполнять свои письма, писать мне обо всем, что поделываешь, о чем думаешь. Сердце мое ревниво жаждет знать обо всем, что происходит в твоем сердце. Дай бог, чтоб оно всегда исполнено было любви к господу, добродетели и ко мне. Да, ко мне, обожающему тебя, Сашенька, живущему лишь тобою и для тебя. В горестях и неприятностях, которые приходится мне здесь претерпевать, утешаюсь лишь мыслью, что щедро буду за то вознагражден в твоих объятиях. Думаю, что после докучного сего времяпровождения тем более приятным покажется мне то время, которое буду отныне проводить с тобою. Боже! Как живо чувствую теперь все очарование проведенных подле тебя дней, теперь, когда они уступили место дням, заполненным утомительными заботами, бесплодными и полными горечи. В хлопотах по делам приходится мне ежедневно бывать то у одного, то у другого, и встречаюсь я в общем со всеми теми, к кому питаю мало уважения и нимало не привязан. Вот так и провожу тут время, дорогая Сашенька. Подумай теперь, горю ли желанием очутиться в уединенном своем уголке и в твоих объятиях. Заклинаю о том господа; ежели только он дарует мне счастие вернуться к тебе, стану молить его самым настоятельным образом, добьюсь невозможного, чтобы уж никогда более с тобою не разлучаться.

Граф Безбородко за верное обещал мне до праздников решительный ответ ее величества. Стало быть, меня удержит здесь только дело Федора Севастьяновича и наш процесс с Тарновской, а он наверное будет кончен в первую послепасхальную неделю. Ты понимаешь, что, закончив все дела, и минуты здесь не промешкаю, так что располагаю быть в Обуховку мая 10 числа, и обрету единственную усладу, ради которой и живу — счастие быть подле тебя и уж никогда более не разлучаться. Ах, дорогая моя Сашенька! Как нетерпеливо жду я счастливого сего момента и как дорого приходится мне расплачиваться за честь, которую оказали мне дворяне, избрав меня своим предводителем и обязав пожертвовать счастием и спокойствием своим ради их выгод. Дай-то бог, чтоб эта моя жертва не оказалась для них бесплодною. Но здесь на месте вижу, что от равнодушия, с каким тут относятся к нашим нуждам, многого ждать не приходится. Ну, да будет, как богу угодно. Что до меня, я свой долг исполнил и душа моя спокойна. Да, на сей-то счет она спокойна, да неспокойна оттого, что в разлуке с тобою. Скажи, Сашенька, отчего это я люблю тебя все более и более, люблю превыше всякого выражения? Любовь моя к тебе растет с каждою минутою. И к чему только это приведет? Ведомо ли тебе, что с той поры, как нахожусь в сем городе, люблю тебя еще более, и могу

объяснить тебе причину сего вот каким соображением: сравнение произвожу здешних женщин с тобою. Есть среди них, быть может, такие, что кажутся (не мне, другим) красивее тебя, но ни одной не нахожу среди них с душою столь чистой, с сердцем столь любящим и верным, с чувствами столь нежными и с верою такой ясной и твердой, как у тебя. Я вовсе не льщу тебе, дорогой друг мой, и ты сама не вздумай возгордиться; ведь всеми добрыми качествами, присущими душе твоей, ты обязана господу богу. Именно он наделил тебя теми совершенствами, кои привязывают меня к тебе нерасторжимыми узами. Ах, Сашенька! моли бога, чтобы он всегда был пастырем души твоей. Твоя душа пленительна, Сашенька, не менее пленительно сердце твое. Не могу наглядеться на прелестный твой портрет. Целые дни провожу наедине с ним, беседую с ним в мыслях, как будто с тобою. Забываюсь порою до того, что разговариваю с портретом. Это самые приятные мои грезы, ими стараюсь вознаградить себя за те огорчения, что здесь претерпеваю. Да когда же, наконец, буду я вознагражден в полной мере в твоих, дорогой друг мой, объятиях? Ибо вот оно, то единственное убежище, где буду я огражден от всех неприятностей, докучающих мне в светском обществе. Ах! как страстно жду я сего счастливого мгновения, как нетерпеливо желаю, чтобы оно уже наступило. Прощай, дорогой друг мой, любезная моя Сашенька, целую тебя миллион раз. Почаще думай обо мне и пиши по-прежнему. Ежели письма твои не застанут меня здесь, их мне перешлют. Пиши все-таки, Сашенька. Целую руки твои. Прощай. Поцелуй дорогих деток. Ты ничего о них не пишешь. Начал ли говорить Ганюшка? а что поделывает Катенька? На тебя она похожа или на Марию Алексеевну? Как она, все косит? Я ей лорнетку куплю.

17

П. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

24 августа 1785 г. Обуховка

1785 года, августа 24 числа. Обуховка

Я на тебя сердит, мой друг Петр Лукич. Очень сердит и для того хотя б и мог теперь тебя порадовать приятным некоторым известием, но не порадую. Затем, что я очень сердит на тебя. И впрямь, как не сердиться? Я думаю, чтоб и ангел на моем месте рассердился. С тех самых пор, как я с тобою расстался в Воронове, я не получил от тебя ни одного письма. Я думал, что ты опять в горячке лежишь, но из письма Николая Александровича вижу, что ты у него был в Черенчицах. После этого, как мне не сердиться? Сам рассуди, ты к нему едешь 350 верст, а ко мне в целых три месяца 35 слов не написал. Это ни на что не похоже. Затем я на тебя очень и сердит и не могу тебя порадовать весьма радостной новизною. Вот тебе за то. Не скажу, никак не скажу, а очень веселое известие, ты бы за него дорого заплатил. Да нет, брат, изволь-ко сперва заплатить за то, что молчишь так долго, а потом тебе и скажут то, чего ты не знаешь и чему бы ты весьма обрадовался. Да лих теперь не скажут, таки не скажут, как не скажут.

Ну, брат! Каково? Долг платежом красен. Ты ко мне не пишешь, а я тебе не скажу. Сам бы право рад тебе сказать, да никак нельзя. Подумай, ведь всего лучше на свете справедливость. Ты виноват передо

мною, следовательно, по старому закону я должен мстить тебе. А по новому? — ты скажешь. По новому вновь подумать должно. По новому, правда, мстить не велят. Да я тебе и не мщу. Мстить есть делать какую-нибудь неприятность, а я тебе только не сказываю того, что бы тебе приятно было. Ты теперь не грустишь, хотя и не знаешь, что бог меня обрадовал счастливым Сашеньки сего 22 числа разрешением от бремени, что бог даровал мне дочь, сегодня крещеную и названною Машенькою, что слава богу Сашенька здорова. Так когда ты не грустишь, так о чем же и суетиться? На что тебя из грустительного положения выводить?

Послушай, мой друг! опомнись. Ты виноват. Поправь свою вину. Последний раз я об этом тебе напоминаю. Скажу тебе чистосердечно, что недоумеваюсь, отчего происходит твое молчание? Из всего должен заключить, что оно происходит оттого, что дружба твоя ко мне простыла. Но этого до времени я заключить еще не смею. Затем, что из этого заключения выйдут тысяча заключений одно другого неприятнее.

Итак, не делая сам никакого заключения, прошу тебя разрешить мое недоумение. После последнего моего письма я не хотел к тебе более писать. Но радость, которою меня бог благословил, я не мог не сообщить тебе, зная, что ты возьмешь в ней искреннее участие. Это была бы татьба в дружестве, по крайней мере в моем к тебе. Пиши, мой друг, ко мне и отвечай на мои к тебе письма.

Скажи, отослал ли ты почтмейстеру Яковлеву коляску и заплатил ли деньги Аграф<ены> Александр<овны> Полторацкой тому генералу, к которому я тебе ее письмо поручил и деньги?

Свидетельствуй мое почтение его сиятельству графу Ивану Ларионовичу и всей его фамилии, которой я искренно предан. Прощай, мой друг, будь здоров телом и душою и люби меня столько, сколько я тебя люблю.

Твой верный друг
Василий Капнист.

Пожалуй, купи мне немецкую и на французском языке библию и пришли их ко мне как можно скорее по почте. Пожалуй, сделай это немедленно, ибо мне весьма нужно. Сколько денег я тебе должен буду за библию немецкую и французскую и за печатку брату Петру Васильевичу и за прочее, пожалуй, уведоми меня. Я пришлю немедленно.

Еще посылаю тебе титул Юнговых ночей немецкого перевода. Поищи точно такой перевод в лавках книжных и пришли ко мне. Ищи точно по сей записке перевода, он с аглицким.

18

А. А. КАПНИСТ

17 декабря 1785 г. Киев

1785, le 17 de décembre. Kieff

Mon ange, ma chère et tendre Sachinca! J'ai reçu de toi presqu'en même temps 3 lettres, cependant je ne suis pas content, j'aurais voulu en recevoir encore davantage, tant il est doux, ma chère amie, de m'entretenir avec toi. Je relis tes chères lettres mille fois et pense alors être à Oboucofca. C'est ma plus agréable illusion. Ah, ma tendre amie, comme je t'aime! Rien sans toi ne

me fait du plaisir, rien ne me touche, tout ce qui m'environne est étranger pour moi, je me fais violence pour m'entretenir avec les gens que je suis obligé de voir et de fréquenter. Tu sais comme je m'oblige à entretenir la conversation, à l'égayer même, mais après les efforts que je me fais, je suis toujours si hors de mes forces, comme si j'eusse battu 4 copes du blé, je suis tout à fait épuisé. Je me recrée, quand je reviens à la maison et que je commence à relire tes lettres, à contempler ton cher portrait et à penser à toi. Tu occupes toute mon âme, tous mes sentiments sont à toi. Oui, ma chère amie, je te l'ai dit souvent, je ne vis que pour toi et par toi. Je sens de plus en plus cette verité. Dieu! Quel néant je sent en moi, quand je ne suis pas avec toi! C'est une mort vivante. Je ne puis m'imaginer rien de plus accablant. Sachinca, je vais voler dans tes bras. Une autre fois je ne me séparerai pas d'avec toi. Je prie dieu qu'il veuille bien le permettre, prie le aussi, ma chère amie. Si j'irai quelque part, il faut que tu viens avec moi. Je m'imagine quel plaisir c'eût été pour moi si tu aurais été ici, comme agréablement j'aurais passé mon temps. Chère amie, pourquoi faut-il que le bon dieu nous ordonnât de nous séparer? Nous ne sommes faits que pour être uni, <être> former <qu'>une seule âme.

Mais je cesse de parler de cela. Dis-moi que fais-tu? Comment te portes-tu? Comment passes-tu ton temps? Ma joie est extrême d'entendre de toi que tu te portes mieux et que les médecins t'ont fait du bien. J'en rends grâce mille fois au bon dieu. Seulement je pense à présent que Catinca, peut-être, ne se porte pas bien, car tu m'a dit que les dents commencent à paraître chez elle. Dieu donne qu'elle se porte bien. Que fait Ganouchca? Parle-t-il français? Joue-t-il avec toi? Comme j'aurais voulu être en ce moment à Oboucofca pour vous voir. Mais pendant les fêtes je viendrai pour sûr, c'est-à-dire que je partirai d'ici par poste le 2 ou 3 jour de fêtes, et serai chez toi pour sûr pour le nouvel an. Avec quel plaisir je te serrai entre mes bras! Comme je t'embrasserai! Je t'embrasse mille fois en idée. Je baise ton cher portrait, il fait toute ma consolation. A propos de portrait: je suis ravi de ce que ma chère nièce nous veut laisser son portrait et celui de Фед<ор> Севастьянович. Quand ils partiront, leur ressemblance au monis nous consolera. Quand je reviendrai, je te prierai de te faire peindre, et je me ferai peindre aussi, car mon portrait qui est chez toi ne me ressemble pas. Душенька, est-ce qu'il te fait ressouvenir de moi? Penses-tu à moi souvent, penses-tu à mon amour pour toi? Il est excessif, ma chère amie, il surpasse tout au monde. Sachinca, comme je t'aime! Il n'est pas possible de l'exprimer. Comme le temps me paraîtra long jusqu'à ce que j'aurai le bonheur de te tenir entre mes bras. Comme j'y volerai! Je t'embrasse mille fois. Adieu. Je baise tes belles mains, tes pieds, tes genoux, ton sein, ma chère amie. Ah, que je sens à présent tout le tourment de notre séparation. C'est une punition du dieu et la plus dure. Adieu, душенька, je vais m'endormir. Puissé-je avoir le plaisir de te voir en songe! Adieu, je t'embrasse mille fois, ma chère amie, ma tendre Sachinca, je t'embrasse.

Приписка на полях:

Посылаю две банки дюрену для Алек<сандры> Ананьевны. А для тебя розы банку. Я куплю тебе все, что ты приказала.

Перевод

1785 года, декабря 17 числа. Киев

Ангел мой, дорогая, милая моя Сашенька! Почти в одно время получил от тебя 3 письма, однако же не удовлетворен, желал бы получить еще, так сладостно мне беседовать с тобою, дорогой друг мой. Тысячу раз-

перечитываю милые твои письма и кажется мне тогда, что я в Обуховке. Вот самая приятная моя утеха. Ах, милый друг мой, как люблю тебя! Без тебя ничто не доставляет мне удовольствия, ничто не трогает, все окружающее чуждо мне, делаю над собой усилие, чтобы разговаривать с людьми, с коими вынужден видеться и встречаться. Ты ведь знаешь, что я вменяю себе в обязанность поддерживать разговор, даже оживлять его, но после такого насилия над собою чувствую себя настолько обессиленным, будто 4 копны намолотил, совершенно бываю вымотанным. Отдыхаю лишь, когда возвращаюсь домой и принимаюсь перечитывать твои письма, созерцать милый твой портрет и думать о тебе. Ты владеешь всей душою моею, все чувства мои тебе принадлежат. Да, дорогой друг мой, я часто твердил тебе о том, что живу лишь тобою и для тебя. Все более и более чувствую истинность этого. Боже! какую ощущаю в себе пустоту, когда я не с тобою! Живым мертвецом становлюсь каким-то. Ничего более тягостного и вообразить не могу. Сашенька, полечу в твои объятия. В другой раз не разлучусь с тобою. Молю бога даровать мне это, моли его и ты, дорогой друг мой. Доведись мне поехать куда-либо, тебе следует ехать со мною. Воображаю, каким это было бы для меня удовольствием, будь ты здесь, как приятно провел бы время. Дорогой друг, зачем понадобилось господу разлучить нас? Мы и созданы лишь затем, чтобы быть вместе, составлять одну душу.

Но довольно об этом. Скажи мне, что ты поделываешь? Здорова ли? Как проводишь время? Безгранична была моя радость, как услышал от тебя, что тебе лучше и врачи помогли. Тысячу раз воздаю за то благодарение господу. Одного теперь опасаюсь, что Катенька не вполне здорова, ты ведь сообщила, что у нее начинают прорезываться зубки. Дай ей бог здоровья. Как поживает Ганюшка? говорит ли по-французски? играет ли с тобою? Как хотелось бы мне быть сейчас в Обуховке, чтобы увидеть вас. На праздниках приеду наверняка, т. е. отсюда уеду на почтовых на 2-ой или 3-ий день праздника и к Новому году непременно буду у тебя. С каким удовольствием сожму тебя в своих объятиях! Уж как расцелую! Тысячу раз целую тебя в мыслях. Целую милый твой портрет, в нем все мое утешение. Кстати о портрете: я очень рад, что любезная моя племянница хочет оставить нам портрет свой и Федора Севастьяновича. Когда они уедут, нам в утешение по крайней мере останется их изображение. Как приеду, буду просить тебя дать себя нарисовать и меня самого велю изобразить, ибо портрет мой, тот, что у тебя, на меня не похож. Напоминает ли он тебе, душенька, обо мне? Часто ли думаешь ты обо мне, думаешь ли о моей к тебе любви? Она сильна чрезвычайно, дорогой друг мой, она превосходит все на свете. Как люблю тебя, Сашенька! Выразить не можно! Сколь долгим покажется мне время до того мгновения, когда буду иметь счастие держать тебя в своих объятиях. Как полечу! Тысячу раз целую тебя. Прощай. Целую прекрасные руки твои, ноги, колена, грудь твою, дорогой друг мой. Ах, как живо чувствую сейчас всю мучительность нашей разлуки. Это божие наказание и наказание самое суровое. Прощай, душенька, ложусь спать. Ах, увидеть бы тебя во сне! Прощай, тысячу раз целую тебя, дорогой друг мой, милая моя Сашенька, целую тебя.

19

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

22 марта 1786 г. Обуховка

Мил<остивая> г<осу>д<а>рыня моя Катерина Яковлевна! Любезнейший друг Г<аврила> Р<оманович>. Как вы обрадовали меня последним письмом вашим, уведомляющим, что вы избавилися начальства Тутолминского и

переведены в Тамбов. Вы не можете себе представить, как я тронут был этим приятнейшим известием. Вы приближились ко мне. Я от вас теперь буду только слышком 500 верст. Следовательно, не отчаиваюсь вас посетить. Благодарю вас за письма обо мне к Ивану Максимовичу. Он, кажется, меня по оным полюбил. Благодарю вас, мил‹остивая› г‹осу›д‹а›рыня К‹атерина› Я‹ковлевна›, за жену и за себя, за прекрасный подарок корзинки и силуэтов. Неоцененный подарок, а наипаче когда воображу, что все-то работали прекрасные ваши ручки, которые тысячу раз мысленно целую. Ах! ежели б удалося хоть сотую часть сей суммы в самом деле их поцеловать; а то в мыслях так целую, как голодной во сне ест. Только зубами воздух кусает. Так-то и я. Но надеюсь, что бог позволит мне удовольствие вас, любезнейших мне людей, видеть, а следовательно, и ручки ваши целовать; сиречь ваши, сударыня, а не ваши, господин кривой мизинец. Ганюшка мой кланяется вам, а Катенька нет за тем, что вся слилась и склеилась оспою. Итак, я за нее вам кланяюсь и за жену, которая так засуетилась около дочери своей, что не отстает ни на минуту и не может и к вам теперь писать. Но уверяет меня, что несказанно вас любит и почитает и желает, чтоб вы ее столько ж любили. Прощайте. Я пишу за тем так коротко сие письмо что не надеюсь, чтоб оно застало вас в Питере и будет, следовательно, вояжировать по всей России и придет к вам в Тамбов, как горчица после ужина. Прощайте. Желаю вам всевозможных благ. Еще целую ручки ваши, Катерина Яковлевна, а ваше губернаторство дружески обнимаю.

Ежели вы в Петербурге, то прошу попросить Ивана Сергеевича Ананьевского о моем деле в Сенате с полковницею Тарновской. Он его знает. Пожалуйте, попросите его об отдании мне в оном справедливости. Он вас послушает. Есмь и вечно буду ваш вернейший друг

Василий Капнист.

20

Ф. О. ТУМАНСКОМУ

30 апреля 1786 г. Обуховка

1786 года, апреля 30 числа. Обуховка

Милостивый государь мой Федор Осипович!

Я имел честь получить письмо ваше. С истинным удовольствием вижу, что вы меня не забыли, и уверяю вас, что вы всегда свежи в памяти моей. Всегда с новою приятностию представляется время, которое препровождал с вами.

Обращаюсь ответствовать вам на приглашение сообщить для помещения в Зеркало света какое-нибудь из сочинений. Скажите, как вам на мысль взошло искать любимца муз посреди Обуховки? Плугаторы, жнецы, косари, молотники — вот музы наши. Я знаю, что кладется в копну по шестьдесят снопов, и вовсе позабыл, в какую сколько строфу повелено вмещать стихов.

Со всем тем, чтобы исполнить просьбу вашу, скажу вам, что я послал к другу моему Николаю Александровичу Львову Оду на истребление в России названия раба ее императорским величеством 15 числа минувшего февраля, предоставя ему волю напечатать ее или предать ее всесожжению.

Потребуйте ее у него, и ежели получите, то можете ее поместить в издании вашем, буде не опасаетесь представить в Зеркале света зеркало весьма дурного сочинения.

Пребываю с истинным почтением и равномерною преданностью.

21

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

20 июля 1786 г. Обуховка

М<илостивая> г<осу>д<а>рыня моя, в<аше> пр<евосходительство> г<оспо>жа веселая губернаторша тамбовская К<атерина> Я<ковлевна>! Любезнейший друг мой, в<аше> пр<евосходительство> г<осподи>н веселый губернатор тамбовский Г<аврило> Р<оманович>. Здравствуйте, блаженствуйте и многолетствуйте. С несказанным удовольствием читал я ваше письмо, с нарочным посланное. Радовался от всего сердца, слыша, что вы теперь покойны, счастливы и забываете петрозаводскую скуку. Я этим известием сам счастливее стал. Слава богу, вы избавились от ига. Теперь вам приятнее кажется новое ваше положение. Боже мой! как бы я полетел к вам, ежели б были крылья! А то нет, привязан к дому и женой, и детьми, и экономией, и должностью, и делами. Сколько цепей! Но право, думаю, что нетерпение мое всех их разорвет и понесет меня к вам на воскрилиях кибиточных. Понесусь к вам целовать, расцеловать ваши ручки, К<атерина> Я<ковлевна>, а тебя обнять, переобнять, дорогой губернатор. Видно, что я об вас с великим рвением думаю, что часто вижу вас во сне, но ни разу так приятно не видел, как сегодня. Казалось, я пришел к вам, встретил К<атерину> Я<ковлевну>, бросился к ней, расцеловал ее руки и обрадовался до слез и так до слез, что, проснувшись, я действительно ощутил себя в слезах. Приятное воображение; когда оно приведется в действо? Тогда, когда я совершенно счастлив буду. Ибо без вас, я чувствую, мне не можно быть совершенно счастливым.

Сказать вам мое житье бытье? Вот оно: душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Съискиваю свое истинное счастие в уединении, в содружестве Сашеньки, в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей и в воспарении оттуда иногда к источнику ее и всей твари. Вот мои упражнения душевные. Руками упражняюсь то в очищении и украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют, в обозрении хозяйства, в построении нового домика, словом, во всех сельских приятных и, можно сказать, покойных трудах. Часто, и лучше сказать, каждый день мы ходим с Сашенькой прогуливаться в прекрасных при реке Псле лежащих рощах, водим с собою Ганюшку, на травке ребячимся с ним; то ляжем под густою и расширевшею тень и ветви грушею, читаем, беседуем и прочее... Прямо вам сказать, живем счастливо. Ежели бы вы могли оторваться от вашей цепи и приехали видеть нас, то бы удивились и позавидовали верно тишине нашего пустынножития. Но сего удовольствия ожидать нам невозможно. Вы предопределены жертвовать свету. Радуюсь теперь, что не тягостна стала ныне вам сия жертва, что вы жертвуете ему с удовольствием. Будьте благополучны, любезные друзья. Вы того достойны.

Удивляюсь, что вы пишете, что от меня писем не получали. Я однако ж вам писал; еще почитая вас в Петербурге, письма мои к вам посылал к Ник<олаю> Александровичу. В тех письмах благодарил я и Сашенька вас, К<атерина> Я<ковлевна>, за картину, прекрасную силуэтку и за пре-

краснейшую еще корзинку. Мы их получили и теперь еще повторяем наше благодарение. Я расцеловал работу вашу, признаюсь. Мне казалось, что, видя столь прекрасное ваше рукоделье, я вас самую вижу. Но когда я вас самую в самом деле увижу?

Иван Максимович поспешил отправить курьера в Рязань, и я потому не успел вместе с ним из Кременчуга к вам писать. Об комиссии, которую вы мне поручаете, прислать вам варений малороссийских, я с ним говорил, и оба согласно заключили, что до осени конфектов здешних к вам никак прислать нельзя и что он уж на себя это принимает. А как вы говорили, что вам нужны волы, то я вам достану оных пять пар и препоручу вашему нарочному. О конфектах же постараемся сверх того. Вы не пишете, сколько вам надобно пудов и каких более. Поспешите отписать. И на будущий год возложите точно на меня сию комиссию. Вам станет пуд варенья 12 рублей, т. е. чего стоит пуд сахару здесь, ибо фрукты у меня не покупные да и за работу ничего не заплачу. Напишите только, сколько вам пудов надобно. Иван Максимович мне сказал о конфектах что он это уж сделает, а я, чтоб вам волов прислал: кои и будут присланы. Деньги 118 рублей, о которых пишете, отданы братом Петром Васильевичем Ивану Максимовичу. Он видно позабыл вас об этом уведомить. Года уже два, как отданы. Напишите, сударыня К<атерина> Я<ковлевна>, сколько пудов вам надобно конфектов. На будущую осень я вам пришлю. А теперь Иван Максимович мне руки связал угодить вам сладостьми.

Иван Максимович уехал в Петербург. Не знаю, как скоро будет назад. Но прошу его поблагодарить за одолжения, которые он по просьбе вашей мне сделал. Он во многих случаях весьма великое мне сделал добро; а наиболее по подряду хлеба, и в прочем весьма, кажется, меня любит, а я не к а ж е т с я, но действительно весьма его люблю и почитаю.

Прощайте, будьте здоровы, покойны, счастливы. Пишите ко мне чаще. Уверяйте тем меня, что вы нас не забываете. Мы же вас всегда помним, и Ганюшка наш и Катенька наша нам еще более об вас напоминают. Они вам аки тезоименитым своим кланяются: Катенька будет красавица, только не брюнетка и тем на вас, сударыня, не похожа; я ее за это не столько люблю, но желаю, чтоб она по крайней мере душою и дарованиями на вас похожа была, а всего больше любезностию. Целую ваши руки, ваши прекрасные руки с таким жаром, как сегодня во сне целовал, тысячу раз и более.

Обнимаю тебя, любезнейший друг, Г<аврила> Р<оманович>, дружески. Пишите ко мне, бога ради, чаще. И письма ваши надписуйте ч р е з К р е м е н ч у г в С о р о ч и н ц ы, то верно дойдут. Прощайте. Еще слово об стихах. Что твоя, любезный друг, муза делает? Я написал Оду на истребление в России названия раба и послал ее к Николаю Александровичу для доставления к государыне. Не знаю, что будет. Посылаю ее тебе. Скажи мне, пожалуй, твое на нее мнение. Годится ли она? и как в рассуждении прочих моих од? Прощай теперь. Сашенька вам кланяется. Не пишет затем, что нездорова, а велела мне уверить вас, что она любит вас несказанно и просит, чтобы и вы ее любили.

22

А. А. КАПНИСТ

10 сентября 1786 г. Чернигов

1786 года, сентября 10 числа. Чернигов. La nuit

Ma chère amie, mon ange, ma tendre et aimable Sachinca! Je t'embrasse en idée, je t'embrasse tendrement, ma toute amie! Comment te portes-tu? Puisse le bon dieu t'entretenir toujours dans la meilleure santé.

Pour moi, je me porte assez bien. Le chemin m'a été favorable. J'ai eu presque toujours du bon temps. Je vins chez le comte mardi avant le dîner. Quoique il ne descend pas, il m'a fait appeler tout de suite m'a reçu très gracieusement, m'a fait dîner avec lui et a repondu à tout ce que j'avais à lui dire avec beaucoup de bonté. Comme je me hâtais de partir pour Kieff, il ne m'a pas retenu. Je suis resté chez lui l'après-midi, assisté au spectacle où l'on a joué ce jour-là 2 Opéras comiques: «Мельник» et «Доброе семейство» et je parti le matin du mercredi de chez lui pour Чернигов où je viens d'arriver tout-à-l'heure.

Je te dirai, ma chère amie, du comte, que I-ment il porte encore le deuil à cause de la mort de sa soeur la comtesse Bruce. Depuis cette mort et sa propre maladie il a changé tout-à-fait de vie, il ne sort que rarement de son appartement, dîne toujours dans son appartement et n'a que 6 couverts sur sa table, à laquelle il fait inviter <нрзб.> quelqнes-uns de ses gastes tandis que les autres dînent à une autre table dans la salle du bas étage. Il m'a paru qu'il n'est plus si gai et éveillé qu'il a été, quoique il se porte assez bien. Il fait beaucoup de préparatifs dans sa maison de Вишенька qu'est à une verste de Черешенька où il demeure, pour recevoir l'impératrice. Cependant on commence à douter qu'elle vienne. Le roi de Prusse est mort le 6 du mois d'août. Son neveu qui a été si froidement reçu à Pétersbourg a monté sur le trône. On croit qu'il ne restera pas les bras croisés. Deux courriers en peu de temps ont passé de Constantinople à Pétersbourg. La France, dit-on, travaille à une même politique qui ne peut pas tarder à éclatér. Peut-être que toutes ces choses empêcheront sa majesté d'entreprendre un si long voyage, d'autant plus que le commandant de la flotille de galères qui sont à Kieff préparées pour porter sa majesté sur le Dnepr a fait le trajet et a trouvé bien d empêchements; surtout il a trouvé partout presqu'où l'année passée il y avait des bancs de sable, la rivière est profonde et partout où elle a été profonde à présent il y a des bancs de sable: de sorte que pour le printemps qui vient la marche aquatique de sa majesté n'est pas sûre. Toutes ces difficultés ensemble feront peut-être que l'imperatrice n'entreprendra pas ce voyage, et je prie le bon dieu que cela puisses s'accomplir. J'aurais moins de soucis et je pourrais plus tôt avoir le plaisir de te revoir. Puissé-je avoir bientôt ce plaisir te revoir, ma chère amie, et te revoir telle que je pris le bon dieu que tu sois, car je sens de plus en plus que tout mon bonheur terrestre n'est que dans toi après dieu, que tu es la seule pour laquelle je consentirai à vivre, que ton amour seule me fait supporter avec plaisir l'exil de ce monde. Je te parle à coeur ouvert, ma tendre amie. Crois que je n'ajoute rien en te disant que tout mon coeur est à toi, que tu possèdes toutes les sensations de mon âme, et qu'il n'y en a pas une qui soit l'objet de l'amour dont tu ne sois le seul objet après dieu. Sois assurée de cela, ma chère amie, et tâche de n'être pas ingrate envers moi. Tâche de m'aimer comme je t'aime. Tâche de m'aimer plus que ton amour.

Ne te fâche pas, ma Sachinca, pour ces points. Ce n'est pas un reproche, c'est une petite leçon, une légère insinuation de ne pas t'oublier trop et d'être toujours en garde par la fervante prière et par les actions contre le seul et le plus dangereux de tes ennemis. Tâche de le vaincre et tu aimeras dignement le bon dieu et tu aimeras moi au gré de mes souhaits, tu aimeras ton âme et ton bonheur tant temporel qu'éternel. Ne te fâche pas, ma chère amie, de ces paroles: elles sont dictées par l'excès de mon amour pour toi. Si je t'aimais moins, je me serais tu. Mais ton amour pour le bon dieu qui fait paraître qu'il t'aime, ton amour pour moi, qui t'aime comme ma propre âme, ton bonheur, le mien, me force à te mettre la verité sous les yeux, et de te prévenir contre tout ce qui peut te rendre malheureuse. Ah, ma chère amie, que ne donnerais-je pas, que ne souffrirais-je pas pour te voir, te délivrer du seul vice (pardonne ma sincérité) qui obscurcie ta belle âme, qui te coupe le chemin pour arriver

au bon dieu qui veut qu'on n'aime pas soi-même, mais qu'on aime lui et la vertu. Tu aimes la vertu, ma chère, mais tu aimes aussi toi-même, peut-être autant que la vertu, et souvent, comme je te l'ai démontré, plus que ton ami, un ami qui ne respire que pour toi, qui est heureux par ton bonheur et malheureux par la seule idée que le bonheur véritable peut t'échapper pour l'éternité si tu ne tâches dans la vie temporelle et très courte de te munir de droits pour le bonheur éternel. Ah, mon amie! Si tu pouvais lire dans mon âme, et voir tout ce que je souffre pour toi, toutes les ardentes prières que je pousse pour toi vers le bon dieu! Ton âme, ta belle âme paraît plus que la mort l'ennemi qui s'enracine dans ton coeur, tu le déchirerais, et tu le présenterais comme la plus agréable victime au bon dieu. Oui, ma chère, fais tous tes efforts pour le vaincre. Pense que nous n'avons que quelques instants à vivre, que le plaisir de ces courts instants ne peuvent pas compenser les peines éternelles qui les suivront, ni les douleurs par lesquelles on parvient à la vertu, le bonheur de l'éternité. Prie souvent et non pas de bouche seulement, mais avec la ferveur du coeur, le bon dieu, demande-lui son secours, sans lequel tous tes efforts ne produirons rien. Pense à moi qui ne fait que penser à toi. Aime-moi, pardonne la longueur de ma prêche. Tâche de te transformer pour mon arrivée. Ah! quel bonheur si je te revois telle que je te souhaite de revoir! Plût au bon dieu! Je me tais: car mon coeur parle trop.

Je baise les mains de Катерина Федоровна. J'embrasse Андрей Матвеевич et leur enfant. Comment se porte-t-il? Comment se porte Катерина Федоровна? Donne le bon dieu qu'elle puisse se rétablir tout-à-fait. Raconte leur les nouvelles que je t'écris et assure-les que je les aime de tout mon coeur.

Adieu, ma chère, ma chère amie. Je t'embrasse mille fois et à ta place ton joli portrait. Adieu. Pense à moi. Ecris-moi souvent. Comment se portent nos enfants? Parle de Катинка à Мих‹аил› Яков‹левич› pour ce qui regarde la grosseur de son ventre. Adieu. Dieu soit avec toi.

Перевод

1786 года, сентября 10 числа. Чернигов. Ночь

Мой дорогой друг, ангел мой, милая, любезная моя Сашенька! Целую тебя в мыслях, нежно целую, милый друг мой! Как твое здоровье? Да хранит тебя бог в добром здравии.

Что до меня, я довольно здоров. Путешествие мое прошло благополучно. Погода почти все время стояла хорошая. К графу приехал во вторник перед обедом. Хотя он и не спускается, он тотчас приказал меня просить, очень любезно принял, оставил отобедать у себя и с большою добротою отозвался на все то, что я имел ему сказать. Поскольку я спешил в Киев, он не стал меня удерживать. Провел у него послеполуденное время, побывал на спектакле: в этот день давали 2 комических оперы — «Мельник» и «Доброе семейство», и в среду утром уехал от графа в Чернигов, куда только-только прибыл.

Дорогой друг мой, о графе скажу тебе, во-первых, что он все еще носит траур по сестре своей графине Брюс. После ее кончины и его собственной болезни он совершенно переменил образ жизни, лишь изредка покидает свои покои, там и обедает и к столу своему, накрываемому всего на 6 персон, приглашает только некоторых своих гостей, тогда как остальные его гости обедают за другим столом в зале нижнего этажа. Мне показалось, что он не так весел и оживлен, как прежде, хотя и довольно здоров. В его Вишеньке, находящейся в одной версте от Черешеньки, где он живет, делаются большие приготовления к встрече императрицы. Начинают, однако же, сомневаться, приедет ли она. Августа 6-го числа скон-

чался король прусский. На престол взошел его племянник, столь холодно принятый в Петербурге. Полагают, что он не станет сидеть сложа руки. За короткий срок два курьера проследовали из Константинополя в Петербург. Франция, сказывают, придерживается той же политики, коей результаты не замедлят обнаружиться. Быть может, все сии обстоятельства воспрепятствуют ее величеству предпринять столь длительное путешествие, тем более, что командующий флотилией галер, приготовленных в Киеве для поездки ее величества по Днепру, совершил рейс и обнаружил много препятствий; главное, почти везде, где в прошедшем году были песчаные мели, река теперь глубока, а там, где было глубоко, сейчас обмелело так, что наступающей весною путешествие ее величества по водному пути оказывается небезопасным. Из-за всех этих затруднений императрица, быть может, и не предпримет сего путешествия, и я молю бога, чтобы так оно и было. У меня было бы меньше забот, и я скорее имел бы удовольствие снова тебя увидеть. Дай-то бог скорее тебя увидеть, дорогой друг, и увидеть тебя такою, какою хотел бы видеть, о чем молю господа, ибо все более чувствую, что все земное мое счастие после господа лишь в тебе, что только ради тебя соглашусь я жить, что только любовь твоя помогает мне с радостию переносить существование в мире сем. Милый друг мой, говорю тебе это со всей откровенностью. Поверь, что ничуть не преувеличиваю, говоря, что все сердце мое тебе принадлежит, что ты владеешь всеми движениями души моей и что нет женщины, которая была бы объектом любви, подобной той, какую я питаю к тебе и которая уступает по силе только любви моей к богу. Будь в сем уверена, дорогая моя, и не окажись по отношению ко мне неблагодарною. Постарайся любить меня, как я тебя люблю, любить более, чем самое себя.

Не досадуй на меня, Сашенька, за подобные рассуждения. Не упрек это, а небольшой урок, легкое внушение, чтобы тебе не слишком забываться и с помощию пламенной молитвы и поступков быть всегда настороже противу единственного и опаснейшего врага твоего. Старайся одолеть его, и ты достойным образом возлюбишь господа и будешь меня любить согласно моим желаниям, полюбишь душу свою и свое счастие, как преходящее, так и вечное. Не пеняй на меня, дорогой друг, мои слова продиктованы чрезмерной любовью моей к тебе. Я бы молчал, ежели меньше любил тебя. Но любовь твоя к господу богу, являющему свое к тебе благоволение, любовь твоя ко мне, любящему тебя, как свою душу, твое счастие, мое счастие вынуждают меня высказать истину и предостеречь тебя против всего, что может сделать тебя несчастною. Ах, дорогой друг мой, чего бы я не дал, чего бы не перенес, лишь бы увидеть тебя, избавить тебя от единственного порока (прости за откровенность), омрачающего твою душу, отрезающего тебе путь к господу богу, который велит не себя любить, но его и добродетель. Ты любишь добродетель, дорогая, но любишь и себя, столько же, наверное, любишь, сколько добродетель, и часто, как я тебе доказал, более чем друга твоего, друга только и живущего тобою, счастливого твоим счастием и несчастного от одной мысли, что истинное счастие может навеки ускользнуть, ежели в сей преходящей и очень краткой жизни ты не приложишь усилий к тому, чтобы приобрести права на вечное блаженство. Ах, друг мой! ежели могла бы ты читать в моей душе и видеть, как я за тебя страдаю, ‹слышать› горячие молитвы, что возношу я о тебе господу. Душа твоя, прекрасная твоя душа кажется худшим, чем сама смерть, врагом, он пускает корни в твоем сердце, тебе бы вырвать его и представить как самую угодную жертву господу. Да, дорогая моя, приложи все усилия к тому, чтобы одолеть его. Поразмысли над тем, что жизнь наша — лишь несколько мгновений, и удовольствием кратких сих мгновений не возместить тех вечных мучений, кои за ними воспоследуют, ни мук, сквозь которые надобно пройти, чтобы достигнуть

добродетели, вечного блаженства. Почаще возноси господу молитву и не устами только, но и ревностным сердцем своим проси у него поддержки, без коей все усилия ни к чему не приведут. Думай обо мне, а я только о тебе и думаю. Люби меня, прости за слишком длинное поучение. Постарайся перемениться к приезду моему. Ах! какое бы счастие найти тебя такою, какой я желал бы увидеть! Дай-то бог! Умолкаю: сердце слишком полно.

Катерине Федоровне целую ручки. Обнимаю Андрея Матвеевича и их малютку. Здоров ли он? Здорова ли Катерина Федоровна? Дай бог, чтоб она совершенно поправилась. Перескажи им те вести, что сообщаю тебе, и уверь их, что люблю их от всего сердца.

Прощай, дорогой, дорогой друг мой. Тысячу раз целую тебя и вместо тебя милый твой портрет. Прощай. Вспоминай обо мне. Пиши почаще. Здоровы ли наши детки? Поговори с Михаилом Яковлевичем о Катеньке, насчет толщины ее животика. Прощай. Бог с тобою.

23

П. В. КАПНИСТУ

10 сентября 1786 г. Чернигов

1786 года, сентября 10 дня. Чернигов

Mon cher frère! J'espère que ma lettre vous trouvera encore à Troubayzy. Plút à dieu qu'elle trouvât notre chère Laly tout-à-fait rétablie.

Je ne vous dirai de moi que quelques mots, car je ne reste ici que quelques instants. Je me suis porté pendant le chemin, grâce à dieu, assez bien. J'ai été reçu du comte favorablement. Tout-de-suite après avoir été informé de mon arrivée, il m'a fait monter chez lui, car il porte le deuil à cause de la mort de sa soeur la comtesse de Brusse et ne descend pas, m'a laissé dîner à sa table privée, qui n'est que de 6 couverts, a reçu avec complaisance mon plan pour recevoir sa majesté, mais non approuvé mon dessein de la pyramide sur la frontière, ni répondu pas un seul mot à toutes les démarches par lesquelles je lui ai exposé l'incertitude concernant la classification de nos gentilshommes. Vous voyez que j'ai eu à soutenir l'épreuve de l'amour-propre dont vous m'avez parlé, et je puis, en rendant grâce au souvenir, vous certifier, que je n'ai nullement ressenti les effets de cette fatale passion. J'ai trouvé raisonnable la réfutation de la pyramide, quoique j'ai cru qu'elle était imaginée avec beaucoup de génie. Le comte a dit qu'elle ressemblait à un mausolée et j'ai trouvé qu'il avait raison. J'ai même ri de moi-même pourquoi je n'ai pas vu cette ressemblance avant. Son silence sur les points très délicats pour moi à l'égard de la classification de la noblesse ne m'a pas fait de la peine, car j'ai vu qu'il avait ses raisons de le faire, raisons de politique, si vous voulez. Mais que faire! Il faut pardonner aux autres si nous voulons qu'on nous pardonne.

Je vous écris cela avec plaisir, mon cher frère, non pour me louer, mais pour trouver une occasion de louer la force du souvenir qui a triomphé dans moi d'une passion qui paraissait avoir jeté dans mon coeur une racine inébranlable. La grâce du bon dieu l'a cependant ébranlée. Qu'il en soit loué éternellement, qu'il en soit loué de toutes les puissances de mon âme! Louez-le aussi, mon cher frère, remerciez-le de ce qu'il m'a remis dans le bon chemin. Rendez gloire à la sainte religion du Christ qui opère des miracles dans notre néant, et des miracles assurément plus grands que ceux par lesquels il a desséché la mer

et fait tomber les murailles. Car changer le coeur d'un pervers, faire tomber en poudre les passions dominantes d'un déreglé sont des miracles vraiment grands, vraiment dignes de sa puissance du très haut. Rendez-lui grâces et honneur, mon cher frère. Reconnaissez sa main sensible dans toute la création. Priez-le du fond de votre âme, priez-le qu'il vous envoie une foi vive, une intelligence claire de ses saints mystères, un amour brûlant pour lui et pour ses oeuvres. Il vous entendra, mon cher frère. Il accomplira vos voeux et en même temps mes voeux les plus ardents. Oui, mon cher frère, autant que je souhaite mériter l'amour de mon dieu, autant je souhaite que vous puissiez le mériter tout entier. Et vous le mériterez quand vous vous dévouerez à lui entièrement. Je n'ajouterai qu'un seul mot: je vous ai dit adieu. Peut-être que vous ne me trouverez plus sur la terre dans peu de temps. Laissez-moi goûter avec plaisir la douleur de quitter le monde. Adoucissez-moi la mort par l'assurance sincère que vous êtes un christ., un vrai christ., que vous croyez au Christ, et que vous croyez qu'il est notre Sauveur. Je mourrai content si vous me donnerez cette douce assurance. Ne rejettez pas ma prière, c'est le voeu d'une âme qui vous aime tant et qui ne peut pas être heureuse sans être assurée que vous allez et voulez l'être. Adieu.

Перевод

Любезный брат! Надеюсь, что мое письмо застанет вас еще в Трубайцах. Дай-то бог, чтоб к этому времени дорогая наша Ляля совсем оправилась.

О себе скажу лишь несколько слов, ибо остановился здесь только на несколько минут. В пути был, слава богу, довольно здоров. Граф принял меня благоприятно. Узнав о моем прибытии, он тотчас велел проводить меня к нему наверх, ибо он носит траур по случаю кончины своей сестры, графини Брюс, и не спускается вниз; он пригласил меня отобедать в тесном кругу (стол был сервирован всего на шесть персон), одобрительно отнесся к моему плану приема ее величества, а наброска пирамиды на границе не одобрил и ни единым словом не отозвался на предпринятые мною попытки изложить ему сомнения по поводу распределения (по уездам) наших дворян. Вы видите, что самолюбию моему пришлось выдержать испытание, о чем вы меня предупреждали, и, поблагодарив вас за это, я могу уверить вас, что нимало не почувствовал последствий несчастной сей страсти. Я нашел разумным, что пирамида была отвергнута, хоть мне и казалось, что задумана она с большой изобретательностью. Граф заметил, что она походит на гробницу, и я с ним согласился. Я даже посмеялся над собою, как это не видел этого сходства раньше. Его молчание по очень затруднительному для меня вопросу распределения дворян меня не огорчило, ибо я увидел, что у него были свои соображения поступить именно так, соображения характера, если угодно, политического. Ну, да что делать! Надобно прощать другим, ежели мы хотим, чтобы и нам прощали.

Я с удовольствием пишу вам об этом, любезный брат, не с тем, чтобы похвалить себя, а затем, чтобы воспользоваться случаем восхвалить силу воспоминания, восторжествовавшего во мне над страстью, которая, казалось, уже пустила в моем сердце глубокий корень. Милость божия поколебала, однако, его прочность. Вечная ему за то хвала, хвала от всего моего сердца! Хвалите и вы его, любезный брат, возблагодарите его за то, что вернул меня на путь истинный. Воздайте хвалу святой вере в Христа, творящего чудеса в нашей бренности, и чудеса, несомненно, более великие, чем когда он осушал море или рушил стены. Ибо обратить сердце нечестивца, развеять в прах владеющие распутником страсти — вот чудеса поистине великие, поистине достойные его божественного все-

могущества. Воздайте ему хвалу и честь, любезный брат. Узнайте его длань, проникающую все творение, молите его от всей души, молите его ниспослать вам живую веру, ясное постижение святых его тайн, горячую любовь к нему и делам его. Он услышит вас, любезный брат. Он исполнит ваши мольбы и в то же время самые пламенные мои желания. Да, любезный брат мой, насколько я желаю заслужить любовь господа моего, настолько же хочу, чтобы и вы ее вполне заслужили. И вы ее заслужите, коль скоро полностью ему предадитесь. Добавлю только одно: я вам сказал «прощайте». Быть может, вы не найдете меня вскоре на земле. Дайте же мне отведать горечь разлуки с миром вместе с радостью. Усладите мне смерть искренним уверением, что вы христианин, истинный христианин, что вы веруете в Христа и веруете, что он наш спаситель. Дайте мне сию сладостную уверенность, и я умру довольный. Не отвергайте моей просьбы — это мольба души, которая так вас любит и не может быть счастливой, не уверившись прежде, что вы сами будете счастливы, что вы хотите быть счастливы. Прощайте.

24

А. А. КАПНИСТ

26 сентября 1786 г. Киев

1786 года, 26 числа сентября, Киев

Ma chère amie, mon aimable Sachinca! Quel sort est le mien de ne recevoir de toi aucune nouvelle du moment que je suis obligé de te quitter! Je suis bien malheureux, ma chère amie! Je suis déstiné à être tourmenté loin de toi par une inquiétude insupportable. Représente-toi mon martyre, mais ne le ressens pas, ne le partage pas, prends soin de ton repos. Mais quelle est la raison de ton silence obstiné? Je pars d'Oboucofca le 4 de septembre, et voilà déjà 3 semaines écoulées sans que j'aie reçu de toi une seule ligne. Je t'ai écrit de Чернигов, je t'ai écrit d'ici par les paysans, j'attendais aujourd'hui tes lettres par la poste — je ne recois rien. Je recois cependant des lettres de Mirgorode. Si tu aurais écris, j'aurais reçu de même tes lettres Que penser? Il est impossible que tu n'eusses point écrit si tu te portais bien. Dieu te préserve cependant de toute maladie et de tout malencontre. Qu'il envoie un ange tutélaire pour te garder dans tous tes pas. Ah, mon amie! que je sens que tout mon bonheur est concentré dans toi, que toi seule est ma félicité! Eloigné de toi, je ne suis qu'un martyre. Ton absence est pour moi un tourment insupportable et ton silence y met le comble. Comment, ma chère amie, tu peux me faire souffrir ou par ta paresse ou par ton inactitude à m'écrire comme tu m'as promis chaque poste, toi, qui dis que tu m'aimes. Ah, mon amie, que je suis malheureux, isolé ici, n'etant touché de rien, accablé des affaires qui sont étrangères à mon coeur, je dois encore souffrir la plus cruelle incertitude sur tout ce qui te regarde, je ne dois pas être consolé par un mot de ta bouche! C'est au-dessus de toute ma patience, et tu m'aimes, Sachinca! Pour dieu, Sachinca, si tu m'aimes, si tu veux que je ne tombe malade, écris-moi souvent. Tes lettres seules peuvent me consoler de ton absence; elles seules peuvent la rapprocher. Par notre amour je te conjure, ma chère amie, de m'écrire souvent. Comment te portes-tu? Nos enfants? Comment se porte Катерина Федоровна, которой целую руки, и Андрей Матвеевич, которому дружески кланяюсь. Брат Петр Вас‹ильевич› уехал ли в Крым? Елизавета Тимофеевна выздоровела ли? Наденька к тебе при-

ехала ли? а Верушка в Сорочинцы? Сыскалась ли мамка сыну Катерины Федоровны? Дай бог, чтоб вы были все покойны и счастливы. Я, слава богу, здоров. Хотя имел переговор с губернатором, но уже поладил с ним опять. Дел еще никаких не делаю, ибо не посъездились г‹оспода› депутаты, ни дворянство. Делаю чертежи для ворот триумфальных.

Mais de quoi est-ce ‹que› je m'occupe en parlant avec toi? Dois-je parler d'autres choses, de mon inquiétude, causée par ton silence? Tu es bien punie, Sachinca, si par malheure tu ressens la moitié des peines que tu me fais sentir par ton silence. Dieu, que je souffre! Je me représente tout ce qu'il y a de plus funeste, des troubles dieu sait quels: les enfants à l'agonie, toi malade, enfin tout ce qui peut seulement tendre à me rendre malheureux. Que le bon dieu vous préserve tous des chimères qui me passent par la pensée. Dieu veuille que vous vous portiez tous à merveille, et que ce soit la poste qui cause tous mes chagrins.

Je t'embrasse, ma chère Sachinca, je te conjure de m'écrire le plus souvent et le plus au long qu'il te sera possible. Adieu, ma chère amie. Ecris-moi ce qui se fait chez vous. Que fait mon frère Pierre? Nadinca est-elle venue? Dis à Катерина Федоровна et à mon cher ami Андрей Матвеевич qu'aujourd'hui je suis distrait et touché par le chagrin de n'avoir pas reçu de tes lettres au point que je ne puis pas m'entretenir avec eux sans les entretenir de mes souffrances. Adieu, ma tendre amie, prie le bon dieu. Je t'embrasse, je t'envoie le baiser le plus amoureux. Je t'embrasse encore et baise tes mains. Adieu.

Перевод

Дорогой друг мой, любезная моя Сашенька! Что за горькая у меня судьбина — не получить от тебя ни единой весточки с того момента, как мне пришлось с тобой расстаться! Очень я несчастлив, дорогой друг мой! Вдалеке от тебя обречен терзаться непереносимой тревогой. Представь себе мою муку, но не ощущай ее, не разделяй ее, позаботься о своем покое. Но в чем же причина упорного твоего молчания? Обуховку покинул 4 сентября и вот уже 3 недели прошло, а я так и не получил от тебя ни строчки. Писал к тебе из Чернигова, посылал письмо отсюда с мужиками, сегодня ждал писем твоих с почтою и ничего не получил. Имею, однако же, письма из Миргорода. Ежели бы ты писала, до меня дошли бы и твои письма. Что должен я думать? Быть не может, чтобы ты вовсе не писала, ежели только ты здорова. Храни тебя, кстати, бог от всякой болезни и напасти. Да ниспошлет он тебе ангела-хранителя оберегать каждый шаг твой. Ах, друг мой! сколь чувствую, что все счастье мое заключено в тебе, что в тебе одной все мое блаженство! В разлуке с тобою я просто страдалец. Отсутствие твое — непереносимая для меня мука, а молчание твое еще усугубляет ее. И как можешь ты, сказавшая, что любишь меня, причинять мне такие страдания и не писать из лености иль нерасторопности, хотя и обещала писать по каждой почте! Ах, друг мой! сколь я несчастлив; в одиночестве, равнодушный ко всему, обремененный делами, чуждыми моему сердцу, я вынужден к тому же пребывать в жесточайшей неуверенности касательно твоей судьбы и лишен утешения услышать от тебя хоть одно словечко! Нет более моего терпения, и это называется, ты любишь меня, Сашенька? Бога ради, Сашенька, ежели любишь меня, ежели не хочешь, чтоб я заболел, почаще пиши ко мне. Только письма твои могут утешить меня в разлуке с тобою, только они могут примирить меня с нею. Дорогой друг мой, заклинаю тебя любовью нашей почаще писать ко мне. Здорова ли ты, дети? Здорова ли Катерина Федоровна...

Ну, да о чем толкую с тобою? Не надо ли мне говорить об ином, о беспокойстве своем, причиненном твоим молчанием? Ты уже предостаточно

наказана, Сашенька, ежели, к несчастью, чувствуешь хотя бы половину тех мучений, которые ты доставляешь мне своим молчанием. Боже, как я страдаю! Воображению моему представляются самые мрачные картины, бог знает какие ужасы: дети при смерти, ты в болезни, все то, наконец, что только может сделать меня несчастным. Да оградит вас господь от сих воображаемых бед, приходящих мне на ум. Дай бог, чтоб все вы были совершенно здоровы, а виною всех огорчений моих оказалась бы почта.

Целую тебя, дорогая Сашенька, и заклинаю писать как можно чаще и как только можешь больше. Прощай, дорогой друг мой. Пиши мне о том, как живете. Что поделывает брат Петр? Наденька приехала ли? Екатерине Федоровне и любезному другу моему Андрею Матвеевичу скажи, что сегодня я до такой степени отвлечен и расстроен, не получая от тебя писем, что о чем-либо ином, кроме своих переживаний, беседовать с ними не способен. Прощай, милый друг мой, моли бога. Целую тебя, шлю нежнейший поцелуй. Еще целую тебя и твои ручки. Прощай.

25

А. А. КАПНИСТ

2 ноября 1786 г. Киев

1786 года, ноября 2 числа. Киев

Ma chère amie, mon ange, ma toute aimable Sachinca! J'ai reçu avec un plaisir inexplicable ta dernière lettre. Que le bon dieu soit loué, ma chère amie, qui est, comme tu le dis, si bon, qui entend nos prières, nos prières faibles, intéressées, n'ayant d'objets que nous-mêmes et notre félicité temporelle, qui nous pardonne notre amour-propre et daigne par sa seule grâce émouvoir notre âme vers lui. Ah! qu'il soit mille fois loué de toutes les puissances de nos âmes, car il daigne émouvoir ton âme, la remplir de sa foi, de son amour et de sa sagesse. Qu'ils soient à jamais les seuls aliments de ton coeur! Je le bénis de ce qu'il s'est servi de l'organe de ma voix pour se faire sentir dans ton âme. Oh! Comment ne le bénirai-je pas? Quelle grâce plus grande peut-il me faire que celle d'être le motif de ton bonheur, de t'instruire dans la connaissance et l'amour de notre père et de notre sauveur. Bénis-le, ma chère amie, avec moi, c'est lui qui a daigné toucher ton âme, qui a donné la force convaincante à ma voix pour te faire apercevoir la vérité. Unissons nos âmes pour le bénir. Espère en lui, ma chère amie, il ne t'abandonnera pas, il t'inspirera, il remplira ton coeur par ses divines influences. Pourvu que tu l'invoques sincèrement, il t'entendra. Ses oreilles sont toujours ouvertes pour ceux qui l'invoquent avec ferveur; ses yeux sont toujours ouverts pour ceux qui déploient leurs coeurs devant lui, et ses mains, remplies de bénédictions éternelles, sont toujours ouvertes pour recevoir ceux qui se purifient par le repentir. Il recevra tes voeux, ma tendre amie. Prie-le dans la sincérité et dans les sentiments de l'amour. Prie pour moi, ma tendre amie; je suis dans un poste plus dangereux que toi. Le bon dieu m'a permis de voir plus, de connaître plus que toi. Je réponds devant son tribunal pour plus que toi. Prie donc pour moi, ma chère Je n'ai pas besoin de te dire si je prie pour toi. Eloigne de toi le murmure, la tristesse, le chagrin que mon absence te peut causer. Offre au bon dieu tes amertumes, c'est la plus pure et la plus digne de toutes les offrandes, car c'est une sincère soumission à sa sainte volonté. Le bon dieu nous aime, ma chère amie, tout indignes que nous sommes de son amour. J'espère que même dans ce monde qui n'est qu'un vrai purgatoire, il ne nous

laissera pas languir dans la misère, mais si telle eût été sa volonté, qu'elle soit faite, car j'espère, et je l'espère avec une foi ferme, qu'après les misères fugitives de ce monde une félicité éternelle nous attend dans le sein de celui, au nom de qui nous aurions souffert et qui en son propre nom a souffert pour nous. Console-toi, ma tendre amie, dans le bon dieu.

Notre cher Анд<рей> Матв<еевич> m'aime; je suis sûr de cela de même que Кат<ерина> Фед<оровна>. Leur amitié m'est très chère, elle a été envoyée par la main du bon dieu pour nous fortifier reciproquement contre notre commun ennemi. Nos prières entrelacées, et par là moins l'objet de l'amour-propre, sont mieux entendues, et nous fortifient mieux. Prie <notre> cher Анд<рей> Матв<еевич> de m'écrire plus souvent. Dis-lui que je suis charmé de l'amélioration de son état temporel, que je crains toujours le paquet des affaires du prince, elles troubleront son repos.

Ecris-moi, ma chère, où est mon frère? Qu'est-ce qu'on entend de lui? Je vais lui écrire de quitter la Crimée, car dans ce temps-ci il est très dangereux d'y rester, s'il est vrai que la guerre est inévitable. Adieu. Je viendrai bientôt chez toi. Je t'embrasse mille fois. Prie Анд<рей> Мат<веевич> et Кат<ерина> Фед<оровна> de rester à Oboucofca. Prie-les pour moi et pour toi de toute ton âme, mais prie-les de rester s'ils le peuvent faire sans déranger leur état et leurs devoirs. Adieu. Que le bon dieu te garde. Adieu, ma tendre amie, mon ange, ma toute aimable Sachinca.

Приписка на полях письма:

Ne te chagrine pas, ma chère, de l'affaire de Tarnasskaya. C'est une bagatelle. Tâche cependant de faire entretenir la paix et la concorde avec elle.

Перевод

Дорогой друг, ангел мой, любезная моя Сашенька! С неизъяснимым удовольствием получил я последнее твое письмо. Да будет благословен господь, тот, кто, как ты сказала, столь благ, кто внемлет нашим мольбам, мольбам жалким, корыстным, имеющим целью лишь нас самих и временное наше благополучие, кто прощает нас за наше себялюбие и одной своей милостью обращает души наши к нему. Тысячекратную вознесем ему хвалу всеми силами наших сердец за то, что он трогает твою душу, наполняя ее своею верой, любовью и мудростью. Пусть будут они всегда единственной пищею твоего сердца! Благословляю его за то, что через мое посредство голос его прозвучал в твоей душе. О, как же не благословлять мне его? Разве может содеять он для меня бóльшую милость, чем содеял, став причиною твоего счастия, наставив тебя в познании отца нашего и спасителя и любви к нему. Благослови его, дорогой друг мой, вместе со мною, ведь это он соблаговолил тронуть твою душу, он даровал убедительность моим словам, чтобы явить тебе истину. Сольем же наши души чтобы благословить его. Уповай на него, дорогой друг мой, он тебя не оставит, он направит тебя, наполнит твое сердце божественными своими внушениями. Главное, искренно взывай к нему, и он тебя услышит. Он всегда склоняет слух свой к тем, кто ревностно к нему взывает; взор его всегда готов устремиться на того, кто раскрывает пред ним свое сердце, и руки его, исполненные вечных благословений, всегда готовы принять того, кто очищает себя покаянием. Он услышит твои молитвы, милый друг мой. Проси его с искренностью и любовью. Молись за меня, милый друг мой. Мое положение более ответственно, нежели твое. Господь позволил мне больше увидеть и узнать. Перед судом господним держать мне бóльший ответ, чем тебе. Молись же за меня, дорогая. Что я за тебя молюсь, нечего и говорить. Избегай роптания,

печали и тоски из-за разлуки со мною. Огорчения свои открой господу, и это будет самым чистым и достойным даром, ибо явит искреннюю твою покорность его святой воле. Господь возлюбил нас, хоть и недостойны мы любви его. Надеюсь, что даже в мире сем, этом подлинном чистилище, он не оставит нас в нуждах наших, но ежели такова воля его, да свершится она, ибо я надеюсь, и надеюсь с твердой верою, что вслед за преходящими бедами сего мира ждет нас вечное блаженство в обиталище того, ради кого претерпели бы мы страдания и кто сам вынес муку за нас. Ищи утешения в боге, милый друг мой.

Любезный наш Андрей Матвеевич меня любит, я уверен в этом, как и в расположении Катерины Федоровны. Дружество их очень мне дорого, оно ниспослано нам богом, чтобы нам поддержать друг друга против общего нашего недруга. Мы вместе возносим наши молитвы, и, будучи общими, они менее отмечены печатью личной корысти, и потому господь скорее им внемлет, а нас они поддерживают и укрепляют. Попроси любезного нашего Андрея Матвеевича почаще ко мне писать. Скажи ему, что я рад улучшению его состояния и что с боязнью ожидаю пакета с делами от князя, кои нарушат его покой.

Дорогая моя, напиши мне, где мой брат? Что о нем слышно? Я ему напишу, чтобы он уезжал из Крыма, ибо оставаться там теперь очень опасно, ежели война действительно неизбежна. Прощай. Скоро буду к тебе. Тысячу раз тебя целую. Попроси Андрея Матвеевича и Катерину Федоровну остаться в Обуховке. От всей души проси их от моего и своего имени, но тогда только проси, ежели это их не стеснит, и дела их от этого не пострадают. Прощай. Храни тебя господь. Прощай, милый друг мой, ангел мой, любезная моя Сашенька.

Приписка:

Пусть не огорчает тебя, дорогая, тяжба с Тарновской. Пустое это. Постарайся, однако же, поддерживать с нею мир и согласие.

26

А. А. КАПНИСТ

14 ноября 1786 г. Киев

1786 года, ноября 14 числа. Киев

Ma tendre amie, mon aimable, ma chère Sachinca! J'ai reçu avec un plaisir inexprimable ta dernière lettre, car une poste avant celle-là je n'ai pas eu de tes lettres, et j'étais fort inquiet sur ce qui te regarde. Mais grâce à dieu tu te portes bien. Dieu a daigné écouter sur ce point mes voeux les plus ardents. Il conserve ta chère santé, à laquelle mon bonneur est si attaché. Je te recommande à lui, ma chère. Puisse sa bonté divine influer toujours sur ton sort. Te voilà donc toute seule, ma pauvre, ma chère et tendre Sachinca. Nos amis sont partis. Tâche, mon ange, de te distraire, de ne pas te laisser aller au chagrin et au murmure. Adore avec résignation la volonté du très haut. Accepte avec reconaissance les petits amertumes qu'il t'envoie, si tu veux te rendre digne de ses grâces.

Je n'ai pas pu partir d'ici à cause que la neige qui est tombée et la rivière qui commençait à geler sont tout d'un coup dégelés, et nous sommes à présent

dans la boue jusqu'au cou. Les chemins sont tout à fait gâtés et impraticables. On ne peut aller ni sur les roues, ni sur les traîneaux. Non sans un petit murmure je me trouve enchainé ici, loin de toi, de ma chère amie, mais que faire? Se soumettre. Aussitôt que le chemin tant soit peu sera supportable, je prendrai une quibitka et je viendrai te voir, quoique les affaires et les préparatifs pour la réception de sa majesté exigent ma présence ici. Ah, ma tendre amie, que le devoir de ma charge m'est à charge! Que j'aurais été content d'en être debarrassé et vivre avec toi inséparablement. Mais dieu veut nous éprouver, peut-être. Il est bon, il est très bon. Fions-nous à sa bonté, ma tendre amie, et ne murmurons pas.

Sa majesté va venir ici au mois de février, les derniers jours. Elle partira d'ici les derniers jours d'avril. Je veux que tu sois avec moi tout ce temps, car autrement je périrai d'ennui. Ainsi prépare-toi, ma chère, au voyage. Je viendrai chez toi dans une quibitka. Nous prendrons encore une chez nous, nous prendrons seulement Ganiouchka, nous laisserons Catinca et Machinca chez nous et nous partirons ensemble à Kieff. Fais tout préparer pour ce voyage, ma chère, pour que quand je viendrai chez toi, tu sois tout à fait prête de partir avec Ganiouchka. Ne te fâche pas, ma chère, contre moi de ce que je te propose ce voyage. Il me sera impossible d'être separé de toi. Je mourrai d'inquiétude. Tu connais mon caractère mélancolique. Sans toi je suis comme sans vie. Ah, ma tendre amie, combien tu m'es chère! Combien mon bonneur est attaché à toi! De quel prix pour moi est ta chère présence. Ah, mon amie, mon amie, combien je t'aime! Je t'embrasse mille et mille fois. Je baise tes mains, tes beaux yeux, ton front charmant. Que ne donnerais-je au monde pour être ce moment-même transporté auprès de toi. Dieu! Pourquoi nous separes-tu? Je ne murmure pas, je mérite encore une plus longue punition. Chère Sachinca, comme tu me deviens chère de plus en plus. Je t'embrasse mille fois. Prépare tout, ma chère amie, pour ton départ. Sois prête quand je viendrai. Comment se portent nos chers enfants, Ganiouchca parle-t-il quelque chose français? et Catinca aussi? Николай Александрович будет сюда с двором. Мы же получили расписание всем, с государынею будущим. Я спешу делать всевозможные приготовления. От них у меня голова кругом идет. Прощай, мой друг, целую тебя 1000 раз. Дай бог, чтоб я имел удовольствие тебя скоро в самом деле целовать. Прощай, бог с тобою. Я, слава богу, здоров. Бог да хранит твое здоровье. Adieu, je t'embrasse mille fois, ma tendre, ma chère Sachinca. Adieu.

Перевод

Милый друг мой, любезная, дорогая моя Сашенька! С неизъяснимым удовольствием получил я последнее твое письмо, ибо с предыдущей почтой ничего от тебя не имел и очень беспокоился о тебе. Но ты, слава богу, здорова. Господь услышал самые горячие мои молитвы. Он оберегает твое здоровье, с коим так тесно связано мое счастие. Вручаю ему тебя, дорогая моя. Пусть благость божия вечно хранит жизнь твою. Вот и осталась ты одна-одинешенька, бедняжка моя, дорогая, милая моя Сашенька. Друзья наши уехали. Постарайся развлекать себя, мой ангел, не поддавайся печали и не ропщи. Склонись с покорностию пред волей всевышнего. Безропотно прими мелкие огорчения, ниспосылаемые им тебе, ежели хочешь стать достойной его милостей.

Я не смог выехать оттого, что выпавший снег и река, начавшая было подмерзать, внезапно растаяли, и мы сидим теперь в грязи по шею. Дороги совершенно испортились и стали непроезжими. Ни в телеге, ни в санях не проедешь. Не без некоторого ропота оказываюсь я прикованным здесь, вдалеке от тебя, дорогого моего друга, да что делать? Покориться. Как только дорога станет хоть сколько-нибудь сносною, сяду в кибитку и приеду

повидаться с тобою, хотя дела и приготовления к приему ее величества и требуют моего присутствия здесь. Ах, милый друг мой, как тягостны мне возложенные на меня обязанности! Сколь был бы счастлив, ежели мог бы от них отделаться и неразлучно жить с тобою. Но, может быть, господу угодно испытать нас. Он благ, он всеблаг. Доверимся его милосердию, милый друг мой, и не будем роптать.

Ее величество прибудет сюда в феврале месяце, в последних числах. Уедет отсюда в последних числах апреля. Мне хотелось бы, чтобы ты была со мною все это время, ибо в противном случае пропаду с тоски. Посему, дорогая, приготовься к путешествию. Заеду за тобою в кибитке. Другую кибитку возьмем у нас. Захватим лишь Ганюшку; Катеньку и Машеньку оставим дома и вместе поедем в Киев. Вели приготовить все для сего путешествия, дорогая, с тем, чтобы когда я за тобою заеду, ты с Ганюшкой была бы совсем готова к отъезду. Не сердись на меня, дорогая, за то, что предлагаю тебе эту поездку. Невмоготу будет мне в разлуке с тобою. Умру от беспокойства. Меланхолический нрав мой тебе известен. Без тебя нет мне жизни. Ах, милый друг мой, как ты мне дорога! Сколь связано счастие мое с тобою! Как дорого мне милое твое общество. Ах, друг мой, друг мой, как люблю тебя! Чего бы на свете не дал, чтобы сейчас вот перенестись к тебе, очутиться подле тебя! Господи! Зачем разлучаешь нас? Не ропщу я, ведь я заслуживаю наказания еще более долгой разлукой. Дорогая Сашенька, ты все более и более делаешься мне дорога. Тысячу раз целую тебя. Приготовь все к своему отъезду, дорогой друг мой. Будь готова, как приеду. Здоровы ли дорогие наши детки, знает ли Ганюшка что-нибудь по французски? А Катенька? .. Прощай, тысячу раз целую тебя, милая, дорогая моя Сашенька. Прощай.

27

А. А. КАПНИСТ

23 февраля 1787 г. Киев

23 февраля. Ввечеру

Mon ange, ma tendre et chère amie Sachinca! Ce moment-même je viens de recevoir ta lettre datée du I-er de decembre de cette année. Je vois par là, ma chère amie, que tu oublies tout jusqu'au quantième, mais que tu ne m'oublies pas, car tu m'écris. Continue, ma tendre amie, de te souvenir de moi en te rappelant toute ma tendresse pour toi. Aime-moi, Sachinca, aime-moi comme je t'aime, et ne te lasse pas de me le dire dans tes lettres.

La lettre que je viens de recevoir de toi est très laconique, tu ne m'écris que quelques mots. Cela me fait bien de la peine. J'ai cru que tu m'écriras une relation entière, que tu me diras ce que tu fais, ce que tu penses, mais tu ne me dis presque rien. Cela n'est pas bien, Sachinca, ne le fais une autre fois. Si je suis obligé d'être malheureusement séparé de toi, au moins unissons-nous autant qu'il est en notre pouvoir par nos lettres. Je te prie d'écrire chaque journée tout ce que tu fais et au bout de la semaine envoie-moi toute cette gazette. En la lisant, il me semblera que je suis ensemble avec toi, que je te vois et que j'entends ta voix.

Ah! ma chère amie, que je ressens à présent vivement le déplaisir d'être séparé de toi! Si je serai obligé de rester ici encore quelques semaines, je crois que je perdrai l'esprit.

Ce soir je vois toutes les raisons d'être gai, car le matin je fus présenté à sa majesté. Je lui ai dit ma harangue et elle a eu la bonté de me répondre elle-même en ces mots: ваша речь мне приятна, и я с удовольствием вижу благодарность сограждан ваших. Elle a ajouté encore quelque chose, mais je ne pouvais pas entendre, ni personne.

Cet après-midi je fus présenté aussi avec ma députation à leurs altesses, et j'ai été au bal de la cour. Après-demain je suis invité à dîner chez le ministre de l'empereur mr. Coberze et au bal chez le comte Besborodca. Jeudi prochain je dînerai à la table de sa majesté.

Avec tout cela ce soir, quand je reçu ta lettre, j'ai tombé dans une mélancolie de laquelle je ne puis pas revenir. Je ressentis avec une amertume inexprimable que je ne suis pas avec toi, ma chère, ma tendre amie, le seul bonheur de ma vie. Je ne puis pas te decrire le chagrin qui me possède. Pourquoi faut-il que je sois séparé de toi, n'en suis-je pas moi-même la cause? Le bon dieu le veut ainsi, que sa volonté soit faite. J'y souscris; mais je ne puis pas ne pas souffrir. Mon âme se partage en deux, et sa plus grande partie est avec toi. Oui, душенька, je ne fais que songer à toi et que me chagriner de ce que tu n'es pas avec moi. Mais que faire? Ecris-moi le plus souvent et le plus en détail que tu le pourras. Plus tes lettres seront longues et plus elles me procureront du plaisir. Fais ce dont je te prie, Sachinca, et n'oublie pas de me dire comment tu penses à moi et comment tu m'aimes. Je t'embrasse, ma tendre amie, mille fois. Ton portrait que je contemple ici te me présente; je le couvre de baisers à ta place, je parle avec lui comme si je parlais effectivement avec toi. Toute mon âme est à toi. Quand te verrai-je, Sachinca? Que ce temps, tout court qu'il sera, me paraîtra long et ennuyant! Que j'aurai à souffrir! Mais que faire? Il faut céder à la nécessité. Je t'embrasse, ma tendre amie.

Si cette lettre viendra chez moi après l'arrivée de батюшка и матушка, baise leurs mains pour moi et embrasse ma belle-soeur, vraiment belle Dachenca et mes frères et Наденька. Régale-les de ton mieux et fais que notre maison et tout ce que nous avons soit le leur. Je t'embrasse encore, Sachenca, et mille fois. Adieu. Je baise tes mains.

Dis à mon cher frère Pierre que demain j'entamerai l'affaire de magazins et celle de nos procès, et que j'espère finir l'un et l'autre heureusement. Adieu. Je lui écrirai plus amplement aussitôt que je ferai quelque chose; pour à présent je ne puis que donner de bonnes espérances et à lui et à ma chère nièce et à Федор Севастьянович. Adieu, ma tendre et chère amie. Ecris-moi chaque jour quelque chose et écris le plus que tu pourras. Tes lettres seules peuvent dérider mon front. Adieu, душенька. Je te baise les mains et t'embrasse mille fois Bonne nuit. Pour moi je suis sûr d'en avoir une très mauvaise car je ne dormirai pas et ne ferai que penser à toi. Adieu, adieu. ma chère; au nom de dieu écris-moi plus au long et plus <нрзб.>. Embrasse nos petits pour moi. Adieu. Encore une fois je t'embrasse mille fois, душенька, mon ange, ma chère et tendre amie. Adieu. Porte-toi bien, crains-toi de ne pas te refroidir. Que le bon dieu soit avec toi. Adieu, ma chère, aime-moi et ne m'oublie pas. Adieu. Embrasse mon cher frère Pierre s'il est avec toi, si non — fais lui passer cette lettre comme toutes celles que je t'écrirai, pour qu'il soit instruit de ce qui me concerne.

Перевод

Ангел мой, милый, дорогой друг мой Сашенька! Только что получил твое письмо, помеченное первым декабря сего года. Вижу я, дорогой друг, что ты все забываешь, вплоть до того, какой нынче день, но что меня не забываешь, раз пишешь ко мне. Милый друг мой, продолжай думать обо мне, вспоминая всю мою к тебе нежность. Люби меня, Сашенька,

люби меня, как я тебя люблю, и без устали тверди мне о том в своих письмах.

Письмо твое, только что мною полученное, очень лаконично, ты ограничиваешься лишь несколькими словами. Очень сие меня огорчает. Думал, что ты обстоятельно обо всем мне отпишешь, расскажешь, что поделываешь, о чем думаешь, а ты почти ничего и не написала. Нехорошо это, Сашенька, не поступай так в другой раз. Уж ежели мне несчастному пришлось разлучиться с тобою, так пусть, насколько это в нашей власти, объединяют нас письма. Каждый день пиши мне обо всем, что делаешь, и в конце недели отсылай мне всю эту ежедневную газету. Буду читать ее, и мне покажется, что я вместе с тобою, что вижу тебя и слышу твой голос.

Ах, дорогой друг! Сколь живо ощущаю я сейчас горечь разлуки с тобою! Ежели мне придется остаться здесь еще на несколько недель, с ума сойду, наверное.

Нынче вечером у меня все основания быть веселым, ибо утром был представлен ее величеству. Произнес перед нею свое приветствие, и она была так добра, что сама изволила мне ответить следующими словами: ваша речь мне приятна, и я с удовольствием вижу благодарность сограждан ваших. Она прибавила еще что-то, но ни я, никто не расслышал что именно.

Сегодня после полудня я был также представлен вместе с моею депутацией их высочествам и был на придворном балу. На послезавтра приглашен на обед к министру государя Коберце и на бал к графу Безбородко. В ближайший четверг буду обедать за столом ее величества.

При всем том, нынче вечером, получив твое письмо, впал в меланхолию, от коей не могу отделаться. Ощущаю невыразимую горечь оттого, что нет со мною тебя, дорогого, милого моего друга, единственного счастия моей жизни. Не могу и описать тебе владеющей мною печали. Отчего надобно быть мне в разлуке с тобою? Не я ли сам тому причиной? Так угодно господу богу, да будет воля его. Покоряюсь ей, но не могу не страдать. Душа моя разрывается надвое и бóльшая ее часть — с тобою. Да, душенька, только и думаю о тебе и печалуюсь, что тебя нет со мною. Да что делать? Пиши мне как только можешь чаще и обстоятельнее. Чем длиннее будут твои письма, тем более доставят они мне удовольствия. Исполни то, о чем прошу тебя, Сашенька, и не забудь сказать, как думаешь обо мне и как меня любишь. Целую тебя, милый друг мой, тысячу раз. Портрет твой, который я здесь созерцаю, являет мне твой образ; покрываю его поцелуями вместо тебя, говорю с ним, как говорил бы в действительности с тобою. Вся душа моя в тебе. Когда увижусь с тобою, Сашенька? Сколь длинным и скучным покажется мне это время, будь оно и самым недолгим! Сколь много предстоит мне страдать! Да что делать? Надобно покориться необходимости. Целую тебя, милый друг мой.

Ежели сие письмо дойдет до тебя после приезда батюшки и матушки, поцелуй им от меня руки, расцелуй свояченицу мою, поистине красавицу * Дашеньку, и братьев моих, и Наденьку. Потчуй их как можешь лучше и постарайся, чтоб дом наш и все, что мы имеем, было бы к их услугам. Еще раз целую тебя, Сашенька, тысячу раз целую. Прощай. Целую твои ручки.

Любезному брату моему Петру скажи, что с завтрашнего дня начну заниматься делом о лавках и нашими тяжбами и надеюсь успешно с тем и другим покончить. Прощай. Отпишу ему подробнее тотчас, как что-нибудь сделаю, а пока могу подать ему, да любезной моей племяннице,

* Здесь непереводимая игра слов: свояченица по фр. belle-soeur, дословно «красивая сестра» (*прим. переводчика*).

да Федору Севастьяновичу лишь добрую надежду. Прощай, милый, дорогой друг мой. Пиши мне каждый день и как можно больше. Только твои письма могут разгладить морщины на моем лбу. Прощай, душенька. Тысячу раз целую тебя и твои ручки. Доброй ночи. Уверен, что для меня ночь будет очень недоброй, ибо не усну и только и буду о тебе думать. Прощай, прощай, дорогая; бога ради, пиши мне побольше и пообстоятельнее. Поцелуй за меня наших деток. Прощай. Целую тебя еще тысячу раз, душенька, ангел мой, дорогой и милый друг мой. Прощай. Будь здорова, смотри не простынь. Бог с тобою. Прощай, дорогая моя, люби и не забывай меня. Прощай. Поцелуй любезного брата Петра, ежели он у тебя, а коли нет — так вели отослать ему сие письмо и все остальные, что буду тебе писать, чтоб быть ему в известности насчет всего, что до меня касается.

28

А. А. КАПНИСТ

4 февраля 1788 г. Курск

1788, le 4 de février. Coursk, à II heures du matin

Ma chère amie! Au lieu d'être à Orel, me voilà à peine arrivé ici. Je suis venu ‹à sanni› à 7 heures du matin hier, car toute la nuit je me suis égaré. Cette nuit je fus obligé de passer à 46 verstes d'ici car все это время ночью была метель несказанная, которая и до сих пор продолжается, et je crois que cette nuit je serai obligé de m'arrêter à cause d'elle. Cette nuit je me suis trouvé un compagnon, le colonel Chropovitzky, avec lequel j'espère d'aller jusqu'à Moscou. A présent je suis ‹chez› un traiteur à attendre une solянка et битое мясо, за которое, я думаю, надобно бы было бить повара. Adieu, ma chère amie, imite-moi, écris-moi chaque poste et un journal complet. Je t'embrasse, миленькая Сашенька, et fais compliments à Catherina Fedorovna. Adieu, communiquez cette lettre à mon cher frère Pierre pour qu'il sache ce qui se fait avec moi. Adieu.

На оборотной стороне:

Ея высокоблагородию милостивой государыне моей Александре Алексеевне Капнистовой.

В Гадяч, а оттуда в село Обуховку.

Перевод

1788, февраля 4 числа. Курск, 11 часов утра

Дорогой друг! Вместо того, чтобы быть в Орле, едва добрался до Курска. Приехал в санях вчера в 7 часов утра, ибо всю ночь проплутал. Пришлось мне сей ночью заехать за 46 верст отсюда, ибо все время ночью была метель несказанная, которая и до сих пор продолжается, и нынче ночью, думаю, придется мне из-за нее сделать остановку. Нашел себе сегодня ночью попутчика, полковника Храповицкого, с коим надеюсь доехать до Москвы. Сейчас сижу на постоялом дворе и жду солянку и битое мясо, за которое, я думаю, надобно бы было бить повара. Прощай, дорогой друг мой, бери с меня пример, шли мне по каждой почте подробный свой дневник. Целую тебя, миленькая Сашенька, и кланяюсь Катерине Федоровне. Прощай. Сообщите сие письмо любезному брату моему Петру, чтоб быть ему в известности, что со мною. Прощай.

А. А. КАПНИСТ

7 февраля 1788 г. Орел

1788, le 7 de février. Orel. A 8 heures du matin

Ma chère amie! Me voilà ici, où je suis arrivé hier matin, après deux jours de voyage depuis Koursk, qui n'est éloigné d'ici de 100 verstes. Imagine-toi quel agréable voyage. Il faut avoir ma patience et ma résignation pour ne pas tomber dans le dernier désespoir. Pour comble de désagrements mon Mitrophane est maladif, le chemin est exécrable, les chevaux le sont encore plus, le temps l'est au supérieur degré, car ou il y a une metelitsa terrible, ou il gèle terriblement, et on n'a pas le plaisir de choisir, car hier il gelait, aujourd'hui la metelitsa recommence. Le seul agrément est qu'il n'y a pas de voleurs comme on nous l'a dit. Voilà un fidel journal de mon moyage. Je te le décris si en détails par la raison de te gronder, ma chère amie, car je suis dans la certitude que c'est toi qu'es cause de tout cela. Je suis sûr que tu as été triste après mon départ, que dans le fond de ton âme tu as murmuré et j'en pâtis. Au nom de dieu, ma chère amie, sans badinage je te prie de sacrifier ton amertume au bon dieu, d'apprendre à supporter ses volontés avec résignation, et de te laisser aller ‹à› sa providence qui n'a en vue que notre bien-être, ‹нрзб.›. Tu as eu en nous-même tant d'occasions de voir l'excès de sa bonté, répandu sur tout ce qui nous touche. Confie-toi, mon ange, en lui. Si la tristesse vient t'opprimer et serrer ton âme, épanouis-là devant le bon, le très bon dieu. Offre-lui ton amertume, choisis pour la lui offrir ou la temple de ton coeur, ou celui de la religion. Porte tes prières à ses pieds et sois fermement assuré qu'il ne les rebutera pas. Voilà les conseils de ton ami. Suis-les, ma chère, c'est mon âme qui te parle. Je t'embrasse mille fois, toi et tes chers enfants, et vous confie en la bonté divine. Je prie dieu qu'il vous conserve et qu'il vous chérisse.

Je suis ici chez notre ami Захарий Яковлевич. Il m'a accueilli le plus amicalement du monde et vous fait ses compliments. J'ai été avec lui invité à dîner chez le procureur du gouvernement Maznoff. Après dîner j'ai été chez le gouverneur Neplouеff et assisté an concert que mr. le gouverneur a donné. Cet après-midi à une heure ou deux je pars pour Moscou, en compagnie, avec mr. Sacharjeffsky. Je vous ai écrit de Koursk. Je souhaite que cette lettre-là arrive chez vous. Elle vous demontrera que je saisis chaque ‹occasion›, ma chère amie, pour te souvenir de moi. Adieu, mon amie, écris-moi souvent et en détail. Je t'embrasse mille fois. J'embrasse et ‹нрзб.› nos petits. Faites mes compliments à Катерина Федоровна. Communique cette lettre à mon frère. Adieu, ma chère. Au nom de dieu, console-toi, ne te chagrine point. Je me porte bien, je suis gai, malgré le mauvais succès de mon voyage. Adieu. Tu vois que je ne puis pas venir à Pétersb‹ourg› pour le 12 de ce mois comme je l'ai disposé, c'est le jour de ma naissance. Le bon dieu n'a pas voulu que je le passe chez nos parents, et je m'en console; que sa volonté et non la mienne soit faite dans toutes les circonstance de ma vie, quelque peu inquiétantes qu'elles paraissent. Adieu, ma chère, je t'embrasse encore. Adieu.

Mon cher frère! Mr. Sacharjeffsky qui est venu ici pour aller à Moscou, entre autres discours m'a dit que Григорий Романович Шидловский est allé chez notre frère exprès pour acheter sa terre de Spacoffca. On voit qu'elle leur plaît et l'on voit par là qu'elle n est pas à mépriser. Je vous prie de parler ou d'écrire à notre frère que nous souhaitons de l'acheter pour ne pas la faire sortir de la famille. Je lui en ai parlé en passant. Il est avantageux pour lui de la vendre à nous plutôt qu'à un étranger; lui ou ses enfants ont l'espoir de ‹la› hériter ‹нрзб.›. Dieu vous conserve dans sa grâce.

Je dois vous dire encore un trait de mon voyage et du bonheur qui me suit. La meilleure part des pistolets que j'ai reçus du comte Rosoumoffsky et qu'il m'a dit être chargé, ont été chargés sans balles, de même que le fusil que Moskoff m'a donné et qu'il m'a assuré être chargé contre un loup. J'aurais été fort attrapé si en cas d'attaque je les eusse tiré comme je l'avais disposé avant les autres pistolets. Adieu. Le bon dieu manifeste sa bonté envers moi visiblement.

Перевод

1788, февраля 7 дня. Орел. 8 часов утра

Дорогой друг! Приехал сюда вчера утром после двухдневного пути из Курска, от которого верст 100 будет. Вообрази себе, что за приятное путешествие. Надобно обладать моим терпением и покорностью судьбе, чтобы не впасть в совершенное отчаяние. В довершение несчастья Митрофан мой болен, дорога отвратительна, лошади еще того хуже, а погода — хуже некуда: либо метелица ужасающая, либо ужасный мороз, и выбирать нельзя, ибо вчера был мороз, а сегодня опять метет. Одна отрада, что нет грабителей, как нам говорили. Вот тебе точный отчет о моем путешествии. Описываю его с такою обстоятельностью затем, чтобы побранить тебя, дорогой друг мой, ибо пребываю в уверенности, что причиной всего этого являешься ты. Уверен, что после моего отъезда ты грустила, что возроптала в глубине души, и я за то страдаю. Бога ради, дорогой друг мой, кроме шуток, прошу тебя: принеси господу богу в жертву свои горести, научись с покорностию сносить его волю и покорись промыслу божию, он творит все к нашему благу. На примере нашей жизни ты столько раз имела случай убедиться в величайшей его доброте, проявляющейся во всем, что до нас касается. Доверься же ему, мой ангел. Ежели случится, что печаль охватит тебя и стеснит твою душу, раскрой ее перед благим, перед всеблагим господом. Поверь ему свои горести, избрав для сего храм своего сердца или божий храм. Вознеси к его стопам свои молитвы и будь твердо уверена, что он их не отринет. Вот тебе советы твоего друга: последуй им, дорогая, с тобою говорит моя душа. Тысячу раз целую тебя и дорогих деток и вверяю вас милосердию божию. Молю бога, чтоб хранил вас и не лишал своей милости.

Живу тут у друга нашего Захария Яковлевича. Он принял меня самым дружеским образом и шлет вам свои поклоны. Вместе с ним был приглашен на обед к губернскому прокурору Мазнову. После обеда был у губернатора Неплюева и присутствовал на устроенном им концерте. Сегодня в час или два пополудни еду в Москву в обществе г-на Захаржевского. Писал вам из Курска. Хотел бы, чтобы письмо это до вас дошло; оно покажет вам, что я пользуюсь каждой оказией, чтобы напоминать тебе, дорогой друг, о моем существовании. Прощай, друг мой, пиши ко мне часто и обстоятельно. Тысячу раз целую тебя. И малюток наших целую. Кланяюсь Катерине Федоровне. Сообщи сие письмо моему брату. Прощай, дорогая. Бога ради, утешься, не печалуйся. Я здоров, весел, несмотря на неудачное путешествие. Прощай. Как видишь, мне не удастся быть в Петербурге 12-го сего месяца, как я располагал; это день моего рождения. Господу-богу не было угодно, чтобы я провел его у наших родных, и это меня утешает. Да свершается воля его, а не моя во всех обстоятельствах моей жизни, сколь незначительными они бы ни казались. Прощай, дорогая, еще раз целую тебя. Прощай.

Любезный брат! Г-н Захаржевский, прибывший сюда, чтоб ехать в Москву, сообщил мне между прочим, что Григорий Романович Шидлов-

ский отправился к нашему брату покупать его Шпаковку. Имение явно нравится им, и из этого явствует, что пренебрегать им не дóлжно. Прошу вас, скажите или напишите брату, что мы хотим купить его Шпаковку, чтобы она осталась в нашем роду. Я говорил ему о том мимоходом. Ему выгоднее продать ее нам, нежели кому-нибудь чужому. Он или его дети могут надеяться получить ее в наследство. Да хранит вас милость божия.

Расскажу вам еще кое-что о моем путешествии и счастии, мне сопутствующем. Бóльшая часть пистолетов, которые я получил от графа Разумовского, сказавшего, что они заряжены, оказались заряженными, да без пуль, так же как и ружье Москова, уверявшего, что оно заряжено на волка. И попался бы я, ежели в случае нападения стал бы стрелять из них прежде, чем из других пистолетов, а именно так поступить и собирался. Прощайте. Господь являет мне свое благоволение.

30

А. А. КАПНИСТ

9 февраля 1788 г. Тула

1788, le 9 de février. A 9 heures du matin. Toula

Ma tendre amie, me voilà ici, où je suis arrivé hier à 4 heures après midi. J'ai passé la nuit ici, aujourd'hui je pars. Je serai heureux si je viens à Moscou demain avant midi. Il fait un vent terrible avec un froid excessif. Hier et Mitrophane et les bas officiers ont gelé leurs visages. Au nom de dieu, Sachinca, aie pitié avec moi. Jamais de ma vie je n'ai point eu de voyage plus exécrable. A quoi cela aboutira-t-il? Ma mission commence mal. Si la fin répond au commencement, je ne sais que présumer. Je t'ai écrit, ma tendre amie, de Koursk, d'Orel et d'ici. Voilà la troisième lettre. Paie-moi avec la même monnaie. Ecris-moi le plus souvent et le plus en détail. Console au moins par tes lettres le désagrement que je suis forcé de souffrir. C'est ma prédestination, que faire! Puni ou recompensé — que la volonté du bon dieu soit faite. Soumets-toi aussi, ma chère amie, à elle aussi sincèrement que je le fais. Je me porte bien malgré tout le désagrement du voyage. Pour le 12 de ce mois, je le crois passer à Moscou, chez le comte Worontzoff. Adieu, ma tendre amie, je t'embrasse en idée. Je n'ai aucunes bonnes nouvelles ni mauvaises à te faire savoir d'ici. Аграфена Павловна est arrivée ici il y a 6 jours. Elle croit rester ici jusqu'à l'été. Adieu, mon amie, porte-toi bien. Dis à Федор Григорьевич que je n'ai rien acheté ici de ce qu'il m'a écrit dans son mémoire, car j'acheterai mieux à Pétersb‹ourg› ou en retournant. Fais mes compliments à Катерина Федоровна. Embrasse nos enfants, et communique cette lettre à mon frère pour qu'il n'aille pas penser que ou je suis gelé en chemin ou arrêté par les voleurs. Il n'y en a pas sur le grand chemin. On a fait courir trop de faux bruits chez nous à l'égard de cela. Sois tranquille sur ce sujet.

Voilà une nouvelle qui se confirme: l'équipage du grand duc a déjà passé et ses chevaux de selle et de voiture par Twer, ils doivent être à Moscou, mais on prétend que le voyage du grand duc est remis au mois de mai. La raison de cela est, dit-on, que la grande duchesse étant enceinte a nécessairement prié qu'il puisse rester jusqu'à ses couches. Peut-être il y a d'autres raisons plus raisonnables.

Adieu, ma chère, je t'embrasse mille fois. Adieu. Je te répète encore une fois que je pars d'ici dans une heure, les chevaux sont déjà attelés. Je le

répète: tu sais pourquoi. Ah, la petite jalouse! Si je restais encore cette journée ici, les meteliza et le froid, tout ce qu'il y a de plus désagréable m'auraient suivi, grâce à toi et à ta facilité de te faire un chagrin de rien, jusqu'à Pétersb<ourg>. Mais non, ma chère amie, je pars. Souhaite-moi un heureux voyage. Adieu, mon ange, je t'embrasse mille fois.

Mon cher frère! Admirez l'astre, sous lequel j'entrepris mon voyage. Je ne puis venir à Pétersb<ourg> qu'au 15 de ce mois. Que présumer de retardements auxquels mon voyage est nécessité? Est-ce au bien ou au pis? Arrive ce qu'il pourra, je suis tranquille, je me remets totalement à la volonté du bon dieu. Cependant ici je me suis informé si je puis avoir des armes pour la milice projetée, et il se trouva que je puis avoir facilement et pour peu de choses tout ce qu'il faut: les sabres, les pistolets et les carabines, le tout d'ancienne date, et meilleur que ce qui est de nouvelle. Adieu. Ecrivez-moi souvent. Je ne manque, comme vous voyez, aucune occasion pour le faire. Adieu. Que le bon dieu vous conserve.

Перевод

1788 года, февраля 9 числа. 9 часов утра. Тула

Милый друг мой, вот я и приехал сюда вчера в 4 часа пополудни. Провел тут ночь, сегодня еду. Буду счастлив, ежели приеду в Москву завтра утром. Дует ужасный ветер, и чрезвычайно холодно. Вчера и Митрофан и унтер-офицеры отморозили себе лица. Бога ради, Сашенька, пожалей меня. Никогда в жизни не приходилось мне совершать путешествия более гнусного. И чем это кончится? Миссия моя начинается дурно. Ежели конец будет таков же, как начало, то уж и не знаю, чего мне ожидать. Писал тебе, милый друг, из Курска, из Орла и отсюда. Это уж третье письмо. Отплати мне тою же монетой. Пиши как можно чаще и обстоятельнее. Хоть письмами своими облегчи те невзгоды, что мне приходится переносить. Что делать, так мне предназначено. Буду я наказан или вознагражден — пусть свершится воля божия. Покорись ей и ты, мой дорогой друг, столь же чистосердечно, как я покоряюсь. Я здоров, несмотря на все тяготы пути. Что касается 12 числа сего месяца, рассчитываю провести его в Москве у графа Воронцова. Прощай, милый друг мой, целую тебя в мыслях. Никакой здешней вести — ни хорошей, ни дурной — сообщить тебе не имею. 6 дней тому назад сюда приехала Аграфена Павловна. Она думает остаться здесь до лета. Прощай, друг мой, будь здорова. Федору Григорьевичу скажи, что ничего не стал покупать тут из того, о чем он написал в своей памятной записке, за тем, что куплю лучше в Петербурге или на обратном пути. Поклонись от меня Катерине Федоровне, поцелуй деток и сообщи сие письмо брату, чтоб он не подумал, что я замерз в дороге или задержан грабителями. На большой дороге их нет. У нас ходило об этом слишком много ложных слухов. Будь спокойна на сей счет.

А вот известие, которое подтверждается, — известие о том, что великокняжеский экипаж проследовал уже через Тверь, и верховые его лошади, и упряжные; они, должно быть, уже в Москве, но путешествие великого князя, как говорят, откладывается на май месяц. Причина сего, сказывают, в том, что великая княгиня, будучи тяжела, настоятельно просила его не уезжать до ее родов. Может быть, есть и другие более основательные основания.

Прощай, дорогая моя, целую тебя тысячу раз. Прощай. Еще раз повторяю, что еду отсюда через час, лошади уже запряжены. Повторяю: отчего — тебе известно. Ах ты, ревнивица! Проведи я здесь еще и сей

день, метелица и холод — все, что есть самого неприятного, пустились бы меня преследовать до самого Петербурга из-за тебя и из-за той легкости, с какой ты огорчаешься из пустяков. Но нет, дорогой друг, я еду. Пожелай мне доброго пути. Прощай, мой ангел, тысячу раз целую тебя.

Любезный брат! Подивитесь светилу, под знаком коего предпринял я свое путешествие. Мне не удастся быть в Петербурге раньше 15 сего месяца. Чего следует ожидать от задержек, которые вынужден я претерпевать во время пути? К добру это или к худу? Будь что будет, я спокоен, полностью вверяюсь в волю божию. Навел здесь, однако же, справки, не могу ли получить оружие для проектируемой милиции, и оказалось, что могу получить с легкостью и по дешевой цене все, что надобно: сабли, пистолеты и карабины, все старинного образца и лучше, чем нового. Прощайте. Пишите ко мне почаще. Вы видите, я не упускаю ни малейшей возможности писать к вам. Прощайте. Храни вас бог.

31

А. А. КАПНИСТ

11 февраля 1788 г. Москва

Anno 1788, le 11 de février. Moscou

A la fin des fins me voilà, ma tendre amie, après 8 jours de voyage le plus désagréable du monde à Moscou. Je suis arrivé heureusement ici hier à 9 heures du soir. Je suis venu me débarquer en droiture à la porte de monsieur le comte Воронцов et il a eu la bonté de me loger chez lui. Lui et toute sa famille m'a accueilli le plus amicalement possible, de manière que je reste ici aujourd'hui et demain, et surtout demain pour passer le jour de ma naissance au milieu de ceux que j'aime. Le sort visiblement ne m'a point permis de passer ce jour à Pétersb‹ourg›, comme je me le suis proposé à Oboucofca. Le bon dieu sait pourquoi il le fait et pourquoi il retarde mon arrivée à Pétersb‹ourg›. Que sa volonté soit adorée. Je vois cependant visiblement que mon voyage était disposé ou pour me punir, ou pour éprouver ma patience. A quel but que ce soit; je me suis très mal comporté. Comme punition je la recevais avec aigreur, car je me fâchais, je m'emportais; comme une épreuve de ma patience, je murmurais, je m'impatientais, je criais, je pestais, je battais tout le monde. En un mot, je me crus comporté comme un mauvais sujet, et j'en étais puni très rigoureusement.

Представь себе нетерпеливого молодца, у которого каждую станцию, хотя я запрягал 5 лошадей и платил за 3, всегда лошади приставали и по 9 верст на час уезжали насилу. А при том несказанные выбои, по которым мы то в бездну падали, то к небу подымались, то, в поперек пути забегши, пресмыкались; то, всунувшись в ухаб, принуждены торчать и коней на себе и сани выдвигать; то, опрокинувшись вверх дном и полозами, зреть небо под спиной, а мать землю над нами; то, встретясь с кем другим, свалиться в снег с пути и коней за хвосты утопших волокши. Приехавши на стан, и драться, и браниться, за бороды щипать, бить, резать, ‹жечь›, грозиться, и, наконец, со всем тем ‹нрзб.› в том, чтоб коней за узду верст десять весть пешком. Итак, не ангелу ль быть надобно живому, чтобы не делать так, как делал я, содому?

Vous riez, ma chère, sans doute, vous êtes en état encore de me lire de la morale et de me faire souvenir combien la modération, la patience, la douceur

est préférable, mais vous avez beau jeu en restant à la maison. Mais mettez-vous à ma place. Au diable la modération! De voyager 8 jours de Gaditch jusqu'à Moscou — quelle punition! A présent, quand je pense que je dois encore aller à Pétersb<ourg> et faire encore 700 verstes par un aussi mauvais chemin, je vous assure que je m'effraie. Je rends grâce à dieu cependant de ce que je me porte bien malgré toutes les peines et les désagréments. Je me remettrai ici un peu, et arrive ce qui pourra, je m'armerai de plus de patience. Je prendrai un подорожная de mr. Pestel et peut-être un postillon. Mais c'est assez parler de voyage. J'ai trouvé ici le comte, fils du vieux comte, qui m'a dit que Николай Александрович il y a un mois était allé sur sa terre de Черенчицы, où peut-être il est encore. Cela serait encore une jolie chose. Mais tout soit selon la volonté du bon dieu; prenons patience. Voilà, ma chère amie, la lettre que je t'écris une de Koursk, l'autre d'Orel, la troisième de Toula: les as-tu reçues toutes? Ecris-moi, au nom de dieu, souvent. Je te dirai ce que j'ai envie de faire ici: aujourd'hui j'irai chez Cheraskoff, chéz Volkhonsky, chez Pestel pour prendre un passe et dînerai et souperai ici. S'il y a spectacle ou quelque autre divertissement, cela s'entend que j'irai. Après demain je pars. Adieu, ma chère, je me hâte de finir cette lettre pour la prendre avec moi chez mr. Pestel, pour que, si la poste va aujourd'hui, de l'envoyer tout-de-suite. Je n'ai rien à te dire de plus que de t'embrasser en idée et de te prier de prier le bon dieu qu'il me pardonne les folies et les péchés que j'ai commis pendant mon voyage. Adieu, ma chère, ma tendre amie. Поклонись Кат<ерине> Фед<оровне>. Baise nos enfants. Que le bon dieu vous conserve tous, et ne retarde pas le plaisir de vous revoir. Adieu.

Mon cher frère, par cette lettre et par les précédentes vous verrez que j'ai été mal porté, mais que je me porte bien. La nouvelle du retour du voyage du grand duc se confirme. La grande duchesse, dit-on, serait morte de chagrin, s'il serait parti. Ник<олай> Алекс<андрович> peut être encore jusqu'à présent sur sa terre, de sorte que mr. Бабичев и Мищенко sont venus à Pétersb<ourg> sans l'y trouver. Si son absence est pour le mieux ou pour le pire <далее неразборчиво 4 слова>. Adieu. Ecrivez-moi, je vous prie, souvent. Dieu vous conserve. Parlez à mon frère de l'achat de sa terre Шпаковка, car Захаржевский m'a dit que Шидловский est allé chez mon frère pour la marchander. Je vous prie, n'y manquez pas. Le temps est propice pour acheter de terres. <нрзб. целое предложение>. Adieu.

Перевод

Anno 1788, 11 февраля. Москва

В конце концов, после восьмидневного неприятнейшего путешествия вот я, милый мой друг, и в Москве. Благополучно прибыл сюда вчера в 9 часов вечера. Высадился я прямо у двери графа Воронцова. Он был так любезен, что поместил меня у себя. И он, и все его семейство приняли меня самым дружеским образом, так что пробуду здесь сегодня и завтра, и в особенности завтра, чтобы провести день своего рождения среди тех, кого люблю. Судьба явно не позволила мне провести этот день в Петербурге, как я на то рассчитывал в Обуховке. Господу богу ведомо, зачем он так делает, отчего оттягивает мой приезд в Петербург. Да будет воля его! Однако я ясно вижу, что путешествие мое было устроено им, чтоб наказать меня или чтоб испытать мое терпение. Какова бы ни была цель этого, я себя очень дурно вел: коли это наказание, так я принял его с досадой, ибо сердился, выходил из себя; коли это испытание моего терпения, так я роптал, раздражался, кричал, ругался и колотил всех. Одним словом, думаю, что вел себя мерзко, и был строго за это наказан...

Уж, наверно, вы смеетесь, дорогая, и способны еще читать мне мораль и напомнить, сколь предпочтительнее умеренность, терпение, кротость, но хорошо вам рассуждать, сидя дома. А поставьте-ка себя на мое место. К чёрту умеренность! Пропутешествовать 8 дней от Гадяча до Москвы — что за наказание! Теперь, как я подумаю, что должен еще ехать в Петербург и проделать еще 700 верст по столь плохой дороге, то, уверяю вас, мне делается страшно. Хвала богу, впрочем, что здоров всем трудностям и неприятностям вопреки. Отдохну здесь немного и будь что будет — вооружусь более терпением. У г-на Пестеля возьму подорожную и, может быть, ямщика. Но полно о путешествии. Я встретил здесь графа, сына старого графа, который сказал, что Николай Александрович месяц тому назад уехал в Черенчицы, где он, быть может, и посейчас. Вот еще незадача. Ну, да все в воле божией; наберемся терпения.

Вот тебе, дорогой друг мой, письмо, я писал тебе одно из Курска, другое из Орла, третье из Тулы: все ли получила? Пиши мне, бога ради, чаще. Расскажу тебе, чем я намерен здесь заняться: сегодня буду у Хераскова, Волконского, у Пестеля, чтоб взять подорожную, у него отобедаю и отужинаю. Ежели будет спектакль или какое другое развлечение, разумеется, пойду. Уеду послезавтра. Прощай, дорогая моя. спешу закончить письмо, чтоб захватить его с собой к г-ну Пестелю, дабы, ежели почта уходит сегодня, тотчас его и отправить. Ничего более не имею сказать, разве только, что целую тебя в мыслях и прошу тебя: моли бога, чтоб он простил мои безумства и грехи, во время пути совершенные. Прощай, дорогой, милый друг мой. Поклонись Катерине Федоровне. Поцелуй деток. Да хранит вас всех бог, да дарует мне удовольствие поскорее вас увидеть. Прощай.

Любезный брат, из сего письма и из предыдущих писем вы увидите, что меня здорово растрясло, но что я здоров. Известие о возвращении великого князя из путешествия подтверждается. Великая княгиня, сказывают, умерла бы с печали, ежели б он уехал. Николай Александрович, возможно, все еще в своем поместье, так что г-н Бабичев и Мищенко, приехав в Петербург, не нашли его здесь. К добру его отсутствие или к худу — ‹нрзб.›. Прощайте. Пишите мне, прошу вас, чаще. Храни вас бог. Скажите брату моему о покупке его Шпаковки, ибо Захаржевский сказал мне, что Шидловский поехал к брату, чтоб торговать его поместье. Прошу вас, не забудьте. Время для покупки земель благоприятно ‹нрзб.›. Прощайте.

32

А. А. КАПНИСТ

14 февраля 1788 г. Москва

1788, le 14 de février. Moscou. Le matin

Ma tendre amie! Aujourd'hui la nuit je pars pour Pétersbourg où j'espère arriver en 6 jours, car on dit que et les chevaux et les chemins sont ‹écoeurables›. Je reste ici 4 jours pour me remettre de la fatigue de voyage et pour jouir de l'agréable, de l'amicale société de la famille de mr. le comte Worontzoff. Tous ces jours je n'ai été nulle part que chez eux. Ils se comportent avec moi comme ils le feraient avec un de leurs parents. Ils m'aiment beaucoup. J'ai passé chez eux le jour de ma naissance, et c'est une consolation pour moi de l'avoir passé avec des hommes qui me sont chers, et qui me chérissent. Voilà donc. ma chère amie, 30 ans de ma vie passés. La moitié de ma carrière est

écoulée. Je parais entrer dans un nouveau cercle, et me suis confié totalement dans la volonté du très haut. Prie-le, ma tendre amie, du fond de ton âme, qu'il ne me délaisse point. Jusqu'à présent il m'a mené miraculeusement. Puisse-t-il ne pas retirer sa main secourable et puisse-t-il nous rendre dignes de recevoir ses secours! Je t'embrasse, ma tendre amie, et vais finir cette lettre. Je te dirai encore qu'hier le soir j'ai été à un bal masqué pour voir une nouvelle salle que l'entrepreneur a bâti. Je t'assure, ma chère, que je me suis ennuyé à la mort, et représente-toi que j'avais encore le chagrin de ne pas pouvoir en sortir que tard, car le nombre de voitures ont barré toute la rue et par malheur il n'y a qu'une seule sortie. Après avoir soupé chez le comte je suis parti, car la comtesse, sa belle-fille, se trouva indisposée, ce qui empêcha que nous ne restâmes point chez eux comme à l'ordinaire jusqu'à deux heures après minuit à converser, badiner, jaser et passer le temps dans des épanchements amicaux. Je n'ai pas dansé du tout. Imagine-toi, il faut donc que j'aie extrêmement souffert de l'ennui et cela a été. Ce matin je vais prendre le подорожная — et adieu, Moscou. Николай Александрович est déjà parti pour Pétersb<ourg>. Петр Лукич va venir ici. Je ne sais pas si nos chers parents sont arrivés de <нрзб.>. Adieu, ma chère, je t'embrasse. Baise nos enfants. Porte-toi bien. Que le bon dieu vous conserve tous. Adieu. J'espère de trouver de tes lettres en arrivant à Pétersb<ourg>. Ecris-moi, ma chère, souvent. C'est la 5 lettre. Il n'y a des nouvelles que seulement que l'équipage du grand duc est passé par ici. Lui est resté jusqu'aux couches de la grande duchesse. Adieu. Je t'embrasse encore une fois.

Катерине Федоровне поклонись. Не приехали ли ее родители? Свадьбу друга нашего Фед<ора> Григор<ьевича> учинили ли вы? Ежели совершили, то поздравь его от меня дружески и пожелай всякого добра. Прощайте.

Перевод

1788, 14 февраля. Москва. Утро

Мой милый друг! Сегодня ночью я отъезжаю в Петербург, куда надеюсь добраться через 6 дней, ибо говорят, что и лошади и дороги отвратительны. Задержался здесь на 4 дня, чтобы отдохнуть с дороги и насладиться приятным, дружеским обществом семейства графа Воронцова. Во все эти дни нигде не бывал, кроме как у них. Они относятся ко мне, как к родному, любят меня очень. Я у них провел день своего рождения, и истинным утешением было для меня провести этот день с людьми, дорогими мне и меня любящими. Вот, дорогой друг, и прошли 30 лет жизни моей, половина жизненного пути. Кажется мне, что вступаю в новый этап и вверяюсь полностью воле всевышнего. Моли его, милый друг мой, всей душою, чтоб он меня не оставил. До сей поры вел он меня чудесным образом. Да не отъемлет он своей спасительной руки, да сделает нас достойными принять его помощь! Целую тебя, милый друг мой, и кончаю письмо. Скажу тебе еще, что вчера вечером был я на маскараде, чтобы осмотреть новую залу, выстроенную подрядчиком. Уверяю тебя, дорогая, что скучал до смерти и, вообрази себе, был к тому же раздосадован тем, что смог уехать лишь поздно, ибо множество карет загородило всю улицу, а выход, по несчастью, только один. Отужинав у графа, я ушел, ибо графиня <падчерица> его занемогла, и оттого мы не остались у них, вопреки обыкновению, до двух часов пополуночи, дабы побеседовать, подурачиться, поболтать и провести время в дружеских излияниях. Я вовсе не танцевал. Вообрази, как должен был я страдать от скуки, да так оно и было. Нынче утром пойду за подорожной и — прощай, Москва. Николай Александрович

уже выехал в Петербург. Петр Лукич приедет сюда. Не знаю, приехали ли любезные наши родители из ‹нрзб.›. Прощай, дорогая, целую тебя. Поцелуй за меня деток. Будь здорова. Храни всех вас бог. Прощай. Надеюсь, прибыв в Петербург, получить твои письма. Пиши, дорогая, чаще. Сие письмо пятое. Нового ничего нет, кроме того, что великокняжеский поезд проследовал здесь. Он остался до родов великой княгини. Прощай. Еще раз целую тебя.

33

А. А. КАПНИСТ

18 февраля 1788 г. Тверь

1788, le 18 de février. Twer. A 7 heures du matin

Ma tendre amie! peut-être vous me croyez déjà à Pétersb‹ourg› et je ne suis qu'à 162 verstes de Moscou. Dieu sait à quoi aboutira la lenteur de mon voyage. J'ai eu un mauvais chemin en allant à Moscou, mais celui jusqu'ici n'est que mille fois plus mauvais en comparaison. Les vïboys sont quelque chose d'affreux. Il n'est pas moyen de vous les décrire tels que je les sens et tels que tous mes os le sentent. Des ravins profonds d'un sajin, l'un après l'autre, tout au moins 200 sur une verste, et l'un de ce côté, l'autre de l'autre, on tombe comme dans un abîme, et quand on en est tiré, vous allez avec votre traîneau de côté et prêt à culbuter à chaque instant. Vous ne pouvez pas en avoir cependant une idée juste. Je tâcherai de vous la donner en vous disant qu'à la première station à 28 verstes de Moscou j'ai eu une telle peur d'aller jusqu'à Pétersb‹ourg› par un tel chemin, que j'ai été presque décidé de retourner à Moscou, d'y rester et d'écrire à Pétersb‹ourg› que je suis malade. Il a fallu toute ma fermeté pour me résoudre de ne pas suivre ce conseil, de continuer ma route.

Je suis parti de Moscou un jour plus tard que je ne vous ai marqué dans ma dernière lettre. C'est-à-dire, je suis parti mardi à 4 heures après minuit sur le mercredi. Hier, c'est-à-dire jeudi, à midi, je vins ici et je me suis arrêté chez mr. Poltorazky. J'y fus reçu à bras ouverts. C'est encore une consolation pour moi d'être partout bien où j'arrive et de ne souffrir qu'en allant. J'ai été rendre visite chez ton oncle Николай Петрович Львов et lui ai porté des nouvelles de Petre Николаевич. Le vieillard se porte mal. Je crois qu'il ne vivra pas longtemps. J'ai passé la nuit chez Marco Fedorovith, et je pars ce matin pour Torjok. J'ai été obligé de m'arrêter ici pour me remettre et remettre mes gens du fatigue du voyage. Je pars donc, et vais braver mes plus grands ennemis, les выбои. C'est quelque chose de terrible, jamais je n'ai eu un tel voyage. Le bon dieu me punit, sans doute. Que faire! Adieu, ma tendre amie, je n'ai rien à te dire davantage, sinon que malgré toutes les peines du voyage je me porte bien et j'espère que le bon dieu ne me punit pas par un voyage aussi détestable sans raison et sans but. Et j'espère en lui. Puisse-t-il vous conserver tous en bonne santé. Mes compliments à Катерина Fedorovna. Embrasse mes chères nièces et nos enfants. Я думаю, что свадьба нашего друга Ф‹едора› Г‹ригорьевича› уже совершена, чего я искренно желаю, то поздравь его от меня и скажи, что я ему желаю столько детей, сколько дней я буду ехать до Петерб‹урга›, столько рублей, сколько я проеду выбоев, столько счастия, сколько я имел, не оборотясь до сих пор ни раза вверх полозами, его жене такую верную подпору, каковы отводы моей

кибитки, а в друзьях такую ретивость вытягивать его из всякой беды и нужды, каковы кони, вытягивавшие меня из ритвин дорожных. Поцелуй за меня молодую и будь ей другом. Прощай, душенька, пиши ко мне чаще. Я надеюсь сыскать твои письма в Петерб<урге>. Утешь мою скуку, мой друг, пиши часто. Приехали ли родители Катер<ины> Федоровны? Ежели приехали, то от меня им искренное засвидетельствуй почтение и радость их видеть у себя, и все, что твое сердце тебе скажет. Брату Петру Ва-с<ильевичу> сообщи письмо сие.

Je vous prie, mon cher frère, tâchez de deviner à quoi le sort veut-il aboutir la lenteur irrémédiable de mon voyage, et marquez-le moi par écrit pour voir si vous pouvez pénétrer dans l'avenir par le présent. Pour moi, que je m'y perds. Le temps s'écoule, la campagne s'approche de ca côté. Tout paraît impossible pour rester à Pétersb<ourg>. J'éprouvais aussi mille impossibilités. Tout cela n'aboutira-t-il à rien? Voilà ce que je présume le plus et peut-être ce que je souhaite le mieux. Que dans tout soit faite la volonté du bon dieu. Peut-être qu'il me punit par les fatigues du voyage pour le dessein d'avoir voulu entreprendre d un côté les fatigues périlleuses de la guerre et de l'autre côté celles de la vie des esclaves. Que sa volonté soit bénie. Adieu. Ecrivez-moi souvent. Voilà la 6 lettre que je vous écris: I. de Koursk, 2. d'Orel, 3. de Toula, 4. et 5. de Moscou. Adieu.

Adieu, Сашенька, je t'embrasse mille fois et baise tes mains. Adieu. Que le bon dieu vous conserve.

Перевод

1788 года, февраля 18 числа. Тверь. 7 часов утра

Милый друг мой! вы думаете, может быть, что я уже в Петербурге, а на самом деле нахожусь лишь в 162 верстах от Москвы. Бог знает, к чему приведет такая медленность моего путешествия. Дорога до Москвы была дурна, а путь от Москвы до сюда хуже в тысячу раз. Выбои просто ужасающие. Слов недостает описать вам, каково приходится мне и моим косточкам. Овраги глубиною в сажень, один за другим, по меньшей мере 200 на протяжении одной версты, один с одного боку, другой с другого, летишь, как в бездну, а когда выкарабкаешься, кренишься вместе с санями набок и того и гляди вовсе опрокинешься. Нет, вам этого в точности и объяснить нельзя. Быть может, вы получите об этом представление, если узнаете, что уже на первой станции в 28 верстах от Москвы мне стало так боязно ехать в Петербург по этакой дороге, что почти было решился вернуться в Москву, остаться там, а в Петербург написать, что заболел. Мне потребовалась вся моя твердость, чтобы не поддаться сему искушению и продолжить путь.

Из Москвы выехал днем позже, чем сообщал вам в последнем моем письме, т. е. в ночь на среду, в 4 часа пополудни. Приехал сюда вчера, т. е. в четверг, в полдень и остановился у г-на Полторацкого. Принят был с распростертыми объятиями. Хоть то утешение, что, куда ни приеду, меня всюду хорошо принимают, так что страдания мои длятся лишь во время пути. Был с визитом у дяди твоего Николая Петровича Львова и рассказал ему о Петре Николаевиче. Старик плох. Думаю, что долго не протянет. Переночевал у Марка Федоровича и нынче утром еду в Торжок. Остановиться здесь мне пришлось затем, чтобы отдохнуть с дороги и дать отдых моим людям. Итак, еду, бросая вызов великим недругам моим, выбоям. Это что-то ужасное, так путешествовать мне еще не доводилось. Без сомнения, господь карает меня. Что делать? Прощай, милый друг мой, ничего более не имею сообщить тебе, разве только, что здоров всем труд-

ностям дороги вопреки и надеюсь, что господь не без причины и не без цели наказывает меня, ниспослав путешествие столь мучительное. Уповаю на него. Да хранит он вас всех в добром здравии. Катерине Федоровне кланяюсь. Поцелуй любезных моих племянниц и детей...

Прошу вас, любезный брат, постарайтесь-ка угадать, отчего это судьба так упорно затягивает мое путешествие и отпишите мне о том; тогда и будет видно, умеете ли вы через настоящее угадывать будущее. Что до меня, я просто теряюсь. Время идет, кампания приближается сюда. Кажется невозможным остаться в Петербурге. Я испытал также тысячу затруднений. Неужто все это не будет иметь никакого успеха? Вот что кажется мне наиболее вероятным и, пожалуй, наиболее желательным. Да будет во всем воля божия. Быть может, он ниспосылает на меня тяготы пути за то, что я вознамерился испытать, с одной стороны, губительные тяготы войны, а с другой — тяготы жизни крепостных. Да будет благословенна воля его. Прощайте. Пишите ко мне чаще. Вам пишу уже 6-ое письмо: 1 — из Курска, 2 — из Орла, 3 — из Тулы, 4 и 5 — из Москвы. Прощайте.

Прощай, Сашенька, тысячу раз целую тебя и твои ручки. Прощай. Храни вас бог.

34

А. А. КАПНИСТ

21 февраля 1788 г. Петербург

1788, le 21 de février. St.-Pétersbourg. La nuit

Ma tendre amie Sachinca! A la fin, grâce à dieu, me voilà arrivé au port, après une navigation des plus désagréables. J'oublie les peines que j'ai souffertes, et ne m'occupe présentement que du plaisir de me voir au milieu de nos parents. Ce soir à 8 heures je suis venu débarquer chez Ник‹олай› Александр‹ович›. J'ai trouvé chez lui Машеньку, Катерину Алексеевну, Дашеньку, Наденьку, графа и Федора Петровича Львова; tous ont été extrêmement charmé de me voir. Je n'ai pas été aujourd'hui voir notre cher père et notre chere mère, pour ne pas les surprendre par mon arrivée et renouveler le souvenir de leur perte. J'ai remis à Дашенька посылка Ник‹олая› Алексеевича и письма pour les préparer à me voir sans émotion. Demain matin j'irai chez eux. Tous se portent bien et t'aiment bien tendrement. Je me porte aussi très bien, ma chère, et t'aime le plus tendrement. Je t'embrasse mille fois en idée. J'ai vu ton portrait en grand, peint comme tu le sais par Levizky. Que son aspect m'a touché! Je prierai Н‹иколай› А‹лександрович› de permettre qu'il soit transporté dans ma chambre à coucher, pour t'avoir toujours présente à mes yeux, comme tu l'es à mon âme. Je me hâte de t'écrire, car la poste part demain matin. La seule chose qui me chagrine, c'est que l'on ne m'a point remis en arrivant ici de tes lettres, quoique voilà déjà presque trois semaines que je suis parti de chez toi. Ecris-moi, ma tendre amie, le plus souvent et le plus en détail; imite-moi. Voilà la 7 lettre que je t'écris. Je ne puis te dire encore aucune nouvelle d'ici, car je n'ai pas eu presque le temps de parler même avec Ник‹олай› Александрович. On prétend cependant, que je suis venu fort à propos pour porter mes plaintes contre le gouvernement, et que le comte Roumanzoff a écrit une lettre à monseigneur le comte Besborodca en me louant de mon projet de former des cosaques. Je ne savais rien de cette lettre. J'en porte une sur moi de sa part pour rendre au comte Besborodca. De la part du prince

Potemkine à l'égard de cette affaire l'on n'entend rien et je crois qu'il n'a rien écrit à sa majesté. Quoiqu'il en soit, que la volonté du bon dieu soit faite. Demain après midi j'irai chez le comte Besborodca et chez d'autres. Le prince Viazemsky est mieux et on dit que la princesse est très bien disposée à mon égard. Voilà toutes les nouvelles d'ici-bas. Par la première poste je t'écrirai plus distinctement, quand j'apprendrai plus de choses. Pour à présent — adieu. Porte-toi bien. Que le bon dieu te conserve, et vous tous. Communique cette lettre à mon frère. Adieu, je t'embrasse mille fois et baise tes mains. Mes compliments à Катерина Федоровна. Племянниц целую. Кланяюсь тебе, мой друг Фед‹ор› Григ‹орьевич›. Que le bon dieu soit avec vous tous. Adieu. Je vais dormir. Si je pouvais avoir le plaisir de te voir en songe! Adieu.

Перевод

1788, февраля 21 дня. С.-Петербург. Ночью

Милый друг мой Сашенька! Наконец, слава богу, добрался до гавани после плавания из наинеприятнейших. Забываю перенесенные беды и предаюсь теперь удовольствию находиться в кругу наших близких. Нынче вечером, в 8 часов, добрался до Николая Александровича. У него были Машенька, Катерина Алексеевна, Дашенька, Наденька, граф и Федор Петрович Львов; все они чрезвычайно были мне рады. К любезным нашим батюшке и матушке сегодня не поехал, чтобы не поразить их неожиданным своим появлением и не напомнить им об их утрате. Вручил Дашеньке посылку Николая Алексеевича и письма с тем, чтобы приготовить их к свиданию со мною. Буду у них завтра утром. Все здоровы и нежно тебя любят. И я тоже совершенно здоров и люблю тебя, дорогая, всех нежнее. Целую тебя в мыслях тысячу раз. Видел твой портрет во весь рост, принадлежащий, как тебе известно, кисти Левицкого. Как был я растроган при виде его! Буду просить Николая Александровича дозволить перенести его ко мне в спальню, чтоб образ твой, вечно присутствующий в моей душе, всегда иметь перед глазами. Спешу писать, ибо почта уходит завтра утром. Одно только огорчает меня: приехав сюда, я не получил твоих писем, хотя вот уже почти 3 недели, как я от тебя уехал. Пиши мне, милый друг, возможно чаще и возможно обстоятельнее. Бери пример с меня. Пишу тебе вот уже 7-ое письмо. Никакой здешней вести сообщить тебе пока не могу, ибо у меня и времени-то почти не было поговорить даже с Николаем Александровичем. Говорят, однако же, что я явился очень вовремя со своими жалобами на губернаторство и что граф Румянцев написал его сиятельству графу Безбородко письмо, где хвалит меня за мой проект формирования казаков. Об этом письме я не знал. У меня есть одно письмо от него к графу Безбородко. От князя Потемкина в связи с моим делом ничего не слышно, думаю, что он ничего и не писал к ее величеству. Как бы то ни было, да будет воля божия. Завтра после полудня поеду к графу Безбородко и другим. Князь Вяземский в наилучших со мною отношениях, и, говорят, что княгиня очень ко мне расположена. Вот и все новости с сего света. Напишу тебе более обстоятельно с первой почтой, когда более буду знать. А пока прощай. Будь здорова. Храни бог тебя и всех вас. Сообщи сие письмо моему брату. Прощай, тысячу раз целую тебя и твои ручки. Катерине Федоровне кланяйся. Племянницу целую. Кланяюсь тебе, мой друг Федор Григорьевич. Бог с вами со всеми. Прощай. Ложусь спать. О, ежели имел бы я удовольствие увидеть тебя во сне! Прощай.

А. А. КАПНИСТ

29 февраля 1788 г. Петербург

1788, le 29 de février. St.-Pétersbourg

Ma tendre amie! Voilà déjà un mois entier, mon aimable Sachinca, que je suis séparé de toi, et jusqu'à présent je n'ai pas reçu aucune de tes lettres. Quelle en est la raison? Je tâche de m'assurer que c'est la poste qui en est fautive, car toute une autre cause me causerait de l'amertume. J'attendrai encore patiemment jusqu'au samedi prochain, mais si même alors je ne reçois pas de tes nouvelles, душенька, j'aurai du chagrin. Au nom de dieu, ma tendre amie, écris-moi le plus souvent possible. Ce sera ma seule consolation, car quoique avec tes parents ici, avec Machinca, Katinca, Dachinca, Nadinca, avec H. A. le comte et nos autres amis je m'amuse et passe agréablement mon temps, que je fais le fou pour rire et faire rire, mais avec tout cela il manque à mon âme un amusement moins folâtre et plus doux. Je me hâte de t'envoyer cette lettre, car la poste part ce moment. Je te dirai donc de moi que, grâce à dieu, je me porte bien. Je suis bien reçu chez le comte Besborodca, chez le prince Вяземский à merveille. J'ai dû hier souper chez mr. Mamonoff, mais il n'a pas soupé chez lui. Mon affaire du projet de cosaques passera, je crois, par lui chez l'impératrice. Le comte Roumanzoff a écrit encore une lettre à mon insu au comte Besborodca, où il me recommande. Le prince, cependant, je crois, n'a pas écrit à l'impératrice. L'impératrice, en venant ici de Kiev, a parlé très en ma faveur au comte Voronzoff. Elle a dit qu'elle a trouvé dans la Petite Russie seulement un homme: c'est moi. Adieu, ma tendre amie, je t'embrasse mille fois. Communique cette lettre à mon frère. Mes compliments à tous. Que le bon dieu vous garde. Embrasse nos enfants.

Перевод

1788 года, февраля 29 дня. Санкт-Петербург

Милый друг мой! Вот уже целый месяц, как я разлучен с тобою, любезная Сашенька, и до сих пор не получил от тебя ни одного письма. Что этому за причина? Пытаюсь уверить себя, что повинна тут почта, ибо горько было бы всякое иное предположение. Подожду еще терпеливо до будущей субботы, но ежели и тогда не получу от тебя известий, душенька, буду огорчен. Бога ради, милый мой друг, пиши ко мне возможно чаще, ибо, хоть я развлекаюсь и приятно провожу здесь время с твоими родными, с Машенькой, Катенькой, Дашенькой, Наденькой, с графом Н. А. и другими нашими друзьями, хоть я и дурачусь, чтобы посмеяться и посмешить, но со всем тем душе моей не достает развлечения менее шумного, но более сладостного. Спешу послать тебе письмо, ибо почта сейчас отправляется. Поэтому скажу о себе. Слава богу, здоров. Был принят у графа Безбородко хорошо, а у князя Вяземского отлично. Вчера должен был ужинать у г-на Мамонова, да он у себя не ужинал. Думаю, что мой план о казаках будет передан императрице через него. Граф Румянцев без моего ведома написал еще одно письмо к графу Безбородко, коим меня рекомендует. Думаю, однако, что князь не писал к императрице. Государыня, прибыв сюда из Киева, очень благосклонно отозвалась обо мне графу

Воронцову. Она сказала, что нашла в Малороссии только одного человека: меня. Прощай, милый мой друг, целую тебя тысячу раз. Сие письмо сообщи моему брату. Кланяюсь всем. Храни вас бог. Поцелуй деток.

36

А. А. КАПНИСТ

3 марта 1788 г. Петербург

1788 года, марта 3 дня. Петербург

Мой друг Сашенька! До сих пор от тебя ни одного письма нет. Это меня несказанно тревожит. Я уж это 9 к тебе письмо пишу. Бога ради прошу тебя пиши чаще. Дай бог, чтоб вы были здоровы и счастливы. Я к тебе спешу сие письмо послать, ибо тороплюсь ехать во дворец к обедне. Я был третьего дня у его превосходительства Александра Матвеевича Мамонова, ужинал у него, что очень немногим, кроме приближенных его друзей, позволяется. Отдал ему план о казаках. Он меня весьма ласково принял. Просил бывать чаще. Я думаю, что он уже говорил о моем проекте государыне. Сево дни поутру я отдал план о казаках графу Александру Андреевичу. Думаю, что и он сево дни доложит. Он ко мне тоже очень ласков. О других делах я еще с князем Вяземским не говорил. Буду завтра. И ежели бог даст, ожидаю хорошего успеха. Сие письмо сообщи брату Петру Васильевичу, а другому никому, чтоб в разгласку не пошло.

Прощай, мой друг. Целую тебя мысленно. Целую твои руки. Душенька, прощай. Бога ради пиши чаще. Всем кланяюсь. Бог с вами. Душенька, еще раз целую тебя.

Приписка к брату П. В. Капнисту:

Mon cher frère! Point de vos lettres jusqu'à présent. Je n'en conçois pas la raison. Il se passe ici tout plein de choses sur lesquelles bouche close. Je vous dirai seulement que grâce à dieu je suis chez tous bien. Adieu. Le bon dieu vous conserve.

Имперцы взяли два маленькие городка, но при третьем немного потрепаны.

Перевод

Любезный брат! От вас до сей поры никаких писем. Не постигаю причины сего. Новостей здесь полон мешок, о коих — молчок. Скажу только, что, слава богу, везде принят хорошо. Прощайте. Храни вас бог.

37

А. А. КАПНИСТ

7 марта 1788 г. Петербург

1788 года, марта 7 дня. ‹Петербург›

Ma tendre amie, mon aimable Sachinca! Même jusqu'à présent point de tes nouvelles! Je commence à en avoir de l'hypocondrie. Tu ne peux pas te représenter avec quelle impatience j'attends le jour de l'arrivée de la poste

et avec quel chagrin entre les paquets apportés je ne trouve point de tes lettres. C'est une vraie punition pour moi. Au nom de dieu, Sachinca, écris-moi souvent et de longues lettres, pour qu'en les lisant je sois comme transporté chez toi. Puissé-je l'être bientôt en effet! Je ne sens jamais si fortement le plaisir d'être avec toi que quand je suis absent. Ici, quoique tous les parents sont le mieux du monde avec moi, quoiqu'ils m'aiment et sont ravis de me voir avec eux, mais tout cela ne me recompense point de ton absence. Mon âme, quoique remplie par l'amitié, sent qu'elle est éloignée de l'objet de son amour. C'est toi qui lui manque, et avec toi presque tout. Je tâche de me dissimuler ce vide. Je folâtre, je ris, j'amuse, mais tout cela ne peut pas m'amuser, ne peut pas me cacher ton absence. La présence même de tes soeurs me la rappelle. Puisse le bon dieu raccourcir mon séjour ici! Puisse-t-il me ramener chez toi le plus tôt possible et puissé-je te retrouver en bonne santé et heureuse, toi, ton amie, vos enfants, enfin, vous tous. Dieu donne que sa volonté soit faite. Je t'embrasse, ma tendre amie.

Que te dirai-je de moi? Je me porte toujours bien. Mr. Mamonoff ne m'a pas encore donné de réponse. Je ne sais pas s'il a parlé à sa majesté, et quelle idée elle a de mon projet. On m'assure qu'elle m'honore de son estime. Je crois que ce que je lui propose attirera son attention. Soit comme le bon dieu le voudra. Voilà mon refrain et ma devise et amen.

Je suis bien reçu chez tout le monde et particulièrement chez le prince Viazemsky. Elle et lui ont beaucoup de bontés pour moi. Ils me chargent de la commission de leur acheter une terre en Petite Russie, et c'est pour cela que la lettre ci-incluse doit être incessamment remise à mon frère. Envoie-là avec un exprès. Ceci me rapproche encore plus avec le prince Viazemsky. J'ai commencé à lui communiquer les plaintes de la noblesse contre le namestnitschestvo, et j'espère qu'elles ne seront pas infructueuses. Ne parle pas cependant de cela à qui que ce soit, car on pourrait savoir cela à Kiev et employer ici des moyens pour empêcher la réussite de mes projets. Défie-toi même de Sorotschinzi, car mr. Tscharnisch pourra pour ses intérêts instruire ceux de Kiev de tout ce qu'on saura de toi. Je crois que cette semaine mes affaires s'éclaircissent et que je saurai à quoi m'en tenir. En attendant, prie, ma chère, le bon dieu qu'il ait la bonté de faire ce qui sera mieux pour nous. Mais, en tout cas, que sa volonté, et non la nôtre, soit faite. Mais qu'il nous envoie la grâce de supporter sans murmure l'effet de sa sainte volonté, s'il sera contraire à nos vues et à nos sentiments aveugles. Dieu te garde, душенька. Que sa grace divine se repose sur toi. Adieu. Je t'embrasse, ma tendre amie. J'embrasse nos chers enfants. Je baise les mains de Катерина Федоровна. Ses chers parents sont-ils venus chez nous? Fais ton possible pour leur rendre agréable le séjour d'Oboucofca. Adieu.

Pour te dire ce que je fais ici journalement, sache que je me lève matin, nous nous habillons dans le cabinet avec Н‹иколай› Александ‹рович›, nous descendons boire le thé chez Machinca. Après cela je pars rendre visite aux grands seigneurs et reviens dîner presque toujours à la maison. Je ne vais en gaste nulle part que chez ton cher pere ou chez la comtesse. J'ai dîne 4 fois chez le comte Besborodca, autant de fois chez le prince Viazemsky. J'ai soupé chez lui 3 fois, une fois chez mr. Mamonoff. En gaste j'ai été seulement une fois chez Васильев. Pendant le carnaval j'ai été une seule fois au théâtre. Voilà toutes mes sorties. Tu vois que je passe mon temps en homme d'ordre, je commence à le devenir. Adieu. Je baise mille fois tes mains. Embrasse-moi en idée, ma tendre amie. Душенька, comme je t'aime! Tu ne peux pas te l'imaginer. Adieu, ma tendre amie, porte-toi bien. Prends soin de nos enfants, de leur éducation. Adieu. Целую племянниц. Кланяюсь другу нашему Федору Григорьевичу. Боже мой, как мне досадно, что я точно не знаю, женился ли он. Дай бог ему счастия. Communique cette lettre à mon frère.

Милая, любезная Сашенька! Даже теперь от тебя ничего! От сего впадаю в ипохондрию. Ты не можешь вообразить, с каким нетерпением дожидаюсь я дня прибытия почты и с какой печалью не нахожу среди принесенных писем твоих. Истинная мука для меня! Ради бога, Сашенька, пиши мне почаще и длинные письма, чтобы, читая их, я как бы переносился к тебе. Ежели бы это могло быть в самом деле! Я никогда так сильно не чувствую удовольствия быть с тобой, как в разлуке. Хоть все родные и относятся ко мне здесь как нельзя лучше, хоть они меня любят и рады моему приезду, — все это не может вознаградить меня за разлуку с тобою. Душа моя, хоть и наполненная дружеством, чувствует, что удалена от предмета своей любви. Тебя ей недостает и с тобою почти всего. Пытаюсь не признаваться себе в этой пустоте; резвлюсь, смеюсь, развлекаюсь, но все это не может меня развлечь, не может скрыть от меня твоего отсутствия. О нем напоминает самое присутствие твоих сестер. Ежели бы господь сократил мое пребывание здесь! Ежели бы возвратил меня к тебе как можно скорее, и я нашел бы в добром здравии и счастьи тебя, твою подругу, ваших деток, наконец, всех вас. Дай бог, чтобы свершилась воля его. Целую тебя, милая.

Что рассказать о себе? Здоров по-прежнему. Г-н Мамонов ответа еще не дал. Не знаю, говорил ли он с ее величеством, и что думает государыня о моем проекте. Меня уверяют, что она удостаивает меня своим уважением. Думаю, что то, что я ей предлагаю, привлечет ее внимание. Да будет, как богу угодно. Вот о чем я только и твержу, вот мой девиз, мое «аминь».

Я хорошо принят у всех, а особенно у князя Вяземского. И князь и княгиня очень добры ко мне. Они возложили на меня поручение купить им землю в Малороссии, вот отчего приложенное при сем письмо должно быть немедленно передано моему брату. Отошли его с нарочным. Это еще больше сблизит меня с князем Вяземским. Я начал знакомить его с жалобами дворянства на наместничество и надеюсь, что они не останутся бесплодными. Не говори об этом, однако, кому бы ни было, ибо это могут узнать в Киеве и пустить там в ход средства, чтобы помешать успеху моих планов. Не доверяй даже Сорочинцам, ибо г-н Чарныш может в своих собственных интересах уведомить этих господ из Киева обо всем том, что станет известно от тебя. Думаю, что на этой неделе дела мои выяснятся и буду знать, как мне быть. А пока моли господа, дорогая, да устроит он по доброте своей, как для нас лучше. Во всяком случае, да будет воля его, а не наша. Да ниспошлет он нам милость снести безропотно последствия его святой воли, буде последствия эти окажутся противными безрассудным нашим намерениям и чувствам. Храни тебя бог, душенька. Да пребудет с тобою милость божия. Прощай. Целую тебя, милый друг мой. Целую дорогих деток. Целую ручки Катерины Федоровны. Приехали ли любезные ее родители к нам? Сделай все возможное, чтобы пребывание в Обуховке было им приятным. Прощай.

Что касается до моих повседневных занятий, знай, что, встав утром, одеваюсь в кабинете вместе с Николаем Александровичем; спускаемся пить чай к Машеньке. После сего отправляюсь делать визиты к вельможам и почти всегда возвращаюсь обедать домой. В гости не хожу никуда, кроме как к любезному твоему батюшке и к графине. 4 раза обедал у графа Безбородко и столько же раз у князя Вяземского. Ужинал у него трижды и раз у г-на Мамонова. В гостях был только один раз у Васильева. На масляной был один раз в театре. Вот и все мои выезды в свет. Как видишь, провожу время, как подобает умеренному человеку, и становлюсь

таковым. Прощай. Тысячу раз целую твои руки. Поцелуй меня в мыслях, милый друг. Душенька, как люблю тебя! Ты не можешь вообразить себе этого. Прощай, милый мой друг, будь здорова. Заботься о детях наших и об их воспитании. Прощай... Сообщи письмо сие моему брату.

38

А. А. КАПНИСТ

14 марта 1788 г. Петербург

1788 года, марта 14 дня. Петербург

Ma tendre amie, mon aimable Sachinca! Je suis fâché contre toi: jusqu'à présent je n'ai point reçu de tes nouvelles. Je donne le tort cependant à la poste, car il est impossible que tu ne m'aies écrit. Voilà comme je te justifie. Dieu donne que tu te portes bien; seulement au prix de cela je me consolerai de ne pas avoir rien de tes lettres. Pour moi, mon amie, je me porte bien et suis impatient de partir d'ici. Je partirai au sûr les derniers jours de ce mois. Je te donnerai une bonne nouvelle qui te réjouira sans doute, c'est que du projet de formation des cosaques il n'en sera rien, nonobstant que mr. Mamonoff s'est intéressé à lui. On l'envoie chez le prince Potemkine pour avoir son approbation. Ainsi tu vois que l'affaire rentre dans le néant, dont je suis très content. Les autres affaires ne me peuvent pas retenir ici: finies ou non finies — je pars pour le printemps chez toi. Je te donnerai encore une meilleure nouvelle, c'est que j'ai trouvé ici une demoiselle pour être auprès de nos enfants. Elle est Allemande, parle le français et <le> russe; bien élevée, fille d'un professeur qui a été chez le comte Stenbok. Elle demeure chez lui à présent. Elle est très contente de venir auprès de toi, auprès de la soeur de Катинка. Ses gages sont de 100 roubles, y compris l'habit. C'est une emplette, dont je suis infiniment satisfait, car cela fera tant du bien à l'éducation de nos enfants et cela te soulagera du fardeau d'être toujours auprès d'eux. Je vais l'envoyer ces jours-ci avec Mitrophane, et Яков, le bas officier, et je resterai ici tout seul, pour partir en courrier avec un postillon que Ник<олай> Ал<ександрович> me donnera. Adieu, ma tendre amie. Je t'embrasse mille et mille fois. Porte-toi bien. Je baise les mains de Катерина Федоровна. J'embrasse mes nièces. Обнимаю Федора Григорьевича, да женился ли он? Les parents de Кат<ерина> Фед<оровна> sont-ils venus? Comme j'aurais voulu les trouver chez nous. Adieu. Je t'embrasse, je baise tes mains mille fois. Prie, ma tendre amie, que le bon dieu puisse faciliter mon retour. Adieu.

Mon cher frère! L'homme propose et dieu dispose. Ceci est visible par mon affaire de cosaques. En arrivant ici j'ai trouvé les choses tout-à-fait différentes que je ne les ai supposées. Je ne sais pas si par le prince Viazemsky je ferai mieux mes affaires. Que dans tout la volonté du bon dieu soit faite. Je suis sincèrement content de tout. De la banque on a envoyé à mon insu un autre сообщение à Ecaterinoslaw pour описать имение, parce que Veliaminoff a tardé de solliciter. Tâchez ayant vendu le blé de payer là-bas à намест<ническое> прав<ление> ou d'emprunter chez Ник<олай> Алексеевич pour peu de temps de l'argent, pour lui payer après la vente du blé. Au reste, comme l'exécution doit être faite par notre frère Н<иколай> В<асильевич>, elle pourra être reculée pour un mois. Mais j'espère en dieu que vous avez vendu autant du blé qu'il faut pour payer 9.000 roubles de dettes à la banque. Adieu, mon cher frère. Préparez, je vous prie, tout ce qu'il faut pour aller en volontaires à l'ar-

mée du prince. Ce sera une partie de plaisir que nous ferons. Dégagé du fardeau d'enrôler des cosaques, je ne suis pas peu content que cela n'a pas réussi. Adieu. Que le bon dieu vous conserve. Mes compliments à Елизавета Тимофеевна. Adieu.

Перевод

Милый друг мой, любезная Сашенька! Я на тебя сердит: до сих пор не получил от тебя никаких известий. Виню, однако же, почту, ибо быть не может, чтобы ты мне не писала. Видишь, как тебя оправдываю. Дай бог, чтобы ты была здорова. Только это утешило бы меня в отсутствии твоих писем. Что касается до меня, друг мой, я здоров и жажду уехать отсюда. Уеду, наверно, в последних числах сего месяца. Сообщу тебе доброе известие, оно тебя, без сомнения, обрадует: с проектом формирования казаков ничего не выйдет, несмотря на то, что г-н Мамонов им заинтересовался. Проект посылают к князю Потемкину, чтобы получить его одобрение. Итак, ты видишь, что дело вновь превращается в ничто, чем я очень доволен. Прочие дела удержать меня здесь не могут: будут они кончены или не будут — уеду весной к тебе. Сообщу тебе еще одну лучшую новость: я отыскал здесь demoiselle, которая сможет быть при наших детях. Она немка, говорит по-французски и по-русски, хорошо воспитана; дочь учителя, бывшего у графа Стенбока. Она сейчас у графа и живет. Она очень довольна тем, что едет к тебе, сестре Катеньки. Ее условия — 100 рублей, включая платье. Вот приобретение, коим я бесконечно доволен, ибо это будет столь полезно для воспитания наших детей, а тебя избавит от бремени находиться всегда подле них. Я отправлю ее на сих днях с Митрофаном и унтер-офицером Яковом, а сам останусь здесь совсем один с тем, чтобы ехать на курьерских с ямщиком, которого мне даст Николай Александрович. Прощай, мой милый друг. Целую тебя тысячу и тысячу раз. Будь здорова. Целую ручки Катерины Федоровны. Целую племянниц... Родители Катерины Федоровны приехали? Как хотелось бы мне увидеть их у нас. Прощай. Целую тебя, целую твои ручки тысячу раз. Моли бога, милый друг мой, да поможет он моему возвращению. Прощай.

Любезный брат! Человек предполагает, а бог располагает. Это видно по делу моему с казаками. Прибыв сюда, нашел все иным, нежели предполагал. Не знаю, лучше ли устрою свои дела чрез князя Вяземского. Да будет на все воля божия. Я сердечно всем доволен. Из банка без моего ведома послали в Екатеринослав другое сообщение, чтоб описать имение, затем, что Вельяминов опоздал похлопотать. Постарайся, продав хлеб, уплатить наместническому правлению или занять ненадолго денег у Николая Алексеевича с тем, чтобы вернуть их ему после продажи хлеба. Впрочем, так как опись должна быть произведена братом нашим Николаем Васильевичем, он сможет отсрочить ее на месяц. Но я уповаю на бога, надеюсь, что ты продал довольно хлеба, чтобы уплатить в банк 9 000 рублей долгу. Прощай, любезный брат. Прошу тебя, приготовь все, что надобно, чтоб идти нам волонтерами в армию князя. Это будет для нас увеселительная прогулка. Освободившись от обузы вербовать казаков, я немало доволен, что это не состоялось. Прощай. Храни тебя бог. Кланяюсь Елизавете Тимофеевне. Прощай.

А. А. КАПНИСТ

21 марта 1788 г. Петербург

1788 года, марта 21 числа. С.-Петерб‹ург›

Ma chère, ma tendre, mon aimable Sachinca! Je suis au bout de mon latin et de ma patience. Imagine, jusqu'à présent point de tes lettres. C'est incompréhensible. Voilà déjà presque 2 mois que je suis absent, que poste ne serait venu pendant ce temps. Mais que faire? Il faut avoir des chagrins dans ce bas monde. Mais sais-tu, Sachinca, combien cela me fait de la peine? Je deviens hypocondre. Je fuis la présence de nos parents et de mes amis. J'aurais voulu me cacher à tout le monde et à moi-même. Je tâche de vaincre cette tristesse, mais en vain. Toutes mes affaires vont mal, car je néglige tout, j'oublie tout pour ne penser qu'à toi. Je suis loin de penser que tu es si malade que tu ne peux m'écrire, encore plus loin de croire que tu ne m'écris pas, mais je ne sais pas pour quelle raison, mais mon âme est inquiète et morne. Je finis pour ne pas te faire partager mon ennui. Je t'embrasse, aimable Sachinca. Mon plaisir ici n'est qu'à penser à toi et qu'à parler de toi et de notre manière de vivre à Oboucofca, au milieu de notre tranquille et aimable société. J'en parle à tout le monde et deviens triste, car je sens que je suis encore loin d'Oboucofca. Je fais cependant déjà des apprêts pour m'y rendre. Hier j'ai donné la commission à Machinca d'acheter pour vous tout ce que vous m'avez ordonné. J'étais voir une calèche dans laquelle j'enverrai la demoiselle dont je t'ai écrit. Elle ira avec Mitrophane et le bas officier qui est avec moi. Je resterai seul et irai avec un postillon. Je crois les faire partir cette semaine, de sorte qu'ils viendront à Oboucofca les derniers ‹jours› d'avril. Je te recommande, душенька, cette demoiselle. Catinca assure qu'elle est douce, et elle le paraît. Elle est très contente d'aller chez toi. Reçois-la amicalement. Tu pourras lui confier avec le soin des enfants les clefs du ménage qui sont à présent chez Ваносика. Elle a resté dans la maison du comte et elle s'est faite à l'ordre. Je suis sûr que tu le feras sans l'effaroucher. Au reste, je suis très content de te la donner et crois que c'est le meilleur présent que j'aie à t'envoyer d'ici. Pour moi, ma tendre amie, je crois partir les premiers jours d'avril. J'aurai un chemin exécrable, mais pour venir chez toi il me paraîtra sans doute meilleur que les pavés de cette ville bien vile. Adieu, ma tendre amie. De moi je te dirai que je suis presque tous les jours ou à la maison, ou chez ton père, ou chez le comte. Je sors encore plus rarement à présent, et quelque fois seulement chez le prince Wiazemsky. Mes affaires sont in statu quo. Adieu, ma tendre amie, je t'embrasse mille fois. Mon dieu, comme je souhaite d'être avec toi. Adieu. Que le bon dieu vous prenne tous sous sa sainte garde. Mes compliments à Катерина Федоровна. Боже мой! как я рад, ежели ее родители приехали. Целую ее руки. Целую племянниц. Обнимаю друга Фед‹ора› Гр‹игорьевича›. Мих‹аил› Яков‹левич› писал мне о его неудаче, и сие меня весьма огорчило. Авось либо как бог положит. Adieu, ma tendre amie. Je baise nos enfants. Se portent-ils bien, dieu donne. Adieu.

Mon cher frère! Je n'ai rien à vous dire de nouveau concernant la situation des affaires ici. On va bientôt présenter une plainte de la part de la noblesse à l'impératrice. Tout paraît bien disposé. Mais cela sera comme dieu voudra. Pour des nouvelles, on parle un peu de la paix. Дмитрий Марк‹ович› Полторацкий едет правителем канцелярии генерала Заборовского, посылаемого для главнокомандования высаждаемыми на брега в море войсками. Я ему препоручу дело о графстве. Он будет иметь себе способы. Корабли наши

туда сей осени прийдут, а он туда прежде приедет. С флотом отправляется Грейг главнокомандующим. Ожидают взятия Белграда. ‹Мутарский› паша жив. Вот вам новости о иностранном. Здесь же происходит такой мишмаш, что и бог его знает. Трудненько тут ступать впопад, здесь все вихляют наугад, что в ход идет, приходит в лад. Прощайте. Дай бог, чтоб вы были веселы и здоровы.

Перевод

Дорогая, милая, любезная моя Сашенька! Я нахожусь в тупике и на пределе моего терпения. Вообрази — до сих пор ничего от тебя. Это непостижимо. Вот уже почти два месяца, как я в отсутствии, и за это время никакой почты. Да что делать? В дольнем мире не без печалей. Но знаешь ли, Сашенька, сколь это меня огорчает! Становлюсь ипохондриком; бегу присутствия родных и друзей; хотел бы скрыться от всех и от себя самого. Стараюсь победить эту свою печаль, но напрасно. Все дела мои идут дурно, ибо всем пренебрегаю, все забываю, чтобы думать только о тебе. Я далек от мысли, что ты так больна, что и писать не можешь, еще дальше от предположения, что вовсе мне не пишешь, но не знаю, что этому за причина, но в душе моей тревожно и уныло. Но полно об этом, чтоб не заставить тебя разделять со мной тоску. Целую тебя, любезная Сашенька. Мое единственное здесь удовольствие — думать о тебе, говорить о тебе и о нашей жизни в Обуховке посреди мирного и приятного общества. Рассказываю об этом всем и грущу, ибо чувствую, что далеко еще до Обуховки. Однако приготовляюсь уже к возвращению. Вчера поручил Машеньке купить для вас все, что вы заказывали. Осмотрел коляску, в коей отправлю demoiselle, о коей писал тебе. Она поедет с Митрофаном и унтер-офицером, который сейчас при мне. Я же, оставшись один, поеду с ямщиком. Думаю отправить их на этой неделе, так что они будут в Обуховке в исходе апреля. Рекомендую тебе, душенька, эту девицу. Катенька уверяет, что она добрая, и такой и кажется. Она очень довольна, что едет к тебе. Прими ее дружески. Наряду с попечением о детях ты можешь доверить ей ключи от хозяйства, которые теперь у Ваносика: она жила в доме графа и приучена к порядку. Уверен, что ты сумеешь сделать это, не отпугнув ее. Впрочем, я очень рад, что посылаю ее тебе, и думаю, что это будет наилучшим моим тебе подарком отсюда. Что касается до меня, милый мой друг, я намереваюсь выехать в первых числах апреля. Дорога будет прескверной, но так как ведет она к тебе, то, несомненно, покажется мне лучше вымощенных камнем улиц этого весьма гадкого города.* Прощай, мой милый друг. О себе скажу, что почти все дни провожу или дома, или у батюшки твоего, или у графа. Выезжаю теперь еще реже и только иногда бываю у князя Вяземского. Дела мои in statu quo. Прощай, милый друг мой, целую тебя тысячу раз. Боже мой, как бы мне хотелось быть с тобою! Прощай. Да примет вас всех господь под свою святую защиту. Кланяюсь Катерине Федоровне. Прощай, милый мой друг. Целую детей. Дай бог, чтоб они были здоровы. Прощай.

---

* *В подлиннике здесь непереводимая игра слов:* de cette ville bien vile (*примечание переводчика*).

Любезный брат! Ничего нового сообщить относительно здешних дел не могу. Вскорости императрице будет подано прошение дворян. Кажется, все отлично подготовлено. Но что выйдет — на то воля божия. Что касается до новостей, поговаривают о мире...

40

А. А. КАПНИСТ

28 марта 1788 г. Петербург

Anno 1788, le 28 de mars. St.-Pétersb<ourg>

Ma tendre amie, mon ange, ma chère Sachinca! Hier je t'ai écrit une longue lettre par Федор Петрович Львов, le fils de ton oncle Петр Петрович, qui est envoyé du collège étranger pour être auprès du comte Roumanzoff. De cette lettre je t'ai répondu aux 3 de tes lettres que j'ai reçu hier ensemble. J'écris cette lettre pour m'entretenir avec toi chaque poste, quoique après hier je n'ai rien de nouveau à te communiquer. Je te parlerai donc des choses battues-entrebattues: de l'impatience que j'ai de te revoir, de t'embrasser, et d'oublier dans tes bras pour toujours le monde et toutes les choses mondaines, de quitter là tous les plans, excepté le seul, de pourvoire à ton bien-être, à celui de nos enfants, à aimer dieu, nos amis et nos prochains. Je vois que le bon dieu m'éprouve encore. Voilà le printemps qui revient et je dois rester ici, tandis que le printemps va te sourir avec toutes ses grâces. Nous avons ici un mauvais temps qui ne finit pas. Toi, je crois que tu marches déjà sur l'herbe nouvelle. Ah! Que ne suis-je avec toi! Je ferai mon possible pour me débarasser d'ici. C'est le prince Wiazemsky qui me retient ici. Par égard aux affaires dont la noblesse m'a chargé, il est très bien avec moi. J'attendrai avec impatience le terme qui me délivrera de la nécessité d'être cloué ici. Je volerai dans tes bras. Souffres-tu autant que moi de notre séparation? A voir tes lettres on le croira pas. Elles sont si froides et renferment si peu de choses pour l'âme! Pardonne-moi ces reproches, ma tendre amie. Je suis franc avec toi, et avec cette franchise je te dirai que mon coeur fut oppressé et l'est. Je me tais pour ne pas faire passer dans ton âme l'amertume dont la mienne est remplie. Aime-moi, ma tendre amie. La mesure de mon bonheur est la mesure de ton amour pour moi. Adieu. Pense à moi, car je ne fais que penser à toi, même quand je suis en société, car je n'y trouve entre toutes les femmes aucune qui te ressemble. Mon ange, tu es faite pour faire mon bonheur. Adieu. Je t'embrasse mille fois. Mes compliments Катерине Федоровне и ее родителям. Как я рад, что они у нас. Целую племянниц. Обнимаю друга Федора Григорьевича.

Приписка сбоку на полях:

Communique la lettre ci-incluse à mon frère.

Перевод

Anno 1788, марта 28 дня. Санкт-Петербург

Милый друг мой, мой ангел, дорогая моя Сашенька! Вчера отправил тебе длинное письмо с Федором Петровичем Львовым, сыном дяди твоего Петра Петровича, посланным от иностранной коллегии, чтоб состоять при

графе Румянцеве. Тем письмом я ответил на 3 твоих письма, которые получил вчера все сразу. Сие письмо пишу, чтобы беседовать с тобою каждую почту, хотя после вчерашнего ничего нового сообщить тебе не имею. Посему буду говорить тебе о вещах избитых-переизбитых: о нетерпении, с коим стремлюсь вновь тебя увидеть, расцеловать, навсегда забыть в твоих объятиях свет и все светское, бросить все планы, кроме одного: пещись о благосостоянии твоем и детей наших, стремиться любить бога, наших друзей и наших ближних. Вижу я, что господь опять меня испытывает. Вот и весна наступает, а я должен сидеть здесь, тогда как тебе весна улыбнется во всей своей прелести. У нас здесь погода плохая, и конца этому не видно. А ты, я думаю, уж ходишь по молодой травке. Ах! зачем я не с тобою! Все, что в моих силах сделаю, чтоб вырваться отсюда. Князь Вяземский, вот кто удерживает меня здесь. Из уважения к делам, возложенным на меня дворянами, он очень со мною хорош. С нетерпением буду я дожидаться окончания дел, которое освободит меня от необходимости быть здесь прикованным. Я полечу в твои объятия. Страдаешь ли ты от нашей разлуки столько же, сколько я? Судя по твоим письмам, этого сказать нельзя. Они так холодны, содержат так мало для души! Прости мне сии упреки, милый друг мой. Я откровенен с тобою и со всею откровенностью скажу, что сердце мое было стеснено и сейчас сжимается. Умолкаю, чтоб не перелить в твою душу горечь, коей наполнена моя душа. Люби меня, мой милый друг. Мера моего счастья — это мера твоей любви ко мне. Прощай. Думай обо мне, я только о тебе и думаю, даже когда нахожусь в обществе, ибо среди всех женщин не нахожу ни одной, которая бы на тебя походила. Ангел мой, ты создана, чтобы составить мое счастие. Прощай. Тысячу раз целую тебя. Кланяюсь Катерине Федоровне и ее родителям.

Приписка:

Сообщи моему брату приложенное при сем письмо.

41

А. А. КАПНИСТ

3 апреля 1788 г. Петербург

1788, le 3 d'avril. St.-Pétersb‹ourg›

Ma tendre amie, mon aimable Sachinca! J'ai eu le plaisir de recevoir encore une de tes lettres datée de 4 de mars. Dieu soit béni, ma bonne amie, de ce qu'il t'ait trouvée digne de te faire participer à sa chair divine et à son sang divin. Puisse sa grâce remplir ton âme et y jeter un fondement inébranlable de foi et de vertus. Puisse-t-il purifier ton coeur de toutes les souillures de l'anathème que nous portons en venant au monde. Ma tendre amie, le plus ardent de mes souhaits est de te voir digne des bontés du Sauveur, de celui qui a tout souffert, qui a versé tout son sang pour nous réunir à lui, pour rassembler dans sa bérgerie céleste son troupeau égaré et dispersé par la malice de son eternel ennemi. Quelle abîme de bontés! Tombons, ma tendre amie, aux pieds de notre dieu, adorons ses décrets bienfaisants et soumettons notre volonté à sa volonté sainte. Prions-le qu'il daigne de ne pas nous refuser sa grâce, ni sa divine assistance dans le chemin qu'il nous a montré. Qu'il daigne nous donner la pure connaissance de lui-même, une foi pure et un amour pur. Que

sa volonté soit faite dans notre vie temporelle et que si sa volonté sera contraire à nos aveugles souhaits, il puisse nous donner la force de nous y conformer sans murmure et qu'enfin sa sainte bénédiction puisse s'étendre sur nos parents, nos proches, nos amis, nos enfants et nous. Voilà la prière que je tâche journalement de lui faire entendre. Tâche, ma tendre amie, de l'unir avec moi. Il t'entendra mieux que moi, ton coeur est plus pur que le mien. Tu es dans la solitude, entourée de tes enfants; le calme salutaire t'environne. Tu peux élever tes pensées à très haut. Moi, je suis entouré d'un tourbillon mondain, tout se <meut> à l'entour à tort et à travers, tout est offusqué et tâche d'offusquer. A peine puis-je avec le secours du dieu être en état de résister à toutes les secousses que je reçois des objets qui m'entourent. Quoique je ne fréquente presque personne excepté tes parents et quelques amis, cependant, je ne puis pas ne pas être témoin de toute la tracasserie, de tout le tumulte, de tous les travers, de toutes les inconstantes validités du monde où je suis tombé comme en <songe>. Je tâche de retenir mon âme dans son assiète tranquille, mais quelquesfois machinalement elle se laisse emporter et à peine peut-elle se remettre. Prie dieu, душенька, qu'il me daigne soutenir dans cet état d'épreuve.

Suffit, ma tendre amie, parlons d'un autre ton. Mes affaires sont encore dans le même état. C'est sûr cependant que dans deux semaines après Pâques, aussitôt que le chemin sera tant soit peu praticable pour aller en quibite, je partirai chez toi. J'espère toutefois que l'affaire de la plainte à sa majesté de la part de la noblesse aura une bonne issue. Que la volonté du dieu soit faite. Je me porte bien. Tes parents aussi assez bien. Au reste, rien de nouveau, on n'entend ici rien de tout ce qui se fait chez vous du côté d'Otschacoff. Adieu, ma tendre amie. La semaine qui vient, c'est-à-dire la dernière semaine du carême je veux faire mes dévotions, si le bon dieu le permet. Je t'embrasse mille fois. Fais du mouvement, ma chère, le plus que tu pourras. Dieu te conserve. Mes compliments à tes chers gastes. Embrasse mes enfants. Tâche de passer agréablement les jours de pâques. Invite mon frère avec <нрзб.>, s'ils ne vont pas chez ma chère mère, chez toi, et toute la famille de Катерина Федоровна, à qui je baise les mains. Embrasse nos nièces. Кланяюсь Фед<ору> Григорьевичу. Прощайте. Я думаю, что сие письмо придет к Христос воскрес. Je vous embrasse tous du fond de mon âme.

Приписка сбоку на полях:

De mon cher frère jusqu'à présent je n'ai pas reçu pas une seule lettre. Dis-lui, que cela me fait bien de la peine.

Перевод

1788 года, апреля 3 числа. Санкт-Петербург

Милый мой друг, любезная моя Сашенька! Я имел удовольствие получить еще одно твое письмо от 4 марта. Возблагодарим господа, добрый мой друг, за то, что он счел тебя достойной причаститься его святой плоти и крови. Да наполнит благодать божия твою душу, и да заложит в ней непоколебимое основание веры и добродетели. Да очистит он сердце твое от скверны проклятия, коим все мы отмечены, появляясь на свет. Мой милый друг, самое пламенное из моих желаний видеть тебя достойной щедрот спасителя, того, кто страдал, кто пролил всю свою кровь, чтоб привлечь нас к себе, чтоб собрать в свою божественную овчарню заблудшее свое стадо, рассеянное кознями его вечного недруга. Что за бездна щедрот! Припадем, милый мой друг, к стопам господа нашего, возлюбим его благодетельные повеления и подчиним нашу волю его святой воле. Будем молить его, чтобы он соблаговолил не отказать нам в своей милости,

в божественной помощи на том пути, который он нам указал. Да дарует он нам истинное познание божества, истинную веру и истинную любовь. Да свершится воля его в нашей жизни мирской и, ежели его воля будет противоречить нашим слепым желаниям, да подаст он нам силу безропотно покориться ей; наконец, да снизойдет святое его благословение на наших родителей, наших ближних, на друзей наших, наших детей и на нас. Такую молитву стараюсь я обращать к нему ежедневно. Старайся, милый друг мой, разделять ее со мною. Он скорее услышит тебя, твое сердце чище моего. Ты пребываешь в уединении, в кругу своих детей; спасительный покой окружает тебя. Ты можешь вознестись мыслью к всевышнему. Я же окружен светским вихрем, все вокруг движется без всякого толку, все затемнено и тщится навести тень. Едва могу я с божьей помощью противостоять толчкам, получаемым от окружающих меня предметов. Хотя и не бывая почти нигде, кроме как у твоих родителей и нескольких друзей, я не могу, однако, не быть свидетелем всей суетни, сумятицы, всех причуд, переменчивой законности света, в который я упал, как во сне. Стараюсь удержать душу в спокойном состоянии, но подчас невольно она дает себя увлечь и с трудом приходит в себя. Моли бога, душенька, чтоб он поддерживал меня в подобных испытаниях.

Хватит, милый друг мой, поговорим иным слогом. Дела мои все еще в том же состоянии. Достоверно, однако, что спустя две недели после пасхи, как только хоть сколько-нибудь установится колесный путь, поеду к тебе. Надеюсь все-таки, что дело с жалобой дворян ее величеству окончится хорошо. Да будет воля божия. Я здоров. Родители твои также довольно здоровы. Нового, впрочем, ничего нет, здесь ничего не слышно о том, что происходит там у вас под Очаковым. Прощай, милый друг мой. Ежели бог позволит, на будущей неделе, т. е. на последней неделе поста буду говеть. Целую тебя тысячу раз. Делай движения, дорогая, как можешь больше. Бог с тобою. Кланяюсь любезным твоим гостям. Поцелуй деток. Постарайся приятно провести пасху. Пригласи к себе моего брата с ‹нрзб.›, ежели они не поедут к любезной моей матушке, и все семейство Катерины Федоровны, коей ручки целую. Поцелуй племянниц. Кланяюсь Фед‹ору› Григорьевичу... Обнимаю всех вас от всей души.

Приписка:

До сих пор не получил от любезного моего брата ни одного письма. Скажи ему, что это очень меня огорчает.

42

А. А. КАПНИСТ

11 апреля 1788 г. Петербург

1788, le 11 d'avril. St.-Pétersb‹ourg›

Ma tendre amie, mon aimable Sachinca! J'ai commencé cette dernière semaine à faire mes dévotions. Je prie le bon dieu de m'assister et de me donner les remords d'un repentir sincère. Unis tes prières, mon amie, avec les miennes. Que j'envie le calme où tu es! Rien ne te distrait dans tes méditations, et tout ce qui t'environne, concourt à épanouir ton âme aux rayons de la grâce divine. Tu ne peux, ma tendre amie, t'imaginer quelle peine que j'ai à me soustraire aux influences pernicieuses du tumulte mondain. Cette semaine je ne sortirai

nulle part que chez mon beau père. Avec ta chère mère je lis l'écriture sainte. Je lui fais par là plaisir et à moi-même. Je me promènerai souvent à pied. Peut-être que le bon dieu me donnera la force d'abstraire mes idées de tout ce qui <est> mondain pour ne méditer que les choses du salut qui est si près de nous et dont nous nous éloignons si loin! Prie, ma chère amie, le bon dieu, qu'il daigne de ne pas me refuser sa grâce et me rendre digne de participer à la chair et au sang divin, donnés pour nous et pour nos péchés. Dieu! quelle bonté sans bornes! Comment le pécheur peut-il sans trembler approcher sa bouche impure de cette nourriture céleste! Et qui n'est pas pécheur? Dieu, si tu me permets d'en approcher que ce ne soit pas ma condamnation que je recevrai, que ce soit au contraire le gage d'un salut non mérité, venant de ta bonté et de ta grâce.

Cessons de parler de ces choses. Descendons à parler de nous. Je t'embrasse, Sachinca, avec cet amour pur dont mon coeur est rempli et préoccupé de toi. Je t'aime, ma tendre amie, au-dessus de tout ce que je puis dire. Non seulement je t'aime par sympathie involontairement, mais en prenant la raison pour arbitre, je trouve mon amour renforcé. Je vais te rendre, ma tendre amie, la justice qui t'est dûe, avec toute la sincérité dont ces jours me remplissent. Je t'aime au-dessus de toute expression, et je te trouve préférable à toutes les femmes. Je n'en vois pas une seule qui soit égale à toi, non seulement par les qualités estimables de l'âme, mais même par la beauté! Peut-être il y en a de plus belles, mais elles ne le sont pas pour moi. Reçois cet aveu de ma sincérité, qu'il soit le tribut de mon amour. Puisses-tu de ta part pouvoir me payer par la réciprocité de sentiments! Mais il est impossible que tu puisses me trouver aussi accompli que je te trouve, car je sens trop qu'il manque en moi beaucoup de qualités nécessaires pour la perfection et pour te rendre heureuse. Que faire, Sachinca! Tâche de supporter mes défauts: c'est une épreuve à laquelle le bon dieu t'expose. Pardonne-moi mes défauts et les chagrins que je t'ai causés. Le bon dieu ordonne de pardonner même à ses ennemis, mais je ne l'ai jamais été. Pardonne, mon amie. Je baise tes mains, je t'embrasse mille fois. Embrasse pour moi nos enfants. Porte-toi bien. Fais le plus de mouvements qu'il t'est possible. Au nom de notre amour je te conjure d'en faire beaucoup. Tu sais que c'est le seul moyen de te bien porter dans ton état. Mes compliments à Катерина Федоровна et à ses chers parents. Sont-ils contents chez nous? Tâche, душенька, de faire tout pour eux. Кланяюсь Федору Григорьевичу. Целую племянниц. Через две недели я отправлю тебе demoiselle. C'est le meilleur cadeau que je t'enverrai d'ici. Tu seras contente d'elle. Adieu, ma tendre amie. La dernière poste je n'ai point reçu de tes lettres. Adieu. Je t'embrasse encore en idée. Dans trois semaines je pense t'embrasser effectivement. Adieu. Que le bon dieu vous conserve tous.

Приписка сбоку на полях:

Cachete et communique ma lettre à mon frère.

Перевод

1788, апреля 11 дня. Санкт-Петербург

Мой милый друг, любезная моя Сашенька! На этой неделе я начал говеть. Молю господа помочь мне провести меня через угрызения совести к чистосердечному раскаянию. Присоедини свои молитвы, мой друг, к моим. Как я завидую окружающему тебя покою! Ничто не отвлекает тебя от молитвенных размышлений, и все окружающее тебя способствует расцвету твоей души под лучами божественной благодати. Ты не можешь вообразить, милый друг мой, как трудно мне уберечься от пагубного влияния светской суеты. На этой неделе не поеду ни к кому, только к тестю.

С любезной твоей матушкой читаю священное писание, и тем доставляю удовольствие ей и себе. Буду часто гулять пешком. Авось либо господь дарует мне силу отвратить мысли от всего мирского, дабы размышлять только о спасеньи, которое так близко от нас и от которого мы так убегаем! Моли бога, дорогой мой друг, чтобы он соблаговолил не отказать мне в своей милости сделать меня достойным причаститься божественной его плоти и крови, отданных за нас, за грехи наши. Бог! Какая безграничная доброта! Может ли грешник без трепета приблизить свои нечистые уста к божественной этой пище? А кто не грешен? Боже мой, ежели ты дозволишь мне к ней приблизиться, пусть получу я не осуждение себе, а, напротив того, залог незаслуженного спасения, даруемого мне твоей добротой и милостью.

Но полно об этих возвышенных предметах; поговорим о нас. Целую тебя, Сашенька, с той чистой любовью, коей наполнено сердце мое, всецело занятое тобою. Я тебя люблю, мой милый друг, более, чем могу выразить. Я люблю тебя не только из невольного влечения: привлекая в судьи разум, нахожу свою любовь только усилившеюся. Милый друг мой, я воздам тебе должное со всей той искренностью, коей наполняют меня эти дни. Люблю тебя превыше всякого выражения, нахожу тебя желаннее всех прочих женщин. Я не вижу среди них ни одной, которая была бы равной тебе не только по достойным уважения душевным качествам, но даже по красоте. Быть может, и существуют женщины красивее тебя, да мне они не кажутся таковыми. Прими сие признание моей искренности, да будет оно данью моей любви. Ежели бы ты могла со своей стороны отплатить мне взаимностью чувств! Но это невозможно: ты не можешь считать меня таким же совершенством, каковым я тебя нахожу, ибо слишком чувствую, что мне недостает многих качеств, необходимых для того, чтоб достичь совершенства и сделать тебя счастливою. Что делать, Сашенька! Старайся сносить мои недостатки, это испытание, ниспосланное тебе господом. Прости мне мои недостатки и причиненные мною тебе огорчения. Господь велит прощать даже врагам своим, а я ведь никогда врагом тебе не был. Прости, друг мой. Целую твои руки, целую тебя тысячу раз. Поцелуй за меня наших деток. Будь здорова. Делай движения как только можешь более. Именем нашей любви заклинаю тебя побольше двигаться. Ты ведь знаешь, что в твоем положении это единственное средство быть здоровою. Кланяюсь Катерине Федоровне и любезным ее родителям. Хорошо ли им у нас? Постарайся, душенька, все для них сделать... Через две недели я отправлю тебе demoiselle. Это будет лучшим тебе подарком, посланным мной отсюда. Ты будешь ею довольна. Прощай, милый мой друг. По последней почте не получил от тебя писем. Прощай. Еще целую тебя в мыслях. Чрез три недели надеюсь в самом деле обнять тебя. Прощай. Храни всех вас бог.

Приписка:

Запечатай и сообщи мое письмо моему брату.

43

А. А. КАПНИСТ

18 апреля 1788 г. Петербург

1788, le 18 d'avril. St.-Pétersb‹ourg›

Христос воскрес! Ma tendre amie, ma toute aimable Sachinca! Que je souhaite que tu puisses passer ces fêtes le plus agréablement qu'il est possible. J'espère que toute la famille de Катерина Федоровна est chez toi ces jours-ci.

Je t'embrasse, ma tendre amie, en idée, je t'embrasse avec toute l'effusion du coeur, et j'espère t'embrasser réellement, lorsque tu recevras cette lettre, car je crois que dans 10 jours je partirai d'ici, si le bon dieu me le permet. Quel plaisir, душенька, de te revoir après une absence si longue, après un vide d'âme de si longue haleine! Je prie seulement le bon dieu qu'il daigne ne me faire tarder davantage. Unis ta prière, ma tendre amie, avec la mienne. Je t'embrasse et vais te gronder un peu. Avant hier, le jour de la résurrection, j'ai reçu deux de tes lettres: une de 11 et l'autre de 18 de mois passé. La première que j'ai reçue le matin m'a donné du chagrin, car tu dis que tu ne te portes pas bien et que la maison va s'écrouler. Mais tu ne m'écris rien de nos affaires domestiques: si le bois que j'ai acheté a été transporté, si le pain est vendu etc. etc. Toutes tes lettres sont si courtes et tu y laisses tant du papier vide, qu'on croirait que tu n'as pas beaucoup de choses à me dire. L'autre lettre m'a fait du plaisir, car tu y marques que tu as reçu une lettre de moi déjà ici et que tu es plus tranquille. Sois-le, ma tendre amie. Tâche de faire du mouvement le plus que tu pourras. Tâche de te porter bien. Dieu puisse-t-il te prendre en sa sainte protection. Je t'embrasse, Sachinca.

Parlons de moi. La dernière semaine le bon dieu m'a permis de faire mes dévotions et ne trouva pas indigne de communier son saint corps et son saint sang. C'est une grande consolation qu'il a daigné de m'envoyer. Mes affaires vont être présentées à sa majesté, je crois, lundi prochain, et, aussitôt la résolution donnée, je pars d'ici. Tes chers parents sont assez bien portants. Ta mère est toujours triste. Tes soeurs se portent bien et ton frère. Je suis toujours avec elles, elles me rappellent ma Sachinca, et surtout Catinca, à qui tu ressembles plus. Je ne fréquente aucune grande société et m'en trouve très bien du côté de l'âme. Voilà tout ce que je puis te dire à mon égard. Au reste, aucune nouvelle. Adieu, ma tendre amie. Pour te punir, je vais finir ma lettre et laisser un demi-feuille blanche à ta manière. Adieu. Je n'ai reçu aucune lettre de mon frère, ce qui commence à me donner de l'inquiétude. Je lui ai écrit pour l'affaire du prince Wiazemsky. Adieu. Je baise tes mains. Mes compliments à tous.

Non: je ne puis, Sachinca, te punir, je vais recommencer à parler avec toi. Ma tendre amie, toutes mes pensées sont pleines de toi. Comment pourrai-je me faire? Non, ma chère, mon aimable Sachinca, mon bonheur est de te marquer mon amour et d'être assuré du tien. C'est toute ma félicité. Je puis me refuser à tout au monde, excepté de ton attachement, de ton amour. Que tu m'es chère, Sachinca, que ton image est toujours présent à mon âme, qu'il a de charmes pour moi: rien, non — rien ne peut ressembler au sentiment doux que m'inspire ton souvenir. Si tu m'aimes, ma tendre amie, à l'égal de moi, tu dois être remplie d'un sentiment bien doux. Je t'embrasse, mon aimable amie. Adieu. Je baise nos enfants. Целую руки Катерины Федоровны. Почтение мое ее родителям. Целую Фединьку. Целую племянниц. Обнимаю дружески Фед<ора> Григ<орьевича>. Ежели брат П<етр> В<асильевич> у тебя, целую его и Елиз<авету> Тимоф<еевну>. Христос воскрес.

Перевод

1788 года, апреля 18 дня. Санкт-Петербург

...Мой милый друг, любезная моя Сашенька! Сколь желаю тебе провести праздники как можно приятнее! Надеюсь, что все семейство Катерины Федоровны в эти дни у тебя. Целую тебя, милый друг мой, в мыслях, горячо целую и надеюсь целовать в самом деле, когда ты получишь сие письмо, ибо рассчитываю, ежели бог позволит, через десять дней выехать отсюда. Что за удовольствие, душенька, снова увидеть тебя

после столь долгой разлуки, столь продолжительной душевной пустоты! Молю бога об одном: чтоб не задержал меня долее. Присоедини к моей твою, милый мой друг, молитву. Целую тебя и хочу несколько побранить. Позавчера, в день воскресения господня, я получил два твоих письма: одно от 11, другое от 18 числа прошлого месяца. Первое письмо, полученное утром, меня огорчило, ибо ты пишешь, что нездорова и что дом вскорости развалится. Но ты ничего не пишешь о наших домашних делах: перевезен ли купленный мною лес, продан ли хлеб и т. д. и т. п. Твои письма так коротки, ты оставляешь в них столько пустого места, что можно подумать, что тебе не о чем особенно мне писать. Другое письмо доставило мне удовольствие: ты сообщаешь, что получила мое письмо уже отсюда и поуспокоилась. И будь спокойна, мой милый друг. Старайся как только можешь больше делать движения, быть здоровой. Да примет тебя господь под свое святое покровительство. Целую тебя, Сашенька.

Поговорим обо мне. На той неделе господь допустил меня к причастию, не счел недостойным причаститься его святой плоти и крови. Великое соблаговолил он ниспослать мне утешение. Мои дела будут доложены ее величеству, я полагаю, в ближайший понедельник и тотчас по получении резолюции уеду отсюда. Любезные твои родители довольно здоровы. Матушка твоя по-прежнему горюет. Твои сестры, равно как и брат твой, здоровы. Я постоянно с ними, они напоминают мне мою Сашеньку, Катенька особенно, на нее ты более всего похожа. Не бываю в светском обществе и тем достигаю душевного спокойствия. Вот все, что могу тебе сказать о себе. Впрочем, нового ничего нет. Прощай, мой милый друг. Чтоб тебя наказать, я сейчас закончу письмо и оставлю по твоему примеру половину листка пустой. Прощай. Я не получил от брата письма и начинаю беспокоиться. Писал ему в связи с делом князя Вяземского. Прощай. Целую твои руки. Кланяюсь всем.

Нет, не могу я, Сашенька, наказать тебя, вновь стану говорить с тобою. Мой милый друг, все мои мысли полны тобою. Что я могу поделать? Нет, моя дорогая, любезная моя Сашенька, уверять тебя в моей любви и быть уверену в твоей — в этом мое счастье. В этом все мое блаженство. Я могу отказаться от всего на свете, но не от твоей привязанности, твоей любви. Как дорога ты мне, Сашенька! твой образ всегда царит в моей душе, и сколько в нем для меня очарования! Ничто, нет, ничто не может сравниться с нежным чувством, которое мне внушает воспоминание о тебе. Мой милый друг, ежели ты любишь меня, как я тебя, ты должна быть исполнена очень сладостным чувством. Целую тебя, любезный мой друг. Прощай. Целую детей...

44

А. А. КАПНИСТ

1 мая 1788 г. Петербург

1788, le 1 de mai. St.-Pétersbourg

Ma chère, ma tendre, mon aimable Sachinca! De quelle joie inexprimable tu m'as rempli! Je n'ai pas la force de te le dire. Hier le soir, en arrivant chez moi, je trouve une de tes lettres qui m'attendait. Je l'ouvre, je lis, quelle joie! Le bon dieu, le très bon dieu, le dieu d'amour et de miséricorde exauce

nos voeux, il t'a délivré d'un fardeau quelquefois dangereux, il te donne la force de supporter cet épreuve de douleur, il t'a conservé pour mon bonheur. Oh, béni soit de toutes les puissances de mon âme celui qui dispense sur moi ses grâces en ne comptant pour rien mes péchés. Béni soit sa clémence et son inéffable bonté. Il te donne une fille et qui me ressemble. Tu l'as voulu, méchante, tu en seras punie par la laideur de l'objet de tes voeux, s'il est vrai qu'il me ressemble. Ah! quelle joie, Sachinca. Viens que je t'embrasse, que je baise mille fois tes mains, ma tendre Sachinca. Tu as assurément beaucoup souffert. Душенька, que je ressens tes peines! La dernière de tes lettres où tu m'écris que tu crois accoucher dans le mois d'avril a bouleversé toutes mes idées. Je n'ai pas cru que tu devais accoucher si tôt, j'ai cru que ce sera le dernier du mois. J'ai été très inquiet, je serais volé vers toi, mais les affaires ne le permettant pas absolument, je ne fis que gémir dans l'incertitude. Hier, lorsque j'ai lu ta lettre, je ne pouvais pas même me réjouir, tant tu m'as frappé. Ce n'est que quand j'ai fini déjà la lettre de mon frère, et que je me suis remis un peu, que j'éprouvais l'excès de la joie et que je l'ai répandu devant l'éternel. Bénis soient mille fois par nos bouches sincères ses bontés. Ah, chère Sachinca, quel bonheur! Mais un reste d'inquiétude vient se mêler à ma joie. Je crains pour ton retablissement. Au nom de dieu, ne va pas te hasarder, conserve le repos et la santé. Que le bon dieu qui t'a délivré de ce fardeau dangereux daigne achever son oeuvre miséricordieux et rétablir ta santé pour longtemps, longtemps, en scellant par là ma félicité de cette vie. Elle est unie avec ton bien-être, mon amie, inséparablement, je l'éprouve de plus en plus. Tout au monde pour moi n'est rien. Tu seul me tient lieu de tout. Je t'embrasse, Sachinca, mon âme, et te recommande en la bonté du très haut, qui nous aime visiblement malgré le mauvais qui est en nous. Tu ne m'écris rien, Sachinca, si Катерина Федоровна et sa famille est avec toi, si tu as quelqu'un qui puisse prendre garde à toi dans ta convalescence. Cela m'inquiète. Une chose m'inquiète encore: je crois toujours que tu accouches avant le terme. Nous avons, il me semble, fait le compte pour le terme dans les derniers du mois de mai. Dieu donne, que nous nous soyons trompés. Enfin voilà derechef 4 enfants. Nous n'aurons plus, j'espère, Sachinca. Soyons sage. Car à quoi cela aboutira-t-il? Modérons-nous.

Pour moi, grâce à dieu, je me porte bien, et crois partir d'ici plus tôt que je n'espérais après l'arrivée de la lettre de mon frère, concernant l'achat des biens pour le prince Wiazemsky. A présent il m'expédiera plus vite, j'espère, pour son propre intérêt, et pour mon propre bonheur, car quel plaisir de t'embrasser, mon aimable Sachinca. *Да чему ты так обрадовалась, что дочь на меня похожа? Ты, право, ей добра не желаешь. Я был харя, а теперь будет пара нас. Что в этом?*

Adieu, ma tendre amie, je prie le bon dieu pour le retablissement de ta santé. Unis tes prières avec les miennes, ma tendre amie. Bénissons le divin père qui nous traite en ses enfants, quoique par nos péchés nous sommes ses ennemis. Qu'il est miséricordieux! Je t'embrasse, Sachinca, et dans l'excès de ma joie j'embrasse toute ta société. Adieu. Porte-toi bien. J'écris, ma tendre amie, régulièrement chaque poste. Cela me fâche que tu n'as pas reçu une de mes lettres et précisement dans le temps de tes couches. Adieu. Le bon dieu te conserve.

Перевод

1788 года, мая 1 дня. Санкт-Петербург

Моя дорогая, милая моя, любезная моя Сашенька! Какой невыразимой радостью переполнила ты меня! Я не умею тебе этого выразить. Вчера вечером, вернувшись к себе, нахожу твое письмо: оно меня ожидало. Рас-

печатываю его, читаю, какая радость! Господь, милосердный господь, бог любви и всепрощения внял нашим мольбам, освободил тебя от бремени, иногда столь опасного; он дает тебе силу вынести это мучительное испытание; он сохранил тебя для моего счастья. О, будь благословен от всей моей души тот, кто распространяет на меня свои милости, а не карает за грехи мои. Благословенно будь милосердие его, неизреченная его доброта. Он дарует тебе дочь, к тому же похожую на меня. Ты сама этого пожелала, негодница, и будешь за то наказана, когда предмет твоих желаний окажется дурен собою, ежели только верно, что он на меня похож. Ах, какая радость, Сашенька! Приди, чтоб я смог тебя обнять, тысячекратно расцеловать твои ручки, милая моя Сашенька. Уж, наверное, ты много выстрадала. Как я переживаю твои муки, душенька! Твое последнее письмо, где ты пишешь, что думаешь разрешиться от бремени в апреле, меня ошеломило. Я не думал, что ты родишь так рано, а полагал, что это случится в исходе сего месяца. Мне стало очень тревожно, полетел бы к тебе, да как дела решительно этого не позволяли, мог только томиться в неизвестности. Вчера, как прочел твое письмо, так не мог даже и радоваться, настолько ты меня поразила. И только покончив с письмом от брата и несколько придя в себя, почувствовал себя на верху блаженства и радость свою излил перед предвечным. Тысячу раз будь благословенна его доброта нашими искренними устами. Ах, дорогая Сашенька, какое счастье! Но к радости моей примешивается некоторое беспокойство. Волнуюсь, как ты оправишься. Бога ради, не подвергай себя опасности, соблюдай покой, береги здоровье. Да завершит бог, освободивший тебя от опасного бремени, свое милосердное дело и восстановит надолго-надолго твое здоровье, утвердив тем самым все мое счастие в сей жизни. Оно неразрывно связано с твоим, мой друг, благополучием, я все более и более ощущаю это. Все на свете — ничто для меня; ты одна для меня все. Целую тебя, Сашенька, душа моя, вверяю тебя милосердию всевышнего, явно любящего нас несмотря на все дурное, что в нас есть. Ты ничего не пишешь мне, Сашенька, насчет того, у тебя ли Катерина Федоровна и ее семейство, есть ли подле тебя кто-нибудь, кто смог бы присматривать за тобою во время твоего выздоровления. Это меня беспокоит. И еще одно тревожит меня: думается мне все-таки, что разродилась ты раньше срока. Мне кажется, мы как будто бы разочли срок на последние числа мая. Дай-то бог, чтоб мы ошиблись! Наконец, вот у нас сызнова четверо детей. Я надеюсь, Сашенька, больше не будет. Будем благоразумны, иначе чем это кончится? Будем воздержны.

Что до меня, я, благодарение богу, здоров и думаю уехать отсюда ранее, чем рассчитывал до получения письма от брата, касающегося покупки для князя Вяземского имения. Я надеюсь, теперь он отправит меня скорее ради собственной выгоды и к моему счастью, ибо каково удовольствие расцеловать тебя, любезная Сашенька!...

Прощай, милый мой друг, молю бога о твоем выздоровлении. Присоедини свои молитвы к моим, мой милый друг. Благословим божественного отца, он обращается с нами, как со своими детьми, хотя по грехам нашим мы враги его. Сколь милосерден он! Целую тебя, Сашенька и в избытке радости целую всех и вся. Прощай. Будь здорова. Пишу тебе регулярно каждую почту. Как мне досадно, что ты не получила одного из моих писем и как раз во время твоих родов. Прощай. Храни тебя бог.

45

А. А. КАПНИСТ

8 мая 1788 г. Петербург

1788, le 8 de mai. St.-Pétersbourg

Mon ange, ma tendre amie, ma chère Sachinca! Dans quel trouble mortel ton silence me jette! La dernière poste je n'ai point reçu de tes lettres. Après la nouvelle de ton heureux accouchement que tu m'as marqué par ta lettre du 7 d'avril j'ai attendu avec la plus vive impatience ta seconde lettre avec la première poste, pour être informé des suites de ton accouchement, pour savoir si elles sont aussi heureuses que mon âme le souhaite. Imagine-toi mon inquiétude lorsque, la poste arrivée, je n'ai point reçu de tes lettres. La patience m'a échappé et je t'avoue que je me suis trouvé trop faible pour combattre les craintes et mille soupçons inquiétants qui ébranlèrent mon âme. Mille pensées tristes se présentèrent à mon esprit. Tantôt je me représente que tu es malade et que tu es hors d'état de m'écrire, et alors toute ma fermeté m'abandonne, tantôt je me représente que je suis le plus malheureux des hommes, et alors je me sens anéanti, la mort est ma seule espérance. Dieu, Sachinca! Quels tourments j'eprouve! Ils me font sentir tout l'excès de mon amour pour toi. Que le bon dieu, si miséricordieux, si inépuisable dans ses grâces, daigne écarter loin de toi toute maladie, tout désastre. Je crois en sa divine clémence qu'il ne voudra pas appesantir trop fort le bras de sa colère sur moi, quoique j'ai trop mérité toute sa disgrâce.

Ah, Sachinca, Sachinca! Pourquoi tu as manqué de m'écrire cette poste? Le tourment de l'incertitude me trouble tellement que je ne puis pas en revenir. Que tu m'es chère, ma tendre amie! Que mon amour pour toi est sans bornes! Ah, mon dieu, mon dieu! Soit pour moi le dieu de la clémence, conserve cette autre moitié de moi-même, conserve-la pour mon bonheur. Dieu, remplis la coupe de ma félicité. Punis-moi selon mes forces et non selon mes mérites. Sachinca, que je souffe et que j'ai souffert et que je vais souffrir jusqu'à l'autre poste! Tout augmente mon martyre.

Tu ne me dis pas si Катерина Федоровна est avec sa famille avec toi, s'il y a quelqu'un auprès de toi. Tes lettres sont si inexactes, m'informent si peu de ce qui se passe chez toi! Je n'espère qu'en dieu. Mon aimable Sachinca! Je t'embrasse en idée, je baise tes belles mains. Dieu! Que tu me parais intéressante et touchante. Que le bon dieu te conserve et ta nouvelle-née, et vous tous. Mais je n'ai point reçu de tes lettres. Mon coeur est oppressé. Adieu, ma tendre amie. Non, je n'ose te dire adieu. Cette idée me fait frémir. Que j'aurais volé vers toi, et, pour sûr, si la seconde poste je ne reçois pas de tes lettres, rien ne me retiendra ici. Ma tendre amie, écris-moi souvent et en détail. Dis-moi que tu te portes bien et remplis mon âme d'une douce consolation. Je t'embrasse mille fois. Donne-moi ta main, ma tendre amie. Unissons nos voeux et nos prières au bon dieu pour qu'il daigne nous conserver dans sa grâce et répandre son bienfait sur notre dessin. Qu'il te conserve et pour lui et pour moi. Je tremble en songeant à l'orgueil de cet égalité. Que dieu me le pardonne. Je t'embrasse, ma toute aimable. Mes compliments à tous nos amis. Porte-toi bien en pensant à moi. Je t'embrasse.

Перевод

1788, мая 8 дня. Санкт-Петербург

Ангел мой, милый мой друг, дорогая Сашенька! В какую смертельную тревогу повергает меня твое молчание! Последнюю почту не получил от тебя писем. После известия о счастливых твоих родах, которое ты мне

сообщила в своем письме от 7 апреля, я с живейшим нетерпением ожидал по первой же почте твоего второго письма, чтобы узнать о последствиях родов, узнать, были ли они столь благополучны, как желает моя душа. Вообрази мое беспокойство, когда по пришедшей почте не получил от тебя никаких писем. Терпение оставило меня и, признаюсь, я оказался слишком слаб, чтобы побороть опасения и тысячу тревожащих догадок, потрясших мою душу. Тысячи печальных мыслей представились моему воображению. То чудится мне, что ты больна и не в состоянии писать, и тогда всякая твердость оставляет меня, то чудится, что я несчастнейший из людей, и тогда чувствую, что уничтожен, и смерть делается моей единственной надеждою. Боже, Сашенька! Что за муки испытываю! Они дают мне ощутить всю чрезмерность моей к тебе любви. Пусть господь, столь милосердный, столь неистощимый в своих благодеяниях, отведет от тебя всякую хворь, всякую беду. Верю в божественное его милосердие, он не захочет обрушить на меня с чрезмерной силой свою карающую десницу, хотя я и слишком заслуживаю его немилость.

Ах, Сашенька, Сашенька! Зачем пропустила ты эту почту? Меня так волнует мука неизвестности, что в себя прийти не могу. Как ты мне дорога, милая моя! Сколь безгранична любовь моя к тебе! Ах, боже мой, боже мой! Будь для меня богом милосердия, сохрани ту, которая является частью моего существа, сохрани ее для моего счастия. Боже, наполни чашу моего блаженства. Карай меня по моим силам, а не по грехам моим. Сашенька, как я страдаю, и как страдал, и как предстоит мне страдать до другой почты! Все увеличивает мою муку.

Ты не пишешь мне, у тебя ли Катерина Федоровна со своим семейством, есть ли кто подле тебя. Твои письма так неточны, так мало осведомляют меня о событиях твоей жизни! Уповаю лишь на бога. Любезная моя Сашенька! Целую тебя в мыслях, целую прекрасные твои ручки. Боже, до чего же привлекательной и трогательной ты мне кажешься! Да хранит бог тебя, и новорожденную, и всех вас. Но я ведь не получил от тебя писем. Сердце мое стеснено. Прощай. милый мой друг. Нет, я не отваживаюсь сказать тебе «прощай». Сия мысль приводит меня в содрогание. Как полетел бы к тебе! И уж конечно, ежели только на следующей почте не получу твоих писем, ничто меня здесь не удержит. Мой милый друг, пиши ко мне и часто и обстоятельно. Скажи мне, что здорова, и наполни душу мою сладостным утешением. Целую тебя тысячу раз. Дай мне руку, мой милый друг. Соединим наши обеты и молитвы, обращенные к господу, да не оставит он нас своею милостью, да благословит намеренья наши. Да сохранит тебя для него и для меня. Трепещу, думая о гордыне подобного сопоставления. Да простит меня бог. Целую тебя, любезная моя. Кланяюсь всем друзьям нашим. Будь здорова и думай обо мне. Целую.

46

А. А. КАПНИСТ

22 мая 1788 г. Петербург

1788 года, мая 22 числа. С<анкт-> Петерб<ург>

Mon ange, ma tendre amie, душенька Саша!! Que j'ai de chagrins d'avoir laissé partir ma dernière lettre. Tu la recevras avec amertume. Mais aussi pourquoi as-tu laissé passer les postes sans m'écrire? Tu aurais pu envoyer par un

exprès et cependant ne pas manquer les postes <de> crainte de ce qui arriva, car Данило Яковлевич est venu plus tard que la poste ne serait venu. Sois plus circonspecte une autre fois, душенька, car tu ne peux pas t'imaginer quel chagrin mortel tu m'as causé, et si Данило Яковлевич ne serait venu à temps, et que cette dernière poste je n'aurais pas, comme cela est, reçu encore de tes lettres — représente-toi mon état, je serais pour sûr ou bien malade ou encore pis. Mais je rends grâce au bon dieu de ce qu'il m'a éprouvé autant que j'ai pu supporter. Après avoir écrit ma dernière lettre et ne pouvant pas sortir de chez moi à cause d'une faiblesse qui s'empara de moi à force de chagrin, le second jour on m'annonce Данило Яковлевич. Son nom me frappa. Sans le laisser entrer je fais demander s'il avait de tes lettres, il répondit qu'oui et alors représente-toi comme il était le bienvenu! J'ai reçu la nouvelle que tu te portes bien comme j'aurais reçu la nouvelle de ta résurrection. J'ai remercié le bon dieu de toutes les forces de mon âme, et comme ma faiblesse n'avait d'autres raisons que ton silence, tes lettres me redonnèrent toute ma santé. Je me lève et fuis chez la comtesse Catinca pour lui communiquer ma joie. A présent je me porte le mieux du monde.

Hier après midi je suis revenu de Sarsco-Selo, où j'ai été non pour voir la cérémonie du baptême de la grande petite duchesse Catharina, mais parce que le prince Wiazemsky a voulu présenter mes papiers à l'égard de l'affaire de la noblesse à sa majesté et les a pris avec lui. Mais il n'a pas trouvé de moments favorables de sorte que cela reste jusqu'au lundi prochain.

Je m'ennuie à la mort, et commence presque à murmurer, mais je n'ose pas, car après toutes les bontés du bon dieu j'aurais été très ingrat si je n'avais pas une patience la plus soumise à ses volontés. Souffrons, ma tendre amie, faisons ce sacrifice au bon dieu. Il doit lui être le plus agréable, car que puis-je lui offrir de plus cher, que souffrir patiemment ton absence. Ah, ma chère, ma tendre Sachinca, comme je t'aime! Cela n'a pas d'expression, et, право, tu ne peux pas m'aimer autant. Je t'embrasse mille fois. Porte-toi bien. Pense à moi, mais ne te chagrine pas. Cette poste, comme je te dis, je n'ai pas reçu de tes lettres. Ne néglige plus de m'écrire par poste, car je reçois toutes tes lettres. Je ne les recevais pas, parce qu'elles ne pouvaient pas alors encore être arrivées. Voilà cependant trois postes que tu ne m'écris pas. Adieu, ma tendre amie, je t'embrasse mille fois.

Pour les nouvelles: la comtesse vieille Мария Андреевна Румянцева est morte il y a deux semaines. Notre flotte va partir ces jours-ci 20 vaisseaux de ligne pour la Méditerranée. Les Autrichiens ont perdu auprès de Doubiza à peu près six milles hommes et trois généraux.

Adieu, ma tendre amie. Je t'embrasse. Dieu vous conserve tous. Adieu. Je pars dans dix jours, si le bon dieu le veut.

Приписка сбоку на полях:

Communique cette lettre à mon frère. Целую руки Катерины Федоровны. Племянниц целую. А на Федора плюю: зачем он ни одной строки ко мне не писал.

Перевод

Ангел мой, милый мой друг, душенька Саша! Как досадно, что отправил последнее свое письмо! Горько будет тебе получить его. Да зачем пропускаешь почту, не написав мне? Могла бы и с нарочным послать и, однако же, не пропустить почты, опасаясь того, что и получилось, ибо

Данило Яковлевич приехал позднее, нежели почта. В другой раз будь осмотрительнее, душенька: ты не можешь себе вообразить, в какую смертную тоску ты меня ввергла, и не прибудь Данило Яковлевич вовремя, не получи я и на сей почте — как оно и было — твоих писем — представь-ка себе мое состояние: уж, наверное, был бы или очень болен, или еще того хуже. Но хвала господу, что ниспослал мне посильные испытания. На другой день после того, как я написал тебе последнее письмо и не мог уйти из дому по причине слабости, овладевшей мною из-за печали, доложили о приходе Данила Яковлевича. Имя его меня поразило. Не впуская его, я велел спросить, привез ли он твои письма, он ответил, что привез, и тогда представь себе, сколь желанным гостем стал он! Известие о том, что ты находишься в добром здравии, я воспринял словно весть о твоем воскресении. Я возблагодарил господа бога всеми силами своей души, и так как слабость моя иной причины, чем твое молчание, не имела, твои письма вернули мне все мое здоровье. Я встал и побежал к графине Катеньке, чтоб поделиться с ней своей радостью. Теперь чувствую себя как нельзя лучше.

Вчера днем вернулся из Царского Села, где был не ради обряда крещения великой княжны Катерины, а затем, что князь Вяземский намеревался представить ее величеству мои бумаги, касающиеся дела дворянства, и взял их с собою. Но он не нашел благоприятного момента, так что все откладывается до будущего понедельника.

Смертельно скучаю и почти готов возроптать на бога, но не осмеливаюсь, ибо после всех щедрот его я был бы поистине неблагодарным, если бы не подчинялся покорно его воле. Потерпим, милый друг, принесем господу эту жертву. Она ему должна быть особенно угодна, ибо что я могу предложить ему более дорогого, как не обещание терпеливо переносить разлуку с тобою? Ах, дорогая, милая моя Сашенька, как тебя люблю! Слов не нахожу, и, право, ты меня столь же сильно любить не можешь. Целую тебя тысячу раз. Будь здорова. Думай обо мне, но не печалься. На этой почте, как я тебе говорил, не получил от тебя писем. Не упускай ни одной почты писать ко мне, ибо все письма доходят. Я их не получал, ибо тогда они еще не могли дойти. И, однако же, вот уже три почты, как ты мне не пишешь. Прощай, милая моя, целую тебя тысячу раз.

Из новостей: старая графиня Мария Андреевна Румянцева тому две недели умерла. Наш флот отрядит на сих днях 20 линейных кораблей в Средиземное море. Австрийцы потеряли под Дубизой около шести тысяч человек и трех генералов.

Прощай, милая, целую тебя. Храни всех вас бог. Прощай. Поеду я через 10 дней, ежели богу будет угодно.

Приписка сбоку на полях:

Сообщи сие письмо моему брату...

47

А. А. КАПНИСТ

26 мая 1788 г. Петербург

1788 года, мая 26 дня. С‹анкт-›Петерб‹ург›

Ma tendre Sachinca, ma chère amie, mon ange, ma toute aimable! Quoique je ne reçois pas trois postes de tes lettres que tu n'as pas écrites, je t'écris toujours, quoique je n'ai rien de nouveau à te dire. Je te dirai toujours quelque

chose. Premièrement je te dirai que je m'ennuie ici à la mort et que les pieds me sont liés pour partir d'ici. Cependant le prince Wiazemsky va présenter mon affaire ce lundi, et aussitôt mes pieds vont être déliés. Comme je me hâterai, ma tendre amie, comme je volerai dans tes bras! Dans tes bras où mon bonheur s'est tapi uniquement. Prie le bon dieu, ma tendre amie, avec moi, qu'il me permette au plus tôt cette consolation d'oublier dans ton sein tout, tout ce qui est du monde et de sa cohue.

Je vais te dire de moi 1t, que je me porte bien malgré mon attente, que je ne suis nulle part que ou chez la comtesse Stenbok ou chez tes parents ou chez le vieux Chemnitzer. Pour la première fois hier j'ai été au spectacle et c'est pour voir assez mal exécuter «Le mariage de Figaro». Si tu n'admires pas ma retenue et ma constance par mon insensibilité aux charmes du théâtre, tu n'admireras rien dans ta vie. Voilà comme on change, Sachinca: moi, qui ne pouvais manquer une seule pièce.

Deux fois par semaine je vais à la campagne du prince Wiazemsky, où je suis parfaitement bien reçu. Il a beaucoup de bonté pour moi et beaucoup de la confiance, et il se porte mieux, maintenant, beaucoup mieux.

Chez le comte Besborodca je vais toujours, quand il vient à la ville. Il me reçoit très bien et avec beaucoup de bonté, aussi bien que ceux qui l'entourent. J'ai chez lui les entrées toujours libres. Je vais beaucoup à pied, quoique le temps n'est pas toujours bon. Voilà ma façon de vivre ici. Tu vois, qu'elle est très uniforme, et je prie le bon dieu de la changer bientôt contre celle d'Oboucofca. Ah! ma tendre amie, que je vais sentir tout le bonheur d'être avec toi et les miens dans ma retraite, quoiqu'ici je n'ai à me plaindre de la lenteur des affaires, chose indispensable à présent. Je prie le bon dieu de faire finir bientôt mon affaire concernant la plainte de la noblesse, qui seule est cause de mon séjour ici, et de me permettre en t'embrassant d'oublier tout ce que j'ai souffert.

Tes parents se portent à leur ordinaire. Nous sommes plus liés avec Catinca qu'auparavant. Comme Machinca a inoculé la petite vérole à son enfant aîne Léonide, je ne pouvais pas venir chez elle par étiquette, car la petite grande duchesse Marie n'a pas eu encore la petite vérole. A présent je vais chez elle, car elle a passé à sa campagne auprès de monastère Névsky. Tout le monde, au reste, est dans un tourbillon et moi seul le moins de tous.

Adieu, ma tendre, ma chère amie. J'ai acheté tout ce que tu as marqué et dans ton mémoire et dans ta lettre, et je vais envoyer une partie avec la demoiselle qui ira en poste, et l'autre j'apporterai avec moi. Mes compliments à tous. Adieu, ma tendre amie. Dieu vous conserve. Je t'embrasse mille fois. Adièu, mon ange, porte-toi bien. Puissé-je avoir bientôt le plaisir de te surprendre à Oboucofca.

Приписка сбоку на полях:

Communique cette lettre à mon frère aussi bien que la sienne.

Перевод

Милая Сашенька, дорогой друг мой, ангел мой, любезная моя! Хотя уже три почты не получаю твоих писем, коих ты и не писала, продолжаю тебе писать, хоть нового ничего нет. Скажу все же кое-что. Во-первых, скажу тебе, что скучаю здесь до смерти, а ноги связаны. Однако князь Вяземский доложит мое дело в сей понедельник и мои ноги станут тотчас развязаны. И поспешу же я, и полечу в твои объятья! В твои объятья, где только и приютилось мое счастье. Моли бога, мой милый друг, вместе

со мною, чтоб возможно ранее доставил мне утеху забыть на груди твоей все, все, что исходит от света с его сумятицей.

О себе скажу, во-первых, что здоров вопреки ожиданиям, что не бываю нигде, кроме как у графини Стейнбок, или у твоих родителей, или у старика Хемницера. Вчера в первый раз был на спектакле да и то видел довольно дурно сыгранную «Женитьбу Фигаро». Ежели ты не дивишься моей воздержности и твердости, проявившихся в нечувствительности к чарам театра, то ничто никогда тебя не удивит. Вот как меняешься, Сашенька; это я-то, не пропускавший ни одной пьесы...

Два раза в неделю езжу в деревню к князю Вяземскому, где отлично принят. Он очень ко мне добр и очень доверяет; его здоровье теперь лучше, много лучше.

Бываю у графа Безбородко всякий раз, как он приезжает в город. Он очень хорошо и с большою добротою относится ко мне, так же как и все вокруг него. Я всегда к нему вхож. Много хожу пешком, хоть погода не всегда хороша. Таков мой здешний образ жизни. Как видишь, он весьма однообразен, и я молю бога поскорее переменить его на образ жизни в нашей Обуховке. Ах, милый мой друг! Счастье быть с тобою и с семьей в нашем уголке, как я его почувствую! Хотя не могу пожаловаться на медленный ход дел здесь, вещь в нынешнее время неизбежную. Молю бога привести скорее к концу мое дело, касающееся жалобы дворян (оно единственная причина моего здесь пребывания), и позволить мне, целуя тебя, забыть все, что я выстрадал.

Родители твои поживают как обычно. Мы с Катенькой более, чем прежде, сблизились. Так как Машенька привила оспу своему старшенькому Леониду, я не мог бывать у ней из этикета, ибо великая княжна Мария оспой еще не болела. Теперь буду у нее; она переехала в свою деревню подле Невского монастыря. Все, впрочем, крутятся в водовороте, а один я всех менее.

Прощай, милый, дорогой друг. Все, что ты наказывала купить в твоей памятной записке и в письме, купил и отошлю частью с demoiselle, которая поедет на почтовых, частью привезу с собою. Кланяюсь всем. Прощай, милый мой друг. Храни вас бог. Целую тебя тысячу раз. Прощай, мой ангел, будь здорова. Ежели бы я мог тотчас нагрянуть к тебе в Обуховку, какое бы удовольствие!

Приписка:

Сообщи брату моему вместе с письмом для него и это письмо.

48

А. А. КАПНИСТ

6 июня 1788 г. Петербург

1788, le 6 de juin. St.-Pétersb‹ourg›

Ma tendre amie, mon aimable Sachinca, mon ange, mon tout, je t'embrasse. J'ai laissé passer une poste sans t'écrire, parce que le jour de la poste était celui où je devais aller à la campagne du prince Wiazemsky pour savoir s'il a présenté mon affaire à sa majesté. Je fus obligé de rester chez lui toute la journée et la poste fut partie. Je te demande pardon, ma tendre amie, mais je ne suis pas fâché de te punir un peu sans l'avoir voulu, car après la lettre

que j'ai reçu par Данило Яковлевич je n'ai point reçu d'autres lettres et deux postes sont passées. En tout je compte que tu as fait passer déjà 4 postes sans m'écrire. En tout ce n'est pas bien, et te voilà punie: je n'ai point écrit une poste. Mais comme je suis bon, je vais payer le déplaisir que tu as pu ressentir de ne pas avoir reçu mes lettres, par le plaisir et la bonne nouvelle * que celle-ci te causera.

Le lundi passé, c'est-à-dire le 30 de mai, le prince Wiazemsky a présenté à Sarsco-Selo ma plainte de la noblesse à la souveraine. Elle l'a accueille avec beaucoup de bienveillance, a parlé très avantageusement de moi, se fâcha contre le gouverneur, contre Losseff et ordonna que le prince remette ma plainte au conseil. Elle a parlé de donner congé au vieux gouverneur, de déplacer Losseff. Voilà ce que le prince m'a dit, quand je vins chez lui. J'ai entendu confirmer cela par ceux qui approchent le comte Besborodca. Le dernier jeudi on a tenu conseil à la ville, et on a reçu ma plainte. Le prince n'y fut point présent, car il est indisposé, malade, mais les membres du conseil qui ont été chez lui, lui ont dit qu'ils ont résolu selon le bon plaisir, comme je t'ai le dit avant, de l'impératrice.

Hier on a tenu conseil à Sarsco-Selo et je crois qu'on a décidé mon affaire de manière avantageuse pour moi. Je remercie, ma tendre amie, le bon dieu de cette réussite. Unis tes remerciements aux miens, душенька. Bénie soit sa clémence. Sans sa divine bonté je n'aurais rien produit avec tous mes vieux protecteurs. C'est sa main qui a guidé surtout l'âme de la souveraine. J'espère qu'il finira comme il a commencé. Qu'il soit éternellement béni de toutes les puissances de nos âmes.

A présent tu vois que je suis sur mon départ. J'espère partir chaque jour, et mon impatience est à son comble. Tu ne peux point t'imaginer comme je m'ennuie ici. Je tâche de me distraire mais en vain. Un vide affreux s'est emparé de mon coeur. Je ne pense qu'au plaisir d'être avec toi, et quand je viens à penser que je ne suis pas avec toi — la mélancolie me gagne. Ah! comme je vais voler dans tes bras! Quel délice d'y oublier toutes les peines et les chagrins que je suis obligé de supporter ici. Prie le bon dieu qu'il me permette ce plaisir au plus tôt. Je t'embrasse, ma tendre amie, en attendant, mille fois en idée. Mon seul plaisir est de contempler ton portrait que j'ai placé vis-à-vis de mon lit. Voilà ma plus douce occupation.

J'embrasse nos enfants. Целую руки Катерины Федор‹овны›. Целую племянниц. Почтение мое родителям Кат‹ерины› Фед‹оровны›. Обнимаю повесу Фед‹ора› Григор‹ьевича›, ни разу ко мне не написал, а я ему в каждом письме что-нибудь да сказал. Зато не дам ему столярного инструменту приехавши.

Communiquez cette lettre à mon frère, et, душенька, ne parlez pas à qui que ce soit de la nouvelle que je vous donne concernant la réussite de ma plainte contre le gouverneur. Ceci doit être un secret jusqu'au dénouement. Adieu. Le bon dieu vous conserve. Les nouvelles sont les continuations de celles que je vous ai donné dans la lettre par Данило Яков‹левич›. Adieu.

Перевод

1788, июня 6 дня. Санкт-Петербург

Милый друг мой, любезная Сашенька, ангел мой, мое «всё», целую тебя. Не писал к тебе, пропустил почту, затем что в почтовый день был должен ехать в деревню к князю Вяземскому, дабы узнать, доложил ли

---

* *По смыслу здесь нужна перестановка:* par la bonne nouvelle et le plaisir que celle-ci te causera (*примечание переводчика*).

он государыне мое дело. Вынужден был остаться у него на весь день, и почта ушла. Прости меня, мой милый друг, но я не прочь несколько наказать тебя, хоть сего и не желал, ибо после письма, чрез Данилу Яковлевича полученного, других писем не получил, а прошли две почты. Всего считаю, что ты пропустила, не написав мне, уже 4 почты. Это совсем уж дурно, и вот ты и наказана: я пропустил почту. Но так как я добрый, то недовольство, которое ты могла ощутить, не получив от меня писем, искуплю добрым известием и удовольствием, которое оно тебе доставит.

В прошедший понедельник, 30 то есть мая, в Царском Селе князь Вяземский подал государыне от меня жалобу дворянства. Она приняла ее с большою доброжелательностью, лестно отозвалась обо мне, осерчала на губернатора, на Лосева, и повелела, чтоб князь передал жалобу мою в совет. Она говорила о том, чтоб дать отставку старому губернатору, сместить Лосева. Вот что сказал мне князь, когда я пришел к нему. Я слышал, как это подтверждали и люди, близкие к князю Безбородко. В прошлый четверг в городе собрался совет и была принята моя жалоба. Князя на совете не было, ибо он нездоров, болен, но бывшие у него члены совета ему рассказали, что вынесли постановление согласно воле государыни, о каковой я уж тебе говорил.

Вчера в Царском Селе был совет, и думаю, что дело мое решили благоприятным для меня образом. Благодарю бога за эту удачу, милый друг мой. Присоедини свою благодарность, душенька, к моей. Будь благословенно милосердие его. Без божественной его доброты я со всеми моими старыми покровителями ничего бы не добился. Душу государыни направила главным образом его рука. Уповаю на то, что он довершит начатое. Да будет вечно возноситься хвала ему в душах наших.

Теперь, как видишь, я совсем готов к отъезду. Каждый день надеюсь ехать, нетерпение мое достигло предела. Ты себе не можешь и вообразить, как я здесь скучаю. Стараюсь рассеяться, но безуспешно. Ужасная пустота образовалась в сердце. Думаю лишь об удовольствии быть с тобою, а как подумаю, что тебя со мною нет, так меланхолия и одолеет. Ах! как полечу в твои объятия! Какая отрада забыть в них все огорчения и печали, кои я вынужден здесь претерпевать. Моли бога, чтоб даровал мне сию радость возможно скорее. А покамест целую тебя, милый друг мой, в мыслях тысячу раз. Единственное мое удовольствие — созерцать твой портрет, который я поместил против своей постели. Вот самое сладостное мое занятие.

Целую детей...

Сообщите сие письмо моему брату и не говорите, душенька, кому бы то ни было о том, что я вам сообщил относительно удачного исхода моей жалобы против губернатора. До развязки сие должно оставаться секретом. Прощайте. Храни вас бог. Известия эти — продолжение тех, о которых я писал вам в письме, посланном через Данилу Яковлевича. Прощайте.

49

А. А. КАПНИСТ

16 июня 1788 г. Петербург

1788, le 16 de juin. St.-Pétersb‹ourg›

Ma tendre amie, mon ange, mon aimable Sachinca! Enfin je fais partir m-lle Gebel avec tout mon équipage. Je reste seul ici encore seulement pour quelques jours. J'espère dans trois semaines au plus long d'aujourd'hui avoir le plaisir de

te revoir et de t'embrasser. Ah! ma tendre amie, comme je souffre de notre séparation! Que je vais sentir le plaisir d'être avec toi! Je voudrais y voler! Mon âme s'élance vers toi. Je suis ici seul, isolé, abandonné à moi-même, et dans une ville où le monde fourmille autour de moi, je reste séparé de tout l'univers, étant séparé de toi. Mais je vais bientôt te revoir, tu seras mon univers, tu es et tu seras tout pour moi. Adieu, ma tendre amie. Peut-être, je viendrai aussi tôt que cette lettre. Je volerai, m-lle Gebel ne pourra pas aller si tôt. Je crois qu'elle ne viendra que dans 2 semaines, et moi, à coup sûr, dans dix jours, si je rends visite au comte Voronzoff près de Moscou, si non — dans 8 jours. Je partirai avec un postillon.

Mes affaires sont arrangées ici. Le prince Wiazemsky prend sur lui de hâter l'expédition de l'ordre de sa majesté à l'égard de ma plainte. Adieu, ma chère, je t'embrasse en idée mille et mille fois. Que je brûle d'impatience de t'embrasser effectivement. Adieu. Je baise tes belles mains. A présent je te gronderai, душенька, parce que voilà déjà 4 postes que je ne reçois point de tes lettres. Tu es devenu <oisible>, ma tendre amie, ou tu as espéré mon retour. Alors je ressens tes déplaisirs. Prie le bon dieu, ma tendre amie, il est si bon! Comme j'ai senti ici son invisible secours dans mon séjour ici!

A présent je vais te recommander la demoiselle Gebel. Pendant tout le temps que je l'observe chez la comtesse, j'ai cru remarquer dans son caractère de la douceur, de la docilité et point de caprices. J'espère que tu seras contente d'elle. Je te conseille, ma tendre amie, lorsqu'elle viendra, après quelques jours de repos de lui confier avec affabilité le soin de nos enfants. Elle les fera habiller le matin, viendra avec eux chez toi; ira les suivre à la promenade; sera assise à table entre Ganuschca et Catinca, les suivra toujours, badinera avec eux et parlera peu à peu avec eux allemand. Je te conseille de parler avec elle allemand autant que tu pourras pour accoutumer les enfants à entendre cette langue. Après tu tâcheras de lui confier l'économie privée de la table, le thé, le sucre, les confitures etc. Avec le temps elle pourra être d'un très grand secours pour toi, à ce que je pense, dans ton domicile. Au reste, je suis sûr que tu la recevras affablement. Elle est si contente d'aller chez toi, étant si longtemps restée auprès de ta soeur la comtesse.

J'ai tâché d'acheter pour toi tout ce que tu m'as ordonné. J'envoie avec m-lle Gebel presque tout, le reste viendra avec moi. Je mettrai ici le registre des choses que ne sont pas à toi. Je souhaite que toutes mes emplettes puissent t'être agréables et à vous toutes. Adieu, ma tendre amie. Je t'embrasse. Reçois de ma part particulièrement le bouquet de fleurs. Je ne vous conseille pas de vous faire des habits de ces matières avant mon retour, ou demande conseil à m-lle Gebel. On porte de <нрзб.> ronds comme ceux du couvent. Adieu, ma tendre amie, mon ange. Que j'envie le sort de m-lle Gebel qui va te voir peut-être avant moi. Comme je souhaite d'être plus tôt auprès de ma chère, mon aimable Sachinca! Mes compliments à tous.

Перевод

1788, июня 16 дня. Санкт-Петербург

Мой милый друг, мой ангел, любезная моя Сашенька! Наконец-то отправляю мадемуазель Гебель со всей моей кладью. Останусь здесь один еще лишь на несколько дней. Надеюсь самое позднее через три недели от сего дня иметь удовольствие вновь тебя увидеть и расцеловать. Ах, милый друг мой! Как я страдаю от нашей разлуки! Как почувствую удовольствие быть с тобою! Полетел бы к тебе! Душа моя к тебе рвется. Тут я один-одинешенек, предоставлен самому себе и в городе с его кишащей вкруг меня толпою далек от всех, будучи разлучен с тобою. Но скоро вновь тебя увижу, ты

заменишь мне весь мир, ты — все для меня и теперь и в будущем. Прощай, милый друг мой. Может быть, прибуду в одно время с этим письмом. Полечу, мадемуазель Гебель не сможет за мной угнаться. Она, должно быть, приедет лишь через 2 недели, а я, наверное, буду через 10 дней, ежели навещу графа Воронцова под Москвой, если же нет, то дней через 8. По почте поскачу.

Здешние дела мои улажены. Князь Вяземский берется ускорить отправление указа ее величества по поводу моей жалобы. Прощай, дорогая, целую тебя в мыслях тысячу и тысячу раз. Каким нетерпением горю обнять тебя в действительности! Прощай. Целую прекрасные твои руки. А теперь побраню тебя, душенька, за то, что вот уже 4 почты не имею от тебя писем. Ты стала ‹ленива›, милый друг мой, или понадеялась, что я уже вернусь. В таком случае понимаю твою досаду. Моли бога, милый друг мой, он так благ! Сколь ощутительно почувствовал я незримую его помощь во время своего пребывания здесь!

А теперь рекомендую тебе мадемуазель Гебель. За то время, что я наблюдал ее у графини, я заметил, что нравом она, как кажется, кротка, послушлива и ничуть не привередлива. Надеюсь, ты будешь ею довольна. Советую тебе, милый друг мой, когда она приедет, после нескольких дней отдыха тактично вверить детей ее попечению. Она оденет их утром, приведет к тебе; пойдет гулять с ними; за столом будет сидеть меж Ганюшкой и Катенькой, все время будет при них, станет болтать с ними и мало-помалу заговорит с ними по-немецки. Советую тебе, говори с нею по-немецки насколько можешь, чтобы приучить детей к этому языку. А потом постарайся поручить ей заботы о чайном столе: чае, сахаре, варенье и т. д. Мне кажется, что со временем она сможет быть очень тебе полезной в твоем хозяйстве. Уверен, впрочем, что ты приветливо примешь ее. Она уж так рада была тому, что к тебе едет, ведь она долгое время жила у графини, сестры твоей.

Постарался купить все, что ты наказала. Отсылаю почти все с m-elle Гебель, остальное прибудет вместе со мною. Приложу при сем реестр тех вещей, которые предназначены не тебе. Надеюсь, что своими покупками угодил тебе и всем вам. Прощай, милый друг мой, целую тебя. Прими от меня особо букет цветов. Не советую вам шить платья из этих материй до моего возвращения, или же посоветуйся с m-elle Гебель. Теперь носят круглые ‹нрзб.›, наподобие монашеских. Прощай, мой милый друг, ангел мой. Как завидую я участи мадемуазель Гебель, которая увидит тебя, возможно, раньше, чем я! Как хотелось бы мне поскорее очутиться подле дорогой, милой моей Сашеньки! Кланяюсь всем.

50

П. В. КАПНИСТУ

17 июля 1788 г.

Mon cher frère! rendons grâce au bon Dieu pour les forces qu'il nous a données, afin de parcourir une partie de la carrière de cette vie. Prions-le de nous en donner pour la finir et arriver au terme de notre voyage avec l'espoir d'une récompense pour les travaux et pour les peines que nous avons portées. Puisse-t-il lui-même nous guider au port où nous pourrons trouver enfin le repos qu'inutilement nous cherchons ici-bas! Votre idée sur la nécessité de la prière est bonne, parce qu'elle est un échantillon de la vérité, quoiqu'elle sente la philosophie de bien loin. Ah! mon frère, quand est-ce que vous vous délivrerez du joug

de ce désir de savoir et de connaître tout par votre propre raison? Quand est-ce que vous verrez le néant de la philosophie? Ouvrez les annales de cette science, voyez et jugez. Vous verrez la raison du philosophe déraisonner de mille manières, et toujours contente de soi-même vouloir enchaîner la raison de toute l'humanité etc.

Перевод

Любезный брат! Возблагодарим господа за то, что он даровал нам силы пройти часть жизненного пути в мире сем. Будем молить его даровать нам силу окончить сей путь и достичь конца нашего странствия с надеждою на то, что за все перенесенные нами труды и испытания воздастся нам. Да приведет он нас в место покойне, где мы сможем обрести, наконец, отдохновение, коего тщетно ищем в жизни земной! Мысль ваша о необходимости молитвы хороша, служа образцом истинности, хоть и отдает изрядно философией. Ах, брат мой! И когда только освободитесь вы от повелительного желания постичь и познать все вашим собственным разумом? И когда увидите тщету философии? Откройте анналы сей науки, всмотритесь и вдумайтесь и вы увидите, как ум философа рассуждает на тысячу ладов и, всегда довольный собою, пытается сковать разум всего человечества и т. д.

51

А. А. КАПНИСТ

13 декабря 1788 г. Кременчуг

1788, le 13 de décembre. Crementschug

Ma tendre amie! A la fin je suis venu ici et trouvé Катерина Федоровна ici. Je compte de ne rester plus de 2 jours. Je me hâte de te donner la nouvelle de la prise d'Ochacoff le 6 de ce mois, le jour de St. Nicolas. Tu trouveras tous les détails dans ma lettre à mon frère. Communique-la à notre ami Мих‹аил› Яков‹левич›. J'ai reçu ici ta lettre. Les maladies de nos enfants me font beaucoup de la peine. Prie dieu, ma chère amie. Adieu, ma tendre amie. Je me hâte d'écrire à toi et à mon frère. Adieu. Je baise tes mains. Caterina Федоровна a été à Mirgorode le même jour que j'y suis passé. Elle s'est retournée et a erré plus de 5 heures dans la nuit. Adieu. Elle se porte bien, dieu merci.

Перевод

1788, декабря 13 дня. Кременчуг

Мой милый друг! Наконец я сюда приехал и застал здесь Катерину Федоровну. Рассчитываю не задерживаться более чем на 2 дня. Спешу сообщить тебе новость о взятии Очакова 6 числа сего месяца, в день святого Николая. Подробности найдешь в моем письме к брату. Сообщи его нашему другу Михаилу Яковлевичу. Получил здесь твое письмо. Болезни детей очень меня огорчают. Молись богу, дорогой друг. Прощай, моя

милая. Спешу писать тебе и брату моему. Прощай. Целую твои руки. Катерина Федоровна была в Миргороде в тот самый день, как я его проезжал. Возвращаясь, она проплутала ночью более 5 часов. Прощай. Слава богу, она здорова.

52

П. В. КАПНИСТУ

3 января 1789 г. Обуховка

3 janvier 1789

Mon cher frère! Votre lettre du 25 passé m'a fait un sensible plaisir: j'ai cru converser avec vous. Vous avez ébranlé mon âme par l'idée de l'ingratitude des hommes envers Celui qui venait se livrer aux tourments pour leur salut. Je fus d'autant plus touché qu'en repliant mes réflexions sur le souvenir du passé, je me trouvais parmis ces malheureux ingrats. Je fus assez aveugle et obstiné pour rejetter la vérité du Christ et profaner son sacré ministère et son nom divin — fatal aveuglement! Dans quel abîme m'allait-il précipiter! J'ai souffert, il est vrai, beaucoup! Je souffre encore à présent, mais quand je mesure ces souffrances à l'énormité du crime, je trouve que le fléau n'est qu'une grâce. Il n'est pour moi qu'une école du salut. Bénit soit Celui qui n'est que bonté, que l'amour-même! Bénite soit sa sainte mission, le jour où il lui a plu de se revêtir de notre anathème, pour la briser sur la Croix! Que la foi en Lui, une foi pure et ferme doit être puissante! Que c'est peu pour elle que d'ébranler les montagnes! Elle pourrait ébranler l'univers! Une faible étincelle que sa grâce a germée dans mon coeur, me donne une force que je n'aurais jamais espérée! Elle me fait supporter mes disgrâces avec une tranquillité d'âme dont je me croyais incapable. Je l'étais aussi, mais sa clémence est venue me renforcer, je sens son invisible secours et son influence divine. C'est elle qui m'inspire un dévouement aveugle à sa volonté. Hélas! puisse mon coeur en être pénetré sincèrement! Puissé-je être en état de lui faire sans murmure le sacrifice de ce qui m'est si cher, — et qui n'est qu'un faible acquittement pour tout ce que je lui dois. Je souhaite fort de vous voir ici, mon frère! Mon fils ne traîne qu'une vie mourante, prête à s'évanouir! Je ne conçois pas comment son corps décharné et affaibli peut nourrir un souffle vivant. Il marche cependant et ne garde pas le lit. Mais bientôt il gardera à l'éternité un lit bien dur, j'ai déjà pris mon parti — aucun rayon d'espoir. Je crois que le bon Dieu ne retarde sa fin que pour mieux m'éprouver. Mais que sa volonté soit faite. Adieu.

Перевод

3 января 1789

Любезный брат! Письмо ваше от 25-го прошедшего месяца чувствительное доставило мне удовольствие; казалось мне, что я беседую с вами. Вы привели в смятение мою душу мыслию о неблагодарности людей по отношению к тому, кто обрек себя на муки ради их спасения. Тем более был я тронут, что, обращаясь мыслию к воспоминанию о прошедшем, нашел себя в числе несчастных сих неблагодарных людей. Я был довольно слеп и упрям, отвергая истину Христа и кощунственно относясь к святому его величию и к его божественному имени — роковое ослепление! В какую про-

пасть оно едва не ввергло меня! Правда, я много страдал. Страдаю еще и теперь, но когда я соразмеряю сии страдания с чудовищностью преступления, то нахожу, что этот бич — всего лишь милость. Для меня это только урок, ведущий ко спасению. Да будет благословен тот, кто представляет собою само милосердие, самую любовь! Да будет благословенно его святое дело, тот день, когда было ему благоугодно возложить на себя тяготеющее над нами проклятие, чтобы искупить его на кресте. Сколь могущественна должна быть вера в него, чистая и непоколебимая вера! Сдвигать горы — как это мало для нее! Она могла бы сдвинуть вселенную! Слабая искорка, зароненная его милостью в моем сердце, дает мне такую силу, о которой я никогда и не подозревал. Благодаря ей переношу я свои несчастия со спокойствием души, на которое считал себя неспособным. Я и был на это не способен, но милосердие его укрепило меня, я ощущаю незримую его помощь и его божественное влияние. Это оно внушает мне слепую покорность его воле. Увы! ежели мое сердце было бы искренно им проникнуто! Ежели был бы я в состоянии безропотно принести ему в жертву то, что мне так дорого и что является лишь слабым возмещением за все то, чем я ему обязан. Очень хочу увидеть вас здесь, брат мой! Мой сын влачит жизнь умирающего, и жизнь эта скоро угаснет. Постичь не могу, как в его исхудавшем и ослабевшем тельце теплится еще жизнь. Он ходит, однако, а не лежит в постели. Но скоро он навсегда ляжет в жесткую постель, уж я покорился: ни проблеска надежды. Я думаю, что господь оттягивает его кончину лишь затем, чтоб испытать меня. Но да будет воля его. Прощайте.

53

А. А. КАПНИСТ

4 марта 1789 г. Петербург

1789 года, марта 4 дня

Я на тебя сердит, мой друг, душенька Сашенька, за то, что от тебя на последней почте не получил письма. Ты верно не писала ко мне, ибо письмам пропадать никак нельзя, а ежели ты не писала хоть одну почту, то как тебе не совестно, мой друг. Удаленному от тебя, мне уже несносно и то, что я удален от тебя, а то еще и не получить от тебя писем, не знать, здорова ли ты с детьми, как препровождаешь время и помнишь ли обо мне. Le coeur se serre quand je pense à cela. Ah! ma chère Sachenca! Quelle douleur ton silence me fait sentir! Au nom de dieu, je ne te dirai rien davantage, ne laisse aucune occasion de m'écrire et de te souvenir de moi, mais non pas me faire souvenir de toi, car à chaque instant de la journée je ne fais que penser à toi. Ma tendre Sachenca, écris-moi le plus souvent possible, et ne me fais pas ressentir encore une fois la douleur que je ressens à présent à cause que je n'ai point reçu de tes lettres. Encore un coup je te pris de m'écrire souvent et en détail. Voilà déjà la 8 lettre que je t'écris et je n'ai reçu de toi qu'une seule. Je t'ai écrit une lettre de Gadets, une de Курск, une de Moscou, deux de Торжок et deux d'ici. Et voilà la troisième d'ici. En un mot, je t'écris chaque poste et me ressouviens de toi à chaque moment, et t'aime plus que jamais. Fais de même à mon égard, ma chère amie, pense et aime ton ami Васинька ton amant Васиньку ж et ton tendre amant Васиньку ж.

J'espère qu'à moment que je t'écris cette lettre, ton cher père et ta chère

mère et tous tes chers parents sont déjà chez toi. Как я завидую тебе. Ты с ними теперь проводишь время с приятнейшим удовольствием, а я удален от тебя и от них.

Перевод

...Сердце сжимается, как о сем подумаю. Ах, дорогая моя Сашенька! Какую боль причиняет мне твое молчание! Бога ради, ничего более тебе не скажу, не упускай ни малейшей возможности писать ко мне и обо мне вспоминать, а не меня заставляй вспоминать о тебе, ибо я и так о тебе думаю каждую минуту. Милая Сашенька, пиши мне как можешь чаще и не причиняй в другой раз той боли, что испытываю теперь, не получая от тебя писем. Еще раз молю тебя писать ко мне часто и обстоятельно. Пишу тебе уже 8-ое письмо, а от тебя получил лишь одно. Написал тебе одно письмо из Гадяча, одно из Курска, одно из Москвы, два из Торжка и два отсюда. Это уже 3-ье письмо отсюда. Одним словом, пишу тебе по каждой почте, каждую минуту вспоминаю о тебе и люблю тебя более, чем когда-либо. Будь и ты такою же по отношению ко мне, дорогой друг мой, вспоминай и люби друга твоего Васиньку, возлюбленного твоего Васиньку ж и нежного твоего любовника Васиньку ж.

Надеюсь, что теперь, когда пишу сие, любезные твои батюшка и матушка и все дорогие твои родственники уже к тебе приехали...

54

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

10 мая 1789 г. Обуховка

Любезный друг Г‹аврила› Р‹оманович›. Письмо ваше от 24 апреля получил; какое оно возбудило во мне чувство, известно душе моей. Так давно видя изготовившиеся вам неприятности и бессилен будучи отвратить их, оставался я в стесненном ожидании, не минут ли как-нибудь вас они. Выезжая с Петерб‹урга›, я имел к тому слабую надежду, но вдруг получил от Николая Александровича разительную для меня весть о вас. Умирающие тогда около меня сыны мои не занимали всей моей души: она была исполнена скорбию о вас, скорбию, свойственною той дружбе, которою я с вами связан и которая составляет великую часть моего благоденствия. Бессилен помогать, мне оставалося лишь сострадать с вами. Несколько раз принимался писать к вам; перо падало из рук; печаль моя не находила слов. Я опасался, чтоб изображением чувств моих я не растравил более вашей горести. Решился молчать, и терпеть, и желать, и молить бога, чтоб он обратил ваши неприятности в покой и удовольствие. Не зная, где вы, наведывался о том от друзей моих. Наконец, Ник‹олай› Александр‹ович› уведомил меня, что К‹атерина› Я‹ковлевна› в Петербурге, а вы в Москве. После сего получил я ваше письмо.

Ежели когда-нибудь, любезный друг, вы верили, что я вас люблю, то поверьте теперь без моих изъяснений, сколько ваше состояние меня раздирает. Многого я лишился: но ваши лишения чувствительны мне отлично. Я привик уже претерпевать, но зная, что вы этой неприятной привычки с Катериною Яковлевною не сделали и не присвоили себе, перенося себя в ваше положение, претерпевал и терплю за вас несказанно

и буду терпеть, пока вы не уверите меня, что не даете воли неприятностям над душою вашею и несете их равнодушно как мнимое или как наложенное свыше иго с должною покорностию. Вы знаете, любезнейший друг, что скорби, наносимые нам миром, суть тщета, равно как и удовольствия и прелести. Скорби же, богом посилаемые на нас, благи нам по многому по слову: блажен, его же аще накажеши, господи! В сих мыслях, любезнейший друг, примайте судьбу вашу и не преклоняйтесь на роптание противу воли всевишнего лишным скорбением. Но я забываюсь. Мне ли о сем толковать вам? Лучше умолкнуть, чем, может быть, огорчать вас утешением, не нужным вам. Но простите его, оно внушено дружеством, которому многое простить можно. Вы говорите, что сердиты на всех нас за нашу ветренность. Но в чем же моя ветренность? Что мог я сделать и что упустил я? Нет, ежели б я мог моим несчастием вам помочь, я бы, может быть, не стал раздумывать. Но еще повторяю: что мог я? Мне несказанно прискорбно, ежели вы меня чем-нибудь виноватым почитаете, но я уверен, что вы не вините меня. Но сделайте одолжение дружеское, отпишите ко мне об вас обстоятельно. Дайте мне способ или погрустить с вами или утешиться. Не откажите мне сея милости. Я вас об ней душевно прошу. Молчанием вашим вы меня наичувствительнейше оскорбите. Прощайте. Дай бог, чтоб я от вас приятные вести получил. Да утешит вас бог, да устроит и печали ваши в радость. Прощайте. Обнимаю вас в мыслях. Прощайте. Хочу писать к Катерине Яковлевне, не знаю, соберусь ли с силами.

Бумагу подписанную, как вы велели, возвращаю вам.

55

А. А. КАПНИСТ

19 мая 1789 г. Трубайцы

1789, le 19 de mai. Troubayzi

Ma chère amie! Enfin je suis de ‹нрзб.› et de ‹нрзб.› de retour. J'y étais allé pour compter ‹нрзб.› pour la vente de foin et pour voir mon frère. On a vendu du foin presque pour 4.000 roubles. Je n'ai pas trouvé mon frère. Il était allé à Crementschuc à la rencontre du prince. Après demain nous partons avec mon frère à Kiew. Adieu. Je reviendrai si le bon dieu le veut pour le I-er ou le 2. de juin à Oboucofca. Je prie le bon dieu qu'il puisse daigner accomplir mon souhait. Adieu, ma tendre amie. Je t'embrasse mille fois. Справься с Терентием, сколько вам на месячное нужно ржаной муки, пока размер начнется браться из мельницы, и ежели будет у тебя довольно ржаной муки, то прикажи Терентию отпустить те кули, которые он скупал на мой счет, подателю сего от брата П‹етра› Вас‹ильевича› за распиской.

Пожалуй еще, мой друг, прикажи Терентию скупить овса, чтоб как брат Ник‹олай› Алек‹сеевич› приедет, было чем кормить лошадей, а также, чтоб и о траве подумал он, нужной для корма же тех лошадей. Еще, пожалуй, вели очистить те избы, где зимою садовина была, чтоб поместить приезжих людей наилучше. Строение, бога ради, вели всем (?) можно поспешать, равно как и все Терентию мною письменно приказанное. Катерина Фед‹оровна› скоро к тебе будет, то есть дней через пять от сегодни. Советую тебе перейтить в твою спальню, как она приедет. Брат

Ник<олай> Алек<сеевич> будет в угольной. Как я приеду, то, может быть, будет к нам и брат Н<иколай> В<асильевич> и брат П<етр> В<асильевич>, может быть, и Ив<ан> Ив<анович> Лорер. Надобно будет тебе подумать, как всех с женами поместить выгодно. Прощай, душенька. Дай бог, чтоб ты была покойна и здорова. Ходи больше, да не грусти, бога ради. Молись богу, чтоб я возвратился скоро здоров. Может быть, и Кат<ерина> Осиповна с мужем будут к нам и точно как я приеду. Пожалуй, душенька, прикажи баню всю вычистить найлучше, выбелить, окна исправить и вымыть. Там как съедемся, можно будет жить кому-нибудь. Также и где зимой теплуша была. Вели как найлучше обделать и вычистить, чтоб и там кому-нибудь из гостей жить можно было. А слуг расставим по квартирам. Прощай, мой друг! Бог с тобою.

Ежели Дрон в Обуховке, то скажи ему, чтоб без духа сюда поспешал: ему сказано ехать до меня в Трубайцы, а он бог знает куда поехал и бесит меня.

Перевод

1789, мая 19 числа. Трубайцы

Дорогой друг! Наконец-то вернулся из <нрзб>. Был там, чтобы счесть <нрзб.> для продажи сена и повидать брата. Сена продали почти на 4000 рублей. Брата не застал. Он поехал в Кременчуг навстречу князю. Послезавтра едем с братом в Киев. Прощай. В Обуховку вернусь, ежели бог позволит, 1-го или 2-го июня. Молю бога, чтоб дал исполниться моему желанию. Прощай, милый друг мой. Тысячу раз целую тебя...

56

П. В. КАПНИСТУ

12 января 1791 г. Киев

1791 г. 12 генваря. Киев

Радуйся, любезнейший друг, враги мои ничтоже успеша. Я еду верхом, а они идут пеши. Мих<аил> Никитич так меня после первого объяснения принял, как лучше желать я не мог. Невинность моя торжествует. Он в глазах всех старается оказывать мне отличность. Я сыскал в нем человека справедливейшего и воздающего беспристрастно каждому должное. Он привязывает меня к себе разными учтивостями. Ежели б его долго подержать здесь, то Киев оживотрится. Он окружает себя достойнейшими людьми, <дельным> директора экономии, человека ученого и весьма мило вояжировавшего г. Батурина. Вице-губернатор едет в столицу, а губернатор несет небылицу, но скоро полезет на попицу. Словом, все из тьмы кромешныя приходит в свет. А затем прощайте. У нас театры, редуты заводятся, как у людей. На старости чтоб и нас с вами не сманили жить здесь. Прощайте. Марии Павловне кланяюсь. Пожалуйте, письмо к Сашеньке тотчас отошлите.

А. А. КАПНИСТ

12 января 1791 г. Киев

1791, генваря 12 дня. Киев

Ma chère, ma tendre amie Sachinka! Nous sommes arrivés ici dieu merci heureusement, le 3 de ce mois. Le général-gouverneur après la première explication m'a reçu très favorablement, et m'a marqué à la face du public beaucoup de déférence. Tous mes ennemis sont confondus. Rends grâce à dieu, c'est lui qui me protège visiblement. En un mot, il fait tout au monde pour marquer l'estime et le cas qu'il fait de moi. Семен Ермол<аевич> et le reste de la cohue crèvent de dépit. En un mot le bon dieu a fait triompher mon innocence et mes ennemis sont à bas. Il semble, qu'il veut m'attacher à lui à Kiew par son amitié et ses bonnes grâces. Hier je lui ai rendu les sommes et les comptes de la princesse, et il a redoublé ses bontés. Il ne fait que répéter chaque jour ses souhaits de me fixer ici, je tâche d'éluder mon consentement, mais avec beaucoup de difficultés, tant il est prévenant. Malgré tout cela j'espère partir dans 10 jours au plus tard pour courir dans tes bras, et crois, que je ferai tout mon possible pour le faire encore plus tôt. Adieu, ma tendre amie. Après les bonnes nouvelles je n'ai rien à te dire davantage et je me hâte de finir, car la poste part aujourd'hui et c'est dimanche. Il faut m'habiller pour aller chez le général-gouverneur. Je ne me pardonnerai pas d'avoir comme cela fait passer la dernière poste sans t'écrire. Adieu. Porte-toi bien. Adieu, ma tendre amie. Mes compliments à tous. Adieu. Je t'embrasse en idée. Baise Catinca pour moi. Adieu.

Le gouverneur quoique parent du général-gouverneur est par lui méprisé et à chaque fois contrarié.

Envoie cette lettre à mon frère.

Тут уже явились театры, <нрзб.> клобам и прочее. Мих<аил> Никитич старается сделать киевлян людимыми.

Перевод

Мой дорогой, милый мой друг Сашенька! Мы, слава богу, благополучно приехали сюда 3 числа сего месяца. Генерал-губернатор после первого объяснения принял меня очень благоприятно и выказал мне при всех большое уважение. Враги мои посрамлены. Возблагодари господа, он явно мне покровительствует. Одним словом, генерал-губернатор все делает, чтобы показать, что он меня уважает и мною дорожит. Семен Ермолаевич и прочая братия лопаются с досады. Одним словом, господь дал восторжествовать моей невинности, и враги мои повержены. Кажется, он хочет оставить меня в Киеве, привязать к себе дружеством и обходительностью. Вчера я возвратил ему деньги и счета княгини, и он удвоил свою благосклонность. Каждый день твердит он о своем желании удержать меня здесь. Большого труда стоит мне увильнуть от согласия, настолько он предупредителен. Несмотря на все это, надеюсь выехать самое позднее чрез 10 дней, чтоб лететь в твои объятия и, поверь, сделаю все, что могу, чтобы уехать еще раньше. Прощай, мой милый друг. После добрых вестей более сообщить тебе ничего не имею. Спешу закончить, ибо почта отправ-

ляется сегодня, а нынче воскресенье. Я должен одеться, чтоб ехать к генерал-губернатору. Не прощу себе, ежели, как давеча, пропущу почту, не написав тебе. Прощай. Будь здорова. Прощай, мой милый друг. Кланяюсь всем. Прощайте. Целую тебя в мыслях. Поцелуй за меня Катеньку. Прощай.

Генерал-губернатор, хоть губернатор ему и родственник, его презирает и на каждом шагу прекословит.

Перешли сие письмо моему брату...

58

А. А. КАПНИСТ

19 января 1791 г. Киев

1791, le 19 de janvier, Kiew

Ma tendre amie, ma chère Sachinca! Bientôt j'aurai le plaisir de te revoir. Dans quelques jours j'arrangerai toutes mes affaires, il ne me reste que de congédier les Italiens. Au reste cela va le mieux du monde avec moi ici. Je ne puis pas assez me louer de bonnes grâces du général-gouverneur, et de civilités et distinction dont il me comble. Il est très visible qu'il veut m'attacher à lui par toutes sortes des égards. Tous mes ennemis ont mordu la poussière. Le bon dieu a fait triompher mon bon droit. Prie-le, ma chère amie, qu'il daigne accomplir tous mes voeux, et le plus cher est celui de te revoir bientôt et en bonne santé.

J'ai reçu de toi une seule lettre, dans laquelle tu m'as envoyé une lettre de Catinca. Je lui ai repondu par une occasion sûre, et lui ai fait savoir que j'approuve les bracelets.

Mais cela me fait de la peine que tu ne m'écris point par la poste. J'ai cru que tu m'enverras ton journal. Mais je tâcherai de venir le plus vite chez toi, pour aller chez nos vieillards. Cela me fait de la peine que Ник<олай> Алексеевич est obligé de partir pour Riga. Nous ne possederons pas ton cher père et ta chère mère cet été. Voilà, ma chère amie, comme l'homme propose et dieu dispose! Que sa volonté soit faite! Comme j'aurais souhaité d'être avec toi, tu ne peux pas imaginer, comme le temps me paraît long!

Фед<ор> Григорьевич est parti à Coselez et à Чернигов pour ses affaires. Il va revenir demain, j'espère. Осип Федор<ович> est aussi parti chez la belle mère. Je suis seul avec notre ami et très bon ami Ив<ан> Ив<анович> et Авдотья Ивановна, qui m'aiment beaucoup et qui t'aiment beaucoup aussi. Je suis presque chaque jour et chaque soir chez le général-gouverneur, il me fait rester à dîner toujours. Tous ceux qui l'environnent recherchent mon amitié. Mais je ne finirai pas à me louer de lui. Mais il faut finir. Adieu donc. Je t'embrasse mille fois en idée. Je t'embrasse encore. Adieu. Envoie la lettre incluse à mon frère tout de suite. Adieu. Mes compliments à tous. Adieu. Que le bon dieu soit avec toi. Je t'embrasse. Adieu.

Фед<ор> Григорьевич сейчас возвратился из Козельца и Чернигова и привез свои <нрзб.> пожитки.

Авд<отья> Ив<ановна> и Ив<ан> Ив<анович> тебе кланяются. Припиши им в письме твоем.

Внизу той же страницы приписаны заключенные в рамку слова:

A mr. mr. Stempel, homme de chambre de son altesse impérial monseigneur le grand duc de toutes les Russies — à St.-Pétersbourg.

Перевод

1791, января 19 числа. Киев

Милый друг, дорогая моя Сашенька! Скоро буду иметь удовольствие свидеться с тобою. За несколько дней улажу все свои дела, мне остается еще распустить итальянцев. Впрочем, все тут у меня идет превосходно. Не могу довольно нахвалиться благоволением генерал-губернатора, его любезностью и отличностию, которою он меня удостаивает. Он явно хочет привязать меня к себе разными учтивостями. Враги мои повержены в прах. Господь дал восторжествовать моей правоте. Проси его, дорогой друг, чтоб дал исполниться всем моим желаниям, а самое дорогое мое желание — поскорее увидеться с тобою и найти тебя в добром здравии.

Получил от тебя одно-единственное письмо, в которое ты вложила письмо Катеньки. Я ответил ей с надежной оказией и объявил, что браслеты одобряю. Но меня огорчает, что ты не пишешь по почте. А я-то думал, ты пошлешь свой дневник. Да я постараюсь как можно скорее к тебе приехать, чтоб <нам> отправиться к старичкам. Жаль, что Николаю Алексеевичу придется ехать в Ригу. Любезные твои батюшка и матушка нынче летом у нас не будут. Вот видишь, дорогой друг, человек предполагает, а бог располагает! Да будет воля его! Как хотелось бы мне быть с тобою, ты и вообразить не можешь; сколь долгим кажется время!

Федор Григорьевич уехал в Козелец и Чернигов за пожитками своими. Думаю, вернется завтра. И Осип Федорович уехал к своей теще. Я тут один с нашим другом и другом очень добрым, Иваном Ивановичем и Авдотьей Ивановной, кои любят и меня, и тебя. Почти всякий день и всякий вечер бываю у генерал-губернатора, и он всегда оставляет меня обедать. Лица из его окружения ищут моей дружбы. Но довольно мне хвалиться им.

Надобно кончать. Прощай же. Тысячу раз целую тебя в мыслях. Еще раз целую. Прощай. Приложенное письмо тотчас перешли брату. Прощай. Кланяюсь всем. Прощай. Бог с тобою. Целую тебя. Прощай. . .

Приписка:

Г-ну Штемпелю, камергеру его императорского высочества великого князя всея Руси, в Петербург.

59

А. А. КАПНИСТ

19 января 1791 г. Киев

1791 года, генваря 19 дня. Киев

Любезнейший друг! Я надеюсь скоро иметь удовольствие вас видеть. Все почти дела мои я здесь кончил, только распущу Италию. Повторяю вам те хорошие вести, которые я уже сообщил в образе Михайла Никитича со мною обращения. Не могу довольно нахвалиться ласками его и отличностию, которою он меня удостаивает. Почти каждый день он оставляет меня у себя, словом: сии быша спять и падоша, мы же устояхом и исправихомся. Благодарение богу. Нового здесь, что князь Потемкин едет чрез Москву в Петербург. Василий Степанович будет сюда скоро. Измаил стал недешево. Безбородко ранен, но легко. Поляки молчат. Думают, что

князь, возвращаясь, будет в Киеве. Дай бог, чтоб он мир привез. Впрочем, самое лучшее то, что Михайло Никитич так приемлется за все части правлений, что скоро весьма хорошие плоды трудов его вкусим. Это отменный человек. Сколько я слышал об нем хорошего, но вдвое более вижу. Ежели бы он с открытия наместничества у нас был, то бы мы были и просвещены и счастливы. Дай бог, чтоб он долее пробыл.

Прощайте. Будьте здоровы. Малый бегал в Козелец и Чернигов за пожитками своими и сие утро приехал. Скоро будем к вам. Прощайте. Марии Павловне кланяюсь, и хозяин мой и хозяюшка вам кланяются. Прощайте. Прошу приложенные письма доставить.

60

А. А. КАПНИСТ

27 января 1791 г. Киев

1791 года, января 27 дня. Киев

Sachinca, ma chère, ma tendre amie! J'ai reçu ta lettre, suivie de celle de Poltorazky et de Narischkine. Je suis ravi de savoir que tu te portes bien. Fais, ma chère amie, le plus de motion, qu'il te sera possible. Je crains toujours que tu ne t'aies accoutumée à rester les bras croisés, c'est qui te sera très préjudiciable dans l'état où tu te trouves.

Je suis fâché de la mort de Baraschek. Ordonne qu'il y ait toujours de l'eau dans la chambre à dîner où les chiens puissent toujours se désaltérer. Tâche d'accueillir bien Vounderlich et sa femme qui sera ta porteuse des clefs.

Ordonne à Martin de faire promener les jeunes chevaux souvent.

Фед‹ор› Григ‹орьевич› qui t'apportera cette lettre te dira tout ce qui me regarde. Ainsi je ne te fatiguerai pas par une longue relation; suffit que tout va très bien. Le général-gouverneur paraît commencer à m'aimer et me distingue de tout le monde. J'ai arrangé avec lui toutes mes affaires à mon contentement et mes ennemis sont confondus. Le bon dieu m'a aidé; rends-lui grâce, ma chère et tendre amie. J'aurais pu partir dans deux jours, mais je resterai quelques jours de plus pour tâcher de faire du bien à notre ami Иван Иванович, à qui dans tes lettres tu ne dis jamais un seul mot. Ce n'est pas poli; il faut ne pas oublier ses amis. Dis un mot de politesse dans tes lettres à lui et à Авдотья Ивановна.

Encore un motif qui me fait rester est Елизавета Николаевна Апостолова, qui est venu chercher la protection du général-gouverneur et elle n'a que moi qui peut solliciter pour elle. Mais je tâcherai, ma tendre amie, de m'expédier au plus vite, car, crois-moi, mon impatience de te revoir est extrême, mais il faut ‹faire› du bien aux autres, quand le bon dieu en a fait tant pour nous. Adieu. Je t'embrasse mille fois. Ecris-moi toujours. Si tes lettres ne me trouvent pas ici, elles me seront renvoyées. Adieu. Je t'embrasse encore. Pense à moi et tâche de te porter bien. Adieu. Baise Catinca pour moi. Dieu soit avec vous tous. Adieu. Prie pour moi le bon dieu. Adieu. Envoie tout de suite à mon frère la lettre ci-incluse. Adieu.

Мих‹айло› Михайлович Бакунин выпущен подполковником и поехал чрез Киев в армию.

На новом листке другим почерком:

Ma chère soeur,

pardonnez-moi d'avoir ouvert votre lettre. C'est l'impatience de lire la mienne qui m'a poussé de faire cette indiscrétion.

Je suis votre très humble serv‹iteur›
P. Kapnist

Перевод

Сашенька, дорогой, милый мой друг! Получил твое письмо вместе с письмом от Полторацкого и Нарышкина. Очень был рад узнать, что ты здорова. Делай, дорогой друг мой, как только можешь больше движения. Я все боюсь, что ты привыкла сидеть сложа руки, в твоем положении сие очень было бы вредно.

Я огорчен смертию Барашка. Вели, чтоб всегда была вода в столовой, где собаки могли бы утолять жажду. Постарайся хорошо принять Вундерлиха с женой, она будет твоею экономкой.

Вели Мартину почаще проваживать молодых лошадей.

Федор Григорьевич, который тебе доставит сие письмо, расскажет все, что до меня касается. Посему не буду утомлять тебя длинным повествованием, довольно того, что все идет хорошо. Генерал-губернатор, кажется, начинает меня любить и от всех отличает. Я удачно уладил с ним все свои дела и враги мои посрамлены. Господь мне помог, возблагодари его, дорогой, милый друг мой. Я мог бы уехать чрез два дня, но задержусь еще на несколько дней, чтоб попытаться помочь другу нашему Ивану Ивановичу; в своих письмах ты ему никогда ничего не передаешь, это невежливо; надобно не забывать друзей. Передавай ему и Авдотье Ивановне необходимые поклоны в твоих письмах.

Еще одно задерживает меня: приехала Елизавета Николаевна Апостолова искать протекции у генерал-губернатора, и за нее некому похлопотать, кроме меня. Но я постараюсь, милый друг мой, как можно скорее разделаться, ибо, поверь мне, крайне не терпится увидеться с тобою, да надобно делать добро другим, когда господь столько его для нас содеял. Прощай. Целую тебя тысячу раз. Пиши по-прежнему. Ежели письма твои не застанут меня здесь, они будут мне пересланы. Прощай. Еще раз целую. Думай обо мне и будь здорова. Прощай. Поцелуй за меня Катеньку. Бог с вами со всеми. Прощай. Молись обо мне богу. Прощай. Перешли тотчас брату приложенное при сем письмо. Прощай...

На новом листке:

Любезная сестра,

простите, что вскрыл посланное вам письмо. К подобной нескромности толкнуло меня нетерпение прочесть письмо, мне предназначенное.

Остаюсь покорнейшим слугою вашим

П. Капнист

61

А. А. КАПНИСТ

11 февраля 1791 года. Киев

1791 года, февраля 11 дня. Киев

Душенька, Сашенька, мой друг, сию минуту Елизавета Николаевна выезжает к тебе. Я надеюсь за нею поутру в пятницу выехать и, может быть, вместе с нею быть к тебе. Пожалуй, мой друг, сделай, чтоб ей у тебя

не скучно было. Я уверен, что ты обрадуешься ей, затем, что ты ее любишь, но она скучает о своих хлопотах. Старайся ее как можно развеселить до моего приезда.

Прощай, душа моя. Сию секунду я должен ехать к Михаилу Никитичу, у которого я сделался весьма нелышным человеком. Прощай, целую твои руки и тебя в мыслях. Прощай, душенька. Будь здорова. Бог с тобою.

Рекомендую тебе серую лошадь. Вели ее весьма хорошо смотреть. Она клад — не лошадь. Прощай. Целую тебя в мыслях. Ох, когда скорее вырваться отсюда.

62

КИЕВСКОМУ ПРОТОИЕРЕЮ И. В. ЛЕВАНДЕ

29 августа 1791 г. Обуховка

1791 года, августа 29 дня. Обуховка

Церковь моя безгластвует. Два дьячка пияно-певшие волею божею скончашася. Здесь обретаются в живых, но уже над мерою пияниссимо поющие. В церкве Успения на Подоле существует у вас, как слух котится, диак, именем неизвестный, волосом златовиден, поющий вельми лепо. Ежели он вам не нужен, то нельзя ли, любезный батюшка, друг и благодетель! ублажить его, чтоб он согласился быть у меня в церкве, чтоб иерей не тщетно вопиял нам, прихожанам: Умеяй уши слышати да слышит. Затем прощайте. Молите бога о нас, а мы любим вас.

Ваш верный друг и слуга
Василий Капнист

На обороте письма:

Милостивому государю моему батюшке, почтенному протоиерею соборния Софийския церкви Леванде в Киеве.

63

А. А. КАПНИСТ

11 ноября 1791 года. Кременчуг

1791 года, 11 ноября. Кременчуг. Среда

Душенька, Сашинька! завтра поутру я переправлюсь чрез Днепр и по почте поскачу в Екатеринослав и чрез 4 или 5 дней буду опять сюда, где говорят, что я застану губернатора и генерал-провиантмейстера Бока и постараюсь у них выманить деньги. Новинки следуют: князь предчувствовал, что ему умирать. Причиною смерти его обжорство. 30 числа сент‹ября› в день рождения своего он сказал, чтоб г. лекаря его не беспокоили, ибо он точно умрет. Его все внутренно жгло. И он все себя холодною водою опрыскивал. Прежде он исповедался и причастился и

миром соборовался. Потом захотел выехать для перемены воздуха в Николаевск. На первой почте заснул. Ночью поздно проснулся и нетерпеливо велел отъехать далее. Отъехав несколько верст, почувствовал, что ему дурно, велел остановиться; подбежавшим к нему сказал, что он уже их не видит, чтоб его вынесли, что он уже умирает.

Как в торопливости смешались, то он сам ногу на ступеньку поставил, сошел. Ему послали матрас и он, на него легши, попрощался и умер. Графиня Браницкая бросилась в беспамятстве на него и стала ему дуть в уста. Ее подняли и оторвали от него. С ним были, кроме ее, Фалеев, Львов и Кишинский. Это правда, что он облил себя водою холодчою. Но это уже было от нестерпимого антонового огня, сожегшего всю внутренность ему, как по разрезании оказалось. Его погребут в Херсоне. Эти подробности слышали здесь от Сергея Лавр. Львова, проехавшего к жене в деревню сегодни до света.

Теперь о политике с вами, любезный друг, Иван Иванович: догадки ваши ни одна не сбылася; бал был у Эрмитажа, как курьер привез весть о смерти князя. Все баловое исчезло. Совет экстраордичарный собран, и государыня тотчас выслала графа Безбородко в Яссы. Потом заворотила его и чрез сутки опять отправила в путь. За ним в кибитках прискакали Мих. Сергеевич Потемкин и генерал-провиантмейстер Бок в Яссы <считать> там комиссариатскую, а сей провиантскую части. Мих<аил> Сергеевич по неладам с к<нязем> отпущен был на год в отпуск. У Бранеева требуют отчета за флот черноморский и его, равно и Вас. Степановича, зовут в столицу.

Тотчас по узнании смерти княжей прислан указ из Сената с наложением взыскания с наместн. правления и вице-губернатора 220 000 рублей за соляное полтавское дело. Эк поворотили!!! Кто будет наместником, неизвестно, но, по-видимому, не *Ганнибал*. Вас. Ивановича Туоченинова потребовали сейчас в Яссы Мих. Сергеевич. Говорят, что граф Браницкий приехал в Яссы и отвез графиню в Белую церковь, а оттуда она поедет в Петербург!!! Команда армиею препоручена Каховскому. Государыня писала рескрипт к Василию Степановичу, обнадеживая его. Говорят, что Рахманов Николай Мих. после смерти князя оказал к нему свое негодование за то, что он Самойлова и Рибаса, а не его выбрал советниками конгресса, и когда выносили тело, то он поехал на охоту. Вот благородная гордость! Ник. Семенович Ефремовский тоже умер. Друг его Фалеев, приехавши с похорон княжеских, приехал его похоронить. Эк, умирают.

Вот вам все новости. Более нет, прощайте, бога ради не скучайте.

Прощай, душенька Сашенька. Почтение мое Авдотье Ивановне. Покупи при сем и при реестре следуют. Сие письмо сообщи Мих. Зиновьевичу. За краткостию времени к нему особо не пишу. Прощай, душенька. Будь здорова. Не скучай. Прощай. Целую тебя в мыслях. Прощай.

На поле:

Табак какой лучший сыскал, таков пошлю. Ручного не было.

Прибавление новостей.

Князь предчувствовал свою смерть таким чрезъестественным образом: когда поставили тело покойника брата великой княгини на маты, то ему не скоро подали карету ехать за ним, и он сел на маты и потом сказал, что и ему умереть. Когда при причастии уже читан был «Апостол», то о смерти случилось в оном слово. Он и тут подтвердил, что ему уже не жить. Когда причащался, то частица из ложечки упала, почему он и в третий раз заключил о неминуемой смерти своей. Приметить нужно господину придворному политику, что царица, собрав совет, отправя Безбородко графа, уже ввечеру велела себе кровь пустить по причине князевой смерти!?!!

Препровождаю тебе письмо брата Вас<илия>, сейчас полученное.
Препроводи к Михаилу Зиновьевичу с сим моим письмом письмо, надписанное на его имя.

64

А. А. КАПНИСТ

10 декабря 1792 г. Москва

Le 10 de décembre 1792. Moscou

Ma tendre, ma chère amie Sachinca! Enfin avant-hier je suis arrivé ici. Le chemin était effroyable par la quantité de выбои. Épuisé de fatigue, j'arrive et vais descendre dans la maison de madame Chlebnicoff où j'esperais trouver Ник<олай> Александрович. Mais représente-toi mon étonnement d'y trouver inopinément madame Chlebnicoff elle-même avec Дмит<рий> Марк<ович>, Анна Петровна и Фед<ор> Маркович avec Варв<ара> Афанасьевна. Je les ai cru à leur terre de Calouga, mais ils sont tous venus comme exprès pour me voir, quelques jours avant moi. J'étais très content de cette rencontre comme tu peux t'imaginer. Ils me logent chez eux. Je m'informe de la famille de mr. le comte Voronzoff et j'ai pour réponse la triste nouvelle que leur bonne mère la comtesse est morte depuis quelques semaines. Comme tu sais mon attachement pour cette famille, tu peux te représenter si cette nouvelle m'a frappé. Je vais les voir, consoler la pauvre Авд<отья> Ивановна qui ne respire que la tristesse.

Mon plan de repartir le lendemain de mon arrivée a été culbuté par ces événements. Je ne pouvais pas ne pas donner quelques jours au devoir de l'amitié consolatrice, et je ne pars que demain. Je suis aise aussi de me reposer et de faire reposer un peu mes gens.

La famille du comte souffre beaucoup de sa perte et surtout la jeune comtesse Авд<отья> Ив<ановна>. Le comte Арт<емий> Ив<анович> va à St. Pétersb<ourg> comme sénateur, mais la comtesse Авд<отья> Ив<ановна> reste ici avec sa soeur Анна Ив<ановна> Нарыш<кина>. Ils ont été ravis de m'avoir. Ils t'aiment beaucoup tous. Il n'est pas besoin de dire que la famille de Poltorazky a été enchantée de mon arrivée. Je reste chez eux et donne presque tout mon temps à la famille du comte. Mais demain je pars. Les chevaux sont déjà arrêtés. Je crois trouver Ник<олай> Алекс<андрович> à Черенчицы, où je ne resterai que quelques heures. J'ai mis à profit mon temps en m'instruisant de l'état de la politique à St. Pétersbourg, et en prenant des lettres de recommandation qui me seront de la plus grande utilité. J'espère encore plus à présent de voir échouer toutes les entreprises de mes ennemis et le bon dieu me fortifie dans cet espoir. Remplis-en ton coeur, ma tendre amie, et supporte notre séparation sans murmure. Prends soin de ta santé surtout. C'est la chose dont je te conjure le plus. Je t'embrasse en idée, ma chère amie. Que la main du bon dieu soit sur vous! Ecris-moi souvent, chaque poste, n'y manque pas au moins. Tu me jettera par un moment de silence dans une inquiétude mortelle.

Je me porte bien, ma tendre amie, après avoir pris ces trois jours de repos. Porte-toi aussi bien avec nos enfants et tous les nôtres. Je t'embrasse en idée mille fois.

Il n'y a aucune nouvelle intéressante, excepté que ce n'est pas vrai que le confesseur de sa majesté soit mort, comme je l'ai entendu à Charkoff. Adieu donc, ma tendre amie, adieu. Console-toi par l'espoir de me revoir bientôt

et victorieux de tous mes ennemis. Adieu. Que le bon dieu soit avec vous. Je n'écris rien à mon frère. Communique-lui cette lettre. Je n'ai aucune nouvelle à lui mander, mais de la capitale il aura un jouranl complet. Je l'embrasse en idée. Mes compliments à Иван Иванович et Авдотья Ивановна. Prie-les de m'écrire et dis-leur que je les prie de ne pas te délaisser. Ils ont été, je crois, très étonné de mon évasion. Adieu, ma tendre amie, pense à moi. Prie pour moi le bon dieu et conserve une foi fervente en sa bonté. Adieu, ma chère, je t'embrasse mille fois. Envoie-moi, je te prie, la musique de ton frère sur les paroles: Теперь уж я твою гробницу не возмущу моей тоской. La comtesse Авд<отья> Ивановна m'a prié de la lui faire parvenir. Adieu. Souhaite-moi un bon voyage, mais je serai déjà à Pétersbourg lorsque tu recevras cette lettre. N'importe, souhaite toujours. Adieu, je t'embrasse. Dis à mon frère que l'on ne parle pas ici de l'arrivée du comte Besborodca, mais bien de celle du comte Alexandre Romanovitsch Voronzoff. Adieu, ma tendre amie. Porte-toi bien, pense à moi et tâche de chasser les pensées tristes qui pourraient t'inquiéter sur mon compte. Adieu. Que le bon dieu soit toujours avec vous tous.

J'écris à présent à ma mère Alexandra Ananevna. Adieu. Je baise tes mains. Adieu.

Перевод

1792 года, декабря 10 дня. Москва

Милый мой, дорогой мой друг Сашенька! Наконец-то позавчера приехал. Дорога была ужасающа массою выбоев. Прибываю изнуренный усталостью и собираюсь остановиться в доме г-жи Хлебниковой, где надеялся застать Николая Александровича. Вообрази себе, однако, мое изумление, когда я нежданно-негаданно нахожу там г-жу Хлебникову собственной персоной с Дмитрием Марковичем, Анну Петровну и Федора Марковича с Варварой Афанасьевной. Я думал, они у себя в калужском поместье, а они все приехали за несколько дней до меня, как будто нарочно, чтобы повидаться со мною. Ты можешь представить, как я был доволен этою встречей. Они помещают меня у себя. Осведомляюсь о семействе графа Воронцова и в ответ слышу печальное известие: графиня, добрая их матушка, скончалась несколько недель тому назад. Зная мою к этому семейству привязанность, ты можешь представить себе, как поразило меня сие известие. Отправляюсь повидать их, утешать бедную Авдотью Ивановну, она вся во власти своей печали.

План мой уехать на другой же день после приезда полетел вверх тормашками из-за этих событий. Я не мог не посвятить нескольких дней долгу дружбы-утешительницы и уеду лишь завтра. Да я и рад возможности отдохнуть самому и дать немного отдохнуть моим людям.

Семейство князя тяжело переживает свою утрату и особенно молодая графиня Авдотья Ивановна. Граф Артемий Иванович едет в Петербург в качестве сенатора, а графиня Авдотья Ивановна останется здесь со своей сестрой Анной Ивановной Нарышкиной. Они были очень рады моему присутствию. Все они очень тебя любят. Не надо и говорить, что семейство Полторацких было радо моему приезду. Остаюсь у них и почти все свое время посвящаю семейству графа. Но завтра еду. Лошади уже наняты. Думаю застать Николая Александровича в Черенчицах, где остановлюсь только на несколько часов. Я с пользою провел время, разузнавая о политическом положении в Петербурге и запасшись рекомендательными письмами, кои очень мне пригодятся. Еще более надеюсь я теперь видеть посрамленными предприятия недругов моих, и господь укрепляет меня в сей

надежде. Наполни ею сердце, милый друг мой, и переноси, не ропща, нашу разлуку. Особенно заботься о своем здоровьи. Вот о чем я тебя более всего умоляю. Целую тебя в мыслях, дорогой мой друг. Да будет над вами рука господня. Пиши мне почаще, каждую почту, непременно пиши. Одной секундой молчания ты повергаешь меня в смертельное беспокойство.

Я здоров, милый мой друг, взяв себе три дня отдыха. Будь и ты здорова с детьми нашими и все наши. Целую тебя в мыслях тысячу раз.

Интересных новостей нет, кроме того, что слышанная мною в Харькове весть о кончине духовника ее величества оказалась ложной. Прощай же, милый мой друг, прощай. Утешайся надеждою увидеться вскоре со мною, восторжествовавшим к тому же над всеми моими недругами. Прощай. Бог с вами. Брату моему ничего не пишу. Сообщи ему сие письмо. Я не имею сообщить ему ничего нового, но из столицы он получит подробный дневник. Целую его в мыслях. Кланяюсь Ивану Ивановичу и Авдотье Ивановне. Попроси их писать ко мне и скажи, что я их прошу не оставлять тебя. Я думаю, они очень были удивлены моим внезапным отъездом. Прощай, милый друг мой, думай обо мне. Молись обо мне богу и сохраняй горячую веру в доброту его. Прощай, дорогая моя, целую тебя тысячу раз. Прошу тебя, пошли мне музыку твоего брата на слова «Теперь уж я твою гробницу не возмущу моей тоской». Эту музыку просила у меня графиня Авдотья Ивановна. Прощай. Пожелай мне доброго пути, да я уж буду в Петербурге, когда ты получишь сие письмо. Ну, да ничего, все равно пожелай. Прощай, целую тебя. Скажи брату, что здесь слышно о приезде не графа Безбородко, а графа Александра Романовича Воронцова. Прощай, мой милый друг. Будь здорова, думай обо мне и старайся прогнать грустные мысли на мой счет. Прощай. Бог с вами со всеми.

Я теперь пишу матушке моей Александре Ананьевне. Прощай. Целую твои руки. Прощай.

65

А. А. КАПНИСТ

31 декабря 1792 г. Петербург

1792, le 31 <de> décembre! St.-Pétersbourg

Sachinca, ma tendre, ma chère amie! Je commence par te demander pardon d'avoir manqué une poste à t'écrire: c'est vendredi passé, j'ai cru que c'est mardi qu'elle partait, et je me suis trompé. Mais je suis très fâché que ce retard t'a privé de mes nouvelles.

Grâce à dieu je suis arrivé ici le 28 de grand matin, car je me suis arrêté 8 jours chez Ник<олай> Александрович à Черенчицы. Je m'en fus aussitôt chez Гавр<ило> Роман<ович> qui de même que Катерина Яков<левна> était très ravi de me voir. J'ai trouvé en descendant chez Ник<олай> Александрович Федор Петрович, nous dinâmes ensemble chez Гавр<ило> Романович, à qui j'ai communiqué les mauvais services de mes ennemis de Kiew. Le lendemain j'étais par lui présenté à Платон Александрович Зубов le soir, qui m'a reçu très bien. Ce même jour j'étais faire mes visites et entre autres à Петр Федорович Квашнин-Самарин, qui de même que toute sa famille était enchanté de me voir. J'ai oublié de dire que le jour de mon arrivée j'ai été chez Михайло Никитич qui m'a reçu le plus gracieusement du monde, et le lendemain j'ai été encore chez lui avec Гаврило Романович, au sortir de chez Платон Але-

ксандрович. Мих<айло> Ник<итич> est malade. Il ne sort pas, mais ces jours-ci il sortira. Il m'a promis toute sa protection contre mes ennemis.

Le 25 j'ai été à la cour, dîné et soupé chez Гаврило Романович comme les jours précédents. Le lendemain j'ai été à la cour. Sa majesté ne sortit point, elle était indisposée. Le soir j'ai été au bal que le grand duc avec sa famille a honoré de sa présence. Le 27 j'ai été forcé par Наталия Кирилловна, la fille du comte Rosoumofsky de dîner chez elle. Le soir j'ai été chez Popow, et eu avec lui une très longue conversation, dans laquelle il s'excusait d'avoir écrit l'oucaze, envoyé à Kiew. Le 24 et le 28 j'ai été chez mr. Strecaloff, qui ne pouvait pas concevoir, comment on pouvait, ayant tous mes comptes et mes papiers au cabinet, d'adresser au gouverneur de Kiew, et m'a promis toute sa protection. Le 29 il y eut grand bal masqué chez le comte Besborodca, auquel j'ai assisté. Mr. Samoiloff donna ce jour à dîner. Lui et le comte ont donné ces fêtes en souvenir de la paix conclue par eux ce jour-là. Hier j'ai passé toute la journée chez Gavrilo Романович, et aujourd'hui je vais diner chez le comte Golovkine et après dîner au club de la noblesse.

Voilà mon journal parfait. Ник<олай> Александрович est arrivé seul le 28 le soir, Мария Алекс<еевна> va venir dans deux jours. J'ai reçu le 28 ta lettre. J'ai senti beaucoup de joie en la lisant, ma chère amie, et j'en aurais ressenti encore davantage si tu n'aurais pas touché la corde des dettes. Comment as-tu pu penser à ces sortes de choses en mon absence? Et m'en parler? Tu fais bien, душенька, de me dire tout ce que tu penses, mais je souhaite que tu ne penses à ces choses. Tranquillise-toi au nom de dieu sur ce point: il ne me tourmente point. Je suis sûr que mes dettes seront bientôt payées et que le bon dieu m'assistera. Mais si elles te tourmentent, c'est ta punition. Je m'étonne que Vasïly n'est pas encore arrivé, d'autant que je t'ai envoyé par lui 300 roubles. Au nom de dieu, ma chère amie, tranquillise-toi parfaitement et remet comme moi tout ton espoir en dieu. Je t'ai déjà dit, tu me feras souffrir ici par tes inquiétudes. Avant que de recevoir ta lettre, je savais que <je> recevrai de toi quelque chose dont je ne serai pas tout-à-fait content. Epargne-moi ces souffrances. J'ai assez du déplaisir d'être arraché de tes bras et du sein de ma solitude tranquille. Si tu m'aimes, au nom de notre amour tâche de te tranquilliser et de chercher à te distraire le plus agréablement possible surtout par la foi fervente en la bonté du dieu. Si tu pouvais ressentir comme mon coeur est avec toi! Combien que je souffre de notre séparation, et combien que cette capitale m'est odieuse! Ah! ma tendre amie! Si je n'étais pas ici, comme je m'envolerais chez toi! Mais <письмо на этом обрывается>.

Перевод

1792, декабря 31 дня! Санкт-Петербург

Сашенька, милый, дорогой друг мой! Начну с того, что буду просить у тебя прощения за то, что упустил почту писать к тебе. Это было в прошедшую пятницу, я думал, она уходит во вторник, да ошибся. Но мне очень досадно, что из-за этой задержки ты не имела от меня известий.

Слава богу, прибыл сюда 28-го рано поутру, ибо остановился на 8 дней у Николая Александровича в Черенчицах. Тотчас же отправился к Гавриле Романовичу; он, как и Катерина Яковлевна, был очень рад видеть меня. Остановившись у Николая Александровича, встретил Федора Петровича, и мы вместе обедали у Гаврилы Романовича, коему я рассказал, какую недобрую службу сослужили мне мои киевские враги. На другой день ввечеру был им представлен Платону Александровичу Зубову, который очень хорошо меня принял. В тот же день отправился с визитами и, между прочим, был у Петра Федоровича Квашнина-Самарина, который

как и все его семейство, был мне очень рад. Забыл сказать, что в день приезда был я у Михайлы Никитича, который приветливейше меня принял и на другой день, возвращаясь от Платона Александровича, снова был у него с Гаврилой Романовичем. Михайло Никитич нездоров. Он не выходит, но на сих днях выйдет. Он обещал мне свое покровительство против моих врагов.

25-го был при дворе, обедал и ужинал, как и в предшествующие дни, у Гаврилы Романовича. На другой день был при дворе. Ее величество не показалась, была нездорова. Вечером был на бале, который почтил своим присутствием великий князь со своей фамилией. 27-го по настоянию Натальи Кирилловны, дочери графа Разумовского, обедал у нее. Ввечеру был у Попова и имел с ним очень длинную беседу, в ходе которой он извинялся, что составил посланный в Киев указ. 24-го и 28-го был у г-на Стрекалова, тот не мог постичь, как можно было, имея в кабинете все мои счета и бумаги, обратиться к киевскому губернатору, и обещал мне свою поддержку. 29-го у графа Безбородка был большой маскарад, на коем я присутствовал. В этот же день г-н Самойлов давал обед. Он и граф устроили эти празднества в честь заключенного ими в этот день мира. Вчера провел целый день у Гаврилы Романовича, а сегодня обедаю у графа Головкина, и после обеда отправляюсь в Дворянское собрание.

Вот мой подробный дневник. Николай Александрович приехал один 28-го ввечеру. Мария Алексеевна приедет через два дня. Получил 28-го твое письмо. Мне было очень радостно читать его, мой дорогой друг, а было бы еще радостнее, ежели ты не затронула бы струны долгов. И как могла ты без меня думать о подобных вещах? И говорить мне о них? Ты хорошо делаешь, душенька, делясь со мной всем, о чем думаешь, но я бы хотел, чтоб об этих вещах ты не думала. Бога ради, успокойся ты на сей счет: вопрос этот вовсе меня не волнует. Уверен, что скоро расплачусь со своими долгами и господь мне поможет. Но если вопрос о долгах тебя мучает, так это тебе наказание. Удивляюсь, что Василий еще не приехал, тем более, что послал тебе с ним 300 рублей. Бога ради, дорогой друг, совершенно успокойся и возложи, как я, свое упование на бога. Я уж тебе сказал, твои тревоги причиняют мне боль. Еще не получив твоего письма, я предчувствовал, что получу от тебя нечто, чем буду не очень доволен. Избавь меня от этих страданий. Мне и без того досадно быть вырвану из твоих объятий и из лона спокойного моего уединения. Ежели ты меня любишь, во имя нашей любви постарайся успокоиться и попытайся как можно приятнее развлекаться, особенно с горячей верой в милосердие божие. Ежели ты могла бы чувствовать, насколько сердце мое с тобою! Сколь я страдаю от нашей разлуки и сколь мне ненавистна столица! Ах! Милый друг мой! Не будь я здесь, как полетел бы к тебе! Но <здесь письмо обрывается>.

66

А. А. КАПНИСТ

4 января 1793 года. Петербург

1793 года, генваря 4 дня. С.-Петербург

Душенька, милая моя Сашенька, целую тебя всей душой и поздравляю Новым годом. Дай бог нам нового в оном счастия, которое состоит в том, чтобы ты меня сколько можно больше любила, была бы здорова с нашими малютками, чтоб мы имели мир и согласие меж собою и чтоб бог

нас не лишил насущного хлеба. Помолись и ты о сем богу, и бог молитву нашу услышит. Теперь еще раз тебя целую и твои руки. Дай бог, чтоб вы все были здоровы и веселы. Я слава ему здоров и весел и надеюсь скоро управиться с восставшими на меня, которых покровители здесь весьма осе-лись, как мокрые курицы. Машенька третьего дни ввечеру приехала с Пелагеей Михайловной и Прасковьей Михайловной. Скоро, думаю я, что и Катинька приедет. Итак, ты видишь, что мне столько весело будет, сколько быть может весело без тебя. Но без тебя, Сашенька, вся моя веселость натянута, так натянута, так, как ты иногда за неимением тонкой струны натягиваешь толстую, чтоб она тоже пела в голос с прочими. Ах, когда я вырвусь отсюда!! Ты не поверишь, как мне противен город сей. Но должно потерпеть и сие будет недолго. Прощай, более с тобой беседовать не могу, ибо должно за делом ехать, а почта ждать не будет. Прощай, целую твои руки тысячу раз. Прости, милая Сашенька. Люби меня и моли бога, чтоб он скорее вырвал меня отсюда. Прощай. Всем от меня кланяйся. Детей наших поцелуй. Будь здорова. Прости. Целую тебя в мыслях.

Зачем от тебя писем не получаю. Одно только получил от 6 декабря. Меня это тревожит. Бога ради, пиши ко мне каждую почту. Прости, целую тебя еще раз.

Нового только, что Мих. Никитич, который меня ласковейшим образом принял, выезжает чрез три дни. Он был очень болен. Он едет чрез Москву в Киев управлять нашим наместничеством и командовать войсками от Литвы до Подолии и в сих местах учреждать благоустройство. Он меня приглашает к себе в этот край польской. Французские выгнанцы в пребеднейшем положении и в неописанно горестном. Так что они, я думаю, могут позавидовать нашим екатеринославским колонистам, мемнонистам.

Довольна будь этими двумя новостями, ибо больших нет. Сообщи письмо сие брату Петру Васильевичу, которого я в мыслях целую. Прощай, душенька. Авд. Ив. и Ив. Ивановичу кланяюсь и прошу не забывать тебя. Всем нашим кланяюсь. Прости, милая, любезная Сашенька. Бог с вами.

67

А. А. КАПНИСТ

10 января 1793 г. Петербург

1793 года, генваря 10 дня. С.-Петербург

Душенька, моя милая Сашенька!

Я имел удовольствие получить два твои письма, одно от 18, а другое от 26 декабря. Благодарю тебя, мой друг, что ты ни одной почты не пропускаешь. Пожалуй, душенька, пиши каждую почту затем, что тот день, как я не получу на почте от тебя письма, что случилось и теперь, ибо сии письма получил я как-то не в обыкновенные дни почтовые, то верь, мой друг, что хожу как сумасшедший. Такая невольная гипохондрия тотчас явится, что не только дело какое делать, но даже двух мыслей не соображу. Пожалуй, миленькая Сашенька, пиши как можно чащє; да пиши и все, что ты делаешь, мыслишь и чем занимаешься, чтоб я был с вами и вас мог видеть мысленно. Я писал к тебе каждую почту и буду писать. Ежели какую ты почту не получишь от меня письма, то это будет виною неисправное почтодоставление. Самое мое приятнейшее удовольствие говорить с тобою, избавившись от забот и суеты, меня окружающей. Ежели б

я хоть мог тут быть, хотя с одними друзьями моими, чтобы легче было мне сносить твою разлуку, а то принужден бывать часто с людьми сторонными сердцу моему. Что делать. Богу угодно, чтоб я посуетился еще и, может быть, этим опытом он хочет окончать беспокойства мои и ввесть нас в мир. Дай бог! моли его об этом. Я надеюсь на сих днях благополучно кончить шелковичное дело мое, все располагается, несмотря на подвиги врагов моих киевских, в мою пользу. Молися богу и надейся на него. А как скоро сие дело окончу, то приймусь за дело Тарновской, что мне труда немного станет. Словом, я надеюсь скоро и по желанию отделаться отсюдова и ничего так не желаю. Воображение опять возвратится в мой милый дом, к тебе, детям, родным, в объятиях твоих встретить весну и наслаждаться приятностями природы и сердца, сие воображение восхищает меня и дает мне неусыпность к окончанию моих здесь дел. Даст бог, я их кончу и полечу к тебе. Я не могу ни о чем другом говорить, когда зачну о сем говорить, так сие меня занимает. Я для того перестаю, чтоб тебе что-нибудь о сторонных, меня окружающих предметах сказать. Однако ж все-таки начну собою. Я, слава богу, здоров. Каждый день или дома, или у Катерины Яковлевны, редко даже у Самариных бываю, хотя ты знаешь, сколько их люблю. Итак, ты видишь, что я гнезда держусь. Я писал Катиньке в Ревель, но не знаю еще, приедет ли она к нам, чего бы мне очень хотелось, ты знаешь, как я люблю ее. Тут бывает у нас Пелагея Мих‹айловна› и Прасковья Мих‹айловна› Бакунины. Нас довольно бывает вместе и не скучно столько, сколько мне может быть без тебя не скучно. Нового у нас: что французы, сделав совет на флоте, объявили нам войну и, говорят, заготовили много монгольфьеровых шаров, чтоб на оных к нам лететь, да беда что не выдумали еще верного на оные руля. Михайло Никитич третьего дни чрез Москву поехал в Киев, а оттуда до ‹Коломыи› командовать там войсками и учреждать. Игельстрем поехал на смену Каховского командовать войсками около Варшавы. Сиверс поехал послом в Варшаву же, Булгакова сменяет. Кутузов М‹ихаил› Лар‹ионович› едет послом в Константинополь, но когда выедет, неизвестно. Вот тебе новостей куча. Возвратимся опять к старому. Обнимаю тебя, душенька, и целую душевно. Целую руки твои. Обнимаю детей, с тобою целую их. Будьте здоровы. Каков твой кашель? Бога ради, не простудись. Дай бог, чтоб вы все были здоровы. Не скучайте. Всем нашим кланяюсь и друзьям Авд‹отье› Ив‹ановне›, Ив‹ану› Ивановичу, прошу их тебя не оставлять. Прощай, душенька, бог с тобою.

Твои комиссии исполню все.

Прощай, еще раз целую тебя.

68

А. А. КАПНИСТ

20 января 1793 г. Петербург

1793 года, января 20 дня. Санкт-Петербург

Ma chère, ma tendre Sachinca! Je t'embrasse en te répétant l'agréable nouvelle que sa majesté m'a trouvé innocent. Remercie le bon dieu pour la protection visible qu'il m'a donnée contre mes ennemis! Au lieu de me faire du mal, j'espère qu'il me feront du bien. Je t'embrasse, ma tendre amie. Je m'imagine que tu as eu des idées assez tristes nonobstant toutes mes consolations. Mais, ma chère amie, d'autant plus sensible te doit être à présent le plaisir que cette heureuse nouvelle

te procurera. Encore une fois remercie le bon dieu. Je vais avec son assistance travailler à présent à tirer tout le profit que mes ennemis ont espéré de tirer. Espère en le bon dieu d'avoir encore quelque nouvelle agréable. Ma tendre amie, avec quel ravissement je t'embrasse en idée, et j'espère que bientôt j'aurai le plaisir de t'embrasser à Oboucofca et de te serrer dans mes bras avec nos chers enfants. Adieu, je n'ai rien à te dire davantage sinon que je sens que je t'aime à la folie, que je t'aime plus que je ne t'ai jamais aimé. Adieu. La précipitation avec laquelle je renvoie le courrier à ton frère ne me laisse pas le temps de t'envoyer ce que tu as voulu que j'achète ici pour toi. Mais, ma chère, tout sera fait et acheté. Adieu. Je t'embrasse encore de toute mon âme. Adieu. Mes compliments à tous les nôtres. Adieu. Embrasse pour moi nos enfants. Mes compliments à Авдотья Ивановна и Иван Иванович. Они ничего ко мне не пишут. Что им сделалось? Также и Мих<аилу> Яковлевичу попеняй. Он ни одного письма не написал ко мне. Что я к нему не пишу, так это за весьма многими делами, а они сидят как умные. Прости, душенька. Бог с вами. Будь здорова, весела и покойна. Делай движения как можно более. Не скучай, а то и мне здесь скучно будет. Прощай. Обнимаю тебя душевно. Целую твои руки. Прощай.

Перевод

Дорогая моя, милая моя Сашенька! Целую тебя, повторяя приятное известие, что ее величество сочла меня невиновным. Возблагодари бога за видимое покровительство, оказанное им мне против моих недругов. Вместо зла они, надеюсь, содеют мне добро. Целую тебя, милый мой друг. Воображаю, какие у тебя были грустные мысли, несмотря на все мои утешения. Но тем ощутимее, милый друг мой, должно быть тебе теперь удовольствие от сего счастливого известия. Еще раз возблагодари бога. Теперь с его помощью буду работать над тем, чтобы извлечь всю ту выгоду, на которую рассчитывали мои враги. Уповай на бога, может, получишь еще какую-нибудь приятную весточку. Милый друг мой, с каким восторгом целую тебя в мыслях и надеюсь, скоро буду иметь удовольствие целовать тебя в Обуховке и заключить тебя вместе с дорогими детьми в свои объятия. Прощай, мне нечего более тебе сказать, кроме того, что люблю тебя до безумия, люблю более, чем когда-либо прежде. Прощай. Я с такой поспешностью отправляю к брату курьера, что не остается времени отослать тебе то, что ты велела здесь для тебя купить. Да ничего, дорогая моя, все будет сделано и куплено. Прощай. Еще раз целую тебя от всей души. Прощай. Кланяйся всем нашим. Прощай. Обними за меня детей. Кланяюсь Авдотье Ивановне и Ивану Ивановичу...

69

А. А. КАПНИСТ

1 февраля 1793 г. Петербург

1793 года, 1 февраля. С.-Петербург

Душенька, милая Сашенька, друг мой! Сево дни я не в состоянии тебе о себе ничего писать: проклятые французы с их кровавыми явлениями разбили все мои мысли. Другую ночь уже не сплю: все несчастный король

мне метается. Он убит на эшафоте. В воскресение ввечеру о сем пришло достоверное известие от нашего посланника Симолина. Сие несчастие совершилося 18 числа. Когда еще накануне решение национального Конвента о смерти его ‹было› объявлено, то он, сказав, что готов, просил 3 суток отсрочки для приуготовления себя, также чтоб жену его и детей выслали за границу и дали бы ему духовника. Сие последнее только ему позволено. Когда на завтрешний день вывели его на эшафот, окруженный воинством, то он, помолившись, хотел было проститься с народом, но по сигналу звук барабанный заглушил голос его. Ни единая душа не подвигнулась к защите его ни голосом, ни рукою, и несчастному отсечена голова; палач, омоча белый платок в крови его, бросил оный народу, и весь народ бросился к эшафоту для того, чтобы омочить платок в кровь сию. Голову на копье носили по всему городу, а тело погребли. Весь народ пьян буйством. Королеве никакого избавления нет; и она весьма счастлива будет, если только ей голову отсекут; опасаются жесточайшего мучения. Дети тоже погублены будут. Вот картина, которая потрясла все души здесь. Государыня найпаче весьма тронута: она ж недомогает не только в сие самое время. Траур при дворе на 6 недель надет о смерти короля, злодейскими руками умерщвленного. Подробностей точных и полных еще не получено. Я никогда не думал, чтоб французье сие варварство сделали. Видно, что буйство жадности крови истребило из их душ все человеческое. Но полно о этих печальных картинах говорить с тобою... другого ничего не могу говорить. Я слава богу здоров. Мои дела сими несчастными происшествиями немного остановятся, пока немного чувствительность государыни успокоится. Катинька, может быть, к нам скоро будет: хотя б она приехала, мне бы веселее было. Прощай, дай бог, чтобы ты душенька и все вы были здоровы. Целую тебя в мыслях. Целую руки твои. Прощай, душенька. Сашеньке, милой племяннице, поклонись и поцелуй ее за меня. Федор Севастьяновичу кланяюсь и всем вам. Прощай, душенька, целую тебя, милая моя Сашенька. Прощай. Брату отошли сие письмо. Прощай. Целую тебя.

70

А. А. КАПНИСТ

2 февраля 1793 г. Петербург

1793 года, февраля 2 дня. С.-Петербург

Я от тебя, душенька Сашенька! не получил по последней почте писем. Это меня несказанно огорчило. Я не знаю, чему приписать молчание твое. Я тебя просил так сильно, чтоб ты не пропускала ни одной почты. Ты не можешь представить, как меня это расстраивает. Бога ради, пиши каждую почту. Я только и жив душою, когда от тебя получу письмо. Душа моя, здорова ли ты? Дай бог, дай бог! Мне бог знает какие печальные воображения приходят, но только я их отгоняю. Представь, сколь они меня трогают, что даже и приезд графини Катиньки их не совсем истребляет. Она третьего дни ввечеру приехала. Такая милая. Одна без графа и проживет тут недели три. Но она не очень здорова, а потому и мне от этого не веселее. Что делать? Будь ты здорова, душенька. Этого я у бога прошу ежедневно. Но зачем ты не писала? Сохрани боже тебя от всего злого. Постараюсь отогнать печальные мысли. Но веселого ничего на ум не приходит. Короля французского смерть делает здесь во всех великую сенсацию. Я об нем без трогательности вздумать не могу. Куда ни оборотишься, все что-то

мрачно на свете. Но полно об этом говорить. Скажу о себе, что я, слава богу, здоров и сколько без писем твоих можно весел. Дела надеюсь мои скоро привесть к желаемому окончанию и надеюсь скоро вырваться в твои объятия. Прости, писал бы больше, ежели б ты писала. Прощай. Целую твои руки. Дай бог, чтоб ты здорова была. Прощай. Всем кланяюсь. Бог с вами.

71

А. А. КАПНИСТ

21 февраля 1793 г. Петербург

1793 года, февраля 21 дня. С.-Петербург

Любезная, милая душа моя, Сашенька, не получив по последней почте от тебя писем, сево дни я получил вдруг два. Последнее, в котором ты пишешь, что получила первое мое письмо, обрадовало меня несказанно. Теперь ты уже каждую почту получаешь затем, что каждую почту пишу к тебе. Как я рад, душенька, что ты теперь письмами моими успокоена! И как мне несказанно было приятно видеть, что они столь душевно тебя обрадовали. Доказательства твоей ко мне любви так меня трогают, так меня восхищают, что я тебе сказать не могу. Я чувствую, что любовь моя к тебе час от часу возрастает. Душа моя, Сашенька, целую тебя в мыслях. Будь всегда такова. Люби меня все еще более. Самое истинное мое счастие в жизни зависит от твоей любви ко мне. Люби меня, друг мой. Люби меня, и мы будем счастливы. Целую тебя. Слов недостает сказать, что я ощущаю. Ах, зачем я удален от тебя! Как долго мне кажется время! Хотя меня здесь все родные и друзья очень любят и я их равно, но пустота в сердце моем велика, и ничто ее не наполняет. Ничто ни веселить меня, ни занимать не может. От веселостей здешных масленицы я уезжаю с графинею Катинькою на несколько дней в Ревель проводить ее, ибо она одна приехала, а дорога прескверная; я там пробуду до первой недели, все эти дни, что дела никакого здесь делать не будут, а только веселиться станут; а мне без тебя веселье скучно; хотя впрочем довольно приятно видеть дела мои поправленные у царицы и быть с моими друзьями. Возвратясь на второй неделе, надеюсь совсем кончить шелковичное дело; ибо до тех пор несчастие французского короля не будет уже столько чувствительно трогать государыню: а за тем только дело стало, что ей докладывать теперь о новых просьбах моих было не у места; а я хочу ей сказать, что я не доволен тем, что она меня устно оправдала, но чтоб сие сделала гласно и меня бы уволнила от несчастия иметь дело с плутами. Дай бог, чтоб мне успеть в этом и тогда приймусь за дело Тарновской. Во всем надеюсь на бога, что получу хороший конец, но время еще пройдет, что тебя не буду видеть. Как это грустно. Ты же пишешь, что время разрешиться тебе так близко. Я не понимаю, как так скоро это случиться могло. Но дай бог, чтоб ты счастливо разрешилась. Бог услышит моление мое; бог тебе поможет. Дай бог, чтоб ты совершенно здорова была и благополучно разрешилась, чем бог нас благословить захочет. Душенька, береги себя, делай больше движения и не скучай. Надейся на бога, а я буду спешить как только возможно.

Прощай, целую тебя, твои руки и глаза. Прощай. Бог с тобою. Благодарю чувствительно Авдотью Ивановну и Ивана Ивановича за дружеское тебя неоставление; буду сам писать на будущей почте. Сия отходит сейчас. Благодарю за письмо. Благодарю за любовь к тебе и ко мне чувствительно.

Братца Петра Васильевича обнимаю и целую. Отвечать на письмо буду тоже на следующей почте. Всем кланяюсь. Прощай, душа моя. Целую тебя еще раз и детей, прощай, друг мой! Бог с тобою. Еще раз целую тебя.

72

А. А. КАПНИСТ

23 февраля 1793 г. Петербург

23 февраля 1793 года. С.-Петербург

Душенька, Сашенька! Спешу тебя уведомить, что сию минуту еду проводить Катиньку в Ревель и оттуда на первой неделе сюда буду. Масленицу нечего здесь делать; так я разделился. По причине сего не успел ответить на письма брата Петра Васильевича и Ивана Ивановича и господина пастора Вебера. Извини меня пред ними. Меня графиня схватила, я полагал, что завтра выедем, но севодни воспу приви<ли> детям Ник<олая> Александровича, а ты знаешь, что ни у Катиньки, ни у меня оспы не было, то она боится и бежит отседова. Итак, прощай. Лошади уже готовы. Обнимаю тебя, душа моя, целую твои руки. Прощай. Возвратясь, подвигну землю и небо, чтоб скорее кончить дела мои и вырваться к тебе. Дай бог, чтоб ты здорова была; и ежели богу не угодно, чтобы был я при разрешении твоем от бремени, дай бог, чтоб ты счастливо разрешилась и чтоб была здорова. Этого больше всего прошу у бога и верю, что он услышит молитву мою. Прощай, мой друг, не скучай, моли бога, чтоб он помог мне во всех моих делах. Целую руки твои. Всем кланяюсь. Благодарю друзей наших, что они не покидают тебя. Прости. Будьте все здоровы. Прощай. Целую тебя еще раз. Душенька, прощай, бог с тобою и со всеми вами. Прощай.

73

А. А. КАПНИСТ

19 марта 1793 г. Петербург

1793, le 19 de mars. St.-Pétersbourg

Je me hâte, ma tendre amie Sachinca, de t'écrire pour t'instruire que je suis aujourd'hui le matin arrivé heureusement de Revel. Catinca a été si contente de me posséder quelques jours. C'est un sacrifice que j'ai dû faire à son amitié pour moi. En arrivant ici j'entends que Машенька part demain aussi pour la campagne avec les cousines Пелагея Михайловна et Прасковья Михайловна: de manière que nous restons seuls avec Ник<олай> Александрович. A présent je remuerai ciel et terre pour finir mes affaires et voler dans tes bras. J'espère que le bon Dieu m'aidera, prie-le, ma tendre amie. Quand je pense <que> le printemps s'avance et ton terme d'accouches s'approche, et que je ne suis pas encore avec toi — alors la mélancolie me prend et je maudis la nécessité de rester ici. Mais le bon dieu me débarassera bientôt de ce séjour et je te reverrai bientôt. Dieu donne que pendant ce temps tu te portes bien, et le bon dieu

bénit et toi et l'enfant que tu portes dans ton sein, qu'il bénit le moment où tu lui feras voir le jour. Ah, mon amie! que je souffre d'être si loin de toi dans ces moments! Mais que faire — il faut se remettre à la volonté du bon dieu. Je t'embrasse, ma tendre amie, et te souhaite toute la bénédiction du ciel. Prie-le aussi, ma tendre amie: il t'exaucera. Adieu, je t'embrasse bien tendrement. Adieu. Je remercie nos bons amis Ив‹ана› Ив‹ановича› и Авд‹отью› Ив‹ановну› et mon frère pour l'amitié qu'ils ont de ne pas te délaisser seule. Je ne puis pas dire combien je suis reconnaissant. Adieu, la poste part.

Le comte d'Artois est arrivé et a été présenté dimanche à sa majesté avec beaucoup d'égards. La comtesse Potozkaya a reçu le portrait de la souveraine.

Перевод

1793, марта 19 дня. Санкт-Петербург

Спешу писать к тебе, милый друг мой Сашенька, чтоб тебе сообщить, что сегодня утром благополучно приехал из Ревеля. Катенька уж так была довольна, что заполучила меня на несколько дней. Сию жертву я должен был принести ради дружбы ее ко мне. Прибыв сюда, узнаю, что Машенька также едет завтра в деревню с кузинами Пелагеей Михайловной и Прасковьей Михайловной, так что мы с Николаем Александровичем остаемся одни. Теперь я небо и землю переверну, чтоб покончить с делами и лететь в твои объятия. Надеюсь, господь мне поможет. Проси его, милый друг мой. Как подумаю, что скоро весна и приближается время тебе рожать, а я еще не с тобою, так впадаю в меланхолию и проклинаю необходимость оставаться здесь. Но господь вызволит меня вскорости отсюда, и я скоро тебя увижу. Дай бог, чтобы ты в это время была здорова и да благословит он тебя и дитя, что носишь ты в лоне своем. Пусть благословит господь тот миг, когда ты произведешь ребенка на свет. Ах, друг мой! Как тяжело мне быть вдалеке от тебя в такое время! Да что делать — надобно отдаться на волю божию. Целую тебя, милый друг мой, и зову на тебя небесное благословение. И ты молись богу, милый мой друг, он внемлет твоей молитве. Прощай, очень нежно тебя целую. Прощай. Спасибо добрым друзьям нашим Ивану Ивановичу и Авдотье Ивановне и брату моему за их дружество, за то, что не оставили тебя одну. Не могу и выразить, сколь я им признателен. Прощай, почта уходит.

Прибыл граф д'Артуа и был с большими почестями представлен в воскресенье ее величеству. Графиня Потоцкая была пожалована портретом государыни.

74

А. А. КАПНИСТ

21 марта 1793 г. Петербург

1793, le 21 de mars. St.-Pétersbourg

Ma chère, ma tendre amie Sachinca, la dernière poste je n'ai point reçu de tes lettres! Quelle en est la raison? Je crains seulement que tu ne sois malade: que le bon dieu te préserve. Non, il est trop bon, il ne voudra pas me punir selon ce que je mérite. Mais je suis dans des transes inexprimables. Ton état me donne de craintes, mais j'espère en dieu, il t'enverra assurément sa grâce et

le bonheur d'accoucher sans accidents. Dieu donne, dieu donne. Ah, quelle joie que cette heureuse nouvelle m'apportera! Dieu de bonté! Envoie ta grâce et tes secours et éloigne d'elle la moindre peine! Ah, Sachinca! Comme je sens que tu m'es chère plus que tout au monde! Que je t'aime au-delà de toute expression! Pourquoi faut-il que nous soyons séparés? Mais que faire! La volonté du bon dieu soit faite. Je crois, bientôt je me débarasserai d'ici. Je vais aujourd'hui donner ma lettre à Gavrilo Romanovitch pour sa majesté. — Dieu donne qu'elle puisse avoir un bon succès. C'est pourquoi je me hâte et dois finir ma lettre, car il est déjà temps de l'attraper à la maison. Adieu donc, ma tendre amie. Prie le bon dieu pour moi et pour mes succès: il t'entendra. Adieu, je baise tes mains.

Tout le monde est parti de notre maison. Nous sommes seuls. Imagine-toi comme je m'ennuie. Adieu. Porte-toi bien. Ecris-moi, Sachinca, chaque poste, et tout ce que tu fais, et tout ce que tu penses. Adieu. Encore une fois je baise tes mains. Mes compliments à tous. J'embrasse mon frère. Je lui écrirai avec la première poste peut-être quelque chose de décisif. Любезным нашим друзьям Авдотье Ивановне и Ивану Ивановичу — чувствительную благодарность за любовь их к тебе и неоставление. Их бог не оставит. Прощайте. Еще раз целую тебя.

Перевод

1793, марта 21 дня. Санкт-Петербург

Дорогой, милый друг мой, Сашенька! Последнюю почту не получил твоих писем! Что этому за причина? Боюсь только, не была бы ты больна; от сего храни тебя бог. Нет, он слишком добр, он не захочет покарать меня, как я того заслуживаю. Но я в невыразимом страхе. Твое положение внушает мне опасения, но я уповаю на бога, он, наверно, ниспошлет тебе свою милость и счастье благополучно разрешиться от бремени. Дай-то бог, дай бог. Ах, какую радость принесет мне сие счастливое известие! Боже милосердный! Ниспошли свою благодать и помощь свою и отведи от нее малейшее страдание! Ах, Сашенька! Как чувствую я, что ты мне дороже всего на свете. Сколь люблю тебя превыше всякого выражения! Зачем надобно, чтоб были мы разлучены? Но что делать! Да свершится воля божия. Думаю, скоро отсюда вырвусь. Сегодня отдам Гавриле Романовичу мое письмо к ее величеству. Дай бог, чтобы оно имело успех. Вот отчего спешу и должен кончать письмо, ибо как раз сейчас надобно захватить Гаврилу Романовича дома. Прощай же, милый друг мой. Молись богу обо мне и о моих успехах, он тебя услышит. Прощай. Целую твои руки.

Все из нашего дома уехали. Мы одни. Вообрази себе, до чего же скучаю. Прощай, будь здорова. Пиши мне, Сашенька, по каждой почте обо всем, что ты делаешь, о чем думаешь. Прощай. Еще раз целую твои руки. Кланяюсь всем. Обнимаю брата. На будущей почте я ему напишу, может быть, что-нибудь решительное. . .

75

А. А. КАПНИСТ

2 апреля 1793 г. Петербург

1793, le 2 d'avril. St.-Pétersbourg

Quel plaisir, ma chère, ma tendre Sachinca, j'ai reçu une lettre de toi! Grâce à dieu, tu te portes bien et mes craintes, mes angoisses se sont dissipées! Grâce à dieu mille fois — il ne fait que m'éprouver. Mais il ne me punit pas

comme je l'aurais mérité. Ah, Sachinca, de plus en plus je sens combien je t'aime. Mon amour passe toute expression. Non, jamais je ne t'ai tant aimé. Plus je considère le monde, plus je vois des femmes, plus je découvre des mérites en toi, plus je vois qu'il n'y en a aucune qui soit aussi digne de ma tendresse. Tes vertus que je repasse en ma mémoire — ton amabilité, ta douceur et mille autres bonnes qualités font que je te préférerais à toutes les femmes au monde, si j'avais encore à choisir. Mon estime ajoute encore à ma tendresse, en un mot, tu es tout pour moi, et dans les chagrins que j'ai parfois à essuyer ici, ma seule consolation est qu'à la fin je m'arracherai d'ici et retournerai dans tes bras, et je jouirai avec toi d'un bonheur dont ici personne même ne soupçonne l'existence. Oui, ma chère Sachinca! Tu m'es plus chère que la vie — j'en juge par les angoisses dans lesquelles le seul doute d'un malheur si au-dessus de mes forces me jette. Grâce donc, mille grâces au bon dieu pour la santé dont tu jouis. Puisse-t-il par sa bonté inépuisable te donner la force d'enfanter sans peine et sans danger, et puisse-t-il bénir et la mère et l'enfant, de cette bénediction dont il bénit les justes. Ah, mon dieu, ne l'abandonne pas et couronne par ce bienfait toutes les grâces que tu as répandu sur nous! J'espère en lui, ma tendre Sachinca! Il nous enverra sa grâce, car il sait que nous n'espérons qu'en lui. Prie-le, ma tendre amie! prie-le pour moi! Ton coeur est si pur, il t'entendra du haut des cieux et me fera participer à ses grâces. Je t'embrasse mille fois, ma chère Sachinca. Je baise tes mains. Je me transporte en idée auprès de toi et je jouis d'une ombre du bonheur de la réalité, après laquelle je soupire du fond de mon âme. Mais que faire? Il faut se soumettre à la volonté du bon dieu.

J'ai donné ma lettre pour sa majesté à Gavrilo Romanovitch, dans laquelle je la prie de me débarasser de l'inspection de la fabrique qui n'existe pas. Je ne sais pas ce qu'elle dira. Que le bon dieu tourne son coeur à me vouloir du bien; de la manière dont elle s'énoncera à mon égard, dépendra tout le reste. Par malheur, après la mort du roi de France, son frère est venu ici, et les affaires de la Pologne par-dessus le marché, de manière que la souveraine ne s'occupe que des affaires étrangères, et qu'il faut bien choisir son temps pour lui en parler d'autres. Enfin, que la volonté du bon dieu soit faite. Prie-le, ma chère amie! Je me porte bien, et je tâche de ne pas m'ennuyer. Porte-toi bien aussi, ma tendre amie, et tâche de te distraire le plus que tu pourras. Adieu. A mon frère et à tous nos amis mes compliments. Je les remercie de tout mon coeur de ce qu'ils ne t'abandonnent pas. J'embrasse tous les nôtres, et nos enfants. Adieu. Je baise tes mains. Adieu, encore une fois je t'embrasse en idée. Dieu soit avec toi et avec vous tous. Adieu.

Перевод

1793, апреля 2 дня. Санкт-Петербург

Какая радость, дорогая, милая Сашенька, получил от тебя письмо! Благодарение господу, ты здорова, и мои страхи, мои опасения рассеялись! Слава богу тысячу раз, он лишь испытывает меня, но не карает, как я бы того заслуживал. Ах, Сашенька, я все более и более чувствую, сколь тебя люблю. Любовь мою не можно выразить словами, она выше всех слов. Нет, никогда я так тебя не любил. Чем более наблюдаю я свет, чем более вижу женщин, тем более открываю в тебе достоинств, тем более убеждаюсь, что нет женщины более достойной моей нежности. Добродетели твои, которые я перебираю в своей памяти — приветливость твоя, кротость и тысячи других добрых качеств — таковы, что, доведись мне выбирать снова, я предпочел бы тебя всем женщинам на свете. Уважение мое еще увеличивает нежность, одним словом, ты всё для меня, и

в горестях, которые мне подчас приходится здесь претерпевать, единственное мое утешение — знать, что наконец я вырвусь отсюда и возвращусь в твои объятия и буду наслаждаться с тобою счастием, о существовании которого здесь и не подозревают. Да, дорогая моя Сашенька! Ты мне жизни дороже, я сужу об этом по той тоске, в которую повергает меня одно предположение о несчастьи, которое выше моих сил. Хвала, тысячу раз хвала господу, что ты в добром здравии. Да подаст он тебе в неисчерпаемой своей доброте силу родить без мук и без опасности, да благословит и мать и дитя тем благословением, коим благословляет он праведников. О, боже, не оставь ее и благодеянием сим увенчай все те милости, кои ты на нас расточил. Уповаю на него, милая Сашенька! Он ниспошлет нам свою милость, ибо ведает, что в нем вся наша надежда. Молись ему, милый друг! Молись за меня. Сердце твое так чисто, он услышит тебя с высоты небес и уделит и мне свое благоволение. Тысячу раз целую тебя, дорогая Сашенька. Целую руки твои. Переношусь к тебе в мыслях и упиваюсь тенью действительного счастия, которого жажду всей душою. Да что делать? Надобно покориться воле божией.

Я отдал Гавриле Романовичу мое письмо к ее величеству, в коем прошу ее избавить меня от надзора за несуществующей фабрикой. Что скажет она на сие, не знаю. Да внушит господь ее сердцу благоволение ко мне; все зависит от того, как она ко мне отнесется. К несчастью, по смерти французского короля сюда прибыл брат его, да к тому же дела польские, так что государыня занимается лишь иноземными делами, и надобно умело выбрать время, чтоб заговорить с нею о другом. Ну, да свершится воля божия. Молись богу, дорогой друг. Я здоров и стараюсь не скучать. Будь и ты здорова, милый мой друг, и старайся как только можешь рассеяться. Прощай. Брату и всем друзьям нашим кланяюсь. От всего сердца благодарю их за то, что не оставляют тебя. Обнимаю всех наших и детей. Прощай, целую руки твои. Прощай, еще раз целую тебя в мыслях. Бог с тобою и со всеми вами. Прощай.

76

А. А. КАПНИСТ и П. В. КАПНИСТУ

15 апреля 1793 г. Петербург

1793, le 15 d'avril, St.-Pétersbourg

Ma chère Sachinca! La dernière poste encore point de tes lettres! C'est inconcevable comme le sort se plaît à me tourmenter par l'inexactitude de tes nouvelles. Je me flatte que tu m'as écrit cependant et que c'est la faute de la poste. Mais je ne puis pas me défendre d'un accès d'inquiétude. Dieu donne, ma tendre amie, que tu te portes bien. Seulement j'espère en dieu, il a été toujours si bon pour nous! Il ne m'abandonnera pas. Je me console par cette espérance et ne murmure plus. Mais, ma chère et tendre amie, écris-moi chaque poste et écris tout ce que tu fais. Tu me procureras un plaisir très sensible. Tu me transporteras chez toi! Je serai heureux au moins en idée. Dieu! quand est-ce que je te reverrai! Mais que la volonté du bon dieu soit faite! Si je vais m'impatienter, je suis sûr qu'il reculera encore le terme de nous rejoindre.

Grâce à dieu, ce matin le comte d'Artois est parti pour l'Angleterre; de Revol il s'embarque sur mer. La souveraine aura plus de loisir pour ecouter ce qui concerne nous autres pauvres diables. Bientôt j'espère que je saurai à quoi m'en tenir. Que le bon dieu guide toutes mes démarches et puisse-t-il accomplir mes voeux qui sont selon sa sainte volonté. Prie pour moi, ma tendre amie, prie pour moi ardemment, il t'écoutera. Adieu. Je t'embrasse en idée mille et mille

fois. Je baise tes mains. Adieu. Mes compliments à tous nos amis et particulièrement à Авдотья Ивановна et Иван Иванович. Adieu. Je t'embrasse encore une fois. Dieu soit avec toi.

Mon cher frère! Je vous écris, il est vrai, rarement, mais aussi je vous communique les événements très rares. Dumourier va à Paris avec 24 milles des troupes de ligne. Il est pour le roi — ainsi étonnez-vous. Quels événements extraordinaires conduisent cette révolution extraordinaire! Voilà le précis de l'histoire: le Convent envoya des députés dans l'armée du Dumourier pour l'arrêter; ils viennent; Dumourier les fait arrêter et les envoie au général <Claisfelt>, harangue les troupes de ligne et les porte à une contrerévolution. Il écrit à <нрзб.> qu'il marche vers Paris pour sauver le roi et rétablir la monarchie et l'ordre, et qu'il n'y a qu'à le suivre, qu'il lui nettoiera le chemin. Lille et d'autres villes sont déjà dans les mains des Autrichiens, et au moment où je vous écris, ils doivent être à Paris. Je trouve que c'est ce qui a pu arriver de plus heureux pour la France. Au moins l'anarchie finira et un nouvel ordre de choses prendra sa place. Voilà une assez étonnante nouvelle que je vous communique. Aujourd'hui dans la grande assemblée du Sénat on lira le manifeste par lequel nous prenons une partie de la Pologne, et la souveraine sera remerciée par le corps du Sénat pour toute la Russie. Ainsi j'espère, qu'ayant lieu d'être trés contente des événements, elle sera bien disposée à écouter les requêtes et entre autres la mienne par Gavrilo Romanovitch. Dieu donne une bonne et prompte résolution! Adieu, mon cher frère. Je vous embrasse en idée. Portez-vous bien. Voilà le printemps. Adieu. Adieu.

Перевод

1793, апреля 15 числа. С.-Петербург

Дорогая Сашенька! И с последней почтой ничего от тебя! Просто непостижимо, до чего же полюбилось судьбе мучить меня нерегулярностью известий от тебя. Льщу себя надеждою, что ты ко мне все-таки пишешь, и виною тут почта. Не могу, однако же, отделаться от чувства тревоги. Дай бог, милый друг, чтоб ты была здорова. Только на бога и уповаю, он был всегда столь к нам милосерд! Он меня не оставит. Утешаюсь сей надеждою и более не ропщу. Но пиши мне, дорогой и милый друг мой, по каждой почте, пиши обо всем, что делаешь. Ты доставишь мне весьма чувствительное удовольствие, перенесешь меня домой к тебе! Хоть в мыслях буду счастлив. Боже, и когда только вновь тебя увижу! Но да свершится воля божия. Уверен, что ежели буду выказывать нетерпение, он еще отсрочит час нашего свидания.

Нынче утром, слава богу, граф д'Артуа отбыл в Англию; из Ревеля он поедет морем. Теперь у государыни будет более досуга, чтоб прислушаться к нам, беднягам. Надеюсь, скоро буду знать, чего держаться. Да направит меня господь во всех моих поступках и даст совершиться желаниям моим, согласным со святою его волей! Молись обо мне, милый друг, горячо молись, он тебя услышит. Прощай. Целую тебя в мыслях тысячу и тысячу раз. Целую руки твои. Прощай. Кланяюсь всем друзьям нашим и особенно Авдотье Ивановне и Ивану Ивановичу. Прощай. Еще раз целую тебя. Бог с тобою.

Любезный брат! Пишу вам, правда, редко, но зато и сообщаю о событиях весьма редкостных! Дюмурье идет на Париж с 24 тысячами линейных войск. Он за короля — изумляйтесь же. Сколь необычайные события сопровождают необычайную эту революцию! Вот вам краткий очерк хода событий. Конвент послал депутатов в армию Дюмурье с тем, чтобы арестовать его; они являются; Дюмурье велит их арестовать и посылает

их генералу Клайсфельту, держит речь пред линейными войсками и подстрекает их к восстанию против революции. Он пишет к <нрзб.>, что движется на Париж, чтобы спасти короля и восстановить монархию и порядок, и что тому остается лишь следовать за ним, и что он расчистит ему путь. Лиль и другие города уже в руках австрийцев, а теперь, когда я пишу эти строки, австрийцы, должно быть, уже в Париже. Я считаю, что для Франции ничего удачнее и быть не могло. По меньшей мере с анархией будет покончено и иной порядок займет свое место. Вот какую сообщил вам удивительную весть. Сегодня в большом собрании Сената будет оглашен манифест, согласно которому мы берем часть Польши, и Сенат будет благодарить государыню от имени всей России. Посему я надеюсь, что, имея основание быть довольною ходом событий, она будет склонна с благожелательностью выслушать просьбы, в том числе и мою, поданную Гаврилой Романовичем. Дай-то бог резолюции скорой и благоприятной! Прощайте, любезный брат. Целую вас в мыслях. Будьте здоровы. Вот и весна наступила. Прощайте. Прощайте.

77

А. А. КАПНИСТ

25 апреля 1793 г. Петербург

1793, le 25 d'avril. St.-Pétersbourg

Ma douleur n'a pas de bornes. Voilà la troisième poste ou déjà la quatrième que je ne reçois pas de tes nouvelles, ma chère Sachinca! Que sera-ce si je ne reçois encore demain de tes lettres? Mes chagrins seront comblés. Même à présent quand je pense que tu pourrais être malade, je ne me possède pas. Et quel autre empêchement peut être la cause de ton silence? Des idées tristes et désespérantes viennent accabler mon âme. Toutes les nuits des songes effroyables me troublent. J'espère en bon dieu; il est ma seule consolation. Sans lui je succomberais. Mais j'espère encore: il ne sera pas assez cruel pour me faire supporter un supplice au-delà de mes forces. Mais non, il est trop clément, il ne le fera pas, c'est une épreuve. Il veut éprouver ma foi, et j'ai une foi fervente en lui. Non, il ne voudra pas me rendre misérable pour toujours et peut-être pour l'éternité, car je sens que je ne pourrai pas non pas succomber sous le poids de mon désespoir.

Ah, Sachinca! Comme tu m'es chère! Combien toute mon âme vit dans la tienne. Non, je ne pourrai pas supporter un malheur qui te serait arrivé. Mais d'où vient ton silence? Mes idées se troublent. Je m'affermis en vain. Ah, dieu, éloigne de moi un malheur qui m'accablerait. Ne mesure pas ta punition par mes crimes. Sois clément. Je n'espère qu'en ta clémence. Ah, Sachinca, quel martyre! Ton état surtout me donne des terreurs. Mais — je ne veux pas me laisser aller à mes idées, elles me transporteraient en enfer, et je pécherai contre la bonté divine! Non, espérons. Dieu, donne-moi la force de ne pas murmurer. Oui, il me donne en ce moment cette force. Oui, j'espère que mes craintes seront dissipées. Sa bonté est sans bornes. Adieu donc, ma tendre amie, ma chère Sachinca, mon ange, mon tout. Adieu. Je t'embrasse mille fois, je baise tes mains et nos enfants. Dieu, puisse-t-il bénir celui qu'il va nous donner. Adieu. Je t'embrasse encore. Adieu. Dieu soit avec toi. Adieu.

Перевод

1793, апреля 25 дня. Санкт-Петербург

Скорби моей нет предела. Вот три или уже четыре почты, как не имею от тебя известий, дорогая Сашенька! Что будет, ежели и завтра не получу твоих писем? Мое несчастье будет довершено. Даже теперь, думая, что ты больна, не владею собою. А какая иная помеха может быть причиной твоего молчания? Мысли печальные и огорчительнейшие удручают мою душу. Всякую ночь меня тревожат ужасающие сны. Уповаю на бога; он единственное мое утешение. Без него бы не выдержал. Но я еще надеюсь: он не будет столь жесток, чтоб заставить меня вынести муку, превосходящую мои силы. Но нет, он слишком милосерден, он не допустит этого, это всего лишь испытание. Он хочет испытать мою веру, а у меня горячая вера в него. Нет, он не захочет сделать меня несчастным на всю жизнь и, быть может, на веки веков, ибо я чувствую, что неминуемо паду под бременем своего отчаяния.

Ах, Сашенька! Сколь ты мне дорога! Как вся душа моя живет в твоей душе! Нет, случись с тобой несчастье — я его не перенесу. Но отчего ты молчишь? Мысли мои мешаются. Напрасно подбодряю себя. О, боже, отврати от меня несчастие, которое меня бы раздавило. Не сообразуй своей кары с моими грехами. Будь милостив. Я уповаю лишь на твое милосердие. Ах, Сашенька, какая мука! Особенно твое состояние вызывает у меня страхи. Однако не хочу давать воли этим мыслям, они завели б меня в ад, и я погрешил бы против божественной доброты. Нет, будем надеяться. Боже, дай мне силы не роптать. Да, и в сей час он дарует мне эту силу. Да, я надеюсь, что страхи мои рассеятся. Нет предела доброте его. Прощай, мой милый друг, дорогая моя Сашенька, ангел мой, мое всё. Прощай. Целую тебя тысячу раз. Целую руки твои и наших детей. Да благословит господь того, кого вскоре нам подарит. Прощай. Еще раз целую тебя. Прощай. Бог с тобою. Прощай.

78

А. А. КАПНИСТ

2 мая 1793 г. Петербург

1793, le 2 de mai. St.-Pétersbourg

Ma tendre amie, mon aimable, ma chère Sachinca! Quel bonheur — j'ai reçu ta lettre du 2 d'avril. J'étais si près du désespoir ne recevant de toi 3 postes de lettres. Mais, grâce à dieu, me voilà heureux. Oui, je savais que le bon dieu ne voudrait pas me punir trop! Mille grâces lui soient rendues! Que je suis heureux! Je t'embrasse mille fois. Je ne puis te rien écrire, je ne me possède pas. Je n'ai qu'une idée, celle de mon bonheur, celle de savoir qu'il ne t'est rien arrivé de desastreux et que la grâce du bon dieu veille sur ma chère Sachinca. Ah! comme je t'aime, ma tendre amie. Non, tu n'as pas d'idée, et tu ne m'aimes pas comme je t'aime. Je t'écrirai demain par Трохим Павлович Мищенко. Aujourd'hui je ne puis rien te dire, sinon que je suis heureux, que je t'embrasse mille fois, et que je vous embrasse tous. Adieu. Le bon dieu soit avec toi. Adieu. Je t'embrasse encore. Adieu.

Перевод

1793, мая 2 числа. Санкт-Петербург

Мой милый друг, любезная, дорогая моя Сашенька! Какое счастье — получил твое письмо от 2 апреля. Не имея от тебя 3 почты писем, я был так близок к отчаянию. Но вот, слава богу, теперь я счастлив. Да, я знал, что господь не захочет меня покарать слишком сурово. Тысячу раз благодарение господу! До чего же я счастлив! Целую тебя тысячу раз. Ни о чем не могу тебе писать, не владею собою. Об одном только думаю: о моем счастии, о том, что знаю теперь, что с тобою не приключилось никакой беды и что милость божия почиет на дорогой моей Сашеньке. Ах! как люблю тебя, милый мой друг. Нет, ты и представить не можешь и не любишь меня так, как я тебя люблю. Буду писать тебе завтра с Трохимом Павловичем Мищенко. Сегодня ничего сказать тебе не могу, как только то, что я счастлив, целую тебя тысячу раз и всех обнимаю. Прощай. Бог с вами. Прощай. Еще целую тебя. Прощай.

79

А. А. КАПНИСТ

3 мая 1793 г. Петербург

1793, le 3 de mai. St.-Pétersbourg

Ma tendre amie, mon ange Sachinca, ma chère Sachinca! Je t'embrasse mille et mille fois, je baise tes yeux, tes mains. Chère amie! Que je suis heureux! Le bon dieu t'a délivré du cher fardeau que tu portais dans ton sein. Béni soit son nom. Béni soit l'enfant de notre amour. Bénie soit sa mère. Oui, Sachinca, le bon dieu t'aime, il ne m'abandonne pas pour toi. Ah! ma chère amie, mon coeur nage dans la joie. Encore une fois je t'embrasse et bénis dieu. Quelle joie, quel bonheur pour moi! Aujourd'hui je reçois tes deux lettres, l'une de 11, l'autre de 18 d'avril — après un silence très long — et comme je suis transporté! Non, ma tendre amie, je ne sais pas te rendre mon extase, les paroles me manquent. Je suis tout à mon ravissement. Je me hâte de te communiquer. La poste part. Adieu, ma tendre amie. Puisse le bon dieu te conserver dans une parfaite santé! Puisse l'enfant que le bon dieu nous a donné être ta joie et notre bonheur. Je soupire plus que jamais du désir de voler dans tes bras. Ces jours-ci cela doit être décidé. Adieu. Je t'embrasse mille fois. Donne tes mains que je les baise en idée. Ah, Sachinca, comme je t'aime, comme tu m'es chère! Mon amour croît toujours. Adieu. Quand pourrai-je n'être jamais séparé de toi! Adieu, je t'embrasse encore. Que ma joie passe dans ton âme. Adieu.

Перевод

1793, мая 3 дня. Санкт-Петербург

Мой милый друг, ангел мой Сашенька, дорогая моя Сашенька! Целую тебя тысячу и тысячу раз, целую глаза твои, руки, Дорогой друг! Как я счастлив! Господь освободил тебя от дорогого бремени, которое ты носила в лоне своем. Благословенно будь имя его. Благословенно будь дитя

нашей любви. Благословенна будь мать его. Да, Сашенька, господь тебя любит, ради тебя он меня не оставил. Ах, дорогой мой друг, сердце мое полно радостью. Еще раз целую тебя и благословляю господа. Какая радость, какое счастие для меня! Сегодня после очень долгого молчания получаю два твоих письма, одно от 11-го, другое от 18-го апреля, и в какой же пришел восторг! Нет, милый друг мой, я не умею передать тебе моего восторга, слов не достает. Я весь полон восхищения. Спешу поделиться <им> с тобою. Почта уходит. Прощай, милый друг мой. Да сохранит тебя бог в совершенном здравии. Да будет дарованное нам господом дитя твоею радостью и нашим счастьем. Более, чем когда-либо томлюсь желанием лететь в твои объятия. Это должно решиться на сих днях. Прощай. Целую тебя тысячу раз. Дай твои руки, чтоб я их расцеловал в мыслях. Ах, Сашенька, как тебя люблю, до чего же ты мне дорога. Любовь моя все возрастает. Прощай. И когда только смогу я никогда с тобою не разлучаться! Прощай. Еще целую тебя. Пусть радость моя перейдет в твою душу. Прощай.

80

А. А. КАПНИСТ

17 мая 1793 г. Петербург

1793 года, мая 17 дня. Петербург

Ma tendre amie, mon ange, mon aimable Sachinca — que j'envie le sort de mr. Mischenco qui te remettra cette lettre! Il va baiser ta main, il va te voir — et moi, exilé ici, je tâche de m'étourdir pour ne pas sentir toute l'amertume de mes privations.Que faire, ma chère amie! Le bon dieu le veut ainsi.

Hier j'ai cru avoir une résolution, car Gavrilo Romanovitsch devait revenir de Sarsco-Selo, mais il n'est pas revenu. Je vais à Sarsco-Selo ces jours-ci et j'y resterai jusqu'à ce que j'aie une fin. J'ai le coeur serré, ma chère amie, du chagrin jaloux qu'un autre part d'ici et va te voir, et moi, je reste ici! Ah, ma tendre Sachinca! Combien je sens que tout mon bonheur est attaché à toi! Sans toi je végète, je m'étourdis, je me fuis moi-même. Je suis tous les jours chez Gavrilo Romanovitsch, ou chez Samarine, ou chez le comte Voronzoff. Tu sais que l'on m'y aime. Je tâche d'être amusant et parfois je le suis pour tout le monde, excepté pour moi. Jusqu'à présent cependant j'ai supporté assez cet état, mais il me devient insupportable. Je ne sais plus où donner de la tête. J'ai acheté un étalon turc, je le monterai et ferai des courses pour me distraire par la fatigue. Enfin, je ferai comme je pourrai. Dieu me donnera des forces. Il m'éprouve, et j'espère que si je ne murmurerai pas, il me délivrera bientôt de cette tâche pénible. Mais c'est assez parler de mes ennuis, parlons d'autre chose.

Pour cajoler un peu la souveraine et pour la porter à me vouloir un peu de bien, j'ai écrit une ode sur les fiançailles du grand duc Alexandre, et le 10 après midi mr. Derjavin la lui présenta. Le 11 le matin je l'ai présentée à la grande duchesse Elisabeth, et l'après-midi au grand duc Alexandre. Les derniers m'ont remercié, pour la souveraine je ne sais pas encore ce qu'elle en pense; car elle est partie le 12 pour Sarsco-Selo, et Gavrilo Rom(anovitsch) n'a pas encore été de retour. Je t'envoie des exemplaires; lis et admire que dans deux jours la nécessité pour la première fois m'a fait composer une ode. S'il en fallait composer une douzaine <en> 24 heures pour me <нрзб.> d'ici, je crois que je ne resterais pas en défaut. Mais que faire? Parlons de toi.

J'espère, ma tendre amie, que jusqu'à présent tu es déjà tout-fait rétablie, que tu jouis à présent du beau temps dans ton Sachino, et qu'égarée dans le jardin tu penses à moi, tu sèmes des pleurs pour être <нрзб.> par moi. Oui, ma tendre amie, pense à moi, mais sans chagrin. Tâche de t'amuser, de te distraire, de te porter bien surtout. Adieu. Je soupire après l'instant heureux qui me doit unir à toi. Adieu. Je t'embrasse mille fois. Je baise tes mains et nos enfants. Adieu, ma tendre amie. Dieu soit avec toi et avec vous tous. Adieu. Je t'embrasse encore. Ah! quand pourrai-je être à tes côtés! Adieu. Je t'embrasse encore.

Перевод

Милый друг мой, ангел мой, любезная Сашенька, как завидую я участи г-на Мищенки, который вручит тебе сие письмо! Он поцелует твои руки, он увидит тебя, а я, прикованный здесь изгнанник, стараюсь забыться, чтобы не чувствовать всей горечи своих лишений. Что делать, дорогой друг! Богу так угодно.

Вчера надеялся получить резолюцию, ибо Гаврило Романович должен был возвратиться из Царского Села, да не вернулся. Поеду на сих днях в Царское Село и буду там, пока не покончу с делом. У меня, дорогой мой друг, сердце сжимается от ревнивой печали, что другой едет отсюда и увидит тебя, а я, я остаюсь здесь! Ах, милая моя Сашенька! Сколь я чувствую, что все счастие мое связано с тобою! Без тебя я прозябаю, стараюсь забыться, бегу самого себя. Всякий день бываю у Гаврилы Романовича, или у Самарина, или у графа Воронцова. Ты знаешь, что меня там любят. Стараюсь быть занимательным и подчас и занимателен для всех, но не для себя. До сей поры, однако же, я как-то переносил подобное положение, но оно становится нестерпимым. Уж не знаю, что и делать. Купил себе турецкого жеребца, объезжу его и буду совершать прогулки, чтобы отвлечься усталостью. В общем, что-нибудь да придумаю. Бог даст мне силы. Он испытывает меня и я надеюсь, что ежели не буду роптать, он скоро освободит меня от сего мучительного искуса. Ну, да полно говорить о моих огорчениях, поговорим о другом предмете.

Чтоб несколько польстить государыне и склонить ее на некоторое ко мне благоволение, написал я оду на обручение великого князя Александра. Державин поднес ей мою оду 10 числа пополудни. 11-го поутру преподнес я оду великой княгине Елизавете, а после полудня — великому князю Александру. Сии последние меня поблагодарили, а что о сем думает государыня, пока не знаю, ибо 12-го она отбыла в Царское Село, и Гаврило Романович еще не вернулся. Посылаю тебе экземпляры: прочти и подивись, как нужда впервые заставила меня в два дня сочинить оду. Ежели мне надо было бы, чтоб <вырваться> отсюда, сочинить оных в 24 часа дюжину, думаю, что меня б на это достало. Да что делать? Поговорим о тебе.

Милый мой друг, я надеюсь, что теперь ты уже совсем оправилась, что наслаждаешься сейчас в Сашино хорошей погодой и, бродя по саду, думаешь обо мне, часто плачешь <из-за меня>. Да, милый друг мой, думай обо мне, но без печали. Старайся веселиться, развлекаться и особливо быть здоровою. Прощай. Я жажду счастливого того мгновения, которое должно соединить меня с тобою. Прощай. Целую тебя тысячу раз. Целую твои руки и детей наших. Прощай, мой милый друг. Бог с тобою и со всеми вами. Прощай. Еще раз целую. Ах! и когда только смогу я быть подле тебя! Прощай. Еще целую.

81

А. А. КАПНИСТ

25 мая 1793 г. Петербург

1793, le 25 de mai. St.-Pétersbourg

Ma chère, ma tendre amie, mon aimable Sachinca! Je te demande pardon d'avoir manqué une poste à t'écrire. Ce n'est pas ma faute. J'ai préparé au lieu de la poste d'envoyer mes lettres par Трохим Павлович Мищенко, qui devait arriver plus vite <que> la poste. Mais il n'est pas parti. La mort de Михайло Никитич l'arrêta ici, et j'envoie aujourd'hui ces mêmes lettres par Яков Ефимович Бровков. Cependant je t'écris cette lettre par poste, et ce n'est que pour te dire que je commence à enrager de la lenteur avec laquelle ma lettre parvient à l'impératrice, et de l'absence à laquelle je suis condamné. Je souffre un <vide> immense.

Ah, dieu! je serai au désespoir si cela dure encore. Cessons d'en parler. On parle qu'à la place de Михайло Никитич on enverra Тутолмин. Ce sera un bonheur pour Александра Ананьевна. La souveraine a déjà envoyé un courrier pour le chercher. Du reste tout est ici sur le pied ancien.

Adieu, ma chère. Бровко part, et moi — je reste et cela me donne de l'humeur et je dois finir. Adieu donc, je me porte bien. Dieu donne que vous puissiez tous vous bien porter. Je t'embrasse, ma tendre Sachinca, mille fois. Adieu. Je languis sans toi. Adieu. Je t'embrasse encore une fois. Adieu, ma chère, que la volonté du dieu soit avec vous tous. Tomara avec sa femme, la fille de mr. <Calamey> est arrivé ici hier. Voilà de quoi se consoler! Adieu donc, ma tendre amie.

Je vous envoie cette lettre que j'ai reçue par cette poste. Je vous prie de nous envoyer les livres allemands que vos Gastes ont pris ici. Вы ко мне пишете, что вы не очень здоровы и невеселы. Зачем так унывать? На бога надобно надеяться, он все исправит. Мне здесь хлопоты, почти хреблю опять ломает. И те, кто имеют свои кола на мельницы, но и то помогать не хотят, а сами мелют. Нам одним нельзя всего выставить, ибо очень много, одного хворосту больше ста воз надобно. А об другом и нечего говорить, и тут я не огорчаюсь, ибо нечего делать. Дай бог, чтобы вы здоровы были и ваши. Прощайте.

Перевод

1793, мая 25 дня. Санкт-Петербург

Дорогая моя, милая моя, любезная моя Сашенька! Прости, что упустил одну почту писать к тебе. Не моя это вина. Я приготовлялся вместо почты послать свои письма с Трохимом Павловичем Мищенко, он должен был добраться скорее почты. Да он не уехал. Кончина Михайлы Никитича задержала его здесь, и я посылаю сегодня эти самые письма с Яковом Ефимовичем Бровко. Однако посылаю тебе сие письмо почтою затем только, чтоб сказать тебе, что начинаю беситься от той медлительности, с которой продвигается к императрице мое письмо, и от разлуки, на которую обречен. Я ощущаю беспредельное одиночество.

О боже! приду в отчаяние, ежели это еще продлится. Полно об этом и говорить. Сказывают, что на место Михайлы Никитича будет послан Тутол-

мин. Для Александры Ананьевны это будет счастьем. Государыня уже послала за ним курьера. Впрочем, все здесь по-старому.

Прощай, дорогая моя. Бровко едет, а я, я остаюсь и оттого прихожу в дурное настроение и должен кончить. Прощай же. Я здоров. Дай бог и вам всем здоровья. Целую тебя, милая моя Сашенька, тысячу раз. Прощай. Томлюсь без тебя. Прощай. Целую еще раз. Прощай, моя дорогая. Да будет с вами воля божия. Томара с женою, дочерью г-на ‹Каламея› приехал вчера сюда. Есть чем утешиться! Прощай же, милый друг мой. Посылаю вам полученное по сей почте письмо. Прошу вас, перешлите нам немецкие книги, что взяли здесь гости ваши...

82

А. А. КАПНИСТ

29 мая 1793 г. Петербург

1793, le 29 de mai. St.-Pétersbourg

J'ai eu le plaisir, ma chère, ma tendre amie, de recevoir ta lettre de 10 de mai. Je remercie dieu de ce que tu te portes bien et que tu t'occupes du jardin pour te distraire. Continue, ma chère amie, d'embellir l'aimable Sachino dont tu seras toujours le plus bel ornement. Comme je brûle du désir d'y voler! Quel charme mon imagination m'y offre! Quel tableau ravissant que celui de jouir avec toi de ces beautés sans nombre que la nature y a pratiqué et de ces plaisirs champêtres que mon âme ne sait jamais apprécier si bien que quand j'en suis privé! Ah! que ce séjour de la capitale me devient insupportable! Comme j'y traîne mon existence pénible! Quand dieu me délivrera-t-il de ce purgatoire pour me ramener dans le séjour du paradis que tu habites. Je tâche ici de me distraire. Pendant l'absence de tous les nôtres je fréquente journalement les maisons de Samarine et de Voronzoff, où je suis très aimé, les spectacles, les promenades, mais tout cela n'est pas, ma chère Sachinca: je puis pour quelques instants m'oublier, mais je ne puis jamais t'oublier. Ton image me suit partout. Je le compare à tout ce que je vois — et je ne trouve rien qui ne soit au-dessous de toi. Ton âme surpasse tout. J'ai trouvé de l'esprit, des agréments, de la beauté, même des sentiments — mais où trouver une âme qui ne respire que la vertu, que la bienfaisance, que l'amour; où trouver un coeur qui comme le tien se soit fait son bonheur unique du bonheur des autres et surtout du mien! Non, ma tendre Sachinca, je ne l'ai trouvé qu'en toi, et je ne le trouverai qu'en toi! Ah! comme tu m'es chère, ma tendre amie, comme je t'aime, comme mon âme s'unit à la tienne par des liens que la mort même ne saura dissoudre! Mais pourquoi ces liens ne sont-ils pas en état de me retenir toujours auprès de toi malgré le destin qui me sépare de toi? Ne murmurons pas contre la providence, soumettons-nous. Mais qu'il est dur de se soumettre sans murmure à se séparer de ce qui fait toute notre félicité! Que faire? J'espère que bientôt mon exil finira. Гавр‹ило› Роман‹ович› m'a écrit de Sarsco-Selo que ces jours-ci mon affaire sera terminée pour sûr, et alors — rien, rien ne me retiendra une seule seconde. Je pars, je vole vers toi, et dans tes bras j'oublierai tous les chagrins que j'ai soufferts en ton absence. Adieu donc, ma tendre amie. Je baise tes mains. Prie le bon dieu qu'il me fasse réussir dans mes desseins et qu'il me ramène bientôt auprès de toi. Il t'entendra, ma chère amie, il t'aime. Je le prie pour toi. Je bénis et embrasse nos enfants. Je t'embrasse mille fois. Adieu, chère Sachinca! adieu. Toute mon âme est à toi. Que le bon dieu te donne la santé et la tranquillité et surtout

qu'il propage en ton coeur cet amour pour moi qui fait tout mon bonheur. Aime-moi, ma tendre amie, comme je t'aime. Adieu. Je t'embrasse encore. Adieu. Mes compliments à tous ceux qui m'aiment. Adieu.

Перевод

1793, мая 29 числа. Санкт-Петербург

Я имел удовольствие, дорогой мой, милый друг, получить твое письмо от 10 мая. Благодарю господа, что ты здорова и для развлечения занимаешься садом. Продолжай, друг мой, украшать любезное Сашино, коего ты всегда будешь наилучшим украшением. Как я горю желанием лететь туда! В каком очаровании является оно моему воображению! Что за восхитительная картина — наслаждаться вместе с тобою бесчисленными красотами, созданными там природою, и теми сельскими забавами, которые душа моя особенно ценит, когда я их лишен. Ах! как мне становится несносно жить в столице! Как влачу здесь свое мучительное существование! И когда только господь вызволит меня из сего чистилища и вернет в обиталище рая, где ты живешь. Стараюсь рассеяться. В отсутствие наших ежедневно бываю в доме у Самарина и у Воронцова, где меня очень любят, на спектаклях, прогулках, да все это не то, дорогая Сашенька: я могу на несколько мгновений забыться, но никак не могу забыть о тебе. Твой образ повсюду меня сопровождает. Сравниваю его со всем, что вижу, и не нахожу ничего, что не было бы ниже тебя. Душа твоя превосходит все. Я нашел ум, приятность, красоту, даже чувства, но где отыскать душу, которая дышала бы только добродетелью, добротою, любовью; где найти сердце, которое подобно твоему полагало бы свое счастие единственно в счастии других и особенно в моем счастии. Нет, милая моя Сашенька, я нашел свое счастие лишь в тебе и не найду его нигде, как в тебе. Ах, как дорога ты мне, милый друг мой, как люблю тебя, как душа моя соединяется с твоею узами, расторгнуть кои не сумеет сама смерть! Но отчего сии узы не в состоянии навсегда удержать меня подле тебя вопреки року, разлучающему меня с тобою? Не будем роптать на провидение, покоримся. Но как бывает тяжко безропотно покоряться разлуке с тем, что составляет все наше счастие! Что делать? Надеюсь, что мое изгнание скоро окончится. Гаврило Романович за верное написал мне из Царского Села, что на сих днях дело мое будет окончено, и тогда ничто, ничто не удержит меня ни на единую секунду. Уеду, полечу к тебе, и в объятиях твоих забуду все горести, перенесенные в разлуке с тобою. Прощай же, милый друг мой. Целую твои руки. Моли бога, чтоб дал мне преуспеть в моих намерениях и скорее вернул меня к тебе. Он услышит тебя, дорогой друг мой, он любит тебя. Молюсь ему о тебе. Благословляю и целую детей. Целую тебя тысячу раз. Прощай, дорогая Сашенька, прощай. Я твой всей душою. Да дарует тебе бог доброе здравие и спокойствие, и в особенности да вселит он в твое сердце любовь ко мне, составляющую все мое счастие. Люби меня, милый мой друг, как я тебя люблю. Прощай. Еще целую тебя. Прощай. Кланяюсь всем, кто меня любит. Прощай.

83

А. А. КАПНИСТ

12 июня 1793 г. Петербург

12 июня 1793 года. С.-Петербург

Сию минуту, душенька Сашенька, получил я твое последнее письмо и сию минуту еду в Царское Село, и почта отходит — для того пишу тебе только три слова. Проси бога, душенька, чтоб он выручил меня из ада

сего. Терпение мое доходит до конца. Теперь нападу на Гаврила Романовича. Так грустно по тебе, что сказать нельзя. Проси бога, душенька моя, он тебя послушает, а от меня, видно, не приемлет молитвы. Прощай, ангел мой. Будь здорова, старайся не скучать. Занимайся, делай более движения. Целую твои руки. Прощай, душа моя. Авд‹отье› Ив‹ановне› и Иван Ив‹ановичу› кланяюсь. Боже мой! Когда я к тебе полечу. Но теперь уже не может долго закоснеть мое дело. Прощай душа моя. Целую твои руки и наших малюток. Бог с вами.

84

А. А. КАПНИСТ

18 июня 1793 г. Петербург

1793, le 18 de juin. St.-Pétersbourg

Mon chère amie, ma tendre amie, mon ange, mon aimable Sachinca! Enfin je puis te donner l'agréable nouvelle que sa majesté a terminé mon affaire des comptes et a reçu mes éclaircissements avec bonté. Je te joins la copie d'une lettre de Gavrilo Rom‹anovitsch› Derjavin à mr. Samoiloff. En particulier Гавр‹ила› Романович m'a dit que la souveraine est bien disposée à mon égard et que ces jours-ci elle ordonnera de mon congé. Commence, ma tendre amie, par remercier le bon dieu de tout ce qu'il fait pour moi. C'est une affaire qui m'a donné bien de la peine et qui sans son secours visible aurait pu dès le commencement tourner très mal. Mais grâce à lui je suis tranquille. A présent je vais tout mettre en oeuvre pour me débarasser tout-à-fait d'ici et pour avoir un repos solide et pour voler dans tes bras et ne m'en arracher jamais. Je sens ici la joie que cette nouvelle te causera, de même qu'à mon frère, à Ив‹ан› Ив‹анович›, Авд‹отья› Ив‹ановна› et à tous mes amis. Je me hâte de vous la faire parvenir. Communique-la au plus tôt à mon frère. Je t'embrasse, ma chère Sachinca, bien tendrement. Adieu. Remercie le bon dieu. Qu'il est bon, ma tendre amie! Et que je mérite peu ses bontés, c'est toi, mon ange, pour qui il dispense ses grâces. Mon aimable Sachinca, que je te dois, et que je t'aime. Dans mes chagrins tu es tout mon bonheur, et dans mon bonheur tu es tout pour moi. Je ne le sens qu'autant que tu le sentiras. Adieu, mon aimable amie, je t'embrasse mille fois. J'embrasse mes enfants, mes nièces, tous les nôtres. Adieu. Que le bon dieu soit avec vous. Adieu.

Перевод

1793, июня 18 дня. Санкт-Петербург

Мой дорогой друг, мой милый друг, ангел мой, любезная Сашенька! Наконец-то могу сообщить тебе приятное известие, что ее величество закончила мое дело со счетами и разъяснения мои приняла с добротою. Прилагаю для тебя копию письма Гаврилы Романовича Державина г-ну Самойлову. Гаврило Романович сказал мне, в частности, что государыня весьма ко мне расположена и на сих днях даст повеление о моей отставке. Прежде всего, друг мой, возблагодари господа за все, что он для меня делает. Вот дело, которое причинило мне много беспокойства и которое без видимой его помощи могло с самого начала очень дурно обернуться.

Но, благодаря богу, я спокоен. Теперь пущу в ход все средства, чтоб окончательно вырваться отсюда, и чтобы как следует отдохнуть, и чтоб лететь в твои объятия и никогда более из них не вырываться. Я отсюда чувствую радость, которую сия новость причинит тебе, как и моему брату, Ивану Ивановичу, Авдотье Ивановне и всем моим друзьям. Спешу поделиться ею с вами. Сообщи ее как можно скорее брату моему. Очень нежно целую тебя, дорогая моя Сашенька. Прощай. Возблагодари господа. Как он милостив, милый друг мой! И как мало заслуживаю я его благодеяния; ангел мой, это ради тебя расточает он свои милости. Любезная моя Сашенька, сколь я тебе обязан и как тебя люблю! В печалях моих ты все мое счастие, а в счастии моем ты для меня все. Я чувствую его лишь поскольку ты его ощущаешь. Прощай, любезный мой друг, целую тебя тысячу раз. Целую детей, племянниц, всех наших. Прощай. Бог с вами. Прощай.

85

А. А. КАПНИСТ

27 июня 1793 г. Петербург

1793, le 27 de juin. St.-Pétersbourg

Que dois-je penser, ma chère amie, que voilà deux postes que je ne reçois pas de tes lettres? Je ne me puis pas défendre d'une inquiétude très pénible. Chaque fois que je ne reçois pas de tes nouvelles, j'ai beau m'assurer que c'est la faute de la poste. Dieu donne, ma tendre amie, que tu te portes bien. C'est mon voeu le plus ardent. Pour moi, j'espère bientôt me débarasser d'ici. Гавр<ила> Роман<ович> m'a promis de finir l'affaire de mon congé après les fêtes, la plus difficile affaire étant déjà, comme je te l'ai communiqué, finie. Je travaille avec mon frère au Sénat contre Tarnovskaya et nous espérons une bonne réussite. Ah! Quand pourrai-je déjà finir tout ici et voler dans tes bras. Mon impatience s'accroît de jour en jour. Mais je n'ose murmurer. Que la volonté du bon dieu soit faite! Adieu, je vais aujourd'hui à Sarsco-Sélo pour y rester quelques jours pour aiguillonner Гавр<ила> Ром<анович>. Adieu. Je t'embrasse mille fois et tous nos enfants. Ah! ma tendre amie, quelle joie de vous revoir tous! Adieu. Je ne veux pas fixer mon imagination sur ce tableau enchanteur: mon séjour ici me deviendrait insupportable. Adieu. Je baise tes mains. Mes compliments à nos amis. Dieu soit avec vous tous. Adieu.

Перевод

1793, июня 27 дня. Санкт-Петербург

Что должен я думать, дорогой друг, что вот уже две почты не получаю твоих писем? Не могу отделаться от мучительного беспокойства. Всякий раз, как не получу от тебя известий, напрасно пытаюсь уверить себя, что виною тут почта. Дай бог, милый мой друг, чтоб ты здорова была. Вот самое пламенное мое желание. Что до меня, надеюсь вскоре вырваться отсюда. Гаврила Романович обещал кончить дело с моим отпуском после праздников; ведь самое трудное дело, как я тебе сообщил, уже закончено. Я действую со своим братом в Сенате против Тарновской, и мы надеемся

на счастливый исход. Ах! и когда только смогу я все кончить здесь и лететь в твои объятия. Нетерпение мое растет со дня на день. Но роптать не осмеливаюсь. Да будет воля божия! Прощай. Отправляюсь сегодня в Царское Село и пробуду там несколько дней, чтоб понукать Гаврилу Романовича. Прощай. Целую тысячу раз тебя и наших детей. Ах, милый мой друг, какая радость снова всех вас увидеть! Прощай. Я не хочу останавливать свое воображение на сей пленительной картине: жизнь здесь станет мне тогда невыносимой. Прощай. Целую твои руки. Кланяюсь нашим друзьям. Бог с вами. Прощайте.

86

А. А. КАПНИСТ

4 июля 1793 г. Петербург

1793, le 4 de juillet. St.-Pétersbourg

Ma tendre, ma chère Sachinca! J'ai eu le plaisir de recevoir ta lettre du 12 de juin. Je ressens tout le chagrin très vivement que te cause notre séparation. Mon dieu! Comme je volerais dans tes bras! Mais, ma chère, que faire! Je veux finir tout-à-fait toutes mes affaires pour n'être lié par rien. Gavrilo Romanovitsch cherche des moments favorables pour présenter ma lettre à la souveraine. Ces moments sont si rares, elle est si occupée des affaires d'état! Mais il me promet qu'il fera mon affaire le plus tôt possible. Tu sais, ma tendre amie, que ce procès avec la maudite Tarnovskaya nous donne tant d'inquiétudes; il faut nécessairement y mettre une fin. Je dois faire ces jours-ci donner au Sénat une requête contre le наместническое правление et contre elle. Tout cela prend du temps, ma tendre amie. Il faut s'armer de patience et espérer en dieu que comme il n'a pas trompé mon attente dans la première affaire et m'a comblé du succès, il en faira autant avec le reste. J'espère en lui, et jamais il ne rejette ceux qui espèrent en lui. Mais, ma tendre, ma chère Sachinca, l'épreuve, à laquelle il nous expose, est très forte. Il la faut cependant supporter sans murmure. Il est vrai que je n'en suis pas tout à fait capable: je commence à ressentir ces mouvements de coeur qui tiennent du murmure. Efforce-toi donc, ma chère amie, de remédier à ce mal par un devouement sincère à ses volontés. Tu es plus pure que moi, ma chère Sachinca, il t'enverra plutôt sa grâce et elle coopérera sur mon coeur par cet amour le plus tendre qui lie nos âmes. Sachinca, tends-moi ta main, et soutenons-nous réciproquement. Ah, ma tendre amie, comme je sens présentement que mon existence serait nul sans toi, et ma vie un fardeau insupportable sans ton amour. Quelle amertume que me cause ton absence! Mais quand je me représente le plaisir que j'aurai de te revoir, de te presser contre mon coeur et de sentir ton coeur aimant et vertueux battre contre le mien — une extase inexprimable me remplit et efface une partie de mes souffrances. Mais, hélas, après ces moments délicieux quels instants douloureux n'ai-je pas à passer! Mais j'espère en dieu que bientôt ils passeront pour ne pas revenir jamais, et que la paix va couler nos jours loin de toutes inquiétudes. J'espère, et je ne serai pas déçu dans mon attente. Adieu donc, mon ange, ma tendre amie. Je vais aujourd'hui encore à Sarsco Selo pour presser mon ami. Adieu. Tâche de supporter l'amertume de notre séparation constamment et ne te laisse pas abattre. Ma tendre amie, je t'embrasse mille fois. Tous mes sentiments sont à toi. Adieu. Dis à mon frère, ma chère Sachinca, que je ne lui écris pas parce que je suis en désespoir de ne pouvoir pas lui

écrire rien de décisif, et que je suis sûr que des espérances changeantes lui feront plus de peine que de plaisir. Je l'embrasse en idée. J'embrasse nos chers enfants. Mes compliments à Ив‹ан› Ив‹анович› et Авд‹отья› Ив‹ановна›; leur frère Матвей Иванович va être un assesseur d'un Казенная палата dans les gouvernements de la Pologne, et leur cousin Трохим Павлович un conseiller. Adieu encore, ma chère amie. Je baise tes mains. Tâche de t'amuser dans les travaux du jardin. Je suis sûr que je le reverrai embelli par toi et par tes mains. Que font mes nouveaux canaux, l'inondation du printemps les a-t-elle creusé plus profondément? Cette solitude me devient plus chère par la solitude où je suis à présent. Adieu. Je t'embrasse encore. Adieu, mon ange, adieu. Prie dieu pour moi, il t'entendra, ma chère. Adieu.

Перевод

1793, июля 4 дня. Санкт-Петербург

Милая моя, дорогая моя Сашенька! Я имел удовольствие получить твое письмо от 12 июня. Я живо чувствую печаль, которую причиняет тебе наша разлука. Боже мой! Как летел бы в твои объятия! Но, дорогая моя, что делать! Хочу окончательно разделаться со всеми своими делами, чтоб быть ничем не связанным. Гаврило Романович ищет благоприятного момента, чтобы подать мое письмо государыне. Такие моменты столь редки, она так занята государственными делами. Но он обещает мне, что устроит мое дело как можно скорее. Ты знаешь, мой милый друг, что тяжба с проклятой Тарновской доставляет нам столько беспокойства; надобно непременно положить этому конец. На сих днях я должен подать в Сенат жалобу на наместническое правление и на нее. Все это требует времени, милый друг. Надобно вооружиться терпением и уповать на бога, что он, не обманувший моих ожиданий в первом деле и даровавший мне успех, содеет также и в остальном. Уповаю на него, а он никогда не отвергает тех, кто на него уповает. Но, милая, дорогая Сашенька, очень велико то испытание, которому он нас подвергает. Надобно, однако же, сносить его без ропота. Правда, на это я не вполне способен: начинаю ощущать те движения сердца, кои походят на роптание. Постарайся же, дорогой мой друг, пособить сей беде искренной покорностью воле его. Ты чище меня, моя дорогая Сашенька, он скорее ниспошлет на тебя свою благодать, и она передастся моему сердцу, благодаря нежнейшей любви, связывающей наши души. Сашенька, протяни мне руку и поддержим друг друга. Ах, милый друг мой, как я чувствую ныне, что существование мое было бы без тебя бессодержательным, а жизнь моя без твоей любви — несносным бременем. Какова горечь, причиняемая мне разлукой с тобою! Но когда я представляю себе предстоящее удовольствие увидеться с тобою, прижать тебя к своему сердцу и почувствовать, как твое любящее и добродетельное сердце бьется подле моего, невыразимый восторг овладевает тогда мною и изглаживает часть моих страданий. Но, увы! вслед за этими восхитительными мгновениями какие приходится мне проводить горестные минуты! Но уповаю на бога, что они вскоре минуют, чтоб никогда не возвращаться, и что покой направит наши дни вдалеке от всех треволнений. Я надеюсь и не обманусь в своих ожиданиях. Прощай же, мой ангел, мой милый друг. Сегодня опять поеду в Царское Село, чтоб поторопить моего друга. Прощай. Старайся с твердостию переносить горечь нашей разлуки и не поддавайся унынию. Целую тебя тысячу раз, мой милый друг. Все чувства мои к тебе. Прощай. Передай моему брату, дорогая Сашенька, что не пишу ему оттого, что я в отчаянии от невозможности написать ему что-либо решительное, и что переменчивые надежды, я уверен,

доставят ему более огорчения, нежели удовольствия. Целую его в мыслях. Целую дорогих детей. Кланяюсь Ивану Ивановичу и Авдотье Ивановне; брат их Матвей Иванович будет асессором казенной палаты в польских губерниях, а кузен Трохим Павлович советником. Прощай же, дорогой друг. Целую твои руки. Старайся развлечься работой в саду. Уверен, что увижу его украшенным тобою и твоими руками. Как поживают новые канавки, углубил ли их весенний разлив? Сей уединенный уголок делается мне еще дороже благодаря теперешнему моему одиночеству. Прощай. Еще целую тебя. Прощай, ангел мой, прощай. Молись за меня богу, он тебя услышит, дорогая моя. Прощай.

87

А. А. КАПНИСТ

24 июля 1793 г. Петербург

24 июля 1793 г. С.-Петербург

На последней почте я от тебя, милая моя Сашенька, не получил, да и пред сим, которое ты мне писала, было такое грустное! Ах, Сашенька, мой ангел! не будем малодушны: удалимся от роптания. Бог искушает или наказывает нас этою разлукою, повинуемся его воле. Ты видела, какая необходимость выгнала меня от тебя, а всякую такую необходимость я принимаю за божие веление исполнить его без роптания, и он помилует нас, даст нам наслаждаться покоем. Ах! душенька, ты не можешь чувствовать, что я страдаю, но терплю и молю его, чтоб он дал мне силу сносить его строгость, и он дает мне силу сносить ее без роптания. Помолись и ты ему и старайся не допускать себя до уныния. Ты знаешь, что мне надобно кончить теперь все дела для нашего покою. Раз потерпим, но навсегда останемся покойны. Я же теперь надеюсь скоро все окончить и в пользу мою. Потерпи, милая душенька моя! старайся разбивать скуку разными упражнениями и воображай себе, что духом я завсегда с тобою. С тобою хожу в саду, когда ты, уединясь, обо мне думаешь, с тобою работаю, когда ты что-нибудь к моему приезду делаешь, чтоб украсить наше уединение. Как я обрадуюсь, когда сыщу что-нибудь, что мне скажет, что ты это делала, думая обо мне. Ах, Сашенька, твое положение тысячу раз приятнее моего; с тобою дети, с тобою родные мои. Ты в том месте живешь, которое мне приятнее всех. Ты можешь без меня украшать его. А я, я ничего сего не имею. Один-один, как палец, в скверном месте и только один дом Самарина, который я люблю и где меня любят. Представь мое положение, но я не даю себе воли грустить, разбиваю себя, прошу бога, и он помогает мне необходимость сносить. Не грусти и ты, жизнь моя Сашенька. Помни, что я о тебе поминутно помню, что ты всю душу мою занимаешь, и не унывай. Главные дела я мои кончил, остались такие, которые меня не задержат. Верь, что, когда их порядочно исполню, то наградится наше терпение покоем твердым. Еще заклинаю тебя, милый друг, не предавайся унынию, сноси терпеливо и занимайся всем, чем можешь. Ведь я, приехавши, увижу, в самом ли ты деле обо мне всегда помнила. Прощай, душенька, бог с тобою и со всеми нашими. Целую твои руки. О, как я больше тебя, милая Сашенька, люблю, чем любил. Разлука прибавила тебе цены, мой друг! Я всегда тебя любил чрезмерно, но теперь чувствую, что любовь моя еще удвоилась. Прощай, мой друг, целую тебя тысячу раз и маленьких наших. Прощай, всем кланяюсь. Прощай, душа моя. Бог с тобою. Пиши чаще и подробно. Прощай. Еще раз целую тебя.

А. А. КАПНИСТ

17 августа 1793 г. Петербург

17 августа 1793 года. С.-Петербург

Виноват, миленькая Сашенька, что пропустил почту, не писал к тебе. Причина тому та, что Трохим Павлович Мищенко собрался ехать к вам и я заготовил ему письма, которых на почте послать я не захотел, а он еще здесь остался, и так почта и ушла. Прости меня за это, душенька. Милая моя Сашенька! я боюсь, чтоб этим тебе не наделать беспокойствия. Я получил твое последнее письмо, в котором ты пишешь, что вы получили известие о счастливом окончании моего главного дела, что брат и все очень обрадовались, но, душенька Сашенька, мне показалось из твоего письма, что ты не очень этому благодеянию божескому обрадовалась. Ты так коротко и отрезано об этом отвечаешь. Может быть, мне это только показалось? затем, что я надеялся, что тебя очень-очень обрадует. Как быть ни было, а мысль эта меня весьма тронула. Но я старался и стараюсь удалить ее. Боячись, чтоб буди ты не почувствовала так, как должно, сей милости божеской, бог нам не заплатил за нашу неблагодарность еще чем-нибудь чувствительнее. Но удалим это воображение. Двор приехал в город. К празднованиям собираются. Милости скопляют для разлития их в день празднования, то есть 2 сентября. Я понукаю Гавр‹ила› Ром‹ановича›, чтоб он меня решил при этом случае. Что бог даст. Пожалуй, скажи Авдотье Ивановне и Ивану Ивановичу, что по просьбе ее, о которой писал мне обязательно брат Петр Васильевич, право ничего сделать нельзя. Денежными награждениями стали весьма теперь хозяйствовать. Надобно весьма и весьма избирать благоуспешный случай. На сей раз с сердечным сожалением говорю, что этого сделать никак нельзя. При том требовать того, что 7 лет назад не сделано в Киеве, вовсе нельзя, ибо кто такое вспомнит, тому глаз вон, пословица говорит. Я посмотрю, нельзя ли будет со временем? Душевно жалею, что Авдотья Ивановна так сделалась нездорова. Дай бог, чтоб летом она совершенно оправилась. Ты о себе, мой друг, ни о детях, ни о твоих упражнениях ничего не пишешь. Это мне прискорбно. Я по крайней мере в разлуке с тобою хотя бы то имел утешение, чтоб знал, что ты делаешь. Ах! душа моя Сашенька! как несносно мне без тебя. Насилу сношу. Один только дом Гавр‹илы› Ром‹ановича› и Самарина, где я бываю. Еще слава богу, что я не один, а с братом Николаем Алексеевичем, да теперь приехал и Ник‹олай› Александрович из Черенцов. Что делать? Надобно кончить все, чтоб после быть навек покойным. Прощай, мой ангел, милая Сашенька. Целую твои руки тысячу раз, целую наших малюток. Всем кланяюсь. Прощай, душенька, дай бог, чтоб ты была здорова и бога ради не грусти, занимайся чем можешь. Боже мой, когда опять с тобою буду. Каждый час мне годом кажется в здешней моей ссылке. Прощай, целую тебя.

89

А. А. КАПНИСТ

29 августа 1793 г. Петербург

29 августа 1793 года. С.-Петербург

Душа моя, жизнь моя, любезная Сашенька, две почты от тебя не получая писем, я получил вчера последнее твое письмо с письмом брата вместе. Я удивляюсь, друг мой, как к вам письма мои не доходят. Я пишу каждую неделю. Это меня чрезмерно огорчает, а еще более то, что я вижу, душенька Сашенька, из письма твоего, что ты малодушествуешь. Приятно душе моей видеть, что тебе без меня невесело и что я один наполняю твое сердце, приятно мне сие, затем, что все мое счастие в твоей ко мне любви. Все, Сашенька, все оно тут. Без твоей любви смерть мне одна бы осталася. Ах! ангел мой, как я тебя люблю, как ты прелестною мне кажешься, как душа твоя наполняет всю мою душу, как добродетель твоя, нежность души, ангельское простосердечие и невинность меня пленяют.

Нет, Сашенька, чем более я рассматриваю здесь людей, а наипаче женщин, тем больше вижу, что все они не стоют тени твоей, тем больше все мое счастие жизни в тебе заключаю. Но, Сашенька, повторяю тебе, сколь мне ни приятно видеть твою ко мне любовь, но грустно для тебя видеть, что ты унываешь без меня и, может быть, доходишь до роптания. Сашенька, подумай, что богу угодно было на время разлучить нас, что от сей поездки моей зависит мое спокойствие, что от окончания дела доброго здесь зависело все наше будущее спокойствие и счастие, что главное уже кончено и враги мои не посмеялись мне и не угнетили меня,— теперь остается дело проклятой Тарновской, которое всего более на свете меня беспокоит. Надо с ним конец сделать, и этого-то я здесь ожидаю и надеюсь, что успею все сделать по желанию, а ты грустишь.

Ты теряешь, кажется, все терпение. Бога ради, мой друг, не унывай, а больше всего не ропщи. Бог испытует нас, повинимся его святой воле. Я уверен точно, что он нас не оставит и что за малое претерпение он нас наградит, буди мы роптать не будем большим спокойствием.

Вообразим только, душенька, что вся жизнь наша зависит от моей теперешней поездки и успеха в деле. Спокойся, мой друг, надеждою на бога, который нас никогда не оставлял и не оставит, веруй его милосердию и возложи на него печаль твою. Легко тогда будет тебе переносить скорбь твою. Ах! Сашенька, не огорчай бога, старайся заниматься: с тобою дети наши, с тобою родные и друзья, которые тебя так любят! Ты в том приятном уединении, в котором с тобою я, ничего в свете не желая, сыскивал всегда покой и счастие. Старайся заняться, мой друг! Старайся отвлечь мысли от уныния. Поцелуй и за меня Катиньку и малюток наших. Неужели тебя они не развеселяют! Ах, Сашенька, меня воображение одно, одна мысль веселит. Сенюшка истинно твой воспитанник, я этому радуюсь, что первое время ты без меня его воспитала, может быть, я бы тебе мешал, а без меня ты верно лучше его воспитаешь. Сашенька, еще раз повторяю, старайся заниматься и не огорчай бога нетерпением. Это мое тебе убедительное прошение. Прощай, душенька, я уже недолго здесь закоснею после наступающих празднований. Прощай, душенька. Будь покойна. Целую тебя тысячу раз. Прощай. Брату скажи, что писать буду на первой почте. Я слышу, что хлеб у вас начинает дорожать. Может быть, бог поможет его хорошею ценою продать. Надо пообождать. Ник‹олай› Алексеевич предлагал мне продать ему. Да вам на месте это виднее. Только в Белоруссии и некоторых частях России хлеба вовсе нет. Прощай, душенька, целую твои руки.

90

А. А. КАПНИСТ

Начало сентября 1793 г. Петербург

‹?› сентября 1793 года. С.-Петербург

Наконец, душенька, моя милая Сашенька, дожили мы до праздников. Я их описывать не буду, первое затем, что долго, другое затем, что скучно, третье затем, что читать будете обстоятельно в газетах. Скажу только то, что до нас касается.

1-е. Николаю Александровичу дали крест третьего класса Владимира, Гаврилу Романовичу — чин тайного советника, сделали его сенатором и дали крест Владимира второй степени. Думают, что он докладчиком больше не будет. Но он еще по некоторым делам докладывает. Мне великая выгода, что он сенатором, ибо Алексей Иванович Васильев и Александр Васильевич Храповицкой тоже сенаторами, все люди, которые меня любят и мне всячески добро делать станут. Итак, у меня в Сенате, кроме Петра Александровича Сойманова, человек с пять будет добрых приятелей сенаторов, коих помощью я надеюсь там просьбы мои против Тарновской будут с добрым успехом, а это теперь единственное дело мое. Дай бог мне его кончить хорошо, то я награжден буду вечным спокойствием. Я надеюсь после праздников не больше трех недель остаться и прошу бога, чтоб сие желание мое он совершил. Так наскучило здесь мне, мой друг Сашенька, что сказать нельзя и не верится, чтоб я мог опять насладиться счастием с тобою, мой милой друг, в нашем уединении. Ты мне дороже и милее час от часу становишься: час от часу я чувствую бо́льшую твоей души и добродетелям цену. Ах, Сашенька, чувствую, что все мое счастие к тебе привязано. Бог нарочно посылает мне с тобою разлуку, чтоб я лучше чувствовал все, чего ты стоишь. Ах, какая разность с тобою во всех, кого я вижу и знаю! Какое прямое чистое добро в душе твоей! Ангел мой! Ты ангел мой, Сашенька! Проси за меня бога, он тебя услышит. Ты достойна быть от него услышана. Проси его обо мне, чтоб он возвратил меня к тебе скорее и не разлучал бы нас никогда! Моего моления он не слушает. Я чувствую, что я того и не достоин, чтоб он услышал меня. Ах, милая Сашенька, как бы я полетел к тебе, ежели бы не задерживало теперь меня дело по Сенату с Тарновской проклятою! Но как быть! Надобно стараться без роптания и это иго перенесть. Помоги мне, мой друг, твоею молитвою. Прости, мой друг. Целую руки твои. Целую тебя в мыслях и малюток наших. Прости. Моли бога, чтоб я скорее вырвался. Прости, душенька. Матушка с Марьею Алексеевной и Дашенькой сюда скоро будут, а в Харьков разве по первосанной дороге, но меня ничто на свете ни минутки не удержит, как скоро окончу дело в Сенате. Прости, милый мой друг. Всем нашим кланяюсь. Прости, душенька. Целую твои руки. Прости.

91

А. А. КАПНИСТ

10 сентября 1793 года. Петербург

Милая моя, любезная Сашенька! Ты не представишь себе, как меня обрадовало последнее твое письмо. Я летел духом к тебе в Обуховку. Я был с вами, гулял, по воде ездил, купался, восхищался приятностьми

нашего уединения и расцеловал вас всех. Ты верно гадаешь какое это письмо, ибо одно только такое ты мне и писала. Поверь, милый мой друг Сашенька, что дней несколько я был воображением вне себя и все с тобою. Как я удивился и обрадовался, услыша, что милая наша Александра Ананьевна с матушкою и с родными своими и с малютками у тебя. Как жаль, что этаких дорогих гостей я сам угостить не имею удовольствия! Но, Сашенька, милый мой друг, я радовался, видя, как ты искренно их угощаешь и как боишься, чтоб не угостить довольно, но твоей чувствительной душе приятно. Как мне восхитительно видеть столь нежную доброту сердца твоего. Сашенька, ты ангел, ты ангел не столько мой, но в самом деле ангел. Ах, как я люблю тебя, душенька, недостает души моей довольно любить тебя. Ты стоишь право больше, нежели я люблю тебя. Это все тебе сказать, что я чувствую к тебе, чем далее, тем больше я сыскиваю в твоей душе доброт и драгоценности. Нет, душенька, нет в свете равной тебе. Ты ангел доброты. Все счастие мое, все утешение мое в многих и чувствительных неприятностях в тебе одной. Но надо перестать о тебе говорить. Надо сделать себе это принуждение. Мне грустно видеть, что так неверно мои письма к тебе доходят. Не понимаю, что бы этому было причиною. Это очень скучно. Я пишу к тебе каждую неделю. Ежели любезные твои гости еще у тебя, чего я душевно желаю, то прошу их всех от меня чувствительнейше поблагодарить и уверить, сколько мне прискорбно, что меня самого они не застали. Как бы радостно мне было все Капнистовское почти семейство и так долго раздробленное видеть вместе. Анне Владимировне поцелуй, Сашенька, за меня руку: она мать и любящая мать дорогой нашей Сашеньки, которую ты как сестру любишь. Расцелуй Сашеньку и ее малюток. Люби и старайся, чтоб тебя любила Марья Николаевна. Милую Анну Федоровну целую. Да и всех вас, сколько там вас ни есть, целую. Целую руки друга нашего Авдотьи Ивановны, обнимаю друга нашего Ивана Ивановича и любезного нашего пруссака. Как жаль, что он болен. Я не пишу к Анне Владимировне по этой почте в Обуховку затем, что думаю, что она уже уехала к дому, а буду писать к ней прямо и благодарить за удовольствие и радость, которую она посещением своим нам сделала. Прощай, душенька. Мы на сих днях ожидаем матушку сюда. Я спешу кончить мои дела в Сенате и скоро полечу к тебе. Моли бога, душенька, без роптания, чтоб он избавил меня скорее отсюда. Он тебя, мой ангел, услышит. Прощай. Я так нетерпелив вырваться, что, кажется, вечно не вырвусь. И в самом деле, так все завязаны были происшествия, что удивительно, одно препятствие за другим. Но теперь, слава богу, надеюсь скорого конца, ибо все брошу, лишь бы мне сенатские с Тарновскою дела кончить. Прости, мой ангел, мой милый друг. Прости и бог с тобою. Целую всех малюток и всех наших. Прости и бог с вами.

92

А. А. КАПНИСТ

16 сентября 1793 г. Петербург

1793, le 16 de septembre. St.-Pétersbourg

Ma tendre, ma chère Sachinca, mon angel Que j'envie le sort de Евграфа Ивановича, il va te voir, et moi, je reste, je reste encore, et ce temps me sera plus long du double que tout le temps que je suis resté ici, car je m'ennuie

tant, rien ne m'intéresse ni m'attache, mais tout me devient ennuyant. Imagine-toi que l'arrivée de notre chère mère ici avec Dachinca et Machinca au lieu de me donner un plaisir vif, m'a donné de la mélancolie. J'ai senti plus que jamais que tu n'es pas avec moi. Ah, Sachinca, как грустно! да что делать, долее терпели, потерпим без ропота менее. Я надеюсь верно чрез три недели вырваться отсюдова. Ничто, кроме дела Тарновской, меня не держит. А что дело скоро решится, наверно. Милая Сашенька, мне так грустно, что писать сердца не имею. Милый друг мой, ах, как час от часу ты мне становишься дороже. Я все более тебя люблю, более тебя ангелом нахожу. Да ты в самом деле ангел. Никакой женщины, сколько их ни вижу, с тобою никак сравнить не могу. Душенька, в тебе все совершенства нахожу: доброту, нежное сердце, любовь, все в душе твоей без примеса. Душа моя, вся жизнь, все счастие мое в тебе. Об одном бога молю, чтоб когда угодно он всего меня лишил, с тобою постараюсь без роптания переносить, но чтоб тебя мне оставил; без тебя жизнь мне — отчаяние. Но полно об этом и говорить; грустно воображение одно. Changeons de discours et de langage. Je t'ai écrit la dernière poste et je t'ai chargée de remercier tes chers Gastes pour l'amitié qu'ils ont eu de venir chez toi; поблагодари их чувствительно от меня! Как жаль, что меня с вами нет! Как бы душа моя плавала в радости между вами, во все почти время здесь не имею отдыха от скуки. Да так и быть — богу угодно, надобно сносить. Зато я здесь праздную праздно. Вчера, слава богу, последний праздник пошел дымом к небу, а именно фейерверк. Теперь за дела опять приймутся. Бог с ними. Поговорим о наших. Матушка сюда с Машенькой и Дашенькой приехали. Она пробудет всю зиму. Николая Александровича новый командир их Новосильцов хочет послать по комиссии в Кременчуг, и он на сих днях туда едет, а потом куда его, наверное, употребят, то он приедет взять матушку. Катинька, может быть, сюда будет, на беду мою, не прежде зимы. Впрочем, все здоровы. Дай бог, чтоб и ты и все наши здоровы были. Прощай, душенька. Проси бога, чтоб я скорей вырвался отсюдова. Всем нашим друзьям: Трохим Павлович Мищенко едет вместе с Евграфом Ивановичем; они оба все вам расскажут, и я думаю, что друг наш Иван Иванович откинет желание посещать столицу. Прощай, душа моя. Целую твои руки тысячу раз. Ах, как отдохну с тобою от всех здешних неприятностей. Прощай, душа моя. Благодари любезных друзей наших Авдотью Ивановну и Ивана Ивановича за то, что они тебя не оставляют. От сердца благодарю их. Прощай. Малюток наших целую. Ты никогда мне об них не пишешь. Я думаю, что Катиньки не узнаю. Прощай, всем нашим кланяюсь. Целую тебя, милый друг! Прощай. Бог с тобою.

Перевод

1793, сентября 16 дня. Санкт-Петербург

Милая, дорогая Сашенька, ангел мой! Как завидую я участи Евграфа Ивановича: он тебя увидит, а я остаюсь, еще остаюсь, и время сие покажется мне вдвойне более долгим, чем то, что я уже здесь провел, ибо так скучаю, ничто меня не интересует, не привязывает, но все делается постылым. Вообрази, что прибытие любезной нашей матушки с Дашенькой и Машенькой вместо того, чтоб доставить мне живейшее удовольствие, повергло меня в меланхолию. Более чем когда-либо почувствовал я, что тебя нет со мною. Ах, Сашенька, как грустно! ..

...Переменим тему и заговорим иным слогом. Я писал к тебе последнюю почту и просил и поблагодарить любезных твоих гостей за дружеское расположение, которое выразилось в том, что они приехали к тебе.

93

А. А. КАПНИСТ

23 сентября 1793 г. Петербург

1793, le 23 de septembre. St.-Pétersbourg

J'ai eu le plaisir, ma tendre, mon aimable Sachinca, ta lettre <de> 28 d'août — c'est la seconde que je reçois avec un plaisir très sensible. Je te vois encore, entourée de tes amis, goûter des charmes dans les plaisirs que tu leur procures et tromper ainsi les ennuis de notre absence cruelle. Tâche, ma tendre amie, tâche de te distraire et de retenir le murmure qui ne fera qu'offenser le bon dieu, dont la volonté visible a été et est de nous séparer pour quelque temps, peut-être pour nous faire mieux sentir notre prix mutuellement. Oui, ma tendre amie, je crois que cela a été son divin objet. Au moins je t'avoue que quoique je t'ai toujours aimée au-dessus de tout, cependant cet amour a acquis encore plus de force. La séparation m'a fait sentir combien tu es nécessaire à mon bonheur, combien ton âme est unie à mon être, combien tu es préférable à toutes les femmes, combien tes vertus me sont chères et combien tant de fois j'ai été coupable envers toi par mes emportements et par la vivacité de mon caractère. Oui, ma tendre amie, je sens encore plus à présent tout ce que tu vaux, et dégoûté par mon séjour ici, de tous les fracas du monde, je sens mille fois plus les douceurs de notre solitude et les charmes de ta société. Aussi tous mes désirs, tous mes voeux les plus ardents ne tendent qu'au seul but de me défaire de tous les liens qui pourraient me ramener au service et au séjour de la capitale. Il faut sacrifier encore quelques semaines. Mais, ma tendre amie, elles seront rachetées par la paix durable qu'elles nous procureront. Prends, donc, patience, ma tendre amie, et tâche de te distraire. Tu as présentement tant de personnes que tu aimes. Partage leurs plaisirs en leur en procurant. Sois sûr que je jouis de vos amusements même en idée. Je me transporte au milieu de vous. Quel charme! Il trompe presque la réalité qui m'obsède. Je suis avec toi; je vois tous nos amis; je me promène avec vous. Aujourd'hui-même en songe j'ai été avec toi dans notre jardin. J'ai vu mes canaux, mes plantations. Je t'ai pressée contre mon sein, et en me réveillant j'ai remercié le bon dieu de ce qu'il me procure le bonheur de te voir même en songe. Continue, ma tendre amie, continue de t'occuper de tout et pense à moi sans amertume. Tâche de te bien porter. Prie le bon dieu pour moi, il t'entendra. Prie-le qu'il daigne favoriser mes entreprises et me ramener bientôt vers toi. Je t'embrasse en idée mille fois. Adieu. Dieu soit avec toi et avec vous tous. J'embrasse mes enfants. Adieu. Всем нашим друзьям, гостящим теперь у тебя, кланяюсь и целую руки Анны Володимеровны, Сашеньки милой, Марии Николаевны, Авдотьи Ивановны. Обнимаю всех друзей наших, Ивана Ивановича и доброго пруссака.

На новой странице — к брату:

Mon cher frère! Votre dernière lettre m'a fait beaucoup de plaisir et m'a transporté au milieu de vous. Vous ne pouvez pas vous représenter l'impatience que j'ai de finir mes affaires ici pour toujours et de voler dans notre solitude. J'espère que je ne tarderai pas longtemps. Les nouvelles sont peu intéressantes ici. Je ne vous dirai pas la célébration des fêtes ni les avancements, vous les saurez par les gazettes russes. Les nouvelles étrangères sont que les Français ont eu quelques succès contre Wurmser et surtout contre le duc d'Yorx, mais les Autrichiens ont pris <Querau> et ont battu après cela l'armée française

et leur ont pris 30 canons; les détails ne sont point encore connus. Les Français, ayant à la tête le restaurateur des tableaux Carton, ont brûlé et saccagé totalement Lion et Marseille, et n'ont laissé pierre sur pierre. Toulon s'est rendu aux Anglais, et 18 vaisseaux de guerre qui y ont été ont arboré le pavillon de Louis 17. Les Prussiens ne font aucun mouvement par la raison, dit-on, que l'empereur ne veut pas signer le dernier partage de la Pologne. Adieu. C'est assez pour aujourd'hui. Adieu. Le bon dieu soit avec vous tous. Adieu.

Приписка сбоку на полях последней страницы:

Les Espagnols ont tardé de se joindre aux flottes anglaises, et cela a été cause que l'armée française, que Carton commande contre les villes monarchiques a eu des succès.

Перевод

1793, сентября 23 дня. Санкт-Петербург

Я имел удовольствие, милая, любезная Сашенька, — твое письмо от 28 августа, и это второе письмо, доставившее мне удовольствие весьма чувствительное. Я еще вижу, как ты, окруженная своими друзьями, вкушаешь прелесть забав, предлагаемых им тобою, и тем обманываешь печали жестокой нашей разлуки. Старайся, милый друг мой, старайся рассеяться и сдержать свой ропот, который лишь нанесет оскорбление господу, видимой волей которого было и есть разлучить нас на некоторое время, затем, быть может, чтобы дать нам лучше почувствовать, как мы дороги друг другу. Да, милый друг мой, думаю, что таково и было божественное его намерение. По крайней мере признаюсь, что хотя я и любил тебя всегда превыше всего, любовь сия, однако же, приобрела еще более силы. Разлука заставила меня почувствовать, насколько необходима ты моему счастию, сколь соединена душа твоя со мною, сколь ты предпочтительнее других женщин, сколь дороги мне твои добродетели и сколько раз бывал я виноват перед тобою из-за своих увлечений и живости моего характера. Да, мой милый друг, теперь я еще более чувствую, чего ты стоишь, и, пресыщенный здешним житьем, всем шумом света, я в тысячу раз более ощущаю сладость нашего уединения и прелесть твоего общества. Оттого все желания, самые горячие мольбы мои направлены лишь к одной цели: отделаться от всех тех уз, кои могли бы вновь привести меня к службе и к житью в столице. Надобно пожертвовать еще несколькими неделями. Но они, мой милый друг, будут искуплены тем длительным покоем, который нам и создадут. Запасись же терпением, милый друг мой, и старайся рассеяться. Вкруг тебя нынче столько дорогих тебе людей. Доставляя им развлечения, разделяй их с ними. Будь уверена, что я даже в мыслях наслаждаюсь вашими забавами. Мысленно к вам переношусь; какое очарование! Ему почти удается обмануть докучную действительность. Я с тобою; вижу всех наших друзей, гуляю с вами. Сегодня во сне был с тобою в нашем саду. Видел мои канавки, мои посадки. Прижал тебя к груди, а, проснувшись, возблагодарил бога за то, что он дарует мне счастие видеть тебя хотя бы во сне. Продолжай, милый друг мой, продолжай заниматься всем и думай обо мне без горечи. Старайся быть здоровою. Молись обо мне богу, тебя он услышит. Моли его, чтоб он благоприятствовал моим начинаниям и вскоре вернул бы меня к тебе. Целую тебя в мыслях тысячу раз. Прощай. Бог с тобою и всеми вами. Целую детей. Прощай. . .

На новой странице:

Любезный брат! Последнее ваше письмо большое удовольствие мне доставило и перенесло меня в милый ваш круг. Вы не можете себе представить моего нетерпения навсегда покончить со здешними делами и лететь в наше уединение. Надеюсь, что долго не промешкаю. Здешние новости мало интересны. Не буду рассказывать вам о праздниках, ни о чинопроизводствах: вы узнаете о сем из русских газет. Иностранные известия таковы: французы имели некоторый успех против Вюрмсера и особливо против герцога Йоркского, но австрийцы взяли ‹Кераy› и разбили после сего французскую армию и взяли 30 пушек; подробности еще не известны. Французы во главе с реставратором картин Картоном сожгли и полностью разграбили Лион и Марсель, не оставив камня на камне. Тулон сдался англичанам, и бывшие здесь 18 военных кораблей подняли флаг Людовика XVII. Пруссаки не предпринимают никакого передвижения оттого, говорят, что император не хочет подписывать последний раздел Польши. Прощайте. На сегодня хватит. Прощайте. Бог с вами со всеми. Прощайте.

Испанцы замедлили присоединиться к английскому флоту, и это было причиной того, что французская армия, шедшая под предводительством Картона на монархические города, имела успехи.

94

А. А. КАПНИСТ

27 сентября 1793 г. Петербург

27 сентября 1793 года. С.-Петербург

Что это, милый мой друг, Сашенька, в последнем письме ты пишешь, что опять письма не получила. Это мне чрезвычайно досадно. Я пишу к тебе каждую неделю, а иногда и два раза. Где ж они деваются или зачем так долго не доходят? Я уже теперь адресую прямо в Гадяч. Дай бог, чтоб это хоть дошло. Мне это так досадно, что нельзя сказать тебе. И так скучно, а ежели не будешь получать писем, так есть отчего и бог знает что думать. Но полно об этом. Мне грустно, что вы уже выехали из садов в зимний дворец. Неужели у вас началась, как и здесь, дурная погода? Здесь к брачным праздникам такая слякоть, что счастие, что в придворной церкви, а не в Казанской бракосочетание будет, а то бы было новобрачным брести по колена. Но я уверен, что к завтрему дню будет ясное небо, затем, что государыне все идет по желаниям, даже стихии ей повинуются. Третьего дни поляки ей повинную принесли и весьма велеречиво говорили. Но это в сторону. Мне грустно знать, что ты скучаешь. А затем сево дни ничего тебе писать не буду, чтоб еще не увеличить твоей грусти изображением скуки, которую я терплю. Но бог скоро меня навсегда отсюда избавит. Прощай, милый друг, прощай душенька. Бога ради не скучай. Прости. Детей целую и всех наших. Прощай. Буди гости любезные у тебя, всем им кланяйся и благодари их за любовь. Всем друзьям кланяюсь.

95

А. А. КАПНИСТ

4 октября 1793 г. Петербург

1793 года, окт‹ября› 4 дня

По последней почте я от тебя, милая Сашенька, не получил писем. Этого мне недоставало беспокойства ко всем моим здешним беспокойствам. Сколько ни уверяю себя, что этому почта причиною, но все тревожусь воображением. Ох, мой милый друг Сашенька! сколь мне ты все час от часу становишься дорогой! Я чувствую теперь более, нежели когда-нибудь, что все счастие жизни моей с тобою связано. Чем больше от света неприятным испытаниям отвязываюсь, тем больше привязываюсь к тебе и нахожу в твоей душе все совершенства, нужные для моего благополучия. Грустна мне разлука с тобой, но то добро сделала, что я еще более всю цену твою узнал. Ох, как я нетерпеливо желаю вырваться и в объятия твои лететь. Но судьба все меня удерживает как нарочно. Теперь праздники в Сенате дело мое остановили; но я надеюсь очень скоро кончить и полечу к тебе, ничто не удержит меня. И вечно с тобою не разлучусь, в тихом и скромном нашем уединении прикую себя. Прощай, душенька. Грустно стало, боюсь, что моею грустью и тебя разгрущу. Прощай, душа, ангел мой. Целую твои руки и маленьких наших. Прощай, бог с вами. Всем кланяюсь.

96

А. А. КАПНИСТ

11 октября 1793 г. С.-Петербург

1793, октября 11 дня

Не получая 2 почты от тебя, мой милый ангел Сашенька, писем, сию минуту — твое от 18 сентября письмо. Как я обрадован был, ты себе представить не можешь. Грустно было видеть, что мое письмо, на которое ты отвечаешь, тебя огорчило несправедливыми моими упреками, но приятность видеть, что я не прав и что ты радость мою об окончании главного моего дела не равнодушно приняла, загладила все, а наипаче радость получить твое письмо после так долгого молчания меня восхитила: я начал было в моем отчаянно живом воображении бог знает какие несчастия и неприятности строить для меня. Ты знаешь, как я готов себе этакие воображения представлять. Но письмо твое всю грусть разогнало. Прости мне, милая моя Сашенька, ангел мой, прости меня, что я тебе несправедливо выговаривал. Ты знаешь, и тень твоей холодости меня заставляет бредить; ты знаешь, что все мое счастие нашей жизни в одной тебе, в одной твоей ко мне любви. Прости мне, я сам после рассудил, что ты не могла всей важности сего даже чувствовать. Прости мне, мой друг, что я тебя огорчил. Благодарю бога, что главное дело кончилось, а сево дни я надеюсь кончится и в Сенате мое дело против Тарновской. Дай бог. Тогда бы я не дорого купил скуку разлуки нашей, ежели бы чрез нее доставили нам вечный покой в сей временной жизни. Я надеюсь хорошего конца. И как скоро здесь кончу это дело по Сенату, то ни дурная теперешняя дорога, ничто на свете не удержат

меня и одного дня. Я полечу к тебе. Ах, Сашенька, всегда я любил тебя, всегда я чувствовал, что в разлуке с тобою нет счастия для меня нисколько. Но теперь еще больше это чувствую. Хотя я здесь со всеми нашими, но и их ласки не могут и на минуту заменить твоей любви. Я стараюсь всячески разбивать себя, но день хоть и пройдет кой-как, а к вечеру ты появишься, и грусть моя лишает меня последнего утешения — сна. Но, мой друг, в самой большей скуке я полагаю надежду на бога, боюсь, чтоб роптанием не огорчить его и не принудить продолжить мое горестное испытание. Да будет его воля. Но воротимся к тебе.

Знаешь, что письма и ко мне ваши, как мои к вам, не доходят, ибо я не получил того письма, в котором ты пишешь об отъезде Анны Володимировны в Киев. Где они деваются, не понимаю. Грустно, душенька, что ты насморком больна: ты верно не бережешься, душенька. Бога ради, береги себя, больше всего на свете твое здоровье нам нужно. Боже мой, береги его, и от чего этакой сильной насморк? Бога ради береги себя. О себе скажу, что слава богу здоров. Мы теперь вот вместе, кроме Катиньки. И она так скоро еще не будет. И для того у нас не так весело, как зимою было, когда она и сестры ‹Бакунины› были здесь. Машенька на сносе, беременна. Матушка, слава богу, здорова. Николай Алексеевич послан будет в наш край. Он один поедет, матушка здесь останется, покуда ему верное место дадут, а теперь он только по комиссии едет.

Прощай, милая Сашенька, почта сей час отходит, и я спешу, чтоб на сей же почте тебе отвечать. Прости мой друг. Всем любезным нашим друзьям кланяйся. Благодарю их за любовь к тебе. Прощай, душа моя, дай бог, чтоб ты и все вы были здоровы. Целую тебя, душенька. Прощай, милая моя, бог с тобой.

97

А. А. КАПНИСТ

18 октября 1793 г. С.-Петербург

1793, октября 18 дня. С.-Петербург

Я спешу к тебе писать, мой друг милая Сашенька, затем что еду в Сенат, а почта отходит. Я получил твое последнее письмо, меня смущает чрезмерно, что ты все грустишь и скучаешь. Бога ради, возьми на себя твердости. Вообрази, мой друг, что житье мое здесь раз навек нужно для нашего покоя и что я навсегда развяжусь с сим городом, чтобы после с тобою провесть весь остаток жизни. Бога ради, старайся разбивать свою скуку и задумчивость и все грустные воображения, я скоро вырвусь. В Сенате добрая надежда есть кончить по моему желанию и успокоить себя чрез то навсегда. Это меня дело занимает всего. Севодни надеюсь слушать дело будут и резолюцию дадут. А тогда ничто ныне не задержит лететь к тебе. Скажи брату Петру Васильевичу, что я просил и заставил просить прусского посланника графа Голца о нашем милом пруссаке, как уже об нем писал. У нас нового ничего нет, кроме, что граф Безбородко обер-гофмейстером на место Елагина покойного. А граф Зубов — фельцейхмейстером. А Маркову за трактат с Польшей большого Володимира крест дали. Прощай, мой милый друг, целую твои руки. Прощай, душенька, дай бог, чтоб ты была здорова и весела. Детей целую, всем друзьям кланяюсь. Прощай, ангел мой, душа моя Сашенька, бог с тобой.

98

А. А. КАПНИСТ

27 октября 1793 г. Петербург

1793 года, окт<ября> 27 дня. С.-Петербург

Еще я не получил от тебя письма, мой милый друг Сашенька. Что бы это значило? я уверен, однако ж, что причиною тому распутица. Я надеюсь на бога, что ты здорова и ничего неприятного в доме нет. Бог вас и меня не оставит. Но скучно не получить от тебя известия, да как быть. Брат Петр Васильевич скажет тебе все приятные новости, которые я ему сообщаю, а именно: что с намес<тнического> правл<ения> ответ Сенат берет за исполнение без суда по выделу Тарновской; что Башилов из Киева переведен в обер-прокуроры Сената — врач из Киева; что Игельстром скоро будет, который друг Гавр<илы> Р<омановича>, которому обо мне уже он рекомендацию писал, что севодни и еще дело в пользу мою решить обещали в Сенате, которым <зажмет> рот ябеде Тарновской, и это все принудит ее к выгодному миру. Все мои дела пришли к окончанию, и я скоро к вам отправлюсь. Снег уже выпадает. О, как я поскачу. Боже мой, нетерпение мое видеть себя в твоих объятиях ни с чем на свете не сравненно. Чувствую, что любовь моя к тебе каждый день усиливается. Эта разлука, мой милый друг, весьма много мне добра сделала. Она заставила меня еще более узнать твое сердце. Такое ли она над тобою делала действие? А ты неблагодарна очень будешь, ежели меня не больше любишь. Затем, что я несравненно тебя больше люблю. Теперь-то истинно все счастие мое ты. Это я вижу и ощущаю. Есть люди, которые меня любят, есть, которые меня очень любят. Но что их любовь против твоей, что их души против твоей души. В сердце моем никакого нет сравнения. Но полно об этом. Меня эта материя слишком трогает. Пожалуюсь на тебя, что письма твои коротки и не подробны. Я все минуты хочу знать, что ты делаешь. Здоровы ли дети? Как успевает Катенька и что все наши делают. Прощай, милая моя Саненька, прощай, люби меня больше. Целую твои руки. Будь здорова. Авд<отье> Ив<ановне>, Ив<ану> Ив<ановичу>, друзьям нашим добрым кланяюсь. Бог их не оставит, что они тебя не оставляют. Всех наших целую. Катиньку и малюток. Прощай. Целую тебя тысячу раз. Прощай.

99

А. А. КАПНИСТ

15 ноября 1793 г. Петербург

1793, le 15 de novembre. St.-Pétersbourg

J'ai reçu ta lettre de 20 d'octobre, ma chère amie! Je crois qu'avant de recevoir cette lettre tu recevras celle que je t'ai écrite avec ton frère Ник<олай> Алексеевич qui est allé de votre côté, et de qui tu pourras savoir tout ce qui me regarde. Tu sauras que par le premier traînage quelconque je pars d'ici, car toutes mes affaires sont finies; demain on envoie l'oucaze à Kiew pour couper la Racine des chicanes de Tarnowskaya. La neige est déjà un peu tombée, mais

elle n'a pas encore tout-à-fait couvert la terre. Dans 8 jours je pars et vole dans tes bras.

Ah! Quel bonheur de te revoir et tous les nôtres après une si longue absence! Tu dis que tu ne me reconnaîtras pas. Non, ma tendre amie, je suis peu changé, un peu maigri, voilà tout. Tu me reconnaîtras, je suis toujours le même, hormis que je t'aime cent fois d'avantage. Dieu donne, ma tendre amie, que nous ne puissions plus nous séparer. Le dieu exaucera nos voeux. Adieu. Cela me fait du chagrin de ce que la petite ne se porte pas bien, mais j'espère que cela passera. Adieu. Je vais faire quelques arrangements pour mon voyage. Adieu, ma chere, ma tendre amie. Dieu soit avec vous tous. Adieu. Je t'embrasse mille fois. Bientôt, oui, bientôt j aurai le bonheur d'être dans tes bras. Mais je crois que je mourrai d'impatience en chemin. Adieu. Dieu soit avec vous. Mes compliments à tous nos amis. Adieu.

На оборотной стороне:

Милостивой государыне моей Александре Алексеевне, ея высокородию Капнистовой в Гадяч.

Перевод

1793, ноября 15 дня. Санкт-Петербург

Я получил письмо твое от 20 октября, дорогой друг мой. Думаю, что прежде сего письма ты получишь то, что я тебе послал с братом твоим Николаем Алексеевичем, отправившимся в ваши края, и от него сможешь узнать все, что до меня касается. Узнаешь, что по первопутку уеду отсюда, ибо дела мои все окончены; завтра в Киев послан будет указ, чтоб подрубить самый корень ябедам Тарновской. Уж выпало немного снегу, но он еще не совсем покрыл землю. Через 8 дней уеду и полечу в твои объятия.

Ах! какое счастье после столь долгой разлуки вновь увидеть тебя и всех наших. Ты говоришь, что не узнаешь меня. Нет, милый друг мой, я мало изменился, похудел немного, только и всего. Ты узнаешь меня, я все тот же, разве что люблю тебя во сто раз больше. Дай нам бог, милый друг, никогда более не разлучаться. Господь внемлет нашим мольбам. Прощай. Грустно мне, что малютка нездорова, да, надеюсь, это пройдет. Прощай. Надо сделать кой-какие приготовления для дороги. Прощай, дорогой, милый друг мой. Бог с вами со всеми. Прощай. Тысячу раз целую. Скоро, да, скоро буду иметь я счастие быть в твоих объятиях, да думаю, что умру дорогою от нетерпения. Прощай. Бог да пребудет со всеми вами. Кланяюсь всем друзьям нашим. Прощай.

100

А. А. КАПНИСТ

19 июня 1794 г. Киев

1794, le 19 de juin. Lundi. Kiew

Ma tendre amie Sachinca! Je suis heureusement arrivé ici hier, c'est-à-dire, dimanche le matin. Je suis resté chez le comte jeudi et vendredi. Il m'a reçu le plus gracieusement du monde. Hier le matin j'ai commencé à faire mes visites

et partout je fus accueilli avec beaucoup de civilité et de bienveillance, même chez le gouverneur. Aujourd'hui nous dînâmes chez le prince Chavansky et j'ai fini mes visites. J'ai parlé affaire avec Toumansky, et il paraît que les affaires prendrons une tournure désirable.

Mais, en arrivant, je fus étonné de ne pas trouver ici Анна Волод<имировна> et Фед<ор> Севас<тьянович>; ils sont partis pour Pétersbourg. La nièce est restée avec Alexandra Nicolaevna etc. ici. Elle est un peu maladive, mais cela ne veut rien dire. Je pris quartier chez elle, et nous tâchons, elle et moi, de nous distraire l'un l'autre. Demain je commencerai mes affaires. Prie dieu qu'il m'aide à les terminer heureusement. J'entends qu' *Иван Иванович* Сулецкий a réussi même dans l'affaire pour laquelle je suis venu ici. Fais-lui de ma part bien de remerciements.

Adieu, ma tendre amie, je t'écris à la hâte, car il est au-delà de minuit et la poste va de bonne heure. Communique cette lettre et les nouvelles et la copie de la lettre de la souveraine à mon frère au plus tôt. Adieu. Je t'embrasse en idée. Puissé-je avoir le plaisir de te voir en songe! Adieu. Dieu soit avec vous tous.

Mon cher frère! C'est à vous que je <нрзб.> tout en m'endormant d'envoyer cette lettre. Pour lui épargner la peine de passer par Sorotschinzi, je vous prie donc de la renvoyer à Sachinca. Et toujours d'ici j'adresserai mes lettres à Chorol. Faites les y chercher. Adieu. Le sommeil me gagne. Je n'ai que la force de vous dire que vous avez eu tort de faire des lamentations. Tout ira bien. Je trouverai ici plus de secours que je n'aie espéré. Ергольской est ami de notre mère, совет<ник> намест<ничества> Алферов l'est aussi; совет<ник> палаты est aussi, de reste. Adieu.

Перевод

1794, июня 19 числа. Понедельник. Киев.

Милый друг Сашенька! Благополучно приехал сюда вчера, то есть в воскресенье утром. Четверг и пятницу провел у графа. Он принял меня как нельзя более любезно. Вчера поутру начал делать визиты и был повсюду принят с большой любезностью и доброжелательностью, даже у губернатора. Сегодня мы обедали у князя Хованского, и с визитами я покончил. Имел деловой разговор с Туманским; кажется, дела примут желательный оборот.

Приехав, я к удивлению моему не увидел здесь Анны Володимировны и Федора Севастьяновича: они уехали в Петербург. Племянница осталась здесь с Александрой Николаевной и пр. Она несколько болезненна, да это ничего. Остановился у нее, и мы стараемся занимать друг друга. Приступлю к делам завтра. Моли бога, чтобы помог мне благополучно их завершить. Узнаю, что Иван Иванович Сулецкий преуспел в деле, ради которого я сюда приехал. Поблагодари его от моего имени.

Прощай, милый друг, пишу тебе наспех, ибо уже заполночь, а почта уходит рано. Как можно скорее сообщи брату сие письмо, и новости, и копию письма к государыне. Прощай. Целую тебя в мыслях. Ежели имел бы удовольствие увидеть тебя во сне! Прощай. Бог с вами со всеми.

Любезный брат! Перед тем как заснуть, <хочу> послать вам сие письмо; чтобы ему напрасно не идти через Сорочинцы, прошу вас переслать его Сашеньке. И впредь буду адресовать свои письма в Хорол. Велите посылать туда за ними. Прощайте. Дремота одолевает. У меня осталось силы сказать вам только, что предавались сетованиям вы напрасно. Все будет хорошо. Я найду здесь более поддержки, чем ожидал. Ергольский — друг нашей матушки, советник наместничества Алферов — тоже, впрочем, и советник палаты также ей друг. Прощайте.

П. В. КАПНИСТУ

27 июня 1794 г. Киев

1794, le 27 de juin. Kiew

Mon cher frère! J'ai reçu votre lettre avec les papiers. Il paraît que mes affaires ici prendront un bon train. J'ai déjà donné mes suppliques au Наместническое правление et à la Гражд‹анская› палата, et j'ai des bons pronostics que ça ira. J'attends avec impatience le rapport d'уездный суд sur l'oucaze de Намест‹ническое› правление. Je crois dans 7 jours de partir d'ici. Je repasserai chez le comte. On n'a ici aucune nouvelle, que seulement que les Autrichiens ont pris possession de Cracov et quelques autres districts jusqu'à celui de Chelm, que l'insurrection du peuple dure, que nouvellement le régiment рязанский a eu le malheur d' être par eux massacré près de Дубянка, tandis qu'il a été dévancé par nos troupes, et ce sont, dit-on, les paysans qui ont fait ce coup. On ne parle rien de Varsovie, mais on attend bientôt des nouvelles. Par des gazettes de Hambourg on dit que le peuple à Constantinople se révolte et demande la guerre. Le comte Souvoroff a été chez le comte, et est repassé pour Bialozercoff. Voilá tout ce que j'ai à vous dire pour ce qui regarde le public.

Pour ce qui me concerne en particulier, la copie que je joins ici vous dira que, grâce à dieu, me voilà tout-à-fait débarassé de mon emploi ici et d'une manière très commode. Celui qui vient à ma place est le propre frère de Пафнутий Серг‹еевич› Батурин, notre ami. J'en suis très charmé! Un frère a été chassé et l'autre vient occuper ma place si avantageusement. C'est un fort honnête homme, même un martiniste. J'ai écrit à Гавр‹ило› Ром‹анович› pour ce qui regarde Bashiloff et mon emplacement futur. A Изяслав il y a une vacance. Il en sera ce que le bon dieu voudra. Adieu. Portez-vous bien. Faites au nom de dieu venir ici notre frère. Il est très très nécessaire que nous soyons ensemble. Très nécessaire, plus que jamais. Adieu. Je vous prie de communiquer cette lettre à Sachinca. Je suis ici très bien reçu de tout le monde, même du gouverneur, quoiqu'il n'est pas sincère. Mais il ne me fera pas de chicanes, car j'ai pour moi mr. Ергольской qui fait tout. Je me suis très lié avec notre nouveau parent.

На новой странице:

Сашенька, мой милый друг, здорово! Я на тебя в досаде, от тебя ни одного письма нет. Здоровы ли вы? Я, слава богу, здоров и довольно весел, затем что дела хорошо идут, и я чрез неделю надеюсь выехать. Дай бог скорее до дому добраться. То ли дело дома. Выклади, пожалуй, что я просил дерном. И вели лошадей на манеже, сделанной мною, каждый день гонять. Ее можно срыть или скопать, буде земля тверда. Прощай, душенька. Будь здорова со всеми. Бог с вами. Авдотье Ивановне и Ивану Ивановичу кланяюсь. Дай бог чтоб они здоровы были. Прощай, душенька, целую тебя в мыслях.

Перевод

1794, июня 27 дня. Киев

Любезный брат! Я получил ваше письмо с бумагами. Кажется, дела мои здесь пойдут на лад. Уже подал прошения в наместническое правле-

ние и гражданскую палату и имею добрые предзнаменования счастливого исхода. С нетерпением ожидаю доклада уездного суда насчет указа наместнического правления. Думаю уехать отсюда чрез 7 дней. Заеду к графу. Нового тут ничего не слышно, как только то, что австрийцы вступили во владение Краковым и еще несколькими уездами вплоть до Хельмского, что мятеж народа продолжается, что рязанский полк имел недавно несчастие быть истребленным повстанцами близ Дубянки (войска наши его тогда обогнали), и сказывают, что это было дело рук крестьян. О Варшаве ничего не говорят, но ждут вскорости известий. Из гамбургских газет известно, что в Константинополе народ бунтует и требует войны. Граф Суворов был у графа и проследовал в Белоцерковь. Вот все, что имею сообщить вам о делах политических.

Что же касается собственно до меня, то из прилагаемой к письму копии вы увидите, что, слава богу, я полностью отделался от здешней моей должности и удачнейшим образом. Место мое займет ни кто иной, как родной брат Пафнутия Сергеевича Батурина, нашего друга. Очень я этому рад! Один брат был выгнан, а другой заступит мою должность столь лестным для себя образом. Это человек весьма порядочный, мартинист даже. Я написал Гавриле Романовичу насчет Башилова и будущего моего служебного устройства. Есть вакансия в Изяславе. Будет, как богу угодно. Прощайте. Будьте здоровы. Бога ради, отправьте сюда нашего брата. Нам совершенно необходимо быть вместе. Крайне необходимо, более чем когда-либо. Прощайте. Прошу вас сие письмо сообщить Сашеньке. Я тут очень хорошо всеми принят, даже губернатором, хотя он и не искренен. Да зла он мне не причинит, ибо за меня г-н Ергольской, который всем заправляет. Я очень сблизился с новым нашим родственником.

102

А. А. КАПНИСТ

23 октября 1794 г. Екатеринослав

1794, le 23 d'octobre. Ecaterinoslaw. Lundi

Ma chère Sachinca, enfin, grâce à dieu, je suis heureusement arrivé ici hier le matin. Mon voyage, comme tu peux te l'imaginer, n'a pas été sans désagrements, vu le mauvais chemin et la pluie. Mais ma santé ne s'en est point ressentie, et je suis recompensé par le meilleur commencement du monde de mes négociations. Je t'ai toujours dit, ma tendre amie, que le bon dieu est le protecteur de mon innocence et que tous les ennemis du monde ne pourront me faire du mal tant que sa bonté me reste.

J'ai reçu de mr. le gouverneur l'accueil le plus gracieux. J'ai été chez lui hier, avant midi, mais on m'a dit qu'il ne recevait personne. Je revins à la charge l'apres-midi. Je l'ai trouvé dans sa petite société. Il m'embrassa, m'accueillit le plus poliment du monde, m'a laissé à souper chez lui, a eu la bonté de m'entretenir presque tout le temps, de m'inviter pour aujourd'hui à dîner et même de me proposer son équipage. Il m'a assuré qu'il a renvoyé ma lettre en original à mr. le comte Zouboff avec une lettre de sa part, dans laquelle il parle de moi avantageusement, et qu'il a répondu à mon ami Гаврило Романович. C'est furtivement qu'il m'a communiqué cela, car je n'ai pas eu de conversation suivie à cet égard, ne voulant pas lui être à charge la première fois que je l'ai vu et surtout la bienveillance dont il m'a comblé au premier pas que j'ai fait vers lui. Ce prélude

me promet une fin désirable, et je ne me suis pas trompé, quand j'espérais tout de l'integrité, de la noblesse des sentiments et de l'âme vraiment belle et grande que je lui ai connu toujours. Bref, du premier pas j'ai presque fini mes desseins, et comme je ne cherche que la paix et de regagner la bonne réputation chez le mr. comte Souboff, je suis assuré de succès.

Je crois, ma chère amie, que cette lettre te réjouira. Sois donc reconnaissante envers le bon dieu, et supporte patiemment mon absence. Ne va pas gâter le meilleur commencement du monde par tes murmures. Adieu. Je t'embrasse de tout mon coeur. Dieu soit avec toi et avec vous tous. Adieu. Porte-toi bien et ne sois pas triste. Adieu.

Pour vous, mon cher frère, je ne vous écris rien. Votre cher correspondant, qui a été avec moi chez mr. le gouverneur, vous dira tout. Je ne daignerai après tous les pourparlers que vous dire avec un grand homme: V... V... V...* A bon entendement salut. Mais si vous n'avez pas assez de conception pour comprendre cela, j'en suis ravi. Ce sera pour vous punir de..., vous devinerez de quoi. Je crois déjà entendre le proverbe du vieillard du Cholodno <нрзб.>. Adieu. Portez-vous bien.

Pour les nouvelles de l'Europe, elles ne sont pas consolantes. Les diables des Français ont pris Bréda, Trier, Sleis, et en Espagne ils font des progrès terribles. La Guadaloupe et Martinique se sont révoltés contre les Anglais et les ont chassés.

Приписка сбоку на полях:

Combourley n'est pas ici.

Перевод

1794, октября 23 числа. Екатеринослав. Понедельник

Дорогая моя Сашенька, наконец-то с божьей помощью благополучно прибыл вчера поутру. Путешествие у меня было, как ты можешь себе представить, не из приятных ввиду дурной дороги и дождя. Но на здоровье оно никак не отразилось, и к тому же я вознагражден как нельзя лучшим началом моих дел. Я всегда говорил тебе, милый друг, что господь покровительствует моей невинности, и, пока благость его со мною, ни один недруг в мире не сумеет причинить мне зла.

Г-н губернатор оказал мне любезнейший прием. Поехал к нему вчера утром, но мне сказали, что он никого не принимает. После полудня поехал в другой раз. Я застал его в узком, избранном кругу. Он меня обнял, чрезвычайно вежливо принял, оставил ужинать у себя и был так добр, что почти все время беседовал со мною, пригласил на сегодня к обеду и даже предложил свой экипаж. Он уверил меня, что подлинник письма моего отослал графу Зубову вместе со своим собственным письмом, в коем он лестно обо мне отзывается, и что он ответил моему другу Гавриле Романовичу. Все это он сообщил мне между прочим, ибо сколько-нибудь продолжительного разговора на сей счет я с ним не вел, не желая быть ему в тягость с первого же свидания, а главное — из-за той благожелательности, с которой он встретил первый же направленный к нему шаг. Такое начало сулит желанный конец, и я не ошибся, когда столько ждал от цельности, от благородства чувств, от души поистине прекрасной и великой, которую я всегда за ним знал. Короче говоря, с первого же шага я почти успел

---

* Лат. Veni, vidi, vici — пришел, увидел, победил (*примечание переводчика*).

в своих намерениях, и так как ищу лишь мира и восстановления доброй репутации в глазах графа Зубова, то и уверен в успехе.

Дорогой друг мой, я думаю, это письмо тебя обрадует. Будь же благодарна господу и терпеливо сноси разлуку со мною. Не испорти своим роптанием превосходнейшее начало. Прощай. От всего сердца целую тебя. Бог с тобою и всеми вами. Прощай. Будь здорова и не печалуйся. Прощай.

Вам, любезный брат, ничего писать не стану. Любезный ваш корреспондент, бывший со мною у г-на губернатора, обо всем вам расскажет. Я же, после всех переговоров, соблаговолю так и быть сказать вам вслед за великим человеком: V... V... V... Кто умен, тот уразумеет. Ну, а уж ежели у вас понятливости, чтоб уразуметь оное, не хватит, то я восхищен. Это вам тогда наказание за..., вы догадываетесь за что Кажется мне, так и слышу поговорку того старца из Колодно <нрзб.>. Прощайте. Будьте здоровы.

Что до вестей из Европы, они не утешительны. Чортовы французы взяли Бреду, Трир, Слас и добились ужасающих успехов в Испании. Гваделупа и Мартиника взбунтовались против англичан и прогнали их.

Приписка:

Комбурлея тут нет.

103

П. В. КАПНИСТУ

30 октября 1794 г. Екатеринослав

1794, le 30 d'octobre. Ecatérinoslaw. Lundi

Mon cher frère! Cette lettre non seulement vous tranquillisera, mais j'espère qu'elle vous procurera une très grande satisfaction. La dernière fois que je vous ai écrit, mr. Combourley était déjà venu ici. Mais je n'ai pas voulu vous marquer son arrivée, car je vous connais, vous savez, pour un p... de la première main. Vous saurez donc que le même jour, c'est-à-dire jeudi, je suis allé dîner chez le gouverneur, car, pour le dire en passant, j'ai dîné tous les jours chez lui. J'ai trouvé qu'on allait déjà s'asseoir à dîner. Combourley se trouve sur mon chemin. Il s'avance vers moi pour m'embrasser, et vous <нрзб.> bien que je ne fus pas embarassé de le faire. Le gouverneur me fit asseoir à mon ordinaire <place> auprès de lui. Il m'entretint le 3/4 et 1/4 mr. Combourley. Vous pouvez vous imaginer que cela faisait un effet admirable sur Combourley et ses clients et que j'avais toute ma satisfaction. Pour vous dire court, mes ennemis sont à bas et ne conçoivent pas comment la chose est arrivée. Le lendemain je fis sentir à mr. le gouverneur que j'étais très sensible à ses procédés, mais s'il lui restait encore le moindre doute sur la façon dont j'ai agi avec le vieux gouverneur et en général lors du temps de l'assemblée de la noblesse, que sans aucune rancune j'obligerai entre 6 yeux mr. Combourley de dire que je n'ai pas ajouté une seule syllabe. Il m'a répondu qu'un pareil soupçon de sa part et un pareil éclaircissement serait plus préjudiciable pour lui, l e g o u v e r n e u r, que pour moi.

C'est donc fini et Combourley me boude un peu, et je m'en console beaucoup. Le courrier est parti avant-hier pour Pétersbourg. Tiberin m'a dit que mr. le gouverneur lui a dit ce qu'il écrivait de moi, et il s'est trouvé d'après

ses discours que le gouverneur a ajouté, après ce qu'il m'a lu de sa lettre, encore des choses avantageuses de moi et qu' il ne m'a pas lu. A propos de Tiberin: j'ai arrangé ma lettre de change avec lui à l'amiable, et c'est lui qui a fait les premiers pas!! Après cela n'allez pas dire que je vais au-delà de ce que je dois faire. Mr. le gouverneur est vis-à-vis de nous la bonté-même. Vendredi je lui ai donné mon rapport pour me défaire de ma charge de maréchal. Il me l'a promis. Je lui ai dit qu'étant libre à présent je dépendrai de lui plus que jamais par etc.... et que j'attends quand il lui plaira de me dire si je lui serais nécessaire, et quand je pouvais partir? Il m'a répondu que je serai très nécessaire, а что я не дождусь, чтоб он мне сказал, когда отъехать. Il est tout prévenance à mon égard. Samedi le matin il vint rendre sa première visite à notre ami, et quoique j'étais en robe de chambre et fis fermer ma porte au c'ef, il est <venu> me forcer à le recevoir: honneur qu'il n'a rendu à personne! En un mot le bon dieu me fait triompher. Rendez-lui grâce et apprenez, mon cher frère, de n'espérer qu'en lui. Hier il est allé à 20 verstes d'ici на сговор своего секретаря <нрзб.> на Крявцовой. Et moi avec mon ami nous avons été voir les cataractes chez Синельникова. Ce matin je vais chez lui pour savoir ce qu'il a fait avec ma requête, et nous dînons chez Persivanoff. Adieu donc. Je ne puis pas dire au juste quand je partirai, mais je crois, dans 3 ou 4 jours. Adieu. Faites voir cette lettre à Sachinca, mais ne parlez pas de mes progrès à personne.

Приписка на полях 1-й и 2-й страниц письма:

Je suis fâché de ne pouvoir pas vous donner de nouvelles détaillées de Costiouschco. On n'a pas de confirmation; on n'a que la première nouvelle.

3 коренные лошади мои захромали. Итак, хотя и 8 лошадей имею, но не на чем почти ездить.

Перевод

1794, октября 30 дня. Екатеринослав. Понедельник

Любезный брат! Письмо это не только успокоит вас, но, надеюсь, принесет вам полное удовлетворение. Когда я писал вам последний раз, Комбурлей уже был здесь. Но мне не хотелось сообщать вам о его приезде, ведь я вас, знаете ли, считаю... первостатейным. Итак, да будет вам известно, что в тот же день, т. е. в четверг, отправился я к губернатору на обед, ибо — замечу кстати — каждый день у него обедал. Я застал общество готовым идти к столу. Тут я сталкиваюсь с Комбурлеем. Он направляется ко мне, чтобы облобызаться, и вы <догадываетесь>, разумеется, что меня нисколько не затруднило проделать это. Губернатор усадил меня на обычное мое место подле него; 3/4 времени беседовал со мною, и 1/4 с Комбурлеем. Вы можете представить себе, что на Комбурлея и его приспешников это производило изрядное впечатление, а я был полностью удовлетворен. Короче говоря, враги мои уничтожены и постичь не могут, как это сделалось. На другой день я дал понять г-ну губернатору, что весьма признателен ему за его внимание, но что ежели у него осталось хотя бы наималейшее сомнение касательно моего поведения по отношению к прежнему губернатору и вообще поведения моего с момента дворянского собрания, то без всякой злобы я заставлю г-на Комбурлея заявить при нем, что я не прибавил ни единого слога. Он ответствовал, что подобное подозрение с его стороны и подобное разъяснение было бы предосудительным скорее для него, губернатора, чем для меня.

Итак, с этим покончено, и Комбурлей немного на меня дуется, а мне сие весьма утешительно.

Курьер отбыл позавчера в Петербург. Тиберин сказал мне, что г-н губернатор сообщил ему, что писал он обо мне, и, по его словам судя, оказалось, что губернатор после того, что прочел мне из своего письма, добавил еще несколько лестных для меня вещей, коих мне не прочитал. Кстати о Тиберине: я полюбовно уладил с ним вопрос о своем векселе, и первые шаги сделал он сам!! Попробуйте после этого сказать, что я преступаю свои полномочия. Г-н граф — сама доброта по отношению к нам. В пятницу подал ему доклад с просьбой освободить меня от должности маршала. Он обещал сделать это. Я сказал ему, что, освобожденный, я буду более чем когда-либо зависим от него уже тем и т. д. и что я жду, когда будет ему угодно сказать мне, нужен ли я ему и когда смогу уехать? Он ответил, что я буду очень нужен, а что я не дождусь, чтоб он мне сказал, когда отъехать. Он по отношению ко мне — воплощение предупредительности. В субботу поутру он нанес свой первый визит нашему другу, и хоть я был в халате, заперся у себя и велел сказать, что не принимаю, он вынудил меня принять его: честь, коей он никому не оказывал! Одним словом, господь уготовал мне успех. Возблагодарите его, любезный брат, и научитесь возлагать свои упования только на него. ‹Граф› поехал вчера за 20 верст отсюда на сговор своего секретаря ‹нрзб.› на Крявцовой. А мы с другом отправились наблюдать водопады ‹?› к Синельникову. Нынче утром поеду к нему узнать о судьбе моего прошения и отобедаем у Персиванова. Итак, прощайте. Сказать в точности, когда уеду, не могу, но думаю — дня через 3 или 4. Прощайте. Покажите сие письмо Сашеньке, но об успехах моих не говорите никому.

Приписка:

К сожалению, новых подробностей о Костюшке сообщить вам не могу. Подтверждения нет; есть только первоначальное известие...

104

А. А. КАПНИСТ

2 ноября 1794 г. Екатеринослав

1794, le 2 de novembre. Ecatérinòslaw

Ma chère amie! Je me porte bien. Mes affaires vont le mieux du monde. Le seul chagrin que j'ai, c'est de ne pas recevoir de tes nouvelles et cela pourra gâter tout, car si demain je ne reçois pas de tes lettres, après-demain je quitte tous les bons commencements et je pars. Dieu donne que tu puisses te porter bien. Mais mon inquiétude est insupportable. Faut-il que je sois toujours troublé par ton silence? Adieu. Que le bon dieu soit avec toi. Tu sauras tout ce qui me regarde par la lettre de mon frère. Adieu.

На обороте письма:
Сашеньке.

Перевод

1794, ноября 2 дня. Екатеринослав

Дорогой друг! Я здоров. Дела идут как нельзя лучше. Огорчает меня единственно то, что не получаю от тебя известий, и сие может все испортить, ибо, ежели завтра не получу твоих писем, послезавтра брошу все

успешно начатые дела и уеду. Дай бог, чтобы ты была здорова. Нет, беспокойство мое невыносимо. Неужто быть мне в вечной тревоге из-за твоего молчания? Прощай. Господь с тобою. Обо всем, что до меня касается, ты узнаешь из письма к брату. Прощай.

105

П. В. КАПНИСТУ

2 ноября 1794 г. Екатеринослав

1794, le 2 de novembre. Ecatérinoslav

Mon cher frère! Mes nouvelles seront la continuation des bonnes nouvelles que je vous ai déjà communiquées. Le gouverneur qui, comme je vous ai dit, était allé dimanche à 25 verstes avec Combourley aux fiançailles de son secrétaire, y a dîné et tout de suite après dîner est reparti. Lundi le matin Combourley est allé à 60 verstes d'ici à la chasse chez Boulazel. On a dit pour raison d'un si prompt départ qu'il est allé chez lui pour recevoir les brigadiers Davidov et Copoustin qui, dit-on, étaient en chemin pour lui rendre visite. Mais hier Boulazel a dit qu'il est encore chez lui à la chasse avec son frère. Ce que cela veut dire, je ne le sais pas, mais voilà ce que je sais — c'est que lundi il y avait grande assemblée chez Persivanoff, et le gouverneur aussi, et qu'il a eu pour moi les attentions les plus distinguées, qu'il continue d'être pour moi la bonté-même, dont toute la clique du défunt despote enrage, malgré toute la politesse que je leur témoigne. Avant-hier j'ai eu une conversation particulière avec le gouverneur. J'ai commencé par le prier d'ordonner qu'on me remplace. Il a déjà donné le предложение. Après d'autres discours et d'assurances réciproques, moi — de mon dévouement et lui — de sa bonne volonté et des assurances concernant le comte Zouboff, je lui ai dit que souhaitant de m'attacher de plus en plus à lui, je pense de venir passer ici quelque temps. Il m'a dit que je devais lui faire savoir quand je viendrais pour qu'il puisse faire arranger pour moi une habitation, vû qu'elles sont ici rares, et en même temps il a ajouté, что ежели я не погнушаюсь, то тот флигель, в котором он теперь живет в ожидании, пока отделают главный дом, всегда к моим услугам. Une prévenance pareille démontre visiblement qu'il voit avec des yeux de satisfaction mon attachement pour lui, et qu'il va lui-même audevant de notre liaison. Aussi je vous assure que je me laisse aller très volontiers à l'attrait qui me pousse vers lui, d'autant plus, que par confidence il m'a montré quelques papiers qui démontrent qu'il est porté d'âme et de corps pour le bien public, et d'une manière non équivoque. En un mot, mon cher frère, il faut remercier le bon dieu de tous les succès qu'il m'envoie ici. Il m'a plusieurs fois dit qu'il a envoyé ma lettre à lui en original au mr. le comte Zouboff, et il m'assure que je ne manquerai pas de revenir dans ses bonnes grâces. Ainsi soit-il. Adieu.

La nouvelle de la prise de Costiouschca se confirme. Avant-hier le gouverneur a reçu la confirmation du comte Roumanzoff et du comte Souvoroff. Le dernier dit que c'est Denissoff qui l'a pris. Le comte Zouboff écrit aussi au gouverneur que la nouvelle de cette capture a fait beaucoup de plaisir à Pétersb<ourg>. Pour ce qui me regarde, je me porte, grâce à dieu, bien, mais j'ai le chagrin de n'avoir pas reçu par la dernière poste de vos lettres. Que fait ma Sachinca? Adieu. Je pense partir après-demain.

Перевод

1794, ноября 2 дня. Екатеринослав

Любезный брат! Новости мои будут продолжением тех добрых известий, о коих я вам уже писал. Как вам сообщал, губернатор поехал в воскресенье вместе с Комбурлеем за 25 верст на сговор своего секретаря; там обедал и тотчас после обеда возвратился. В понедельник утром Комбурлей отправился на охоту к Булязелю, за 60 верст отсюда. Столь быстрый отъезд объясняют тем, что он туда поехал повидаться с бригадирами Давыдовым и Копустиным; оные, собравшись к нему с визитом, находились, как говорят, в пути. Но Булязель сказал вчера, что Комбурлей со своим братом все еще охотится у него. Что сие означает, не знаю, а знаю вот что: у Персиванова в понедельник был большой съезд, и губернатор также присутствовал; он был отменно со мною любезен, по-прежнему является воплощением доброты по отношению ко мне, отчего вся клика покойного деспота бесится, хотя я чрезвычайно с ними учтив. Позавчера имел беседу наедине с губернатором. Прежде всего попросил, чтобы он распорядился меня заместить. Он дал уже предложение. После прочих речей и взаимных уверений с моей стороны в совершенной преданности и с его — в добром расположении и после заверений насчет графа Зубова я сказал ему, что, желая еще более отдаться в его распоряжение, предполагаю пожить здесь некоторое время. Он ответствовал, что мне следует дать ему знать о моем приезде с тем, чтобы он мог распорядиться насчет помещения для меня ввиду того, что с жильем тут трудно, и добавил в то же время, что, ежели я не погнушаюсь, то тот флигель, в котором он теперь живет в ожидании, пока отделают главный дом, всегда к моим услугам. Подобная предупредительность ясно свидетельствует о том, что он с удовлетворением взирает на мою к нему привязанность и сам готов идти навстречу нашей связи. И я заверяю вас, что весьма охотно покоряюсь влечению, толкающему меня к нему, тем более, что он доверительно показал мне некоторые бумаги, кои недвусмысленно свидетельствуют о том, что общественному благу он предан телом и душою. Одним словом, любезный брат, надобно возблагодарить господа за те успехи, что он мне здесь ниспосылает. Губернатор несколько раз повторил, что отослал подлинник моего письма к нему графу Зубову, и уверяет, что тот не преминет вернуть мне свое расположение. Быть посему. Прощайте.

Весть о поимке Костюшки подтверждается. Губернатор получил позавчера подтверждение от графа Румянцева и графа Суворова. Последний сказал, что взял его Денисов. Граф Зубов сообщил также губернатору, что известие о сем чрезвычайно обрадовало всех в Петербурге. Что до меня, я, слава богу, здоров, но огорчен, что не получил по последней почте от вас писем. Что поделывает Сашенька? Прощайте. Ехать думаю послезавтра.

106

П. В. КАПНИСТУ

25 ноября 1795 г. Курск

1795, le 25 de novembre. Koursk. A 10 ‹heures› du matin

Mon cher frère! A la fin me voilà ici. J'ai eu un chemin qui n'a pas été le meilleur, et des plus mauvais chevaux encore. Ici je prends des jamschiks libres, parce que je crains de souffrir des delais par la poste, et l'on dit que les libres mènent mieux et sûrement. Je ne fais un pas sans rencontre inopinée.

Comme je fais entrer ma quibite chez le traiteur, où je suis à attendre les jamschiks qui sont allés chercher leurs chevaux, dès que je descends de ma quibite ne voilà-t-il pas qu'un quelqu'un vient à moi, m'appele par mon nom et veut baiser ma main. Sa physionomie m'est connue. Je demande qui il est et apprends que c'est le domestique favori d'Anna Vladimirovna Pohorelow qui est venu faire des emplettes. Me voilà donc découvert. J'ai donc écrit à Anna Vladimirovna que je vais à Moscou pour voir ma belle-mère et que je reviendrai pour les fêtes, et que je passerai chez elle, et que je viendrai à Kiew pour passer la moitié de janvier et le février. Si l'on découvre par ce contre-temps que je suis parti pour Moscou, vous pourrez dire que je n'ai pas trouvé le comte à Batourin et que j'ai voulu faire cette petite excursion. Adieu. Je pars dans l'instant. Les chevaux sont amenés. Adieu. Communiquez, je vous prie, cette lettre à Sachinca.

Sachinca, ma tendre amie, je suis heureusement ici. Prie le bon Dieu qu'il me protège de même pendant tout le chemin. Adieu. Je prie le bon dieu pour ta santé et pour celle de vous tous. Adieu.

На оборотной стороне адрес:

Его высокоблагородию милостивому государю моему Петру Васильевичу Капнисту в Хорол.

Перевод

1795, ноября 25 дня. Курск. 10 часов утра

Любезный брат! Наконец-то я здесь! Дорога была не из лучших, а к тому же еще прескверные лошади. Я нанимаю тут вольных ямщиков затем, что не хочу мучиться ожиданием почтовых лошадей, да к тому же вольные ямщики, говорят, лучше и надежнее. Шагу не могу ступить, чтобы нечаянно кого не встретить.

Велю это я подъехать к трактиру, где должен был поджидать ямщиков, отправившихся на поиски лошадей, и только вылез из кибитки, кто-то направляется ко мне, окликает по имени и пытается целовать руку. Лицо его мне знакомо. Спрашиваю, кто он таков, и узнаю, что это любимый слуга Анны Владимировны Погореловой, приехавший за покупками. Вот я и обнаружен. Я написал тогда Анне Владимировне, что еду в Москву повидаться с тещей, вернусь к праздникам, заеду к ней, и поеду в Киев, где пробуду половину января и февраль. Ежели, благодаря этому досадному обстоятельству, станет известно, что я уехал в Москву, скажите, пожалуй, что я не застал графа в Батурине и решил совершить эту небольшую поездку. Прощайте. Сейчас же выезжаю, лошадей привели. Прощайте. Прошу вас сообщить это письмо Сашеньке.

Сашенька, милый друг мой, благополучно добрался досюда. Проси бога, чтобы хранил меня и в дальнейшем пути. Прощай. Молю бога о здравии твоем и всех вас. Прощай.

107

П. В. КАПНИСТУ

29 ноября 1795 г. Москва

1795, le 29 de novembre. Moscou

Mon cher frère! A la fin, grâce à dieu, malgré toutes les difficultés du mauvais chemin, du manque des chevaux de poste, les chicanes des jamschiques, je suis arrivé heureusement ici hier à 7 heures du soir. Je n'ai pas trouvé

Ник<олай> Алекс<еевич>: il y a longtemps qu'il est parti avec sa femme pour Varsovie. J'ai trouvé seulement ma belle-mère avec les enfants. Je n'ai eu rien de remarquable pendant ma route, sinon que le comte Алексей Кириллович Разумовский, chez qui j'allais à Batourin, venait de Batourin à Moscou, et ne me devançait que de quelques postes. Si bien, que l'on peut dire que j'allais chez lui et apprenant qu'il est parti pour Moscou, je n'ai pas voulu en avoir le démenti et suis venu chez lui à Moscou. Je vais chez lui ce matin. Après-demain ou même la nuit vers l'après-demain je pars pour Pétersbourg. Je passerai pour quelques instants chez Н<иколай> Александрович et espère d'être lundi le soir ou bien mardi là. Adieu. Je me hâte de vous faire savoir où j'en suis. Priez le bon dieu, qu'il daigne me continuer sa protection. Adieu. Portez-vous tous bien. Je vous prie de faire pour Sachinca ce que je vous <ai> prié de faire, et d'aller à Ивановка pour les fêtes. Adieu. On parle que le chanschah de Perse a envahi la Géorgie. Le tzar de Géorgie est chez Губович et nous avons un roi de plus à nourrir, un ennemi de plus à battre. Varsovie est ou sera rendue au roi de Prusse, et sera apparemment son tombeau. Tous les Polonais sont contre lui et ne veulent être que les vaissaux de notre souveraine. Adieu. Dieu soit avec vous tous.

Sachinca, mon amie, me voilà ici. J'ai trouvé ta chère mère seule, avec la mère du defunt mari de ta nouvelle belle-soeur et un essaim d'enfants autour d'elles. Ta chère mère, grâce à dieu, se porte bien. Elle va partir dans quelques jours pour Pétersbourg. Ton frère avec sa jeune femme est à Varsovie. Марья Алексеевна ira à Pétersbourg. Je ne suis pas encore au fait de toutes les affaires de notre famille, c'est une machine à présent très compliquée. Наденька a une fille Авдотья. Elle viendra à Pétersbourg. Прасковья Михайловна, sa soeur Пелагея Михайловна sont avec Dachinca, qui, dit-on, adore Гавр<ила> Ром<анович> et ne peut être sans lui un seul moment. Quelle métamorphose! Je vais entrer dans un pays de prestige? Дай бог с добром вырваться. Adieu, ma tendre amie. Porte-toi bien. Prie le bon dieu pour moi. Adieu. Tâche, ma chère amie, de te distraire, et crois que le bon dieu, qui seul me reste, ne m'abandonnera pas. Adieu. Je t'embrasse. Adieu. Ta mère t'aime beaucoup. Comme elle aurait voulu t'avoir ici! Mais elle n'a approuvé mes raisons. Adieu.

Перевод

1795 ноября 29 дня. Москва

Любезный брат! Наконец-то с божьей помощью благополучно приехал сюда вчера в 7 часов вечера вопреки дурной дороге, недостаче почтовых лошадей, вымогательствам ямщиков. Николая Алексеевича не застал: он давно уехал с женою в Варшаву. Дома была только теща с детьми. Ничего примечательного за время пути со мной не приключилось, разве только, что граф Алексей Кириллович Разумовский, к которому я ехал в Батурин, отправился из Батурина в Москву и опережал меня лишь на несколько перегонов. Так что можно сказать, что я к нему ехал, а узнав, что он отбыл в Москву, не пожелал остаться не при чем и поехал следом за ним в Москву. Буду у него нынче утром. Послезавтра или даже в ночь на послезавтра еду в Петербург. Заверну ненадолго к Николаю Александровичу и в понедельник вечером или во вторник думаю быть на месте. Прощайте. <Торопился> сообщить вам, каковы мои дела. Молите бога, чтоб он и далее удостаивал меня своим покровительством. Прощайте. Будьте здоровы. Прошу вас, сделайте для Сашеньки то, о чем я вас просил, и на праздники отправляйтесь в Ивановку. Прощайте. Шахиншах персидский, сказывают, захватил Грузию. Грузинский царь находится у Губовича.

а нам теперь еще одного царя кормить, еще одного врага бить. Варшава отдана или будет отдана королю прусскому и станет, видимо, его могилой. Все поляки против него, и хотят быть подданными лишь нашей государыни. Прощайте. Бог с вами со всеми.

Сашенька, друг мой, вот я доехал. Застал только твою матушку с матерью покойного мужа новой твоей невестки и кучей детей вокруг них. Матушка твоя, благодарение господу, здорова. Через несколько дней она едет в Петербург. Брат твой с молодой женою в Варшаве. Марья Алексеевна поедет в Петербург. Я еще не вполне разбираюсь в делах нашего семейства: теперь это весьма сложный механизм. У Наденьки дочь Авдотья. Она будет в Петербург. Прасковья Михайловна и сестра ее Пелагея Михайловна живут с Дашенькой; оная, говорят, обожает Гаврилу Романовича и минуты пробыть без него не может. Какова метаморфоза! Уж не войду ли я в очарованную страну? Дай бог с добром вырваться. Прощай, милый друг мой. Будь здорова. Проси бога обо мне. Прощай. Старайся рассеяться, дорогой друг мой, и верь, что господь, единственная моя надёжа, меня не оставит. Прощай. Целую тебя. Прощай. Матушка твоя очень тебя любит. Как бы ей хотелось, чтоб ты была здесь! С доводами моими она, однако, не согласилась. Прощай.

108

П. В. КАПНИСТУ

7 декабря 1795 г. Петербург

1795, le 7 de décembre. St.-Pétersbourg

A la fin, grâce à dieu, me voilà ici. Je suis arrivé hier le soir. Vous ne pouvez pas vous imaginer toutes les difficultés de ma route et toutes les dépenses. Peu s'en fallut que 150 roubles me suffisent. Mais, grâce à dieu, me voici. A présent il lui reste de me conduire ici par sa sagesse que je réclame. Je suis resté 2 jours à Moscou et un jour chez Н‹иколай› Алекс‹андрович› pour m'orienter. Je n'ai été encore nulle part. Je vais chez Gavrilo Roman‹ovitch› ce matin. ‹Je› me hâte de finir ma lettre pour la poste qui part, et seulement pour vous annoncer mon arrivée. Aujourd'hui je ferai mes visites. Les jours suivants je me repose et je travaille. Adieu. Je vous ai écrit de Koursk et de Moscou. Adieu. Priez le bon dieu pour moi.

Souvoroff est ici depuis 3 jours. La voix publique le fait partir pour la Perse. Un khan de Perse est ici pour implorer le secours de sa majesté. Les autres disent que Souvoroff peut-être ira en France, dont les affaires sur le Rhin vont très mal. Adieu.

Sachinca, ma chère amie, je t'embrasse. Je suis heureusement arrivé malgré mille difficultés. J'espère en la grâce du bon dieu qu'il me conduira. Adieu. Porte-toi bien et tâche de te distraire. Machinca est tout-à-fait rétablie. Ta chère mère est arrivée ici. Adieu.

На оборотной стороне адрес:

Его высокоблагородию, милостивому государю моему Петру Васильевичу Капнисту в Хорол.

Перевод

1795, декабря 7 дня. Санкт-Петербург

Слава богу, вот я наконец и добрался. Прибыл вчера ввечеру. Вы не можете вообразить себе всех трудностей моего пути и всех издержек. 150 рублей едва мне хватило. Но вот я и здесь, благодарение господу. Ему остается теперь направлять меня здесь своею мудростью, о чем его и молю. Провел 2 дня в Москве и день у Николая Александровича с тем, чтоб осмотреться. Нигде еще не был. Нынче утром иду к Гавриле Романовичу. Спешу кончить письмо, ибо почта уходит, а я хотел только сообщить вам о своем прибытии. Сегодня отправляюсь с визитами. В следующие дни буду отдыхать и работать. Прощайте. Писал вам из Курска и из Москвы. Прощайте. Молитесь обо мне.

Суворов три дня как тут. Молва отправляет его в Персию. Здесь хан персидский, чтоб умолять ее величество о помощи. Иные говорят, что Суворов, возможно, отправится во Францию, коей дела на Рейне очень нехороши. Прощайте.

Сашенька, дорогой друг, целую тебя. Добрался я тысяче трудностей вопреки благополучно. Уповаю на милость господа, он меня направит. Прощай. Будь здорова и старайся рассеяться. Машенька совсем оправилась. Сюда приехала любезная твоя матушка. Прощай.

109

П. В. КАПНИСТУ

10 декабря 1795 г. Петербург

1795, le 10 de décembre. St.-Pétersbourg

Mon cher frère! Jusqu'à présent je ne puis vous rien dire de positif. Il paraît cependant que mes affaires iront mieux avec le secours du bon dieu. Gavrilo Rom‹anovitch› est mieux chez le comte Zouboff. Mr. Cozizky; le parent du comte Zouboff et qui est bien avec Gavrilo Rom‹anovitch› est fait vice-gouverneur à la place de Tibérin. C'est pour lui frayer le chemin à la place du gouverneur. Aujourd'hui je devais aller chez lui, mais j'y irai demain. Gavr‹ilo› Rom‹anovitch› l'a prévenu en ma faveur. Je ne sors que chez mes connaissances amicales, car ni mon habit, ni mon écrit n'est pas encore prêt. Pour l'affaire de l'argent je suis presque assuré de recevoir toute notre somme et la moitié de celle de notre frère. Je n'ai fait que quelques pas pour cela, car je suis tout à mon objet principal. Espérez en bon dieu, mon cher frère, et priez-le de me donner la sagesse d'accomplir sa volonté, et non la mienne. J'espère d'être présenté au comte Souboff ce jeudi, et après je me répandrai dans le monde Ma seconde apparition sera chez mr. Popoff.

Pour les nouvelles du jour on prétend que le roi de Pologne ira finir ses jours en Italie. Mr. Archaroff est appelé ici, où il est venu depuis dix jours pour mettre ordre à la police. Il préside au намест‹ническое› правление sans être général-gouverneur de ce gouvernement. Nos troupes qui ont été dans la Pologne se retirent dans nos frontières: à Pscov, Polozk etc. et il paraît que nous resterons en paix, tout étant arrangé à l'aimable entre les trois puissances alliées. On n'entend encore rien de la destination du comte Souvoroff,

il est au palais de Tauride. Voilà tout ce dont je me souviens pour le coup, et c'est assez, car ma tête est pleine d'autres choses. Adieu. Portez-vous bien. Je me porte assez bien, mais sans domestiques, car Lovka s'est gelé les pieds et Vasile a la fièvre chaude et je suis obligé de chercher un laquais de louage. Adieu. Je dîne tous les jours chez Дарья Алекс‹еевна›. Aujourd hui je finis mon écrit et demain je le met au net. Adieu. Portez-vous tous bien. N'oubliez pas ma prière à l égard de Sachinca et d aller à Charkoff. Adieu.

Перевод

1795, декабря 10 дня. Санкт-Петербург

Любезный брат! До сих пор не могу сказать вам ничего положительного. Кажется, однако, что дела мои пойдут с божьей помощью лучше. Гаврило Романович в наилучших отношениях с графом Зубовым. Родственник графа г-н Козицкий (он хорош с Гаврилой Романовичем) назначен вице-губернатором вместо Тиберина с тем, чтобы расчистить ему путь к губернаторству. Я должен был сегодня быть у него, но поеду завтра. Гаврило Романович расположил его в мою пользу. Бываю только у коротких знакомых, ибо ни платье мое, ни бумаги еще не готовы. Что до дела о деньгах, почти уверен, что получу всю нашу сумму и половину причитающегося брату. Я сделал лишь несколько шагов в этом направлении, будучи всецело занят главною целью. Уповайте на бога, любезный брат, молите его, чтоб ниспослал мне благоразумие исполнять волю его, а не мою. В сей четверг надеюсь быть представленным графу Зубову, после чего нанесу визиты всем остальным. Моим вторым визитом будет посещение г-на Попова.

Что касается до текущих известий, говорят, что король польский отправится доживать свой век в Италию. Сюда вызван г-н Архаров, чтобы навести порядок в полиции; вот уж 10 дней, как он приехал. Он председательствует в наместническом правлении, не будучи генерал-губернатором этой губернии. Войска наши, бывшие в Польше, отходят к нашим границам: Пскову, Полоцку и т. д., и кажется, что мы сохраним мир, полюбовно уладив все вопросы между тремя союзными державами. О назначении графа Суворова пока ничего не слышно; он живет в Таврическом дворце. Вот и все, о чем могу вспомнить на сей раз, и довольно этого, ибо голова моя занята другим. Прощайте. Будьте здоровы. Я довольно здоров, но остался без своих слуг, ибо Левка обморозил себе ноги, а у Василия горячка, и мне придется искать лакея по найму Прощайте. Всякий день обедаю у Дарьи Алексеевны. Закончу сегодня свое писание и завтра перебелю рукопись. Прощайте. Будьте все здоровы. Не забудьте моей просьбы насчет Сашеньки и поездки в Харьков. Прощайте.

110

А. А. КАПНИСТ

10 декабря 1795 г. Петербург

Sachinca, ma tendre amie, je t'embrasse. Au nom de dieu, ma chère, ne te chagrine pas et tâche de te distraire. J'espère en bon dieu que mes affaires iront bien. Ne me donne pas le chagrin de savoir que tu es triste. Tâche de

te distraire. Je me porte bien. Dachinca est très bien dans son ménage; elle m'aime et je suis avec elle mieux que jamais. Прасковья и Пелагея Мих<айловна> sont avec elle. Au nom de dieu, душенька, tâche de supporter sans murmure notre absence, et au contraire prie le bon dieu qu'elle soit plus longue, car je reviens plus tôt si mes affaires vont mal et je suis obligé de rester plus longtemps si elles vont bien. Adieu. Je t'embrasse, ma tendre amie. Dieu soit avec vous tous Adieu.

Перевод

Сашенька, милый друг мой, целую тебя. Бога ради, дорогая моя, не грусти и старайся рассеяться. Надеюсь, что дела мои с божьей помощью пойдут хорошо. Не огорчай же меня своей печалью. Старайся рассеяться. Я здоров. Дашенька очень счастлива в своей семейной жизни; она меня любит, и я с нею в лучших, чем когда-либо, отношениях. Прасковья и Пелагея Михайловна живут у нее. Ради бога, душенька, постарайся безропотно сносить нашу разлуку, напротив того, моли господа еще продлить ее, ведь я скорее вернусь в том случае, когда дела мои дурно обернутся, а ежели они будут хороши, мне придется задержаться подольше. Прощай. Целую тебя, милый друг мой. Бог с вами со всеми. Прощай.

111

П. В. КАПНИСТУ и А. А. КАПНИСТ

17 декабря 1795 г. Петербург

1795, le 17 de décembre. Вторник. St.-Petérsbourg

Mon cher frère! Je n'ai presque rien de nouveau à ajouter à ma lettre d'hier, sinon que j'ai été chez le comte Zouboff hier le matin. Il m'a regardé gracieusement, mais ne m'a rien parlé de mon affaire. Après midi Гавр<ило> Ром<анович> m'a conduit chez le frère du comte Zouboff, celui qui est marié avec la fille du prince Viazemsky, après — chez son beau frère Jerebzoff. J'ai été très bien accueilli. De là j'ai été chez le général du proviant Novossilzoff et de là chez mon ancien ami Cosodavleff, par qui je veux m'introduire chez Griboffsky. Imaginez le tourbillon où je suis tombé et représentez-vous mon état. Que faire? Demain à II heures je vais derechef chez le comte Zouboff et je réitérai mes visites tous les jours. Je dîne chez Cosodavleff après avoir passé chez Cosinsky. Voilà mon journal très exact. Pour les nouvelles du jour tout est in statu quo. Mr. le baron Bork est tombé et chassé de chez le grand duc et est parti pour la Russie Blanche. Sa femme et sa fille sont dans la dernière misère. J'ai été aujourd'hui chez elles. Quel retour de fortune! Ma prédiction est accomplie. Le comte Souvoroff est parti pour visiter la Finlande. Voilà toutes les nouvelles. Adieu. Portez-vous bien. Priez dieu qu'il ne m'abandonne point. Adieu. Je n'espère qu'en lui. Adieu.

Душа милая Сашенька! Я получил третьего дни первое твое письмо. Пиши ко мне часто, мой милый друг, и не пиши красноречиво, а то что на сердце лежит. Душа моя, ты меня любишь, это мне нужно, а не то, чтоб ты красно мне это сказала. Миленькая Саша, как я тебя люблю. Я это всегда сильнее чувствую, когда тебя не вижу.

Бога ради, мой друг, не грусти, а моли бога, чтоб он наставил меня и помог. Я на него только и надеюсь. Жаль очень, что несчастье приключилось нашему Евграфу Ивановичу. Жаль, ежели это вам помешает туда

поехать. Да как быть, что бог велит, то и делать должно. Из письма моего к брату ты увидишь все, что я здесь делаю. Дела начались, кажется, очень хорошо. Но что бог велит, то и будет, то и прийму.

Я чрезвычайно озабочен и выезжаю часто или, лучше сказать, объезжаю весь город. То-то попал в вихрь, как-то выберусь из него? Но что бог даст, моли его, милый друг! Матушка и Машенька еще не приехали, но завтра будут. Граф Безбородко в четверг поедет в Москву и Николай Александрович с ним. Прощай, мой милый друг. Будьте здоровы все. Дай бог скоро и с приятностью возвратиться к вам! Прощай, душа моя. Целую тебя в мыслях. Прости. Моли бога обо мне. Гавр‹ила› Ром‹анович› в феврале месяце едет в Уфу в деревню на несколько месяцев. Может быть, не заедет ли к нам! Прощай, милая Сашенька. Бог с вами. Будьте здоровы.

Перевод

1795, декабря 17 дня. Вторник. С.-Петербург

Любезный брат! Мне почти нечего добавить к вчерашнему моему письму, разве только что был вчера утром у графа Зубова. Он благожелательно ко мне отнесся, но о деле моем ничего не говорил. После полудня Гаврило Романович повез меня к брату графа Зубова, тому, который женат на дочери князя Вяземского, а затем — к его свояку Жеребцову. Я был очень хорошо принят. Оттуда поехал к генерал-провиантмейстеру Новосильцову, от Новосильцова — к старому другу моему Козодавлеву, оный, надеюсь, введет меня к Грибовскому. Вообразите, в какой попал вихрь, и представьте себе мое состояние. Что делать? Завтра в 11 часов сызнова еду к графу Зубову и так каждый день. Обедаю у Козодавлева, заехав прежде к Козинскому. Вот вам весьма подробный отчет. Что до текущих новостей, все in statu quo. Г-н барон Борк пал и отставлен от великого князя и уехал в Белоруссию. Жена и дочь его в крайней нужде. Был сегодня у них. Каков поворот фортуны! Предсказание мое исполнилось. Граф Суворов отправился посетить Финляндию. Вот и все вести. Прощайте. Будьте здоровы. Просите бога, чтоб меня не оставил. Прощайте. Только на него и уповаю. Прощайте.

112

П. В. КАПНИСТУ и А. А. КАПНИСТ

24 декабря 1795 г. Петербург

1795, le 24 de décembre. St.-Pétersbourg

Mon cher frère! J'ai reçu votre première lettre du 30 de novembre. Vous avez tort de croire que M-me Tarnassky veut faire la paix à des conditions onéreuses. Elle dénombre ses prétentions et finit par acquiescer à la paix. Tâchez seulement de la mener quelque temps, si vous le pouvez. J'ai parlé avec Гавр‹ила› Ром‹анович› pour demander une lettre pour Осип Ива‹нович› du comte Platon Alex‹androvitch›, pour qu'on ne m'incommode point par des procès là-bas. J'espère qu'au moins je reviendrai avec des bonnes lettres de recommandation. Au reste mon affaire est encore in statu quo. Mr. le comte Platon Alex‹androvitch› est un homme très circonspect. Ces jours-ci je crois

avoir avec lui une explication. Mr. Cozinsky veut m'aplanir le chemin, il est très bien avec moi. Je viens chez le comte presque tous les matins, il me voit avec plaisir. Je remets tout dans la volonté du bon dieu.

Pour l'argent on me promet pour sûr les 10.000 roubles de mon frère après les fêtes, non sans quelque expensa. Que faire? il le faut. J'ai lu votre lettre à Gavrilo Romanovitch, et elle a fait sur lui et sur Дарья Алекс‹еевна› une très bonne impression. Je tâcherai d'inscrire dans la garde les enfants de Семен Ем‹ельянович› et ferai mon possible pour les Astrogradsky. Adieu. Je me hâte de finir ma lettre, la poste part. Priez le bon dieu qu'il m'aide. Adieu. Ник‹олай› Александрович est arrivé, et le lendemain reparti avec le comte Besborodco pour Moscou. Il ne reviendra que le 20. J'ai montré hier la lettre de Комб‹урле..› a mr. Popoff, et elle a fait une bonne impression sur lui. J'attends avec impatience Combourley lui-même, mais il ne viendra que le 20 aussa. Adieu. Dieu soit avec vous tous. Au nom ‹de› dieu, mon cher frère, faites pour Sachinca ce dont je vous ai prié. Adieu. Espérez dans la bonté du dieu. Ma belle-mère vient d'arriver aujourd'hui.

На новой странице:

Sachinca, ma chère, ma tendre amie, j'ai reçu ta seconde lettre. Est-ce possible que tu puisses craindre que je ne t'oublie. Ah, ma chère! que le temps que je suis sans toi m'est long! C'est un temps d'épreuves. Non, ma chère amie, crois que tu es toujours présente à ma mémoire. Je t'ai déjà dit tant de fois que je t'aime beaucoup plus quand je suis loin de toi. Dieu donne que je puisse bientôt me délivrer d'ici et voler dans tes bras. Prie dieu pour moi, ma chère, et tâche de ne pas t'ennuyer. Je t'embrasse mille fois. Adieu. Ecris-moi chaque poste. Adieu, mon ange. Dieu soit avec toi et avec vous tous. Adieu. Je t'embrasse encore une fois. Adieu.

Перевод

1795, декабря 24 дня. Санкт-Петербург

Любезный брат! Первое ваше письмо от 30 ноября получил. Вы заблуждаетесь, полагая, что г-жа Тарновская хочет миру на невыгодных условиях. Она перечисляет свои требования и в конце концов соглашается на мир. Постарайтесь, коли можете, поводить ее некоторое время. Я говорил с Гаврило Романовичем, прося письмо к Осипу Ивановичу от графа Платона Александровича, чтоб мне там не докучали этими процессами. Надеюсь, что по меньшей мере вернусь с хорошими рекомендательными письмами. Впрочем, дело мое пока еще in statu quo. Граф Платон Александрович человек весьма осторожный. На сих днях надеюсь иметь с ним объяснение. Г-н Козицкий хочет расчистить мне путь, он очень хорош со мною. Бываю у графа почти всякое утро, он меня с радостью принимает. Я предаю все на волю божию.

Что касается денег, мне за верное обещают после праздников причитающиеся брату 10 000 рублей, не без некоторых expensa. Что делать? Так надобно. Гавриле Романовичу прочел письмо ваше, оно произвело на него и на Дарью Алексеевну очень хорошее впечатление. Я постараюсь записать в гвардию детей Семена Емельяновича и сделаю все, что могу, для Астроградских. Прощайте. Спешу закончить письмо. Почта уходит. Молите бога, чтобы помог мне. Прощайте. Приехал Николай Александрович и на другой день снова уехал с графом Безбородко в Москву. Вернется он только 20-го. Вчера я показал г-ну Попову письмо Комбурлея, которое

произвело на него хорошее впечатление. С нетерпением ожидаю самого Комбурлея, но он будет также лишь 20-го. Прощайте. Бог с вами со всеми. Бога ради, любезный брат, сделайте для Сашеньки то, о чем я просил вас. Прощайте. Уповайте на благость божию. Сегодня приехала моя теща.

На новой странице:

Сашенька, дорогой, милый друг мой, второе твое письмо получил. Неужто ты опасаешься, как бы я тебя не забыл! Ах, дорогая моя! Сколь долгим кажется мне время, когда тебя со мною нет! Это время испытаний. Нет, дорогой друг, верь, что образ твой я всегда храню в своей памяти. Я уже столько раз говорил тебе, что люблю тебя гораздо более, когда разлучен с тобою. Дай бог мне поскорее вырваться отсюда и лететь в твои объятия. Молись обо мне, дорогая моя, и старайся не скучать. Тысячу раз целую тебя. Прощай. Пиши мне каждую почту. Прощай, ангел мой. Бог с тобою и всеми вами. Прощай. Еще раз целую тебя. Прощай.

113

А. А. КАПНИСТ

31 декабря 1795 г. Петербург

1795, le 31 de décembre. St.-Pétersbourg

Ma tendre amie, ma chère Sachinca! J'ai reçu ta dernière lettre du 9 dé<cembre>. Que cela me fait de la peine, ma chère amie, que tu ne peux pas distraire ton ennui. D'honneur, cela me dérange ici tellement, que je ne puis pas te dire. Ta tristesse passe dans moi. Au nom de dieu, ma chère, tâche de supporter le fardeau que le bon dieu nous oblige de porter sans murmure. Cela, crois moi, ne fera qu'allonger nos souffrances. Prends patience, ma chère amie, et espère que le bon dieu ne nous abandonnera pas.

Par la lettre que j'écris à mon frère tu verras que j'ai de bonnes espérances. Tâche de prendre sur toi de vaincre ton ennui. Tâche de te distraire. Prie dieu et pour toi et pour moi.

Eh bien, femme curieuse, tu as donc décacheté mes secrets, en as-tu été recompensé? Mais tu te trompes, ma chère amie, nous ne sommes pas tout-à-fait reconciliés avec Анна Петр<овна>: elle prétend que j'ai négligé son amitié et veut prendre sa revanche. Je n'ai été que deux jours à la voir à Moscou. Elle ne m'écrit pas et je la laisse faire. Ce qui me fait plus de la peine <c'est> que notre comtesse ne vient pas ici. Elle m'a écrit une fois. J'aurais souhaité de la voir. Au reste, ta chère mère et tout le monde se portent bien. Ta mère a un quartier à part et elle est avec Анна Михайловна et les enfants de ton frère. Nous sommes toujours ensemble. Ton frère sera obligé de quitter Moscou, car s'il revient de l'armée, il viendra ici avec le tribunal de Moscou.

Adieu, ma tendre amie. L'année va finir. Puissent finir avec lui tous nos désagréments. J'espère en dieu. Puisse-t-il me conduire dans le dédale où je me trouve et me donner le fil qui me pourrait conduire à la tranquillité. Ce n'est qu'après elle que je soupirai. Adieu.

Porte-toi bien, ma chère, et sois sûre que je ne resterai pas une seconde ici après avoir arrangé mes affaires qui ne pourront tout au plus durer que 3 semaines. Adieu, ma tendre amie, tâche de te distraire. Tâche de prendre sur toi plus de forces. Adieu. Embrasse nos enfants. Mes compliments à tous les

nôtres. Adieu. Que le bon dieu soit avec vous. Ma tendre amie, pense à moi, mais sans chagrin, sans ennui. Crois que malgré que je me répands ici, je suis si vide. Adieu. C'est dans tes bras, ma chère amie, que je retrouverai mon âme. Adieu.

Перевод

1795, декабря 31 числа. С.-Петербург

Милый друг, дорогая моя Сашенька! Последнее письмо твое от 9 декабря получил. Как несносно мне, дорогой друг, что ты не можешь рассеять своей скуки. Право, так это меня тревожит, что и сказать не могу. Печаль твоя гнетет меня. Бога ради, друг мой, старайся без ропота сносить бремя, возложенное на нас господом. Роптание, поверь мне, лишь продлит наши мученья. Наберись терпения, дорогой друг мой, и верь, что господь нас не оставит.

Из письма моего к брату ты увидишь, что я надеюсь на успех. Постарайся же справиться со своею скукой, постарайся рассеяться. Молись богу и о себе и обо мне.

Ну что ж, любопытная женщина, ты, стало быть, раскрыла мои секреты, ну, и была ли ты за это вознаграждена? Да ты ошибаешься, дорогой друг, мы с Анной Петровной не вполне помирились. Она уверяет, будто я пренебрег ее дружбою и хочет взять реванш. В Москве мне довелось видеть ее лишь в течение 2-х дней. Она ко мне не пишет, ну и пусть. Меня более огорчает то, что графиня сюда не едет. Она писала мне один раз. Мне хотелось бы с нею повидаться. Впрочем, любезная твоя матушка и все здоровы. У матушки твоей отдельная квартира, она живет с Анной Михайловной и детьми твоего брата. Мы всегда вместе. Брату твоему придется покинуть Москву, ибо, ежели он вернется из армии, то приедет сюда с московским судом.

Прощай, милый друг мой. Кончается год. Дай бог, чтоб с ним кончились все наши неприятности. Уповаю на бога. Да проведет он меня по тому лабиринту, где я теперь нахожусь, и да дарует мне нить, которая вывела бы меня в тихую обитель. Только к ней и буду стремиться. Прощай.

Будь здорова, дорогая моя, и совершенно уверена, что я и секунды здесь не останусь, покончив с делами, кои займут самое большее 3 недели. Прощай, мой милый друг, старайся рассеяться и набраться сил. Прощай. Поцелуй деток. Всем нашим кланяюсь. Прощай. Бог с вами. Милый друг мой, думай обо мне, но без печали, без грусти. Поверь, что хотя и бываю я в обществе, но мне так одиноко! Прощай. Лишь в твоих объятиях, дорогой друг мой, вновь обрету я свою душу. Прощай.

114

А. А. КАПНИСТ

30 января 1796 г. Петербург

1796, le 30 de janvier. St.-Pétersb<ourg>

Avec une grande joie j'ai reçu, ma chère Sachinca, ta lettre du 6 de ce mois. Je remercie dieu que tu as reçu mes lettres. Oui, Sachinca, le bon dieu éprouve ta patience et veut voir si tu lui es dévouée de coeur et d'âme. Sois-le, ma tendre amie, il te consolera et me fera réussir ici.

De la lettre de mon frère tu verras la marche de mes affaires. Je ne te parlerai donc pour le coup que des choses personnelles. Grâce à dieu, je me porte bien, malgré une vie sédentaire et antichambrière. Je suis assez gai quand je suis avec les nôtres. Nicolas Alexandrovitsch est déjà 8 jours de retour de Moscou. Machinca est toujours faible, et je crois qu'elle ne se remettra longtemps. Je <ne> suis pas souvent avec elle, car, étant obligé de sortir le matin et de courir la journée, je rentre souvent tard. Mais je suis presque toujours chez Дашинька qui m'aime beaucoup. Ecris-lui, ma chère amie. Гавр<ило> Ром<анович> m'aime aussi beaucoup, aussi bien que tes cousines les Bacounines, et surtout Параша, que tu ne connais pas. Ник<олай> Alexandrovitsch et Machinca sont avec moi toujours comme auparavant sur un ton peu sincère et gênant. Cela me fait de la peine. Mais on ne peut pas changer les gens. Ils ont pris leur plis — et c'est pour toujours. C'est chagrinant, mais il n'y a pas de remède. Ta chère mère est très bien avec moi et m'aime. Mais ce qui me fait le plus de joie, c'est que bientôt j'espère avoir le plaisir de voir ici la comtesse Catinca. Elle m'aime toujours de même.

Je passe ma matinée à faire l'antichambre chez le comte Zouboff. Je vais dîner chez les personnes chez qui j'ai à faire, et après dîner je vais voir le spectacle et surtout l'opéra bouffa, pour me distraire, et passe la soirée ou chez Дашинька, ou avec Томара chez Наталия Кирилловна, ou chez Полторацкий Димитрий. Voilà presque toutes mes journées. Elles seront encore plus monotones quand Катинька viendra, car elle sera mon refuge le plus ordinaire. Mais le tourbillon du monde me gêne et m'ennuie déjà très fort. Dieu donne que dans deux ou trois semaines je puisse déjà ne plus le voir. Mais que la volonté du bon dieu soit faite. Prie-le, ma tendre amie, que pour l'amour de toi il m'en délivre. Il écoutera ta prière. Mais je ne me sens pas digne d'être écouté par lui. Adieu, ma tendre amie, je t'embrasse mille fois. Adieu. Embrasse pour moi les nôtres et tâche, au nom de dieu, de ne pas t'ennuyer. Tu ne feras par là que prolonger mon exil. Adieu. Je t'embrasse encore une fois. Adieu. Comme je souhaite que l'hiver puisse durer pour avoir le plaisir de voir le premier jour du printemps avec toi dans ma solitude. Adieu, ma chère amie, prie dieu pour moi. Adieu.

Перевод

1796, января 30 дня. С.-Петербург

С большой радостью получил я, дорогая Сашенька, твое письмо от 6 сего месяца. Слава богу, ты получила мои письма. Да, Сашенька, господь испытывает твое терпение и намерен убедиться, предана ли ты ему сердцем и душою. Отдайся в его волю, милый друг мой, он тебя утешит, а мне ниспошлет удачу в делах.

Из письма брату увидишь, как идут мои дела. Посему буду говорить с тобою на сей раз только о вещах личного порядка. Я, слава богу, здоров, несмотря на то, что жизнь такую веду: все сижу, жду да поджидаю. Довольно весел, когда бываю с нашими. Николай Александрович вот уж 8 дней как вернулся из Москвы. Машенька по-прежнему слаба, и думаю, что долго не оправится. Нечасто бываю с нею, ибо вынужденный, уйдя утром, день целый бегать, зачастую поздно возвращаюсь. Зато почти все время провожу у Дашеньки, она очень меня любит. Напиши к ней, дорогой друг. Гаврило Романович также очень меня любит, как и кузины твои Бакунины, особенно Параша, ее ты не знаешь. Николай Александрович и Машенька держатся со мною — как и прежде — не вполне искренно и церемонно. Это меня огорчает. Ну, да людей не переменишь. Уж таковы они,

и это навсегда. Огорчительно сие, да ничего не поделаешь. Любезная твоя матушка очень хороша со мною и меня любит. Но более всего радует меня то, что вскоре, надеюсь, буду иметь удовольствие видеть здесь графиню Катеньку. Она все так же любит меня.

Утро провожу в ожидании у графа Зубова. Обедаю у лиц, с коими у меня дела, а после обеда еду на спектакль, особенно в оперу буфф, чтоб развлечься, а вечер провожу либо у Дашеньки, либо вместе с Томарой у Наталии Кирилловны, или у Полторацкого Димитрия. Так проходят почти все дни. Они станут еще монотоннее, как приедет Катенька, ибо ее общество сделается самым обычным моим прибежищем. Однако вихрь света уже порядком наскучил мне, меня тяготит. Дай-то бог через 2 или 3 недели не видеть его более. Ну, да будет воля божия. Проси его, милый друг мой, чтоб из любви к тебе вызволил меня отсюда. Он внемлет твоей мольбе. Я же не считаю себя достойным того, чтобы он меня услышал. Прощай, милый друг мой, тысячу раз целую тебя. Прощай. Поцелуй за меня наших и, ради бога, старайся не скучать. Этим ты лишь продлишь мою ссылку. Прощай. Еще раз целую тебя. Прощай. Как бы я желал, чтобы зима затянулась, и я бы имел удовольствие вместе с тобою встретить первый весенний день в нашем уединении! Прощай, дорогой друг. Проси обо мне бога. Прощай.

115

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

22 февраля 1796 г.

Милостивый государь мой Гаврило Романович!

За поставленные мною муку и крупы в Херсонский магазейн имею я получить из казны восемь тысяч девятьсот семьдесят три рубли; о чем и прошение от меня его сиятельству господину действительному тайному советнику, генерал-прокурору и кавалеру графу Александру Николаевичу Самойлову подано. А как отсюда отъезжаю, для того покорно прошу вас, милостивого государя моего, куда потребно будет о сем прошения вместо меня подавать, подлежащую сумму откуда следует принять, в книге расписаться; словом, вместо меня во всем по сему действовать; в чем я вам верю и что учините строить и прекословить не буду.

Имею честь быть с должным почтением,

милостивый государь мой, Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Василий Капнист
надворный советник

1796-го года
Февраля 22-го дня.
Его превосходительству господину
тайному советнику, сенатору и кавалеру
Гаврилу Романовичу Державину.

116

А. А. КАПНИСТ

9 марта 1796 г. Ревель

Le 9 de mars. Revol

Ma tendre amie Sachinca! J'ai manqué une poste en arrivant ici de t'écrire. Je t'en demande mille pardons. Je ne me suis pas informé en arrivant du jour de départ de la poste — et je l'ai fait passer. Pardonne-moi, ma tendre amie. Je me hâte de t'écrire cette lettre, car la poste part aujourd'hui et que je pars demain pour Pétersbourg. J'ai passé de jours très agréables chez Catinca. Tu sais qu'elle m'aime beaucoup. Elle t'aime beaucoup aussi. Mais quoique j'ai du plaisir à rester avec elle, je me dérobe ce plaisir pour retourner avant la seconde semaine du Carême à la capitale pour tâcher de finir mes affaires et voler dans tes bras. Dieu donne que tu puisses te porter bien et m'aimer toujours de plus en plus. C'est mon voeu le plus cher. J'ai reçu la lettre du 13 de février. Tu t'es ressouvenu du jour de ma naissance! Que je suis sensible à ton attention! Je vais sacrifier tous les jours qui me restent à t'aimer et à tâcher de te rendre heureuse. Le bon dieu ne me refusera pas d'accomplir ce souhait. Qu'il soit avec toi et avec vous tous. Adieu, je t'embrasse mille fois en idée. Quand est-ce que j'aurai ce plaisir en effet? Adieu. Que la volonté du bon dieu soit faite. Adieu, je t'embrasse encore. Adieu.

Перевод

Марта 9 дня. Ревель

Милый друг Сашенька! Приехав сюда, я пропустил почту, не написал к тебе. Тысячу раз прошу у тебя за то прощения. Не справился по приезде о дне ухода почты, вот и упустил ее. Прости меня, милый друг. Спешу писать тебе сие письмо, ибо почта сегодня уходит, а я еду завтра в Петербург. Провел очень приятные дни подле Катеньки. Ты знаешь, она очень меня любит. Она и тебя тоже очень любит. Но хотя мне и приятно быть с нею, лишаю себя сего удовольствия, чтобы, вернувшись до второй недели поста в столицу, постараться покончить с делами и лететь в твои объятия. Дай бог, чтоб ты была здорова и все больше меня любила. Вот самое заветное мое желание. Получил письмо от 13 февраля. Ты вспомнила о дне моего рождения! Сколь чувствую я твое внимание! Остаток дней моих посвящу я тому, чтобы любить тебя и постараться сделать тебя счастливою. Господь не откажет мне в исполнении сего желания. Да пребудет он с тобою и всеми вами. Прощай, тысячу раз целую тебя в мыслях. И когда только буду иметь это удовольствие в самом деле? Прощай. Да будет воля божия. Прощай, еще раз целую тебя. Прощай.

117

А. А. КАПНИСТ

12 марта 1796 г. Харьков

1796, марта 12. Поутру. Харьков

Je suis venu ici, chez nos amis, hier le soir. Ce matin je pars avec Ив‹ан› Иванович chez Combourley. J'ai été obligé de prendre la quibitca d'Ив‹ан› Ив‹анович›, car il n'y a pas de neige de ce côté. Cet après-midi je

pars de chez Combourley à Ecatérinoslaw. Prie dieu, ma chère amie, très ardemment, qu'il m'aide dans cette affaire qui est de la plus grave conséquence pour nous. Adieu. Mes comp'iments à Кат‹ерина› Ив‹ановна› et à tous.

Nos amis Кат‹ерина› Ив‹ановна› et Ив‹ан› Ив‹анович› ont été très agréablement surpris de me voir arriver. Ils se portent tous bien. J'ai donné à Кат‹ерина› Ив‹ановна› 25 roubles pour acheter pour toi tout ce que tu as voulu que j'achète pour la chemise du prêtre. Tu n'as donc qu'à lui écrire ce que tu veux faire acheter. Adieu, ma tendre amie, porte-toi bien. Fais plus d'exercices. Joue au billard le matin et le soir. L'exercice est la chose la plus nécessaire pour toi. Adieu, ma chère. Que le bon dieu soit avec toi.

На обороте листка:

Сашеньке

Перевод

Я прибыл сюда, к друзьям нашим, вчера вечером. Нынче утром еду с Иваном Ивановичем к Комбурлею. У Ивана Ивановича вынужден был взять кибитку, ибо снега в этих краях нет. Сегодня пополудни поеду от Комбурлея в Екатеринослав. Горячо моли бога, дорогой друг мой, чтобы помогал мне в сем деле, столь для нас важном. Прощай. Кланяюсь Катерине Ивановне и всем.

Друзья наши Катерина Ивановна и Иван Иванович были приятно удивлены моим приездом. Они все здоровы. Я дал 25 рублей Катерине Ивановне, чтоб она купила тебе все то, что ты велела мне купить для рясы священнику. Тебе остается, стало быть, написать ей, что надобно купить. Прощай, милый друг мой, будь здорова. Делай побольше движения. Играй в бильярд утром и вечером. Движение тебе нужнее всего. Прощай, дорогая моя. Бог с тобою.

118

П. В. КАПНИСТУ и А. А. КАПНИСТ

17 марта 1796 г. Екатеринослав

1796, le 17 de mars. Ecatérinoslav

Mon cher frère! Je vous écris ceci au cas que vous n'êtes pas allé chez notre bon ami Lorer, et je copie la lettre que je vous ai écrite dans la lettre que je lui ai écrite.

Voilà mon journal: de Croucoff je suis venu avant midi chez Coumbourley; il m'a reçu le mieux du monde. Il m'a donné des lettres pour Zolotnizky et pour ‹Socoloborsky?› et sa calèche. Je vins ici le soir jeudi et me suis arrêté chez Lavroff. Notre frère Nicolas y vint et me prit avec lui dans la maison de Persivanoff. Ce-même soir est arrivé le vice-gouverneur. Vendredi j'allais le matin montrer ma face à la Palata, et de là — chez le gouverneur. Il m'a très bien accueilli dans son cabinet, s'est excusé sur la nécessité où il a été de n'avoir pas rien faire pour moi etc. J'ai dîné chez lui avec le vice-gouverneur. L'après-midi et samedi tout le jour je n'ai été nulle part, car je me reposais des fatigues du voyage, et cherchais à m'orienter. Samedi notre frère partit, et moi, j'ai passé dans la maison de m-me Cramine. Hier, le dimanche, j'ai rendu visite au vice-gouverneur

et de là chez le gouverneur où nous dînâmes. Le soir j'ai été chez le vice-gouverneur qui est très bien avec moi. Ce matin je vais à la Palata pour lire et peut-être pour signer l extrait et de là je vais chez le gouverneur. L'après-midi je vais chez Zolotnizky et chez les autres et principalement chez Tibérine. Je suis obligé de prendre 4 chevaux de louage et de payer par semaine 28 roubles. Je ne sais pas si je reste toujours chez m-me Cramine, car je ne suis pas ici très commodement. Voilà tout ce que je puis vous dire pour à présent; la première poste sera plus satisfaisante. Adieu. Portez-vous bien. Tâchez de vous distraire et d'avoir de bonnes espérances. Le bon dieu ne nous abandonnera pas au besoin, mais il nous éprouvera jusqu'à ce qu il trouve que notre résignation dans sa volonté est sincère. Adieu. Ecrivez-moi, car je dois écrire deux lettres pour vous, une pour Novo Mirgorode et l'autre pour Croucoff, et je vais savoir où vous êtes pour vous écrire. Adieu. Encore une fois: espérez plus en la bonté du dieu. Adieu.

На новом листке:

Sachinca, ma chère amie, par la lettre de mon frère tu sauras tout ce qui me regarde. Je n'ai à ajouter que je me porte bien et que je souhaite que tu puisses te porter bien aussi. C'est mon souhait le plus ardent, et après celui-là c'est le souhait de pouvoir finir heureusement mon procès et de voler dans tes bras. Au nom de dieu, ma tendre amie, tâche de faire de l'exercice le plus que tu pourras. Adieu Je t'embrasse en idée. Je cours risque de m'ennuyer ici à mourir. Adieu. Que le bon dieu soit avec vous tous.

На оборотной стороне — адрес:

Сашеньке

и приписка:

Mon cher frère, vous devez décacheter cette lettre, si vous n'êtes pas parti chez mon cher Lorer.

Прошу сие письмо отправить тотчас к Сашеньке, ежели брат Петр Вас‹ильевич› поехал к Ив‹ану› Ив‹ановичу› Лореру.

Перевод

1796, марта 17 дня. Екатеринослав

Любезный брат! Пишу вам на тот случай, ежели вы не поехали к доброму другу нашему Лореру, и, сняв копию со своего письма к вам, посылаю ее в том письме, что написал Лореру.

Вот мой отчет: из Крюкова приехал утром к Комбуолею; он принял меня как нельзя лучше, дал письма к Золотницкому и ‹Соколоторскому› и свою коляску. Приехал сюда в четверг вечером и остановился у Лавзова. Брат Николай зашел за мною и взял с собой в дом Персиванова. Вице-губернатор приехал в тот же вечер. В пятницу утром пошел в Палату показаться, и оттуда — к губернатору. Он очень радушно принял меня в своем кабинете, извинился, что не мог в силу необходимости ничего для меня сделать и т. д. Обедал у него вместе с вице-губернатором. После полудня и весь день в субботу нигде не был, ибо отдыхал с дороги и продумывал обстановку. В субботу брат уехал, а я перебрался в дом г-жи Краминой. Вчера, в воскресенье, поехал с визитом к вице-губернатору, а от него к губернатору, где мы обедали. Вечером был у вице-губернатора, который очень хорош со мною. Нынче утром иду в Палату прочесть и, быть может, подписать экстракт, а оттуда поеду к губернатору. После полудня буду у Золотницкого и прочих, а главное — у Тиберина. Мне приходится нанимать

4 лошадей и платить 28 рублей в неделю. Буду ли по-прежнему жить у г-жи Краминой, не знаю, здесь мне не очень удобно. Вот и все, что на сей раз могу вам сказать; следующая почта более удовлетворит вас. Прощайте. Будьте здоровы. Старайтесь рассеяться и уповать на хороший исход. Господь не оставит нас в нужде, но будет нас испытывать, пока не убедится, что покорность наша его воле вполне искренна. Прощайте. Пишите мне, <чтоб мне знать, куда вам писать>, ибо мне приходится посылать для вас два письма: одно на Новый Миргород, другое на Крюков. Прощайте. Повторяю еще раз: полагайтесь более на милость божию. Прощайте.

Сашенька, дорогой друг мой, из письма к брату ты узнаешь все, что до меня касается. Добавлю только, что здоров и тебе того же желаю. Вот чего горячее всего хочу, а после сего хочу счастливо покончить с делом и лететь в твои объятия. Бога ради, милый друг мой, старайся делать движения как только можешь более. Прощай. Целую тебя в мыслях. Рискую соскучиться тут до смерти. Прощай. Бог с вами со всеми.

Приписка:

Любезный брат, вам следует распечатать сие письмо, ежели вы не уехали к любезному Лореру...

119

П. В. КАПНИСТУ и А. А. КАПНИСТ

24 марта 1796 г. Екатеринослав

1796, марта 24 дня. Екатеринослав

Je me hâte de vous dire, mon cher frère, qu'aujourd'hui l'on lira dans la Palata l'extrait de mon procès. C'est un grand miracle, car Solotnizky est un homme à traîner une affaire deux ans. C'est Осип Иванович qui a opéré ce miracle. Vendredi il est allé chez Tiberin, a fait venir Solotnizky, y ont lu mon Записка et l'a prié de finir mon affaire avant son départ pour Pétersbourg. Mr. Schmacoff, le свояк de notre ami Lorer est pour moi, et hier j'ai été rendre visite aux deux assesseurs et ils ont promis de bien faire. Attendons et espérons ce que le bon dieu voudra faire pour nous. A présent je ferai agir pour le succès du procès mr. Cozinsky, avec qui je suis très bien et suis de sa petite société. Hier encore j'ai soupé chez lui avec sa belle. Enfin j'ai des bonnes espérances, puisque je vois que c'est le bon dieu qui arrange tout pour notre mieux. Ainsi, n'allez pas tenir compagnie à votre spleen, mais réjouissez-vous Je vous écris aussi à Mirgorode, puisque je ne sais pas où vous êtes. Adieu. Portez-vous bien et espérez en bon dieu.

Ma chère amie Sachinca, jusqu'à présent je n'ai pas de tes lettres. Comment te portes-tu? Cela m'inquiète. Au nom de dieu, écris-moi. Et je te conjure de faire le plus d'exercices possible et d'arranger tout dans les maisonnettes du jardin. Que je suis fâché de n'être pas à Oboucofca! J'aurais planté dieu sait combien d'arbres. Mais ici je suis moi-même planté. Adieu. Je me porte bien et m'ennuie de même. Adieu. Mes compliments à Катерина Ивановна et à notre cher pasteur Weber, s'ils sont encore chez toi. Adieu, ma tendre amie, je t'embrasse en idée. Adieu. Ecris-moi souvent.

Перевод

Спешу сообщить вам, любезный брат, что сегодня в Палате зачитают экстракт моего дела. Велико сие чудо, ибо Золотницкий такой человек, что способен тянуть дело два года. Сие чудо сотворил Осип Иванович. В пятницу пошел он к Тиберину, пригласил Золотницкого, зачитал там мою записку и просил его покончить с делом до отъезда его в Петербург. Г-н Шмаков, свояк друга нашего Лорера, за меня, а я вчера нанес визит обоим асессорам, и они обещали свое содействие. Подождем и будем надеяться на то, что господу-богу угодно будет сотворить для нас. Теперь заручусь содействием г-на Козинского, я в очень хороших с ним отношениях и являюсь членом дружеского его кружка. Еще вчера ужинал у него с его красоткой. Одним словом, надеюсь, что все будет хорошо, ибо вижу, что сам господь устраивает все к нашему благу. Посему оставьте свой сплин и развеселитесь. Пишу вам также в Миргород затем, что не знаю, где вы теперь. Прощайте. Будьте здоровы и уповайте на господа-бога.

Дорогой друг мой Сашенька, до сей поры не имею от тебя писем. Меня тревожит, здорова ли ты? Пиши мне, бога ради. И заклинаю тебя, делай как можно более движения и приведи в порядок беседки в саду. Сколь досадую, что я не в Обуховке! Насажал бы бог весть сколько деревьев. А здесь я сам крепко засел. Прощай. Я весьма здоров и весьма скучаю. Прощай. Кланяюсь Катерине Ивановне и любезному пастору нашему Веберу, ежели они еще у тебя. Прощай, милый друг мой, целую тебя в мыслях. Прощай. Пиши почаще.

120

П. В. КАПНИСТУ

12 мая 1796 г. Екатеринослав

1796, le 12 de mai. Ecaterinoslav

Je n'ai rien à vous communiquer sinon qu'aujourd'hui les juges signent le решение et demain on me le lira et l'on me donnera la copie. J'espère en le bon dieu que le résultat est en notre faveur. Mais que sa volonté soit faite. Je me porte bien et toujours à l'ordinaire. Adieu. Aucune nouvelle il n'y a pas de courrier après le 21 d'avril: marque qu'il n'y a pas eu d'avancement. Adieu.

Целую тебя, миленькая Сашенька. Проси бога, я надеюсь, завтра разрешится моя судьба, и я полечу к тебе отдохнуть от всех беспокойств моих. Прощай, душенька, я думаю послезавтра выехать, но еще не решился, прямо ли ехать к тебе или заехать к Ив<ану> Ив<ановичу> Лореру. Прощай.

J'ai oublié de vous dire, mon cher frère, que l'oucaze que vous m'avez envoyé, n'est rien. C'est une bagatelle et j'en ai parlé avec Крамин.

На оборотной стороне листа:

Брату Петру Васильевичу.

Перевод

1796 года, мая 12 дня. Екатеринослав

Мне нечего сообщить вам, кроме того, что сегодня судьи подпишут решение, а завтра мне его зачитают и выдадут копию. Надеюсь, что с божьей помощью результат — в нашу пользу. Но да свершится воля

божия. У меня все по-старому, и я здоров. Прощайте. О курьере после 21 апреля ничего не слышно: верный признак того, что повышения в чинах не последовало. Прощайте...

Забыл сказать вам, любезный брат, что указ, который вы мне послали, ничего не значит. Это пустяки, я говорил о сем с Краминым.

121

А. А. КАПНИСТ

29 июня 1796 г. Торжок

1796, le 29 de juin. A 8 heures du matin. Torjok

Me voilà heureusement arrivé jusqu'ici, ma chère amie. Ce moment même je vais à Tscherenzizi pour voir Ник‹олай› Александ‹рович›. Il est seul ici, Machinca est restée à Pétersbourg. Il ira avec elle dans les nouveaux gouvernements polonais, dans la Courlande et peut-être à Vienne et à Berlin, pour arranger les postes. Ce voyage fera, j'espère, beaucoup du bien à Machinca. On dit qu'elle se porte tout-à-fait bien.

De Tscherenzizi je vais à Прямухино chez Мих‹аил› Вас‹ильевич› où ta chère mère est à présent et cette nuit-même je vais à Вышний Волочок et continue mon chemin. Je n'ai pas pu ne pas faire ce petit détour pour avoir le plaisir de donner de tes nouvelles à ta chère mère.

Je me porte bien et ma calèche que j'ai achetée à Moscou se porte mieux que la quibitca.

Voilà les nouvelles que j'ai à vous communiquer. Hier après dîner, une poste avant Twer, j'ai rencontré des gens de la suite d'Осип Иванович qui m'ont dit qu'Осип Иванович est déjà à Moscou. Il est venu le matin le même jour que j'en suis parti l'après-midi. Итак, мы разъехались, чему я очень рад, все к лучшему: j'aurais pu si je l'aurais rencontré, gâter mon affaire, car il aurait pu me donner des conseils que je ne pourrais pas suivre, et alors je serais opposé à ses sentiments, au contraire qu'à présent les mains me sont libres, et je ferai tout beaucoup mieux sans lui avec Combourley seul. Осип Ив‹анович› est allé pour avoir la régence sur les 3 gouvernements de Вознесенско, de Ecaterinoslav et de la Tauride, et tout est fait selon ses désirs. Dis à mon frère que je suis très charmé de ne l'avoir pas ni trouvé à Pétersbourg, ni rencontré en chemin. Le bon dieu me protège visiblement en tout, même par le beau temps qu'il m'a envoyé pour le chemin. Avant mon départ de Moscou quelques heures il est tombé une pluie délicieuse, autant qu'il fallait pour abattre la poussière et rafraîchir l'air qui ont été insupportables. Je vais, portant la marque de la bonté divine et sa main qui guide celui qui s'en laisse gouverner. Puisse-t-il me protéger de même dans la capitale.

Adieu, ma tendre amie. Je me hâte de vous écrire, car je pars dans ce même moment. Dis bien des compliments à tous nos chers amis. Tâche de ne pas t'ennuyer. Ecris-moi chaque poste et à chaque occasion. Adieu. Je t'embrasse en idée.

Pour ce qui regarde les nouvelles qui ne nous regardent pas: dis à mon frère que les diables des Français prospèrent en Italie et près du Rhin. Le roi de Sardaigne a fait une paix déshonorable pour lui. Il s'est tout-à-fait remis dans la patte des Français. Le roi de Naples a fait la paix aussi. Le pape a envoyé pour faire la paix. Le duc Ferdinand est dans l'armée de Condé. Les Français demandent aux Vénitiens le passage pour aller à Trieste. Tout cela

est très désagréable. Sur le Rhin le prince de Vürtemburg a eu le dessous. On se <replie>. Je crains que toutes ces mauvaises nouvelles n'influent aussi sur notre cour. J'aurais voulu trouver tout le monde en bonne humeur.

On m'a dit aussi à Moscou une chose qui regarde de plus près par l'intérêt que nous prenons à nos cousins les Bacounins. On dit que les Circassiens quand ils ont vu que beaucoup de troupes se sont séparé de Goudovitsch pour joindre le comte Souboff, qu'ils sont sortis des montagnes, sont tombés sur nos troupes, y ont fait beaucoup de dégâts et ont ruiné nos colonies. Tout cela est très désagréable. Je souhaite que cela ne soit pas vrai. Nos cousins ont risqué en ce cas beaucoup.

Adieu, ma tendre amie, prie le bon dieu qu'il m'envoie un bon succès et un prompt retour. Adieu. Бог с вами.

Перевод

1796, июня 29 дня, 8 часов утра. Торжок

Вот я благополучно и добрался досюда, дорогой мой друг. Теперь же отправляюсь в Черенчицы, чтоб повидать Николая Александровича. Он там один, Машенька осталась в Петербурге. Он поедет с нею в новые польские губернии, Курляндию и, может быть, в Вену и Берлин, чтобы расставить посты. Сие путешествие, надеюсь, будет Машеньке очень полезно. Она, говорят, вполне здорова.

Из Черенчиц поеду в Прямухино к Михаилу Васильевичу, где теперь находится любезная твоя матушка, и сей же ночью направлюсь в Вышний Волочок и продолжу свой путь. Я не мог не сделать этот небольшой крюк ради удовольствия рассказать любезной твоей матушке, как ты поживаешь.

Я вполне здоров, а коляска, купленная мною в Москве, здоровее кибитки.

Вот какие могу сообщить вам новости. Вчера после обеда, за один перегон до Твери, встретил людей из свиты Осипа Ивановича, которые сказали мне, что Осип Иванович уже в Москве. Он приехал туда утром, а я уехал в тот же самый день после полудня. Итак, мы разъехались, чему я очень рад... встреть я его, я мог бы испортить дело, ибо он, возможно, стал бы давать мне советы, а я бы им не последовал и, стало быть, пошел ему наперекор. А теперь руки у меня свободны и сделаю все гораздо лучше без него с одним Комбурлеем. Осип Иванович поехал принять управление 3 губерниями: Вознесенской, Екатеринославской и Таврической, и все сделалось сходно с его желаниями. Скажи брату, что я очень рад, что ни в Петербурге его не застал, ни по дороге не встретил. Господь явно во всем мне помогает, даже хорошей погодой, которую ниспослал мне во время пути. Пред отъездом моим из Москвы в течение нескольких часов шел восхитительный дождик, словно предназначенный для того, чтобы уничтожить несносную пыль и духоту. Я еду отмеченный знаком божественной доброты и дланью его, которая того ведет, кто ей послушен. Пусть господь также покровительствует мне и в столице.

Прощай, милый друг. Спешу писать к вам, ибо сей же час еду. Низко кланяюсь всем нашим добрым друзьям. Постарайся не скучать. Пиши по каждой почте и с каждой оказией. Прощай. Целую тебя в мыслях.

Что касается до новостей, которые нас не касаются, скажи брату, что чертовы французы преуспевают в Италии и близ Рейна. Король Сардинии заключил постыдный для него мир. Он полностью отдался во власть французам. Мир заключил и король неаполитанский. Послов для заключения мира направил папа римский. Герцог Фердинанд находится в армии Конде. Французы требуют от венецианцев пропустить их к Триесту. Весьма все

сие неприятно. На Рейне потерпел поражение принц Вюртембургский. <Они отступают>. Боюсь, как бы дурные эти вести не повлияли на наш двор. Мне хотелось бы найти всех в хорошем расположении духа.

В Москве мне сообщили также одно известие, близко нас касающееся ввиду участия, которое мы принимаем в кузенах наших Бакуниных. Говорят, будто черкесы, увидев, что много войск перешло от Гудовича к графу Зубову, спустились с гор, напали на наши войска, нанесли им большой ущерб и разорили наши колонии. Очень все это неприятно. Надеюсь, что это не так. Кузены наши многим в сем случае рисковали.

Прощай, друг милый, проси бога, чтоб ниспослал мне удачу и скорое возвращение. Прощай...

122

А. А. КАПНИСТ

8 июля 1796 г. Петербург

1796, июля 8 дня. С<анкт>-Петербург

Jusqu'à présent, ma tendre amie, je ne reçois pas de tes lettres. Ceci commence à m'inquiéter. Mais je me résigne dans la volonté du bon dieu De moi je te dirai que je me porte bien; que j'ai entamé l'affaire de l'argent; qu'on me promet; aujourd hui-même je vais chez Samoiloff. J'espère de recevoir une résolution définitive. Pour mes autres affaires je ne sais que dire. Combourley ne vient pas. Je ne conçois rien à ce retard. Je crains que Осип Иванович ne le persuadât de retourner, s'il l'a rencontré en chemin. Cela me fera bien de la peine. Mais que la volonté du bon dieu soit faite! Ce n'est pas pour la première fois qu'il m'a prouvé qu'en contrariant mes desseins il a voulu me faire du bien. Je m'informe au Sénat aussi, et la seule pierre qui me barre le chemin, c'est le cher Baschiloff. Mais sur ce point je ne puis encore dire rien de définitif, il faut du temps ici. Au reste, je commence déjà à m'ennuyer et ne sais que devenir. Heureusement qu'on imprime mes ouvrages et que ce'a m'occupe.

Pour des nouvelles, il n'y en a pas. Dimanche on a baptisé le petit grand duc Nicolas, et on n'a distribué aucune grâce. Avant cela sous la date du 28 on a avancé dans le civil tous ceux qui ont servi 10 ans dans un rang.

Ник<олай> Александрович с Машенькой и детьми выедет скоро в Курляндию и так далее, и я останусь в доме один. Гавр<илу> Ром<ановича> обещают отпустить, но не отпускают. Елизавету Петровну Самарину la cadette сговорили за графа Григория Ивановича Чернышева, сына адмирала Ив<ана> Григорьевича. C'est un superbe parti. Tout le reste est in statu quo.

Dis à mon frère qui j'ai moi-même remis sa lettre à la poste. Mais что касается шнепера, то говорят, что аглицкого получить нельзя Однако я еще в одну лавку, о которой мне говорили, поеду. Ланцеты лекаря лучше хвалят. Писал я ему, и то и другое пришлю. Затем прощай, мой друг. Скучно, что от тебя писем нет, и это, я думаю, ты из стиля письма моего увидишь. Как ни стараюсь, мысли разбить не могу. Прощай, душенька, целую тебя в мыслях. Дай бог скорее возвратиться к тебе. Боже мой, как здесь душно и пусто, а у тебя в Обуховке как теперь хорошо. Сено уже, я думаю, в саду скосили и овечки прогуливаются. Прощай, мой друг. Всем нашим любезным друзьям кланяюсь. Прощай, бог с вами. Я думаю, что известие

о накладе на ведро горелки по 60 копеек сделало у нас великую тревогу. Пожалуй, попроси брата Петра Васильевича, чтоб он меня уведомил, что по этому происходить будет. Для меня знать это чрезвычайно нужно, дабы я знал, как здесь оборачиваться, и все, пожалуйте, пишите, что о Хорвате слышно будет. Прощай, мой друг. Вообрази, в каком я вихре. Дай бог избавиться с добром и честью.

Перевод

До сей поры, милый друг мой, не имею от тебя писем. Сие начинает меня тревожить, но вверяюсь воле божией. О себе скажу, что здоров, что начал дело о деньгах, что меня обнадеживают; сегодня же отправляюсь к Самойлову. Надеюсь получить окончательную резолюцию. Что до других моих дел, не знаю, что и сказать. Комбурлей не едет. Никак не постигну причины сей задержки. Боюсь, не убедил ли его Осип Иванович вернуться, ежели встретил его в пути. Весьма будет мне это неприятно. Ну, да свершится воля божия! Не в первый раз господь доказал мне, что, идя наперекор моим намерениям, желал мне добра. Навожу также справки в Сенате, и оказывается, что единственным камнем, преграждающим мне дорогу, является любезный Башилов. Но на сей счет не могу покамест сказать ничего решительного, здесь надобно время. Впрочем, начинаю уж скучать и не знаю, что и делать. По счастию, печатаются мои сочинения, и это меня занимает.

Что до новостей, то таковых нет. В воскресенье крестили великого князя Николая, а высочайшей милости не было объявлено никакой. До этого, по случаю 28 числа дали повышение всем тем, кто прослужил в гражданской службе 10 лет в одном чине... Елизавету Петровну Самарину младшую сговорили за графа Григория Ивановича Чернышева, сына адмирала Ивана Григорьевича. Это блестящая партия. Все прочее in statu quo.

Скажи брату, что письмо его я собственноручно снес на почту. Но что касается...

123

А. А. КАПНИСТ

11 июля 1796 г. Петербург

1796, июля 11 д<ня>. С<анкт>-Петербург

Jusqu'à présent je n'ai pas reçu de tes lettres, ma tendre amie Sachinca, et cependant j'ai déjà reçu une lettre de mr. Below de Crementschouk, écrite le 21 de juin. Cela me fait bien du mauvais sang, car je suis parti de chez toi le 10, le 17 tu as pu envoyer ta lettre, et elle aurait dû déjà être arrivée, puisque celle qui a été envoyée de Crementschouk le 21, est arrivée. Cela dérange tellement ma tête, que je ne trouve pas une parole pour te dire. Je n'ai rien au reste de nouveau, tout est en <même> état quand je t'ai écrit ma dernière <lettre>. Dieu te préserve d'une maladie. Je ne conçois rien à ton silence. Si cela dure, je deviendrai fou, je jetterai tout et m'en irai. Dieu sait ce que je ne souffre point. Adieu.

Envoie cette lettre à mon frère, car la poste qui vient j'espère déjà pour sûr de lui envoyer 9.000 roubles de mon frère Nicolas par la poste de Corol,

et il faut qu'il en soit prévenu, pour qu'il envoie à la poste s'informer. Envoie-lui cette lettre tout de suite. Adieu.

На обороте листка:

Ея высокоблагородию милостивой государыне моей Александре Алексеевне Капнистовой. Чрез Москву и Глухов в Гадяч.

Перевод

До сей поры не получил от тебя писем, милый друг Сашенька, и однако получил уже письмо от г-на Белова из Кременчуга, писанное 21-го июня. Это причиняет мне множество треволнений, ибо уехал я от тебя 10-го, 17-го ты могла отправить письмо, и оно должно было уже прибыть, раз дошло то, что было послано из Кременчуга 21-го. Так меня это расстраивает, что ни о чем и говорить не могу. Впрочем, ничего нового со времени последнего письма нет. Храни тебя господь от болезни. Никак не могу постичь, отчего ты молчишь. Ежели так и дальше будет, с ума сойду, все брошу и уеду. Богу ведомо, чего только я не претерпеваю. Прощай.

Перешли сие письмо брату, ибо по ближайшей почте я надеюсь наверное послать ему 9000 рублей от брата Николая в Хорол, на почту, и надобно предупредить его, чтоб он посылал на почту справляться. Перешли ему сие письмо тотчас. Прощай.

124

А. А. КАПНИСТ

29 июля 1796 г. Петербург

1796, le 29 de juillet. St.-Pétersbourg

J'ai eu le plaisir, ma tendre amie Sachinca, de recevoir ta dernière lettre de 6 de juillet. Tu m'as fait beaucoup de plaisir par la gaîté qui paraît dans ta lettre. Je t'aime comme ça car je vois que tu ne te livres pas aux accès de mélancolie. Je te prie seulement de rendre tes lettres plus longues, d'y écrire ton journal. Cela ne doit pas t'ennuyer. Quelques lignes, chaque soir, en te couchant, me peindront toute ta journée. Fais cela, ma tendre amie, pour me donner le plaisir de te voir dans tes lettres et de voir toutes tes occupations. Je crois que tu voyages à présent. Cela te fera assurément du bien. Porte-toi bien et ne te chagrine pas — voilà mes souhaits les plus chers. Je crois que Mouravieff est déjà chez toi. Ecris-moi comment tu l'as reçu et si notre solitude l'a charmé.

Вас‹илий› Степанович Томара avec sa femme part dans 5 jours, peut-être passera-t-il par Oboucofca. Tâche de le bien recevoir. Sa femme est une charmante personne, et lui, il est, comme tu sais, mon ami.

Que te dirai-je de moi? Grâce à dieu, je me porte bien. J'ai mis en mouvement les affaires au Sénat, et ces jours-ci l'affaire de l'argent, la mienne, comme celle de notre frère Nicolas seront portées à mr. Samoiloff pour être terminées. La personne de Baschiloff est la seule qui m'est contraire au Sénat, mais je tâche de le prendre par tant de côtés, qu'il sera difficile qu'il m'échappe. J'espère tant en la grâce du bon dieu, et que sa volonté soit faite. Par Com-

bourley je ne suis pas encore avancé auprès de Griboffsky, qui paraît me soupçonner et craindre. Il est à Sarsco Selo. Je verrai ce qu'il en rapportera.

Pour des nouvelles, il n'y en a qu'une qui soit très intéressante, c est que le roi de Suède, à coup sûr, vient ici pour le 15 incognito et l'on dit que ce sera avec le régent lui-même. On est fort flatté ici de cette arrivée. Je crains pour moi que les fêtes, les dépenses extraordinaires ne viennent me traverser dans mes affaires pécuniaires comme cela est arrivé quelques fois.

Les Français gagnent malheureusement toujours et portent au coeur de l'Allemagne. On dit qu'il vont pénétrer en Saxe. L'impératrice ces jours-ci passe de Sarsco Selo au château de Tauride. Le roi de Suède mettra pied dans la maison de son ambassadeur.

Voilà toutes les nouvelles. Adieu. Je te prie encore, ma chère amie, écris-moi les plus longues lettres possibles. Pourquoi ménages-tu ton papier? Adieu, ma chère amie, je t'embrasse mille fois. Mes compliments à tous nos amis. Personne ne m'écrit; cela n'est pas bien. Adieu. Dis à notre cher pasteur Weber que je ne puis pas trouver madame la baronne Bork. Je ne connais personne de ceux qui la connaissent, et quelques uns, à qui je me suis adressé pour demander sa maison, m'ont dit des maisons où elle n'est pas. Adieu, ma tendre amie. Que le bon dieu soit avec vous tous. Adieu.

Приписка в конце страницы:

Я препоручил Дашеньке сделать тебе три платья модных и пришлю скоро.

На новой странице:

Mon cher frère! Je crois que vous avez déjà reçu les 9.000 roubles que je vous ai envoyés. Je ne reçois pas de vos lettres. Vous auriez dû cependant m'écrire ce qui se fait chez vous, comment notre noblesse a reçu la nouvelle de l'impôt de 60 copecks sur chaque seau d'eau-de-vie qu'on fera? et quels projets qu'il font là-dessus? C'est leur faute qu'ils ont si longtemps traîné le départ de Combourley. Je crois que s'il était ici avant Toucaze, tout cela ne serait pas arrivé.

La cour, dit-on, va arriver le 5 d'août, alors j'irai chez Gribofsky et je verrai ce qu'il y a à faire avec lui. Le bon dieu réglera tout. Mr. Altesky, un homme que je connais beaucoup, qui a joui des grandes faveurs du prince il y a trois ans, et qui a été chassé, est revenu par rappel, et est bien auprès du prince derechef.

A propos: mr. Tomara part dans peu. Il a des hommes qui ont appris chez Н‹иколай› А‹лександрович› Львов la manière de bâtir des maisons de la terre seule, et de couvrir les toits avec de la paille qui ne brûle pas. Je l'ai prié de prendre de moi 4 paysans pour apprendre. C'est pourquoi je vous prie d'envoyer 2 paysans intelligents de Трубайцы et 2 d'Oboucofca в деревню его Кавры близ Переяслава, чтобы они за это лето и осень выучились. Это весьма весьма нужно.

Пожалуйте, тотчас вышлите список людей к нему, ибо это строение несказанно лучше деревянного, а даже кирпичного. Можно строить большие домы хоть как большие. Adieu.

Перевод

1796, июля 29 числа. С.-Петербург

Я имел удовольствие, милый друг Сашенька, получить последнее твое письмо от 6 июля. Меня очень обрадовала веселость, которой исполнено твое письмо. Люблю, когда ты такая, ибо вижу ‹тогда›, что не поддаешься

приступам меланхолии. Прошу тебя только, пиши письма более длинные, веди в них дневниковые записи. Это бы тебя не затруднило. Несколько строк ежевечерне, перед сном, изобразят мне проведенный тобою день. Делай так, милый друг мой, доставь мне удовольствие видеть в письмах тебя и все твои занятия. Теперь ты, наверное, путешествуешь. Это, несомненно, пойдет тебе на пользу. Будь здорова и не кручинься — вот самые сердечные мои пожелания. Думаю, что Муравьев уже у тебя. Напиши, как приняла его и очаровал ли его уединенный наш уголок?

Василий Степанович Томара с женою едет через 5 дней, и, может быть, заедет в Обуховку. Постарайся как следует его принять. Жена его очаровательна, а сам он, как тебе известно, мне друг.

Что сказать о себе? Благодарение богу, здоров. Добился движения моих дел в Сенате, и на сих днях дело о деньгах, как мое, так и брата Николая, будет передано г-ну Самойлову для окончания. Единственная враждебная мне личность в Сенате — Башилов, да я постараюсь взяться за него со стольких сторон, что ускользнуть ему от меня мудрено будет. Полагаюсь целиком на милость божию, и да свершится воля его. Из-за Комбурлея еще никак не продвинулся в налаживании отношений с Грибовским, оный, как кажется, меня подозревает и опасается. Он теперь в Царском Селе. Посмотрим, с чем оттуда вернется.

Из нового любопытно только то, что король шведский — и это достоверно — будет здесь 15-го числа incognito, и, говорят, в сопровождении самого регента. Здесь весьма польщены его приездом. Что касается до меня, боюсь, как бы празднества и непредвиденные расходы не расстроили денежных моих дел, как это порой случалось.

Французам, к несчастью, по-прежнему сопутствует успех, они посягают на сердце Германии и, говорят, вот-вот войдут в Саксонию. На сих днях императрица переезжает из Царского Села в Таврический дворец. Король шведский остановится в доме своего посланника.

Вот и все новости. Прощай. Еще раз прошу тебя, дорогой друг, письма пиши мне как можно более длинные. Зачем бережешь бумагу? Прощай, дорогой друг мой, тысячу раз целую тебя. Всем друзьям нашим кланяюсь. Никто ко мне не пишет, нехорошо это. Прощай. Скажи любезному нашему пастору Веберу, что мне не удается разыскать г-жу баронессу Борк. Я никого не знаю из тех, кто бы ее знал, а те, к кому я обращался с просьбою указать мне ее дом, называли дома, где она не живет. Прощай, милый друг мой. Бог с вами со всеми. Прощай...

Любезный брат! Надеюсь, вы уже получили посланные мною 9000 рублей. Писем от вас не имею. Вам следовало бы, однако, написать мне, что там у вас делается, как восприняли наши дворяне весть о налоге в 60 коп. на ведро горилки и какие прожекты строят они на сей счет. Они сами виноваты, что тянули с отъездом Комбурлея. Будь он здесь до указа, ничего бы этого, мне кажется, не было.

Говорят, двор вернется 5 августа, тогда поеду к Грибовскому и посмотрю, что с ним можно сделать. Господь все устроит. Г-н Альтесский, человек очень мне известный, 3 года назад пользовавшийся большим расположением князя, и <затем> изгнанный, снова призван и опять в чести у князя.

Кстати, г-н Томара скоро уезжает. У него есть люди, обучившиеся у Николая Александровича Львова как складывать дома из одной земли и как крыть крыши огнестойкой соломой. Я просил его взять 4 моих крестьян на выучку. Посему пошлите, прошу вас, двух сметливых мужиков из Трубайцев, да двоих из Обуховки в деревню...

125

А. А. КАПНИСТ

7—9 октября 1796 г. Петербург

1796 года, октября 7 дня, вторник

Я спешу сказать тебе, милая Сашенька, что благодарение богу севодни журнал по моему с Тарновскою делу подписан. На прошедшей почте я тебе уже писал, что резолюция дана и присудили, чтоб она десять тысяч серебряною монетою мне заплатила по векселю, данному Ивану Даниловичу. Теперь я всячески стараюсь, чтоб подписан был протокол и послан указ. Благодарите бога, видимо, мне помогающему, ибо не только все сенаторы согласны были единодушно, но с ними и Башилов. Теперь я поспешаю другое дело по разделу Пирятинского. И, надеюсь, чрез две недели и оно решено будет. Сообщи это письмо брату Петру Васильевичу. Я воображаю себе, как вы рады. Благодарите бога и просите, чтоб он мне и во всем прочем помог. Как я рад, милый друг мой, что это дело кончилось. Оно приближает нас к миру и совершенной разделке с Тарновскою, а меня к возвращению к тебе. Ты не поверишь, как мне становится тягостна разлука с тобою. Чем ни стараюсь разогнать скуку, ни спектаклями, ни визитами, ничем не могу. Погода притом такая несносная. Снег разов шесть выпадал и обращался в грязь. Скоро, однако же, дорога ляжет санная. И я полечу к тебе. Какая радость обнять тебя и разделить с тобою радость, которую бог нам посылает. Прости, милая Сашенька, я должен ехать к обер-секретарю, и Николай Александрович торопит письмо на почту отослать. Прощай. Обнимаю тебя и целую тысячу раз. Нового только — что французов, за Рейн прогоняют; а в Италии французы разбили в пух несчастных австрийцев. О шведском короле ничего не слыхать. Новая певица приехала, но я ее еще не слышал. Вот новости городские. Представь, как весело этим заниматься. Прощай, милый друг, бог с тобою и со всеми вами.

9 октября, четверг

Это письмо опоздало на почту. И я рад, что могу сообщить тебе, милый друг, Сашенька, приятное известие, что сево дни уже протокол сенаторами подписан, а будущего понедельника, может быть, и указ пошлется из Сената о взыскании с Тарновской мне до 13 000. Благодарите бога все вместе за его милости к нам. Теперь остается дело о разделе Пирятинского. Я надеюсь оное чрез две недели кончить. Прощайте. Почта отходит. Спешу, чтоб опять не опоздать. Прощайте. Сообщи, душенька, это радостное известие нашему другу господину пастору и от меня ему дружески поклонись. Письма, которые я к тебе писал с Муравьевым, он мне, сево дни назад привезши, возвратил. Он мимо тебя проехал прямо в ‹нрзб.› хутор. Прощай. Бог с вами, просите его, чтоб он помог мне все окончить так, как начал. Прощай. Целую твои руки. Бог с вами.

126

А. А. КАПНИСТ

30 ноября 1796 г. Петербург

1796 года, ноября 30 д‹ня›. С.-Петербург

Третьего дни я писал тебе, милая Сашенька! теперь пишу чрез оказию. Уведомляю тебя, что дело мое по делу подкоморого Пирятинского кончено в мою пользу. Раздел уничтожен. И велено его не принимать

ни в какое уважение, а дать нам раздел по указу 1786 года, то есть, чтоб в двухгодовой срок раздел мы между собою сделали. Указ, я думаю, по сему завтра послан будет в Екатеринослав; завтра или непременно в четверг будущий. Я выезжаю чрез 10 дней непременно; и для того ты уже не пиши ко мне писем. Они меня не застанут. Дай бог скорее вырваться отсюда и лететь к тебе. Мне кажется от нетерпения, что я не доеду к тебе. Дай бог увидеть тебя и всех вас здоровых.

Нового здесь много; всего пересказать не успею. Да тебя же это все и не интересует. От государя все новые милости текут. Вообще много перемен к лучшему. Сам во все входит и скор на резолюции. Всяк доступ до него имеет.

Прощай, друг мой! Обнимаю и целую тебя в мыслях. Бог с тобою и со всеми вами. Прощай. На сих днях ожидаем Катеньку из Ревеля. Мария Алекс<еевна> уехала с Ник<олаем> Александровичем в Черенчицы на две недели. Его государь посылал в Москву за регалами для погребения государя Петра третьего и государыни. А теперь некоторые из регалов повез в Москву обратно. За эти поездки ему верно что-нибудь дадут. Послезавтрего будут переносить прах императора Петра третьего, будут переносить с величайшею печальною церемониею из Невского монастыря во дворец и поставится на одном катафалке с телом государыни. А оттуда вместе и понесут дней через 10 в Петропавловскую крепость с такою же печальною церемониею. О общественных делах скажу тебе, что дело о Яншине отослал государь в Сенат с повелением наблюсть права и пользы дворянства. Итак, я думаю, что брат Петр Васильевич очень хорошо сделал, что винокурню построил. Пускай вырабатывает сколько можно больше вина. Прощай, мой друг, целую тебя.

Как я кончил это письмо, то узнал тогда, что это письмо пойдет в Кременчуг, и для того надписываю оное вам, любезный брат. А вас прошу отослать оное к Сашеньке. Прощайте, дай бог увидеть вас скорее и обнять вас и вместе поблагодарить бога за все его к нам милости. Прощайте. Я вам на прошлой почте послал копию решения по делу Пирятинского. Подчеркнутые слова сделают, надеюсь, удовольствие брату Николаю Васильевичу. Прощайте.

127

Н. М. КАРАМЗИНУ

19 февраля 1797 г.

1797 года, февраля 19 дня. С.-Петербург

Милостивый государь мой Николай Михайлович.

Прошу покорно принять в знак моей к вам привязанности и почтения прилагаемую при сем книжицу. Желаю, чтоб вытисненное в ней заслужило лестное ваше одобрение. На сих днях я отъезжаю в мое уединение, прожив в шумной столице весьма долгое время. Ежели вы захотите одолжить меня вашими письмами, то покорно прошу надписывать оные в Гадяч. Мне весьма приятно будет беседовать с вами заочно и повторять вам удостоверение в отличном почтении и привязанности, с какими пребуду навсегда,

милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист

Ф. Т. ТАРНОВСКОЙ

23 марта 1797 г.

М<илостивая> г<осударыня> м<оя> Ф<екла> Т<имофеевна>.

Вам и всем, кто меня знает, известно отвращение мое от тяжб и искреннее расположение окончать оные миром. Для сего я делал вам часто справедливые и убедительные предложения. Но они всегда оставались тщетными. На последний мой прошлого года отзыв, надмерныя условственные запросы ваши и во время отсутствия моего в Петербург поспешение заставить решить в палате иск ваш о пожилых утвердили меня во мнении, что вы хотите при обнадеживаниях мира угнетить меня тяжбами. Сие принудило меня отразить <нрзб.> вами по судам и обратить по справедливости тяжбы в мою пользу. Вам ныне довольно ощутителен успех моих стараний. Но я не превозношуся оным; с удовольствием приемлю предложение ваше о мире; но частыми опытами принужден к недоверчивой осторожности, почитаю необходимостью требовать, чтобы вы для доказания искреннего вашего к миру расположения, во-первых, и без малейшего отлагательства, как и тщетного сопротивления по получении <приказали> Нижнему суду исполнить сенатский указ увязкою имения вашего, буди не рассудите лучше за благо взнесть мне присужденную Сенатом сумму. Сим одним поступком вы можете меня уверить о искренности желания вашего окончить наши тяжбы. Я повторяю, ни вы, никто не можете сумневаться в моей преклонности к миру. Зная расположение брата моего, ручаюсь в его готовности к оному, несмотря на новые его противу вас успехи в Гражданской палате. Из сего следует, что когда и вы равно с нами расположены и перестанете внимать <нрзб. четыре слова>, то и мир не укоснит совершиться; а потому ненадолго лишитесь вы имений, поступаемых в увязку; но получите навсегда и в полное владение принадлежащую вам по справедливости часть. Напротив того, дальнейшее препятствование ваше исполнить иначе сие решение удостоверит меня, что вы желаете мира только на словах, а <не> на самом деле, и расположит к продолжению тех мер, которых благоуспешность к невыгоде вашей весьма ощутительна. Таким образом, положа первым шагом к миру готовность вашу повиноваться сенатскому решению, прошу вас, во-вторых, предложить мне откровенно и решительно условия, на которых вы почитаете справедливым кончить наши тяжбы и доставить каждому его собственность. Будьте уверены, м. г. моя, что и справедливость оных точно так <нрзб.> весить буду, как весил и прежде до явственных вам по судам успехов моих. По приглашению Вашему я не могу быть севодни у вас как по причине болезни жены моей, так и для отъезда моего брата, но когда можно будет мне, то поспешу с удовольствием видеть вас и устно подтвердить вам мою преклонность возобновить между нами согласие и тишину.

1797,
марта 23 дня.

129

Ф. Т. ТАРНОВСКОЙ

2 апреля 1797 г. Обуховка

1797, апреля 2 д. Обуховка

М‹илостивая› г‹осударыня› моя Фекла Тимофеевна!

Весьма приятно мне видеть деятельное доказательство преклонности Вашей к миру. Предложения Ваши поспешу я препроводить брату Николаю Васильевичу и, испросив от него решительный на оные отзыв, неукосне‹нно› сообщить вам. Теперь позвольте, милостивая государыня! сказать Вам вкратце некоторые мои замечания на предложение ваше. Вы изволите говорить, во первых, об убытках, понесенных вами по судам в течение 20 лет; потом, что не владеете подданными в Манжелее, Николаевке, Васильевке, Пузиковке, Трубайцах и Холодном; что за невладение обуховскими подданными имеете на меня иск ‹в› 10 000 рублях. Напротив того, не берете в размышление, что вторичная вами после минувшего покупка имения племянника моего есть сущая и единственная причина всех ваших и наших хлопот и убытков. Что брат Н‹иколай› В‹асильевич› за купленных у мужа вашего подданных в Манжелее, Николаевке, Васильевке, Пузиковой и прочая заплатил ему по крепости 10 000 рублей да за данный ему вексель на 3000 рублей принужден попустить вам в увязку сего половину; что вы, купя покойному племяннику моему хутор за 30 000 рублей, взяли обратно оный в увязку за присужденную десятитысячную заруку; что должных вам ему ‹*И. Д. Капнисту*›, а первому * мне по векселю пяти тысячи рублей с процентами до сего времени не заплатили и что, словом, «за данную мужем вашим племяннику моему и при покупке от имения пятитысячную (и то наличными деньгами) сумму приобрели вы в Зуевцах 40, да в Обуховке 28 хат, а сверх того получили от брата Н‹иколая› В‹асильевича› сперва по крепости 10 000 рублей да после того по векселю за 3000 рублей взяли в увязку сего половину, составляющую более 150 душ. Я прошу вас покорно, милостивая государыня моя! взять во уважение исключительно сии замечания и взвесить для составления мирных условий не одни токмо ваши убытки и права, но взаимно и наши претензии. Чистосердечное и беспристрастное сообразование оных может одно сближать нас к постоянному и общевыгодному миру. Я подтверждаю Вам искренную мою готовность к оному, желание видеть вас равномерно расположенною к прекращению тяжб наших получением части имения, по справедливости вам принадлежащей. Вы обяжете меня чувствительнейше, если на сии краткие замечания мои изволите сообщить мне ваши мысли. Чистосердечность моя да побудит вас к взаимной откровенности, которая единственно может восстановить между нами доверенность, долженствующую основать обоюдно выгодный мир. Имею честь пребыть с истинным почтением

М‹илостивая› г‹осударыня› моя

* *т. е. мужу Тарновской (примечание редактора).*

130

Ф. Т. ТАРНОВСКОЙ

25 июня 1797 г.

25 июня 1797

М<илостивая> г<осударыня> м<оя> Ф<екла> Т<имофеевна>.

Я получил от брата Н<иколая> В<асильевича> на ваши предложения ответ такой, какого надеялся. Условия Ваши не приемлемы и отнюдь несоответственны объявленному желанию вашему к миру. Вы требуете гораздо более имения, чем бы вам принадлежало по полной купчей, ежели бы и не купил части оного брат Н<иколай> В<асильевич>, а вы во свое время удовлетворили платежом племянника моего Ив<ана> Дан<иловича> и не довели бы тем нас до напрасных и знатных убытков. Итак, хотя я не вижу из всего сего желанного мною искреннего расположения вашего к миру, но не хотя упустить к тому с моей стороны ни малейшего повода, предлагаю вам последнее и необходимое средство, а именно съезд общий наш, дабы испытать, не лучше ли на словах успеем мы в условиях мира? И для того, избрав для сего город Хорол, прошу вас, м. г. моя, уведомить меня, на которое число именно Вы можете туда приехать, дабы брат Н<иколай> В<асильевич> и я успели к тому бы времени быть туда. Притом, прошу Вас еще пригласить к сему съезду как всех сыновей ваших, так и для медиаторства с вашей стороны людей достойных, а не одних токмо стряпчих. Ожидав на сие скорого и решительного вашего ответа, пребываю с истинным почтением, м<илостивая> г<осударыня> м<оя>.

131

Ф. Т. ТАРНОВСКОЙ

Между 28 июня—3 июля 1797 г.

М<илостивая> г<осударыня> моя, Фекла Тимофеевна.

Вы требуете в последнем письме вашем, чтобы я до предлагаемого мною съезда нашего сообщил вам от стороны нашей условия мира в замену ваших, на коих вы и еще настаиваете, несмотря на то, что я уже вам сказал, что они вовсе неудобоприемлемы и не доказывают искренней вашей наклонности к миру. Сего требования вашего не могу я исполнить по многим и важным причинам.

1-е. Благоразумие возбраняет людям, желающим мириться, раздражать взаимно друг друга, а ежели бы я, сообразуясь вам, предложил условия, могущие по справедливости основываться на денежном между вашею и нашею фамилиею расчете, кратко изображенном в моих прежних письмах, то бы такие условия, может быть, показались вам жесткими.

2-е. Предложения мои вам мира должны быть общи с братом Н<иколаем> В<асильевичем>, а он, кроме согласия своего на съезд, не сообщил мне своих о мире положений, почитая, равно как и я, невозможным делом совершить оные с вами чрез письмо.

Третья причина, возбраняющая мне вступать с вами в подробнейшую переписку, есть опасение, чтобы она повереннысми вашими не употреблена

была мне во зло, так как уже не один раз сие случилось, а именно: по делу вашему против племянника моего Ивана Даниловича, по которому осужден он к заплате десятитысячной заруки; а во-вторых, по делу вашему со мною о разделе вечном, где я осужден без ответа уездным и верхним земским судами.

Извините, милостивая государыня моя, сие неприятное напоминовение; вы сами вынудили оное у меня.

Изо всего сего вы видите сколько нужно, оставя напрасную переписку, попытаться, не спорясь на словах, а наипаче с помощию благомыслящих медиаторов, успеем мы совершить мир наш! И для того я настоятельно повторяю вам предложение мое съехаться в Хорол, так как в прежнем письме моем изображено. Хозяйственные работы не могут чрез то потерпеть ощутительного урона, который, впрочем, никак не может быть поставлен в сравнение с выгодами мира, ежели вы к оному искренно расположены.

Я ожидаю согласия вашего на сие откровенное, благомышленное и решительное предложение мое. Несоглашение ваше или медленность будут явными знаками непреклонности вашей к миру, которого я искренне желаю и для свершения коего делаю все то, что благоразумие и честность мне выдумать могли.

Нетерпеливо желаю видеть решительный на сие ответ ваш и назначение точного для съезда в Хорол срока, пребываю с истинным почтением, м‹илостивая› г‹осударыня› моя.

132

Н. М. КАРАМЗИНУ

4 июля 1797 г. Обуховка

Oboukhovka, 4 juillet 1797

Mon cher Monsieur Nicolas Mikhaïlovitche.

J'ai eu le plaisir de recevoir votre seconde lettre, et j'en ai eu plus de chagrin de la perte de la première. L'éloge que vous faites de mes oeuvres m'est très agréable. Il n'est pas difficile avec une guitare de plaire aux oreilles du peuple; mais occuper l'ouïe délicate d'un favori des «Aonides» est aussi malaisé que flatteur.

C'est à tort que vous accusez ma Muse d'avarice; elle est au contraire très dépensière; mais je vois que dans cette circonstance votre courtoisie ne vous a pas permis de faire la différence entre l'avarice et le dénuement. Pour reconnaître une pareille indulgence de votre part, ma Muse fait sortir pour vous tout ce qu'elle avait de caché dans son sein. Choisissez ce qui vous plaira, et jetez l'ivraie au feu. Votre proposition de satisfaire avec ma plume au désir du «Spectateur du Nord», en traçant un tableau de notre littérature, m'a étonné au-delà de ce que je puis dire. Vous n'avez peur de rien! mon cher Nicolas Mikhaïlovitche, en choisissant pour interprète des beautés de la langue russe devant le tribunal de l'Europe lettrée, d'abord un habitant de la Petite-Russie,* et ensuite un éleveur de bétail qui moisit à la campagne! Pour une entreprise de cette importance, il faut nécessairement connaître dans la perfection la langue française et la langue russe, puis vivre dans une capitale avec la c'é des meilleurs sanctuaires bibliographiques ainsi que dans la société d'Aristarques

* en russe: Kokhole (*прим. Легреля. — Ред.*).

éclairés et capables de vous diriger, soit dans le choix des matériaux, soit pour la construction de l'édifice. Vous voyez d'après cela combien je suis peu propre à ce que vous me proposez, en raison de mon insuffisance personnelle et locale. Je vous remercie de la bonne intention que vous avez eue pour la gloire de notre littérature. Je vous remercie de votre choix qui me fait honneur, mais je vous prie, si vous cherchez un homme capable de mener à bien cette importante entreprise, de ne pas courir de votre cabinet sur les rives sauvages du Psiole. Trempez votre plume dans l'encrier et, en beaucoup d'articles, obligez les étrangers cultivés à admirer les beautés si vite mûries de la langue russe. Vous m'inviter à composer de nouvelles oeuvres, en supposant, que le calme et la vie rustique sont propices à la fécondité des Muses. Assurément vous pensez qu'à l'instar des cavales de Virgile le souffle seul des vents du désert suffit pour les faire enfanter, mais cette opinion n'est pas juste. Dans l' isolement les Muses deviendraient rachitiques et muettes. Les Anciens, non sans raison, les avaient associées, leur avaient ajouté Apollon et Pégase aux ailes rapides pour les emporter partout où elles pourraient trouver des disciples dignes d'elles. Vous me citerez l'exemple d'auteurs inimitables, de Virgile, d'Horace et d'autres qui se sont retirés dans la solitude avec les Muses; mais leur retraite se trouvait dans le voisinage de Rome. Ce n'était pas aux seuls échos qu'ils lisaient leurs vers: les Auguste, les Mécène, et ce peuple civilisé qui s'était rendu le maître du monde leur composaient un aréopage. La plus grande partie de mes voisins sent mieux la différence entre l'eau-de-vie bien et mal distillée qu'entre les bons et les mauvais vers. Plaignez donc ma Muse et nè l'invitez plus à fatiguer avec d'ennuyeuses chansons villageoises l'ouïe capricieuse et raffinée par vous dės habitants de la capitale.

Je suis et serai toujours, avec un respect et un attachement sincères, mon cher monsieur, votre très humble serviteur.

Vasili Kapniste.

Перевод

Обуховка, 4 июля 1797 г.

Милостивый государь мой Николай Михайлович.

Я имел удовольствие получить второе ваше письмо и тем более пожалел о пропаже первого. Похвала, воздаваемая вами моим сочинениям, очень мне приятна. Не диво угодить игрою на балалайке ушам народа, но усладить тонкий слух любимца «Аонид» столь же трудно, сколь лестно.

Вы напрасно обвиняете мою музу в скупости; она, напротив того, очень расточительна, но я вижу, что в сем случае любезность ваша не позволила вам сделать различия меж скупостью и скудостью. Дабы вознаградить подобную снисходительность с вашей стороны, муза моя извлекает ради вас все, что имела сокрытого в груди своей. Отберите, что вам придется по душе, а плевелы предайте огню. Предложение ваше взяться за перо и удовлетворить желанию «Северного зрителя», дав картину нашей словесности, несказанно меня удивило. Вы поистине бесстрашны, любезный Николай Михайлович, избирая в качестве передатчика красот русского языка пред судом просвещенной Европы прежде всего хохла, а кроме того, скотовода, плесневеющего в деревне! Для предприятия столь важного непременно надобно в совершенстве владеть французским языком и языком русским, далее — жить в столице, имея доступ как в лучшие библиографические святилища, так и в общество Аристархов, просвещенных и способных помочь вам в отборе материала или в возведении всего сооружения. Вы можете судить по этому, сколь мало пригоден я к тому, что вы мне предлагаете, как в силу личных моих несовершенств, так и в силу места

моего жительства. Благодарю вас за доброе намерение, которое вы возымели во славу нашей словесности. Благодарю вас за ваш выбор, он делает мне честь, но уж коль скоро вы ищите человека, способного справиться с важным сим предприятием, не бегите, прошу вас, из своего кабинета на дикие брега Псёла. Омакните перо свое в чернильницу и в целом ряде статей заставьте просвещенных иноземцев восхититься столь быстро расцветшими красотами русского языка. Вы призываете меня к сочинению новых произведений, полагая, будто спокойствие и сельская жизнь благоприятствуют плодовитости муз. Поистине, вы думаете, что подобно Вергилиевым кобылицам им довольно дуновения ветра из пустыни, чтобы забеременеть, но мысль ваша несправедлива. В одиночестве музы стали бы хилы и немы. Не без причины древние собрали их вместе, дали им Аполлона и быстрокрылого Пегаса, чтобы переносил их туда, где они могли бы найти учеников, достойных их. Вы приведете мне в пример неподражаемых авторов — Вергилия, Горация и других, удалившихся в уединение со своими музами; но их приют находился в соседстве с Римом. Не одному лишь эхо читали они свои стихи: Августы, Меценаты и сей просвещенный, ставший властелином мира народ — вот кто составлял их ареопаг. Бóльшая же часть моих соседей лучше чувствует разницу между хорошо и дурно процеженной горилкою, чем меж хорошими и дурными стихами. Пожалейте же мою музу и более не побуждайте ее утомлять скучными деревенскими песнями разборчивый и утонченный вашими трудами слух столичных жителей.

Честь имею пребыть с сердечным уважением и преданностью вашим, милостивый государь мой, покорнейшим слугою.

Василий Капнист.

133

Ф. Т. ТАРНОВСКОЙ

7 июля 1797 г.

Июля 7. 1797

М‹илостивая› г‹осударыня› Ф‹екла› Т‹имофеевна›.

Из последнего письма вашего я совершенно удостоверился, что вы не в самом деле, а только на бумаге желаете мира, когда для оного не хотите предприять и самой малотрудной поездки в Хорол, где я вам предлагал сделать на словах положения, которых на письме между нами составить никак невозможно. Вы настаиваете в требовании от меня письменных условий мира, несмотря на то, что я уже сам сказал наотрез, что этого сделать не могу как потому, что не знаю мыслей брата Н‹иколая› В‹асильевича›, так и потому, что, доведен будучи письмоводителями вашими к недоверчивости, опасаюсь пускаться в подробнейшую с вами переписку. Итак, требуя от меня по двум главным причинам невозможного, вы обнаруживаете проволочкою времени неискренность расположения вашего к миру. Принуждать к оному я вас не могу, но прежде чем решительно разорвать все средства к миру, я за долг почитаю еще, но уже в последний раз, повторя отречение мое переписываться о мире, предложить вам необходимость съезда нашего в Хороле для устного с вами и братом Н‹иколаем› В‹асильевичем› о сем предложении, предваряя и притом, что далее первого августа по причине отлучки моей из дома я не могу отлагать срока такового съезда нашего. Ежели вы и

теперь на то не согласитесь, то уверен будучи, что я сделал все, что прямо честный, благоразумный и ненавидящий ябеду человек сделать должен, я остаюсь прав перед моею совестию и пред всеми добромыслящими людьми.

Ежели вы захотите продолжать тяжбы, в которых до сих пор очень мало успеваете, то я принужден удовлетворить желанию вашему. Но вы будете на одну себя пенять за худые и разорительные следствия оных.

В случае, когда вы упорным отказом вашим разрушите все виды к миру, то для сокращения переписок прошу меня уведомить, согласны ли вы заплатить мне остальную от увязанного имения сумму налично или попустите и прочее имение в увязку. Первое для вас было бы, кажется, выгоднее, а для меня меньше затруднительно. Пребываю с должным почтением, м<илостивая> г<осударыня> моя.

134

Ф. Т. ТАРНОВСКОЙ

Вторая половина июля 1797 г.

М<илостивая> г<осударыня> м<оя> Ф<екла> Т<имофеевна>!

Письмо ваше удивило и оскорбило меня тем больше, чем менее ожидал я после вчерашних наших объяснений такового от вас отзыва. Вчера вы сами говорили, что дети ваши и поверенный знают все ваши дела и что никто лучше их в исследование корня тяжб наших войтить не может; а теперь, приписывая и им недостаток сведения дела, вы возобновляете требование объясняться со мною через переписку, несмотря на то, что я вам уже и писал многократно и устно подтвердил, что на переписке никаких объяснений с вами иметь не могу. Для облегчения токмо вашего и для отвращения самомалейшего случая к причинению какого-либо друг другу при объяснении дел наших неудовольствия желал я чрез детей ваших и вашего поверенного объяснить и предложить вам состояние тяжб и взаимных претен<з>ий наших.

И для того повторяю вам решительно желание мое узнать от вас, согласны ли вы, отброся переписки, чрез детей ваших и поверенного, или, ежели и тут затруднения вам какие-нибудь предстают, лично со мною объяснить дела наши или нет? Отклонение ваше от сего справедливого и необходимого требования моего будет решительным и явным знаком нежелания вашего к миру и окончательного оному разрыва.

Ожидая на сие от вас последнего ответа вашего, пребываю с почтением

М. Г. М.

135

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

13 августа 1797 г. Обуховка

1797 г., августа 13 дня. Обуховка

Вы знаете, любезный друг, что я люблю вас искренно, желаю, чтобы все, что ни течет из пера вашего, было совершенно, и для того стараюсь и самомалейшие нечистоты или слабости замечать и для поправки вам сообщать.

Это сочинение более всех прочих заставило меня читать его со вниманием, ибо вы сделали меня предметом оного. Скажу вам, что вообще эта ода мне кажется удачнее, чем На умеренность, от Горация вами заимствованная. В ней есть прекрасные места, как то: 2-ой куплет, 3-й, весь 6-ой, а наипаче 7-ой. 8-ой и 10-ой. В последнем вместо тени поэзии, которую вы себе предоставляете, я вам отмежевал ступень Аполлоновой рощи, которую вы, не провинясь пред скромностию, и сами себе присвоить право имеете. Девятый куплет я почти совсем переменил: вы за глаза одели меня и Сашеньку вовсе не так, как мы облачаемся; я описал наше житье-бытье и обыкновенное после обеда дреманье на зеленом канапе против 20 поставов, беспрестанно шумящих и амбары мои хлебом богатящих. Я уверен, что вы, любезный друг, примете мои замечания с тем снисхождением и доверенностию, с которою вы всегда их принимали; впрочем, вы отбросите, где я соврал, а примете лишь то, где я мысль вашу отгадал или объяснил. Прошу в замену и мою к вам адресованную пиесу поправить, как за благо рассудите, а потом отдать напечатать. Ежели, паче чаяния, вы еще не напечатали вашей оды, то я бы желал, чтоб они обе были напечатаны вместе, чтоб нас читали обоих вместе и чтоб, когда мы разлучены, то по крайней мере чтобы лиры наши были вместе. Сделайте одолжение, поспешите мне сказать ваши мысли о моей пиесе. Я прибавил в ней гретий куплет, затем что мне показался Горациев переход Тиридата к Музе весьма с прыжком; как вам покажется? Может быть, меня почитатели Горация и тазать за это будут. Пишите чаще: вы заставите и меня писать. Так Дашенька сиренетою учила петь щеглика.

136

Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ

30 апреля 1798 г.

Милостивый государь мой Юрий Александрович!

Досады, которые мне и многим другим наделала ябеда, причиною, что я решился осмеять ее в комедии; а неусыпное старание правдолюбивого монарха нашего искоренить ее в судах внушает мне смелость посвятить сочинение мое его императорскому величеству.

Препровождая оное вашему превосходительству, аки любителю российского слова, покорнейше прошу узнать высочайшую волю, угодно ли будет усердие мое его императорскому величеству и благоволит ли он удостоить меня всемилостивейшим позволением украсить в печати сочинение мое, одобренное уже цензурою, священным его именем.

Имею честь быть...
Василий Капнист.

Санкт-Петербург.
Апреля 30 дня, 1798 года.

137

ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ ПАВЛА I

Август 1798 г.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Павел Петрович, самодержец всероссийский государь всемилостивейший.

Просит надворный советник Василий Васильев сын Капнист, а о чем, тому следуют пункты.

1-е

Брат мой, надворный советник Николай Капнист, имеет дело Правительствующего Сената в 3-м департаменте с полковницею Феклою Тарновскою по иску ее о недопущении ее владеть имением, купленным у ее мужа братом моим, по причине своей он поверил мне вместо себя ходатайствовать по сему делу. Прилагаю при сем данный мне от него верющий открытый лист.

Прошу дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение Правительствующего Сената в 3-м департаменте принять и допустить меня к приложению рук к экстракту сего дела и быть при слушании оного.

Всемилостивейший государь! прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Августа... дня 1798 года. К поданию надлежит Правительствующего Сената в 3-й департамент. Прошение писал регистратор Евстафий Михайлов сын Аврамов.

К сему прошению надворный советник Василий Васильев сын Капнист руку приложил.

138

А. М. КРУТИЦКОМУ

30 сентября 1798 г.

Милостивый государь мой Антон Михайлович!

Препровождая вам при сем комедию мою «Ябеду», прошу покорно принять от меня право к напечатанию оной в пользу вашу. Верьте, милостивый государь мой! что к сему побуждаюсь я единственно желанием доказать пред всеми уважение, которое к дарованиям вашим ощущаю, и надеждою, что сочинение мое также благосклонно принято будет от вас читателями, как зрителями принято было. — Есть с истинным почтением, милостивый государь мой! Вашим покорнейшим слугою

Василий Капнист.

1798 года,
сентября 30 дня.
Господину Крутицкому.

139

А. М. БАКУНИНУ

16 октября 1798 г. Петербург

1798 года, октября 16-го дня. С.-Петербург

Я хочу тебя пристыдить, любезный друг и брат Александр Михайлович, — ты не делаешь того, что обещал: не доканчиваешь «Жатвы», которую так прекрасно начал; а я по первому твоему приказу посылаю тебе перевод Тассовых стихов, как ни дурно они переведены:

Благочестиву рать пою, как ополчался
И гроб освободил спасителев Годфред.
Умом, десницею он много подвизался
И много претерпел для славных толь побед!

Пою священну брань, скажу как Годофред
За гроб спасителев и град святой сражался.
Умом, десницею он много подвизался
И много претерпел для славных сих побед!

Пою священну брань, как Годофред сражался
За гроб Христов и с ним Сион освободил.
Умом, десницею он много подвизался
И много для побед напастей преносил.

Пою священну брань, скажу как ополчался
И гроб освободил спасителев Годфред.
Умом, десницею он много подвизался
И много претерпел для славных толь побед.

Благочестиву рать пою, как ополчался
Годфред и гроб святой Христов освободил.
Умом, десницею он много подвизался,
По многих бедствиях победу совершил.

Вот еще некоторые перемены:

Пою священну брань вождя, что ополчался
За гроб Христов и с ним Сион освободил...
Через многи бедствия к победе доступил.

Вот, братец, выбирай, что хочешь; я вижу, что до подлинника весьма не доступил.

Теперь скажу тебе странность: в то самое время, как сестра Пелагея Михайловна отдала мне читать твои стихи, я вынул из кармана и прочитал им вновь переведенные мною первые стихи из Одиссеи, которые тебе и посылаю и прошу сказать твое мнение:

Повеждь, о Муза! нам о хитром том вожде,
Который, истребя священной Трои стены,
Скитался и, прошед стран множество, везде
Законы замечал и нравов перемены.
В морях он лютые напасти претерпел,
Когда, в опасности ввергая жизнь, хотел
В отечество привесть сопутников обратно.
Но тщетно их из бед стремился он спасать,
Погибли наконец алчбою святотатной.
Безумные! они дерзнули пожирать
Телицы, дневному светилу посвященны;
И бог, сей мщением за буйство воспаленный,
Не дал им зреть часа возврата в домы их.
Позволь, о Муза! нам из уст узнать твоих
Хоть часть вождя сего чудесных приключений.
Уже все витязи Ахейских ополчений,
Под Троей спасшихся от лютых смерти рук,
Покоились в домах, где грозной брани звук,
Ни бурных шум морей уж их не устрашали.
Один Улисс вотще желал, томясь тоской,
Супругу милу зреть и дом отеческ свой:
Пещеры темные Калипсины держали
Его в плену...

Как тебе, друг мой! дерзость моя кажется. Не знав и азбуки греческой, переводить Гомера. Но наш друг Николай Александрович переводил же Анакреона. Я заимствовал мысли подлинника из второго Битобеева перевода. Ежели у тебя есть Цезеротиев, то сравни с ним и скажи твое заключение. Встреча наша с тобой не удивит ли тебя? Ты скажешь: Les grands esprits se rencontrent. Но ты вздумал стихи Тассовы переводить из итальянского языка, который совершенно разумеешь; а я Гомера затеял переводить из греческого языка, на котором ни бельмеса не знаю! Вот великая разность. Но, братец! разве ты позабыл, что во мне греческая кровь течет и что предки мои из острова Занта были в числе ратников Пенелопы и, следовательно, очевидцы всему происшествию? Они, может быть, невидимо внушают меня. Прощай, обнимаю тебя в мыслях. Дядюшке и тетушке нижайшее почтение свидетельствую, а у сестры руки целую. Прощай. «Ябеду» уже дни через три напечатаю и тебе на будущей почте пришлю. Прощай! нового ничего нет; по слову Соломона: «ничтоже ново на земли».

140

ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА I

Июль 1801 г.

Всепресветлейший державнейший великий государь император
Александр Павлович, самодержец всероссийский,
государь всемилостивейший.

Просит коллежской советник Василий Васильев сын Капнист, а о чем, следуют пункты.

1-е

Вдовствующая полковница Фекла Тимофеевна дочь Тарновская, и сыны ея майоры Иван и Михайло Ивановы Тарновские, и родные братья мои: надворный советник Николай и гвардии в отставке прапорщик Петр Васильевы сыны Капнисты, собравшись по силе указа Правительствующего Сената от 4 декабря 1796 года в бывшее Екатеринославское наместническое правление, последовавшего и прописанного в оном указе всевысочайшего имянного манифеста в 14 день февраля 1786 года, состоявшегося ко всем им с суда земского повета Гадяцкого выпущенного увещательного листа для разделу недвижимых имений, оставшихся после смерти отца нашего бригадира Василья Петровича Капниста, находящихся в поветах Хоролском, Кременчугском и Гадяцком, переговоря между собою, с общего всех согласия, по доверенности брата моего и моей, с одной стороны, а с другой — по доверенности поручика Петра Тарновского учинили дележное миролюбное письменное постановление, коим все бывшие до ныне в присутственных местах тяжбы и по оным с обеих сторон иски и производства прекращены. И утвердив оное при свидетелях подписаниями своими, в 27-й день майя сего 1801 года явили Малороссийской губернии в Хорольском Поветовом земском суде, с которого при сем справочную копию прилагаю.

2-е

Поелику во всех частях того миролюбного постановления я, Василий Капнист, согласен, и оное во всей силе его утверждаю; и как по сим из давнишних лет продолжавшимся тяжбам производились дела в разных

бывшего Екатеринославского наместничества, а ныне Малороссийской губернии присутственных местах, напоследок же по апелляциям в 3-м Правительствующего Сената и временном департаментах, у генерал-рекетмейстерских дел и в Общем собрании Правительствующего Сената, в коих местах и самые подлинные дела, поступавшие из Малороссийских присутственных мест, находятся, то всеподданнейше прошу:

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение и прилагаемую при оном копию мирового постановления Правительствующего Сената в Общее собрание принять, и по силе того постановления все тяжбы, иски и производства между полковницею Тарновскою, детьми ее, братьями моими и мною уничтожить; и о сем как к делам генерал-рекетмейстера, так и Правительствующего Сената 3-му и временному департаментам дать знать с тем, чтобы имеющиеся в оных местах подлинные дела преданы были вечному забвению и для того отосланы были в те присутственные малороссийской губернии места, из коих оные по апелляциям и просьбам той или другой стороны поступили; и о всем оном к сведению тех мест и Малороссийскому губернскому правлению сделать надлежащее предписание.

Всемилостивейший государь, прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Июля... дня 1801 года. К поданию подлежит Правительствующего Сената в Общее собрание. Прошение писал театральной дирекции канцелярист Семен Петров.

К сему прошению колежский советник Василий Васильев сын Капнист руку приложил.

141

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

кн. А. Б. КУРАКИНУ

11 июля 1802 г.

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

Выбор вашего сиятельства в возложении на меня звания директора народных училищ сей губернии весьма ласкательно для моего самолюбия как по отличию, которым вы удостаивать изволите слабые мои дарования, так и по вверяемому способу употребить оные на общую пользу. Но чувствуя всю важность сей обязанности, не отважился бы я принять оной, ежели бы не был удостоверен, что ваше сиятельство, желая оправдать выбор ваш, побудитеся благосклонно просвещенным вашим руководством наставлять неопытность мою на толь трудной и преткновенной стези. Надежда сия и преимущество быть орудием вашим в только общеполезном деле одобряют меня принять с чувствительнейшею благодарностью возлагаемый на меня вашим сиятельством долг и тем доказать стране, осчастливленной начальством вашим, слепое мое благонамеренной воле вашей повиновение, равно как и глубочайшее высокопочитание и душевную приверженность, с которыми имею пребыть навсегда...

Василий Капнист.

1802 года,
июня 11 дня.
Полтава.

142

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. А. Б. КУРАКИНУ

22 ноября 1802 г. Полтава

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

По повелению вашего сиятельства начертание о учреждении дворянского училища имею честь при сем препроводить на ваше благорассмотрение; желаю, чтобы оно угодно было вашему сиятельству и согласно с мыслями и милостивым расположением, на благодетельствование здешнего дворянского общества.

Ваше сиятельство не удивитесь, конечно, что в начертании сем назначена столь умеренная цена за воспитание, по соразмерности достатков каждого; вы изволите знать, сколь мало в крае сем великопоместных дворян и какое множество по заслугам своих предков известных родов превратностию времени пришли в весьма бедное состояние; одно личное потомков их отличие может их восстановить, а хорошее воспитание к тому единственным средством. С уменьшением платежа порознь от каждого требовалось необходимо умножение общественного на сие полезное заведение капитала, но я по опытам знаю, что ни на какое благонамеренное дело дворянство не окажет своей помощи, ежели только <не> будет удостоверено, что пожертвование его обратится точно на общеодобрительный предмет, и для того не усумнился требовать после взнесения в первое двухлетие 150 000 рублей еще таковой же суммы в течение 10 лет; представя сие всевозможно со осторожностью, по мнению моему, самый лучший способ к собранию, сохранности и доброму употреблению общественной суммы, учреждением особого Комитета и препоруча бдительное над оным надзирание г. губернскому и поветовым маршалам.

Отдавая мысли мои на просвещенный суд вашего сиятельства, счастливым себя почту, ежели удостоятся оные местного вашего одобрения и послужат к пользе общества, к которому приверженность была для меня всегда и первым долгом и приятнейшим чувством.

Имею честь пребывать с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию..

Василий Капнист.

1802 года,
ноября 22 дня.
Полтава.

143

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. А. Б. КУРАКИНУ

28 ноября 1802 г.

Сиятельнейший князь м<илостивый> г<осударь>.

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства, в котором изволите удостаивать ласкательным одобрением вашим труд мой касательно начертания о заведении дворянского училища, останется мне приятнейшим памятником

служения моего под начальством вашего сиятельства и наградою слабых подвигов моих на пользу общую.

Примите, сиятельнейший князь!.. чувствительную мою признательность и верьте, что я буду гордиться вниманием, с которым вы принимать изволите малое участвование мое к исполнению благодетельных предположений ваших к счастию края сего. Имею честь быть с глубочайшим высокопочитанием...

Василий Капнист.

1802 года,
ноября 28 дня.

144

КИЕВСКОМУ ПРОТОИЕРЕЮ И. В. ЛЕВАНДЕ

24 сентября 1804 г. Обуховка

1804 года, сентября 24 дня. Обуховка

Почтенный, любезный друг!

Последнее письмо ваше прочитал я три раза и, видя надежду мою так жестоко обманутою, возопил в горести сердца:

О, мир, разврата полный мир!
Лукавство — бог твой, лесть — кумир.
Возможно ли в тебе нам ныне
Стыдливу истину сыскать,
Когда обман в священном чине
И пред олтарь дерзает стать?
Коль лесть везде распространилась,
Посеялась и вкоренилась,
Прозябла, пышно расцвела
И плод тлетворный принесла;
Коль лицемерство злонаветный
На правду вечно строит ков
И, сети кинув неприметны,
Ее свергает в мрачный ров...

Недовольно того, что за каждою изнанкою Горациевых од на место примечаний, о которых я вас просил, всегда осыпали вы меня хвалами на счет подлинника, так что всяк подслушавший оные мог бы сказать:

Во место доброго совета
Прислужливой рукою льстец
На темя тощего поэта
Кладет Горациев венец.

Но и таковою лестью не довольствуясь, вы захотели еще присовокупить к ней и прелесть, представя мне в перспективе надежду видеть друга моего в моей хижине, насладиться его злато-устною беседою; а я, как добросердечная рыбка, пошел на удку; и что же схватил? Скажите сами: рада душа в рай; желал бы душою рай.

Где роща видится простая,
Там льстец красу б увидел рая;
И друга выше всех ценя,
Незримого с начала века
Там бога, тамо человека
Он первого б узрел — меня!

Меня! Меня! Первого человека! Но как пришло до развязки, то мы захотели лучше смотреть на первого человека издали:

Как смотрит свет
На тот портрет,
Что кистью неискусной,
Списавши с хари гнусной
Нелепый богомаз,
Манит лишь издали им глаз.

И поистине вы благую часть избрали. Но на что же было не токмо льстить, но и прельщать меня добросердечного? За это пред престол вышнего вы непременно дадите строгий ответ. Но вас этим не запугаешь. Вы почти ежедневно пред престолом его поднимаете руки вверх, а ни разу по пальцам не досталося за то, что пишут лесть; за то, что вместо просфиры потчиваете пряником. Однако на чужое долготерпение хотя легче, но хуже надеяться, чем на свое собственное. Вот и я уже с вами потерял долготерпение и вскарабкался на вашу кафедру, чтоб вам прочистить совесть, как вы мне и многим посреди церкви прочищали. Но припомня, что вы часто соленую предику пресными дарами закусывать давали, хочу и я смягчить мои упреки некоторыми снисходительными условиями. 1-е. Я соглашаюсь уважить нынешнюю невозможность вашу исполнить возрожденное вами мое желание, но с тем, чтоб этою зимою вы чаще покашливали пред его высокопреосвященством; весною же, когда с водополием Днепра отправите в черную пучину грехи прихожан ваших, то испросите у архипастыря позволение отправиться для надзирания за ними сухим путем; а как часто бывает, что в то самое время из Днепра по Пслу заходят даже ко мне осетры, то вы можете для осмотра, не унесли ли они с собою чего-нибудь грешного, понаведаться и ко мне, где такового добра и без прислуги осетров сыщете предовольно. Ежели же, напротив того, вы найдете здесь превоображаемый вами рай, то в таком случае легко будет внушить его высокопреосвященству, что год пред господом, аки день един и что в священном писании не назначен нигде срок таковым отпускам в рай, как из бессрочной туда апостола Павла отлучки довольно ясно видеть можно. 2-ое. Отправляется к вам еще один раз оборотнем Гораций, но с тем, чтоб вы сообщили имянно, безлестно и подробно ваши примечания на сие превращение. Вы знаете, что трение острит, а гладенье притупляет вещи. Притом прошу написать ко мне, какие переводы вы получили, дабы не иметь вам понапрасну чего-нибудь вдвойне. Ведь не всякая книга евангелие. Прощайте, будьте до весны на деле и на словах здоровы. Пишите ко мне чаще и больше для некоторой замены личной с вами беседы, которой вы меня лишили. Согревайте сообщением, хотя в бумажной обертке, дружеских чувств озябающее сердце преданного вам

Василия Капниста.

145

Д. П. ТРОЩИНСКОМУ

Май 1805 г.

Милостивый государь мой Дмитрий Прокофьевич!

На отношение ко мне вашего высокопревосходительства по поводу жалобы на меня государю императору актрисы Пичини имею честь для донесения его императорскому величеству объяснить в кратце существо дела сего. С самого почти начала вступления помянутой актрисы в службу при театре оказала она упрямый нрав свой и весьма часто строптивостью своею не только выводила из терпения начальников труппы, но и мне наносила тем беспрерывные беспокойства. Напоследок, когда в опере Эфрозине назначена была ей роля, приличная по силе ее обязательства, то она упорно отказалась повиноваться и, местничаясь с лучшими и заслуженнейшими актрисами, требовала роли, вовсе ей не принадлежащей. По жалобе о сем от управляющих труппою велел я подтвердить ей о непременном послушании, угрожая в противном случае исключить ее из службы. В полной надежде, что я не посмею сего исполнить по причине неустойки в контракте ее назначенной, она решительно отказалась повиноваться и моим повелениям. Видя таковое дерзкое непослушание ее, могущее дать весьма дурной к подражанию между сослужащими с нею повод, а с другой стороны, делающее ее самую нарушительницею контракта, я решился исключить ее из службы. Вот истинное происшествие сего дела. Из приложенного при сем контракта ее, а наипаче из объяснения режиссера Флорио обнаруживается еще очевиднее заносчивость ее, несправедливость требований, а с ними обвинение в непослушании мне, тем самым наруша главнейшую обязанность контракта своего, принудила она меня к уничтожению оного. Ежели неповиновение главному начальнику в театральной труппе по службе может иметь место, то ни в одном представлении нельзя будет успеть, и столь знатное пожертвование суммами со стороны казны не принесет ни государю, ни публике желаемого удовольствия. Долг служащих есть сперва повиноваться повелению главного начальства, а потом о обиде своей приносить вышней власти жалобу. Актриса Пичини, по-видимому, возмечтала, что она может заставить главное начальство жаловаться на нее или принудить оное терпеть все ее строптивости, не смея исключить ее из службы по причине назначенной в контракте неустойки, равной трехлетнему ее жалованью: но как неустойка в обязательствах должна всегда быть обоюдная, то чем, как не уничтожением самого того обязательства, неустойка с ее стороны замениться могла? Ибо взыскание с нее трехгодичного ее жалованья сколь несвойственно, столь невозможно.

Прежде сего утруждала она жалобою его императорское величество, и в отношении моем к его сиятельству графу Петру Александровичу Толстому, сообщившему мне по высочайшему повелению оную жалобу, хотя предлагал я весьма ненастоятельным образом о принятии ее, Пичини, опять в службу, но и сие сделал я единственно по убедительному о ней ходатайству режиссера Флорио и по удостоверению его о ее исправлении, как из донесения его ко мне явствует. Ныне же видя, что она и после столь снисходительного в пользу ее подвига моего, не чувствуя цены оного, вместо должного признания в своей вине хочет единственно покорыстоваться незаслуженным трехлетным жалованьем, до 13 тысяч рублей простирающимся. За необходимое почитаю просить вас о донесении его императорскому величеству, что возвращение ее в службу ныне при ее

неповиновении будет для меня крайне уничижительно, для театральной дирекции тягостно; а вообще, представляя служащим оправданной непослушания пример, повлечет за собою весьма неприятные для начальства и пользы театра последствия.

Препровождая вашему высокопревосходительству в оригиналах: контракт актрисы Пичини, предложение мое Конторе театральной дирекции о исключении ее из службы, донесение ко мне режиссера Флорио, жалобу ее, Пичини, вами мне сообщенную; а притом в копиях: отношение ко мне его сиятельства графа Петра Александровича Толстого, приложенную при оном первую жалобу актрисы Пичини и мое к нему отношение. Прошу покорно после донесения его императорскому величеству возвратить мне из числа оных оригиналы.

Имею честь пребыть с совершенным почтением и истинною преданностию,

милостивый государь мой! вашего высокопревосходительства.

1805 года,
мая... дня.
Его высокопревосходительству
Д. П. Трощинскому.

146

ПРЕЗИДЕНТУ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ НАУК, СЛОВЕСНОСТИ И ХУДОЖЕСТВ Д. И. ЯЗЫКОВУ

4 октября 1808 г. Обуховка

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Чувствуя всю цену отличия, которым удостоило меня почтенное Общество любителей наук, словесности и художеств чрез избрание в свои почетные члены, прошу вас покорно, милостивый государь мой! принять на себя труд изъявить оному совершенную мою благодарность и удостоверить, что весьма лестно мне вступить в сословие, столь похвально ревнующее о распространении отечественного просвещения. Я за счастие почел бы, желая оправдать доброе обо мне заключение почтенного Общества, чем-либо способствовать оному в полезном его подвиге; но дарования мои ограничивают меня в малом круге; и почтенные члены Общества приобретут в усердном своем почитателе весьма ревностного, но слабого сотрудника при таком удалении от потребного ему поощрения их и руководства.

Пользуясь сим приятным случаем, с удовольствием повторяю вам удостоверение о совершенном почтении и преданности, с которыми честь имею быть,

милостивый государь мой! вашим всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

1808 года,
октября 4 дня.
Обуховка.
Его высокоблагородию господину
президенту Общества любителей
наук, словесности и художеств
Дмитрию Ивановичу Языкову.

147

Н. И. ГНЕДИЧУ

4 октября 1808 г.

1808 года, октября 4 дня. Обуховка

Вы имеете право досадовать на меня, любезный Николай Иванович! за толь медленный ответ мой на письмо ваше. Но я без вины виноват. Письмо ваше получено во время моей отлучки; оно по недоумению моих домочадцев пошло искать меня в Полтаву, в Кременчуг, и пока оттуда обратным путем дошло до меня, то и сентябрь миновал. Теперь только я получил оное и спешу отвечать вам.

Правда, я сетовал на вас, что вы меня совсем забыли. Но вижу, что вы неприятностьми не хотели меня огорчать. Это однако ж нехорошо вы делали. Любя вас, я хочу с вами разделять приятное и досадное. И для того прошу ко мне писать как можно чаще и уведомлять о вашем житье-бытье. Грустно, что ничто вам не удается. Но вы не должны отчаиваться. Вы знаете: свет вертится колесом, а фортуна на сем колесе, как стакан полный воды на обруче искусного балансера. Кто хочет испить, не должен за обручем гоняться, а стоя хватать стакан. Хорошо, скажете вы, говорить предику тому, кто сидит с стаканчиком. Правда, любезный друг! Признаюсь, что мне грустно представлять себе положение ваше.

Обратимся к другому предмету. Зачем вы не пришлете мне перевода вашего «Танкреда»? Сделайте одолжение, пришлите скорее. Я возвращу вам с моими замечаниями. Вы знаете, что успех ваш у меня на сердце. Стихи, которые вы ко мне писали, читал я с истинным удовольствием. Я видел в них душевное чувство ваше. Но, бога ради, не бросайте Гомера. Это будет прямое самоубийство.

Грустно мне будет узнать, что вы отвергли мой совет. Радуюсь, слыша, что любезный наш русский Тасс решился иттить в чистую. Ему больше досуга будет посвятить себя музам. Прошу ему от меня поклониться и напомнить, что ни служивому, ни отставному непристойно не держать своего слова. Вы свидетель, что он обещал мне дать все, что ни перевел из Тасса. Прошу принудить его исполнить свое обещание. Еще прошу вас осведомиться у Константина Матвеевича Бороздина, что делается с моими сочинениями. Владислав Александрович, отъезжая, препоручил ему попечение о гравированьи. Я замучился толь медлительными родами и боюсь, чтоб отроча не умерло во утробе, сиречь в сетях переплетчика.

Прощайте, любезный Николай Иванович. Верьте, что я вас искренне люблю и почитаю. Пишите ко мне чаще. Вспомните, в каком уголке далеком живу я теперь, вообразите, как приятен в нем отголосок дружества.

148

Д. И. ЯЗЫКОВУ

4 октября 1808 г.

1808 года, октября 4 дня. Обуховка, 22 окт.—29

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Искренне благодарю вас за честь, которую вы доставили мне участвованием в избрании меня в члены вашего Общества. Сделайте ж одолжение, наставьте меня, чем я могу содействовать к пользе оного и к оправданию его выбора? Вам же предосудительно будет, ежели в улье вашем останусь

я трутнем. Но как должно по пословице мешать дело с бездельем, то скажу вам, что в присланном мне дипломе приметил я безделицу, которую не знаю, как можно будет исправить. Общество признало меня кавалером, тогда как я не токмо в петлице, на шее или через плечо, но даже и на косе, за неимением оной, ленты не ношу. Лестно видеть, что люди, хорошо обо мне мыслящие, больше моими сочинениями, чем гардеробою занимаются. Вот я вам предложил весьма заботливую задачу; но ежели хотите, чтоб я не принуждал вас решить оную, то прошу прислать мне театральный с начала оного журнал. В молодости моей часто бывал я театральным кавалером; а в «Клориде», вечной памяти, раздавал сам же деревянным колодочкам знаки овечьего руна. Теперь в отставке без мундира. Любопытен я видеть, как товарищи мои отличаются; и достойно ли они носят ордена Талии и Мельпомены? Не поробщите на меня, что я обложил вас десятирублевою пенею: долг платежом красен... будет.

Прощайте. Прошу вашим любезным хозяевам и всем общим нашим приятелям отдать от меня поклон и верить, что я вас искренне почитаю и с преданностию пребуду навсегда,

милостивый государь мой!
вашим всепокорнейшим слугою
Василий Капнист.

Прошу покорно приложенное письмо велеть препоручить Николаю Ивановичу Гнедичу, а другое Константину Матвеевичу.

149

Кн. И. Е. ХИЛКОВУ

Начало октября 1808 г. Обуховка

Si vous voulez, mon prince, faire une surprise à monsieur votre beau-père le jour de son nom, je vais vous en proposer une, que nous pouvons exécuter, si vous la trouverez de votre goût, après une pièce que vous preparez sans doute.

Je vous en envoie le plan: c'est ce qu'on appelle, un proverbe. D'après le canevas de la pièce, chaque acteur dit ce qui lui vient dans la tête, et ce que l'occasion lui suggérera. Je vous ai donné le rôle d'un Allemand, dont vous vous acquitterez à merveille. J'ai pris celui du poète: car c'est ma profession. Monsieur Toucalefsky exécutera très bien le rôle de l'astronome. Quoique il nous manque encore un acteur pour représenter un architecte, si je ne trouve pas quelqu'un qui voudra bien s'en charger, nous pourrons facilement nous en passer. Deux galants suffisent pour m-elle Charlotte et pour faire aller la pièce.

Je vous envoie aussi les rôles de m-elle Charlotte et de Filka, parce que c'est avec vous qu'ils auront à faire, pour que vous sachiez à peu près ce que vous avez à leur dire, pour faciliter les réponses, qu'ils apprendront par coeur.*

---

* *Приписано на полях:* je crains bien que le rôle de Charlotte ne soit très mal rempli par mon fils: ne vous sera‹-t-il› pas possible de faire faire jouer par une dame ce ‹поле оборвано› de rôle? (я сильно опасаюсь, что мой сын сыграет роль Шарлотты очень дурно; не сможете ли вы поручить ее исполнение какой-нибудь даме?).

La seule chose dont je vous prie,* c'est que notre projet soit un secret pour tout le monde sans exception hormis la princesse, monsieur Toucalefsky et Андрей Андреевич.

Comme je ne sais pas encore, si mes enfants seront en état de jouer leurs rôles, n y étant jamais accoutumés ** — nous ne pouvons pas être absolument assurés de la possibilité de donner cette surprise — et dans ce cas, il vaut mieux ne pas nous exposer à en avoir le démenti.

Je vous prie de me dire votre sentiment sur tout ceci; en attendant je m'en vais redresser mes jeunes gens à leurs rôles,*** pour les préparer à jouer tant soit bien la comédie **** sur le théâtre de la vie.

Mes respects et ceux de tous les miens à madame la princesse.***** Je suis avec une parfaite estime,

mon prince,
votre très humble et très obéissant

Перевод

Ежели вы захотите, любезный князь, сделать сюрприз вашему тестю в день его именин, я могу предложить вам таковой; мы сможем его исполнить, ежели он придется вам по вкусу, вслед за пьесой, которую вы, без сомнения, готовите.

Посылаю вам план сюрприза, это так называемая proverbe. Сообразуясь с канвою пьесы, каждый актер говорит, что взбредет ему на ум и что подсказывают обстоятельства. Я предназначил вам роль немца, с коей вы превосходно справитесь. Себе взял роль поэта, ибо таково мое ремесло. Г-н Тукалевский отлично сыграет астронома. Хотя нам не хватает еще одного актера, чтобы изобразить архитектора, мы легко без него обойдемся, ежели мне не удастся найти кого-нибудь, кто взял бы на себя эту роль. Двух любовников довольно для мадмуазель Шарлотты и движения сюжета.

Также посылаю вам роли мадмуазель Шарлотты и Фильки, ибо действовать им придется с вами, и вам надобно примерно знать, что вы станете им говорить, чтобы облегчить ответные реплики, кои они затвердят наизусть.

Единственно, о чем я вас прошу, — пусть наш замысел останется тайною решительно для всех, кроме княгини, г-на Тукалевского и Андрей Андреевича.

Я еще не знаю, сумеют ли мои дети сыграть свои роли, им ведь никогда этого не приходилось делать, и потому мы не можем быть вполне уверены, что сумеем устроить этот сюрприз, а в сем случае лучше нам не подвергать себя тому, чтобы нас уличили во лжи.

---

* *После* je vous prie *следующие зачеркнутые слова:* si vous voulez bien accepter ma proposition de jouer ce proverbe (ежели вам будет вообще угодно принять мое предложение разыграть сию proverbe).

** *Перед тире зачеркнуто* je ne suis pas sûr (я не уверен).

*** à leurs rôles *надписано над зачеркнутым* au théâtre (к театру).

**** la comédie *вместо зачеркнутого* leurs rôles (их роли).

***** *На полях — вставка:* et à Дмитр‹ий› Прокофьевич s'‹ils› aient à savoir que je vous ai écris. Mes compliments à Анд‹рей› Анд‹реевич› (и Дмитрию Прокофьевичу, если они узнают, что я вам писал. Кланяюсь Андрею Андреевичу).

Прошу вас высказать мне ваши соображения насчет всего этого, а я пока стану натаскивать мою молодежь на их роли, чтобы приготовить их сколько-нибудь удачно сыграть комедию на театре жизни.

Кланяйтесь от меня и всех моих княгине Остаюсь с совершенным уважением, любезный князь, вашим всенижайшим и всепокорнейшим <слугою>.

150

С. В. КАПНИСТУ

Конец 1808 г.

Возвращаю тебе твои замечания, которыми я очень доволен; я присовокупил еще и мои. Посылаю тебе перевод мой сочинения Шиллерова «К радости». Вот образец, которому последовал Жуковский и весьма превзошел подлинник свой. Сделай замечания на его: это для тебя полезно будет.

Посылаю «Бригадира»: выучи из него роль Иванушки. Никому другому, как тебе сыграть. А книгу, переписавши роль, возврати князю с своим человеком; а этого не задерживайте, ибо он должен пьявки привезть для больной женщины. Прощай. Хорошо, если б для смеха «Трумфа» выучили, роли там расположа:

Князь, Трумф —
ты — царевич Слюняй.
Царь — Вас<илий> Аф<анасьевич> или Вас<илий> Аким<ович>.
Гофмаршал — Вас. Аф. или Вас. Аким.
Принцесса — Ваня.
Служанка — Алеша.
Цыганка — Владимир.

Вот, кажется, все.

151

Н. И. ГНЕДИЧУ

16 февраля 1809 г.

1809 года, февраля 16 дня. Обуховка

Я медлил отвечать вам, любезный Николай Иванович, затем, что хотел возвратить с моими примечаниями и некоторыми поправками Т а н к р е д а. Но не успел и не успеваю так скоро, как бы хотел. Притом все был в отлучках и заботах. Все это не извиняет засохшего моего мозга. Я только успел окончить первый акт; и думаю, что скоро его вам пришлю. Между тем прошу вас взять тотчас же ваш перевод у князя Шаховского. Жалею, что вы не прислали мне оного, не отдаючи в театральную цензуру. Многие места вы очень хорошо выразили, но иногда спешили и не довольно плавно выработали. Для другого это было бы очень хорошо, но вы знаете, что я требую от друзей моих совершенства; а вы приближаетесь к оному, когда не торопитесь.

Я на сей же почте пишу о моих сочинениях к Константину Матвеевичу; прошу его взять их от переплетчика; а вас прошу попросить его прислать мне напоказ хоть один или два экземпляра.

Прощайте. Пожалуйте, пишите ко мне чаще; мне весьма приятно будет не только беседовать с вами, но и видеть, что вы меня помните. Верьте, что я вам искренне предан.

Ваш покорный слуга
Василий Капнист.

152

Н. И. ГНЕДИЧУ

24 апреля 1809 г.

1809 года, апреля 24 дня. Обуховка

Я долго к вам не писал, любезный Николай Иванович, ожидая вашего ответа на последнее мое письмо. Но, не дождавшись, опять начинаю. Танкреда еще не успел переписать отчасти от лени, а отчасти от недосугов, а между тем и прихворнул. Досадно, что здесь и переписчика порядочного сыскать невозможно. Со всем буду стараться доставить вам в скорости. Взяли ли вы обратно ваш перевод от князя Шаховского? Зачем вы ко мне так редко пишете? Вы знаете, как мне приятно беседовать с вами. Что делается с моими сочинениями? Взяты ли они от переплетчика? На сей почте я пишу о них и к Константину Матвеевичу. Когда увидите его, то прошу понаведаться и ко мне отписать. Что у вас нового? Я сижу как отшельник, и мои письма похожи на глас вопиющего в пустыне. У нас насилу зима сквозь землю провалилась: проклятая тяготила нас несносно целые шесть месяцев. Но и весна на весну не походила: нет дождя, а все ветры, сушат землю; и опасаться должно худого на озимивой хлеб урожая. Все что-то свернулось с своей точки или оси. Благодарение господу, я все одинаков, до коих пор. Желаю, чтоб и друзья мои были также не переменчивы. Прощайте. Пожалуйте, пишите ко мне чаще; уведомляйте о себе. Неужель и впрямь вы оставили переводить Гомера? Приехал уже, я думаю, Николай Николаевич, ужели через него не можно чего-нибудь для вас исходатайствовать?

Терпение и труд
На свете все превозмогут.

Где теперь Владислав Александрович? Играна ли была Поликсена и с каким успехом? В самом ли деле игран был Ирод?

Его высокоблагородию милостивому государю моему Николаю Ивановичу Гнедичу. В С.-Петербурге.

153

Н. И. ГНЕДИЧУ

29 сентября 1809 г. Обуховка

Прежде нежели распечатал я письмо ваше, любезный Николай Иванович! оно наделало мне много дурной крови. Вижу печать незнакомую, на ней при мавзолее дитя обнимает надгробную урну девиза: плачу невозвратно.

Я не понимаю, кто несчастливый присвоил себе печать сию. Письмо ко мне надписано рукою неизвестною. Признаюсь, что сердце мое сильно сжалось; я боялся распечатать письмо; я боялся догадываться, а еще больше отгадать.

Наконец взглянув еще на печать, и тогда то лишь приметил, что она красная. Распечатал и был обрадован известием о благотворении вам великой княгини. Искренне и от всего сердца поздравляю вас. Пословица русская справедлива: бедненькой ох, а за бедненьким бог. Терпение и труд всегда превозмогут. Вы уверены, что я искренне разделяю радость вашу.

Теперь вы обязаны докончить перевод Илиады. Но, бога ради, не спешите. Он должен быть достоин высокой вашей покровительницы. Прошу прежде издания в свет прислать мне 7 и 8-ю песни, буди можно, с буквальным переводом. Я поспешу возвратить их с моими замечаниями. Вы знаете, как я ревностно желаю, чтоб все, что выходит из-под пера друзей моих, было совершенно.

Что касается до Танкреда, то я сделал замечания и некоторые поправки в первом действии, но, получа письмо ваше прежнее, остановился. Теперь же я стану их продолжать и доставлю вам. А вы, бога ради, не спешите отдавать в печать, ибо есть много слабых мест и небрежностей. Вы говорите, что много в Москве имеете врагов. Теперь еще и более иметь будете побуждениям зависти. Надобно им зажать рот совершенством перевода. Что касается до дедикации, о сем я после скажу вам мои мысли; теперь только скажу, что за двумя зайцами гонясь, ни одного не поймаем.

Как не стыдно дирекции театральной вам не заплатить до сих пор такой бездельной суммы?

Теперь скажу вам слово и о моем детушке. Я не допрошусь, чтоб мне Алексей Николаевич хоть несколько экземпляров прислал. Прошу ему об этом напомнить. Я писал к нему о сем по последней почте. О распродаже не решусь, пока не получу его и Дмитрия Марковича ответов; и тогда пришлю записку, как припечатать в Ведомостях. Больше терпели, меньше потерпим.

Скажите, бога ради, кто и как обокрал Анну Петровну на такую страшную сумму? Это известие меня поразило. Прошу пояснить мне все обстоятельно. Я вижу из вашего письма, что вы с нею сблизились; уведомьте меня, как это случилось. При мне вы, кажется, и знакомы не были. Уведомьте, пожалуйте, меня подробно о всем, что до нее касается. Она сама писать не любит.

Прощайте. Пишите ко мне чаще. Мне весьма приятно беседовать с человеком, о котором я уверен, что он меня любит и равномерно уверен в моем дружестве.

О себе сказать вам ничего не могу, кроме, что, видя все вещи в мрачном виде, я сделался из комедиеписателей плачевным трагиком. Всему на свете череда. Я довольно на нем посмеялся и посмешил; приходит пора дать над собою посмеяться.

154

Н. И. ГНЕДИЧУ

22 ноября 1809 г.

1809 года, ноября 22 дня. Обуховка

Ежели б я не был так беззлобен, как ягненок, то бы рассердился на вас, любезный Николай Иванович! за вашу лень отвечать мне. Бога ради, хоть словом одним отразите на многие мои письма. Постарайтесь,

чтоб и Алексей Николаевич ‹Оленин› то же сделал и прислал бы мне несколько моих переплетенных сочинений, которых я долго и тщетно ожидаю. По почте можно, кажется, несколько экземпляров сюда перекинуть. Я не успеваю вам прислать двух действий Танкреда не за леностью, а за большими недосугами, за неимением переписчика и за ожиданием от вас ответа. Пожалуйте, попросите Алексея Николаевича ‹Оленина›, чтоб он уведомил меня хоть через вас, получил ли он от Константина Матвеевича ‹Бороздина› медные доски моих виньетов, и ежели получил, то бы поспешил переслать оные, хорошенько закутавши, по почте ко мне. В Харькове есть хороший гравер; я хочу ему показать работу г. Сандерса и посмотрю, может ли он, подражая ему, выгравировать мне те рисунки, которых г. Сандерс выгравировать отказался. Весьма сим меня обяжете. Еще прошу вас уведомить меня, куда и зачем отлучился из Петербурга Константин Матвеевич ‹Бороздин›? Где девался Владислав Александрович ‹Озеров›? Что об нем слышно? На будущей почте я вам пришлю вашего Танкреда два действия. Не успел всего закончить, затем, что сам пустился в дорогу, которую теперь многие топчут и вдоль, и вкось, и вполерек, а именно: в трагическое ристалище, из которого явится вскоре на игралище несчастная Гинерва под пару Ироду. Я предуведомляю о ней для того, чтоб вдруг все вы не испугались странного ее зрака. Прощайте. Уведомьте меня о себе и как вы продолжаете Гомера? Теперь ведь это уже обязанность. Но, Гомера ради, не спешите. Пришлите, что перевели после меня и при мне — у меня ничего нет. Вы знаете, как я искренне хочу, чтоб перевод ваш был совершенен сообразно совершенству подлинника. Прощайте. Последнее письмо ваше весьма меня обеспокоило касательно Анны Петровны. Я просил вас объяснить мне ваши загадки, и вы молчите. Это, право, по дружбе вам скажу, неизвинительно. Скажите мне, с которых пор и для какой причины вы при ней находитесь? Ежели вы помогаете ей в ее делах, то выбор ее мне очень приятен. Прощайте и отвечайте.

Я писал к князю Гагарину, и от него ответа нет. Напомните ему об этом.

155

А. Н. ОЛЕНИНУ

15 декабря 1809 г.

1809 года, декабря 15 дня. Обуховка

Может статься, ты думал, мой друг! что я в шутки стращал тебя присылкою трагедии моего сочинения;

Ничуть не в шутки: вот она.
Ты верно скажешь: «Вот те на!
Клориды это знать сестрица».
Какая ж, братец, небылица!
Догадка вовсе невпопад:
Та все лишь пела, эта плачет;
Здесь ни один баран не скачет,
Не ходит так, как рак, назад;
При быстром ручейке пастушки
Здесь не вертятся, как вертушки,
Но тут за важны пустяки,
Надев железны шишаки,

Друг друга рыцари пихают,
Мечами по носам щелкают,
Бесщадно рубят, режут, бьют,
При том и плакать не дают.

Из всего сего ты можешь заключить, что это трагедия сурьиозная; и я сурьиозно прошу тебя прочитать ее со вниманием, достойным толь важного предмета. Чтоб облегчить твой труд и предупредить тебя в пользу трагедии моей, я прилагаю при сем краткую выписку содержания оной. Прошу собрать обыкновенный мой Ареопаг, а именно: господ Оленина, Озерова, Энкеля, Шаховского, Марина, Крылова, Языкова, Гнедича с товарищи как мужеского, так и женского пола, и, прочитав мою трагедию, с должным подобострастием похерить как угодно, и тогда при письме моем, при сем прилагаемом, представить Александру Львовичу и постараться, чтоб она сыграна была лучшими актерами. Роль Ариодана я не знаю кому назначить, но думаю, что некому сыграть ее, кроме г. Самойлова. Она коротка, и, несмотря на то, что г. Самойлов не трагический актер, я надеюсь, что он ее очень хорошо сыграет; и для того попроси его о сем и от моего имени. Ты сам чувствуешь, что для успеха моей трагедии необходимо нужно, чтоб Ариодан представлен был актером, любимым публикою, и которого вид соответствовал бы его роли. Вся трагедия постраждет столько же, сколько и от сочинителя, от актера, похожего на вечной трагической памяти любезного моего Белоброва.

Вот тебе все мои, как другу, завещания. Впрочем, я уверен, что ты сделаешь для посылаемой мною под покровительство твое сироты все, что тебе возможно.

В заключение прошу сообщить мне по первой почте мнение твое и друзей наших о сем сочинении.

Когда меня вы ободрите,
То и вперед того же ждите.
И если в следующий год
Мой винокуренный завод
Весь до подошвы развалится,
То много новых вам хлопот
Из сих развалин накопится.

Прощай, мой друг! Всем друзьям и знакомым кланяюсь, как автор и как друг! Елизаветы Марковны целую руки.

156

А. Л. НАРЫШКИНУ

15 декабря 1809 г.

1809 года, декабря 15 дня. Обуховка

Милостивый государь

Александр Львович!

Препровождаю вашему высокопревосходительству трагедию моего сочинения... Вы, конечно, подумаете, что у нас уже первое апреля, когда в других местах декабрь. Заключение ваше довольно основательно; и, без

сумнения, не одни вы вспадете на такую мысль. Ну! кстати ли сочинителю Ябеды писать трагедию? тягаться в этом с бессмертным Расином? Что сказать в мое извинение?

Бессмертному Расину,
Как карлик исполину,
Я подражать хотел:
Он ябеды надел личину.
И я ее надел.
Потом широкими вратами
В храм славы с Федрой он вошел.
И я с Гиневрой подоспел.
Но что-то будет тут уж с нами?
Ну! если воротами
Не захотят нас ввесть?
То можно, как ни есть...
Под ворота пролезть.

Не знаю, одобрите ли, ваше превосходительство, такой способ достигать до храма славы, но не я первый, не я последний:

Давно известно нам,
Что многие в сей лазят храм
На четвереньках по ночам,
    Как будто оборотни;
    И что уж весь
    Лавровый лес
Пошел на... подворотни.

Притом же трагедию сию написал я из отчаяния, когда в винокуренном, вновь построенном мною заводе каменная стена повалилась. Рассудя, что этакого несчастья с театральными кулисами во все время моего за ними служения ни разу не случилось, польстился я надеждою, что драматическое строение мое будет крепче кирпичнсго. Сверх сего, кажется мне, что оно не принесет великого изъяна театральной дирекции, ибо если не за слезы, то верно за смех неубыточный сбор последует. И так всепокорнейше прошу, ваше высокопревосходительство, принять под покров ваш печальную Гиневру, как принял ее Ариостовой памяти неустрашимый витязь Ринальд.

Покровом слабых быть есть свойство душ великих.

Имею честь пребыть с совершенным высокопочитанием и искреннейшею преданностию,

милостивый государь!
вашего высокопревосходительства
всепокорнейшим слугою
Василий Капнист.

157

Н. И. ГНЕДИЧУ

Конец 1809 г.

Покорно вас благодарю за уведомление о моих сочинениях. Жаль мне несказанно, что г. Яценко не так откровенен, как земляку с земляком быть должно. Как в 3000 стихах не сыскать ни одной ошибки противу

смысла или противу языка? Видно, не доверяет он моей послушливости и думает, что я по обыкновению большей части наших братьев стихотворцев, прося совета, вынуждаю похвалу.

Сличение с печатными моими одами нынешней рукописи могло бы вывесть его из сумнения. Люди, отказавшие мне в совете, будут отчасти виновны, ежели кто откровенно скажет:

Капнист, приняв отвагу
Читать стихи свои, херить их не жалел: —
Но лучше б он еще успел,
Оставя чистую бумагу.

Адрес: Милостивому
государю моему Николаю
Ивановичу Гнедичу.

158

П. В. КАПНИСТУ

18 февраля 1810 г.

1810 года, февраля 18 дня

Любезный брат!

Никак не могло ваше письмо прийтись больше кстате, чтоб замешанную мою голову привесть в совершенный хаос. Накануне узнал я, что Трощинский получил эстафет, уведомляющий его о нововышедшем манифесте, которым для поправления государственных финансов с сего генваря полагается на каждую владелческую душу крестьян по 2 рубли, с мещан по 5 рублей, да с дохода владельцов по 50 копеек с души единовременно и прочая и прочая и прочая. И сие только предварительно, а подробнейшие мероположения имеют вскоре последовать. Что может быть придумано легшее и удобнейшее к пополнению вдруг и доходов государственных и к возвышению курса на ассигнации, на медные деньги, а более всего на понижение дороговизны на все, нужное как для армий, так и для обеих столиц, ныне почти оголоданных, оголенных и охоложенных? После сего краткого соображения вы можете себе представить, как я покивал головою, прочитав ваше политико-экономикс-коммерческий план о поправлении государственных финансов. Нет, любезный брат! тут, хоть будь по пословице лоб в пять пядей, ничего не придумаешь к поправлению голов, на которых, как говорится, хоть дубовые колья теши. Итак, имею честь вас поздравить и, пожелав доброй дозы оптимизма, советую, не суша мозга по пустому, остаться в счастливой беспечности о всем собывающемся и событься могущем и не мешать руке провидения весть все к давно предопреде‹ле›нной цели. Но тут позвольте остановиться и немного отдохнуть!

Чтоб отвечать на ваше письмо, скажу вам, что уже два раза читал я план ваш со всевозможным вниманием: но голова моя так еще смешана, что не могу вам порядочно даже и вкратце сообщить на оный моего суждения. Он столь обширен для наших, как вы видите, голов, столь необыкновенный, что для соображения его с оными мысли мои в разные радиусы расходятся, а сосредоточить их, как модные ораторы изъясняются, теперь никак

не могу. Дайте мне время опомниться, подумать, обдумать и сообразить. Дело и без того было не к спеху, а теперь, кольми паче, нечего с ним торопиться после новизн, сообщенных вам мною. Должно, кажется, теперь в вашем плане или оговорить их или приноровить к оным ваши предположения. Скажу вам только некоторые отривистые мысли, проскользнувшие мимо понятия моего. Боюсь, во-первых, чтобы не подумали, что вы предлагаете позволить каждому владельцу, или капиталисту, делать ассигнации для своего обихода и тем присвоить им право, которым из такого же самого побуждения пользуется более тридцати лет исключительно одно правительство. Во-вторых, что сей план, для коммерческих держав весьма удобоисполнительный, в нашем столь пространном, мало населенном, а того менее торговом отечестве не может, кажется, быть приведен в действо, по недостатку.[1]

159

И. С. БАЖАНОВУ

25 апреля 1810 г. Обуховка

25 апреля

Любезный и почтеннейший друг!

Не испугайтесь, прочитав подпись на письме сем, вообразя, что оно пришло к вам из того света. Нет, друг ваш еще пресмыкается по сей подлунной юдоли, хотя несколько веков не имел удовольствия беседовать с вами ни устами, ни пером, и, несмотря на быстротекущее, всеистребляющее время, сохранил в сердце своем прежнее к вам почтение и любовь.

Во-первых, прошу меня уведомить о вашем здоровье, житье и бытье; а потом позвольте вопросить вас, как древний памятник древней российских князей столицы, об одном древнем до оной относящемся известии.

В Слове о полку Игореве, сочиненном в конце XII столетия, князь Святослав говорит: Всю нощь с вечера босуви враны възграяху, у Плесньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю к синему морю. Сия речь для меня весьма темна, потому что не знаю, кто был бос, которому сии вороны принадлежали, где отыскать Плесньск на болони и дебрь Кисаню. Может быть, сии названия испорчены переписчиками; то нельзя ли отыскать. . .[2] киевских, хоть похожих на оные? Например, у в‹еликого› к‹нязя› Владимира 1-го был витязь Чурило Пленкович. Отец его, по-видимому, назывался Пленко. Не осталось ли урочища такого имени? Возле оного должно отыскивать и дебрь Кисаню. А болонь или, может быть, оболонье не было ли древле внизу старого Киева, где теперь Подол? Название бос может быть статься бус, бес или даже и бѣс? Не назывался ли в древности так кумир Чернобог, которому и вороны в черноте своей принадлежали? Просветите меня, любезный друг! или собственным древностей обитаемого вами города знанием, или заимствованным от других сторожилов оного; ибо я перевожу сочинение сие из древнего русского на

---

[1] *На этом месте текст письма обрывается. — Ред.*

[2] *Далее край листа истлел и осыпался. — Ред.*

ныне употребительный язык и желаю объяснить оное нужными примечаниями.

Надеюсь, что вы по старой дружбе не откажете мне в просьбе сей, желаю слышать, что вы здоровы, что вы помните и любите почитающего и любящего вас вашего покорного слугу и неизменного и искреннего друга.

160

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

16 августа 1810 г. Обуховка

М<илостивый> г<осударь> граф А<лексей> К<ириллович>.

Никого столько, как меня, не обрадовало известие, что ваше сиятельство приняли на себя звание министра просвещения. Любовь моя к отечественной словесности оживилась несумненною надеждою, что истинные дарования получат ревностного и разборчивого покровителя. Сия уверенность и благосклонность, которою ваше сиятельство удостаивать меня изволили, дают мне повод препоручить в милости ваши подателя сего господина Гнедича, имеющего счастие служить в вашем департаменте. Позвольте, ваше сиятельство, утрудить вас исключительно до него покорнейшею просьбою. Приметя в нем отличнейшие стихотворческие способности, убедил я его продолжать столь превосходно начатый г. Костровым перевод Илиады. Уделяя на труд сей малые досуги его, остающиеся от должности, он перевел две песни. Ежели угодно будет вашему сиятельству прочесть оные, то, без сумнения, вы удостоверитесь сами, что не только в красотах не уступает он своему предшественнику, но в чистоте и плавности стихов, в силе и живости изображения картин берет над ним преимущество.

Охотно желал бы он привесть к концу многотрудное свое предприятие, но бедность лишает его средств предаться на свободе столь похвальному рвению. Покровительство вашего сиятельства может отвратить сие затруднение. Государь обожает дарования. Господа Поспелов, Крюковской, князь Шихматов и прочие свидетельствуют о его щедроте. Одно слово нужно вашему сиятельству к открытию его императорскому величеству способа обогатить российскую словесность изящным переводом поэмы бессмертного Гомера. Нищета его делает вечный стыд неблагодарной Греции. Разделяя оный с древними моими предками, я хочу по возможности изгладить сие наследственное пятно и усыновленный России предстательствую о русском достойном переводчике Гомера. Я удостоверен, что ваше сиятельство одобрите посильный подвиг мой и могучим отличному дарованию покровительством вашим благоволите усыновить российской словесности бессмертного отца стихотворства.

Препоручая себя продолжению лестного вашего ко мне благорасположения, имею честь пребыть навсегда с совершенным высоко почитанием и искреннейшею преданностию.

161

В. С. ТОМАРЕ

16 августа 1810 г. Обуховка

М<илостивый> г<осударь> мой Вас<илий> Ст<епанович>.

Вручитель сего приятель мой Николай Иванович Гнедич есть тот самый, которого несколько стихов из перевода Илиады вы читали и одобрили. Я уверен, что как любитель словесности вы примете его благосклонно. Но я прошу вас не отказать ему и покровительства вашего.

Уважа мой совет, он продолжает стихами перевод Илиады, начатый Костровым. Седьмая и осьмая песнь уже приведены к концу и при сем будут вам представлены. Прочтя их, вы увидите, с каким достоинством выражен подлинник, и не жаль ли будет, ежели труд сей останется не довершен? Судьба русской Илиады теперь совершенно в руках его сиятельства графа Алексея Кирилловича. Господин Гнедич служит под его начальством. Ежели его сиятельству угодно будет представить сии две песни государю и попросить, чтоб для ободрения столь превосходным дарованием отличающегося переводчика дано было ему пристойное за сей труд жалованье, то, без сумнения, такое ходатайство его будет иметь желанный успех; а нам доставит прекрасный перевод первой поэмы бессмертного отца стихотворства. Прежде знакомства моего с господином Гнедичем я сожалел искренно, что перевод г. Кострова остался незаконченным; потом переменил мои мысли. Для оправдания моего и для сличения точного обоих переводов сообщаю вам некоторые места повторений Гомеровых. Вы увидите, что г. Гнедич не только не уступает своему предшественнику, но силою и чистотою стихов весьма превосходит. Зная любовь мою к русской словесности, вы можете представить себе, как я обрадовался открытию... толь превосходного дарования и... старался заставить его продолжать столь успешно начатый труд. Он до сих пор исполнял мою просьбу: но бедность не позволяет ему употреблять все досуги свои на такое дело, которое, кроме стихотворческой славы, не принесет ему никакой выгоды. Меценат обогатил любезного вам Виргилия, а сей доставил ему бессмертие. Хотя я в господине Гнедиче нахожу сходство с Виргилием, часто в Энеиде подражавшем Гомеру, но он во мне ни с какой стороны не видит мецената. По всем отношениям честь приемничества имени римского покровителя наук принадлежит его сиятельству графу Алексею Кирилловичу <Разумовскому>.

По дружескому вашему ко мне расположению вы верно полюбопытствуете слышать о моем в общем нашем в сем краю житье-бытье; и для того доношу, что если бы без издержки селитры рекруты медленнее приходили к предназначенной им цели, если бы для нас был лучший урожай хлеба, а для скотины сена и ежели бы для чарочной ресторации было у нас побольше медных грошей, то благодаря неусыпному бдению правительства, несмотря на возвышение курса серебряной монеты, мы бы жили, как у бога за пазухой. Впрочем, слава вседержателю, стареюсь, слепну, но, к несчастию, еще не глохну. Что же касается до сердечных чувств, то оные сберегаю целостию и для того пребуду навсегда с истинным к вам почтением и душевною преданностию.

162

НЕИЗВЕСТНОМУ Н. К.

16 августа 1810 г. Обуховка

1810. августа 16 дня

М<илостивый> г<осударь> Н. К.

Зная образ мыслей и чувствований ваших, я совершенно уверен, что вы не токмо не забыли отличающегося как разными странностями, так и душевною к вам привязанностию человека, но и удостаиваете его продолжением прежнею вашею к нему благосклонности. Сие лестное удостовере-

ние порукою ему в том, что вы не отвергаете убедительной его просьбы. Вручитель сего Николай Иванович Гнедич — хороший мне приятель, а еще лучший переводчик Гомера — служит под начальством его сиятельства графа Алексея Кирилловича. По убеждению моему он продолжает в стихах начатый Костровым перевод Илиады. Судьба сблизила его с Гомером как стихотворческим дарованием, так и бедностию. Малое свое наследство он отдал сестре своей, чтоб налегке успешнее гоняться за старшею из девяти парнасских сестр. Я опасаюсь, чтоб, отощав от голода, не свалился он с ног в похвальном подвиге сем, и для того покорно прошу вас не отказать ему вашего предстательства у его сиятельства графа Алексея Кирилловича. По ходатайству Гаврила Романовича Державина переводчик Тацита получает за сей единственно труд тысячу двести рублей жалованья. Сочинителю трагедии Пожарского г. Крюковскому, покровительствуемому А. С. . ., государь велел производить по 2400 рублей. Какого ободрения не должен ожидать достойный переводчик Гомера от покровительства начальника, действительно просвещенного и умеющего отличать и ценить дарования?

Но я примечаю, что просьба моя слишком длинна и плодословна; спешу окончить ее, зная, что для побуждения вас к доброму делу одного слова достаточно.

Угодно ль вам, м<илостивый> г<осударь>, знать что-нибудь обо мне? В кругу моего семейства и родных я живу без князя Алексея Борисовича <Куракина> спокойно; не читаю даже и газет, чтобы в случае переселения на тот свет можно было от любопытных душ отговориться неведением; складаю каменное строение, отличающеесь развалинами; сажу древесной забор вверх кореньями и уподобляюсь некоторым петербургским жителям только в том, что сочиняю забавные трагедии. Кажется, таким образом провожу время мое довольно безвинно и грущу только о том, что судьба лишает меня счастия делить оное со всеми теми, которых, как вас, душевно почитаю и к которым привязанность есть не стихотворческая, но истинная моя стихия.

Позвольте засвидетельствовать здесь отличное почтение милостивому государю Николаю Александровичу и просить его о незабвении преданного ему человека.

Имею честь быть с совершенным почтением и истинною преданностию.

163

А. Н. ОЛЕНИНУ

Начало декабря 1810 г. Обуховка

Любезный друг Але<ксей> Ник<олаевич>.

Наконец по истечении года получил я ответ твой с нарочным общим приятелем нашим Николаем Ивановичем Гнедичем. Из сего заключаю, что или г-м статс-секретарям запрещено писать по почте, или они весьма ленятся употреблять перья свои на дружескую переписку; а, может быть, даже и забывают в отсутствии милых друзей своих; но сие заключение отсрочиваю впредь до еще дальнейшего опыта.

Поговорим-ко без иносказаний: бога ты не боишься, любезный друг, уверяя меня, что ни минуты не было свободной во весь год, хотя накапать чернила на листок бумаги в ответ на многие мои письма и оставлять меня в неприятном сумнении о твоем дружестве. Сколько у тебя рук, которые

умеют под диктацию писать, когда ты после обеда развалясь на барсовой коже протягиваешь мередианную линию? За неимением оных типографический наборщик под рукою велел тиснуть несколько экземпляров, да ежемесячно и отпускай по одному. Но я боюсь, чтоб ты не ответствовал мне на это, как третий ленивый брат под яблонею: не лень вам, братцы, говорить. Благодарю тебя за присланные экземпляры сочинений моих. Признаюсь, что несказанно обрадовался, увидя детушек своих, обросших уже кожею. Что с прочими расположен я делать, о том буду писать к тебе в другое время. Теперь обмакнул я перо для одних упрек. Зная меня так давно, как тебе, мой друг, не стыдно так около чно и скромно сообщить мне мысли твои о моей Гиневре? Неужель ты думаешь, что мое стихотворческое несамолюбие притворно? Сказал бы просто, что самое лучшее место в трагедии конец, да и концы в воду. Мне показалась она не хуже Клориды, которая, однако, зрителей довольно позабавила. Благодарю тебя, мой друг, искренно, что ты отдал ее для скрытия под спуд Анне Петровне. Весьма бы ты меня обидел, ежели б, потворствуя мнимому моему тщеславию, выпустил на посмеяние публики тринедельного моего недоноска.

Пожалуй, уведоми меня, где теперь Владислав Александрович и что об нем слышно?

О моем житье-бытье расскажет тебе Ник<олай> Ив<анович>. Желаю, чтоб твое было не столь заботно, как ты описываешь. Пословицы говорят, что всего дела не переделаешь, что должно мешать дело с безделицею. Занятие с друзьями поступило теперь в последнюю статью, и для того прошу тебя не забывать иногда хотя минуту побеседовать с искренно любящим и преданным тебе другом.

Всем приятелям и приятельницам нашим кланяюсь и целую руки Елисавете Марковне.

164

А. М. БАКУНИНУ

10 декабря 1810 г. Обуховка

Поздравляю тебя, искренне поздравляю, любезный брат и друг Александр Михайлович, желаю нового счастья в новом быту твоем. Дай бог, чтобы ты возврастил достойных тебе детей и их благополучием удвоил твое. Ты хочешь, мой друг, чтобы я полюбил милую твою Варвару Александровну; охотно, весьма охотно я на это соизволяю: ты знаешь, как мне легко и приятно согласовать с твоими чувствами. Пожалуй же, заставь и ее полюбить и меня старика, хотя за то, что я тебя люблю. Жаль, что ты не преуведомил меня заблаговременно о твоем добром намерении: как семейственный унтер-лирик я бы сочинил тебе эпиталаму; а тем охотнее, что ныне более, чем когда-нибудь, радуюсь, если добрые и умные люди женятся и посягают. По-видимому, старый волокита приобретает с летами похвальное расположение к ремеслу de l'ami du prince; теперь я бы только то и делал, что женил да замуж отдавал.

Как ты мог, любезный брат, будучи любовником и стихотворцем, не сообщить мне, хотя в легких чертах, портрета милой твоей половины, ты бы пощадил воображение мое и удовлетворил любопытству. Красоту ее вообще образовали мне девятнадцатью летами: но ты знаешь, что, по мнению французов, такая красота хоть и прелестна, но не весьма православная. В совершенном о сем неведении я дал волю моей фантазии, руководствуясь

известным мне разборчивым твоим вкусом; и вот как она представила мне милую тебе красоту:

Мне кажется, ее лицо
Бело и кругло, как яйцо.
Косы волнистой черный волос
Длиннее, чем высокий колос.
Не слишком выпукло чело
Так чисто, гладко, как стекло.
Собольи брови и ресницы,
Глаз круглых черные зеницы,
Как темных два зерна гранат,
В больших жемчужинах блестят.
Нос — тонкой, хоть и не причудной,
Но к описанью очень трудной.
Румяны маленьки уста,
Как свежей розы два листа;
Меж ними на черте полкруга,
В коралле два ряда жемчуга.
На млеко-розовых щеках,
Не знаю, для чего и как,
Чтоб разве спесь их не надула,
Любовь две ямочки вогнула.
Но что сказать о бороде?
К сравненью не сыщу нигде,
Что было б хоть немного схоже
С округлостью ее пригожей...
Хотела б дерзкая рука
Изобразить хотя слегка
Белейшу алебастра шею...
Но дале все же не посмею
Моей картины продолжать...
Итак, не лучше ль окончать,
И, кисть оставя осторожно,
Просить тебя, чтоб, если можно,
Красы изобразил ты нам,
Которых часто видишь сам.

Скажи, мой друг! удалось ли мне хотя немного угадать твой выбор?.. Затем прощай. Обнимаю тебя в мыслях. Пожалуй, пиши ко мне теперь чаще: выбери меня конфидентом твоего благополучия. Всем сестрицам кланяюсь. Я думаю, они меня совсем позабыли. Душевно тебе преданный брат и друг

Василий Капнист.

Надписывай твои письма в Гадяч.

165

К. Н. БАТЮШКОВУ

Конец 1810 г. Обуховка

Милостивому государю моему

Константину Николаевичу Батюшкову.

Вы обещали прислать мне сочинения покойного Михайла Никитича. Прошу сдержать ваше слово.

Ежели б вы прислали мне все ваши сочинения, вы бы чрезмерно меня одолжили. В таком случае, хотя с накладом для вас, я бы предложил вам размену.

Прилагаемую записочку прошу вручить Николаю Ивановичу.

Капнист.

166

НЕИЗВЕСТНОМУ

11 июля 1811 г. Обуховка

1811, le 14 de juillet. Oboucofca

Mon prince!

J'ai l'honneur de présenter à votre Altesse ma traduction des vers sur le monument de Pultava. Elle est faible et diffuse; c'est dans l'ordre des choses: le traducteur est au-dessous du poète; surtout quand il a la présomption de vouloir faire passer dans sa langue les beautés des vers grecs; on n'a que du clinquant pour imiter l'or; et voilà l'excuse que mon amour-propre étale pour voiler l'incapacité de ma muse. J'ose espérer cependant qu'auprès de votre Altesse, le zèle me tiendra lieu de perfection. J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect de votre Altesse

votre très humble et très obéissant serviteur

B. de Capniste.

Перевод

1811 года, июля 14 числа. Обуховка

Любезный князь!

Честь имею представить вашему высочеству свой перевод стихов о полтавском памятнике. Он слаб и многословен, и это вполне естественно: переводчик всегда ниже поэта, в особенности, когда он самонадеянно тщится передать на своем языке красоты стиха греческого; в распоряжении его — вместо золота мишура. Вот какое извинение диктует мне мое самолюбие, дабы скрыть бессилие музы моей. Осмеливаюсь, однако же, надеяться, что в глазах вашего высочества усердие мое возместит несовершенство. Честь имею пребыть с совершеннейшим почтением вашего высочества всенижайшим и всепокорнейшим слугою

В. Капнист.

167

П. И. МИЛЛЕРУ-ЗАКОМЕЛЬСКОМУ

30 августа 1811 г. Гадяч

Вспомните ли, ваше высокопревосходительство, о старом приятеле вашем, уединенном жителе украинском, который хотя не напоминал вам о себе, но всегда помнил вас, любил и почитал и с удовольствием часто

возвращался мысленно к дням молодости, столь приятно проведенным с вами. В удостоверении, что и вы приятелей ваших не забываете, решился я утрудить вас просьбою, которая по новости своей может удивить вас, но верно привлечет ваше внимание; ибо она основана на справедливости, которую вы всегда любили и поставляли правилом вашей жизни. Вы, конечно, еще более расположитесь уважить оною, когда узнаете, что я намерен ходатайствовать о женщине, имеющей право на ваше покровительство. Вот в чем состоит просьба моя. Вдова надворная советница Марфа Михайловна Родзянкова, родственница моя, предприяв варить селитру и усердствуя отличиться доставкою в казну большого количества оной, не жалела иждивения, устроила завод без всякого от казны заимствования и вместо 500 пудов с одного котла, ежегодно по обязательству предположенных, поставила оной сего года 1263 пуда, а в течение трех лет — 2590 пудов. Таковое усердие заслужило внимание г-на командира Шостянского порохового завода генер-майора Глухова, который о сем представил на благоуважение военной коллегии по артиллерийской экспедиции. Хотя моя родственница и сим уже приобрела право на все милости его императорского вел‹ичества›, уважание по содержанию 3 пункта высочайше конфирмованного 31 числа мая 1809 года доклада, но еще более заслуживает оное тем, что она первая из всех завистников после многих дорого ей стоющих опытов изобрела средство варить селитру не из посыпных и многими летами утучненных бурт или насыпей, но просто из выгонной селитрородной земли, делая из оной уже после первой выварки обыкновенные бурты. Сколь сие средство послужить может без потери времени к умножению селитроварства, вы легко представить себе можете; а потому, без сумнения, признаете справедливым, чтоб изобретательница столь выгодного средства не осталась без достойного награждения. Наша братья получает в воздаяние за ревность к пользе казенной кресты, медали, перстни с монаршими вензелями и другие отличия. Несправедливо, кажется, лишать женщин подобных и полу их приличных наград. О сем-то покорнейше прошу вашего ходатайства. Пример монаршего благоволения поощрит множайших к соревнованию, толико службе его полезному. Я удостоверен, что ваше высокопревосходительство уважите мою просьбу, дающую вам повод сделать добро и доставить заслуге достойную справедливость. Известный мне благородный образ мыслей ваших в том мне верною порукою.

Ожидая на сие благосклонного и удовлетворительного ответа, имею честь быть с совершенным почтением и искреннейшею признательностию, милостивый государь мой.

1811 года,
августа 30 дня.
Гадяч.

168

А. С. ШИШКОВУ

Февраль 1812 г. Киев

М‹илостивый› Г‹осударь› м‹ой› Александр Семенович!

Чувствительнейше благодарю ваше превосходительство за доставление мне прекрасного рассуждения вашего о любви к отечеству. Подарок сей, столь живо изображающий сердечные чувства ваши, весьма для меня драгоценен; но доказательство, что вы в столице, основанной на Летских боло-

тах, не забыли преданного вам человека и память о нем соединили с чувством дружества вашего к почтеннейшему благодетелю моему Дмитрию Прокофиевичу, было еще драгоценнейшим и приятнейшим подарком. Вы избрали самое нужнейшее время для оживления чувства любви к отечеству в сердцах, янчеством, своекорыстием и буемудрованием развращаемых, и понятие оной в головах столь же охотно, как под модные чепцы, под ярем иноплеменнических предрассудков преклонявшихся. Подай, господи, слову вашему силу для возобновления древних предковских <нервосплетенных>, а ныне легкомысленным любоподражанием весьма утонченных чувств.

Удостоверение ваше в письме к Дмитрию Прокофиевичу, что живоначертанная вами картина оных была в Беседе и слушательницам благоприятна, восхитила меня несказанно отрадною надеждою, что любовь к отечеству подобно электрической искре перейдет от них и в мужественные, более любезной красоте, чем основательнейшему поставлению, подобострастные сердца.

Позвольте, ваше превосходительство, человеку, к пользе общей расположенному, но к содействию в оной совершенно бессильному, предложить вам внушенную вашими же истинами просьбу: необходимо нужно, кажется, оправдать <нрзб.> или убедительным витийством предпочтение к коренным отечественным, отличающим русских от всех иностранных народов доблестями, таковы суть гостеприимство, бескорыстие, твердость в вере верности к добрым государям... самодержавной власти, доказанные новейшими примерами от подвига Пожарского, при избрании на престол предка царствующего имени, даже до наших времен. Сия картина заставит каждого русского восчувствовать цену собственного достоинства и послужит ядоврачением от заразы слепоподражания чужеземным новизнам, обольщающим легкомысленные умы.

Отечество ожидает от вас сей новой пред ним заслуги. Без сумнения, вознаградится желанным успехом, равным тому, который отличал усердие ваше на своеземной словесности.

Ежели досуг вашего превосходительства не столь дорог для вас, чтоб вы не могли уделить оного на краткую беседу с человеком душевно вас уважающим, то благосклонность сию приму я с искреннейшею признательностью, и она еще более усилит чувство отличного почтения и нелицемерной преданности, с которыми честь имею пребыть навсегда.

Поелику ваше высокопревосходительство изволили вспомнить обо мне, то ласкаю себя надеждою, что некоторые известия, до меня относящиеся, будут вам не неприятны.

Из сельского уединения привлечен я в Киев; может быть, припишете вы сей подвиг к благоговению к угодникам печерским; но весьма ошибетесь в благочестивом обо мне заключении. Святые мощи можно отыскать и в других местах. Я приехал вызвать отсюда такого благодетеля, какого во всей России другого найти не можно, а именно: его высокопревосходительства Дмитрия Прокофиевича, которого полтавское благородное сословие избрало губернским своим маршалом с таким беспримерным единодушием, что при баллотировании из 419 баллов, число дворянства составляющих, ни одного неодобрительного не оказалось. Оно назначило меня, занимающего его место, и двух маршалов для препоручения ему от лица всего общества просительного отзыва, чтоб он не отказался принять на себя звание, на него возлагаемое, и согласие его увенчало подвиг наш вожделенным успехом.

Я уверен, что ваше превосходительство по расположению к общему добру разделите радость части отечественного благородного сословия о столь лестном приобретении, и для того спешу сообщить вам сию приятную мысль.

169

В. А. ОЗЕРОВУ

Март 1812 г.

Опять я должен оправдаться перед вами, любезнейший и почтенный друг Владислав Александрович, что умедлил несколько отвечать на последнее письмо ваше, вот мое извинение.

В тот самый день, как я послал вам ответ мой, получил я ваш относящийся до моей «Антигоны». На другой день после обеда привез мне из Киева курьер предписание губернского маршала Дмитрия Прокофиевича Трощинского, которого я место занимаю, чтоб во исполнение высочайшего к нему рескрипта поспешил я в Полтаву для составления книги о доходах дворянских, из которых проценты должны поступать для погашения государственных долгов.

Поутру отправился я в Полтаву. Там на третий день после моего приезда, только что успел сделать нужные распоряжения и отправить о том рапорт к государю, получает губернатор рескрипт о немедленном, купно с губернским маршалом сборе 1194 для артиллерии лошадей с пятисотных участков нашей губернии непременно в месячный срок. Учиня и по сему надлежащие распоряжения, чрез два дни отправился я обратно, чтоб 22 числа принять от 5 поветов 500 лошадей и препроводить оные в Ромен для отдачи военному приемщику. Малый здесь между должностными по сей части заботами отдых употребляю на беседу с любезным моим другом.

Чувствительнейше благодарю вас за искреннее о моей Антигоне суждение и осуждение. Зная образ моих мыслей, вы справедливо угадали, что оно будет мне приятно, ибо доказывает нелицемерную вашу ко мне привязанность, которую ценить я весьма умею. Сею откровенностию вы совершенно выдержали опыт на оселке дружества, не пощадя самолюбия стихотворца для чести вашего друга. Но признаться ли вам чистосердечно в моей слабости? И зачем не сделать этого пред искренним моим другом? а наипаче в великий пост, когда и пред незнакомым иногда попом признаваться в них законоположено. Так знайте ж, что мне сердечно жаль последнего моего театрального порождения, дитяти старости моей, к которым родители обыкновенно имеют слепую предпочтительность и любовь. Жаль мне моей Антигоны; и для того вы, конечно, простите мне, если я постараюсь, сколько возможно, извинить ее пред вами.

Я знал, зачем Анна Петровна и Прасковья Михайловна так холодно приняли Гиневру мою: они не хотели вовсе, чтоб она явилась на позорище; они приказали, чтоб и духа ее не было. Вы, напротив того, желаете, чтоб Антигона моя показалась на свет с возможными совершенствами. С вами, следовательно, я могу судить о ней и постараться показать ее с лучшей стороны, чем вы в легко наброшенном моем начертании видеть ее могли. По самолюбию, сродному мягкоутробным отцам, ласкаю себя мыслию, что краткость сообщенной мною вам выписки обезобразила мое произведение. В сей надежде решаюсь побеседовать с вами о нем и, отдав оправдание мое на дружеский ваш суд, ожидать решения и повиноваться оному. Ежели я буду противоречить вам, то это единственно для того, чтобы по подобию кремня, ударяемого о сталь, извлечь светлейшую искру истины. Я обязан тем более оправдать пред вами мою Антигону, что сию приемницу вашу взял самоправно на мои руки для докончания воспитания ее и виноват сугубо, ежели образовал ее дурно и лишил приятностей, которыми толь щедро вы ее наделили.

В начале нужно нам установить понятие о характере Антигоны, главного действующего лица. Жалея, что по примеру Софокла, не украсившего ее кроткими добродетями, но восхитившего зрителей возвышенностью духа, твердостию и силою ее характера, который побудил ее, восстав явно против Креона, совершить погребение брата, вы находите, что я представил сию царевну добродетельною, кроткою и даже излишне добродушною и тем ослабил ее характер.

Я давно, давно читал Софокла и вовсе не помню, как он дал возможность Антигоне, несмотря на запрещение Креона, восстав явно против его, совершить погребение Полиника. Еще менее понимаю, как при таком поступке, предполагающем не токмо твердость, но дерзость, мог он представить Антигону трогательною, каковою должна быть она для возбуждения сердечного в зрителях и соболезнования, нужнейшего действия трагедии. Я часто приметил, что в несчастных людях возвышенность духа, твердость характера и даже великодушные пожертвования не столько располагают к жалости зрителей, как мягкие, кроткие черты гонимой добродетели, оттененные скромною твердостию в опасных и злополучных приключениях. Возвышенные рвения чувства возбуждают более удивление наше, которое всегда бывает несколько тягостно для нашего самолюбия, а потому и меньше сострадания возбуждает.

Вы хотите, чтоб я в образовании Антигоны «придерживался софоклова подлинника и других д р е в н и х прекрасных образцов». С маленькою, весьма извинительною отменою предупредил я ваш совет, ибо старался изобразить мою Антигону по отлепку ее в «Эдипе». Когда Креон велит разлучить ее с несчастным отцом, она не кичится противу тирана, но бросается к ногам его и мольбою старается смягчить его жестокосердие; когда увлекают Эдипа, она не приходит в ярость, не клянет даже Креона, но трогательными жалобами извлекает у слушателей слезы сострадания. Печальный монолог ее (действие IV, явление 1) представляет те же самые чувства и то же действие производит. Вот образец, которому я подражать хотел; и скажу с Лафонтеном:

(следуют два стиха, см. л. 18)

Вы говорите, что я «представил Антигону слишком добродушною и слабою потому, что когда решится она ночью идти с Элфенором, чтоб предать огню тело Полиника, то при первом появлении Эврияла с креоновою стражею соглашается следовать за ними, ч т о б ы н е н а в л е ч ь н а н и х ц а р с к о г о г н е в а, и не довершает своего подвига».

Да что же ей оставалось делать? Противиться страже с дряхлым Элфенором она не могла и должна была повиноваться необходимости. Признаюсь, что, дав некоторый вид великодушия принужденному подвигу ее, хотел я оный несколько облагородить. Для сего-то заставил Эврияла повествовать о ней:

Смягченным хитростью она моим словам
С печальным, т р о н у т ы м и в а ж н ы м видом внемлет;
Вздохнувши, брата труп в последний раз объемлет,
Встает с поспешностью, подходит и в ответ
Р е ш и т е л ь н о с в о ю м н е р у к у п о д а е т.
И возвращается. . .

Да и нечего делать было, как возвратиться, не доконча погребательного обряда. Приступить к оному или совершить равно виновною был побег в глазах Креона. ‹В этом› деле вы увидите из приложенной исторической выписки № и 1, что Антигона осуждена была на смерть за то одно, что

оплакала брата своего. Вы прибавляете, что «ни читатель, ни зритель трагедии не знают, наконец, что сделалось с телом Полиника, причиною всего действия, и о котором в V действии ни слова уже нет». Я бы весьма желал, чтобы читатели и зрители Антигоны моей, если она когда-нибудь иметь иных будет, столь же мало, как вы, замечали мои воровства. Они бы не видели, что в последней своей молитве Антигона моя подражала молитве Дмитрия Донского, которую восхищение зрителей многократным восклицанием форо заставляло Яковлева повторить, как некоторую прекрасную, тронувшую сердца всех арию. В сей молитве умирающая Антигона говорит:

Благословляю вас, о боги справедливы!
Что от тирана вы освободили Фивы;
Что дали видеть мне столь праведную месть
И позволяете надгробну брату честь
Воздать рукой сестры, рукой Эдипа дщери.

Сими малыми словами, кажется, довольно ясно сказал я, что Полиник не останется без погребения. В течение IV и V действия не упоминал я об оном для того, чтоб оставить зрителя, жалеющего о Полинике, в некотором роде тревожной неизвестности и доставить ему удовольствие предугадать при первых словах Элфенора в последнем явлении развязку главного узла трагедии, прежде чем Антигона объяснила оную в молитве своей.

Вообще я хотел представить Антигону неустрашимо твердою в исполнении священного долга, но с приличною девице скромностию, любовницею нежною, но не позволяющею страсти своей обнаруживаться при толь печальных и угнетающих сердце ее происшествиях. Она жертвует ею сестре своей, готовясь на смерть.

Действие 2, явление 5, стих 260. Не неравнодушие, как вы говорите, но глубоко ощущаемую страсть обнаружила она невольным порывом горести только при прощании своем с Гемоном. Явление 3, действие 3, стих 129 и 130.

Позволь, чтоб в гроб сходя еще того я чтила,
Которого... Прости! .. по смерть мою любила.

Мне показалось, что столь сильно в сердце угнетаемая любовь не так прилична твердому духу Антигоны, но способна возбудить большее к душевным страданиям ее соболезнование. Для усиления чувства в зрителях я не хотел представить ее ясно восстающею противу Креона. Даже угрозы ему не часто ей позволял, ибо берегся дать повода тирану обвинять ее и тенью законопреступления. Но твердость ее старался обнаруживать при каждом случае. Как, например: 4-го действия в 4 явлении от 98 по 101, от 125 по 129 стих.; от 143 по 149 и от 177 по 183. Также 5 действия в 6 явлении от 116 по 121 стих.

Больше твердости придать Антигоне я опасался, и для того тотчас по смерти Гемона поспешил смягчить оную и заставил прежде нанесения себе смертного удара возвратиться к чувствам кротким, истинно характеру ее свойственным: от 140 по 151 стих.

Извините, любезный друг! что так пространно объясняюсь о моей Антигоне, которую вы хотите видеть похожую на Софоклову. Повторяю, что я старался представить ее как можно сходственнее с прекрасным изображением, восхитившим меня и всех зрителей «Эдипа в Афинах». Конечно, не предуспел я в том пожеланию. Но если не мог сделать списка с подлинника, которым пленяюсь, то кольми паче не был бы в состоянии оживить красками софоклова истукана Антигоны, облепленного французской кисеею.

Теперь поговорим о Гемоне. Вам «показался он еще слабее Антигоны, потому что увещевает ее не раздражать Креона, *против которого сам должен был восстать*, ибо как друг Полиника и любовник Антигоны». Признаюсь вам, любезный друг, что представя Гемона бунтующим противу отца, кажется, я не привлек бы к нему почтения и сострадания зрителей. Хотя в отчаянии позволил я ему порыв дерзости; действие 3-е, явление 3-е, ст. 106-7-8-й. Но не сделал менее для избавления любовной страсти, как для того, чтобы иметь повод еще явственнее обнаружить добродетельные правила Антигоны. В разговоре Гемона с Креоном, действие 4, явление 3, изобразил я твердость его решительными ответами. Когда сей упрекает ему, что он виноват и пред отцом и пред царем, вступаясь за Антигону, то Гемон отвечает:

64 стих

Пред царем за долг священный почитаю
Я правду говорить, и долг сей исполняю.
Пред отцом, прости, мне сердца глас велит,
Чтоб я невинности предстатель был и щит.

Креон

73 стих

Коварной дочери Эдипа как ты смел
Цепь гнусну оправдать преступных, буйных дел,
Не зная, что она в ночи предпринимала?

Гемон

Все знал. Лишь долг любви ко брату исполняла.

Креон

81 стих

Почто же буйственный, преступный умыслам
И долгу сына ты священному не вняв,
Исполнить попустил ей подвиг сей ужасный?

Гемон

Прости мне. Изменить боялся я несчастной.

Явление 4

Креон

169 стих

В темницу буйную преступницу влеки.

Гемон

На царску дочь вознесть я не дерзну руки.

Кажется, сими чертами твердость характера Гемонова довольно обрисована. Более усилить оной опасался я, дабы не представить его дерзким и строптивым сыном и облагородить порок примером достойного любовника Антигоны, и в отцепочитании наставленного ею. Все ненавистное сберег я для изображения Креона. Вы меня обрадовали, сказав о нем, «что характер его неистовою злостию не только нестерпим, но даже отвратителен». Поэтому я совершенно предуспел в моем намерении, ибо чрезмерно хотел сделать тирана совершенно несносным. Что Креон заставляет Гемона

умертвить Антигону, то это выдумка не моя, как вы усмотрите из 2 <действия> в приложенной выписке; но что он сделал сие предложение сыну, оказавшему прежде сего непослушность, то в сем постараюсь оправдать себя перед вами. Креон опасался казнить Антигону, дабы не взбунтовать любящего ее народа. Он решился умертвить ее рукою Гемона, всеми уважаемого. Но чтоб принудить его к сему, велел приготовить яму для погребения живой Антигоны и потом предложил Гемону избавить ее от мучительнейшей и неизбежной казни мгновенным умерщвлением. Самоубийства от Гемона опасаться он не мог, ибо в древности были оные весьма редки и почти без примеров; притом Креон не знал чрезмерной любви сына его к Антигоне, не знал, что он не токмо умертвить ее, но пережить не был в состоянии. Софоклов Креон, конечно, не надеялся, чтоб Гемон убил себя по смерти Антигоны, хотя он более моего был извещен о страстной его к ней любви. Впрочем, повторяю, что обстоятельство сие почерпнул я из предания.

Положение моего Креона кажется вам странным потому, что избравший его в цари народ в тот же день восстал на него, стража не повинуется, бунт народный продолжается во всю ночь; наконец, тиран, вышедший усмирить бунтующих, погибнет.

Во-первых, скажу вам, любезный друг! что, уважая примечание ваше, я поспешил исправить мое опущение; и в действии 1 я исправил речь Элфенора следующим образом:

Элфенор

124 стих

Безжалостный Креон
Крамольною толпой уж взведен на трон.
Он возбраняет вам пути в кроваво поле;
И все покорствуют его *строптивой* воле.

Сверх сего 2-го действия в 1 явлении прибавил я в роли Элфенора и Антигоны следующие стихи:

Антигона

4 стих

Толь гнусно варварство дерзнет ли он?..

Элфенор

Тирана
Жестокость всех мятет.

Сверх сей прибавки скажу вам в оправдание мое, что прежде сего 1-го действия в 5 явлении Гемон, советуя Креону смягчить казнь Полиника, говорит:

209 стих

Почто же в строгости...

В 6 явлении того же действия от 265 по 288 стих сам Креон объясняет наперснику своему, что он не весьма надеется на народ, который по изгнании Эдипа вручил скипетр не ему, но детям изгнанного.

И легковерность раз уж испытавши Фив,
На их любовь ко мне не смею положиться и прочее.

Потом присовокупляет:

> Один мне страшен враг — коварна Антигона.
> Для твердости еще колеблющегось трона
> Мне смерть ее нужна.

2-го действия в 4 явлении после сего, когда Гемон извещает Креона, что народ пришел просить его о смягчении казни Полиника, то тут еще никакого бунта нет. Стечение народа в царский дворец за смятение сочла Исмена. Когда стражи неповинуются повелению Креона влачить Антигону в темницу, действие 3 явление 4, то это делают не токмо с почтения к царевне, но с примера Гемона, равномерно неповинующегось повелению царя. Бунт не всю ночь продолжается; но на заре раздался шум и мгновенно утих. Эврияд объясняет, что мятеж сей воспламенился в народе от сожаления об Антигоне, для казни которой ночью приготовлена уж могила. Наконец, народ совершенно взбунтовался, когда повели Гемона и Антигону к разгневанному тирану, и казнь последней казалась неизбежна. К сему возбужден еще был народ появлением отчаянной Исмены с младым сыном Этеокла. Убийство тирана было необходимое всего предыдущего последствие.

Таким образом, вероподобность нетвердости Креоновой власти соблюдена, кажется, довольно хорошо. Но повторяю, что замечание ваше заставило меня еще более усилить оную. Я рассудил за благо убить Креона для того, дабы в трагедии моей не одна невинность страдала, но и зло наказано было. Признаюсь вам, что не могу извинить Софокла и Расина за оставление жизни сему извергу. Мы лучше с вами сделали, что убили тирана; и счастие для многих царств было бы, если б мы сыскали многих подражателей. Ни один покаянный монолог тирана никого не тронул. Все зрители разъезжаются при начале оного; а если кто-нибудь и остается, так единственно в ожидании, что авось-либо бревно занавеса, опустившись, похоронит его на место.

Что касается до наставлений г-на Вольтера, то мнение мое о них видели вы в предисловии моем. Он делает правило из всего того, что трагедиями его утверждаться...* со всем тем, что принадлежит до Антигоны, то я согласен с ним, что она не должна быть робка и слаба. Такою старался я представить ее во всей моей трагедии. Действие 2, стих 206; действие 3, стихи 30, 52, 58, 97, 100, 123; действие 4, стихи 93, 143, 148, 18; действие 5, стихи 116, 120...

Представляя суду вашему, любезный друг, сии объяснения мои на разные до частностей относящиеся замечания ваши, приступаю к главному предмету. Вы советуете, чтоб я хотя в трех действиях, но переделал Антигону по Софоклову образцу. На сие скажу вам, что, вовсе не помня, как обработана она сим превосходным трагиком, некоторое о том понятие почерпнул я из Анахарсиса, которого выписку при сем прилагаю. Не говоря о прочем, подумайте, любезный друг, можно ли нашим зрителям представить Антигону, удавившуюся в гробовой пещере; Гемона, бросившегося с мечем противу отца своего, поразившего себя оным и обнимающего ноги Антигоны до своей кончины? Такие представления могли быть приятны тридцатитысячной столице. Они и теперь привлекают немецкую и аглицкую чернь, но наши зрители, образованные Расином и вами, могут ли снесть такое отвратительное позорище? Шиллер в каком-то заговоре представил тоже повешенного, и, говорят, что немчура громогласно восклицали при нем: Brafo, brafo! Das ist ubersslus...

Из всех французских трагиков одной только Кребильоновой кисти черты, подходящие к сей картине, свойственны. Но вы знаете, что сердце

---

* *Дальнейший текст в рукописи оборван. — Ред.*

мое мягко, как мякиш калача; <атрида и пцеста> не мог я без оцепенения читать. Каково ж было бы мне на душе, ежели б я принужден был удавить прелестную дочь Эдипа и подражательницу ее, любезную нашу Семенову? От одного воображения дрожь пронимает.

Нет, любезный друг! не советуйте мне передать Софокла нашим зрителям. Ежели мягкая кисть моя не могла представить достойным соболезнования твердой в несчастии и в исполнении своего долга, но кроткой, добродетельной Антигоны, то непременно меньше предуспею в намерении моем, стараясь изобразить ее резкими чертами, дарованию моему вовсе не свойственными. Я верю вам, что Антигона моя весьма несовершенна; и несмотря на все мои оправдания, не оправдится в своих погрешностях; но переработка оной вовсе мне невозможна. Я написал ее, равно как и Гиневру, по некоторому несчастному наитию, как говорит г-н Шишков, и одним духом. Не могу работать медленно поспешая, но просто взял да и написал. Поправлять люблю, переделывать для меня несносно. Итак, я вот что сделаю: на верхней полке книжного шкафа моего положу Антигону на Гиневру и прикрою обеих миниатюрною, но полновесною Клоридою, чтоб она их немножко придушила:

А там спокойна ночь! лежи и прей они.

Кстати, говоря о моих трагедиях, припомнил я о Поликсене Мерзляковой, из которой некоторые места выписаны в 5 части Собрания русских стихотворений. Владыко господи живота моего! что это в очах наших совершается? Скажите, неужли и впрямь он целую трагедию эту сочинил? Неужели играли ее? Неужели отдана в печать? Изумлению моему несть конца. Кто ж теперь подобно мне не решится писать трагедий? Слов недостает. Поликсена... в жмурки играет. Троянские девы географический хор поют... Вестник весть рассказывает. Антигона зарезаная

бледна, трепещуща, сколь сил собрать могла,
одежду подобрать стремится, в утомленье,
чтоб сохранить еще пристойнее поведенье.

Вот истинно трогательная картина! Да что и говорить! Божусь вам, любезный друг! что давно я так не сердился. Думаю, что надобно будет переименовать вашу Поликсену, чтоб называлась она с ней именем одним. Но хорошо, что моя Антигона не напечатана, а то бы Мерзляков мог о ней то ж самое написать вам; и для того прекратим эту речь. Поелику не показалась вам моя драматургия, то препровождаю при сем мое лирическое сочинение. Я любил покойного графа Строганова, и муза моя почла за долг бросить на гроб его последний свой цветок.

Вот какую кучу бумаги получите вы от меня по сей почте, любезный друг! Я бы очень рад был, если бы вы захотели подражать моей словоохотливости. А то вы так редко пишете и так мало. Прощайте, любезнейший друг! Через два дня еду в Лубны принимать артиллерийских пегасов, а оттуда — в Ромен отдавать оных военному приемщику. В Ромнах, познакомясь с его превосходительством Фед. Фед. Гертелем, который здесь над всеми рекрутскими депо. Оттуда поеду в Полтаву сочинять книгу о доходах дворянских, ежели не пошлют меня куда-нибудь просвещать мир христов, ибо я позабыл вам сказать, что без моей просьбы государь, узнав, что меня выбрали здесь кандидатом губернского маршала, велел определить по части министра просвещения. Куда-то решится помкнуть меня граф Алексей Кириллович? Со мною делаются чудеса. Да где они теперь не делаются? Чтоб не проболтаться, благоразумнее сказать вам, любезный друг, прощайте. Обнимаю вас в мыслях. Ах! если б имел я действительно удовольствие прижать вас к груди моей! Не отнимайте этой приятной надежды у преданного вам душевно и по смерть верного друга.

170

В. П. КОЧУБЕЮ

6 марта 1812 г. Обуховка

М<илостивый> г<осударь> гр<аф> В<иктор> П<авлович>.

Я опасаюсь, дабы ваше сиятельство не поставили мне в вину, что так поздно ответствую на почтеннейшее от 25 генваря письмо, которым вы удостоить меня изволили. На сих только днях, возвратясь из Киева, застал я оное в дому; и, узнав, что вручитель сего Григорий Иванович Чарныш отправляется в столицу, предпочел доставить вашему сиятельству ответ мой чрез него, нежели чрез часто неверную и медленно идущую почту.

За милостивое представительство ваше о господине Вебере приношу вашему сиятельству чувствительнейшую благодарность, хотя вижу, что вы неохотно принимаете сию достодолжную жертву признательных сердец, ибо и за участвование в облегчении здесь винного откупа и в установлении акциза <нрзб.> винокурения вы отклоняете оную под предлогом, что, *излагая* по сему предмету истину, исполняли долг свой. Ах! милостивый благодетель! как дорого должны мы ценить исполнение столь многотрудного долга! Истина одна и застенчива; враги ее бесчисленны и бесстыдны. Пробиться с нею сквозь сию буйную толпу требует более предприимчивости, великодушия, пожертвования собою, нежели воину взойтить первому на стену, смертоносными орудиями покрытую, и освободить замок от врагов, занявших окружающие оный твердыни. Помоги вам господи! подвизаться всегда с таким успехом! Благодарность царя и отечества будут вам явственною, но менее приятною наградою, чем ощущение в душе радости о соделанном добре. Я боюсь утомить слух ваш откликом общественного голоса. Простите сему невольному излиянию сердечных чувств.

Донесу о себе вашему сиятельству, что я был в Киеве для убеждения его высокопревосходительства Дмитрия Прокофиевича Трощинского принять звание губернского полтавского маршала. Он согласился исполнить общее желание. Я видел Киев и не познал его. Ваше сиятельство, может быть, подумаете, что я о пепелище подолском говорю. Нет. Я не имел духа взглянуть на эту плачевную картину. Я не познал Киева. Пятнадцать лет прошло, как я оставил его... русским городом... Теперь польский театр, польские контракты, польской язык. Одни мощи угодников остались невредимы, ибо молитвами их перед подмываемою Днепром горою насыпалась песчаная коса, отведшая от них реку на четверть версты и открывшая набожным посетителям от берега свободный ход в пещеры.

Всяк видит, всяк ощущает истину слов вашего сиятельства, что безопасность отечества требует чрезвычайных и дорого стоящих мер. Кто откажется самым большим пожертвованием содействовать оным? Но позвольте, милостивый благодетель! осмелиться спросить: выполнение кредитовной системы по выдуманным, хотя маловажным, но по необыкновенности вид отягощения представляющим налогам, будет ли способствовать возбуждению искреннего к пожертвованиям соревнования. Найпаче в таковых губерниях, как, например, Киевская, которая в прошедшее трелетие взносила на земские повинности менее ста пятидесяти тысяч рублей ежегодно, будет теперь платить по шестисот тысяч рублей в год! Может быть, спустя год <нрзб.>, но везде ли найдутся такие отечества доброхоты, такие правды защитники, как ваше сиятельство? И вы оставляете столицу! и вы даже хотите уединиться на целое лето в вашу родину! Сожалею о правительстве, лишающемся на долгое время такого благонамеренного сподвижника; но радуюсь о себе, что буду иметь счастие видеть покровителя

страны сей и посвятить все мое время на доказательство ему неограниченной преданности и высокого почитания, с которым приятным долгом поставляю пребыть навсегда, м<илостивый> г<осударь>, вашего сия<тельства> всеп<окорнейшим> с<лугою>.

1812 года,
марта 6 дня.
Обуховка.

171

МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ГР. А. К. РАЗУМОВСКОМУ

1 мая 1812 г. Гадяч

Милостивый государь граф Алексей Кириллович!

По препоручению вашего сиятельства господин малороссийский генерал-губернатор объявил мне высочайшую волю о причислении меня к Министерству просвещения. Донеся о сем вашему сиятельству, имею честь быть с совершенным высокопочитанием и преданностию,

милостивый государь! вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

1812 года,
мая 1 дня.
Гадяч.

172

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

18 июля 1812 г. Обуховка

Любезный друг Гаврило Романович. Я уверен, что мы друг друга любим: зачем же слышком долго представлять противные сердечным чувствам роли? Вы стары; я весьма стареюсь; и не пора ли кончить, так как начали? У меня мало столь искренно любимых друзей, как вы; есть ли у вас хоть один, так прямо вас любящий, как я? По совести скажу, сумневаюсь: в столице есть много, но столичных же друзей. Не лучше ли опять присвоить одного, не престававшего любить вас чистосердечно? Если я был в чем-нибудь виноват перед вами, то прошу прощения. Всяк человек есть ложь: я мог погрешить только не против дружества; оно было, есть и будет истинною стихиею моего сердца; оно заставляет меня к примирению нашему сделать еще новый и не первый шаг. Обнимем мысленно друг друга и позабудем все прошедшее, кроме чувства, более тридцати лет соединявшего наши души. Да соединит оно их опять, прежде чем зароется в землю!

Препровождаю вам бумаги, относящиеся до вашей екатеринославской деревни. Я опоздал доставить их вам потому, что они были получены во время моего отсутствия; потом развлечен я был разными занятиями по

общественным, всегда близким к сердцу моему делам и принужден вновь к неоднократным отлучкам. Теперь несколько, бог весть на долго ли, успокоясь, спешу побеседовать с вами о вашей собственности. Вы увидите из отзыва подданных ваших, что они мне и ответа о состоянии имения вашего дать не захотели. Ежели вы заблагорассудите отдать оное на мое попечение, то поспешите прислать полномочие к распоряжению оным. Нужнее всего приискать честного управителя; и буде вы не имеете готового, то есть у меня такой человек на примете. Не пожалейте дать ему до тысячи рублей жалованья с местными выгодами, о которых я с ним условлюсь. Умножение дохода и сохранение целости имения наверно вознаградит сию необходимую издержку. Но первоначально спешу предостеречь вас насчет г-на Карстейна. Он был у меня и у брата Петра Васильевича около семи лет экономом: сделал нам убытка более, чем на 30 000 рублей. Он забегает к вам, чтоб обокрасть равномерно: не вверяйтесь ему и откажите начисто. Получа от нас отставку, прослужился он и у г-на Стиглица; но о сем я не сожалею, ибо и он жид. Но на вашу собственность наложить судорожную руку я позволить ему не хочу. Ожидаю скорого вашего на сие ответа и не премину тогда без отлагательства сделать для поправления вашего имения нужное распоряжение. Вот все, что на первый раз могу вам сказать. Искренно и навсегда вам преданный друг

Василий Капнист.

Любезная сестра Дария Алексеевна. Предлагаю и тебе со мною мир тем охотнее, что время, чаятельно, изгладило причину твоей ко мне неприязни. Судить нас некому; а сама ты рассудить можешь, что лучше опять полюбить возвращающегось к тебе искренно, столь близкого по Сашеньке человека, чем питать к нему тягостное доброму сердцу неудовольствие. Изгладим из памяти прошедшее и останемся опять друзьями. Часто говорят нам в церкви: мир вам; пора слову сему отозваться и в наших душах. Я первый повинуюсь ему и протягиваю тебе руку в знак искреннего примирения.

Не будь и ты упорна и отвечай мне чистосердечною взаимностию. Любовь твоя к Сашеньке да будет нашею посредницею и да возвратит мне любимую сестру!

173

НЕИЗВЕСТНОМУ

18 декабря 1812 г. Кибинцы

Прошу покорно, ваше превосходительство, взглянуть на картину чувств человека, искренне сетующего о нашем отечестве и желающего к пользе оного употребить уже погасающее дарование свое. Мнение ваше решит, стоит ли сочинение сие того, чтоб быть обнародованным, и есть ли надежда, что будет оно принято благосклонно беспристрастными читателями? Приятные и наставительные беседы ваши внушили мне множество изображенных мною мыслей, а потому некоторым образом сочинение и вам принадлежит. И для того ласкаю себя надеждою, что ваше превосходительство к усовершенствованию оного не откажете мне советов ваших.

18 декабря
1812 года.
Кибинцы.

174

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

10 марта 1813 г. Кибинцы

Вот вам, любезный друг Г‹аврило› Р‹оманович›, и ответ Сашеньки сестре Дарии А‹лексеев›не. Она пишет ко мне, что помнит, как я вам отвечал касательно деревни вашей; и рапорта ко мне из оной в своих бумагах не отыскала: стало быть, я его послал вам; но как он не пришел, об этом ни у кого, как у проклятых французов, причины узнать нельзя, а их уже трудно отыскивать. Я вам об этом на сих днях писал обстоятельно с Влад‹имиром› Юрьев‹ичем› Леонтьевым. Теперь нечего писать, кроме — сообщу вам всех нас удивляющее, из дома нашего генерал-губернатора вышедшее известие, что великая княгиня к 15 сего месяца будет в Чернигов в проезде в Богемию для излечения к целительным водам. Кажется, это известие должно быть, по источнику, основательным, ибо, говорят, что князь Лобанов выехал туда на встречу ее высочеству. Но странно, что Дмитрий Прокофьевич, у которого я гощу, от 22 февраля о сем никакого известия от приятелей своих из Петербурга не получил; и даже об этом ему ни из Чернигова, ни из Киева, откуда он вчера письма получил, не пишут. Вразумите нас, ежели это правда, что за причина сему путешествию в такое неспособное к вояжам и для фельдъегерей время? Чувствительно обяжете меня этим. Все теперь делаются странности на белом свете. Еще прошу уведомить меня, какие слухи у вас верные об намерениях Венского двора: у него в руках теперь весы судьбы Европы и Франции. Это, наверно, знать для нас весьма любопытно; ибо мы ближе всех почти к будущему театру войны. Дай бог, чтоб император образумился и не пожертвовал благом своей державы и почти вообще всех держав привязанности к дочери и обязанностям мещанским нежного тестя! Прощайте... Будьте удостоверены о искренней моей к вам привязанности, любите меня по-прежнему. Пишите на досуге чаще. Ответами я не останусь в долгу.

Дмитрию Прокофьевичу прислали из Петербурга прекрасное сочинение. Кубок воина за здоровье воинов, вождей и ваше; чье оно? Я подозреваю, что оно Батюшкова. Ежели не его, то радуюсь появлению нового, честь нашей словесности делающего пиита. Прощайте. Вам душевно преданный

Василий Капнист.

Какой Дьяков подрался с Шешковским? Жаль, ежели это кто из наших племянников. Нехорошо кнутьем драться на гостином дворе и даже на псарне.

Сделайте одолжение, спросите у И. И. Дмитриева, которому искреннее почтение мое свидетельствую, о причине, зачем выбранных нашим дворянским собранием в генваре прошлого 1812 года генеральных судей уголовного и гражданского департамента до сих пор не утверждено? Прежние генеральные судьи не присутствуют; и так выходит безголовщина; за что такая на Полтавскую одну губернию немилость? Мне очень любопытно узнать узел сей загадки, беспокоющей многих из собратьи нашей.

Теперь же узнаю, что это сочинение господина Жуковского. Я читал и прежде сего некоторые весьма удачные сочинения его. Читаючи это, подозревал, наконец, что оно принадлежит моему брату хохлу по некоторым неправильностям в произглашении, часто мною чинимым.

175

С. В. КАПНИСТУ

19 марта 1813 г.

Исправя некоторые мелочные недостатки твоей оды, посылаю тебе оную. Вообще я очень доволен этим твоим сочинением: большое достоинство оного, что ты не вышел из пределов; может быть, лироэпическая неоконченная пасхалия тебя вразумила. Хорошо, что пользуешься дурным примером. Твоя ода в Горациевом вкусе торжественных од. Ты тронул картинно важнейшие предметы так, что можно обнять целое. Это самое нужнейшее искусство живописцу и стихотворцу. Сперва изобразил ты могущество врага, покорение всей Европы; это само собою возвысило русского, осмелившегося сразиться с толь страшным властелином. Тут, правда, немножко резко перешел ты к описанию падения Москвы, самому разительнейшему предмету, весьма хорошо выставленному, дабы обратиться к божией помощи. Потом ты весьма кстати привел желание, чтоб сохранением памятников разбития злодея сохранилась память его в омерзении потомства. За сим противуположное изображение героя, спасшего отечество, весьма у места; и, наконец, молитва к богу составила весьма пристойный и величественный конец оды; вот тебе, мой друг, вообще суждение мое о твоем сочинении. Теперь, прочитав мои поправки, заметь, что тебе не нравится, ибо я также весьма ошибиться могу, и ты знаешь, люблю ли я поправляться. Но сверх сего просмотри все мои поправки и письменно объясни, почему бы ты думал, что я сделал каждую поправку. Это тебя научит разборчивой критике, которая весьма и для самих себя и для приятелей полезна. Для сего я отметил куплеты цифрами, а потому можно легко каждый стих отыскать.

Посылаю тебе в заплату за твой мне приятный подарок одно прекрасное г-на Жуковского сочинение. Пока я не узнал точно имени сочинителя, я думал, что оно принадлежит Батюшкову. Ты сыщешь в нем точно лирический дух. Но он не ушел от лишнего распространения. Пожалуй, заметь и в этом сочинении красоты и недостатки. Я хочу, чтобы ты приобучился к разборчивости. Но есть в оном места отличной красоты.

Постарайся, чтоб печатальная наша машина была в самом лучшем состоянии, ибо надобно будет кое-что хорошенько отпечатать. Возьми оды Жан Батиста и читай их с прилежанием. Ты в них научишься лирической логике. Ода его, начинающаяся сими стихами:

tel que le vieux pasteur de troupeaux,

прекрасна и показывает богатство дарования: из малого предмета извлек он изящные красоты.

176

М. И. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Апрель 1813 г. Местечко Ипанеск

Светлейший князь,
милостивый государь!

Прости, великий муж! что дерзаю тебе похвалу вещать, утаивая мое имя. Корыстолюбивая лесть открывает лице свое; истина в том нужды не имеет. Изгнав из любезного отечества свирепого врага, ты облаготво-

рил и меня со всеми моими собратиями; каждый из них чувствует к тебе то же, что и я. Итак, на что обнаруживать имя одного из всех, толь многочисленных, равного тебе благодарностию обязанных россиян? На что хотеть узнавать, откуда приходит отголосок, когда единодушный глас народа повсюду раздается? Святейший князь, милостивый государь! вашей светлости всеусерднейший почитатель

Русской.

Апреля дня.
1813 года.
Мест. Ипанеск.

177

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ А. С. ШИШКОВУ

13 августа 1813 г. Кибинцы

Милостивый государь мой Александр Семенович!

Не получая от вашего превосходительства ответа на мои, без сомнения, скучные письма еще с скучнейшими приложениями, удерживаю перо мое по сему предмету, хотя для оного весьма пространное поприще вновь открылось. Но, истину сказать, всего не опишу. Итак, оставя неприятное, поговорю о друге вашем Гаврииле Романовиче, который обрадовал меня нечаянным посещением с сестрою Дариею Алексеевною и племянницею Прасковиею Николаевною. Они прогостили у меня 12 дней и отправились на богомолье в Киев. Вы воображаете себе, что много было приятного говорено об вас; он сетует только, что не часто получает от вас письма. Сердечно обрадован я, услыша, что ваше превосходительство сделались главою Российской Академии. Такое начальство принесет ей много пользы, и теперь я, если доведет господь быть в столице, буду часто посещать храм словесности, чего не сделал я ни разу во все время председательства г. Нартова. Теперь можно будет дать полезнейшее направление академическому журналу, о чем, ежели угодно, побеседуем со временем пространнее.

Теперь обращаюсь к себе и прошу покорнейше ваше превосходительство уведомить меня, изволили ль вы по благосклонному обещанию вашему читать мое Видение его императорскому величеству и как было принято оное. Я послал сие сочинение государыне императрице Елизавете Алексеевне при письме моем и удостоился получить от лица ее через господин Лонгинова весьма благоволительный отзыв. Я не мог не похвалиться вам сим успехом моим, зная, сколь благосклонное участие вы примете в оном, и честь имею пребыть с совершенным почтением и душевною преданностию, милостивый государь мой, вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

178

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

18 августа 1813 г. Обуховка

Любезный друг Г‹аврила› Р‹оманович›. Любезная сестра Д‹арья› А‹лексеевна›. Не поверите, какую пустоту поселили вы в Обуховке: все хочется идтить в ваш домик; все кажется, вы из него выйдете. Я уже и

мимо его не хожу. Грустно! Долго не виделись, увиделись на короткое время и долго не увидимся. Очень грустно. Бога ради, хоть пишите чаще. Вам досуг. А я теперь только возвратился: был в Полтаве; Гог и Магог обнаружил тем свое ко мне неблаговоление, что не принял моего церемониального визита. Но слава богу, с Дмитрием Прокофьевичем не было никакого изъяснения, следовательно, и неприятности. Возвратясь в Кибинцы, надобно было отправить курьера в Варшаву и в главную квартиру. Приехал дни на четыре в Обуховку. Завтра еду с Катинькой на богомолье в Ахтирку. Не услышит ли молитвы и не поможет ли пресвятая избавиться от Игемона? По жалобе Дмитрия Прокофьевича отправлено от государя на рассмотрение Комитета министров. Сделайте одолжение, буде можно, узнайте, что там рассудили? Самоуправства нашего начальника так ясны, что я не надеюсь, чтоб оные оправдили. Но полно об этой неприятной материи. Дай бог, чтоб вы здоровы возвратились. На сих днях я отправляю в Гавриловку г-на Сулецкого. Надеюсь, что он хорошо управится. Ему же псверяю и в Херсоне взять свидетельство. Затем прощайте, мои любезные! Пожалуйте, пишите чаще к нам: это несколько заменит неприятную разлуку. Целую твои руки, любезная Дашенька, прощайте. Вам душевно преданный Василий Капнист.

Целую тебя, милая Параша. Помни, люби нас, а мы любим тебя как душу. Всем грустно без тебя. Поцелуй за меня сестер твоих. Помни Обуховку.

179

С. В. КАПНИСТУ

Лето 1813 г.

Возвращаю тебе, любезный Сенюшка! истинно прекрасную твою оду. Ежели мой фундамент почитаешь ты мраморным, то верх твой не кирпичный, а основанию приличный. Мысли возвышенны, картины живы, обработка довольно хороша. Некоторые недостатки происходят от скорости. Я старался исправить их и добавить, чего, по мнению моему, недоставало. Поправки и прочее тебя обескураживать не должны: уверяю тебя, что когда и Гаврила Романович при мне писал, то иногда и ему я не меньше замечаний делал; ты знаешь, впрочем, как часто я собственные свои сочинения поправляю и с каким множеством перемен. Может статься, я бы еще больше чистил, ежели б имел строгих советников. Это должно только тебе доказать, как нехорошо те делают, которые, наскоро сочиня, тотчас пускают в свет творения свои. Ты даже и на меня совсем полагаться не должен: прочитай со вниманием переправленное мною и посмотри, нет ли еще чего-нибудь поправить. Ты увидишь, сколько уже и на переписанном мною набело я еще сделал подчисток. Я мог и еще что-либо просмотреть или сделал нехорошую переправку. Тебе это свежо представится. Еще раз повторяю, что я твоим сочинением очень доволен, и ты увидишь, как о нем и Дмитрий Прокофьевич судит. Да послужит тебе это заохоченьем еще более трудиться над твоими сочинениями.

Попроси Степана Ивановича переписать посылаемого моего «Картона» на простой обрезной бумаге. Только чтоб стихов не переносил с строки в строку: длинные на русский размер стихи пусть, ежели не уместятся, хоть меньшими буквами перепишет.

Посылаю тебе также мое письмо к Уварову о эксаметрах; прочитай его сперва сам и сделай замечания как в погрешностях против гармонии слова, так и вообще. Потом прочитай их в общем вашем собрании и при-

мечай, будет ли оно забавно и занимательно или станут слушающие зевать. Ибо этого паче всего должно для сего письма опасаться в сей оде.

Прощай. Попроси Степана Ивановича и письмо к Уварову переписать.

180

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

4 октября 1813 г. Обуховка

Извините, любезный друг Гаврило Романович и любезная сестра Дария Алексеевна, что напишу вам только несколько строк. Должен сию же минуту отправлять в другое место целую десть. Весьма приятнее с вами бы заняться, да, говорят, взявшись за гуж, не говори не дюж. А на Лобанова еще камзола с длинными рукавами не надели, хотя бы весьма пора.

Скажу вам, что я получил сейчас ваше письмо и верующее. Ив‹ана› Ивановича уже три недели как отправил в Гавриловку; и дал ему от себя верующее объяснение свидетельства, которого уже скоро ожидаю. Но на всякой случай пошлю ему доверенность вашу. Еще от него не получил никакого извещения. И Петрушка мой тож не возвратился. Затем прощайте, мои любезные. Обнимаю вас в мыслях. Целую руки твои, любезная Дашенька. Будьте здоровы. Когда вы будете в Петербурге, узнайте и уведомьте меня, бога ради, скорее, что слышно о нашем Лобанове между думными людьми? Ужли нас и теперь не освободят от него? Прийдет крычать караул. Прощайте. Бог с вами. Целую милую Пашеньку. Прошу нас не забывать при столичных веселостях. Прощайте. Вам и бумаги нестало: а думал только одну строку написать.

181

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

14 ноября 1813 г. Кибинцы

1813 года, ноября 14 дня. Кибинцы.

Любезный друг Гаврило Романович!
Любезная сестра Дария Алексеевна!

Прошу вас принять вручителя сего, коллежского советника Николая Ивановича Шредера и жену его, внуку мою, дочь Александры Ананьевны, принять как родных моих и оказать всевозможную помощь. Этот молодой человек служит уже более пяти лет в Харькове советником и не видит ничего полезного в будущем. Он решился ехать в столицу для прискания выгоднейшего места. Помогите ему в этом. Вы сделаете собственно мне великое одолжение. Полюбите их, они добрые и меня любят. Кроме братьев и детей, они мне ближе всех. Целую руки твои, милая Дашенька. Ни о чем больше не пишу, ибо вчера писал к вам с отправленным от Дмитрия Прокофиевича ‹Трощинского› эстафетом. Прощайте. Дай бог, чтобы вы были здоровы.

Вам преданный душевно
Василий Капнист.

Как ни тороплюсь отправлять на почту, а все-таки успеваю поцеловать тебя, милая Паша. Спроси, пожалуй, когда же Гаврило Романович пришлет мне свои сочинения? Это я приписываю больше для того, чтоб было тебе что-нибудь мне отвечать. Прощай. Поцелуй за меня сестер твоих.

182

С. С. УВАРОВУ

25 ноября 1813 г. Обуховка

Милостивый государь мой Сергей Семенович!

С истинным удовольствием получил я письмо ваше с приложениями. Весьма приятно мне видеть, что вы не пренебрегли дружеских внушений моих и вступили в поприще отечественной словесности. Удостоверяю вас без лести, с обыкновенною откровенностию моею, что первые опыты ваши оправдали надежду мою, что труды ваши <о слоге> русского слова весьма понятны будут и принесут вам великую честь. Мысли ваши о образе преподавания в народных училищах истории очень основательны и изображены с должною ясностию и чистотою слога. Удостоверенный в отличном стихотворческом даровании вашем, искренно желаю, чтоб не скрывали от соотечественников ваших таланта сего и показали бы нам музу вашу в стихотворном, только, бога ради, не в эксаметрическом облачении. Мнение мое об оном сообщаю вам в прилагаемом письме, которое, если покажется вам не неприятно, прошу покорно препроводить в совет русской Беседы и, когда одобрено будет оным, изволить прочесть в общем собрании посетителей. Дабы не отяготить их скучным и однообразным разбором о стихоразмерениях, прилагаю единственно для вас или для прочтения в совете Беседы некоторые дополнительные о эксаметрах рассуждения мои. Простите мне невольно нанесенную вам скуку, которую ощутите вы при чтении оных. Я почел долгом против введения чужеземного размера стихов в словесность нашу ополчиться всеми моими силами и всякими способами в удостоверении, по свидетельству самого святого писания, что докучностию можно иногда получить то, в чем убедительнейшая просьба останется без успеха.

Чувствительно обяжете меня, если на сие мною вам предлагаемое сообщите мне чистосердечно ваши заключения. Может быть, они просветят меня, а по крайней мере докажут, что рассуждения мои заслужили хотя честь быть оспариваемы просвещенным человеком.

Впрочем, убеждаю вас верить, что разность мнений наших относительно стихослагания не имеют и не будут иметь никакого влияния на отличное уважение мое к дарованиям вашим, а кольми паче на искреннее к вам почтение и душевную привязанность, с которыми пребуду навсегда.

183

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

5 декабря 1813 г. Обуховка

1813 года, декабря 5-го дня. Обуховка

Любезный друг Гаврило Романович!
Любезная сестра Дария Алексеевна!

Чувствительнейше и от искреннего сердца благодарю вас за старание ваше о помещении детей моих. Я вижу, что по возвращении вашем это было первое ваше дело. Вы не имеете детей, так вы не можете себе

и вообразить той благодарности, которую я и Сашенька к вам чувствуем за сие величайшее одолжение. Знаю всю выгоду для детей моих служить под такими почтенными начальниками и жить в столице у вас и под вашим покровительством; знаю, что мне труднее будет доставить их к вам, чем им содержаться при помощи вашей. Это меня и не беспокоит, но касательно службы их, прежде чем решиться, я желал бы знать обстоятельнее, какие обещают вам для них виды. Ежели им выслуживать в унтер-офицерских, наипаче статских чинах указные годы, то истинно есть от чего прийтить в отчаяние. Я их продержал, именно Сенюшку, слишком долго при себе как для необходимых наук при весьма тесных к тому, как вы знаете, средствах моих, так более для нравственного образования, боясь для них пагубных примеров. Я хотел сделать из них добрых граждан, но тем самым протекло много времени. Желательно, чтоб оно не совсем пропало для них по службе и чтоб они не вовсе были упоследены пред сверстниками, занимавшимися в службе мелочами, иногда высоко весьма ценимыми. Вот, добрые друзья мои! я открываю вам мою главную заботу. Успокойте меня! изъясните обстоятельно, какую перспективу видите вы для детей моих? Поставьте себя на мое место и извините, что я прошу от вас подробнейших сведений. Буду ожидать оных с нетерпеливостию и поспешу решительно сообразоваться вашим родственным о детях моих попечением. Помоги вам бог в добром деле и награди вас за оное! Сердце мое так стеснилось, что я должен кончить письмо мое. Обнимаю вас в мыслях. Целую руки твои, милая Дашенька.

Вам преданный Василий Капнист.

184

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

Апрель 1814 г. С.-Петербург

Поздравляю вас с покорением Парижа. Не более часа как В. Ст. Попов прислал записку к М. Мих. Бакунину, что 18 нашего марта русские и союзники вступили в эту столицу; что выслан был Сенат с покорною, и государя нашего народ встретил с величайшею радостию как избавителя. Истинно, чуден бог во делех своих: чуден русский бог!

Не рассудите ли за благо послать узнать, будет ли Ив. Ив. Дмитриев этот вечер дома. Может быть, как министр, он должен будет ехать к государыне.

185

Г. И. ВИЛЛАМОВУ

22 апреля 1814 г.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Я имею счастие получить почтенный отзыв вашего превосходительства, изъявляющий мне высочайшее благоизволение всемилостивейшей государыни о припечатании по всеподданнейшей просьбе моей в журнале

Сына отечества, что ода моя на покорение Парижа была поднесена ея императорскому величеству, и о позволении мне повергнуться к стопам ея для принесения достодолжной моей благодарности. Свидетельствуя вам. милостивый государь мой! чувствительнейшую признательность за сообщение мне высочайшей воли, честь имею пребыть с совершенным почтением и преданностию, милостивый государь мой! вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

1814 года,
апреля 22 дня.

186

Н. И. ГНЕДИЧУ

Конец апреля—начало мая 1814 г. Петербург

Прошу покорно сказать Катерине Семеновне, что человек, чрезмерно почитающий отличное дарование ее, ни в чем ей отказать не может. Она украсит мою, как вам известно, весьма некрасивую Антигону; следовательно, да будет она ей принадлежностию. Но, как я хочу, чтоб она хотя несколько достойна была той, которая сообщит ей свои прелести, то обязан поприубрать ее, по совету друзей моих, как можно получше. Я надеюсь, что это скоро сделается.

Между тем, прошу вас попросить любезную Катерину Семеновну, чтоб она назначила мне с вами свободный час для прочтения ей трагедии и отобрания ее замечаний и условий, кому роздать роли. С нетерпением буду ожидать вашего ответа. Но скажите Катерине Семеновне, что она сама теперь виновата пред собою, если обязана будет представлять весьма слабую и дурную ролю; и пусть заблаговременно готовит все свое волшебство, чтоб при сем представлении не упасть с того высокого степени, куда взошла она в лице Антигоны неподражаемого друга моего Владислава Александровича.

Адресат: Милостивому
государю моему Николаю
Ивановичу Гнедичу.

187

А. А. КАПНИСТ

8 мая 1814 г. С.-Петербург

1814 года, мая 8 дня. С.-Петербург

Как ты меня обрадовала последним письмом твоим, милый друг Сашенька! Как мне приятно видеть, что почтенный благодетель наш живет с вами, как в кругу своего собственного семейства! что он так любит вас! Теперь он и все мои родные и друзья при получении письма сего, надеюсь, гостят у тебя в Обуховке! Как мне грустно и завидно! Что делать? Божия воля, он меня за то утешает. Ты узнаешь это от Дмитрия Про-

кофьевича, благодарение богу! Милость его ко мне видима и велика. Я почти было отчаялся; и тогда-то он обрадовал меня! Благодарите его все за меня.

Постарайся, милый друг! удержать нашего благодетеля как можно долее в Обуховке. Проси его, чтоб он пожил у тебя для здоровья своего. Купанье нужно ему, прогулка равномерно. А Обуховка этим богата. Он будет в ней здоров. Пожалуй, попроси его об этом и от меня.

Жаль мне несказанно, что вы лишились ахтирского лекаря; что ж делать? Жаль мне и бедного доктора. Но, может быть, болезнь его пройдет.

Я обращаюсь опять к вам и Обуховке. Воображаю, что у вас уже прекрасная весна; а здесь эту ночь снег большой выпал и теперь идет. Вообрази себе, какое наше житье! Как быть? Стерпится, слюбится, говорил покойник Волховский.

Зато мы ездим в театр: любуемся Семеновою. Какая трагическая актриса! Чудо и прелесть. Она выпросила у меня Антигону мою в свой бенефис; и в конце сего месяца играть будут. Авось-либо не осмеют меня затем, что Семенова будет играть Антигону. Трагедия моя ей очень полюбилась. Гнедич при мне ее читал Семеновой, и она от роли своей в восхищении. Это мне хорошую на успех надежду дает. Этим, как автор, письмо кончу. Целую тебя в мыслях, и всех детей, и всех родных, и всех друзей. Прощайте. Бог с вами. Будьте здоровы. Я здоров. Хожу без парика, и еще, говорят, не совсем похож на старика. Вчера был пьян у нового знакомца Пукалова; жена его прекрасна; мне кажется, я волочусь за нею. Не приревнуй, мой друг, и не подумай из этого слова, что я уже от старости волочусь. Прощай. Всем кланяюсь. Бог с вами.

188

Г. И. ВИЛЛАМОВУ

16 мая 1814 г.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Новый знак снисходительного благоволения ко мне ее императорского величества, исполняя сердце мое живейшим чувством признательности, побуждает меня утруждать ваше превосходительство о испрошении мне у всемилостивейшей государыни позволения повергнуться к стопам ее для принесения долга глубочайшей благодарности.

Честь имею пребыть с совершенным почтением и преданностию, милостивый государь мой! вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

1814 года,
мая 16 дня.

189

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

16 октября 1814 г. С.-Петербург

1814 года, октября 16 дня. С.-Петербург

Снег выпал, и дорога скоро санная ляжет; я искренно желаю, чтоб она вас убедила возвратиться скорее сюда. Истинно, мы скучаем без вас. Что вам за охота жить теперь в деревне? Все-таки на людях веселее.

Препровождаю вам письмо ко мне брата Петра Васильевича, застрахованное. Он, по-видимому, спешил писать ко мне, чтоб вы не поторопились продать вашей деревни по советам г-на Сулецкого. Я это по всему вижу; и вы увидите, что хороший хозяин вам советует для вашей пользы.

Более писать нечего: спешу, чтоб не задержать вашего ходока. Обнимаю вас в мыслях. Целую руки доброй Дашеньки. Прощайте. Дай бог, чтоб вы были здоровы и скорее сюда возвратились.

Пашеньку милую целую.

190

Г. И. ВИЛЛАМОВУ

4 ноября 1814 г.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Желая удостоиться счастия посвятить августейшему имени ея императорского величества трагедию мою «Антигону», покорно прошу ваше превосходительство исходатайствовать снисходительное на то всемилостивейшей монархини благоизволение.

Честь имею пребыть с совершенным почтением и преданностию, всемилостивый государь мой, вашего превосходительства

всепокорнейший слуга Василий Капнист.

1814 года,
ноября 4 дня.

191

ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

4 ноября 1814 г.

Всемилостивейшая государыня!

Трагическое зрелище наше старается обыкновенно трогать нас страстями, изнеживающими сердца; редко возбуждает оно сострадание к угнетаемой злополучием добродетели. Я осмелился представить Антигону, разительный в древности образец всех нравственных доблестей, а наипаче дочерней и братской любви. Кому же приличнее могу я посвятить картину сию, как не той, которая собственным примером общеназидательных доброт образовала ко всем душевным совершенствам августейших дочерей, восхищающих своими добродетелями Россию и удивляющих Европу?

Примите, ваше императорское величество, с обыкновенным снисхождением сие усердное приношение благоговеющего к вам, всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества

верноподданный Василий Капнист.

1814 года,
ноября 4 дня.

192

С. С. УВАРОВУ

24 ноября 1814 г. Обуховка

Милостивый государь мой Сергей Семенович.

На одну статью вашего письма должен я вам особенным ответить. Вы говорите, что его сиятельство граф Алексей Кириллович желает теперь иметь меня действительным членом Департамента просвещения. Прошу покорно удостоверить его сиятельство, что таковой отзыв его лестен мне несказанно; что, зная благородный образ мыслей его и милостивое ко мне благорасположение, я почел бы за счастие лично при нем служить под его начальством, но весьма скудное состояние мое и многочисленное семейство не позволяют мне с умеренным жалованием жить ‹в› драгоценной ныне столице. Вот единственное препятствие к исполнению воли его и собственного моего искреннейшего желания. За сим могу удостоверить его сиятельство честию, что, кроме его, ни под чьим начальством служить никогда не соглашусь; ибо нет человека, которого бы я наравне с ним душевно чтил и уважал. Милостивую государыню любезную именинницу честь имею поздравить с нынешним днем ангела, не меньше ее самой любезного, и, целуя руки прекрасной тезки его, пребываю с совершенным к вам преданностью и уважением...

193

В. А. ГОГОЛЮ-ЯНОВСКОМУ

10 февраля 1815 г. Обуховка

1815, февраля 10 дня. Обуховка

Весьма хорошо вы сделали, что не послали дел к Алексею Федоровичу. Я о сем с ним объяснюсь. Впрочем, дел разбивать никак не должно. Я писал по сему предмету к Дмитрию Прокофиевичу и буду ожидать его разрешения.

Долго ли вы пробудете в Кибинцах? Я слышу, что Катенька выздоровела и увезена к вам или отцу. Зачем вы ее к нам не везете: она бы скорее здесь оправилась от болезни. Все мы об ней стосковались весьма давно. Дорога теперь и погода хороша: что бы стоило Марии Ивановне привести ее к нам?

Прощайте и за предводительскими делами не забывайте вашего преданного слугу.

Василий Капнист.

194

В. А. ГОГОЛЮ-ЯНОВСКОМУ

11 апреля 1815 г. Обуховка

1815 года, апреля 11 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Василий Афонасьевич!

Сожалею душевно, что Алексей Федорович, зная по письму моему, две недели уже тому писанному, что я хотел с вами тогда видеться, чтоб, поехавши в Кибинцы, сделать опись всем делам и сдать их Алексею Фе-

доровичу, о сем вас не уведомил и тем самым заставил вас подвергнуть драгоценное здравие переездом от вашего хутора до Барановки. Я не премину ему сделать за это дружеское внушение, что этак подвергать опасностям изнемогающее здравие ваше есть сущее бесчеловечие. Я за него прошу у вас прощения. Впрочем, на страстной неделе одно нам с вами грешным людям дело остается — скидать торбу с старыми грехами, чтоб было куда класть новые. Итак, конгресс наш, кажется, должно отложить до второй недели после праздника, ежели время будет не несносное. Затем прося вас простить мне прегрешения моя, равно как и милостивую государыню мою Марию Ивановну, ибо и я наконец намерен каяться, пребываю с истинным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Василий Капнист.

195

С. В. и И. В. КАПНИСТАМ

26 июня 1815 г. Обуховка

Мне очень грустно и для того мало теперь буду к вам писать, друзья мои Семен и Иван. Володимира, я думаю, уже с вами нет, а Илюшки и Алеши уже и след простыл.

Прилагаемое письмо к Дмитрию Прокофьевичу вручи ты сам, Ваня! Посылаю тебе, Сеня, стихи мои, которые отдай напечатать в «Сыне Отечества». Я просил Олина, чтоб он мне прислал или те книги Тредиаковского, которые у меня были, или выписал те места точно, где он от эксаметров отказывается, но и ответа не получаю. Возьми ты у него ответ и выписки и сообщи мне скорее, ибо ответ мой Уварову готов и только нужно вместить эти выписки. Я думаю, что по прочтении оного гг. эксаметристы закрутят носом.

Дария Алексеевна, наверно, уже получила к прежним двум тысячам последние полтора тысячу рублей для возвращения милой и доброй Паше. Поцелуй ее за меня. Брат Петр Васильевич сверх того послал вам 500 рублей. Поблагодарите его: он бьется для вас всех, как рыба об лед, чтоб вы имели по крайней мере нужное. Помните, что он вам другой отец. Меня беспокоит мысль, что Валанушка опоздал явиться к гр‹афу› Милорадовичу. Бог да покроет его и братьев его от всякаго зла. Я не пишу к графу Милорадовичу теперь затем, что думаю, наверно, письмо мое уже его не застанет Напиши мне, куда к нему адресовать письма; с каким полком он выступил и писать ли к нему в Вильну или прямо в Варшаву. Прощайте. Последними письмами вашими я довольнее: они начинают быть более интересными, ибо обстоятельнее, подробнее. Еще узнай от Алекс‹ея› Ник‹олаевича› Оленина, кто именно означенный в ответе Уварова под буквою Р... Я знаю, что это Радищев; но что-то не помню сочинения, на которое он ссылается; об этом узнай околично от Оленина, а не прямо от моего лица. Я не получаю от Якова Васильевича Толмачева ответа. Поклонись ему от меня и сообщи мое о молчании его сожаление. Прасковье Михайловне теперь не успеваю писать. Поцелуй ей руки за меня. Петру Андреевичу кланяюсь и всем родным и приятелям. И. А. Пукалову поклонись, а Варваре Петровне скажи, что мне только военные стихи теперь на ум идут. Сообщи ей, если захочет, копию последних. Прощайте. Я рад, что наполнил письмо мое хоть разными вздорами. Прощайте, друзья мои. Благословляем, бог вас да благословит!

196

С. В. и И. В. КАПНИСТАМ

30 июля 1815 г.

1815 года, июль 30. Обуховка

Что мне, дети! отвечать вам на последние ваши письма от 11 июня! Илинька и Алеша пошли на войну. Бог да будет им покров. Владимир еще не выздоровел. И я весьма боюсь, что он не успеет выздороветь до отъезда графа Милорадовича; ты, Сенюшка, тоже ещ‹е› не выздоровел; и болезнь твоя нас еще более беспокоит, чем Валанушкина. Дай бог, чтоб вы скоро обрадовали нас известием о совершенном вашем выздоровлении!

Посылаю письмо к гр‹афу› Милорадовичу; очень хорошо было бы, если б оное вручено было ему самим Валанушкою, к которому я особенно пишу на случай, если он еще не выехал. Если же граф и он выехали, то препроводи письма, как знаешь, чтоб дошли верно до Владимира. Если ж он не выехал, то пусть сам мое письмо к графу отвезет: копию оного ему прилагаю. Я приложил графу стихи мои «Русским воинам». Дай бог, чтоб Валанушкино перем‹ещен›ие послужило ему в пользу! Вот, кажется, все вам сказал, более ничего не остается на этот раз, по крайней мере приятного, ибо у нас почти настоящая осень: дожди ежедневные, подкошенное сено гниет, косовица остановилась. Д‹ней ше›сть тому, как с пресильнейшею бурею ‹вырв.› сильный град все конопли, большую ‹часть› гречихи побил на голову — много и ‹вырв.› другого хлеба повредил; слив у пруда ‹вырв.› совсем выломал; кровли все раскрылись, а укрывать нечем ‹вырв.› пора. Перспектива не весьма восхитительная. Притом дело Надежды Ивановны весьма меня беспокоит: говорят, что Поклонский на определение Екат‹еринославского› губ‹ернского› правления учинить новый раздел апелевал в Московский Сенат. Опасаюсь, чтобы оный, не доспросив хорошенько, не брякнул какого-нибудь нелепого разрешения. Видя, как озабочен Дмитрий Прокофиевич, я его беспокоить сам не смею. Если кто из вас улучит благопристойный случай, то покажите ему сие письмо или скажите о сем.

Нельзя ли предварить обер-прокурора? Сверх сего ‹го›стит у меня племянница Александра ‹А›наньевна и Федор Севастьянович: они ‹вырв.›нают, дом продали; дочь и зять в ‹нрзб.›ламбове: жить в Харькове дорого и нечем. Весьма малый капитал остался; проживут оный, и потом куда деваться? Все меня огорчает и гневит; но, слава богу, я креплюсь и здоров. Собираемся ехать на Илью к брату. Потом для рассеяния располагаю ехать с ним в Крым, посетить места, где, по моему мнению, мореходствовал Улисс. Вот вам, дети, не очень приятная картина; но надеюсь на бога, что лишь бы были мы все здоровы, то все переменится к лучшему. Между тем, чтоб не видеть бе‹га› времени, занимаюсь, сколько могу по старости, с музами. Ответ Уварову готов. Горациевых подражаний со старыми уже у меня 17 да 16 переводов. Хочу составить из них для молодых стихотворцев учебную книгу, напечатав их с латинским текстом для ученых, а для не ‹ученых› присовокупить литеральные пере‹воды› с подробными примечаниями. Ж‹аль›, что продолжение бредов на ум не ид‹ет›, устал и устарел. Ну, кажется, все сказал; от Олина получил письмом книжку. Поблагодари его и скажи притом, чтоб он не клепал на себя, что написал мне 8 писем. Я получил только 3 и не пропало ни одно ни из ваших, ни из его. Якову Васильевичу скажи, что он меня

совсем забыл. Затем прощайте, дети! Бог вас да благословит! Кланяйтесь всем родным и приятелям. Прощайте.

Дай Валанушке копию музыки, которую тебе Катинька посылает, на стихи мои «Русским воинам»: пусть поют в его армии.

Поклонись Мих‹аилу› Мих‹айловичу› и скажи ему, что я кляну одержанную над ним победу и несчастную удачу пытливого моего духа. Авд‹отье› Ив‹ановне› и всем моим любезным кланяюсь.

‹Вырв.› бедного офицера, живущего с вами; это ‹вырв.› хорошо сделали; доброе дело приятно видеть ‹вырв.› брата Петра Васильевича идет.

197

П. М. НИЛОВОЙ

14 января 1816 г. Обуховка

1816 года, генваря 14 дня. Обуховка

Что мне, милой друг Параша! писать тебе в ответ на письмо твое? Благодарю тебя за любовь к детям моим. Слов недостает. Сердце твое будет отголоском моего. Награди тебя бог всем, чего ты желаешь. Вот вся моя тебе заплата.

О бедном моем Владимире, как ты меня ни успокаиваешь, сердце мое раздирается. Я вижу всю опасность. Бог да поможет ему; да отвратит удар, который меня и Сашеньку мою в наших старых летах угрожает поразить нас! Не ропщу... но молю!

Приехать мне к вам нет ни самомалейшей возможности. Ты знаешь, что доходы мои весьма ограничены, долги весьма велики. Вот уже угрожают и имение продавать за невзнесение в банк процентов. Но я уверен, что эту крайность вы отвратите, как сами ни стеснены обстоятельствами. Сделай одолжение, объясни состояние мое г-ну Перецу и попроси его, чтоб он потерпел на мне долгу или отсрочил.

Этот год на детей и на уплату долга брату Николаю Васильевичу и на другие необходимые издержки вышло до 20 тыс. рублей. Совершенно истощился. Притом почти о себе подумать времени нет. Вот и теперь более 4-х месяцев прожил в Бахмуте для раздела имения между сиротами племянницами моими и ябедниками племянниками их. На дорогах туда и сюда подвергался несколько раз смерти. Там схватил от досад сильную горячку с началом плерезии, от которой бог чудесно спас меня. Надобно было на правый бок положить шпанскую муху. Не делав этого во всю жизнь мою, я все откладывал, а разогревал теплыми отрубями. Мальчик дал мне г о р я щ и х струбей. Я приметил это тогда, как уже мешок прогорел и рубашка загорелась. От этого пожара во все ребра набежал пузырь и заменил действие шпанской мухи. Только что немного оправился, пустился сильными морозами на 500 верст такой пагубной дороги, какой я во всю жизнь мою не имел. Весною к 1-му маю опять должен туда ехать для раздела земель. Вот мое житье-бытье. Не говорю о других неприятностях. Из сего ты видишь, могу ли я ехать к вам, хотя бы полететь хотел. Что делать? Так богу угодно. Благодарение ему, он меня научил терпеть!

Благодарю его, чтоб он помог вам извороститься в ваших тесных обстоятельствах. Надейся на него, мой друг! Он все исправит. Добрые сердца ваши достойны сей награды.

Кажется, все сказал. Еще повторю, помогите мне по банку, и чтоб поспешил он сообщить здешнему губернскому правлению об отмене секвестра и продажи имения. Попросите Александра Семеновича Хвостова; а Сене прикажи, чтоб он доставил мне тотчас копию отношения, ибо губернское правление ко мне не расположено и может с умыслом промолчать и исполнением не поспешить.

Прощай, милый друг! Будь с тобою и с Нилочкой божья милость. Обнимаю его мысленно. Целую тебя, добрый друг! Прощайте. Бог с вами. Варваре Ивановне, Михайлу Михайловичу кланяюсь. Благодарю чувствительнейше их за любовь к детям моим. О дети, дети! Не знаю, не больше ли ты покойна, не имея их. Сколько радости, а больше горести.

Об Илиньке я ничего не слышу: здоров ли он и примирился ли с пехотною службой?

198

С. В. и И. В. КАПНИСТАМ

Январь 1816 г.

<вырв.> января 1816 г. Обуховка

Сию минуту получили мы, любезные дети, ваши письма от 2 сего месяца. Несказанно обрадовали вы меня уведомлением, что бедному Валанушке лучше. Дай бог, чтоб он скоро совершенно выздоровел и чтоб о сем приятное известие получили мы от самого его! До тех пор мы будем горевать о нем. Радуюсь, слыша, что главный начальник его — граф Витгенштейн; когда выздоровеет, то приятно будет ему служить под таким славным полководцем. Хороший пример хорошему научит.

Меня беспокоит весьма то, что ты, Семен, еще без начальника. Желаю, чтоб получил хорошего человека.

Хотя все это время мне не до музы, но посылаю тебе письмо к Варваре Петровне; ты сам его вручи. Можешь выпросить у нее копии, но только не отдай «Старика, ожидающего весну» в печать; ты знаешь мой об этом образ мыслей. Также посылаю письмо и к Ивану Антоновичу. Я уверен, что они, в чем нужно тебе будет, помогут. Ты, Иван, пишешь, что много у вас перемен ожидают, это меня обеспокоило. Желаю, чтоб только они были приятны. Твои братья, Алексей! танцуют да балуют, а тебе не так-то легко по снегу и часто танцовать. Как быть, мой друг! Твое такое ремесло. С т е р п и т с я, с л ю б и т с я: вот твой лозунг. Жаль мне сердечно бедного Валана! Что тебе этот лозунг не совсем идет. Болезнь хотя и стерпится, но не слюбится. Но и ты потерпи, мой друг, и на бога надежду положи: он тебе поможет и нас тобою обрадует. Прощайте, мои друзья, будь над вами божие, как родительское, благословение. Бог с вами.

199

П. М. НИЛОВОЙ

5 апреля 1816 г. Обуховка

1816 года, апреля 5 дня. Обуховка

Твое письмо, милый друг Параша! растерзало мое сердце! Могла ли ты усумниться, чтоб, если бы средство мне было не только лететь к тебе, но ползть, я бы пополз? Но, друг мой! Я связан, я скован. Во-первых,

оставить весьма нездоровую Сашеньку одну с дочерьми — надобно быть бездушному. Возвратясь из Бахмута в 3 месяца, я их не узнал: такая горестная перемена! Осудить их на смерть или ехать без них в Петербург, все равно. Да если б я и ожесточил сердце мое, недостатки, мой друг! не позволят исполнить убивства. Представь себе, коротко скажу, что у меня нет 500 рублей, чтоб послать на заплату доброму лекарю за помощь Валанушке! После этого суди сама. Верь, мой милый друг! что богу угодно не дать мне досрочного времени отдохнуть! Верь, потому что присутствие мое ни тебе, ни детям моим ничего б не помогло. Нельзя идтить нам против судьбы его, должно ей покориться. Помоги он вам, друзья мои! в ваших тесных обстоятельствах! Напиши мне, добрая Параша!

200

С. В. и А. В. КАПНИСТАМ

21 августа 1816 г. Обуховка

Что мне, любезные дети! вам сказать? Горести нашей описать неможно, и вы разделяете оную. Особенно ж меня бог испытывает ныне, как другого Иова; да пошлет он мне силу в вере покоряться судьбам его! Да подкрепит он горестную, вторую мать вашу. Долговременное молчание ваше еще больше нас о ней тревожит. Поспешите сообщить нам все подробно: не опасайтесь растравлять ран моих сердечных, более растравить их невозможно. Прощайте. Рука милосердия вышнего да покроет вас!

Тимофей Львович вручит тебе, Сенюшка, письмо сие; по просьбе моей Иван Борисович Пестель принимает его в свою канцелярию; Иван Антонович содействовал по моей просьбе; поведи его к нему и представь как ему, так и Варваре Петровне. Впрочем, помоги ему чем можешь, ты знаешь, что он принадлежит к семейству Григоровских, которые нам, как родные.

Срок сближился внесть проценты в банк: у меня нет ни копейки, ни ‹у› Сашеньки, ни у брата Петра Васильевича. Ни у кого здесь занять не успеваю. Попроси ты помощи у кого можешь из друзей моих; если нигде не успеешь, то продай сколько на проценты нужно сочинений моих из тех, что в бумажном переплете. Они мне стали около 4000 рублей, тогда им рубль был по 135 копеек. Итак, я цену полагаю по 10 рублей книжку. По необходимости можешь уступить немного и дешевле. О продаже прочих экземпляров буду писать тебе со временем; теперь ничто на мысль нейдет. Прощай. Бог с тобою.

Прилагаемые стишки напечатай в «Сыне Отечества», это горсть земли на могилу друга.

201

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

22 августа 1816 г. Обуховка

Что мне сказать тебе, добрая сестра Дашенька! Сердце растерзано, слов недостает. Что ни скажу, не объяснит ни горести нашей, а не облегчит твоей. Бог один может милосердием своим облегчить ее. Бог да

подкрепит тебе сей жесточайший удар! Мне напоминает он, что скоро увижусь и я с сороколетным лучшим и любезнейшим другом моим.

Прощай, любезная сестра! Бог милостивый да прольет отраду в сердце твое! Прощай; обнимаю тебя и горести мои и слезы смешиваю с твоими.

202

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

Сентябрь 1816 г. Обуховка

Что мне сказать тебе, милая сестра Дашенька! Грустно и помыслить о тебе. Бога ради, дружбы и родственной любви ради, послушай нас, приезжай к нам. Дорога, перемена мест может несколько рассеять горесть твою; а мы ее здесь разделим и, наверное, она облегчится.

Целую твои руки. Прощай. Бог да подкрепит тебя.

203

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

25 октября 1816 г. Обуховка

1816 года, октября 25 дня. Обуховка

Что сказать, милая сестра Дария Алексеевна! на письмо твое? Горесть твою мы живо чувствуем и душевно разделяем. Бог да подкрепит тебя! Но и ты должна подкреплять себя покорностию воле божией и надеждою, что скоро увидимся с добрым другом нашим, которому, конечно, и в дальней разлуке чувствительны страдания твои. Умерь их, мой друг, для него и для любящих здесь тебя.

Душевно жалеем, что ты не хочешь приехать сюда для рассеяния мыслей переменою мест и предметов, напоминающих тебе живее невозвратную потерю и грустное одиночество. Здесь бы тебе разлука казалась временною; могла бы хотя мечта обманывать тебя. Послушайся, мой друг! приезжай. Здесь сестра, любящая тебя. Здесь первый и остальный друг друга твоего. Здесь прах отца твоего и в соседстве места, посещаемые горестными людьми и верою скорьби их облегчающие.

Но да будет воля божия с тобою! Обнимаю тебя мысленно; целую руки твои. Бог с тобою.

204

С. Б. и А. В. КАПНИСТАМ

5 декабря 1816 г. Обуховка

Вчера, то есть 4 числа, получил я успокоительное письмо твое, Сенюшка, от 20 ноября, а также и от Василия Михайловича. Благодарение богу, что избавлен брат Петр Васильевич и мать твоя и сестры от тревоги, которую и все мое витийство не могло бы успокоить? Слава богу!

Он милостив ко мне и в тяжких испытаниях всегда оправдает мою надежду на него Вечное ему благодарение!

Письма, прежде заготовленные, с приписками к Петру Андреевичу и Василию Михайловичу для вручения им при сем препровождаю. Также и письмо к Дмитрию Прокофьевичу, которое сам ему вручи. А это пишу затем, что надеюсь, что это письмо застанет тебя в Петербурге; ежели же, паче чаяния, ты с бедным Валанушкою выехал к нам, то письмо Дмитрию Прокофьевичу и прочие вручить должен Алеша.

Как мы все обрадовались, что ты везешь сюда Валанушку! Сашенька предуготовлена и примет его со всею возможною матери твердостию и верою на бога, искушающего нас горестными посещениями и могущего преображать оные в радость. Может быть, если воля его святая будет, мы все проводим его на Кавказ. Не сумневаюсь уговорить на это и брата Петра Васильевича; итак, путешествие наше будет приятно, а если богу угодно, и спасительно для бедного Валанушки; или это будет одна милость, которую сердечной просьбе моей милосердный бог откажет. Тогда да пошлет мне силу сказать: да будет святая воля твоя! Целую доброго бедного Валанушку.

Я заметил, мой друг Семен! уже давно, что любишь для извинения иногда и солгать. На что ты клеплешь на Петра Андреевича, что он отнял у тебя стихи мои и не отдает тебе? На что они ему? Ты верно потерял их и сворачиваешь за неимением Данилы на Петра. Как бы то ни было, посылаю их тебе и повторительно велю отдать напечатать в «Сыне Отечества».

Но не забудь вставить в моем примечании номер и страницу, где напечатаны стихи «На тленность» Гаврила Романовича. У меня номера «Сына Отечества» нет. Я исправил оные в двух местах. Жаль только, что немного поздно будут напечатаны. Да что с твоею ветренностию делать? Посылаю тебе еще новую оду на смерть нашего друга и благодетеля; ты прочитай ее только разве Дмитрию Прокофьевичу и друзьям нашим; но в печать не отдавай, ибо вчера послал я ее Казанскому ученому обществу по его о сем просьбе для напечатания в Трудах его. Пусть памятник сей незабвенному другу моему останется принадлежностию его родины. Отбери у друзей наших мнения о сем сочинении моем и сообщи мне. Кажется, это будут последние звуки и моей лиры. Я чувствую час от часа более, что дух мой ослабевает, надобно и тут честь знать.

Какова Дашенька? С ее ли ты волею оставляешь ее так надолго? Ах! если б решилась и она рассеять горе свое переменою места и приездом к нам! Какая радость была б нам! Попроси ее, мой друг! об этом. Что ей стоит — ничего. А рассеяние, разделение грусти с любящими ее людьми было бы для нее и полезно и приятно. Поцелуй за меня руки ее. Всем друзьям, Паше и Сашеньке поклонись и поцелуй руки. Прощай. Целую тебя, Илиньку, Алешу — бог с вами. Что делает брат <нрзб.> и все его семейство? Поклонись им от меня. Дай бог, чтоб все были здоровы и счастливы!

Надобно думать, что брат Петр Васильевич поехал в Трубайцы, но об этом не так-то по обыкновению его скоро узнаем. Прощайте, добрые дети. Бог с вами.

Отдай письмо мое Якову Васильевичу и возьми у него для верного доставления мне перевод мой «Слова о полке Игоревом» и толстые на оное примечания мои, которые у него остались. И буди можно, ответь на письмо мое к нему.

205

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

23 декабря 1816 г. Обуховка

Хотя я и весьма желал, чтоб бедного Валанушку ко мне Сенюшка привез, но теперь, получа стороною известие, что они полагали выехать 8 сего месяца, так расстроен мыслями и страхом, как он перенесет толь трудную дорогу, что не соберусь с умом и не могу ничего тебе, мой добрый друг, Дашенька, написать, как только от всего сердца благодарить за все твои истинной матери попечения о детях моих, а наипаче о бедном Валанушке. Бог да воздаст тебе всем, чего ты желаешь. Слов не нахожу изъяснить тебе, что чувствую: ты только доброю душою твоею понять это можешь. Целую руки твои, истинный, добрый друг наш. Ах! зачем ты не хочешь приехать к нам? Какая радость была бы Сашеньке и мне обнять тебя. Но видно богу не угодно ничем нас обрадовать.

206

НЕИЗВЕСТНОМУ

Декабрь 1816 г. Обуховка

1816 года, декабря дня. Обуховка

Милостивый государь мой Матвей Васильевич!

Весьма приятно было мне получить письмо ваше чрез сына моего Ивана, ибо в оном не только удостоверяете вы меня о приязни вашей, но удостоиваете одобрением вашим молодого человека, который единственно снисканием благорасположения к себе людей, достойных почтения, может вознаградить меня за все об нем попечения. Вы сами отец, следовательно, чувствуете, сколь похвала о сыне, доходящая от столь просвещенного и разборчивого человека, как вы, приятна родительскому сердцу. Я почитаю особенным для сына моего счастием, что он мог заслужить милостивое ваше к нему благорасположение. Покорнейше прошу вас продолжать оное к нему и по возвращении вашем в столицу, где покровительство ваше весьма нужно ему будет. Я же совершенно уверен, что он первою обязанностию себе поставит старание удостаиваться оного.

Теперь побеседуем о медалях ваших, для каждого просвещенного соотечественника весьма любопытных. Жаль очень, что отлепки ваши неявственны. С великим трудом некоторые только черты рассмотреть я мог, а потому предлагаю мнение мое как сушую догадку.

Из предлагаемого исторического извлечения увидите вы, на чем основываю я оную. Кажется, что не могут монеты сии принадлежать веку Владимир I-го. Весьма важны, они почти единственны, ежели служат памятником Владимира II-го. Приятно было бы мне, ежели б мог преклонить вас на мое мнение; ваше встретит, может быть, многих противников, а как по французской пословице: qui trop emrasse, mal étreint, то есть: кто лишнее охватит, некрепко тот прижмет; для того и я желал бы, чтобы вы, ограничa древность сих монет, утвердили оную почти неопровергаемыми доводами, мною вам сообщаемыми. Серебряную монету почитаю я или современною восшествию на киевское княжение Владимира II-го или

несколько позднейшею, ибо не мог он величаться столом черниговским, с которого согнал его Олег Святославич; а еще менее третестатейным переяславским. Золотая монета современна серебряной; ибо хотя на обороте находится изображение спасителя, но при лице князя помещен, как на серебряной, знак, который, может быть, представляет вид великокняжеского киевского стяга или хоругвь, как г. А. Оленин подозревает... <нрзб.>

В подкрепление заключений, основанных на свидетельстве г-на Татищева, должен сказать, что многие отвергают совсем повествование его, не находящеесь в других историях или летописях. Это весьма несправедливо. Известно, что имел он некоторые летописи, ныне утраченные. Г. Шлецер тоже неосновательно нападает на него, а сам порол часто сущую нелепицу. Но пора ли окончить и мою, могущую нагнать вам только скуку и прохолодить охоту беседовать со мною вперед. Итак, целую руки милостивой государыни Анны Макариевны, которой жена моя свидетельствует почтение свое. Возвращаю вам книжку вашу, письмо г-на Калайдовича и с чувствами истинного почтения и преданности пребуду навсегда,

милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

Приложение:

Краткая историческая выписка

Владимир 1-й — 988 года крестился.
1015 г. июля 15 дня умер.

Ярослав 1-й — Владимирович, в 1031 годе завел в Новгороде училище для 300 детей.

В 1036 годе дал грамоту новгородцам на права их.

В 1037 годе велел собрать и переводить книги.

В 1043 годе послал сына своего Владимира противу греческого императора Константина Мономаха, но россияне были побеждены.

В 1046 годе заключен мир, и Всеволод Ярославович вступил в супружество с царевною Анною, дочерью императора Константина Мономаха. В 1053 годе родился от нее сын, Владимир, которого потом отец его прозвал Мономахом, как о сем Владимир сам в духовной своей упоминает.

В 1054 годе февраля 20 дня Ярослав 1-й скончался.

Всеволод 1-й — Ярославич, 1079 года взошел на престол киевский. Сыну же своему Владимиру Мономаху дал княжество Черниговское.

В 1089 годе старшая дочь Всеволода Первого и греческой царевны Анны, Анна же, построя монастырь в Киеве и постригшись в монахини, отправилась с знатным посольством в Константинополь и возвратилась оттуда в 1090-м годе.

В 1093 годе апреля 15 дня Всеволод 1-й скончался. Сын его Владимир Мономах остался князем Черниговским.

В 1094 годе уступил он Чернигов Ольгу Святославовичу, а сам перешел в Переяславль.

В 1104 годе Владимир Мономах отдал дочь свою за греческого царевича Леона Диогеновича. — См. Стритт<ера>, часть 1-я, стр. 178.

Владимир II-й — Мономах, 1113 года вступил на Киевский престол по избранию горожан.

В 1115 годе перенес он мощи Бориса и Глеба в новую церковь. О сем происшествии Татищев, повествуя, упоминает о сребрениках следующими словами: «Народ же угнетался по пути, всяк хотел прикоснуться мощам святым, что невозможно было везти, тесноты ради. Князи же, не могуще народа отбить, велел Владимир по сторонам серебреники, белки и парчи, разрезывая, метать». — См. часть 1-я, стр. 215 и примечание 361-е.

В 1117 годе по Стриттеру, а в 1119 годе по Татищеву, император Алексей 1-й Комнен прислал Владимиру Мономаху с большим посольством весь царский убор, как то: венец, хламиду, скипетр и даже шапку Константина Мономаха, и притом назвал его братом своим. — См. Татищев, часть 2, стр. 221. Тогда ж сватал он внуку Владимира, Добродею Мстиславовну, за Иоанна, сына своего, которая в 1122 годе за него и выдана. — См. Татищев, часть 2, стр. 221, 222 и 225.

В 1125 годе мая 12 дня Владимир Мономах скончался.

На сребряной монете представлен Владимир в полном облачении греческих царей, с надписью: Владимир на столе. А се его сребро.

Сообразя исторические, выписанные мною предания, заключаю: 1-е, что Владимиру 1-му не было ни малейшего следа представлять себя на монете в облачении греческих царей; 2-е, отпечатывать греко-русскими буквами надпись на монете для общественного прочтения, кажется, не мог он потому, что тогда едва ли кто умел прочесть нововводимое письмо, не токмо вскоре по крещении, но даже и при смерти Владимира 1-го, чрез 17 только лет после оного последовавшей. 3-е, Владимир 1-й до крещения уже 8 лет сидел на столе без всякого соперничества; следовательно, не имел повода оглашать, что он на столе. Таковая ж надпись без какого-либо преднамерения выставляема быть не могла. 4-е, чтоб монеты русские были при Владимире 1-м, того ничем доказать не можно. Известно притом, что и ложки серебряные велел он сделать по настоянию вельмож своих.

Напротив того, многие обстоятельства дают весьма великую вероподобность мнению, что серебряная сия монета принадлежит Владимиру II-му Мономаху.

1-е, что монеты при начале княжения его были, то доказывают сребряники, бросаемые при погребении Бориса и Глеба. 2-е, что Владимир Мономах представил себя на оной в облачении греческих царей, то мог он к тому повод взять из происхождения своего по матери, от царского племени, чем, по-видимому, не токмо он, но и отец его тщеславился, ибо назвал его по имени деда Мономахом. Греческий император чаятельно знал слабость сию и для того прислал ему весь царский убор с короною Мономаха и назвал его братом своим, дабы оправдать торжественное русским великим князем присвоение толь лестных отличий. 3-е, Владимир Мономах имел, может быть, и нужду гласно обнародовать во всю Россию чрез монету, что он на столе, дабы уважить тем народное избрание его и уничижить соперничество Ольга Святославича. 4-е, но ежели заключим, что монету сию выпустил он после 1117 года, по получении царского убора, то вероподобность получит вид почти неоспоримой истины.

207

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

15 февраля 1817 г.

1817 года, февраля 15 дня. Обуховка

Что мне сказать тебе, добрая и любезная сестра Дашенька! Одного из живых сыновей возвращаю тебе; Сенюшку возвращу вслед за сим. Но Валанушку! Прийми душевную благодарность нашу за всю любовь твою и попечение о сем многострадальце. У праведного наградителя всех добрых дел теперь сам он просит о заплате тебе. Прости мой друг! Целую твои руки. Продолжай любить детей моих и несчастного отца их, чувство сердечной к тебе благодарности несущего в гроб.

208

МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ кн. А. Н. ГОЛИЦЫНУ

4 марта 1817 г.

1817, марта 4 дня

М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ к⟨нязь⟩ А⟨лександр⟩ Н⟨иколаевич⟩.

Несказанно обрадовался я, услышав, что по увольнении от службы достопочтенного благодетеля моего графа Алексея Кирилловича Разумовского заняли ваше сиятельство звание министра просвещения. Пользуясь отличною доверенностию его имп⟨ераторского⟩ вел⟨ичества⟩, имеете вы преимущественно средства быть отечеству полезным по части, к существенному благоденствию России наипаче содействовать могущей. А особенно для меня лестна подчиненность вашему сиятельству. В новом начальнике встречаю прежнего благодетеля, ибо никогда не истребится из признательной памяти моей ваше в общественной просьбе ⟨деле⟩ обо мне предстательство; равно как и ныне, вновь оказанная милость доставлением чина вручителю сего сыну моему, которого осмеливаюсь препоручить покровительству вашего сиятельства. Таковые знаки вашего ко мне благорасположения побуждают меня отнестись к вам о деле, давно у меня на сердце лежащем. Определенный по особому его императорского величества соизволению к Министерству просвещения и в течение пяти лет оставаясь без всякого по предмету службы моей занятия, нахожу ныне под начальством вашим вожделенный случай попытаться обнаружить по мере слабых сил моих рвение мое к исполнению долга, каждому слуге отечества свойственного.

Извините, ваше сиятельство, что осмеливаюсь на несколько мгновений отвлечь внимание ваше от важнейших занятий.

Усердие ваше к чести отечества и любовь к оному ободряют меня изложить вам чистосердечно относящуюся к общественной пользе мысль и отдать оную на просвещенный суд вашего сиятельства.

Россия возведена мудрыми монархами на высшую степень величия между знаменитейшими державами в Европе; образование ее достигает до благотворительной цели; мгла невежества, веками над ней сгущенная,

рассеивается. Дворянское сословие высочайше дарованными преимуществами облагорожено; купечество и гражданство получило свойственные ему права; уничижительное вообще всех звание раба истреблено; но еще уничижительнейшее звание крестьянина, присвоенное общеполезнейшей части народа, оставляет память постыдного рабства нашего под игом неверных. Не пора ли истребить наименование сие, непристойное в устах христианина ко значению брата его во Христе, провидением к служению ему определенного?

Я бы усомнился отозваться к кому-либо другому о предмете сем, по мнению многих людей ничтожном, но я вижу в вас мужа, которому верховная власть поручила смотрительство над всеми в государстве нашем существующими исповеданиями, а особенно попечение о господствующей в оном православной вере. Распространение народного просвещения, достигающего в некоторых состояниях до высокой степени, вверено вашему ж сиятельству; и для того несомненно надеюсь, что просвещенному христианину предложение мое ни странным, ни маловажным, а кольми паче осмеянию достойным показаться не может.

Скажут иные, что перемена имени не послужит к пользе, когда вредная сущность остается. Трудно поверить таковому заключению; всему есть степени и пора. Истребление названия раба многим обнаружило, что рабство ненавистно верховной власти; и многие стараются сообразоваться столь благонамеренному внушению правительства. Луч блеснул, и малопомалу мрак исчезает. Да исчезнет и название крестьянства, постыдное в нынешнем значении его для каждого правоверного и просвещенного россиянина. Оно ввелося во время порабощения отечества нашего татарами. Варвары сии признавали нас рабами своими и название християнин сделалось у них однозначительно с рабом. Так древле имя покоренных гуннами, аварами и другими народами славян, испорченное греческим произношением, составило у готфов и у франков название склава и эсклава, означающее раба. Память владычества татар погибла с шумом, а древнейший памятник господствования их над нами еще и поныне существует! Повторяю, не пора ли истребить оный в царствование над Россиею освободителя Европы? Название подданный можно весьма пристойно и истинно заменить название крестьянина.*

Первое в Малороссии и до сих пор общеупотребительно; и хотя с 1782 года, с присвоением крепостного права, введено в ревизских сказках ненавистное название крестьянин, но весьма редко произносится; и только малое число неблагомыслящих владельцев обращают во зло означающую оное личную зависимость подданных.

В заключение долгом признаю сказать вашему сиятельству, что сообщаю мысль мою единственно вам; и покорнейше прошу, если предложение мое покажется не недостойным снисходительного внимания, представить оное кому заблагорассудить изволите, скрыв мое имя. Одобрение душевно уважаемого мною начальника и хотя малейшая общественная польза будут мне за усердие к оной самою лестною наградою!

Честь имею пребыть с совершенным высокопочитанием и искреннейшею преданностию.

---

* Сколь слово душа в сем случае неприлично, объяснять пред вами было бы еще неприличнее.

209

А. В. и И. П. КАПНИСТАМ

19 апреля 1817 г. Обуховка

Благодарю тебя, мой друг Сенюшка! что ты часто с дороги успокаивал нас твоими письмами. В самом деле бог тебя испытывал на сем случае; но я надеюсь на его милость, что он тебя чрез все трудности довел благополучно до твоего места; с нетерпением ожидаю о сем удостоверения; последнее твое письмо получили мы из Витебска. Боюсь только, что ты впрям не принужден был на перекладных ехать. Слишком кровь переполируется. Впрочем, почему знать? Может быть, это и к здоровью. Надобно этой мыслью утешаться и тем, что все временное.

Перенося, — кряхтать будешь;

Перенесши, — позабудешь.

Посылаю тебе рапорт из Гавриловки. Я расспрашивал посланного. Он мало что проведал, но говорил, что все довольно хорошо идет. А лучше бы пошло, если бы Дашенька сама приехала посмотреть. Попроси. Пожалуй, пришли мне перевод «Одиссеи», Битобеев или Жинов, или какой другой хороший, но лучше Битобеев. Такой, у которого бы примечания были на конце, а не при каждой песне, как у моего. Легче листочки перепечатать, — только без переплета; я сочинил предисловие; кажется, трудно будет на оное написать противословие. Только, пожалуй, об этом не разбалтывай. Пиши к княгине и ко всем, которые с тобою писали письма. Они наведовались у меня, приехал ли ты в Петербург. Пиши к нам часто, а то ты в столице засуетишься. Запляшешься на свадьбах, которых, говорят, там много готовится. Больше к тебе теперь нечего писать. Прощай! бог с тобою.

От тебя, мой друг Ваня! давно писем не имеем. Я весьма рад опять тебя видеть; но смотри, чтоб поездок твоих не сочли за лытанье. Не понимаю, зачем к нам сенатору трудиться. Настоящего нечего пересматривать, а в прошедшем утонет. Я об нем душевно сожалею. Что с тобою делается? Ты выездил, я чаю, то, что рыцари в Крестовские походы. Мало нужды, говорил покойный Терентий. Прощай, бог с тобою.

С тобой, мой друг Илинька! говорить мне очень грустно. Итак, только прошу бога, чтоб от тебя радостную весть получить; а до сих пор очень грустно. Прощай, обнимаю тебя. Бог с тобою.

От тебя, мой друг Алеша, от первого ожидаю я радостного известия, что Илинька произведен; я знаю по твоему доброму сердцу, как тебе это на сердце лежит, я уверен, что тебе бы легче было, чтоб через тебя весь твой батальон перешел, чем тебе через старшего доброго брата перейтить. Бог и государь милостивы. Ожидаю скоро приятного известия: но до того сердце мое весьма тяжко сжато. После этого нечего более писать. Итак, прощай. Бог с тобою и со всеми вами.

Благодарю вас, любезный Степан Иванович, за письмо ваше. Радуюсь, что вы довольны службою вашею и состоянием. Трудитесь, как начали, и будьте уверены, что бог вас не оставит. Вы точно сказали правду, что я хочу, чтобы вы ко мне писали о себе, да о моих, ибо они ленивы, да о пустяках, случающихся в обществе вашем, чтоб тем переносить меня мысленно в оное. Мало ли ежедневного шелопайства случается в вашем круге: об них реляции для меня занимательны будут, ибо вы знаете, что я газет не читаю и не люблю слышать.

Прощайте, бог с вами.

Писание твое, Ваня, от 24 марта я получил сию минуту, ты видишь по замечанию моему о посылке сенатора, что я лучше знаю, чем вы, что у вас делается.

210

М. Т. КАЧЕНОВСКОМУ

Апрель 1817 г. Обуховка

Милостивый государь мой Михаил Трофимович.

С несказанным удовольствием имел я честь получить отзыв ваш, сообщающий лестное почтенного сословия вашего ко мне благорасположение. Предупреждая оным заслугу мою, делает оно меня должником своим и обязывает ко всевозможным усилиям, дабы доказать ему искреннейшую признательность мою ревностным содействованием в трудах его, к пользе словесности нашей относящихся. Покорнейше прошу доставить почтенному Обществу удостоверяющий о сем отзыв мой.

Позвольте, милостивый государь мой! особенно вам изъявить признательность мою за благосклонное ваше ко мне отношение и удостоверить вас, что весьма лестно мне беседовать с человеком, которого отличные дарования словесности привлекали всегда искреннейшее уважение мое и занятиям которого одолжен я приятнейшими часами.

Честь имею пребыть с совершенным почтением и преданностью,

милостивый государь мой,
вашим покорнейшим слугою.

1817 года,
апреля дня.
Обуховка.

211

ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Апрель 1817 г. Обуховка

Милостивые государи мои!

Я имел честь получить чрез почтенного господина сочлена вашего Михаила Трофимовича Каченовского благосклонный отзыв, которым вы меня удостоить изволили. Не заслужа еще ничем столь лестного внимания вашего, вижу в оном единственно побуждение заслужить каким-либо полезным подвигом сие предупредительное отличие. Покорнейше прошу вас принять за то чувствительнейшую мою благодарность. Весьма счастливым почту себя, ежели предуспею со временем оправдать доброе обо мне почтенного Общества мнение и быть небесполезным оного сотрудником в занятиях, от которых словесность наша ожидает усовершенствования своего. В самом деле, какое сословие может более вашего споспешествовать оному? Московский университет по справедливости признан быть должен колыбелью отечественного просвещения: сколь много отличных писателей и вообще достойных мужей образовал он в течение полвека! Позднейшие наши университеты и главные училища наполнены питомцами его; Общество ваше * при оном учреждении имеет в круге своем членов, которыми Рос-

* ваше *написано вместо зачеркнутого* любителей словесности. — *Ред.*

сийская академия могла бы по справедливости гордиться. Оно составилось пред бедственным опустошением Москвы, совокупилось вскоре и составляет усердный рай словесности, долженствующий обогатить оную похвальными и общеполезными трудами. Не желая быть в оном почетным празднолюбцем, покорнейше прошу удостоить меня каким-либо померным ограниченной способности моей препоручением: частными, слабыми усилиями составляется могущество общее; и я ласкаю себя надеждою, что вы не презрите лепты моей.

Исполненный отличного уважения, усердия и благодарности к присвоившему меня Обществу, долгом поставляю пребыть навсегда с совершенным почтением и преданностию, милостивые государи мои! вашим слугою.

212

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. Н. Г. РЕПНИНУ

29 апреля 1817 г. Обуховка

Милостивый государь
князь Николай Григорьевич!

Зная доброе сердце ваше, справедливость и уважение к несчастным, уверен я, что не обременю вас ходатайственною просьбою о ручительнице сего, жене миргородского мещанина Алексея Странишевского, исправляющего в церкви обуховской должности дьячка и взятого в Полтаву для отдачи в рекруты. Жена его в отчаянии прибежала просить моей помощи и вручила мне записку, объясняющую причину отдачи мужа ее в рекруты. Я препровождаю оную вашему сиятельству; ваше человеколюбие побудит вас, конечно, исследовать истину и не позволит, чтобы бедный был пожертвован за богатого. За истину всего прописанного в прилагаемой записке я не ручаюсь. Но таковые случаи не беспримерны на белом свете, а потому и этот, быть может, справедлив. В одном только могу вас уверить, это в том, что этот человек, по засвидетельствованию священника здешнего, весьма достойного и уважаемого мною, весьма хорошего поведения, а ежели миргородское мещанское общество отдает его в рекруты, как негодяя, то это совершенно несправедливо. Этот несчастный дьячок имеет семейство, которое без него должно по миру пойтить. Ежели, ваше сиятельство, избавите его от этого несчастья, то он усердные за вас молитвы воссылать будет. Истинно он мне весьма жалок; я делаю для него что могу, отдаю под покров вашего правосудия и совершенно уверен, что ежели угнетается он несправедливо, то избавление его неминуемо, да поможет вам бог во всех добрых делах! .. Приложенную записку сообщаю вашему сиятельству единственно для вашего сведения.

Жаль мне несказанно, что я ничего не слышу о вашем сиятельстве, скоро ли вы пуститесь в преднамеренный объезд губернии? Скоро ли будете в моем соседстве? Ее сиятельство, которой целую руку, скоро ли предпримет путь, о котором помышляла, или приятная, посетившая меня надежда была одна мечта! ..

Я писал к вашему сиятельству через г-на Василенка, он еще не возвратился, не знаю, что тому причиною.

Примите удостоверение душевной моей преданности...

Василий Капнист.

1817 г., апреля 29 дня.
Обуховка.

213

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

19 мая 1817 г. Обуховка

1817 года, мая 19 дня. Обуховка

Все одно, да одно должен я к тебе писать, добрая сестра Дашенька! Все вновь благодарить тебя за любовь и милости к моим детям. Ты знаешь, как я это живо чувствую. Радуюсь, слыша, что ты здорова. О, как бы обрадовался, если б имел надежду еще раз обнять тебя в нашем уединении. Но об этом и думать не могу, хотя весьма уверен, что это путешествие было бы полезно для здоровья и для рассеяния твоего. О нас тебе говорить нечего: помаленьку слабеем оба с Сашенькою и скучаем без детей. Но что делать? Надобно повиноваться судьбе.

Прошу тебя принять дружески вручителей сего Степана и Дмитрия Ларионовичев Алексеевых; они мне родные и лучшие друзья.

Прощай, мой друг! Целую твои руки. Милую Пашеньку целую и Сашеньку.

214

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. Н. Г. РЕПНИНУ

17 июля 1817 г.

Милостивый государь

князь Николай Григорьевич!

Извещают меня, что ваше сиятельство сего дни изволите прибыть в Миргород и обратите путь ваш не на Гадяч, но на Лохвицу. Это мне тем прискорбнее, что не могу встретить вас в поветовом нашем городе; у Василия Степановича ‹Попова› я так занемог, что насилу возвратился в дом и теперь еще оправиться не могу.

Ласкаю себя твердою надеждою, что ваше сиятельство исполните благосклонное обещание ваше и на возвратном пути удостоите навещением вашим преданного вам человека; прошу покорно уведомить меня, в какой день ожидать я вас должен, дабы успел возвратиться к оному от брата моего, у которого на Ильин день быть я располагаю. Ее сиятельство будет ли сопутствовать с вами? Я имел честь писать к вам третьего дня, изволили ли получить письмо мое? Желаю искренно, чтобы знаменитая роменская ярмарка понравилась вашему сиятельству, но не надолго вас задержала.

Честь имею пребыть с совершенным почтением и душевною преданностью.

Василий Капнист.

1817, июля 17.

215

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

17 августа 1817 г. С.-Петербург

1817 года, августа 17 дня. С.-Петербург

Как мне обидно, добрая сестра Дария Алексеевна, что, приехав сюда, я уже тебя не застал! Как грустно было Сашеньке, что принуждена была остаться и со мною не ехать сюда, чтоб тебя увидеть, ты это легко себе представить можешь. Препровождаю тебе письмо ее. Я оставил ее и дочерей, которые целуют твои руки, здоровых. Долго ли тут пробуду, не знаю: хочется скорее уплестись. Нетерпеливо тебя ожидать буду. Буди можно, поспеши возвратиться. Целую твои руки. Целую руки милой Кэтиньки, графа обнимаю. Прощай, не успеваю более писать.

216

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

17 сентября 1817 г. С.-Петербург

1817 года, сентября 17 дня. С.-Петербург

Что тебе сказать, любезная Дашенька! Скучаю, скучаю и скучаю. С твоего выезда я не выхожу с комнаты. Болезнь моя, хотя не так сильно, но все продолжается и не позволяет мне выезжать. Не знаю, когда этому конец будет, ибо лечиться не хочу, а сама натура не хочет себе помогать. Впрочем, все по-старому здесь. Нового только, что Александр из чужих краев севодни нечаянно возвратился. Как я обрадовался ему. Бедняжка, русской, скучал по родине и оборотил из Вены оглобли так скоро, что в 14 дней сюда прискакал. Славны, говорит, бубны за горами; везде хорошо, а дома лучше.

Прощай, мой добрый друг! Целую твои руки.

Ах, еще позабыл сказать тебе новость: Семен мой опять влюблен да в красавицу напоказ, притом польку. Уже скоро она и в наш круг войдет. Пропал бедняжка! Прощай, мой друг. Дай бог, чтоб ты и все вы здоровы были.

Поздравляю тебя, милая Параша, с приезжим гостем и с любезною именинницею. Целую тебя и милую Сашу.

На обороте письма: Сестре Дарии Алексеевне.

217

МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ кн. А. Н. ГОЛИЦЫНУ

28 декабря 1817 г. С.-Петербург

Милостивый государь князь Александр Николаевич!

Удостоверенный о милостивом ко мне расположении вашего сиятельства, обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою моею в несумненной надежде, что вы не отрыните оной.

По собственному благоизволению его императорского величества, в начале 1812 года, высочайшим именным повелением определен я к Министерству народного просвещения. Весьма ограниченный доход с наследственного имения моего, которого увеличить, по примеру многих, различными средствами благоприобретений не токмо не предуспел я во все течение жизни моей, но, жертвуя общественной пользе, уменьшил оный стяжанием значительных долгов, не позволяет мне продолжать службы, сколь ни лестна она под милостивым начальством вашего сиятельства; и для того покорнейше прошу вас не отказать мне покровительства вашего в исходатайствовании увольнения от нынешней обязанности моей и быть удостоверенным, что долг искреннейшей признательности усугубит еще более чувство отличного высокопочитания и совершенной преданности, с которыми честь имею пребыть навсегда, милостивый государь! вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

1817 года,
декабря 28 дня.
С.-Петербург.

218

МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ кн. А. Н. ГОЛИЦЫНУ

1 февраля 1818 г. С.-Петербург

Милостивый государь князь Александр Николаевич!

Зная, сколь ваше сиятельство обременены важными государственными занятиями, опасаюсь я, чтобы малозначительная просьба моя, Александром Ивановичем Тургеневым к вам препровожденная, не была оставлена в забвении; и для того осмеливаюсь напомнить об оной вашему сиятельству. Удостоверенный о милостивом вашем ко мне благорасположении, ласкаю себя надеждою, что вы простите мне великодушно докучливость мою.

Честь имею пребыть с совершенным высокопочитанием и преданностию, милостивый государь! вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

1818 года,
февраля 1-го дня.
С.-Петербург.

219

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

15 июня 1818 г. Обуховка

1818 года, июня 15 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Василий Андреевич!

Может статься, покажется вам весьма странным получить от незнакомого человека письмо с советами и даже с упрекою; но я несомненно надеюсь, что вы извините поступок мой, узнав побудительную к оному причину. Она есть искреннее уважение к превосходному стихотворческому дарованию вашему и любовь моя к отечественной словесности. С великим удовольствием читал я баллады ваши и послания, с восхищением Певца

в стане русских воинов. Я видел в оных живые картины, чувствительные положения, высокие мысли. быстроту и плавность слога с пленительным подражанием духу и свойству коренного русского витийства; сердечно радовался, находя в вас достойного наследника лучших наших пиитов, обещающего обогатить стихотворство изящными и образцовыми во многих родах произведениями. Но, признаюсь, прискорбно было мне видеть в сочинениях ваших одну песнь Мессияды, переведенную эксаметрами, по мнению моему, совершенно несвойственными русскому языку. Я утешал себя мыслию, что это была снисходительная жертва советам приятелей ваших: одних, имеющих собственную необходимость убегать сравнения с хорошими сочинителями рифменных стихов, а других, желающих отличиться покровительством греческому и латинскому стопосложению и надеющихся вообще придать важность мнению своему деятельным участием в оном знаменитого пиита. В сем уповании скрепился я и молчал. Но появление Овсяного киселя в эксаметрах, скажу вам не обинуясь, опечалило меня чрезмерно; я не мог с равнодушием видеть, что заставляют вас уж весьма много жертвовать чужим предубеждениям или выгодам и помрачить превосходный дар подражанием иноязычному, несвойственному нам стихоразмерению. Я решился, сколь это ни дерзко показаться может, сообщить о сем вам, и единственно вам, беспристрастное мое мнение. Прошу верить, что не подлая зависть и не заносчивость, но искреннее, на достодолжном к дарованиям вашим уважении основанное почтение руководствует меня к предложению вам совета и просьбы не слишком уважать благовидные внушения приятелей ваших. Нет вам нужды отличаться странностию нововводимого стихотворения; в давно принятом и свойственном языку нашему пиитический дух ваш блистает изящными красотами. Оставьте слабые пособия новизн писателям, предпочитающим весьма легкий труд низать дактили и хореи; будьте удостоверены, что только малым числом латинников читаются эксаметры русские; что ни одного из них никто не затвердил наизусть, тогда как другие стихи ваши, подобно ломоносовским и державинским, с приятностию в памяти читателя впечатлеваются; и, наконец, что все русские эксаметры, несмотря на покровительство некоторых пристрастных людей, будут иметь участь тилемахидовских, а Певец в стане русских воинов, Людмила и другие подобные останутся навсегда усладительною пищею ума и прелестью для чувствительных сердец.

Я почту себя счастливым, если, приняв благосклонно беспристрастное внушение мое, не понегодуете вы за откровенность, к которой побуждает меня отличное уважение к дарованиям вашим и желание, чтобы новыми, изящными и равно пленительными для всех читателей произведениями более и более возрастала слава соотечественного пиита.

Честь имею пребыть с совершенным почтением и преданностию,
милостивый государь мой!

Его высокоблагородию
Жуковскому в Петербург.
Страховое.

220

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

16 июня 1818 г. Обуховка

Не успеваю, любезная сестра Дашенька! как только поцеловать твои руки. Обрадуй нас, приезжай мимоездом в Одессу к нам; мы тебя проводим туда и покупаемся вместе в Черном море, чтоб хоть на старости немного побелеть. Прощай. Целую милых Пашеньку, Сашеньку и всех родных дамского пола, а протчим усердно кланяюсь.

221

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. Н. Г. РЕПНИНУ

14 июля 1818 г. Трубайцы

1818 года, июля 14 дня. Трубайцы

Милостивый государь князь Николай Григорьевич!

Несказанно горестно мне положение княгини Варвары Алексеевны и ваше. Но бог милостив, он обрадует вас скорым выздоровлением любезных детей ваших; вы имеете много предстателей у него за вас: добрые дела ваши и желания привязанных вам людей. Эта мысль должна ободрить вас приятною надеждою.

Чувствительнейше благодарю вас за подорожные сыну моему и племяннику. Теперь я не опасаюсь, чтоб они просрочили; что бы меня весьма тревожило, ибо я строгий наблюдатель порядков поведения детей моих.

Радуюсь, слыша, что его сиятельство граф Алексей Кириллович будет в Андреевке. Предполагая, что и вы с ним туда поедете, прошу вас покорно убедить его и себя заехать к преданному вам человеку, мимоездом в Полтаву возвращаясь; ибо действительно никакого круга не будет. Я бы сам желал лично приглашение мое учинить в Андреевке, ежели б точно знал, когда граф оттуда выедет; ибо в Обуховку не могу возвратиться прежде 26 числа сего месяца. 20 июля, Ильин день, я должен проводить здесь на братском годовом празднике со всем капнистовским семейством; потом 22 числа выпроводить сына моего и племянника в столицу. О неминовении дверей хижины моей я особенно буду просить и графа Алексея Кирилловича; но ходатайство ваше весьма мне нужно, ибо я знаю, как почтенный благодетель и бывший милостивый начальник мой дорожит своим временем.

Препоручаю милостивому вашему благорасположению вручителя сего племянника моего, сына старшего моего брата, отправленного от команды для покупки ремонта. Покорнейше прошу вас оказать ему в чем можно будет милостивое начальническое ваше покровительство. Его сиятельство, брат ваш Никита Григорьевич, по доброму сердцу своему, без всякого знакомства оказал ему на ярманке каретной великие милости и весьма руководствовал неопытностью его к успешному исполнению препорученного ему дела. Если б я знал, что он приедет к вам в Ромен, то бы засвидетельствовал сам искреннейшую мою признательность. На всякий случай покорнейше прошу вас передать ему оную.

Бумаги ваши возвращаю вам с благодарностию. При свидании поговорим об оных. Хорошо, что электризируются умы, и вам благомысленные все обязаны быть должны за первоначальную искру. Время и истина великие художники, они, без сомнения, весьма подействуют к хорошему направлению умов.

С чувством искреннего, душевного почтения и совершенной привязанности пребуду навсегда,

милостивый государь! вашего сиятельства
всепокорнейшим слугою
Василий Капнист.

222

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

20 июля 1818 г. Трубайцы

Целую твои руки, любезная сестра Дашенька! Возвращаю тебе Иленьку и Алешу. Продолжай любить их и быть им второю матерью. Рады были мы видеть их после так долгой разлуки; грустно, очень грустно опять расставаться с ними после так короткого их у нас гощения; и бог знает, на как долгое время расстаемся с ними; может быть, и навсегда. Мы уже стары с Сашенькой, да будет как богу угодно! Странная участь наша: иметь детей и как будто во сне видеть их. Грустно; лучше и не говорить. Целую твои руки. Дай бог, чтоб ты была здорова и скоро успокоилась от хлопот твоих. Приезжай тогда к нам, мой друг! Какую нам радость привезешь! Но эта надежда еще очень вдали. Прощай, бог с тобою!

Целую милу Пашеньку и Сашеньку и всех родных.

223

С. В. КАПНИСТУ

21 июля 1818 г. Трубайцы

Илинька и Алеша уезжают; грустно расставаться с ними; может быть, опять на весьма долгое время, но что делать? Такое наше русское дворянское житье-бытье! Ваню оставил, еще не решаюсь, что с ним делать и куда пристроить. О сем-то надобно побеседовать с тобою. Я не вижу в Петербурге для него выгоднейшего места, как при министре внутреннем, покровительство у него даст нам Наталия Кирилловна. Поговори с нею об этом, с тем чтоб и следующий Ване чин по удостоению комитета дан был. Но мне давно уже пришла мысль, не выгоднее ли было бы поместить Ваню в Варшаве при Николае Николаевиче, кажется, там дело умнейшее и дела больше и к награждению поводы могут случиться. Тут помощником нам и покровителем Вани может весьма быть добрый Бороздин. Поговори об этой мысли с Ниловыми и с Наталиею Кирилловною, которая и сама знакома с Николаем Николаевичем и может весьма на него наслать графиню Строганову, с которой она дружна и которой он ничего не откажет. Если вы все признаете сей план хорошим, то попроси Ниловых, чтоб написали к Бороздину и отобрали его мысли; а по его ответу проси Наталию Кирилловну о помощи и напиши мне; я пришлю тебе письмо к Николаю Николаевичу и вместе с оным отправлю к вам Ваню, а оттуда он отправится в Варшаву. Подумай об этом хорошенько и сообщи поскорее твои мысли; или не приищете ли вы чего-нибудь получше? Подумал было пристроить его здесь при генерале-губернаторе военном. Но весьма не хочется некоторым образом поработить себя. В Варшаве, конечно, Ване дадут жалованье. Нужно бы узнать, сколько оного можно будет получить. Словом, я подаю мысль, а ты ее обработай там, как можно лучше.

Письмо твое, писанное чрез княгиню Софию Григорьевну, я получил третьего дня из Полтавы. Княгиня проехала в Одессу; жаль, что я не мог видеть ее.

Алеша говорит, что 1800 рублей, которые дает ему брат Петр Васильевич, и 600 рублей жалованья для него недостаточны; кажется, по

нужде можно ему оными содержаться. Ты знаешь, что мне неоткуда взять больше. В адъютанты князь взять его отказал уже раз; в другой я не решусь просить. Итак, придет переходить в армию, и карьера его чрез то весьма прервется. Скажи твои на это мысли, и как ему помочь, буди это необходимо? Голова у меня кружится, как подумаю. Но пусть будет, как богу угодно.

Бедного Олина жаль мне несказанно: боюсь, что журнал его не удастся. Я писал уже тебе об этом; и теперь то же повторяю, также и в письме моем к Ивану. Сочинений моих посылать в журнал его не могу. Пришли мне книгу, которая вышла; я любопытен видеть начало, по оному легче будет судить о последствии.

Посылаю тебе новое сочинение мое, в память и именины Гаврила Романовича сочиненное: напечатай их в «Сыне Отечества»; и скажи, каковы они тебе показались и довольна ли читающая публика будет сравнением, в оном находящимся; кажется, не могут меня попрекнуть излишнею заносчивостью.

Сделал ли что-нибудь о Тимофее Львовиче? Напоминаю тебе о скуфье доброго нашего отца Кондратия: выспроси (?), кстати, повернее, было ли представление от архиерея и чем решено, и постарайся доставить ему это маловажное награждение.

Письмо Дмитрию Прокофьевичу вручи вместе с Алешею и узнай наверно, расположен ли он возвратиться сюда, о чем я его в каждом письме прошу.

Что делают и намерены делать Ниловы? Параша мне ни слова на мое письмо не отвечала. Как дела их идут? Боюсь, чтобы пребывание в Петербурге им вреда не сделало. Это меня чрезмерно беспокоит. Как удалась водоподъемная машина? В случае удачи получена ли привилегия? Скоро я буду копать у них на горе колодезь.

Постарайся хорошенько познакомиться с Жуковским: через тебя и я с ним со временем познакомиться могу, чего мне очень желается, ибо истинно уважаю дарование его.

Скоро поедет отсюда агличанин Гулет для управления имения Всеволодского, о чем я тебе писал. Познакомься с ним и поучись у него аглицкого хозяйства: оно идет, кстати, с охотою нынешнего твоего садовничества и притом немного повыгоднее. Познакомь его с Алексеем Николаевичем и Елисаветою Марковною. Он может по соседству полезен им быть для хозяйства, ибо истинно искусный человек. В чем нужда будет, старайся ему помочь.

Прощай, мой друг! Бог с тобою.

Уведоми меня кратко, чем кончилось неприятное новое дело Дашеньки; также, что последовало о утверждении духовной? Удивляет, что так долго еще оного не состоялось.

Уведомь также о деле Петра Андреевича, кажется сумнения быть не может, что оно утверждено в его пользу. О решении дела Петра Степановича тоже меня уведоми; а равно и о <Комбраевском> и о бедном Хрущеве.

О деле Над<ежды> Ивановны надзирай и попроси о сем же Степана Ивановича, которого и я прошу понаведываться о сем прилежнее. В Бахмуте делаем следствие, кто владел землею, поселившиеся ли обыватели или наследники. Могут и тут каверзы последовать к оправданию сплутовавшего бывшего вице-губернатора. Несправедливо и взыскание с наследников за год, ибо должно было только по контракту взыскать 425 рублей, а не 2500. Но что делать? Надежда Ивановна подаст просьбу в Сенат или уже послала, чтоб простили это <нрзб.> милостивому <нрзб.> постарайтесь хорошей рекомендации для нее попросить у министра <нрзб.>.

224

И. Р. МАРТОСУ

1 октября 1818 г. Обуховка

1818 года, октября 1 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Иван Романович.

Чувствительнейшую приношу вам благодарность за участие, которое вы принимаете в сыне моем. Мы воспользуемся советами вашими; но как бы исполнение оных ни было благоуспешно, не будет он иметь так доброго начальника, как вы были.

Андрей Андреевич извещает меня, что вы располагаете ехать к какому-то приятелю вашему; а я прошу вас для проведения осени по крайней мере дать мне предпочтение. Поверьте мне, что обуховское понравившееся вам местоположение и лечебная псельская вода были бы весьма полезны для вашего здоровья. Сверх же того вы бы сделали посещением вашим чувствительнейшее одолжение. Не откажите оного истинно почитающему вас, преданному вам и признательному, милостивый государь мой, вашему покорнейшему слуге

Василию Капнисту.

225

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. Н. Г. РЕПНИНУ

2 октября 1818 г. Обуховка

Милостивый государь

князь Николай Григорьевич!

Вручителя сего, сына моего Ивана, отправляю я опять на службу в столицу; покорнейше прошу снабдить его подорожною, по которой бы ему на станциях не делали задержек; чувствительнейше тем обяжете меня; не угодно ли будет поручить ему для доставления писем к приятелям вашим или родным. Я уверен, что есть между ними такие, которые в состоянии покровительствовать сына моего, наипаче доставлении ему выгодного места, и для того убедительнейше прошу вас замолвить им о нем доброе слово; великую тем сделаете и мне милость и ему благодеяние. Ласкаю себя, зная ваше ко мне расположение, что вы не отвергнете просьбе моей. Приношу вам чувствительнейшую благодарность за освобождение от постоя дому родственницы Дмитрия Прокофьевича <Трощинского>. Прошу покорно не позабыть просьбы моей о подписках на журнал г-на Олина, которых вы взяли у меня десяток для роздачи охотникам. Если уже оные розданы, то прошу собранную сумму вручить сыну моему и список подписавшихся для доставления сочинителю журнала. В списке прошу велеть означить местопребывание гг. подписчиков, дабы не было затруднения в доставлении им журнала.

Грустно мне слышать, что вы расположились до января месяца прогостить в Чернигове, я этому даже не доверяю, ибо ее сиятельство сказала мне, что 12 ноября последует открытие нашего Института, а я уверен,

что вы не отречетесь почтить оный присутствием вашим: без хозяина мы осиротеем. Пожалуйста, не отвыкайте от нас.

Сделайте милость, уведомите меня, когда его сиятельство граф Алексей Кириллович ‹Разумовский› намерен выехать из Яготина в Почеп и где он зимовать будет: мне очень хочется побывать у него.

С истинным почтением и душевною преданностью пребуду навсегда милостивого государя вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Василий Капнист.

1818 г., октября 2 дня.
Обуховка.

226

А. В. КАПНИСТУ

3 октября 1818 г. Обуховка

Вот вам и Ваня: вам весело, а нам скучно. Долго ли этого будет? Много писать мне к вам нечего: Ваня все расскажет; притом две почты мы от вас писем не получили; следовательно, все о старом говорить должно. Итак, начну касательно о тебе, Алеша. Вот мои решительные мысли. Вовсе не желаю, чтоб ты выходил из фрунтовой службы. Ибо, во-первых, по мнению моему и расчету, тебе можно год держаться тою суммою, которую ты получаешь: только нужно стесниться да поэкономить; я знаю многих гвардейских офицеров, которые и той суммы не имеют, а служат и живут в столице. Во-вторых, ты и Сеня нехорошо разочлись, если думаете, что, служа адъютантом вне столицы, тебе менее расходов будет. Ибо ты должен будешь иметь по крайней мере пять лошадей, *четырех* слуг, особенный стол, экипаж и прочее. Нет сумнения, что на это все потребно тебе весьма более издержек будет. Сверх того ты будешь не что другое, как первый прислужник твоего генерала. Бог весть, еще угодишь ли ты ему. Теперь ты знаешь только фрунтовую службу и в оной довольно хорошо отличился: переучиваться нет нужды. И по иной несумненно получишь ты со временем полк. Итак, оставайся и от добра добра не ищи. Послушайся отца, который о тебе все обдумал, и бог тебя благословит. Ваш полк имеет теперь в Стрекалове наилучшего начальника, старайся приобресть любовь его. О выходе из гвардии с чином армейским и помышлять ты не должен, а кольми паче об отставке; это решительное мое слово.

Теперь обращаюсь к тебе, Сенюшка! с моими препоручениями. 1-е, о деле Надежды Ивановны постарайся предварить обер-прокурора 1-го департамента; он честный и благородный человек. Теперь делают следствие в Бахмуте и легко натянуть могут свидетелей к показанию, что наследники Евгр‹афа› Ив‹ановича› владели пустошью более трех лет, то есть тогда как нынешние казенные поселяне, нанимающие оную, уже действительно владели. Это сделают для закрытия шашней казенной палаты, а наипаче от отрешенного вице-губернатора. Итак, уже несправедливо Сенат определил платить 2500 рублей наследников, уверясь на пустом предложении опекуна, тогда оставшегось только опекуном Веры Ивановны. Стоит дело прочитать к оправданию наследников, чтоб увидеть несправедливость Сената. Второе, постарайся, чтоб в комиссии прошений уважена была просьба Горденка, которого записка у Вани находится, и чтоб велено дело перерешить в общем собрании. 3-е, постарайся о нашем добром Филиппе Филипповиче, чтоб Алексей Николаевич пристроил его к Академии художеств и дал хоть маленькое жалованье. Я уверен, что он сделается отличным живописцем и тем сделает себе независимое состояние.

4-е, о Ване думайте, братцы, что лучше, и прилагайте все возможные старания. К кому можно было я написал просительные письма. Развези с ним оные и познакомь его, наипаче в доме Наталии Кирилловны. Все по сему предмету переговорили мы с Ванею, но может еще и что-либо новое откроется. Во всем развязываю вам руки: избирайте только с осмотрительностию. Старайтесь более всего, что при помещении дан был ему чин, в который он Комитетом министров удостоен и о котором и после того сенатор представлял князю Лобанову, министру юстиции, о чем и отзыв у Вани находится. Илиньку целую.

Вот кажется все, затем прощайте. Пошли вам бог наилучший успех: на милость его будет наша твердейшая надежда! Прощайте. Всем родным и друзьям моим кланяйтесь от меня. Бог с вами.

О песне Игоря и моих замечаниях говорил я Ване, он тебе перескажет. Постарайся достать мне «Одиссею» Лебрюнова перевода. Она без примечаний и легче будет перепечатать по моему. Это мне говорил Иван Матвеевич. Степану Ивановичу кланяюсь. О надзирательнице для полтавского института говорил я с княгинею; но успеха нет.

227

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

12 декабря 1818 г. Обуховка

Его превосходительству А. А. Прокоповичу-Антонскому.

Милостивый государь мой Антон Антонович!

Чувствительнейшую приношу благодарность вам и почтенным издателям трудов Общества любителей российской словесности за сообщение мне пятой части оных. С великим удовольствием читал я тут благорассудительные изложения о предметах, до слова нашего относящихся, и прекрасные образцы оного, а наипаче ж приятно было видеть мне, что почтенное сословие предположило себе целью определить первоначальные правила отечественного языка, которые, смею сказать, к стыду занимающихся словесностию обществ наших остаются еще до сих пор почти в первобытном хаосе. Справедливо замечено, что мы не токмо точной грамматики, но даже азбуки не имеем. Усовершенствование оных сколь общеполезно, столь похвально и принесет отличную честь людям, жертвующим трудами своими для сего необходимого предмета. Я осмелился бы предложить почтенному Обществу посильное в том содействие мое, когда бы надеялся принесть хотя самомалейшую пользу. Не могу, однако же, скрыть, что хотя во многом согласен я с рассуждениями почтенного г-на Подшивалова, но совершенно противен мнению его в том, что можно нужные исправления в основе языка предоставить времени. Нет. Имея столь многие общества, столь много изящных писателей, посвятивших себя пользе словесности, можем мы предварить будущее, исполнить остающийся в сумнительной надежде подвиг и стяжать признательность современников наших и потомства.

Честь имею пребыть с отличным почтением и преданностию,
милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою.

1818 года,
декабря 12 дня.
Село Обуховка
Полтавской губернии
в повете Миргородском.

228

И. В. и С. В. КАПНИСТАМ

24 декабря 1818 г. Обуховка

Все наши пишут к вам, любезные дети! Итак, я о нас ничего к вам не пишу. Вы верно и без того чувствуете, как мы рады, что хотя Алеша с нами. Когда-то бог даст дожить до того, чтоб вы все с нами были! С тобой, Сенюшка, может быть, увидимся весною, когда приедешь с сестрою Дарею Алексеевною, но тогда Алеши с нами не будет. Дай бог, чтоб вы могли хотя попеременно с нами бывать! Уговаривай Дашеньку не отлагать путешествия к родным, любящим ее; привезите с собою милую Пашеньку и любезного Константина Матвеевича. Как я обрадовался, что он нам будет так близким, родным; а Пашенька за ним верно будет счастлива. Если б решились они купить здесь имение, как бы мы приятно зажили вместе.

Письмо к Дмитрию Прокофиевичу отдай сам и немедленно — оно очень нужное — и попроси о скорейшем ответе. Наведайся от Ивана Матвеевича, не будет ли он скоро отправлять эстафета; пришли ответ с оным.

Свидетельство на обуховское имение для заема я получил, но не посылаю затем, что здесь из приказа общественного призрения обещали мне выдать десять тысяч рублей в начале генваря. Если получу деньги, то перешлю к тебе тотчас для заплаты доброму господину Перецу; когда ж замедлят, то пришлю свидетельство и просьбу Дмитрию Прокофьевичу для заема из суммы графа Шереметева.

Из Полтавы прислано будет, или уже и прислано, описание торжественного открытия благородного девического нашего института; в оном находятся хоры моего сочинения. Попроси господина Греча, к которому это описание прислано будет, чтоб он в конце хора благослови творец вместо стиха находя тму отрад велел напечатать тму находя отрад, ибо нахо̀дя противу обыкновенного словоударения.

Зачем и до сих пор не напечатал он моих пиес «Различность дарований» и «Приближение грозы»? Твои причины, хотя лестны для меня, но неудовлетворительны. Повторяю, если он не хочет печатать в своем журнале сочинений моих, то напечатай их в «Духе журналов», а меня уведоми, чтоб я более не трудился.

Бога не боится Олин, что напечатал отрывок трагедии Гаврила Романовича.

Что ты поделываешь, Ваня? С Алешею к нам не писал ни строчки! Это на тебя не похоже. Получишь ли ты у графа Милорадовича жалованье? Чаще как можно бывай у Наталии Кирилловны, у Василия Степановича Томары и у Пукалова. Вообще советую чаще навещать друзей моих и не делаться пустынником, чтоб из этого не вышло пустяка. Прощайте, дети! Бог с вами. Филиппу Филипповичу мой выговор за то, что перестал писать журнал. На его большая моя надежда была. Степану Ивановичу кланяюсь. Приедет ли он к нам Мих‹аил› Михайлович?

Купите мне «Аргонавтиду» Аполлония Родийского в переводе французском или немецком; также бритовного мыла. Еще раз прощайте. Целую вас. Бог с вами.

Напоминаю просьбу Дашеньке о присылке батюшкиного монумента. Купи мне Страбона, французской перевод или немецкой. Также о присылке перевода поэмы «Аргонавтида» напоминай чаще Ивану Матвеевичу.

229

С. В. КАПНИСТУ

24 марта 1819 г. Трубайцы

Вот вам возвращается один измайловский Капнист, дай бог! Только чтоб по этой прескверной дороге доехал он здоров.

Приложи, Сенюшка, возможное старание об определении Алеши к князю Горчакову. Не получа рекомендательных о нем чрез тебя писем, я решил отправить его прямо в Петербург, ибо боялся, что ежели в Москве он откажет ему, то весьма труднее уже будет дело оборотить в пользу. Я посылаю кучу просительных об Алеше писем; а ты еще прибавь, от кого можно будет, этого чрез Наталию Кирилловну, от Васильчикова и прочая и пошли все сии письма к князь Горчакову: они, верно, решат его, и дело будет с концом, ибо я уверен, что слова князя мне должно с ним познакомиться ничего не значат; и в одни ли, двое сутки пребывания Алеши в Москве только бы уверили князя, что он белокурый. Это не суть важно; я боялся важнейшего, а именно отказа без получения подкрепительных рекомендаций. Я сделал что мог, а теперь выработайте что можно, а между тем самая большая надежда на милость божию. Итак, об этой важнейшей статье конец.

Поговорим о не так важной. Посылаю тебе опыт мой о приведении в первобытный порядок песней «Одиссеи». Напечатай оный как можно скорее и как можно лучше; наипаче с наблюдением строгим корректуры. Раздай и разошли всем нашим приятелям и по прилагаемым моим письмам. Постарайся чрез княгиню Софию Григорьевну, или чрез Наталию Кирилловну, или графа Кочубей, или чрез кого заблагорассудишь послать 6 экземпляров при письме моем в Париж к дюку Ришелье, приложа ему один экземпляр в хорошем переплете лирических моих сочинений. Отдай один или больше экземпляров князь Александру Николаевичу и деликатно внуши чрез Наталию Кирилловну или чрез кого захочешь, что весьма бы недурно сделали, если бы, видя образчики моих произведений, не делающих бесчестия литературе нашей, решились они велеть напечатать все мои сочинения на счет казны. Нам бы это было в великую помощь.

Твои сочинения советую тоже напечатать под скромным титулом: «Опыты в стихотворстве Семена Капниста», украся виньетою. Я уверен, что не будешь в накладе. Мое сочинение, то есть «Опыт», напечатай за продаваемые сочинения мои лирические; а если не продаются, то уведоми меня, что станет напечатать. Я пришлю тебе, или запродай половину экземпляров, а мне пришли 50. Возвращаю тебе последнее твое сочинение, несколько исправленное.

Много хотел кое о чем писать тебе, но теперь ничего в голове не нахожу. Итак, оставляю, пока что-нибудь прийдет.

О Ване я писал письмо благодарственное к графу Милорадовичу из Почепа. Скажи, Ваня, а будут ли гроши? Отдал ли ты письмо мое графу Кочубею? Что сказал? Бываешь ли у него? Как принимает? Скоро ли сыщете место Филиппу Филипповичу, которому весьма советую не терять времени, а заниматься по способности и большой охоте. О Степане Ивановиче слышу только, что он нездоров и очень сожалею.

О продаже «Опыта» моего вели припечатать в С.-Петербургских и московских ведомостях, а также попроси г. Греча и других журналистов о извещении публики. Хорошо бы, если б о сем написали во французских, в Петербурге издаваемых ведомостях. О сем ты можешь адресоваться к Сергею Сергеевичу и к Алексею Николаевичу. Более всего рекомендую прочитать с знающими хорошо французский язык перевод моего «Опыта»

и исправить ошибки противу языка. Адресуйся о сем к Ивану Матвеевичу, если он там, к Сергею Сергеевичу Уварову, а также к Варваре Ивановне и поцелуй у нее за меня ручку, а Михаилу Михайловичу усердно поклонись и поблагодари за все, что сделал он Алеше.

«Приближение грозы» отдай г-ну Гречу. Повторяю тебе, постарайся познакомиться с г. Жуковским.

Александру Семеновичу Шишкову отдай при письме моем 6 экземпляров и столько же пошли в Москву г-ну Антонскому, а сверх того, — кому заблагорассудишь из приятелей наших. Ване скажи, чтоб отдал Милорадовичу.

Ежели Российская Академия имеет какие-либо сношения с иностранными или как <нрзб.> министр просвещения, князь Александр Николаевич, то попроси, чтоб послали в оные экземпляры для получения их о сем заключении. Я, кроме дюка Ришелье, никого не знаю и отослать сам не могу. Княгиня Варвара Алексеевна тоже имеет знакомства в Париже, попроси и ее, чтоб туда отправить несколько экземпляров к умным людям, а также и немецким ученым людям в Дрезден, Берлин и проч.

Ежели Ник<олай> Сем<енович> Мордвинов возвратился, то отдай ему экземпляр или пошли: он любит отечественную славу и, верно, рад будет моему сочинению.

230

С. В. КАПНИСТУ

27 марта 1819 г. Трубайцы

Человек располагает, а бог определяет. Эта истина исполнилась и с Алешей; он едет один, а Илинька поедет дней через 12. Весьма это меня огорчило, но что делать? Суждено ему не в карете, а на перекладных скакать; бог поможет, ибо он так определил.

Не знаю, по причине распутицы и слабости здоровья Сашеньки успеем ли и мы быть у брата Николая Васильевича на праздник, ибо уже нам на перекладных ехать никак не можно.

С нетерпением будем ожидать писем ваших и, пожалуйте, не отлагайте известить о приезде Алеши и подвигах ваших по его адъютантству. Когда приедет сюда князь Горчаков, то я познакомлюсь с ним и, буди получу от тебя, Сенюшка, письма к нему, то отвезу сам оные.

Еще повторяю о исправлении французского перевода «Опыта» моего и о скорейшем и лучшем его напечатании и о раздании, пока государь в столице. Употреби на это все средства и деятельность: авось либо сделает бог, что это послужит к пользе нам. Ты, Ваня, отдай один экземпляр от моего имени графу Милорадовичу: он был весьма доволен и опытом моим о гипербореянах. Он почувствует важность сего последнего сочинения моего и будет, верно, превозглашать его.

Прощайте дети! бог с вами.

Осведомись хорошенько, как дюка Ришелье титулуют у нас: его сиятельством или его светлостию. Ежели последним, то перепиши письмо, и поставь, как должно, и подпиши, и отправь, и как можно вернее.

231

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

27 марта 1819 г. Трубайцы

1819 года, марта 27 дня. Трубайцы

Возвращаю тебе, любезная сестра Дария Алексеевна, одного гвардейца нашего. Как-то он доплывет? Дорога такая, что дыбом волосы встают, как представлю. Но бог поможет. Илинька по болезни остался здесь недели на две.

Как Сашенька и я восхищаемся мыслию, что ты по обещанию своему будешь к нам весною. Сделай одолжение, приезжай первым самым путем весенным, чтоб успеть нам с тобою съездить в Екатеринослав и объехать Тавриду. То-то приятное путешествие будет! О Сашеньке и о себе ничего не пишу. Вручители все устно передадут, что очами видели и ушами слышали.

Дай бог, чтоб ты здорова была; целую твои руки. Прощай. Пиши чаще: ты не можешь себе представить удовольствие, которое письма твои нам приносят.

232

Д. И. ХВОСТОВУ

27 марта 1819 г. Обуховка

1819 года, марта 27 дня. Обуховка

Милостивый государь граф Дмитрий Иванович!

Неоднократно удостоверен быв о благорасположении ко мне вашего сиятельства и зная готовность вашу делать добро, обращаюсь к вам с убедительнейшим прошением о вручителе сего меньшом сыне моем, подпоручике лейб-гвардии Измайловского полка. Я несказанно желаю, чтоб он имел счастие служить адъютантом у почтеннейшего шурина вашего, его сиятельства князя Горчакова, командующего корпусом, находящимся в Малороссии. Сделайте милость, попросите его об этом. Одно слово ваше решит его к оказанию мне и сыну моему величайшего благотворения. Предварительно быв уверен, что вы не откажете мне вашего к тому посредства, посылаю вам Гимн на благотворение; хотя я знаю, что не нужно слабыми стихами побуждать вас к этому, ибо в сердце вашем вы сыскиваете убедительнейшего подстрекателя. Я хотел только представить вам некоторую тень признательного моего к благотворению чувства.

Честь имею пребыть с совершенным почтением и искреннейшею преданностью, милостивый государь! вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

233

И. А. ПУКАЛОВУ

27 марта 1819 г. Трубайцы

1819 года, марта 27 дня. Трубайцы

Давно не получал я от вас писем, любезный друг Иван Антонович! Но я уверен, что вы меня не забыли, а потому нимало не сумневаюсь, что вы исполните следующую просьбу мою и тем обяжете меня несказанно.

Вручитель сего сын мой меньшой служит подпоручиком Измайловского полка. Хотя бы я весьма хотел, чтоб он продолжал фрунтовую службу, но по известному вам недостаточному состоянию моему не могу содержать его в столице, где два старшие братья его в статской службе находятся. Чтоб не лишиться выгод гвардейской службы, остается одно средство — перейтить к кому-либо адъютантом. Некоторые приятели мои просили генерала от инфантерии князя Горчакова о принятии его к себе корпусным адъютантом, и он обещал исполнить это, но нерешительно. Для сына моего и для меня это весьма выгодно было бы, ибо корпус его находится в Малороссии. Сделайте одолжение, любезный друг! Если вы сами незнакомы с князем Горчаковым, то чрез приятелей ваших попросите его о принятии моего сына адъютантом. Я уверен, что ваше ходатайство весьма уважено будет и решит совершенно князя Горчакова. Бога ради, не оставьте меня в этом деле. Вы мне сделаете дружеское и вечно незабвенное одолжение.

О себе что вам сказать? Стареюсь, хирею, и как скоро весна придет, то в саду моем начну рыться в земле, пока меня в нее зароют. Между тем переправляю Одиссею к оправданию Гомера, за что, без сумнения, буду весьма бранен многоучеными людьми за такую необузданную дерзость, принятую по вольности дворянства. Да так и быть, я решился отвечать им новою на себя самого эпиграммою, как это уже не в первый раз делаю.

Хочется в конце лета проездиться в Крым для отыскания там следов Улисса и древнейших наших предков. Может быть, оттуда пущусь осмотреть у Константинопольского пролива плавающие камни; там останется неподалеку проехать до Иерусалима на поклонение для очищения грехов молодости моей. Итак, прощайте. Напишите, не надобно ли вам или кому другому благочестивому чёток на ожерелья или камушков разрушенного храма на перстеньки; постараюсь услужить оными.

Прощайте, любезный друг! Обнимаю вас в мыслях и прошу употребить несколько минут досуга на беседу с человеком, искренно вас любящим и душевно преданным вам навсегда, и вашим покорнейшим слугою

Василий Капнист.

234

НЕИЗВЕСТНОМУ

27 марта 1819 г. Трубайцы

1819 года, марта 27 дня. Трубайцы

Я пишу это к вам, добрый сосед мой! совершенно наудачу, ибо надеюсь видеть вас в соседстве моем, между тем как грамотка сия будет плавать по дороге к столице. Но ежели паче чаяния застанет она вас еще

там, то покорно прошу положить последню руку на ‹альбом› мой о восстановлении первых шести песен ‹Одиссеи› в первобытный их порядок, то есть исправить французский перевод, в котором я много прибавил после ваших поправок. Сенюшка представит вам оный. Даже и старое прошу пересмотреть построже, ибо я вижу, что вы жалели снисходительно труд мой и чернила на крещение многих мест, где я говорил по-французски, как по-русски. Сделайте одолжение, займите этим несколько часов, оторванных от недосугов ваших, ибо я решился наконец, преодолев лень мою и страхи сатиры, отдать умствование мое в тыски. А вы знаете, что после оных, как после смерти, несть покаяния.

Желаю искренно видеть вас возвратившегося с полным успехом. Прасковия Васильевна ожидает вас в последнем градусе нетерпения, сердится на вас за коснение и для того не хотела к вам писать чрез моего Алексея. Она и все ваши здоровы.

Не позабудьте привезть книг, относящихся к объяснению путешествий Улисса. Начавши комкать песни Одиссеи, надобно уже скомкать и урочища, находящиеся в оной, ибо я имею правило, сделав дурачество, подвизаться впереди. Теперь при старости, хотя таковые подвизания и трудноваты иногда бывают, но есть такие, которых в половине останавливать отнюдь не должно.

Прощайте. Желаю искренно в скорости иметь удовольствие обнять вас по обыкновению от всего сердца.

235

МАЛОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. Н. Г. РЕПНИНУ

26 апреля 1819 г. Обуховка

1819 года, апреля 26 дня. Обуховка

Милостивый государь князь Николай Григорьевич!

Вы не можете себе представить, как мне грустно, что не получаю от вас никакого известия. Бог знает, что в голову лезет; хотя всячески стараюсь отбивать неприятные мысли, придерживаясь прежних умозаключений моих и полагаясь почти на всегдашную событность их. Истинно не правы вы пред дружеством. Что бы вам стоило несколько строк написать; а, верно, получили уж не раз письма от княгини. Бога ради, выведите меня из весьма тягостной безызвестности. От графа Алексея Кирилловича то ж не получаю писем. Как будто сговорились держать меня в тревожном положении. Граф должен бы давно уже приехать в Яготин. Боюсь, не занемог ли он. Другой причины его медлению почти предположить не могу. Неужель и вы от него писем не имеете? Опасаюсь, что он известит меня поздно и что я к нему приехать теперь не успею; ибо на Троицын день и в течение всех праздничных дней я должен оставаться дома по причине посещения родных моих. Все не ладится по моим мыслям; да и на вас в этом жаловаться вам должен. Вы медлите исполнить просьбу мою о бедной Ксионзениовой, о которой вы и записку от меня взяли и обнадежили в исполнении; а между тем супруг ее пьет мертвую чашу и для того продает всю движимость. Она боится, что и ее бедное, остающееся у него имущество или продано и пропито им будет, или при пьяном раскрадено трезвыми прислужниками. Сделайте милость, поспе-

шите связать этому беспутному человеку руки. Бедная жена его не делает ничего, полагаясь на меня; а я только и делаю, что пишу да прошу вас, а наконец, и вам надоем и ее несчастную по миру пущу. Бога ради, разрешите душу мою и успокойте совесть, ибо это дело весьма тяжело лежит у меня на сердце.

Еще и о другой несчастной должен напомнить вам. Я о ней уже давно просил вас, и о детях ее, совершенно противозаконно записанных в Казачую ревизию. Препровождаю вам ее и ее сына просьбы на такой случай, если прежде вам поданные ими как-нибудь затерялись при ваших недосугах.

Заключаю повторением просьбы успокоить меня насчет вас и княгини хоть одною строкою. Вы имеете множество способов переслать ко мне скоро письмо ваше, даже и по сей оказии, вруча человеку, привезшему к вам теперь выздоровевшего камердинера вашего, и, приказав, чтоб письмо ваше из рук в руки доставлено было нарочными ко мне. Прошу также прислать мне копию с предписания вашего по делу Ксионзениовой, ибо из Миргорода я оного и в месяц не дождусь.

Прощайте, дай бог, чтоб вы здоровы были и обрадовали меня приятными известиями. Душевно вам преданный и покорнейший слуга

Василий Капнист.

236

А. В., И. В. и С. В. КАПНИСТАМ

26 апреля 1819 г.

Вот возвращаются к вам, друзья мои, дети и Илинька; остался на родине один молодой Капнист и тот отправляется на теплые воды. Весело вам почти всем вместе, а нам старикам каково? Что делать? Посылаю к тебе, Сенюшка, письмо к Наталии Кирилловне, в котором я по препоручению твоему прошу ее, чтоб она тебя побранила за то, что редко бываешь у нее. В письме находится ода на смерть В. С. Томары, чтоб служить антидотом веселой Горациевой, пришедшей и читанной ею несколько дней по кончине покойника и друга ее. Если последняя покажется ей и вам хорошею, то отдайте ее для напечатания в «Сыне Отечества». Как ты подвизаешься в напечатании моего исправления порядка песен «Одиссеи»? Кажется, что в письме дюку Ришелье должно оставить титул его сиятельства; но ты выспроси о сем хорошенько, чтоб не обидеть почтенного мужа. Лучше всех разрешить это может граф Виктор Павлович. Хоть чрез Наталию Кирилловну спроси у него об этом, если сам по глупости у него до сих пор не был. Зачем и ты, Ваня, ни у Наталии Кирилловны, ни у графа не бываешь? Право, это не лишнее. От тебя, Алеша, мы еще писем из Могилева не получили, но имеем от Илиньки известие, что там довольно удачно твое дело пошло. Надобно надеяться на бога: он все к лучшему направляет. Старайтесь, однако ж, все письма, от разных особ испрашиваемые мною к князю Горчакову, получить и препроводить мне для вручения ему лично. Хотя он и обещал Сакену, но другие рекомендации не повредят, а послужат тебе к лучшему вперед. Побывай, Сенюшка, с Илинькой у Дмитрия Прокофьевича, как он отдаст ему мое письмо, и спроси у него решительно, будет ли он сюда и когда именно ожидать его должно, чтобы я мог взять мои меры. Ежели поедет он на Москву, то из Сум на Гадяч и Обуховку прямая дорога, а чрез Черни-

тов — небольшой круг из Лубен на Хорол и Миргород в Обуховку; я прошу его прямо ко мне приехать, а уже отсюда в Кибинцы.

Монументы еще не привезли, и люди брата Николая Васильевича еще не приехали. Я опасаюсь, хорошо ли ты, Сенюшка, взял меры, чтоб он привезен был исправно; боюсь, что выехал извозчик на санях, а будет принужден где-либо перекласться на колеса, и опасаюсь, чтоб не было ломки.

Хочется поставить его на месте прежде прибытия к нам сестры Дарии Алексеевны, которую, по обещанию ее, скоро надеемся видеть. Дай бог только, чтоб ничего не помешало. Жаль мне, Ваня, что ты не получаешь жалованья; употреби для сего ходатайство у графа Милорадовича, Наталии Кирилловны и чрез нее графа Кочубея. Кажется, все написал. Прощайте, дети, пишите нам как можно чаще. Бог с вами.

Параша молчит, а вы за меня все поцелуйте у нее руки.

Грустно мне очень, что еще не пристроен никуда Филипп Филиппович. Ежели, Сенюшка, ты приедешь с сестрою Дариею Алексеевною сюда, то прежде постарайся пристроить его в А‹ка›демию художеств: тут он может усовершенствовать дарование свое, и это одно средство упрочить будущее состояние свое. А вас, Филипп Филиппович, прошу в этом послушаться меня, как отца.

О Ване хотя я писал к Дарии Алексеевне, что он может приехать сюда, но, может быть, в отсутствии Сенюшки он нужен будет для ‹нрзб.› и в таком случае ему должно остаться. Да кто займет место твое, Сеня, ‹нрзб.› даже временно до твоего возвращения.

237

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

30 апреля 1819 г. Обуховка

Благодарю тебя, любезная сестра Дария Алексеевна, что ты обрадовала нас письмом твоим и обещанием непременно быть у нас. Поспеши скорее, чтоб воспользоваться здесь еще летом, чтоб оно тебе полюбилось у нас и чтобы ты как можно подолее гостила у нас. Какая это нам радость! Прощай. Целую твои руки.

238

С. В. КАПНИСТУ

30 апреля 1819 г. Обуховка

Третьего дня мы получили ответ, любезные дети! Письмо от 8 апреля, а сейчас получили и от 11-го числа. Благодарим бога, что Алеша прибыл счастливо и так как желал пред праздником. Ежели Сакен будет в Петербург, то это весьма хорошо. Ты, Алеша, побывай у него; и еще попроси, если уже не исполнил по его предстательству князь Горчаков. Я письмо к нему получил, но его еще в Кременчуге нет; как приедет, я отвезу их к нему. Поспеши, Сенюшка, как можно напечатанием моего сочинения о Гомере и рассылкою, как я писал тебе в прежних

письмах; а наипаче к дюку Ришелье. За совет твой о напечатании всех моих сочинений прошу принять следующий ответ: видно, что ты еще только титулярный советник. Хорошо по крайней мере, что не отдумал поговорить об этом с Наталиею Кирилловною. Делай ты, что я сказал: авось-либо не будет ли лучше. Притом мое письмо тебе вручено было, а твой ответ шел ко мне почти целые двадцать суток!

Вот тебе еще препоручение, которое постарайся исполнить как можно лучше. Графу Алексею Кирилловичу нужен весьма человек в секретари, чтоб он был, во-первых, честных правил; во-вторых, чтоб мог партикулярную переписку хорошо весть; а в-третьих, чтоб и дела смыслил. Граф за жалованьем не постоит. Только постарайся отыскать надежного, умного и доброго человека и знай, что ты за рекомендацию твою ответствовать будешь твоею репутациею. Поспеши, как скоро отыщешь, известить меня обстоятельно и условься о жалованьи. Пожалуй, исполни это хорошенько.

Каковы показались стихи мои на кончину доброго Томары Наталии Кирилловне? Напечатаются ли они в «Сыне Отечества»? Напечатано ли там мое «Приближение грозы»? Я готовлю еще новое, о путешествиях Улисса; но оно уже тебя не застанет и ты об этом не говори.

Жаль, Ваня, что не отдал тогда письма моего графу Кочубею: оно бы по крайней мере ввело тебя к нему; а теперь жди оказии.

Ордер Николая Ивановича Петруше и письмо к князю Репнину я теперь же отправляю к нему с нарочным. Как мы все рады, что сестра Дарья Алексеевна непременно будет к нам; жаль только, что не прежде конца июня. Рады и твоему, сынок, приезду; смотри только, чтоб не утерять дамского секретарства.

Прощайте, дети! бог с вами.

На Филиппа Филипповича я сердит за то, что он молчит. Избаловался меж вами в столице; да определите ли вы его куда-нибудь? Это меня очень беспокоит.

Что делает Степан Иванович? Прощайте. Кланяйтесь всем родным и знакомым.

Монумент нам привезли.

Как я рад, что Алексея Николаевича не отпустили, кланяйтесь ему от меня и Елиз‹авете› Марковне поцелуй руку.

239

А. В. и С. В. КАПНИСТАМ

15 мая 1819 г. Обуховка

Мы получили твое, мой друг Сенюшка! письмо от 18 апреля и твое, Алеша, от 21—23 апреля. Благодарю тебя, Сенюшка, за определение Филиппа Филипповича к месту: лучшего приискать для него не можно бы было. Я весьма сим обрадован. Посылаю благодарственное письмо Александру Ивановичу, отдай его ты сам; а если это письмо тебя уже не застанет, то отдай оное ты, Ваня. Это будет тебе случай познакомиться с добрым человеком, которого знакомство может и тебе вперед быть полезно. За это доброе дело прощаю тебе, Сенюшка, неповиновение моему наставлению: я тебе писал, чтоб французский опыт мой дать поправить Варваре Ивановне, а ты отдал Уварову и сам пишешь, что потерял целую неделю и должен же отдать Варваре Ивановне. Пожалуй, поспеши

это кончить точно так, как я писал, и раздать и разослать письма и неотменно к дюку Ришелье и прочее. Ежели сам не успеешь, то препоручи это все аккуратно исполнить Ване. Пусть он один экземпляр отдаст от моего имени графу Милорадовичу, а также и Тургеневу. Гр. Милорадович весьма доволен был моим сочинением о гипербореанах: он сам учился в немецких университетах и, конечно, с удовольствием увидит переправку мою песен «Одиссеи». Но, оставя литературу, поговорим о деле Алешином. Из письма твоего, Алеша, вижу, что вы по 23 апреля не отдали писем моих князю Волконскому и графу Хвостову, то есть в течении 17 дней после твоего приезда ты пишешь, что и графа Хвостова не заставал во все это время дома. Удивительно! Я уверен, что он никогда ранее 11 часов и в Сенат не ездит, а как же за 17 дней ни раза не застать его дома? Он бы по получении моего письма, верно бы, еще написал письмо к князь Горчакову, и я бы уже получил оное и имел бы два от него письма. Итак, что вы делаете, я ума не приберу? От Сакена получил я ответ от 18 апреля. Он, поблагодаря меня за хор, пишет точно сими словами: «Касательно ж до рекомендации моей о назначении к ген. от инф. князь Горчакову сына вашего в адъютанты, то, видя из письма вашего, что князь Горчаков обещал уже взять его к себе в адъютанты, я полагаю, что он и без моего посредства исполнит данное им обещание». Что это значит, я не понимаю; не хотел ли он просить? Чего я не надеюсь. Просил ли и получил отказ и таким образом устороняет себя? Просил ли и получил обещание и по скромности не хочет себе присвоить это благодеяние? Этого последнего я не надеюсь, ибо никогда не надеюсь ничего мне приятного. Словом, я в недоумении, как бог даст, так и будет; а ты надейся на него и соберись с терпением. Я еще точно не знаю, князь Горчаков находится ли теперь в Кременчуге или в объезде войск; хотя и просил брата Петра Васильевича известить меня об этом, ибо ему лучше знать по соседству Хорола. У нас же воинских команд теперь нет. И затем посылаю в Кременчуг узнать, когда князь Горчаков именно там будет и поеду к нему после тройцына праздника. Молись богу.

Мне неприятно весьма слышать от тебя, что ты имеешь в полку врагов и что великий князь к тебе, не знаю за что, не так благорасположен, как был сперва. Сии сображения весьма меня беспокоят; старайся, не мешаясь в чужие дела, заставлять всех себя любить. Не понимаю, как ты ничего из Могилева не получаешь, чтобы могли развязать загадку Сакена. После твоего письма, дней через 5 верно, Илинька приехал; может быть, он привез что-нибудь из Могилева. И на будущей почте я надеюсь о сем получить от кого-нибудь из вас очередного писателя известие. Дай бог, чтоб оно было успокоительное. От тебя, Ваня, давно нет ни слуха, ни послушания. Жаль, что частые дежурства не дают тебе ни полчаса, ни в один день досуга написать хоть строк несколько; боюсь чтоб ты, бедный, с такими дежурствами не измучился.

Алеша хорошо выдумал, что начал писать вдоль и поперек: прочитать можно, но лучше писать сверху красными чернилами — удобнее разобрать можно.

Я полагаю, что письмо уже тебя, Сенюшка, не застанет в столице, и заблаговременно радуюсь видеть здесь скоро и сестру Дашеньку, и тебя. Больше писать вам нечего. Прощайте, бог с вами. Степану Ивановичу кланяйтесь.

240

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

4 июня 1819 г. Обуховка

Милостивый государь мой
Антон Антонович!

Я имел честь получить на сих днях письмо Ваше от 7-го апреля, сопровождающее 8-ю, 9-ю и 10-ю части Трудов Общества любителей российской словесности. Приношу Вам, милостивый государь мой! чувствительнейшую благодарность за доставление мне в оных весьма много приятного и наставительного. Вы желаете, чтоб я приискал что-либо из сочинений моих для помещения в сем изящном сборнике словесности, и лестно пеняете мне, зачем до сих пор не сообщал их в оный. Позвольте в оправдание мое сказать, что сочинение, доставляемое в Труды столь именитого сословия, долженствует быть достойно оного как по предмету своему, так и по витийственным красотам. Не доверяя способности моей, принимал я должную меру осторожности; теперь ласкательным ободрением Вашим выводите вы меня из оной и по справедливости принуждены будете принять на себя часть порицания, которое весьма легко может уделом быть препровождаемых при сем сочинений моих. Предаю оные под покровительством Вашим на снисходительное благоуважение почтенных сочленов Общества и ласкаю себя надеждою, что дряхлость подстрекаемого Вами сподвижника будет ходатайствовать за него пред просвещенными судьями столь несоразмерного ослабевшим силам его ристалища.

Честь имею пребыть с отличным почтением и совершенною преданностью,

милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

1819 года, июня 4 дня.
Обуховка.

241

Д. И. ХВОСТОВУ

17 июля 1819 г. Обуховка

Милостивый государь мой граф Дмитрий Иванович.

Чувствительнейше благодарю ваше сиятельство за благосклонное ходатайство о сыне моем. Он не мог быть принят адъютантом по причине полного уже числа оных; но я тем не меньше признателен вам за рекомендацию вашу о нем толь достопочтенному начальнику и за благотворительный подвиг ваш. Стремление к добру есть существенное доблести достоинство, которого цены не может уменьшить случайная неудача.

Приношу вам искреннейшую благодарность за сообщенные мне стихи. Счастлив, кто может короткие от забот досуги делить с наперстницами Аполлона.

Честь имею пребыть с истинным почтением и преданностью, милостивый государь мой! вашим всепокорнейшим слугою

Василий Капнист.

За доставленный мне новый перевод Песни о полку Игоревом покорнейше благодарю. Признаюсь, что я не везде оным доволен; примечания не везде основательны, а о весьма многом ничего не сказано. Но всеможно сочинителя поблагодарить за труд.

242

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

19 ноября 1819 г. Обуховка

Целую твои руки, любезная сестра Дашенька! Слава богу, что ты счастливо прибыла в Москву. Дай бог, чтоб также счастливо возвратилась в Петербург. Представь себе, что мы во всю крымскую экспедицию с тобою не имели такой трудной дороги, как въезжая ночью в Обуховку. Мужиков 20 несли наши повозки на руках... ибо падали в глубокие рытвины... и въехали с иллюминациею, ибо несли перед каждой повозкою фонари. Я думал, что путешествие наше в Крым и оттуда тебе представляется сновидением, как и нам. Сашенька и все, слава богу, здоровы. Сенюшка в Харькове, с чем-то приедет. У нас еще вовсе снега нет, но морозы большие. Псел вчера покрылся льдом, а мы в саду гуляем. Скоро, однако же, снега ожидать надобно, и Сенюшка тотчас к тебе отправится. Много к тебе полученных писем есть, но, кажется, не весьма важные. Теперь отправить их не успеваю, да и пакет стоил бы эстафета. Прощай. Пиши к нам чаще. Будь здорова. Целую тебя еще в мыслях и милую Сашеньку.

243

МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ кн. А. Н. ГОЛИЦЫНУ

20 декабря 1819 г. Обуховка

Извините снисходительно, ваше сиятельство, смелость мою отвлечь письмом сим на несколько минут внимание ваше от важных обременяющих вас занятий. Удостоверение в том, что вы не презираете ничего относящегося и самомалейше к ученой части, ободряет меня в предприятии моем Таврида со всеми знаменитыми древностями своими принадлежит давно уже нам; но ни один из ученых людей в Отечестве нашем не посвятил до сих пор трудов своих на точное исследование достопамятностей, погребенных в оной. Даже стародавние, весьма важные по истории урочища доказательно не означенной развалины славного города Херсона одни отыскивают близ Севастополя, другие в Козлове, а некоторые даже на Тарханском мысе; о менее значительных никакого почти сведения не имеем. Иностранные ученые и путешествующие из любопытства в Крым почитают себя в полном праве упрекать нас непростительным небрежением и холодностию к важным изысканиям, к которым только нам одним легчайшие и почти исключительные способы открыты. Нынешнею осенью был я в Тавриде и по поверхностному некоторых мест обозрению могу чистосердечно удостоверить ваше сиятельство, что малейшее упущение времени и коснение в принятии нужных мер осторожности лишит и самых усердных изыскателей последнего средства к открытию древностей.

В доказательство истины сей приведу весьма разительный пример: близ Севастополя в недавнем еще времени были видны довольно пространные развалины стен древнего Херсона, могущие удостоверить об обширности города сего. Теперь уцелел только один двадцатисаженный обломок, и то уже в средине подрытый! Все пространство на квадратную почти версту, твердынями в древности окруженное, представляет усыпанную камнями площадь, по которой и ныне еще после дождевых наводнений отыскивают древния монеты. Если действительно в городе сем великий князь наш Владимир принял христианскую веру, то не прилично ли было бы оставить там хотя малый памятник самоважнейшего для нас события? После краткого объяснения сего осмеливаюсь предложить вашему сиятельству на благоуважение, не угодно ли будет принять надлежащия меры о недопущении впредь для казенных и частных строений истреблять в Тавриде остатки древних зданий и твердынь. Сверх того не бесполезно было бы, кажется, отправить несколько ученых людей для исследования, как там, так в особенности на Таманском острове, древностей и для точного определения урочищ, достопамятными преданиями в истории прежних веков толико знаменитых. Ученая Европа ожидает подвига сего от просвещения нашего, которого успехам посвящаете, ваше сиятельство, неусыпные труды свои.

244

С. В. КАПНИСТУ

5 марта 1820 г. Почеп

Наконец 28 числа ввечеру получил граф от Сергея Семеновича эстафет и я твое, мой друг Сенюшка, письмо от 21 февраля. Граф все-таки недоволен краткостию извещений Сергея Семеновича; теперь только узнал он, что в опекунском совете принимаются малороссийские подданые в залог по 150 рублей; что занято из оного не до двух миллионов рублей, но только миллион триста тысяч рублей, из которых переведено в банк 700 т‹ысяч› рублей, стало быть, новый заем состоит только в 600 т‹ысячах› рублях, что делает большую разницу с полученным прежде от тебя о занятой сумме уведомлением. Прилагаю для сведения твоего копии переписки моей с Сергеем Семеновичем. Я должен предупредить тебя, что по новому распоряжению графа о домашней петербургской его конторе г-н Галлер и Лев Алексеевич будут заведовать оною под главным начальством Сергея Семеновича и доносить графу подробно о всех делах. И так ты только в нужном каком было случае можешь быть между ими некоторого рода посредником. Положение твое, по известному самолюбию Сергея Семеновича, делается весьма щекотливым, но я полагаюсь во всем на твое благоразумие и осмотрительность. Граф весьма хорошего мнения о г-не Галлере; Лев Алексеевич — весьма достойный молодой человек — должен по ближайшей связи наблюдать пользы графа. Но самонадеянная неопытность в делах такого рода Сергея Семеновича может заводить его в заблуждение; и я опасаюсь от того новых графу неприятностей, из которых, по его слабому здоровью, огорчительными впечатлениями еще более расстраиваемому, весьма легко предвидеть можно нехорошие последствия. Надобно стараться об удалении их; и ты должен по мере сил твоих к тому содействовать: скромные и

благоразумные внушения будут к тому вернейшим средством; вот правило твоих поступков.

Извещение твое об убийстве дюка де Бери несказанно меня поразило: какая адская дальновидность злопосягания! Каких гибельных последствий не должно ожидать от пагубного духа, оживляющего столь отважных и законопреступных людей! Опустим с содроганием сердца завесу на сию печальную и ужасную картину.

Ожидаю с нетерпением благоразумного решения касательно отставки Ваниной. Я рад, что предчувствия мои касательно перемены службы Алешиной сбылися: я вижу с благодарностию, что бог меня милует, поелику, несмотря на все и мои старания, не позволил он сбыться предприятию нашему. Я советую ему вразумиться случаем сим; продолжать службу фрунтовую, которою признаю я для него полезнейшею; стараться заслужить одобрение начальников, а наипаче благоволение великого князя. Я уверен, что бог ему в том поможет.

Радуюсь несказанно, что сестра Дария Алексеевна в прежнем к тебе расположении. Старайся всеми силами заслуживать любовь ее: не забывай никогда, что она тебе вторая мать; ты должен любить ее и служить ей, как сын; и я с отрадою душевною уверен, что чувства твои совершенно с моими согласны. Я еще до сих пор не получил от Сашеньки твоего первого письма и опасаюсь, что не получу его здесь, ибо на сих днях отправляюсь восвояси; и столь долгое вояжирование твоего письма очень мне неприятно, а это происходит оттого, что вы не слушаетесь меня буквально: я именно приказал тебе писать и присылать мне первые твои письма прямо сюда. Что делать? Молодость, молодость! все пляшет по своему такту и не по битому тракту. Прощайте, дети! будьте здоровы и счастливы! бог с вами.

Я посылаю прежние, заготовленные письма к тебе.

Лень переправлять и переписывать.

Все спрашиваю, зачем Ниловы едут в Казань? Не задавай мне загадок за 1500 верст. Целую руки сестры Дарии Алексеевны. Сашеньку целую. Всем родным и приятелям кланяюсь.

245

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

5 апреля 1820 г. Обуховка

Милостивый государь мой
Антон Антонович!

Я имел удовольствие получить письмо ваше и 15-ю часть Трудов Общества, в которой помещена лестная похвала «Несчастному», приличная не моему слабому произведению, но какому-либо превосходному творению знаменитейшего пиита. Покорнейше прошу изъявить почтенному Обществу чувствительнейшую благодарность мою за снисходительное позволение произнесть в присутствии его столь много чести приносящую мне похвалу.

Я уверен, что оно руководствовалось не истинною оценкою лирической способности моей, но коренным, наследственным соотечественников наших правилом — уважать седины старости; и притом, без сомнения, имело в предмете побудить таковою наградою отличных дарованиями пиитов к ревностнейшим подвигам, на поприще Музам посвященным.

Книги, недоставленные вам, при сем препровождая, покорнейше прошу убедить почтенное Общество, чтобы оно и мои труды удостоило отличия быть помещенными в его книгохранительнице. Дар сей ничтожен, но это все лучшее имущество мое.

Я не получил 13-й части Трудов Общества; чувствительнейше обяжете меня доставлением оной: жаль лишаться чего-либо из полезных и приятных занятий толь просвещенного сословия.

Прилагаю при сем несколько сочинений моих; они такого рода, что уже никто из наилучше ко мне расположенных людей не поохотится отличить их лестною похвалою.

В конце «Зависти Пиита» говорю я о моем уединенном приюте; извините пристрастие, заставляющее меня препроводить особенно для вас картину оного Каждому мил уголок свой, и каждый желает заставить других пленяться тем, что ему приятно. Сочинение сие напечатано третьего года в «Сыне Отечества»; я исправил его в некоторых местах. Ежели вы тогда и читали оное, то, конечно, позабыли; простите, что решаюсь обновить его в памяти вашей.

Честь имею пребыть с отличным почтением и совершенною преданностью,

милостивый государь мой,
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

1820 г., апреля 5 дня.
Обуховка.

246

С. В. КАПНИСТУ

28 июня 1820 г. Ромен.

Что я здоров, то в этом тебя Ваня не обманул; что я на вас несколько сердит, то это ты угадал. Причина тому, во-первых, — ваша неаккуратная корреспонденция; а во-вторых, что оная большею частию наполнена Иеремиевым плачем о долгах ваших, которым, сами знаете, что я теперь никак помогать не могу; а что о успокоении вас от оных повсечасно думаю, то это, кажется, вам в голову не входит. Впрочем, вы знаете, что думою города не возьмешь. Так весьма неприятно объявлять при чтении ваших писем всегда одно и то же. Вы должны быть уверены, что я буду стараться помочь вам по возможности. Это не должно, однако ж, ободрить к новым и тягостным долгам. Вот и теперь твою неисправность корреспонденции ты доказал на деле: пишешь, что посылаешь письмо от Дарии Алексеевны, а его не приложил!! Странно вообразить себе, что три недели так сильно озабочен. Твоего письма, о котором упоминаешь, я никогда не получал. NB Может быть, ты и это, как Дашенькино, позабыл положить в пакет. О дворянстве постараюсь тебе доставить сведения.

Напоминал ли ты графу Виктору Павловичу о моем письме к дюку Ришелье. Теперь не успеваю писать к графу о тебе, ибо почта теперь уже отходит. Я спрашивал у тебя, кто и з а ч е м перевел сочинение мое о путешествии Улисса в Черном море на греческий язык. В ответ ни слова, ни послушания.

Я скоро тебе пришлю верущее письмо о займе в Опекунском совете. Ваня о сем уже писал тебе, чтоб ты заблаговременно принял твои меры. Я вас предупреждаю, что из этой суммы вы не сможете заимствоваться ни копейкою для уплаты ваших долгов, ибо вся употреблена будет на заплату более 25 т‹ысяч› рублей долга и на винокурню, чтоб курить вино 8 месяцев. Из дохода, что можно будет, конечно, вам сообщу. По сему берите ваши меры, но только не саженные.

Вот, кажется, все — и достаточно.

247

Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ

16 октября 1820 г. Обуховка

Не запела ли ты, любезная сестра Дария Алексеевна, после Покрова свадебной песенки? Вот как бог располагает. Да будет его милостивое благословение над нами и над нашей Катенькою. Пришли ей твое, как второй матери, благословение и нам согласие. Я ничего не прибавляю к Сашенькиному о сем письму: она все подробно сказала. Истинно мы имеем всю надежду, что бог осчастливит нашу Катиньку в супружестве сем: на него вся надежда. Прощай, мой друг! Целую твои руки. С нетерпением ожидаем ответа твоего. Дай бог! дай бог! Хороша надежда, а все грустно, грустно расставаться с доброю дочерью. Будущее, будущее! — и самую лучшую надежду подающее — все-таки будущее! бог — одна надежда. Я думаю, я во многом виноват, но бог заставляет меня много крестов носить: неужли и на невинных положит вину мою? Где ж будет его справедливость? Но та беда, что нет к кому бы апелляцию взносить. Прощай, мой друг! Еще раз целую твои руки. Всем родным кланяюсь.

248

С. В. КАПНИСТУ

25 октября 1820 г. Обуховка

1820 года, октября 25. д. Обуховка

Письмо твое, мой друг Сеня, от 9-го октября мы получили, верущее на заем денег и свидетельство ты до сих пор, наверно, уже получил, хотя оно шло улиткиным ходом. Мы ожидаем чрез три недели присылки от тебя денег.

Алеша будет тебе писать о деле его подробно; я же скажу кратко и ясно, что ежели его определение в адъютанты князю Репнину не решится до начала декабря, то я решительно положил, чтоб он, по слабости здоровья его, в декабре месяце вышел в чистую отставку. Грудь его повреждена и требует поправки, которой ожидать нельзя при фрунтовой службе. Посему ты возьми все надлежащие меры, чтоб не пропустить законоположенных сроков для подания просьб в отставку.

Повторяю неоднократно, что ты за 1500 верст от дома дурной корреспондент. Я писал тебе давно, чтоб ты выправился о переводе на простой греческий язык изыскания моего о путешествии Улисса не в Средиземном, но Черном море. О сем напечатано в «Сыне Отечества» и в «Вестнике Европы», не помню, каком месяце сего года. Там же спрашивал, что учинила Академия наук по предложении князя Александра Николаевича относительно изысканий древностей в Тавриде и Тамане. А о том ты бы мог узнать от Сергея Семеновича, которого весьма часто видеть можешь. Но на все сие от тебя ни слуха, ни послушания. А в сношении с дюком Ришелье уже и слов тратить не нужно, а я уверен, что граф Виктор Павлович к нему часто пишет и мог бы от него давно ответ получить. До сего я удерживаюсь писать к дюку и послать к нему изыскание мое о мореплавании Улисса по Черному морю. Не знаю также, писано ли что-нибудь в чужеземных журналах о перемещении мною 5 песни «Одиссеи» в первую. А ты извещал меня, что куда-то на чужбину послано тобою мое изыскание с французским переводом. Пожалуй, потрудись отвечать мне на все это. Также постарайся, чтоб Прасковья Михайловна выкупила мои заложенные вещи; теперь они мне весьма нужны, ибо должно будет кой-кого ими одарить. Затем прощай. Будь здоров и скоро исполнительнее. Бог с тобою.

249

Д. Н. БАНТЫШ-КАМЕНСКОМУ

18 ноября 1820 г. Обуховка

1820 года, ноября 18 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Дмитрий Николаевич!

С чувствительнейшим удовольствием получил я письмо ваше. Оно доказывает, что вы меня не позабыли. Вы знаете мою привязанность к вам и сколь беседы с вами были мне приятны. Несказанно обяжете меня, если и в разлуке согласитесь продолжать оные.

Вы справедливо заметили, что отец мой убит при Грос-Егерсдорфском сражении, которое происходило 1757 года августа 19 числа. Он погребен на месте победы российской. Весьма любопытно будет и приятно читать мне невинное претерпение отца моего, изображенное столь искусным и живым пером.

Вы говорите, что с удовольствием слышали чтение некоторых сочинений моих в Обществе университета. Друзьям пристрастие свойственно: сомневаюсь, чтобы столичная публика была одного с вами мнения.

Недавно послал я Антону Антоновичу портрет мой; вы, конечно, узнаете его, ибо он весьма похожее того, который вы доставили мне. Сделайте одолжение, узнайте от приятеля вашего, кто ему доставил список с подлинника, с которого, сколько я помню, никому я для снятия копии не давал.

Целую руки милостивой государыни, любезной супруги вашей, и милостивых государынь, сестриц ваших. Анна Николаевна, конечно, известила вас, какому превосходному экзамену воспитания были мы свидетелями. Истинно неслыханное чудо совершила в Малороссии такими ус-

пехами и в такое короткое время. Правду говорят, что дело мастера боится.

С душевным почтением и совершенною преданностью пребуду навсегда,

милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

250

С. В. КАПНИСТУ

30 декабря 1820 г. Обуховка

Сию минуту привез ко мне добрый миргородский экспедитор письмо твое от 8 декабря и деньги — девять тысяч рублей.

Как я рад, что это дело кончилось: я уже боялся, чтоб тебя еще надолго не проволочили. Ответ мой на твое предложение ты уже получил и по оному исполнишь. Ты видишь, что хотя ты еще титулярный советник, но я твои рассудительные советы приемлю; не знаю, каково будет советовать колежский асессор безымянной коллегии: надобно надеяться, что с переменою титла не переменит смысла.

Ты меня весьма обрадовал известием о посылке г-на Келлера в Тавриду. Ты пишешь, что это сделано по письму моему, чему я не верю; князь А‹лександр› Н‹иколаевич› не поставил, конечно, оного на вид. Как бы то ни было, очень рад. Постарайся познакомиться с г-м Келлером и попроси его, ежели ему не великим кругом покажется, чтобы он заехал ко мне: мы бы с ним о тамошних местах поговорили. Между тем я напишу к брату Петру Васильевичу, чтоб он на гуляниях постарался собрать материялы древности: они могут быть полезны благоразумному исследователю.

Письмо чувствительного Межакова обрадовало меня весьма: стихи его очень живописны; я бы их хвалил больше, если бы они меньше к похвале моей относились. Хочу отвечать ему; не знаю, сумею ли. Чувствую, что уже весьма дряхлею; а притом часто ум за разум заходит. Тебе хорошо на лире греметь и удивлять вселенну Чернышевскую: ты аки орел юный паришь.

Дерзай, бряцай и восхищай.

Ты не пишешь ничего о приезде твоем, а я по прежним твоим письмам ожидал тебя к 10-му генваря и теперь еще ожидаю. Хоть на 29 дней ты можешь получить отпуск, а за просрочку статских не так строго судят. Очень буду рад видеть тебя, хоть не надолго.

Илинька поехал к брату Петру Васильевичу в Крым, он обещал возвратиться к нам к 10-му генваря. Я его тотчас к тебе отправлю.

Я оправляюсь от моей немощи после выборов, Сашеньке немного лучше. Катинька заболела было опять крапивною лихорадкою, но теперь выздоровела. Сеня и Ваня здоровы.

У нас этими днями весь снег растаял, и теперь уже ездят колесами, чудеса делаются в природе и везде.

Прощай, мой друг! приезжай к нам. Бог с тобою.

К Дмитрию Прокофьевичу буду писать, хотя я на него чрезвычайно сердит, что сперва не ехал сюда, а теперь едет, да не доезжает. Но весьма надеюсь обнять доброго старика.

У нас теперь два новых соседства: Виктор Алексеевич женился на Александре Петровне, княжне Прозоровской, и живут в Савинцах. Он и она добрые люди. Александр Дмитр‹иевич› Хрущев с Анной Ивановной живут в Бакумовке, которая им отдана. Жаль, что Ив‹ан› Матвеевич с добрейшею его Прасковьею Васильевною оставляют нас и уезжают в Москву. Не с кем беседовать о Горации. Кстати, ты не делаешь никакого подвига о напечатании как моего Горация, так и других сочинений моих на счет чужой, а это бы, право, недурно было.

Прощай. Бог с тобою.

Ежели увидишь князя Ал‹ександра› Ник‹олаевича›, то скажи ему, что известие о посылке в Крым обрадовало меня несказанно, еще более потому, что доказывает лестное мне его уважение к представлению моему. Я сам хочу написать к нему и благодарить его.

251

С. В. КАПНИСТУ

23 января 1821 г. Обуховка

Мы получили, мой друг Сенюшка! твои письма от 28 и 31 декабря. Радуюсь, что Алеша приехал в срок. Что далее о нем бог определит, будем ожидать с терпением. Грустно мне, что ты не решаешься приехать к нам. Это бы очень хорошо было. Но да будет на сем воля божия! Писать почти нечего, но, кстати, пришло мне письмо Петра Ивановича Албрехта, в котором просит о платеже должных мною ему еще от 1801 года 325. Посылаю тебе оные, отдай ему, а у него возьми надписанную в платеже расписку мою. Он живет: Литейной части, 2-й квартал, в доме купца Икорникова. Лтч. № 125-й.

Я получил от Дмитрия Прокофьевича письмо. Обрадовал он меня несказанно, уверяя твердо, что весною будет к нам; вот то-то заживем опять, хотя не так весело, как прежде, но все веселее теперешнего. У нас прибавилась новая соседка в Савинцах: Александра Петровна, дочь княгини Прозоровской, а в Бакумовке — дочь Ивана Матвеевича; но жаль, что он сам уезжает в Москву. Некому будет мне Горация буквально переводить и не с кем будет спорить о древностях. Послал ли ты в чужие краи мои мысли о перемещении песен «Одиссеи» и есть ли какая-нибудь отповедь? Из Москвы получил ли ты ответ о мнимом переводе на греческий язык замечаний моих о мореплавании Улисса по Черному морю? Жаль, что мне нельзя будет поехать в Крым, как туда экспедиция академическая приедет. Об этом я изготовил благодарственное письмо с новою просьбою князю Александру Николаевичу о повелении Московскому университету сочинить истинно русские азбуку и грамматику. Может быть, с сим же письмом пришлю тебе оное для вручения лично!

Посылаю тебе это письмо, вручи оное и извести меня, как оно принято будет.

К г. Албрехту я теперь же пишу письмо, что посылаю тебе деньги для вручения ему.

Что делается с бедною урожденною Тимченковою? Ты о ней писал мне известие о препровождении дела ко мне, но я ничего не получаю и ничего здесь не слышу. Не сделал ли ты пустословного подвига?

Препровождаю тебе ответ мой доброму г-ну Межакову, доставь ему оный верно; пришли мне его адрес, чтоб в случае надобности писать

к нему прямо. Купи и пришли мне сочинения его: купленные мною Саня, бестолковый мой библиотекарь, куда-то так хорошо спрятала, что отыскать не может.

Письмо мое к г-ну Межакову прочитай и стихи, но никому не давай и не печатай, ибо я обещал их отослать Ант<ону> Антоновичу в Москву.

252

А. Н. ОЛЕНИНУ

16 сентября 1821 г. Ромны

1821 года, сентября 16 дня. Ромны

Не нахожу слов, любезный, добрый друг мой! благодарить вас за все милости, оказываемые вами моему Семену. Чувствительное сердце ваше будет самым лучшим толмачем признательности моей. Вы не довольствовались одним одолжением: к производству чином присовокупили вы отпуск, столь необходимый для поправки в теплейшем климате толь расстроенного здоровья его. Нет, мой друг! не в состоянии я довольно возблагодарить вам, сиречь farere linquis; ergo... fareo linquis; сиречь, в относительном смысле. Молчу и благословлю.

О запорожских дубах Семен сообщает вам неудачную нашу попытку. Ежели бы нужно вам иметь верный чертеж хароновой ладьи, то я бы мог сообщить оный, ибо видел ее весьма с близи и ближе, чем Гораций при падении дерева. От простудной горячки более трех месяцев лечусь и едва начинаю оправляться. Трудно совладеть с числом 63-х, составляющем окончательное 9-е число. Жена тож была очень больна. Словом, весь дом мой нечто, как лазарет. Вот причина, любезный друг, толь долговременного молчания моего. Не хотелось прощаться и уже не только пожелать, но приказать вам долго жить. Теперь, как живой живое думает, то поговорю с вами о дубах, на которых, по-видимому, собираетесь отправить в Стамбул не весьма жизненные припасы. Скажу вам просто, что точно такие дубы строить, как были запорожские, станет весьма дорого и почти невозможно, ибо где достать таких больших дубов, из которых выдолбливать должно суда? Лучше наподобие оных построить из досок обыкновенным образом и весьма выгоднейшим и прочнейшим древнего. Самое нужнейшее, по-моему, есть свитки из тростника, препятствующие потоплению судов. Я слышал об оных в молодости моей от престарелых запорожцев. Теперь, я думаю, об них совершенно забыли и в Черномории. Вам надобно сделать опыт: он вас лучше научит и покажет вам, какую тяжесть они потопить не позволяют. Семен мой наипаче о сем должен будет осведомиться в Черномории, куда он отправляется. Вот все, что по сему предмету сказать вам могу. Затем прощайте, любезный друг! Не забывайте меня; взывайте ко мне пока еще могу откликаться. Милостивой государыни Елисаветы Марковны целую руки. Прощайте; будьте здоровы и благополучны.

253

А. Н. ОЛЕНИНУ

Сентябрь 1821 г. Ромны

Ты меня обеспокоил, мой друг! Ты пишешь, чтоб я приехал к тебе погоревать. Зачем погоревать? Я буду к тебе, конечно.

Но чтоб без хозяйки милой
Трапезе не быть унылой,
Нужно доброе вино:
Сердце веселит оно;
И отлучку с сердцем свычных
Тем хоть мало заменит,
Что число друзей наличных
И без зеркал подвоит.

Капнист.

254

С. В. КАПНИСТУ

18 ноября 1821 г. Обуховка

1821 года, ноября 18 дня. Обуховка

Писать мне к тебе, мой друг Сенюшка, нечего. У нас все по-старому, обыкновенному. Ты пиши к нам: из Судака мы еще не получили от тебя писем. Старайся осмотреть и изыскать древности. Наипаче осмотри хорошенько развалины Отузы: можно ли там поселить моих феакеан? В Тамане много любопытного. Прощай. Мы все здоровы. От нас вчера отъехала сестра Мавра Григорьевна. София Николаевна, Настинька и Петруша, Надинька и Любенька осталися у нас. Все идет хорошо. Надеюсь, что и с Софиею Николаевною все сладится со временем. Прощай. Пиши как можно чаще. Бог с тобой.

255

С. В. КАПНИСТУ

26 декабря 1821 г. Обуховка

1821 года, декабря 26 дня. Обуховка

Сию минуту получил твое, мой друг Сенюшка, письмо из Севастополя от 14 декабря. Спешу написать тебе только несколько строк, ибо почтальон сорочинский стоит почти над головою. Мы отправили к тебе письма в Судак прежде письма, в котором ты пишешь, чтоб адресовали к тебе письма в Севастополь. Я это как будто предчувствовал и долго не соглашался, но, наконец, принужден был уступить упрямству Сани;

и ты те письма, верно, получишь после этого. Радуюсь, что ты здоров. Келлер ко мне не заехал. Постарайся узнать наверное о Хриуметопон: это нужнейшее урочище. У нас такая прескверная осень, что выйти из дома нельзя: снега нет и дождь идет, и туман, и грязь, и это причина, что мы на праздники не поехали к Дмитрию Прокофиевичу. Я боюсь дороги дурной и для Сашеньки и для Любеньки. Не знаю, когда поедем к нему; авось-либо пред январем снег выпадет. Странная перемена! Дай бог, что к лучшему! Радуюсь, что тебе весело в Севастополе и что ты там знакомых много встретил. Всем им, а наипаче почтенному Фоме Фомичу засвидетельствуй общее наше почтение. Прощай. бог с тобою. Никто из наших не успевает к тебе писать, а все тебя целуют. Алеша отправился дней 10 тому назад, а Петруша — 26 декабря с князем в столицу. Илинька ничего обстоятельно о себе оттуда не пишет, а только говорит, что судьба генерала его не решилась, а стало быть и его, и что он расположится, может быть, идти в отставку. Тебе известно, думаю, что приказом Главнокомандующего позволено бывшим офицерам Семеновского полка возвращаться в оный теми же, какими служили там чинами. Многие уже туда из напольных полков отправились.

Прощай. Бог с тобой.

256

С. В. КАПНИСТУ

12 марта 1822 г. Ромны

1822 года, марта 12 дня. Ромны

Я получил, мой друг Сенюшка! твое письмо от 14 февраля. Читая начало оного, я усумнился, не сошел ли ты с ума: за что мне на тебя сердиться. Ты знаешь, что я понапрасну никогда не сердился, что часто и поделом отлагал сердиться впредь до повторительной причины. А ты, сколько я знаю, ничего теперь дурного не сделал. Напрасно представил ты это из мнимого молчания моего. Мне помнится, я не оставил ни одного письма твоего без ответа. Если поздно к тебе приходят они, то жалуйся на почту; притом и твои письма приходят теперь ко мне чрез Обуховку, и это замедливает их. Итак, перестань беспокоиться о пустяках.

К Оленину твою просьбу, и письмо, и оду я отправил страховым. Тут я писал и сам к нему убедительно, так что он может, если захочет, и показать письмо мне для подкрепления своего ходатайства. Повидим, что бог на сердце пошлет.

Ты меня очень позабавил описанием вашего маскерада и ролею твоею почтальона. Удивляюсь, как тебя угораздило сочинить 23 комплимента женщинам на один и тот же, по-видимому, предмет. Любопытно ‹будет› прочитать их. Ты можешь похвастать, что ты из самой древности единственный пиит в Тавриде. По крайней мере я ни одного в ней припомнить не могу. Но чтоб умерить несколько самолюбие твое по этой части, то скажу тебе, что и в Ромне явился недавно пиит; он написал оду «На смерть Наполеона» и другую — «Воззвание на помощь Греции». Со временем пришлю их тебе; только, к несчастию, пиит этот имеет за собою 64 лет, а ты знаешь, что ce qui est trop, est trop и музы не весьма жалуют умащенных сединами любовников.

Посылаю тебе точный перевод Горациевой XII оды книги II, которую ты перевел, чтоб ты увидел в ней последний куплет и мог сравнить с оным русский и поправить, ежели что в оном не понравится.

Посылаю тебе 10 пятидесятниц, которые хотя в прозе, но, может быть, тебе понравятся более самых лучших рифменных сочинений Жалко весьма, что на этот час не могу более послать. Изворачиваюсь, как кубирь. Постарайся и ты изворотиться.

Я думаю, что ты увидишь или уже увидел Ваню: он должен быть в Перекопе для продажи пшеницы. Оттуда может побывать у брата Петра Васильевича; немного круга будет заехать к тебе. От него более о изворотах моих услышишь. Дай бог, чтоб он с пшеницею изворотился и с получением денег наших, ходящих в Одессе на процентах. Чем чёрт не шутит! Капнисты попали в ростовщики, несмотря что второстепенный из них и его племя не умеют как только долги ростить. Что ж делать, видно так им написано горé.

Ежели государь будет в Севастополе, то, кажется, недурно было бы, ежели б ты ему представился с прочим дворянством. Селись у князя Петра Михайловича и что-нибудь расскажи ему для занесения об успехах твоих в открытии древностей таврических. Может быть, привлечешь этим внимание.

Говорят, что государь будет и у нас. Но когда, неизвестно. Князь еще не возвратился и не знаем, когда будет. Адъютант его, по известному обыкновению гг. Капнистов, из Петербурга в течение более двух месяцов ничего ни ко мне, ни к кому не пишет. Илья тоже около 5 недель ничего не пишет. А только прислал мебели на 16 подводах, которые здесь за беспутицей остановились и ожидают, чтобы на смену их приехали из Трубайцов на колесах подводы.

Александра Ананиевна с внучкою и правнучкою здесь остановилась, ожидая для себя и для прививания правнучке оспы коровей Игната Федоровича, который болен в Киеве лежит и бог весть когда будет.

Катинька все в одном почти положении и уже не знаем, что думать. Любенька тоже нездорова. Вообрази положение мое. Одна надежда была, есть и будет на милосердие божие. Он не оставлял меня в крайней нужде. И не оставит. Прощай. Пиши чаще. Бог с тобою.

Повторяю, что ты хорошо сделаешь, ежели чувствуешь в сем по болезни твоей нужду, ежели по проезде государя или и прежде, как заблагорассудишь, приедешь сюда для окончания лечения у Игната Федоровича. Но о сем списывайся со мною, чтобы узнать, когда он возвратится из Киева.

Вот тебе письмо от Любоньки, а ты к ней не пишешь. Это нехорошо.

257

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

26 марта 1822 г. Обуховка

Милостивый государь мой Антон Антонович!

Искреннейше благодарю вас за извещение о сыне приятельницы моей; равномерно приношу вам чувствительнейшую признательность за сообщение мне 3-й части Речей и 20-й части Трудов Общества нашего. С великим удовольствием видел я в оной одобрение мысли моей касательно издания отличнейших красот из творений лучших пиитов наших:

весьма лестно заслужить внимание столь просвещенного и почтенного Общества.

Вы требуете вновь сочинений моих. Приятно мне таковое требование, но не внушено ли оно единственно снисходительным ко мне пристрастием? Опасно шестидесятичетырехлетнему старику выходить часто на поприще для ристания с молодыми и быстрыми сподвижниками: споткнуться и упасть легко ему, но каково вставать будет? Несмотря на опасность, посылаю вам оду на смерть Наполеона. Искренно сожалею, что друг мой, бессмертный певец Фелицы, предупредил его: словесность наша украсилась бы, конечно, превосходным, свойственным возвышенному его духу творением, ибо предмет сей весьма богат для богатого гением пиита.

С какою б дерзостью чудесной,
Изведав неусталость крыл,
Вверх облак, в синеве небесной,
Российский сей орел вспарил?

Но я слабый подражатель бессмертного Горация, —

Но я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет.

Одно снисхождение благосклонных людей ободряет меня, и в оном представляетесь вы мне лестною и надежною порукою. Прилагаю при сем перевод оды Горациевой к Мельпомене как должную дань сему прекрасному лирику и собственность мою «Пáры», которой достоинство весьма соответствует слову сему с перемещением гласоударения.

С истинным почтением и совершенною преданностию пребуду навсегда, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Василий Капнист.

258

Д. Н. БАНТЫШ-КАМЕНСКОМУ

30 марта 1822 г. Ромен

1822 года, марта 30 дня. Ромен

Милостивый государь мой Дмитрий Николаевич!

С сердечным удовольствием получил я письмо ваше с билетом и проспектусами на вашу Малороссийскую историю и приношу вам за то искреннейшую благодарность. Я уверен, что сочинение ваше принято будет нашими соотечественниками с отличным удовольствием. Покорно прошу прислать мне 15 экземпляров вашего проспектуса, чтоб я мог оные <дать> всем гг. маршалам.

Вы не можете себе представить, с какою радостию услышал я, что князь сделал весьма хорошее и для себя и для всего края сего дело, поручив вам правление своей канцелярией. Я рад в особенности, что будем теперь служить под одним начальником. Это всегда было искреннейшее желание мое

Скоро надеюсь я быть в Полтаве и иметь удовольствие обнять вас. Долго ли еще наш добрый князь будет гостить в столице?

Милостивых государынь, любезной супруги вашей и сестриц, целую руки; и с истинным почтением и душевною преданностию пребуду навсегда,

милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

259

А. А. РАЗУМОВСКОМУ

14 апреля 1822 г. Ромен

1822 года, апреля 14 дня. Ромен

Нечаянное печальное известие о кончине почтенного благодетеля моего поразило меня несказанно. Вы знаете, любезный Алексей Алексеевич! столь долговременную душевную привязанность мою к нему. Воспоминание, что он искренне ценил ее и удостоверение в том последнею его волею не токмо не смягчает, но усиливает горесть мою. Искреннейше желаю, чтобы мог я оправдать благоуспешно столь лестную доверенность его ко мне. Ничего не могу сказать к утешению потерявших в нем все, ибо и сам имею нужду в утешении. Скорбь о потере почти всех, которым в течении половины жизни моей предан был я чистосердечнейшим дружеством, весьма слабо облегчается лишь мыслию, что и я скоро присоединюся к ним.

Искренне любящий вас и почитающий
Ваш Капнист.

260

А. А. КАПНИСТ

22 апреля 1822 г.

Ты права, мой друг Сашенька! Чуть было не увезли меня в Почеп. Князь и княгиня прислали за мною секретаря своего с коляскою, чтоб положить меня и везть, но я отказался.

Казакам заплатила Александра Ананьевна.

Кажется, что скоро приближается разрешение от бремени Катиньки. Дай бог благополучно; надеюсь на него. Нетерпение мое возвратиться к вам только беспокойством об ней умеряется. Не зная, как скоро Неталицкий возвратится сюда, я просил Тишевского, чтоб приехал из Полтавы к нам: он очень искусный лекарь; и я все буду при нем покойнее. Ожидаю его на сих днях. Вот все, затем прощай. Дай бог, чтоб скорее нерешимость наша кончилась. Прощай, бог с тобою.

Целую тебя, Саня! Я слышу, что веселее нас время проводите и разъезжаете по гостям. Как бы я хотел скорее к вам в гости приехать. А я здесь только тем разбиваю мысли, что с Иваном Яковлевичем перевожу Горация; и для того пришли мне при первой оказии моего латинского Горация, что с гравировками, первую часть. Но заверни хорошенько в бумагу и клеенку, чтоб дорогою не замочилась и не истерлась, и прикажи, чтоб не потеряна была дорогою. Перевод мы кончили. На-

добно только тытулы пописать. Ты видишь, что как словесник я не терял моего времени. Прощай. Целую тебя. Бог с тобой. Наташке скажи, чтоб прислала мне обе мои летные картузы и табаку. Неужели у вас и до сих пор огурцов нет, что нам не присылаете. Побрани Гуржиенка.

Луке Ивановичу и Степану Ивановичу кланяюсь; скажи первому, что препоручение его о стеклах исполнить не могу.

261

С. В. КАПНИСТУ

24 апреля 1822 г. Ромны

1822 года, апреля 24 дня. Ромны

Письмо твое, мой друг Сенюшка! от 6 апреля я получил. Вот видишь, что мои предсказания на несчастие сбываются. Необдуманное письмо твое сделалося формальным доносом и пошло от министерства к министерству. К гр‹афу› Вик‹тору› Павл‹овичу› я писать не буду. И ты писать к нему не должен, ежели и получишь от него что без моего ведома, не отвечай, чтоб не вышло еще большей глупости. Вот наука знать свое дело, а в чужих не мешаться. Да только у нас наука часто в лес ходит. Представь себе, что гр‹аф› Вик‹тор› П‹авлович› должен сообщить о сем Ланжерону. И тому будет ли это приятно? На что себе без нужды неприятелей делать.

Я удивляюсь, зачем ты лучшее в Крыму весеннее время проживаешь без дела в Симферополе. Я уверен, что ты там пустяками занимаешься. Между тем как должно бы тебе быть уже здесь, дабы, не потеряв здешнего весняного времени, начатое благоуспешно лечение кончить, о чем я условился с тобою, но все идет невпопад. Ты, верно, политически расположил прибыть к нам на тройцын день к праздникам. А полезное время для лечения праздно пойдет.

У нас все по-старому. Катинька все ожидает разрешения от бремени и весьма тревожится медлением; да и я не без беспокойства. Неталицкого еще нет из Киева, но на сих днях будет: он выехал к Белухе. В нетерпении просил я Тишевского приехать к нам, но он не может отлучиться: жена Бантыш-Каменского тоже на сносях и тоже прочлась в счете. Видно, год такой. Любиньке немного лучше. Надинька тоже со мною приехала сюда с Петрушею перед праздниками. Илинька с Филиппом Филипповичем был здесь, последний едет с Маврою Григориевною к водам. Все в порядке. Илинька думает, что его оставят тут в покое. Дай бог! Вот тебе все. Нет не все. Алюша приехал к празднику в Обуховку, был у нас; отправился в Манжелею, оттуда приехал в Обуховку, вчера выехал в Кибинцы, а оттуда выедет в Киев и думает, не застав там Раевского, который поедет осматривать корпус, возвратиться к нам и прожить месяца два. Как назвать это, если не катаньем. И катаньем от нового доброго командира, к которому должен был бы он прилепиться, как репей к кожуху? Но такой теперь всеобщий порядок.

Теперь, кажется, уже все. Прощай, приезжай скорее, отыскав там много древностей, тут что-нибудь новое сыщешь. Еще теперь же новость тебе скажу: от Рибаса не получил я денег до сих пор. Пишу о сем Ване и спрашиваю, когда к нему вместо Борислава поехали деньги в Бреслав и оттуда возвратились, то по такому же недоумению в названиях мест не поехали ли ко мне деньги вместо Миргорода в Морею, и когда возвратятся. А между тем, наверно, возвращен вексель с надписью о получении всей суммы сполна!!!

Прощай. Пора перестать заниматься глупостями. Где ты письмо это получишь? Я бы желал, чтоб это было в Обуховке. Некогда мне прислать тебе творений Роменского пиита. «На смерть Наполеона» поехало в Москву, а «Воззвание на помощь Греции» — в Петербург. Повидим, какой-то успех получится.

Прощай, бог с тобою.

262

Е. М. БАГРЕЕВОЙ

12 ноября 1822. Обуховка

Извините, милостивая государыня Елизавета Михайловна! Что недокуча вам словесно вчера, продолжаю то ж и севодни письменно. Не я виноват в этом: один стихоплодовитый, сияющий лучами Аполлона петербургский приятель мой, которого не называю затем, что не люблю хвастать, явился мне во сне и, продиктовав прилагаемые при сем стихи, приказал сообщить вам оные. Исполняя повеление его, целую руки ваши и, засвидетельствовав истинное почтение мое и всех моих вам и всем вашим, пребываю с душевною преданностию, милостивая государыня, вашим покорным слугою.

Промемория

Любезная Елизавета!
В младых еще летах твоих
Ты видела превратность света.
Да с сей поры уж ни на миг
Она тебя не потревожит!
Да счастье, радости умножит,
Которые любовь дарит!
Снискав по сердцу верна друга,
Блаженствуй средь семейна круга;
Ему доброта верный щит:
Она стирает скорби жало;
Она всех прелестей милей;
В чертах твоих — ее зерцало,
А скромный храм — в душе твоей.

263

ПОЛТАВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ кн. Н. Г. РЕПНИНУ

Конец 1822 г. Трубайцы

Трубайцы

Искреннейшую приношу вашему сиятельству благодарность за уважение, которое вы оказать мне изволили неутверждением меня, до получения отзыва моего, в звание губернского маршала дворянства Полтавской губернии.

Вы чувствуете, сколь неприлично отказываться от звания, доверенности благородного сословия назначаемого; право, вверенное вам законом, утверждать по произволу в губернские маршалы одного из двух кандидатов, избранных по большинству голосов, весьма полезно мне будет. Я слышу, что кандидатом со мною представлен господин поветовый маршал

Закревский, по личным достоинствам его и по усердию к пользам дворянского общества весьма мне известный. Покорнейше прошу ваше сиятельство утвердить его в звании губернского маршала, доказав тем дружеское ко мне благорасположение, не уничижительной общественной к нему доверенности, начальнического вашего уважения достойной. Сим единственно средством можем мы удовлетворить взаимным обязанностям нашим. И потому несумненно удостоверен я, что вы исполните убедительную и законом оправдаемую просьбу мою. Служить с вами весьма мне приятно, и, может быть, вперед откроется к тому благовидный повод. Теперь по некоторым, лично до меня относящимся обстоятельствам нужно еще несколько повременить.

264

И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

2 декабря 1822 г. Обуховка

1822 года, декабря 2 дня. Обуховка

Милостивый государь мой, Иван Матвеевич!

По причине болезни моей давно уже не управляю я делами губернского маршала, а занимается оными, вследствие предписания господина малороссийского военного губернатора, г. поветовый полтавский маршал; для того о разрешении ‹сумнения вашего› в деле, о котором ваше превосходительство изволите ко мне относиться, не угодно ли будет вам относиться к нему?

Честь имею пребыть с совершенным почтением и душевною преданностию, милостивый государь мой.

265

И. Р. МАРТОСУ

7 января 1823 г.

1823 года, генваря 7 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Иван Романович!

Чувствительнейше благодарю вас, что вы меня не забываете. Взаимно поздравляю вас с наступившим новым годом. Пошли вам бог в оном новое здоровье, новые отрады и всего, чего душа ваша желает. Пожелал бы вам и важнейшего, чем всё, — спокойствия душевного; но вы не имеете нужды в таковом пожелании. Вы находите предмет оного в избранном вами тихом уединении, в удалении от мирских столичных сует.

От всего сердца благодарю вас за доброе ваше расположение к молодому моему ефрейтору. Больше всего радует он меня тем, что старается заслуживать одобрение почтенных и достойно почтенных людей. С частию молодого моего семейства и с ним провели мы первые четыря дня праздника у почтеннейшего общего благодетеля нашего Дмитрия Прокофьевича. Хвалимый вами танцор мой, которому вы пожелали отыскания боба в пирожке, танцевал, танцевал, что называется, до честных риз.

Но ах! его такая доля,
Что счастье, ветренных не холя, —
В пирожном чаще, чем бобы,
Ему подносит лишь грибы.

Боюсь, чтоб несмотря на ваше доброхотное пожелание, не случилось с ним то же и теперь, хотя работал он до пота лица, как истинный труженик. Прошу со всем тем продолжать любить его. Он будет тем для меня любимее.

Благодарю вас искренне за напоминание обо мне Ивану Ивановичу Дмитриеву. Было время, что он был ко мне весьма приятельски расположен. Но долговременное удаление могло меня привесть у него в забвение. Когда он муз забыл, то весьма легче позабыть старого их волокиту. Последнее извинительнее, но первого трудно извинить. Если вам можно, то спросите у него:

Зачем, не только в то лишь время,
Когда его тягчило бремя
Фемидиных несносных уз,
Отрекся он от милых муз
И с ними разорвал любезный,
Для всех питомцев их полезный,
Скрепленный славою союз;
Но даже посреди свободы
Сестер парнасских хороводы
Его уж боле не манят?
Но пусть неблагодарный знает,
Что, хоть он их и забывает,
Они взаимно не хотят
Платить любимцу их забвеньем
И с нежным, дружеским терпеньем
Бессмертный лавр ему хранят.

Признаюсь, что мне очень досадно, что наши архиологи не критикуют и даже не бранят меня за дерзость, заставляющую премудрого Одиссея мореплавствовать около Крыма и переносящую соседних Скиллу и Харибду из Мессины в Цареградский пролив, а Феакию — из Корсиреи в соседство Феодосии. Я посылал старшего сына моего Семена в Тавриду для лучшего освидетельствования мест; и он отыскал на указанном мною месте развалины Алкиноевой столицы, каменный корабль ее и прочая и прочая. Я намерен будущим летом поехать для поверки, но до того вижу, что пора окончить длинное письмо мое искренним удостоверением о отличном моем к вам почтении и душевной преданности, с которыми пребуду навсегда, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою.

Василий Капнист.

266

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

17 января 1823 г. Обуховка

Милостивый государь мой
Антон Антонович!

Весьма прискорбно было мне узнать о расстроенном здоровьи вашем. Желаю вам искренне скорейшего выздоровления.

Чувствительнейше благодарю за доставление мне второй части Сочинений в прозе и стихах. Примечаю, что некоторые пиитические творения

мои не нравятся читателям. Скажет иной простую русскую поговорку: дошли вести до глухого; но пусть же докажет он, кто из стихописателей не оглушается иногда самолюбием? Вам следовало бы по добросердечию предостеречь меня, но, напротив того, вы требуете вновь сочинений моих! Повинуюсь и препровождаю вам Оду на убийство, Пиита-Лебедя, Славолюбие и Закат солнца. Кажется, что это уже последние стихи мои: пиитическая способность имеет подобно солнцу определенный закат свой.

По любви к отечественным древностям читал я с великим удовольствием во второй части Сочинений в прозе и стихах изыскание почтенного сочлена вашего господина Калайдовича о славянском или, истиннее сказать, о священно-книжном языке нашем; ибо все вообще, весьма различные диалекты соплеменных нам народов имеют право, по свидетельству Нестора, называться славянскими; священно-книжный принадлежит или ближайше соседним жителям Солуня, или моравам.

Любопытно было бы исследовать, какой из всех славянских диалектов должен почитаться коренным или первоначальнейшим. Я осмеливаюсь признать оным русский: известно, что явственными признаками первоначальности языков должна быть простота и кратко-правильность, которые находятся в русском языке преимущественно пред священно-книжным и прочими соплеменными диалектами, ибо не имеет он звательного падежа, также двойственного числа в склонениях и спряжениях; а притом вместо двух вспомогательных глаголов употребляет только один и то довольно редко и даже с исключением настоящего времени, заимствованного, кажется, из греческого или латинского языка. Я поступаю далее и осмеливаюсь сказать, что признаю русский язык древнейшим сих последних и всех известнейших европейских языков. Может быть, по пристрастию к отечественному слову ошибаюсь я в заключении моем; оно утвердится или отвергнется тончайшим и подробнейшим исследованием. Весьма буду рад, если подам к оному повод. Вообще такое изыскание должно быть занимательно и приятно для каждого любящего отечественную словесность.

С истинным почтением и душевною преданностью пребуду навсегда,

милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

Обуховка.
1823, января 17.

267

И. Р. МАРТОСУ

10 апреля 1823 г.

1823 года, апреля 10 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Иван Романович!

Чувствительнейше благодарю вас, что вы меня не забываете и напомнили обо мне забывшему, может быть, старому приятелю моему. Хотя я заблаговременно уверен, что стихи мои не подвигнут его возобновить союз с музами, забытыми неблагодарным их любимцем.

Не знаю, удастся ли мне поверить глазам изыскиваемые мною предметы, ибо старость делает меня уже неспособным к новым подвигам и заставляет меня думать, что я не должен отлучаться от любимого места в Обуховской палестине, над украшением которого и с начала сей весны

тружуся. Желая увековечить в оном пребывание мое, опасаюсь отлучаться вдаль, чтоб, паче чаяния, не отлучиться из оного на весьма долговременный и неопределенный срок.

Радуюсь, слыша, что вы в скромном уединении вашем здоровы; желаю продолжения и впредь. О себе сказать вам ничего приятного не могу и для того решаюся молчать. Ибо весьма неприятно сообщать неприятности любящим нас людям.

Прощайте. Искренно благодарю вас за благосклонность вашу к моему молодому солдату. Это делает ему в глазах моих великую рекомендацию.

Прощайте, будьте здоровы и для преуспевания в добром здоровье не подражайте моей сидящей или, лучше сказать, лежащей жизни. Этим дадите вы мне надежду видеть вас в нашей округе, а может быть, и в уединенном моем жилище.

С истинным почитанием и душевною преданностию пребуду навсегда, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою.

Василий Капнист.

268

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

30 мая 1823 г. Обуховка

Милостивый государь

Антон Антонович!

Долговременное молчание ваше на последнее к вам письмо мое заставляет меня думать, что посланные мною стихотворения оказались носящими отпечаток дряхлости сочинителя, и это неудивительно и справедливо. Но предложение о изыскании, которое из славянских наречий должно признано быть древнейшим, кажется, заслуживает внимания любителей отечественного слова. Но что всего более удивляет меня, так это нежелание ваше одолжить меня русскою грамматикою, которую вы лучшею и полнейшею признаете. Может быть, и в старости, ослабившей и без того слабую способность мою к стихотворению, мог бы я извлечь из долговременной опытности какое-либо полезное замечание для правил отечественного языка. Я давно изъявил вам прискорбие мое о недостатке у нас русской грамматики и о невозможности сочинить оную одному человеку, как бы он ни был искусен в отечественном языке. Получа ответ ваш, весьма приуныл, но не отчаялся и не отчаиваюсь, что предмет этот, столь необходимый для слова нашего, уважен будет. Между тем весьма желаю собрать несколько замечаний, которые могли бы хотя несколько способствовать к исполнению оного; и для того повторительно прошу вас об одолжении меня лучшею, по мнению вашему, и полнейшею русскою грамматикою; ибо все находящиеся у меня, начиная с Ломоносовой, весьма неполны и не соответствуют существенному свойству нашего языка. Исполнением сей просьбы моей вы обяжете меня несказанно. Вообразите, что я живу в глуши, куда не токмо новости литературные, но даже и газетные весьма редко доходят. Вам одному обязан я за приятное знакомство с почтенным самомыслящим изыскателем правила, свойственного русским глаголам. Ласкаю себя надеждою, что вы из соболезнования к соболезнующему о скудости главнейших орудий к усовершенствованию отечественного слова уважите убедительнейшую просьбу его. Извините, что так стяжательно обременяю вас оною. Взаимная любовь

наша и усердие к пользе отечественной словесности да будет перед вами ходатаем о извинении докучливости моей.

С отличным почтением и искреннейшею преданностью пребуду навсегда, милостивый государь,

вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

Обуховка,
30-го мая 1823 г.

269

И. Р. МАРТОСУ

23 июня 1823 г.

1823 года, июня 23 дня. Обуховка

Милостивый государь мой Иван Романович!

Благодарю вас искреннейше за напоминовение обо мне почтенному общему нашему знакомцу. Мне кажется, что музы весьма необдуманно поступили, выбрав вас, деятельного человека, Меркурием между двух парнасских ленивцев. Вы... глас вопиющий в пустыне; уготовайте путь, а никто и не пошевелится. Я таки кое-как подметаю пыль на дороге, а почтенный Аполлонов и Фемидин клеврет не возмется за секиру, чтоб угладить просеки, ведущие к Парнасу.

Благодарю вас, что вы меня, лентяя, не забываете и любите ефрейтора моего. Верьте, что мне всегда приятно помнить вас, но жалею, что вы так далеко избрали келью себе от берегов Псла. С истинным почтением и душевною преданностью пребуду навсегда, милостивый государь мой,

вашим покорным слугою
Василий Капнист.

270

А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

23 июня 1823 г.

Милостивый государь
Антон Антонович!

Чувствительнейше благодарю вас за доставление мне третьей части Сочинений в прозе и стихах. Несказанно лестно было мне видеть, что Общество наше благоволило уважить предложение мое препоручением почтенному сочлену своему, господину Калайдовичу, изыскания о первоначальнейшем славянском диалекте. Весьма сожалею, если подал я самомалейший повод заключить, что под названием русского диалекта подразумевал я варяго-русский язык: этого мне и в мысль не входило. Я признаю рус-

ским славянский общеупотребительный в Новгороде, в Москве и вообще в Великороссии диалект. По мнению моему, остался оный почти неизменным в сей стране как прежде, так и после перевода в Моравии священного писания. Сомневаюсь, впрочем, чтобы там или где-либо церковно-книжный диалект был разговорным, народным языком, ибо в переводе Евангелия, Псалтыри и так далее примечается некоторое мелочное подражание составу греческой грамматики, не свойственному, кажется, столь разнственным языкам. По принятию нами христинской веры церковно-книжный диалект сделался общеупотребительным для первых писателей наших, по большой части духовных особ, желавших из благоговения подражать всему, церковью присвоенному; но тогдашние разговорные, народные диалекты, чаятельно, оставались почти неизменными как в различных племенах славянских, так и в разных странах отечества нашего. Истина сия обнаруживается даже и в новейших столетиях: малороссияне, духовным служением обязанные, хотя сочиняли поучения свои на подражательном церковно-книжном диалекте, но малороссийское наречие не изменилось. Преобразование языков, по мнению моему, не столько от церковных книг, сколько от смешения народов происходит.

Из всего здесь кратко изложенного заключаю, что невозможно по одному введению к нам с верою христианскою церковно-книжного диалекта утвердить, что оный был источником русского языка и что сей одолжен всему первому.

Повторяю, что коренным, первоначальнейшим из них и из всех славянских диалектов имеет право признанным быть тот, который простотою и краткоправильностию наиболее отличается, ибо многосложность была всегда и во всем позднейшей наследницей простоты.

Об избытке пред русским диалектом звательного падежа и двойственного числа в церковно-книжном сомнения быть не может; всякое же излишество не означает первоначальности. О мнимо вспомогательных глаголах е с м ь, е с и, с т а н у и и м е ю должен я заметить, что первые два столько же происходят от глагола б ы т ь, сколько немецкие bin, beigentesen, war и werde от глагола sehn произведены быть могут. Что же касается до глагола с т а н у и и м е ю, то мне кажется, что первый, по противоположности с глаголом п е р е с т а н у, необдуманно под видом вспомогательного введен в простонародное наречие; а второй весьма поздно заимствован от церковно-книжного диалекта; относительно же вспомогательного, учащательного глагола б ы в а т ь, б ы в а ю, то оный явственно происходит от коренного вспомогательного глагола б ы т ь.

В заключение скажу, что я чувствительнейше обязан сочлену Общества нашего за оспаривание мысли моей: прения между благонамеренными людьми ведут почти всегда к истине.

Молчание о некоторых изложенных мною мнениях, как-то: о перемещении пятой песни Одиссеи в первую и о странствованиях Улисса не в Средиземном, но в Черном море, должен я почитать знаком презрения просвещенных читателей к моему велемудрствованию.

Покорнейше благодарю вас за доставление мне учебной книги русского языка, а наипаче за сообщение корректурных листов русской грамматики. Подвиг господина Греча, хотя в прежде ограниченном круге предполагаемый, заслуживает благодарность всех любителей отечественной словесности. Желательно только, чтобы оный совершен был с полным успехом; ибо опасаюсь, что великие затруднения в том предстоять будут господину Гречу, несмотря на вспоможение некоторых просвещенных и в словесности нашей весьма похвально отличившихся людей. Повторяю вам, что предприятие сочинить русскую грамматику на существенных и коренных правилах отечественного языка наиболее прилично Московскому университету не токмо как рассаднику всех других в отечестве нашем, но и потому, что

имеет он много сотрудников, необходимых для собрания подробностей, весьма затруднительных в толь обширном составе. Искренно сожалею, что неоднократные попытки мои к принятию о сем предложения моего остаются до сих пор безуспешными.

С истинным почтением и душевною преданностию пребуду навсегда,

милостивый государь,

вашим покорнейшим слугою
Василий Капнист.

Обуховка.
23 июня, 1823.

271

В. Я. ЛОМИКОВСКОМУ

13 августа 1823 г. Обуховка

1823 года, августа 13 дня. Обуховка

Чувствительнейше благодарю вас, любезный Василий Яковлевич! за превкусные гарбузы и дыни ваши. То-то разница, когда сам хозяин за всем смотрит и печется: у нас что бог дал и добрые люде приберегли.

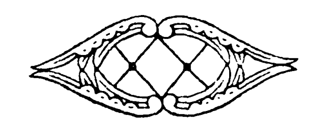
Сделайте одолжение уведомьте меня, когда почтенный благодетель наш Дмитрий Прокофиевич возвратится в Кибинцы. Я располагал быть у него 15 числа в Ересках, но весьма мучительная боль в спине, следствие, я думаю, шестидесятилетнего сгибания, мне препятствует исполнить желание мое. Вы не поверите, как я в эти два года ослабел. По всему видимому машина расстроилась так, что скоро ожидать надобно финала.

Прощайте. Обнимаю вас в мыслях. Все мои вам и любезной супруге вашей свидетельствуют свое почтение, а я целую ее руки. Прощайте.

Душевно преданный вам Василий Капнист.

На обратной стороне письма:

Милостивому государю моему
Василию Яковлевичу Ломиковскому. В Парке Трудолюба.



Приложения

ПРИМЕЧАНИЯ

Переводы

Предисловие к поэме «Картон». Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 71). Предисловие написано на бумаге, имеющей водяной знак 1812 года. Написано оно было не ранее конца 1814 или начала 1815 года в связи с подготовкой поэмы «Картон» к печати.

В переводе поэмы оссиановой «Картона»... поместил для образца несколько родов русского стихоразмерения. В черновой рукописи поэмы «Картон», хранящейся в БУАН (шифр: I. 5674), Капнист перечислил ряд русских народных песен, размеры которых он использовал для своего перевода этой поэмы. В числе этих песен им названы следующие: 1) «Как бывало у нас, братцы, через темной лес»; 2) «Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая»; 3) «Ах! почто было, ах к чему было по горам ходить»; 4) «У соловушки, у голубчика одна песенка», 5) «Уж как вниз было по Волге, Волге матушке реке».

Картон. Поэма, творение древнего Каледонского барда Оссиана, сына царя Фингала. Печатается по беловому авторизованному списку, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 71); список сделан на бумаге, имеющей водяной знак 1812 года; предположительно датируется нами 1813 годом. В БУАН хранится более ранний текст этой поэмы, писанный на бумаге 1803 года (шифр: I.5674).

Отрывки из поэмы были напечатаны в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 18), в статье «Краткое изыскание о гипербореанах» (от стиха *«Я видел сам огромные балклутские башни»* до стиха «Лучи твои переживет»), и в журнале «Аониды» (1796, кн. 1, семь заключительных строф под заглавием «Гимн к солнцу слепого старца Оссиана»). Полностью поэма была напечатана Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист. Избранные сочинения, Л., 1941.

Это произведение является переводом одной из поэм, изданных английским писателем Макферсоном в 1760 году в сборнике поэм шотландского барда III века Оссиана. Позднее было установлено, что Макферсон выдал за поэмы Оссиана свои собственные произведения. Поэмы Оссиана были переведены до Капниста Е. И. Костровым и пользовались в России большим успехом. Перевод Е. И. Кострова, изданный в 1792 году с посвящением А. В. Суворову, очень нравился великому полководцу.

Книжечку поэм Оссиана Суворов брал с собою в походы. Поэма «Картон» была переведена Н. М. Карамзиным.

Работа Капниста над переводом поэмы велась, как это видно из публикуемого здесь предисловия к «Картону», в начале 1790-х годов. Перевод отчасти носил экспериментальный характер. Капнист стремился использовать в этом переводе стихотворные размеры, свойственные русским народным песням.

Ценные сведения о работе над переводом поэмы «Картон» Капнист сообщает в письмах к С. С. Уварову «о эксаметрах». Во втором письме к С. С. Уварову «о гексаметрах» Капнист отмечает, что он взялся за перевод «Картона» по совету своего друга Н. А. Львова. «С признательностью скажу, — пишет он, — что ему обязан я первым знакомством с русским стихосложением. Пользуясь советами его, перевел я небольшую поэму Оссиянову „Картона", поместя в оной для сравнения как простонародными песенными, так и общеупотребительными ныне размерами, сочиненные стихи».

В первом письме к С. С. Уварову «о эксаметрах» Капнист указывает, что он, боясь придирок критики, не решался опубликовать свой перевод «Картона».

В конце 1813 года Капнист просил Г. Р. Державина прочитать перевод «Картона» в Беседе любителей русского слова. Державин ответил ему: «Не знаю, что скажут о Картоне, поелику многие подражания Оссиану нам представлены» (Державин, Сочинения, т. VI, 1871, стр. 279). Чтение поэмы в Беседе не состоялось, вследствие чего перевод не был напечатан при жизни Капниста.

Сады. Песнь вторая. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5693). Здесь же хранятся две получерновые рукописи этого произведения; одна из них писана на синей бумаге, имеющей водяной знак 1794 года.

Поэма «Сады» является переводом произведения французского поэта Делиля.

Над переводом поэмы Капнист работал в 1794—1795 годах, но работа осталась, по-видимому, не законченной.

О переводе поэмы «Сады» хорошо отзывается Н. А. Львов. «Поверишь ли ты, друг мой, — пишет он Капнисту в письме от 28 сентября 1795 года из села Никольского, — что ласкательная твоя ко мне доверенность, всегда мне удовольствие причинявшая, на теперешний раз меня оскорбила, и я перевода, мне кажется, очень хорошего никак не могу поправить, хотя некоторыми стихами не совсем доволен. Я как-то поглупел и потерял ту способность подделываться под тон приятелей своих, когда дело шло о поправлении какой-нибудь стихотворческой ноты. Может быть, по возвращении в Петербург и при свидании с лирическою музою Гаврила Романовича <Державина> возвратится ко мне способность услужать тебе, которую изменическое здоровье Марьи Алексеевны (жены Н. А. Львова, — *Д. Б.*) у меня похитило» (БУАН, шифр: III.23823).

Из указанного письма Н. А. Львова видно, что Капнистом был сделан перевод этой поэмы полностью, однако в полном виде в бумагах Капниста его не сохранилось.

Бессмертие. Печатается по рукописи «Сочинения Василия Капниста, часть 1-я», хранящейся в бумагах Капниста в БУАН (шифр: I.5669). Впервые было опубликовано в журнале «Друг просвещения» (1805, ч. 4, стр. 206) под заглавием «На бессмертие. (Сочинение г. Делиля)». Под стихотворением написано: «Пер. В. Капнист».

Данное стихотворение взято из поэмы Ж. Делиля «Дифирамб на бессмертие души». Эта поэма в переводе Александра Голицына была издана

в Москве в 1804 году отдельной брошюрой. Одновременно с московским изданием она была напечатана отдельным изданием в Петербурге в переводе Александра Лабзина. Перевод этого стихотворения Капнистом был сделан, вероятно, независимо от указанных изданий поэмы.

Ручей. Печатается по тексту «Лирических сочинений». Перевод с французского песенки Панара (Panard, 1694—1765). В оглавлении сборника «Лирические стихотворения» сказано: «Ручей. Перевод Ruisseau qui dans cette plaine». Перевод, по-видимому, был сделан в конце 1790-х—начале 1800-х годов.

Школа отцов. Отрывок из комедии Пиейра. Перевод. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5665). Рукопись состоит из 12 листов, сшитых в тетрадь; листы 5—12 чистые; бумага имеет водяные знаки 1798 года. Рукопись представляет собою первоначальную и незаконченную стадию работы над переводом пьесы. В написании имен действующих лиц еще не было выработано единообразия. Одно и то же лицо названо в рукописи по-разному: Дермантов, Дремонтов, Дормантов.

Перевод пьесы был задуман Капнистом в стихах. Первоначально полный перевод пьесы был сделан с французского прозою. Рукопись полного прозаического перевода под названием «Школа отцов», комедия в пяти действиях» имеется в бумагах Г. Р. Державина, хранящихся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 14, № 24). Она состоит из 65 листов полного формата; писана на двух сортах бумаги: белой и синей; синяя бумага имеет водяные знаки 1807 года. Судя по бумаге, прозаический перевод пьесы был завершен не ранее 1807 года. Рукопись прозаического перевода беловая, писана двумя писарскими почерками. Кем был выполнен прозаический перевод пьесы, никаких указаний нигде не сохранилось. Капнист несомненно пользовался прозаическим переводом пьесы. Об этом свидетельствует почти полное совпадение диалогов действующих лиц его стихотворного перевода с диалогами в прозаическом переводе пьесы. Однако Капнист сделал в своем стихотворном переводе некоторые отступления от прозаического перевода. В прозаическом переводе указано, что действие пьесы происходит в каком-то портовом городе на морской пристани. Капнист перенес действие пьесы в Москву. Он несколько руссифицировал фамилии действующих лиц пьесы. В прозаическом переводе действующие лица названы: Дермон, Розалия, Марселин. Капнист назвал их: Дермонтов, Елизавета, Маркелов. Из стихотворного перевода видно, что Капнист стремился связать в какой-то степени содержание пьесы с жизнью московского дворянского общества.

‹Надпись к памятнику Петру I в Полтаве›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: I.5691б). Черновой набросок стихотворения, хранящийся там же, написан на бумаге, имеющей водяной знак 1808 года. Надпись является переводом стихотворения неизвестного нам греческого автора. Об этом переводе Капнист пишет в письме к неизвестному князю от 14 июля 1811 года (см. письмо № 166).

Памятник Петру I был открыт в Полтаве 27 июня 1811 года (см. кн.: И. Фр. Павловский. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее водяной знак 1808 года. Надпись является переводом стихотворения не ревод данного стихотворения.

Проект памятника был составлен архитектором Томасом де Томоном. Памятник представляет собой высокую колонну, на верху которой помещен с лавровым венком в клюве орел, обращенный к полю знаменитого полтавского сражения. Томас де Томон так поясняет идею памятника:

«Так как колонна эта — триумфальный памятник, воздвигнутый в память Петра Великого, в честь самого памятного и решительного события его царствования, то я старался дать всей этой композиции характер оригинальный и, так сказать, присущий герою и его торжеству. С этой целью я прибегнул к аллегориям простым, но точным и ясным. Колонна из железа в 4 куска и, чтобы скрыть их соединение, каждый шов закрыт венком: первый из лавра и пальм, второй из лавра, а третий из дубовых листьев. Промежутки между венками заполнены изображениями перекрещенного оружия. Капитель образована из больших листьев, над которыми возвышается цоколь, увенчанный полусферой, на коей распростер свои крылья орел, держащий в когтях <стрелы> молний войны и в клюве лавровый венок» (И. Фр. Павловский, ук. соч., стр. 196).

Оды Горация.

Над переводами од выдающегося римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 годы до н. э.) Капнист работал с небольшими перерывами в течение более двадцати последних лет своей жизни. Одновременно с переводами он написал целый ряд подражаний одам Горация. Шестнадцать таких подражаний он впервые напечатал в сборнике «Лирических сочинений». В этом же сборнике были напечатаны им переводы двух стихотворений Горация: «Памятник» и «Призвание Венеры». Из переписки Капниста видно, что он очень взыскательно относился к своим переводам и требовал от своих друзей серьезных критических замечаний на них. В 1803 году Капнист посылал первые опыты своих переводов од Горация на отзыв знатоку латинского языка протоиерею Киево-Софийского собора И. В. Леванде и был очень недоволен тем, что последний вместо деловых замечаний на них написал переводчику льстивые комплименты. Обманутый в своих надеждах, Капнист писал в письме к И. В. Леванде от 24 сентября 1804 года: «Недовольно того, что за каждою изнанкою Горациевых од на место примечаний, о которых я вас просил, всегда осыпали вы меня хвалами на счет подлинника, так что всяк подслушавший оные мог бы сказать:

Во место доброго совета
Прислужливой рукою льстец
На темя тощего поэта
Кладет Горациев венец».

В начале 1820-х годов Капнист имел намерение издать свои переводы од Горация отдельной книгой. Им был составлен план такой книги и написано посвящение ее Александру I (см. том I настоящего издания). Книга должна была состоять из следующих разделов: 1) предисловия, 2) стихотворного перевода од, 3) прозаического перевода од и 4) примечаний. Порядок расположения од в книге был определен Капнистом в написанном им оглавлении книги, которое хранится ныне в БУАН (шифр: I.5682). Капнист намеревался включить в книгу 45 стихотворных переводов од, однако не все из намеченных переводов им были выполнены.

В настоящем издании соблюдается в расположении од тот порядок, который был определен Капнистом. В конце перевода од мы помещаем сохранившиеся к ним примечания, написанные самим Капнистом.

Подражания одам Горация, являющиеся вольной трактовкой сюжетов Горация, печатаются нами в первом томе настоящего издания вместе с другими оригинальными произведениями Капниста. Не включены в настоящее издание лишь прозаические переводы од Горация. Капнист, как он сам указывает в предисловии к переводам од Горация и в других своих статьях, не знал латинского языка. Прозаический перевод од был выполнен фактически не им, а его друзьями.

Что касается принципов стихотворного перевода од Горация, то Капнист подробно излагает их в предисловии к переводам.

Предисловие. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 63, лл. 10—23). Впервые было напечатано в сокращенном виде в статье А. А. Веселовского «Капнист и Гораций» в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» (кн. 1, т. XV, 1910).

Ничтожество богатств. Книга III, ода I. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60. лл. 32, 33). Впервые напечатана в «Трудах Казанского Общества любителей отечественной словесности» (1815, кн. I).

Примечания Капниста к оде печатаются впервые, по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 19, 20).

На разврат нравов. Книга III, ода VI. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 56—59). Впервые напечатана Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист. Избранные сочинения. «Советский писатель», Л., 1941.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 20, 21).

Против корыстолюбия. Книга III, ода XXIV. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 63—65). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 21, 22).

На роскошные обиталища. Книга II, ода XV. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 55, 56). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, л. 22).

Похвала сельской жизни. Эпод II. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 1—4). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Сильван. Древние признавали трех сильванов: одного — хранителя домов; другого — оберегателя садов; третьего — покровителя стад, который был тем же, чем Пан и Фавн. На Руси известны первые два под названием домовых и леших, а панов знают только в Польше и Малороссии. (Примечания В. В. Капниста. БУАН, шифр: I.5684).

Скромная беспечность. Книга III, ода XXIX. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 18—20). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист. Избранные сочинения.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 23, 24).

Способ к довольству. Книга III, ода XVI. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60 лл. 34—36). Впервые напечатана в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 18) под заглавием «К Меценату».

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 25, 26).

Переманка. Книга I, ода XVII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, лл. 2, 3). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 59).

Любовная клятва. Книга II, ода VIII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, лл. 4, 5). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в БУАН (шифр: I.5684).

Безопасность. Книга I, ода XXII. Печатается по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 52, 53). Впервые опубликована Б. И. Копланом в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61).

Мщение любовника. Эпод XV. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, л. 12). В конце автографа имеется дата: «1819 года, декабря 7 дня. Обуховка». Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист. Избранные сочинения.

Примечания Капниста к стихотворению публикуются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 59).

Способ утешения. Эпод XIII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, л. 16). Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 29, 30).

Расчетливое угощение. Книга IV, ода XII. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, лл. 27, 28). В конце рукописи стоит дата: «1820 года мая 12 дня. Обуховка». Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 59).

Мореплавание. Книга I, ода III. Впервые напечатана в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1821, ч. XIX) под названием «Из Горация (кн. I, ода III)». В оглавлении, составленном Капнистом к книге переводов од Горация, и в прозаическом переводе стихотворения оно названо: «Мореплавание». Здесь печатается по тексту первого издания.

Примечания Капниста к оде публикуются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 59).

Проклятие дереву. Книга II, ода XIII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 15, 16). В конце рукописи стоит дата: «1820 года мая 25 дня. Обуховка». Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 59).

Болящему другу. Книга II, ода XVII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, лл. 29, 30). В конце рукописи имеется дата: «1820 года. Обуховка». Впервые напечатана в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 59).

На смерть друга. Книга I, ода XXIV. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, лл. 25, 26). В конце рукописи стоит дата: «1816 года сентября 15 дня. Обуховка». Впервые напечатана в «Журнале древней и новой словесности» (1818, ч. I, № 1). Примечания Капниста к оде находятся в конце текста оды.

Предпочтение стихотворца. Книга I, ода I. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 64, лл. 3, 4). Впервые напечатана в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1819, ч. XV) под заглавием «Ода Горация к Меценату».

К Мельпомене. Книга IV, ода III. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, л. 31). Впервые

напечатана в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1822, ч. II).

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 38, 39).

Пиит-лебедь. Книга II, ода XX. Печатается по беловой авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, лл. 61, 62). Впервые напечатана в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1824, ч. IV) под названием «Ода Горация».

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 39, 40).

‹О достоинстве стихотворства›. Книга IV, ода VIII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 64, л. 9). Впервые была напечатана в «Трудах Казанского Общества любителей отечественной словесности» (1815, кн. I).

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 10—14).

Следующий вариант перевода второй строфы этой оды Капнист посвятил своему другу В. С. Томаре:

Но сим искусством, — сам ты знаешь,
Томара! не был я богат;
И от убогих не желаешь
Толь драгоценных ты заплат;
Притом и редкостьми не нужно
Приумножать богатый сбор,
Чтоб ими только в час досужной
Развлечь или забавить взор.
Стихи ты любишь, и стихами
Дарить тебя прилично мне:
«Вот Флакк: — коль чтимого веками
Творца узнаешь... в зипуне».

(ИРЛИ, ф. 122, № 60, л. 50).

Памятник Горация. Книга III, ода XXX. Печатается по тексту «Лирических сочинений».

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, лл. 10—14). Имеется другой перевод Капниста этой оды, хранящийся в ГПБ (бумаги Г. Р. Державина, № 27, л. 51):

Се памятник воздвигнут мною
Превыше царских пирамид,
И меди с твердостью большою,
Он вековечнее стоит.
Ни едкий дождь, ни ветр шумящий,
Ни времени полет грозящий
Его не сильны низложить.

Не весь я тленностью возмуся,
Но часть не малая меня
Уйдет, — и я тогда явлюся
Опять в сияньи новом дня;
Хвалою позднюю воскресну
И буду цвесть, — пока небесну
Рим будет жертву приносить.

Где волны Авфида клубятся,
Где царство Давн свое имел,
В устах всех будет повторяться,
Что подлый Флакк предать умел
Эольский стих латинской лире, —
Гордись, гордись сим, Муза, в мире
И лавром увенчай меня!

К слуге. Книга I, ода XXXVIII. Печатается по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 60, л. 53 об.) Впервые опубликована в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

Примечания Капниста к оде публикуются по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 61, л. 28).

Фавну. Книга III, ода XVIII. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 67, лл. 20, 21). Впервые опубликована в книге: В. В. Капнист, ук. соч.

К Пирре. Книга I, ода V. Печатается по авторизованной копии, хранящейся в ИРЛИ (ф. 122, № 64, л. 1). В конце рукописи стоит дата: «1818 года октября 4 дня. Обуховка». Впервые напечатана в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1819, ч. XV).

Слово о полку Игореве. Перевод этот сохранился в двух местах: в ИРЛИ (ф. 122, №№ 69, 70) и в Киеве в БУАН (шифр: I.5711).

В Институте русской литературы эта работа сохранилась в подлинных авторских рукописях, разделенных на три больших тетради, сшитых в полный лист. К работе приложено на двух отдельных листах предисловие.

Тетрадь 1 (лл. 1—6) содержит «Историческое содержание песни о походе на половцев князя Игоря Святославича».

Тетрадь 2 (лл. 1—12) заключает в себе перевод «Песни о ополчении Игоря, сына Святослава, внука Ольгова».

Тетрадь 3 (лл. 1—52) содержит примечания на «Слово о полку Игореве».

Вместе с этими тетрадями находятся черновые наброски и разные исторические выписки Капниста к данной работе, сделанные на 54 листах. Вся рукопись занимает 126 листов.

В Государственной Публичной библиотеке Украинской ССР эта работа имеется в писарской авторизованной копии, на которой сделана надпись рукой В. В. Капниста: «Разные сочинения и планы их». Название глав в копии и порядок их расположения такой же, как и в рукописи, хранящейся в ИРЛИ. Однако эта копия по объему неполная: в ней нет конца примечаний. По содержанию примечаний и стилистической отделке перевода «Слова» копия во многих местах отличается от рукописи; она отражает собою уже последнюю и окончательную редакцию всей работы.

Текст перевода печатается здесь по авторизованной копии, отдельные описки и ошибки переписчика нами исправлены по первоначальной рукописи. Графическое расположение строк в начале «Слова», в целях сохранения ритмичности перевода, сохраняем в том виде, в каком оно имеется в автографе Капниста. Сохраняем также по автографу подстрочное примечание на слова «Не буря соколы занесе чрез поля широкая», которое в копии отсутствует.

Примечания с 1 по 140 к переводу печатаем по авторизованной копии, со 141 и до конца — воспроизводим по первоначальной авторской рукописи, так как в копии они отсутствуют.

Имеющиеся в тексте примечаний к переводу обильные ссылки на печатные источники нами сверены с соответствующими изданиями XVIII и начала XIX столетий. Замеченные ошибки в них, особенно в части неверного указания на нумерацию страниц, везде исправлены по тексту указанных изданий.

Капнист работал над переводом «Слова» в течение нескольких лет. Обнаруживается, что между первоначальной рукописью и копией имеется промежуток в три-четыре года. Прямых указаний на время работы над переводом ни в авторской рукописи, ни в копии не имеется. О начале и завершении этой работы можно судить на основании лишь косвенных данных и на основании писем Капниста и его друзей.

В предисловии к своему переводу Капнист упоминает о примечаниях к «Слову о полку Игореве» А. С. Шишкова, напечатанных в 1805 году в первой части «Сочинений и переводов, издаваемых Российской Академией». Следовательно, к письменному оформлению своей работы над «Словом» Капнист мог приступить лишь после 1805 года. Это подтверждается также и бумагой рукописи Капниста. На всех ее листах имеются водяные знаки 1809 года.

Среди черновых набросков к этой работе имеется отпуск письма Капниста к киевскому губернскому почтмейстеру Ивану Саввичу Бажанову, в котором он сообщает о своей работе над переводом «Слова». «...позвольте вопросить вас, — пишет Капнист Бажанову, — как древний памятник древней российских князей столицы, об одном древнем до оной относящемся известии. — В „Слове о полку Игореве", сочиненном в конце XII столетия, князь Святослав говорит: „Всю нощь с вечера босуви враны възграяху, у Плесньска на болони бъеша дебрь Кисаню, и не сошлю к синему морю". Сия речь для меня весьма темна, потому что не знаю, кто был бос, которому сии вороны принадлежали, где отыскать Плесньск на болони и дебрь Кисаню».

Письмо заканчивается следующими словами: «...я перевожу сочинение сие из древнего русского на ныне употребительный язык и желаю объяснить оное нужными примечаниями».

Письмо к И. С. Бажанову писано на бумаге, имеющей водяной знак 1809 года. На письме указана дата: «25 апреля». По всем данным Капнист обращался к Бажанову за разъяснениями темных мест «Слова» 25 апреля 1810 года. Именно в 1810 году, как сообщает об этом историк А. И. Ермолаев, Капнист писал примечания на «Слово». А. И. Ермолаев навестил летом того года Капниста в Обуховке. «Беседы с Васильем Васильевичем так нас занимали, что мы прожили у него дней 9-ть, — пишет А. И. Ермолаев А. Н. Оленину в письме от 18 августа 1810 года. — Он занимается объяснением П е с н и о п о х о д е И г о р я н а п о л о в ц е в. Кенигсбергской печатной летописец, Татищева и Стриттерова истории да небольшой российской Атлас — вот все его пособия. Удивительно, как с такими ничтожными средствами Василий Васильевич мог написать нечто хорошее» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 211, шифр: 3623.2).

Из указанного письма А. И. Ермолаева видно, что в августе 1810 года Капнист уже закончил в основном свою работу над переводом «Слова» и примечаниями к нему. В дальнейшем он только совершенствовал свой труд.

Некоторые уточнения о дальнейшей работе Капниста над «Словом» даст авторизованная копия ее. Копия написана на бумаге с водяными знаками 1813 года. В копии имеется уточнение ученого звания А. С. Шишкова. В предисловии первоначальной рукописи Шишков назван «членом Российской Академии»; в копии он именуется уже президентом Российской Академии. Такая перемена не случайна, она отражает действитель-

ный факт биографии Шишкова. Шишков был назначен президентом Российской Академии в 1813 году.

Приведенные данные позволяют отнести работу Капниста над переводом «Слова» к периоду 1809—1813 годов. Впервые его труд был опубликован нами в 1950 году (см.: Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. Сборник «Слово о полку Игореве» под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950).

В этом большом труде Капнист предстает перед читателями как один из первых переводчиков и комментаторов «Слова о полку Игореве». В первом десятилетии XIX века, вслед за опубликованием «Слова», многие русские писатели проявили большой интерес к этому замечательному памятнику. Известно, что под глубоким впечатлением от памятника А. Н. Радищев написал в 1800—1802 годах патриотическую поэму «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам». «...ниспошли, — обращается он к Бояну, — ко мне песнь твою из горных чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь ироев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздается во всех краях, населяемых потомками колен славянских» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, 1938, стр. 54).

Однако несовершенство перевода «Слова», сделанного первыми его издателями, наличие в нем многих темных мест, малоизвестных имен, устарелых и славянских слов вскоре же вызвали потребность дать новый перевод его, более понятный и доступный широкому читателю. В 1805 году появляется в печати один из таких переводов с обширными примечаниями к нему, сделанный А. С. Шишковым (см.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. 1, 1805, стр. 77—234).

В 1811 году, когда Капнист уже работал над переводом «Слова», в печати появилось несколько отрывков «Слова», переведенных стихами Н. Язвицким (‹Николай Язвицкий›. Введение в науку стихотворства, или рассуждение о начале поэзии вообще. СПб., 1811, стр. 96—108).

В этот период было сделано еще несколько опытов перевода, которые в печать тогда не попали (См. об этом в книге: Л. К. Ильинский. Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пгр., 1920, стр. 10). Причем мотивы, по которым делались эти переводы, в основном были одинаковыми. Так, в предисловии к одному из неопубликованных тогда переводов неизвестного автора сказано: «Сия поема писана в исходе XII века на славенорусском языке, но столько встречается в ней малороссийских названий, что незнающему польского языка трудно и понимать. В переводе ж сем не сохранено ни оригинальности древнего, ни ясности нынешнего диалекта, то в рассуждении сего и хотелось мне очистить его от всех пустяков, сделать приятным для чтения и в примечаниях объяснить обстоятельствы исторические» (см.: Л. К. Ильинский, ук. соч.).

Появившиеся новые переводы оказались вследствие весьма субъективного подхода переводчиков к древнему памятнику также мало удачными. Перевод Н. Язвицкого содержит много произвольных объяснений слов, иногда еще более затемняющих смысл оригинала. Например, «къмети» (воины) он переводит: метить в цель.

Перевод Шишкова, как это видно из объяснения самого Шишкова, основан также на «вероятных догадках» и содержит местами пропуски и сокращения встречающихся в подлиннике «невразумительных мест» (Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, стр. 201—203).

Шишков в основу своего перевода и примечаний к нему положил эстетический принцип. Его многословные примечания чрезвычайно субъективны; в них почти на каждой странице встречаются восторженные вос-

клицания и громкие эпитеты, которые по существу дела не вносят никакой ясности в темные места древнего памятника. «Какой великолепный приступ!» — восклицает он по поводу слов о вещем Бояне. Не менее патетично говорит он о глаголе **растекаться**: «Как знаменателен здесь глагол растекался! Не видим ли мы выходящую из головы Бояна реку мыслей, растекающуюся по всему пространству мира». Аналогичным образом он восторгается глаголом **рокотать**. «Какая приличная и величавая похвала Бояну! — восклицает он. — Красоту и сладкогласие глагола рокотаху никаким другим глаголом заменить здесь не можно» (Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, ст. 85, 86, 90).

Сосредоточив все свое внимание на языке произведения, Шишков совершенно не коснулся его содержания, его исторической и идейной основы. Реальные исторические события, которые легли в основу «Слова», для него имели второстепенное значение. Он отказался от рассмотрения их потому, что они казались ему «темны и невразумительны». «Каждая речь его, — пишет он об авторе «Слова», — означает особливое некое происшествие или обстоятельство, которых, может быть, и самая история подробно объяснить не в состоянии; а потому и остаются оные для нас темны и невразумительны. Статься может, что вникая в историю, до некоторых из них не трудно добраться; но как мое намерение рассмотреть токмо силу слов и красоту языка, того ради истолкование всего исторического в сей древней песни предоставляю я другим, желающим в том потрудиться» (Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, стр. 126).

Капнист выдвигает новый принцип перевода, заключающийся в историческом истолковании «Слова». «С отличною разборчивостию и изящным вкусом, — пишет он о переводе А. С. Шишкова, — изложил он витийственные красоты сего творения, и тем заслуживает достодолжную признательность всех любителей отечественного слова. Не находя ничего присовокупить к его по сей части суждениям, предприял я только сделать опыт маловажных исторических исследований, на которые, как из объяснений его видно, не хотел он обратить своего внимания».

Перевод Капниста, таким образом, представляет собою первый опыт исторического подхода к изучению «Слова о полку Игореве». Капнист не побоялся упомянутых Шишковым трудностей в деле объяснения темных и кажущихся «невразумительными» «обстоятельств», содержащихся в «Слове». Для изучения таких обстоятельств он привлек себе на помощь историческую науку и в соответствии с ее тогдашним уровнем дал свои объяснения.

Капнист привлек для своих примечаний большой материал. Он использовал все доступные тогда ему исторические и географические источники. Из числа печатных трудов им использованы: «Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года» (СПб., 1767), изданная под редакцией ученика Ломоносова адъюнкта Академии наук И. С. Баркова; «История Российская с самых древнейших времен... собранная и описанная... Васильем Никитичем Татищевым» (кн. I, ч. 1, 1768; ч. 2, 1769; кн. II, 1773; кн. III, 1774); «Известия византийских историков, объясняющие Российскую историю древних времен и переселения народов. Собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером», (СПб., ч. I, 1770; ч. II, 1771; ч. III, 1774; ч. IV, 1775); «История Российского государства, сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером» (СПб., ч. I, 1800; ч. II, 1801; ч. III, 1802).

Не довольствуясь печатными источниками, Капнист обращался за справками и разъяснениями к ряду лиц, хорошо знающих народные предания и топографию тех мест, где происходили описываемые в «Слове»

события. Выше мы уже упоминали о письме его к киевскому почтмейстеру И. С. Бажанову, в котором он просил дать разъяснения на слова бос, Плесньск на болони и дебрь Кисаня. «Может быть сии названия, — писал он Бажанову 25 апреля 1810 года, — испорчены переписчиками; то нельзя ли отыскать... киевских, хоть похожих на оныя? Например, у великого князя Владимира 1-го был витязь Чурило Пленкович. Отец его, по-видимому, назывался Пленко. Не осталось ли урочища такого имени? — Возле оного должно отыскивать и дебрь Кисаню. А болонь или, может быть, оболонье не было ли древле внизу старого Киева, где теперь Подол? Название бос может быть статься бус, бес или даже и бъс? Не назывался ли в древности так кумир Чернобог, которому и вороны в черноте своей принадлежали?».

Обращение за справками к Бажанову не было единственным. В своих примечаниях Капнист упоминает имя знатока древнерусской истории А. И. Ермолаева и других лиц, на труды которых он опирался в своей работе.

Но наиболее широко из всех материалов Капнист использовал в своей работе «Летопись Несторову» издания 1767 года и «Историю Российскую» В. Н. Татищева. За четверть века до появления в печати «Слова о полку Игореве» в этих изданиях были напечатаны летописные рассказы о походе князя Игоря Святославича на половцев. (В «Летописи Несторовой» рассказ о походе князей северских и черниговских против половцев напечатан на стр. 276—278; в «Истории Российской» Татищева рассказ помещен в III книге на стр. 260—265). Эти рассказы сыграли огромную роль в деле изучения «Слова». Они частично были использованы уже первыми издателями «Слова» Мусиным-Пушкиным и его помощниками, а затем частично также и Шишковым. В первом издании «Слова» была помещена вступительная статья под названием «Историческое содержание песни», составленная на основании данных «Истории Российской» Татищева. Шишков в своих примечаниях на «Слово» сделал подробную выписку из III книги Татищева о побеге князя Игоря из половецкого плена (см.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, стр. 179—185).

Следует отметить, что некоторые скептики использовали в начале XIX века эти летописные рассказы для создания концепции о подложном характере «Слова о полку Игореве», о написании его, с возможным использованием труда Татищева, в XVIII веке. Эта ложная концепция, как известно, докатилась до нашего времени.

Капнист использовал летописные рассказы о походе князя Игоря на половцев в полном их объеме. Он показал на основании этих рассказов всю несуразность заявлений скептиков. Первая часть его главы «Краткая повесть о несчастной войне противу половцев удельного новгород-северского князя Игоря» полностью посвящена полемике по данному вопросу.

Во второй части этой главы Капнист дает подробный пересказ летописных рассказов о походе князя Игоря. Он вводит читателя в круг реальных исторических событий, которые нашли свое отражение в «Слове».

В переводе самого «Слова» и в примечаниях к нему Капнист также пытался показать реальные жизненные истоки, питавшие автора этого произведения. Стремление Капниста видеть в «Слове» отражение конкретной исторической эпохи в жизни русского народа делает его перевод близким и созвучным нашему времени.

Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении. Печатается по тексту «Чтения в Беседе любителей русского слова» (1815, № 18), где впервые статья была опубликована.

Статья была начата в конце 1780-х годов. Работа над ней продолжалась с перерывами в течение ряда лет. Капнист в письме втором к С. С. Уварову «о эксаметрах» называет эту статью современной радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву», изданному, как известно, в 1790 году. Говоря о поэме Н. А. Львова «Добрыня», Капнист пишет Уварову в названном письме: «В начале неоконченной поэмы его „Добрыни“, современной сочинению г-на Р‹адищева› и моему изысканию о гипербореанах, изъясняется он насчет эксаметров следующим образом. . .». Статья была закончена лишь в 1814 году и тогда же представлена на отзыв в Беседу любителей русского слова.

В данной статье Капнист ставит вопрос о происхождении славян и о древнейших истоках русского искусства и поэзии. Он полагает, что предками славян был народ, который упоминается в античной мифологии под названием гиперборейцев. Этим вопросам Капнист намеревался посвятить еще несколько статей. В его бумагах, хранящихся в ИРЛИ, имеются две незавершенные черновые рукописи. Одна из них посвящена анализу древнегреческих мифов о гиперборейцах, вторая — мифологии Титанов, от которых, по мнению Капниста, гиперборейцы вели свое происхождение. В дальнейшем Капнист хотел объединить эти две статьи со статьей «Краткое изыскание о гипербореанах» и издать их отдельной книгой. Замысел остался не реализованным главным образом потому, что Капнист не встретил среди своих друзей одобрения своей гипотезы о происхождении славян от гиперборейцев. В черновом наброске предисловия к несостоявшемуся сборнику названных статей Капнист пишет: «Толь важное открытие сообщил я некоторым просвещенным приятелям моим, и они сочли оное бредом! Сколь ни прискорбно было мне слышать таковое их о новоотысканной мною вероподобности заключение, но как, по словам Гомера, „и дым отечества приятен“, то продолжал я заниматься на досуге бредом о славе родоначалия нашего» (ИРЛИ, ф. 122, № 45).

Примечания Капниста, приложенные к этой статье, печатаются впервые по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 95, лл. 26—31).

Предание полагало у него колыбель Латоны. Латона — римское название греческой богини Лето.

Сатурн, отец богов, царствовавший в течение золотого века. Сатурн (рим.) — в греческой мифологии Кронос — титан, сын Урана (Неба) и Геи (Земли). Золотой век — общее многим народам представление о счастливой, полной всяких благ жизни. Согласно легенде, переданной греческим поэтом Гесиодом, золотой век относится к периоду царствования Кроноса.

Атлас. . . сын Япетов. Атлас — морское божество, поддерживающее столбы, на которые опирается небо. Апет — сын титанов.

Гесперидские сады. Геспериды (греч.) — дочери Атланта и Геспериды, обитавшие где-то на крайнем Западе; они жили в саду, где росли золотые яблоки. Похищение яблок из сада Гесперид, охранявшегося драконом, было одним из 12 подвигов Геракла.

Некоторые принимают его за Магога, сына Яфетова. Магог упоминается в Библии (Быт., 10, 2) в качестве второго сына Яфета. Яфет (упоминается в Библии) — сын Ноя, почитается родоначальником группы народов на севере от Палестины.

Девкалион... принес из Скифии в Финикию с повестью Адониса богослужение солнцу. Девкалион — сын Прометея. Адонис — символ весны — представлялся в греческой мифологии в виде прекрасного юноши, любимца богини любви и красоты Афродиты.

сожитие его с сиреною. Сирены — морские вероломные чудовища, увлекавшие мореплавателей своим пением. В XII песне «Одиссеи» Гомера рассказывается эпизод, как хитроумный Одиссей сумел ускользнуть от сирен. Древние греки помещали жилище сирен на берегу Сицилийского пролива, очень опасного для мореплавателей.

разбившие лигуров. Лигуры — группа племен, населявших с VI века до н. э. северо-западную часть Италии и прибрежную юго-восточную часть Галлии. Начиная с III века до н. э. лигуры вели упорную борьбу против римских завоевателей. Были окончательно покорены римлянами в I веке до н. э.

пополняется там повестью о Фреи. Фрейя — в скандинавской мифологии богиня плодородия, жена Ода, которого она ищет по земле, оплакивая золотыми слезами.

с изображением Януса. Янус — верховное божество дня у древних римлян, изображался с двумя лицами, обращенными в разные стороны.

как-то: Олаус-Рюдбек, Бальи. Олаф Рудбек (1630—1702) — шведский ученый. Бальи Жан Сильвен (1736—1793) — французский астроном, автор «Histoire de l'astronomie» (пятитомное издание, вышедшее в Париже в 1775—1787 годах).

славный в древности остров Атлантидский. Атлантида — по древнегреческому преданию, некогда существовавший большой остров в Атлантическом океане, населенный культурным и могучим племенем атлантов. Атлантида исчезла, погрузившись в волны океана. Попытки исследователей разыскать этот остров не имели успеха.

Предисловие о народном русском пении, писанное в 1790 году Н. А. Л. Имеется в виду трактат о русском народном пении Николая Александровича Львова, который он предпослал к изданному им в 1790 году сборнику «Собрание русских народных песен с их голосами».

Пускай вопросит потомков Платона, Пиндара, Зевксиса и Праксителя. Платон — древнегреческий философ, живший в 427—347 годах до н. э. Пиндар (518—442 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт. Зевксис (последняя треть V—начало IV века до н. э.) — знаменитый древнегреческий живописец. Пракситель — великий древнегреческий скульптор середины IV века до н. э.

миролюбивые агрипеи. Агрипеями Геродот называет народ, живший около Каменных гор (предполагают — Уральских).

Но в недавнем времени, обременя почтенных слушателей моих скучным сего предмета изложением. Капнист имеет в виду свое первое письмо к С. С. Уварову «о эксаметрах», которое он читал в средине 1814 года в Беседе любителей русского слова.

Приятный певец Ильи Муромца. Имеется в виду Н. М. Карамзин и его неоконченная поэма «Илья Муромец».

знаменитый певец Энея. Имеется в виду римский поэт Вергилий (70—19 гг. до н. э.), автор эпической поэмы «Энеида», в которой повествуется о странствиях и войнах троянца Энея, основавшего, согласно легенде, царство на латинской земле.

Книга Зороастра есть закон всей Западной Азии. Зороастр — мифический пророк Зоратуштра, которому предание приписывает создание зороастризма — религии древних народов Средней Азии, Азербайджана и Персии. Книга Зороастра «Авеста» составлялась в течение многих веков. Древнейшими частями «Авесты» являются яшты — молитвы и мифы о богах и героях, и гаты — гимны, написанные, согласно преданию, Зоратуштрой.

предоставляю... особенное в последующих бредах моих место. «Бредами» Капнист называет здесь две свои незавершенные статьи, в которых он продолжает развивать свои мысли о гиперборейцах.

‹Письмо первое к С. С. Уварову о эксаметрах›. Печатается по тексту «Чтения в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17), где впервые оно было опубликовано. Этим письмом открывается полемика между Капнистом и Уваровым о принципах перевода «Илиады» Гомера. Поводом к этой полемике, как указывает Капнист в начале настоящего письма, послужила переписка между С. С. Уваровым и Н. И. Гнедичем, напечатанная в 1813 году в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (№ 13). Уваров в своем письме, напечатанном в «Чтении в Беседе» (№ 13), рекомендовал Гнедичу переводить «Илиаду» «греческим стопосложением» — эксаметром. Он отмечал, что александрийский стих, размером которого Е. И. Костров начал переводить «Илиаду», не может передать красот греческого подлинника. «Александрийский стих, — писал С. С. Уваров, — поистинне весьма недостаточен; не только монотония его тягостна слуху, но он своею сухостию, краткостию и невольным ударением на полустишие заслужил хулу самих французов» («Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, № 13, стр. 63). Гнедич согласился с доводами Уварова против александрийского стиха, которым он первоначально намеревался сделать свой перевод «Илиады». В «Чтении в Беседе» (№ 13) он напечатал в качестве опыта свой перевод шестой песни этой поэмы, сделанный эксаметром.

Настоящее письмо Капниста было написано, надо полагать, в начале 1814 года, вскоре после выхода в свет «Чтения в Беседе любителей русского слова» (№ 13). Капнист, соглашаясь с тем, что александрийский стих утомителен для слуха, в то же время считал, что не менее тяжелым для русского читателя является и эксаметр. В настоящем письме он настаивает на том, чтобы древнегреческие эпические поэмы переводились размером, свойственным русскому языку. Он предлагает искать основу метрической системы в русских народных песнях. Более подробную аргументацию по этому вопросу Капнист развернул в письме втором к Уварову «о эксаметрах».

Свидетельствуюсь им самим, что я первый предложил ему продолжение Кострова перевода Илиады. Из писем Капниста к Гнедичу видно, что Капнист вдохновлял Гнедича и оказывал ему большую моральную поддержку в работе над переводом «Илиады». «Но, бога ради, не бросайте Гомера. Это будет прямое самоубийство», — писал он Гнедичу в письме от 4 октября 1808 года. Н. И. Гнедич, занятый целыми днями делами по службе в Публичной библиотеке, работал над переводом «Илиады» урывками. У него не было ни времени, ни материальных условий для того, чтобы полностью отдаться этой работе. Капнист, учитывая эти трудности, обратился к министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому с просьбой исходатайствовать у Александра I приличное жалованье Н. И. Гнедичу за его перевод «Илиады» (см. письмо Капниста к гр. А. К. Разумовскому от 16 августа 1810 года).

С аналогичными просьбами поддержать перевод Гнедича Капнист обратился к влиятельным при Министерстве народного просвещения чиновникам, к В. С. Томаре и др.

Капнист помогал Гнедичу совершенствовать перевод его «Илиады». «Прошу прежде издания в свет прислать мне 7 и 8-ю песни, буди можно с буквальным переводом, — писал он Гнедичу в письме от 29 сентября 1809 года. — Я поспешу возвратить их с моими замечаниями. Вы знаете, как я ревностно желаю, чтоб все, что выходит из под пера друзей моих, было совершенно».

Вдруг обратили вы его... на стезю, утоптанную вечной тяжело стихослагательной памяти сочинителем Тилемахиды! Имеется в виду В. К. Тредиаковский, издавший в 1766 году свой двухтомный перевод «Тилемахиды», выполненный гексаметром.

Я даже осмелился показать труд мой почтенному... творцу Россияды. Имеется в виду М. М. Херасков.

а также приятному... сочинителю Марфы Посадницы. Имеется в виду Н. М. Карамзин.

введение алкейских стихов в латинский язык почитает он подвигом, здание египетских пирамид превосходящим. Имеются в виду следующие стихи, содержащиеся в «Памятнике» Горация:

Я памятник себе воздвигнул долговечной;
Превыше пирамид и крепче меди он...
Я первый, вознесясь от низкия породы,
В латинские стихи эольску меру ввел.

(Перевод В. В. Капниста).

‹Письмо второе к С. С. Уварову о эксаметрах›. Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 54). Рукопись писана на 38 листах синей бумаги; на последнем ее листе имеется дата: «1815 года марта 10 дня».

Письмо было написано в ответ на письмо С. С. Уварова о эксаметрах, прочитанное им в июне 1814 года на заседании в «Беседе любителей русского слова», а затем напечатано в «Чтении в Беседе» (1815, № 17).

Весна коснит, а дни бегут. Это стихотворение с некоторыми изменениями было впервые напечатано под заглавием «Старик, ожидающий весны» в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» в 1821 году (ч. 19) и затем еще раз там же в 1826 году (ч. 6).

и мысленно переселяся в окрестности Геликона. Геликон — горная цепь в Беотии; в греческой мифологии считается жилищем бога поэзии и муз.

Помню плачевную судьбу Гектора и победу Ахиллеса. Гектор и Ахиллес — герои «Илиады» Гомера, участвовавшие в троянской войне.

Амфион песнями своими заставил камни тронуться и чудесно сложиться в твердыни Фив. Амфион считался в древнегреческой мифологии сыном Юпитера; был искусный музыкант; благодаря чудесным звукам своей флейты, которые могли передвигать даже камни, он построил фивские стены, между тем как брат его Зеф, при всей своей могучей силе, едва мог сдвинуть предназначенные для основания стен глыбы. Эта аллегория подчеркивала превосходство разума над физической силой.

Почтенный Сарти. Сарти (1729—1802) — видный итальянский композитор. В 1784 году был приглашен в Россию, занимал должность придворного капельмейстера.

пурпуровою туникою Калиопы. Калиопа («обладающая прекрасным голосом») — самая могущественная из всех девяти муз, богиня поэзии.

Первый к сему открытию шаг сделал... Николай Александрович Львов переводом песни Герольда Храброго. «Песнь норвежского витязя Гарольда Храброго» в переводе Н. А. Львова была напечатана отдельным изданием в Петербурге в 1793 году.

Душеньку, а не Илиаду прилично писать разномерными стихами. «Душенька» — поэма И. Ф. Богдановича, пользовавшаяся в конце XVIII— начале XIX века большой популярностью.

Читая строки сии, может быть, подумаете вы, что я без внимания пропустил приведенное в ответе вашем рассуждение почтенного г-на Р‹адищева›. С. С. Уваров в своей полемике с В. В. Капнистом сделал попытку опереться на А. Н. Радищева. Он поместил в своем ответе Капнисту о эксаметрах, напечатанном в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (№ 17), отрывок рассуждения Радищева о русском стихосложении из главы «Тверь» «Путешествия из Петербурга в Москву». Эстетические и общественные взгляды писателя-революционера Радищева были чужды Уварову. Уваров использовал отрывок из «Путешествия» сугубо в полемических целях. Попытка Уварова противопоставить взгляды Радищева по проблемам русского стихосложения мнению Капниста встретила со стороны последнего, как это видно из настоящего письма, решительное возражение.

и сам отец оного... признался наконец в заблуждении своем и в истинном раскаянии торжественно исповедал грех свой и обещал исправиться. Вот слова его. После этого примечания Капнист написал на полях рукописи карандашом: «Тут выписать из его книги точные слова». Капнист, очевидно, надеялся найти какую-то необходимую ему цитату в сочинениях В. К. Тредиаковского, но, не найдя ее, оставил в своей рукописи пустое место.

О восстановлении первых шести песней Одиссеи в первобытный их порядок. Печатается по тексту отдельного издания, выпущенного в Петербурге в 1819 году с французским переводом. Впервые статья была опубликована в сокращенном виде в журнале «Сын отечества» (1817, ч. 41, № 40).

Дерзость исправлять чертеж Одиссеи. Капнист имеет в виду композицию поэмы. Сюжет «Одиссеи» почерпнут из цикла героических сказаний о Троянской войне. Эти сказания, передававшиеся из поколения в поколение в течение нескольких веков, подвергались многим изменениям. Они распространялись в различных вариантах, пока не получили литературного оформления в виде двух поэм — «Илиады» и «Одиссеи», авторство которых было закреплено за Гомером. «Одиссея», как и «Илиада», была разбита античными учеными на 24 книги. Композиция «Одиссеи» сложная. Сюжет поэмы развертывается непоследовательно, как это имеет место в «Илиаде». Повествование о главном герое поэмы Одиссее начинается лишь с пятой книги.

В науке о гомеровском эпосе вопрос о композиции «Одиссеи» относится к числу наиболее дискуссионных (современный обзор теорий, объясняющих композиционные неувязки и противоречия в поэмах «Илиады» и «Одиссеи» см. в книге: И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1951, стр. 51—57).

Капнист в настоящей статье исходит из предположения о том, что в первоначальном виде «Одиссея» отличалась большим единством частей, что раздробленность сюжета поэмы и имеющиеся в ней противоречия появились в результате позднейшей устной передачи ее рапсодами. Он предлагает свой «чертеж», который позволяет, по его мнению, восстановить нарушенные рапсодами естественные связи между песнями поэмы.

Около 400 лет после Омира, явственные рапсодами искажения творений его принудили Пизистрата и сына его Ипарха к исправлению оных. Существует предание о том, что в VI веке до н. э. афинский тиран Писистрат позаботился об установлении некоторого официального текста «Илиады» и «Одиссеи». При Писистрате разрозненные песни «Одиссеи» якобы были собраны воедино.

а спустя более трех столетий потом Аристарх учинил еще новые поправки. Аристарх (около 217—145 гг.) — знаменитый издатель и комментатор гомеровского эпоса.

Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях. Печатается по тексту журнала «Сын отечества» (1819, ч. 56, № 38), где впервые статья была опубликована.

Один только миновал их... корабль Арго. По преданию первый в Греции корабль, на котором аргонафты, называющиеся по имени этого корабля, под руководством Язона, совершили смелое плавание в Колхиду за золотым руном.

Письма[1]

1

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23189).

Александра Алексеевна Дьякова (1759—1830) — дочь обер-прокурора Сената Алексея Афанасьевича Дьякова (1721—1791) и княжны Евдокии Петровны (рожденной Мышецкой); была воспитана в Петербургском институте благородных девиц (Смольном монастыре), отличалась незаурядной красотой. В конце 1770-х годов Капнист считал ее своей невестой. Свадьба их состоялась, по-видимому, весной 1781 года.

требуют, чтобы я отказался от дружества. Имеется в виду дружба Капниста с Н. А. Львовым, который ухаживал за сестрой Александры Алексеевны — Марией Алексеевной Дьяковой. Родители Дьяковы не хотели выдавать Марию Алексеевну за Львова и отказали ему от своего дома. Львов не имел в то время еще никакого твердого служебного положения. К данному письму Львов сделал приписку, в которой называет себя Несчастливцевым. Позднее, когда Капнист женился на А. А. Дьяковой, он помог Львову тайно обвенчаться с Марией Алексеевной.

2

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23191).

матушке. Речь идет о Е. П. Дьяковой.

Григория Алекс‹еевича›. Говорится о Дьякове, брате А. А. Дьяковой.

3

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23190).

4

Печатается по рукописи, писанной рукою И. И. Хемницера, хранящейся в ГПБ (архив Державина, т. 22). Впервые опубликовано в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1892 год (СПб., 1895, Приложения, стр. 10—20)

Зимой 1781 года И. И. Хемницер гостил у Капниста в Обуховке.

---

[1] Имена и отчества лиц, их звания, должности, профессии и родство (Иван Иванович, Катенька, граф, князь, губернатор, переводчик, брат, сестра и пр.), упоминаемые в письмах без указания фамилий этих лиц, объясняются в настоящих примечаниях к письмам, за исключением случаев, когда не удалось найти необходимых сведений об упоминаемом лице.

если бы Преображенского полку... капитан-поручик. Здесь намек на службу Державина в лейбгвардии Преображенском полку, где поэт прослужил более десяти лет.

Перевод: «Поэтическое искусство», песнь первая, стих 59, 60, 61.

Перевод: Порядочный человек, вы, который видите так много, не видите ли вы моего Львова? скажите мне.

Николай Александрович — Львов Н. А.

Петру Лукичу господину Умыленнову. Имеется в виду П. Л. Боровиковский (прозванный в быту Умыленновым), брат известного художника В. Л. Боровиковского.

5

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23.192).

коллегии. Имеется в виду канцелярия правителя Малороссии. *План приема уже предначертан г-ном графом.* Граф — Петр Александрович Румянцев, генерал-фельдмаршал, правитель Малороссии. Речь идет о плане приема великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Феодоровны, которые в то время готовились к путешествию в Западную Европу. Они должны были проехать через украинские губернии. Отъезд великого князя Павла Петровича из Петербурга состоялся 19 сентября 1781 года (см.: «Императоо Павел Первый по Шильдеру и воспоминаниям современников». М., 1907, стр. 52).

Я удостоен... быть в числе избранных. Капнист являлся в это время предводителем дворянства миргородского повета Полтавской губернии.

Николай Алсксандрович — Львов Н. А.

6

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23193).

Катеньку Ивановну. Речь идет о Лорер Е. И., матери декабриста Н. И. Лорера.

Елисавета Тимофеевна — жена брата поэта Петра Васильевича Капниста.

матушка моя — София Андреевна Капнист.

о нашем графе. Имеется в виду граф Стайнбок Н. А., за которым была замужем Екатерина Алексеевна Дьякова.

7

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23194).

красавицу Катеньку. Имеется в виду сестра жены Капниста Е. А. Дьякова.

Ваносеньку. Имеется в виду домоуправитель Капниста.

8

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23228).

г-на Туманского. Туманский Ф. О., писатель, издатель журнала «Зеркало света» (см. письмо к нему Капниста от 30 апреля 1786 г.).

г-н Безбородко. Гр. А. А. Безбородко, государственный деятель, статс-секретарь Екатерины II.

повидать г-на графа. Имеется в виду П. А. Румянцев, правитель Малороссии.

Поцелуй брата, свояченицу и постарайся извлечь из нее знание английского языка. Брат — П. В. Капнист; свояченица — жена П. В. Капниста Елизавета Тимофеевна, по национальности англичанка.

9

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23196).

10

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23195).

и скором возвращении брата. Имеется в виду П. В. Капнист.

а главное — Стадницкенки. Лицо не установлено.

ибо он упоминает о Николае Александровиче. Н. А. Львов, женатый на сестре жены Капниста, М. А. Дьяковой, у которого собиралось семейство Дьяковых.

как кончилось наше дело. Имеется в виду тяжба с помещицей Ф. Т. Тарновской из-за земельных участков, длившаяся в течение многих лет.

11

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23197).

постарайся вылечить нашего Ганюшку. Ганюшка — сын Капниста.

наша племянница будет в Обуховку. Имеется в виду Александра Ананьевна, дочь старшего брата Капниста, Анания Васильевича.

В комнатке, где жила матушка. Мать Капниста, София Андреевна.

комната, где живет Богдаша. Богдаша — один из родственников Капнистов.

остаться в комнате брата Андрея. Андрей Васильевич Капнист не был женат и жил в одном доме с В. В. Капнистом.

Я пересказал брату. Имеется в виду П. В. Капнист, постоянно занимавшийся хозяйственными делами В. В. Капниста.

12

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23198).

13

Печатается по тексту «Сочинений Василия Капниста» (1796). Впервые было опубликовано в журнале «Собеседник любителей российского слова» (1783, ч. VII).

Настоящее письмо является ответом на выпад против Капниста анонимного автора, содержащийся в «Послании к господам издателям Собеседника от Любослова», напечатанном в «Собеседнике» (1783, ч. II). Любослов для нападок на Капниста использовал письмо О. П. Козодавлева к Капнисту, которое было напечатано в 1783 году в 1-й части «Собеседника». Козодавлев очень лестно отозвался о Капнисте, что вызвало раздражение у Любослова.

Этот стих содержится в упомянутом письме О. П. Козодавлева к Капнисту. В письме Козодавлева он приведен в следующем виде:

Réveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.
(Пробудись, смертный, будь полезен миру,

Выйди из безразличия, в котором проходят твои дни).
Перевод: человек, пробудись.

14

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23.199).

и здоров ли наш Алеша? Алексей — сын Капниста, умерший в 1784 году, оплаканный поэтом в «Оде на смерть сына моего» (см. примечания к названной оде в первом томе настоящего издания).

Михайло Яковлевич отъезжает отсюда. Имеется в виду М. Я. Трохимовский, врач, близкий друг Капниста.

Поеду через Кременчуг к брату. В селе Трубайцы Кременчугского повета Полтавской губернии жил брат Капниста Петр Васильевич.

15

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23200).

задержусь у графа. Имеется в виду гр. П. А. Румянцев, правитель Малороссии.

Кланяюсь любезной племяннице и Федору Севастьяновичу. Племянница — Александра Ананьевна Капнист; Федор Севастьянович — муж Александры Ананьевны; фамилию его установить не удалось.

письма от Николая Александровича. Имеется в виду Н. А. Львов.

Письма свои отсылай Михайлу Яковлевичу. Имеется в виду М. Я. Трохимовский, врач, друг Капниста.

Отправляю сие письмо через полковника Ланского. Имя, отчество Ланского и его связи с Капнистом раскрыть не удалось.

вместо полка Губовича. Никаких сведений о связи Губовича с Капнистом не сохранилось.

16

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23212).

Сохранился ответ на это письмо А. А. Капнист от 25 мая 1785 года, в котором она пишет:

«Любезный друг мой, Васенька! Вижу, душенька, обманываешь ты меня; пишешь, что скоро приедешь, более чем в трех письмах, а в одном пишешь, что будешь в Обуховке 10 сего месяца. Видишь, душенька, как получилось, уж лучше было бы ничего не говорить, чем так вот обнадеживать, ибо теперь мне тревожнее, чем прежде. Бог знает, и когда только ты уедешь оттуда, воистину лабиринт этот Петербург, как уж попадешь туда, так, почитай, и не выберешься.

Однако, душенька, коли любишь меня, постарайся поскорее выбраться оттуда, из сего лабиринта то есть. Петр Васильевич в чрезвычайной меланхолии, отчего, не знаю. Он желает твоего возвращения затем по крайней мере, чтобы самому поскорее вернуться <домой>.

Что до меня, вижу, мне тебя не уговорить, как я тебя ни прошу. Дай бог, чтоб ты был в добром здравии. А я довольно здорова и дети тоже. С ними без перемен, т. е. Генюшка еще не говорит, а Катенька не думает еще ползать. Что касается до меня, я уж очень тяжела становлюсь, и я верно знаю, что ты к этому времени здесь не будешь. Посылаю тебе письмо твоего брата. Мой брат Семен Алексеевич со мною, он скоро едет в Харьков с обозами, и думаю, они скоро будут.

Дай бог тебе скорее вернуться. У меня ничего нету, всего-то мне недостает, всего, что мне надобно. Вот и все, что могу тебе сказать. По крайней мере ты сможешь помочь мне в чем-нибудь. Я очень скучаю и не знаю, что и думать, что ты так долго не едешь. Да это ведомо богу, утешаюсь этим, ибо он добр, он не захочет сделать меня несчастною. Прощай, душенька, будь здоров и возвращайся к столь любящей тебя Сашеньке. Прощай, целую тебя тысячу раз» (БУАН, шифр: III.23536, перевод с французского).

Граф Безбородко за верное обещал мне до праздников решительный ответ ее величества. Через гр. А. А. Безбородко Капнист подавал Екатерине II прошение о решении многолетней тяжбы с помещицей Ф. Т. Тарновской из-за земельных участков в пользу Капнистов.

дело Федора Севастьяновича. Федор Севастьянович — муж племянницы Капниста А. А. Капнист. О каком деле его идет речь, выяснить не удалось.

Начал ли говорить Ганюшка? Ганюшка — сын Капниста.

а что поделывает Катенька? Катенька — дочь Капниста.

на Марию Алексеевну? Мария Алексеевна — сестра жены Капниста.

17

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23516).

П. Л. Боровиковскому. Петр Лукич Боровиковский — брат известного художника В. Л. Боровиковского.

из письма Николая Александровича вижу. Имеется в виду Н. А. Львов.

деньги Аграф‹ены› Александр‹овны› Полторацкой. А. А. Полторацкая — родственница Капнистов.

Свидетельствуй мое почтение... графу Ивану Ларионовичу. По-видимому, имеется в виду граф И. Л. Воронцов, дядя президента Коммерцколлегии гр. А. Р. Воронцова.

Еще посылаю тебе титул Юнговых ночей немецкого перевода. Эдуард Юнг — английский писатель; здесь имеется в виду его поэма «Жалоба, или ночные думы о жизни, смерти и бессмертии». Русский перевод с немецкого этой поэмы, сделанный А. М. Кутузовым, был издан в 1785 году под заглавием «Плач, или нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии Эдуарда Юнга» (2 части); следующие издания этого перевода вышли в свет в 1799, 1812 годах.

18

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23219).

что Катенька не вполне здорова. Катенька — дочь Капниста.

Как поживает Ганюшка? Ганюшка — сын Капниста.

для Алек‹сандры› Ананьевны. Имеется в виду дочь брата поэта, Анания Васильевича Капниста.

ибо портрет мой... на меня не похож. Нам не удалось разыскать упоминаемого здесь портрета В. В. Капниста. Помещенный в настоящем издании его портрет был выполнен художником Боровиковским значительно позднее, в 1790-х годах.

19

Печатается по тексту, впервые опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. V, 1869, стр. 445, 446).

Катерина Яковлевна — первая жена Г. Р. Державина.

Как вы обрадовали меня... что вы избавилися начальства Тутолминского и переведены в Тамбов. Державин с мая 1784 по декабрь 1785 года служил губернатором в Олонецкой губернии под начальством олонецкого и архангельского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина, с которым он под конец поссорился. В декабре 1785 года Державина перевели на губернаторство в Тамбов.

Ивану Максимовичу. Имеется в виду И. М. Синельников, который служил в этот период подполковником при гр. Г. А. Потемкине в Новороссийском крае, а позднее был екатеринославским губернатором.

то прошу попросить Ивана Сергеевича Ананьевского. И. С. Ананьевский — обер-секретарь в третьем департаменте Сената. Через Ананьевского Капнист хлопотал решения дела с помещицей Ф. Т. Тарновской по земельной тяжбе.

20

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23519).

Ф. О. Туманскому. Ф. О. Туманский — редактор издававшегося в Петербурге журнала «Зеркало света». Данное письмо Капниста является ответом на письмо к нему Туманского от 9 марта 1786 года, в котором последний писал: «Милостивый государь мой Василий Васильевич. Давно мы с вами не виделись, но, однако ж, время не изгладило во мне того почтения, кое я к дарованиям вашим имею. Вы, конечно, и теперь в свободные часы не оставляете беседовать с музами, числящими вас давно в числе своих любимцев. Ежели сие так, то позвольте мне от имени их просить вас и просить всеприлежно из произведений пера вашего сообщить нам (то, что вам угодно) для помещения в листы наши, еженедельно под заглавием „Зеркало света издаваемые". Вы сим одолжите общество, одолжите и меня особенно. Я же поставлю себе отличным удовольствием именоваться с истинным моим почтением вашего высокоблагородия милостивого государя моего всепокорнейшим слугою» (БУАН, шифр: III.23785).

В «Зеркале света» (1787, ч. 5) было напечатано всего лишь одно произведение Капниста — «Стихи на перевод Илиады г. Костровым».

21

Печатается по тексту, впервые опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. V, стр. 512—514).

А то нет, привязан к дому женой... и должностью. В 1786 г. Капнист часто должен был ездить из Обуховки в Киев, где он исполнял выборную должность предводителя дворянства Киевской губернии.

письма мои к вам посылал к Ник‹олаю› Александровичу. Имеется в виду Н. А. Львов.

Иван Максимович. Речь идет о И. М. Синельникове.

22

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23220).

К графу приехал во вторник. Имеется в виду генерал-фельдмаршал гр. П. А. Румянцев, правитель Малороссии.

в этот день давали 2 комических оперы — «Мельник» и «Доброе семейство». «Мельник-колдун, обманщик и сват» — пьеса А. О. Аблесимова. «Доброе семейство» — пьесы под таким названием не удалось обнаружить.

он все еще носит траур по сестре своей графине Брюс. Гр. Прасковья Александровна (рожденная Румянцева) Брюс умерла 7 апреля 1786 года.

делаются большие приготовления к встрече императрицы. Речь идет о путешествии Екатерины II на юг России, которое состоялось в 1787 году.

Поговори с Михаилом Яковлевичем о Катеньке. Имеется в виду М. Я. Трохимовский, врач. Катенька — дочь Капниста.

23

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23481).

одобрительно отнесся к моему плану приема ее величества. Речь идет о плане встречи Екатерины II, которая в начале 1787 года путешествовала со своей свитой по югу России. Капнист в это время являлся предводителем дворянства Киевской губернии. Намеченный им план встречи императрицы в Киеве он согласовывал с тогдашним правителем Малороссии гр. П. А. Румянцевым.

я вам сказал «прощайте». До Капниста доходили слухи о том, что Екатерина II была очень недовольна его «Одой на истребление названия раба». В связи с предстоящим приездом императрицы в Киев Капнист опасался того, что на него посыплются из-за этой оды репрессии.

24

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23221).

Наденька к тебе приехала ли? а Верушка в Сорочинцы? Надежда и Вера — племянницы Капниста, дочери его брата Николая Васильевича.

25

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23225).

Попроси любезного нашего Андрея Матвеевича почаще ко мне писать. Кто был Андрей Матвеевич, не установлено.

Я ему напишу, чтобы он уезжал из Крыма. У Петра Васильевича Капниста в Крыму, в Судаке, находилось небольшое имение. Здесь В. В. Капнист имеет в виду слухи о предстоящей войне Турции с Россией, которая возникла затем в 1787 году.

26

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23226).

как тягостны мне возложенные на меня обязанности. Капнист имеет в виду свою должность предводителя дворянства Киевской губернии.

27

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23204).

На послезавтра приглашен на обед к министру государя Коберце. Имеется в виду граф Кобенцель, австрийский дипломат, сопровождавший Екатерину II в ее путешествии на юг России.

расцелуй свояченицу мою... Дашеньку, и братьев моих, и Наденьку. Дашенька и братья (Григорий и Николай) Дьяковы; Наденька — одна из родственниц Дьяковых.

28

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23227).

29

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23229).

В довершение несчастья Митрофан мой болен. Митрофан — слуга Капниста.

30

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23230).

Миссия моя начинается дурно. Капнист вез с собой для представления Екатерине II план формирования полков из украинских казаков (см. об этом во вступительной статье в первом томе настоящего издания).

Что касается 12 числа сего месяца, рассчитываю провести его в Москве у графа Воронцова. 12 февраля день рождения В. В. Капниста (см. об этом его письма к А. А. Капнист от 7, 11, 14 февраля 1788 года). В эту поездку Капнист провел день своего рождения в Москве у гр. Александра Романовича Воронцова.

31

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23231).

У г-на Песгеля возьму подорожную. Имеется в виду И. Б. Пестель, помощник московского почтдиректора, отец декабриста П. И. Пестеля.

Я встретил здесь графа. Неизвестно, о каком графе идет здесь речь.

Николай Александрович... уехал в Черенчицы. Н. А. Львов имел имение в с. Черенчицы Тверской губернии.

Бабичев и Мищенко... не нашли его здесь. Бабичев — князь; Мищенко — управляющий имением Н. А. Львова.

32

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23232).

Петр Лукич приед-т сюда. Речь идет о П. Л. Боровиковском.

33

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23233).

остановился у г-на Полторацкого. По-видимому, имеется в виду Дмитрий Маркович Полторацкий, родственник Капниста.

рассказал ему о Петре Николаевиче. Неизвестно, о ком говорится.

Время идет, кампания приближается сюда. Кажется невозможным остаться в Петербурге. Во время шведско-русской войны в 1788 году Петербургу угрожала со стороны Финского залива опасность вторжения вражеского флота. В связи с этим ходили слухи о возможной эвакуации правительства из Петербурга.

34

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23234).

У него были Машенька, Катерина Захарьевна, Дашенька, Наденька, граф и Федор Петрович Львов. Речь идет о близких родственниках Н. А. Львова. Машенька — М. А. Львова; Катерина Захаровна — лицо

не установлено; Дашенька — Дьякова; граф — Стейнбок, муж Е. А. Дьяковой; Ф. П. Львов — двоюродный брат Н. А. Львова, писатель.

Вручил Дашеньке посылку Николая Алексеевича. Николай Алексеевич — Дьяков; Дашенька — его сестра.

граф Румянцев... хвалит меня за мой проект формирования казаков. Имеется в виду план формирования полков из украинских казаков, который Капнист передал через гр. А. А. Безбородко для рассмотрения Екатерине II (подробнее об этом см. в моей вступительной статье в первом томе настоящего издания).

35

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23235).

провожу здесь время с твоими родными, с Машенькой, Катенькой, Дашенькой, Наденькой, с графом Н. А. Имеются в виду сестры Дьяковы; граф Н. А. — Н. А Стейнбок, муж Екатерины Алексеевны Дьяковой.

36

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23336).

отдал план о казаках графу Александру Андреевичу. Александр Андреевич — гр. Безбородко, статс-секретарь Екатерины II; о плане о казаках см. примечание к письму № 34.

Имперцы взяли два маленькие городка. Имперцами называлось войско старой германской империи.

37

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23237).

Я начал знакомить его с жалобами дворянства на наместничество. Капнист подавал генерал-прокурору Сената кн. А. А. Вяземскому жалобу украинских дворян на чиновников правления Екатеринославского наместничества.

38

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23238).

Николай Александрович. Имеется в виду Н. А. Львов.

занять ненадолго денег у Николая Алексеевича. Речь идет о Николае Алексеевиче Дьякове.

идти нам волонтерами в армию князя. Капнист во время русско-турецкой войны собирался пойти добровольцем в южную армию, которой командовал кн. Г. А. Потемкин.

Кланяюсь Елизавете Тимофеевне. Елизавета Тимофеевна — жена П. В. Капниста.

39

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23239).

Дмитрий Марк‹ович› Полторацкий едет правителем канцелярии генерала Заборовского. Генерал И. А. Заборовский в 1788 году во время второй турецкой войны был послан против турок в Архипелаг.

Я ему препоручу дело о графстве. Предки Капниста имели графский титул Венецианской республики. В. В. Капнист имел намерение выхлопотать себе этот титул, но затем отказался от этого желания.

Графский титул был присвоен потомкам Капниста в 1875 году. По этому поводу правнучка его Ина Петровна Капнист рассказала в 1898 году следующее: «В России этот титул за нами утвержден сравнительно недавно. Я родилась еще нетитулованной гражданкой. Мой дядя, будучи послом в Риме, нашел нужным хлопотать перед императором Александром II об утверждении Капнистов в графском достоинстве» («Одесские новости», 1898, № 4451).

‹Мутарский› паша жив. Не удалось установить, о каком паше здесь говорится.

Катенька уверяет, что она добрая. Речь идет о гувернантке для детей Капниста, которая жила у Екатерины Алексеевны, гр. Стейнбок.

Ключи от хозяйства, которые теперь у Ваносика. Ваносик — домоуправитель Капниста.

Михаил Яковлевич. Речь идет о М. Я. Трохимовском, враче.

Вскорости императрице будет подано прошение дворян. Имеется в виду жалоба украинских дворян на чиновников правления Екатеринославского наместничества (см. примечание к письму № 37).

40

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23240).

41

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23241).

дело с жалобой дворян ее величеству окончится хорошо. Имеется в виду жалоба украинских дворян на чиновников правления Екатеринославского наместничества (см. примечания к письмам №№ 37, 39).

42

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23242).

43

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23243).

Целую Фединьку. Фединька — один из многочисленных родственников Капниста.

44

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23244).

45

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23245).

46

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23247).

ибо Данило Яковлевич приехал позднее, нежели почта. По-видимому, имеется в виду помещик Д. Я. Трохимовский, брат врача М. Я. Трохимовского.

Я встал и побежал к графине Катеньке. Речь идет о сестре А. А. Капнист, гр. Стейнбок.

47

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23248).

у старика Хемницера. Имеется в виду отец поэта И. И. Хемницера, друга Капниста.

О себе скажу... не бываю нигде, кроме как у графини Стейнбок. Имеется в виду Екатерина Алексеевна, сестра А. А. Капнист, которая была замужем за гр. Стейнбок.

«Женитьбу Фигаро». Речь идет о комедии Бомарше.

Так как Машенька привила оспу своему старшенькому Леониду. Мария Алексеевна — жена Н. А. Львова.

48

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23249).

Она... осерчала на губернатора, на Лосева. По указанию Екатерины II жалоба украинских дворян на чиновников правления Екатеринославского наместничества, поданная Капнистом, была удовлетворена (см. примечания к письмам №№ 37, 39, 41).

49

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23250).

Наконец-то отправляю мадемуазель Гебель. Речь идет о гувернантке, которая до этого жила в доме Е. А. Стейнбок.

50

Печатается впервые, по копии, сделанной дочерью Капниста Софьей Васильевной (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 333, шифр: Чич. XVII.15, стр. 25).

51

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23251).

52

Печатается впервые, по копии, сделанной дочерью Капниста Софьей Васильевной (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 333, шифр: Чич. XVII.15, стр. 25, 26).

Мой сын влачит жизнь умирающего, и жизнь эта скоро угаснет. Имеется в виду второй сын Капниста Гавриил (Ганюшка), скончавшийся в начале 1789 года.

53

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23205).

54

Печатается по тексту, впервые опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. V, стр. 758. 759).

Так давно видя изготовившиеся вам неприятности. Речь идет о жалобе генерал-губернатора тамбовского и рязанского наместничества И. В. Гудовича на Державина в Сенат, в которой Державин обвинялся в превышении власти, дерзости и т. п. По этой жалобе Державин был отрешен от должности тамбовского губернатора. 16 апреля 1789 года дело слушалось в Сенате. Опальный Державин не знал, чем оно кончится, и очень волновался. Только 4 июня 1789 года было вынесено решение Сената, которым Державин был оправдан.

Умирающие тогда около меня сыны мои не занимали всей моей души. Капнист имеет в виду смерть первых своих сыновей — Алексея, умершего в 1784 году, и Гаврнила, умершего в начале 1789 года.

55

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23252).

Терентием. По-видимому, речь идет о дворовом Капнистов.

П‹етра› Вас‹ильевича›. Имеется в виду П. В. Капнист.

брат Ник‹олай› Алек‹сеевич› — Н. А. Дьяков.

брат Н‹иколай› В‹асильевич› — Н. В. Капнист.

Дрон — по-видимому, дворовый Капнистов.

Брата не застал. Он поехал в Кременчуг навстречу князю. Брат — Петр Васильевич Капнист. Жизнь П. В. Капниста получила в литературе неправильное освещение. В некоторых печатных источниках указывается, что П. В. Капнист в начале французской революции выехал за границу и жил в Париже, что якобы сохранились материалы о его службе в Париже в дворцовой охране, откуда после казни Людовика XVI он будто бы бежал в Англию. На основании польских источников (Bronislaw Dembinski, Tajna miga Ukrainca w Berlinie w ч. 1791; «Przeglad Polski», III, 1896, ст. 511—223; Zrodia do dziejow drugiego i trzeciego rozbioru Polski 1, 1902, стр. 375) рассказывается о посещении во время заграничной поездки П. В. Капнистом в Берлине прусского министра Герцберга. «В 1791 году в Берлин явился один из выдающихся представителей украинской интеллигенции Капнист, — пишет М. С. Грушевский, — и, получив аудиенцию у министра Герцберга, заявил ему, что прислан своими земляками, доведенными до отчаяния тиранией русского правительства и кн. Потемкина; они спрашивают, могут ли рассчитывать на протекцию Пруссии на случай их восстания, если они попытаются сбросить с себя русское ярмо. Герцберг дал на это уклончивый ответ и посоветовал своему государю не входить в сношения с украинским эмиссаром. Капнист ввиду этого скоро уехал, ничего не достигнув» (Очерки истории украинского народа, СПб., 1904, стр. 314).

Еще дальше пошли другие украинские буржуазные историки, связав этот случай с именем В. В. Капниста (см.: Михайло Антонович. Козацький проект Василя Капниста. Сьогочасне й Минуле. Вїсник украïнознавства видае наукове товариство ïм. Шевченка у Львовi, № 2, 1939, стр. 16—22). Вокруг этого эпизода шла большая полемика. Советские исследователи справедливо усматривают надуманный, тенденциозный характер легенды о поездке Капниста в Берлин. «Провокационная болтовня, — пишет А. И. Мацай, — распространяемая вслед за М. Грушевским буржуазными украинскими националистами о вражде В. В. Капниста к России, к ее народу, о его поездке в 1791 году до „Нiмеччини просити

помочі против Росі“ (В. Дорошенко. Українство в Росії. Вена, 1917, стр. 4), ничего общего не имеет с действительностью, насквозь лжива. Это доказано новейшими историческими исследованиями (см. статью Л. Коваленко в «Вопросах истории», 1947, № 2, стр. 83). И, конечно же, явным недоразумением следует считать проникновение клеветнической версии о ненависти Капниста к русскому народу в журнал „Радянська Україна“, 1946, № 1, стр. 4» (А. Мацай. «Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1958, стр. 78).

Настоящее письмо и ряд других печатающихся здесь писем Капниста документально опровергают легенду о поездке в 1789 году П. В. Капниста за границу, о службе его в дворцовой охране в Париже и о посещении им в Берлине прусского министра Герцберга. В равной степени эти письма опровергают версию о поездке в Берлин В. В. Капниста. По письмам Капниста видно, что он, так же как и брат его Петр Васильевич, никуда не уезжал в указанные годы из России. Поездка П. В. Капниста за границу относилась к концу 1770-х годов. Что касается В. В. Капниста, то он вообще никогда не выезжал из России. По письмам В. В. Капниста можно установить, где находился он в 1790-е годы. В ближайшие месяцы перед французской революцией и во второй половине 1789 года и весь 1790 год он жил в своей Обуховке, изредка выезжая по хозяйственным делам к П. В. Капнисту в Трубайцы и в Киев. В 1791 году, как это видно из писем его к жене и к И. В. Леванде, он находился в Киеве и в Обуховке. Из писем Капниста за 1791 год следует, что брат его Петр Васильевич был все время дома. В 1792 году Капнист жил в Обуховке, работал над комедией «Ябеда». В конце ноября 1792 года он уехал из Обуховки в Петербург и пробыл там до конца 1793 года. Во всех своих письмах 1793 года из Петербурга он передает приветы П. В. Капнисту, который в его отсутствие управлял хозяйством в Обуховке. В письме от 15 апреля 1793 года он сообщает из Петербурга П. В. Капнисту в Обуховку о событиях, происходивших во Франции.

56

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23522).

Мих‹аил› Никитич. Имеется в виду М. Н. Кречетников, киевский генерал-губернатор.

57

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23253).

Генерал-губернатор, Киевским генерал-губернатором был в это время Кречетников М. Н.

Генерал-губернатор, хоть губернатор ему и родственник, его презирает. Киевским губернатором тогда являлся Ширков.

58

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23254).

Николаю Алексеевичу. Речь идет о Н. А. Дьякове.

Иваном Ивановичем и Авдотьей Ивановной. Имеются в виду Лореры, родители декабриста Н. И. Лорера.

Г-ну Штемпелю. Так Капнист называл в шутку своего друга и родственника Н. А. Львова.

59

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23253).

Все почти дела мои я здесь кончил, только распущу Италию. Об итальянцах Капнист писал к жене в предыдущем письме из Киева от 19 января 1791 года. «За несколько дней улажу все свои дела, мне надобно еще отпустить итальянцев». Из этих кратких упоминаний трудно заключить, о каких итальянцах пишет Капнист. Можно лишь предположить, что речь идет об одной из трупп итальянских актеров, приезжавших на гастроли в Киев. Киевский генерал-губернатор М. Н. Кречетников мог поручить Капнисту, как писателю, хорошо знавшему театральное дело, вести с этой труппой всякого рода деловые переговоры. Такое предположение основывается нами на письме Капниста к жене из Киева от 12 января 1791 года, в котором он сообщает: «Тут уже явились театры».

Василий Степанович будет сюда скоро. Имеется в виду начальник штаба кн. Г. А. Потемкина генерал В. С. Попов.

60

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23255).

Любезная сестра. Приписка сделана П. В. Капнистом, который называет сестрой жену своего брата, Александру Алексеевну.

61

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23256).

Елизавета Николаевна. Е. Н. Апостолова, знакомая Капнистов.

Михаилу Никитичу. Речь идет о М. Н. Кречетникове.

62

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23508).

63

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23257).

губернатора. Екатеринославским губернатором был тогда Д. С. Козинский.

князь. Имеется в виду Г. А. Потемкин.

Иван Иванович — И. И. Лорер.

выслала графа Безбородку в Яссы. Безбородко выехал в Яссы 16 октября 1791 года.

Вас. Степановича. Речь идет о В. С. Попове.

Ганнибал. Кого имел в виду Капнист, не установлено.

Авдотье Ивановне. Говорится об А. И. Лорер.

брата великой княгини. Принц Карл фон Вюртемберг (1770—1791), брат Марии Федоровны, жены Павла I, урожденной принцессы Вюртембергской, умер в конце сентября 1791 года.

64

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23258).

нахожу там г-жу Хлебникову... с Дмитрием Марковичем, Анну Петровну и Федора Марковича с Варварой Афанасьевной. Хлебникова — калужская помещица, дальняя родственница Дьяковых, родителей А. А. Капнист. Дмитрий Маркович и другие названные здесь лица — из семьи Полторацких, родственников Дьяковых.

Авдотья Ивановна. Речь идет об А. И. Воронцовой.

Граф Артемий Иванович. Имеется в виду гр. А. И. Воронцов.

Александре Ананьевне. Речь идет о дочери брата поэта, Анания Васильевича.

65

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23259).

Николая Александровича. Имеется в виду Н. А. Львов.

к Гавриле Романовичу. Речь идет о Г. Р. Державине.

Катерина Яковлевна — Е. Я. Державина.

Федора Петровича. Имеется в виду Ф. П. Львов.

какую недобрую службу сослужили мне мои враги из Киева. Имеется в виду донос чиновников Киевского губернского правления на Капниста, в котором он несправедливо обвинялся в растрате казенных денег, отпущенных на содержание управляемого им шелковичного завода.

у Михаила Никитича. Речь идет о М. Н. Кречетникове.

Ввечеру был у Попова... он извинялся, что составил посланный в Киев указ. В. С. Попов исполнял в это время должность статс-секретаря Екатерины II; посланный им в Киев указ содержал в себе требование выслать счета и бумаги по вышеуказанному делу шелковичного завода.

Мария Алексеевна — жена Н. А. Львова.

Василий — дворовый Капниста.

66

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23260).

Машенька — Мария Алексеевна Львова.

с Пелагеей Михайловной и Прасковьей Михайловной. Имеются в виду П. М. и Пр. М. Бакунины.

Катинька — Екатерина Васильевна Капнист, дочь В. В. Капниста, в замужестве Полетика.

Французские выгнанцы — эмигранты из революционной Франции.

67

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23261).

шелковичное дело мое. Имеется в виду дело о казенном шелковичном заводе, находившемся под Киевом. Капнисту было поручено в 1787 году осуществлять надзор за этим заводом.

у Катерины Яковлевны. Речь идет о Е. Я. Державиной.

Катиньке. Катинька — Е. А. Стейнбок.

французы... объявили нам войну. Это ошибочное утверждение: в действительности Французская республика в это время не объявляла России войну.

68

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23263).

ее величество сочла меня невиновным. Киевский губернатор Ширков и другие чиновники из Киевского губернского правления обвиняли Капниста в растрате денег, отпущенных казной на содержание так называемого шелковичного завода, надзор за которым был поручен Капнисту. Капнист опротестовал это обвинение и, в конце концов, был оправдан.

69

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23265).

Дети тоже погублены будут. Дети Людовика XVI не были казнены.

Брату. Имеется в виду П. В. Капнист.

70

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23266).

графа. Речь идет о гр. Я. Ф. Стейнбок.

Короля французского смерть. По приговору конвента Людовик XVI был казнен 21 января 1793 года.

71

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23267).

она меня устно оправдала. Имеется в виду дело по казенному шелковичному заводу (см. примечание к письму № 68)

72

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (*шифр:* III.23268).

Ник‹олая› Александровича. Имеется в виду Н. А. Львов.

73

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23270).

Катенька уж так была довольна. Имеется в виду поездка Капниста к сестре А. А. Капнист — Екатерине Алексеевне, жившей с своим мужем гр. Я. Ф. Стейнбоком в Ревеле.

узнаю, что Машенька также едет завтра в деревню с кузинами Пелагеей Михайловной и Прасковьей Михайловной. Машенька — Мария Алексеевна, жена Н. А. Львова; П. М. и Пр. М. Бакунины — родственницы Дьяковых.

Прибыл граф д'Артуа и был с большими почестями представлен в воскресенье ее величеству. Имеется в виду брат казненного французского короля Людовика XVI.

74

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23271).

75

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23273).

Я отдал Гавриле Романовичу мое письмо к ее величеству, в коем прошу ее избавить меня от надзора за несуществующей фабрикой. Имеется в виду киевский шелковичный завод, надзор за которым был поручен в конце 1780-х годов Капнисту (см. примечание к письму № 68).

76

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23275).

77

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23277).

78

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23278).

79

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23279).

80

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23280).

81

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23281).

Кончина Михайлы Никитича. Имеется в виду киевский генерал-губернатор М. Н. Кречетников, умерший 9 мая 1793 года.

82

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23282).

83

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23283).

Гаврила Романовича. Имеется в виду Г. Р. Державин.

84

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23284).

Прилагаю для тебя копию письма Гаврилы Романовича Державина г-ну Самойлову. А. Н. Самойлов — генерал-прокурор Сената. Державин в письме к нему от 17 июня 1793 года писал: «Милостивый государь Александр Николаевич. Ее императорское величество высочайше приказать соизволила, чтоб ваше превосходительство изволили уведомить от себя киевского и екатеринославского господ губернаторов, как вследствие данного киевскому г-ну губернатору Широкову сентября в 13 день 1792 года высочайшего именного повеления относительно истребования

счетов от надворного советника Капниста в употребленных им на шелковичный завод деньгах, он здесь по высочайшему ее величества повелению сочтен и объяснение его принято с благоволением, то чтоб с его впредь по сему делу ни к каким отчетам и объяснениям не требовать» (БУАН, шифр: III.24313).

государыня весьма ко мне расположена и на сих днях даст повеление о моей отставке. Капнист хлопотал об освобождении его от обязанности надзирать за шелковичным заводом, дела по которому доставляли ему так много неприятностей.

85

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23285).

Я действую со своим братом в Сенате против Тарновской. Имеется в виду старший брат Капниста Николай Васильевич, от имени которого велось дело о спорных имениях с полковницею Ф. Т. Тарновской.

86

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23286).

брат их Матвей Иванович. Имеется в виду М. И. Лорер.

87

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23287).

88

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23289).

моего главного дела. Имеется в виду дело о шелковичном заводе (см. примечание к письму № 68).

К празднованиям. Имеется в виду бракосочетание вел. кн. Александра Павловича и баденской принцессы Луизы-Марии (Елизаветы Алексеевны).

Николаем Алексеевичем. Речь идет о Н. А. Дьякове.

Ник‹олай› Александрович. Имеется в виду Н. А. Львов.

из Черенцов. Черенцы (Черенчицы) — имение Н. А. Львова в Тверской губернии.

89

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23290).

брата. Речь идет о П. В. Капнисте.

Катиньку. Имеется в виду Е. В. Капнист.

Сенюшка — С. В. Капнист.

Брату. Речь идет о П. В. Капнисте.

Ник‹олай› Алексеевич — Н. А. Дьяков.

90

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23291).

дожили мы до праздника. Речь идет о бракосочетании Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны.

докладчиком больше не будет. Назначение в Сенат было почетной опалой; вскоре Державин действительно перестал исполнять обязанности статс-секретаря Екатерины II.

Матушка. Имеется в виду Дьякова Е. П.

с Марьей Алексеевной и Дашенькой. Речь идет о Дарье Алексеевне Державиной и М. А. Львовой.

91

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23292).

Александра Ананьевна — Капнист, дочь брата поэта.

Анне Владимировне. Речь идет о Погореловой, родственнице Капниста.

Марья Николаевна... Анну Федоровну. Имеются в виду родственницы Капниста.

любезного нашего пруссака. Имеется в виду нарицательное семейное прозвище сына Ивана Даниловича Капниста.

матушку. Речь идет о Е. П. Дьяковой, матери А. А. Капнист.

92

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23294).

последний праздник. Говорится о бракосочетании Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны.

Матушка — Е. П. Дьякова.

с Машенькой и Дашенькой. Имеются в виду Марья Алексеевна Львова и Дарья Алексеевна Державина.

Николая Александровича. Имеется в виду Н. А. Львов.

с Евграфом Ивановичем. Лицо не установлено.

93

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23295).

Всем нашим друзьям, гостящим теперь у тебя, кланяюсь... Обнимаю всех друзей наших, Ивана Ивановича и доброго пруссака. Перечисленные здесь лица принадлежат к числу многочисленных родственников Капниста, его племянников и племянниц, жен племянников и мужей племянниц. Раскрыть полностью их имена, отчества и фамилии не представляется возможным.

94

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23296).

к брачным праздникам. 28 сентября 1793 г. должна была состояться свадьба вел. кн. Александра Павловича с баденской принцессой Луизой-Марией (Елизаветой Алексеевной).

95

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23297).

в Сенате дело мое остановили. Имеется в виду судебное дело с Ф. Т. Тарновской.

96

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23298).

Анны Володимеровны. Говорится о Погореловой, родственнице Капниста.

Машенька — М. А. Львова.

Матушка — Е. П. Дьякова.

Николай Алексеевич — Н. А. Дьяков.

97

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23299).

Севодни надеюсь слушать дело будут. Речь идет о судебном деле с Ф. Т. Тарновской; разбор дела был отложен на неопределенное время.

милом пруссаке. Пруссак — семейное прозвище сына Ивана Даниловича Капниста.

98

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23300).

Катенька — Екатерина Васильевна Капнист.

99

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23303).

100

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23305).

101

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23482).

Заеду к графу. Под графом, как в предыдущем письме, так и в настоящем, Капнист подразумевает правителя Малороссии П. А. Румянцева.

мятеж народа продолжается. Имеются в виду народные восстания в Польше.

Граф Суворов был у графа и проследовал в Белоцерковь. Во время революции в Польше в 1794 году гр. П. А. Румянцев был назначен главнокомандующим русскими войсками в Польше. Он поручил Суворову вести в Польше непосредственные военные действия. Этим и объясняется, очевидно, упоминаемый здесь визит Суворова к Румянцеву.

Бога ради, отправьте сюда нашего брата. Речь идет о Н. В. Капнисте, хлопотавшем по делу Тарновской.

102

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23306).

103

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23483).

Губернатору. Очевидно, имеется в виду И. М. Синельников.

Тут я сталкиваюсь с Комбурлеем. Комбурлей — давний соперник Капниста. В 1783 году он выступал на дворянских выборах против избрания Капниста на должность предводителя дворянства Киевской губернии (см. об этом стихотворение «Случай на выборах» и примечания к нему в первом томе настоящего издания). Из этого письма видно, что Капниста примирили с Комбурлеем.

граф. Имеется в виду гр. П. А. Зубов, правитель Екатеринославского наместничества.

В пятницу подал ему доклад с просьбой освободить меня от должности маршала. Капнист исполнял в это время должность маршала дворянства Миргородского повета.

104

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23307).

105

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23484).

106

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23485).

107

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23486).

Ник‹олая› Алекс‹еевича›. Имеется в виду Н. А. Дьяков, брат жены Капниста.

к Николаю Александровичу. Речь идет о Н. А. Львове, жившем в с. Черенчицы Тверской губернии.

Марья Алексеевна — жена Н. А. Львова.

у Наденьки. Имеется в виду родственница Дьяковых.

Прасковья Михайловна и сестра ее Пелагея Михайловна живут с Дашенькой. Прасковья Михайловна и Пелагея Михайловна — Бакунины; Дашенька — Дарья Алексеевна Дьякова, ставшая вскоре после этого женой Г. Р. Державина.

108

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23487).

Машенька совсем оправилась. Машенька — М. А. Львова.

109

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23488).

Родственник графа г-н Козицкий. Имеется в виду, вероятно, бывший статс-секретарь Екатерины II Григорий Васильевич Козицкий.

110

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23488).

Дашенька очень счастлива в своей семейной жизни. Имеется в виду Д. А. Дьякова, вышедшая замуж за Г. Р. Державина.

111

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23489).

После полудня Гаврило Романович повез меня к брату графа Зубова, тому, который женат на дочери князя Вяземского, а затем — к его свояку Жеребцову. Имеется в виду гр. Д. А. Зубов, который был женат на гр. П. А. Вяземской.

Г-н барон Борк пал и отставлен от великого князя. Карл Фридрих Борк — писатель, с 1792 г. находился при вел. кн. Александре.

Евграфу Ивановичу. Неизвестно, о ком здесь идет речь.

к брату. Имеется в виду П. В. Капнист.

Матушка — Е. П. Дьякова.

Машенька — М. А. Львова.

112

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23490).

Осипу Ивановичу. Имеется в виду О. И. Хорват, правитель Екатеринославского наместничества, сменивший гр. П. А. Зубова, который был до него на этой должности.

in statu quo: без изменений.

Платон Александрович — гр. Зубов, правитель Екатеринославского наместничества.

expensa: издержка, расход.

теща — Е. П. Дьякова.

113

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23308).

Анной Петровной. По-видимому, речь идет о жене О. П. Козодавлева. С семьей писателя Козодавлева Капнист длительное время находился в дружеских отношениях (см. выше письмо Капниста к П. В. и А. А. Капнистам от 17 декабря 1795 г., в котором он называет О. П. Козодавлева своим старым другом).

Анной Михайловной. Анна Михайловна — родственница Дьяковых.

114

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23309).

вечер провожу либо у Дашеньки или вместе с Томарой у Наталии Кирилловны. В. С. Томара — близкий друг Капниста (см. стихотворение на смерть Томары в первом томе настоящего издания). Наталия Кирилловна (рожденная Разумовская) — Н. К. Загряжская.

115

Печатается впервые, по копии, хранящейся в ИРЛИ (архив Державина, ф. 96, оп. 11, № 323, л. 13). На обложке дела написано: «Дело по займу из банка денег. Здесь же имеются бумаги по доверенности от Капниста о получении денег из Остаточного казначейства».

116

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23269).

117

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23310).

118

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23492).

иду в Палату прочесть и, быть может, подписать экстракт. Речь идет о деле с помещицей Ф. Т. Тарновской, которое слушалось в Палате по гражданским делам Екатеринославской губернии.

119

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23491).

Осип Иванович — Хорват, правитель Екатеринославского наместничества.

Теперь заручусь содействием г-на Козинского... являюсь членом дружеского его кружка. Дмитрий Степанович Козинский — вице-губернатор Екатеринославского наместничества.

120

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23493).

121

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23316).

122

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23318).

in statu quo: без изменений.

123

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23319).

124

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23321).

Думаю, что Муравьев уже у тебя. По-видимому, имеется в виду И. М. Муравьев-Апостол, отец декабриста С. И. Муравьева-Апостола, с которыми Капнист дружил в течение многих лет.

король шведский. Густав IV, король шведский, прибыл в Петербург 14 августа 1796 года. По случаю его приезда при дворе были устроены празднества.

incognito: тайно.

125

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23330).

Ивану Даниловичу. Имеется в виду племянник Капниста, который незаконно продал Ф. Тарновской часть земель, принадлежавших братьям Капнистам.

Николай Александрович — Н. А. Львов.

французов за Рейн прогоняют. В сентябре австрийцы разбили армию Журдана, а в начале октября армия Моро также вынуждена была отступить на левый берег Рейна.

в Италии французы разбили... австрийцев. К октябрю 1796 года французские войска под общим командованием Наполеона Бонапарта заняли почти все австрийские владения в Италии.

О шведском короле ничего не слыхать. См. примечание к письму № 124.

пастору. Речь идет о Вебере.

126

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23333).

государя. Государь — Павел I.

127

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 248, оп. 2, ед. хр. 25).

Прошу покорно принять... прилагаемую при сем книжицу. Имеется в виду сборник «Сочинений Василия Капниста», изданный в 1796 году. Отзыв Н. М. Карамзина на этот сборник приводится нами ниже, в примечании к письму № 132.

128

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.24172).

пожилых. Пожилое — подворная подать крестьян помещику.

увязкою. Увязка — согласование.

брата. Речь идет о Н. В. Капнисте.

129

Печатается впервые, по автографу-отпуску, хранящемуся в БУАН (шифр: III.24174).

в Манжелее... и Холодном. Это названия деревень, из-за которых велось судебное дело с Тарновской.

вторичная вами после минувшего покупка имения племянника моего есть сущая и единственная причина всех ваших и наших хлопот и убытков. Племянник Капниста И. Д. Капнист дважды продал в 1777 году помещице Тарновской земли, принадлежавшие братьям Капнистам.

130

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.24175).

Ив‹ана› Дан‹иловича›. Имеется в виду И. Д. Капнист.

медиаторства. Медиаторство — посредничество, от mediator (латинск.) — посредник.

131

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.24176).

заруки. Зарука — поручительство.

в прежнем письме моем. См. письмо № 127.

132

Печатается по тексту, впервые опубликованному на французском языке А. Легрелем в книге: La Chicane (Jabiédà), comédie en cing actes et vers par V. V. Kapniste. Traduit par A. Legrelle. Gand, 1886.

Настоящее письмо является ответом на письмо Н. М. Карамзина от 1 июня 1797 года, в котором последний писал Капнисту:

«Милостивый государь Василий Васильевич.

Предполагая, что первое мое письмо могло до вас не дойти, пишу вам другое и в другой раз благодарю за милый ваш подарок. Сочинения ваши прочел с величайшим удовольствием и нашел в них и поэзию, и философию, и чувство. Оды „На надежду", „На смерть любимого сына", „На счастье", „На уныние" никогда не утратят своей цены. Будьте только более щедры, почтенный Василий Васильевич. У музы вашей один недостаток: скупость. Надеялся я, что вы вспомните о втором номере „Аонид" и что-нибудь пришлете мне, дабы его украсить; номер скоро выйдет в свет. Спокойствие сельской жизни благоприятствует музам, а вы уже долго живете в деревне! Вот вам и другое предложение: издатель выходящего в Гамбурге французского обозрения „Северный зритель" хочет дать своим читателям представление о российской словесности. Великолепно владея французским языком, великолепно зная нашу русскую историю, вы лучше, чем кто-либо, можете удовлетворить его желанию и дать картину развития судеб российской словесности с ее зарождения вплоть до настоящего времени. Подобный труд достоин пера вашего. Кисть артиста может несколько приукрасить оригинал; доброе намерение, ревность к славе отечества послужат извинением приятной неточности. Ожидаю вашего ответа и с искренним и сердечным уважением честь имею пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Николай Карамзин.

P. S. Проживаю я на Тверской улице, в доме Киселева». (Перевод с французского. Впервые опубликовано А. Легрелем в книге: La Chicane (Jabiédà)... Gand. 1886).

Статья о русской литературе, в виду отказа Капниста написать ее, была написана самим Н. М. Карамзиным, напечатана в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» («Северное обозрение») за 1797 год; затем была перепечатана в издании Академии наук «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (СПб., 1866, стр. 473—483, приложение VIII); о принадлежности статьи Карамзину см.: там же, стр. 82, 91, 92 и примечания, стр. 044, 045, 0186.

133

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.24177).

Н‹иколая› В‹асильевича›. Имеется в виду Н. В. Капнист.

134

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.24178). В автографе дата письма не указана. Письмо датируется предположительно, на основании предыдущих писем к Ф. Т. Тарновской.

135

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Г. Р. Державина, т. 22, лл. 332—335). Впервые опубликовано в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1892 год (СПб., 1895, приложения, стр. 26, 27). К письму приложено следующее послание Державина к Капнисту с критическими замечаниями последнего:

Спокойства просит от небес
Застиженный в Верейском море,[2]
Коль только ни луны, ни звезд
Не зрит за тучами, и вскоре
Ждет корабельщик бед от бурь;[3]
Спокойства просит Перс пужливый,[4]
Турк гордый, Росс властолюбивый
И в ризе шелковой Манжур.
Покою, мой Капнист! покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою,
Ни багряницей заменить.
Сокровищи всея вселенной,
Власть царска от души смятенной
Не могут отогнать забот,
Толпящихся вокруг ворот.[5]

Тот счастлив, у кого на стол,
Хоть не роскошной, но опрятной,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятной
Не похищается его[6]
Ни страхом, ни стяжаньем подлым;[7]
Кто малым может быть довольным,
Богатей Креза самого.[8]

Ах, для чего ж в толь краткой жизни
Туды метаться и сюды?[9]
В другие земли из отчизны
Скакать от скуки иль беды[10]
И чуждым солнцем согреваться?
От пепелища удаляться,
От родины своей, кто мнит,
От самого себя бежит.[11]

Заботы наши и беды[12]
Везде последуют за нами:

---

[2] На что, обращая на наше время, называть почти неизвестное море?
[3] Лицо весьма далеко отнесено.
[4] Лучше покою ради повторения во втором куплете.
[5] Чьих ворот? Притом толпиться нельзя вокруг ворот.
[6] Далеко отнесено.
[7] Нет рифмы!
[8] Не всем известен и на наше время не относится.
[9] Слишком площадноречиво.
[10] Да от беды и бог знает куда забежать можно.
[11] Слишком утвердительно говорите, и в оригинале только сказано: странствующий из отечества неужели может от самого себя уйти?
[12] Не дай, господи!

На кораблях чрез волны, льды,[13]
И конницы за тороками;[14]
Быстрей еленей и погод
Летают, облака женущих;[15]
Повсюду человеков сущих[16]
Они терзают в род и род.

Так будь судьбе своей послушным:
Престань о будущем вздыхать;
Веселым нравом, равнодушным,
Умей и горечь услаждать.
Довольным быть, неприхотливым,
Сие то есть, что быть счастливым;[17]
А совершенных благ в сей век
Вкушать не может человек.

Век Задунайского увял,
Достойных в памяти остаться,
Рымникского печален стал:
Сей муж, рожденный прославляться,
Проводит ныне мрачны дни;
Чего ж не может статься с нами?[18]
Что мне предписано судьбами,
Откажут в том тебе они.

В Обуховке твоей стремятся
С блеянием стада на луг;
С зеленого холма глядятся
В стеклянный Псол, текущий вкруг,[19]
Волы, британски кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плугов.
О, сколько у тебя плодов![20]
Тебя в волну темнозелену,[21]
Подругу в золотую шаль[22]
Твою я вижу облеченну.
И прочь бежит от вас печаль:
Вкруг вас невинные утехи,
Забавы, пляски, игры, смехи,
И девы днесь поют весну;
Вас скука не зовет ко сну.[23]

А мне судьба столичный град
Велела населять с Миленой,

---

[13] На кораблях чрез льды не ездят, насилу между льдов осмеливаются.
[14] Конница представляет войско.
[15] Глагол между существительным и его действующим прилагательным.
[16] Сущих вовся не годится, почти столько же и в род и род.
[17] Лишня частица.
[18] Повторяет рифму.
[19] Вкруг чего?
[20] Восклицания не у места.
[21] Отнюдь не ношу: этого цвета терпеть не могу.
[22] Не только золотой шали, и простой турецкой нема.
[23] И вас, равномерно, я чаю; а потому и нейдет, а наипаче для противоположения следующего куплета: А мне...

Дала к отраде дом и сад[24]
Сей жизни суетной, стесненной,
Поэзий некотору тень,
Чтоб правду воспевать святую,[25]
Дух твердый: презирать златую,
Злословну, площадную чернь.

136

Печатается по тексту, впервые опубликованному в «Русской старине» (1873, май, стр. 714).

Об издании комедии «Ябеда», о которой говорится в данном письме, см. примечания в первом томе настоящего издания.

137

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 1330, 1801 г., оп. 2, дело № 21, л. 37).

Прилагаю при сем данный мне от него верющий открытый лист. Далее следует следующая доверенность от Н. В. Капниста:

«Государь мой, брат

Василий Васильевич.

По имеющемусь у меня в Правительствующем Сенате делу с госпожою полковницею Феклою Тимофеевною Тарновскою о двух крепостях на одно имение, выданных вступившему в Сенат по апелляции от госпожи Тарновской на решение Гражданской палаты Новороссийской губернии, прошу вас сочиненный в Правительствующем Сенате экстракт выслушать и, в чем будет следовать, дополнить и подписать, при слушании дела быть и нужные от меня просьбы подавать. Во всем, чем я вам верю и что учините, спорити и прекословить не буду.

Ваш государя моего брата покорный слуга
Николай Капнист, надворный советник».

1797
ноября... дня

138

Печатается по автографу, приложенному к цензурному экземпляру рукописи комедии «Ябеда», хранящемуся в ГПБ (шифр: F.XIV.42).

139

Печатается по тексту, впервые опубликованному Б. И. Копланом в брошюре «Из литературных изысканий конца XVIII—начала XIX в. А. М. Бакунин и В. В. Капнист» (Тверь, 1928, стр. 6—8).

«Жатвы». Имеется в виду стихотворение А. М. Бакунина, которое сохранилось с исправлениями и замечаниями Капниста (см.: Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 10—14).

Перевод: Великие умы сходятся.

140

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 1330, 1801 г., оп. 2, дело № 21, л. 121).

---

[24] Дом и сад между отрадою жизни вдвинулись.
[25] Тень поэзий, чтоб петь. Тень ради пения нейдет.

141

Печатается по тексту, впервые опубликованному в статье И. Ф. Павловского «К *биографии* В. В. Капниста. Из переписки малороссийского генерал-губернатора князя А. Б. Куракина с В. В. Капнистом» (Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. XIII, Полтава, 1915). Автограф письма в настоящее время утерян.

Письмо является ответом на следующее предложение малороссийского генерал-губернатора кн. А. Б. Куракина от 10 июля 1802 года: «М<илостивый> г<осударь> мой Василий Васильевич! Считая на ту чувствительность, с коею приемлете вы благо общее, я приношу к вам м. г. мой! покорную просьбу принять на себя звание директора Малороссийской Полтавской губернии народных училищ. Бремя должности генерального судьи, на вас уже лежащее, конечно, немного оставляет вам свободных часов, но тем большая будет жертва, что вы <из своего времени> выделите некоторую часть на восстановление и образование способов, чтобы просвещение тех, для <кого> училища из милосердия учреждены действительно к счастью; и в ожидании на сие благосклонного отзыва вашего я есьм навсегда с непременным и истинным почтеньем вашего высокородия» (см.: И. Ф. Павловский, ук. соч., стр. 5).

На должность генерального судьи Полтавской губернии, о которой упоминает здесь кн. А. Б. Куракин, Капнист был избран в январе 1802 года (см. формулярный список о его службе, хранящийся в ЦГИАЛ (ф. 733, 1816 г., оп. 86, ед. хр. № 437, лл. 26—27)).

142

Печатается по тексту, впервые опубликованному в вышеупомянутой статье И. Ф. Павловского «К биографии В. В. Капниста». Автограф письма в настоящее время утерян.

К письму приложено пространное «Начертание правил для заведения дворянского училища», составленное Капнистом.

143

Печатается по тексту, впервые опубликованному в вышеупомянутой статье И. Ф. Павловского «К биографии В. В. Капниста». Автограф письма в настоящее время утерян.

144

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23525). На первой странице письма адресатом отмечено: «Получено в Киеве октября 15 дня 1804 года».

Из настоящего письма видно, что Капнист посылал И. В. Леванде на отзыв свои переводы од Горация.

145

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96).

Д. П. Трощинский являлся в 1805 году статс-секретарем Александра I. Жалоба актрисы Пичини относится к периоду 1799—1801 годов, когда Капнист служил в Петербурге в дирекции императорских театров.

146

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (PI, оп. 12, ед. хр. 16).

147

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей).

«Танкреда». Имеется в виду трагедия Вольтера, переведенная Н. И. Гнедичем.

Но, бога ради, не бросайте Гомера. Имеется в виду перевод гомеровской «Илиады», над которым тогда работал Н. И. Гнедич.

Грустно мне будет узнать, что вы отвергли мой совет. Капнист советовал переводить «Илиаду» размером, свойственным русским народным песням, Гнедич отверг его совет (см. письмо Капниста гр. С. С. Уварову о эксаметрах и примечания к нему, помещенные в настоящем томе).

наш русский Тасс. Имеется в виду К. Н. Батюшков, напечатавший в 1808 году отрывки перевода первой песни поэмы Тасса «Освобожденный Иерусалим».

Еще прошу вас осведомиться у Константина Матвеевича Бороздина, что делается с моими сочинениями. К. М. Бороздин — ученый археолог, был женат на сестре жены Капниста, Анне Алексеевне Дьяковой. Капнист поручал ему проследить за напечатанием своего сборника «Лирические сочинения», выпуск в свет которого затянулся на несколько лет.

Владислав Александрович — В. А. Озеров.

148

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 339, № 1, лл. 224, 225).

В этом письме Капнист вторично благодарил президента Общества любителей наук, словесности и художеств Д. И. Языкова за избрание его почетным членом его Общества (см. письмо Капниста к Языкову от 4 октября 1808 года).

в «Клориде». Эта пьеса Капниста имела большой успех у публики (см. первый том настоящего издания).

149

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 122, № 101). Письмо не датировано, время написания его устанавливается ориентировочно по бумаге, имеющей водяной знак 1808 года.

Кн. И. Е. Хилков, уланский офицер, был женат на дочери Д. П. Трощинского, Надежде Дмитриевне; как театрал-любитель ставил вместе с Капнистом спектакли на сцене домашнего театра в имении Трощинского Кибинцах. Пьеса Капниста, о которой говорится в настоящем письме, не сохранилась. Она была подготовлена ко дню рождения Д. П. Трощинского, который отмечался ежегодно в Кибинцах 26 октября.

Андрей Андреевича. Имеется в виду А. А. Трощинский, племянник Д. П. Трощинского.

150

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23474).

Датируется 1809 годом предположительно, поскольку в домашних спектаклях у Трощинского в Кибинцах дети В. В. Капниста могли участвовать совместно с князем Хилковым в 1808—1809 годах.

перевод мой сочинения Шиллерова «К радости». Этот перевод не сохранился.

«Брегадира». Имеется в виду «Бригадир» Д. И. Фонвизина.

Князь — Жилков И. Е.

«Трумфа». «Трумф» — пародийная комедия И. А. Крылова «Подщипа».

Вас‹илий› Аф‹анасьевич› — В. А. Гоголь-Яновский.

151

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей).

152

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей). Впервые опубликовано в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1895 год» (СПб., 1908, приложения, стр. 29—31).

Николай Николаевич — Новосильцов, статс-секретарь Александра I, впоследствии председатель Государственного совета.

Владислав Александрович — Озеров; его трагедия «Поликсена» была в первый раз представлена на театре 14 мая 1809 года.

Ирод. «Ирод и Мариамна» — трагедия Г. Р. Державина, была в первый раз представлена на театре 23 ноября 1808 года.

153

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей).

Алексей Николаевич. Речь идет об Оленине, директоре имп. Публичной библиотеки, президенте Академии художеств; А. Н. Оленин находился в большой дружбе с Капнистом (см. послание Капниста к нему в первом томе настоящего издания).

Дмитрия Марковича. Имеется в виду Д. М. Полторацкий, родственник жены Капниста.

Анну Петровну. Капнист пишет о дочери сенатора П. Ф. Квашнина-Самарина; у нее часто собирались литераторы державинского круга.

154

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей). Впервые опубликовано в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1895 год» (Спб., 1908, приложения, стр. 31—33).

Гиневра. Речь идет о трагедии Капниста (см. примечание к «Гиневре» в первом томе настоящего издания).

155

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 211, шифр: 3619. П. 1/4).

В письме говорится о трагедии Капниста «Гиневра».

Александру Львовичу. Речь идет об А. Л. Нарышкине.

Елизаветы Марковны. Имеется в виду Е. М. Полторацкая, жена А. Н. Оленина.

156

Печатается по тексту, впервые опубликованному в книге «Российская библиография» (1881, № 90 (14), стр. 306).

157

Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей). Письмо не датировано, время написания его опреде-

ляется ориентировочно на основании других писем Капниста к Н. И. Гнедичу, в которых он пишет о печатавшемся в те годы сборнике его «Лирических стихотворений».

158

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ГПБ (архив Державина, письма Капниста Державину). Адресат письма в отпуске не указан. На основании первой фразы «Любезный брат», стоящей в начале письма, мы предполагаем, что оно относится к П. В. Капнисту, с которым В. В. Капнист постоянно переписывался по всем интересовавшим их вопросам.

159

Печатается по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96). Впервые опубликовано в статье «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста, в сборнике «Слово о полку Игореве» под редакцией члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (М.—Л., 1950). К отпуску письма приложена записка, из которой выясняется фамилия адресата: «Губернский киевский почтмейстер коллежский советник Осип Савич Бажанов». Письмо датировано 25 апреля, без указания года. Здесь год нами определяется на основании ряда других документов (см. примечания к переводу «Слова о полку Игореве» во втором томе настоящего издания).

160

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96). Дата письма в отпуске не указана. Здесь время написания письма определяется на основании идентичного по содержанию письма Капниста к неизвестному от 16 августа 1810 года с просьбою оказать помощь переводчику «Илиады» Н. И. Гнедичу.

161

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96). Дата письма в отпуске не указана. Здесь она определяется на основании других писем Капниста, идентичных по своему содержанию с данным письмом (см. примечания к предыдущему и последующему письмам).

162

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96). Письмо датировано. На второй половине листа этого письма имеется отпуск письма к В. С. Томаре с такой же просьбой оказать помощь переводчику «Илиады» Н. И. Гнедичу.

163

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96). Дата письма в отпуске не указана. Здесь она определяется на основании содержания письма. В начале письма сказано: «Наконец по истечении года получил я ответ твой». Здесь Капнист имеет в виду свое письмо к А. Н. Оленину от 15 декабря 1809 года, при котором он посылал последнему рукспись своей трагедии «Гиневра». Оленин, как это видно из настоящего письма, сообщил свой отзыв о трагедии «Гиневра» только через год, т. е. в начале 1810 года.

Анне Петровне. Очевидно, речь идет об А. П. Квашниной-Самариной, с которой А. Н. Оленин и Капнист находились в дружеских отношениях.

164

Печатается по тексту, впервые опубликованному Б. И. Копланом в брошюре «Из литературных изысканий конца XVIII—начала XIX в. А. М. Бакунин и В. В. Капнист» (Тверь, 1928).

Варвару Александровну. Имеется в виду жена А. М. Бакунина, рожд. Муравьева.

Перевод: дружка.

165

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 19, ед. хр. 35, архив К. Н. Батюшкова). Дата письма в автографе не указана. Здесь она определяется на основании содержания письма. Капнист предлагает в этом письме Батюшкову в качестве размена сборник своих «Лирических сочинений», вышедший после долгой задержки из печати в конце 1810 года.

сочинения покойного Михайла Никитича. Имеются в виду сочинения М. Н. Муравьева «Обитатель предместья» и «Эмильевы письма», изданные в 1810 году в 2-х частях в Москве. Писатель М. Н. Муравьев являлся учителем и воспитателем К. Н. Батюшкова.

166

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23526). Адресат письма в автографе не указан. Перевод стихов, упоминаемый в письме, является надписью к памятнику Петру I, который был открыт в Полтаве 27 июня 1811 года (см. выше примечание к стихотворению ‹Надпись к памятнику Петра I в Полтаве›).

167

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96).

168

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 103). Дата письма указана на отдельном листе.

Дмитрию Прокофьевичу. Имеется в виду Д. П. Трощинский.

в Беседе. Имеется в виду Беседа любителей русского слова, на одном из заседаний которой А. С. Шишков читал свое рассуждение.

Оно назначило меня, занимающего его место. В начале 1812 года Капнист был избран кандидатом губернского маршала дворянства Полтавской губернии. Во время отсутствия губернского маршала Д. П. Трощинского Капнист заменял его.

169

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96). Края бумаги, на которой написан отпуск, истлели и местами оборвались вместе с текстом письма.

Письмо В. А. Озерова, на которое отвечает здесь Капнист, не сохранилось.

Анна Петровна и Прасковья Михайловна. По-видимому, имеются в виду А. П. Квашнина-Самарина и П. М. Бакунина.

«Дмитрий Донской» — трагедия В. А. Озерова.

графа Строганова. Капнист написал оду на смерть гр. Строганова (публикуется в первом томе настоящего издания).

без моей просьбы государь... велел определить по части министра просвещения. Капнист был определен без жалованья в Министерство народного просвещения в марте 1812 года, однако никакой работы он не выполнял по этому Министерству.

граф Алексей Кириллович. Имеется в виду гр. А. К. Разумовский, который являлся в то время министром народного просвещения.

170

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96).

171

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 733, оп. 86, ед. хр. 334, л. 6). Капнист был причислен к Министерству просвещения указом Правительствующему Сенату от 24 марта 1812 года. В указе сказано: «Находящегося не у дел статского советника Капниста повелеваем причислить к Министерству просвещения». Министр народного просвещения гр. А. К. Разумовский, получив копию названного указа, известил о нем малороссийского генерал-губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовского.

172

Печатается по тексту, впервые опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. VI, СПб., 1871, стр. 236—238).

Ссора, о которой говорится в этом письме, относится к 1804 году. Разрыв между Капнистом и Державиным продолжался около восьми лет. Причина разрыва до сих пор не выяснена. Я. К. Грот предполагал, что разрыв между поэтами произошел из-за фрейлины Анны Петровны Квашниной-Самариной. «...по некоторым данным и слухам можно однако ж заключать, — писал он, — что виною ‹разрыва› была упоминаемая в обозначенных двух письмах особа, привлекшая, как кажется, в одно время сердце того и другого» (Г. Р. Державин, Сочинения, т. VI, стр. 237).

Имеются и другие предположения о причинах разрыва между поэтами. Ю. Г. Оксман полагает, что этот разрыв произошел из-за политических разногласий (см.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. I, М., 1931, стр. 409).

Препровождаю вам бумаги, относящиеся до вашей екатеринославской деревни. Речь идет о деревне Гавриловка, находившейся в Екатеринославском наместничестве.

173

Печатается по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 9, л. 17 об.). Отпуск письма написан на последнем листе рукописи поэмы «Видение плачущего над Москвою россиянина» (первоначальное название: «Плач россиянина над Москвою»). В письме имеется в виду названная поэма. Фамилию адресата письма не удалось установить.

174

Печатается по тексту, впервые опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. VI, стр. 256—258).

ответ Сашеньки. Имеется в виду письмо А. А. Капнист к Д. А. Державиной от 8 марта 1813 года. В письме она писала: «Страх от французов

и ополчение и проч. всех вообще, а моего Васеньку особенно так озаботил, что не имели почти часа свободного на дружескую переписку. Притом почта надолго и совершенно перервалась с Петербургом. Наконец, письмо любезного Г‹аврила› Р‹омановича› от 20 января мы получили, притом и его сочинение, т. е. Прогнание французов из отечества, на которое надо дать время, чтобы прочесть, а я только что получила» (Г. Р. Державин, Сочинения, т. VI, стр. 256, 257).

великая княгиня. Имеется в виду вел. кн. Екатерина Павловна.

Дмитрий Прокофиевич — Д. П. Трощинский.

Кубок воина. Капнист так называет стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», которое еще до напечатания его было известно в рукописной копии Д. П. Трощинскому. «Кубок воина», — по-видимому, первоначальное название этого стихотворения.

175

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III. 23392).

лироэпическая неоконченнная пасхалия. Имеется в виду «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества» Г. Р. Державина, напечатанный в «Чтениях в Беседе любителей российской словесности» (1813, № 10, стр. 3—29).

прекрасное г-на Жуковского сочинение. По-видимому, «Певец во стане русских воинов», напечатанный впервые в «Вестнике Европы» (1812, декабрь); очевидно, Капнист послал сыну первое отдельное издание, вышедшее в конце января 1813 г.

печатальная наша машина. Речь идет о переписчике сочинений Капниста; такие переписчики у него имелись в Петербурге (см. письмо № 179).

Жан Батиста. Жан Батист Руссо.

Ода его. Имеется в виду ода первая, книга третья «Графу Дюлюку» (Au ie comte du Luc).

Перевод: подобно старому пастуху.

176

Печатается по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 103). Впервые опубликовано Б. И. Капланом в его вступительной статье к сборнику «В. В. Капнист. Избранные сочинения» (М., 1941, стр. XIII).

177

Печатается по тексту, опубликованному М. И. Сухомлиновым в кн.: История Российской академии, вып. 7, Спб., 1885, стр. 55, 56.

Прасковиею Николаевною. Речь идет о дочери Н. А. Львова.

г. Нартова. Капнист был избран в члены Российской Академии 20 марта 1785 года при кн. Е. Р. Дашковой (первом президенте Российской Академии). При А. А. Нартове он не бывал в Академии; при А. С. Шишкове был не более трех-четырех раз. 25 июля 1814 года он представил Академии сборник своих «Лирических сочинений»; на заседании 8 августа 1814 года он принял на себя обязательство сделать выбор слов для академического словаря русского языка из «Слова о полку Игореве» и из «Русской правды» (см.: М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 55—57).

178

Печатается по тексту, впервые опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. VI, стр. 269, 270).

Не поверите, какую пустоту поселили вы в Обуховке. Державин с женой посетили Обуховку в августе 1813 года, провели там всего лишь несколько дней, с 13 по 15 августа.

Гог и Магог. Так называет Капнист малороссийского генерал-губернатора Я. И. Лобанова-Ростовского, отличавшегося большим высокомерием.

избавиться от Игемона. Имеется в виду Я. И. Лобанов-Ростовский, на которого Д. П. Трощинский подавал жалобу за превышение власти.

179

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III. 23477).

Датируется предположительно в связи с упоминанием о переписке поэмы «Картон», которую Капнист в конце 1813 года послал Державину для прочтения в Беседе любителей российского слова; о том, что он эту поэму получил, Державин сообщает Капнисту в письме от 30 декабря 1813 года (Г. Р. Державин, Сочинения, т. VI, стр. 314, 315).

прекрасную твою оду. Возможно, что имеется в виду стихотворение С. В. Капниста «Наяда Псела к Наяде Волхова», посланное В. В. Капнистом вместе с поэмой «Картон».

Дмитрий Прокофьевич — Д. П. Трощинский.

Степана Ивановича. По-видимому, речь идет о переписчике сочинений Капниста.

180

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Державина, письма Капниста Державину). Написано в виде приписки на письме А. А. Капнист к Д. А. Державиной от 4 октября 1813 года.

181

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Державина, письма Капниста Державину).

182

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 98). Отпуск письма не датирован. Время написания письма здесь устанавливается на основании сообщения о нем Державина в письме к Капнисту от 30 декабря 1813 года (см.: Г. Р. Державин, Сочинения, т. VI, стр. 278).

труды ваши ‹о слоге› русского слова. Капнист сообщает о получении им брошюры С. С. Уварова «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (СПб., 1813).

Мнение мое об оном сообщаю вам в прилагаемом письме. Речь идет о письме первом Капниста к С. С. Уварову об эксаметрах, которое затем было напечатано в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17).

183

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Державина, письма Капниста Державину).

В письме речь идет о детях Капниста — Семене и Владимире.

184

Печатается по тексту, опубликованному Я. К. Гротом в «Сочинениях» Державина (т. VI, стр. 287).

185

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (Собрание П. Л. Ваксемя, № 1920).

Г. И. Вилламову. Г. И. Вилламов — статс-секретарь императрицы Марии Федоровны.

186

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов русских писателей). Дата написания в автографе не указана. Здесь устанавливается она на основании письма Капниста к А. А. Капнист от 8 мая 1814 года, в котором он сообщает о состоявшемся чтении у актрисы Е. С. Семеновой своей трагедии «Антигоны».

Владислава Александровича. Имеется в виду В. А. Озеров.

187

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23359).

почтенный благодетель наш. Имеется в виду Д. П. Трощинский.

188

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 123, оп. 3, № 55).

189

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ГПБ (архив Державина, письма Капниста Державину).

Письмо писано Державину в имение Званку Новгородской губернии.

190

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в ГПБ (собрание П. Л. Ваксемя, № 1920).

191

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в ГПБ (собрание П. Л. Ваксемя, № 1921).

192

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, 98).

граф Алексей Кириллович. Имеется в виду министр народного просвещения А. К. Разумовский. Капнист указом от 24 марта был причислен к Министерству просвещения, но никакой работы в Министерстве не выполнял.

193

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.8869).

Алексею Федоровичу. Имеется в виду А. Ф. Данилевский, предводитель дворянства Полтавской губернии с 1815 по 1818 год.

Дмитрию Прокофиевичу. Речь идет о Д. П. Трощинском, имение которого находилось в селе Кибинцы Миргородского уезда Полтавской губернии, в 11 километрах от Миргорода.

Катенька. Вероятно, речь идет об Екатерине Ивановне Ходаревской, сестре М. И. Гоголь.

Марии Ивановне. Мария Ивановна — жена Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского, мать писателя Н. В. Гоголя.

194

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.8870).

сделать опись всем делам. Неясно, о какой описи дел идет речь.

195

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III. 23398).

Дмитрию Прокофьевичу. Имеется в виду Д. П. Трощинский.

стихи мои. По-видимому, речь идет о стихотворении «Русским воинам», напечатанном в «Сыне отечества» (1815, ч. 23, № 31) с датой: 1815 года, июня 11 дня.

где он от эксаметров отказывается. По-видимому, Капнист как отказ от гексаметра толкует следующее высказывание Тредиаковского во второй редакции «Способа к сложению российских стихов» (1752), где говорится о «стихе гексаметре дактило-хореическом»: «Сей стих есть подражание греческому и римскому. Наш язык и к нему сроден, а искусные люди находят, что и ему можно дать место между нашими стихами, и еще лучше любуются им, нежели нашими обыкновенными хореическими и ямбическими. Без сомнения, привыкшие к движению латинских любоваться им имеют; но все прочие и не столько и не так для того, что в нем и ход устремителен и нет рифмы. Как то ни есть, только я его здесь для охотников предлагаю» (Тредиаковский, Сочинения, т. 1, СПб., 1849, стр. 138, 139).

ответ мой Уварову готов. Имеется в виду статья Капниста «Письмо о эксаметрах» (второе).

Дария Алексеевна — Д. А. Державина.

Паше. Паша — Прасковья Николаевна Львова.

в ответе Уварова. Имеется в виду статья С. С. Уварова «Ответ В. В. Капнисту на письмо его об эксаметре», напечатанная в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1815, № 17).

Прасковье Михайловне. Речь идет о П. М. Бакуниной.

Петру Андреевичу. Имеется в виду П. А. Нилов.

Варваре Петровне. Варвара Петровна — В. П. Пукалова.

196

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23472).

Датируется 1815 годом предположительно на том основании, что в письме упоминается стихотворение В. В. Капниста «Русским воинам», напечатанное в 1815 году.

Илинька и Алеша пошли на войну. В 1815 году предполагалось в связи с возвращением Наполеона во Францию возобновление военных действий.

Надежды Ивановны. Речь идет об одной из племянниц В. В. Капниста.

Московский Сенат. Судебный (VI) департамент Сената находился в Москве.

Дмитрий Прокофиевич — Д. П. Трощинский.

обер-прокурора. Обер-прокурором был И. И. Дмитриев.

Александра ‹*А*›*наньевна* — дочь А. В. Капниста.

на Илью к брату. Речь идет о П. В. Капнисте.

Ответ Уварову готов. См. примечание к письму № 195.

от Олина получил письмом книжку. По-видимому, имеется в виду перевод Олина «Сражение при Лоре, песнь 1-я из Оссиана» (СПб., 1813).

Якову Васильевичу. Имеется в виду Я. В. Толмачев.

Мих‹аилу› Мих‹айловичу›. Речь идет о М. М. Бакунине.

197

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23514).

Прасковья Михайловна Нилова (рожд. Бакунина), сестра А. М. Бакунина, тетка известного анархиста Михаила Бакунина.

О бедном моем Владимире... сердце мое раздирается. Владимир Васильевич (1794—1817) — сын Капниста, служил в то время в Петербурге в лейб-гвардии гусарском полку. В Петербурге он заболел, в тяжелом состоянии в конце декабря 1816 года был привезен братом своим Семеном в Обуховку, где и скончался 21 января 1817 года. Об обстоятельствах его смерти см. воспоминания С. В. Скалон в кн.: «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов» (т. I, Общая редакция Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова, М., 1931, стр. 335—337).

г-ну Перецу. Неизвестно, о каком Перецe идет речь.

для раздела имения между сиротами племянницами моими. Племянницы Капниста — Вера и Надежда Ивановны Верещагины — жили в Екатеринославской губернии (см.: С. В. Скалон, ук. соч., стр. 306, 337).

Нилочкой. Капнист пишет о Нилове Петре Васильевиче, муже Прасковьи Михайловны Ниловой.

Варваре Ивановне, Михаилу Михайловичу кланяюсь. Имеются в виду Бакунины.

198

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23405).

Варваре Петровне. Речь идет о В. П. Пукаловой.

не отдай «Старика, ожидающего весну» в печать. Впервые это стихотворение напечатано в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1821, ч. 19).

Ивану Антоновичу. Имеется в виду И. А. Пукалов.

199

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23515).

О П. М. Ниловой см. примечание к предыдущему письму.

Валанушке. Речь идет о Владимире Васильевиче, сыне Капниста (см. о нем примечание к письму № 197).

200

Печатается впервые, по атографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23411).

Горести нашей описать не можно. Имеется в виду смерть Г. Р. Державина, скончавшегося 8 июля 1816 года.

вторую мать вашу. Капнист пишет о Д. А. Державиной.

Тимофей Львович — Т. Л. Григоровский.

Иван Антонович — И. А. Пукалов.

Варваре Петровне. Имеется в виду В. И. Пукалова.

Сашеньки. Сашенька — племянница Капниста.

сочинений моих. Речь идет о «Лирических сочинениях Василия Капниста» (СПб., 1806).

Прилагаемые стишки напечатай в «Сыне Отечества». По-видимому, речь идет о стихотворении «Горсть земли на могилу благотворителя», посвященном Державину и напечатанном впервые не в «Сыне Отечества», а отдельной брошюрой (цензурное разрешение 14 октября 1816 года).

201

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. II, № 206, л. 3). Написано в конце письма А. А. Капнист к Д. А. Державиной от 22 августа 1816 года. Те же чувства горести, вызванные смертью Державина, отразились в оде Капниста «На смерть Державина» и в стихотворении «Горсть земли на могилу благотворителя» (см. первый том настоящего издания).

202

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206, л. 6).

203

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 208).

204

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23417).

мать твоя — А. А. Капнист.

сестры. Имеются в виду дочери Капниста Екатерина и София.

Петру Андреевичу. Имеется в виду П. А. Нилов.

Дмитрию Прокофьевичу. Речь идет о Д. П. Трощинском.

стихи мои. По-видимому, имеется в виду ода «На тленность», напечатанная впервые в «Сыне Отечества» (1817, ч. 35, № 4).

где напечатаны стихи «На тленность». Последнее незаконченное стихотворение Державина «На тленность» было напечатано в «Сыне отечества» (1816, ч. 31, № 30, стр. 176).

еще новую оду на смерть нашего друга и благодетеля. «Ода на смерть Державина» была напечатана в «Трудах Казанского общества любителей отечественной словесности» (1816, кн. I).

Дашенька — Д. А. Державина.

Паше. Речь идет о Прасковье Николаевне Львовой.

Якову Васильевичу. Речь идет о Я. В. Толмачеве.

205

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206, л. 8).

чтоб бедного Валанушку ко мне Сенюшка привез. Владимир и Семен — сыновья Капниста. О болезни Владимира и о доставлении его Семеном из Петербурга в Обуховку см. примечание к письму № 197.

206

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 97).

К кому адресовано письмо, установить не удалось.

207

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 208).

Валанушку. Речь идет о сыне Капниста Владимире, умершем в Обуховке 21 января 1817 года.

208

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.23494).

А особенно для меня лестна подчиненность вашему сиятельству. С марта 1812 года Капнист числился чиновником Министерства просвещения, хотя никаких поручений от Министерства не имел.

никогда не истребится из признательной памяти моей ваше... ибо мне предстательство. Не удалось раскрыть, о каком «предстательстве» здесь идет речь.

и хотя с 1782 года, с присвоением крепостного права. Очевидно, здесь описка, по смыслу письма речь идет об указе Екатерины II от 3 мая 1783 года, по которому крестьяне Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств были объявлены крепостными людьми тех помещиков, на чьих землях застал их новый закон.

209

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23419).

Дашенька. Имеется в виду Д. А. Державина.

перевод «Одиссеи» Битобеев или Жинов. Имеется в виду перевод «Одиссеи» (1785) Е. И. Битобе; Пьер-Луи Жин перевел только «Илиаду» (1784).

княгине. По-видимому, речь идет о кн. В. А. Репниной.

Степан Иванович. Имеется в виду переписчик стихов Капниста.

210

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96).

Каченовский Михаил Трофимович, профессор, член Общества любителей российской словесности при Московском университете. В письме Капнист благодарит за избрание его почетным членом этого Общества.

211

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96).

В «Трудах», издаваемых Обществом любителей российской словесности, Капнист напечатал ряд своих сочинений. Кроме того, в «Трудах» этого Общества было напечатано несколько писем Капниста к председателю Общества А. А. Прокоповичу-Антонскому (книги 20, 22 (ч. 2), 23 (ч. 3), 24 (ч. 4), 26 (ч 6)).

Общество поместило в своих «Трудах» отклики на смерть Капниста: стихотворение Аркадия Родзянко «На смерть В. В. Капниста» (кн. 25, ч. 5) и стихотворение С. В. Капниста «Сын на могиле отца» (кн. 27, ч. 7).

212

Печатается по тексту, опубликованному И. Ф. Павловским в кн.: Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 1, Полтава, 1905, стр. 137, 138.

Кн. Н. Г. Репнин был назначен 22 июля 1816 года на должность военного губернатора Малороссии и управляющего гражданской частью Полтавской и Черниговской губерний. На этой должности он пробыл 18 лет (см. о его деятельности на Украине обстоятельный очерк И. Ф. Павловского «Полтава в XIX столетии», (вып. 2, Киев, 1906)).

Ее сиятельство, которой целую руку. Имеется в виду Варвара Алексеевна (рожд. Разумовская), дочь гр. А. К. Разумовского, жена Н. Г. Репнина.

Василенка. Неизвестно, о каком Василенко идет речь.

213

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 208).

214

Печатается по тексту, опубликованному И. Ф. Павловским в кн.: Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 1, Полтава, 1905 стр. 136.

215

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 208).

Целую руки милой Катеньки, графа обнимаю. Имеются в виду Екатерина Алексеевна, сестра А. А. Капнист, и ее муж, граф Я. Ф. Стейнбок.

216

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 208).

Александр из чужих краев севодни нечаянно возвратился. Кто разумеется под именем Александр, неизвестно.

217

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 733, оп. 86, ед. хр. 334, л. 7).

В автографе письма ошибочно имя и отчество кн. Голицына переставлено местами: Николай Александрович. Голицына звали Александр Николаевич.

Указ о причислении Капниста к Министерству просвещения был дан 24 марта 1812 года.

218

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 733, оп. 86, ед. хр. 334, л. 8).

Александром Ивановичем Тургеневым. А. И. Тургенев исполнял в указанное в письме время должность управляющего Департаментом народного просвещения. Через А. И. Тургенева Капнист посылал А. Н. Голицыну предыдущее свое письмо от 22 декабря 1817 года с просьбой об отчислении его из состава чиновников Министерства просвещения.

На этот раз просьба Капниста об отставке была удовлетворена. По докладу кн. А. Н. Голицына Александр I подписал 19 февраля 1818 года указ, в котором было сказано: «Служащего по Департаменту народного

просвещения статского советника Василия Капниста, по прошению его, всемилостивейше увольняем от службы» (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 86, ед. хр. 334, л. 9).

219

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.23504).

Она есть искреннее уважение к превосходному стихотворческому дарованию вашему. Капнист весьма одобрительно отозвался в письме к Г. Р. Державину от 10 марта 1813 года о стихотворении В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Еще не зная тогда, кому принадлежит это стихотворение, Капнист писал: «Я подозревал, что оно Батюшкова. Ежели не его, то радуюсь появлению нового, честь нашей словесности делающего поэта».

будут иметь участь тилемахидовских. Имеется в виду «Тилемахида или странствование Тилемаха сына „Одиссеева"» В. К. Тредиаковского, изданная в 1766 году в 2-х частях.

Людмила. Речь идет о балладе Жуковского.

220

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206). Написано в виде приписки в конце письма А. А. Капнист к Д. А. Державиной от 16 июня 1818 года.

221

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. князей Репниных, № 1035, оп. I, ед. хр. 206).

княгини Варвары Алексеевны. Имеется в виду жена кн. Н. Г. Репнина, рожд. Разумовская.

Чувствительнейше благодарю вас за подорожные сыну моему и племяннику. Речь идет об отъезжавших в Петербург Алексее Васильевиче и Илье Петровиче Капнистах.

граф Алексей Кириллович. Имеется в виду гр. А. К. Разумовский, тесть Н. Г. Репнина.

222

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206. л. 24). Написано в виде приписки в конце письма А. А. Капнист к Д. А. Державиной от 20 июля 1818 года.

Иленьку и Алешу. Речь идет об Илье Петровиче и Алексее Васильевиче Капнистах.

223

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23424).

Наталиею Кирилловною. Имеется в виду Н. А. Загряжская.

Николае Николаевиче. Речь идет о Н. Н. Новосильцеве.

княгиню Софию Григорьевну. По-видимому, имеется в виду кн. С. Г. Волконская.

князь. Речь идет о кн. Н. Г. Репнине.

журнал его. «Журнал древней и новой словесности», издаваемый В. Олиным, начал выходить в 1818 году (цензурное разрешение первого номера — 3 июля 1818 года).

Пришли мне книгу, которая вышла. Ко времени написания этого письма вышел только первый номер журнала Олина.

новое сочинение мое. По-видимому, имеется в виду стихотворение «На смерть друга».

Тимофее Львовиче. Имеется в виду Т. Л. Григоровский.

Дмитрию Прокофьевичу. Речь идет о Д. П. Трощинском.

Параша — П. Н. Львова.

Алексеем Николаевичем и Елисаветою Марковною. Имеются в виду Оленины.

неприятное новое дело Дашеньки. Речь идет о волнениях крестьян в имении Д. А. Державиной.

Петра Андреевича. Имеется в виду П. А. Нилов.

Над‹ежды› Ивановны. Надежда Ивановна — одна из племянниц В. В. Капниста.

Степана Ивановича. Имеется в виду один из переписчиков произведений Капниста.

224

Печатается по автографу, хранящемуся в БУАН (архив А. М. Лазаревского, сборник I. 57344—57477, л. 160). Впервые опубликовано А. М. Лазаревским в кн.: Частная переписка И. Р. Мартоса. Киев, 1898, стр. 28, 29.

сыне. Имеется в виду Иван Васильевич Капнист (см. о нем в письме к кн. Н. Г. Репнину от 2 октября 1818 года).

Андрей Андреевич. Очевидно, имеется в виду А. А. Трощинский, племянник Д. П. Трощинского.

225

Печатается по тексту, опубликованному И. Ф. Павловским в кн.: Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 1, Полтава, 1905, стр. 138, 139. Автограф нами не найден.

журнал г-на Олина. Олин Валериан Николаевич, писатель; в 1818—1819 годах издавал «Журнал древней и новой словесности», в котором Капнист помещал свои стихи.

ее сиятельство сказала мне, что 12 ноября последует открытие нашего Института. Открытие в Полтаве Института для благородных девиц, о котором здесь пишет Капнист, состоялось 12 декабря 1818 года. Капнист посвятил этому событию стихотворение «Хоры, петые при открытии в Полтаве Института для благородных девиц» (см. первый том настоящего издания).

226

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23427).

Надежды Ивановны. Имеется в виду племянница Капниста.

Алексей Николаевич — А. Н. Оленин.

Наталии Кирилловны. Речь идет о Н. К. Загряжской.

О песне Игоря и моих замечаниях. Имется в виду перевод «Слова о полку Игореве», сделанный Капнистом, и его примечаниях к этому переводу.

«Одиссею» Лебрюнова перевода. Перевод «Одиссеи» Э. Лебрена был опубликован в 1809 г.

Иван Матвеевич — И. М. Муравьев-Апостол.

Степану Ивановичу. Имеется в виду переписчик стихов Капниста.

227

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 96).

Антон Антонович Прокопович-Антонский являлся председателем Общества любителей российской словесности при Московском университете.

228

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23431).

Дарею Алексеевною. Имеется в виду Д. А. Державина.

Пашеньку. Пашенька — П. Н. Львова.

Константина Матвеевича. Речь идет о К. М. Бороздине.

к Дмитрию Прокофьевичу. Имеется в виду Д. П. Трощинский.

Ивана Матвеевича. Капнист пишет об И. М. Муравьеве-Апостол.

хоры моего сочинения. Речь идет о стихотворении «Хоры, петые при открытии в Полтаве Института для благородных девиц».

к которому это описание прислано будет. Стихотворение «Хоры» было помещено в «Сыне отечества» (1819, ч. 55, № 30).

Зачем и до сих пор не напечатал он моих пиес «Различность дарований» и «Приближение грозы». Первое из названных стихотворений напечатано в «Сыне отечества» (1818, ч. 50, № 51), второе — там же (1819, ч. 53, № 16).

Бога не боится Олин, что напечатал отрывок трагедии Гаврила Романовича. Отрывок из V явления первого действия трагедии Державина «Атабалибо» напечатан был в «Журнале древней и новой словесности» (1818, № 8).

Наталии Кирилловны. Имеется в виду Н. А. Загряжская.

Филиппу Филипповичу. Неустановленное лицо.

Степану Ивановичу. Речь идет о переписчике сочинений Капниста.

Мих‹аил› Михайлович — М. М. Бакунин.

Купите мне «Аргонавтиду» Аполлония Ридийского в переводе французском или немецком. Французский перевод «Аргонавтиды» Коссена вышел в 1802 году, немецкий — только в 1830-х годах.

о присылке батюшкиного монумента. Вероятно, имеется в виду надмогильный памятник Алексею Афанасьевичу Дьякову, похороненному в Обуховке.

Купи мне Страбона, французской перевод или немецкой. К этому времени был закончен первый полный перевод на французский язык (1805—1819) «Географии» Страбона.

Ивану Матвеевичу. Имеется в виду И. М. Муравьев-Апостол.

229

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23436).

измайловский Капнист. В лейб-гвардии Измайловском полку служил А. В. Капнист.

Наталию Кирилловну. Речь идет о Н. К. Загряжской.

Посылаю тебе мой опыт о приведении в первобытный порядок песней «Одиссеи». Речь идет об отдельном издании (вместе с французским переводом) работы Капниста «О восстановлении первых шести песней „Одиссеи“ в первобытный их порядок», осуществленном Капнистом в 1819 году.

князь Александру Николаевичу. Речь идет о кн. А. Н. Голицыне.

«Опыты в стихотворстве Семена Капниста». С. В. Капнист не издавал свои стихи отдельным сборником.

Степане Ивановиче. Имеется в виду переписчик сочинений Капниста.

во французских, в Петербурге издаваемых ведомостях. «*Conservateur impartiale*» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 1813 года.

Алексею Николаевичу. Речь идет об А. Н. Оленине.

Ивану Матвеевичу. Имеется в виду И. М. Муравьев-Апостол.

Варваре Ивановне. Неустановленное лицо.

Михаилу Михайловичу. Капнист пишет о М. М. Бакунине.

«Приближение грозы» отдай г-ну Гречу. См. примечание к письму № 228.

230

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23437).

Сашеньки. Сашенька — А. А. Капнист.

Николая Васильевича. Речь идет о Н. В. Капнисте.

Еще повторяю о исправлении французского перевода «Опыта». См. примечание к письму № 229.

опытом моим о гипербореянах. Статья В. В. Капниста «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении» была напечатана в 1815 году.

231

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 208).

Возвращаю тебе... одного гвардейца нашего. Капнист имеет в виду своего сына Алексея, который служил в то время в лейб-гвардии Измайловском полку подпрапорщиком.

Илинька — племянник Капниста, И. П. Капнист.

232

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (архив Д. И. Хвостова, ф. 322, № 67, стр. 65, 66).

Гимн на благотворение. «Гимн» был напечатан под названием «Гимн благотворению» в «Журнале древней и новой словесности» (1819, ч. 5).

233

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23505).

Пукалов Иван Антонович — обер-секретарь Синода. Капнист впервые познакомился с ним весной 1814 года (см. об этом письмо его к А. А. Капнист от 8 мая 1814 года). Жене Пукалова, Варваре Петровне, Капнист посвятил стихотворение «Послание к прекрасной».

Между тем перепраляю Одиссею. Капнист имеет в виду свою статью «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях», над которой он в то время работал.

Да так и быть, я решился отвечать им новою на себя самого эпиграммою. Речь идет об автоэпиграмме «Чего Улисс не претерпел», помещенной Капнистом в конце статьи «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях».

234

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23527).

Кому было адресовано письмо, выяснить не удалось.

прошу положить последню руку на ‹альбом› мой. Исследование Капниста «О восстановлении первых шести песней „Одиссеи“ в первобытный их порядок» первоначально было напечатано в журнале «Сын отечества» (1817, ч. 41, № 40). В письме Капнист пишет о подготовке им к печати в виде отдельной книги названного исследования с французским переводом, которое было издано в конце 1819 года.

Не позабудьте привезть книг, относящихся к объяснению путешествий Улисса. Капнист в это время работал над статьей «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях» (см. об этом предыдущее письмо к И. А. Пукалову от 27 марта 1819 года).

235

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. князей Репниных, № 1035, оп. I, ед. хр. 206).

графа Алексея Кирилловича. Имеется в виду гр. А. К. Разумовский, тесть кн. Н. Г. Репнина.

Еще и о другой несчастной должен напомнить вам. Неизвестно, о ком здесь идет речь.

236

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23439).

остался на родине один молодой Капнист. Возможно, имеется в виду сын Е. В. Полетика.

Наталии Кирилловне. Речь идет о Н. К. Загряжской.

чтобы служить антидотом веселой Горациевой. Имеется в виду горацианское стихотворение Капниста «К Пирре».

моего исправления порядка песен «Одиссеи». Речь идет о статье В. В. Капниста «О восстановлении первых шести песней „Одиссеи“ в первобытный их порядок».

граф Виктор Павлович — В. П. Кочубей.

монументы. См. примечание к письму № 228.

237

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206, л. 26). Написано в виде приписки в конце письма А. А. Капнист к Д. А. Державиной от 30 апреля 1819 года.

238

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23440).

напечатанием моего сочинения о Гомере. Имеется в виду статья В. В. Капниста «О восстановлении первых шести песней „Одиссеи“ в первобытный их порядок», напечатанная отдельно в 1819 году.

графу Алексею Кирилловичу. Речь идет о гр. А. К. Разумовском.

Напечатаются ли они в «Сыне Отечества»? Стихотворение «На смерть Василия Степановича Томары» было напечатано в «Сыне отечества» (1819, ч. 53, № 19).

Напечатано ли там мое «Приближение грозы»? «Приближение грозы» напечатано в «Сыне отечества» (1819, ч. 53, № 16).

Я готовлю еще новое, о путешествиях Улисса. Статья В. В. Капниста «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях» была напечатана в «Сыне отечества» (1819, ч. 56, № 38, стр. 193—213).

Дарья Алексеевна — Д. А. Державина.

Степан Иванович — переписчик сочинений Капниста.

Монумент нам привезли. См. примечание к письму № 228.

Алексея Николаевича... и Елиз‹авете› Марковне. Имеются в виду Оленины.

239

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23441).

Асександру Ивановичу. По-видимому, имеется в виду А. И. Тургенев.

моим сочинением о гипербореанах. Речь идет о статье В. В. Капниста «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении».

хор. Имеется в виду стихотворение В. В. Капниста «Хоры, петые при открытии в Полтаве Института благородных девиц».

великий князь. Речь идет о вел. кн. Николае Павловиче.

сестру Дашеньку. Имеется в виду Д. А. Державина.

Степану Ивановичу. Говорится о переписчике сочинений Капниста.

240

Печатается по тексту письма, опубликованного в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1820, ч. 20, стр. 10, 11).

препровождаемых при сем сочинений моих. К письму Капнист приложил сборник своих «Лирических сочинений» и стихотворение «Обуховка» (см. Труды Общества любителей российской словесности..., 1820, ч. 20, стр. 180).

241

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (архив Д. И. Хвостова, ф. 322, № 67, стр. 112—114).

Чувствительнейше благодарю... за благосклонное ходатайство о сыне моем. Капнист в письме к Д. И. Хвостову от 27 марта 1819 года просил последнего ходатайствовать перед кн. Горчаковым об устройстве его младшего сына Алексея Васильевича на службу в военный корпус, находившийся на Украине.

За доставленный мне новый перевод Песни о полку Игореве покорнейше благодарю. Имеется в виду перевод Я. О. Пожарского «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний» (СПб., 1819).

242

Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206, лл. 27, 28).

243

Печатается по тексту, опубликованному Д. Н. Бантыш-Каменским в «Словаре достопамятных людей русской земли» (ч. 2, СПб., 1847, стр. 82—84). Автограф письма не сохранился.

Нынешнею осенью был я в Тавриде. Тавридой Капнист называет Крым, который он посетил вместе с Д. А. Державиной в октябре 1819 года (см. его письмо к Д. А. Державиной от 19 ноября 1819 года, в котором он сообщает о своем возвращении из Крыма в Обуховку).

Данное письмо послужило поводом для организации научной экспедиции в Крым. «Представление Капниста, доведенное князем Голицыным до высочайшего сведения, было уважено, — сообщает Д. Н. Бантыш-Каменский, — академик Келлер и архитектор Паскаль отправлены в Крым в 1821 году для принятия надлежащих мер к предохранению тамошних древностей от дальнейшего разрушения» (Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 2, СПб., 1847, стр. 84).

244

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23447).

Сергея Семеновича. Имеется в виду С. С. Уваров.

Лев Алексеевич — Л. А. Перовский.

Извещение твое об убийстве дюка де Бери. Герцог Беррийский, наследник французского престола, был убит 13 февраля 1820 года Лувелем.

245

Печатается по тексту, опубликованному в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1820, ч. 20, стр. 188, 189).

Я имел удовольствие получить... 15-ю часть Трудов Общества, в которой помещена лестная похвала «Несчастному». В 15-й части «Трудов Общества любителей российской словесности» (1819) было напечатано стихотворение Капниста «К несчастному», здесь же была помещена статья А. Ф. Мерзлякова, посвященная разбору этого стихотворения.

«Зависты Пиита». Это стихотворение Капниста было напечатано в «Трудах Общества» (1820, ч. 18).

246

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23448).

графу Виктору Павловичу. Речь идет о гр. В. П. Кочубее.

кто и зачем перевел сочинение мое о путешествии Улисса в Черном море на греческий язык. О переводе на греческий язык этой статьи Капниста в Одессе упоминает В. Я. Ломиковский (см. примечание к письму № 272).

247

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 96, оп. 11, № 206, лл. 31, 32). Написана в виде примечания в конце письма к Д. А. Державиной от 16 октября 1820 года.

Не запела ли ты... свадебной песенки? В письме говорится о выходе замуж дочери Капниста Екатерины Васильевны за украинского помещика Александра Ивановича Полетику, пожилого вдовца.

248

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23463).

князя Александра Николаевича. Имеется в виду кн. А. Н. Голицын.

Сергея Семеновича. Речь идет о С. С. Уварове.

граф Виктор Павлович — В. П. Кочубей.

писано ли что-нибудь в чужеземных журналах о перемещении мною

5 песни «Одиссеи» в первую. Отзывы иностранных журналов об этой статье В. В. Капниста неизвестны.

Прасковья Михайловна — П. М. Нилова.

249

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 339, № 1, лл. 26—29). Настоящее письмо является ответом на письмо Д. Н. Бантыш-Каменского к Капнисту от 26 октября 1820 года, в котором он запрашивал сведения об отце поэта В. П. Капнисте для издаваемой им истории Малороссии.

Обществе университета. Имеется в виду Общество любителей российской словесности при Московском университете.

Недавно послал я Антону Антоновичу портрет мой. А. А. Прокопович-Антонский — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете. Портрет, о котором здесь говорится, не сохранился.

Анна Николаевна — сестра Д. Н. Бантыш-Каменского; Капнист сообщает об успешной ее работе в качестве воспитательницы в Полтавском институте благородных девиц.

250

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23458).

о посылке г-на Келлера в Тавриду. См. примечание к письму № 243.

князь А‹лександр› Н‹иколаевич› — А. Н. Голицын.

стихи его очень живописны. Имеется в виду стихотворение В. В. Капнисту. (П. Межаков. Стихотворения. СПб., 1828, стр. 141—146).

Сашеньке. По-видимому, речь идет о дочери Е. В. Полетика.

Катенька — Е. В. Полетика.

Дмитрию Прокофьевичу. Имеется в виду Д. П. Трощинский.

Ив‹ан› Матвеевич... Прасковьею Васильевною. Имеются в виду Муравьевы-Апостолы.

251

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23459).

Дмитрия Прокофьевича. Речь идет о Д. П. Трощинском.

дочь Ивана Матвеевича — Елизавета Ивановна Муравьева-Апостол.

получил ли ты ответ о мнимом переводе на греческий язык. См. примечание к письму № 248.

экспедиция академическая. См. примечание к письму № 243.

князю Александру Николаевичу. Речь идет о кн. А. Н. Голицыне.

и стихи. По-видимому, речь идет о стихотворении «Старик, ожидающий весны», впервые напечатанном в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1821, ч. 19).

252

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 211, шифр: 3619. П—1/3). На обратной стороне автографа неизвестной рукой помечено: «От Василия Васильевича Капниста и ответ Алексея Николаевича».

Данное письмо является ответом на письмо А. Н. Оленина к Капнисту от 26 мая 1821 года (хранится там же, ф. 211, шифр: 3621.9).

О запорожских дубах Семен сообщает вам неудачную нашу попытку. А. Н. Оленин в названном письме к Капнисту от 26 мая 1821 года про-

сил прислать ему сведения об устройстве однокряженных дубовых челнов, которыми пользовались в древности запорожцы.

Елисаветы Марковны. Имеется в виду жена Н. А. Оленина.

253

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 211, шифр: 3619.П—1/4). Письмо писано на клочке бумаги, не датировано. Здесь время написания письма устанавливается на основании его содержания. Письмо является вторым ответом на письмо А. Н. Оленина от 26 мая 1821 года. Капнист отвечает на приглашение Оленина приехать в гости, вспомнить за дружеской беседой старые «счастливые, очаровательные времена» их молодости, когда они подружились друг с другом.

254

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23464).

можно ли там поселить моих феакеан. Капнист предполагал, что феакийцы (феакеяне), упоминаемые в «Одиссее», жили на побережье Черного моря.

Мавра Григорьевна — жена Н. В. Капниста.

София Николаевна — дочь Н. В. Капниста.

255

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23466).

Сани. Саня — дочь В. В. Капниста, Софья Васильевна.

Дмитрию Прокофьевичу. Речь идет о Д. П. Трощинском.

Сашеньки и для Любеньки. Сашенька — дочь Е. В. Полетики, Любенька — Любовь Николаевна Капнист.

князем. По-видимому, речь идет о кн. Н. Г. Репнине.

позволено бывшим офицерам Семеновского полка возвращаться в оный. Такого официального приказа не было.

256

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23469).

и оду я отправил. Какое именно стихотворение С. В. Капниста имеется в виду, неизвестно.

Ежели государь будет в Севастополе. В 1822 году Александр I не ездил на юг России.

князя Петра Михайловича. Речь идет о кн. П. М. Волконском.

Князь. Имеется в виду кн. Н. Г. Репнин.

Адютант его — Илья Петрович Капнист.

Александра Ананьевна — племянница В. В. Капниста.

257

Печатается по тексту, опубликованному П. Бартеневым в журнале «Русский архив» (1892, кн. 8, стр. 486). Впервые было напечатано с небольшим сокращением и без даты в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1822, кн. 22, ч. 2, стр. 279, 280). В публикации Бартенева письмо ошибочно датировано 1826 годом. Здесь время написания письма устанавливается на основании отпуска письма, писанного 26 марта 1822 года (БУАН, шифр: III.23499).

оду на смерть Наполеона. «Ода на смерть Наполеона» была напечатана в «Трудах Общества» (1822, кн. 22, ч. 2, стр. 200—203).

Капнист приводит в письме стихи из своей оды «Ломоносов».

Прилагаю при сем перевод оды Горациевой к Мельпомене... и собственность мою «Пары». «К Мельпомене» было напечатано в «Трудах Общества» (1822, кн. 22, ч. 2, стр. 206, 207); стихотворение под названием «Пары» не было напечатано и рукопись его не сохранилась.

258

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 339, № 1, л. 30).

князь. Имеется в виду полтавский генерал-губернатор Н. Г. Репнин.

259

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.23496).

Алексей Алексеевич. Имеется в виду сын А. К. Разумовского. В письме идет речь о кончине А. К. Разумовского, происшедшей 4 апреля 1822 года. По завещанию А. К. Разумовского Капнист был включен в число его душеприказчиков (см. письмо к С. В. Капнисту от 24 апреля 1822 года).

260

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23369).

Датируем на том основании, что в письме упоминаются врачи Тишевский и Неталицкий, о приезде которых в Обуховку говорится в письме к С. В. Капнисту от 24 апреля 1822 года.

261

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в БУАН (шифр: III.23471).

Необдуманное письмо твое сделалося формальным доносом. Содержание этого письма неизвестно.

гр‹аф› Вик‹тор› П‹авлович› — В. П. Кочубей.

Маврою Григорьевною. Речь идет о М. Г. Капнист.

«На смерть Наполеона» поехало в Москву, а «Воззвание на помощь Греции» — в Петербург. Стихотворение «На смерть Наполеона» было напечатано в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1822, кн. 22, ч. 2), второе стихотворение при жизни Капниста напечатано не было.

262

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в ИРЛИ (ф. 122, № 99).

На это письмо Е. М. Багреева прислала следующий ответ:

«Милостивый государь Василий Васильевич! Слог вашего приятеля мне слишком знаком, дабы можно было мне сомневаться, что жилище его не в шумной столице. Вам препоручаю, как близкому его соседу, ему сказать, что вдохновенные им стихи нашли прямой путь к сердцу той, для которой они были написаны.

Вчерашний вечер считаю я из приятнейших, каких я когда-либо проводила, и воспоминание о нем родило бы во мне дух стихотворства, если бы слабые силы женщины позволили мне взойти

На ту высоку гору,
Где розы без шипов растут.

Примите же простою прозою мою благодарность и уверение в чувствах истинного почитания вам преданной Е. Багреевой.

Все наши присоединяются ко мне и просят вас засвидетельствовать вам и всем вашим искренное их почтение» (ИРЛИ, ф. 122, № 106).

263

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.23512). Дата письма в отпуске не указана. Здесь она определяется ориентировочно на основании письма Капниста к И. М. Муравьеву-Апостолу от 2 декабря 1822 года. В настоящем письме речь идет об отказе Капниста исполнять должность губернского маршала дворянства Полтавской губернии. В 1812 году Капнист был избран кандидатом губернского маршала дворянства Полтавской губернии, затем в 1817 году он был избран маршалом. В конце 1822 года, как это видно из названного письма к И. М. Муравьеву-Апостолу, Капнист из-за болезни уже не мог управлять делами губернского маршала.

Закревский. Неизвестно, какой Закревский здесь упоминается.

264

Печатается впервые, по отпуску письма, хранящегося в БУАН (шифр: III.23056).

265

Печатается по автографу, хранящемуся в БУАН (архив А. М. Лазаревского, сборник I.57344—57477, лл. 161—163). Впервые опубликовано С. М. Лазаревским в книге «Частная переписка И. Р. Мартоса» (Киев, 1898, стр. 28, 29).

ефрейтору. Имеется в виду младший сын поэта Алексей Васильевич.

наши архиологи не критикуют... меня за дерзость, заставляющую премудрого Одиссея мореплавствовать около Крыма. Капнист имеет в виду свою статью «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях», напечатанную в журнале «Сын отечества» (1819, ч. 56, № 38).

266

Печатается по тексту, впервые опубликованному в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1823, кн. 23, ч. 3, стр. 337—339).

Оду на убийство, Пиита-Лебедя, Славолюбие и Закат солнца. «Ода на убийство» была напечатана в «Трудах Общества» (1823, кн. 23, ч. 3, стр. 185—189); «Пиит-Лебедь», «Славолюбие» и «Закат солнца» были напечатаны также в «Трудах Общества» за 1824 год (кн. 24, ч. 4, стр. 233—238).

267

Печатается по автографу, хранящемуся в БУАН (архив А. М. Лазаревского, сборник I.57344—57477, лл. 164, 165). Впервые опубликовано А. М. Лазаревским в книге «Частная переписка И. Р. Мартоса» (Киев, 1898, стр. 28, 29).

напомнили обо мне забывшему, может быть, старому приятелю моему. Имеется в виду поэт И. И. Дмитриев (см. об этом письмо Капниста к И. Р. Мартосу от 7 января 1823 года).

268

Печатается по тексту, впервые опубликованному в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1824, кн. 24, ч. 4, стр. 294—296).

посланные мною стихотворения оказались носящими отпечаток дряхлости. Неизвестно, о каких стихотворениях здесь идет речь. Можно предположить, что имеются в виду те стихотворения, которые были напечатаны вместе с данным письмом в 24 книге «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете» (см. примечание к письму № 267).

Но предложение о изыскании, которое из славянских наречий должно признано быть древнейшим. Такой статьи Капниста, о которой говорится здесь, не сохранилось. Краткий замысел статьи о древнем происхождении русского языка изложен Капнистом в короткой записке без даты и указания адресата. Записка, по-видимому, была послана к старшему сыну Семену Васильевичу. Капнист сообщает в ней о споре, который произошел у него по этому вопросу с неизвестным нам Друвилем.

«У нас с Друвилем был жаркий спор, — пишет он. — Я утверждал, что наш славянорусский язык был один из древнейших, а он утверждал, что он очень нов, ибо письмена у него введены из греческого в VIII столетии. Я утверждал, что язык может существовать и не у письменных. Он почти рассердился. А я назавтра послал ему в стихах епистолию и рассуждение в прозе. Он обещал возразить, но замолчал.

Прочитай это. Кажется, можно об этом предмете обстоятельно написать рассуждение. Оно будет, кажется, любопытно и ‹для› чужеземных ученых» (БУАН, шифр: III.23531).

269

Печатается по автографу, хранящемуся в БУАН (архив А. М. Лазаревского, сборник I.57344—57477, л. 166). Впервые опубликовано А. М. Лазаревским в книге «Частная переписка И. Р. Мартоса» (Киев, 1898, стр. 28, 29).

знакомцу. Имеется в виду поэт И. И. Дмитриев. Через И. Р. Мартоса Капнист пытался возобновить связи с И. И. Дмитриевым (см. письмо Капниста к И. Р. Мартосу от 7 января 1823 года).

любите ефрейтора моего. Капнист говорит здесь о своем младшем сыне Алексее.

270

Печатается по тексту, впервые опубликованному в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (1824, кн. 24, ч. 4, стр. 297—300).

господину Калайдовичу, изыскания о первоначальнейшем славянском диалекте. Речь идет о докладе К. Ф. Калайдовича «Ответ на замечания В. В. Капниста о древности языка русского», прочитанном на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете 22 февраля 1823 г. (см.: Труды Общества. . ., 1823, кн. 23, ч. 3, стр. 275, 281).

о перемещении пятой песни Одиссеи в первую. Капнист имеет в виду свою работу «О восстановлении первых шести песней „Одиссеи“ в первобытный их порядок».

271

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 274, оп. 3, № 49).

Ломиковский Василий Яковлевич — один из ближайших соседей Капниста, живший в хуторе Парк Трудолюбия около Миргорода; родился

15 января 1777 года, умер около 1848 года. В. Я. Ломиковский известен как собиратель и исследователь материалов по истории Украины. Им был написан «Словарь малорусской старины, напечатанный в „Киевской старине“» (1894, кн. 7). Большое историческое значение имеет труд Ломиковского «Запись малороссийских дум», выполненный в 1803—1805 годах (см.: И. Житецкий. Мысли о народных малорусских думах. Киев, 1893, стр. 178, 179). Ломиковским был создан ряд других работ (см. о нем статью Ал. Ельницкого в «Русском биографическом словаре», том «Лабзина—Ляшенко» (СПб., 1914, стр. 591, 592)).

Ломиковским написан следующий некролог В. В. Капниста:

«Миргород. Ноября 7 дня 1823 года.

Двадцать осьмого числа прошедшего октября месяца, ко всеобщему сожалению, скончался на 67 году жизни своей известный лирик, статский советник Василий Васильевич Капнист. 1-го числа сего ноября месяца тело предано земле в селе Обуховках. Бывши членом Академии наук и других учебных обществ, он употребление жизни своей преимущественно склонял на пользу отечества. Способности же разума своего он всемерно направлял к общему благу.

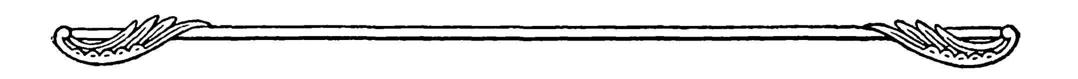
Лирические творения его будут свидетельствовать потомству о благородстве духа его.

Достойно внимания, что он, вопреки общему мнению ученых, переставил первые песни в Гомеровской „Одиссее“; передвинул из Средиземного в Черное море Сциллу и Харибду. Единственное мнение сие издано было в свет в журнале „Сын отечества“, упомянуто о сем в „Вестнике Европы“, провозглашено на греческом языке в Одесском журнале, и, наконец, сочинитель сообщил оное на французском языке дюку Ришелье для доставления Парижской Академии. Хотя отличное мнение сие до сих пор еще никем не подкреплено, однако ж и не опровергнуто; но тем не менее догадки сии, им открытыя, доказывают смелость разума и глубокую проницательность сочинителя» (ИРЛИ, шифр: 2699.XIV6.52).

Примечание к письмам В. В. Капниста на французском языке

При воспроизведении писем В. В. Капниста на французском языке устранен разнобой в области орфографии. В оригинале одно и то же слово встречается подчас в различных вариантах; имеются ошибки в написании отдельных слов, наконец, есть явные описки. В силу дефектности отдельных листов рукописи и нечеткости почерка точное — по буквам — прочтение некоторых слов является затруднительным. В особенности это относится к надстрочным знакам, плохо видным на старинных листках. Сохранять подобную пестроту и вариантность в орфографии, которая лишь затрудняла бы понимание, представлялось нецелесообразным, поэтому написание сведено к современной норме. Для слов, написанных Капнистом в ряде случаев слитно (например, quelabonté, sesontrévoltés), принято обычное раздельное написание.

Вместе с тем все особенности языка писем, главным образом синтаксического порядка, сохранены. Таково, например, употребление в некоторых случаях изъявительного наклонения вместо сослагательного (il faut que je pars, il faut que tu viens), противоречащий норме выбор вспомогательного глагола (que tu ne t'aies accoutumée), que ce que, встречающееся подчас вместо qu'est — ce que, ошибки в согласовании (lui et sa famille m'a accueilli, la lettre que j'ai écrit) и др.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ К НАСТОЯЩЕМУ ТОМУ

БУАН — Государственная Публичная библиотека Украинской ССР при Академии наук УССР в Киеве.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Письма

Приложения

Примечания

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАПНИСТ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ II

*

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *Г. А. Альбова*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Г. М. Гельфер, Э. М. Коваленко*
и *Ф. Я. Петрова*

*

Сдано в набор 4/X 1960 г. Подписано к печати 2/I 1961 г. РИСО АН СССР № 9—9В. Формат бумаги $60 \times 92^1/_{16}$. Бум. л. $19^3/_4$. Печ. л. $39^1/_2 = 39^1/_2$ усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 48.49 +1 вкл. (0.03). Изд. № 1227. Тип. зак. № 868. Тираж 4500.
Цена с 1/I 1961 г. 3 р. 10 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12